

**«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
ПАРИЖ, 1920–1940
ИЗ АРХИВА РЕДАКЦИИ**

Новое
Литературное
Обозрение

Новое
Литературное
Обозрение

*«Современные записки»
(Париж, 1920–1940)
Из архива редакции*

Под редакцией
Олега Коростелева и Манфреда Шрубы

Том 3

Москва
Новое литературное обозрение
2013

УДК [070.4:325.2](091)"1920/1940"
ББК 76.023(4Фра=Рус)61
С56

*Verwirklicht mit Unterstützung
der Deutschen Forschungsgemeinschaft
Выполнено при поддержке Немецкого фонда
фундаментальных исследований*

С 56 «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции /
Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – М.: Новое
литературное обозрение, 2013. – Т. 3. – 1016 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0041-6

В настоящем издании публикуется основная часть сохранившейся редакционной переписки «Современных записок», важнейшего литературно-общественного журнала русской эмиграции первой волны. В числе корреспондентов журнала, представленных в третьем томе, – В.В. Вейдле, Б.П. Вышеславцев, Г.И. Газданов, С.И. Гессен, З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский, О.О. Грузенберг, Дон-Аминадо, Б.К. Зайцев, В.М. Зензинов, В.В. Зеньковский, Л.Ф. Зуров, М.Д. Иванников, В.И. Иванов.

УДК [070.4:325.2](091)"1920/1940"
ББК 76.023(4Фра=Рус)61

© О. Коростелев, М. Шруба, составление, 2013
© Вступ. статьи, комментарии к письмам. Авторы, 2013
© ООО «Новое литературное обозрение». Оформление, 2013

Условные сокращения

Периодика

- НЖ – «Новый журнал» (Нью-Йорк, 1942–).
НРС – «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910–).
ПН – «Последние новости» (Париж, 1920–1940).
РЗ – «Русские записки» (Париж, 1937–1939).
РМ – «Русская мысль» (Париж, 1947–).
СЗ – «Современные записки» (Париж, 1920–1940).

Архивы

- Архив РАН, Москва – Архив Российской Академии наук, Москва.
Архив РАН, Петербург – Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербург.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва.
ГЛИМ – Государственный литературный музей, Отдел рукописных фондов, Москва.
Дом-музей Цветаевой – Дом-музей Марины Цветаевой, Москва.
ДРЗ – Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына, Москва.
ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.
ОРЭУ – Отдел рукописей Эдинбургского университета (Edinburgh University Archives).
РАИ – Римский архив Вячеслава Иванова (Archivio Ivanov, Roma).
РАЛ – Русский архив в Лидсе (Leeds Russian Archive).
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.
РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.
РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург.
РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.
РФК – Российский фонд культуры, Москва.
Amherst Center – Amherst Center for Russian Culture, Amherst College, Amherst, Massachusetts.
Archiv MZV ČR – Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky, Praha.
Bakhmeteff Archive – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, New York.
Bancroft Library – Bancroft Library, University of California, Berkeley.
BDIC – Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine, Nanterre.
Beinecke Library – Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, New Haven, Connecticut.
HA FSO – Historisches Archiv der Forschungsstelle Osteuropa, Bremen.

Hoover Institution – Hoover Institution Archives, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, Palo Alto, California.

LA PNP – Literární archiv Památníku národního písemnictví, Praha.

Library of Congress – Library of Congress, Manuscript Division, Washington D.C.

Lilly Library – Lilly Library, Indiana University, Bloomington, Indiana.

Masarykův ústav – Masarykův ústav a archiv Akademie věd České republiky, Praha.

NYPL – New York Public Library, New York.

Princeton Library – Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections, Princeton, New Jersey.

UB Heidelberg – Universitätsbibliothek Heidelberg, Abteilung «Handschriften und Alte Drucke».

UIUC. Pregel/Rudnev – University of Illinois at Urbana-Champaign Archives. Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection.

ULB Halle – Universitäts- und Landesbibliothek Halle an der Saale, Sondersammlungen.

Литература

Абызов. Газета «Сегодня». Ч. 1–2 – *Абызов Ю.* Газета «Сегодня» 1919–1940: Роспись. Рига, 2001. Ч. 1: 1919–1930; Ч. 2: 1931–1940.

Абызов. Русское печатное слово в Латвии. Ч. 1–4 – *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии 1917–1944: Биобиблиографический справочник. Stanford, 1990–1991. Ч. 1–4 (Stanford Slavic Studies; Vol. 3:1–3:4).

Алексеев. Литература русского зарубежья – *Алексеев А.Д.* Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии / Отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993.

Бахметев – Маклаков. Переписка. Т. 1–3 – «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка: В 3 т. / Общ. ред., вступ. ст., коммент. О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001–2002.

Вишняк 1954 – *Вишняк М.В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

Вишняк 1957 – *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957.

Вишняк 1970 – *Вишняк М.В.* Годы эмиграции. 1919–1969. Париж – Нью-Йорк: (Воспоминания). Stanford, 1970.

Вишняк 1993 – *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. 2-е изд. / Вступ. ст. Л. Аллена. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Вокруг редакционного архива СЗ – Вокруг редакционного архива «Современных записок»: Сборник статей и материалов / Под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Гузевич. Российская эмиграция – *Гузевич Д., Макаренко Е.*, при участии *Гузевич И.* Российская эмиграция во Франции в 1940-е // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2007. [Вып.] 8. С. 341–655.

Гуль. Я унес Россию – *Гуль Р.Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Пре-диск. и разверн. ук. имен О. Коростелева. М., 2001.

Золотая книга эмиграции – Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / [Под общ. ред. В.В. Шелохаева]. М., 1997.

Издательства и издательские организации – Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: Энциклопедический справочник / Сост. П.Н. Базанов. СПб., 2005.

Краткий биографический словарь – *Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю.* Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Изд. 3-е, доп. Париж; М., 1996. С. 263–417.

Литературное зарубежье России – Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник / Под общей ред. Е.П. Чельшова и А.Я. Дегтярева. М., 2006.

ЛЭРЗ. 1997. Писатели – Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940. Писатели русского зарубежья. М., 1997.

ЛЭРЗ. 2000. Периодика – Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940. Периодика и литературные центры. М., 2000.

ЛЭРЗ. 2002. Книги – Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940. Книги. М., 2002.

Международный сводный каталог. Т. 1 – Т. 4 – Международный сводный каталог русской книги (1918–1926) / Рос. нац. б-ка. СПб., 2002–2012–.

Незабытые могилы. Т. 1 – Т. 6. Кн. 1–3 – Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: В 6 т. / РГБ; Сост. В.Н. Чуваков; Под ред. Е.В. Макаревич. – М., 1999–2007.

Нивьер. Священнослужители – *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник = *Nivière A.* Les membres du clergé, théologiens et responsables laïcs de l'Église orthodoxe dans l'émigration russe en Europe Occidentale et Centrale. 1920–1955: Répertoire prosopographique. М.; Париж, 2007.

Политические деятели 1917 – Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Глав. ред. П.В. Волобуев. М., 1993.

Политические партии России – Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996.

Распространение русской печати – *Залевский В., Голлербах Е.* Распространение русской печати в мире: 1918–1939 гг.: Справочник. СПб., 1998.

Ред. – Внутриведомственная переписка (наст. изд., т. 1).

Российское зарубежье во Франции. Т. 1–3 – Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008–2010.

Русская печать в Риге. Кн. 1–5 – Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов / [Ред.:] Ю. Абызов, Б. Равдин, Л. Флейшман. Stanford, 1997. Кн. 1–5 (Stanford Slavic Studies; Vol. 13–17).

Русские писатели 1800–1917. Т. 1–5 – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г; М., 1992. Т. 2. Г–К; М., 1994. Т. 3. К–М; М., 1999. Т. 4. М–П; М., 2007. Т. 5. П–С.

Сводный каталог периодических изданий – Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы. (1917–1996 гг.) / Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. М., 1999.

Серков. Русское масонство – *Серков А.И.* Русское масонство: 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.

Словарь поэтов – Словарь поэтов русского зарубежья / Под общ. ред. В. Крейда. СПб., 1999.

Сухарев. Материалы. Кн. 1–2 – *Сухарев Ю.Н.* Материалы к истории русского научного зарубежья. М., 2002. Кн. 1–2.

Тартаковский. Т. 1–4. [№ записи] – Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книжных, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. / Научн. ред. А.Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О.В. Будницкий. – М., 2003–2006.

Устами Буниных. Т. 1–3 – Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt/Main, 1977–1982.

Фостер. Библиография. Т. 1–2 – Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968 / Сост. Л.А. Фостер = Bibliography of Russian Emigre Literature 1918–1968 / Compiled by L.A. Foster. Boston, 1970. Vol. 1–2.

Хроника. Болгария – Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940) / Сост. Галина Петкова // Русские в Болгарии 1877–2007 гг. Пловдив, 2010. С. 221–314 (То же: http://rusmir.cl.bas.bg/ruskie_v_bg/hronika.pdf).

Хроника. Германия – Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Hrsg. von K. Schlögel [u.a.]. Berlin, 1999.

Хроника. Франция. Т. 1–4 – Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / Под общей ред. Л.А. Мнухина. М., 1995. Т. 1. 1920–1929; М., 1996. Т. 2. 1930–1934; М., 1996. Т. 3. 1935–1940; М., 1997. Т. 4. Указатели.

Хроника. Чехословакия. Т. 1–2 – Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике / Под общей ред. Л. Белошевой. Прага, 2000. Т. 1. 1919–1929; Прага, 2001. Т. 2. 1930–1939.

Ossorguine-Bakounine. Catalogue – L'émigration russe en Europe. Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855–1940 / Établi par T. Ossorguine-Bakounine. Deuxième éd., revue et complétée. Paris, 1990.

Práce ruské emigrace – Práce ruské, ukrajinské a beloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945 (Bibliografie s biografickými údaji o autorech) = Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах). Praha, 1996. Díl I, svazek 1–3.

*«Не думайте, что я забыл
“Современные записки”»:
В.В. Вейдле*

Публикация, вступительная статья и примечания
О.А. Коростелева

Сотрудничество Владимира Васильевича Вейдле в СЗ не было особенно тесным. Ведущим критиком журнала он так и не стал, как, впрочем, не стал и ни один из его коллег, даже П.М. Бицилли, опубликовавший в СЗ больше критических работ, чем кто-либо (за исключением самих редакторов). Причина этого как раз и крылась в редакторах, не пожелавших привлечь к ведению журнала еще и критика (хотя бы в качестве консультанта, как это было сделано с поэзией и прозой). На роль ведущего критика журнала Фондаминский выдвигал Гиппиус, потом Адамовича, Степун предлагал Бема, но в конце концов литературно-критический отдел журнала так и остался неперсонифицированным, без явного лидера. Вероятно, редакторы сочли, что если по части беллетристики они не могут считать себя достаточно компетентными и нуждаются в консультантах, то в критике они понимают толк настолько, что справятся и сами. В результате никто из критиков, которыми было так богато русское зарубежье, не стал для журнала настолько своим, чтобы его имя прочно связывалось в первую очередь с СЗ, и ни один критик не имел большего влияния, чем другие, на литературную политику журнала. Критический отдел журнала до конца оставался аморфным, не имея отчетливо выраженной литературной позиции и даже ни в коей мере не претендуя на таковую. Набор критических статей и рецензий в каждом номере никогда не получал зримого идеологического заострения и не претендовал на то, чтобы определять литературную политику, представляя собой в первую очередь общую трибуну для лучших эмигрантских критиков и обозрение книжных новинок. Редакторов, похоже, такое положение дел не просто устраивало, но они сознательно остановились на нем, перебрал и обдумав все прочие возможности и связанные с ними выгоды и неудобства. Зато в СЗ одинаково привечались самые разные критики, и ко всем отношение было достаточно равное.

Вейдле не слишком выделялся из этого общего фона, статьи ему, так же как и другим, заказывались редакцией заранее (а потом могли откладываться до следующего номера, если у журнала появлялась такая необходимость), рецензии сокращались, как и у прочих, чтобы можно было втиснуть побольше имен и названий в несколько страниц библиографического отдела. Фондаминский придавал этому особое значение и в письмах к соредакторам все время волновался, чтобы в каждом номере была необходимая «закраска»: «Дать библиографию полностью и обязательно *“закрасить”* ее, т.е. поместить в начале по одной рецензии Алданова, Степуна, Зайцева, м.б., Гиппиус и Осоргина» (28 января 1925 г.; Ред., п. 33); «В библиографическом отделе я обязательно старался бы достать *закраску*. [...] необходимо 15–20 стр., к[о]т[о]р[ы]е у нас остаются на библиографический отдел, наполнить *первоклассным* материалом, а не случайным» (24 декабря 1926 г.; Ред., п. 123); «Продолжает беспокоить меня библиографический отдел — если мы не добудем *закраски*, он будет мертвым» (8 февраля 1927 г.; Ред., п. 130). Приоритет в «закраске» отдавался скорее беллетристам, подвизавшимся в критических жанрах (Алданову, Зайцеву, Осоргину и др.), чем присяжным критикам. По-видимому, Фондаминский считал, что имена видных писателей больше украсят журнал и привлекут читателя, и в этом был свой резон.

К тому времени, как Вейдле начал сотрудничать с СЗ, он уже завоевал репутацию одного из ведущих критиков зарубежья (причем не только литературного, но и художественного, даже в первую очередь). Как и Г.В. Адамович, свою карьеру эмигрантского критика он сделал в парижском «Звене», где публиковал статьи и заметки из номера в номер на протяжении пяти лет. В течение всего этого времени он был наравне с Адамовичем одним из главных перьев «Звена», на которых делалась главная ставка (и это при том, что «Звено» на недостаток критиков никак не могло пожаловаться). Столь тесная и постоянная связка двух критиков не ускользнула от внимания публики. 5 августа 1926 г. Адамович писал М.Л. Кантору, обсуждая редакторские проблемы «Звена»: «Нельзя ли меня разлучить с Вейдле, потому что даже Злобин говорит: “Адамович, Вейдле... это уж знаешь наперед”, т.е. чтобы мы не были всегда рядом, а то ведь и такие мелочи приедаются и надоедают»¹. Кантор, по счастью, этому значения не придавал, «разлучение» не состоялось, и Вейдле продолжал публиковаться рядом с Адамовичем вплоть до прекращения «Звена» в 1928 году².

Практически одновременно оба критика начали сотрудничать и в СЗ: Адамович с января 1927 г. (№ 30), Вейдле с августа 1927 г. (№ 32). Трудно сказать, было ли это и для Вейдле, как для Адамовича, связано с превращением «Звена» из еженедельника в ежемесячник и необходимостью искать новые печатные площадки, однако первый период публикаций Вейдле в СЗ приходится на 1927–1928 гг. (№ 32–36). Ценность новоприобретенного критика для редакции СЗ была несомненна. Обсуждая возможных рецензентов очередной ремизовской книги, Руднев пишет Вишняку после 16 января 1928 г.: «С точки зрения *журнала* (а не Ремизова), думаю, Вейдле всегда интереснее других» (Ред., п. 163). Однако затем последовал перерыв, связанный с охлаждением Вейдле к журналу из-за откладывания статей и нежелания редакции идти на уступки.

Первая размолвка произошла из-за статьи Вейдле о Ходасевиче, которую редакция за недостатком места принялась откладывать. Ходасевич, как заинтересованное лицо, 8 декабря 1927 г. написал Вишняку ультиматум, в котором принялся ставить редакции свои условия: «О книге, подводящей итог моей “взрослой” поэтической работе, “Совр[еменным] запискам” было бы пристойно напечатать серьезную статью, которая и объективно *украсила* бы журнал. И я хотел бы, чтоб эта статья появилась в ближайшем №, а не летом и не через год [...] (кстати сказать — плод годичной работы, серьезной). Я напишу о Сологубе только в том случае, если это *не* помешает поместить в том же № и статью Вейдле» (наст. изд. Т. 2. С. 289). Ультиматум Ходасевича подействовал, статья была опубликована в феврале 1928 г.

Однако со следующей статьей Вейдле история повторилась, редакция вновь принялась ее откладывать. Услышав об этом, Вейдле сам написал Вишняку 12 мая 1928 г.: «Многоуважаемый Марк Вениаминович, только что узнал, что статью мою о Пастернаке решено отложить до следующего номера и спешу Вам сообщить, что это представляется мне очень и очень нежелательным [...] если редакция не отступит от своего решения, я, вероятно, решусь взять статью обратно и напечатать ее в другом месте» (п. 1). Доводы Вейдле не подействовали, статья была отложена. Более того, при составлении следующего номера Фондаминский в письме Вишняку от 25 августа 1928 г. подумывал, не пожертвовать ли статьей Вейдле еще раз: «Придется выкидывать статью —

¹ «Звено» (Париж, 1923–1928): Из редакционной переписки. Аннотированная роспись содержания / Под общ. ред. и с предисл. О.А. Коростелева. Сост. О.А. Коростелев, А.А. Коростелев. СПб.: Изд-во имени Н.И. Новикова, 2012. (в печати).

² Та же ситуация с аналогичными приоритетами сохранялась и в СЗ все годы существования журнала; см., к примеру, письмо Фондаминского Вишняку и Рудневу от 11 января 1932 г.: «Если Ад[амович] не согласится, надо просить Вейдле» (Ред., п. 327).

Вейдле или Бруцкуса [...] Я бы выкинул Вейдле – литературного материала у нас много» (Ред., п. 194). Эта операция осуществлена не была, статья о Пастернаке появилась в № 36 (сентябрь 1928 г.), однако Вейдле обиделся и долгое время не предлагал журналу свои новые работы.

Впрочем, сам же Фондаминский способствовал и возвращению Вейдле в журнал, единовластно приняв его статью «Об искусстве биографа». Своих соредакторов он лишь уведомил об этом решении, не поинтересовавшись их мнением. 17 августа 1930 г. он написал Вишняку и Рудневу: «Поступила статья Вейдле – небольшая и хорошая. Не посылаю, как беспорную» (Ред., п. 255). Статья появилась в № 45 (февраль 1931 г.), а уже 1 марта 1931 г. Фондаминский писал Вишняку: «Надо очень просить Вейдле написать о Ростовцеве (если вы не возражаете и если сообщите мне его имя и отчество, я ему напишу)» (Ред., п. 280). Судя по всему, Фондаминский получил адрес Вейдле и написал письмо (несохранившееся) со всем присущим ему обаянием и даром располагать к себе собеседника. С этого времени Вейдле стал постоянным автором СЗ.

Вишняку Фондаминский сообщает 20 мая 1931 г. «Если Вейдле хочет писать, надо ему предоставить тему» (Ред., п. 299). А еще несколько месяцев спустя, 12 сентября 1931 г., Фондаминский извещает Вишняка о том, что решил пожертвовать его статьей в пользу Вейдле: «Надо было спешно выбрасывать 35 стр. Вадим предложил выбросить себя (20 стр.) и Вейдле (13). Я предпочел отложить тебя (33 стр.). Думаю, что ты меня одобришь» (Ред., п. 309).

С № 45 (1931 г.) статьи и рецензии Вейдле появляются в журнале уже регулярно (лишь в трех номерах он не принял участия).

Члены редакции иногда позволяли себе роптать на излишнюю академичность и присущие порой Вейдле тяжеловесность и туманность слога. Так, Степун писал Рудневу 24 июля 1934 г.: «Вейдле я очень ценю, но он, конечно, чересчур сложен и академически эссеистичен, так что, конечно, его печатать надо с осторожностью» (Ред., п. 426). Руднев был с этим согласен, но привлечь новых авторов оказалось задачей неразрешимой, о чем он и сообщил Вишняку 16 сентября 1934 г.: «Только потерпев неудачу, пришлось обратиться все к тем же Бицилли, Вейдле и др., поднабоевшим уже порядком» (Ред., п. 433). Солидарен с ними был и Цетлин, написавший Вишняку 13 октября 1938 г.: «Вейдле (которого я вообще ценю и читаю всегда с интересом) на этот раз немного труден, даже для читателя, знающего предмет» (Ред., п. 537). Однако, несмотря на все подобные роптания, редакторы СЗ печатали статьи Вейдле постоянно и по возможности старались уступать его требованиям. По поводу одной из его просьб Цетлин писал Рудневу 29 января 1937 г.: «Думаю, что нет оснований отказывать Вейдле, близкому сотруднику журнала» (Ред., п. 497).

Сказались ли размолвки или непростой характер, но отношения у В.В. Вейдле с редакцией журнала сложились исключительно деловые. Публикуемые ниже письма, предельно короткие и сухие, возможно, и не лучшее тому доказательство, поскольку они написаны преимущественно по случайным поводам (адресаты жили в одном городе, часто встречались и гораздо больше общались устно, чем в эпистолярном жанре). До 1933 г. переписка идет с Фондаминским, Вишняком, Цетлиным, а начиная с 1934 г. почти исключительно с Рудневым (с Вишняком теперь уже только по поводу публикации в РЗ).

Коллегам-критикам, однако, статьи Вейдле вовсе не казались излишне академическими (хотя Адамович в письмах друзьям порой и подтрунивал над отдельными тяжеловесными оборотами его статей). 7 июня 1933 г. Бицилли писал Рудневу: «Небеллетристический отдел – серенький, за исключением статьи Вейдле, очень глубоко продуманной и тонкой» (Наст. изд. Т. 2. С. 751). А небеллетристический отдел этой

книги (№ 52) составляли статьи Алданова, Мережковского, Карташева, Брудкуса, Вишняка, Фондаминского и Ростовцева.

К концу тридцатых Вейдле поставлял журналу почти для каждого номера статью и две—три рецензии. За 13 лет сотрудничества он напечатал в СЗ в общей сложности 49 текстов, в том числе 17 больших статей. Ровно столько же статей, что и Адамович, но рецензий в два с лишним раза больше, хотя до Бицилли и далеко (тот опубликовал в СЗ 74 рецензии).

Параллельно Вейдле печатался в «Числах», «Встречах», «Новом граде», РЗ, «Круге», «Славии», в газетах, выпускал свои работы отдельными изданиями.

Как и другие критики, сотрудничавшие в журнале, Вейдле выступал не только в роли автора, но и в качестве литературного обозревателя новых номеров СЗ, опубликовав в общей сложности 11 рецензий на СЗ, 4 из них в «Звене» (на № 26, 28, 30, 33) и 7 рецензий в «Возрождении» (на № 35, 37, 39, 42, 43, 44, 46). Ходасевича, Адамовича и Пильского по количеству отзывов Вейдле, конечно, не обогнал, но откликнулся на СЗ в печати чаще, чем, например, Гиппиус или Георгий Иванов.

Возможно, Вейдле дал для СЗ меньше, чем мог бы, но такое уж место и роль ему были отведены редакцией. Так или иначе, несколько наиболее значимых его статей межвоенного периода, в том числе такие программные, как «Поэзия Ходасевича», «Стихи и проза Пастернака», «Три России», появились именно в СЗ.

Публикации В.В. Вейдле в СЗ

Русское барокко [О кн.: Барокко в России: Сб. ст. / Под ред. А.И. Некрасова. М.: Гос. Акад. худ. наук, 1926] // СЗ. 1927. № 32. С. 458—462.

[Рец. на кн.:] Кожин Н.А. Основы русской псевдоготики XVIII в. [Вып.] 1. с. Красное Рязанской губ. Л.: Academia, 1927 // СЗ. 1927. № 33. С. 532—533.

Поэзия Ходасевича // СЗ. 1928. № 34. С. 452—469.

[Рец. на кн.:] Grabar I.E. Die Freskomalerei der Dimitrij-Kathedrale in Wladimir. Berlin: Petropolis, 1926; Kondakov N.P. The Russian Icon. Oxford: Clarendon Press, 1927; Muratov P.P. Les icons russes. Paris: Editions de la Pléiade, 1928 // СЗ. 1928. № 35. С. 550—554. Подп.: В.В.

Стихи и проза Пастернака // СЗ. 1928. № 36. С. 459—470.

О французской литературе // СЗ. 1929. № 39. С. 491—502.

Об искусстве биографа // СЗ. 1931. № 45. С. 491—495.

[Рец. на кн.:] Ростовцев М.И. О Ближнем Востоке. Париж: Совр. записки, 1931 // СЗ. 1931. № 46. С. 510—511.

Монпарнасские мечтания // СЗ. 1931. № 47. С. 457—467.

[Рец. на кн.:] Берберова Н.Н. Последние и первые: Роман. Париж: Я. Поволоцкий и К°, 1931 // СЗ. 1931. № 47. С. 494—496.

[Рец. на кн.:] Алданов М.А. Бегство. Берлин: Слово, 1932 // СЗ. 1932. № 48. С. 472—475.

[Рец. на кн.:] Алданов М.А. Земли, люди. Берлин: Слово, 1932 // СЗ. 1932. № 50. С. 458—459.

[Рец. на кн.:] Хрестоматия по истории русской литературы / Сост. П.М. Бицилли. Париж: Родина и родная речь, 1932. Ч. 2: (XVIII-й век) // СЗ. 1932. № 50. С. 465—466.

[Рец. на кн.:] Берберова Н.Н. Повелительница. Берлин: Парабола, 1932 // СЗ. 1933. № 51. С. 461.

Борьба с историей // СЗ. 1933. № 52. С. 437—445.

[Рец. на кн.:] Seminarium Kondakovianum: Сб. ст. по археологии и византиноведению. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1932. Сб. 5 // СЗ. 1933. № 52. С. 469—470.

Чистая поэзия // СЗ. 1933. № 53. С. 310–323.

[Рец. на кн.:] Hackel A.A. Die Trinität in der Kunst: eine ikonographische Untersuchung. Berlin: Reuther & Reichard, 1931 // СЗ. 1933. № 53. С. 456–457.

[Рец. на ст.:] Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры // Годишник на Софийския Университет, Филологически факултет. 1933. Т. 29. Ч. 1 // СЗ. 1933. № 53. С. 457–459.

[Рец. на кн.:] Gorlin M.G. N. Gogol und E.T.A. Hoffman. Leipzig: Harrassowitz, 1933 // СЗ. 1934. № 54. С. 464.

[Рец. на кн.:] Seminarium Kondakovianum: Сб. ст. по археологии и византиноведению. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1933. Сб. 6 // СЗ. 1934. № 54. С. 475–476.

[Рец. на кн.:] Buxton D.R. Russian Mediaeval architecture: With an account of the Transcaucasian styles and their influence in the West. Cambridge: Univ. Press, 1934; Alpatov M., Brunov N. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg: Filser, 1932 // СЗ. 1934. № 55. С. 436–438.

[Рец. на кн.:] Wulf O. Die neurussische Kunst. Augsburg: Filser, 1932 // СЗ. 1934. № 56. С. 438–439.

Действующие лица // СЗ. 1935. № 57. С. 429–438.

[Рец. на кн.:] Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 2, 3, 7 // СЗ. 1935. № 57. С. 462–464.

Механизация бессознательного // СЗ. 1935. № 58. С. 461–469.

Границы Европы // СЗ. 1936. № 60. С. 304–318.

Мысли о Достоевском // СЗ. 1936. № 62. С. 401–408.

[Рец. на кн.:] Савицкий П.Н. Разрушающие свою родину: (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Берлин: Изд. евразийцев, [1936] // СЗ. 1936. № 62. С. 453–454.

Пушкин и Европа // СЗ. 1937. № 63. С. 220–231.

[Рец. на кн.:] Присманова А. Тень и тело: Стихи, 1929–1936. Париж: Объединение поэтов и писателей, 1937 // СЗ. 1937. № 63. С. 408–409.

[Рец. на кн.:] Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin: Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient. Paris: Les belles lettres, 1936 // СЗ. 1937. № 63. С. 416–417.

Мысли о «русской душе» // СЗ. 1937. № 64. С. 416–424.

[Рец. на кн.:] Ходасевич В.Ф. О Пушкине: Статьи. Берлин: Петрополис, 1937 // СЗ. 1937. № 64. С. 467–468.

Три России // СЗ. 1937. № 65. С. 304–322.

[Рец. на кн.:] Долин А. Мир и идеал: Философское основание науки о нравственности. Париж: J. Povolozky et C°, 1936 // СЗ. 1937. № 65. С. 443–444.

Россия и Запад // СЗ. 1938. № 67. С. 260–280.

[Рец. на кн.:] Дорн Н. [Катц А.] Киреевский: Опыт характеристики учения и личности. Париж: Б.и., 1938 // СЗ. 1938. № 67. С. 460–461.

[Рец. на кн.:] Hackel A.A. Das altrussische Heiligenbild, die Ikone. Nijmegen: Zentrale Druckerei, 1936 (Disquisitiones Carolinae; 10) // СЗ. 1938. № 67. С. 461–462.

[Рец. на кн.:] Реймерс Н.А. Дедукция понятия движения в применении к вопросу о подвижности земли: Критика основного пункта кантовской механики. Париж: Б.и., 1937; Зайцев К.И. Основы этики. Харбин: Б.и., 1937. Вып. 1; Закутин Л.Г. О чувстве и чувственности: Философский этюд. Париж: Космос, 1937; Lowtzky F. Soeren Kierkegaard: Das subjektive Erlebnis und die religiöse Offenbarung: Eine psychoanalytische Studie einer Fast-Selbstanalyse. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1935 // СЗ. 1938. № 67. С. 461–462. Подп.: В. В.

Еще о «русской душе» // СЗ. 1939. № 68. С. 434–441.

[Рец. на кн.:] Ладинский А.П. Пять чувств: Четвертая книга стихов. Париж: YMCA-Press, [1938] // СЗ. 1939. № 68. С. 470.

[Рец. на кн.:] Емельянов В.Н. Свидание Джима: Роман. Париж: Дом книги, 1938 // СЗ. 1939. № 68. С. 479.

[Рец. на кн.:] Worobiow N. M.K. Ciurlionis: Der litauische Maler und Musiker. Kaunas: Pribačis, 1938 // СЗ. 1939. № 68. С. 485.

Петербургские пророчества // СЗ. 1939. № 69. С. 345–355.

[Рец. на кн.:] Амари [Цетлин М.О.] Кровь на снегу: (Стихи о декабристах). Париж: Дом книги; Совр. записки, 1938 (Рус. поэты; Вып. 7) // СЗ. 1939. № 69. С. 382–383.

[Рец. на кн.:] Ходасевич В.Ф. Некрополь: Воспоминания. Брюссель: Петрополис, 1939 // СЗ. 1939. № 69. С. 393–394.

[Рец. на кн.:] Schubart W. Europa und die Seele des Ostens. Luzern: Vita Nova Verlag, 1938; Gorodetzky N. The humiliated Christ in modern Russian thought. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1938; Berdiaev N.A. Les sources et le sens du communisme russe. Paris: Gallimard, 1938 // СЗ. 1939. № 69. С. 394–396.

[Рец. на кн.:] Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: (Опыт персоналистической философии). Париж: YMCA-Press, [1939] // СЗ. 1940. № 70. С. 291–292.

1. Вейдле — Вишняку

Paris. 12 мая 1928 г.

Париж, 12 V 1928.

Многоуважаемый Марк Вениаминович, только что узнал, что статью мою о Пастернаке решено отложить до следующего номера и спешу Вам сообщить, что это представляется мне очень и очень нежелательным¹. Книга Пастернака появилась 3–4 месяца тому назад, на нее откликнулись всюду — в России и в эмиграции. Я только и делаю, что читаю статьи о Пастернаке. Будет несколько смешно, если «Совр[еменные] зап[иски]» спохватятся о нем еще через три месяца. И наоборот, нет момента более подходящего для появления моей статьи о нем (которая стремится в некотором роде «поставить его на место»), чем именно настоящий момент. Осенью она будет совершенно ни к селу, ни к городу, а сейчас она очень и к городу, и к селу. Мне лично печатать ее так не ко времени будет неприятно, что если редакция не отступит от своего решения, я, вероятно, решусь взять статью обратно и напечатать ее в другом месте, хотя бы и разрезав ее при этом на куски.

Но, дорогой Марк Вениаминович, в Вашем лице я и хочу просить редакцию от ее решения отказаться, твердо обещая в другой раз не причинять ей технических неудобств. Должен, впрочем, сказать, что корректурные исправления мои касаются на две трети ошибок наборщика и лишь на одну треть недостатков моего собственного текста; и не столь уж многочисленны они, чтобы требовалось чуть ли не все заново перебирать. Вдвойне надеюсь поэтому, что редакция примет моим просьбам и что особенно Вы, выслушав *литературные* мои доводы, не сможете с ними не согласиться. Заранее благодарю Вас за всякое к ним внимание.

Искренно преданный Вам

В. Вейдле

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 30) (см. илл. 2).

¹ Статья, однако, несмотря на все увещания Вейдле, была отложена и появилась лишь в следующем номере, четыре месяца спустя: *Вейдле В.В. Стихи и проза Пастернака // СЗ. 1928. № 36. С. 459–470.*

2. Фондаминский — Вейдле

Paris. 20 декабря 1928 г.

20 XII 1928. 1 rue Chernoviz, Paris XVI

Многоуважаемый г. Вейдле, простите, что обращаюсь так — не знаю Вашего имени и отчества. Сегодня видел Г.П. Федотова и просил его занести Вам книгу Преснякова¹. Если не занесет, зай-

дите к нему — он живет близко от Вас (79, rue Cardinal Lemoine). Рад услужить Вам.
Искренне преданный

И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Veidle papers. Box 1). Сохранился конверт; адрес получателя: «Monsieur Veidlé, 19, rue Cujas, Paris»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1, rue Chernoviz, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 21.XII.1928».

¹ По всей вероятности, одна из книг историка Александра Евгеньевича Преснякова (1870–1929); ближайшая по времени: *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1926. Эта книга в СЗ не рецензировалась, но позже в журнале Д.М. Одинец отзывался на другую его книгу, «Лекции по русской истории» (СЗ. 1938. № 67. С. 466–468).

3. Фондаминский — Вейдле

Paris. 21 сентября 1929 г.

21 IX 1929. 1 rue Chernoviz, Paris XVI

Многоуважаемый Владимир Васильевич,
простите, что я в свое время не сообщил Вам о получении Вашего письма и не успокоил Вас относительно Вашей статьи. Разумеется, Вы нас не «подвели»: самое трудное при выпуске книги уместить весь намеченный материал; а выпустить что-нибудь всегда легко. Будем рассчитывать на Вашу статью для следующей книжки¹. Сейчас, вернувшись из Эльзаса, нашел книжку Преснякова — благодарю Вас.
Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Veidle papers. Box 1).

¹ Следующая статья появилась лишь через несколько номеров, без малого полтора года спустя: *Вейдле В.В.* Об искусстве биографа // СЗ. 1931. № 45. С. 491–495.

4. М.С. Цетлин — Вейдле

Paris. 9 марта 1930 г.

9.V.30

Многоуважаемый Владимир Васильевич,
завтра в субботу в 9 ч. вечера у нас соберутся наши друзья, и мы были бы очень рады видеть Вашу милую жену¹ и Вас у себя.

Примите наши сердечные приветы.

Ваша Мария Цетлин

P.S. Я уже огорчалась, что так неожиданно заболела, когда ждали [так!] Вас к себе. После этого мы уехали в Германию.

М.Ц.

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Veidle papers. Box 3). Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur Weidle, 210 rue du F[au]b[our]g St-Denis, Paris»; адрес отправителя: «Madame Zetlin, Paris, rue Nicolo № 59»; помета на конверте рукой М.С. Цетлин: «*par tubes [pneumatiques]* [пневматической почтой]»; почт. шт.: «Paris, 9.V.30».

¹ Вейдле Людмила Викторовна (урожд. Барановская; 1904–1995), вторая жена (с 1928 г.) В.В. Вейдле.

5. Фондаминский — Вейдле

Paris. 26 июля 1933 г.

26 VII 1933.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич,
за Вами долг: рецензии о книге Степуна¹ в «Посл[едних] нов[остях]»² и «Le Mois»³.

Фед. Авг. [Степун] меня запрашивает⁴, а я Вас! Можно ли рассчитывать и скоро ли? Шлю сердечный привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Veidle papers. Box 1). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Veidlé, “Dernières Nouvelles”, 51, rue Turbigo, Paris»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1, rue Chernoviz, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 26.VII.1933».

¹ Речь об издании: *Степун Ф.А.* Николай Переслегин: Роман в письмах. Париж: Современные записки, 1929.

² Вейдле был постоянным автором ПН с 1932 г., но на книгу Степуна в газете откликнулся другой автор: *Адамович Г.* «Николай Переслегин», роман Ф. Степуна // ПН. 1929. 29 авг. № 3081. С. 3.

³ Французский ежемесячник «Ле муа» (Le Mois: Synthèse de l'activité mondiale. Paris: Maulde et Renou, 1931–1940) был посвящен общественно-политической и хозяйственной жизни, литературе, культуре и науке. Критика признала журнал «удачным» (*Reviewer [Струве Г.П.] «Le Mois»*. Новый французский ежемесячник // Россия и славянство. 1931. 21 марта. № 121. С. 4) и даже «превосходным изданием» (*А. [Адамович Г.В.] «Le Mois» // ПН. 1932. 18 авг. № 4166. С. 3*), в нем активно сотрудничали русские эмигранты, больше всего Г.Л. Лозинский, Г.П. Струве и В.В. Вейдле. В библиографии франкоязычных эмигрантских публикаций рецензия Вейдле на книгу Степуна не значится: *Livak L.* Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar. France: A Bibliographical Essay. Montreal, 2010. P. 410–414.

⁴ В сохранившейся редакционной переписке такого письма Степуна Фондаминскому нет.

6. Вейдле — Рудневу

Paris. 29 июля 1933 г.

28, rue de la Tourelle, Boulogne s[ur] S[eine]
29/VII 33.

Многоуважаемый Вадим Викторович,
вот моя статья¹, — простите! с опозданием. В ней, конечно, не будет и листа. Если Вы почему-либо не захотите печатать ее в *этом* номере, пожалуйста, верните мне ее; я тогда иначе с ней устроюсь.

Рецензию (½ страницы) пришлю на днях². Всего хорошего. Искренне Ваш

В. Вейдле

Корректуру хотел бы видеть непременно.

В.В.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Вейдле В.В. Чистая поэзия // СЗ. 1933. № 53. С. 310–323.

² В том же номере журнала была опубликована (СЗ. 1933. № 53. С. 456–457) небольшая рецензия Вейдле на немецкую книгу: *Hackel A.A. Die Trinität in der Kunst: eine ikonographische Untersuchung*. Berlin: Reuther & Reichard, 1931.

7. Вейдле — Рудневу

Paris. 30 августа 1933 г.

28, rue de la Tourelle, Boulogne s[ur] S[eine]
30 VIII 33

Многоуважаемый Вадим Викторович, спасибо за книгу Бицилли¹; я ее прочел; она очень интересна. Могу, если хотите, написать к субботе рецензию на нее (страницы 1½ отвести на это нужно, по моему²). К субботе же доставлю Вам рецензию в ½ стр. на книгу об иконографии Троицы³.

Или, может быть, теперь уже поздно для всего этого? Напишите мне.

Искренно преданный Вам

В. Вейдле

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Речь о публикации: *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры // Годишник на Софийския Университет, Филологически факултет. 1933. Т. 29. Ч. 1.

² Рецензия в результате действительно заняла около полутора страниц (СЗ. 1933. № 53. С. 457–459).

³ См. примеч. 2 к п. 6.

8. Вейдле — Рудневу

Paris. 18 апреля 1934 г.

18 IV 34

Дорогой Вадим Викторович, столько навалилось на меня экстренной работы (французской¹), что я не имею возможности написать условленную рецензию для «Совр[еменных] зап[исок]» раньше, чем еще через неделю². Берусь Вам доставить ее *в среду 25-го вечером*. Если это слишком поздно и рецензия в этот номер уже не попадет, пожалуйста, известите меня: я тогда еще немного отложу ее писание.

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ В это время Вейдле очень активно сотрудничал в журнале «Le Mois», а также готовил публикации для французских изданий «Amour de l'art», «Vie intellectuelle» и др.

² В ближайшем номере журнала, который вышел через месяц, появилась единственная

рецензия Вейдле, в письме речь идет, по-видимому, именно о ней: *Вейдле В.В.* [Рец. на кн.:] Buxton D.R. *Russian Mediaeval architecture: With an account of the Transcaucasian styles and their influence in the West.* Cambridge: Univ. Press, 1934; Alpatov M., Brunov N. *Geschichte der altrussischen Kunst.* Augsburg: Filser, 1932 // СЗ. 1934. № 55. С. 436–438.

9. Руднев — Вейдле

Paris. 17 июля 1934 г.

17.VIII.1934.

Дорогой Владимир Васильевич!

Не знаю, собираетесь ли Вы куда-либо уехать на летний месяц. Если да, то хотел бы с Вами до того повидаться. Да и во всяком случае стоило бы встретиться, чтобы поговорить о возможных Ваших темах для «С[овременных] з[аписок]».

Я уеду лишь в субботу, вернусь в воскресенье утром вечером. М.б., Вы подметите сами удобный для Вас день, час и место?

Принесу и книгу для рецензии¹. Пред[анный] Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Veidle papers. Box 6).

¹ Следующая рецензия Вейдле в журнале (СЗ. 1934. № 56. С. 438–439) была посвящена книге: *Wulf O. Die neurussische Kunst.* Augsburg: Filser, 1932.

10. Вейдле — Рудневу

Laffrey. 23 июля 1934 г.

23 VII 34. Camp Russe Laffrey (Isère)

Дорогой Вадим Викторович,

к сожалению, не мог с Вами повидаться. Письмо Ваше получил уже здесь. Я в Париже переехал (теперь мой адрес: 26, rue Roussin, 16e) и сразу же уехал на 6 недель сюда в лагерь «Витязей», куда меня пригласили в качестве лектора.

В Париже я буду в начале сентября. Напишите, успею ли я *тогда* написать, что нужно для «Совр[еменных] зап[исок]», и сообщите также, есть ли у Вас место, кроме рецензии на Вульфа¹, еще и для статьи² (не больше листа, конечно).

Всего хорошего.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine (Seine)»; почт. шт.: «Grenoble, 24.VII.34». Набросок ответа рукой Руднева: «Рец[ензия] — к 15-му сент[ябрю]. Статья — прошу назвать темы на выбор. Стр. 10 — не больше 12».

¹ См. примеч. 1 к п. 9.

² Статья была опубликована в следующем, январском номере журнала: *Вейдле В.В.* Действующие лица // СЗ. 1935. № 57. С. 429–438.

11. Вейдле — Рудневу
Laffrey. 31 июля 1934 г.

Laffrey, 31 VII 34

Дорогой Вадим Викторович,
 могу Вам предложить для ближайшего номера статью в 10–12 стр., озаглавленную «Действующие лица» и трактующую о том, как изображается человек в современной литературе и какие изменения наблюдаются здесь по сравнению с классическим романом (Толстой, напр.) и классической драмой. Это поставлено в связь с весьма общими вопросами литературы и искусства нашего времени. Статью эту я набросаю здесь, а окончательно отделаю в Париже (тут у меня нет некоторых текстов); могу ее дать Вам к 5-му сент[ября], а рецензию, как Вы и предлагаете, напишу к 15-му. (Я приеду в Париж 2-го.)

Другая тема могла бы быть о влиянии психоанализа на совр[еменную] литературу и искусство, но предпочел бы отложить¹. Надеюсь, что вам подойдут «Действующие лица». Буду ждать Вашего ответа. Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Статья была опубликована следующим летом: *Вейдле В.В.* Механизация бессознательного // СЗ. 1935. № 58. С. 461–469.

12. Вейдле — Рудневу
Paris. 5 сентября 1934 г.

26, rue Poussin, Paris, 16^e. 5 IX 34

Дорогой Вадим Викторович,
 с приездом в Париж столько на меня обрушилось дел, что статья все же немного запоздает. Закончу ее к концу недели и занесу Вам в воскресенье вечером. Если Вас не будет дома, оставьте для меня у консьержа книгу Вульфа.

Может быть, нужна рецензия на книгу Бицилли о русск[ой] литер[атуре] XIX века!? Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Речь о книге: *Бицилли П.М.* Краткая история русской литературы: В 2 т. Т. 2. От Пушкина до нашего времени. София: Б.и., 1934. В журнале на нее откликнулся К.В. Мочульский (СЗ. 1935. № 57. С. 467–468).

13. Вейдле — Рудневу
Paris. 20 октября 1934 г.

26, rue Poussin, Paris, 16^e. 20 X 34

Дорогой Вадим Викторович,
 корректуры «Дейст[вующих] лиц» у меня все нет, а ведь номер, кажется, скоро должен выйти. Поэтому, если уж мне корректуру получить не суждено, нельзя ли

хоть исправить одну мою ошибку. Где-то во второй половине (кажется, ближе к концу) я цитирую два заглавия романов Сирина; первое я привел верно, а на втором месте вместо «Подвига» дернуло меня написать «Обман» (т.е. заглавие романа Фельзена, не имеющего никакого отношения к делу). Потом я вспомнил и не беспокоился, думая, что в корректуре исправлю. — Если не слишком поздно, внесите это исправление¹.

Искренне Ваш

В. Вейдле

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Руднев выполнил просьбу Вейдле и внес исправление.

14. Вейдле — Рудневу *Paris. 9 ноября 1934 г.*

Пятница, 9/XI 34

Дорогой Вадим Викторович,
напоминаю Вам, и на этот раз слезно, что мне нужна рукопись моих «Действующих лиц». Пожалуйста, пришлите. Мне необходимо будет заглянуть в нее в начале будущей недели¹.

Простите за беспокойство! Искренно Вам преданный

В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine (Seine)»; адрес отправителя: «Weidlé, 26, rue Poussin (16e)»; почт. шт.: «Paris, 9.XI.1934».

¹ По всей видимости, Вейдле хотел освежить в памяти собственную статью для какого-нибудь из своих выступлений: в ближайшие дни он читал несколько лекций (в частности, 12 и 14 декабря), а также выступал на литературных вечерах (см.: Хроника. Франция. Т. 2. С. 630–631).

15. Вейдле — Рудневу *Paris. 8 декабря 1934 г.*

26, rue Poussin, Paris, 16^e. 8 XII 34

Дорогой Вадим Викторович,
рецензию о Бунине¹ с удовольствием напишу; укажите только, к какому Вам ее нужно сроку (сейчас очень занят). Книги, пожалуйста, пришлите в том случае, если я могу оставить их себе в собственность. Если же мне нужно их Вам вернуть, то лучше я попрошу их в Доме Книги. Думаю, дадут.

Искренне Ваш

В. Вейдле

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Речь о рецензии на недавно вышедшие тома собрания сочинений Бунина: *Вейдле В.В.* [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 2, 3, 7 // СЗ. 1935. № 57. С. 462–464.

16. Вейдле — Рудневу
Paris. 12 декабря 1934 г.

26, rue Poussin, Paris, 16^e. 12 XII 34

Дорогой Вадим Викторович,
 возвращаю Вам корректуру¹. Очень прошу прислать в сверстанном виде лишний экземпляр, как только это будет возможно.

Бунина попытаюсь все же выхлопотать в Доме Книги, если обращусь к нему лично. Хочется иметь его книги. Да ведь, по правде сказать, и справедливо, чтобы рецензенту оставались книги, о которых он пишет.

Жму Вашу руку. Искренно Ваш

В. Вейдле

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Речь о корректуре статьи: *Вейдле В.В.* Действующие лица // СЗ. 1935. № 57. С. 429–438.

17. Вейдле — Рудневу
Paris. 8 января 1935 г.

8/I 35.

Дорогой Вадим Викторович,
 вот рецензия о Бунине. — Не забудьте, пожалуйста, прислать мне 2 экз. верстанной корректуры «Действующих лиц». Хотел бы я очень увидеть и корректуру этой рецензии.

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Книги я Вам верну в ближайшее время.

В.В.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). На обратной стороне набросок части содержания 57-й книги СЗ за 1935 г. рукой Руднева: «Толстая всего 284 / Фед[отов] 15 / Мил[юков] 31 / Пап[оушек] 19 / Гесс[ен] 15 / Войт[инский] 22 / 2 кол[онки?] 30 / Вишн[як], Поль».

18. Вейдле — Рудневу
Paris. 2 марта 1935 г.

Le 2 III 35. 26, rue Poussin, Paris, 16^e

Дорогой Вадим Викторович,
 выясняется ли теперь мой счет в «Соврем[енных] записках»? И не пополнилась ли касса настолько, чтобы дать мне маленький аванс? Он *очень* мне нужен. — Я задумал еще другую статью для «Совр[еменных] зап[исок]», несколько покрупнее и для общего отдела: «Творчество и строительство»¹. Думаю, что это тема «ак-

туальная» и нужная. Кроме того, вот еще что: не мог ли бы я получить рецензионный экземпляр книги Одицца², чтобы написать о ней в «*Le Mois*»³?

Буду ждать Вашего ответа. Извините, что беспокою. Если я могу получить деньги и книгу, скажите, когда я мог бы к Вам зайти (мне всего удобнее ок. 8 ч. вечера). Всего хорошего.

Ваш В. Вейdle

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). На бланке с надписью: «Le Murat, 83, rue d'Auteuil, Paris – 16^e».

¹ Статьи с таким названием Вейdle не публиковал, но это мог быть один из замыслов его будущей книги «Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества» (Париж, 1937).

² *Одицца Д.М.* Возникновение государственного строя у восточных славян. Париж: Совр. записки, 1935.

³ В библиографии франкоязычных эмигрантских публикаций рецензия Вейdle на книгу Одицца не значится: *Livak L.* Russian Émigrés. P. 410–414.

19. Вейdle — Рудневу *Paris. 17 апреля 1935 г.*

Париж, 17 IV 35

Дорогой Вадим Викторович,
не отвечал Вам, потому что думал Вас встретить на Ладинском¹; но Вас там не оказалось.

Статью пришлю Вам на днях, такого же размера, как и предыдущую, о влиянии психоанализа на литературу и смежных вопросах; назову ее, вероятно, «Механизация бессознательного»². О социальном заказе я писать не собирался; хотел о «Творчестве и строителстве», но это я еще не продумал до конца.

А как аванс? Все так же ли безнадежно его получение или под эту статью смогу получить?

Сообщите мне, пожалуйста, об этом, а также, если можно, адрес и имя-отчество Авксентьева, или где его можно видеть. Мне нужно написать ему или с ним поговорить по одному делу. Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейdle

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; адрес отправителя: «Weidlé, 26, rue Poussin (16e)»; почт. шт.: «Paris, 18.4.35».

¹ Вечер Антонина Ладинского под председательством И.А. Бунина состоялся 16 апреля 1935 г. в парижском «Очаге русской музыки» (26, av. de Tokyo). Согласно газетным отчетам, вечер «прошел с большим успехом. [...] присутствовал почти полностью русский литературный Париж» (*М.С.* На вечере Ант. Ладинского // ПН. 1935. 18 апр. № 5138. С. 3). Деляя запись в дневнике о вечере, Ладинский упомянул Вейdle среди присутствовавших (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 5. Ед. хр. 27).

² Статья была напечатана в ближайшем номере: *Вейdle В.В.* Механизация бессознательного // СЗ. 1935. № 58. С. 461–469.

20. Вейдле — Рудневу
Paris. 21 мая 1935 г.

Париж, 21 V 35

Дорогой Вадим Викторович,

о книгах Бакуниной¹ писать не берусь: плохо знаю то, о чем она пишет, да и по горло занят сейчас.

Если статья моя идет в этом номере (на что надеюсь), то хотел бы видеть ее корректуру. Пришлите! Я ее тотчас верну. Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; адрес отправителя: «Weidlé, 26, rue Poussin (16e)»; почт. шт.: «Paris, 21.V.35».

¹ В результате о романе Е.В. Бакуниной «Любовь к шестерым» (Париж, 1935) в журнале отозвалась З.Н. Гишпиус (СЗ. 1935. № 58. С. 478—479).

21. Вейдле — Рудневу
Paris. 11 июня 1935 г.

Париж, 11 VI 35

Дорогой Вадим Викторович,

простите, что так задержал корректуру: письмо Ваше чуть было не задержалось по недоразумению, только сегодня я его обнаружил в бумагах на моем столе. — Хочу надеяться, что не очень Вас подвел. Расписку тоже прилагаю.

Ваш В. Вейдле

Только что получил Ваше письмо. К сожалению, о «Доме в Пасси»¹ не сумею написать теперь: занят по горло на этой и будущей неделе и не могу освободиться. В последнем «*Mois*» напечатана статья А. Розенберга² о франко-советском договоре, очень интересная для гитлеровской точки зрения³.

В.В.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ О романе Б.К. Зайцева «Дом в Пасси» (Берлин: Парабола, 1935) в журнале откликнулся М.О. Цетлин (СЗ. 1935. № 59. С. 473—475).

² Публикация не разыскана.

³ Имеется в виду Франко-советский пакт о взаимопомощи, подписанный в Париже 2 мая 1935 г. вскоре после введения в Германии всеобщей воинской повинности (16 марта 1935 г.) и засвидетельствовавший изменение советской позиции по отношению к Версальскому договору. Гитлер использовал ратификацию пакта французским парламентом как предлог для ремилитаризации Рейнской области. Розенберг Альфред (Alfred Rosenberg; 12.01.1893 — 16.10.1946, Нюрнберг), немецкий политический и государственный деятель эпохи Третьего рейха. Родился в Ревеле, учился в Риге и Москве, где окончил в 1918 г. Высшее техническое училище по специальности инженер-строитель. С 1923 г. главный редактор газеты «*Völkischer Beobachter*». С 1933 г. начальник Управления внешней политики НСДАП, с 1941 г. министр по делам оккупированных восточных территорий. Автор книг «Будущий путь германской внешней политики» (1927) и «Миф XX века» (1929).

22. Вейдле — Рудневу
Wailsend. 30 августа 1935 г.

30 VIII 35

The Rectory, Wailsend, Northumberland

Дорогой Вадим Викторович,
спасибо за пересланное письмо¹. Думаю, что для ближайшего номера вряд ли у меня что будет, разве рецензия. Зато в следующем я был бы рад, если бы Вы могли предоставить в общем отделе место для дов[ольно] большой статьи не на литерат[урную], а на обще-культурную тему: о единстве Европы и о месте России в этом единстве (духовном, а не политическом)². Думаю писать эту статью в октябре и ноябре. — Лето провожу в Англии. В Париже буду в перв[ых] числах октября.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine, France»; почт. шт.: «Wailsend, Northumberland, 30.VIII.35».

¹ Неясно, о каком письме речь.

² В ближайшем номере Вейдле не опубликовал даже рецензии, а для следующего дал обещанную статью: *Вейдле В.В. Границы Европы // СЗ. 1936. № 60. С. 304–318.*

23. Вейдле — Рудневу
Paris. 24 декабря 1935 г.

26, rue Poussin, Paris, 16^e. 24 XII 35

Дорогой Вадим Викторович,
для ближайшего номера «Совр[еменных] зап[исок]» я бы мог дать (в общий отдел) статью размером в лист на тему о единстве Европы¹ (т.е. европейской культуры), единстве, куда я включаю и Россию, вопреки распространенным и на Западе, и у нас воззрениям. Насчет заглавия я еще окончательно не решил. Представить Вам статью я мог бы к 20-му января.

На другую тему вряд ли в ближайшем будущем мог бы написать; занят сейчас этим. По-моему, она для «С[овременных] з[аписок]» весьма подходит; ничего слишком специального или неудобопонятного в ней нет. — Буду ждать Вашего ответа. Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ На полях приписка рукой Руднева: «35.000 зн[аков], с правом переноса».

24. Вейдле — Рудневу
Paris. 18 января 1936 г.

18 I 36

Дорогой Вадим Викторович,

моя статья — заглавие ее: «Границы Европы» — опоздает на два дня. Она будет готова к среде, когда я Вам ее и доставлю.

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Размер ее — не больше, а скорей меньше Вами указанного¹.

В.В.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; адрес отправителя: «Weidlé, 26, rue Poussin (16e)»; почт. шт.: «Paris, 18.I.36».

¹ Статья Вейдле «Границы Европы» насчитывает 33000 знаков.

25. Вейдле — Рудневу

Paris. 5 февраля 1936 г.

5 II 36

Дорогой Вадим Викторович,
я почистил первый абзац, действительно не особенно удачный, но рассуждения о романо-германской Европе, по-моему, ни убрать, ни сократить нельзя, не разрушая архитектуру целого. Понимаю, что с точки зрения журнальной было бы интереснее начать прямо с России и Европы, но я хотел в данном случае осветить этот вопрос только с общеевропейской точки зрения. Думаю еще к нему вернуться.

Так что не посетуйте: после первого абзаца я оставил статью, как она была.

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

26. Вейдле — Рудневу

Paris. 29 марта 1936 г.

26, rue Poussin, Paris, 16^e. 29 III 36

Дорогой Вадим Викторович,
я готовлю для ближайшей книги «Совр[еменных] зап[исок]» статью «Нация и Европа»¹, продолжающую отчасти мысли моей последней статьи (и такого же размера или страницы на две-три длиннее); национализм и интернационализм я там одинаково отвергаю ради органических понятий нации и европейской нации. Подойдет ли Вам это? А если не для ближайшей книжки, то хоть для следующей?

Если да, то вот какая у меня будет просьба. 15-го апреля я уезжаю в Англию на англо-русский съезд² и, вероятно, останусь там на весну и лето. Статью пришлю оттуда в мае (могу и раньше); но мне очень хочется получить *теперь* за нее аванс, оттого что у меня сейчас острое безденежье и этим очень затрудняется мой отъезд. Не могли бы «Совр[еменные] зап[иски]» *в виде исключения* дать мне

150 фр., которые будут отработаны этой статьей? Это мне очень помогло бы. Если это вообще возможно, то чем скорее я мог бы получить деньги, тем лучше. Буду ждать Вашего ответа. Простите, что так на Вас наседаю. Самому совестно, да очень уж круто пришлось.

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ В ближайшем номере Вейдле опубликовал статью «Пушкин и Европа» (СЗ. 1937. № 63. С. 220–231), а в следующем «Мысли о “русской душе”» (СЗ. 1937. № 64. С. 416–424).

² Не удалось найти информации.

27. Вейдле — Рудневу

Paris. 3 апреля 1936 г.

26, rue Poussin, Paris, 16^e. 3 IV 36

Дорогой Вадим Викторович,
с удовольствием напишу для ближайшей книги статью (поменьше) о России, с тем, чтобы «Нация и Европа» пошла в следующем номере. Таким образом, разногласия как будто отпадают. Я завтра между 2-мя и 4-мя зайду на rue Daviel и надеюсь тут же получить от Вас 125 фр. Спасибо.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

28. Вейдле — Рудневу

Newark. 18 июня 1936 г.

18 VI 36

Дорогой Вадим Викторович,
получил с опозданием Ваше письмо, пересланное из Парижа. Очень перед Вами виноват. Давно хотел написать Вам, но все думал, что еще смогу написать статью, кот[орую] задумал в Париже и обещал Вам. Статья, однако, так и не написалась. Столько тут было переездов с места на место, встреч, хлопот, дел и впечатлений, что писать статью о России — на столь ответственную и важную тему — я не мог. Простите. Такое надувательство не в моем обычае, но я не предвидел того, как сложится в этом году мое пребывание здесь. Простите и за забранный не по праву аванс и поверьте, что я действовал de bonne foi¹ и был уверен, что статью напишу вовремя. Придется уж теперь отложить ее до следующего номера. В первых числах сентября я буду в Париже и тогда повидаюсь с Вами. Раньше, вероятно, статья Вам и не будет нужна для след[ующего] номера. Впрочем, надеюсь написать ее в июле или августе, когда времяпрепровождение мое будет более оседлым и спокойным. Еще раз простите.

Вот и сейчас продолжаю кочевать. Еду в Кембридж, потом в Лондон. С 24-го адрес мой с/о Mrs. Whalley. The Close. Hatch Beauchamp. Taunton (Som[erset]), а с 1 июля с/о Captain Maynard, Marley Hayes, Exmouth (Devon).

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). На бланке с надписью: «Society of the Sacred Mission. Kelham Theological College. House of the Sacred Mission, Kelham, Newark, Nott[ingham]s[hire]».

¹ искренне (фр.).

29. Вейдле — Рудневу *Paris. 22 октября 1936 г.*

Париж, 22 X 36

Дорогой Вадим Викторович,
я ничего не получал от Вас о Савицком: должно быть, пропало. С удовольствием напишу о нем рецензию, если пришлете его брошюру¹. Корректуру прилагаю (важно вставить пропущенную строчку в конце, я ее восстановил в корректуре). Еще прилагаю два экз. моей книги² — один Вам, а другой прошу послать Бицилли (я потерял его адрес) и написать ему, чтобы он дал рецензию³ в «Совр[еменных] зап[исках]», если Вы согласны с этим моим пожеланием.

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Сообщите, когда прислать рецензию.

В.В.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Речь о брошюре: *Савицкий П.Н. Разрушающие свою родину: (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР)*. Берлин: Изд. евразийцев, [1936]. Вейдле откликнулся на нее рецензией, опубликованной в ближайшем номере (СЗ. 1936. № 62. С. 453–454).

² Имеется в виду французский вариант книги Вейдле, который вышел годом раньше русской версии: *Weidlé W.W. Les abeilles d'Aristée: essai sur le destin actuel des lettres et des arts*. Paris: Desclée de Brouwer, 1936.

³ Бицилли получил экземпляр и вскоре опубликовал отзыв на книгу Вейдле (СЗ. 1937. № 64. С. 471–473).

30. Вейдле — Рудневу *Paris. 18 ноября 1936 г.*

Париж, 18 XI 36

Дорогой Вадим Викторович,
вот краткая рецензия на брошюру Савицкого. О книге Грабаря¹ напишу к след[ующему] номеру; я не успел ее прочесть.

От Бицилли я получил письмо, где он сообщает, что готов написать о моей книге для «Совр[еменных] зап[исок]», но предполагает это сделать к следую-

щ[ему] номеру, так как Вы ему не указали, что он успел бы это сделать еще и для ближайшего. Сердечный привет.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Речь о книге: *Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin: Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient*. Paris: Les belles lettres, 1936. Вейдле, как и обещал, опубликовал отзыв о ней в следующем номере (СЗ. 1937. № 63. С. 416—417).

31. Вейдле — Рудневу *Paris. 18 июня 1938 г.*

43, rue François-Gérard, 16e. 18 [VI]¹ 38

Дорогой Вадим Викторович,
я готов написать Вам все три рецензии² и статью, которую, ввиду того, что в ней трактуются только русские темы, я назову не «Неполитические размышления», как предполагал, а вероятно просто «О России»³. Сообщите только, пожалуйста, когда крайний срок присылки этих материалов.

Еще прошу Вас сообщить мне адреса Вячеслава Иванова, С.Л. Франка и С.Ю. Гессена. Заранее спасибо. Искренно Ваш

В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Месяц установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; почт. шт.: «Paris, 18.VI.1938». Помета рукой Руднева: «(статью к 20.VII., рец[ензию] к 10 авг[уста])».

¹ Месяц проколот В. Рудневым при архивировании.

² В ближайшем номере были опубликованы (СЗ. 1938. № 67. С. 460—462) небольшие рецензии Вейдле на книги: *Дорн Н. [Катц А.] Киреевский: Опыт характеристики учения и личности*. Париж: Б.и., 1938; *Hackel A.A. Das altrussische Heiligenbild, die Ikone*. Nijmegen: Zentrale Druckerei, 1936. Третья рецензия (СЗ. 1938. № 67. С. 462—463. Подп.: В.В.) представляла собой мини-обзор четырех философских книг: *Реймерс Н.А. Дедукция понятия движения в применении к вопросу о подвижности земли: Критика основного пункта кантовской механики*. Париж: Б.и., 1937; *Зайцев К.И. Основы этики*. Харбин: Б.и., 1937. Вып. 1; *Закутин Л.Г. О чувстве и чувственности: Философский этюд*. Париж: Космос, 1937; *Lowtzky F. Soeren Kierkegaard: Das subjektive Erlebnis und die religiöse Offenbarung: Eine psychoanalytische Studie einer Fast-Selbstanalyse*. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1935.

³ Статья в результате получила название «Россия и Запад» (СЗ. 1938. № 67. С. 260—280).

32. Вейдле — Рудневу *Paris. 19 июля 1938 г.*

Paris, le 19 VII 1938

Дорогой Вадим Викторович,
статья моя запоздает, но ненамного, примерно на неделю. Думаю назвать ее «*Россия и Запад*». До 1-го я остаюсь в Париже, а затем уезжаю в Англию. До отъезда во

всяком случае пришлю Вам и статью и рецензии – статью 27-го – 28-го, рецензии перед самым отъездом.

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

33. Вейдле – Рудневу
Hatch Beauchamp, Taunton. 13 августа 1938 г.

13 VIII 1938

с/о Mrs. Whalley, The Close, Hatch Beauchamp, Taunton (Somerset)

Дорогой Вадим Викторович,

не думайте, что я забыл «Совр[еменные] записки». Статья о «России и Западе» наполовину написана и будет закончена через несколько дней. Рассчитываю, что Вы ее получите не позднее 20-го. В ней будет лист – не думаю, чтоб больше¹.

Надеюсь, Вы получили рецензию, кот[орую] я Вам послал еще из Парижа.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine, France»; почт. шт.: «Hatch Beauchamp, 13.VIII.38».

¹ Статья «Россия и Запад» в конце концов разрослась до 1,2 печ. л.

34. Вейдле – Рудневу
Hatch Beauchamp, Taunton. 18 августа 1938 г.

The Close, 18 VIII 38

Дорогой Вадим Викторович,

статья, к сожалению, еще немного задержалась, но близится к концу. Вышлю Вам ее в понедельник. Размером она все же, вероятно, немного превысит один лист. Выходит приблизительно такой же длины, как «Три России».

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine, France»; почт. шт.: «Hatch Beauchamp, 13.VIII.38».

35. Вейдле – Рудневу
Hatch Beauchamp, Taunton. 23 августа 1938 г.

The Close, 23 VIII 38

Дорогой Вадим Викторович,

вот, наконец, статья — простите опоздание. *Я очень бы хотел видеть ее корректуру.* До [1]¹ сент[ября] я здесь, а с 1—15 буду еще в Англии, но адрес мой будет другой, я Вам его пришлю.

Еще просьба. У меня немножко не хватает наличных денег. Не пришлете ли мне в дополнение к взятым в аванс 100 фр. еще 100 фр.? Был бы Вам очень благодарен. Лучше всего вложите их просто в заказное письмо и пришлите — чем скорее, тем лучше.

Всего хорошего. Надеюсь, что Вам понравится статья.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Число проколото В. Рудневым при архивировании.

36. Вейдле — Рудневу
Hatch Beauchamp, Taunton. 1 сентября 1938 г.

The Close, 1 IX 38

Дорогой Вадим Викторович,
я завтра отсюда уезжаю и мой адрес до 17 IX будет с/о Mrs. Stephens, Glen Afon, St Davids (Pem[broke]shire).

Буду ждать корректуру моей статьи (я Вам ее послал заказным письмом 24-го), а также 100 фр., кот[орые] я просил Вас мне выслать и пока не получил. (Может быть, Вас не было в Париже, когда пришла моя статья?)

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine, France»; почт. шт.: «Taunton, 1.IX.1938».

37. Вейдле — Рудневу
St Davids. 4 сентября 1938 г.

St Davids, 4 IX 38

Дорогой Вадим Викторович,
простите задержку: она объясняется тем, что я провел два дня в дороге и нашел корректуру здесь вчера вечером, а сегодня к тому же воскресенье, почта в Англии не работает. Надеюсь, однако, что большой беды не произойдет. Некоторые исправленные мной опечатки весьма существенны, а также маленькое изменение в конце.

Деньги, очевидно, получу завтра или послезавтра. Около 20-го буду в Париже. Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

38. Вейдле — Рудневу
Paris. После 20 сентября 1938 г.

Суббота

Дорогой Вадим Викторович,
вчера вечером я напрасно прождал Вас в café у métro Mirabeau, так как понял, что Вы туда придете без моего подтверждения. А Вы, по-видимому, ждали моего ответа. Приходите, если свободны, туда же сегодня часов в 9 или 9½, или завтра, но прежде позвоните мне сегодня около 8 ч. веч[ера] по телефону Jasmin 48–29. Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по содержанию п. 37.

39. Вейдле — Рудневу
Paris. 11 ноября 1938 г.

Париж, 11 XI 38

Дорогой Вадим Викторович,
почтовый перевод я получил, спасибо. Что же касается статьи, то я и сам думал о небольшой, для «Культуры и жизни», страниц в 8–10, вот на какую тему. Вышла по-английски книга Н.Д. Городецкой «The Humiliated Christ in Modern Russian Thought». Сперва я хотел написать просто краткую рецензию на нее, но теперь думаю, что лучше по ее поводу (соединив это с кратким отзывом о ней) написать нечто вроде продолжения моих «Мыслей о русской душе», так как в книге собран весьма интересный материал об идее (и чувстве) унижения, кенозиса в русск[ой] литературе и обществ[енном] мнении прошлого века, а ведь это переживание религиозного или крипто-религиозного порядка есть и в самом деле одна из основ «русской души». Насчет заглавия еще не решил, м.б., просто «Еще о русской душе»¹. Напишите мне, согласны ли Вы на эту тему.

Статью на совсем «актуальную» тему я вряд ли смогу написать. Думал было написать нечто о сентябрьских событиях² и отражении их в Англии, где я тогда был, и назвать это тютчевским стихом «Счастлив, кто посетил сей мир...». Но не думаю, чтобы из этого что-нибудь вышло.

Еще Ладинский просил меня написать рецензию о его новой книге стихов, кот[орая] скоро выйдет³. Если у Вас нет другого кандидата, могу это сделать.

Буду ждать Вашего ответа. И сообщите также, пожалуйста, когда Вам сдать статью. Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле (Владимир *Васильевич*)

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Статья получила именно такое название и была опубликована незамедлительно: *Вейдле В.В.* Еще о «русской душе» // СЗ. 1939. № 68. С. 434–441. Однако в статье не шла речь о книге Н.Д. Городецкой; ей, а также книгам В. Шубарта и Н.А. Бердяева (*Schubart W.* Europa und die Seele des Ostens. Luzern: Vita Nova Verlag, 1938; *Gorodetzky N.* The humiliated Christ in modern Russian thought. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1938; *Berdiaev N.A.*

Les sources et le sens du communisme russe. Paris: Gallimard, 1938) Вейдле посвятил отдельный обзор, напечатанный в следующем номере журнала (СЗ. 1939. № 69. С. 394–396).

² Имеется в виду второй Судетский кризис и Мюнхенское соглашение 1938 г. В Англии эти события были восприняты весьма неоднозначно, но официальные круги предпочитали рассматривать их в рамках действовавшей тогда английской «политики умиротворения».

³ *Ладинский А.П.* Пять чувств: Четвертая книга стихов. Париж: YMCA-Press, [1938]. Судя по записям Ладинского в дневнике, сигнальный экземпляр книги появился уже через неделю, 19 ноября 1938 г. (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 5. Ед. хр. 27). Рецензия Вейдле была напечатана в ближайшем номере (СЗ. 1939. № 68. С. 470).

40. Вейдле — Вишняку

Paris. 6 декабря 1938 г.

Париж, 6 XII 38

Дорогой Марк Вениаминович,
в субботу я заходил в редакцию и говорил Коварскому насчет Тютчева, но на всякий случай спешу сообщить и Вам, что, к сожалению, к январскому номеру я эту статью Вам дать не смогу. Сейчас я совершенно завален срочной работой для французских журналов. Но напишу я статью *непрерывно*. Боюсь обещать ее к февральскому номеру, но к мартовскому она поспеет наверное¹.

Всего хорошего.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 8. F. 57). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur M. Vichniak, 40, rue Claude Terrasse, E[n] V[ille], 16^e»; почт. шт.: «Paris, 6.XII.1938».

¹ Статья была опубликована в июньском номере: *Вейдле В.* Тютчев и Россия // РЗ. 1939. № 18. С. 141–157.

41. Вейдле — Рудневу

Paris. 18 мая 1939 г.

Париж, 18 V 39

Дорогой Вадим Викторович,
nous sommes d'accord¹. Статью постараюсь Вам послать в первых числах июня². Она не превысит $\frac{3}{4}$ листа. Рецензию на книжку стихов М.О. Цетлина могу написать³. (Книжку он мне прислал.) Всего хорошего.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; почт. шт.: «Paris, 19.5.39».

¹ мы пришли к соглашению (фр.).

² В ближайшем номере была опубликована статья: *Вейдле В.В.* Петербургские пророчества // СЗ. 1939. № 39. С. 345–355.

³ *Амафи [Цетлин М.О.]* Кровь на снегу: (Стихи о декабристах). Париж: Дом книги; Совр. записки, 1938. Отзыв Вейдле был напечатан в том же номере (СЗ. 1939. № 69. С. 382–383).

42. Вейдле — Рудневу
Paris. 21 июня 1939 г.

Париж, 21 VI 39

Дорогой Вадим Викторович,
 приводимые Вами стихи я вижу впервые, да и от Вл. Фел. [Ходасевича] не слышал их никогда¹. Думаю, что и по содержанию их он не хотел печатать их при жизни². Так что, по-моему, они не изданы.

Пользуюсь случаем напомнить о присылке *двух экземпляров* корректур моей статьи. Рецензию скоро пришло.

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; почт. шт.: «Paris, 21.VI.1939».

¹ По-видимому, речь о трех стихотворениях В.Ф. Ходасевича, которые были опубликованы в связи с его кончиной в ближайшем номере журнала (СЗ. 1939. № 69. С. 253–255) под рубрикой «Из литературного наследства»: «Сквозь уютное солнце апреля...»; «Не ямбом ли четырехстопным...»; Памятник («Во мне конец, во мне начало...»).

² О первом из стихотворений Н.Н. Берберова писала: «Ходасевич не напечатал эти стихи при жизни, т.к. считал, что в них чувствуется какое-то запоздалое настроение “Тяжелой лиры” и они не гармонируют с тем, что он пишет в данное время» (*Ходасевич В.* Собрание стихов (1913–1939) / Ред. и примеч. Н.Н. Берберовой. [Berkeley], 1961. С. 224).

43. Вейдле — Рудневу
London. 29 июня 1939 г.

Лондон, 29 VI 39

Дорогой Вадим Викторович,
 в суматохе последних дней до отъезда я не успел написать рецензию на стихи М.О. Цетлина. Пришло Вам ее на днях¹. А от Вас жду корректуру — в 2-х экземплярах — «Петербургск[их] пророчеств». Мой адрес до 6 VII Prof. Weidlé. Anglo-Russian Conference. High Leigh. Hoddesdon (Hert[ford]s[hire]). Привет!

Ваш В. Вейдле

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine, France»; почт. шт.: «London, 29.6.1939».

¹ См. примеч. 3 к п. 41.

*«Теперь такие времена,
что надо сказать
что-то решительное и глубокое
о диктатуре и демократии.
“Современные записки”
именно это ставят своей целью»:*
Б.П. Вышеславцев

Публикация, вступительная статья и примечания
М. Вендитти и М. Шрубы

Спорадическим сотрудником СЗ был видный религиозный философ русской эмиграции Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954)¹. Если не считать одной случайной публикации в начале 1920-х гг. — очерка «Париж», напечатанного в 16-й книге СЗ за 1923 год (С. 92–105), попытки сотрудничества Вышеславцева с журналом — и сохранившаяся переписка с редакторами — относятся к 1932–1935 гг. За эти годы он опубликовал в журнале всего лишь одну статью — «Достоевский о любви и бессмертии» (1932. № 50. С. 288–304) и две рецензии — на роман Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» (1934. № 55. С. 430–434) и на книгу К.В. Мочульского «Духовный путь Гоголя» (1934. № 56. С. 427–430).

Из сохранившихся в архивах Вишняка и Руднева писем Вышеславцева явствует, что последний не против был бы публиковаться и чаще в СЗ, предлагая редакции работы мемуарного и философского типа. В письме к Вишняку от 26 октября 1932 г. он пишет: «Я мог бы написать о Московском Малом Театре, который я впил в себя еще гимназистом. Здесь образы старой Москвы *девяностых* годов. Это можно сделать очень ярко и беллетристично. Но не так актуально, конечно, и не так “драматично”, как Ваш Ленин. Самый сюжет не имеет такого “потрясающего” значения» (п. 1). Редакция предложение отклонила.

В начале 1933 г. Вышеславцев предложил редакции СЗ статью на философскую тему; 13 января 1933 г. он сообщал Рудневу: «рецензию обещать *навверное* не могу, ибо есть гораздо более важное дело для Вас же: я должен *до моего отъезда* в Латвию сдать Вам статью “Власть и право в демократии”» (п. 2). Вышеславцев вскоре сдал свою работу, озаглавив ее «Смысл демократии». Статья показалась редакторам чересчур сложной; так, Фондаминский рекомендовал Вишняку и Рудневу в письме от 18 февраля 1933 г.: «Вышеславцева предлагаю отложить — слишком много серьезного материала» (Ред., п. 363). Как явствует из письма Вышеславцева к Рудневу от 22 апреля 1933 г., Вишняк забраковал статью по той же причине: «Я доставил тогда спешно свою статью “Смысл демократии”. Марк Вениаминович просил ее немного сократить и нашел, что она трудна. Я перечитал статью и нахожу, что она сделана необыкновенно *крепко и солидно*, и ничего переделывать в ней не буду, а главное — не успею; слишком много у меня новой очередной работы. А главное: я сделал настоящую философскую статью, где дан такой анализ *идеи власти*, какого нет нигде. Вы помните, что Н.А. Бердяев нашел мой анализ власти “блестящим” — в нашем социальном кружке. Теперь такие времена, что надо сказать что-то решительное и глубокое о диктатуре и демократии, а главное —

¹ О Б.П. Вышеславцеве см.: *Небольсин А.Р.* Б.П. Вышеславцев // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. ст. / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 222–230; *Санов В.В.* Вышеславцев // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995. С. 105–106; Краткий биографический словарь. С. 296–297; *Паляков А., Тимошина Е.* Вышеславцев // Золотая книга эмиграции. С. 156–159; *Санов В.В.* Вышеславцев // ЛЭРЗ. 1997. Писатели. С. 113–114; Сухарев. Материалы. Кн. 1. С. 113–114; Незабываемые могилы. Т. 1. С. 653; Литературное зарубежье России. С. 192–193; Нивьер. Священнослужители. С. 141; Российское зарубежье. Т. 1. С. 323.

философски-неопровержимое. “Современные записки” именно это ставят своей целью. А потому моя статья, написанная по просьбе редакции, и написанная сознательно-серьезно и без всякой газетной публицистики, которая всем надоела, — по моему, преимущественно подходит в “Соврем[енные] записки”. У меня есть сколько угодно возможностей ее поместить в других органах, но преимущественно хотелось бы видеть ее в “Совр[еменных] записках”» (п. 3). Вышеславцев отказался переделать статью, и она так и не появилась в СЗ.

Философ, в свою очередь, отклонил предложение редакции СЗ написать статью об Андрее Белом, мотивировав отказ в письме к Рудневу от 26 февраля 1934 г.: «тема не для меня: я люблю писать лишь о том, что мне нравится, а Андрей Белый для меня не позитивное явление, а — несмотря на талантливость — симптом разложения духа» (п. 4).

Сотрудничество Вышеславцева с журналом прекратилось после того, как он безуспешно рекомендовал в письме к Рудневу от 21 февраля 1935 г. (п. 6) напечатать в СЗ главы из готовящейся историко-литературной монографии Г.А. Мейера о Е.А. Баратынском.

Имя Вышеславцева встречается на страницах СЗ также в связи с рецензиями на его труды. На книгу «Русская стихия у Достоевского» (Берлин: Обелиск, 1923) откликнулся Б.Ф. Шлецер в обзорной статье «Новейшая литература о Достоевском» (1923. № 17. С. 451–465); Д.И. Чижевский опубликовал рецензию на книгу Вышеславцева «Сердце в христианской и индийской мистике» (Париж: YMCA-Press, 1929) (1930. № 43. С. 525–527); Г.Д. Гурвич отрецензировал исследование Вышеславцева «Этика преображенного эроса: Проблемы Закона и Благодати» (Париж: YMCA-Press, 1931) (1932. № 50. С. 468–469).

1. Вышеславцев — Вишняку

Paris. 26 октября 1932 г.

26 окт. 1932.

10 boulev[ard] Montparnasse, Paris 15^e

Многоуважаемый и дорогой Марк Вениаминович!

Простите, что не скоро Вам отвечаю — я немного хворал всеобщим гриппом. Большое Вам спасибо за гонорар. Очень приятно мне было видеть в последнем номере мою статью¹ и рецензию обо мне Гурвича². Приношу в Ваше лице редакции мою искреннюю благодарность.

Позвольте в свою очередь сделать Вам искренний комплимент, который я уже высказал подробно Илье Исидоровичу [Фондаминскому]. Я читал Вашу статью «Бескорыстный Герострат» — и пришел в восторг. Так ярко, художественно, скульптурно — еще никто не писал о Ленине³. Вся его фигура совершенно *реальна* — жесты, прическа, речь, манеры, характер — все, включая и «миногу»⁴, которую я прекрасно помню в советской Москве. Вам необходимо писать *именно так*: художественно-историческое творчество сейчас (а по-моему и всегда) ценится гораздо выше, чем полемика. А у Вас несомненно есть большой запас таких «образов жизни». Я бы на Вашем месте дал образы и других деятелей революции. Читая Вашу эту вещь, мне и самому захотелось сделать нечто подобное. Я мог бы написать о Московском Малом Театре⁵, который я впивал в себя еще гимназистом. Здесь образы старой Москвы *девяностых* годов. Это можно сделать очень ярко и беллетристично. Но не так актуально, конечно, и не так «драматично», как Ваш Ленин. Самый сюжет не имеет такого «потрясающего» значения. Об этом нужно поговорить лично.

Жму Вашу руку и буду оч[ень] рад повидаться. Сердечно Вам преданный

Б. Вышеславцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 35a) (см. илл. 5).

¹ См.: *Вышеславцев Б.П.* Достоевский о любви и бессмертии: (Новый фрагмент) // СЗ. 1932. № 50. С. 288–304.

² См.: *Гурвич Г.Д.* [Рец. на кн.:] Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса: Проблемы Закона и Благодати. Париж: УМСА-Press, 1931 // Там же. С. 468–469.

³ См.: *Вишняк М.В.* Бескорыстный Герострат // Там же. С. 381–402.

⁴ Ср.: «Ленин был *однолюб* в личной жизни и в жизни общественной. Всю жизнь оставался он верен своей “Миноге” — Надежде Крупской, с которой встретился в первые годы

своей нелегальной работы в Петербурге. На почве организационно-технической связи с незаменимым по преданности делу секретарем и шифровальщицей зародилось у него и личное влечение, узаконенное позднее узами церковного брака сельским батюшкой в Сибири» (Там же. С. 384).

⁵ Подобной статьи Вышеславцева в СЗ опубликовано не было.

2. Вышеславцев — Рудневу

Paris. 13 января 1933 г.

13 янв. 1933.

Дорогой Вадим Викторович!

Первого письма Вашего я не получил: это редкий случай, бывший только еще один раз. Не думаю, чтобы по вине нашей канцелярии — скорее по вине почты.

Рецензию¹ обещать *навверное* не могу, ибо есть гораздо более важное дело для Вас же: я должен *до моего отъезда* в Латвию сдать Вам статью «Власть и право в демократии»². Этим сейчас всецело и занят. Когда кончу статью, тогда только могу приняться за рецензию. Думаю все-таки, что успею написать. Лучше всего поговорите со мною по телефону.

Ваш БВ

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Речь о рецензии на роман Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный». Ср. в письме Фондаминского Вишняку от 18 февраля 1933 г.: «пришли мне [...] 300 фр. за Вышеславцева (он должен дать рецензию на Мережковского — следовательно до 300 дотянет)» (Ред., п. 362). Данная рецензия вышла, однако, лишь полтора года спустя, в 55-й книге СЗ за 1934 г.

² В следующем письме (п. 3) статья озаглавлена «Смысл демократии». Подобной работы Вышеславцева в СЗ опубликовано не было.

3. Вышеславцев — Рудневу

Paris. 22 апреля 1933 г.

22 Avril 1933.

Paris, 10 boulev[ard] Montparnasse

Дорогой Вадим Викторович!

Рецензию¹ я так скоро предоставить никак не могу. Я завален с момента моего приезда редакторским делом. Теперь еще падение доллара ставит срочные задачи. Я доставил тогда спешно свою статью «Смысл демократии»². Марк Вениаминович [Вишняк] просил ее немного сократить и нашел, что она трудна. Я перечитал статью и нахожу, что она сделана необыкновенно *крепко и солидно*, и ничего переделывать в ней не буду, а главное — не успею; слишком много у меня новой очередной работы. А главное: я сделал настоящую философскую статью, где дан такой анализ *идеи власти*, какого нет нигде. Вы помните, что Н.А. Бердяев нашел мой анализ власти «блестящим» — в нашем социальном кружке³? Теперь такие

времена, что надо сказать что-то решительное и глубокое о диктатуре и демократии, а главное — *философски-неопровержимое*. «Современные записки» именно это ставят своей целью. А потому моя статья, написанная по просьбе редакции, и написанная сознательно-серьезно и без всякой газетной публицистики, которая всем надоела, — по-моему, преимущественно подходит в «Соврем[енные] записки». У меня есть сколько угодно возможностей ее поместить в других органах, но преимущественно хотелось бы видеть ее в «Совр[еменных] записках»⁴. Я еще протелефонирую М.В. Вишняку и с ним поговорю. Но очень хотелось бы знать Ваше мнение и повидаться с Вами.

Ваш Б. Вышеславцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 35a).

¹ См. примеч. 1 к п. 2.

² См. примеч. 2 к п. 2.

³ Имеется в виду Кружок изучения социальных проблем современности (Кружок изучения современных социальных проблем), действовавший в 1932–1934 гг. (см.: Хроника. Франция. Т. 4 [указ.]. С. 455–456). Вышеславцев выступил в кружке 25 ноября 1932 г. с докладом «О ценности демократии» (Там же. Т. 2. С. 350).

⁴ Статьи Вышеславцева «Смысл демократии» не выявлено; подобной работы нет в библиографическом списке его трудов; см.: [Zander L.] List of the Writings of Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris. 1925–1954. Paris, [1954]. P. 46–48; List of Writings of the Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris. 1955–1965. Paris, [1965]. P. 40. О «либерально-демократической» концепции демократии Вышеславцева см.: *Власкин А.Г.* Проблемы демократии в социальной философии русского зарубежья (Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, Ф.А. Степун) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 1. С. 139–147.

4. Вышеславцев — Рудневу

Paris. 26 февраля 1934 г.

Понед[ельник] 26 февр. 1934.

Дорогой Вадим Викторович!

Очень благодарю за Ваши любезные предложения. Просьбу написать об Андрее Белом¹ я должен отклонить, хотя действительно был с ним хорошо знаком и жил в той же литературной Москве². 1, я абсолютно занят надолго вперед заказными работами (книгами и статьями и рецензиями) и 2, тема не для меня: я люблю писать лишь о том, что мне нравится, а Андрей Белый для меня не позитивное явление, а — несмотря на талантливость — симптом разложения духа. О нем мне бы написать только фельетон на 300 строк, но и то лишь когда будет свободное время³.

Для Вас я пишу *рецензию о Мережковском* — это моя первая и главная обязанность, я ему обещал⁴. Напишите, *когда* она должна быть представлена, чтобы пойти в ближайшей книге. Теперь, что касается рецензии на книгу о[тца] Сергия [Булгакова], то это не совсем мое дело: я *не богослов*, а философ; книга же строго богословская. За рецензией вам («Запискам») надлежит обратиться к сле-

дующим лицам: 1, к Зеньковскому В.В.⁵ или 2, к о[тцу] Георгию Флоровскому или 3, к о[тцу] Кассиану (Безобразову)⁶. Первые два у вас уже писали. Я же отклоняю от себя всякие *богословские* темы, ибо не мыслю и не работаю *богословским методом*.

Когда я был к[а]к-то у Фондаминского, на беседе о демократии и ее кризисе (были Федотов, Бердяев, Керенский, Жаба), я убедился, до какой степени неосновательно и нецелесообразно вы тогда отклонили мою статью о демократии⁷. К[а]к раз тезисы этой статьи тогда объединили всех. В этой области надо *думать серьезно*, а не публицистикой, всем надоевшей, пробавляться. Если трудно думать, то пусть потрудятся! Моя статья не труднее, чем статьи Гессена о социализме⁸ или Лосского о демократии⁹. Особенно забавно, что я слышу «трудно» в первый раз в моей жизни: мне всегда говорят: к[а]к легко и понятно! В измененном виде Вы прочтете мою статью в «Пути» (послед[ний] номер) — «Религиозный смысл власти»¹⁰, но там проблема демократии оставлена в стороне и сохранен только *анализ власти*, который нигде и никогда еще не был дан.

Сердечно Вам преданный

Б. Вышеславцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Речь идет о некрологической статье в связи с кончиной А. Белого 8 января 1934 г.

² А. Белый и Вышеславцев были оба, в частности, членами московского Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева.

³ Для следующей книги СЗ об Андрее Белом написали М.И. Цветаева и В.Ф. Ходасевич; см.: *Цветаева М.И.* Пленный дух: (Моя встреча с Андреем Белым) // СЗ. 1934. № 55. С. 198–255; *Белый А.* Три письма [В.Ф. Ходасевичу, 1921–1923 гг.] / [Предисл., публ. В.Ф. Ходасевича] // Там же. С. 256–270.

⁴ См.: *Вышеславцев Б.П.* [Рец. на кн.:] Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный: В 2 т. (3 ч.). Белград: Издат. комис., 1932–1934 // Там же. С. 430–434.

⁵ См.: *Зеньковский В.В.* [Рец. на кн.:] Булгаков С.Н. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. 1. Христология. Париж: YMCA-Press, 1933 // Там же. С. 434–436.

⁶ Кассиан (Сергей Сергеевич Безобразов; 1892–1965), епископ, богослов. В СЗ не печатался.

⁷ См. примеч. 4 к п. 3.

⁸ Имеется в виду цикл статей С.И. Гессена «Проблема правового социализма» (СЗ. 1924. № 22; 1925. № 23; 1926. № 28, № 29; 1927. № 30, № 31).

⁹ См.: *Лосский Н.О.* Органическое строение общества и демократия // СЗ. 1925. № 25. С. 343–355; *Он же.* В защиту демократии // СЗ. 1926. № 27. С. 369–381.

¹⁰ См.: *Вышеславцев Б.П.* Проблема власти и ее религиозный смысл // Путь. 1934. Янв.–Март. № 42. С. 3–21; ср.: *Vyschslavzeff B.* Der religiöse Sinn der Macht // Die Kirche und das Staatsproblem in der Gegenwart. 2. erweiterte Auflage. Genf: Forschungsabteilung des Ökumenischen Rates für praktisches Christentum; Berlin: Furche, 1935. S. 183–206.

5. Вышеславцев — Рудневу

Paris. 9 октября 1934 г.

9 окт. 1934.

Дорогой Вадим Викторович,

посылаю Вам обещанную рецензию¹. Думаю, что Вы признаете мою точность в выполнении обещаний — даже не потребовалось Вам звонить и напоминать. Очень был бы рад с Вами повидаться, если бы Вы выбрали время зайти на Montparnasse, или сговориться встретиться. Сердечно Вам преданный

Б. Вышеславцев

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ См. примеч. 4 к п. 4.

6. Вышеславцев — Рудневу *Paris. 21 февраля 1935 г.*

21 февр. 1935

10 boulev[ard] Montparnasse, Paris 15^e

Дорогой Вадим Викторович,
персылаю Вам оч[ень] интересную, по-моему, рукопись Мейера¹. Он пишет книгу о Баратынском. Здесь 2 главы из этой книги. Это работа в таком роде, к[а]к Ходасевича о Державине², т.е. монография о Баратынском. Такой монографии существенно не хватает в русской литературе, т[ак] как значение Баратынского огромно: это поэт первого ранга и большой философ-мистик (не меньше Тютчева во всех смыслах). По существу эти 2 главы отлично подходят для «Совр[еменных] записок», а наша обязанность поддержать монографию о Баратынском³. Мейер — величайший знаток русской поэзии и литературы, но трудный характер и когда-то сильно задел Адамовича, почему тот его не любит⁴. А Ходасевич, вы знаете, считает, что только он может писать о поэтах. Я решил послать рукопись Вам и Степу, ибо Вы и он приблизительно обладаете таким же вкусом, к[а]к и я. Пожалуйста, поэтому дайте мне адрес Степуна. Я, кстати, хотел ему написать об его «Андрее Белом»⁵.

Позвоните мне по телефону или напишите. Я оч[ень] ждал, что Вы ко мне зайдете — мне хочется кое о чем поговорить. Читал Вашу полемику с Федотовым — оч[ень] интересную⁶. На эти темы надо бы говорить. Здесь чувствуется недостаток той дискуссии, кот[орая] была в нашем социально-филос[офском] кружке⁷.

Сердечно Ваш

Б. Вышеславцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Помета рукой Руднева: «отв[ечено] 16.III. [нрзб]».

¹ Мейер Георгий Андреевич (1894—1966), поэт, литературный критик, литературовед, публицист, философ. В СЗ печатался лишь единожды — как поэт; см.: *Мейер Г.А.* [Стихотв.:] «Мы одно с этой распрей всегдашней...» // СЗ. 1934. № 55. С. 192.

² См.: *Ходасевич В.Ф.* Державин. Париж: Совр. записки, 1931. До книжной публикации книга печаталась в 1929—1930 гг. в СЗ (№ 39—43).

³ Работы Г.А. Мейера об Е.А. Баратынском в СЗ опубликовано не было. Монография Мейера не была также напечатана отдельным изданием. Главы из книги были опубликова-

ны посмертно в изд.: *Мейер Г.А.* Сборник литературных статей: (Посмерт. изд.). Frankfurt/Main: Посев, 1968. С. 57–74.

⁴ Одну из своих статей в «Звене» Адамович посвятил А.А. Фету, упомянув, в частности, что «умница Тургенев говорил о нем с нескрываемым пренебрежением [...] Толстой решительно предпочитал ему Тютчева» (*Адамович Г.В.* Литературные беседы // Звено. 1925. 27 апр. № 117. С. 2). Прочитав эту статью, Г.А. Мейер, большой поклонник Фета, встал на защиту любимого поэта, обвинив Адамовича в «чисто репортерском невежестве, а зачастую прямой недобросовестности» (*Мейер Г.* Крапленые карты // Родная земля. 1925. 11 мая. № 13. С. 3). Адамович не стал вступать с ним в полемику, объяснив свою позицию в письме к М.Л. Кантору от середины мая 1925 г.: «Я отвечать не буду. Ответ имело бы смысл писать для той же “Родной земли”, — но там не напечатают. Читатели же “Звена” в большинстве этой статьи не читали. Не знаю, что это за Мейер. Он, по-видимому, знает историю литературы и намеренно скрывает, что Тургенев всегда говорил одно вслух и другое про себя. Так же и о Фете. Но какие это все пустяки! Как будто в этом дело! Вот о том, что это *все* — “пустяки”, мне бы ответить хотелось, но Мейер тогда, пожалуй, совсем заболел от злости» («Звено» (Париж, 1923–1928): Из редакционной переписки. Аннотированная роспись содержания / Под общ. ред. и с предисл. О.А. Коростелева. Сост. О.А. Коростелев, А.А. Коростелев. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012 (в печати) (справка О.А. Коростелева).

⁵ См.: *Стенун Ф.А.* Памяти Андрея Белого // СЗ. 1934. № 56. С. 257–283.

⁶ См.: *Федотов Г.П.* Новый идол // СЗ. 1935. № 57. С. 397–411; *Руднев В.В.* Коммунизм и национализм: (По поводу статьи Г.П. Федотова) // Там же. С. 412–422.

⁷ Вероятно, имеется в виду Социально-философский кружок РСХД, действовавший в 1933–1934 гг. (см.: Хроника. Франция. Т. 4 [указ.]. С. 460). См. также примеч. 3 к п. 3.

7. Руднев — Вышеславцеву

Раи. 2 ноября 1940 г.

суббота, 2.XI.¹

Дорогие Борис Петрович и Наталья Николаевна²!

Очень тронут Вашей добротой и вниманием: вчера Ваш родственник (извините, не знаю его имени отчества) принес мне от Вас пижаму. Спасибо большое, но сейчас уже имею возможность не лишать Бориса Петровича столь необходимой вещи: здесь, в багаже сына Долгополова³, нашлась пижама, и я т.о. вполне оборудован для клиники⁴.

При первом случае, через Феничку, верну Вам сверточек.

Еще раз спасибо. Преданный Вам

В. Руднев

Из Парижа, от только что приехавших, грустные вести о моральной атмосфере в Париже (среди русских). Ах, кажется, не следует Вам торопиться туда возвращаться. Идет атака и на Вл[адьку] Евлогия⁵, сл[едовательно] и на Богосл[овский] институт.

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Vysheslavtsev papers. Box 1). Год установлен по содержанию.

¹ Суббота пришлась на 2 ноября в 1940 г.

² Вышеславцева (урожд. Алексеева) Наталия Николаевна (?–1959, Женева), жена Б.П. Вышеславцева, церковный деятель.

³ Долгополов Александр Николаевич (1913–1957), сын Н.С. Долгополова, друга Руднева, врача и общественного деятеля (председателя парижского Земгора), находившегося во время Второй мировой войны в По.

⁴ В начале ноября 1940 г. Руднев был оперирован в связи с раком желудка; ср. его письмо к Н.Н. Берберовой и Н.В. Макееву от 3 ноября 1940 г. («Operation cette semaine»), а также его письмо к П.М. Бицилли от 4 ноября 1940 г. («В конце этой недели – операция») (наст. изд. Т. 2. С. 645). Операция не смогла спасти Руднева; он скончался 20 ноября.

⁵ Евлогий (Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946, Париж), митрополит; в 1925–1946 гг. ректор Богословского института в Париже.

8. Вышеславцев — Степуну

Praha. 29 августа 1944 г.

29 авг. 1944. Prag V. Nürnbergstr. 19/23

Дорогой Федор Августович,

все еще не удалось нам увидеться с Вами так, как мы рассчитывали. Но теперь в мире события, самые маленькие, совсем почти не зависят от нашей воли:

«Кто смеет молвить: до свиданья
Чрез бездну двух или трех дней?»¹

По-видимому, мы еще раз в жизни потеряли дом, очаг и имущество в Париже. Приходится просить участия и совета у старых друзей, к[а]к Вы, на случай если придется вдруг выметаться из Праги. Здесь становится неуютно и мы хотим перебраться в Германию. Думаете ли Вы сами оставаться на месте? Если да, то могли ли бы Вы нас где-либо устроить? Может быть, кто-либо мог бы нам сдать комнату? Это я Вас спрашиваю на крайний случай, когда вдруг решим отсюда уезжать. Независимо от этого мы могли бы приехать на неск[олько] дней повидаться с Вами, остановившись в отеле, если только это возможно. Вот Вам на всяк[ий] случай наш телефон в Праге: 600–77 (дома наверное от 8–9½ утра, даже до 10). Не знаю, можно ли звонить по частному телефону. Сообщите, если это возможно, Ваш номер.

События во Франции таковы, что сердце обливается кровью за всех наших друзей и знакомых и за русских вообще. У Вас ли еще Осоргин² из Парижа? Если да, передайте ему мой сердечный привет и глубокое сочувствие в нашей общей тревоге за всех близких, за наш Институт³. Надеюсь, Вы правильно поймете смысл моего письма.

Сердечно обнимаем оба Наталью Николаевну [Степун] и Вас. Преданный Вам
Б. Вышеславцев

Публикуется по автографу (Beinecke Library. Stepun papers. GEN MSS 172. Vox 36. F. 1267).

¹ Третий и четвертый стих из четверостишия Ф.И. Тютчева 1854 г. («Увы, что нашего незнанья / И беспомощней и грустней? / Кто смеет молвить: до свиданья / Чрез бездну двух или трех дней?»).

² Осоргин Михаил Михайлович (1887–1950, Париж), общественно-церковный деятель; в 1930–1947 гг. преподаватель церковного устава и церковного пения в Богословском институте. См.: Нивьер. Священнослужители. С. 355–356; Российское зарубежье во Франции. Т. 2. С. 363.

³ Вышеславцев преподавал в 1927–1943 гг. нравственное богословие в Богословском институте в Париже.

*«Если в чем-нибудь я строго следую
традициям русской литературы,
то именно в вопросе об авансах»:*
Г.И. Газданов

Публикация, вступительная статья и примечания
М. Вендитти

Сотрудничество Гайто (Георгия Ивановича) Газданова в СЗ приходится на наиболее плодотворный период его творческой жизни¹. Первое произведение, рассказ «Исчезновение Рикарди», появляется в № 45 за 1931 год, после публикации привлечшего внимание критики романа «Вечер у Клэр» (Париж: Поволоцкий, 1930). Газданов фигурирует как автор в 18 книгах СЗ вплоть до последнего, 70-го номера за 1940 год; он опубликовал в журнале восемь рассказов, первый вариант романа «История одного путешествия», главы из романа «Ночные дороги», статью «О молодой эмигрантской литературе», некролог и три рецензии. Одновременно с участием в СЗ Газданов печатается и в других журналах, становясь одним из крупнейших представителей молодого поколения эмигрантов довоенных лет.

Биография писателя известна²: Газданов родился 23 ноября 1903 г. в Петербурге в осетинской семье; учился в 1912–1919 гг. в гимназии в Харькове, затем поступил в Добровольческую армию, с которой в ноябре 1920 г. покинул Россию; участвовал до начала 1922 г. в Галлиполийском сидении; в феврале 1922 г. поступил в русскую гимназию в Константинополе, затем был принят в последний класс Шуменской гимназии в Болгарии, которую закончил год спустя.

Двадцатилетний Гайто приехал в Париж в конце 1923 г. Газданов не сразу принял участие в литературной жизни столицы; он «пришел “ни от кого”, не имея ничьей рекомендации. А в русской эмиграции наличие нужных знакомств для молодого соотечественника подчас было важнее, чем знание языка»³. Газданов поселился в пригороде Парижа, в «Бьянкурсе»⁴, т.е. в районе Billancourt, где жили рабочие завода Renault (среди которых было немало и русских эмигрантов). Разнообразие профессий, за которые Газданов брался, чтобы избавиться от нищеты, стало хрестоматийным элементом его биографии: чернорабочий, грузчик, мойщик паровозов, слесарь и многое другое; работа таксистом с 1928 по 1952 г. более всего отразилась не только на его биографии, но и в творчестве. О «мифе» русских таксистов в Париже писалось много; согласно Е. Менегальдо, отец которой был таксистом, эта профессия была среди русских эмигрантов в моде⁵. Ночная жизнь Парижа — среда одиноких людей и алкоголиков, проституток и сутенеров, воров и мошенников, которых встречал Газданов,

¹ См.: *Dienes L. Russian Literature in Exile: The Life and Work of Gajto Gazdanov.* München, 1982. P. 84.

² См.: *Орлова О.* Газданов. М., 2003 (ЖЗЛ). См. также: *Bibliographie des œuvres de Gaïto Gazdanov / Etablie par L. Dienes.* Paris, 1982. P. 19–22 («Chronologie de la vie de l'auteur»); *Диенеш Л., Красавченко Т.* Хронология жизни и творчества Гайто Газданова // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. / Под общ. ред. Т.Н. Красавченко. М., 2009. Т. 5. С. 487–496.

³ *Орлова О.* Газданов. С. 72.

⁴ *Menegaldo H. Les russes à Paris: 1919–1939.* Paris, 1998; *Менегальдо Е.* Русские в Париже 1919–1939 / Пер. с фр. Н. Поповой, И. Попова. Изд. 2-е. М. 2007. С. 143. Ср. также цикл рассказов Н.Н. Берберовой «Бьянкурские праздники», в которых описана русская среда Бьянкура (*Берберова Н.* Бьянкурские праздники. М., 2011).

⁵ *Menegaldo E.* Русские в Париже. С. 179–207. См. также: *Calusio M. Il paradiso degli amici. Per un'analisi della poetica di Boris Poplavskij.* Milano, 2009. P. 107; *Jevakhoff A. Les Russes blancs.* Paris, 2011. P. 406–410.

работая таксистом в этом «огромном и апокалиптически смрадном лабиринте»⁶, – изображена в позднем романе «Ночные дороги»⁷.

В 1926 г. Газданов работает на заводе «Рено», благодаря чему получает «carte d'identité», французское удостоверение личности, и легализует свое пребывание в Париже. В это же время будущий писатель решает поступить в университет, для чего требовался документ об окончании гимназии от русского консульства; о встрече с русским чиновником посольства с иронией рассказал Газданов в позднем романе «Призрак Александра Вольфа» (1947–48)⁸. Он поступает в Сорбонну, где изучает историю литературы и социологию. Одновременно писатель начинает литературную деятельность; первый рассказ появляется в журнале «Своими путями»⁹. С 1927 по 1931 г. Газданов печатает свои короткие, но яркие рассказы в духе Мопассана в пражской «Воле России». Редактор журнала Марк Слоним напишет позже: «Мы «открыли» Поплавского и Газданова»¹⁰.

В 1927 г. Газданов входит в литературный круг Парижа, становится активным членом Клуба русских писателей и Союза молодых поэтов и писателей; принимает участие в собраниях литературного объединения «Кочевье» (1928–1938); в декабре 1928 г. вступает в Союз журналистов и писателей в Париже¹¹; участвует в работе Франко-русской студии (1929–1931). Газданов посещает также собрания «Зеленой лампы», но его отношения с хозяевами, в частности с Д.С. Мережковским, явно не складываются¹². На всех этих литературных сборищах он выступает с докладами о Селине, Гоголе, По, Розанове и других писателях. Газданов понимал литературу как общее явление, не отделяя русскую литературу от европейской.

К этому периоду относится очень важное для Газданова знакомство с М.А. Осоргиним. Осоргин высоко ценил талант молодого писателя и собирался опубликовать его первый роман «Вечер у Клэр», но планы не осуществились, и роман был издан

⁶ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 2. С. 187.

⁷ В № 69 и 70 СЗ были опубликованы первые две части под названием «Ночная дорога»; отдельное издание – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

⁸ «Это был маленький сердитый старичок с огромной седой бородой, который мне сказал: – Ничего я вам не дам. Откуда я знаю, кто вы такой? Может быть, вы профессиональный преступник, может быть, убийца, может быть, бандит. Я вас вижу первый раз в жизни. Кто вас знает в Париже? – Никто, – сказал я. – Здесь у меня есть несколько товарищей, с которыми я учился, но они все такие же, как я, никто из них вам лично не известен, и ничто вам не мешает предположить, что каждый из них тоже профессиональный преступник и убийца и еще к тому же мой сообщник. – Зачем вам эта бумага? – Я хотел бы поступить в университет. – Вы? В университет? – Да, если вы все-таки дадите мне эту бумагу. – Для этого, батюшка, надо иметь среднее образование. – У меня есть аттестат зрелости. – И по-французски знать надо. – Я знаю. – Где же вы могли научиться? – Дома, в России. – Бог вас знает, – сказал он с сомнением, – может быть, вы и не бандит, я ведь этого не утверждаю категорически, у меня нет для этого фактических данных. Покажите-ка мне ваш аттестат. Он посмотрел его, потом вдруг спросил: – Почему средние отметки по алгебре и тригонометрии? А? – У меня нет склонности к так называемым точным наукам. – Ну хорошо, дам я вам эту бумагу. Но смотрите, на вашу ответственность. – Хорошо, – сказал я, – если меня арестуют и посадят в тюрьму, обещаю на вас не ссылаться» (Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 3. С. 65–66).

⁹ Газданов Г. Гостиница грядущего // Своими путями (Прага). 1926. № 12/13. Г.В. Адамович, первый рецензент Газданова, писал: «Истрепанное, потерявшее вес и значение слово “странный” надо к нему применить. “Странность” Газданова не поверхностна, не в приемах или способах повествования, не в том, с чем свыкаешься. Она идет из глубин» (Адамович Г.В. Литературные беседы // Звено. 1926. 5 сент. № 188. С. 1–2; цит. по: Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 834).

¹⁰ Слоним М. О Марине Цветаевой: Воспоминания // НЖ. 1970. № 100. С. 165.

¹¹ См.: Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 5. С. 36.

¹² А.В. Бахрах вспоминал, что ему «случилось присутствовать на собрании “Зеленой лампы”, когда во время его выступления Газданов с места громко крикнул что-то весьма неласковое. Оратор, казалось бы, пропустил мимо ушей этот выкрик, но затем, закончив свою речь и выдержав небольшую паузу, добавил: “Христос заповедал нам любить врагов наших. Газданов мне не враг, но я его и не люблю» (Бахрах А.В. «Газданович» // Он же. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. С. Никоненко. М., 2006. С. 424).

Я. Поволоцким. Осоргин сообщал Горькому в письме от 8 ноября 1929 г.: «Я жду немало от Г. Газданова, книжка которого (“Вечер у Кэт” [так у Осоргина]) скоро выйдет в “Петрополисе”; автор еще очень молод, студент»¹³. Газданов послал свою книгу Горькому, и в феврале–марте 1930 г. писатели обменялись письмами¹⁴.

1930 год был для Газданова ключевым: успех романа «Вечер у Клэр» принес ему литературное признание; писатель начал печататься в парижской периодике — в журналах «Мир и искусство» и «Числа». Тогда, вероятно, Газданов и познакомился с автором «Чисел» Борисом Поплавским; дружба между этими столь различными людьми длилась вплоть до безвременной смерти поэта в 1935 г. Рассказ Газданова «Водяная тюрьма», опубликованный в первом номере «Чисел», был отмечен критикой¹⁵. Одним из рецензентов был Осоргин; именно он рекомендовал Газданова редакции СЗ, как явствует из письма Фондаминского к Вишняку и Рудневу от 17 августа 1930 г.: «Видел Газданова — он производит впечатление умного человека. Всецело к нашим услугам. Уже давно передал Осоргину рассказ для нас» (Ред., п. 255). В январе 1931 г., когда появилась первая публикация Газданова в СЗ, писателю 27 лет.

Г.Н. Кузнецова 4 января 1931 г. записала в дневнике отзыв Фондаминского, только что приехавшего в Грасс из Парижа: «Познакомился с Газдановым. Сказал о нем, что он произвел на него самое острое и шустрое, самоуверенное и дерзкое впечатление. Дал в “Современные записки” рассказ, который написан “совсем просто”. Открыл в этом году истину, догадался, что надо писать “совсем просто”»¹⁶.

По рекомендации Осоргина Газданов в 1932 г. вступил в масонскую ложу Северная звезда и оставался масоном до конца жизни, достигнув высших степеней масонской иерархии¹⁷. Среди членов этой парижской ложи было немало сотрудников СЗ — Н.Д. Авксентьев, М.А. Алданов, Г.Д. Гурвич, Л.Ф. Зуров, А.П. Ладинский, С.В. Познер, С.Г. Шерман (Савельев). Газданов был также членом организованной Осоргиным независимой ложи Северные братья (1932–1939), объединяющей представителей интеллигентской элиты русского Парижа; в рамках этой ложи было проведено 150 заседаний, на которых зачитывались доклады по широкому спектру философских и литературных тем¹⁸. Масонство Газданова интерпретировалось по-разному; Л. Диенеш, автор первой монографии о жизни и творчестве Газданова, определяет масонский опыт писателя как некое вступление в литературно-критическую школу, где «масонский таксист» встречает лучших представителей эмигрантской интеллигенции. Исто-

¹³ Цит. по: *Газданов Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 807.

¹⁴ См.: Там же. Т. 5. С. 39–42. В своем письме Горький давал Газданову литературные советы: «Вы еще и не весь и не совсем “свой”, в рассказах Ваших чувствуются влияния, чуждые Вам, — как мне кажется. Виртуозность французской литературы, очевидно, смущает Вас [...]. Будьте проще, — Вам будет легче, будьте свободней и сильнее» (С. 39).

Пять лет спустя, узнав о тяжелой болезни матери, жившей в Советской России, в Орджоникидзе, Газданов обратился снова к Горькому; в письме от 20 июля 1935 г. он сообщал: «Я хочу вернуться в СССР, и если бы Вы нашли возможным оказать мне в этом Вашу поддержку, я был бы Вам глубоко признателен. Я уехал за границу шестнадцать лет, пробыв перед этим год солдатом белой армии, кончил гимназию в Болгарии, учился четыре года в Сорбонне и занимался литературой в свободное от профессиональной шоферской работы время. [...] я бы тотчас обратился в консульство и впервые за пятнадцать лет почувствовал, что есть смысл и существования, и литературной работы, которые здесь, в Европе, не нужны и бесполезны» (Там же. С. 43). Горький высказал готовность помочь писателю, но намерение не осуществилось.

¹⁵ См.: *Bibliographie des œuvres de Gaïto Gazdanov.* P. 43.

¹⁶ *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / [Сост. А.К. Бабореко]. М., 1995. С. 193–194.

¹⁷ См.: Серков. Русское масонство. С. 215; *Dienes L.* Russian Literature in Exile. P. 44–48; *Орлова О.* Газданов. С. 125–136; *Газданов Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 3. С. 685–697, 729–733; Т. 5. С. 442–465.

¹⁸ *Dienes L.* Russian Literature in Exile. P. 46–47; *Серков А.И.* История русского масонства XX века: В 3 т. СПб., 2009. Т. 2. С. 158–178.

рик русского масонства А. Серков подчеркивает, что масонские доклады писателя – это «неотъемлемая часть творчества Газданова как литературного критика»¹⁹.

Участие Газданова в СЗ – важнейший момент его художественной и личной жизни²⁰, как свидетельствуют публикуемые ниже письма; в них начертан своеобразный портрет писателя, сообщаются неизвестные факты его биографии. Переписка Газданова с членами редакции охватывает период с июля 1932 г. по декабрь 1939 г. и насчитывает 59 писем; большинство из них (40) адресовано Рудневу, 16 – Вишняку, одно письмо – В.И. Рудневой; имеются также два черновика писем Руднева Газданову. Первое дошедшее до нас письмо, адресованное Вишняку, относится ко времени, когда Газданов уже напечатал два рассказа в СЗ («Исчезновение Рикарди» и «Счастье»). Остальные письма к Вишняку касаются в основном сотрудничества с журналом «Русские записки»²¹.

Во внутриредакционной переписке имя Газданова упоминается редко; впервые – в письме Фондаминского к Вишняку от 21 августа 1930 г.: «поступил рассказ Газданова (1 лист) – написано хорошо, но непонятно. Отправлю Степуну» (Ред., п. 544). Беглая оценка редактора СЗ отражает общее восприятие от повествовательного стиля Газданова: с одной стороны – отличный русский язык, с другой – «странность» изложения и сюжета²². Весьма характерна поздняя оценка Б.К. Зайцева: «Писатель даровитый, но впечатление странное производил: иностранец, хорошо пишущий на русском языке...»²³.

Творчество Газданова в 1930-е гг. не было принято безоговорочно, и его оригинальность была признана гораздо позже. Показательно, что Руднев сообщал Вишняку в письме от 21 августа 1937 г. об отсутствии материалов для очередного номера СЗ: «Небывалое, мне кажется, в истории журнала, *дезертирство* авторов, уже давших согласие и гарантировавших свои статьи для книжки. Я уже сообщал, что в белл[етристическом] отделе отпали *Алданов, Сирин, Замятин*. Налицо – лишь *Берберова* и *Газданов*. Хотя я и не расцениваю их, как ты, но ясно, что они “возглавлять”, “вести” № не могут» (Ред., п. 503).

В своих письмах к Рудневу Газданов подробно рассказывает о своей жизни; со временем тон писем меняется по мере роста литературной карьеры писателя. Газданов в своих письмах больше стремится проявить свои способности повествователя, чем выразить собственные мнения о литературе. Характерный признак этих писем – пестрое описание обыденных подробностей на фоне трудных условий эмигрантского быта; писатель выразительно рассказывает Рудневу о том, как непросто ему совмещать работу таксиста с литературной деятельностью: «Автомобильные дела обстоят довольно плачевно; но ввиду того, что все вообще могло бы быть еще гораздо хуже, жаловать-

¹⁹ См.: *Газданов Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 3. С. 731; см. также: *Газданов Г.И.* Масонские доклады / Публ. А.И. Серкова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 178–185.

²⁰ См.: *Азаров Ю.А.* Гайто Газданов и журнал «Современные записки» // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. М., 2008. С. 53–61.

²¹ Газданов опубликовал в РЗ рассказы «Бомбей» (1938. Июнь. № 6. С. 3–50), «Хана» (1938. Ноябрь. № 11. С. 64–98), «Вечерний спутник» (1939. Апр. № 16. С. 62–89), роман «Полет» (1939. Июнь. № 18. С. 3–60; Июль. № 19. С. 17–62; Авг.–Сент. № 20/21. С. 3–62) и две рецензии – на книгу М.А. Алданова «Бельведерский торс» (Париж: Рус. записки, 1938) (1938. Окт. № 10. С. 194–195) и на роман И.В. Одоевцевой «Зеркало» (Брюссель: Петрополис, 1939) (1939. Март. № 15. С. 196–197).

²² Л.Д. Бугаева толкует эту «странность» как производную масонской символики. См.: *Бугаева Л.Д.* Масонство как историко-литературная проблема: Г. Газданов и М. Осоргин // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Мат-лы междунар. конф. (2–5 февр. 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 255–260.

²³ Цит. по: *Орлова О.* Газданов. С. 175.

ся не стоит» (п. 3); «я работал как негр — в автомобильном смысле, и литературе не мог посвящать особенно много времени» (п. 22); «вообще работаю и на автомобиле и в литературе, т.к. сижу за романом, который пока идет медленно» (п. 43)²⁴.

Постоянная тема писем Газданова — деньги, точнее, безденежье; писатель постоянно борется с нуждой и твердо намерен добиваться вознаграждения за литературную работу; наиболее ярко это выражено в письме к Рудневу от 24 июля 1934 г.: «нельзя ли было бы мне получить аванс в 200 франков, которые мне необходимы до резезу? В том же случае, если бы редакция в данный момент не располагала бы свободными деньгами, то, может быть, можно было бы узнать, когда вообще в ее кассе будет такая сумма, — в соответствии с этим я постарался бы предпринять какую-нибудь кредитную операцию — хотя это и было бы чрезвычайно трудно. Если в чем-нибудь я строго следуя традициям русской литературы, то именно в вопросе об авансах: происходит это, однако, по причинам от меня независимым» (п. 8); примеры легко умножить: «вопрос, конечно, все тот же, о деньгах [...] Речь шла о 100 фр.; если бы оказалось, что эту сумму можно повысить до 150, это было бы совершенно замечательно и устроило бы меня чрезвычайно, но если это невозможно...» (п. 20); «S.O.S. с Ривьеры с просьбой [...] прислать мне франков сто, которые обязуюсь честно отработать в этом же номере» (п. 30). Показательно, что данная тема затрагивается Газдановым и в некрологе Поплавскому: «Он меня спрашивал однажды: — Скажите, вы согласились бы что-нибудь напечатать бесплатно, потому что это для искусства? — Нет. — А если бы вам не заплатили? — Не знаю, я думаю, что это невозможно»²⁵.

С 1936 г. обстоятельства жизни Газданова меняются к лучшему; во время отпуска в южной Франции он знакомится с будущей женой Фаиной Дмитриевной Ламзаки; участие в РЗ с 1938 г. приносит ему некоторую стабильность в денежных делах, как явствует из письма к Рудневу от 15 октября 1938 г.: «соображения финансового характера здесь не играют никакой роли, т.к. так или иначе я дам значительное количество материала в “Р[усские] з[аписки]”» (п. 44). Забавно читать, как писатель иногда успокаивает редактора, что не пишет по поводу денег: «никаких ни задних мыслей ни литературных соображений или планов у меня нет, просто так, по хорошему» (п. 45); «обещаю не говорить ни о гонораре, ни о сроках» (п. 54). Но это лишь недолгий благополучный промежуток; уже в следующем письме Газданов спрашивает Рудневу: «ввиду ближайшего отъезда и “мобилизации финансовых возможностей”, нельзя ли получить из редакции “С[овременных] з[аписок]” франков 500 — если, конечно, редакция располагает такими суммами» (п. 55). Вишняка он просит 26 декабря 1939 г. выдать ему удостоверение, «в котором было бы сказано, что я, в качестве сотрудника “Р[усских] з[аписок]” блаженной памяти, получил за период, скажем, от 1 окт[ября] 1938 до 1 окт[ября] 1939 г. такую-то сумму денег, и что теперь, ввиду прекращения журнала, мои гонорары столь же автоматически прекратились. Это удостоверение мне необходимо для борьбы на квартирном фронте. Думаю, что редакцию он[о] ни к чему не обяжет, тем более что, точно соответствует истине» (п. 59).

В 1940 г. Газдановы не покинули Франции, оккупированной гитлеровской армией; в годы войны оба они участвовали во Французском Сопротивлении. После войны Газданов публиковался в «Новом журнале», «Опытах», «Мостах», «Русской мысли».

²⁴ Газданов описывал сложные условия своей литературной деятельности также в письме к Горькому от 3 марта 1930 г.: «Я писал до сих пор просто потому, что очень люблю это, — настолько, что могу работать по 10 часов подряд. Теперь же вообще у меня нет материальной возможности заниматься литературой, я не располагаю своим временем и не могу ни читать, ни писать, работаю целый день и потом уж совершенно тупею» (Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 5. С. 41).

²⁵ СЗ. 1935. № 59. С. 465; Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 743.

С начала 1953 г. работал на радио «Свобода»; в 1953–1959 гг. был редактором русской службы, затем главным редактором Отдела новостей в Мюнхене; в 1959–1967 гг. возглавлял парижскую, в 1967–1971 гг. мюнхенскую редакцию «Свободы». Скончался 5 декабря 1971 г. в Мюнхене от рака легких; похоронен на русском кладбище в Sainte-Geneviève-des-Bois под Парижем (см. илл. 4).

Письма Газданова к редакторам СЗ носят в основном деловой характер, но встречаются и пассажи с яркими описаниями случаев из частной жизни; таково письмо к Рудневу от апреля — мая 1935 г.: «четыре дня, нет, шесть дней тому назад у нас в доме случилось несчастье: женщина, в кварт[ире] которой я живу 8 лет, тяжело заболела, была при смерти и чудом перенесла переезд в клинику, где ее оперировал Маршак [...]. О романе я, конечно, не мог и думать — он остановился на том месте, где его застала болезнь этой дамы» (п. 15).

Особняком стоят три обстоятельные послания Газданова к Рудневым из Cagnes-sur-Mer на Лазурном берегу от августа—сентября 1936 г.; не только объем, но и шутивно-интимный тон этих писем свидетельствует о налаживающихся к этому времени особых, приятельских отношениях между молодым автором и четой Рудневых. Газданов живописно повествует о своих летних каникулах. Первое письмо от 7 августа 1936 г. адресовано В.И. Рудневой: «пишу только теперь, потому что жизнь, хотя и великолепная, но очень трудная. Пишу я, например, лежа в палатке, что само по себе есть скорее эквилибристика, чем литература. Живу на берегу этого самого Средиземного моря, купаюсь, загораю и вообще живу как последний буржуй. Только питаюсь я продуктами и блюдами собственного изготовления, которые чрезвычайно далеки от тех гастрономических великолепий, к которым Вы меня приучили. [...] Интеллектуальный мой уровень резко понизился, и вид стал настолько неинтеллигентный, что никто бы не заподозрил во мне сотрудника “Современных записок”» (п. 29).

Две недели спустя, 21 августа 1936 г., Газданов сообщает Рудневу: «Жизнь здесь райская, и впервые за много лет я чувствую себя настолько счастливым, что ежели бы мне несколько раньше сказали, что я способен испытывать такие чувства, я бы этому не поверил. Купаюсь с утра до вечера, почернел как негр, и вообще все совершенно замечательно. Любопытно “возвращение к природе”, по-видимому, нормальная реакция после многолетней городской жизни; полная атрофия не то чтобы всех решительно умственных способностей, но во всяком случае значительной их части и, в первую очередь, возможностей аналитического порядка». Любопытен пассаж о русских писателях, заселяющих летом Лазурный берег: «Здесь, рядом, в Cannes живет целая литературная колония, — Алданов, Фельзен и т.д. Но Алданов, кажется, как всякий честный буржуа с брюшком предпочитает спокойное кафе неверным волнам Средиземного моря. Фельзен — тоже, пишет, кажется, новый роман: я лично никого из них не видел и знаю это от Слонима, которому в свою очередь литературные новости рассказал Бунин и чета Зайцевых, которых он видел в Грассе. Я же не могу написать ни одной строчки ни о чем, все лежу на море или хожу по Ривьерским дорогам» (п. 30).

Чрезвычайно интересно третье письмо от 1 сентября 1936 г. Газданов подробно описывает в нем Рудневу, как он едва ли не утонул, купаясь в Средиземном море. Писатель завершает свой рассказ словами: «Прошу у Вас прощения, что рассказываю так долго об этом, но я получил такое большое удовольствие от того, что не утонул, что это надолго заняло все мои мысли. Глупейший эгоизм, конечно — но в какой-то мере понятный, я думаю» (п. 31). Данное письмо — это, в сущности, полноценный миниатюрный рассказ, маленький повествовательный шедевр Газданова.

Публикуемая переписка содержит много сведений об истории создания романа «История одного путешествия», с работой над которым связано свыше двух десятков

писем (п. 2–26). После публикации первых рассказов в СЗ²⁶ Газданов предложил редакции напечатать роман; в письме к Рудневу от 31 октября 1933 г. он сообщает: «Рассказ у меня есть, но его нужно еще переписать и переделать. Было бы проще, ежели бы я мог прислать отрывок из романа; но, я думаю, что это редакцию “Современных записок” вряд ли бы устроило» (п. 2). Но когда редакторы согласились и попросили прислать роман на прочтение, Газданов ответил Рудневу 7 ноября 1933 г., что он еще не готов: «Я бы с удовольствием послал Вам роман для прочтения: но, во-первых, он еще не совсем закончен, во-вторых, он у меня в черновике [...]. Я был бы очень рад, если бы Вы согласились бы à l'aveugle [не глядя (фр.)] — хотя это не в привычках “С[овременных] з[аписок]” — на напечатание отрывка из романа, который я прислал бы Вам — в готовом виде — через две недели» (п. 3). Газданов повторяет свое предложение в письме к Рудневу от 2 мая 1934 г.: «не нужен ли “Совр[еменным] зап[искам]” роман “подававшего надежды” автора? [...] Покуда что позволю себе обратиться Ваше внимание на тот факт, что до сих пор в течение долгого времени я печатал в “Совр[еменных] зап[исках]” рассказы — и ни одного романа; этим далеко не все могут похвастаться» (п. 6). Шесть недель спустя Фондаминский напишет Рудневу в письме от 20 июня 1934 г., как бы в ответ Газданову: «Я решительно перешел бы на молодежь, тем более что скоро это станет физически необходимым. Газданов, Темирязов, Берберова, Фельзен, Зуров — всё это подающая надежды молодежь. [...] У молодежи я брал бы и романы, а не только рассказы» (Ред., п. 420).

Первая часть романа «История одного путешествия» была опубликована Газдановым под заглавием «Начало» (СЗ. 1934. № 56. С. 185–200), без указания на то, что это именно начало более крупного произведения. В своей рецензии на 56-й номер Ходасевич пронизательно отметил: «под заглавием “Начала” Г. Газданова напрасно не помечено, что это — начало романа или, быть может, повести. Если это отрывок, как я смею предположить, то по нему еще нельзя судить о целом. Если это законченная вещь, то слабость ее композиции бросается в глаза. Полагаю, однако, что это именно лишь “начало” более обширной вещи, начало, очень хорошо написанное, с большим чувством стиля, но — неизвестно куда ведущее. Если мое предположение верно, то не могу не поставить в упрек редакции “Современных записок” ее склонности урезывать молодых авторов, уродуя их произведения и не давая им законной возможности состязаться со старшими на равных условиях»²⁷. На самом деле редакция совсем не собиралась печатать один лишь отрывок; Фондаминский сообщал Рудневу в письме от 20 июня 1934 г.: «У Газданова попросить *весь* его роман и, если он не *скучен*, взять его целиком. Начало печатать со следующей книжки, когда кончится Сирин или Алданов. *Ни в коем случае* не брать у него *отрывка из романа*: мы не хрестоматия, а отрывок Газданова самостоятельного интереса представлять не может» (Ред., п. 420); к данному

²⁶ Первый рассказ Газданова в СЗ, «Исчезновение Рикарди», несколько разочаровал критиков. Резко отрицателен отклик С.Г. Шермана: «Поверхностность и банальность настолько пронизывают весь рассказ, что не хочется верить, что он написан автором “Вечера у Клэр”. Все действующие лица, положения, реплики, цитаты из энциклопедического словаря — напоминают давно выработанный шаблон новелл для воскресных приложений западноевропейской газеты» (Савельев А. [Шерман С.Г.] «Современные записки» (книга сорок пятая) // Руль. 1931. 25 февр. № 3116. С. 2–3). Имелись и положительные отзывы: Ю.Л. Сазонова писала о «привлекательной индивидуальности» творчества Газданова (Сазонова Ю. Современные записки. Часть литературная [№ 45] // ПН. 1931. 5 марта. № 3634. С. 2); согласно Е.С. Вебер-Хирьяковой рассказ написан «с большим художественным изяществом» (Луганов А. [Вебер-Хирьякова Е.С.] «Современные записки» (книга 45-я // За свободу! 1931. 18 февр. № 46 (3380). С. 3–4). Уже со следующего рассказа, «Счастье», рецензенты начинают осознавать оригинальность Газданова и ставить его рядом с Набоковым. О рецензии рассказов Газданова, опубликованных в СЗ, см.: Dienes L. Russian Literature in Exile. P. 83–101; Орлова. Газданов. С. 169–176.

²⁷ Ходасевич В.Ф. Книжки и люди. «Современные записки», кн. 56 // Возрождение. 1934. 8 нояб. № 3443. С. 3.

пассажу Руднев сделал помету на полях: «Но Г[азданов] сам не очень хочет». Рудневу тоже не нравилась идея публикации лишь фрагментов романа, как явствует из черного наброска письма к Газданову от 25 июля 1934 г. (п. 9). Писатель и сам осознавал фрагментарность «Начала»; в письме к Рудневу от 24 сентября 1934 г. он сообщает: «Я видел начало и конец рукописи — производит это, действительно, странное впечатление — ни рыба ни мясо. Но уж бог с ним» (п. 10); 56-я книга СЗ с газдановским текстом вышла из печати в октябре 1934 г.

Газданов снова завел разговор о романе в письме к Рудневу от 27 февраля 1935 г., сообщая: «Я почти кончил приведение его в относительный порядок» (п. 12). На рукописи «Истории одного путешествия» проставлена дата 20 марта 1935 г.²⁸ Отрывки из романа появились в 58-м и 59-м номерах СЗ — в мае и в ноябре 1935 г. На этот раз редакция журнала попросила Газданова сократить текст. Писатель ответил в письме к Рудневу от 15 сентября 1935 г.: «при всем желании быть Вам приятным, не могу вполне согласиться с просьбой выбросить части романа [...]. В том случае, если это окончательно невозможно — ничего, конечно, не поделаешь. [...] Вообще же, конечно, поступайте как будет угодно — Вы знаете, что я к литературе вообще и к своим произведениям в частности отношусь с совершенным хладнокровием» (п. 17). Отдельным изданием «История одного путешествия» вышла в 1938 г. в парижском издательстве «Дом книги».

В конце 1930-х гг. Газданов писал одновременно еще два романа: «Ночные дороги» для СЗ и «Полет» для РЗ. В письме от 29 ноября 1938 г. он сообщает Рудневу, что обещанный им Вишняку роман не сразу будет напечатан; там же он подтрунивает над секретарем РЗ: «Разговор мой с Вишняком происходил так, приблизительно, как я и предполагал: в ближайших, кажется, трех номерах “Р[усских] з[аписок]” идет роман Крестовской — очень любопытный в бытовом, знаете, отношении — сказал мне Вишняк — там, знаете, и генералы и монахи и дама одна, понимаете» (п. 47).

В это время роман «Ночные дороги» был уже начат; Газданов упоминает его в письме к Рудневу от 15 октября 1938 г.: «Но я принимаюсь сейчас за ту самую “ночную книгу”, о которой как-то говорил Вам» (п. 44). О заглавии романа автор сообщает Рудневу 31 мая 1939 г.: «Разрешите прислать заглавие позже, — ломаю себе голову, не могу найти» (п. 53). Шесть недель спустя предварительное заглавие уже устоялось; оно упоминается в письме к Рудневу от 13 июля 1939 г., в ироническом отчете о чтении романа на литературном вечере: «Вечер был гораздо удачнее, чем я мог надеяться, и даже народу было больше, чем всегда. После чтения “Ночной дороги” я два раза услышал отзыв — “гениально” (ни более и не менее) — в первый раз от сумасшедшей Присмановой, второй раз от чрезмерно любезного Алданова. Растроганный Гингер прислал мне после этого свою книгу стихов с надписью: “замечательному писателю” — одним словом, сам того не желая, я стал в тот вечер недурным сюжетом для еврейского анекдота» (п. 56). В том же письме Газданов сообщает: «Я сижу над окончанием романа [имеется в виду печатаемый в РЗ «Полет»], который надоел мне до смерти — осенью с новыми силами возьмусь за “Ночную дорогу”». Публикация обоих романов не была завершена, поскольку журналы прекратили выходить вскоре после начала войны.

Среди немногочисленных литературно-критических выступлений Газданова в СЗ особо выделяется статья «О молодой эмигрантской литературе» (1936. № 60. С. 404–408). Свои соображения о литературе Газданов высказывал и раньше — не только в докладах на литературных вечерах и заседаниях масонских лож, но и в печати. Еще в 1931 г. он опубликовал в двухнедельнике «Новая газета» (15 апр. № 4) статью «Мысли

²⁸ *Dienes L. Russian Literature in Exile. P. 118.*

о литературе», многие высказывания которой предваряют статью 1936 г. Газданов пишет в 1931 г.: «За двенадцать лет эмиграции выдвинулись два поэта (Ладинский и Поплавский) и один прозаик (Сирин). [...] Почти вся остальная “молодая” литература — это нечто вроде записок бывших сестер милосердия и отставных прапорщиков; само по себе это права на бессмертие, как известно, не дает». В качестве одной из причин такого положения вещей писатель называет «действие того культурного духа, носителями которого являются некоторые второстепенные писатели старшего поколения, живущие сейчас за границей. [...] в России эти писатели — за одним-двумя исключениями — никогда не были на первом плане. Им ошибочно присудили не принадлежащие им качества — и стали усердно у них учиться: естественно, что результаты получились самые плачевные»²⁹.

Не менее резки утверждения Газданова в статье «Литературные признания» 1934 г. (Встречи. 1934. № 6. С. 259–262). Суровость суждений заставила редакторов журнала добавить в конце статьи примечание: «Редакция не принимает, конечно, на себя ответственности за все мысли, высказываемые ее сотрудниками. Это относится, в частности, к интересной статье Г. Газданова». В ней критикуется, среди прочего, стиль эмигрантской прозы: «девяносто девять процентов наших беллетристов пишут чрезвычайно бедным, условным языком с несколькими галлицизмами и печальной трафаретностью выражений»³⁰. Как и в статье «Мысли о литературе», в данной статье представлен Набоков-Сирин как «единственный талантливый писатель “молодого поколения”»; характерно в этой связи и следующее наблюдение Газданова: «То, что герои Сирина иностранцы, я думаю, не случайно: мы живем — не русские и не иностранцы — в безвоздушном пространстве, без среды, без читателей, вообще, без ничего — в этой хрупкой Европе, — с непрекращающимся чувством того, что завтра все опять “пойдет к черту”, как это случилось в 14-м или в 17-м году»³¹.

В отличие от предыдущих работ, статья «О молодой эмигрантской литературе» породила горячую дискуссию³². Благодаря публикации в крупнейшем журнале русской эмиграции слова Газданова вызвали более широкий резонанс. Поводом для выступления послужила статья Степуна «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы» (Новый град. 1935. № 10. С. 12–28), где философ говорит об «органической связи литературы с глубинами “души эпохи”, с ее ведущей мирозерцательной темой», высказывая в связи с этим «ожидание, что эмигрантская литература окажется сильным орудием пореволюционного сознания в борьбе с духом большевизма» (С. 18). В противоположность лозунгу «Чисел», согласно которому надо обращаться «спиной к России, лицом к Западу», Степун призывает молодого писателя-эмигранта «направить свою волю и свои взоры в сторону России. [...] Важно потому лишь одно, чтобы всеми писаниями молодые эмигрантские писатели писали, живописали тот вечный облик России, который каждый эмигрант обязан не только пассивно таить, но и ежедневно активно творить в себе» (С. 28).

Пафос Степуна, пекущегося о «миссии эмигрантской литературы», казался Газданову претенциозным и необоснованным: «за шестнадцать лет пребывания за границей не появилось ни одного сколько-нибудь крупного молодого писателя. Есть только одно исключение — Сирин [...]. Вся остальная “продукция” молодых эмигрантских литераторов может быть названа литературой только в том условном смысле, в каком гово-

²⁹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 733.

³⁰ Там же. С. 735.

³¹ Там же. С. 737.

³² Перечень откликов в печати приведен в переписке Г.В. Адамовича, примеч. 1 к п. 19 (т. 2 наст. изд.). См. также: Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 5. С. 280–360, где воспроизведены некоторые статьи современников.

рят о “литературе по вопросу о свекле”»³³. Статья Степуна «направлена в пустое пространство» — не только потому, что понятия, которыми он оперирует, совершенно устарели, «но и потому, что сознание теперешнего поколения им, так сказать, “биологически чуждо”»³⁴. Газданов дает подробный анализ условий жизни молодых русских писателей за границей. Его выводы мрачны: «Живя в одичавшей Европе, в отчаянных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв после долголетних испытаний всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно ни поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует, — оно было обречено»³⁵.

В письме к Рудневу от 27 декабря 1935 г. Газданов сообщал, что его статья готова (п. 22). Однако из письма Газданова к Рудневу от 22 января 1936 г. явствует, что писатель к этому времени еще не переслал статьи, так как он собирался передать ее редакции вместе с корректурой рассказа «Освобождение» (п. 24). В начале февраля текст был у Руднева. В письме от 8 февраля 1936 г. редактор сообщал Газданову: «Перечитал Вашу статью, натошак. Впечатление: статья — не особенно Вам удалась, — и по существу Вы не совсем правы; неправы — в слишком большой *абсолютности* Вашего отрицания. В перспективе длительного существования — эмигрантская литература, разумеется, осуждена на исчезновение, — поскольку осуждена на исчезновение и сама эмиграция. [...] Вы слишком рационализировали эпоху, в которой еще много иррационального. [...] Но это — продолжение нашего вечернего разговора. Практически: статью решили все же печатать, предупреждаю только заранее, что смягчу Ваши озорничски-резкие эпитеты» (п. 25).

Несмотря на редакторское «смягчение эпитетов», статья Газданова звучит сурово и беспощадно, не отличаясь тоном от предыдущих статей о русской эмигрантской литературе. Критики не без основания отметили смесь аподиктичности и несостоятельности некоторых высказываний; характерен отклик Г.В. Адамовича: «Газданов, высказав несколько трюизмов и “общих мест”, на трех страничках расправляется не только с эмигрантской литературой, но и с Буало, с Руссо, с Гоголем, с Флобером и др. [...] Невозможно понять, что побудило редакцию серьезнейшего журнала поместить эту гимназическую писаревщину»³⁶. Особенно резкой была реакция В.Ф. Ходасевича, отметившего в своей рецензии «младенческие рассуждения о Пушкине, Дельвиге, Блоке, Брюсове» и усмотревшего в статье Газданова «образчик эмигрантского поражения» и принадлежность «к тому интеллектуальному и моральному босячеству, которое отцовское наследие растеряло, а собственного ничего не приобрело»³⁷. По-видимому, именно этот чересчур жесткий отклик Ходасевича побудил выступить в защиту Газданова других критиков — в частности, А.Л. Бема (Меч. 1936. 3 мая. № 18 (102). С. 5) и М.А. Осоргина (ПН. 1936. 19 марта. № 5474. С. 3).

Ходасевич писал в своей рецензии, что редакция СЗ «допустила [...] ошибку, дав место статье Г. Газданова “О молодой эмигрантской литературе”». “С точки зрения вечности” эта ошибка не так уже велика — просто потому, что во всех отношениях слабая, плохо продуманная (хотя и лукавая) статья Газданова очень скоро забудется»³⁸. Однако ошибся на этот раз Ходасевич; статья Газданова сегодня — один из виднейших при-

³³ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 746.

³⁴ Там же. С. 747–748.

³⁵ Там же. С. 752.

³⁶ Адамович Г. «Современные записки». Кн. 60-я. Часть литературная // ПН. 1936. 12 марта. № 5467. С. 3.

³⁷ Ходасевич В. Книги и люди. «Современные записки» [№ 60] // Возрождение. 1936. 12 марта. № 3935. С. 3–4.

³⁸ Там же. С. 3.

меров эмигрантской литературной критики, а его творчество в целом находится в центре внимания исследователей русской эмиграции.

Публикации Г.И. Газданова в СЗ

- Исчезновение Рикарди: [Рассказ] // СЗ. 1931. № 45. С. 186–211.
Счастье: [Рассказ] // СЗ. 1932. № 49. С. 164–202.
Третья жизнь: [Рассказ] // СЗ. 1932. № 50. С. 204–223.
Железный Лорд: [Рассказ] // СЗ. 1934. № 54. С. 162–185.
Начало [романа «История одного путешествия»] // СЗ. 1934. № 56. С. 185–200.
История одного путешествия: [Отрывки из романа] // СЗ. 1935. № 58. С. 107–154;
№ 59. С. 5–44.
О Поплавском: [Некролог] // СЗ. 1935. № 59. С. 462–466.
Освобождение: [Рассказ] // СЗ. 1936. № 60. С. 169–192.
О молодой эмигрантской литературе // СЗ. 1936. № 60. С. 404–408.
[Рец. на кн.:] Поплавский Б.Ю. Снежный час: Стихи, 1931–1935. Париж: Б.и.,
1936 // СЗ. 1936. № 61. С. 465–466.
[Рец. на кн.:] Земля Колумба: Сб. литературы и искусства / Под ред. Б. Миклашев-
ского [П.П. Балакшина]. Сан-Франциско, 1936. Кн. 1 // СЗ. 1936. № 61. С. 476–477.
Смерть господина Бернара: [Рассказ] // СЗ. 1936. № 62. С. 155–177.
Воспоминание: [Рассказ] // СЗ. 1937. № 64. С. 51–78.
Ошибка: [Рассказ] // СЗ. 1938. № 67. С. 53–68.
[Рец. на кн.:] Круг: Альманах. Париж: Дом книги, 1938. Кн. 3 // СЗ. 1939. № 68.
С. 480–481.
Ночная дорога: [Отрывки из романа] // СЗ. 1939. № 69. С. 170–203; 1940. № 70.
С. 95–120.

1. Газданов — Вишняку

Paris. 22 июля 1932 г.

22/VII 1932. Париж.

Глубокоуважаемый Марк Вениаминович,
простите за опоздание с ответом, которое объясняется тем, что я некоторое время не был в Париже и Ваше письмо прочел только вернувшись.

Я был польщен Вашим предложением и не скрою от Вас, что мне было бы очень лестно и приятно, если бы мой рассказ фигурировал бы в юбилейном номере «Совр[еменных] зап[исок]»¹. Не откажите в любезности сообщить мне крайний срок для присылки рассказа. Жду Вашего ответа; прошу Вас принять уверения в моем искреннем и глубоком уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 37).

¹ См.: *Газданов Г.И.* Третья жизнь: [Рассказ] // СЗ. 1932. № 50. С. 204–223.

2. Газданов — Рудневу

Paris. 31 октября 1933 г.

31/X 33. Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
я был очень польщен Вашим любезным письмом и пользуюсь случаем выразить Вам свою благодарность за «доверие».

Если бы Вы были добры сообщить мне — как всегда — крайний срок для представления рукописи, это бы меня вполне устроило. Рассказ у меня есть, но его нужно еще переписать и переделать. Было бы проще, ежели бы я мог прислать отрывок из романа; но, я думаю, что это редакцию «Современных записок» вряд ли бы устроило.

Жду Вашего ответа и прошу Вас принять уверения в моем глубоком уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

3. Газданов — Рудневу

Paris. 7 ноября 1933 г.

7/XI 33. Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, получил Ваше письмо и отвечаю на главный вопрос — о романе. Я бы с удовольствием послал Вам роман для прочтения: но, во-первых, он еще не совсем закончен, во-вторых, он у меня в черновике; а я за всю свою жизнь видел только одного человека, который способен читать мою черновую рукопись, это Т.А. Бакунина¹.

Я был бы очень рад, если бы Вы согласились бы [так!] à l'aveugle² — хотя это не в привычках «С[овременных] з[аписок]» — на напечатание отрывка из романа, который я прислал бы Вам — в готовом виде — через две недели; это чрезвычайно меня устроило бы. В том же случае, если это невозможно, я прислал бы рассказ.

Я был бы Вам очень обязан, ежели бы Вы мне сообщили Ваше мнение по поводу всего этого; потому что так или иначе мне надо приниматься за переписку — а при том ограниченном количестве времени, которым я располагаю для чисто литературной работы, это всегда сложное предприятие.

Автомобильные дела обстоят довольно плачевно³; но ввиду того, что все вообще могло бы быть еще гораздо хуже, жаловаться не стоит.

Жду Вашего ответа и прошу Вас принять уверения в моем глубоком уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Бакунина (в замуж. Осоргина) Татьяна Алексеевна (1904—1995), историк, библиограф, общественный деятель; третья жена М.А. Осоргина (с 1926 г.). Газданов дружил с четой Осоргиных приблизительно с 1927 г.

² вслепую, не глядя (фр.).

³ Газданов с 1929 г. работал таксистом. Об этом см. во вступ. ст.

4. Газданов — Рудневу

Paris. 21 ноября 1933 г.

21/XI 33. Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, я был бы Вам чрезвычайно признателен, ежели бы Вы нашли возможным отсрочить сдачу моей рукописи до понедельника 27-го числа.

В том случае, если бы оказалось, что это очень спешно, я мог бы сдать рассказ в субботу, но это было бы трудно. Рассказ мой называется «Железный лорд»¹; размер его — около 50 [тысяч] с чем-то печатных знаков.

Если Вы находите, что срок 27 числа приемлем, то не стоит беспокоиться с ответом; я буду знать, что это возможно. В противном случае — напишите мне несколько слов по этому поводу, чтобы я знал, как действовать.

Прошу Вас принять уверения в моем глубоком и искреннем уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ См.: *Газданов Г.И.* Железный лорд: [Рассказ] // СЗ. 1934. № 54. С. 162–185.

5. Газданов — Рудневу

Paris. 11 декабря 1933 г.

11/XII 33. Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, не можете ли Вы, если это не расстраивает Ваших планов в ближайшее время, дать мне небольшую аудиенцию — т.к. есть некоторые вопросы, которые меня очень интересуют — и в частности, вопрос о судьбе моего рассказа¹.

Если бы Вы были любезны мне сообщить, возможна ли эта аудиенция, и если возможна, то когда — я был бы Вам чрезвычайно признателен.

Прошу Вас принять уверения в моем глубоком и искреннем уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ См. примеч. 1 к п. 4.

6. Газданов — Рудневу

Paris. 2 мая 1934 г.

Париж, 2/V 34.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, обращаюсь к Вам с предложением: не нужен ли «Совр[еменным] зап[искам]» роман «подававшего надежды» автора¹?

В том случае, если бы это оказалось возможным, я бы сообщил Вам подробности. Покуда что позволю себе обратить Ваше внимание на тот факт, что до сих пор в течение долгого времени я печатал в «Совр[еменных] зап[исках]» рассказы — и ни одного романа; этим далеко не все могут похвастаться.

Мих. Андреевич Осоргин, которому я читал роман, мог бы, я думаю, Вам сказать, в какой степени он считает его заслуживающим — или незаслуживающим — внимания. Пишу это потому, что кроме черновика у меня нет ни одной переписанной страницы и следовательно я не могу представить Вам роман для прочтения.

Если бы все это могло для Вас представлять интерес, я прислал бы Вам — в назначенный Вами срок — нужное количество материала — скажем, два или три, или полтора листа.

Жду Вашего ответа; в ожидании его, желаю Вам всего хорошего и прошу принять уверения в моем искреннем и глубоком уважении.

Г. Газданов

5, rue Jobbé-Duval, Paris (XV).

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Газданов предлагал свой роман редакции СЗ еще в октябре 1933 г. (см. п. 2). Первый отрывок «Истории одного путешествия» был опубликован в 56-й книге за 1934 г.; следующие две части появились в номерах 58 и 59 за 1935 г. Роман был в дополненном виде опубликован отдельным изданием в 1938 г. парижским издательством «Дом книги».

7. Газданов — Рудневу

Paris. 12 июля 1934 г.

12/VI 34.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
извините меня за то, что не мог выполнить взятых на себя обязательств в смысле переписки текста для «Совр[еменных] записок». Как раз теперь я сижу над ним; работа оказалась труднее, чем я предполагал, необходимы многочисленные правки. Я пришлю Вам все на днях, как только кончу. Надеюсь, что это не внесет никакого изменения или задержки в Ваших планах.

Прошу Вас принять уверения в моем искреннем и глубоком уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

8. Газданов — Рудневу

Paris. 24 июля 1934 г.

24/VII 34 Париж.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
обращаюсь к Вам с просьбой — как всегда. Первая часть ее заключается в вопросе — принята ли моя рукопись в «Совр[еменные] зап[иски]»? В том случае, ежели бы это оказалось так, я бы просил Вас еще об одном: нельзя ли было бы мне получить аванс в 200 франков, которые мне необходимы до зарезу? В том же случае, если бы редакция в данный момент не располагала бы свободными деньгами, то, может быть, можно было бы узнать, когда вообще в ее кассе будет такая сумма, — в соответствии с этим я постарался бы предпринять какую-нибудь кредитную операцию — хотя это и было бы чрезвычайно трудно.

Если в чем-нибудь я строго следую традициям русской литературы, то именно в вопросе об авансах: происходит это, однако, по причинам от меня независимым.

Буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы разрешите тем или иным образом мои сомнения, и прошу Вас принять уверения в моем глубоком и искреннем уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Речь идет о произведении «Начало» (СЗ. 1934. № 56. С. 185–200).

9. Руднев — Газданову*Paris. 25 июля 1934 г.*

Ответ 25.VII.

Отрывок — не законченное целое. И особенно в ближ[айшей] книжке нам нежелательно еще одно «нач[ало]» или «прод[олжение]».

Упреки — в хрестоматийности. Как бы

1) или ждать весь роман в целом, чтобы вместе решить, печатать ли в «С[овременных] з[аписках]»

2) или печ[атать] завед[омо] образчик, но тогда почему непременно весь?

Просьба зайти переговорить.

Публикуется по черновому автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Год установлен по содержанию. Черновой набросок рукой Руднева на обратной стороне п. 8.

10. Газданов — Рудневу*Paris. 24 сентября 1934 г.*

24/IX 34. Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, извините за небольшую задержку рукописи — к тому же, у меня не было времени ее прочесть. Заранее соглашаюсь с поправками корректуры «Совр[еменных] зап[исок]».

Я видел начало и конец рукописи — производит это, действительно, странное впечатление — ни рыба ни мясо. Но уж бог с ним. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы сохранили для меня ту часть рукописи, кот[орая] не пошла в печать.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас принять уверения в моем искреннем уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

11. Газданов — Рудневу*Paris. До 5 декабря 1934 г.*

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, пишу Вам письмо на этот раз без какого бы то ни было корыстного расчета — с единственной целью просить Вас пожаловать на мой вечер¹ — обещаю читать после места из романа, с которым Вы незнакомы. Лышу себя надеждой на Ваше присутствие и прошу Вас принять уверения в моем искреннем уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Датируется по содержанию.

¹ По-видимому, имеется в виду вечер Газданова, состоявшийся 5 декабря 1934 г. (см.: Хроника. Франция. Т. 2. С. 643).

12. Газданов — Рудневу

Paris. 27 февраля 1935 г.

27/II 35. Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, если Вы помните, некоторое время тому назад у нас был разговор о романе, и Вы имели мужество согласиться его выслушать. Я почти кончил приведение его в относительный порядок. Я попросил бы у Вас еще неделю — к тому времени я закончил бы свои дела с *carte d'identité*¹, которыми поглощен в данную минуту, и можно было бы приступить к чтению — Вы бы назначили мне время; или, это еще лучше, я мог бы Вам протелефонировать с тем, чтобы сговориться о обстоятельствах места и времени.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас принять уверения в моем глубоком и искреннем уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ удостоверением личности (фр.).

13. Газданов — Рудневу

Paris. 20 марта 1935 г.

20/III 35. Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, извините меня, пожалуйста, за опоздание; оно объясняется тем, что я был болен гриппом и неспособен к сознательному труду. Надеюсь, что очень большого значения это опоздание иметь не будет.

Я всецело в Вашем распоряжении в смысле чтения — опять в такое же время дня, если Вам удобно.

Если у Вас все дни распределены, напишите мне, в какой из них Вы свободны. Я лично предпочел бы четверг или субботу; но мое предложение, конечно, может быть принято во внимание только в том случае, если у Вас нет никаких специальных соображений.

Желаю Вам всего хорошего, жду Ваших инструкций и прошу Вас принять уверения в моем искреннем и глубоком уважении.

Г. Газданов

P.S. Прошу прощения за дамский конверт и бумагу — других не оказалось.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

14. Газданов — Рудневу*Paris. 26 марта 1935 г.*

26/III 35. Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, я буду у Вас, если Вы ничего не имеете против этого, в четверг, как Вы мне написали, часа в 4 дня. Пользуюсь случаем выразить Вам мои соболезнования по поводу испытания, которое Вам предстоит¹, желаю Вам всего хорошего и прошу принять мое искреннее и глубокое уважение.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ По-видимому, речь идет о том самом чтении романа, на которое Руднев приглашался в предыдущих письмах; Газданов шутит, называя это «испытанием».

15. Газданов — Рудневу*Paris. Апрель–май 1935 г.*

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, оставляю Вам рукопись романа¹, прерванную на 106-й странице. Прошу прощения за то, что не переписал всего. Но четыре дня, нет, шесть дней тому назад у нас в доме случилось несчастье: женщина, в кварт[ире] которой я живу 8 лет, тяжело заболела, была при смерти и чудом перенесла переезд в клинику, где ее оперировал Маршак² (удаление гигантской кисты). Сейчас (операция была в понедельник) она находится между жизнью и смертью. У нее дочь — и больше никого в доме, кроме меня и дочери, нет. В течение всего этого времени спать приходилось только урывками по 2–3 часа и вообще было все, что бывает в таких ужасных обстоятельствах. О романе я, конечно, не мог и думать — он остановился на том месте, где его застала болезнь этой дамы. Я думаю, что еще в течение недели у меня не будет возможности работать. Я оставляю Вам рукопись со всеми моими извинениями, прошу Вас сделать все вырезки, которые Вы считаете нужными для этого номера, и обещаю Вам вручить окончание романа, как только к тому будет возможность. Надеюсь, что Вы не будете на меня в претензии, зная теперь обстоятельства, помешавшие мне выполнить мое обещание.

Желаю Вам всего хорошего и прошу верить моему искреннему и глубокому уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4) (см. илл. 6). Датируется по содержанию.

¹ См.: *Газданов Г.И.* История одного путешествия: (Отрывки из романа) // СЗ. 1935. № 58. С. 107–154. Номер вышел в конце мая 1935 г.

² Маршак Аким (Иоахим) Осипович (Иосифович) (1885–1938, Ницца), врач-хирург, общественный деятель (см.: *Российское зарубежье во Франции.* Т. 2. С. 150).

16. Газданов — Рудневу
Paris. 30 июля 1935 г.

30/VI 35.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
очень жалею, что не застал Вас; не совсем знаю, как быть, чтобы все-таки с Вами встретиться. Буду телефонировать еще сегодня сюда часов в пять. Очень Вас прошу, в том случае, если мы не увидимся, не посылать мне денег по почте, т.к. я уезжаю отсюда, где до сих пор жил, и нового адреса пока что дать Вам не могу.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас принять уверения в моем искреннем и глубоком уважении.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Внизу помета рукой Руднева: «408 – 245,70 = 162,30 в аванс на 1.VII.» и другие подсчеты.

17. Газданов — Рудневу
Paris. 15 сентября 1935 г.

15/IX 35. Париж.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
при всем желании быть Вам приятным, не могу вполне согласиться с просьбой выбросить части романа, касающиеся Алекс[андра] Алекс[андровича]¹. Самое лучшее, конечно, было бы вообще его включить — это бы заняло бы [так!] две страницы. Aventure² с Жерменой³ представляется тоже как нечто малопонятное. В том случае, если это окончательно невозможно — ничего, конечно, не поделаешь. Думаю, что редакционное разъяснение, о котором мы с Вами говорили, во всяком случае было бы очень кстати. Вообще же, конечно, поступайте как будет удобно — Вы знаете, что я к литературе вообще и к своим произведениям в частности отношусь с совершенным хладнокровием.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас верить моему глубокому и искреннему уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Речь идет об одном из героев романа «История одного путешествия», художнике Александре Александровиче.

² приключение, любовный роман (фр.).

³ У главного героя Володи был роман с Жермен, гувернанткой племянницы.

18. Газданов — Рудневу
Paris. 13 октября 1935 г.

Париж, 13/X 35.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
пишу Вам это письмо с целью узнать, не найдется ли в выходящем номере единствен[ного] русского журнала за границей места, чтобы напечатать несколько

страниц о Б. Поплавском¹, который, *tout compte fait*², был единственным русским поэтом за границей. Я хотел бы написать о нем — в тех размерах, в каких это оказалось бы технически возможно — если это технически возможно³. Буду Вам очень обязан, ежели Вы ответите и разрешите мои сомнения.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас верить моему искреннему и глубокому уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Б.Ю. Поплавский, умерший 9 октября 1935 г. в Париже, публиковал свои стихи в СЗ регулярно с 1929 по 1935 г. (№ 38, 39, 40, 42, 44, 46, 49, 50, 52, 54, 58).

² в конечном счете (фр.).

³ См.: *Газданов Г.И.* О Поплавском: [Некролог] // СЗ. 1935. № 59. С. 462–466.

19. Газданов — Рудневу

Paris. 20 октября 1935 г.

Paris, le 20/X 1935

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, пришел в 5 ч. 10 м. и не застал Вас, о чем очень жалею. Оставляю Вам некрологическую статью о Поплавском. Не знаю, как ее озаглавить; если найдете название, которое Вам покажется лучше, поставьте его¹.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас верить моему глубокому и искреннему уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). На бланке с надписью: «Association des Membres des Zemstvos et Municipalités Russes — Объединение Российских Земских и Городских деятелей. 6, rue Daviel, Paris XIIIe».

¹ См. примеч. 3 к п. 18. Ходасевич отметил этот некролог как «любовно написанную, содержательную заметку Г. Газданова о покойном Борисе Поплавском» (*Ходасевич В.* Книги и люди. «Современные записки», кн. 59 // Возрождение. 1935. 28 нояб. № 3830. С. 4).

20. Газданов — Рудневу

Paris. До 24 ноября 1935 г.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, прошу прощения за причиненное беспокойство; сегодня я телефонировал Вам, но Вас не застал. Вопрос, конечно, все тот же, о деньгах. Т.к. я не уверен, что придя в Союз, я найду Вас на rue Daviel, и т.к. с другой стороны принципиально вопрос был решен положительно, я был [бы] Вам чрезвычайно признателен, если бы Вы оставили у Нат. Ал. [Недошивиной] для меня деньги — я зайду на всякий случай завтра, во вторник и «окончательно» в среду. Речь шла о 100 фр.; если бы

оказалось, что эту сумму можно повысить до 150, это было бы совершенно замечательно и устроило бы меня чрезвычайно, но если это невозможно...¹

Рассказ мой почти — но не совсем — закончен²; в последнюю минуту я почувствовал сострадание к герою и еще не знаю, следует ли быть по отношению к нему таким беспощадным, как это было решено раньше.

Прошу Вас передать мой поклон Вашей супруге и верить моему искреннему и глубокому уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по содержанию данного и следующих писем.

¹ Речь идет, по-видимому, о гонораре за статью о Б.Ю. Поплавском.

² Имеется в виду рассказ «Освобождение» (СЗ. 1936. № 60. С. 169–192).

21. Газданов — Рудневу

Paris. 24 ноября 1935 г.

24/XI 35. Париж.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, если во вторник вечером у Вас есть время, я думаю, что оно могло бы быть использовано для того моего «визита», о котором Вы говорили в незабываемо печальный день, когда я получил гонорар в «Совр[емненных] зап[исках]». Если этот вечер для Вас подходит, не откажите в любезности написать мне, в котором часу Вам удобнее, чтобы я пришел.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас верить моему искреннему и глубокому уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

22. Газданов — Рудневу

Paris. 27 декабря 1935 г.

27/XII 35. Париж.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, мое «исчезновение» объясняется тем, что все это время я работал как негр — в автомобильном смысле, и литературе не мог посвящать особенно много времени. Это, однако, не мешает тому, что и рассказ и статья мои готовы¹. Чтобы быть честным до конца, должен Вам сказать, что для их переписки мне понадобится дня 4, причем начать я могу только после 2-го января — значит, примерно к 6-ому в Ваших руках будет все.

Желаю Вам всего хорошего и шлю поздравление с наступающим годом. Я хотел бы прибавить надежду, что в этом новом году в России наконец восторжествует гуманизм, но совести не хватает.

Прошу Вас передать мой поклон Вашей супруге и прошу Вас верить моему искреннему и глубокому уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ В следующей, 60-й книге СЗ, вышедшей в конце февраля 1936 г., Газданов опубликовал рассказ «Освобождение» и статью «О молодой эмигрантской литературе».

23. Газданов — Рудневу

Paris. Начало января 1936 г. [?]

Многоуважаемый и дорогой Вадим Викторович, поздравляю Вас с Праздником, прошу передать мои поздравления Вере Ивановне [Рудневой] и искренно желаю Вам самого лучшего будущего, какое только может быть.

Простите меня за мой грех перед Вами и неисполнение обязательства; но обстоятельства были сильнее меня.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется предположительно по содержанию.

24. Газданов — Рудневу

Paris. 22 января 1936 г.

22/1 36. Париж.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, сегодня утром получил Ваше грозное письмо и немедленно отправился в типографию, куда и сдал корректуру¹, которая, конечно, была готова давным-давно и которую я по простоте хотел дать Вам одновременно со статьей². Но, может быть, со статьей поздно? Я собирался доставить ее Вам завтра вечером на дом, ежели бы это Вас устраивало. Во всяком случае, буду Вам благодарен, если Вы напишете мне сегодня письмо с инструкциями по этому поводу. Если я его не получу завтра утром, буду Вам телефонировать сюда; и в том случае, когда бы Вас не оказалось на rue Daviel, благоволите передать Н.А. [Недошивиной] Ваши разъяснения — она мне скажет это по телефону. Прошу прощения за невольное опоздание с корректурой, прошу Вас передать поклон Вере Ивановне [Рудневой] и верить моему глубокому уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Речь идет о рассказе «Освобождение».

² Имеется в виду статья «О молодой эмигрантской литературе».

25. Руднев— Газданову

Paris. 8 февраля 1936 г.

суббота 8.П.1936

Многоуважаемый Георгий Иванович!

Перечитал Вашу статью, натошак. Впечатление: статья — не особенно Вам ~~удав~~
~~таеся~~ удалась, — и по существу Вы не совсем правы; неправы — в слишком большой *абсолютности* Вашего отрицания. **Правы** — ~~лишь~~ в ~~конечной~~ В перспективе длительного существования — эмигрантская литература, разумеется, ~~в конце концов~~ осуждена на исчезновение, — ~~но лишь постольку, поскольку~~ и сама эмиграция, ~~всякая эмиграция в конце~~ поскольку осуждена на исчезновение и сама эмиграция. Но мы еще живем ~~на переломе, смен пока~~ в переходную эпоху, ~~на переломе~~ когда прошлое, настоящее и будущее ~~смешано переплелось~~ смешаны в природе вещей. И в самом *таком* положении ~~литераторов~~ молодых писателей в эмиграции, на переломе эпох — имеется элемент особого трагического и горького самоощущения, которое *может* явиться источником творчества. Вы слишком рационализируете эпоху, в которой еще много иррационального. Поскольку же Вы правы насчет душевной опустошенности молодого поколения писательского, — в какой-то большой мере это одинаково относится к[о] всей молодой — после-военной и после-революционной литературе, повсюду, и на Западе, и в Сов[етской] России.

Но это — продолжение нашего вечернего разговора. Практически: статью решили все же печатать, предупреждаю ~~лишь~~ только заранее, что смягчу Ваши озорнически-резкие эпитеты.

Жму руку. Пред[анный] Вам

В. Руднев

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/5). На бланке журнала «Современные записки». Помета: «Газданов».

26. Газданов — Рудневу

Paris. 18 февраля 1936 г.

18/П 36. Париж.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
я действительно звонил Вам много раз, потому что хотел Вас видеть именно на *gite David*; я собирался взять у Вас «Бр[атьев] Карамазовых» или «Бесы» — т.к. выяснил, что Никита, будучи человеком устаревшим и интеллигентным до крайности, не интересуется путешествиями; и я в день его рождения хотел подарить ему Достоевского. Но, по-видимому, подарок придется отсрочить.

С удовольствием и благодарностью принимаю Ваше приглашение на понедельник, прошу Вас передать мой поклон Вере Ивановне [Рудневой] и верить моему глубокому и искреннему уважению.

Г. Газданов

P.S. Я был бы Вам очень благодарен, ежели бы не отказали в любезности посмотреть — не залежались ли у Вас где-нибудь отрывки «Истории одного путешествия». По-видимому, я смогу издать роман, и надо будет собрать его воедино¹.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ См. примеч. 1 к п. 6.

27. Газданов — Рудневу

Paris. 21 мая 1936 г.

21/V 36. Париж.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
по зрелом размышлении о своих литературных возможностях и после того, как я обдумал имеющиеся у меня соображения по поводу рассказа¹, о котором была речь, могу с чистой совестью взять на себя категорическое обязательство сдать Вам рассказ в ближайшую субботу, как было условлено. Единственное, чего я не мог бы точно указать, это размер: полагаю, однако, что выйдет около полутора листов — с точностью до поллиста, т.е. от 1-го до двух.

Желаю Вам всего хорошего, прошу передать привет Вере Ивановне [Рудневой] и прошу Вас верить моему неизменному уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ См.: *Газданов Г.И.* Смерть господина Бернара: [Рассказ] // СЗ. 1936. № 62. С. 155–177.

28. Газданов — Рудневу

Paris. 29 мая 1936 г.

29/V 36.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
я телефонировал Вам на rue Daviel, но там мне сказали, что Вас вообще нет в Париже. Я должен был сдать рассказ к завтрашнему дню, оставляю его Вам сегодня в совершенно готовом виде.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас передать мой поклон Вере Ивановне [Рудневой].

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

29. Газданов — В.И. Рудневой

Cagnes-sur-Mer. 7 августа 1936 г.

Cagnes s[ur] Mer, 7/VIII 36.

Дорогая Вера Ивановна,
чтобы Вы не считали меня окончательно потерянным человеком, да еще и женихом, и чтобы Вы не думали, что я не держу данного слова, должен сказать, что пишу только теперь, потому что жизнь, хотя и великолепная, но очень трудная.

Пишу я, например, лежа в палатке, что само по себе есть скорее эквилибристика, чем литература. Живу на берегу этого самого Средиземного моря, купаюсь, загораю и вообще живу как последний буржуй. Только питаюсь я продуктами и блюдами собственного изготовления, которые чрезвычайно далеки от тех гастрономических великолепий, к которым Вы меня приучили. Кот¹ место очень приятное; живу на побережье почти пустынном, ночью воюю с гусеницами, которые падают в палатку с дерева, и какими-то мало известными, но в общем безобидными насекомыми, а комаров почему-то нет — что очень приятно, но совершенно удивительно. Пью пресную воду из местной речки, а морскую — только когда купаюсь, потому что «спортивное» плавание имеет свои недостатки, в частности, необходимость время от времени глотать воду. Море кругом чрезвычайно обширное, небо синее, солнце жжет так, что даже удивительно. Истратил бешеное количество денег в первые дни, теперь сократился и в ближайшем будущем думаю перейти на дикий мед и акриды. Доехал благополучно, не считая нескольких мелких происшествий вроде отчаянной давки на Лионском вокзале, которая напомнила мне незабываемые российские времена. Интеллектуальный мой уровень резко понизился, и вид стал настолько неинтеллигентный, что никто бы не заподозрил во мне сотрудника «Современных записок». Напишу Вам позже, после визита и обозрения Монако, Монте-Карло и т.д. где еще не был. Передайте Вадиму Викторовичу [Рудневу] мой искренний и сердечный привет. Желаю Вам всего лучшего и приятного времяпрепровождения, в ближайшем будущем напишу еще. Целую Вашу руку, прошу Вас верить моим самым лучшим чувствам.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Т.е. Côte [d'Azur] — [Лазурный] Берег (фр.).

30. Газданов — Рудневу *Cagnes-sur-Mer. 21 августа 1936 г.*

Cagnes s[ur] Mer, 21/VIII 36.

Дорогой и уважаемый Вадим Викторович, предвижу чувство легкой тревоги, с которой Вы вскроете мое письмо, вернее, даже не письмо, а S.O.S. с Ривьеры с просьбой — конечно — о том, что если у Вас есть хоть какая-нибудь возможность, прислать мне франков сто, которые обязуюсь честно отработать в этом же номере. Не пишу слезных объяснений, так как хорошо знаю, что если эти спасательные возможности у Вас есть, то мне не о чем беспокоиться, и что если Вы не пришлете, значит, это было действительно фактически невозможно и ни в какой мере не зависело от убедительности моего послания.

Жизнь здесь райская, и впервые за много лет я чувствую себя настолько счастливым, что ежели бы мне несколько раньше сказали, что я способен испытывать такие чувства, я бы этому не поверил. Купаюсь с утра до вечера, почернел как негр, и вообще все совершенно замечательно. Любопытно «возвращение к природе», по-видимому, нормальная реакция после многолетней городской жизни;

полная атрофия не то чтобы всех решительно умственных способностей, но во всяком случае значительной их части и, в первую очередь, возможностей аналитического порядка. Здесь, рядом, в Cannes живет целая литературная колония, — Алданов, Фельзен и т.д. Но Алданов, кажется, как всякий честный буржуа с брюшком предпочитает спокойное кафе неверным волнам Средиземного моря. Фельзен — тоже, пишет, кажется, новый роман: я лично никого из них не видел и знаю это от Слонома, которому в свою очередь литературные новости рассказал Бунин и чета Зайцевых, которых он видел в Грассе. Я же не могу написать ни одной строчки ни о чем, все сижу на море или хожу по Ривьерским дорогам. Здесь на сар Fezzat у скал море такое прозрачное, что дно видно на глубине многих метров, и сколько я ни пытался достать со дна камешек, так ничего и не вышло: кишка тонка, по-видимому, хотя последней надежды на это я не потерял. Затем есть горная речка Loup, чрезвычайно прозрачная, очень холодная и живительная, как живая вода из русских сказок — с любопытной оптической особенностью: кажется с берега, что до колена, а нырнешь и уходишь с головой.

Прошу у Вас прощения за несодержательное письмо, но ни о чем не думается, нет ни мыслей, ни сожалений, вообще ничего, что характеризует так называемого «культурного» или вернее, полу-культурного человека.

Объездил и обошел почти всю Côte d'Azur, решил не ехать только в Монте-Карло, т.к. это, по-моему, не должно быть интересно; сейчас пришлось прекратить дальние экскурсии по причинам финансового характера, а ближние совершаю каждый день. Много здесь любопытных людей, «бывших», отдыхающих, бездельников и т.д. — целая галерея курьезнейших типов: я Вам расскажу, когда приеду.

Очень прошу Вас передать мой привет Вере Ивановне [Рудневой] и сказать, что одно из немногих утешений при мысли о возвращении в Париж, это перспектива визита на rue Georges Sorel и роскошные возможности, над которыми Вера Ивановна и только Вера Ивановна властна. Желая Вам отдыха, удовольствий, удовлетворения и всего самого лучшего, и прошу Вас верить моим самым искренним чувствам.

Ваш Г. Газданов

P.S. Мне можно писать по след[ующему] адресу: Madame Gavricheff, «Miramonte», Caillades, La Colle s[ur] Loup (A[lpes]-M[aritimes]), для Г. Газданова.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

31. Газданов — Рудневу *Cagnes-sur-Mer. 1 сентября 1936 г.*

1/IX 36. Cagnes s[ur] Mer

Дорогой Вадим Викторович, благодарю Вас за письмо и хочу выразить надежду, что Вы достаточно меня знаете, чтобы предположить, что Ваше письмо не могло меня повергнуть в состояние катастрофической подавленности. Конечно, жаль, что возможности «Совр[еменных] зап[исок]» ограничены, но, честное слово, мне это больше жаль в объективном, так сказать, смысле, чем в личном. Я свои дела устрою и из вопроса об аван-

се никакой трагедии, конечно, не сделал бы ни при каких обстоятельствах. И мне бы не хотелось даже, чтобы у Вас осталось хотя бы сожаление о невозможности этот аванс сделать. Все это, в общем, совершенный пустяк.

Но зато есть другая вещь, личного порядка, с которой мне трудно примириться; и я искренно считаю ее незаслуженной. Касается она не Вас, а Веры Ивановны [Рудневой], которая кончает свою приписку к Вашему письму так: «с проклятием. В.Р.». Чтобы не быть голословным, привезу Вам в Париж и покажу письмо, где это написано *en toutes lettres*¹. И вот, я хотел бы знать: за что?

Я остался один, все мои сотрудники по каникулам уехали. По-видимому, судьба решила, что гамма удовольствий на Кот'е у меня должна быть полной, и именно, включать в себя и «опасность гибели в волнах Средиземного моря». Сегодня я пошел купаться, был сильный прибой, я отправился в море, поплавал и направился к берегу. И вот тут-то и случилось то, что я меньше всего предвидел. В открытом море плыть легко, а приблизиться к берегу я не мог. Одна волна относит назад, другая в это время прикрывает. По моим расчетам, я должен был уже доставать дно; пробую стать — дна нет. Плыву дальше — такой же результат. После того, как я безуспешно повторил свою попытку раз десять, я начал думать, что дело, в сущности, совсем неважно. Но кричать было все-таки стыдно. Поэтому от крика я воздержался и так и нырял из одной волны в другую, пил морскую воду, захлебывался и вообще чувствовал себя отменно скверно. Главное, было обидно, что глупо, в сущности, тонуть; я успел подумать, что, в сущности, я еще ведь не очень стар. Все мысли, впрочем, носили характер сумбурный и неуверенный. Потом я сообразил, что лучше плыть не прямо к берегу, а по диагонали, наискось; и хотя сил у меня оставалось немного и я уже плохо соображал, я все-таки решил сделать последнюю попытку и поплыл и, все-таки, полумертвый от скуки [так!], выбрался на берег. Там сидела какая-то увядшая дама в черных очках и с ней пожилой мужчина, по-видимому, очень наблюдательный, т.к. он мне сказал: Вы все-таки выбрались! А у меня было впечатление, что Вы тонете. Я сказал, что нет, что ни одной секунды опасности не было, а что мне было просто приятно еще некоторое время побыть в море. Потом я лег на пляж и минут пять икал и давился морской водой, которая в больших количествах очень неприятна, и хотя было очень жарко, в воду я больше не полез. Надо будет поупражняться в плавании в прибой, а то опять какая-нибудь ерунда получится.

Прошу у Вас прощения, что рассказываю так долго об этом, но я получил такое большое удовольствие от того, что не утонул, что это надолго заняло все мои мысли. Глупейший эгоизм, конечно — но в какой-то мере понятный, я думаю.

Желаю Вам всего хорошего, скажите, пожалуйста, Вере Ивановне [Рудневой], что я на нее все-таки не обижаюсь и прошу Вас передать ей мой искренний привет. «Сов[ременным] зап[искам]» желаю нового мецената. Рассчитываю остаться здесь еще числа до 15-го, если удастся. Крепко жму Вашу руку и прошу Вас верить моему глубокому уважению и самым лучшим чувствам.

Всегда Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ четко, черным по белому (фр.).

32. Газданов — Рудневу*Paris. 26 января 1937 г.*

26/I 37. Париж. 69, rue Brancion, Paris (XV)

Глубокоуважаемый и дорогой Вадим Викторович, прошу меня простить за длительное молчание и столь же длительное отсутствие — этому было много технических причин. Мне передали, что у Вас и Веры Ивановны [Рудневой] были какие-то литературно-гостеприимные проекты, в которых Ваш покорный слуга должен был тоже фигурировать. Я нахожусь в Вашем полном распоряжении, и т.к., насколько мне известно, разговор шел о следующей неделе, то все ее дни, кроме четверга, субботы и воскресенья я совершенно свободен. Если же дело идет об этой неделе, то это было бы труднее, хотя и это можно было бы устроить.

Жду Вашего письма, прошу Вас передать мой поклон Вере Ивановне и прошу Вас верить моему искреннему и глубокому уважению.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Сверху помета карандашом рукой Рудневой: «Я напишу ему».

33. Газданов — Вишняку*Paris. 13 января 1938 г.*

13/I 38.

Многоуважаемый Марк Вениаминович, сегодня получил Ваше письмо и очень жалею, что свидание, о котором Вы говорите, не может состояться в ближайшее время. Вообще, в принципе я свободен каждый день *après-midi*¹; но так вышло, что всю эту неделю и начало следующей я занят. Свободу свою я обретаю только со среды следующей недели; часы мои примерно — от 3 до 6-ти. Если бы следующая среда Вас устраивала, было бы очень хорошо. Темперамент у Вас беспокойный и деятельный, так что естественно, что Вы спешите; а я уверен, что время терпит, и в особенности, когда речь идет о литературных делах.

Место свидания не играет для меня особой роли; руководствуйтесь соображениями собственного удобства. Желаю Вам всего хорошего, прошу Вас передать мой поклон Вашей супруге, с которой я имел удовольствие познакомиться во вторник.

Примите уверения в моих лучших чувствах.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40).

¹ после обеда (фр.).

34. Газданов — Вишняку

Paris. 7 февраля 1938 г.

7/II 38. Париж.

Уважаемый Марк Вениаминович,
я послал бы Вам название моего рассказа — «Бомбей», но не знаю еще, будет ли оно окончательным, возможно, что позже я его изменю¹. Работа идет нормально, рассказ на три четверти дописан; остается дописать последнюю четверть и потом переписать.

В.Л. Андреева² я видел уже после получения Вашего письма. Он просил передать Вам, что рукопись находится (она у него в единственном экземпляре) у Фондаминского, чем и объясняется тот факт, что она не могла до сих пор быть доставлена П.Н. Милюкову. Думаю, что Вы могли бы или лично поговорить с Фондаминским или сговориться с Андреевым. Вот его адрес: W. Andreiev, 3 av[e-nue] Payret-Dortail, Plessis Robinson (Seine).

Хотелось бы лично поговорить с Вами, но до окончания рассказа нет времени. Думаю, что дней через десять буду свободнее. Кланяйтесь, пожалуйста, Вашей супруге, желаю Вам всего хорошего.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40).

¹ См.: *Газданов Г.И.* Бомбей: [Рассказ] // РЗ. 1938. Июнь. № 6. С. 3–50.

² Вадим Леонидович Андреев (1902/1903–1976), сын Л.Н. Андреева, опубликовал в РЗ в 1938 г. с майского 5-го по декабрьский 12-й номер свою «Повесть об отце».

35. Газданов — Вишняку

Paris. 22 февраля 1938 г.

22/II 38.

Уважаемый Марк Вениаминович,
рассказ я кончил, перепису и сдам, я думаю, к сроку. Во всяком случае, его название остается тем же, кот[орое] я Вам сообщил — «Бомбей». Размер его около двух листов.

Желаю Вам всего хорошего, кланяйтесь, пожалуйста, Вашей супруге.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40).

36. Газданов — Вишняку

Paris. 1 марта 1938 г.

1/III 38. Париж.

Уважаемый Марк Вениаминович,
предлагаю Вам свидание на предмет сдачи рукописи — в пятницу, 4-го числа, часа в три дня, если Вы ничего не имеете против. Переписку рассказа я рассчитываю

кончить завтра, почти все уже сделано. Надеюсь, что до пятницы Вы можете ждать, я хочу сказать, редакция «Р[усских] з[аписок]». Если бы это было еще экстреннее, — дайте мне знать. Свидание, если у Вас нет других предложений, может быть в Closerie des Lilas¹, как в первый раз.

Жду Вашего ответа, кланяйтесь, пожалуйста, Вашей супруге.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40).

¹ Знаменитое парижское кафе, находящееся по адресу 171 Boulevard du Montparnasse, место встреч парижской богемы.

37. Газданов — Вишняку Paris. 15 апреля 1938 г.

15/IV 38.

Уважаемый Марк Вениаминович, я получил почти одновременно Вашу открытку, номер «Р[усских] з[аписок]» и корректуру рассказа, которую Вам отсылаю; в ней сравнительно нормальное количество ошибок — и *выпущен*¹, по-моему, *один абзац*, но мне было, признаться, лень его разыскивать в черновике, пусть идет так, это не имеет значения. *Выражения Bal Tabarin и Casino de Paris набраны русскими буквами*; я этого не исправил из сочувствия к наборщику, но *если бы можно было восстановить фр[анцузский] текст, было бы хорошо*².

Если бы мы были с Вами ближе знакомы, Вы бы знали, что участь рассказа — после получения гонорара — мне в достаточной степени безразлична, так что если бы он вообще не был напечатан, то и это бы меня не очень огорчило, а то — в какой книжке, июньской или октябрьской — не все ли равно? Объективно же говоря, я с Вами согласен, что рассказ предпочтительно печатать целиком.

Журнал я еще не успел прочесть, благодарю Вас за присылку. Словцов о нем в «П[оследних] н[овостях]» написал, по-моему, какую-то тихую ерунду³.

Да, у меня к Вам просьба. Если возможно, постарайтесь *достать из типографии рукопись*; второго экземпляра у меня нет, а я собираюсь издавать сборник рассказов, и рукопись «Бомбея» мне очень пригодилась бы.

Сейчас я пишу еще один рассказ⁴, несколько меньших размеров, чем «Бомбей», рассчитываю кончить *его в июне*.

Продолжаю думать, что Вы мне не *доплатили* некоторую, правда, незначительную сумму, но этот вопрос мы с Вами, если Вы ничего не имеете против, обсудим при следующем нашем свидании.

Желаю Вам всего хорошего, кланяйтесь, пожалуйста, Вашей супруге.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40). Помета рукой Вишняка: «Просьба — вернуть! МВ».

¹ Подчеркивания здесь и далее рукой Вишняка.

² Просьба Газданова не была учтена; ср.: «Он однажды провел в Париже два дня, побывал на Монмартре, в Казино де Пари и Баль Табарэн» (*Газданов Г.И.* Бомбей: [Рассказ] // РЗ. 1938. Июнь. № 6. С. 38).

³ См.: *Словцов Р. [Калишевич Н.В.] Новые «Русские записки»* [№ 4] // ПН. 1938. 14 апр. № 6228. С. 3.

⁴ Следующей публикацией Газданова в РЗ был рассказ «Хана» (1938. Ноябрь. № 11. С. 64–98).

38. Газданов — Вишняку *Paris. 12 мая 1938 г.*

12/V 38.

Уважаемый Марк Вениаминович,
отсылаю Вам текст не только тех стр[аниц], о которых вы пишете, но и остальных, с опечатками. Очень надеюсь, что этот набор — до корректуры, если же после, то действительно, хоть святых вон выноси. Насчет злополучной *Nepean etc.*, будем печатать «е» окончательно¹. На некот[орых] страницах строки переставлены, на других пропущены. Я исправил, что было можно. Храню иллюзию, что в окончательном наборе это приобретет нормальный вид. Как только кончите — пришлите, пожалуйста, обратно. Завтра напишу письмо Милюкову по поводу некролога².

Желаю Вам всего хорошего и прошу верить моим лучшим чувствам.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40).

¹ В рассказе Газданова «Бомбей» несколько раз упоминается *Nepean Sea Road* — богатый квартал у набережной в южной части г. Мумбаи (Бомбей).

² Газданов с некрологами в РЗ (или в ПН) не выступал. Возможно, речь идет о предложении откликнуться на кончину А.А. Бейера, скончавшегося 6 апреля 1938 г. в Буэнос-Айресе. Бейер Анатолий Аполлонович (1876–1938), генерал-майор, участник гражданской войны; в эмиграции — в Болгарии, затем в Аргентине. А.А. Бейер был до 1928 г. директором русской Шуменской гимназии, которую Газданов окончил в 1923 г., чем и объясняется его интерес к данной личности. Не исключено, что он пытался договориться с Милюковым именно о некрологе Бейеру для РЗ. О том, что Газданов написал некролог Бейеру, говорится в книге О.М. Орловой, которая даже цитирует отрывок (без указания на источник): «А через три года, в 1935-м [так!], Газданов напишет о любимом директоре некролог, где назовет его уже подлинным именем: “Недавно в Буэнос-Айресе умер Анатолий Аполлонович Бейер... Его исключительный ум был совершенного высокомерия, на которое он имел право; он разговаривал с каждым учеником как равный, и эффект получался безошибочный — было слишком стыдно потом не оправдать его доверие. Помню, как мы — нас было несколько человек — пришли к нему протестовать по поводу того, что в зале, который примыкал к нашему дортуару, постоянно устраивались танцевальные вечера; шум мешал нам заниматься. Он сказал: вот вы, конечно, люди глубокомысленные и занимаетесь литературой и отвлеченными проблемами — а это все молодежь, знаете ли, у них голова легкая, им танцевать хочется, вы их тоже поймите и пожалейте. И потом в конце концов, что вам мешает заниматься в другом дортуаре?»» (*Орлова О.* Газданов. С. 67–68).

30 апреля 1938 г., двумя неделями до написания настоящего письма, в ПН появился небольшой некролог за подписью «Один из шуменцев». Не написан ли он шуменцем Газдановым? По стилю трудно сказать — скорее всего нет, хотя полностью исключить этого нельзя; с другой стороны, мало вероятно, чтобы Газданов после псевдонимной публикации некрологической заметки в ПН заводил речь с Милюковым о втором некрологе, на этот раз для РЗ. Воспроизведем данную заметку целиком: «Из далекого Буэнос-Айреса пришла весть о смерти первого директора Шуменской русской гимназии, А.А. Бейера. Дело, которым он руководил, составляет интересную, очень своеобразную страницу в истории русской школы. То, что удалось совершить этому благородному и энергичному человеку, особенно теперь, на расстоянии пятнадцатилетия, кажется чудом. Полк молодых “головорезов”, руки которых еще не остыли от пулемета и винтовки, был посажен на школьные скамьи. Психология гражданской войны (“все дозволено”), память о погибших друзьях и родных, зачерствелость душ, испорченность характеров — все, что исковеркало в русской молодежи шквал революции, — все это стало тяжелым материалом, который был призван обработать А.А. Бейер. Без улыбки нельзя вспомнить, как бывшие солдаты и офицеры превратились в примерных школьников, зубрящих камень науки; как вместо военных повадок появились шпаргалки, подсказывания — весь ассортимент школьной жизни. Буйные натуры утомнились: грубый солдатский лексикон сменился математическими терминами; попойки — литературными вечерами и концертами — из безличной серой массы выделились художники, писатели и артисты — и началась настоящая, полная энтузиазма, культурная жизнь. И во главе этого преобразования стоял — руководитель и учитель, вдохновитель и друг, А.А. Бейер, который владел нами не дисциплиной, а ежедневным, неустанным призывом к нашим, долгое время дремавшим, лучшим чувствам...

Русское школьное дело найдет А.А. Бейеру достойное место в своей истории, — мы же, его воспитанники, навсегда сохраним в своих сердцах память об этом наружно строгом и холодном человеке, чья нежная душа радовалась успехами своих учеников, гордилась работой их за пределами школы — и любила их глубокой, вполне разделенной любовью, которая так ярко сказалась несколько лет тому назад, когда А.А. Бейер, проездом в Буэнос-Айрес, останавливался в Париже и был торжественно чествуем местными “шуменцами”» (*Один из шуменцев*. А.А. Бейер // ПН. 1938. 30 апр. № 6244. С. 2).

39. Газданов — Вишняку *Paris. 1 июня 1938 г.*

1/VI 38. Париж.

Уважаемый Марк Вениаминович,
посылаю Вам приглашение на литерат[урный] вечер¹ — в предположении, что у Вас хватит героизма слушать чтение. Буду очень рад, если Вы передадите это приглашение Вашей супруге.

Кстати, говорил ли Вам что-либо Милюков? Я послал ему письмо и просил сообщить его мнение Вам; но «Р[усские] з[аписки]» молчат как карп.

Очень надеюсь на Ваше присутствие и был бы очень рад Вас видеть.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40).

¹ Вечер Газданова состоялся 11 июня 1938 г. (см.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 468).

40. Газданов — Рудневу

Paris. 29 июня 1938 г.

29/VI 38. Париж

Дорогой Вадим Викторович, отсылаю Вам корректуру¹, в которой почти не нашел ошибок. Есть только одна: «строгие глаза» на иконе, вместо «сердитые». Я, лично, абсолютный сторонник своего текста, «сердитых». «Строгие» все совершенно меняет и вредит, таким образом, — как это говорится? — «художественной цельности». Если Вы находите, что это кощунственно почему-либо, тогда другое дело, но мне это не кажется².

Большая — и, наверное, неожиданная с моей стороны просьба Вере Ивановне [Рудневой]: нельзя ли узнать рецепт приготовления окрошки, если это не секрет. Это — не Ф.Д. [Ламзаки]³, которая в кулинарии нелюбопытна, а третье лицо, которому я рассказывал с неподдельным, по-видимому, воодушевлением о том, как я у Вас обедал и какая, в частности, была окрошка.

Желаю Вам всего хорошего, Вере Ивановне — поклон и благодарность заранее. Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Речь идет о рассказе Газданова «Ошибка» (СЗ. 1938. № 67. С. 53–68).

² Писателю не удалось переубедить редактора; ср.: «чернело только едва различаемое лицо, с небольшими строгими глазами» (Там же. С. 56; *Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 2. С. 525*).

³ Ламзаки (в первом браке Гавришева) Фаина Дмитриевна (1892–1982), жена Газданова. См.: *Орлова О.М. Гайто Газданов и Фаина Ламзаки: история любви // Литературная учеба. 2005. № 3. С. 110–123; Орлова О.М. Переписка Фаины Дмитриевны Ламзаки: Гайто Газданов // Родная Кубань: Лит.-историч. журнал. 2005. № 4. С. 103–112; Орлова О. Материалы к биографии Гайто Газданова: Переписка Ф.Д. Ламзаки // Дарьял. 2005. № 3. С. 140–161 (http://www.darial-online.ru/2005_3/orlova.shtml).*

41. Газданов — Рудневу

Paris. 10 июля 1938 г.

10/VII 38.

Дорогой Вадим Викторович, оставляю окончательную редакцию на Ваше усмотрение, делайте, как находите нужным. Я, лично, в крайнем случае, поставил бы «суровые»¹ — но, повторяю, это зависит от Вашего решения.

Ждем Вас с Верой Ивановной [Рудневой] в следующий понедельник. Еще одна просьба: нельзя ли [узнать] адрес и точное имя и отчество вдовы Бейера²? Я бы ей послал № «Посл[едних] нов[остей]» с некрологом³.

Желаю Вам всего хорошего, Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется, передайте наши приветы Вере Ивановне [Рудневой]. Стало быть до понедельника.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ См. примеч. 2 к п. 40.

² См. примеч. 2 к п. 38. В сообщении о смерти (ПН. 1938. 17 апр. № 6241. С. 3) был указан адрес вдовы, М.А. Бейер: М-г А. Sosnovsky, Casilla correo 1143, Buenos Aires, Argentina (для М. А. Б.).

³ Сообщения о кончине А.А. Бейера появились в ПН 27 апреля и 30 апреля 1938 г. (№ 6241 и № 6244); в первом случае было действительно лишь сообщение в несколько строк, во втором развернутая заметка в две колонки.

42. Газданов — Рудневу

Agay. 22 августа 1938 г.

22/VIII 38. Agay¹.

Дорогой Вадим Викторович,
пишу только сейчас отсюда, потому что впал в окончательное умственное расслабление — от солнца и купанья. Желая Вам приятных каникул. Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется. Передайте мой привет Вере Ивановне [Рудневой]. Извините за мало-вразумительную открытку — причал Вы уже знаете. Крепко жму Вашу руку и желаю всего самого лучшего, что может быть.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка с изображением морского причала, бухты и пляжа, с надписью: «Agay — Baie [et Plage] de Camp Long, au fond le Rastel»; адрес получателя: «Monsieur Roudnew, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; почт. шт.: «Agay, 23.8.38».

¹ Туристическая местность на Лазурном берегу, в 15–20 км южнее Cannes.

43. Газданов — Рудневу

Paris. 23 сентября 1938 г.

Париж, 23/IX 38.

Дорогой Вадим Викторович,
Пишу Вам по поводу вчерашнего объявления «Посл[едних] нов[остей]» о выходе «С[овременных] з[аписок]», где рассказ мой назван «Встречи», вместо «Ошибки»¹. Опечатка ли это, недоразумение или действительно так назван? Мне бы очень хотелось сохранить «Ошибку»; и если не поздно, было бы очень хорошо это исправить; а в крайнем случае, в сноске напечатать, что вот, дескать, рассеянный автор ошибся².

Не писал Вам до сих пор, потому что сразу по приезде попал в — как это говорится? — стесненные обстоятельства. Вообще работаю и на автомобиле и в литературе, т.к. сижу за романом, который пока что идет медленно.

Очень хотелось бы Вас с Верой Ивановной [Рудневой] повидать. Если бы в ближайший понедельник Вы были вечером дома, я бы зашел к Вам, — только попозже, около девяти, половины десятого даже, т.к. предварительно мне предстоит визит с обедом.

Передайте, пожалуйста, мой привет Вере Ивановне. Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется. Желаю Вам всего хорошего.

Всегда Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ В газетном объявлении о скором выходе № 67 СЗ рассказ Газданова действительно был ошибочно назван «Встречи» (ПН. 1938. 22 сент. № 6388. С. 3).

² См.: *Газданов Г.И.* Ошибка: [Рассказ] // СЗ. 1938. № 67. С. 53–68.

44. Газданов — Рудневу *Paris. 15 октября 1938 г.*

15/X 38. Париж.

Дорогой Вадим Викторович,
пишу Вам с тем, чтобы поделиться с Вами своими литературными соображениями: с момента нашего с Вами разговора в моих планах произошли некоторые изменения. Конечно, как всегда, Ваши («С[овременных] з[аписок]») интересы в них не затронуты, т.е. не могут пострадать. Но я принимаюсь сейчас за ту самую «ночную книгу»¹, о которой как-то говорил Вам. Может быть, она для «С[овременных] з[аписок]» покажется более интересной? Правда, Вы не можете знать, что из этого выйдет (я — тоже), но надеюсь, что выйдет лучше, чем другое. А т.к. я одновременно буду работать и над романом, то Вы выберете, что хотите. Мне лично это все равно во всех смыслах, в том числе и в материальном; другими словами, соображения финансового характера здесь не играют никакой роли, т.к. так или иначе я дам значительное количество материала в «Р[усские] з[аписки]». Стало быть, вопрос о том, какого именно. Я бы не беспокоил Вас, но я хотел Вам об этом написать, чтобы Вы знали, что появился новый фактор, который Вам может показаться более интересным, чем предыдущая комбинация. Ежели Вы считаете, что она по-прежнему совершенно Вас удовлетворяет, то я, с моей стороны, к ее осуществлению не имею никаких ни неудобств, ни возражений.

Это, что касается собственно литературы. В остальном — я бы настаивал на Вашем с Верой Ивановной [Рудневой] визите к нам в следующий понедельник. Это было бы очень хорошо.

Я хотел бы повидать Вас лично для более подробного — не разговора, а, так сказать, совета — на днях. Мое свободное время — от 2-ух до 6-ти, все дни, кроме четверга; я мог бы приехать либо к Вам, либо на rue Daviel, если Вы не очень заняты все это время. Во всяком случае, я в Вашем распоряжении и жду Ваших инструкций.

Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется, мой сердечный привет Вере Ивановне. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Речь идет о романе «Ночные дороги».

45. Газданов — Рудневу*Paris. 26 октября 1938 г.*

Париж, 26/X 38.

Дорогой Вадим Викторович,

молчал я все время в силу чрезвычайных обстоятельств: переезжал на новую квартиру — собственными средствами — и устраивался: только теперь все приведено в относительный порядок. Квартира, однако, в том же доме, на той же лестнице и расположена так же, как прежняя — только на 6-ом этаже.

Очень надеюсь, что понедельник 31-го числа окажется у Вас с Верой Ивановной [Рудневой] свободным. Я был бы искренно рад Вас видеть — часам к 8-ми, как обычно. Никаких ни задних мыслей ни литературных соображений или планов у меня нет, просто так, по хорошему.

Итак, если Вы ничего не имеете против, будем Вас ждать — я по Вас соскучился самым искренним образом. Только, пожалуйста, ничего не приносите: в Ваше благоразумие я еще в какой-то степени склонен верить, но это для Веры Ивановны, к которой в этом смысле у меня никакого доверия нет. Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется и просит передать, что ждет Вас с таким же удовольствием, как и я.

Желаю Вам всего хорошего. Вере Ивановне наш сердечный привет.

Всегда Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

46. Газданов — Рудневу*Paris. 4 ноября 1938 г.*

4/XI 38. Париж.

Дорогой Вадим Викторович,

выходит, собственно, неправильно; мы приглашали Вас, а получилось, что приглашенными оказались мы, — но приходится с этим примириться, потому что на следующий понедельник опять откладывать не хочется, а в этот понедельник наша юная красавица, Татьяна¹, пригласила своих друзей.

Получили ли Вы мою книжку²? Вере Ивановне [Рудневой] я не послал, потому что принесу с собой. Кстати, почему о «С[овременных] з[аписках]» до сих пор не было отзыва ни в «П[оследних] н[овостях]» ни, кажется, в «Возрождении»³? Не знаю, заговор ли это, но Адамович мог бы написать о «С[овременных] з[аписках]» вместо того, чтобы распространяться в ответе на воображаемое письмо воображаемого читателя⁴.

Итак, до понедельника. Желаю Вам всего хорошего. Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется; передайте, пожалуйста, наши приветы Вере Ивановне.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Ламзаки (Пашкова) Татьяна, племянница Ф.Д. Ламзаки; считается, что это прообраз одновременно и Клэр и Марианны в романе Газданова «Вечер у Клэр» (см. фотографию на сайте: <http://www.hrono.info/proekty/gazdanov/index.html>).

² См.: *Газданов Г.И.* История одного путешествия. Париж: Дом книги, 1938.

³ Рецензии на 67-ю книгу СЗ появились неделю спустя — Г.В. Адамовича в ПН (1938. 10 нояб. № 6437. С. 3) и В.Ф. Ходасевича в «Возрождении» (1938. 11 нояб. № 4157. С. 9).

⁴ Речь идет о большой, растянувшейся на два номера, статье, в которой Адамович отвечал на письмо читателя о советской литературе: *Адамович Г.* Ответ читателю // ПН. 1938. 27 окт. № 6423. С. 3; 3 нояб. № 6430. С. 3.

47. Газданов — Рудневу

Paris. 29 ноября 1938 г.

29/XI 38. Париж.

Дорогой Вадим Викторович,
простите, что пишу Вам с некоторым опозданием, все эти дни были сплошные хлопоты и бестолочь. Разговор мой с Вишняком происходил так, приблизительно, как я и предполагал: в ближайших, кажется, трех номерах «Р[усских] з[аписок]» идет роман Крестовской — очень любопытный в бытовом, знаете, отношении — сказал мне Вишняк — там, знаете, и генералы и монахи и дама одна, понимаете¹. Затем, для февральского номера он хотел бы мой рассказ², а что касается романа³, то о нем речь могла бы идти не раньше февраля марта-апреля, и в случае, ежели бы он был принят, они могли бы поместить 9, максимум 10 листов.

Времени, стало быть, у меня достаточно. Рассказ я обещал условно, т.е. сказал, что своевременно извещу об этом редакцию, т.к. сдать его нужно не позже первых дней января. Не знаю еще, напишу или нет. Вишняк жаловался на недостаток «юных талантов», материала, по его словам, в «портфеле редакции», как это говорится, достаточно, но все вещи неважные. Сенсационного ничего не предвидится, по его словам.

Теперь — окончательное приглашение, столько раз откладывавшееся: на 12 декабря. 12 декабря вечером мы Вас ждем и очень надеемся, что на этот раз все будет благополучно.

Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется, мои приветы Вере Ивановне [Рудневой].

Всегда Ваш Г. Газданов

P.S. Жду книжку «Круга»⁴.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ См.: *Крестовская Л.А.* Черный ветер: Роман // РЗ. 1938. Дек. № 12. С. 3–58; 1939. Янв. № 13. С. 66–103; Февр. № 14. С. 29–72.

² См.: *Газданов Г.И.* Вечерний спутник: Рассказ // РЗ. 1939. Апр. № 16. С. 62–89.

³ Имеется в виду роман Газданова «Полет» (РЗ. 1939. Июнь. № 18. С. 3–60; № 19. Июль. С. 17–62; Авг.–Сент. № 20/21. 3–62). Произведение не было завершено, так как журнал закрылся в связи с началом войны.

⁴ Газданов напоминает о рецензионном экземпляре третьего выпуска альманаха «Круг» (Париж, 1938), вышедшего из печати в сентябре 1938 г. (см. примеч. 1 к п. 48).

48. Газданов — Рудневу*Paris. 7 декабря 1938 г.*

7/XII 38. Париж.

Дорогой Вадим Викторович,
 посылаю Вам рецензию о «Круге»¹, надеюсь, что она в меру корректна — во всяком случае, никакого насилия над совестью мне производить не пришлось.

От рецензии о книге Осоргина я бы воздержался, — не столько из боязни, сколько потому, что считаю, что есть люди, более меня в этом компетентные и которым это будет легче писать².

Стало быть, до понедельника, 12-го числа. Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется, передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Вере Ивановне [Рудневой].

Ваш Г. Газданов

P.S. Угощу Вас пластинкой красноармейского хора — «Полюшко» с одной стороны, и с другой — «Вдоль по улице метелица метет»³.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ См.: *Газданов Г.И.* [Рец. на кн.:] Круг: Альманах. Париж: Дом книги, 1938. Кн. 3 // СЗ. 1939. № 68. С. 480—481.

² См.: *Савельев С. [Шерман С.Г.]* [Рец. на кн.:] Осоргин М.А. Происшествия зеленого мира. София: Б.и., 1938 // Там же. С. 473—474.

³ Речь идет о выпущенной в 1937 г. пластинке с записями русских песен в исполнении Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР под управлением А.В. Александрова (ныне Дважды Краснознаменный Академический ансамбль песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова).

49. Газданов — Вишняку*Paris. 11 декабря 1938 г.*

11/XII 28 [так!]. Париж.

Уважаемый Марк Вениаминович,
 рассчитываю, что письмо Вы получите завтра — т.е. к 12-му, как мы говорили. Рассказ я Вам сдам 3-го, 4-го января, может быть, даже раньше. Не могу сообщить названия, все колеблюсь, хотя рассказ почти готов, жду вдохновения¹.

Желаю Вам всего хорошего, кланяйтесь Вашей супруге.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40). Год установлен по содержанию.

¹ По-видимому, речь идет о рассказе Газданова «Вечерний спутник» (РЗ. 1939. Апр. № 16. С. 62—89).

50. Газданов — Вишняку
Paris. 13 февраля 1939 г.

13/II 39. Париж.

Дорогой Марк Вениаминович,
пошлю Вам рецензию¹, не могу не сопроводить ее оговоркой о том, что роман сильно сбивается на сценарий, и я действительно не уверен в том, что его можно рассматривать как настоящий роман. Я делаю эту оговорку и в рецензии². Роман хуже, чем я ожидал: в отзыве это несколько «завуалировано», но все же очевидно — т.е. в сущности отрицательное мнение рецензента. Это, конечно, лучше, чем Берберова, но все-таки это не шедевр.

Надеюсь, что рецензия Вас удовлетворит, — мне самому кажется, что в смысле размеров она на редкость удачна — на большее я не претендую.

Желаю Вам всего хорошего.

Всегда Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40).

¹ См.: *Газданов Г.И.* [Рец. на кн.:] Одоевцева И.В. Зеркало: Роман. Брюссель: Петрополис, 1939 // РЗ. 1939. Март. № 15. С. 196–197.

² Ср. начало рецензии: «Читая роман Одоевцевой, трудно отделаться от впечатления, что он написан как сценарий, и возникает вопрос: можно ли это в таком случае рассматривать как беллетристику?».

51. Газданов — Вишняку
Paris. 30 марта 1939 г.

30/III 39. Париж.

Дорогой Марк Вениаминович,
простите, что не сразу отвечаю. Что касается корректуры — не моя вина; знаки препинания были расставлены убийственным образом, в одном месте была пропущена длиннейшая фраза, которую я не мог не вставить. Никаких авторских поправок я не делал. В общем, вины за собой не чувствую. «Доставка» романа¹ опоздает дня на два, я думаю, т.е. вместо 31-го принесу числа 2–3 апреля. Я занят с утра до вечера этим идиотским вопросом о документах и у меня не остается времени даже проверить рукопись. Но в ближайшие дни я ее Вам все-таки доставлю. Книгу Аминадо я, в принципе, рецензировал бы, но в данное время это просто технически невозможно для меня². Кажется, на днях, все же, мои хождения по мукам кончатся, тогда вздохну свободно и буду заниматься литературой.

Итак, до скорого свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Всегда Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Vichniak aux "Annales Russes", 51, rue de Turbigo, Paris (III)»; почт. шт.: «Paris, 31.III.1939».

¹ См. примеч. 3 к п. 47.

² Имеется в виду написанная по-французски книга афоризмов: *Don-Aminado. Pointes de feu, recueil des maximes* / Préface de T. Bernard. Paris: Éditions de la Tournelle, 1939. Книга РЗ не рецензировалась.

52. Газданов — Вишняку

Paris. Май [?] 1939 г.

Дорогой Марк Вениаминович,
просмотрел Ваши загадочные заметки и в них не разобрался. Что значит «41 максим.» и «57 миним.»?

Другими словами, вышло ли по Вашему мнению достаточно для двух номеров или надо дописывать, и если надо, то сколько, и когда Вам вернуть рукопись¹, которую я уношу. Не откажите в любезности черкнуть несколько слов.

Жму Вашу руку, желаю всего хорошего.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40). Датируется по содержанию.

¹ По всей видимости, речь идет о романе Газданова «Полет», опубликованном в РЗ в трех частях (см. примеч. 3 к п. 47). Так как первая часть появилась в июньской книге, письмо написано, вероятно, в мае 1939 г.

53. Газданов — Рудневу

Paris. 31 мая 1939 г.

31/V 39.

Дорогой Вадим Викторович,
оставляю Вам рукопись — размеры приблизительно те, о которых мы с Вами говорили. Разрешите прислать заглавие позже, — ломаю себе голову, не могу найти¹.

Буду Вам очень обязан, если Вы напишете несколько строк — когда именно выйдут «С[овременные] з[аписки]» — это все по поводу вечера². Если в июле — очень хорошо, если в июне — значит опять предстоят литературные «труды», интенсивность которых, мне, по правде сказать, немного надоела³.

Желаю Вам всего хорошего. Жду ответа с указанием решительной даты для присылки заглавия и соображений о времени выхода в свет «С[овременных] з[аписок]». Кланяйтесь, пожалуйста, Вере Ивановне [Рудневой], скажите ей, что романтическая линия тоже будет.

Всегда Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ См.: *Газданов Г.И.* Ночная дорога // СЗ. 1939. № 69. С. 170–203. Это первая часть романа, получившего впоследствии название «Ночные дороги».

² См. примеч. 1 к п. 54.

³ 69-я книга СЗ появилась в июле 1939 г.

54. Газданов — Вишняку
Paris. 19 июля 1939 г.

19/VI 39.

Дорогой Марк Вениаминович,
если постоянные страдания на литературном фронте Вас не очень утомили, и если у Вас хватит энергии выслушать (в первой части вечера) то, за что Вы меня, наверное, десятки раз проклинали, читая корректуру, — я был бы рад Вас видеть на своем вечере¹: обещаю не говорить ни о гонораре, ни о сроках. Передайте приглашение, пожалуйста, Вашей супруге.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40).

¹ Литературный вечер Газданова состоялся 27 июня 1939 г. в Париже; согласно газетному сообщению, писатель читал отрывки из романа «Полет» и книги «Ночная дорога» (см.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 585).

55. Газданов — Рудневу
Paris. 5 июля 1939 г.

5/VII 39. Париж.

Дорогой Вадим Викторович,
обращаюсь к Вам с просьбой об аудиенции — по всяким техническим вопросам. Во-первых, мне очень хотелось бы знать точные сроки сдачи продолжения рукописи в «С[овременные] з[аписки]» — чтобы сделать ее возможно тщательнее и лучше¹. Во-вторых — ввиду ближайшего отъезда и «мобилизации финансовых возможностей», нельзя ли получить из редакции «С[овременных] з[аписок]» франков 500 — если, конечно, редакция располагает такими суммами?

Если бы Вы были в Париже в понедельник вечером, я мог бы зайти к Вам на полчаса. Если же нет, то не откажите в любезности написать, когда, в какой день Вы рассчитывали бы быть на Davidel — я бы приехал туда.

Передайте, пожалуйста, мой привет Вере Ивановне [Рудневой]. Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется.

Всегда Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ См.: *Газданов Г.И.* Ночная дорога: [Продолж.] // СЗ. 1940. № 70. С. 95–120.

56. Газданов — Рудневу
Paris. 13 июля 1939 г.

13/VII 39. Париж.

Дорогой Вадим Викторович,
получил Вашу открытку, благодарю Вас. Насчет лиры у меня самого были сомнения; тот же факт, что редакция «С[овременных] з[аписок]» этого не пропустит,

меня ни в какой степени не застал врасплох, я, признаться, так и думал. Хотя колоритность русской национальной песни при этом страдает, но бог с ним, зато «С[овременные] з[аписки]» не посрамлены никаким неприличием¹.

В понедельник я, к сожалению, никак не могу быть: если бы Вы назначили мне аудиенцию как-нибудь днем, на rue Daviel, на следующей неделе, — в среду, в четверг, в пятницу? От 3-ех до 6-ти я в Вашем расположении.

Вечер был гораздо удачнее, чем я мог надеяться, и даже народу было больше, чем всегда². После чтения «Ночной дороги» я два раза услышал отзыв — «гениально» (ни более и не менее) — в первый раз от сумасшедшей Присмановой³, второй раз от чрезмерно любезного Алданова. Растроганный Гингер⁴ прислал мне после этого свою книгу стихов⁵ с надписью: «замечательному писателю» — одним словом, сам того не желая, я стал в тот вечер недурным сюжетом для еврейского анекдота. Какой-то растроганный человек очень почтенного возраста долго жал мне руку — меня ему представил Вейдле, — оказалось, что это Потресов⁶. Не хватало только букета цветов и орхидеи в петлице. Представители еврейской буржуазии — контингент платных посетителей — стойко выдержали чтение. Вообще — все сошло удачно.

Поблагодарите, пожалуйста, Веру Ивановну [Рудневу] за ее хлопоты и передайте ей мой поклон; боюсь, что до сентября увидиться мне с ней уже не удастся. Кланяйтесь ей, пожалуйста.

Я сижу над окончанием романа, который надоел мне до смерти⁷ — осенью с новыми силами возьмусь за «Ночную дорогу».

Желаю Вам всего хорошего, жду уведомления об аудиенции. Ф.Д. [Ламзаки] Вам кланяется.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Ср.: «Я выдержал две недели этой жизни; рядом со мной жил русский, спокойный и атлетический мужчина, относившийся ко всему решительно, даже к своей собственной судьбе, с совершенным безразличием. [...] Иногда он пел низким голосом песни собственного сочинения и вовсе неожиданного содержания. Любимая его песня начиналась так: «Настрою я лиру на...» — следовало непристойное ругательство» (Газданов Г.И. Ночная дорога // СЗ. 1939. № 69. С. 193–194; *Он же*. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 2. С. 26).

² См. примеч. 1 к п. 54.

³ Присманова (наст. фам. Присман) Анна Семеновна (1892–1960), поэт, прозаик.

⁴ Гингер Александр Самсонович (1897–1965), поэт; муж А.С. Присмановой.

⁵ См.: Гингер А.С. Жалоба и творчество: Третья книга стихов. Париж: Дом книги; [Совр. записки], 1939. (Рус. поэты; Вып. 6).

⁶ Потресов (псевд. Яблоновский) Сергей Викторович (1870–1953), журналист, литературный и театральный критик, общественный деятель.

⁷ Речь идет о романе «Полет».

57. Газданов — Вишняку *Cavalair-sur-Mer. 23 августа 1939 г.*

23/VIII 39. Cavalair¹.

Дорогой Марк Вениаминович,

совесть моя идеально чиста: 10-го числа я отправил корректуру² в Париж заказным пакетом, если она не дошла, то это вина почты. Возвращаюсь в первых числах, конец романа рассчитываю сдать 7–8-го числа³. Поставлена последняя точка, остаются незначительные поправки. Желаю Вам всего хорошего.

Жму Вашу руку.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40). Почтовая открытка с видом на берег Средиземного моря и надписью: «Cavalaire (Var) – Vie sur la Plage et l'Hotel des Bains»; адрес получателя: «M[onsieur]r Vichniak aux “Annales Russes”, 51, rue de Turbigo, Paris (III)»; почт. шт.: «Cavalaire, 23. [VIII].39».

¹ Cavalaire-sur-Mer – туристическая местность на Лазурном Берегу.

² См.: *Газданов Г.И.* Полет: Роман: [Продолж.] // РЗ. 1939. Авг.–Сент. № 20/21. С. 3–62.

³ Окончание романа «Полет» не было опубликовано в связи с прекращением РЗ.

58. Газданов – Вишняку

Paris. 25 октября 1939 г.

Париж, 25/X 39.

Дорогой Марк Вениаминович,
простите за небольшое опоздание с ответом на открытку и значительное опоздание с концом романа¹. Я Вам доставлю его на дом, дня через два, – завтра, послезавтра.

Думаю, что никаких литературных неожиданностей не предвидится, – я имею в виду участь романа². Но это не так важно.

Жму Вашу руку.

Ваш Г. Газданов

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 40). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Vichniak, 40, rue Claude Terrasse, Paris (XVI)»; почт. шт.: «Paris, 25.X.1939».

¹ См. примеч. 3 к п. 57.

² Если Вишняк в октябре 1939 г. собирал материалы для очередной книги РЗ, значит, редакция намеревалась продолжать выпуск журнала, однако сентябрьский номер оказался последним.

59. Газданов – Вишняку

Paris. 26 декабря 1939 г.

26 XII 1939

Дорогой Марк Вениаминович,
обращаюсь к Вам с просьбой; не можете ли Вы составить мне нечто вроде удостоверения, в котором было бы сказано, что я, в качестве сотрудника «Р[усских] з[аписок]» блаженной памяти, получил за период, скажем, от 1 окт[ября] 1938 до 1 окт[ября] 1939 г. такую-то сумму денег, и что теперь, ввиду прекращения жур-

нала мои гонорары столь же автоматически прекратились. Это удостоверение мне необходимо для борьбы на квартирном фронте. Думаю, что редакцию он[о] ни к чему не обяжет, тем более, что точно соответствует истине.

Буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы это сделаете.

Желаю Вам всего хорошего и прошу верить самым лучшим моим чувствам.

Г. Газданов

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 40). Сверху приписка карандашом рукой Вишняка: «с 17.XII.1938 до сентября 1939 = 4.360. МВ. 28.XII».

*«Можете рассчитывать
на мое сотрудничество»:
С.И. Гессен*

Публикация, вступительная статья и примечания
О.А. Коростелева и М. Шрубы

Философская мысль русского зарубежья первой половины XX века представлена прежде всего религиозными мыслителями, составившими целую плеяду крупных имен. Среди немногочисленных выдающихся философов, не принадлежащих к этому направлению, следует не в последнюю очередь назвать имя Сергея Иосифовича Гессена¹ (7/20 августа 1887, Усть-Сысольск Вологодской губ. — 2 июня 1950, Лодзь, Польша²). Как философ С.И. Гессен занимался вначале проблемами эпистемологии в духе неокантианства, защитив в 1909 г. в Германии соответствующую кандидатскую диссертацию; впоследствии он работал преимущественно в области философии культуры, государства и права, выступая с трудами по теории социализма, проблемам демократии и правового государства. Следует упомянуть также его редакторскую деятельность в области философии — Гессен был одним из основателей и редактором ежегодника «Логос» (СПб.; М.; Прага, 1910–1914, 1925).

Второй основной специальностью ученого была педагогика³; Гессен отдавал много сил таким областям, как теория и практика педагогики, история педагогики, сравнительная педагогика. Объединив эти две отрасли науки, Гессен занимался в первую очередь философскими проблемами науки о воспитании и обучении, развивая постепенно свою концепцию педагогики как «прикладной философии» — это определение

¹ К биографии Гессена см.: *Gan'ikov L. Hessen Sergei Osipovič // Enciclopedia filosofica*: Vol. 1–4. Venezia; Roma, 1957. Vol. 2. P. 1072–1073; *Nawroczyński B. Hessen Sergiusz // Polski słownik biograficzny*. Wrocław [et al.], 1960–61. T. 9. S. 487–488; *Walicki A. Hessen Sergiusz // Filozofia w Polsce: Słownik pisarzy*. Wrocław [et al.], 1971. S. 112–115; *Kula R. Hessen Sergiusz // Słownik psychologów polskich*. Poznań, 1992. S. 101–102; [Алексеев П.В.] Гессен С.И. // *Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1995. С. 135–136; *Санов В.В. Гессен С.И. // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина*. М., 1995. С. 114; *Краткий биографический словарь*. С. 298; *Práce ruské emigrace*. S. 169–171; *Незабытые могилы*. Т. 2. С. 88; *Сухарев. Материалы*. Кн. 1. С. 122–123; *Литературное зарубежье России*. С. 202; *Российское зарубежье во Франции*. Т. 1. С. 362.

² В справочниках встречаются различные данные о датах рождения (9 августа, 16 августа, 20 августа 1887 г.) и смерти (2 мая, 2 июля 1950 г.) Гессена. Сам Гессен давал противоречивые показания: в автобиографической справке 1914 г. для С.А. Венгерова как день рождения значится 7 августа 1887 г. (см.: *Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова. Аннотированный указатель: В 2 т. / Под ред. В.А. Мыслякова*. СПб., 2001. Т. 1. С. 297–298); мемуарный очерк Гессена 1947 г., напротив, начинается словами: «Я родился 16 августа 1887 г. [...]» (*Гессен С.И. Мое жизнеописание / Предисл. к публ. и послесл. А. Валицкого // Вопросы философии*. 1994. № 7–8. С. 150–187; здесь: С. 152). Однако там же Гессен упоминает своего сводного брата Сеню (С.И. Штейна), который был «моим ровесником (старшим меня на две недели)»; так как Семен Штейн родился 23 июля 1887 г., датой рождения Гессена следует считать, скорее всего, именно 7 августа 1887 г. Точную дату смерти Гессена (и прочие сведения о его жизни и деятельности) содержат некрологи: *Hans N. Sergius Hessen // The Slavonic Review*. 1950. Vol. 29. № 72. P. 296–298; [Анон.] *Serge Hessen: 1887–1950: Note nécrologique // Cahiers Internationaux de Sociologie*. 1950. Vol. 9. P. 175–176; *Бишток Г. Памяти С.И. Гессена // НРС*. 1950. 8 июня; *Зеньковский В. С.И. Гессен как философ // НЖ*. 1951. № 25. С. 209–214; *Стенун Ф. Памяти С.И. Гессена // Там же*. С. 215–218; *Зеньковский В. Памяти Гессена // Возрождение*. 1951. № 13. С. 195–197.

³ См.: *Зеньковский В. Страница из истории русской педагогики (С. Гессен) // Вестник РСХД*. 1959. № 52 (1). С. 59–60.

он вынес в подзаголовок своей книги «Основы педагогики» (1923). Гессен развил редакторскую деятельность также в области педагогики, входя в редколлегии журналов «Русская школа за рубежом» (Прага, 1923–1931) и «Русская школа» (Прага, 1934–1940).

О растущем, особенно в последнее время, интересе к педагогическому и философскому наследию С.И. Гессена свидетельствуют многочисленные переиздания его трудов в России⁴ и за границей (особенно в Италии⁵ и в Польше, где в 1997 г. появилось пятитомное издание его «Избранных сочинений»⁶); знаменательно также большое число посвященных ему исследований⁷.

С.И. Гессен был, пожалуй, самым «космополитическим»⁸, или, вернее, самым европейским из русских философов своего времени. Свои многочисленные научные и публицистические работы⁹, в том числе длинный ряд монографий¹⁰, он не только публико-

⁴ См.: *Gessen C.I.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Ответств. ред. и сост. П.В. Алексеев, М., 1995; *Он же.* Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистякова, М., 1999; *Он же.* Педагогические сочинения / Сост. Е.Г. Осовский и др. Саранск, 2001; *Он же.* Избранное / Сост. Е.Л. Петренко, М., 2010.

⁵ См.: *Hessen Sergio.* Fondamenti della pedagogia come filosofia applicata. Firenze, 1955; *Idem.* Autobiografia. La pedagogia russa del XX secolo. Roma, 1956; *Idem.* Fondamenti filosofici della pedagogia. Roma, [1956]; *Idem.* Diritto e morale: i diritti dell'uomo nel liberalismo, nel socialismo, nella democrazia, nel comunismo. Roma, 1958 (переизд.: 2008); *Idem.* Scuola democratica e sistemi scolastici. Roma, 1958; *Idem.* L'idealismo pedagogico in Italia: G. Gentile e G. Lombardo Radice. Roma, 1960; *Idem.* Democrazia moderna. Roma, 1961; *Idem.* Ideologia e autonomia dell'educazione e della pedagogia. Roma, 1962; *Idem.* Struttura e contenuto della scuola moderna. Roma, 1968; *Idem.* Il bene e il male in Fedor M. Dostoevskij. Roma, [1980].

⁶ См.: *Hessen Sergiusz.* Dzieła wybrane. Warszawa: Żak, 1997. Т. 1. Podstawy pedagogiki; Т. 2. Szkoła i demokracja na przełomie; Т. 3. O sprzecznościach i jedności wychowania: zagadnienia pedagogiki personalistycznej; Т. 4. Struktura i treść szkoły współczesnej: zarys dydaktyki ogólnej; Т. 5. Pisma pomniejszych. См. также: *Idem.* Studia z filozofii kultury. Warszawa, 1968; *Idem.* Filozofia, kultura, wychowanie. Wrocław, 1973; *Idem.* Państwo prawa i socjalizm. Warszawa, 2003.

⁷ Упомянем лишь посвященные С.И. Гессену монографии: *Neri R.* Sergio Hessen e la sua pedagogia: lezioni introduttive. Roma, 1951; *Sergio Hessen / A cura di L. Salvini e L. Volpicelli.* Roma, 1956; *Neri R.* Esame critico della pedagogia di Sergio Hessen. Roma, 1956; *Mazzetti R.* I limiti della filosofia e pedagogia di Sergio Hessen. Salerno, 1957; *Meyer-Bohling H.* Das pädagogische System Sergius Henssens: Kritische Interpretation. Hamburg, 1958; *Baroni A.* Sergio Hessen. Brescia, 1959; *Calo Giampuzzi R.* Antinomie pedagogiche nel pensiero di Sergio Hessen. Lecce, [1959]; *Armando A.* Ideologia, burocrazia e pedagogia: intorno a Sergio Hessen. Roma, 1961; *Giovanniello V.* La filosofia dell'educazione di Sergio Hessen. Napoli, 1962; *Todisco N.* La pedagogia di Sergio Hessen nella sua palpitante attualità. Napoli, 1962; *Broccolini G.* Mito e realtà nel pensiero di Sergio Hessen. Roma, 1966; *Sergio Hessen / A cura di D. Barbasso.* Palermo, 1972; *Riggio P.* Verifica dell'idealismo in G. Lombardo Radice e Sergio Hessen. Palermo, 1974; *Gonč V.* Sergius Hessen a Československo. Brno, 2000; *Абрамова Л.Г.* Философско-образовательная концепция педагогики С.И. Гессена. Калининград, 2003; *Folkierska A.* Sergiusz Hessen – pedagog odpowiedzialny. Warszawa, 2005; *Wieczorek Z.* Filozofia wszechjedności Sergiusza Henssena. Kraków, 2005; *Седова Е.Е.* Философия образования С.И. Гессена в социокультурном контексте общественно-педагогического движения России и русского зарубежья первой половины XX века. Воронеж, 2006; *Абрамова Л.Г.* Философско-педагогическая концепция С.И. Гессена. Калининград, 2007.

⁸ См.: *Liegle L.* Ein unfreiwilliger Kosmopolit und seine fast vergessenen Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Pädagogik. Zur 100. Wiederkehr des Geburtstages von Sergius Hessen // *Bildung und Erziehung.* 1987. Bd. 40. H. 4. S. 467–476.

⁹ См. неполную библиографию трудов С.И. Гессена: *Bibliografia prac Sergiusza Henssena // Hessen S.* Dzieła wybrane. Warszawa, 1997. Т. 5. Pisma pomniejszych. S. 310–325.

¹⁰ Перечислим основные прижизненные издания оригинальных монографических трудов С.И. Гессена: «Individuelle Kausalität: Studien zum transzendentalen Empirismus» (Berlin: Reuther & Reichard, 1909); «Политическая свобода и социализм» (Пг.: Н.Н. Карбасников, 1917); «Свобода и дисциплина» (Пг.: Н.Н. Карбасников, 1917); «Политические идеи жирондистов: К истории политических воззрений в эпоху революции» (М., 1917); «Основы педагогики: Введение в прикладную философию» (Берлин: Слово, 1923); «Educational policy in Soviet Russia» (London: King, 1930) (соавтор: N. Hans); расширенное немецкое изд.: «Fünfzehn Jahre Sowjetschulwesen: Die Entwicklung des Sowjetschulwesens und die Wandlungen der kommunistischen Bildungspolitik seit der Oktoberrevolution bis zum Ende des Fünfjahresplanes (1917–1932)» (Langensalza; Berlin; Leipzig: Beltz, 1933); «Weltanschauung, Ideologie, Bildung» (Praha: Russkij svobodnyj universitet, 1934); «Globální metoda či globální vyučování? Příspěvek k filosofii počátečního vyučování» (Praha: Dědictví Komenského, 1935); «Školství v demokracii: Studie k filosofii a politice soudobého školství» (Praha: Dědictví Komenského, 1935); «Ruština pro

вал, но и писал на русском, немецком, английском, французском, чешском и польском языках¹¹. См. в письме Гессена к Рудневу от 13 июля 1936 г.: «В течение лета я собираюсь очень много написать — 6 печ[атных] листов, из них 3 по-польски, 1 по-немецки и 1 по-русски — для Вас. Как все успею?» (п. 61). Гессен был полиглотом также в своей преподавательской деятельности. В письме к С.Л. Франку от 10 февраля 1934 г. он сообщал по поводу возможной профессуры в Польше: «Если никаких неприятных неожиданностей не будет, я осенью перееду в Варшаву (сначала один). Придетесь сразу же читать лекции по-польски. Это будет пятый язык, на котором я буду читать лекции!»¹².

«Недобровольным космополитом» Гессен стал в силу не только политических, но и жизненных обстоятельств. Эмигрировав нелегально в декабре 1921 г. (переехал из Петрограда в Финляндию на розвальнях «по льду Финского залива, наперерез между фортами Кронштадта и фортом Ино»¹³), он обосновался сначала в Германии, в Берлине, где его отец И.В. Гессен возглавлял издательство «Слово» и газету «Руль»; 1922—1923 гг. провел в немецких университетских городах Фрайбурге и Йене, работая над книгой «Основы педагогики» (Берлин: Слово, 1923). В 1923/24 учебном году Гессен преподавал в Русском научном институте в Берлине, прочитав там курс лекций по логике; весной 1924 г. он переселился в Прагу¹⁴, где еще с 1923 г. преподавал в Русском педагогическом институте, и работал там вплоть до закрытия института в 1926 г.; одновременно он выступал с лекциями и докладами в пражском Русском народном университете и в ряде научных заведений и обществ, принимая активное участие в общественно-научной жизни русской Праги¹⁵.

každého» (Praha: Administrace Domácího učení, [1935])» (под псевдонимом Sergěj Makarov; об авторстве см. примеч. 1 к п. 38); «Die Methode der Maria Montessori und ihr Schicksal: Ein Beitrag zur Pädagogik des Vorschulalters» (Halle: Akad. Verlag, 1936); «Szkoła i demokracja na przelomie» (Warszawa; Wilno: Nasza Księgarnia, 1938); «O sprzecznościach i jedności wychowania: zagadnienia pedagogiki personalistycznej» (Lwów; Warszawa: Książnica Atlas, 1939). Как монография был задуман также цикл статей Гессена о теории социализма, опубликованных в 1924—1927 гг. в СЗ (см. п. 3), однако отдельное издание, которое должно было выйти в издательстве «Современные записки» (см. примеч. 5 к п. 5), не состоялось.

¹¹ Отметим попутно, что некоторые из трудов С.И. Гессена были еще в 1930-е гг. переведены на другие языки — польский, итальянский, чешский, словенский. См.: *Hessen S. Podstawy pedagogiki / Przełożył A. Zielińczyk*. Warszawa: Nasza Księgarnia, 1931 (2-е изд. 1935); *Idem. La pedagogia di Giovanni Gentile / [A cura di L. Volpicelli]*. Roma: Avio, 1934 (2-е изд. 1940); *Hessen S., Hans M. Pedagogika i szkolnictwo w Rosji Sowieckiej: rozwój szkolnictwa sowieckiego i zmiany komunistycznej polityki oświatowej od rewolucji październikowej do końca planu pięcioletniego 1917—1932 / Z oryginału niemieckiego przełożył A. Zielińczyk*. Lwów; Warszawa: Książnica Atlas, 1934; *Hessen S. Petnajst let sovjetskega šolstva in komunistične obrazbene politike*. Ljubljana: Slovenska Šolska Matica, 1935; *Idem. Filosofické základy pedagogiky / [Přeloženo z ruštiny dr. J. Patočkou a dr. V. Bezděkovou za spolupráce inž. N. Denišenka]*. Praha: Československá grafická Unie, 1936; *Idem. Světový názor a pedagogika: Studie k problému autonomie / Přeložila [z ruštiny, němčiny a polštiny] Žofie Pohorecká*. Praha: Dědictví Komenského, 1937; *Idem. Fondamenti della pedagogia come filosofia applicata / Traduzione dal russo di Vera Dolghin*. Palermo: R. Sandron, 1937.

¹² Bakhmeteff archive. Frank papers. Box 1. Cp.: «Hessen's interests embraced all branches of the humanities, and he possessed an encyclopaedic knowledge in philosophy, history, literature, philology, law, education and psychology. His knowledge of languages was also extensive: he lectured in Russian, Czech, Polish, German and English, spoke French and Italian fluently and was a good Classical scholar» (*Hans N. Sergius Hessen*. P. 297).

¹³ Гессен С.И. Мое жизнеописание. С. 164.

¹⁴ См.: *Кучера Ц.* Петербургские Гессены в Чехословакии // Зарубежная Россия 1917—1945: Сб. ст. СПб., 2004. Кн. 3. С. 298—303.

¹⁵ См.: Хроника. Чехословакия (по ук.), а также статью Гессена о деятельности русских гуманитариев в Праге: *Гессен С.И.* Науки философские и общественные // Русские в Праге 1918—1928 гг. / Ред.-изд. С.П. Постников. Прага, 1928. С. 269—275. В своей автобиографии (1947) Гессен сообщает: «После ликвидации Русского педагогического института чешское правительство продолжало выплачивать мне, как и иным русским профессорам, скромную стипендию, которая, хотя и все более урезывалась с годами, была, однако, основой моего материального существования. Мне хотелось бы выразить здесь благодарность чешскому правительству за эту поддержку, позволившую мне развернуть оживленную научную и литературную деятельность» (*Гессен С.И.* Мое жизнеописание. С. 165).

Для научной карьеры все эти недолговременные и не слишком престижные места не представляли большого интереса, не говоря уже о том, что не вполне соответствовали ни его специальности, ни его квалификации. С зимнего семестра 1932/1933 г. Гессен был даже вынужден работать лектором русского языка в Немецком университете в Праге, обучая русскому языку начинающих студентов славистики; в этом институте он числился сотрудником вплоть до 1937 года¹⁶.

Когда для Гессена в 1934 г. открылась возможность получения перспективного места в Польше, он воодушевленно сообщал об этом в письме к Рудневу от 4 апреля 1934 г.: «я получил приглашение в Варшаву и его принял. Хотя пригласил меня не госуд[арственный] университет, а Wolna Wszechnica Polska. Но: 1) меня очень убеждают ехать, 2) обещают кроме жалования (1700 кщ) еще обеспечить столько же побочных доходов, 3) у меня будет мой семинарий, аудитория, и я буду профессором по своей специальности: систем[атическая] педагогика. Наконец, здесь у меня нет *никаких* перспектив, а в Польше *очень большие*» (п. 38). Схоже он высказался в письме к С.Л. Франку от 10 февраля 1934 г. из Праги: «здесь я все же только “бедный родственник”. Здесь никаких дальнейших перспектив, в Варшаве – перспективы широкой деятельности и получения в будущем профессуры и в госуд[арственном] университете»¹⁷.

Приглашение состоялось; получив профессуру в частной высшей школе Wolna Wszechnica Polska (Свободный польский университет), Гессен вновь переменил страну местожительства, перебравшись в течение 1935–1936 гг. из Праги в Варшаву; вплоть до 1939 г. он преподавал в варшавском и лодзинском отделениях «Всехниці». С началом Второй мировой войны деятельность этого и других высших учебных заведений в Польше была прекращена; в годы войны Гессен принимал активное участие в подпольном гимназическом и университетском обучении. Во время Варшавского восстания в августе–сентябре 1944 г. сгорел дом Гессена; погибли его архив, библиотека и рукописи ряда завершённых уже трудов. Когда сразу после освобождения Польши, еще до конца войны, на основе лодзинского отделения был основан государственный Uniwersytet Łódzki, Гессен в конце марта 1945 г. переехал в Лодзь и вплоть до своей кончины занимал кафедру истории педагогики Лодзинского университета. Знакомый с Гессеном с детских лет историк польской и русской философской мысли А. Валицкий вспоминал, что в связи с усиливающейся с конца 1940-х гг. сталинизацией университетской жизни в Польше Гессен подвергался нападкам как «реакционный эмигрант» и что эта травля омрачила и сократила его жизнь¹⁸. Вполне возможно, что Гессен был бы лишен кафедры, но прежде чем это произошло, он скончался в 1950 г.

В последние годы жизни Гессен пользовался большим международным авторитетом. В 1947 г. комиссия при UNESCO привлекла его вместе с другими крупными учеными и мыслителями (среди них Махатма Ганди, Бенедетто Кроче, Олдос Хаксли, Пьер Тейяр де Шарден) для подготовки Всеобщей декларации прав человека¹⁹; Гессен приглашался на заседание Комитета UNESCO в Париже (см. п. 67). Декларация была принята 10 декабря 1948 г.

Помимо занятий философией и педагогикой, преподавательской и редакторской деятельности С.И. Гессен подвизался также на публицистическом поприще, сотрудничая во многих периодических изданиях русской эмиграции («Воля России», «Новая русская книга», «Своими путями», «Новый град», «Путь», «Молва», «Руль»,

¹⁶ См.: *Zeil W. Slawistik an der deutschen Universität in Prag (1882–1945)*. München, 1995. S. 53, 88–91.

¹⁷ Bakhmeteff archive. Frank papers. Box 1.

¹⁸ См.: *Вопросы философии*. 1994. № 7–8. С. 186–187.

¹⁹ См.: *Ishay M.R. The History of Human Rights: From Ancient Times to the Globalization Era*. Berkeley [et al.], 2008. P. 219–220.

«Меч», «Сегодня», «Слово» и др.), в первую очередь в СЗ. Гессен оказался одним из наиболее востребованных сотрудников журнала – со своими 44 публикациями он входил в первую дюжину наиболее часто печатаемых авторов²⁰, появляясь с № 15 за 1923 г. по № 59 за 1935 г. На протяжении этих 13 лет он печатался почти в каждом из 45 номеров. Как сообщает Гессен в своем жизнеописании, инициатором был «Ф.А. Степун, который привлек меня к сотрудничеству в издававшихся в Париже “Современных записках”»²¹.

Гессен отнюдь не брался за все, что редакция ему как постоянному сотруднику заказывала, строго придерживаясь своих тем и научных интересов. Так, он сообщал Вишняку в письме от 23 июня 1928 г.: «Что же касается статьи о 10-летию чехосл[овацкой] независимости, то я никак не могу ее написать. Я никакого отношения к этой теме не имею: я не Mädchen für alles [девушка для всего (нем.)], хотя мой диапазон и широкий» (п. 20). Диапазон Гессена в СЗ охватывал в основном вопросы теории социализма и рабочего движения в Европе, проблемы педагогики, философию права и государства; в СЗ помещено также несколько работ (одна статья и три рецензии), посвященных Достоевскому.

Одними публикациями участие Гессена в СЗ не исчерпывалось, он живо интересовался всеми проблемами журнала; устраивал обмен рекламными объявлениями между СЗ и редактируемым им изданием «Русская школа за рубежом» (и заодно привлек Вишняка и Руднева к сотрудничеству в этом журнале, а Руднев позже стал и членом редколлегии).

Редакторы СЗ ко многим авторам, чье мнение ценили, обращались с просьбой отзываться о свежих номерах журнала, не был исключением и Гессен. Однако авторы подходили к этой обязанности по-разному, одни ею манкировали, другие относились со всей ответственностью. К примеру, Бунин вспоминал о ней изредка и обычно отделялся вспышкой эмоций по какому-либо чаще случайному поводу, а Бицилли действительно писал весьма обстоятельные отзывы, подробно разбирая свежие номера, характеризуя едва ли не каждый материал. Гессен в этом отношении оказался очень полезным внутренним рецензентом. Он высказывал свое мнение, не особо стесняясь, нередко сопровождая отзывы весьма нелицеприятными оценками, хотя и оговаривая, что все это только его личное мнение. Наиболее подробно останавливался, разумеется, на материалах второго отдела: статьях о политике, образовании, философии и т.д. Нередко Гессен тут же в письме вступал в полемику с авторами публикаций и отдельными тезисами их статей, запальчиво спорил, пенял редакторам, зачем они опубликовали это и почему не напечатали того. Все эти микрорецензии составляют изрядную часть переписки с редакторами и представляют собой еще один очень ценный источник для изучения рецепции СЗ в эмигрантской среде.

Подробно разбирая материалы свежих номеров, Гессен не обходил и беллетристики, хотя на этот счет его предпочтения были куда строже, чем у рядового читателя. К примеру, 17 апреля 1926 г. Гессен писал Вишняку: «Единственное, что в этом №, на мой взгляд, хуже, – это беллетристика: Мережковский опять плох, Осоргин – мило, но без силы, Бунин – хорош, но не более, а Ремизов уж слишком для любителя» (п. 7).

²⁰ Список из пятнадцати сотрудников СЗ, наиболее часто печатавшихся в журнале, выглядит следующим образом: первые места занимают П.М. Бицилли (106 публикаций) и М.В. Вишняк (104), за ними следуют М.О. Цетлин (78), М.А. Алданов (77), А.А. Кизеветтер (61), В.В. Руднев (59), М.А. Осоргин (53), С.О. Португейс (53), Ф.А. Степун (50), В.В. Вейдле (49), С.И. Гессен (44), Б.К. Зайцев (44), В.Ф. Ходасевич (42), М.И. Цветаева (39), В.В. Набоков (36). Если же учитывать объем публикуемых материалов, в этот список вошли бы также имена И.И. Фондаминского, В.А. Маклакова и А.Л. Толстой.

²¹ Гессен С.И. Мое жизнеописание. С. 165.

Не изменились его настроения и десятью годами позже. 25 декабря 1935 г. он писал Рудневу: «Ограничусь только чисто субъективными суждениями, не притязающими на критичность: Сирин мне непонятен и тяжел, Осоргин же слишком понятен и легко-весел» (п. 56).

Гессен не раз находил сотрудников для СЗ, подыскивал рецензентов, рекомендовал авторов, которые могли бы написать на ту или иную интересующую журнал тему.

Статьи Н.С. Тимашева, А.В. Флоровского и многих других авторов появились в журнале с подачи и по настоянию Гессена. Гессен настаивал на помещении отдельных статей А.Л. Бема, публикации воспоминаний своего отца И.В. Гессена.

Из редакционной переписки становится понятно, как появлялись в редакции те или иные авторы и материалы. К примеру, 30 апреля 1926 г. И.И. Фондаминский писал М.В. Вишняку: «Гессен очень рекомендует для статейки о А.А. Чупрове С. Кона» (Ред., п. 97). В ближайшем номере этот материал был опубликован.

Причем это касалось не только близких Гессену областей, но и совсем далеких, в частности беллетристики, в отношении которой он знатоком себя не считал и всегда признавал свое мнение субъективным. Однако несколько молодых авторов впервые были напечатаны в СЗ именно при его посредничестве. Ф.А. Степун писал И.И. Фондаминскому 30 ноября 1925 г.: «Щербаков (3 рассказа) передан мне Гессеном через Зандера» (Ред., п. 70). Еще одним молодым автором, опубликовавшим свои стихи в СЗ по протекции Гессена, оказался его сын Евгений.

Интересы и знакомства Гессена были обширны, и нередко он рекомендовал СЗ авторов, пишущих на темы, для него самого, казалось бы, вполне экзотические. К примеру, 4 августа 1935 г. Гессен писал Рудневу: «О русской иконе я найду Вам в Польше прекрасных авторов (Моле, Краков; Валицкий в Варшаве), которые охотно напишут статью и даже по-русски» (п. 53).

Порой Гессен брал на себя инициативу, далеко выходящую за рамки ответственности рядового автора, и пытался выполнять редакторские функции. Так, 10 сентября 1929 г. Гессен писал Вишняку: «Я на свой страх все же “заказал” Байкалову статью» (п. 24). Трудно сказать, были ли у него надежды войти в редакцию СЗ полноправным редактором. Скорее всего, Гессен понимал бесперспективность таких надежд в силу географической удаленности и бытовых условий. Вероятнее, что он на протяжении ряда лет просто ощущал СЗ своим журналом, о судьбе которого пекся вполне искренне и бескорыстно.

В любом случае редакторы СЗ не поощряли подобных беспочвенных мечтаний и, прислушиваясь к советам и рекомендациям, не торопились все их исполнять безоговорочно. Некоторые авторы, рекомендованные Гессеном (Н.Н. Алексеев, В.В. Саханев), в результате так и не были привлечены к сотрудничеству в журнале.

К концу 1920-х гг. Гессен предлагал скорректировать и саму идеологию журнала. Совместно с Г.Д. Гурвичем они стремились «расширить “социалистический отдел” в “С[овременных] З[аписках]” [...] и объединять вокруг себя не только живые силы справа (чему я вполне сочувствую), но также и силы слева, т.е. всех недогматически мыслящих социалистов из других лагерей (в частности, из меньшевистского лагеря: я имею в виду Маршака, Бинштока и др.)» (письмо Гессена Вишняку от 21 ноября 1929 г.; п. 25). Идея объединения увлекла Гессена долгое время, и 4 января 1930 г. он писал Вишняку: «Я готов развить усилия в направлении расширения “социалистического сектора” в “Совр[еменных] записках”. Я мог бы достать статьи Де-Мана, м.б., Коля, Мариона, Бинштока» (п. 26). Эти устремления, однако, не вызвали у редакции СЗ большого энтузиазма. Почувствовав это отсутствие энтузиазма, Гессен продолжал настаивать на своем: «“Совр[еменные] зап[иски]” обязаны работать над консолида-

цией новой соц[иалистической] партии, одинаково отличной и от традиц[ии] либерализма и от марксизма. Для этого они обязаны объединять *всех* ищущих социалистов, из каких бы бывших социал[истических] партий они ни происходили» (Там же).

Он довольно строго выговаривал редакторам, обстоятельно обосновывая свою точку зрения: «В последнем № “С[овременных] з[аписок]” опять-таки *нету* главного: 1) ни одной статьи о современном положении социального движения в *Европе* (или Америке или, наконец, Индии!), ни одной статьи о социализме и его проблемах, 2) только одна статья о современной России и 3) ни одной статьи о *будущем* России [...] “С[овременные] з[аписки]” *обязаны* возбудить обсуждение будущего: *что делать*, когда падет большевизм?» (письмо Гессена Вишняку от 25 мая 1930 г.; п. 29).

Превращать СЗ в объединенный орган европейских социалистов не входило в планы редакции, и этой идеи она не поддержала, однако неудача не смутила Гессена: на протяжении следующих пяти лет он оставался постоянным автором СЗ, живо обсуждая в письмах проблемы журнала и обстоятельно отзываясь о каждом номере. Правда, влиять на политику журнала он больше не пытался.

Лишь в октябре 1935 г., перебравшись из Праги в Варшаву, Гессен начал новый жизненный этап, после чего сотрудничество с СЗ и переписка с редакторами постепенно сошли на нет.

Публикации С.И. Гессена в СЗ

Статьи:

Крушение утопизма // СЗ. 1924. № 19. С. 277–295.

Проблема правового социализма: (Эволюция либерализма) // СЗ. 1924. № 22. С. 257–292. Содерж.: I. Проблема социализма. — II. «Новый либерализм». — III. «Новая свобода — старая свобода».

Проблема правового социализма: (Либерализм и социализм) // СЗ. 1925. № 23. С. 313–341.

Проблема правового социализма: (Эволюция социализма) // СЗ. 1926. № 27. С. 382–429. Содерж.: Гл. I. Утопический социализм как абстрактное отрицание либерально-капиталистического строя. — Гл. II. Марксизм как реальное отрицание либерально-капиталистического строя.

Проблема правового социализма: (Эволюция социализма) // СЗ. 1926. № 28. С. 299–344; № 29. С. 308–341. Содерж.: Гл. III. Вырождение реального отрицания в чистое уничтожение: революционный коммунизм. — Гл. IV. Перерождение реального отрицания в преобразующее (утверждающее) отрицание.

Проблема правового социализма // СЗ. 1927. № 30. С. 380–408; № 31. С. 328–357. Содерж.: Гл. V. Правовой социализм и новое средневековье.

Новая программа австрийской соц.-дем. партии и съезд в Линце // СЗ. 1927. № 33. С. 502–522.

Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // СЗ. 1928. № 35. С. 308–338.

Новые аграрные программы европейских социалистических партий // СЗ. 1928. № 36. С. 470–493.

Генрих Де Ман как теоретик социализма // СЗ. 1929. № 40. С. 503–527.

Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева // СЗ. 1931. № 45. С. 271–305; № 46. С. 321–351.

Идея социального права // СЗ. 1932. № 49. С. 421–435.

Итоги культурной пятилетки // СЗ. 1933. № 51. С. 402–417.

Мировоззрение и идеология // СЗ. 1935. № 57. С. 316–329.

Правда демократии // СЗ. 1935. № 58. С. 361–377.
Школа в России и революция // СЗ. 1935. № 59. С. 445–458.

Рецензии:

[Рец. на журн.:] София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии / Под ред. Н.А. Бердяева, при участии Л.П. Карсавина, С.Л. Франка. Берлин, 1923. Вып. 1 // СЗ. 1923. № 15. С. 421–426. Подп.: Sergius.

[Рец. на кн.:] Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923 // СЗ. 1923. № 16. С. 436–444. Подп.: Sergius.

[Рец. на журн.:] Philosophie und Recht. Osterwiek, Harz: Zickfeedt, 1923. Heft 2 (Sonderheft “Russische Rechtsphilosophie”) // СЗ. 1923. № 17. С. 519–524. Подп.: Sergius.

[Рец. на кн.:] Зарубежная русская школа, 1920–1924: [Историч. обзор] / [Сост. В.В. Руднев]; Рос. земско-гор. ком. помощи рос. гражданам за границей. Париж, 1924 // СЗ. 1924. № 22. С. 469–476.

[Рец. на кн.:] Карсавин Л.П. Философия истории. Берлин: Обелиск, 1923 // СЗ. 1925. № 23. С. 479–484. Подп.: Sergius.

[Рец. на кн.:] Penty A.J. Towards a Christian Sociology. London: Allen & Unwin, 1923 // СЗ. 1925. № 23. С. 484–488. Подп.: Sergius.

[Рец. на кн.:] Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве: Ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности (1890 – 30 января 1925). Прага: Б.и., 1925 // СЗ. 1925. № 24. С. 451–454. Подп.: Sergius.

[Рец. на кн.:] Gurwitsch G. Fichtes System der konkreten Ethik. Tübingen: Mohr, 1925 // СЗ. 1925. № 24. С. 455–460. Подп.: Sergius.

Евразийство [Рец. на кн.: Евразийский временник: Непериодическое издание / Под ред. П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого. Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1925. Кн. 4] // СЗ. 1925. № 25. С. 494–508.

[Рец. на кн.:] Вишняк М.В. Право меньшинств. Paris: La Presse Française & Etrangère, 1926 // СЗ. 1927. № 30. С. 592–595.

[Рец. на кн.:] Лосский Н.О. Свобода воли. Paris: YMCA-Press, [1927] // СЗ. 1927. № 32. С. 466–473.

[Рец. на кн.:] Вольная Сибирь: Общественно-экономический сборник / Под общ. ред. И.А. Якушева. Прага: Общество сибиряков в ЧСР, 1927 // СЗ. 1927. № 32. С. 473–474. Подп.: С.Г.

[Рец. на журн.:] Известия Юридического факультета Высшей школы в Харбине. Харбин, 1926. Т. 3 // СЗ. 1927. № 32. С. 496–498. Подп.: Sergius.

[Рец. на кн.:] Чижевский Д.И. Філософія на Україні: Спроба історіографії питання. Прага: Сіяч, 1926 // СЗ. 1929. № 38. С. 544–546.

Немецкое издание неопубликованных рукописей Ф.М. Достоевского: [Рец. на кн.: Der unbekannte Dostojewski / Hrsg. von R. Fülöp-Miller [u.a.]. München: R. Piper & Co., 1926; Dostoevskij F.M. Raskolnikoffs Tagebuch: Mit unbekanntem Entwürfen, Fragmenten und Briefen zu «Raskolnikoff» und «Idiot» / Hrsg. von R. Fülöp-Miller und F. Eckstein. München: R. Piper & Co., 1928] // СЗ. 1929. № 39. С. 502–515.

[Рец. на кн.:] Бердяев Н.А. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства: В 2 ч. Paris: YMCA-Press, [1927–1928] // СЗ. 1929. № 39. С. 547–554.

[Рец. на кн.:] Hans N.A. The Principles of Educational Policy. London: King & Son, 1929 // СЗ. 1930. № 42. С. 541–543.

[Рец. на кн.:] О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага: Б.и., 1929 // СЗ. 1930. № 43. С. 503–505.

[Рец. на кн.:] Cole G.D.H. The next ten years in British social and economic policy. London: Macmillan, 1929 // СЗ. 1930. № 43. С. 527–531.

[Рец. на кн.:] Harper S.N. Civic training in Soviet Russia. Chicago: The University of Chicago Press, 1929 // СЗ. 1930. № 43. С. 531–533.

[Рец. на кн.:] Russian schools and universities in the world war. New Haven: Yale University Press, 1929 // СЗ. 1931. № 45. С. 531–533.

[Рец. на кн.:] Carr E.H. Dostoevsky (1821–1881): a new biography / With a pref. by D.S. Mirsky. London: Allen & Unwin, 1931 // СЗ. 1932. № 50. С. 463–464.

[Рец. на кн.:] Huxley A. Brave new world. London: Chatto & Windus, 1932 // СЗ. 1933. № 52. С. 463–465.

[Рец. на кн.:] Hegel bei den Slaven / Hrsg. von D. Čyževskij. Reichenberg: Stiepel, 1934 // СЗ. 1935. № 57. С. 470–472.

[Рец. на кн.:] Berdjajew N.A. Wahrheit und Lüge des Kommunismus. Luzern: Vita Nova Verlag, 1934 // СЗ. 1935. № 59. С. 479–481.

1. Гессен — Вишняку
Radošovice. 23 января 1925 г.

Radošovice u Prahy, č[íslo] 60, 23.I.25.

Многоуважаемый Марк Вениаминович, Известие Ваше о неожиданной и печальной кончине Александра Исаевича [Гуковского] меня глубоко потрясло¹. Как тяжело, что он не выдержал и поддался отчаянию! Я впервые познакомился с ним лично только в Берлине. Но эти немногие встречи и беседы с ним оставили во мне неизгладимое впечатление редкой душевной чистоты, мягкости, вдумчивости, тонкости душевного склада. Когда я впервые услышал про его болезнь, то хотелось верить, что он оправится и вернет себе силы, победит уныние. Искренне скорблю об этой утрате и прошу Вас передать как вдове его, так и товарищам по редакции, мое глубокое соболезнование.

Недоумеваю, почему Вы еще не получили моих рецензий. Я послал их Вам (в редакцию) 14-го, одновременно же послал в Париж корректуры «Логоса»² (Сеземану³), которые пришли по назначению. Посылаю Вам с этим письмом оставшиеся у меня отписки обеих рецензий⁴. Надеюсь, что на этот раз Вы их получите. Не откажите подтвердить получение. Они хуже ранее посланных Вам, но все же разборчивы.

Вкладываю также объявление «Рус[ской] школы»⁵. Для рецензии на нее Ганц вполне подходит⁶. В последнем № как раз нет его статей.

О Бицилли дам *короткую* рецензию, но уже для след[ующего] номера⁷.

Гурвича я похвалил совершенно искренне и, думаю, без дружеских преувеличений⁸.

Пока сердечный привет. Преданный Вам

С. Гессен

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Nicolaevsky collection. Box 267. F. 3).

¹ А.И. Гуковский, перенесший летом 1924 г. душевную болезнь, 17 января 1925 г. покончил жизнь самоубийством (застрелился). Подробнее об этом см.: *Шруба М.* Из истории журнала «Современные записки»: Вокруг болезни и кончины А.И. Гуковского // Вокруг редакционного архива СЗ. С. 29–43.

² В 1925 г. С.И. Гессен, Ф.А. Степун и Б.В. Яковенко пытались возобновить в Праге выпуск «международного ежегодника по философии культуры» «Логос» (ранее они выпускали его в России в 1910–1914 гг.). В пражском издательстве «Пламя» вышел единственный номер, на который откликнулся Г.Д. Гурвич (СЗ. 1925. № 24. С. 556–561).

³ Сеземан Василий Эмильевич (1884–1963), философ-неокантианец, участник евразийского движения, в 1922–1923 гг. жил в Берлине, с 1923 г. в Каунасе, профессор Каунасского и Вильнюсского университетов. В пражском номере «Логоса» он опубликовал статью «Платонизм, Плотин и современность» (С. 51–107), а также рецензию на книгу: *Hartmann N. Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis*. Berlin: De Gruyter, 1921 (С. 229–235).

⁴ Возможно, речь о рецензиях Гессена в пражском альманахе «Логос», где были опубликованы два отзыва о книгах: *Лосский Н.А. Логика*. Ч. 1–2. Берлин: Обелиск, 1923; *Koyré A. L'idée de Dieu dans la philosophie de st. Anselme*. Paris: E. Leroux, 1923 (Логос. Прага: Пламя, 1925. С. 175–193; 215–219).

⁵ Журнал «Русская школа за рубежом» выпускался пражским Земгором в 1923–1931 гг. под редакцией С.И. Гессена, С.И. Карцевского и др. (с 1928 г. в редакцию входил также В.В. Руднев). Рекламное объявление о поступлении в продажу № 10/11 «Русской школы за рубежом» появилось в № 23 СЗ (С. 528).

⁶ Н.А. Ганц (о нем см.: наст. изд. Т. 2. С. 539) написал рецензию на сдвоенный номер (1924. № 10/11) «Русской школы за рубежом», которая была опубликована незамедлительно (СЗ. 1925. № 23. С. 520–522).

⁷ По-видимому, речь о книге П.М. Бицилли «Очерки теории исторической науки» (Прага: Пламя, 1925), рецензия на которую появилась в журнале с огромным опозданием, через четыре года, и написал ее не Гессен, а Д.И. Чижевский (СЗ. 1929. № 39. С. 542–547).

⁸ Гурвич Георгий Давидович (1894–1965, Париж), философ, социолог, в эмиграции с 1921 г. в Берлине, затем в Праге, доцент Русского юридического факультета, с 1935 г. в Париже, профессор Сорбонны, основатель и руководитель Социологического института. Имеется в виду книга: *Gurwitsch G. Fichtes System der konkreten Ethik*. Tübingen: Mohr, 1925. Рецензия Гессена на нее была опубликована в июньском номере журнала за подписью Sergius (СЗ. 1925. № 24. С. 455–460).

2. Гессен — Рудневу *Radošovice. 20 марта 1925 г.*

Radošovice u Prahy, č[íslo] 60, 20.III.25.

Многоуважаемый В[адим] В[икторович],

Ваше письмо только недавно было получено мною, т.к. «Пламя»¹ его не сразу передало мне. Прошу этим объяснить мой запоздалый на него ответ.

Возможно, что я слишком и незаслуженно резко обошелся с Осоргиным². Но ведь я был в своей статье все-таки прав: Пед[агогическое] Бюро³ как таковое не виновато в том, в чем *его именно* обвинял Осоргин⁴. Конечно, в нем преобладает «правая» тенденция. Но ведь эта тенденция все более и более линияет. Руководители Бюро, как А. Бем и В. Зеньковский, ее определенно *не* разделяют, и потому обвинение всего Бюро в этой тенденции было и несправедливо, и нецелесообразно, поскольку оно затрудняет борьбу руководителей Бюро с его составом за аполитичность Бюро. Кроме того, появление такой статьи в «Днях» накануне съезда, во время переговоров Бюро с чешским правительством о съезде⁵, было *очень несвоевременно*. Оно могло испортить все эти переговоры. А съезд нужен как раз для того, чтобы дать победу аполитичности зарубежной школы. Всего этого Осоргин не знал, но это-то и плохо, что, не зная всех этих внутренних дел зарубежной школы, он о них пишет. Если бы он не затронул Бюро, а просто говорил бы о денационализации, то против его статьи нельзя было бы возражать, что, впрочем, я сам и отметил в своем ответе.

Вчера получил новую книжку «Совр[еменных] записок»⁶ и прочел уже почти всю ее с большим удовольствием. Она не такая «боевая», как предыдущая, но все же очень и очень интересна. Хороша критика Вишняком Чернова, хотя, надо сказать, что последняя книга Чернова — лучшее, что он вообще написал⁷. «Мысли» Степуна как всегда интересны, хотя и слишком уж затейливы. В моей статье⁸, к сожалению, осталось несколько опечаток, исправленных мною в корректуре. Меня очень радует, что статья моя вызвала сочувствие. Интересно, как будет принята ее вторая (самая существенная, ибо критическая) часть⁹.

В заключение две просьбы, кто такой «Талин»¹⁰? Его статья о Шкрабе¹¹ превосходна, и я хочу просить его написать для «Рус[ской] школы за руб[ежом]» одну или серию статей о фактическом состоянии школы в России¹². Пожалуйста, передайте ему эту мою просьбу или сообщите мне его имя, отчество и адрес.

Вторая просьба: попросите Марка Вениам. [Вишняка] выслать мне, если возможно, небольшой аванс (хотя бы франков 250–300). Возможно, что мне еще причитается что-нибудь. Если нет, то я покрою его след[ующей] книгой, куда все-таки надеюсь к сроку представить свою следующую статью¹³.

Крепко жму Вашу руку. Сердечно преданный Вам

С. Гессен

Заметка Ганца действительно неудачна, но все же не бесполезна для нашего журнала¹⁴. А отчего Вы не напишете для нас ничего? В частности, *я очень просил бы Вас* написать для след[ующего] № «Русской школы» некролог (на 3–4–5 страниц) о кн. Львове, как заступнике русской заруб[ежной] школы¹⁵. Вы можете прислать его мне в течение 3 недель. Этот № уже закончен печатанием и выйдет на днях, а след[ующий] (13/14) выйдет в начале мая. Ответьте на это тотчас же, пожалуйста.

У нас сейчас мало материала *о заруб[ежной] школе*. Вы могли бы дать что-либо из того, что у Вас имеется. *Очень прошу.*

Напишите мне по моему домашнему адресу.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41).

¹ Издательство «Пламя», активно действовавшее в Праге в 1923–1926 гг. под руководством Е.А. Ляцкого.

² Публикация не выявлена.

³ Педагогическое бюро по делам средней и нижней русской школы за границей действовало в Праге в 1923–1933 гг., объединяло представителей эмигрантских школ Чехословакии, Франции, Германии и других стран и возглавлялось президиумом из четырех человек: В.В. Зеньковский (председатель), А.Л. Бем, В.Н. Светозаров и кн. П.Д. Долгоруков. Выпускало ряд специальных периодических изданий: Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и нижней русской школы за границей (Прага, 1923–1927); Информационный бюллетень Педагогического бюро (Прага, 1926–1927); Вестник Педагогического бюро (Прага, 1927–1931). О Педагогическом бюро см. также во вступ. ст. к письмам В.В. Зеньковского в наст. изд.

⁴ См.: *Осоргин М.* Денационализация детей и взрослых // Дни. 1925. 6 февр. № 684.

⁵ II Всеэмигрантский съезд педагогов низших и средних русских школ за рубежом был созван Педагогическим бюро и прошел в Праге 5–12 июля 1925 г.

⁶ Гессен имеет в виду № 23 СЗ и далее упоминает материалы этого номера: статью М.В. Вишняка «Русский социализм и государство» (С. 372–393) и «Мысли о России» Ф.А. Степуна (С. 342–371).

⁷ Чернов В.М. Конструктивный социализм. Прага: Воля России, 1925.

⁸ Гессен С.И. Проблемы правового социализма: (Либерализм и социализм) // СЗ. 1925. № 23. С. 313–341.

⁹ Вторая часть была опубликована лишь год спустя: Гессен С.И. Проблема правового социализма: (Эволюция социализма) // СЗ. 1926. № 27. С. 382–429.

¹⁰ Один из псевдонимов С.О. Португейса. См. о нем: Ред., примеч. 34 к п. 21.

¹¹ Талин В.И. [Португейс С.О.] «Шкраб» // СЗ. 1925. № 23. С. 394–420. «Шкраб» – советское сокращение: *школьный работник, учитель.*

¹² Статей С.О. Португейса (Ст. Ивановича, В.И. Талина) в «Русской школе за рубежом» не обнаружено.

¹³ В ближайших номерах СЗ появлялись только рецензии Гессена.

¹⁴ См. примеч. 6 к п. 1.

¹⁵ См.: Руднев В.В. Князь Г.Е. Львов // Рус. школа за рубежом. 1925. № 13–14. С. 136–140.

3. Гессен — Вишняку Radošovice. 26 декабря 1925 г.

26.12.25.

Дорогой Марк Вениаминович,

я страшно виноват перед Вами и понимаю, что не заслуживаю больше доверия. Но я не писал Вам раньше именно потому, что не хотел опять и опять ограничиваться одними обещаниями. Сейчас пишу со спокойной совестью. «Статья» моя, вот уже несколько дней, как *действительно* закончена. Это не статья, а целое исследование, значение которого, на мой взгляд, должно оправдать мое возмущительное запаздывание. Теперь на несколько номеров мое участие в «Совр[еменных] записках» обеспечено¹. Вы поймете меня, что я не *мог* Вам посылать части моей работы, не окончив ее целиком. После всех ожиданий, которые я невольно возбудил, я *должен* был дать нечто законченное, целостное, если не разрешающее проблемы социализма, то, во всяком случае, по-новому и определенно ее ставящее. Думаю, что мне это удалось и что и Вы в конце концов не будете сетовать на мою медлительность. Последняя обусловлена была не моей ленью, а трудностью самих вопросов. Ведь, начиная с августа, я для своей работы отставил все другие дела, кроме самых неотложных. Из-за этого я потерпел чрезвычайные убытки, до невозможности запутал все свои денежные дела, главное — задержал на несколько месяцев сдачу издателю немецкого перевода своей книги², для чего влез в долги, чтобы оплатить своих переводчиков. Но я чувствовал, что если не закончу статьи своей сейчас, я не закончу ее вообще в ближайшее время. Итак, вооружитесь еще немного терпением: через 2–3 недели (это время мне нужно для сокращения, отделки и переписки рукописи) статья моя будет у Вас. Это — окончательно и бесповоротно.

Вот ее подробное содержание:

§ 1. *Введение.* Проблема: вскрытие вечной идеи социализма.

Глава 1-ая. Утопический социализм, как *абстрактное отрицание* либерально-капиталистич[еского] строя.

§ 2. а) Благо и Право.

§ 3. б) Социализм и консерватизм: индивидуалистический момент в социализме.

- § 4. в) Утопич[еский] социализм как абстрактное отрицание права, государства и хозяйства. Мнимая положительность утопического социализма.
- Глава 2-ая.* Марксизм как *реальное отрицание* либерально-капиталист[ического] строя.
- § 5. а) Научный и утопич[еский] социализм: теория классовой борьбы.
- § 6. б) Утопизм марксизма: отрицание права, государства и хозяйства.
- § 7. в) Механистический характер марксистской теории общества. Его фатализм: отрицание положительной картины будущего строя.
- Глава 3-ья.* Врождение реального отрицания в *чистое уничтожение*. коммунизм.
- § 8. а) Огосударствление орудий производства.
- § 9. б) Диктатура пролетариата: усвоение личного консерватизма.
- Глава 4-ая.* Перерождение реального отрицания в преобразующее отрицание (Aufhebung³).
- § 10. а) Идеалистический момент в марксизме: Лассаль и Маркс.
- § 11. б) Утверждение правового государства: ревизионизм.
- § 12. в) Реставрация идеи хозяйства: синдикализм.
- § 13. г) Расширение идеи права: гильдеизм как первая попытка построения положительного социализма.
- Глава 5-ая.* Правовой социализм и проблема «Нового Средневековья».
- § 14. а) Расширенная идея права.
- § 15. б) Одухотворение государства.
- § 16. в) Автономия хозяйства.
- § 17. г) Право как орудие Духа.

Думаю, что разбить всю работу можно на 4 статьи: § 1–7, § 8–10, § 11–13, § 14–17. В таком случае в каждой статье будет приблизительно по 2–2¼ листа. Лучше было бы: гл. 1–3, гл. 4 и гл. 5, но тогда в первой статье будет свыше 3 листов. Впрочем, Вам все это виднее будет, когда Вы ознакомитесь со всею рукописью. С нетерпением буду ждать Вашего отзыва о ней и Вашего решения⁴.

Илья Исид. [Фондаминский] и Вы предлагаете мне дать еще что-нибудь для библиографии и «Культура и жизнь». Для этого №-а, к сожалению, дать ничего не смогу, так как должен двинуть свой немецкий перевод. К следующему (28 кн.) же номеру дам статейку о демократическом перерождении университетов в Англии. Могу также дать статью на тему об эволюции идеологии коммунистич[еской] педагогики, если такая тема для «Совр[еменных] зап[исок]» подходит. Других тем пока у меня нет⁵. Да и книг интересных, подходящих для рецензии, пока не вижу. Я бы с удовольствием написал об Ильинском «Оправдании православного меча», но Г.Д. Гурвич мне говорил, что Вы для этого ищите человека безупречного в отношении православной наследственности⁶. Прельщает меня еще тема «Идея добра в «Братьях Карамазовых»»⁷ (я читал здесь на эту тему имевший успех доклад⁸). Но это — статья и к тому же еще требующая работы и времени, а не заметка для

«Культ[уры] и ж[изни]». Впрочем, если Вы мне *закажете* нечто более определенное, я к 27 кн. мог бы что-нибудь и представить. — Вы видите, написав свой «социализм», я основательно выдохся. Ближайший год я даже положил себе не столько писать новое, сколько переделывать на немецкий яз[ык] уже написанное ранее по-русски.

Зато могу предложить Вам *две* чужие статьи, которые от всей души Вам рекомендую: 1) проф. Н.С. Тимашев хотел бы поместить у Вас статью на тему «Суд и государство»⁹. У него ряд интересных мыслей по этому вопросу (в связи с современной действительностью), отчасти соприкасающихся с идеей функционального разделения властей. Я вообще считаю *очень* желательным участие в «Совр[еменных] зап[исках]» этого безупречного в общественном смысле, живого и умного человека. Если Вас его тема и участие в журнале интересует, то напишите ему *сами* письмо. Адрес его: prof. N. Timašev, Zbraslav u Prahy, «Velka Hospoda»: Никол[ай] Серг[еевич] Т[имашев]. 2) проф. Н.Н. Алексеев хотел бы тоже поместить у Вас статью на тему «Государство по учению древнего и нового завета». Я статью эту читал. Основная мысль ее та, что христианство не отрицает демократии, а в известных условиях ее требует. Острые статьи направлено против оправдания монархизма православием. Первая же часть посвящена характеристике теократического идеала (отрицающего земное государство), как он дан в Библии (Ветхий Завет). Статья безусловно интересна, хотя я лично и не со всем в ней могу согласиться. На Вашем месте я *непременно* поместил бы ее. Участие Н. Алексеева в «Совр[еменных] зап[исках]» мне представляется *политически* очень желательным. Н. Алексеев льнет сейчас к демократическому крылу. И отталкивать его в противный лагерь (куда он, впрочем, не хочет итти и не пойдет) было бы неправильно. Как-никак, он был видной фигурой в Добровольч[еском] движении¹⁰. Георгий Дав. [Гурвич], я знаю, считает участие его в «С[овременных] з[аписках]» недопустимым. Мне кажется, напротив, участие его в «С[овременных] з[аписках]» (конечно, не постоянное) может только расширить базу журнала. Впрочем, Вам это виднее. Во всяком случае, пожалуйста, ответьте мне по этому вопросу: я обещал Алексееву посредничество¹¹.

Возвращаясь к себе, могу еще предложить след[ующую] тему для «Культ[уры] и ж[изни]»: «Советская школа в преломлении иностранцев» (обзор иностр[анной] литературы о сов[етской] школе)¹². Но это тоже — только к 28-й книге.

XXVI книгу получил только вчера и еще не успел с нею ознакомиться. Поэтому, чтобы не задерживать письма, ограничиваюсь своим поздравлением редакции и пожеланием будущий юбилей отпраздновать в России¹³.

А пока что желаю Вам от души всего наилучшего в наступающем Новом Году, наипаче сил и душевной бодрости. Искренне преданный Вам

С. Гессен

P.S. Кстати, не откажите сообщить мне адреса Ст. Ивановича и А.П. Маркова¹⁴. Мне надо им написать от «Рус[ской] школы за руб[ежом]».

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Radošovice u Prahy, číslo 60».

¹ Публикация большой работы Гессена «Проблема правового социализма», начавшаяся в № 22 и 23, после перерыва продолжилась, растянувшись еще на пять номеров (1926. № 27.

С. 382–429; 1926. № 28. С. 299–344; 1926. № 29. С. 308–341; 1927. № 30. С. 380–408; 1927. № 31. С. 328–357).

² О какой книге идет речь, неясно. В 1920-е гг. книг С.И. Гессена на немецком языке опубликовано не было.

³ На немецком языке данное слово имеет несколько значений — в частности: упразднение, поднятие, сохранение. В труднопереводимом термине гегелевской философии обыгрывается многозначность данного понятия.

⁴ Цикл статей С.И. Гессена под общим заглавием «Проблема правового социализма» был опубликован в семи номерах СЗ. Ко времени написания данного письма появились две предварительные работы с подзаголовками «Эволюция либерализма» (1924. № 22. С. 257–292) и «Либерализм и социализм» (1925. № 23. С. 313–341). Содержание следующих пяти статей, опубликованных в № 27–31 СЗ, соответствует плану, изложенному в настоящем письме: 1) Гл. I–II: 1926. № 27. С. 382–429; 2) Гл. III–IV: 1926. № 28. С. 299–344; 3) Гл. IV (Продолж.): 1926. № 29. С. 308–341; 4) Гл. V: 1927. № 30. С. 380–408; 5) Гл. V (Продолж.): 1927. № 31. С. 328–357.

⁵ Эти планы не были воплощены. На протяжении всего времени, пока печаталась работа «Проблема правового социализма», Гессен не печатал в СЗ больших статей, только рецензии. Следующую статью он опубликовал лишь в ноябре 1927 г.: *Гессен С.И.* Новая программа австрийской соц.-дем. партии и съезд в Линце // СЗ. 1927. № 33. С. 502–522.

⁶ Речь о книге И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин: Град Китеж, 1925). В журнале на эту книгу откликнулась З.Н. Гиппиус статьей «Меч и крест» (СЗ. 1926. № 27. С. 346–368), а также В.В. Зеньковский статьей «По поводу книги И.А. Ильина “О сопротивлении злу силой”» (СЗ. 1926. № 29. С. 284–307).

⁷ Такая статья появилась в журнале через два с половиной года: *Гессен С.И.* Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // СЗ. 1928. № 35. С. 308–338.

⁸ В справочнике «Хроника. Чехословакия» доклад не зафиксирован.

⁹ Статья получила другое название: *Тимашев Н.С.* Проблема независимости суда // СЗ. 1926. № 27. С. 430–446.

¹⁰ Н.Н. Алексеев в 1919–1920 гг. занимал различные должности в Добровольческой армии, был писарем, редактором газеты «Великая Россия», заведующим литературной частью отдела пропаганды («Осваг») и, наконец, начальником информационной части при штабе армии. Но вряд ли все это позволяло считать его в полном смысле видной фигурой Белого движения. Куда более известен был его полный тезка, генерал-лейтенант Николай Николаевич Алексеев (1875–1955), который действительно занимал видные посты в Добровольческой армии (весной–летом 1918 г. командовал войсками северной группы Донской армии, а затем 8-м Донским армейским корпусом).

¹¹ Предложение С.И. Гессена о привлечении Н.Н. Алексеева к сотрудничеству в СЗ обсуждалось редакторами журнала. В пользу участия Алексеева высказался Фондаминский в письме к Вишняку и Рудневу от 6 января 1926 г.: «Я и за статью Алексеева (если только вы почему-либо не считаете его участие морально недопустимым). Его тема остра и нужна. Я считаю необходимой *мобилизацию сил*. Противный лагерь это делает и победить его можно только сосредоточенным натиском. И разве это плохо, что пражская профессура — Лосский, Бицилли, Тимашев, Алексеев — окажутся в нашем стане?» (Ред., п. 78). Н.Н. Алексеев в СЗ не печатался, хотя в журнале не раз публиковали отзывы на его книги.

¹² Этот замысел также остался неосуществленным. Лишь много лет спустя была опубликована статья на близкую тему: *Гессен И.С.* Школа в России и революция // СЗ. 1935. № 59. С. 445–458.

¹³ Высказывание о юбилее связано со статьями З.Н. Гиппиус и М.А. Осоргина в ПН по поводу выхода 26-й книги СЗ; см.: *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]* «Течение» «Современных записок» (книга XXVI) // ПН. 1925. 24 дек. № 1740. С. 2–3; *Осоргина М.* Юбилей — 5 лет «Современных записок» // Там же. С. 3.

¹⁴ Об А.П. Маркове см.: Ред., примеч. 44 к п. 78.

4. Гессен — Вишняку
Radošovice. 21 января 1926 г.

25.1.26.

Дорогой Марк Вениаминович,
одновременно с этим письмом посылаю на адрес «Совр[еменных] записок» свою работу заказным пакетом¹. Сам не верю, что уже закончил ее и отослал. С нетерпением буду ждать Вашего отзыва о ней: как редакторского, так и читательского. Ваше мнение мне особенно ценно, т.к. Вы один из немногих русских читателей, который сможет ~~понять~~ оценить мою работу во всех ее деталях. Сам я в оценке ее колеблюсь от крайнего самомнения до столь же крайнего самоуничтожения: то мне кажется, что я в ней сказал нечто новое, нужное и бесспорное, то она представляется мне (особенно в последнее время — при правке) набором банальных и общих мест и к тому же неряшливо и утомительно длинно, с повторениями написанной. Итак, буду ждать Вашего суда.

Вполне понимаю, что Вас, как редактора, подвергаю большому испытанию и ставлю в очень тяжелое положение. По существу, работу следовало бы разделить на три статьи: 1) главы I—III, глава IV и глава V. Но это вряд ли возможно, т.к. каждая из статей была бы слишком длинной. Придется, вероятно, разбить на 4 части — пожалуйста, сделайте это сами, как найдете лучшим. Точно так же, вполне доверяя Вашему такту, предоставляю Вам произвести в работе сокращения, в которых она бесспорно нуждается. Что делать? «Я не имел времени быть кратким»². По настоящему работе моей следовало бы пролежать у меня еще месяца два.

В случае, если редакция примет мою работу для напечатания (я даже в этом ~~никогда~~ подчас сомневаюсь), я очень просил бы Вас выплатить мне аванс: чем больше, тем лучше, по возможности по расчету за всю работу. Во-первых, я из-за нее запустил все свои заработные дела и наделал долгов, засим у меня сейчас домашние неурядицы (болезнь сына), требующие больших расходов, и, наконец, одна только переписка работы стоила мне около 600 ч. кр. Если решите выслать аванс, то не откажите вычесть из него мой долг редакции и 275 ч. кр. Г.Д. Гурвичу (мой долг ему): соответств[ующую] расписку я Вам вышлю по уведомлении.

Жду также Вашего ответа относительно Н.Н. Алексеева. Я продолжаю настаивать на крайней, по моему мнению, желательности напечатать хотя бы одну его статью.

Посылаю Вам при сем объявление «Рус[ской] школы», которое прошу Вас напечатать в порядке обмена³ (для чего не откажите выслать Ваше — XXVII кн. — объявление).

Для XXVIII книги можете рассчитывать на ~~статью~~ мое сотрудничество в Вашем петите: у меня уже зарождаются планы небольших статей и рецензий⁴.

Хоть и поздно, желаю Вам от души всего лучшего в Новом Году.

Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

Помните Вы еще Над. Влад. Бр[юлову]-Шаск[ольскую]⁵? Я вчера имел от нее письмо из Асхабада: она недавно вышла замуж за О. Визеля⁶ (мне неизвестного, тоже в ссылке). По-прежнему бодр, много пишет и частью печатает⁷. Сын⁸ ее, возможно, переедет ко мне, будет жить у нас — учиться.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Radošovice u Prahy, č[íslo] 60».

¹ См. примеч. 1 к п. 3.

² Данное высказывание восходит к бонмо Б. Паскаля в «Lettres provinciales» («Письмах к провинциалу»), письмо XVI: «Je n'ai fait celle-ci plus longue que parce que je n'ai pas eu le loisir de la faire plus courte» («[Это письмо] получилось таким длинным потому, что у меня не было времени написать его короче»).

³ Рекламное объявление о выходе из печати № 17 «Русской школы за рубежом» было немедленно напечатано (СЗ. 1926. № 27. С. 618).

⁴ Ни в 28-й, ни в 29-й книге Гессен не опубликовал ничего, помимо частей своей большой работы. Ближайшая его «петитная» публикация появилась лишь через два номера (СЗ. 1927. № 30. С. 592–595), это была рецензия на книгу адресата: *Вишняк М.В.* Право меньшинств. Paris: La Presse Française & Etrangère, 1926.

⁵ Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна (урожд. Брюллова; 1886–1937, Ташкент), общественно-политический деятель, член партии эсеров (с 1908), историк-востоковед, этнограф. Первый муж (в 1909–1918) приват-доцент П.Б. Шаскольский. С 1922 г. неоднократно арестовывалась и высылалась. Расстреляна 9 октября 1937 г. Подробнее см.: *Кан С.А.* Н.В. Брюллова-Шаскольская – этнолог, эсер, человек эпохи // *Этнографическое обозрение.* 2008. № 2. С. 87–105.

⁶ Визель Оскар Эмилевич (1895–1939, Соликамск), востоковед, этнограф, лингвист. Неоднократно арестовывался и высылался.

⁷ Н.В. Брюллова-Шаскольская в это время публиковала статьи по этнографии и истории в таких изданиях, как «Народное хозяйство Средней Азии», «Туркменская искра», «Новый Восток», «Известия Средазкомстариса» и др.

⁸ Шаскольский Валерий Петрович (1910–1948), геолог, в 1931 г. окончил Среднеазиатский геологоразведочный институт в Ташкенте, работал начальником поискового отряда Мосрифлага ГРП треста «Союзмышьяк», в 1937 г. арестовывался, умер в экспедиции от дифтерита.

5. Гессен – Вишняку *Radošovice. 13 февраля 1926 г.*

13.2.26.

Дорогой Марк Вениаминович,
наконец получил Ваше письмо, ожидавшееся мною с нетерпением влюбленного. Благодарю Вас за скорый – по намерению – ответ, к несчастью дошедший до меня так поздно. Прошу очень на будущее время заметить мой адрес, Вы и раньше писали мне по адресу Института¹, что вызывало задержку в получении писем. Все же по-прежнему жду от Вас письма *по существу*: Ваше мнение меня *очень* интересует, и я хотел бы им еще воспользоваться для возможных исправлений в частях, которые появятся позднее. Письмо Георгия Давыдовича [Гурвича], принявшего мою работу очень хорошо, уже заставляет меня просить Вас разрешить внести в 3-ю и 4-ю статью (по-видимому, работа моя будет разбита на 4 статьи) некоторые – небольшие – изменения и дополнения (в примечании). Я их Вам вышлю своевременно – это не вызовет с Вашей стороны никакой работы, т.к. я Вам вышлю соответствующие страницы в исправленной копии. Но мне важно знать и Ваше (и других членов редакции) мнение, причем прошу Вас быть совершенно *откровенным* в его выражении.

За последнее время мне пришлось здесь прочесть несколько лекций и докладов в связи с философской частью моей работы². На одном из докладов моих против меня выступил Чернов, защищавший против моей теории прогресса и моего «реализма идей» (ср. последний §) точку зрения плоского эмпирического реализма. Теперь я особенно вижу, как правилен и нужен и в духе «С[овременных] з[аписок]» *замысел* моей работы, если и продолжаю сомневаться, удачно ли мне его удалось разрешить. В связи со здешними прениями у меня возникли две темы, которые могу предложить Вам для будущих статей (не пугайтесь, я пишу медленно): «Проблема прогресса», «Идея добра в “Братьях Карамазовых”»³. Если темы подходят, то я летом примусь за написание статей.

Понимаю Ваши сомнения, касающиеся Алексева. Но все же продолжаю считать, что отталкивать переходящих в наш лагерь неправильно. Отзыва Винавера не читал еще, но думаю, что тут много личной обиды. «Воспоминания» Алекс[еева] читал и не нахожу в них ничего неприемлемого⁴.

Относительно предлагаемого Вами плана печатать 1000 оттисков моей работы я, посоветовавшись с директором «Пламени», предпочитаю высказаться отрицательно: 1) мне хотелось бы издать всю книгу целиком⁵ (со статьями «Эволюция либерализма» и «Крушение утопизма»⁶, а м.б., и «Проблема прогресса», если напишу ее); 2) для отдельного издания хотелось бы воспользоваться Вашими, Гурвича и других знатоков вопроса критическими замечаниями; — я сам уже вижу желательность переработки некоторых §§; 3) материально мне выгоднее получить гонорар за книгу от издателя (я очень надеюсь на «Пламя»), чем получать за продаваемые экземпляры по чайной ложке. Но зато я прошу Вас *за мой счет* напечатать еще 50 (чтобы всего было 70) оттисков *всех* статей, которые я мог бы широко разослать лицам, мнение которых ценю. Надеюсь, что еще не запоздал с этой просьбой.

Пока, всего хорошего. Спасибо за деньги, полученные как раз в самый критический момент. Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

При сем две расписки: на 1000 фр. и 225 фр. (Гурвича). Сколько платят теперь «С[овременные] з[аписки]» за лист?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Сверху штемпель с надписью: «Prof. Sergej Hessen, Radošovice u Prahy, č[íslo] 60, Tchecoslovaquie». Помета рукой Вишняка: «домашний».

¹ С 1924 г. Гессен был профессором Русского педагогического института в Праге.

² В хронике отмечены только лекция С.И. Гессена «Основные проблемы философии истории» в Русском народном университете 20 января 1926 г. и его доклад «Новое средневековье» на собрании Русского философского общества 13 февраля 1926 г. (Хроника. Чехословакия. Т. I. С. 222, 225).

³ Из этих двух замыслов был воплощен только второй; см. примеч. 7 к п. 3.

⁴ Мемуары Н.Н. Алексева были посвящены преимущественно крымским событиям 1918–1919 гг., причем о местных властях он отозвался не слишком лестно: «Крымское краевое правительство, возглавляемое С.С. Крымом и Винавером, считало себя едва ли не самым демократическим правительством на земле. И вместе с тем это было, вероятно, одно из самых слабых и бессильных правительств, которые когда либо существовали» (*Алексеев Н.Н. Из воспоминаний // Архив русской революции. Берлин, 1926. № 17. С. 170–255; здесь: С. 184*). Обиженный М.М. Винавер, занимавший в крымском правительстве пост министра

внешних сношений, написал статью «О мемуарной литературе», которую почти целиком посвятил воспоминаниям Н.Н. Алексеева, отнеся их к категории «мемуаров-сплетен» и заявив в качестве вывода: «Наша мемуарная литература переживает, по-видимому, еще свой “легендарный” период» (*Винавер М.* О мемуарной литературе // Звено. 1926. 31 янв. № 157. С. 2–3). В других эмигрантских изданиях воспоминания Н.Н. Алексеева были встречены куда более благосклонно; см., например: *П.Ш.* [Рец.:] Архив русской революции. Т. XVII // Руль. 1925. 23 дек. № 1539. С. 5; *М.Г.* [Рец.:] Архив русской революции. Том XVII. Берлин, 1926 г. 317 стр. // Сегодня. 1926. 16 янв. № 12. С. 5.

⁵ Работа Гессена «Проблема правового социализма» отдельным изданием не выходила. Ср. в автобиографии Гессена: «Редакция “Совр[еменных] записок” в лице И.И. Фондаминского предлагала мне издать мою серию статей о правовом социализме отдельной книгой, но я, считая, что текст книги должен быть основательно исправлен и дополнен, все откладывал эту работу и пропустил все поставленные мне сроки» (*Гессен С.И.* Мое жизнеописание. С. 165).

⁶ Речь о статьях, опубликованных в журнале двумя годами ранее: *Гессен С.И.* Проблема правового социализма (Эволюция либерализма) // СЗ. 1924. № 22. С. 257–292; *Гессен С.И.* Крушение утопизма // СЗ. 1924. № 19. С. 277–295.

6. Гессен — Вишняку

Dresden. 20 марта 1926 г.

Берлин. — Дрезден. 20.3.26.

Řičani u Prahy, Radošovice č[íslo] 60

Дорогой Марк Вениаминович,

Ваше письмо от 3.3.26 получил перед самым отъездом своим в Берлин, где вертелся с утра до вечера как белка в колесе. Только сейчас в Дрездене (где ночую у Кронера¹) имею возможность собраться с мыслями и ответить Вам на письмо.

Меня очень радует, что Вы, несмотря на наши разногласия, нашли мою работу интересной и достойной напечатания. Думаю, что, когда Вы прочтете ее в корректуре внимательнее, Вы убедитесь и в том, в чем я убежден сам, т.е. что наши разногласия не так уж велики. Я считаю, что я ближе к Вам, чем к Гурвичу; ведь государство для меня есть вечная идея, и от его «деволюции» я ожидаю не умаления государства, а его усиления и расцвета, что и постараюсь показать подробно. В конце концов, я неисправимый *либерал*. Самый мой замысел — показать, что социализм есть наследник либерализма и что в Новом Средневековьи должны незабываемыми сохраниться вечные принципы либерализма — должен быть, на мой взгляд, Вам особенно близким. Я, действительно, считаю, что идея современного социализма есть идея суверенитета права — потому, что социализм есть продолжение и углубление идеи правового государства.

Вы напрасно меня приближаете к Чернову²; мое отношение к государству ничуть не двусмысленно, а совершенно определено. Я — государственник, хотя и против огосударствления. Я — за суверенитет государства, хотя и за «относительный суверенитет» (в согласии с Вами против Гурвича). Внимательное чтение Вами моих «частых цитирований» Чернова убедит Вас в том, что я отношусь к Чернову как к подголоску Бауэра³ и довольно иронически его цитирую. Согласен же я с ним *только* в его характеристике военного коммунизма, которую по совести считаю очень удачной. В двух примечаниях я показываю неоригинальность Чернова, его неудачливое сидение на двух стульях. Жалею, что Вы этого не заметили.

Реформизм же я критикую лишь постольку, поскольку в нем вижу остатки марксизма и механистического воззрения на общество. Как ни как, кончаю я словами Лассалья⁴! В общем, я продолжаю думать, что я стою к Вам ближе, чем к Гурвичу. — Как относитесь Вы к моей конструкции хозяйства и «личной собственности», к моей критике коммунизма? — Конечно, я праву даю приоритет над государством, но для меня ведь и государство есть только максимально сгущенное право (в отличие от Гурвича). В известной мере для меня право не может существовать без государства — как Вы этого не заметили!?

В работе своей я не собираюсь делать никаких существенных и больших изменений. Я хотел бы только кое где уточнить цитаты, в частности, пойти навстречу Гурвичу и в двух—трех местах изменить ссылки на него, а также вставить 2—3 примечания, касающиеся Вас (в частности, хотел бы сослаться на Вашу статью в «Вест[нике] права»⁵, которой у меня не было под руками). Все это, однако, касается 3-й и 4-й части. 2-я статья не требует никаких изменений.

С нетерпением жду 27-й книги «Совр[еменных] зап[исок]». Когда она выйдет⁶? Из Праги (куда я завтра еду) я Вам вышлю обменное объявление «Русск[ой] школы» (уже для 28-й книги⁷).

За последнее время у меня совсем созрели статьи «Проблема прогресса» и «Идея добра в “Братьях Карамазовых”»⁸, которые думаю предложить в «Соврем[енные] зап[иски]». Для отдела петитного пока, к сожалению, у меня ничего нету.

Не помню, писал ли я Вам о том, что Надежда Влад. [Брюллова-Шаскольская] в Асхабаде (ныне Полторацке)⁹ вышла замуж за О. Визеля¹⁰. Сына ее, Валю, я жду к себе осенью: он будет жить у меня и учиться в Праге. Мечтаю о поездке в Париж (выйдет ли что-нибудь из нового Института?). Хотелось бы и с Вами познакомиться, наконец, лично. Сердечно преданный Вам

С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41).

¹ О Р. Кронере см.: Ред., примеч. 26 к п. 70.

² Это сравнение бурно обсуждалось редакторами СЗ. 3 марта 1926 г. Фондаминский писал Вишняку: «Ты находишь, что Гессен тот же Чернов, но только образованнее и культурнее. Mein Liebchen, was willst du noch! Мы не только обошлись без Чернова, но создали своего, только сортом повыше» (Ред., п. 88).

³ Бауер (Бауэр) Отто (Otto Bauer; 1881—1938), австрийский политик, социал-демократ, теоретик австромарксизма.

⁴ Разбирая в своей работе реформистские воззрения на марксистское отрицание государства, Гессен приходил к однозначному выводу: «Лассаль окончательно и бесповоротно побеждает Маркса» (Гессен С.И. Проблема правового социализма: (Эволюция социализма) // СЗ. 1926. № 28. С. 341).

⁵ Журнал «Вестник права» выходил в Петербурге в 1914—1917 гг. (сменив выходивший в 1909—1913 гг. «Вестник права и нотариата»). М.В. Вишняк был сотрудником журнала, но о какой его статье идет речь, неясно.

⁶ 27-я книга СЗ вышла в начале апреля 1926 г.

⁷ В 28-м номере СЗ не было рекламного объявления журнала «Русская школа за рубежом» (зато была подробная, на пять полос, реклама пражского издательства «Пламя», в которой журнал упоминался среди прочей продукции).

⁸ См. примеч. 7 к п. 3.

⁹ Нынешняя столица Туркменистана город Ашхабад в 1919–1927 гг. носил название Полторацк в честь большевика П.Г. Полторацкого (а до 1919 г. Асхабад, как его и пишет Гессен).

¹⁰ См. п. 4.

7. Гессен — Вишняку

Radošovice. 17 апреля 1926 г.

17.4.26.

Дорогой Марк Вениаминович, получил вчера подробное и очень меня ободрившее письмо от Ильи Исидоровича [Фондаминского]. Он сводит и Вашу критику моего построения к чрезвычайно интересной проблеме «культурных округов», полагая, что в неприменимости моего «гильдеизма» к России заключается и корень Вашей «защиты государства». Признаться, я не думаю, чтобы это было так. ~~Судя по~~ Если верно то, как я Вас ощущаю по Вашим писаниям, Вы тоже западник (конечно, не в том элементарном ~~смысле~~ виде, как ~~его~~ западничество культивирует хотя бы Миркин-Гецевич¹), и в этом пункте я как раз, по-видимому, с Вами более схожусь, чем с И.И. [Фондаминским]. У последнего есть все же нечто от славянофильства, и, несмотря на всю его европейскую тонкость, есть у него что-то общее и с евразийцами (*horribile dictu*²!). По крайней мере, впервые ту же самую мысль по поводу моего построения я услышал от П.Н. Савицкого (я читал доклад в его кружке³). Это все очень тонко и, возможно, правильно, говорил мне (лично, милейший) П.Н. Савицкий, но это — «глава из европеологии». Для России это «либеральное» сведение государства к правопорядку не допустимо — Россия идет иным путем, более государственным, по-видимому. Я прекрасно помню Вашу блестящую статью по поводу Чернова⁴ (хотя как раз к Чернову и несправедливую, ибо ~~в ней~~ Чернов в своей книге *отошел* от прежнего своего народническо-марксистского отрицания государства в пользу его, хотя бы относительного, признания), чтобы не видеть, что русское антизападничество, раньше отрицавшее государство (славянофилы), теперь в признании государства видит специфичность русского духа (евразийцы). Все это только показывает лишний раз, насколько неправильно видеть специфичность национального или культурного круга в утверждении гегемонии тех или иных ценностей, а не в *отношении* ко всей совокупности последних. В частности, думается, это показывает и то, что Ваша «защита государства» скорее западнического, чем народнического корня. Все это еще больше приводит меня к мысли обсудить этот вопрос в особой статье, — и именно в *статье о прогрессе*, с проблемой которого поднятые И.И. [Фондаминским] сомнения тесно связаны. И[лья] И[сидорович] предлагает мне дополнить свою работу несколькими страницами, посвященными вопросу о приложимости моего построения к России и об европейском (если не только — английском) характере «гильдеизма». Я думаю, что правильнее будет выделить этот вопрос в особую статью: ~~не только потому, что~~ тем более, что я обещал Вам не вносить в свою работу дополнений, статья же моя о прогрессе

все равно, по-видимому, признается редакцией желательной. — Ответьте мне, пожалуйста, по поводу этих моих соображений — и дайте свой совет.

Возвращаясь к своей работе, очень прошу Вас *посылать мне впредь ее корректуры*. Обещаю их не задерживать, а в день получения отправлять их назад. Я прошу это не потому, чтобы в напечатанной части⁵ нашел опечатки (заметил, при беглом, правда, просмотре, только одну: на стр. 418 — *национальная* вм[есто] *рациональная*), а потому, что те *немногие* изменения, которые я хочу внести (в двух—трех местах указание страниц цит[ируемых] книг, выпуск цитат, вставку примечания и т.п.), проще всего сделать в корректуре. Обещаю Вам, что в *типографском* смысле это будут сущие пустяки (не выйду за пределы обыкнов[енной] редакторской корректуры), а для меня это имеет значение. В противном случае мне придется посылать Вам отдельные страницы в копии с незначительными изменениями, что и мне и Вам только усложнит работу. Кстати, сколько страниц рукописи Вы предполагаете пустить в след[ующей] книжке⁶?

И.И. [Фондаминский] просит меня непременно прислать одну—две рецензии для след[ующей] книги⁷. Предлагает рецензировать Франка о марксизме⁸ и (эventуально) «Путь»⁹. *Стоит ли* рецензировать Франка? «Путь» я взялся бы рецензировать, но тогда прошу прислать мне № 2 и следующие (кажется, вышел 3-й): у меня только № 1. Попросите, проще всего, редакцию мне выслать. Со своей стороны, я с удовольствием прорецензировал бы *Миллюкова* «Национ[альный] вопрос»¹⁰. Впрочем, от Франка я не отказываюсь безусловно. Напишите об этом. (Миллюков у меня есть). Вскоре должна выйти книга Лосского «Свобода воли»¹¹. Пришлите мне ее — я на нее с удовольствием дам рецензию.

В заключение — просьба: поместить в след[ующей] книге «С[овременных] з[аписок]» прилагаемое при сем объявление «Рус[ской] школы»¹². Со своей стороны жду для след[ующей] нашей (19/20) книги Вашего объявления. Выходящая на днях наша книжка (№ 18) — последняя книга 3-го тома. Устройте *рецензию на нее* — лучше всего, если б о ней написал В. Руднев или Н. Кнорринг (о всем томе)¹³.

Последняя книжка «С[овременных] з[аписок]» — опять на исключительной высоте. Ходасевич¹⁴, Степун¹⁵ — прекрасны. Очень хорош В. Руднев¹⁶, Ст. Иванович¹⁷, Нольде¹⁸. Гиппиус могла бы быть и резче и язвительней, а главное, сильнее, хотя и так статью ее я читал с большим удовольствием¹⁹. Ваша статья²⁰ чрезвычайно интересна: *pro domo sua*²¹ меня обрадовало на стр. 496 Ваше, вполне согласное с моим, определение утопизма. А мне передавали, что Вы моим «Крушением утопизма»²² были разочарованы и недовольны! Единственное, что в этом №, на мой взгляд, хуже, — это беллетристика: Мережковский опять плох, Осоргин — мило, но без силы, Бунин — хорош, но не более, а Ремизов уж слишком для любителя²³. Но, может быть, здесь я опять, как часто, попадаю впросак с моими оценками.

Сердечный привет

Ваш Сер. Гессен

Да. Еще просьба — важна: заказали ли Вы (за мой счет) 100 оттисков моей статьи? Мне это *очень* важно. Надеюсь, что не забыли. Когда я могу рассчитывать их получить?

PS. Сейчас получил 10 экз. оттисков своей статьи. Все ли это? Если да, то очень досадно. Я надеялся на 100 отт[исков].

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Radošovice u Prahy, č[íslo] 60».

¹ Миркин-Геневич Борис Сергеевич (1892–1955, Париж), правовед, публицист, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже, профессор ряда высших учебных заведений, сотрудник СЗ, ПН, «Еврейской трибуны» и др. эмигрантских, а также французских изданий.

² страшно сказать (лат.).

³ В справочнике «Хроника Чехословакия» такой доклад не зарегистрирован. Возможно, имеется в виду Евразийский семинар под руководством П.Н. Савицкого.

⁴ Книге В.М. Чернова «Конструктивный социализм» (Прага: Воля России, 1925) Вишняк посвятил статью «Русский социализм и государство» (СЗ. 1925. № 23. С. 372–393).

⁵ Речь идет о статье: *Гессен С.И.* Проблема правового социализма: (Эволюция социализма) // СЗ. 1926. № 27. С. 382–429.

⁶ См.: *Гессен С.И.* Проблема правового социализма: (Эволюция социализма) // СЗ. 1926. № 28. С. 299–344.

⁷ Очередная рецензия С.И. Гессена появилась лишь в 30-й книге СЗ за 1927 г.

⁸ Книга С.Л. Франка «Основы марксизма» (Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926) в СЗ не рецензировалась, хотя Фондаминский настаивал на этом в письме к Вишняку и Рудневу от 21 апреля 1926 г.: «Гессена просить всё-таки о Франке» (Ред., п. 95); а затем в письме к Вишняку от 30 апреля 1926 г.: «Гессена я просил написать о Франке» (Ред., п. 97).

⁹ 10 апреля 1926 г. Фондаминский писал Вишняку по поводу отзыва на журнал «Путь»: «Я пока Гессену эту рецензию не поручал, хотя и предупредил его о возможности обращения к нему» (Ред. п. 92). В результате, однако, журналу «Путь» в следующем номере была посвящена не рецензия, а статья: *Степун Ф.А.* Об общественно-политических путях «Пути» // СЗ. 1926. № 29. С. 442–448.

¹⁰ На книгу П.Н. Милокова «Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальный вопрос в России)» (Praha: Swobodnaja Rossija, 1925) рецензию написал сам Вишняк (СЗ. 1926. № 28. С. 523–525).

¹¹ Книга вышла год спустя: *Лосский Н.О.* Свобода воли. Paris: YMCA-Press, [1927]. Гессен отрецензировал ее в августовском номере журнала (СЗ. 1927. № 32. С. 466–473).

¹² Ни в ближайшем, ни в следующих номерах СЗ реклама «Русской школы за рубежом» не публиковалась.

¹³ В июньском номере СЗ появилась рецензия Д.И. Чижевского на № 7–12 журнала «Русская школа за рубежом» (СЗ. 1926. № 28. С. 533–534. Подп.: П.П.). Дальнейшие номера журнала в СЗ не рецензировались.

¹⁴ См.: *Ходасевич В.Ф.* Есенин // СЗ. 1926. № 27. С. 292–322.

¹⁵ См.: *Степун Ф.А.* Литературные заметки: И.А. Бунин: (По поводу «Митиной любви») // Там же. С. 323–345.

¹⁶ См.: *Руднев В.В.* Конец помещичьего землевладения в России // Там же. С. 506–528.

¹⁷ См.: *Иванович Ст.* [Португейс С.] От Эрфурта к Гейдельбергу // Там же. С. 549–563.

¹⁸ См.: *Нольде Б.Э.* Локарно и Россия // Там же. С. 447–463.

¹⁹ Статья З.Н. Гиппиус «Меч и крест» (СЗ. 1926. № 27. С. 346–368) была посвящена книге И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин: Град Китеж, 1925).

²⁰ *Вишняк М.В.* На родине: (От Утопии к Утопии) // СЗ. 1926. № 27. С. 493–505.

²¹ букв. «за свой дом»; в защиту себя и своих дел (лат.).

²² См.: *Гессен С.И.* Крушение утопизма // СЗ. 1924. № 19. С. 277–295.

²³ В этом номере СЗ были опубликованы повесть И.А. Бунина «Дело корнета Елагина» (С. 5–49), первая часть романа Д.С. Мережковского «Мессия» (С. 50–100), отрывок из повести А.М. Ремизова «По карнизам» под названием «La Matière» (С. 101–157) и главы из романа М.А. Осоргина «Сивцев Вражек» (С. 167–207).

8. Гессен — Вишняку
Radošovice. 4 мая 1926 г.

4.V.26.

Дорогой Марк Вениаминович,

Ваше письмо меня очень огорчило. Я весьма рассчитывал на оттиски. Почему Вы, в крайности, не заказали 100? Все это очень досадно. Теперь уже ничего не поделаешь.

Корректуры я до сих пор не получал, и боюсь, что типография и на этот раз окажется господином положения.

Как я писал Вам, я сделаю только *немного* исправлений. Поэтому боюсь, что исправления эти удовлетворят Вас как *издателя* (своей типографской незначительностью), но не как читателя и редактора.

Я ведь не отказывался и в своих письмах от своих взглядов и формул. Я только полагаю, что в вопросе о государстве я ближе к Вам, чем к ~~Гурвичу~~ Гурвич. Но об этом переговорим уже лично, когда увидимся в Париже. Во всяком случае, свою критику огосударствления я считаю не поколебленной Вашими возражениями.

В своей статье о прогрессе (которую мыслю как завершение всей серии аналогично «Крушению утопизма»¹, представляющей введение к ней) я специально останавливаюсь на вопросе о Западе и Востоке и «путях России» в связи с гильдеизмом, как, по-моему, западным путем².

Что касается рецензии, то жду ответа относительно Франка³, «Пути»⁴. М.б., напишу Вам рецензию о книге Radl'a (чешской) «Západ a Východ»⁵ («Запад и Восток»). Но все это — к концу мая.

Вашу статью о правах меньшинств⁶ получил и прочел с большим удовольствием. Она для меня — лишнее свидетельство нашей теоретической близости. Только Вы — слишком еще марксист (sic!!) на мой взгляд. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы прислали мне Вашу франц[узскую] книгу о меньшинствах⁷. Она представляет для меня особый интерес.

Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur]r M. Vichniak, Paris XVI, 9bis rue Vineuse, Rédaction "Sovremennyya Zapiski", France»; адрес отправителя: «Prof. Sergej Hessen, Radošovice u Prahy, č[íslo] 60, Tchecoslovaquie»; почт. шт.: «Praha, 4.V.26».

¹ См. примеч. 22 к п. 7.

² Подобной статьи в СЗ не появилось.

³ См. примеч. 8 к п. 7.

⁴ См. примеч. 9 к п. 7.

⁵ Радл Эмануэль (Emanuel Rádl; 1873–1942, Прага), чешский биолог, историк науки и философ. Его книга «Západ a Východ. Filosofické úvahy z cest» (Praha: Jan Laichter, 1925) в СЗ не рецензировалась.

⁶ Первоначально статья была опубликована в коллективном сборнике: *Вишняк М.В. Проблема прав меньшинств // Современные проблемы*. Париж: Я. Поволоцкий и К°, 1922. Затем вышла брошюра: *Вишняк М.В. Право меньшинств*. Paris: La Presse Française & Etrangère, 1926. С.И. Гессен отрецензировал данное издание в СЗ (1927. № 30. С. 592–595).

⁷ См.: *Vichniac M. La protection des droits des minorités dans les traités internationaux de 1919–1920*. Paris: Povolotzky, 1920.

9. Гессен — Вишняку
Radošovice. 5 мая 1926 г.

5.V.26.

Дорогой Марк Вениаминович,
 как только отослал Вам вчера открытку, получились корректуры. Они пришли так поздно, вероятно, потому, что на пакете адрес был написан неверно: вместо Radošovice — Rašovice. Удивительно, как вообще дошли. Так что не сгуйте на меня за проволочку. Получив их вчера вечером, я сегодня утром их отослал (по адресу, Вами указанному: M[adam]e Nédochivine¹ etc.). Сообщите, пожалуйста, вовремя ли их получили. Я там сделал довольно много исправлений.

Тороплюсь отправить открытку и потому кончаю. Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur] M. Vichnjak, Paris XVI, 11 rue Claude Lorrain, France»; адрес отправителя: «Prof. Sergej Hessen, Radošovice u Prahy, č[íslo] 60, Tchécoslovaquie», почт. шт.: «Radošovice, [нрзб]».

¹ Имеется в виду Н.А. Недошивина (см.: Ред., примеч. 15 к п. 109).

10. Гессен — Вишняку
Wien. 3 августа 1926 г.

3.VIII.26.

Дорогой Марк Вениаминович,
 большое спасибо за присылку 25 (двадцать пять) долларов в счет моего гонорара в «Совр[емненных] записках». Вы очень меня этим выручили. Здесь все очень дорого. Правда, все и сошло очень удачно. Результаты операции превосходны, и я надеюсь уехать отсюда совсем здоровым. Сейчас я еще продельваю дополнительное лечение: впрыскивания, гальванизация, а главное — лежание. Последнее очень утомительно и скучно, мешает настоящим занятиям.

О «школе австр[ийской]» я напишу, конечно, не специально¹.

Вы нарочно ничего мне не пишете о корректуре или случайно? Если только можно, пожалуйста, пришлите. Клянусь, не задержу.

Еще раз спасибо. Привет Вад. Викт. [Рудневу]. Я его письмо получил и в скорости отвечу ему. Ваша книга² получена в Праге мною, как мне пишут. Спасибо. Прочту уже в Праге. Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur]r le prof. V.[так!] Vichniak, 11 rue Claude Lorrain, Paris (16^e), Frankreich»; адрес отправителя: «Abs[ender:] Prof. S. Hessen, Wien IX, Allgem[eines] Krankenhaus, Abteilung von Prof. Schlesinger³»; почт. шт.: «Wien, 4.VIII.26».

¹ В СЗ венский визит Гессена отразился лишь в статьях о политике, но не о педагогике: *Гессен С.И.* Новая программа австрийской соц.-дем. партии и съезд в Линце // СЗ. 1927. № 33. С. 502–522.

² См. примеч. 7 к п. 8.

³ Schlesinger Hermann (1866–1934), австрийский врач по внутренним болезням, профессор медицины.

11. Гессен — Степуну

Dresden. Февраль 1927 г.

Во время встречи в Дрездене 1927 г. февр. — с мыслью о новой встрече, усовершенной [так!]

СГ.

Публикуется по автографу (РАИ). Надпись на фотокарточке с портретом Гессена (см. илл. 7–8). Адресатом был, по всей видимости, Степун. Так как фотография впоследствии оказалась в римском архиве Вяч. Иванова, Степун, похоже, переподал ее Иванову.

12. Гессен — Вишняку

Radošovice. 9 марта 1927 г.

9.3.27.

Дорогой Марк Вениаминович, я очень виноват перед Вами за опоздание и молчание. Но: 1) статья оказалась труднее, чем я думал, 2) я, очевидно, поглупел и обленился после операции (и после того как бросил курить), т.ч. очень туго шла работа над ней¹. Ко всему перебил ее также юбилей Песталоцци². Одним словом, завтра статья будет готова, а *11-го я ее посылаю Вам* вместе с рецензией на «Вольную Сибирь»³. Рецензию на Лосско-го⁴ пришлю еще через 3 дня. Не сердитесь.

Ваша статья о Бесс[арабии]⁵ мне была очень интересна. У нее только один недостаток: много *злости* и ругани (в частности, рум[ынского] *народа*) за то, что не специфически румынское, а *вообще послевоенное*. Это налагает на статью отпечаток пристрастия и ослабляет впечатление от нее, которое, впрочем, все же чрезвычайно сильно. О Вашей же статье для «Р[усской] школы» напишу тогда, когда выяснится вопрос о нашем существовании окончательно⁶. Сердечно Ваш

С. Гессен

Привет всем соредакторам.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur]r M. Vichniak, Paris XVI, 11 rue Claude Lorraine»; адрес отправителя: «Prof. Sergej Hessen, Radošovice u Prahy, č[íslo] 60, Tchecoslovaquie»; почт. шт.: «Radošovice, 9.III.27».

¹ Видимо, речь о статье, писавшейся по следам поездки в Австрию (примеч. 1 к п. 10).

² В тот год широко отмечали столетие со дня кончины швейцарского педагога Иоганна Генриха Песталоцци (1746–1827), скончавшегося в Бругге 17 февраля 1827 г. В частности, в пражском Философском обществе на собрании памяти Песталоцци 1 марта 1927 г. С.И. Гессен выступил с докладом «Песталоцци как философ и педагог» (Хроника. Чехословакия. Т. 1. С. 261); см. также: *Гессен С.И.* Иоганн-Генрих Песталоцци // Русская школа за рубежом. 1926/1927. Т. 4. № 24. С. 611–630.

³ Речь об издании: Вольная Сибирь: Общественно-экономический сборник / Под общ. ред. И.А. Якушева. Прага: Общество сибиряков в ЧСР, 1927. Рецензия Гессена появилась в следующем номере (СЗ. 1927. № 32. С. 473–474).

⁴ В том же номере была опубликована (СЗ. 1927. № 32. С. 466–473) и рецензия Гессена на книгу: *Лосский Н.О.* Свобода воли. Paris: YMCA-Press, [1927].

⁵ *** [Вишняк М.В.] Из бессарабских впечатлений // СЗ. 1927. № 30. С. 409–438. Ощущая излишнюю пристрастность, Вишняк не стал подписывать статью своим именем (см.: Вишняк 1993. С. 80).

⁶ Журнал «Русская школа за рубежом» просуществовал еще четыре года (до 1931 г.); единственная публикация Вишняка – статья «Школа в Бессарабии» (см. примеч. 4 к п. 13).

13. Гессен – Вишняку *Radošovice. 18 марта 1927 г.*

18.3.27.

Дорогой Марк Вениаминович,

одновременно посылаю Вам (по адресу «Совр[еменных] зап[исок]») свою статью об австр[ийской] программе. Простите, что так задержал ее. Виновато в этом – мое неожиданное для меня самого поглупение. В самом деле (оттого ли, что перестал курить?), я работаю сейчас гораздо медленнее и хуже. Иногда меня берет прямо отчаяние. Вот и эта статья отняла у меня гораздо больше времени, чем я предполагал. К тому же и вышла хуже, чем я хотел бы. С нетерпением буду ждать Вашего отзыва. Я в этой статье подробнее остановился на вопросе о классах в соц[иалистическом] обществе – намеком мы об этом говорили с Вами. Если в статье есть длинноты, – сократите сами (полагаюсь на Ваш такт – в смысле не изменения Вами «умонастроения» статьи). – Что статья сможет пойти еще в этом №, на это я уже не надеюсь. Впрочем меня обнадеживает Степун, который ведь тоже только сейчас сдал свою статью¹. – О Лосском напишу через несколько дней, а кроме того пришлю рецензию на «Вольную Сибирь» (по просьбе И. Якушева²).

Статью о Гумилеве с Вашим отзывом переслал автору³. – А Вас я *очень* прошу прислать мне для «Рус[ской] школы за руб[ежом]» статью о бессарабской школе⁴. Для нас материалы эти представляют *большой интерес*. Недавно в М[инистерст]ве мне дали знать, что журнал наш будет поддержан и в этом году. Вопрос еще только в *размере* субсидии. Ваша же статья пойдет в первую очередь.

Кто будет писать о новой брошюре Н. Алексева? – *Вот тема для Вас*⁵. Я еще не читал ее, жду авторского экземпляра.

Что у Вас нового в Париже? Как нашли Фед[ора] Авг[устовича] Степуна? Нина Лаз[аревна]⁶ Вам сердечно кланяется, она на днях с младшим сыном⁷ уезжает на юг Франции на несколько месяцев (но *via Italia*, минуя Париж).

Я сейчас занят хлебными работами, недавно получил заказ на большую статью в «Handbuch d[er] Pädagogik» о политике нар[одного] образования⁸.

Крепко жму Вашу руку. Привет душевный всему редакционному содружеству!

Ваш С. Гессен

Почему Зензинов не отвечает мне на мое письмо и не возвращает мне (единственного) моего экземпляра моей статьи⁹?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Radošovice u Prahy, č[íslo] 60».

¹ Вероятно, имеется в виду очередная порция «Мыслей о России» Ф.А. Степуна, появившаяся в ближайшем номере (СЗ. 1927. № 32. С. 279–310).

² Якушев Иван Александрович (1884–1935, Прага), общественно-политический деятель, член партии эсеров, активный участник движения сибирского областничества. С 1921 г. в эмиграции в Братиславе, с 1922 г. в Праге, сопредседатель пражского Земгора, основатель и руководитель Общества сибиряков в Чехословацкой республике, редактировал издания Общества: альманах «Вольная Сибирь» (Прага, 1927–1930; № 1–9), приложение к нему «Сибирский архив» (Прага, 1929–1934. № 1–5), «Вестник Общества сибиряков в Праге» (Прага, 1930. № 1) и др. Подробнее о нем см.: *Шиловский М.В.* Три жизни Ивана Якушева // Сибирская заимка. <http://www.zaimka.ru/person/shilovski8.shtml>

³ Статью о Гумилеве написал Саханев Всеволод Васильевич (1885–1940, Чехословакия), историк, этнограф, с 1920 г. в эмиграции в Галлиполи, с 1923 г. в Праге, доцент Русского народного университета, сотрудник Русского заграничного исторического архива, член Русского исторического общества. 28 февраля 1928 г. он выступал в Париже на собрании Союза галлиполийцев (81, rue Mademoiselle, Paris, 15^e) с докладом «Поэтическое мировоззрение Н. Гумилева» (см.: Сообщение о Гумилеве // ПН. 1928. 28 февр. № 2533. С. 3). Не удалось найти сведений, была ли где-нибудь напечатана эта его статья.

⁴ Статья была написана и опубликована: *Вишняк М.В.* Школа в Бессарабии // Русская школа за рубежом. 1927/1928. Т. 5. № 25. С. 83–94.

⁵ *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России: (Советский строй и его политические возможности). Париж: Евразийское книгоизд-во, [1927]. Рецензию на эту брошюру и впрямь написал Вишняк (СЗ. 1927. № 32. С. 487–493).

⁶ Гессен Нина Лазаревна (урожд. Минор; 1886–1942), первая жена С.И. Гессена.

⁷ Второй сын Гессена Дмитрий Сергеевич (1916–2001) в это время учился в гимназии в Праге, в 1939 г. поступил в Варшавский университет, во время Второй мировой войны служил в польской армии, побывал в немецком плену, позже жил в Польше.

⁸ См.: *Hessen S.* Kritische Vergleichung des Schulwesens der anderen Kulturen // *Handbuch der Pädagogik* / Hrsg. von H. Nohl und L. Pallat. Langensalza: Beltz, 1928. Bd. 4. Die Theorie der Schule und der Schulaufbau. S. 421–510.

⁹ Речь об оттиске немецкой версии статьи Гессена; см. ниже п. 16.

14. Гессен — Вишняку Прага. 13 апреля 1927 г.

13.4.27.

Дорогой Марк Вениаминович,
статью Вашу¹ получил и прочел. Она для нашего читателя очень интересна, и я собираюсь ее пустить в следующем №-е. Внимательный читатель мог бы только возразить, что Вы, очевидно за недостатком данных о русских школах, слишком часто пользуетесь аналогией с еврейскими. Но 1) и еврейских школ положение само по себе представляет интерес, 2) еврейские школы фактически полурусские. Подписать думаю — «Парижский», как Вы означили². Гонорар смогу Вам выслать, как сдам № в печать, а для этого надо еще некоторое время подождать с окончательным *формальным* решением вопроса о субсидии.

Я, оказывается, Вас испугал своим предложением дать для 34 № «С[овременных] з[аписок]» свою статью о Достоевском³. Но, ведь, дорогой М[арк] В[ениаминович], при моей привычке опаздывать я буквально загодя должен рассчиты-

вать свои статьи. А статью о Достоевском все-таки Вам дам — в № 33 (!!). Я сейчас кончаю ее по-немецки⁴ и считаю, что это — самое значительное, а в смысле формы и самое совершенное, что я вообще когда-либо написал. И по содержанию своему статья *очень актуальна!* Так что готовьтесь к ней: «иду на вы»! А «Два пути» дам уже для кн. 34-й!⁵

Нина Лазаревна [Гессен] с Митей живут: *Juan les Pins, rue Fel[il]on, Villa Liline.* — Пожалуйста, навестите ее: она в полном одиночестве. Сердечный привет Вам, Фондаминским, Степунам.

Ваш С. Гессен

Одновременно посылаю И.И. [Фондаминскому] исправленную автором рукопись Саханева о Гумилеве⁶. Ответьте, пожалуйста, непосредственно автору.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; надпись: «Русская школа за рубежом»; адрес получателя: «M[onsieu]r M. Vichniac, aux bons soins du M[onsieu]r E. Fondaminsky, Grasse (Alpes Marit[imes]), Villa Belvédère, France»; адрес отправителя: «Prof. Sergej Hessen, Radošovice u Prahy, č[íslo] 60»; почт. шт.: «Praha, 13.IV.27».

¹ См. примеч. 4 к п. 13.

² Статья в результате была опубликована не под псевдонимом, а под настоящим именем Вишняка.

³ Против публикации этой статьи в СЗ выступал И.И. Фондаминский; см. его письмо Вишняку от 3 марта 1926 г. (Ред., п. 88).

⁴ См.: *Hessen Sergius. Die Tragödie des Guten in «Brüder Karamasoff»:* (Versuch einer Darstellung der Ethik Dostojewskijs) // *Der russische Gedanke.* Bonn: Cohen, 1929. Н. 1. С. 63–80.

⁵ Статья о Достоевском была опубликована лишь в № 35, а еще номером позже, в сентябре 1928 г., вместо «Двух путей» появилась статья Гессена «Новые аграрные программы европейских социалистических партий» (СЗ. 1928. № 36. С. 470–493).

⁶ См. примеч. 3 к п. 13.

15. Гессен — Вишняку *Radošovice. 26 июня 1927 г.*

26.6.27.

Дорогой Марк Вениаминович, обращаюсь к Вам с большой просьбой, а именно выручить меня из очень трудного финансового положения. В виду моей на этот раз такой похвальной писательской аккуратности, я надеюсь, что редакция «Совр[еменных] зап[исок]» согласится мне дать опять аванс. Я рассуждаю так: в ноябре 1926 я получил 1000 fr. А с тех пор в №№ 30 и 31 моих статей опубликовано 60 стр., а в № 32 статей и рецензий пойдет еще на 30 стр., всего 90 стр., т.е. 5½ листов. Это равно 1375 фр., так что взятый мною аванс с избытком покрыт. Наконец, на этих днях я посылаю Вам свою (уже переписываемую) очень удачную статью об этике Достоевского на 30–32 страницы, что составит еще 500 fr. Я пишу Вам сейчас — до отсылки этой своей статьи, — т.к. не могу ждать, вернее не я, а Нина Лаз[аревна], сидящая в *Juanles-Pins* без денег. Я Вас и прошу выслать ей 750 fr. (если можно даже — телеграфом за мой счет). Вместе с 104 fr., причитающимися Вам из «Р[усской] шк[олы]» за статью (расписку посылаю Вам и прошу мне прислать расписку в кронах — 138 крон чешск.); это составит 854 fr., которые, по моему расчету, и будут покры-

ты сполна, как только я Вам пришлю свою рукопись о Достоевском. Т[ак] ч[то] собственно это — *бесспорный* аванс. Правда, м.б., дело обстоит несколько хуже (если у меня оставался непокрытый 29-й книжкой аванс) или несколько лучше (если мне по 29-й книжке что-либо причиталось). В первом случае рассчитываю на Ваш либерализм, во втором — буду просить Вас послать Нине Лаз[аревне] не 750 fr., а больше — до 1000. Адрес ее:

M-me Nina Hessen
Juan-les-Pins (A[lpes-]M[aritimes])
 rue Fellon, Villa Liline.

Расчет за Вашу статью таков: 11 стр. при 200 кр. за лист дают 138 ч. кр. — Расписку жду в кронах.

Кончаю, т.к. очень спешу. Когда выходит кн. 32? Что нового у Вас (здоровье жены?)? в Париже?

Я остаюсь здесь до 10, а м.б., и до 15 июля (из-за Пленума Пед[агогического] Бюро¹, на котором придется быть). Едет ли сюда Вад. Виктор. [Руднев] на Пленум? Вообще жду от него ответа на мое письмо. А где Зензинов? Я могу ему послать корректуры статьи Маклецова о беспризорных².

Наша книжка № 24 выйдет к 5—6 июля. Вашу статью пришлось все же отложить на № 25, который выйдет *в конце августа*.

Крепко жму руку. Надеюсь, здоровье Вашей жены поправилось. Жду ответа (при случае прошу сообщить мне мой точный счет в «Совр[еменных] зап[исках]» — хотя приятное заблуждение лучше горькой действительности).

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Radošovice u Prahy, č[íslo] 60».

¹ 7—11 июля 1927 г. Педагогическое бюро проводило в Праге 1-й съезд по дошкольному воспитанию за границей, а 15 июля 1927 г. состоялось пленарное заседание Педагогического бюро с отчетами секретаря и казначея (Хроника. Чехословакия. Т. 1. С. 271).

² См.: *Маклецов А.В.* Борьба с детской беспризорностью в С.С.С.Р. // Русская школа за рубежом. 1926/1927. Т. 4. № 24. С. 637—668.

16. Гессен — Вишняку

Radošovice. 7 июля 1927 г.

7.7.27.

Дорогой Марк Вениаминович,
 одновременно посылаю Вам на адрес редакции рукопись своей статьи «Идея добра в “Братьях Карамазовых”». §§ 1—6 этой статьи мне самому вполне нравятся. Я даже считаю это лучшим, что я написал. Надеюсь, что § 7 (ист[орико]-фил[ологическое] приложение), мне не удавшийся в полной мере, все же не испортит всей статьи. Меня очень интересует и *волнует* Ваше мнение об этой статье, а также Вад. Викторовича [Руднева] и Ильи Исидоровича [Фондаминского]. С подлинным нетерпением буду ждать Ваших отзывов *об этой моей статье*.

За исполнение моей денежной просьбы большое спасибо. Вы меня выручили из очень трудного положения. Я никак не ожидал, что мое денежное положение в «Совр[еменных] зап[исках]» до того плохо. Впрочем, с посылкой (и, надеюсь,

принятием) этой моей статьи, можно считать, что мой пока непокрытый аванс равен 1000 fr. (в австр[ийской] с[оциал]-д[емократической] прогр[амме], рецензиях и Достоевск[ом] имеются в сумме 4 печ[атных] листа). Эти 1000 fr. я предлагаю покрыть Вам следующими статьями: «Два пути» (это и есть «идея прогресса»), т.е. эпилог к моему «социализму», а затем предлагаю Вам статью*) о *Льве Толстом как мыслителе* (к юбилею). Это так и подойдет: 32 — «Австр[ийская] программа»; 33-я — «Идея добра»; 34-я — «Два пути»; 35-я — Л. Толстой. Сообщите, согласны ли Вы на это. Но «Два пути» (т.е. я имею в виду путь творчества и права или механизмы и силы, между которыми надлежит каждый момент делать выбор) во всяком случае я просил бы отложить до 34-й кн., тем более что и статья эта отчасти предполагает «Идею добра». И лично также я просил бы дать мне передышку, необходимую мне для издания, наконец, по-немецки своей «Педагогики» и «Политики народн[ого] образования» (это заказанный мне для нового «Handbuch d[er] Pädagogik» отдел). Для 33-й кн. я еще дам Вам только рецензию на *Чижевского «Филос[офию] на Украине»* (по-украински)¹.

Перечел Ваше письмо: Вы еще просите не сердиться на Вас. Да я Вас должен просить не сердиться на меня, ибо сам, как редактор, знаю, как опасен аванс. Но надеюсь, что я Вас не подведу.

Я все еще в Праге — из-за съезда дошкольн[ых] раб[отников], на котором читаю два доклада. Через несколько дней я (через Дрезден) уезжаю в Берлин, где пробуду до 1-го сент[ября], куда и прошу мне писать:

Charlottenburg I
Sesenheimerstr[asse] 28.

Нина Лаз[аревна] уже получила деньги, на всякий случай прилагаю и от себя расписку.

Значит, жду ответа. Сердечно Ваш

С. Гессен

Не пишу особо ни Илье Исид. [Фондаминскому] (тем более, не знаю — где он сейчас), ни Вад. Викт. [Рудневу] (от которого жду ответа и на свое *деловое* — о «Р[усской] шк[оле] за руб[ежом]» — письмо), потому что рука болит от множества писаний (буквально!).

А от Зензинова, которому послал «Беспризорных»², жду — уже в Берлине — возвращения нужного мне *единственного* оставшегося у меня оттиска моей статьи (нем[ецкой]). Тем более что в «Le Monde Slave» (I и III) появился позднейший ее вариант³!

Очень рад, что болезнь Вашей жены менее серьезна, чем я думал.

О возвращении Ал. Фед. [Керенского] и литерат[урных] проектах, с ним связанных, сообщите мне, пожалуйста, своевременно.

*) Мне здесь страшно дорого обходится переписка на машинке (напр., за последн[ую] статью я заплатил — 38 стр. — свыше 100 крон), что чувствительно уменьшает мой гонорар. Не мог ли бы я впредь посылать рукопись?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Radošovice u Prahy, č[íslo] 60».

¹ *Чижевский Д.И. Філософія на Україні: Спроба історіографії питання*. Прага: Сіяч, 1926. Отклик Гессена на книгу был опубликован значительно позже (СЗ. 1929. № 38. С. 544–546).

² Гессен, по-видимому, послал статью, опубликованную в редактируемом им журнале (см. примеч. 2 к п. 15). Зензинов вскоре выпустил книгу на ту же тему: *Зензинов В.М.* Беспризорные. Париж: Совр. записки, 1929.

³ См.: *Hessen S.* Die Schule in Sowjetrußland // Die Erziehung. 1927. Jg. 2. S. 40–59, 110–125; *Idem.* L'instruction publique en Russie soviétique // Le Monde Slave. 1927. Année 4. № 1. P. 50–77; № 3. P. 406–433.

17. Гессен — Вишняку *Radošovice. 18 декабря 1927 г.*

18.12.27.

Дорогой Марк Вениаминович,
к большой для меня удаче Вад. Викт. [Руднев] задержался в Праге, и я застал его еще здесь по своем возвращении из Берлина. Я с ним подробно обсудил мои литературные отношения к [так!] «Совр[еменным] зап[искам]», и мы остановились на следующем.

1. От своей статьи «Идея добра в “Бр[атях] Карам[азовых]”» я *отбрасываю* гл. 7 «Дост[оевский] и Вл. Соловьев», и она идет в ближайшей (34-й) книге «С[овременных] з[аписок]» под заглавием «Трагедия добра в “Бр[атях] Карамазовых”»¹. Мне посылается *корректурa* статьи, в которой я, конечно, сделаю только самые необходимые (и типографски допустимые) исправления.

2. Глава о «Дост[оевском] и Вл. Соловьеве» разворачивается мною в самостоятельную статью (размером в 15–20 стр.)², в которой я подробно останавливаюсь на утопии «Свободной теократии», показывая, как преодолел ее Достоевский в «Бр[атях] Карамазовых» и как преодолевал ее в течение своей жизни Вл. Соловьев. Статья эта будет заострена против наших религиозн[ых] философов, ссылающихся на Достоевского для подтверждения своей «теономии», существо которой остается у них соблазнительно-неопределенным и способным продвинуть всякую контрабанду славянофильско-евразийско-деспотическо-идеократического характера. Статья эта будет в 35 кн. «Совр[еменных] зап[исок]». Она служит прямым переходом к

3. «Два пути». Эта статья состоит из трех глав: в первой я соединяю в одно, возводя к последнему философскому основанию, разные определения утопизма: а) у[топизм] = отрицание истории («Круш[ение] утопизма»), б) утопизм = отрицание права («прав[овой] социализм»), в) утопизм = неразличение сферы Сверхдобра и Добра (Царствия Небесного и истории) и тем самым г) отрицание чело[веческой] свободы (относ[ительно] самост[оятельного] чело[веческого] начала). Во 2-й главе развиваю понятия свободы и двух путей (духа и материи, свободы и механизма), между которыми выбирает и отдельный индивид и отдельное историческое поколение. В 3-й главе — разбираю вопрос о своеобразии исторического пути отдельных народов (т.е. отвечаю на вопрос Ил. Ис. [Фондаминского], обращенный к моему «Социализму»). Эта статья идет в 35 книгу «Совр[еменных] з[аписок]»³.

4. Кроме того я для 34 кн. даю рецензию на кн[игу] Чижевского «Филос[офия] на Украине»⁴, и

5. для 34-й (если успею, иначе *только для 35-й*) даю в «Культуру и жизнь» статью «Аграрная программа Labour Party и *германский* с[оциал]-демократизм» (10 страниц).

Для будущего у меня еще есть статья «Школа и демократия»⁵ (проблема демократического *отбора*), но о ней говорить еще преждевременно. Я боюсь, что и так напугал Вас изрядно. Главная опасность, конечно, в свойственной только низшим организмам способности моих статей размножаться посредством почкования. Это своего рода способ самозащиты против долгого вылеживания их в портфеле редакции. Каждый защищается, как может!

Последний № «Совр[еменных зап[исок]»: Ваша статья⁶ мне *очень* понравилась и с Вашей критикой Фед. Авг. [Степуна] я *вполне* согласен, о чем и сказал ему, когда был в Дрездене. Я очень также недоволен Ф.А. [Степуном] за то, что он — следуя немцу Дилю⁷ — защищает Маркса от Ленина⁸. Никчемное занятие, даже и для немцев не безопасное, а для нас уже совсем смертельное. Мы (социалисты) должны раз и навсегда *отмежеваться* от Маркса, а не защищать его. У Степуна это тоже — результат его соблазнительной «нерешительности».

Превосходны статьи Бицилли, Прокофьева, Руднева⁹. Вад[им] Викт[орович] блестяще показывает диалект[ическое] вырождение большевизма. Хотя его явная симпатия к зем[ельной] общине, как она сейчас существует, и к «праву на землю», [нрзб] я считаю [нрзб] (есть «право на труд», но никак не право именно на «земельный труд») в его общей форме, мне кажется мало обоснованным[?]. Л. Шестов¹⁰ (совсем не зависть конкурента!) становится невозможным — кукиш в кармане, показываемый разуму. К тому же — сплошные передержки и какая-то слишком уже вселенская смазь по отношению ко всей философии. Выходят: общие слова и отсутствие какого бы то ни было детального проникновения в предмет. Сирин — грешный человек, не говорите Г. Иванову — мне понравился¹¹. А Шмелев как тянучка при зубной боли. Зато хорош Осоргин¹². Ну, кончаю. Мое письмо мне самому начинает напоминать послание Хлестакова к другу Тряпичкину¹³. — Получили ли Вы «Русск[ую] школу» с Вашей статьей¹⁴? Если нужны Вам оттиски, напишите! Да и кстати напишите Ваше впечатление о журнале. — А мне я *очень прошу* прислать хотя бы 4–5 оттисков моей статьи о австр[ийской] с[оциал]-д[емократической] программе¹⁵. Я рассчитывал по обыкновению на [часть текста утрачена]. А пока не получил ни одного. Надеюсь, это поправимое недоразумение! — Завтра еду в Вену на 5 дней, где читаю по-нем[ецки] доклад о Достоевском. — Желаю Вам добрых праздников, здоровья, успехов и исполнения желаний в Новом Году. Привет всем коллегам по редакции. Нина Лаз[аревна] Вам шлет привет. Сердечно Ваш

С. Гессен

P.S. Да. Я совсем забыл переговорить и с Рудневым и со Степуном в Дрездене о следующем: проф. С.В. Завадский¹⁶ очень хотел бы поместить в «Совр[еменных] записках» статью¹⁷. У него есть несколько тем, его давно занимающих:

1. Кривописание и правописание (по поводу орфографии, он большой знаток русского языка; ведет из году в год семинарий в Праге «любителей русск[ого] слова»);

2. Суд присяжных;

3. Два парламента (любимая идея его, что представительство народное конститутивно для *каждой* из властей, не только законодательной).

Думаю, что С. Завадский был бы *очень* ценным приобретением для «С[овременных] зап[исок]». Рекомендовать его мне не надо, Вы и другие достаточно его знают. Ответьте мне на это, пожалуйста.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Radošovice u Prahy, č[íslo] 60». Письмо повреждено сыростью и местами не поддается прочтению.

¹ См. примеч. 7 к п. 3.

² По-видимому, замысел этой небольшой статьи впоследствии трансформировался в более крупную работу: *Гессен С.И.* Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева // СЗ. 1931. № 45. С. 271–305; № 46. С. 321–351. Ср. также немецкий и французский варианты статьи: *Hessen S.* Der Kampf der Utopie und der Autonomie des Guten in der Weltanschauung Dostojewskis und W. Solowjows // Pädagogische Hochschule. Karlsruhe, 1929. Bd. 1. H. 4. S. 247–311; *Hessen S.I.* La lutte entre l'utopie et l'autonomie du bien dans la philosophie de Dostoievski et de Vl. Soloviov // Le Monde slave. 1930. Année 7. № 2. P. 224–250; № 4. P. 41–58; № 7. P. 19–38; № 8. P. 186–201.

³ Ни в № 35, ни в последующих номерах СЗ статьи с таким названием не появилось.

⁴ См. примеч. 1 к п. 16.

⁵ См.: *Hessen S.* Schule und Demokratie // Die Erziehung. 1929. Jg. 4. S. 457–469, 540–553.

⁶ *Вишняк М.В.* Миф Октября // СЗ. 1927. № 33. С. 362–386.

⁷ Диль Карл (Karl Diehl; 1864–1943), немецкий экономист, философ, социолог; представитель социальной школы в политической экономии.

⁸ *Стенун Ф.А.* Мысли о России: (Национально-религиозные основы большевизма: большевизм в России; большевизм и социализм; социалистическая идея и социалистическая идеология; Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев, Ленин) // СЗ. 1927. № 33. С. 337–361. Ср.: «Известный немецкий ученый Карл Диль, проделавший большую работу по сопоставлению марксизма и большевизма (он понимает под большевизмом не стихию большевицкой революции, а теоретические учения большевиков, т.е. то, что мы выше условились называть ленинизмом), пришел к определенному и на первый взгляд убедительному выводу, что большевизм, или, по нашему, ленинизм, в гораздо большей степени напоминает Огюста Бланки, чем Карла Маркса» (С. 350).

⁹ В № 33 СЗ напечатаны статьи П.М. Бицилли «Фашизм и душа Италии» (С. 313–336), Д.И. Чижевского ««Советская» философия» (С. 481–501. Подп.: П. Прокофьев), В.В. Руднева «Старое в новом: (К вопросу об эволюции земельного строя в России)» (С. 387–425).

¹⁰ В номере было опубликовано окончание работы Л.И. Шестова «Умозрение и Апокалипсис: (Религиозная философия Вл. Соловьева)» (С. 270–312).

¹¹ Георгий Иванов, рецензируя № 33 СЗ, скептически отозвался о напечатанной в нем (С. 223–254) «Университетской поэме» В. Набокова: ««Университетскую поэму» Вл. Сирина правильнее было бы назвать “гимназической”. Такими вялыми ямбами, лишенными всякого чувства стиха, на потеху одноклассников описываются в гимназиях экзамены и учителя. Делается это, нормально, не позже пятого класса. Сирин несколько опоздал – он написал свою поэму в Оксфорде» (*Иванов Г.* «Современные записки». Кн. XXXIII // ПН. 1927. 15 дек. № 2458. С. 3).

¹² В № 33 СЗ были напечатаны отрывки из романов И.С. Шмелева «История любовная» (С. 27–91) и М.А. Осоргина «Сивцев Вражек» (С. 154–190).

¹³ См. Действие 5, явление VIII комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836).

¹⁴ См. примеч. 4 к п. 13.

¹⁵ См. примеч. 5 к п. 3.

¹⁶ См. о нем: Ред, примеч. 10 к п. 209.

¹⁷ С.В. Завадский в это время уже был автором СЗ. В 1929–1931 гг. он опубликовал в журнале три рецензии и единственную статью «Устои правового государства» (СЗ. 1931. № 47. С. 352–374).

18. Гессен — Вишняку
Radošovice. 28 декабря 1927 г.

28.XII.

Дорогой Марк Вениаминович,
Вас с Мар. Аб. [Вишняк] поздравляю с Новым Годом. Лично Вам и ей — много счастья и удач в деле, а работе нашей — чтобы тоже пробило, наконец, 12 часов и родилось обновление ее.

Вместе с тем хочется похвалить статью Вашу о партийном патриотизме¹. Но только... Но только из нее следуют практические выводы...

С.Н. [Прокопович?] шлет привет. У него опять ухудшение.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка с новогодним мотивом и надписью: «Št'astný nový rok!»; адрес получателя: «Monsieur M. Vischniak, 11, rue Claude Lorrain, Paris XVI, France»; почт. шт.: «Praha, 28.XII.27».

¹ См.: *Вишняк М.В.* Патриотические страсти и интересы России // СЗ. 1927. №. 32. С. 380–400.

19. Гессен — Вишняку
Radošovice. 13 июня 1928 г.

Radošovice u Prahy 60. 13.6.28.

Дорогой Марк Вениаминович,
вернувшись из поездки, застал Вашу открытку и выслал Вам Линцкую программу, не разысканную Ниной Лазаревной. Гейдельбергскую программу послала Вам уже Н[ина] Л[азаревна] (Линцкая программа у меня в отчете «Arbeiterzeitung»¹). У меня имеются еще три аграрные программы (австрийская, германская и Labour Party). Если они Вам нужны, немедленно их Вам вышлю². — Что моя статья об агр[арных] программах в № 35 «С[овременных] з[аписок]» не появилась, меня, разумеется, огорчило³, пуще всего потому, что я очень с ней торопился, отложив всякую другую работу. Но я вполне понимаю Ваши редакционные затруднения, хотя и думаю, что моя статья много актуальнее и существеннее для «С[овременных] з[аписок]», чем многие другие, в ней все же помещенные. Для № 36 пришло (на этот раз уже определенно) рецензии на Бердяева и Чижевского⁴. А статью «Достоевский и Вл. Соловьев» — чувствую — придется уже отложить до № 37⁵. Не так ли?

Я еще не получил оттисков своей статьи о «Бр[атях] Карамазовых». Надеюсь, что они все же изготовлены. Очень прошу Вас выслать мне их поскорее. Сообщите, могу ли на них рассчитывать.

В № 35, если остановиться только на отделе публицистическом (отдел литературный, благодаря чудесному Бунину и превосходному Алданову⁶, на этот раз стоит вполне на высоте), я совершенно солидаризируюсь как с Вашей статьей⁷, так и со статьей Вад. Викт. [Руднева]⁸. Ваш призыв «европеизироваться»⁹ теперь особенно уместен. С интересом жду Вашей критики Степуна¹⁰, так же как и обещанной В[адимом] В[икторовичем] статьи о взаимоотношении Церкви и государ-

ства¹¹. Статья Степуна меня, напротив, опять разочаровала: замысел ее — «религиозное завершение социализма» — я как раз считаю совершенно правильным. Но когда С[тепун] опускается от метафорического замысла в плоскость эмпирических решений, он становится до наивности элементарным и перестает видеть всю сложность конкретных проблем. Благополучие, запрятанное в глубине его метафизики, оборачивается прямо обидной наивностью. Ибо что, как не наивность, его решение конфессионализировать школу в случае требования этого со стороны «устойчивого большинства»? Кстати, Ст[епун]у, как философу, позволительно не знать, что в Германии нет федерального м[инистерст]ва нар[одного] просвещения («Кейделевское м[инистерст]во нар[одного] просв[ещения]» — 377)¹². Но Вы-то должны были бы эту фразу исправить.

Напишите мне хотя бы вкратце — Ваше мнение об итогах Парижского с-р'овского съезда¹³. То, что я слышал здесь, меня приводит в изумление: зачем Вы держитесь еще за связь свою с группой «Воли России», продолжающей пребывать в «тени Чернова»¹⁴? Зачем сохранять традицию, себя изжившую? Не правильнее ли образовать новую партию — *народно*-социалистическую, в духе развиваемой в «С[овременных] з[аписках]» идеологии? Я не зову Вас в старую н[ародно]-с[оциалистическую] партию, но я призываю объединиться по признаку единства убеждения и чувства всех тех, кто думает и чувствует одинаково — независимо от своего разного прошлого. Надо понять, что прошлое наших соц[иалистических] партий есть уже история. Надо строить заново и не бояться с этим прошлым порвать, когда оно является балластом! — Для описания своей поездки уже нет места. В общем поездка была очень интересной. Латвия и Эстония очень понравились. Печальное впечатление произвела Литва. В смысле моральном поездка удалась. В декабре поеду опять. Зато материально доход меньший, чем я ожидал. — Каково положение Вашего отца? — Сердечный привет от Н[ины] Л[азаревны] и Вашего

С. Гессена

Сейчас получил 10 отгисков своей статьи и назад Гейд[ельбергскую] программу. Я просто не допускаю мысли, что моя настойчивая просьба изготовить лишних 30 отгисков не выполнена, и потому покорно прошу выслать мне без замедления остальные отгиски.

Обменный экземпляр «С[овременных] з[аписок]» для «Русской школы» прошу впредь посылать по адресу: Russkaja škola za rubežom, Praha II, Krakovská ul. 8.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41).

¹ О какой «Arbeiterzeitung» («Газете рабочих») идет речь, непонятно. В 1920-е гг. существовали многие десятки изданий с данным словом в заглавии.

² М.В. Вишняку программы могли быть нужны, помимо всего прочего, для написания статьи «Демократия в Европе» (СЗ. 1928. № 37. С. 356–374).

³ Статья была опубликована в следующем номере: Гессен С.И. Новые аграрные программы европейских социалистических партий // СЗ. 1928. № 36. С. 470–493.

⁴ Рецензия С.И. Гессена на книгу Д.И. Чижевского «Філософія на Україні: Спроба історіографії питання» (Прага: Сіяч, 1926) была напечатана лишь весной следующего года (СЗ. 1929. № 38. С. 544–546), а рецензия на двухтомник Н.А. Бердяева «Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства» (Paris: YMCA-Press, [1927–1928]) и того позже, летом (СЗ. 1929. № 39. С. 547–554).

⁵ См. примеч. 2 к п. 17.

⁶ В номере появились очередные отрывки романов И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (С. 5–72) и М.А. Алданова «Ключ» (С. 128–196).

⁷ См.: *Вишняк М.В.* Национальные вопросы в России // СЗ. 1928. № 35. С. 437–472.

⁸ См.: *Руднев В.В.* Религия и социализм: [Ч. 1] / Там же. С. 473–492.

⁹ В своей статье М.В. Вишняк писал: «Мы европейцы и хотим жить как Европа. Не больше, но и не меньше! И социализмом, его теорией и практикой, мы хотим вдохновляться не евразийски-доморощенным, а европейским! Европеизация социалистического движения, — исключая, в частности, механическое копирование европейских образцов вне учета реальной обстановки времени и места, — одна из очередных задач нашего и следующего за нами поколения социалистов в России» (Там же. С. 468).

¹⁰ Критика статьи Ф.А. Степуна «Мысли о России: Демократия и идеократия; буржуазная и социалистическая структура сознания; марксистская идеология как вырождение социалистической идеи; религиозная тема социализма и национально-религиозное бытие России» (Там же. С. 364–402) появилась в следующем номере: *Вишняк М.В.* Политика и мирозерцание: (О «русском социализме») // СЗ. 1928. № 36. С. 383–427.

¹¹ Речь о второй части статьи В.В. Руднева «Религия и социализм», которая была опубликована в конце года (СЗ. 1928. № 37. С. 409–471).

¹² В статье «Мысли о России» Ф.А. Степун писал: «Кейделевское министерство народного просвещения не имело ни малейшего права, пользуясь случайною политическою конъюнктурою (а в Германии дело обстояло именно так), навязывать в своем громадном большинстве неверующему народу громадные расходы по осуществлению конфессиональной школы» (СЗ. 1928. № 35. С. 377–378). Вероятно, имеется в виду немецкий политик Walter von Keudell (1884–1973), который ко времени написания письма, в 1927–1928 гг., был министром внутренних дел Германии (Reichsminister des Innern).

¹³ III съезд заграничных организаций партии эсеров прошел в Париже с 24 апреля по 6 мая 1928 г. На съезде окончательно проявился раскол партии эсеров на разные группы. В.М. Чернов со своими ближайшими сподвижниками еще в марте 1928 г. вышел из состава Заграничной делегации партии эсеров и основал Заграничный союз ПСР, представители которого на съезде не присутствовали.

¹⁴ Группа «Воли России» к этому времени уже разошлась с В.М. Черновым и блокировалась с эсеровскими группами «Дней» и «Современных записок».

20. Гессен — Вишняку

Praha. 23 июня 1928 г.

23.6.28.

Дорогой Марк Вениаминович,

Ваше сообщение, что 30 оттисков для меня сделаны и на днях будут высланы, — очень меня утешило. Спасибо. — Буду ждать книгу Бердяева (II т.), чтобы написать уже общую рецензию¹. Что же касается статьи о 10-летию чехосл[овацкой] независимости, то я никак не могу ее написать. Я никакого отношения к этой теме не имею: я не Mädchen für alles², хотя мой диапазон и широкий. Но расширить его более я не могу. — Советую Вам лучше всего обратиться к проф. Антонию Васильевичу Флоровскому³, который закончил книгу о русско-чешск[их] отношениях, лучший русский знаток истории Чехии, политически очень приемлемый (*гораздо приемлемее своего брата*). Я говорил с ним об этом. Он готов был бы статью написать. Я убежден, что это будет *очень удачная* статья⁴. К тому же он вообще желательный сотрудник. Советую Вам написать ему: Radošovice u Prahy, Vila Věruška.

Вад. Викт. [Руднева] жду здесь с нетерпением. У меня с ним много материала для беседы накопилось. Прошу его перед отъездом сюда прочесть мою статью об

аграрн[ых] программах, т.к. мне важно именно на эту тему с ним переговорить. В начале июля сюда приезжает П. Бицилли⁵ и В. Мякотин — все в Радошовице, т.ч. будет здесь целый съезд. А Нина Лаз[аревна] поедет в начале июля в Париж.

Крепко жму руку. Душевно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur]r M. Vichniac, Rédaction “Annales Contemporaines”, Paris (XVIe), 106 rue de la Tour»; почт. шт.: «Prahа, 23.VI.28».

¹ См. примеч. 4 к п. 19.

² девушка для всего (нем.).

³ Флоровский Антоний Васильевич (1884—1968, Прага), историк, славист, брат Г.В. Флоровского. Редакторы СЗ последовали совету С.И. Гессена, и вскоре статья появилась в журнале: *Флоровский А.В.* Пути русско-чешской взаимности: (К 10-летию независимости Чехословакии) // СЗ. 1928. № 36. С. 493—509.

⁴ У редакторов на этот счет сложилось иное мнение. В начале августа 1928 г. Руднев написал Вишняку: «Пришел *Флоровский* о Чехословакии — очень неудачная статья на мой вкус: скучна, бездарна, а главное — *не на тему*: “По поводу десятилетия Республики” — только в подзаголовке, а все содержание — давнее прошлое русско-чешских отношений... Но делать как будто нечего, — придется печатать, — б.м., сократив кое-где» (Ред., п. 192). А.В. Флоровский, в отличие от брата, больше в СЗ не печатался.

⁵ В июле 1928 г. П.М. Бицилли был приглашен официальным оппонентом на защиту Н.И. Никифорова и на две недели приезжал в Прагу (см.: наст. изд. Т. 2. С. 508).

21. Гессен — Вишняку *Prahа. 9 ноября 1928 г.*

9.11.28.

Дорогой Марк Вениаминович,
простите, что так долго не отвечал Вам. За это время я успел переехать в город (заметьте новый адрес, это целое событие в жизни, ведь в Радошовицкой трущобе я прожил целых 4 года!), а кроме того была бездна забот и самых неотложных работ. Вместо статьи, Вам обещанной, о Достоевском и Влад. Соловьеве, я написал (первоначально — по заказу «*Slavonic Review*», но, кажется, для них она вышла большой) статью о Льве Толстом как мыслителе¹. Кажется, она вышла очень удачной. Во всяком случае, мне удалось выразить в ней ряд моих любимых мыслей и сказать нечто новое, что сейчас так редко приходится слышать о Толстом. Разумеется, мне очень хотелось бы, чтобы статья появилась и по-русски, тем более, что еще я не получил от В. Pages'a² ответа, пойдет ли она по-английски. Я менее всего намерен напрашиваться, тем более что понимаю, как Вы завалены статьями о Толстом. (Впрочем, кроме превосходной статьи Маклакова все другое о Т[олсто]м в 36 кн. — весьма низкого качества, даже Алданов слаб, не говоря уже о Бицилли, который пописывает, что в голову взбредет, не стремясь ни к какой монументальности³.) Поэтому я и послал свою рукопись раньше Фед. Авг. [Степуну], прося его переслать ее Вам в том случае, если он сочтет ее не просто хорошей статьей, а действительно значительной. Но от него уже месяц как нет ответа, и я подозреваю, что рукопись он передал Вам. Если да, то сообщите мне свое мнение и свое решение,

дабы я мог располагать ею свободно, если Вы вынуждены будете отказаться от нее. Статья о Вл. Соловьеве явно уже не подойдет в этот № (37). Я ее закончу только в начале декабря. А сейчас я пошлю Вам давно обещанные рецензии на Бердяева и Чижевского. Это сделаю в течение ближайших 7-и дней.

№ 36 я прочел с большим интересом. Кроме самого Толстого и превосходной статьи Маклакова очень интересна вся «Куль[ура] и жизнь» и хороша Кускова⁴ (хотя она могла бы быть и ядовитее и более бичевать). Статья Гурвича⁵ очень интересна, но она вся в будущем, в том, что автор еще не сказал. Я боюсь, что Г.Д. [Гурвич] так медленно и со всех сторон и через столько трупов чужих теорий подходит к своей собственной, что ему останется очень мало сказать о своей соборной собственности, и он нас всех разочарует. Но я первый был бы рад, если бы он нас, напротив, очаровал и сказал, действительно, новое слово. Он мне прислал в рукописи свою критику на меня⁶, и я ответил ему длинным (6 печ[атных] страниц) письмом. Пусть он Вам покажет его, если Вас это интересует. Отвечать ему в печати, разумеется, я смогу, лишь имея перед собою его собственное положительное построение⁷.

Статья Н. Бердяева⁸ написана опять-таки хорошо. В ней есть несколько превосходных формул (этернизм, свобода — не индиферентизм, а путь к Истине, т.е. творчество; теория прогресса — механическое искажение идеи Царства Божия). Но все же Б[ердяев] не развивается, стоит на месте, ограничивается общими формулами и не раскрывает конкретного содержания своей мысли. Постольку — и тем самым я перехожу к Вашей статье⁹ — я с Вами согласен: конкретное содержание «оцерковления жизни» у Б[ердяев]а остается совершенно неясным. А главное: Б[ердяев] не может освободиться от эсхатологии, считая демократию похороненной не только на Западе, но и в России, полагая, что к *свободному* оцерковлению жизни можно подойти сразу от коммунизма, минуя стадии нейтральной демократии. Впрочем, Вы напрасно обвиняете его в том (400 стр.), что он хочет оцерковления обязательной государственной школы. Думаю, что Б[ердяев] того не хочет. А надеяться по типу Карташева на победу своего вероисповедания в свободном состязании вер, — это право каждого. Тут я не вижу, по совести, никакого криминала с точки зрения демократии. Речь ведь идет о духовной победе, а не о победе с помощью госуд[арственного] принуждения. В возражениях Степуну Вы совершенно правы: нельзя демократию понимать как «волю большинства». Но, с другой стороны, и Ваша ошибка, мне кажется, заключается в том, что Вы слишком узко понимаете демократию, полагая, что самая идея демократии необходимо, всюду и на все времена реализуется в методах и учреждениях, характерных для конца XIX — начала XX века. Как та или иная избирательная система (пропорциональная или мажоритарная) не есть нечто принципиально вытекающее из существа демократии, а есть *средство*, при данных условиях в данное время наилучшим образом в этом месте реализующее идею демократии, так и светская школа (в какой ее форме: французской, американской или государственной английской — тут всюду существенные различия!!) есть не больше чем средство реализовать дело демократии в таких-то и таких-то условиях. Я вполне допускаю, что в иных условиях светская школа может стать *уже не* демократической, а в иных условиях будет *еще не* демократической. В самом деле, разве справедливо облагать школьным налогом тех, кто не посылает своих детей в госуд[арственную] свет-

скую школу и содержит путем общественного самообложения на свои средства школу частную, — конфессиональную, но стоящую вполне на уровне государственной школы? Это не значит, что я вывожу отсюда те следствия, которые из этого сделаны были, напр., в Голландии, где частная школа, удовлетворяющая качеством даваемого в ней обучения общим государств[енным] требованиям, сравнена, в смысле получения госуд[арственной] субсидии, совершенно со школой муниципальной-светской. В голландской школьной системе имеется ряд своих недостатков. Я только этим примером хотел возразить против Вашего возведения *средств в принцип*, против Вашего однообразного понимания демократии в ее эмпирическом явлении и против Вашего неверия в демократию: она гораздо гибче, богаче возможными формами, поддается развитию во всех своих сторонах. В качестве частности, что касается послебольшевицкой России, то я думаю, что в ней долго еще не сможет быть для всех ее углов одинакового однообразного решения вопроса. Я не сомневаюсь в том, что именно истинно демократическая политика (по существу, а не по форме) не сможет установить в Москве, в старообрядческой деревне на Алтае, в мусульманской деревне в Туркестане одного и того же решения: светскую госуд[арственную] школу! Все это гораздо сложнее и тоньше, и демократия тоже должна не рубить с плеча, строя все на один лад. Я отчасти затронул этот вопрос в своей работе в «Handbuch d[er] Pädagogik» о школьных системах¹⁰. К сожалению, издатель дал мне так мало оттисков, что я не смогу Вам послать ее. С другой стороны, я считаю против Вас, что термин «частный» в применении к религии, конечно, неудачен. А с Вами согласен в том, что подлинное свободное очеркование может быть достигнуто, лишь когда почва к тому будет подготовлена длительной практикой *нейтральной* обязательной школы. Тут я провожу совершенную аналогию с тем, что будущая социал[истическая] собственность сможет утвердиться лишь на почве, взрыхленной долгой практикой свободной индивидуальной собственности. — Ну, написал целую диссертацию. Пора кончать. Крепко жму Вашу руку. Привет всей редакции. Сердечно Ваш

С. Гессен

Жена шлет Вам привет.

А имя-то мое в конце концов включите в число сотрудников «Совр[еменных] зап[исок]»¹¹! Заслужил — несмотря на постоянное опаздывание!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Prof. Sergei Hessen, Praha XII, Fochová tř[ída] 126».

¹ См.: *Hessen S. Tolstoi als Denker // Logos: Zeitschrift für systematische Philosophie*. 1930. Bd. 19. S. 145—172; *Gessen C. Толстой как мыслитель // L.N. Tolstoj: sbornik statí a bibliografických přehledů / Uspořádal J. Horák a E. Ljackij. Praha: Orbis, 1929. С. 9—33. Ср. также: Hessen S. Tolstoj als Pädagoge // Die Erziehung. 1929. Jg. 4. S. 1—27.*

² Пэрс Бернард (Bernard Pares; 1867—1949), английский историк-русист, с 1919 г. профессор Школы славянских и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and East European Studies) при Лондонском университете, основатель (1922) и редактор журнала «Slavonic Review» (позже: «Slavonic and East European Review»).

³ К столетию со дня рождения Л.Н. Толстого СЗ в № 36 опубликовали ряд юбилейных материалов. Номер содержал архивные публикации: *Толстой Л.Н. Путевые записки: По Швейцарии в мае 1857 г.* (С. 5—34); *Толстой Л.Н. Письма к дочери Татьяне Львовне* (С. 193—219), а также статьи о нем: *Маклаков В.А. Лев Толстой: Учение и жизнь* (С. 220—263); *Алданов М.А. О Толстом* (С. 264—273); *Бицилли П.М. Проблема жизни и смерти в творчестве*

Толстого (С. 274–304). Кроме того, в номере была опубликована (С. 534–539) рецензия Н.Д. Авксентьева на книгу Т.И. Полнера «Лев Толстой и его жена: История одной любви» (Париж: Совр. записки, 1928).

⁴ *Кускова Е.Д.* Обескрыленный сокол: (К 35-летию работы Максима Горького) // СЗ. 1928. № 36. С. 305–345.

⁵ *Гурвич Г.Д.* Социализм и собственность // СЗ. 1928. № 36. С. 346–382.

⁶ Статья вскоре была опубликована: *Гурвич Г.Д.* Собственность и социализм: (По поводу социалистической конструкции С.И. Гессена) // СЗ. 1929. № 38. С. 508–520.

⁷ С.И. Гессен воплотил свои планы позже, после выхода книг Г.Д. Гурвича «L'idée du droit social. Notion et système du droit social. Histoire doctrinale depuis le XVIIe siècle jusqu'à la fin du XIXe siècle» (Paris: J. Vrin, 1932) и «Le temps présent et l'idée du droit social» (Paris: J. Vrin, 1932), опубликовав посвященную им статью: *Гессен С.И.* Идея социального права // СЗ. 1932. № 49. С. 421–435.

⁸ *Бердяев Н.А.* Правомыслие и свободомыслие: (К спорам о христианстве и свободе) // СЗ. 1928. № 36. С. 428–458.

⁹ В своей статье «Политика и мирозерцание: О “русском социализме”» (СЗ. 1928. № 36. С. 383–427) М.В. Вишняк полемизировал с Н.А. Бердяевым и Ф.А. Степуном.

¹⁰ См. примеч. 8 к п. 13.

¹¹ Начиная с № 37 в рекламных объявлениях, публикуемых на последних страницах журнала, имя Гессена появилось в списке сотрудников СЗ.

22. Гессен — Вишняку

Erfurt. 6 июля 1929 г.

Schloss Tonndorf, Post Erfurt-Land, Allemagne
6.7.1929.

Дорогой Марк Вениаминович,

наконец, посылаю Вам рукопись своей статьи о Достоевском и Вл. Соловьеве. Она вышла обширнее, чем я ожидал: в ней три печ[атных] листа. Но зато она вышла и основательнее. Я приписываю ей большое значение: она полагает конец славянофильски-евразийскому использованию Достоевского, показывая, как сам Достоевский преодолел свою собственную утопию. Она впервые более или менее исчерпывающе выясняет взаимоотношения Д[остоевского] и Соловьева и дает новое понимание развития Соловьева и замысла его философии. В ней, наконец, много мыслей (о существе утопизма), дорогих мне лично. Не скажу, чтобы я был доволен статьей. В ней нет последней законченности и отделки. Она тяжеловесна и грузна. Но я не могу больше уже исправлять ее (я над ней очень долго работал), и я надеюсь, что, во внимание к объективной сути дела, редакция «С[овременных] з[аписок]» поместит ее так, как она есть, не подвергая ее никаким хирургическим операциям. Сокращать ее никак нельзя, а разделить ее можно очень легко: гл. 1–4 и 5–7, т.е. 1. Достоевский, 2. Соловьев¹. Буду ждать Вашего ответа. Разумеется, буду просить непременно корректуры. До 15 июля я — здесь. Где буду потом, еще не знаю. Мой постоянный адрес: Řičany u Prahy, č[íslo] 292, u p[an]i A. Cerazova.

Вы мне не ответили еще на мое предложение написать для «К[ультуры] и ж[изни]» статью о всех трех книгах De Man'a: «Die Psychologie des Sozialismus», «Die Arbeitsfreude», «Die Intellektuellen und der Sozialismus»². Я бы статью эту написал с удовольствием (не для след[ующего] №, а для № 41 хотя бы³).

№ 39 получил: он очень интересен⁴. Статью Г. Федотова я считаю *превосходной*, хотя и знаю, что Вы, кажется, ее не одобряли⁵. Интересен очень на этот раз Керенский, Х. и Бруцкус. Флоровский хорош, хотя не дает пока еще ничего нового. Ваша статья⁶ очень хороша, но как теоретическое рассуждение (в ней много интересных фактов и соображений). Но как *политическая* статья она не удовлетворяет: прочтя ее, я так и не знаю Вашего прогноза и даже Вашего желания (в отношении России — если, конечно, отвлечься от нового Учред[ительного] Собрания, вероятность которого, однако, весьма мала). Я стал так скромен сейчас в своих надеждах, что приветствовал бы на место Сталина короля Александра, если бы только таковой был у нас возможен. Кстати: если брат Ваш собственный критерий (очень удачный: наличие в диктатуре степени гражд[анских] свобод), то диктатура Александра несоизмерима ни с Муссолиниевской, ни со Сталинской.

Ваша статья в прошлом № (по поводу Маклакова)⁷ меня удовлетворила гораздо больше. Она Вам очень удалась, и я даже считаю, что вообще печатать Маклакова в «С[овременных] з[аписках]» имело смысл только ради Вашей статьи. Сама же по себе статья Маклакова для «С[овременных] з[аписок]» подходит *еще менее* уже во всяком случае менее, чем статья Федотова, да и, пожалуй, чем забракованная Вами статья Степуна⁸.

В последнем № «Дней» прочел Вашу (Современник?) статью по поводу моих писаний в «Р[усской] шк[оле]»⁹. Приношу Вам искреннюю благодарность за лестный отзыв. Но с чего Вы взяли, что я «не испытываю органического отвращения к большевикам»? Испытываю — до тошноты. Я понимаю, что в контексте Вашем это скорее похвала моей объективности. Но не переборщили ли Вы своей похвалой?!

Т.к. свою квартиру в Праге я ликвидировал, то, пожалуйста, отписки моей последней статьи пошлите мне сюда (до 15.7.) или (после 15.7.) на мой постоянный адрес. В конце августа я еду в Англию и, вероятно, на обратном пути (в ноябре) заеду на несколько дней в Париж. Очень бы хотелось поговорить с Вами — а не видел я Вас уже целую вечность!

Крепко жму Вашу руку и жду ответа. Сердечно Ваш

С. Гессен

Напишите Ваш искренний отзыв о моей статье и формально и *по существу*.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41).

¹ Статья «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева» действительно появилась в двух номерах, но поделена была не совсем так, как предлагал С.И. Гессен: первая часть содержала гл. 1–5, а вторая гл. 6–7 (СЗ. 1931. № 45. С. 271–305; № 46. С. 321–351).

² См.: *De Man H. Zur Psychologie des Sozialismus*. Jena: Diederichs, 1926; *De Man H. Die Intellektuellen und der Sozialismus*. Jena: Diederichs, 1926; *De Man H. Der Kampf um die Arbeitsfreude*. Jena: Diederichs, 1927.

³ Статья была опубликована в следующем номере: *Гессен С.И. Генрих Де Ман как теоретик социализма* // СЗ. 1929. № 40. С. 503–527.

⁴ В № 39 СЗ были опубликованы упомянутые ниже С.И. Гессеном статьи Г.П. Федотова «Революция идет» (С. 306–359), А.Ф. Керенского «Из воспоминаний: Лавр Корнилов» (С. 230–273), а также окончания статей Б.Н. Толъго «Советская тюрьма и «политика»» (С. 395–427. Подп.: X), Б.Д. Бруцкуса «Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы» (С. 428–474) и Г.В. Флоровского «Искания молодого Герцена» (С. 274–305).

⁵ В письме И.И. Фондаминскому от 17 марта 1929 г. М.В. Вишняк выражал большое недовольствие от статьи Г.П. Федотова (Ред., п. 209).

⁶ *Вишняк М.В.* О диктатуре // СЗ. 1929. № 39. С. 360–394.

⁷ *Вишняк М.В.* О русской революции — кануны и свершения // СЗ. 1929. № 38. С. 315–351. Статьей Вишняка сопровождалась начавшаяся публикация воспоминаний В.А. Маклакова «Из прошлого» (СЗ. 1929. № 38. С. 276–314).

⁸ По-видимому, речь о статье Ф.А. Степуна «Религиозный смысл революции», которая все же была опубликована в следующем номере (СЗ. 1929. № 40. С. 427–460), но сопровождалась статьей, долженствующей служить противвесом: *Вишняк М.В.* О «переосмысливании» Ф.А. Степуна // СЗ. 1929. № 40. С. 461–471.

⁹ Публикация не разыскана.

23. Гессен — Вишняку *Berlin. 7 августа 1929 г.*

B[e]rl[i]n-Charlottenburg I, Sesenheimerstr. 28.
7.8.29.

Дорогой Марк Вениаминович,

спасибо за Ваше дружеское письмо. Я не ответил на него сразу потому, что был занят как раз статьей о де Мане. Сейчас статья написана — по-немецки (я печатаю ее в Вашем журнале¹ «Z[eit]sch[ri]ft f[ür] Rechtsphilosophie»² — меня просил Holldack³), и я надеюсь ее в эти дни перевести и на русск[ий] яз[ык] — для «С[овременных] з[аписок]»⁴. В статье 50.000 знаков — я взял *все* де Мана: т.е. не только его «Psychologie des Sozialismus», но и «Kampf um die Arbeitsfreude»⁵. Кажется, статья вышла хороша. Де Ман — *очень* значительное явление. Сообщите — нужно ли торопиться к ближ[айшему] № — тогда я сам привезу Вам рукопись. Я выезжаю отсюда 12-го авг[уста] и пробуду в Париже 8–9 дней. Очень рад буду Вас повидать и с Вами побеседовать.

Сейчас же только вкратце отвечу Вам на письмо. Я не думаю, что статья моя более подходит для «Пути», чем для «С[овременных] з[аписок]». Мне кажется, вообще Вы в своем отзыве смешали две вещи: внешний стиль, размер, тяжеловесность стиля и ее направление («Царство Божие»). По существу я считаю, что моя статья совершенно в духе «С[овременных] з[аписок]», и я сомневаюсь, поместил ли бы ее, напр., Бердяев. Что же касается внешнего, то опять-таки именно «С[овременные] зап[иски]» в виду своей *общей* тяжеловесности *вполне подойдет* для не имеют оснований отказывать в ее помещении. Так — статьи Флоровского, Ходасевича (о Державине) одинаково тяжеловесны с моей, а по теме и направлению гораздо менее актуальны и, думаю, интересны. Моя статья о Достоевском имела, насколько я слышал, безусловный успех именно в «широких кругах» публики, а данная работа является и продолжением и углублением. Так что я, не настаивая на ее помещении, все же считаю, что она (именно внешне) *не нарушает* общей линии «С[овременных] з[аписок]». К тому же я и несколько недоумеваю. Я Вам предложил актуальную статью (которую впоследствии цитировала общая пресса, в том числе и Вы) об иностранных очевидцах. Вы ее отклонили, ссылаясь, что Вам ценно мое сотрудничество как *философа*. А сейчас Вы меня как философа, по-видимому, считаете «тяжеловесным». Одним словом — я боюсь, что тут дело не

столько в тяжеловесности, сколько в «направлении». Но как раз по направлению, мне кажется, я из *всех* философов (кроме Гурвича) все же наиболее близкий к Вам — думаю, ближе и Степуна, не говоря о печатаемых Вами Шестове, Зеньковском, Флоровском.

Впрочем, обо всем этом поговорим лично. Надеюсь, застану и Вас и Ил. Ис. [Фондаминского] и Вад. Викт. [Руднева] — вообще всю редакцию — в Париже. Хорошо было бы собраться всем однажды вместе.

Крепко жму Вашу руку. Сердечный привет

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41).

¹ Имеется в виду, что Вишняк тоже там публиковался; см.: Ред., примеч. 3 к п. 148.

² См.: *Hessen S. Hendrik de Man: Neuaufbau des Sozialismus // Zeitschrift für Rechtsphilosophie in Lehre und Praxis*. 1929. Bd. 4. S. 259–279. В том же журнале была впоследствии опубликована еще одна работа Гессена; см.: *Hessen S. Zur Geschichte und Theorie des Sozialrechts // Ibidem*. 1932/34. Bd. 6. S. 57–75, 244–269.

³ О нем см.: Ред., примеч. 1 к п. 148.

⁴ См. примеч. 3 к п. 22.

⁵ См. примеч. 2 к п. 22.

24. Гессен — Вишняку

London. 10 сентября 1929 г.

London N.W.II. 17 Elmcroft Cres[c]ent.
10.9.1929.

Дорогой Марк Вениаминович,

спасибо большое за Ваше письмо, с которым я *совершенно* согласен. Мои статьи, действительно, превышают журнальную норму. Это мой недостаток, с которым, я знаю, мне надо бороться. Единственное, что меня оправдывает и утешает, это то, что я разделяю этот недостаток с *большинством* авторов «С[овременных] зап[исок]» (что для Вас, как редактора, совсем не легче), и 2) что я пишу в «С[овременных] зап[исках]» сравнительно мало — т.е. меньше, чем должен был бы и, отвлеченно говоря, мог. Но все же мне интересно будет услышать и Ваше мнение *по существу* о моей статье. Напишите его при случае — и так же откровенно: от Вас мне всегда приятно знать самую откровенную критику: 1) потому что я Ваше мнение ценю и Вас люблю, 2) знаю, что Вы по существу — благожелательный критик. — За аван большое спасибо. Ваша цифра меня обрадовала: значит, обе мои рукописи, лежащие у Вас, покроют аванс. — Очень прошу *непрерывно* прислать корректуры! Обещаю немедленно их возвратить. — Я на свой страх все же «заказал» Байкалову¹ статью — по поводу последнего съезда трэд-юнионов, о всей политике последн[его] времени тр[эд]-юнионов и Lab[our] Party. Уверен, что статья будет *интересна*. Он только что выпустил *очень хорошую* англ[ийскую] книгу о Сов[етской] России². Брайкевич собирается написать Вам о ней рецензию³. — Сэру об эсэре⁴ напомню: я его еще не видел, на днях навещу. — Пока я своей поездкой *очень* доволен. Передайте Ил. Ис. [Фондаминскому], что я здесь в Br[itish] Museum *нашел* книгу («Странствия Парфения»⁵), которую всюду безуспешно ис-

кал. Потом я ему о ней напишу. Свои лекции я начинаю только 28 сент[ября].
Объезжу всю Англию и Уэльс. В заключении просьба на отдельном листочке. Сердечный привет

Ваш С. Гессен

Обратно в Париже я буду числа 2–3 ноября!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41) (см. илл. 9). Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «M[onsieur]r M. Vichniac, Paris (XVI), 11 rue Claude Lorrain, France»; адрес отправителя: «Prof. S. Hessen, London N.W.II. 17 Elmcroft Cres[c]ent»; почт. шт.: «Golders Green, 10.9.29».

¹ Байкалов Анатолий Васильевич (1882–1964, Лондон), журналист, общественный деятель, член партии эсеров. С 1919 г. в эмиграции в Лондоне, редактор газеты «Русский в Англии», сотрудник ПН, СЗ.

² См.: *Baikalov A. V. In the Land of Communist Dictatorship: (Labour and Social Conditions in Soviet Russia To-day)*. London: J. Cape, 1929.

³ О М.В. Брайкевиче см.: Ред., примеч. 2 к п. 539. Его рецензия на английскую книгу А.В. Байкалова вскоре появилась в журнале (СЗ. 1930. № 43. С. 520–522).

⁴ О ком идет речь, неизвестно.

⁵ По-видимому, речь о книге иеромонаха Парфения (в миру Петр Агеев; 1807–1878) «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения» (М., 1855).

25. Гессен — Вишняку Praha. 21 ноября 1929 г.

новый адрес: Praha — Vřevnov, Družstvo «Bílá Hora», 69.

21.11.29.

Дорогой Марк Вениаминович,
я не заехал в Париж на обратном пути из Англии, как меня просил Илья Исидорович [Фондаминский], потому что очень устал, торопился в Прагу, слишком задержавшись в Англии, а также потому, что не видел большого практического смысла в моем заезде в Париж. Георгий Давидович [Гурвич] писал мне, что наши предложения расширить «социалистический отдел» в «С[овременных] з[аписках]» не встретили сочувствия среди большинства редакции, а Илья Исид[орович] и Вы не настаивали на моем приезде. Я надеюсь все же, что соображения наши отчасти приняты во внимание редакцией, и «С[овременные] з[аписки]» в будущем будут стараться привлекать к себе и объединять вокруг себя не только живые силы справа (чему я вполне сочувствую), но также и силы слева, т.е. всех недогматически мыслящих социалистов из других лагерей (в частности, из меньшевистского лагеря: я имею в виду Маршака¹, Бинштока² и др.).

За извещение меня, что статья моя о Достоевском и Соловьеве принята редакцией, большое спасибо. Я был уверен, что статья будет принята, и не надеялся на немедленное ее помещение. Так что все в порядке. Обращаю Ваше внимание, что летом 1930 года — 30-летие со дня смерти Вл. Соловьева. Т[ак] ч[то] я полагал бы правильным, чтобы статья моя была напечатана во второй и третьей книжке будущего года (т.е. *через* книжку, ибо ближайшая книжка появится, очевидно, в на-

чале будущего года). На ближайшее же время я имею предложить Вам следующие рецензии³:

1. *Cole*. «The next ten years in British social and economic policy».
2. *Hans* (Ник. Ад. Ганц). «The principles of educational policy».
3. Сборник о Достоевском под ред. А. Бема. Прага.
4. «Russian Schools and Universities in the World War», by Count Ignatiev, D. Odinetz and Paul Novgorotsev (Carnegie Endowment — Yale University Press).
5. *Samuel Harper*. «Civic Training in Soviet Russia». Превосходная книга: Chicago — University-Press, 1929.

Э.К. Метнер кроме того просит меня написать рецензию об изданной им («Музагет», Цюрих) книге (русск[ий] пер[евод]) К. Юнга «Психологические типы»⁴. Я готов сделать это, но не настаиваю — если у Вас есть другой рецензент. Как и вообще, и выше названные рецензии — скорее предмет моей обязанности, чем желания. О книге Ганца написать мне *очень* хотелось бы — из чувства долга перед русским автором и моим другом⁵. — Жду Вашего ответа по поводу всех этих предложений.

Моя англ[ийская] поездка сошла очень удачно: я много видел, многому научился, познакомился с множеством людей, очень усовершенствовался в языке. Увы! только мало заработал. Лекции мои имели большой успех. Если бы «С[овременные] з[аписки]» интересовало, я мог бы дать статью о своих впечатлениях (в «К[ультуру] и ж[изнь]») — на тему — Образовательное движение рабочего класса в Англии⁶. Но и эта статья — не столько желание, сколько потребность.

Главное мое желание сейчас — сократить все мои мелкие писания и сосредоточиться на книгах. В частности — в первую очередь приготовить к печати рукопись своего «Социализма» для отдельного издания в «С[овременных] з[аписках]»⁷ (как мы условились с И. Ис. [Фондаминским]).

Последняя книжка «С[овременных] зап[исок]» очень интересна⁸. Полемика Ваша со Степуном как-то взаимно идет мимо. Степуна последнюю статью я просто мало понимаю. А Вы не столько разбираете и опровергаете Степуна, сколько излагаете собственный взгляд по поводу Степуна. Очень интересны статья [так!] Ельяшевича, Маклакова (на этот раз). Флоровский не дает ничего нового. Беллетристика превосходна. В моей статье, к сожалению, бездна опечаток («инвалид» вместо «индивид»): очевидно, я напрасно читал корректуру, ибо мои исправления прошли незамеченными.

Ну, кончаю. Сердечный привет Вам и всей редакции

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41).

¹ О Я.И. Маршаке см.: Ред., примеч. 8 к п. 240.

² О взаимоотношениях редакции СЗ с журналистом Владимиром Львовичем Бинштоком (1868—1933) см.: Ред., примеч. 2 к п. 63.

³ Предложенные С.И. Гессеном рецензии на все пять перечисленных ниже книг были опубликованы в ближайших номерах: *Cole G.D.H.* The next ten years in British social and economic policy. London: Macmillan, 1929 (СЗ. 1930. № 43. С. 527—531); *Hans N.A.* The Principles of Educational Policy. London: King & Son, 1929 (СЗ. 1930. № 42. С. 541—543); О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага: Б.и., 1929 (СЗ. 1930. № 43. С. 503—505); *Russian schools and universities in the world war*. New Haven: Yale University Press, 1929 (СЗ. 1931. № 45. С. 531—533); *Harper S.N.* Civic training in Soviet Russia. Chicago: The University of Chicago Press, 1929 (СЗ. 1930. № 43. С. 531—533).

⁴ Юнг К. Психологические типы. Цюрих: Мусажет, 1929; книга в СЗ не рецензировалась.

⁵ Ср. в этой связи некролог Н.А. Ганца: *Hans N. Sergius Hessen // The Slavonic Review*. 1950. Vol. 29. № 72. P. 296–298.

⁶ Подобной статьи в СЗ не публиковалось.

⁷ Издание осуществлено не было.

⁸ Ниже Гессен перечисляет опубликованные в № 40 СЗ материалы: статьи Ф.А. Степуна «Религиозный смысл революции» (С. 427–460), М.В. Вишняка «О “переосмыслении” Ф.А. Степуна» (С. 461–471), В.Б. Ельяшевича «Законодатель и жизнь в советском правотворчестве» (С. 368–402), продолжение воспоминаний В.А. Маклакова «Из прошлого» (С. 291–334) и окончание статьи Г.В. Флоровского «Искания молодого Герцена» (С. 335–367).

26. Гессен — Вишняку

Praha. 4 января 1930 г.

4.1.1930.

Дорогой Марк Вениаминович,

С Новым Годом! Вам и всей редакции шлю самые сердечные пожелания и надеюсь, что Новый Год существенно приблизит нас к нашей заветной цели.

Одновременно посылаю Вам 4 рецензии, о книгах: Наргер'а, Одинца, Новгородцева, Ганца и сборнике о Достоевском¹. За мною осталась еще рецензия на Коля, которую я пришло Вам на днях. Очень прошу Вас в сборнике на Достоевского не выпускать примечания, напечатание которого важно мне по личным мотивам². Порядок напечатания рецензий предоставляю Вам.

Также посылаю Вам немецкую статью о социалистическом строительстве в Вене моего кембриджского приятеля Dr. Platzer'a³. В Кембридже я был еще под впечатлением моих бесед с Ильей Исидоровичем [Фондаминским] о расширении «Совр[еменных] зап[исок]» в направлении регулярного помещения в журнале статей на тему «Теория и практика современного социализма». Dr. Platzer'a я попросил написать статью о Вене, не связывая его и себя обязательством. На днях я получил от него статью, которую нахожу превосходной. Она — образец объективности и знания. Я считаю, что помещение ее в «Совр[еменных] зап[исках]» чрезвычайно желательно. В переводе легко можно придать статье более «социалистический» стиль. Я пишу «стиль», ибо по существу она сочувствует венскому опыту. Если хотите, я мог бы взять на себя перевод статьи. Но был бы рад, если бы Вы нашли другого переводчика. Придать статье нужный стиль — я берусь. Это дело двух, трех фраз. Ответьте мне на это возможно скорее, ибо я должен известить автора.

Если опыт этот удастся, то я готов развить усилия в направлении расширения «социалистического сектора» в «Совр[еменных] записках». Я мог бы достать статьи Де-Мана⁴, м.б., Коля⁵, Мариона⁶, Бинштока. Подумайте об этом. Я продолжаю считать, что журнал — социалистический не тогда, когда редакция его принадлежит к соц[иалистической] партии, а когда он посвящает свои страницы проблемам соц[иализма]. Кроме того я продолжаю считать, что «Совр[еменные] зап[иски]» обязаны работать над консолидацией новой соц[иалистической] партии, одинаково отличной и от традиц[ии] либерализма и от марксизма. Для этого они обязаны объединять *всех* ищущих социалистов, из каких бы бывших социал[истических] партий они ни происходили.

Кажется, обо всем написал Вам. Занят сейчас переработкой для отдельного издания своего «Прав[ового] социализма».

Сердечный привет

Ваш С. Гессен

Да. Кто рецензирует Франка: «Духовн[ые] основы общества»? Я взялся бы за рецензию. Но тогда пришлите мне экземпляр. Когда выходит ближайшая книжка?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha – Vřevnov, Družstvo “Bílá Hora”, 69».

¹ См. примеч. 3 к п. 25.

² В примечании С.И. Гессен отвечал на полемическое высказывание Д.И. Чижевского, который в статье «К проблеме двойника», опубликованной в рецензируемой книге, вступил в спор с гессеновской трактовкой образа Ивана Карамазова (см.: СЗ. 1930. № 43. С. 504).

³ Неустановленное лицо.

⁴ Де Ман Анри (Henri de Man; 1885–1953), бельгийский профессор социальной психологии и политический деятель, лидер рабочей партии, теоретик социализма, во второй половине 1930-х занимал ряд министерских постов.

⁵ Коль Джордж (George Douglas Howard Cole; 1889–1959), английский экономист, историк, теоретик социализма, член Фабианского общества и сторонник кооперативного движения, позже профессор Оксфорда.

⁶ Марион Поль Жюль Андре (Paul Jules André Marion; 1899–1954), французский журналист и политический деятель, в 1922–1928 гг. коммунист, член ЦК ФКП, с 1929 г. член Союза социалистов-республиканцев, позже член Народной партии и министр вишистского правительства.

⁷ Книга С.Л. Франка в СЗ не рецензировалась.

27. Гессен — Вишняку

Praha. 20 января 1930 г.

20.1.1930.

Дорогой Марк Вениаминович,

Несколько дней тому назад я послал Вам свою рецензию на Коля¹. Значит у Вас сейчас 5 моих рецензий и статья моя о Дост[оевском] и Соловьеве², т.е. запас по крайней мере на два ближайших №№. Я могу отдохнуть — по отношению к «С[овременным] з[апискам]» — на несколько месяцев. Пожалуйста — время к этому есть — пришлите мне корректуры, которые я не задержу. Засим, пожалуйста, ответьте мне на мои вопросы:

1) Статья Platzger'а о деятельности соц[иал]-д[емократов] в Вене;

2) Книга Франка — прошу книгу, даю рецензию;

3) Меня просят написать рецензию на сборник «Философия» [так!] — часть III-я «Трудов Р[усского] Народн[ого] Ун[иверситет]а в Праге»³. Книга у меня есть.

№ 41 «С[овременных] з[аписок]» только что получил. Пока успел посмотреть только несколько статей⁴. Статья Федотова превосходна, оригинальна, во многом очень верна. Для меня лично менее всего убедительна последняя часть «о Церкви», но и она в высшей степени интересна. О Маклакове я уже высказывался — не знаю, зачем Вы его печатаете. Милоков на этот раз — защитительная речь на процессе, не больше. Ст. Иванович очень хорошо написал и заполняет существенный пробел журнала. Но, к сожалению, видно, что статья написана на основании

двух немецких книг и статей из «Gesellschaft»⁵, а, главное, она останавливается на самом важном и интересном: совершенно не говорит о положительной программе Раб[очей] Партии, о текущих начатых и предстоящих реформах. Поэтому она в значительной степени говорит не о проблеме, а *около* проблемы. Несмотря на свое выступление против тех специалистов, которые «ершатся» против классовой борьбы, Ст. Иванович своими цитатами только поддерживает их точку зрения; особенно если формулировать ее так, как я это делаю: классовая борьба (которой я не отрицаю) есть борьба против умаления хозяйства и государства классовым угнетением и господством!

Превосходна статья Загорского: и убедительна, и правильно заострена против других точек зрения, и верна в своей основной линии. Большой козырь Ростовцев. Он пишет приятно, и отдохновительно, читая его, [уходишь²] в совсем иной мир векового и вечного прошлого.

Ну, кончаю, ибо спешу отправить письмо.

Сердечный привет Вам и всем Вашим коллегам из редакции.

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Prof. Dr. Sergej Hessen, Praha – Břevnov, Družstvo “Bílá Hora”, 69».

¹ См. примеч. 3 к п. 25.

² См. примеч. 1 к п. 22.

³ Третий выпуск «Научных трудов Русского народного университета в Праге» носил название «Изучение Чехословакии» (Прага, 1930). В СЗ эта книга не рецензировалась.

⁴ Далее Гессен ведет речь о напечатанных в № 41 СЗ статьях Г.П. Федотова «Новая Россия» (С. 276–311), В.А. Маклакова «Из прошлого» (С. 232–275), П.Н. Милокова «Суд над кадетским “либерализмом”» (С. 347–371), Ст. Ивановича (С.О. Португейса) «Пути английского социализма» (С. 394–435), С.О. Загорского «Движущие силы эволюции нынешней России» (С. 436–469), М.И. Ростовцева «О Ближнем Востоке: Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии» (С. 372–393).

⁵ Имеется в виду журнал: Die Gesellschaft: internationale Revue für Sozialismus und Politik. Berlin, 1924–1933. Ссылки на этот журнал приводятся в статье С.О. Португейса (С. 430).

28. Гессен — Рудневу Praha. 10 февраля 1930 г.

10 февр. 1930.

Дорогой Вадим Викторович,

Ваше письмо, действительно, долго путешествовало, чтобы найти меня. Я немедленно снесся с Н.Ф. [Новожиловым]¹, и он вчера уже должен был написать Вам сам подробно. У нас в «Р[усской] шк[оле]» с деньгами очень плохо. Не только мы не получили еще субсидии на новый год, но и не можем выцарапать из «Земгора» денег, которые он нам должен. А типография не делает никаких работ без этого. Но я надеюсь, что вскорости это уладится. Я, со своей стороны, постараюсь воздействовать и на «Земгор» и на типографию.

Пользуюсь случаем — ответить через Вас на письмо М[арка] В[ениаминович]а [Вишняка] относительно «С[овременных] зап[исок]». Я ему сам на днях напишу подробно, но сейчас несколько слов для скорости. 1) Я не интересовался подробно «религиозным социализмом» в Германии и не знаю его достаточно, т.ч. недоуме-

ваю, почему редакция обратилась именно ко мне с этой темой. Эта тема более подходит для Ф. Авг. [Степуна], который и больше знает в этой области и имеет все материалы под рукой². 2) Что касается Як. Иор. Маршака³, то я думаю, что правильнее опять-таки, чтобы редакция пригласила его сама, а не через посредников. Тем более что я не решаюсь сам обещать ему что-нибудь определенное или заказывать ему определенные темы. Адрес его: Kiel, Niemansweg 23. 3) Насколько я могу обозреть сотрудников, могущих *сейчас* участвовать в отделе «Теория и практика социализма», я смотрю безнадежно на то, что Вам удастся отдел этот наладить. Вы или должны будете обратиться к новым сотрудникам или продолжать издавать журнал «без социализма», даже «религиозного». Я понимаю нежелательность приглашения иностранцев, но это все же лучше, чем не давать ничего, или заполнять журнал — на том одном основании, что автор — русский — такими ненужными вещами, как «Державин» Ходасевича или прямо позорными — как «Солдаты» Шмелева⁴). В частности — написать о «рел[игиозном] социализме» лучше всего мог бы проф. Loeb⁴ в Базеле. Он сам — член этого движения и знаток его. — 4) Что касается меня, то я, конечно, с удовольствием буду давать 2 статьи в год на эти темы. Но мои темы я уже указывал в предыдущих письмах. Очевидно, они редакции не подходят. 5) Чижевский тоже жалуется, что у него нет тем для «С[овременных] з[аписок]». Я советую ему написать о Бакунине (за последнее время громадная новая литература о Б[акунине]) — это будет очень интересно. Напишите ему⁵.

Крепко жму руку. Сердечно преданный Вам

С. Гессен

*) Я очень уважаю Шмелева и считаю его «Солнце мертвых» замечательной вещью. Но «Солдаты» — это Бог знает что такое. Его же самого компрометирует.

А «Державин» Ходасевича не дает буквально ничего нового, и никакой художественной реконструкции личности поэта в ней нет.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha — Vřevnov, Družstvo “Bílá Hora”, 69».

¹ Новожилов Николай Федорович, педагог, общественный деятель; член Педагогического Бюро; в эмиграции в Праге.

² Замысел, видимо, не был осуществлен; ближайшая работа на подобную тему появилась в СЗ лишь три года спустя (см.: *Степун Ф.А.* Христианство и политика: [Ч. 1] // СЗ. 1933. № 53. С. 335–352).

³ Я.И. Маршак в СЗ не сотрудничал.

⁴ Базельский профессор с такой фамилией неизвестен. Возможно, имеется в виду Fritz Lieb (1892–1970), профессор протестантской теологии Базельского университета, специалист по православной церкви и по русской истории идей.

⁵ О Бакунине Чижевский для журнала ничего не написал, а с 1931 по 1938 г. вообще не печатался в СЗ.

29. Гессен — Вишняку Praha. 21 мая 1930 г.

21.5.1930.

Дорогой Марк Вениаминович,
я слишком по собственному опыту сочувствую Вам, как редактору, чтобы «сердиться» на такие вещи, как длительное неотвечание на письма или отложение рецен-

зий или даже статей до следующего номера. Без этого в редакционном деле не обойдешься, я это все очень хорошо понимаю, и сердиться на Вас за это было бы с моей стороны двурушничеством, ибо мне приходится каяться еще в худшем.

Не Ваше молчание, а скорее Ваше письмо на этот раз, действительно, рассердило меня или, если хотите, огорчило. А именно — Ваше замечание по поводу статьи¹ моей, что она «специальна» и потому не убеждает в правильности моей «функциональной демократии». Если бы Вы сказали о моей статье, что она — плохая, грешит ошибками или нелепостями, неудачно написана и т.д., я бы огорчился за свою неудачу, но не рассердился бы на Вас и не огорчился бы за Вас. Но это Ваше замечание меня, скажу прямо, вывело из себя. Оно показало мне, что Ваше *ощущение* социализма все еще дореволюционное, т.е. чисто отрицательное, а не конструктивное. Я был осенью в Англии, где провел два месяца в обществе англ[ийских] рабочих и деятелей рабочего движения. В *центре* их интереса стояли вопросы образования, педагогики, школьной реформы, мировоззрения*). То же — в современном немецком рабочем движении. О «пропорцион[альном] представительстве» и т.п. теперь вообще не думают в рабочей среде, а о школе и праве на образование думают *особенно* упорно. Сказать, что этот вопрос (школьной системы) — вопрос для социализма специальный, значит не только совершенно игнорировать его удельный вес в *современной литературе* о социализме, но оставаться на позициях 1905 г., когда ~~социалисты думали, что достаточно~~ внимание социалистов направлялось не на положительное его строительство, а на отрицательные средства вызывания «социальной» революции. Независимо, однако, от темы, я думал, что моя статья показывает как раз это общее значение проблемы для уяснения самого существа *понятия* социализма. Опять-таки, м.б., это *понятие мое* ошибочно. В таком случае мне особенно было бы интересно узнать Ваше суждение о ней *по существу дела*. А вместо этого Вы отмахиваетесь словом — «специальна». В отличие от Вас Чижевский сказал мне, что статья эта — лучшая из мною написанных и должна быть включена в мою книгу о социализме, ибо особенно уясняет мое понимание социализма. Так же и Гурвич писал мне, что она блестяща и он «многому научился из нее». И действительно (повторяю, м.б., это *сделано* плохо мною, и, м.б., мое понятие социализма неправильно, — против такого рода суждения Вашего я бы ничего не имел), я старался в этой статье подкрепить свой общий взгляд на социализм, как на пронизание отвлеченных правовых и государственных форм материальным содержанием общественной жизни, в чем, на мой взгляд, состоит существо и социализации собственности («инволюция собственности») и социализма — государства («деволюция государства»). В этом наполнении правовых и государственных форм материей общества я, действительно, усматриваю существо социализма, а не в «функциональной демократии» (термин, который я, кстати, нигде не употребляю и который считаю неправильным, ибо слишком частным и специальным). «Функц[иональная] демократия» — только одно из частных и *условных* средств социализма, а не существо последней. Я об этом говорю в своей рецензии на Коля².

Вы спрашиваете меня о «Совр[еменных] записках»³. Буду опять совершенно откровенен. Я считаю, что журнал переживает *тяжелый* кризис. Я вполне понимаю тяжесть положения: «С[овременные] з[аписки]» — обязаны печатать «и *меня*», а не только хорошие вещи. Но эта объективная тяжесть положения — не усу-

губляется ли она чрезмерно слабохарактерной вежливостью отдельных членов редакции, их дружеской любезностью к «именам»? Вспомните случай «смерти от вежливости», о котором повествует г. Z. в «Трех разговорах» Соловьева. Так и в данном случае: «Солдаты» Шмелева сейчас сделали литературным скандалом! «Державин» Ходасевича хорош, но ему место скорее в «Ж[урнале] М[инистерств] на р[одного] пр[осв]ещ[ения]». Менее всего представляет он художественный синтез, новый тип худож[ественной] биографии. Ростовцев — уже гораздо более «специален», чем моя статья о школе, которую я должен был похоронить в Сборнике Милокова⁴. Правда, он менее специален, чем «Атлантида» Мережковского, но только потому, что более современен. Маклаков опять очень интересен и умен, но такому журналу как «С[овременные] з[аписки]» надо ведь не только каяться и критиковать прошлое (что хорошо), но также и думать о будущем и настоящем (без чего нет жизни!). Бердяев повторяет то, что он говорит во всех своих статьях, не давая при этом никакого дополнительного подтверждения своим (во многом правильным и очень своевременным) мыслям с помощью нового анализа. Кизеветтер во многом прав в своей критике, но критика эта касается частных и не противопоставляет концепции Федотова и Степуна никакой *общей* другой концепции. Бицилли свои статьи не пишет, а пописывает, не работая над ними, от чего они по прочтении и не запоминаются. Я об этом уже Вам писал. Статья Мякотина о Масарике — добросовестна, но не больше. А статья Кусковой — торжественная отписка. Между тем как раз «С[овременные] з[аписки]» должны были бы дать о Масарике не юбилейную только статью, а критику и критическую оценку двоякого рода: Масарика *как социалиста* (его книга о марксизме, теперь никем не читаемая, заслуживает того, чтобы о ней было напомнимено), и Масарика в его отношении к России. А его книга «Россия и Европа» дает много поводов для *критического* к себе отношения. Думаю, сам Масарик был бы более удовлетворен, если бы «С[овременные] з[аписки]» дали о нем не еще одно юбилейное славословие, а критическую оценку его взглядов. Статья Степуна — интересна, но менее всего м[ожет] б[ыть] озаглавлена «Германия». Ее место в «Культура и жизнь». Она — распространенная рецензия⁵. Наконец, Ваша статья — несмотря на всю живость и убедительность свою, как обличительного памфлета, не прибавляет ничего к познанию современной России, что делает только (в очень важном, но частном пункте) статья Ст. Ивановича. Вполне удовлетворен я только «Культ[урой] и жизнь[ю]» — обе статьи этого отдела и содержательны и поучительны. Что же касается библиографии, то Вы сами («премия на [так!] краткость») объясняете случайность ее составления. Из 11 рецензий в ней нет ни одной, которая дала бы характеристику современного *общественного* момента. Литература в ней не только преобладает (что было бы нормально), но поглощает все другое.

Для полноты прибавлю еще: Осоргин трогателен и приятен, стихи все хороши, хотя из Гол[енищева]-Кутузова я в рукописи читал лучшие, чем помещенные. Гвоздь литературного отдела — Сиринов! Но не лучше ли еще было бы для «С[овременных] з[аписок]», если бы они открыли и лансировали Сирина, чем печатать его уже тогда, когда он стал большим художником и получил общее признание?! Вообще по части привлечения *новых* сил, открытия талантов (не только в области литературы), *расширения базы* «С[овременные] з[аписки]» страдают чрезмерной осторожностью. А это прямая *обязанность* редакции.

Между тем в последнем № «С[овременных] з[аписок]» опять-таки *нету* главного: 1) ни одной статьи о современном положении социального движения в *Европе* (или Америке или, наконец, Индии!), ни одной статьи о социализме и его проблемах, 2) только одна статья о современной России и 3) ни одной статьи о *будущем* России. А этот последний вопрос особенно настоятелен. Сроки близятся, и «С[овременные] з[аписки]» *обязаны* возбудить обсуждение будущего: *что делать*, когда падет большевизм? Такие статьи, как «Настоящее и будущее русского земледелия», «Настоящее и будущее русской промышленности», «Н[астоящее] и буд[ущее] русского суда», «Н[астоящее] и б[удущее] федеративного строя в России», «Настоящее и будущее русской школы» *должны появиться* в ближайших книжках «Совр[еменных] записок», если журнал хочет стать *настоящим журналом*, а не сборником имен. И тут нечего бояться «специальности» тем! Уж во всяком случае темы эти жизненнее «Атлантиды», «Джераша»⁶ и даже «Державина». Недавно я в группе «Крест[ьянской] России» в Праге читал доклад о настоящем и будущем русской школы⁷, и спросите Авксентьева, который был на нем, какой интерес и оживленные прения о будущем *лике* России вызвал этот доклад.

Что касается моей статьи о Соловьеве и Достоевском, то я не в претензии, что Вы ее откладываете на 44 и даже 45 кн. Я только жалею, что Вы обосновываете это опять-таки доводами не по существу. Не забывайте, что в августе 30-летие со дня смерти Соловьева, а кроме того я думаю, что и *по содержанию* статья моя современнее статей Мережковского и Шестова. Вопрос о влиянии Достоевского на Соловьева стоит в центре современного исследования о Д[остоевском] (которое завлекло гораздо больше народу, чем Вы думаете, и *здесь и в России* — сколько книг выходит *там* о Достоевском!), а показать, что центральная проблема Соловьева была проблема *автономии* Добра, сейчас тоже, думаю, весьма своевременно.

Не сердитесь на меня за это мое сердитое письмо. Я бы его не писал, если бы оно выражало только *мое личное* мнение. Поверьте — очень многие из моих друзей и знакомых все более и более недоумевают о направлении (т.е. отсутствии направления), принятом за последнее время «С[овременными] записками». И уже менее всего примите мое письмо за обиду на то, что «С[овременные] з[аписки]» откладывают печатание *моих* статей. В связи с моим избранием здесь в Нем[ецкий] Университет (вернее, в Слав[янский] Институт при Немецком Ун[иверситете]) и работой над своими немецкими книгами, я имею так мало времени, что даже рад, что Вы меня откладываете и не требуете от меня новых статей. Я до сих пор все откладываю даже подготовку к печати для отдельного издания своего «Социализма», хотя уже скоро год тому назад И. Ис. [Фондаминский] мне обещал его напечатать!

Dixi et animam levavi!⁸ Крепко жму Вашу руку и шлю привет всей редакции. Письмо это в Вашем лице я писал для всех. Сердечно Ваш

С. Гессен

Нина Лаз[аревна] шлет Вам сердечный привет.

*) Моя лекция на эту тему (австр[ийская] реформа)⁹ вызвала интерес и дискуссию в публике более оживленную, чем даже лекция о России и об эволюции социализма на Западе.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha – Břevnov, Družstvo “Bílá Hora”, 69».

¹ О какой статье Гессена идет речь, неясно.

² В рецензии Гессен писал: «Цель социализма есть не установление однообразия, а регулирование многообразия экономической предприимчивости на новых началах, предназначенных отвечать социальным нуждам двадцатого века» (СЗ. 1930. № 43. С. 530).

³ Далее Гессен разбирает № 42 СЗ, перечисляя почти все опубликованные в нем материалы.

⁴ *Гессен С.И.* Кризис демократии и новейшая эволюция школьных систем // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову 1859–1929. Прага, 1929. С. 57–86.

⁵ Статья Степуна «Германия» (СЗ. 1930. № 42. С. 413–427) представляла собой обзор немецкой литературы о войне (Эрих Мария Ремарк, Эрнст Юнгер, Людвиг Ренн и др.).

⁶ «Джераш (Гераса)», так называлась третья часть работы М.И. Ростовцева «О Ближнем Востоке: Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии» (СЗ. 1930. № 42. С. 292–308).

⁷ 5 апреля 1930 г. на собрании Пражской группы партии «Крестьянская Россия» С.И. Гессен выступил с докладом «Настоящее и будущее русской школьной системы» (Хроника. Чехословакия. Т. 2. С. 28).

⁸ Сказал и облегчил душу! (лат.).

⁹ В справочнике (Хроника. Чехословакия) такой лекции С.И. Гессена не зафиксировано.

30. Вишняк — Гессену

Paris. 27 мая 1930 г.

Париж, 27-ое мая 1930 г.

Дорогой Сергей Иосифович!

Хотя Ваше письмо от 21-го с[его] м[есяца] и не «вывело меня из себя», как, по Вашим словам, мое — Вас, тем не менее я позволю себе ответить на него в личном и частном порядке несколько свободнее, чем то допускают, хотя и дружеские, но все же «официальные» отношения редактора (и секретаря Редакции) с заслуженным и ценным сотрудником. (Внешним свидетельством «частного» характера письма служит то, что оно пишется не на редакционном бланке!)

Существо наших разногласий и ряда недоразумений сводится к тому, что мы по разному расцениваем те положительные итоги, к которым Вы пришли в своем ценном, но совсем, по-моему, в другом отношении, «Правовом социализме». Я считаю, что «функциональная демократия»*) — рукоделье от безделья или выдумка за необходимостью что-нибудь придумать новое «в грозе и буре» послевоенного разочарования. Эту австрийско-гильдейскую выдумку легко и быстро усвоили и «сделали своей» все российские Даны и Черновы, любители новых слов («Конструктивный» социализм!) и «созвучности» эпохе. Не без сильного влияния Георгия Давидовича [Гурвича], — успевшего, правда, уже разочароваться и отойти от «гильдеизма», — Вы занялись транспонированием выдумки Бауэра, Коля и др. на язык гегелевской философии. Это был труд очень почтенный, философски-методологически интересный, — но общественно-политически, особенно в отношении к строительству демократии и социализма в России, для нас с Вами как будто бы более всего близкому, — на мой лично взгляд, мало целесообразный и нужный. (Замечу еще в скобках, что даже соблазненный Вас Гурвич признает, что для России все эти финессы¹ демократически-социалистического творчества на

долгие годы обречены быть, по мнению Г.Д. [Гурвича], венцом политического творчества и мудрости за недостаточной экономической и всяческой иной дифференциацией русского народа.)

Отсюда же, от недооценки значения перевода схемы Бауэра-Коля и т.д. на язык Гегеля, и недооценка — или разная оценка — Ваших работ, в которых Вы не упускаете никогда случая, пишете ли Вы в сборнике Милюкова о школе или у нас рецензию, сослаться и рекомендовать Ваш основоположный труд о Правовом социализме. Я мог бы без особого труда на место Вашей «инволюции собственности» и «деволюции государства» поставить, наоборот, — «деволюцию собственности» и «инволюцию государства». И если бы моя операция удалась, а я в этом не сомневаюсь, — я все же не высоко расценил бы ее. Ибо не в таких словесных операциях, в своего рода «Бегрифссоциализмус»-е², вижу очередную задачу социалистов, размышляющих о сути вещей и социализма в том числе. И вообще, как я неоднократно и в печати утверждал, — я совсем по-иному смотрю на социализм, нежели те, кто хочет слить его непременно с «миросозерцанием» или подставить его на место последнего. Чрезмерно возвышая социализм, вознося его на ступень идеалистической и неосуществимой утопии, его губят. «Обмирщая» же социализм, его *освобождают* от ирреально-утопических элементов, — отнюдь не утверждая тем самым «позитивизм», практицизм, прагматизм, реализм, оппортунизм, материализм и прочие чудища обла.

Я отнюдь не думаю, что все дореволюционное (или довоенное) творчество социализма осуждено на небытие, а будущее суждено только тому, что «созвучно» повоеванной и пореволюционной эпохе. А ссылка на то, о чем думают сейчас немецкие и английские рабочие, нам не указ еще и потому, что еще очень много времени и предварительной работы придется затратить до того, как наши рабочие — и тем более крестьяне — станут ~~после большевиков~~ думать «по-немецки» или «по-английски». Я вообще гораздо более пессимистично гляжу на ближайшее и более отдаленное будущее России, чем, по всем видимостям, Вы. Я почувствовал Вашу «шпильку» на счет «пропорционального представительства». Но я ведь и не настаиваю на том, что о нем сейчас кто-нибудь думает «в рабочей среде». (Я еще с 17 года привык к ссылке на «рабочие кварталы». А, с другой стороны, я отлично знаю, чего стоят все новые «лозунги» не по существу дела, а только для того, чтобы не повторять «заезженных» и непопулярных. Вот после Дана и Керенский, и Милюков соблазнились лозунгом Кронштадта и левых эсеров — «Свободные Советы». Мне приходилось очень резко спорить и с тем, и с другим, доказывать, что они только себя компрометируют, подрывают веру в серьезность того, что говорят, когда с юношеской решительностью хватаются за всякие внутриворечивые требования. Я предлагал удовольствоваться лозунгами «дойлой» — долой диктатура, ВКП, пятилетка и т.д., а в качестве положительного лозунга: да здравствует свобода! — вообще и в частности: печати, союзов и т.д. Не прошло и трех месяцев, как Милюков уже отказался от «свободных советов», Лебедев защищает «свободу торговли», Интернационал говорит о свободах, бывшие члены ВКП говорят об Учредительном Собрании и четырехдневке, и только Беседовский упорствует — свободные советы для того, чтобы чрез них притти к Учред[ительному] Собранию. — Я привожу этот пример для иллюстрации своей мысли,

что не всегда чрезмерная чуткость к зовам времени и веяниям нового духа является признаком большей зрелости. Иногда она приводит только к конфузу.)

Теперь о «С[овременных] з[аписках]». — Со многим из того, что Вы говорите, я совершенно согласен. Но во многом Вы пристрастны и неправы. — Я согласен с тем, что Редакция слишком считается с «именами». Мережковский и Шестов явно не способны уже дать ничего, кроме повторения пройденного и читателям «С[овременных] з[аписок]» уже известного. Но, например, относительно «Державина» Вы *единственный*, считающий, что общий журнал не должен был его печатать. Не только рецензенты в газетах, но и в частных письмах и отзывах все в один голос подчеркивают, что это «жемчужина», что, наконец, Ходасевич нашел самого себя, что это украшение «С[овременных] з[аписок]» и т.д. (Оболенский, Вырубов, Савельев в «Руле»³ и т.д.). Ведь с Вашей точки зрения и «Правовой социализм» — как специальную монографию в 10–12 печатных листов, — мы не должны были печатать (нам на это не раз и указывали не-юристы и не-общественники!). Ваш Соловьев и Достоевский, с этой точки зрения, тоже является настолько специальным, что, напечатав раз Вашу статью о Достоевском, генезис идей и влияний следовало бы предоставить выяснять в специальном издании. То же и с Вашей «эволюцией школьных систем», самой судьбой предназначенной для специального издания — «Русской школы за рубежом». Наша слабость — техническая и редакционная, — что мы вынуждены по условиям беженского жития печатать все и вся, что представляет, на наш взгляд, культурно-политическую ценность и что вне «С[овременных] з[аписок]» вообще не было бы напечатано. Ну, в каком «Журнале министерства народного просвещения», к которому Вы отсылаете «Державина», был бы он напечатан?.. Надо иметь мужество сказать, что «Державин» мог бы и не быть напечатанным!.. Так ли?

Вы как редактор, слышавший, вероятно, немало обвинений по адресу своей «Школы за рубежом» — и за скучный материал, и за случайный его характер, и за привлечение — и непривлечение — «имен» и т.д., — по собственному трудному опыту знаете, как болезненно обидчивы сотрудники журнала. Попробуйте кому-нибудь сказать, что эта вещь специальна, длинна или неудачна, — Вы должны заранее знать, что Вы теряете сотрудника вовсе. И Шмелев здесь не лучше и не хуже почти всех других (Ваша реакция на мое замечание о Вашей статье о школе, как статье «специальной», — лучше всего поясняет мою мысль!).

Большинство сотрудников не склонно считаться с тем, что «С[овременные] з[аписки]» не могут печатать *всю* их «продукцию», — отклонение части вызывает опасность общего «кризиса». Не «церемониться» можно только с самим собой, и у меня, например, есть ряд работ (о меньшинствах и об источниках правообразования), которые я даже и не предлагал «С[овременным] з[апискам]», считая их специальными, хотя, на мой взгляд, и ценными. — Но как раз к Вам это не относится и не относится особенно к Вашей статье о школе, которую Вы по собственной инициативе похоронили в сборнике в честь Милюкова. Мы у Вас не один раз настойчиво спрашивали и просили дать нам что-либо на общественно-социалистические темы, а Вы даже не сообщили о том, что у Вас имеется статья, появившаяся позднее в сборнике имени Милюкова. В чем же наш криминал? В том, что мы далеко не всегда получаем от сотрудников то, что нужно и неотложно для журнала, а печатаем то, что представляет интерес для специальных интересов

каждого из сотрудников?! Да! В этом я считаю редакцию повинной. Но вправе ли сотрудники обвинять за это редакцию? Ведь каждый из них – Вы не первый и далеко, увы, не единственный, который ~~корит редакцию~~ претензии к редакции не за то, что печатают *его* специальные вещи, а за то, что недостаточно много – или быстро – их печатают. – Если Вы постараетесь быть объективным, – Вы сами не рискнете утверждать другое. – Письмо Ваше В[адиму] В[икторовичу] [Рудневу] я показал. Сейчас посылаю его в Грасс Илье Исидоровичу [Фондаминскому].

С не меньшей чем прежде сердечностью преданный Вам

М. Вишняк

*) Вопреки Вашему категорическому заявлению в письме, Вы это выражение употребляете. – См. стр. 79 Вашей статьи в сборнике имени Милокова⁴.

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41).

¹ От нем. *Finessen* – тонкости.

² От нем. *Begriffssozialismus* – понятийный социализм.

³ См.: *Савельев А. [Шерман С.Г.] «Современные записки», книга 42 // Рувль. 1930. 21 мая. № 2882. С. 2.*

⁴ Гессен действительно употреблял это определение, причем совсем не в ироническом смысле: «“Дифференцирующий отбор” содействует преодолению демократией ее кризиса не только тем, что, ставя “настоящего человека на настоящее место”, он препятствует угрожающему росту “некомпетентности конституционных органов демократического государства”, но также и тем, что он указывает современной демократии путь ее собственного преобразования в направлении “функциональной демократии”. Ибо эта последняя есть также ведь не что иное, как дифференцирование традиционных органов власти соответственно основным функциям современного общества и приспособление их к этим функциям» (*Гессен С.И. Кризис демократии и новейшая эволюция школьных систем // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милокову 1859–1929. Прага, 1929. С. 79*).

31. Гессен – Вишняку *Praha. 21 августа 1930 г.*

21.8.1930.

Дорогой Марк Вениаминович,

не писал Вам так долго, ибо закабалился, и монотонность моего качания между главами и статьями совершенно лишает меня чувства времени, бегущего от этого – увы! – еще более стремительно. Нина Лазаревна удивила меня высказанным ей Вами предположением, будто я на Вас обиделся. Во-первых, мы с Вами в таких дружеских отношениях, что никакой взаимный отзыв не может послужить обидой. А во-вторых, если бы я на Вас действительно обиделся, то тогда уже я это прямо написал бы Вам. Не отвечал же я Вам на письмо Ваше, ибо и отвечать было нечего: на мое огорчение по поводу наименования моей статьи «специальной» Вы ответили мне критикой моего «Социализма», откровенность которой я тем более ценю, что во многом считаю ее правильной. За исключением, впрочем, одного пункта: я сам всегда считал (и нигде не высказывал противного), что мой «Социализм» для России дело весьма отдаленного будущего, и что он есть естественный результат прогрессирующего развития демократии, которая для России есть ближайшая задача дня. Отсюда, однако, не следует ни то, что демократия, хотя бы и

для России, должна пониматься ныне в терминах довоенного времени, ни то, что социализм для России, а тем более социалистический идеал вообще, должен быть продуман заново, так, чтобы его раз навсегда можно было отграничить от коммунизма, что я и постарался сделать, хотя и сознаю — далеко не совершенно. Так что разногласие наше в этом пункте, думаю, не так серьезно, как это Вам кажется.

Возвращаясь к «Совр[еменным] зап[искам]», я должен сказать, что последний № меня обрадовал¹. Он несравненно лучше предыдущих. Не говорю уже о беллетристическом отделе, который на этот раз превосходит (Сирин, Берберова, милый Осоргин, Алданов прискучивает, но интересен). Превосходна статья Федотова, статья по существу выражает не более, как общее место довольно широкого (демократического) сектора русской общественности. Хороши статья Кроля и Ваша, на этот раз очень сильно и удачно производящая необходимую «чистку». Превосходны статьи Г[оленищева]-Кутузова и Чижевского, Лосский, как ни бесхитростен опять, все же показывает Масарика с новой, мало известной стороны. Мережковский и Шестов — ну эти уже дань, которую «Совр[еменные] зап[иски]» принуждены выплачивать маститости. На этот раз дань невелика. Все же одного недостает: специальных статей о будущем России. Статья Федотова дала общую раму, теперь надлежит ее заполнять по частям. На это настояние мое Вы как раз ничего мне не ответили.

Нина Лаз[аревна] мне передала, что Вы ждете от меня статей социально-философского содержания, а не чисто философского и тем более о Достоевском. Я вполне понимаю Вас и ничего не имею возразить против этого (редакторски совершенно справедливого) пожелания Вашего, тем более что Вы обрадовали меня извещением о помещении моего Соловьева в 45–46 книгах. Но войдите и в мое положение: я ведь не могу дать более того, что имею. А имею я пока (в смысле тем) следующее²:

1. *Коммунистический образовательный идеал и его судьба.* Эта статья у меня готова (по-немецки). В ней 20 стр. «Культуры и жизни», куда бы она очень подошла. Тема ее — развитие коммунизма (в его образовательном аспекте) от анархизма до милитаризма. Развитие очень поучительное и бросает яркий свет на эволюцию коммунизма вообще. Эпиграф статьи: исходя из безграничной свободы, я прихожу к безграничному рабству. Самой школы я в статье не касаюсь и ограничиваюсь только эволюцией идеала, эволюцией, уже сейчас составляющей как бы замкнутый круг. Эту статью я мог бы Вам выслать через 10 дней после получения от Вас утвердительного ответа. Статья, на мой взгляд, мне удалась.

2. *Настоящее и будущее русской школы.* Эту статью я мыслю как одну в серии статей о будущей России. Здесь — характеристика не идеала, а практических достижений в Сов[етской] России: положение обязат[ельного] обучения, *национальной школы*, строения школьной системы (социолог[ический] анализ), итогов «классового отбора», партпросвещения и проблема будущего русской школы. Эту статью я мог бы дать Вам к 15 ноября. Размер: 25 стр.

Доклад мой на эту тему слышал Авксентьев — спросите его: он был прочитан мною в «общей», а не спец[иальной] аудитории и вызвал *общие* прения.

3. *Государство и школа во Франции и Англии.* Социолого-исторический анализ столетнего развития взаимоотношений между государством и школой в двух типах современной демократии (централистической и децентралистической).

Статью могу написать к 15 дек[абря] (на эту тему я читаю в начале апреля доклад в Висбадене на Пед[агогическом] Конгрессе Немецком).

4. *Судьба евразийства*. Очень хочется вернуться мне к этой теме, но не лучше ли подождать нового сборника «Евраз[ийского] временника», который, по словам Савицкого, должен выйти (с новыми авторами!) в середине осени*)? Я бы дал *общую статью* в «Культ[уру] и жизнь».

Вот и все, что я пока могу предложить Вам социально-философского. (Ибо все эти статьи все же соц[иально]-*философские*.) *Очень* Ужасно хочется мне подкинуть Вам еще, в качестве принудительного ассортимента, мою новую статью «Трагедия зла в “Бесах”»³ (опыт философского истолкования образа Ставрогина — pendant к статье «Трагедия Добра...», статья — в нем[ецком] тексте⁴ — сейчас у Степуна, по-русски поместить ее мне негде), — но молчу, молчу... Понимаю, что нельзя искушать долготерпения, даже дружеского.

Засим: с удовольствием бы написал рецензию на новую книгу Гинса («Государство будущего» или что-то в этом роде)⁵. Но у меня книги нет. Если пришлете, напишу.

Вот что я сам пока могу предложить Вам. Но с удовольствием выслушаю и Ваши пожелания в виде конкретных тем. Имейте в виду, что хотя «Русская школа» будет выходить (мне удалось получить опять деньги), все же мои статьи № 1 и № 2 (да даже и № 3) в ней не смогут пойти, ибо они слишком *общие* для педаг[огического] журнала. — Кстати: статью «Кризис демократии» я Вам не предлагал, но я и не обвинял Вас в том, что Вы ее отвергли, а только в том, что Вы так *запугали* меня, что я, будучи человеком деликатным, *не решился* ее Вам предложить!

Еще о «Совр[еменных] зап[исках]». Чижевский, видевший совсем недавно Маршака (он теперь в Heidelberg'e живет), сообщил мне, что М[аршак] *очень не прочь* бы сейчас писать в «Совр[еменных] зап[исках]». Куйте железо, пока горячо! Напишите ему настойчивое приглашение и запросите, что он мог бы сам предложить Вам, и отберите наиболее подходящее!

В заключение — благодарность за деньги (очень выручили! Расписку прилагаю) и просьба. *Очень и очень* прошу Вас заказать у Коварского в *самом спешном* порядке для меня *две книги*:

1. *Albaret*. L'Enseignement public et privé en France. Paris. 1927.
2. *Bourgeois*. La liberté d'enseignement en France. 1902. Paris.

Обе книги (в особенности *первая*) мне *очень* нужны для моего Висбаденского доклада. Здесь в библиотеках их нет. Стоят они обе не более 50 франков. Пусть Коварский приложит счет (с стоимостью пересылки), я его *немедленно* оплачу, или переложит долг на мой счет у Вас — как Вам и ему удобнее. Главное — срочность (мне доклад надо иметь готовым уже к 9 *сент[ября]*, ибо я, *м.б.*, поеду в Софию на V Русск[ий] Акад[емический] Съезд⁶ — еще не знаю, зависит от многих неясных еще обстоятельств)**). *Очень* обяжете исполнением этой просьбы.

Расписка

Пятьсот (500) франков в счет гонорара за мои статьи от редакции «Совр[еменных] записок» получил.

Прага, 1 августа 1930.

С. Гессен

Крепко жму руку и шлю привет всей редакции. Вад. Вик[торович]у [Рудневу] передайте особый привет и сообщите о «Русск[ой] школе».

Сердечно приветствую Вас

С. Гессен

P.S. Одно только меня огорчило в последнем № «С[овременных] з[аписок]». Чего вдруг Вы поместили отчет о Seminar[ium] Kondakovianum — и то после редакторской части? А какую превосходную статью можно было бы написать о «кондаковцах» в «Культура и жизнь»! И не можно, а должно было!!

Корректуру моей статьи о Д[остоевском] и С[оловьеве], пожалуйста, *непременно* пришлите. Вышлю ее на следующий же день по получении!!

Как превосходно ведутся сейчас «Дни»! Каждый № и чрезвычайно интересен по своему материалу и четок и ярко публицистически. Если увидите А.Ф. [Керенского], передайте ему мою благодарность как читателя.

*) А также книги Алексеева, кот[орая] выйдет тоже осенью (о Государстве)⁸.

***) Очень хочется получить болгарский орден. Сербского ведь не получил, как Вад. Викт. [Руднев] и Вы⁹. Вот и завидно. А нового случая уже не будет!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha – Břevnov, Družstvo "Bílá Hora", 69».

¹ Гессен имеет в виду № 43 СЗ и ниже упоминает опубликованные в нем материалы: рассказ В.В. Набокова «Пильграм» (С. 191–207. Подп.: В. Сирин), главы из романа Н.Н. Берберовой «Последние и первые» (С. 145–190), окончание «Повести о сестре» М.А. Осоргина (С. 77–144), начало романа М.А. Алданова «Бегство» (С. 5–76), статьи Г.П. Федотова «Проблемы будущей России» (С. 406–437), М.А. Кроля «Генеральная линия» (С. 438–462), М.В. Вишняка «Зарубежные искания» (С. 387–405), И.Н. Голенищева-Кутузова «Лирика Вячеслава Иванова» (С. 463–471), Д.И. Чижевского «Кризис советской философии» (С. 471–488. Подп.: П. Прокофьев), Н.О. Лосского «Этические и религиозные учения Т.Г. Масарика» (С. 376–386), Д.С. Мережковского «Отчего погибла Атлантида?» (С. 213–246), Л. Шестова «О втором измерении мышления: (Exercitia spiritalia)» (С. 311–352).

² Предложенные Гессеном ниже темы сильно трансформировались в процессе написания, в СЗ в результате были опубликованы его статьи «Мировоззрение и идеология» (СЗ. 1935. № 57. С. 316–329) и «Школа в России и революция» (СЗ. 1935. № 59. С. 445–458).

³ Статья появилась в другом издании: *Гессен С.И.* Трагедия зла (Философский образ Ставрогина) // Путь. 1932. № 36. С. 44–74.

⁴ См.: *Hessen S.* Stavrogin als philosophische Gestalt. Die Idee des Bösen in den «Dämonen» Dostojevskijs // Dostojevskij-Studien / Hrsg. D. Čyževskýj. Reichenberg, 1931. S. 51–68; см. также: *Hessen S.* Das Porträt Stavrogins // Slavische Rundschau. 1931. Bd. 3. S. 233–237.

⁵ Речь о книге юриста и политика Георгия Константиновича Гинса (1887–1971) «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму» (Харбин, 1930). В СЗ она не рецензировалась.

⁶ Имеется в виду 5-й съезд русских академических организаций за границей (София, 14–21 сент. 1930 г.). См.: Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей (София, 1932).

⁷ Неподписанная заметка «Семинарий имени Н.П. Кондакова в Праге» была напечатана в СЗ на самых последних, нумерованных страницах (С. [535–539]), между списком присланных в редакцию книг и рекламой.

⁸ См.: *Алексеев Н.Н.* Теория государства. Париж, 1931.

⁹ М.В. Вишняк и В.В. Руднев вместе с рядом других эмигрантских деятелей приняли участие в первом зарубежном съезде русских писателей и журналистов (Белград, 25 сент. – 10 окт. 1928 г.) и указом короля Александра были награждены орденами св. Саввы.

32. Гессен — Вишняку
Praha. 10 февраля 1931 г.

10.2.1931.

Дорогой Марк Вениаминович,
вчера получил отписки своей статьи и рецензии¹. Большое спасибо. К сожалению, до сих пор я все еще не получил самой книжки журнала и потому не могу приготовить Вам свой обычный на нее отзыв. Боюсь, что случилось какое-либо недоразумение, и мне она не была выслана. Проверьте, пожалуйста.

Сердечный привет

Ваш С. Гессен

На вечере памяти Достоевского А. Бем прочел здесь доклад «Дост[оевский] как читатель»². Доклад этот имел большой успех, и я сам нахожу его превосходным. Б[ем] дал в нем синтез всех своих предыдущих работ и при том в чрезвычайно удачной и краткой форме. Пишу Вам об этом, потому что Бем собирается послать Вам эту свою статью для «С[овременных] з[аписок]»³. Если Вы разрешите мне высказать свое мнение, я всецело стою за помещение его статьи в ближ[айшем] же №. Статья эта — приобретение для журнала.

Сейчас № получил. Спасибо!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur]r M. Vichniac, Redaction “Annales Contemporaines”, Paris XVI, 106 rue de la Tour, France»; адрес отправителя: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha — Břevnov, Družstvo “Bílá Hora” 872»; почт. шт.: «Praha, 11.П.31».

¹ В № 35 СЗ были опубликованы первые главы статьи Гессена «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева» (С. 271—305), а также его рецензия (С. 531—533) на книгу: Russian schools and universities in the world war. New Haven: Yale University Press, 1929.

² 7 февраля 1931 г. на Семинарии по изучению Достоевского (Русский народный ун-т в Праге) были заслушаны доклады А.Л. Бема «Достоевский — гениальный читатель» и С.Л. Франка «Достоевский и кризис гуманизма» (Хроника. Чехословакия. Т. 2. С. 47).

³ См. об этом в переписке А.Л. Бема с редакцией СЗ в т. 2 наст. изд.

33. Гессен — Вишняку
Praha. 11 марта 1931 г.

11.3.1931.

Дорогой Марк Вениаминович,
сейчас только несколько строк по поводу высылаемой Вам мною книги. Эта книга (Святицкого¹) большая редкость. Тукалевский из «Сл[авянской] библ[иотеки]»² отказался выдать мне ее на дом, и я ее разыскал в «Архиве», где мне выдали ее на одну неделю (!) и под строжайшей моей ответственностью. Все же я посылаю ее Вам, убедительно прося Вас не задерживать ее, хорошо запаковать (с одной книжкой, посланной И. Ис. [Фондаминским], вышла у меня неприятность, она вернулась с попорченным переплетом) и *заказным* выслать на мой адрес. По возвращении этой книги вышлю Вам Буревого³ (тоже из «Архива», в «Сл[авянской] библ[иотеке]» ее нет).

Последний № «С[овременных] з[аписок]» *очень* хорош⁴. Прямо выдается подборка статей, а также беллетристика очень интересна. Но об этом подробнее в другой раз — сейчас спешу на почту, чтобы не задерживать отсылки книги.

Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; адрес получателя: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha — Břevnov, Družstvo “Bílá Hora” 872»; адрес отправителя: «M[onsieur]г M. Vichniac, Paris (XVIe), 11, rue Claude Lorraine 11, France»; почт. шт.: «Praha, [нрзб]».

¹ Святицкий Николай Владимирович (1886—1937, Кустанай; расстрелян), левый эсер; первый историк Учредительного собрания. Скорее всего, речь идет об одной из его книг, посвященных этой теме: «Для чего созывается Учредительное собрание?» (Пг., 1917); «Избирательный закон в Учредительное собрание в популярном изложении» (Пг.: Рев. мысль, 1917); «Кого русский народ избрал своими представителями?» ([М., 1918]); «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание» (М.: Земля и Воля, 1918); «К истории Всероссийского Учредительного собрания» ([М.:] Народ, [1921]).

² О В.Н. Тукалевском и «Славянской библиотеке» см.: наст. изд. Т. 2. С. 216.

³ Буревоу Клим (наст. имя: Константин Степанович Сопляков; 1888—1934, расстрелян), член ЦК партии эсеров, член Учредительного собрания. Опубликовал в конце 1910-х — начале 1920-х гг. книги, посвященные периоду Гражданской войны: «Колчаковщина» (М.: Гос. изд., 1919); «Распад: [Сб. ст.]: 1918—1922» ([М.:] Новая Москва, 1923).

⁴ Имеется в виду 45-я книга СЗ, вышедшая в конце января 1931 г.

34. Гессен — Вишняку

Praha. 10 мая 1931 г.

10.5.1931.

Дорогой Марк Вениаминович, я очень виноват перед Вами, что не поблагодарил Вас своевременно за присылку книги *Israël*¹ и Вашей собственной². Большое Вам спасибо как за то, так и за другое. К чтению Вашей книги я приступлю на днях — до сих пор чудовищно был занят рядом самых срочных работ, с которыми очень запоздал.

У меня к Вам еще просьба. Если мой авансный счет допускает это, то не откажите выслать мне хоть некую толику денег из «Совр[еменных] зап[исок]». Я прямо *погибаю* от безденежья. Мой Институт уже функционирует, но жалование (в этом году еще только половинное) я получу только в июле (хотя и за срок с начала этого года). Тогда мои дела несколько поправятся, а до этого надо продержаться. В крайнем случае, если до октября не сдам Вам к[акой]-л[ибо] новой рукописи, клянусь в октябре вернуть Вам аванс. Размер аванса — хотя бы 500 фр. или даже только 500 кр.

В ближайшем №, значит, иссякает весь мой имеющийся у Вас запас³. Я бы с удовольствием написал Вам о Гинсе (но у меня книги нет: «Государство будущего», Харбин), о «Тридцатых годах»⁴ (новый евразийский сборник, когда он выйдет) или о реформе франц[узской] школы (это — ведь центр[альный] вопрос сейчас радика[льно]-соц[иалистической] политики во Франции). Наконец, прошу оставить за мною книги Гурвича, когда они выйдут⁵. Написать мог бы также о польской

книге о солидаризме известного польского социолога *Caro*⁶. Вот пока все, что могу предложить Вам, если Вы не задумаете для меня темы. Есть у меня хорошая статья (готовая) о Н. Ставрогине, но... молчу, молчу.

Сердечный привет

Ваш С. Гессен

Еще: о книге Вернадского «*Lenin the red dictator*»⁷ в связи со статьей Степуна о Ленине⁸.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). На бумаге с адресом: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha – Břevnov, Družstvo “Bílá Hora”, 69».

¹ Не удалось установить.

² См.: *Вишняк М.* Два пути (Февраль и Октябрь). Париж: Совр. записки, 1931.

³ Перечисленные ниже планы не были воплощены Гессеном на страницах СЗ.

⁴ Упомянутый сборник статей евразийцев вскоре вышел: Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931.

⁵ В № 47 СЗ за 1931 г. рецензию на книгу Гурвича опубликовал Н.О. Лосский: *Gurwitch G.D.* Les tendances actuelles de la philosophie allemande. Paris: Vrin, 1930 (С. 508–510).

⁶ См.: *Caro L.* Solidaryzm, jego zasady, dzieje i zastosowania. Lwów: Sztuka, 1931. Царо Леопольд (Leopold Caro; 1864–1939), польский юрист, экономист, социолог, публицист.

⁷ См.: *Vernadsky G.* Lenin: Red Dictator. New Haven: Yale University Press, 1931.

⁸ О какой именно статье идет речь, неясно.

35. Гессен — Вишняку

Praha. 19 февраля 1932 г.

19.2.1932.

Дорогой Марк Вениаминович,

статью о Гурвиче, под заглавием «Социальное право»¹, я уже написал. Сейчас статья переписывается и в начале буд[ущей] недели будет Вам послана. Статья мне, кажется, удалась, и Вы, я знаю, по существу будете ею довольны. Но все же это вышла статья, а не статейка: в ней по моим расчетам 14 стр. петита. Я предназначил ее для «К[ультуры] и ж[изни]». Если Вы сочтете желательным и возможным, то предоставляю Вам право сократить статью, что технически вполне возможно. Надеюсь, однако, что Вы этого не сделаете. Я писал ее, имея в виду не специалиста, а рядового читателя и остановился только на соц[иально]-политической стороне дела. Одновременно я Г[урвич]у посылаю 20 печ[атных] страниц *своей детальной критики* его труда: увы! не для печати. Меня очень будет интересовать Ваше мнение об этой критике, возьмите у него ее на неск[олько] дней. Но потом пришлите ее мне, т.к. я все же надеюсь ее использовать по-немецки². Г[урвич]у пишу на днях.

Что писать мне для след[ующего] №-а «С[овременных] з[аписок]»? Что Вы сами мне предлагаете? Б.м., о евразийцах, их новой программе и изданиях?

Крепко жму руку.

Ваш С. Гессен

У меня есть тема: о вырождении меньшинственной национальной автономии в Прибалтике³. Я мог бы написать об этом статью для «К[ультура] и жизнь». Здесь много и теорет[ических] вопросов, очень интересных.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 41). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieu]r M. Vichniac, Paris XVI, 11 rue Claude Lorraine 122 boulevard Murat, France»; почт. шт.: «Praha, 20.II.32». Помета рукой Вишняка: «Pension Mont-Blanc (Nice), 3 rue François Aine».

¹ В опубликованном варианте статья называлась немного по-другому: *Гессен С.И.* Идея социального права // СЗ. 1932. № 49. С. 421–435.

² Подобная работа не выявлена.

³ Об этом Гессен в СЗ не написал.

36. Гессен — редакции «Современных записок»¹ *Praha. 27 ноября 1932 г.*

27 ноября 1932.

Дорогая редакция,
обращаюсь к Вам с приветом *в двойном качестве читателя и сотрудника*². Как Ваш постоянный сотрудник, я обязан был всегда Вам особой повинностью — критикой каждого выходящего номера — и по мере сил своих старался эту тяжкую повинность выполнять. Позвольте же мне сегодня — в день нашего общего праздника — перестать быть критиком и высказать Вам свою *благодарность за то высокое наслаждение, которое доставляла мне, как читателю, каждая новая книжка «Совр[еменных] записок»*. Думаю, что этот *духовный подъем* проистекал от того, что я, как и все другие Ваши читатели, чувствовал себя приобщенным к потоку духовной жизни, русской духовной жизни, который Вам удалось уловить на своих страницах и дать ему многостороннее выражение. Каждая новая книжка «Совр[еменных] зап[исок]» свидетельствовала о том, что русская культурная традиция продолжает жить хотя бы и за рубежом России, именно жить, а не просто храниться законсервированной.

Тем более чувствовал я эту свою приобщенность к потоку живой русской традиции как Ваш *сотрудник*. Я горжусь тем, что мои работы, в которых я пытался выразить наиболее дорогие мне мысли, были опубликованы на страницах Вашего журнала, и *бесконечно благодарен Вам за то, что Вы не только дали мне к тому возможность, но своим ободрением, советами, авансами и прочими средствами редакторского воздействия побудили меня завершить работы, которые без Вашего редакторского кнута мне, вероятно, никогда не удалось бы довести до конца*.

Что «Совр[еменные] зап[иски]» будут жить и дальше еще многие и многие лета, это так же бесспорно, как и то, что они вернуться в Россию, *духовную традицию которой они с таким успехом представляют*. И то и другое есть скорее констатирование факта, чем предмет пожелания. Но вот что можно желать и чего я желаю Вам от всей души: это — возможно скорейшего возвращения в Россию, так чтобы прежде всякого нового юбилея состоялось чествование редакции в ее нынешнем составе уже не зарубежными только ее сотрудниками и читателями, а всеми теми русскими людьми, которые сейчас, из своих катакомб, не могут послать Вам своего привета, хотя и испытывают по отношению к Вам те же чувства, что и все мы, сегодня их явно выражающие.

С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/2).

¹ Письмо написано к юбилею журнала (по случаю выхода 50-го номера).

² Здесь и далее подчеркивания предположительно рукой Руднева.

37. Гессен — Рудневу Прага. 10 января 1933 г.

10.1.1933.

Дорогой Вадим Викторович,
я и сам задержался с работой (тысяча забот и мелочей), а главное — переписчица задержала у себя рукопись целых десять дней¹. Посылаю Вам ее *сегодня* заказным на адрес: rue Daviel. Если что сможете сократить, предоставляю сделать это *Вам*. Корректуры не требую, полагаясь всецело *на Вас*. Но очень просил бы хотя бы 20 *оттисков*. Статья ведь пойдет петитом: в ней, по моим расчетам, 16—17 страниц. О получении рукописи уведомите открыткой.

Одновременно посылаю Вам оттиск своей статьи о Ставрогине². Прочтя статью, непременно сообщите мне свой отзыв. Я собираюсь издать книжку из своих статей о Дост[оевском]³ и т.п. и намереваюсь напечатанные уже главы исправить. А для этого собираю отзывы своих друзей.

Также сообщите, не очень ли недовольны моей статьей о культ[урной] пятилетке]. Я так много писал (на др. языках)⁴ об этом, что утратил всякую способность самооценки и исправлял рукопись с отвращением. Впрочем, и материал такой, что тошнит.

Желаю Вам всего лучшего в Новом Году. Сердечно Ваш

С. Гессен

При случае сообщите мне мой гонор[арный] счет с «С[овременными] з[аписками]»: кто кому должен — я редакции или редакция — мне?

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Prague VIII, Na Kolinské, 51/4»; адрес получателя: «M[onsieur] Roudneff, Rédaction "Annales Contemporaines", Paris (13e), 6, rue Daviel, France»; почт. шт.: «Praha, [нрзб]»; «Paris, 13.1.1933».

¹ По-видимому, речь о статье, опубликованной месяц спустя: *Гессен С.И.* Итоги культурной пятилетки // СЗ. 1933. № 51. С. 402—417.

² *Гессен С.* Трагедия зла (Философский образ Ставрогина) // Путь. 1932. № 36. С. 44—74.

³ Такой книги Гессен не выпустил.

⁴ Гессен ведет речь, в частности, о своей немецкой монографии 1933 г. на данную тему (см. примеч. 5 к п. 38). См. также: *Hessen S.* Die Schule in Sowjetrußland // Die Erziehung. 1927. Jg. 2. S. 40—59, 110—125; *Idem.* Die Entwicklung des Schulwesens in Sowjetrußland in den Jahren 1926—1929 // Die Erziehung. 1930. Jg. 5. S. 629—641, 701—716; *Idem.* Das Sowjet-schulwesen am Ende des Fünfjahresplanes // Die Erziehung. 1933. Jg. 8. S. 252—259, 375—392. Ср. также тематически близкие работы на русском языке: *Гессен С.И.* Иностранцы-очевидцы о советской школе // Русская школа за рубежом. 1929/1930. Т. 6. № 31. С. 1—34; *Гессен С.И., Новожилов Н.Ф.* Школьная политика советской власти за 1927—1930 гг. // Там же. № 34. С. 385—420.

38. Гессен — Рудневу Praha. 4 апреля 1934 г.

Praha VIII, Na Kolinské 1224.

4.4.1934.

Дорогой Вадим Викторович,
не сердитесь на меня за то, что так долго не отвечал Вам. Я все это время находился, да и продолжаю еще находиться в таком тяжелом положении, что мне было совершенно невозможно засесть за запущенную свою переписку. Такого пароксизма самой крайней нищеты я еще никогда не испытывал, а я в этом отношении человек опытный. Не только не было денег на оплату срочных платежей, но часто даже на трамвай и почтовую марку. Ведь Вы меня знаете: я не паникёр и привык к довольно-таки аскетическому образу жизни. Поэтому верьте, я не преувеличиваю. Грустно было и то, что друзья мои, из которых некоторые мне многим обязаны, нередко отказывались мне помочь даже только подписью на векселе. Все это загоняло меня в мою «скорлупу» и делало писание писем психологически невозможным.

Сейчас стало немного лучше. М[инистерст]во нар[одного] просв[ещения], которое мне должно большую сумму денег (5.000 кč), по-видимому, заплатит мне эти деньги в этом месяце. Кроме того я получил выгодную очень работу — написать для курсов заочного обучения книгу «Русский язык для каждого»¹, которая теперь и отнимает у меня все время. Ведь я ни русского языка не знаю, ни чешского, на котором мне книжку надо писать. Приходится самому учиться. Теперь я вошел в работу, она «пошла вперед», и я смогу сделать передышку и написать для «Совр[еменных] зап[исок]» предложенную мною статью. Но все же прислать статью Вам смогу только к 1 мая. Но зато уже наверное!

Моя «Ruština pro každého» — наказание за то, что я восемь лет тому назад не изучил в совершенстве чешского языка. Плачу теперь свой долг — в самый неподходящий момент, когда чешский язык мне мешает и вредит. Дело в том, что я получил приглашение в Варшаву и его принял. Хотя пригласил меня не госуд[арственный] университет, а Wolna Wszechnica Polska². Но: 1) меня очень убеждают ехать, 2) обещают кроме жалованья (1700 кč) еще обеспечить столько же побочных доходов, 3) у меня будет мой семинарий, аудитория, и я буду профессором по своей специальности: систем[атическая] педагогика. Наконец, здесь у меня нет *никаких* перспектив, а в Польше *очень большие*. Сейчас все дело проходит формальные инстанции, а с осени я начну, вероятно, читать. Придется читать сразу по-польски. Придется и заново строить всю жизнь. К тому же я собираюсь начать и новый период своего философствования: период философии и «педагогике воскресной», как я называю. Программа работы на несколько лет! Но это особая большая тема, и сейчас писать о ней нет времени³.

№ 54 получил. Спасибо. Номер прекрасный⁴: Войтинский большое приобретение для журнала. Очень хорош Милюков. Прекрасна Цветаева. Жалко, что Вы в своем интересном обзоре не упомянули моей книги: «Fünfzehn Jahre Sowjetschulwesen», которая только что вышла по-польски⁵. Но — увы! — нет «молодняка», кроме Сирина и поэтов⁶.

Ваш замысел «Хрестоматии» — прекрасная мысль⁷. Очень нужная книжка для Зарубежья. Но необходимо очень и очень использовать нынешний советский материал. Ведь если мы забываем Россию и часто не чувствуем современной России, то что же молодежь! Думаю, что Вам *необходимо* пригласить Савицкого: он и географ ученейший, и современную Россию знает лучше других. А обезвредить его евразийство — дело редактора.

Вам на днях Н. Ганц пришлет рукопись В. Шапиловского⁸ о новом курсе в со-в[етской] школьной политике и положении школы в России. В статье только 16 стр. Статья *превосходная*, написана под моим руководством на основании первоисточников. По выводам своим очень интересна, а материал — по-[строка нрзб] ее поместить!

Крепко жму руку. Христос Воскресе!

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Под заглавием «Ruština pro každého», указанном в дальнейшем в письме Гессена, появилась следующая книга: *Makarov Sergej. Ruština pro každého*. Praha: Administrace Domácího učení. [1935]. Из п. 39, 40, 44 явствует, что Гессен все же написал такой учебник, а следовательно, Sergej Makarov — это, по всей видимости, псевдоним Гессена.

² Wolna Wszechnica Polska (Свободный польский университет) — частная высшая школа, основанная в 1918 г. в Варшаве.

³ Ср. об этом в письме С.И. Гессена к С.Л. Франку от 10 февраля 1934 г.: «Впрочем у меня лично открылись новые перспективы. Я получил приглашение в Варшаву, правда, не в университет, а в так наз[ываемую] Wolna Wszechnica Polska. Жалованье небольшое — 350 зл. (= 175 марок), но это столько же, сколько я буду иметь здесь в случае благополучного разрешения нашего дела. Зато побочных доходов предвидится в Варшаве вдвое больше чем здесь (еще столько же: 350—400 зл.). Кроме того, там жить дешевле. Наконец, туда меня зовут и убеждают приехать. А здесь я все же только “бедный родственник”. Здесь никаких дальнейших перспектив, в Варшаве — перспективы широкой деятельности и получения в будущем профессуры и в госуд[арственном] университете. Так что я дал свое согласие и с нетерпением жду прохождения моих выборов в официальном порядке. Надеюсь, что все пройдет благополучно. Если никаких неприятных неожиданностей не будет, я осенью перееду в Варшаву (сначала один). Придется сразу же читать лекции по-польски. Это будет пятый язык, на котором я буду читать лекции!» (Bakhtmeteff archive. Frank papers. Box 1).

⁴ Далее Гессен ведет речь о напечатанных в № 54 СЗ статьях В.С. Войтинского «Мировое хозяйство или автаркия?» (С. 365—384) и П.Н. Милокова «И.С. Тургенев (1883—1933)» (С. 257—280), а также очерке М.И. Цветаевой «Дом у старого Пимена» (С. 212—256) и обзоре В.В. Руднева «Россика за 1933 год во Франции» (С. 434—458).

⁵ Речь о следующих изданиях: *Hessen Sergius, Hans Nikolaus. Fünfzehn Jahre Sowjetschulwesen: Die Entwicklung des Sowjetschulwesens und die Wandlungen der kommunistischen Bildungspolitik seit der Oktoberrevolution bis zum Ende des Fünfjahresplanes (1917—1932)*. Langensalza; Berlin; Leipzig: Beltz, 1933; *Hessen Sergiusz, Hans Mikolaj. Pedagogika i szkolnictwo w Rosji Sowieckiej: rozwój szkolnictwa sowieckiego i zmiany komunistycznej polityki oświatowej od rewolucji październikowej do końca planu pięcioletniego 1917—1932 / Z oryginału niemieckiego przelożył Adam Zieleńczyk*. Lwów; Warszawa: Książnica Atlas, 1934. Но непонятно, почему Руднев в своем обзоре французской россики должен был упоминать немецкую (или польскую) книгу Гессена.

⁶ В номере наряду с произведениями авторов старшего поколения были опубликованы главы из романа В.В. Набокова «Отчаяние» (С. 108—161), рассказ Г. Газданова «Железный лорд» (С. 162—185), а также стихи В.Л. Андреева (С. 186), А.П. Ладинского (С. 190—191),

Ю.В. Мандельштама (С. 191–192), Б.Ю. Поплавского (С. 192–193) и В.А. Смоленского (С. 193–194).

⁷ Судя по всему, Руднев делился с Гессеном мыслями об антологии в несохранившемся письме. Возможно, речь о планах продолжения серии издательства «Родина и родная речь». Подобное издание, по-видимому, не было осуществлено.

⁸ Шапиловский Владимир Павлович (1886–1954) — полковник (1918), участник Первой мировой войны и Белого движения, с 1919 г. в эмиграции в Галлиполи, с 1925 г. в Праге, воспитатель, участник евразийских изданий. Незадолго до этого письма, 15 марта 1934 г., Русский народный университет и Педагогическое общество устроили дискуссию на тему «Новый курс советской школьной политики и его итоги за два года (1931–1933)». Вступительный доклад В.П. Шапиловского открыл дискуссию, среди принявших в ней участие были С.И. Гессен, Е.И. Репьева, Н.Ф. Новожилов (Хроника. Чехословакия. Т. 2. С. 251). Вполне вероятно, что в основу предлагаемой статьи был положен текст этого доклада.

39. Гессен — Рудневу *Praha. 10 июня 1934 г.*

Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha VIII, Na Kolinské, 1224.

10.6.1934.

Дорогой Вадим Викторович,
уже посылка мне Вами № 55 «Совр[еменных] записок», адрес на которой собственноручно был написан Вами, тронула меня чрезвычайно. Значит, несмотря на все мое *безобразное* (sic!) поведение, Вы все же меня любите и цените, не махнули на меня совсем рукой. А тут еще Ваше милое, ласковое письмо, которое, поверьте, меня совершенно взбудоражило. Большое, большое Вам спасибо за Вашу дружбу, за то, что Вы еще что-то ожидаете от меня и тем самым подбодряете.

«Совр[еменные] зап[иски]» я прочел, и как мне было досадно, что я пропустил случай участвовать в таком блестящем номере! На этот раз не только беллетристический отдел превосходен (Шмелев!, М. Цветаева!), но и отдел научно-общественный (Керенский! Степун! Ростовцев! Юрьевский!). Чернавина и Бицилли (на этот раз блестящий очерк) дополняют интереснейшее содержание книжки. Превосходен, наконец, и отдел рецензий: кратко, ярко и разнообразно. Это одна из лучших книжек «Совр[еменных] записок».

Прочтя ее, я твердо решил: непременно написать статью, если только Вы ее примете. И вот Ваше письмо, пришедшее уже, пока я только все еще собирался запросить Вас! В конце этого месяца я статью свою безусловно напишу, можете на нее рассчитывать, на этот раз я *Вас не обману*. К 5-му июля рукопись будет у Вас, — наверное.

В предыдущем письме Вы меня спрашивали по поводу Хрестоматии. Комиссия Евг. Ивановны [Репьевой]² работает, насколько я знаю, хорошо. Но, разумеется, это все только предварительное соби́рание материала. Я с Вами совершенно согласен, что непременно нужен редактор, один, который бы отвечал за все дело и осуществил его (комиссия будет работать без конца). Согласен я с Вами также и в оценке Новоселова³. Его участие *очень* важно и по существу и в смысле имени. Так как передать Новоселову редакторство теперь значило бы обидеть Евг. Ив. [Репьеву], то выход, Вами задуманный, — взять редакторство на себя, — единствен-

но возможный. Вы оправдаете его издательскими соображениями, а для дела лучше даже, чтобы окончательная редакция была в руках лица, которое посмотрит на все дело глазами не-специалиста, а глазами публики, для которой книга предназначается. Никакого «нахальства» тут нет: Вы ведь не будете игнорировать предварительную работу комиссии, а только произведете окончательный выбор с точки зрения будущего потребителя Хрестоматии. Формально, пожалуй, лучше всего, чтобы на книжке стояли в качестве редакторов ее три имени: Ваше, Новоселова, Репьевой. Но фактически редактором должны быть *Вы*.

Кстати: сообщите, если знаете, как здоровье *сына* Новоселова⁴. Он мне давно ничего не пишет — опять по *моей* вине.

Относительно журнала «Русск[ая] школа», возобновляемого Павловым⁵, думаю, что дело и не безнадежно и серьезно. Павлов правильно ставит его на этот раз на начала самокупаемости. Подкарп[атская] Русь обеспечивает ему необходимую основу. При расширении этой основы все дело сможет понемногу и органически укрепиться и вырасти. Неожиданным образом Павлов обнаруживает большую энергию. Я обещал ему не только сотрудничество, но и поддержку — советами редакционного характера и пропагандой журнала в Польше. Так что и Вас прошу отнестись к делу со вниманием, которого оно заслуживает.

А что со статьей Шапиловского, которую я Вам послал? Сейчас обнаружил, что в рукописи, которую Вам переслал Ганц, не хватает одной страницы. Пересылаю ее Вам при этом письме. Думаю, что для «Культ[ура] и жизнь» статья бы очень подошла, в особенности, если бы автор дополнил ее коротким изложением самых последних событий.

А теперь, в заключение, несколько слов о себе, чтобы объяснить (не извинить!) Вам причины безобразного моего поведения. Вся моя надежда была на Польшу, а из Польши не было все это время никаких известий. Затем, я Вам, кажется, писал, что взялся за составление учебника русск[ого] языка для курсов заочного обучения. Пришлось писать на языке, которым я не владею, о предмете, которого не знаю, для публики, которой себе не представляю. И вот два полтора месяца тому назад я сдал первые три листа редактору. Редактор их забраковал: превосходно, мол, с научной точки зрения, но для студентов, а не для нашей публики. Пришлось все переделывать с самого начала. Я впал в полное отчаяние. Где уж мне тут было думать о статьях!

Ну, переделал, снова сдал редактору три листа, — и на этот раз он пришел от них в восторг! Дал мне «грамоту благодарности», копию ее послал издательству и уехал в отпуск. Теперь я могу писать, что хочу, издательство, где мой престиж очень поднялся, всё от меня возьмет. Я уже совсем написал $\frac{2}{3}$ курса, из 30 «уроков» мне осталось еще 10, да и из них 5 вчерне готовы. Через 2 недели надеюсь со всей этой работой (отвратительной и меня вконец измучившей) окончательно развязаться⁶.

Между тем пришло и известие из Варшавы. Факультет меня избрал единогласно, а Совет — после долгих разговоров и то только на один семестр пока. Главное возражение — мой польский язык: если я окажусь хорошим лектором, я буду приглашен окончательно. Значит вся моя судьба зависит теперь от того, как я изучу польский язык. Для этого мне надо уехать уже летом в Польшу, пробыть там минимум 2–3 месяца, взять 50–60 *настоящих* уроков, написать свои курсы. А для этого мне нужно 10.000 кš (4.000 на поездку, уроки, гонорар за перевод моего перво-

го курса, остальное на уплату самых неотложных долгов, без чего я не смогу уехать). Достану я эти деньги, — я спасен. Нет, — не стоит и ехать в Польшу (только оскандалиться). А между тем уже через год своего пребывания в Варшаве я буду столько зарабатывать, что смогу не только существовать, но и начать выплачивать свои долги. Я уже не говорю уже [так!] о той широкой общественной и педагогической деятельности, которую я смогу в Варшаве развить. И о том, что я мечтаю начать свой третий «период» — чтением своей «педагогике воскресения», чтобы, прочтя ее раза два в виде лекций, написать ее потом как книгу⁷. Но все это мечты. Пока мои попытки достать деньги не имели успеха. Я еще не теряю надежды, но настроен скорее пессимистически.

Ну вот и разъяснил Вам все: как только развяжусь со своей «Ruština», засяду за «Миросоз[ерцание] и идеологию» и напишу ее в несколько дней. — А пока крепко жму Вашу руку и еще раз от всей души благодарю за дружбу.

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Ниже Гессен упоминает напечатанные в № 55 СЗ материалы: начало романа И.С. Шмелева «Няня из Москвы» (С. 5–69), мемуарный очерк М.И. Цветаевой «Пленный дух: (Моя встреча с Андреем Белым)» (С. 198–255), статьи А.Ф. Керенского «Союзники и Временное правительство» (С. 271–289), Ф.А. Степуна «Христианство и политика» (С. 308–325), М.И. Ростовцева «Итальянская Африка: Мечта императора: Великая Лептис» (С. 290–307), Е. Юрьевского (Н.В. Вольского) «От первой пятилетки ко второй» (С. 365–384), Т.В. Чернавиной «Советская молодежь» (С. 385–396), П.М. Бицилли «Оазис» (С. 396–408).

² Репьева Евгения Ивановна (1862–1939), педагог, библиотечный работник. С 1924 г. в эмиграции в Праге, преподавала в Русском педагогическом институте им. Яна Амоса Коменского, заведовала библиотекой Экономического кабинета С.Н. Прокоповича.

³ Новоселов Юрий Дмитриевич (1873–1955), педагог, директор гимназии в Риге; входил в редколлегия «Русской школы за рубежом».

⁴ Не удалось найти сведений.

⁵ Философ, педагог Андрей Тихонович Павлов возобновил журнал, который под названием «Русская школа» выходил в Праге в 1934–1940 гг. под его редакцией при ближайшем участии В. Бездек, Н.А. Ганца, С.И. Гессена, В.В. Зеньковского, С.И. Карцевского и др.

⁶ См. примеч. 1 к п. 38.

⁷ Эти планы не осуществились.

40. Гессен — Рудневу Praha. 25 июля 1934 г.

Прага, 25.7.34.

Дорогой Вадим Викторович, сейчас только два слова, чтобы успокоить Вас: статью я на этот раз уже действительно *кончаю* и в начале будущей недели Вам *вышлю*. Рукопись Шапиловского, пожалуйста, вышлите *мне* назад. О Чижевском могу написать¹. Кроме того собираюсь написать для «С[овременных] з[аписок]» о только что вышедшей книге Зеньковского, а также о Бемовском Сборнике Достоевского². Он очень просит.

У меня все в порядке. Кончил только на днях свой учебник р[усского] яз[ыка] — и в этом вся причина задержки. А в общем — страшно устал, мечтаю отдохнуть хоть дней 10, но не знаю, удастся ли.

А как Вы живете? Остаетесь в Париже на лето?

Одновременно с отсылкой статьи напишу подробно. А пока сердечно благодарю и крепко жму руку. Душевно Вам преданный

С. Гессен

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Вох 4). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha VIII, Na Kolinské 1224»; адрес получателя: «M[onsieu]r W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine], France»; почт. шт.: «Praha, 26.VII.34».

¹ В журнале появилась рецензия Гессена на книгу: Hegel bei den Slaven / Hrsg. von D. Šuževskij. Reichenberg: Stiepel, 1934 (СЗ. 1935. № 57. С. 470—472).

² Речь об изданиях: *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Ч. 1. Общие принципы. Paris: YMCA-Press, 1934; О Достоевском: Сборник статей: Т. 2 / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1933. Обе книги в СЗ не рецензировались.

41. Гессен — Рудневу Praha. 26 августа 1934 г.

Прага, 26.8.34.

Дорогой Вадим Викторович,
одновременно посылаю Вам свою рукопись¹. Посылаю ее в полном отчаянии: 1. полагая, что окончательно и бесповоротно опоздал; 2. перечтя статью, вижу, как я ее испортил, а тема и замысел ведь превосходные и верные, а в особенности — нужные. Но что делать: очевидно, я поглупел. Дай Бог, чтобы временно, а не навсегда. Очень прошу Вас *откровенно* написать свое мнение — без утешений, а действительно *всю* правду. Если статья не подойдет, что же делать! Как мне ни приятно было бы и утешительно ее помещение, хуже будет, если мое поглупление обнаружится воочию, т[ак] ск[азать] публично.

Относительно рецензий, пока *ничего* не дам, т.к. в статье моей около 21 стр. и без того. Внимая Вашему (правильному!) желанию, дам рецензию только на Чижевского. Книга Зеньковского, по прочтении, меня *совсем* разочаровала: вот пример того, как превосходный замысел *совсем* испорчен приблизительностью мысли, публицистичностью стиля, поспешностью письма.

Я остаюсь в Праге до 9 сент[ября]. Потом еду на месяц в Польшу (на съезды²) и выясню, как обстоит мое дело о назначении. Этот семестр во всяком случае я пробуду еще в Праге. Вернусь к 1 октября.

Жду рукопись Шапиловского, которой от Вас еще не получил, и с нетерпением жду Вашего ответа. Сердечный привет

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Вох 4). Почтовая открытка; адрес отправителя: «S. Hessen, Praha VIII, Na Kolinské 1224»; адрес получателя: «M[onsieu]r W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine], France»; почт. шт.: «Praha, 26.VIII.34».

¹ Речь о статье: *Гессен С.И.* Мироззрение и идеология // СЗ. 1935. № 57. С. 316—329.

² См. примеч. 1 и 2 к п. 42.

42. Гессен — Рудневу
Praha. 11 сентября 1934 г.

Praha VIII, Na Kolinské, 1224.

Прага, 11.9.34.

Дорогой Вадим Викторович,

Ваше письмо получил уже во время Фил[ософского] Съезда¹, т.е. когда был осажден множеством заседаний, старых и новых знакомых, среди них и С.Л. Франком, остановившимся у меня и только вчера уехавшим. А завтра я еду в Краков на Межд[ународный] Педаг[огический] Съезд², так что Вы поймете, что Ваш второй выход представляется мне сейчас единственно возможным. Заняться снова этой статьей я никак не могу, не только по отсутствию времени, но и потому, что испытываю к ней величайшее отвращение. Ваш отзыв о ней я воспринял как незаслуженную похвалу. Как-никак, Вы все-таки две первые главы признаете заслуживающими внимания. Я сам странным образом именно эти главы ощущаю как наименее удавшиеся, и если что готов сам признать в своей статье, то скорее уже третью главу. Но Вам виднее, и на Ваш суд я *вполне* полагаюсь и потому прошу Вас — решите сами, как поступить со статьей. Только прошу Вас, не считайтесь со мною, не бойтесь меня обидеть как автора. Посоветуйтесь с Марком Вениам. [Вишняком] и Ильей Исид. [Фондаминским] и решите, руководствуясь *исключительно* интересами журнала и своим редакторским чутьем. Я в претензии на Вас не буду.

Если решите не отклонить, а разделить статью, то к концу второй главы можно прибавить хотя бы такую фразу:

«В чем заключается последний корень внутренних противоречий, присущих каждому мировоззрению, и как мировоззрение преодолевает этот свой “диалектический разлад”, а также какие следствия практического характера вытекают отсюда для нашего времени, — **об этом** все это составит уже предмет следующей статьи.»

По возвращении же из Польши (я вернусь, вероятно, 1 окт[ября]), во всяком случае ближайший семестр я пробуду еще в Праге, а м.б., и весь учебный год) я постараюсь переделать третью главу, а также прибавлю к ней четвертую короткую главу, в которой постараюсь дать ответ на поставленные Вами вопросы. Эта глава будет носить название: «Нейтральность и полнота»³, и в ней я покажу, что «нейтральность» старого либерализма, сейчас уже невозможная, должна быть заменена «полнотой», «снимающей» в себе **вечную** то, что есть вечная правда либерализма.

Итак, не сердитесь на меня, дорогой Вадим Викторович. Feci quod potui⁴; что же делать, если я в самом деле так поглупел! Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Речь о VIII Всемирном философском конгрессе, который состоялся в Праге 2–7 сентября 1934 г. и собрал 600 делегатов из 21 страны (среди них было немало и русских эмигрантов: Б.В. Яковенко, С.Н. Булгаков, И.И. Лапшин, С.Л. Франк и др.). Подробно см.: *Корсаков С.Н.* VIII Всемирный философский конгресс (Прага, 1934) в истории отечественной философии // Философские науки. 2009. № 1. С. 143–156.

² Имеется в виду VI Международный конгресс нравственного воспитания, прошедший 11–15 сентября 1934 г. в Кракове. Согласно отчету, в нем принимало участие свыше 700 человек; было зачитано ок. 80 докладов. В отчете упоминается С.И. Гессен: «Referat Hessena, ukazujący moralne znaczenie, ukryte we wszelkich czynnościach ludzkich, a więc w stosunku do nauki, pracy, państwa, atakowany był żywo przez zwolenników założeń religijnych, wykazujących, iż istotą działalności moralnej jest udział w obowiązkach religijnych [Доклад Гессена, указывающий на моральное значение, скрытое во всяческих человеческих действиях, в частности, относительно науки, работы, государства, бурно атаковался приверженцами религиозных начал, утверждающими, что сущностью нравственной деятельности является участие в религиозных обязанностях]» (*B.S. VI Międzynarodowy Kongres Wychowania Moralnego // Przegląd Pedagogiczny (Warszawa). 1934. R. LIII (18). № 13. S. 220*). Доклад был опубликован на немецком языке: *Hessen S. Sittliche Erziehung // Die Erziehung. 1935. Jg. 10. S. 391–405*. См. также: *Hessen S. O pojęciu i celu wychowania moralnego // Ruch Pedagogiczny Warszawa*). R. 1934/1935. Nr. 3; *Гессен С.И. О понятии и цели нравственного образования // Жизнь и смерть. Сборник памяти доктора Н.Е. Осипова. Прага, 1936. Т. 2. С. 60–78*.

³ Статья Гессена «Мировоззрение и идеология» была опубликована в СЗ в переработанном виде без деления на главы (см. п. 43).

⁴ Я сделал все, что мог (лат.), начало крылатого латинского выражения *Feci, quod potui, faciant meliora potentes* (я сделал все, что мог; пусть, кто может, сделает лучше).

43. Гессен — Рудневу *Praha. 27 октября 1934 г.*

Прага, 27.10.34.

Дорогой Вадим Викторович,
я вижу, что мне следует попробовать вместо переделки статьи написать статью совершенно заново — специально для «С[овременных] з[аписок]», на один лист и на тему «Мировоззрение и идеология». Противопоставить одно другому и показать, что идеология есть абсолютирование человеческого, подмена веры мнимым рациональным знанием и презрение к человеку (личности), т.е. язычество, — тогда как мировоззрение есть всегда живая связь с личностью, ее самосознание и вместе с тем погруженность в абсолютном (подлинная вера). Поэтому мировоззрение отрывается от себя самого, себя преодолевает и расцветает в творчестве, тогда как идеология стремится к власти и, подпавши соблазну любоначалия, связывает творчество и вырождается в механизм. Развить эти мысли очень заманчиво. Их нужно высказать. Но удастся ли мне это? Во всяком случае, попробую, и в ноябре приступлю к их написанию. Свяжу внешне с тремя русскими докладами на филос[офском] конгрессе (Лосского, Франка и моим)¹. Откликнитесь на этот мой замысел! — О Чижевском напишу на днях. — С нетерпением жду новой книжки «С[овременных] з[аписок]». Пошлите мне ее, постараюсь не обмануть ожиданий и оправдать кредит. Рукопись можете не присылать, но *сохраните* ее. Я потом (когда напишу статью) ее потребую. Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Вох 4). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Exp. S. Hessen, Praha VIII, Na Kolinské 1224»; адрес получателя: «M[onsieur]r W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine, France»; почт. шт.: «Praha, 27.X.34», «Boulogne/Seine, 28.X.34».

¹ Свою следующую статью С.И. Гессен посвятил проблеме кризиса демократии, широко обсуждавшейся на VIII Всемирном философском конгрессе: *Гессен С.И.* Правда демократии // СЗ. 1935. № 58. С. 361–377. Ср. в письме Гессена к С.Л. Франку от 14 декабря 1934 г.: «Среди статей, мною написанных за это время, более всего мне удалась статья по поводу пражских дебатов о демократии. Я там говорю и о Вашем докладе. Когда она появится (в «Нов[ом] граде»), я Вам ее пришлю» (Bakhmeteff archive. Frank papers. Box 1).

44. Гессен — Рудневу *Praha. 15 ноября 1934 г.*

Praha VIII, Na Kolinské, 1224.

15.11.34.

Дорогой Вадим Викторович,
 посылаю Вам рецензию на Чижевского (подтвердите, пожалуйста, получение)*). В ней не больше 2½ страниц и надеюсь, что Вы останетесь ею довольны. Сегодня же сажусь за статью для «Н[ового] града»¹ (если увидите Ил. Ис. [Фондаминского] или Георг. Петр. [Федотова], скажите им об этом, сажусь с «восторгом»), а потом (через 5–6 дней) принимаюсь за статью для «С[овременных] зап[исок]». Скорость работы будет зависеть от того, скоро ли отпустит меня новый припадок острого безденежья, схвативший меня снова за шею (карман?). Страшно занят к тому же польской перепиской, корректурами своего учебника² и всякой дрянью.

«Совр[еменные] записки» получил. Спасибо! Номер прекрасный³. Что Вы им так недовольны? Великолепен Сирина, хорош очень Шмелев, Алданов уже совсем надоел, признаться. Хорош Газданов. Стихи — документ времени⁴. Почти превзошел самого себя Степун! Очень интересна А. Толстая и на этот раз Бицилли! Ваша статья превосходна, она волнует своей современностью и привлекает целомудренной скупостью изложения. Очень интересен и прав Войтинский, по своему хороша Чернавина. Остальных еще не успел прочесть, напишу в след[ующий] раз.

Да! Большая просьба. Ведь Вы получили экземпляр книги Чижевского. Вряд ли кто его уже взял. А мне *очень* бы хотелось его иметь, т.к. свой экземпляр я вынужден был отдать (отослать в Польшу моему будущему декану, специально занимающемуся русской и польской философией). Так что, если можно, пришлите мне эту книгу.

Будете писать, сообщите, как здоровье Амалии Осиповны [Фондаминской]. Я здесь слышал, что она тяжело больна. Правда ли это?

Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

*) Из экономии посылаю простым письмом и не на машинке!

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Неясно, о чем речь. С.И. Гессен печатался в первых номерах «Нового града», но в 1934–1939 гг. его статьи в журнале не появлялись. Ср. также примеч. 1 к п. 43.

² См. примеч. 1 к п. 38.

³ Далее Гессен упоминает материалы, опубликованные в № 56 СЗ: главы из романов В.В. Набокова «Отчаяние» (С. 5–70), И.С. Шмелева «Няня из Москвы» (С. 71–137) и М.А. Алданова «Пещера» (С. 138–184), рассказ Г.И. Газданова «Начало» (С. 185–200), статьи Ф.А. Степуна «Памяти Андрея Белого» (С. 257–283), П.М. Бицилли «Гоголь и Чехов: (Проблема

классического искусства)» (С. 298–308), В.В. Руднева «Двадцать лет тому назад» (С. 375–393), В.С. Войтинского «Опыт Рузвельта» (С. 414–426), Т.В. Чернавиной «Об условиях литературной работы в СССР» (С. 403–413) и «Отрывки воспоминаний» А.Л. Толстой (С. 215–237).

⁴ В номере были опубликованы составленные самими поэтами подборки стихов участников различных эмигрантских литературных групп: парижских Объединения поэтов и писателей и «Перекрестка», берлинского «Кружка поэтов», пражского «Скита» и таллинского Цеха поэтов.

45. Гессен — Рудневу *Praha. 25 ноября 1934 г.*

25.11.34.

Дорогой Вадим Викторович,
приложу все усилия, чтобы прислать Вам свою статью к сроку (к 15.XII). Сейчас, когда с восторгом и, кажется, удачно кончаю свою статью для «Нов[ого] града», пребываю в состоянии оптимистическом и твердо надеюсь, что Вас не обману, хотя все может быть опрокинуто моим безвыходным и прямо-таки катастрофическим положением финансовым. Казалось, я должен был бы к нему привыкнуть, но — увы! — до сих пор никак не могу.

Будете сокращать рецензию мою на Ч[ижевского], то в первую очередь, пожалуйста, выпустите указание на Печерина, которое вызывает во мне самом сомнения. Печерин Гегеля не любил и в работе о Гегеле может не фигурировать¹.

Вы ничего не пишете мне о моей просьбе прислать реценз[ионный] экземпляр книги Ч[ижевского]?

Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Вох 4). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Exp. S. Hessen, Praha VIII, Na Kolinské 1224»; адрес получателя: «M[onsieur] W. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine], France»; почт. шт.: «Praha, 26.XI.34».

¹ Руднев выполнил просьбу, имени В.С. Печерина в опубликованном варианте рецензии нет.

46. Гессен — Рудневу *Praha. 26 декабря 1934 г.*

26.12.34.

Дорогой Вадим Викторович,
посылаю*) Вам с двухнедельным опозданием новый вариант своей статьи. На этот раз в статье не больше 16 (даже 15) страниц, и, кажется, она достаточно популярна и заострена. Впрочем, я утратил всякий критерий. Feci quod potui, а Вы судите. Буду ждать Вашего ответа. Кстати, пришлите мне, если возможно, рукопись моего первого варианта. У меня копии не осталось, а может быть, она еще пригодится. Еще раньше послал в «Нов[ый] град» свою статью о «Правде демократии»¹. Там остались ею очень довольны. Так что я теперь освободился от парижских литературных долгов. Остаются — пражские и немецкие. Как распутаюсь

с ними, — не знаю. Вчера получил из Варшавы известие, что я утвержден и 15-го февр[аля] должен уже начать чтение лекций. Постараюсь оттянуть срок, но, по-видимому, должен буду все же поехать. Ждал я этого, ждал, — и все же застигнут врасплох. Ничего не успею закончить, придется просто все здесь бросить. Никакого благообращения.

Желаю Вам добрых праздников, а в Новом Году здоровья, благополучия и исполнения желаний. Сердечно Ваш

С. Гессен

Как здоровье Ам. Осиповны [Фондаминской]?

*) по адресу «Совр[еменных] зап[исок]»

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Prof. Dr. Sergei Hessen, Praha VIII, č[íslo] 1224»; адрес получателя: «M[onsieur] V.V. Roudneff, *Boulogne s/Seine*, 51, rue Georges Sorel, *France*»; почт. шт.: «Praha, [нрзб] 34».

¹ Статья Гессена «Правда демократии» появилась в результате не в «Новом граде», а в СЗ (1935. № 58. С. 361–377).

47. Гессен — Рудневу *Praha. 9 февраля 1935 г.*

Praha VIII, Na Kolinské 1224.

9.2.1935.

Дорогой Вадим Викторович, спасибо за присылку LVII книжки «Совр[еменных] записок». Обрадовался я ей чрезвычайно. Всё же — «вертится»! Дай Бог и дальше с тем же упорством, умением и блеском. Эта книга опять очень хороша¹. Я пока прочел Ив. Шмелева (превосходно!), Марину Цветаеву (великолепно!), Толстую, Милюкова, Войтинского, Поля, Федотова и Руднева. Все это очень интересно, разнообразно, местами блестяще. Превосходен и весь петит (на этот раз и Бицилли мне даже понравился). В Вашем споре с Федотовым есть, кажется мне, какое-то недоразумение, отчасти даже словесное, о котором Вы сами говорите. Рассудком Вы совершенно правы, но Федотов, на мой слух, чувствует реальность правильнее Вас. Кстати, преподавание истории сейчас не только не уничтожено, но восстановлено, причем даже учителям *рекомендуется* пользоваться учебниками Виноградова, Вишпера и Платонова². Это, конечно, еще не доказательство, но все же значительный симптом. Переход на сторону Лиги Наций есть тоже не простой тактический шаг, а решительный и принципиальный поворот. Разумеется, доказать это сейчас еще очень трудно, но многое говорит за это. А главное: дело не во власти, а в народе. И по отношению к *народу* очередной опасностью и наигоршим идиолом является сейчас не коммунизм, а национализм. Кто верит еще сейчас в коммунизм в России? А национализм становится сейчас ядом, отравляющим душу русской молодежи. Разумеется, национализм в одиозном смысле. Если даже верно все то, что Вы говорите о советской *власти* (я тоже сомневаюсь в возможности ее перерождения), то руководящая *молодежь* в России сейчас решительно перерождается — от коммунизма к национализму. И в этом правда описаний Федотова.

Единственным черным пятном во всей книжке является для меня моя статья. То, как Вы ее напечатали, причинило мне большое огорчение. Вы не только выпустили самое существенное в ней (определение существа нейтральности), не только лишили изложение связности (на стр. 324, где вдруг выскакивает философия без всякой связи с предыдущим), но и оставили при сокращении фразы совершенно бессмысленные (стр. 328, строка 10 и далее) или искажающие смысл («не отвердевшей идее» вместо «отвердевшей идее», там же, ниже). Так что я очень огорчен появлением своей статьи, лучше бы она пролежала в моем архиве в полном и не искаженном виде. Да и в рецензии моей Вы не исполнили моей просьбы заменить Чаадаева Дебольским³, что тоже вышло для меня конфузным, ибо Чаадаев к Гегелю отношение имеет отдаленное.

Кончаю вопросом, как здоровье Амалии Осиповны [Фондаминской]. Илья Исид. [Фондаминский] мне не ответил на письмо, и я серьезно беспокоюсь. До начала лета я, по-видимому, остаюсь еще в Праге, а в Польшу поеду лишь на лето.

Крепко жму руку.

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Далее Гессен упоминает материалы, опубликованные в № 57 СЗ: главы из романа И.С. Шмелева «Няня из Москвы» (С. 5–79), очерк М.И. Цветаевой «Мать и музыка» (С. 241–266), «Отрывки воспоминаний» А.Л. Толстой (С. 267–284), статьи П.Н. Милокова «Либерализм, радикализм и революция: (По поводу критики В.А. Маклакова)» (С. 285–315), В.С. Войтинского «Плановое хозяйство и современное рабочее движение» (С. 361–380), К. Поля «Большая Волга» (С. 397–411), Г.П. Федотова «Новый идол» (С. 397–411), В.В. Руднева «Коммунизм и национализм: (По поводу статьи Г.П. Федотова)» (С. 412–422) и П.М. Бидцilli «Две эпохи крушения старого порядка» (С. 423–429).

² Речь о так называемых «профессорских» учебниках истории, т.е. пособиях, написанных известными историками П.Г. Виноградовым, Р.Ю. Виппером, С.Ф. Платоновым, по которым велось обучение в гимназиях конца XIX – начала XX в. После революции они были сочтены буржуазными и на протяжении полутора десятилетий не рекомендовались для советского учебного процесса, однако к середине 1930-х гг. ситуация стала меняться (в связи с возобновлением преподавания истории и с осознанием неудовлетворительности советских учебных пособий).

³ Сохранившиеся письма Гессена такой просьбы не содержат.

48. Гессен — Рудневу
Praha. 12 апреля 1935 г.

Praha VIII, Na Kolinské 1224.

12.4.1935.

Дорогой Вадим Викторович, в своем письме я не хотел никого обвинять, в особенности Вас (ибо знаю Вашу дружбу и всегдашнее Ваше ко мне расположение), а просто выразил свое огорчение по поводу того, что мне казалось «искалечением» моей статьи. Так как я, Вы знаете, автор не самолюбивый, то, огорченный случившимся, я никакой «трагедии» не пережил и очень досаую, если своей болтливой откровенностью причинил Вам неприятные минуты.

Т.к. я очень сейчас спешу (завтра уезжаю на неделю в Берлин — поздравить Иосифа Владимировича [Гессена] с *семидесятилетием*¹ (NB! имейте это в виду и хотя бы с опозданием пошлите ему от «С[овременных] з[аписок]» приветствие: Berlin-Wilmersdorf, Gieselerstr. 23), то ограничусь самым кратким и необходимым ответом:

1. Гонорар: прошу его мне *не* посылать, а 50 фр. передать Илье Исид. [Фондаминскому] (за «Нов[ый] град», который я здесь продал «Крест[ьянской] Рос[сии]» и недавно получил уже за него деньги). Остальные деньги перешлите, пожалуйста, Г.Д. Гурвичу (я ему должен).

2. Разумеется, я ничего не имею против помещения своей статьи о демокр[атии] в «Совр[еменных] зап[исках]». Но только думаю, что, в виду ее актуальности (написана она ведь *по поводу* съезда, бывшего еще осенью), ее следовало бы напечатать в ближайшей книжке, а не откладывать. А затем: то, что Вам представляется «туманным», в этом я как раз вижу самый центр тяжести своей статьи, и очень просил бы этого не опускать. Согласен: мне и тут не удалось достичь ясности и точности формулировки. Но что делать: я все больше чувствую свое бессилие достичь ясности именно в самых существенных вещах! Если уже будете сокращать, то умоляю — пришлите мне корректуру. Обещаю торжественно ее не задерживать, а выслать назад в тот же день!

То, что Вы сообщаете о Амалии Осиповне [Фондаминской], очень и очень жутко. До боли жалко и ее и Илью Исидоровича. Передайте ему мой душевный привет и самое сердечное сочувствие. Крепко жму руку.

Ваш С. Гессен

NB: У меня есть *интереснейший* (!!) обзор новейшей литературы о русском искусстве (о новых книгах по *истории* русск[ого] искусства: Алпатов-Брунов, O. Wulff, Айналов, D.R. Vuxton), написанный по-немецки другом Степуна и моим Dr. Weidhaas'ом² (по заказу Степуна специально для «С[овременных] з[аписок]»). Обзор *очень* подходит для «К[ультуры] и ж[изни]» (5—6 стр.)³. Если есть *принципиальная* возможность его напечатать, я его переведу и Вам пришлю, а Вы решите *окончательно*. Напишите об этом!

21-го буду уже снова в Праге. Завтра целый день пробуду у Фед. Авг. [Степуна]. Мой берлинский адрес указан выше.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ И.В. Гессену исполнилось 70 лет 2 апреля 1935 г.

² О нем и предлагаемом обзоре см. в письме Степуна Вишняку от 2 января 1933 г. (Ред., п. 356).

³ Такой материал в СЗ напечатан не был.

49. Гессен — Рудневу
Прага. 26 апреля 1935 г.

Прага, 26.4.1935.

Дорогой Вадим Викторович,
стиснув зубы (ибо сам накликал на себя эту беду), я произвел требуемые Вами сокращения статьи. Нет ничего более отвратительного, чем эта работа (только разве редакторская, как Вы правильно жалуетесь). Мне удалось сократить 4 страницы,

значит в статье осталось 18 стр. (моя страница немного меньше страницы «Совр[еменных] зап[исок]»). Больше сократить *не* могу, две страницы можете мне подарить, а авторам-завистникам ответьте, что я нынче редкий гость на страницах журнала. Это мое последнее слово, ибо телесно не могу даже больше видеть этой своей злосчастной рукописи. Что касается срока помещения, то тут никакого «ультиматума» я Вам не ставлю. Думаю только, что и так статья выйдет почти что через год после съезда. А откладывать ее еще на дальнейший срок — неудобно для самой же редакции. Хераскова же статья, по-видимому, не связана такими соображениями¹.

Был я в Берлине, а также в Дрездене. «Юбилей» Иос. Влад. [Гессена] сошел скромно, но хорошо. Очень тронула отца статья Милюкова в «Посл[едних] нов[остях]»². Вашу телеграмму он отметил с благодарностью. В общем юбилей поднял его совсем было павшее настроение. Неожиданный подарок к юбилею — соглание Стэнфордского ун[иверситет]а (в Калифорнии) издать его мемуары по-английски³ (в серии, где появились мемуары Коковцева⁴). Он даже получит за них небольшой гонорар. Так что теперь засел за окончание мемуаров, «обрел снова смысл жизни», как говорит.

В Дрездене видел Фед. Авг. [Степуна], который мне читал последнее письмо Ильи Исидоровича [Фондаминского]⁵. Я пишу Илье Исидоровичу несколько строк, очень тяжело это состояние совершенной беспомощности при зрелище неминуемой гибели любимого человека. Фед[ор] Авг[устович] очень много говорил мне о «Нов[ом] граде», его судьба «Н[ового] гр[ада]» беспокоит чрезвычайно. Я как-то хладнокровнее отношусь к его закату, ибо думаю, что в эмиграции для него почва мало⁶.

Спешу отправить письмо, потому кончаю. Желаю Вам доброго Светлого Праздника. Христос Воскресе! Сердечно Вам преданный

С. Гессен

P.S. Если Гурвичу денег от меня еще не послали, то не посылайте. Боюсь, он только огорчится, что сумма очень малая. Лучше купите для меня билет (т.е. часть) националь[ьной] лотереи. Ежели выиграю, поделюсь с «С[овременными] зап[исками]».

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Возможно, речь о статье, которая была опубликована в журнале двумя годами позже: Херасков И.М. За народную волю (СЗ. 1937. № 65. С. 400—413).

² См.: Милюков П. 70-летие И.В. Гессена // ПН. 1935. 14 апр. № 5134. С. 2.

³ По всей видимости, английское издание мемуаров И.В. Гессена не состоялось.

⁴ См.: *Kokovtsov V. Out of My Past* / Ed. by Н.Н. Fisher; transl. by L. Matveev. Stanford: Stanford University Press, 1935. (Hoover War Library; 6).

⁵ Письмо не сохранилось.

⁶ «Новый град» продолжал выходить до 1939 г., но лишь по одному номеру в год.

50. Гессен — Рудневу *Praha. 17 мая 1935 г.*

Прага, 17.5.35.

Дорогой Вадим Викторович,
еще 27-го апреля послал Вам письмо с сокращенной рукописью своей статьи. Послал из экономии простым письмом. Неужели Вы рукописи и письма не полу-

чили? А если получили, то почему молчите? Недовольны мною? Или еще не решились вопроса о помещении статьи? Пожалуйста, откликнитесь!

Обращаюсь к Вам еще в одном, очень деликатном деле. Дайте ответ, а если сможете, окажите и помощь. Речь идет о Елене Ивановне Набоковой¹, матери Сирина. Она *совсем* гибнет здесь. На ее руках (так случилось) — сын, который без места и не учится, внук (сын дочери, муж которой безработный и упорный безработный). И вот она — больная старуха — героически содержит всех уроками, получая от здешнего Кр[асного] Креста теперь только 500 кф в месяц. Что будет с ней летом, когда уроки прекратятся — не знаю. Раньше ей помогал «Руть», потом несколько лет А. Каминка², который уже целый год ей не может ничего присылать. Единственный, кто мог бы ей сейчас помочь, — это П.Н. Милюков. Разумеется, М[илюков] не обязан ей помогать. Но некоторое моральное обязательство на нем, я думаю, лежит. Ведь как ни как, Набоков был убит пулей, предназначавшейся для Милюкова. Как бы повлиять на М[илюкова], чтобы он оказал сейчас Набоковой помощь? Каминка помогал ей (100 марок ежемесячно и больше) в течение 10 лет! Неужели из бывших сотрудников Набокова никто не может ей сейчас помочь! Подумайте об этом и дайте совет, а м.б., и сами поговорите с кем-нибудь в Париже.

Как положение у Фондаминских? Что у Вас нового? Мои планы пока все те же: по окончании семестра (в июле) собираюсь в Польшу, если до этого не обанкротюсь окончательно и бесповоротно.

Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Набокова Елена Ивановна (урожд. Рукавишника; 1876–1939), жена В.Д. Набокова (с 1897 г.), с 1919 г. в эмиграции в Берлине, с 1923 г. в Праге.

² Каминка Август Исаакович (1865–1941?), юрист, общественный и политический деятель, публицист, издатель, один из организаторов и член ЦК кадетской партии, с 1918 г. в эмиграции в Финляндии, с 1920 г. в Берлине, соредатор газеты «Руть».

51. Гессен — Рудневу *Praha. 3 июля 1935 г.*

Praha VIII, Na Kolinské, 1224.

Прага, 3.7.1935.

Дорогой Вадим Викторович, получил новый № «Совр[еменных] записок» и хочу поблагодарить за то, что, несмотря на все затруднения, Вы все же мою статью напечатали. «Ложка дегтю» все же есть (в результате того же Вашего порядка не посылать авторам корректуры), а именно на стр. 371 выпала часть предложения («Если разделение властей...»), в силу чего и грамматически и по существу в статью вкралась «иррациональность» (попросту — бессмыслица). Пишу это Вам не для того, чтобы огорчить Вас и сердить Вас своим дурным и всегда недовольным характером, а для того, чтобы побудить Вас впредь все же посылать мне корректуры. В данном случае Вы,

я знаю, ничего не хотели выпустить, а ошибся наборщик, который пропустил строчку между теми же словами текста (что часто бывает).

Уже беглый просмотр номера возбуждает чувство благодарности к редакции. Номер на редкость интересный, насыщенный, разносторонний¹. Я еще не все прочитал, но то, что прочитал, в высшей степени содержательно. Прекрасный рассказ Берберовой; потрясающая по силе статья Солоневича; очень тонки и глубоки на этот раз рассуждения Бицилли; правильно и с надлежащим душевным и политическим тактом выполнили Вы свою трудную задачу написать о Масарике; прав Ст. Иванович; очень умна и мне представляется вполне убедительной статья Юрьевского. Интересно, что возразит ему его оппонент (кто?). Федотов на этот раз бледнее, хотя и прав он по существу. Вейдле, как всегда, превосходен. Библиография опять очень на высоте: в частности, Ваша рецензия на Чернова — образец того же такта, на этот раз не только душевного, но и политического. (Вы меня знаете и не подумаете, что я это пишу специально для Вас или только по дружбе.)

Но есть три «но», по-моему, портящие номер. О Сирине еще не могу высказаться, ибо ведь дано только начало. Пока просто не понимаю до конца (да и вообще не понимаю). Ходасевич мог бы быть во всяком случае сокращен в два раза. «Нас» Вы режете безжалостно, а в статье Ход[асевич]а, по существу не такой уже интересной, допускаете такое расточительство, как двойное печатание всех цитат из писем (франц[узский] и русский текст). Мережковский все то же самое и ничего не говорящее. Второе «но». Маклаков — он просто уже надоел. Нельзя бить без конца все по тому же месту. Ведь все сказано уже им и отвечено ему: а он продолжает без всякой объективной нужды свою... волюнку. Но очень удивил меня Вишняк: я просто не понимаю, как можно за одну скобку брать и Муссолини-Гитлера-Сталина и короля Георга и очевидно Масарика (что уже в прямом противоречии с Вашей статьей). Мотивы поклонения Гитлеру и королю Георгу *прямо противоположные*. Да читал ли он английскую прессу в день юбилея, хотя бы статью в «Times»? Можно ли по отношению к англичанам, искренне любящим своего короля, говорить о поклонении («Культе»)? Как безвкусица покорило меня подчеркивание, что король Георг — средний человек, только исполняющий свой долг. Хорошо это «только». Много ли найдет М[арк] В[ениаминович] людей, свой долг действительно и хорошо выполняющих. И в особенности на троне? Сердится М[арк] В[ениаминович], что даже и социалисты могут быть монархистами! Но как наивны и доктринерски эти его огорчения! А между тем если бы он показал всю *противоположность* между «культом героя» (нынешним язычеством: Сталин, Гитлер, даже Муссолини) и любовью к подлинному вождю^{*}), — могла бы выйти интереснейшая статья. Разумеется, не огорчайте М[арка] В[ениаминовича] моим острым и злым суждением. Но я, действительно, разозлился. Именно «Смердяковы» и «рабы» не способны ценить большого человека, признавать, что есть люди, высоко стоящие!

Для следующего № я предлагаю Вам: 1) статью «Школа в России и революция»². Статья мною уже написана, сейчас переписывается. Она редкий случай, когда я, по написании, сам остался *безусловно* доволен ею. По теме своей она соприкасается с проблематикой Юрьевского. Через несколько дней я ее Вам пошлю (мне интересно и ценно знать Ваше мнение независимо от того, поместите ли Вы ее или нет). Если, по разным редакторским соображениям, не поместите, выш-

лите мне, пожалуйста, рукопись назад. Я помещу ее тогда в «Русск[ой] школе». 2) рецензию на нем[ецкую] книжку Бердяева «Wahrheit und Lüge des Kommunismus»³. Об этом сообщите – я по-русски рецензию эту еще не написал⁴.

Через месяц я должен ехать уже в Польшу. Но как мне удастся закончить здесь свои дела, устроить семью на лето (жена и младший сын совсем больны⁵), поехать в Польшу без денег – совсем не знаю. Очень много «забот», иногда совсем в отчаяние прихожу.

Мой старший сын Евгений, как Вы уже заметили, вдруг оказался поэтом⁶. В Праге он побивает сейчас всех других, и слава его растет⁷. Что же? может быть скоро появится и у Вас в «С[овременных] зап[исках]»⁸. Я этому радуюсь, хотя это – лишняя забота: поэзия не кормит!

В заключение две просьбы:

1. Мой гонорар (и за прошлый № остаток, ведь билета то Вы не купили!) перешлите, пожалуйста, Г. Гурвичу. Я ему должен и не могу вернуть, а ему деньги очень сейчас нужны.

2. При случае пришлите мне (вычтите из гонорара):

Бердяев «Назнач[ение] человека»⁹ (мой экземпляр у меня взяли и не вернули)

Новый сборник «О переселении душ»¹⁰ – попросите, чтобы прислали мне *реценз[ионный]* экз[емпляр]. Я о нем напишу!

Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

P.S. Увидите Георгия Петровича [Федотова], передайте ему, что Кондаковский Институт ждет его ответа на предложение обмена книгами и оттисками. Или он не получил письма?

P.P.S. Где теперь Илья Исид. [Фондаминский]? Каковы его планы и предположения, в частности, о «Нов[ом] граде»?

*) Масарику, королю Георгу, даже Пилсудскому.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Далее Гессен упоминает материалы, опубликованные в № 58 СЗ: повесть Н.Н. Берберовой «Акомпаниаторша» (С. 155–218), начало романа В.В. Набокова «Приглашение на казнь» (С. 5–56), статьи И.Л. Солоневича «В деревне» (С. 274–309), П.М. Бицилли «Кризис истории» (С. 328–335), В.В. Руднева «Народный вождь: (К восьмидесятилетию Т.Г. Масарика)» (С. 336–343), Ст. Ивановича (С.О. Португейса) «Из размышлений о революции» (С. 395–415), Е. Юрьевского (Н.В. Вольского) «СССР на путях эволюции» (С. 416–432), Г.П. Федотова «Зачем мы здесь?» (С. 433–444), В.В. Вейдле «Механизация бессознательно-го» (С. 461–469), В.Ф. Ходасевича «Аглая Давыдова и ее дочери» (С. 227–257), Д.С. Мережковского «Коммунизм Божественный» (С. 310–318), В.А. Маклакова «Из прошлого» (С. 258–273), М.В. Вишняка «Культ героев» (С. 378–394), рецензия В.В. Руднева на книгу: Чернов В.М. Рождение революционной России: (Февральская революция). Париж [и др.]: Юбил. ком. по изд. трудов В.М. Чернова, 1935 (С. 490–493).

² Гессен С.И. Школа в России и революция // СЗ. 1935. № 59. С. 445–458. Статья стала последней публикацией С.И. Гессена в СЗ.

³ *Berdjajew N.A. Wahrheit und Lüge des Kommunismus. Luzern: Vita Nova Verlag, 1934.* Рецензия Гессена на книгу вышла в том же номере, что и его статья (Там же. С. 479–481).

⁴ Судя по всему, С.И. Гессен написал рецензию сначала по-немецки. Ср. в его письме к С.Л. Франку от 30 июня 1935 г.: «Dr. Varth поместил в “N[eue] Z[ürcher] Z[eitung]” мою статью о книге моего здешнего друга и шефа [вероятно, имеется в виду пражский славист

Gerhard Gesemann (1888–1948)]. Но статью о Бердяеве вернул на том основании, что о нем (хотя о другой книге) был уже фельетон в прошлом году. Все же обещает меня от времени до времени печатать» (Bakhmeteff archive. Frank papers. Box 1). Был ли опубликован немецкий вариант рецензии в другом месте, не установлено.

⁵ Ср. в том же письме С.И. Гессена к С.Л. Франку: «Беда еще та, что Нина Лаз[аревна] совершенно больна. По-видимому, не только усталость и нервы, но и верхушка легких. Ей во что бы то ни стало надо хоть на месяц уехать из Праги. Но как это осуществить? Митя, к счастью, перешел в след[ующий] класс (последний). Его здоровье тоже меня беспокоит. Он нервен как сорокалетний эмигрант. Я нашел для него прекрасную “кондицию” на лето. Но он отказался: “хочу быть один”».

⁶ Гессен Евгений Сергеевич (1910–1944), сын С.И. Гессена; поэт. Родился в Петербурге; эмигрировал вместе с отцом в декабре 1921 г. в Финляндию, а затем в 1922 г. в Германию (в Берлин). В 1924 г. семья Гессен поселилась в Праге; в 1934–1939 гг. Е.С. Гессен — студент пражского Политехнического института. Погиб в концлагере в Освенциме. В члены «Скита» принят 9 ноября 1934 г.; с 1935 г. печатал свои стихи в сборниках «Скит» III и IV, «Новь: Восьмой сборник» (Таллинн, 1935), в «Мече» и «Журнале Содружества». Об Е.С. Гессене см.: *Каменская В.А.* О Евгении Гессене // Междунар. конференция «Рус., укр. и белорус. эмиграция в Чехословакии...». Прага, 1995. С. 274–283; Краткий биографический словарь. С. 298; *Práce guské emigrace*. S. 169; Литературное зарубежье России. С. 201; Словарь поэтов. С. 71; «Скит». Прага 1922–1940. М., 2006. С. 587–589.

⁷ Ср. в письме С.И. Гессена к С.Л. Франку от 30 июня 1935 г.: «Единственно, кто меня радует дома, — Женя. Его поэтический успех здесь радует. Стихи его (новые), действительно, очень хороши. А главное: за семестр он сдал 5 экзаменов! Я начинаю быть за него спокоен» (Bakhmeteff archive. Frank papers. Box 1).

⁸ В СЗ напечатаны два стихотворения Е.С. Гессена: «Не о главном» («В грубом свете солнца...») и «Последние дни» («Последние я провожаю дни...») (СЗ. 1936. № 60. С. 193–194). В архиве Руднева сохранилось письмо Е.С. Гессена к М.О. Цетлину от 27 января 1936 г.: «Глубокоуважаемый Михаил Осипович! Очень благодарен Вам за Ваше любезное напоминание о присылке стихов. Не ответил Вам в свое время на Ваше письмо, так как сразу хотел и послать новый материал. Но выбор у меня вообще еще очень небольшой, и тем более я был затруднен мотивировкой Вашего отказа: пока, кажется, линия моего поведения “нейтральная”: от стихов характера напечатанных в “Ските” я порядочно отошел. М.б., это пока заблуждение, в поисках себя — это покажет время. Для Вашего журнала отобрал наиболее удавшееся из того, что считаю более *своим*. Если будет у меня готово что-нибудь новое в течение ближайшей недели, надеюсь, — не будет поздно Вам еще послать. Искренне уважающий Вас Евг. Гессен» (РАЛ. MS. 1500/8).

⁹ *Бердяев Н.А.* О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж: Совр. записки, 1931.

¹⁰ Переселение душ: Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве: Сб. ст. Николая Бердяева, о. Сергия Булгакова, Б. Вышеславцева, В.В. Зеньковского, о. Г. Флоровского, С. Франка. Paris: YMCA-Press, [1935].

52. Гессен — Рудневу Прага. 5 июля 1935 г.

Прага, 5.7.35

Дорогой Вадим Викторович,
 посылаю Вам*) свою статью «Школа в России и революция». Если сочтете ее интересной для «С[овременных] зап[исок]», то поставьте у себя. Предоставляю Вам право ее сократить. Мне самому это труднее сделать, ибо мне все кажется

важным. Если же статья Вам не понравится, *верните*, пожалуйста, назад (у меня другой копии нет). Я помещу ее в «Русск[ой] школе»: преимущество помещения ее здесь — что она пойдет без сокращений. Но в «Совр[еменных] зап[исках]» ее будут читать более широкие круги, и это меня прельщает. Думается мне, что она имеет значение общее, — для понимания общего поворота, происходящего в Сов[етской] России. Жду также Вашего ответа по поводу книжки Бердяева.

Я остаюсь еще здесь месяц. Ко всем моим заботам, безденежью и т.п., присоединяется сейчас боязнь, что не успею всего сделать *перед*, что можно, до отъезда в Польшу.

Сердечный привет

Ваш С. Гессен

*) на адрес «Совр[еменных] зап[исок]»

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Почтовая открытка; адрес отправителя: «S. Hessen, Praha VIII, č[íslo] 1224»; адрес получателя: «M[onsieu]r W. Roudneff, Boulogne s[ur] Seine, 51, rue Georges Sorel, France»; почт. шт.: «Praha, 8.VII.35».

53. Гессен — Рудневу Praha. 4 августа 1935 г.

Praha VIII, Na Kolinské 1224.

4.8.1935

Дорогой Вадим Викторович, я все еще в Праге и, дай Бог, чтобы уехал в Польшу через 2 недели. Это может оказаться фатальным для моих польских дел, успех которых зависит всецело от языка и того, как мне удастся подготовиться к курсу. Но мне всю жизнь не хватало 500 рублей (как банальному «Ивану Ильичу» Л. Толстого), а также 5 недель времени. Вот и сейчас совсем погибаю от «безвременья» и безденежья; сижу в Праге, занят окончанием чешского перевода моей книги¹, порчу свой польский язык, злюсь и жду у моря погоды!

Стараясь быть совсем объективным (читателем и редактором, а не автором), я думаю, что «С[овременным] з[апискам]» следовало бы *мою статью* поместить, даже не чрезмерно ее сокращая. Статья мне удалась, она дает характеристику новой России, — pendant к статье Юрьевского². Два слова о Ваших сомнениях:

1. Да, «достижения» есть, ничего не поделаешь. Что эти достижения куплены страшной ценой, меньше достижений за то же время в других государствах, меньше тех, которые произошли бы в России без Революции, — это явствует из моей статьи. Да и что значит «достижения»? Я нарочно говорю о «сдвигах». В 5 раз больше учащихся, но в 5 раз ниже уровень школы и качество преподавания. «Достижение» это? Не знаю, но громадный сдвиг, который необходимо себе уяснить во всем его значении.

2. Этим я отвечаю и на Ваш второй вопрос. О «профессе» образования я нигде не говорю. Говорю только о «сдвигах», отчасти параллельных сдвигам и в других государствах, явившихся результатом послевоенного развития и Революции и менее всего результатом осуществления коммунистического идеала.

3. Я действительно считаю, что новейшая фаза сов[етской] школьной политики «всерьез и надолго». Почему? Да потому, что коммунистический идеал образования, пройдя все свои фазы, сам себя исчерпал (см. мою статью в № 6 «Нов[ого] града»³). Вернуться назад к нему немислимо после того, как сама советская власть не только разочаровалась в нем, но и вылила на него ушаты критики. Все предыдущее объявлено не только плохо сделанным, но принципиально некоммунистическим, антиленинским, в полном согласии с общественным мнением, отвергшим это прошлое, как разлагавшее школу. Куда же возвращаться? Ведь сейчас не Нэп, который вводился «временно» и оправдывался как «шаг назад», чтобы потом снова разогнаться еще дальше вперед. Ведь все это приятие «буржуазного наследства» оправдывается сейчас как истинный коммунизм. Это громадная разница! Нет *веры* в старое (коммун[истическое] старое) и потому нет другого пути, кроме как «осваивать» достижения, т.е. заняться наконец повседневной, но органической работой «повышения качества». Поэтому я и думаю, что сейчас школа в России стабилизировалась, Революция в ней кончилась, основные черты ее здания определились, и лет 20 можно будет только укреплять это здание, чистить, штукатурить, но уже не ломать⁴). Разумеется, я исхожу из того, что Россия не только сумасшедший дом, и что власть начинает сейчас делать то, что по существу только единственно и можно делать.

Если бы меня завтра назначили министром народного просвещения и дали «полноту власти», я думаю, что не мог бы делать сейчас существенно иного, чем сов[етская] власть в школьном деле: заняться постройкой школьных зданий, изданием учебников, поднятием уровня учителей и т.д. Вернуться к старому я бы не мог: его нет. Только уничтожил бы обязательность марксизма-сталинизма, но ведь что такое сейчас сталинизм? Только словесная форма деспотизма! Он уже (как марксизм) сам себя уничтожил!

Имейте в виду, что я совсем не одобряю возврата к «старой школе». Я противник «старой школы». Но что делать, когда другого пути нет, как восстановить атрибуты школы XIX столетия. Можно обойтись без экзаменов, отметок, наград, наказаний — при этом-то уровне учителей, учащихся, помещений? Не закрывать же существующие школы, чтобы «поднять качество» остающихся? По новому декрету школьные здания должны **быть** состоять на 65% из классов, а только на 35% мастерские, лаборатории, залы, столовые. Это — девяностые годы XIX в. и даже раньше! Но что делать? Строить современные здания (как в «Европах» с обратным отношением), чтобы они оставались оазисами в океане школ, в которых занятия происходят в *три* смены? Или строить на основе «буржуазного наследства» XIX века, но с перспективой отменить в 1938 году занятия в 3 смены, а в 1940 г. — занятия в две смены? Если бы я был министром, я бы пошел, вероятно, на компромисс. Но возможны ли сейчас в России компромиссы? Может быть, нужны ясные, недвусмысленные приказы, чтобы не было «головотяпства». Очень может быть!

А что — поворот во внешней политике (Лига наций и т.п.) — всерьез и надолго? Как это [до]казать? Разумеется, отвлеченно говоря, возможно *salto mortale* в сторону. Но не связана ли и деспотическая власть реальной обстановкой? Боязнь Германии? Но ведь и стабилизация школы тоже среди прочего порождение этой боязни!

5. Американизм и мне не нравится! Но что делать: нет сейчас почвы для европейского гуманизма. Он и в Европе сейчас быстро испаряется (в школьном деле), а Вы хотите насаждать его в России, завоеванной непочатыми миллионами «вертикальных» и «горизонтальных» варваров? Лет через 20 можно будет начать говорить о гуманизме. Тогда и мои «Основы педагогики» станут актуальной, модной книгой в России (вот когда расплачусь с долгами!). А до тех пор пусть еще новые слои («массы») пообтешутся, поцивилизуются, приучатся чистить зубы по утрам и, м.б., даже на ночь. Ведь вот Америка — только сейчас начинает европеизироваться и (в школьном деле) обращаться лицом к Европе и к ее (ее ли?) гуманизму.

Все это можно было бы написать в статье, но я предпочел ограничиться именно информацией и постановкой проблем (а их-то я поставил, Ваши «сомнения» тому свидетельство), чем предлагать свои рассуждения и «решения». Внимательный читатель мое мнение вычитает (если Вы только не очень сократите статью, там каждая фраза написана неспроста). Зачем ставить точки над *i*, зачем навязываться со своим взглядом? Пусть сам составит себе свое мнение! Я ему даю материал для этого.

Адрес Гурвича: Paris (XIII), 7 Square de Port-Royal. Так стоит на последнем письме от 5.V. этого года. Разве что уехал на дачу. Пожалуйста, напишите ему еще раз! Сколько Вы ему посылаете? — А книг (*Бердяева*) я еще не получил. Писать *рецензию* на его «Wahrheit und Lüge des Kommunismus»?

С *Окуневым*⁴ поговорю и Вам напишу. Но боюсь, что, снова согласившись (и без упоминаний) написать статью, он ее скоро не напишет. Окунев вообще не писатель. М.б., за всю жизнь свою он написал 10 печ[атных] листов. В этом причина всей проволоочки. «Котируется» Окунев высоко: он много знает, много открыл, но, повторяю, очень мало написал и не умеет писать. Да и времени для этого не имеет. О русской иконе в Польше я найду Вам в Польше прекрасных авторов (Моле⁵, Краков; Валицкий⁶ в Варшаве), которые охотно напишут статью и даже по-русски. Но постараюсь все же с Окуневым встретиться и с ним переговорить (телефонов у нас нет). — *Кускова в Праге.*

А теперь позвольте обратиться к Вам с «протекцией». Вы, вероятно, слышали, что мой старший сын («*Евгений Гессен*») обернулся поэтом. А.Л. Бем (начальник здешнего «Скита») ценит его *чрезвычайно*. Считает его самым настоящим поэтом, пророчит ему большую будущность. Среди пражской литературной молодежи мой Женья пользуется громадным и бесспорным успехом. Сам он скромненький, как и раньше, но преодолел благодаря успеху свой «комплекс угнетенности», взялся за работу и в прошлом семестре сдал 5 экзаменов — поэзия может быть полезна. Теперь я за него спокоен (и самому мне стихи его нравятся). Слова нет, лестно иметь сына-поэта, будущего бессмертного. Но я все же отец, потому сомнения мои еще сильны и в бессмертии его («историческом») не уверен. Все же помню его в самых непоэтических ситуациях. Мальчик он хороший, даже во многом чудесный. Но нет «дистанции», как сказал бы Степун, а без «дистанции» — какой же поэт, да еще признанный.

Поэтому, ежели я все же посылаю Вам его стихи и прошу поместить их в журнале, то не по собственному почину, а по настоянию Бема и по обещанию, исторгнутому у меня Аллой Головиной. Она считает Женю самым настоящим поэтом из всей здешней молодежи, и я обещал ей торжественно и при свидетелях, что

«протекцию» окажу. «Без протекции ведь ничего не делается, а в “Совр[еменных] зап[исках]” особенно», как здесь полагает молодежь. Ну вот, я протекцию и оказал. А теперь Ваше дело дать ей ход. Я сам стою за помещение в первую очередь сразу двух стихотворений: «Друзьям» и «Студень».

Так, значит, Марк Вен. [Вишняк] уезжает в Палестину⁷! От души желаю ему там успеха! Но как-то не вяжется у меня Вишняк и Палестина. Все же он ведь русский до какой-то большой глубины. Приживется ли он там?

На свою поездку в Польшу я смотрю как на опыт. Посмотрим! Попробуем! *Qui ne risque rien, ne gagne rien*⁸. А мне Прага надоела к тому же. Зуд приключенчества. Перед старостью! Связей с «Совр[еменными] зап[исками]» и со своими друзьями (а Вы ведь в первом их ряду) я, разумеется, не порву. Где уж мне заделываться поляком и отречься от своей русской души и даже от эмигрантской своей «бедной гордости». 15 лет «варился в соку», пропах до последней жилы, никакими духами не искоренишь этого русского запаха. Все мое западничество и великая моя англофилия — только мечта, пребывающая в «диалектическом взаимонапряжении» с моей русской банальностью с ее постоянной недохваткой 5.000 кč (перевожу 500 р. на валюту и немного скидываю на послевоенную дешевизну) и 5 недель «безвременья». Так что от меня не отвяжется! Но ближайшие 6 месяцев — исчезаю в пучинах польского языка и своего курса. Если выплыву, вернусь и в «Совр[еменные] зап[иски]». Если потону, то все же в русской Праге, куда вернусь доживать свой век сотрудником «Совр[еменных] зап[исок]», вместе со своим хозяином, становящимся маститым и уступающим дорогу молодежи (поэту «Евгению Гессену»).

Вот как разболтался. А пока жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

Привет М. Вен[иаминовичу] [Вишняку] и Илье Исидоровичу [Фондаминскому]!!

Жду все же ответа, а именно:

1. Что же моя статья? Если не пойдет, пришлите рукопись назад (для «Р[усской] школы», у меня копии нет).

2. Деньги Гурвичу? 3. Бердяев — книга. 4. Бердяев — рецензия. 5. Евгений Гессен. 6. Польские статьи об искусстве. 7. Об Окуневе сообщу дополнительно открыткой.

*) Советская педагогика раньше оправдывала ком[мунистическую] идеологию между прочим и тем, что она порождает новый тип школы, новый идеал образования, новые методы, новую даже «науку». Теперь ничего этого нет. Ком[мунистическая] идеология наделяется только магической силой претворять старый хлам педагогики XIX в. (экзамены, награды, отметки, наказания) из буржуазного зла в советское добро. Она не творит, а только предистижаторствует [так!]⁹. Почему? Потому что ее нет. Она выдохлась!

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ См. примеч. I к п. 38.

² Юрьевский Е. [Вольский Н.В.] СССР на путях эволюции // СЗ. 1935. № 58. С. 416—432.

³ Гессен С.И. Судьба коммунистического идеала образования // Новый град. 1933. № 6. С. 42—59.

⁴ См. о нем примеч. 31 к п. Фондаминского Рудневу от 20 июня 1934 г. (Ред., п. 420).

⁵ Molè Vojeslav (1886–1973), словенский историк искусства, профессор Ягеллонского университета в Кракове.

⁶ Walicki Michał (1904–1966), польский историк искусства, профессор Варшавского университета; отец А. Валицкого, опубликовавшего в России «Мое жизнеописание» (см. вступ. ст., примеч. 1) и «Избранные сочинения» С.И. Гессена (1999).

⁷ В 1935 г. Вишняк решил уехать в Палестину на постоянное жительство, получил визу и начал изучать иврит, но скоро отказался от своего намерения. См.: Вишняк 1970. С. 108–109.

⁸ Кто ничем не рискует, ничего не выигрывает (фр.).

⁹ По-видимому, должно быть «престидижитаторствует», от prestidigitateur – иллюзионист, волшебник в цирке (фр.).

54. Гессен — Рудневу *Praha. 14 сентября 1935 г.*

Прага. 14.9.1935

Дорогой Вадим Викторович,
пишу Вам накануне своего отъезда в Польшу. Завтра в 9.20 утра еду в Закопане, где пробуду дней 10 у своих знакомых, а в конце месяца уже буду в Варшаве. Сейчас я уже как бы в пути. Очень боюсь будущего: ведь я еще не начинал готовиться к курсу своему, а осталось всего две недели до начала занятий. До последнего момента не знал, как удастся поехать. Но мое прилежание над чешским яз[ыком] (!) неожиданно вознаграждено оказалось судьбой. Мне удалось устроить мою книгу на прекрасных условиях и получить даже аванс в 5.000 кš, что меня спасло.

Окунева только сегодня поймал по телефону: он хочет писать для Вас статью, обещает написать ее еще в этом году, но просит не связывать его определенным сроком. У меня впечатление, что в декабре статью Вы, наконец, получите.

Прилагаю при сем рецензию на Бердяева¹. Если не подойдет для «С[овременных] з[аписок]», передайте Илье Исидоровичу [Фондаминскому] для «Нов[ого] града».

Сын мой прилагает также несколько новых стихов. М.б., эти Вам и Вашей редакции больше понравятся.

Мой адрес:

до 25 сент[ября] —

Zakopane, Sanatorium Związku Nauczycielskiego, Pologne.

от 1 окт[ября] до 20 февр[аля]:

Warszawa, Wolna Wszechnica Polska, Opaczewska 2.

Не сердитесь на несвязность письма. Сейчас уже ½ 2-го ночи, а надо еще укладываться.

Сердечный привет. Ваш

С. Гессен

Не забывайте!

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ См. примеч. 3 к п. 51.

55. Гессен — Рудневу
Warszawa. 2 октября 1935 г.

Варшава, 2.10.35

Дорогой Вадим Викторович,
 после краткого отдыха в горах у знакомых, очутился наконец в Варшаве. Сразу нашел здесь комнату в знакомой польской семье недалеко от места моих лекций, ухаживают за мною как за единственным сыном. Лекции начинаются через 2 недели, т.ч. есть еще время для подготовки. Диктую свои лекции на машинке и при том учусь особенностям польской грамматики и стилистики. Но, несмотря на всю удачу первых дней своего пребывания здесь, все же очень боюсь лекций. У меня как ни как будет 6 ч[асов] лекций и 2 часа семинария, это в Варшаве, а кроме того по средам я должен буду ехать в Лодзь, где будет еще 4 часа (разумеется, буду там повторять то, что в Варшаве). Так что все время уйдет на лекции. О том, чтобы что-либо писать, и думать не могу. К тому же ведь через месяц начну получать чешские (!) корректуры, что меня заранее приводит в ужас.

Напишите мне сюда (заметьте мой постоянный адрес — на обороте), что в Париже, что в «Совр[еменных] зап[исках]». Как обстоит дело с моей статьей? Как решили о стихах моего сына? Когда выйдет книжка? Пожалуйста, пришлите мне ее сюда, а я уже пошлю ее отсюда моим в Прагу, ежели мой сын не получит как автор особого экземпляра. Сообщите мой адрес Илье Исид. [Фондаминскому] (передали ли Вы ему мою рецензию о Бердяеве). Уехал ли уже Марк. Вен. [Вишняк]? Сердечный привет всем, а Вам, дорогой Вад[им] Викт[орович], в особенности.

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Prof. S. Hessen, Warszawa, ul[ica] Uniwersytecka, 1, m[ieszkanie] 43»; адрес получателя: «M[onsieur] V.V. Roudneff, Boulogne s[ur] Seine, 51, rue Georges Sorel, *France*»; почт. шт.: «Warszawa, 2.X.35».

56. Гессен — Рудневу
Warszawa. 25 декабря 1935 г.

Warszawa, Uniwersytecka 1, m[ieszkanie] 43

25.12.35

Дорогой Вадим Викторович,
 только на этих днях смог прочитать новый номер «Совр[еменных] зап[исок]»¹. Во время семестра, который закончился у меня только 20-го (в этот день еще был в Лодзи), мог читать только урывками. Если отвлечься от беллетристики (здесь ограничусь только чисто субъективными суждениями, не притязающими на критичность: Сирин мне непонятен и тяжел, Осоргин же слишком понятен и легковесен), то номер снова в общем очень интересен. Подчеркну только то, что меня разочаровало: Головин, Керенский, Марков (совсем не о том говорит, что утверж-

дал Юрьевский, идет совсем *мимо* аргументации последнего²), а также Солоневич. От всех них и на эти темы ожидал, как читатель, большего. Поэтому за самую лучшую часть номера почитаю «Культура и жизнь». Здесь *все* статьи (о себе скромно молчу) превосходны, интересны, поучительно, *прекрасно написаны*. Особенно хороши статьи Бицилли (как он неровно пишет, на этот раз его статья блестяща, а иногда его читать нельзя), Флоровского, Милокова, Гиппиус, Газданова и Ваша. Повторяю — Ваша, и без всякой лести. Она не только хороша как характеристика покойного Гулькевича, но прекрасна как статья. Кстати (неприменно ответьте на это, мне это важно для своего курса), откуда у Гоголя эта великолепная цитата о небесном гражданстве³? Наконец — снова на высоте библиография: я прочел ее, не отрываясь, и многому из нее научился.

Ну, а как обстоят дела со следующим номером? Когда собираетесь его выпустить⁴? Я, по-видимому, не смогу ничего для него дать (хотя есть у меня тема: Рузвельтовский New Deal и сталиновская пятилетка, — показать принципиальное духовное противоречие между обоими, — но где взять время для писания?). Зато, м.б., на этот раз Цейтлин [так!] будет более снисходителен и напечатает стихи Евгения Гессена. Сыновья мои не балуют меня письмами и я, получивши письмо Ц[ейтлина] для сына и лояльно переславши его ему, не распечатав письма, так и не знаю, что он писал, и что Женя ему ответил.

Оттиски получил, большое спасибо. Если платите гонорар, то снова прошу перевести его Г.Д. Гурвичу, хотя на этот раз очень прошу не засчитывать за его долг, а выплатить ему так, как будто бы я сам деньги получил.

О себе могу написать, что в общем я в Варшаве преуспеваю. Только в течение первого месяца приходилось мне лекции свои предварительно писать. Польский яз[ык] удалось мне как-то усвоить очень быстро, и уже со второго месяца я лекции свои говорил свободно. Выходит недурно, а иногда лекции выходили даже вполне хорошими (так, как будто бы по-русски). Внешний успех лекций большой. Число слушателей не только не уменьшается, а увеличивается, особенно в Лодзи — там всегда аудитория переполнена. Сам я постольку доволен, что вывезу из Варшавы первый набросок целой новой книги, которая, если поработаю над ней еще 2—3 года, будет, м.б., лучшим, что до сих пор написал. Хотя язык уже не составляет трудности, приходится очень много работать в отношении содержания курса: много читать — и не только польской литературы, а и на других языках, восполнять пробелы. Кроме того приходится много писать (статьи и рецензии, сейчас пишу прямо по-польски), а также готовиться к разным докладам (очень меня, как нового человека, всюду приглашают).

Отношение ко мне здесь самое благожелательное и даже почтительное, доходящее до сердечной ласковости. Но останусь ли я здесь (пока речь идет только о след[ующем] семестре), — еще не известно. Формально этот вопрос решится только в начале января, но потом многое будет зависеть от Праги (получу ли я продолжение отпуска, без отпуска пока не решаюсь на перемену).

Жизнь в Варшаве очень приятна, многое напоминает Петербург: идешь по улице — Фраже⁵, бр[атя] Тонет⁶, Пульс, Вольф⁷, такого же типа фруктовые магазины — подвалы. А главное: темп и тонус жизни такой еще предвоенный. Иногда

прямо поражает: до чего в Польше сохранилось (и в хорошем и в дурном) то, что не только в России, но всюду на свете уже, кажется, исчезло.

С русскими кругами в Варшаве я пока еще не связался. Не принципиально и даже не нарочно, а потому, что совсем не было времени. Если останусь здесь, то разумеется — свяжусь.

Ну, а что у Вас нового? Что нового в русском Париже? Напишите мне, дорогой Вадим Викторович, — а то чувствуешь себя отрезанным. А пока желаю Вам доброго Нового Года (здоровья, благополучия, исполнения желаний) и радостного Рождества Христова. Обнимаю Вас

Ваш С. Гессен

Получил «Новый град» (№ 10), но только сегодня приступаю к его изучению.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Далее Гессен упоминает материалы, опубликованные в № 59 СЗ: главы из романов В.В. Набокова «Приглашение на казнь» (С. 45–97) и М.А. Осоргина «Вольный каменщик» (С. 98–166), статьи Н.Н. Головина «Итало-абиссинская война» (С. 318–337), А.Ф. Керенского «Абиссинские арабески» (С. 354–367), А.П. Маркова «Происходит ли хозяйственная эволюция в СССР?» (С. 368–381), И.Л. Солоневича «Реформы» в колхозах» (С. 382–390), П.М. Бицилли «Формула нашего времени» (С. 391–399), Г.В. Флоровского «Проект мнимого дела (О Н.Ф. Федорове и его продолжателях)» (С. 399–414), П.Н. Милюкова «Сталин» (С. 420–436), З.Н. Гиппиус «Своими путями: (О Е.М. Лопатиной)» (С. 459–462), Г.И. Газданова «О Поплавском» (С. 462–466), В.В. Руднева «К.Н. Гилькевич» (С. 466–470).

² Статья А.П. Маркова «Происходит ли хозяйственная эволюция в СССР?» (СЗ. 1935. № 59. С. 368–381) была посвящена полемике со статьей Е. Юрьевского (Н.В. Вольского) «СССР на путях эволюции» (СЗ. 1935. № 58. С. 416–432).

³ Из неотправленного письма Н.В. Гоголя В.Г. Белинскому, написанного в июле–августе 1847 г.: «Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 13. С. 445).

⁴ Следующий номер СЗ вышел через два месяца, в конце февраля 1936 г.

⁵ «Фраже» — фирма по производству столовых приборов из плакированного серебра и мельхиора. Основателем ее стал Иосиф Фраже (Josef Fraget; 1797–1867), организовавший в 1824 г. первую в Варшаве гальваническую лабораторию, вскоре ставшую большой фабрикой, которой после смерти основателя руководил его сын Юлиан. Магазины фирмы были открыты во многих крупных городах, в том числе и в Петербурге (на углу Невского проспекта и Б. Конюшенной улицы).

⁶ «Братья Тонет» («Gebrüder Thonet») — мебельная фирма, которую основал немецкий мастер Михаэль Тонет (Thonet; 1796–1871), открывший мебельную мастерскую в Вене в 1849 г., а после его смерти дело продолжали пятеро его сыновей. Вскоре отделения фирмы и мебельные магазины открылись во многих европейских столицах, в том числе и в Петербурге в 1871 г. (на углу Невского проспекта и Б. Морской улицы). Подробнее см.: *Личура Г.* Мебель Тонета. М., 2001.

⁷ Уроженец Варшавы Маврикий Осипович Вольф (1825–1883) открыл собственное книжное дело в Петербурге в 1853 г., которое вскоре стало одним из крупнейших в Европе. Книгоиздательство «Товарищество М.О. Вольф» существовало и после смерти основателя (до 1917 г.). Книжные магазины Вольфа действовали в Москве, Могилеве, Витебске, Варшаве, а в Петербурге их было два (в Гостином дворе, пом. 18, а также на Невском проспекте, 13).

57. Гессен — Рудневу
Praha. 13 января 1936 г.

Praha VIII, Na Kolinské 1224.

13.1.1936.

Дорогой Вадим Викторович,
я опять в Праге, но на короткий срок между двумя семестрами. 24-го снова выезжаю в Варшаву, где приглашен и на след[ующий] семестр. В Праге счастливо удалось устроить продолжение отпуска еще на полгода. Окончательный же выбор откладывается на лето, когда выяснится в Варшаве и вопрос о моем приглашении там и в университет. Если, что наиболее вероятно, я получу и в университете в Варшаве «поручение» обяз[ательных] лекций, то я там остаюсь. И в материальном и в моральном отношении мне там лучше, главное — совсем иные перспективы для работы и для внутреннего движения вперед. И так — после 24-го пишите мне уже в Варшаву — тот же адрес: Uniwersytecka 1, m[ieszkanie] 43.

После Варшавы с ее успехом, новыми друзьями, новыми темами, самотеком, вырастающими из моей работы, Прага показалась мне бедной, скучной — все то же. Разумеется, — это субъективная аберрация: государственная, хозяйственная жизнь здесь во всех отношениях выше, оригинальнее, смелее. Но духовная жизнь в Варшаве выше, богаче, искреннее. Наконец — «ментальность» польская нам ближе, родственнее, милее.

В Варшаве познакомился с очаровательной русской студенткой, 21 года, Татьяной Михайловной Рудневой¹. Отец ее (покойный) Михаил Осипович Руднев — москвич, мать — Куракина (Тверск[ой] губ[ернии]). Не родственница ли это Ваша? Я хочу о ней хлопотать, ~~чтобы~~ хочу устроить ей год занятий в Праге (она — историк древности, намеревается специализироваться по Византии).

В будущем семестре я читаю два курса: 1. Основы школьной политики и 2. Основы этики. Кроме того предстоит прочитать ряд докладов и написать *множество* статей. Я и теперь должен написать срочно три статьи, но так устал, что не могу заставить себя начать работу — а тут еще множество забот, хлопот, корректур старых вещей.

Пишу Вам это, чтобы извинить свое молчание и объяснить, почему ничего Вам до сих пор не послал для 60-й книжки. Для 61-й книжки уже наверное пошлю статью о рузвельтовском и советском опыте, рецензии, а м.б., что-нибудь получше. У меня есть интереснейшая тема — «Судьба психоанализа» (это глава из курса, мною прочитанного). Но когда и как все это смогу написать, — сам еще не знаю.

Иос. Влад. [Гессен] мне написал, что встретился с Вами, и что Вы ему «с большой симпатией» говорили обо мне. Как приятно было мне получить от Вас этот привет, несмотря на то, что я так непозволительно манкирую своими дружественными и деловыми обязательствами! Сыновей своих нашел в Праге в состоянии раздвоения. Женя мечется между поэзией и техникой, в результате чего страдают обе. Младший, Митя, тоже что-то усиленно «пишет», в результате чего страдают его успехи в гимназии. А он стоит перед экзаменом зрелости, и я боюсь, как бы не произошло катастрофы. Жена все больна, хотя опасения «грудной жабы» (по словам д[окто]ра, ее пользующего) лишены всяких оснований.

И. Вл. [Гессен] мне написал также, что в «Совр[еменных] зап[исках]» появятся стихи Жени². Надеюсь, Цейтлин отобрал наиболее удачные. За чудесную цитату из Гоголя — большое спасибо: она мне пригодилась в курсе.

Крепко жму руку. Сердечно Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ Не удалось найти сведений.

² В появившемся через месяц номере журнала были опубликованы стихотворения Е.С. Гессена «Не о главном. В грубом свете солнца...» и «Последние дни» («Последние я провожаю дни...») (СЗ. 1936. № 60. С. 193–194).

58. Гессен — Рудневу *Warszawa. 28 марта 1936 г.*

Варшава, 28.3.1936.

Дорогой Вадим Викторович, до сих пор еще не получил № 60 «Совр[еменных] записок», хотя он, кажется, уже вышел. Если Вы послали его в Прагу — то это ведь для нового автора. А мне, как старому сотруднику, тоже ведь полагается №. Очень прошу Вас также выслать мне (на мой счет у Вас) сборник УМСА о переселении душ¹.

Не писал Вам так долго, ибо тотчас же по возвращении в Варшаву на меня обрушилось столько срочной работы, что только сейчас вздохнул. Кроме 12 часов лекций (8 часов — новые курсы, к которым должен очень много готовиться) было еще два доклада и две срочных, очень ответственных статьи: одна по-немецки, другая по-польски. Очень трудно все это совмещать: разные темы, разные языки. Иногда голова кругом идет. Но еще неделя — и каникулы. Для № 61 «Совр[еменных] зап[исок]» статью напишу наверное.

По прочтении «С[овременных] з[аписок]» напишу подробнее. А пока желаю Вам добрых праздников. Христос воскрес!

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Почтовая открытка; адрес отправителя: «S. Hessen, Warszawa, Uniwersytecka 1, m[ieszkanie] 43»; адрес получателя: «M[onsieur] V. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s/Seine, *Francia*»; почт. шт.: «Warszawa, [нрзб] 36».

¹ См. примеч. 8 к п. 51.

59. Гессен — Рудневу *Warszawa. 30 апреля 1936 г.*

Warszawa, Uniwersytecka 1, 43

30.4.1936.

Воистину воскрес, дорогой Вадим Викторович, не писал Вам так долго, даже на праздниках, т.к. уже очень был на все стороны растрепан. Должен был написать две статьи (по-польски), кроме того много пе-

речитать для своих курсов, а кроме того приготовить целый ряд докладов. И все это на разные темы! «Основы школьной политики», «Внешкольное образование в Европе», «Основы этики» — это лекции. «Дополнительная школа», «Ручной труд в школе», «Место рисования в совр[еменной] школе», «Капитализм, коммунизм, плановое хозяйство», «Об объективности в науках о культуре», «О противоположности общего и профессион[ального] образования» — это темы докладов. Иногда голова кругом идет, хочется всё бросить, лечь на диван и ни о чем не думать. И все это срочно, не удастся продумать все до конца, — а тут еще визиты, корректуры. Все это сопровождается крайним недовольством собою — написанным и сказанным. В результате непреодолимое отвращение до писания чего бы то ни было, даже писем, в том числе и писем самым близким друзьям.

«С[овременные] з[аписки]» я получил еще перед праздниками и тотчас же прочитал их¹. Впрочем, беллетристику еще не всю одолел. Трудно читать отрывки. Но «Освобождение» Газданова прочитал с большим интересом и удовлетворением. Из стихов — более всего мне понравилось *замечательное* «Отцам» Цветаевой. Отцы — это уже мы! По крайней мере, таковым себя почувствовал. Стихи моего Жени мне *импонируют* тем, что, позади очень изысканной формы, чувствуется реальное жизненное содержание. Это не «конструкция» и не «выдумка», а у него есть, что сказать. При этом он умеет и не сказать всего, а умеет промолчать. Это большая черта для художника. Впрочем, его новые стихи, которые он мне прислал (ненапечатанные), еще глубже и совершеннее по форме.

Весь остальной номер снова *очень на высоте*. Кологривов до чрезвычайности интересен и приятно читается, несмотря на некоторую манерность стиля. Интересен Чириков (какая же это была идиллия — старый режим!), А. Толстая, М. Вишняк. Прекрасна статья Вейдле. Все, что он пишет, — умно, точно, на фоне большого знания и широкого кругозора. Нет растрепанности (ни мысли, ни стиля), нет приблизительности, чем ~~он выгодно~~ все же страдает милый, как же начитанный, но все же произвольный и экспрессионистичный Бицилли. Прекрасна на этот раз статья Бердяева, хотя и не развивает темы, а только ее ставит. Все же — как умеет он сразу же откликнуться на малейшее новое явление, быть в курсе самой последней современности! Маклакова, м.б., и следовало бы напечатать — для справедливости, но это — только документ. Ростовцев, как всегда, монументален и украшает номер. Милюков умно и удачно разрешил трудную задачу — еще раз написать на старую и надоевшую, но объективно нужную тему. Хороша статья Федотова, хотя «неясность» ее проистекает не только от неясности образа России на исходе 19-го года ее революции, но и от внутреннего колебания самого автора. Оно чувствуется и лишает статью силы. Ст. Иванович прав, но и у него есть какое-то колебание, потом об этом скажу еще подробнее. Газданова «вопл» следовало напечатать. Он прав, как документ. Прав он и в отношении Степуна, проблематика которого слишком «благополучна», не отражает реальной трагедии. Неправ он только в том, что «моральное отношение автора к тому, что он пишет», сейчас в эмигрантской литературе невозможно. Долголетние испытания не всегда препятствуют свежести и непосредственности восприятия, а быть равнодушным зрителем даже вырождения для писателя лучше, чем быть его участником. Остается трагедия физического труда, о которой Вы пишете. Это очень страшная вещь, и это есть центр статьи Газданова как документа.

Остальное в номере все на месте, только вот не нравится мне Алданов (и все больше не нравится) своим тоном равнодушного созерцателя, да отдел библиографии на этот раз слишком неполный.

Под конец хочу остановиться на одном вопросе, именно на том «колебании», которое почувствовал. Вы в своей рецензии на Ammende'a и на Dimitroff'a² стоите на той же позиции, что и пять лет тому назад. Как будто не верите в реальность перемен в жизни России: «голодной курице просо снится». А Ст. Иванович и Федотов как будто верят. В данном случае «С[овременные] зап[иски]» отражают то, что переживает вся эмиграция, каждый эмигрант в своей душе: что-то поколебалось! Даже Керенский перешел в «Н[овой] Р[оссии]» на тон *убеждения* московских правителей, тон, который до этого характеризовал только «Соц[иалистический] вестник». Вот мне и кажется, что на эту тему «Совр[еменные] зап[иски]» должны откликнуться. Вопрос нужно поставить ясно, даже если придется признать ясность — собственного колебания. Ликвидируется ли сейчас в России Революция или нет? И если ликвидируется (что мне все же кажется бесспорным), то значит ли это, что мы должны приветствовать ликвидаторов (что отсюда отнюдь не вытекает)?

В связи с этим другой вопрос. Все Вы в Париже — безусловные и бесстрашные оборонцы. Оставим в стороне ~~тех, кто~~ безусловных пораженцев, ~~хотящих~~ готовых любой ценою свергнуть большевиков. Но почему никто не задается вопросом о том, что мыслят в «глубине России»? А что если в «глубине России» *народ* настроен пораженчески, как о том часто приходят известия? Что — в таком случае эмиграция должна избрать сторону правительства, а не народа? У меня нет ответа. Я — противник всех *безусловных* решений. «Колебание» представляется мне естественным для нашего положения, нашей нынешней слабости, которая при случае может обернуться нашей силой.

Простите мне мои неясные рассуждения. М.б., неясность лежит не в сути дела, а во мне, объясняется тем, что я распляюсь во множестве тем и не могу додумать ничего до конца. Но мне кажется, что не следует забывать *трагичности* нашего положения, из которой, по-моему, вытекает *невозможность* для нас всяких простых, *безусловных* решений. «Колебания» — это наша реальность, а мысль наша должна быть укоренена в нашей реальности. Ясность мысли может заключаться и в том, чтобы признать и только определить колебание.

Боюсь, что непонятно написал. Но что делать? Чувствую, что глупею. Статью пришло Вам только в конце мая. Раньше не успею. Крепко жму руку.

Ваш С. Гессен

P.S. Если можете через «С[овременные] з[аписки]», пришлите мне сборник «Переселение душ», изд. УМСА. Я по получении заплачу за него. Здесь в магазине его нет!

Иос. Влад. [Гессен] жалуется мне, что Вы ему не отвечаете по поводу напечатания отрывков его воспоминаний³.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Далее Гессен упоминает материалы, опубликованные в № 60 СЗ: рассказ Г.И. Газданова «Освобождение» (С. 169–192), стихотворение М.И. Цветаевой «Отцам» («Поколению с

сиренью...») (С. 201–203), очерк И.Н. Кологривова «Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая» (С. 204–249), «Обрывки воспоминаний» Е.Н. Чирикова (С. 250–262), «Отрывки воспоминаний» А.Л. Толстой (С. 287–303), статьи М.В. Вишняка «Политика и нефть» (С. 358–373) и В.В. Вейдле «Границы Европы» (С. 304–318), П.М. Бицилли «Заметки о Толстом» (С. 276–286), Н.А. Бердяева «Неогуманизм, марксизм и духовные ценности» (С. 319–324), В.А. Маклакова «Из прошлого» (С. 263–275), М.И. Ростовцева «Эллинистический мир и его экономическое развитие» (С. 325–345), П.Н. Милloкова «Масарик и Бенеш» (С. 346–357), Г.П. Федотова «Культурные сдвиги» (С. 434–438), Ст. Ивановича (С.О. Португейса) «Пути русской свободы» (С. 388–403), Г.И. Газданова «О молодой эмигрантской литературе» (С. 404–408), М.А. Алданова «Лонжюмо» (С. 428–434).

² В.В. Руднев опубликовал в этом номере рецензии на книги: *Ammende E. Muß Rußland hungern?* Wien: W. Braunnüller, 1935 (С. 469–473); *Dimitrov G. Pour vaincre le fascisme.* Paris: Ed. Soc. Internat., 1935 (С. 477–478).

³ В архиве Руднева сохранилось письмо И.В. Гессена от 7 марта 1936 г.:

«Глубокоуважаемый Вадим Викторович,

от души благодарю Вас за любезное письмо Ваше от 26 февраля. Если я не откликнулся сразу на Ваше лестное приглашение, то лишь потому, что Вы сослались на Сирина, от к[ото]рого я должен был узнать подробности Вашей беседы с ним. К сожалению, сын Сирина встретил его заболеванием — по-видимому, несерьезным, но молодые чадолобивые родители потеряли голову и до сих пор мне не пришлось Сирина видеть, а по телефону он не мог устранить недоразумения, к[ото]рое Ваше письмо вызывает у меня.

Недоразумение относится к тому ограничению места, к[ото]рое Вы для меня устанавливаете — от 18 и не больше 36 тысяч знаков. Это — размер газетного фельетона, в к[ото]ром можно рассказать отдельный эпизод. Такие эпизоды в мемуарах самостоятельного значения не имеют, а служат лишь иллюстрацией их общего содержания и о работе мемуариста никакого представления не дают. Газета, и по объему своему и по задачам, интересуется именно хроникерской стороной мемуаров, но у толстого журнала задачи другие, и я, конечно, стучусь в открытую дверь, потому что Вы, опытный редактор такого журнала, понимаете это лучше меня. Во что превратились бы те разнообразные воспоминания, к[ото]рые уже были напечатаны в «Совр[еменных] записках», если бы Вы применили к ним ограничение, к[ото]рое устанавливаете для меня. Я должен предположить — и это легко допустить, что Вы изнемогаете от обилия, просящегося на страницы журнала — единственного — материала, но столь же легко Вы можете себе представить, что мне не хотелось бы дебютировать перед Вашими читателями в извращенном виде. Поэтому, как ни лестно было бы видеть часть своей работы напечатанной в «Совр[еменных] записках», я с большим сожалением вынужден отказаться от этой чести, если Вы не можете поместить целую главу.

Работа моя закончена (до периода эмиграции) и состоит из следующих глав: Детство, Гимназия, Университет, Тюрма и ссылка, Тяжелые годы, На госуд[арственной] службе (Тула и Министерство Юстиции), Право, Речь, На пути к катастрофе, Война и революция, Перед оставлением родины.

Если бы оказалось возможным ограничение снять, я бы предложил ту главу, к[ото]рую читал в Париже — о Праве. Ее, кстати, прослушал один из Ваших редакторов М.В. Вишняк, доставивший мне огромное удовольствие своим присутствием на моем чтении. За нек[ото]рыми сокращениями глава содержала бы около трех печ[атных] листов. Если это невозможно, то позвольте мне снова искренне поблагодарить Вас за приглашение и верить, что столь же искренне я сожалею о невозможности им воспользоваться.

Вам преданный И. Гессен. 7 марта» (РАЛ. MS. 1500/6).

И.В. Гессен в СЗ не печатался. Воспоминания на следующий год вышли отдельным двухтомным изданием: *Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет.* Берлин: Петрополис, 1937. В СЗ на это издание откликнулся рецензией М.А. Алданов (1937. № 63. С. 427–431).

60. Гессен — Рудневу
Warszawa. 27 июня 1936 г.

Warszawa, Uniwersytecka 1, m[ieszkanie] 43

27.6.1936.

Дорогой Вадим Викторович, после окончания семестра (15-го) я находился в таком страшном состоянии усталости, что мои друзья-поляки силою (я был совсем без воли) взяли меня к себе в имение под Варшавою, где я и был 10 дней, отрезанный от всего света. Вчера вечером вернулся в Варшаву и нашел Ваше письмо. В деревне хотел было писать статью, но не смог: я сейчас в странном состоянии безволия и усталости, очевидно мне надо еще основательно отдохнуть, чтобы притти в себя и мочь начать что-либо делать. А завтра у меня доклад на одном съезде, очень ответственный и важный (о личности), — между тем я только в самых общих чертах обдумал его в деревне. 2-го июля я уже выезжаю во Львов, где должен прочитать два курса по 10 часов каждый (на тему: о своей собственной системе педагогики), а до отъезда осталось несколько дней, из них два праздника, и я должен устроить в эти дни множество неотложных дел (виза, чешское консульство, билет, ряд визитов). Как же тут писать статью, для которой мне нужен покой, возможность сосредоточиться, встряхнуться? А я сейчас выжатый лимон, ни на что не способный, разве только на неожиданный для самого себя взрыв!

Из Львова я еду прямо в Прагу, где меня ждет целый ряд вопросов, которые придется решать: переезд на новую квартиру, отправка жены и сыновей на лето, собственная моя поездка куда-нибудь на отдых, — все это на фоне ряда больших неприятностей (одна из них, что младший сын, способнейший парень, не допущен оказался к экзамену на аттестат зрелости и должен будет осенью **снова** его держать, что отдаляет целый ряд решений). Как видите, все это обстановка, мало обещающая для писания статьи. В лучшем случае смогу начать писать 15-го июля и выслать ее Вам к 1-му августа. Да ведь еще и тема мне самому неясна: я колеблюсь между двумя темами — Опыт Рузвельта и пятилетка (устарела!), 2) Коммунизм и народный социализм (неясно!).

Очень мне совестно отсылать Вам это письмо. Но что делать? Я совсем, совсем выдохся, вернее — так погряз в разных чисто педагогических и философских темах, что для философской публицистики не остается уже сил. Но все же — если Вы мне подскажете хорошую тему, то к 1 авг[уста] я Вам статью пришлю. Мои собственные темы: 1) Христологическое доказательство бытия Божия у Достоевского; 2) Хозяйство и школа; 3) Коммунизм и народный социализм; 4) Об объективности в науках о культуре; 5) Идея личности как основа персонализма. Все это для «Совр[еменных] зап[исок]» не годится.

Написал, перечел, удивился сам бессвязности написанного, но нет ни сил ни времени разорвать письмо и написать новое. Посылаю так, как написалось. Не сердитесь на меня. Обнимаю Вас

Ваш преданный С. Гессен

До 1-го июля: Варшава. От 2-го июля до 9-го июля: Lwów, Zielona ul[ica] 22, Letni kurs Instytutu Pedagogicznego. От 10 июля: Praha VIII, Na Kolinské, 1224.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

61. Гессен — Рудневу
Praha. 13 июля 1936 г.

Прага, 13.7.1936.

Дорогой Вадим Викторович,
только вчера приехал из Львова, где провел 9 дней на летних учит[ельских] курсах. Приходилось на день от 2 до 4 часов ежедневно, и хотя я набрался много новых, приятных и свежих, впечатлений, все же изрядно устал. А здесь мне предстоит — переезд на новую квартиру, устройство семьи на лето и целый ряд забот. В этом отношении в Варшаве мне было проще: там было очень много работы, но и меньше «трудностей жизни». Все же в течение лета я непременно напишу для «С[овременных] з[аписок]» статью — сам уж ощущаю свое столь долгое молчание как измену русскому делу. Знаете, я, вероятно, в сентябре поеду в Париж, чтобы свидеться с Иос. Вл. [Гессеном], который к Вам уже переехал окончательно¹. Будете ли Вы в сентябре в Париже?

В «П[оследних] нов[остях]» прочитал, что 61-я книга «С[овременных] зап[исок]» уже вышла². С нетерпением жду ее сюда — в Прагу, можно послать по старому адресу. В течение лета я собираюсь очень много написать — 6 печ[атных] листов, из них 3 по-польски, 1 по-немецки и 1 по-русски — для Вас. Как все успею?

Крепко жму руку.

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Exp. S. Hessen, Praha VIII, Na Kolinské, 1224»; адрес получателя: «M[onsieur] W. Roudneff, Boulogne s[ur] Seine, 51, rue Georges Sorel, France»; почт. шт.: «Praha, 14.VII.36».

¹ И.В. Гессен переехал из Берлина в Париж весной 1936 г.

² В газете появилось объявление: «Все подписчики и читатели “Последних новостей” могут приобрести только что вышедшую 61-ю книгу журнала “Современные записки” по 12 франков (вместо 25 франков)» (ПН. 1936. 12 июля. № 5588. С. 2).

62. Гессен — Рудневу
Praha. 1 августа 1936 г.

Kouřim, u paní Ž. Pohorecké — до 10 авг[уста]

1.8.1936.

Дорогой Вадим Викторович,
Ваше письмо и № 61 «С[овременных] з[аписок]» получил еще в Праге, а сегодня получил Вашу открытку, пересланную мне сюда, где укрылся от пражского лета вместе со своими сыновьями, пребывая в полу-гостях у одной знакомой чешской писательницы (переводчицы). «Совр[еменные] зап[иски]» уже прочитал и — совершенно искренне отвечу Вам — номер снова превосходный (в общем), ничуть не уступает по уровню и разнообразию последним двум предыдущим номерам¹.

Правда, беллетристика и поэзия, на мой неискушенный вкус, на этот раз слабее (кроме интересной Берберовой, характерного Ремизова и великолепного — со всеми его качествами — Сирина: замечательный этот его стиль: полное жизни тело (плоть), сквозь которое прямо просвечивает некая метафизика, но никакой души, совершенное отсутствие «психологии»). Но далее — все очень хорошо. М. Цветаева снова дала замечательный образ, хотя и не забывает себя описать. Но это ее стиль: «встреча», и на этот раз она снова достигла высоты изображения. Зайцев — вполне хорош, так же как и А. Лазарев: уж очень трудные у обоих темы были, но все нет впечатления простой только отписки (а опасность была). П. Бицилли на этот раз очень умно, удачно, с проникновением в глубину вопроса написал. Адамович, Алданов и Варшавский всесторонне исчерпали тему (острую!), поставленную Газдановым. Очень убедителен Алданов, но все же меня не убедил, а скорее разубедил: все же вопрос не только материальный, он молодежи не понимает, она все же в пустоте и одиночестве, сравнение с Мицкевич [так!] неверно: Мицкевич выехал сложившимся поэтом, да и остался читаемым даже на родине. Верно только то, что «беспочвенность» искусства не только в эмиграции, а всюду есть новый характерный факт, но в эмиграции она — в крайней степени. Верно также, что в эмиграции есть свои плюсы по сравнению с сов[етской] литературой, но уравнивают ли они отрыв от почвы и одиночество эмигрантского писателя, — это большой вопрос. Л. Шестов (хотя и юбиляр) меня продолжает раздражать: те же приемы, та же мысль, никакого развития и никакого использования нового материала. Кстати: если получите его новую франц[узскую] книгу (о Киркегооре [так!])², сохраните ее, пожалуйста, для меня: я с удовольствием напишу о ней рецензию, а м.б., можете заказать для меня реценз[ийный] экземпляр? Очень бы обязали.

Кологринова статья не обманывает читателя — о ней Вам писал уже в прошлом отзыве. Милюков, как всегда, хорош и несравненно умеет подавать старые свои мысли в новом виде, применительно к новой обстановке. Войтинский — превосходен: только заставьте его к след[ующему] № написать подробнее, почему промышленная часть New Deal провалилась (*причины*), и каковы перспективы промышленной программы (и содержание ее) Рузвельта. Грюнвальд — хорош как информация, следовало бы, м.б., углубить и расширить изложение. «Оттуда» — замечательный документ, и Вы очень хорошо сделали, напечатав его. Совершенно согласен с Вашей оценкой и формулировкой нашей непримиримости: Вы точнее, чем М. Вен. [Вишняк] — тут не только «свобода», но ее последний моральный корень, уважение к личности человека, — вот что нас отделяет. Но не есть ли основной тонус писем — их аполитизм, политич[еское] безразличие, как характерная черта и старого и молодого поколения, и не есть ли именно это — один из симптомов того, что революция действительно на ущербе? Я бы это дополнил к Вашему превосходному комментарию. Ст. Ив[анови]ч, откровенно говоря, меня разочаровал. Он совершенно прав, но нас всех интересует не формальный анализ конституции (у него далеко не полный, к тому же), а ее реальный анализ, история ее возникновения — на фоне иных больших перемен, т.е. то, что, как он говорит, выходит за пределы его статьи. А об этом следовало бы в будущем напечатать особую статью.

«Культура и жизнь» на этот раз особенно интересна. Очень удалась статья Адамовича о Горьком: характеристика точна (в самую точку) и верен взятый тон. Хотя меня и всегда раздражает то, что Ад[амович] пишет о Достоевском³. Тут он слеп, ограничен и безнадежно устарел. Для него Д[остоевский] — «жесточайший талант», не более. Не видит он благой струи Достоевского, его положительного отношения к природе (как можно сравнивать с Горьким!) и людям, его почвенности, хотя бы и на основе пережитого разлада. У Дост[оевского] есть замечательные описания природы, и он приемлет мир и природу, а не как Горький видит в ней предмет борьбы и подчинения. Но это идиосинкразия Ад[амович]а. Флоровский интересен и прав, С. Штейн очень прав и остро сформулировал тему, интересен Шварц, сенсационен N.N. и замечательную характеристику Глазунова дал Сабанеев. Даже Папоушкова дала занятный раритет, хотя и, разумеется, выходящий за рамки «С[овременных] зап[исок]». Библиогр[афический] отдел остр и разнообразен (поразил меня Сирий своим отзывом о Алданове⁴).

А в общем я должен подтвердить, что Ваше «самоуправство»⁵ отнюдь журналу не повредило: последние №№, повторяю, и разнообразны и на высоте и дают обзор современности (не только эмигрантской) в полной мере. Очень мне грустно то, что Вы пишете о положении «Совр[еменных] зап[исок]», но я верю, что «С[овременные] з[аписки]» существовать будут, хотя бы для этого мне нужно было выиграть 100.000 фр. А кто сейчас в жизни своей загадывает дальше чем на 4 месяца вперед?

Перехожу к своей статье. Я здесь останусь до 10 авг[уста] и должен написать здесь одну польскую статью — мне это важно по многим причинам, в частности, из-за гонорара. В Праге тотчас же засяду за статью для Вас: здесь обдумаю хорошенько тему, и напишу то, что лучше сложится в голове (из тем, на которых Вы остановились). 20-го авг[уста] Вы будете иметь рукопись уже в Париже. Это несколько нарушает мои планы, я надеялся, что смогу написать для Вас статью в Париже, — но я так уже манкировал своим участием, что твердо решил на этот раз подчиниться Вашим желаниям. В Париж я выеду, вероятно, 3–4 сентября и пробуду у Вас до 20 сент[ября]. Тогда обо всем подробно поговорим. Женя мой спрашивает: посылать ли ему свои стихи или нет?

Крепко жму руку и шлю сердечный привет.

Ваш С. Гессен

Иос. Влад. [Гессен] печатает свои «Воспоминания» в «Петрополисе» по-русски. Я уже видел часть корректур.

А что Фед. Августович [Степун]? Он мне ничего не пишет. В «С[овременных] з[аписках]» его давно уже нет. Что это: нарочито или отсутствие тем и времени? Что Вы вообще о нем знаете.

Пражский мой адрес: Praha VIII, Tugnerova, 1236. Новый!

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Далее Гессен упоминает опубликованные в № 61 СЗ материалы: главы из романа Н.Н. Берберовой «Книга о счастье» (С. 45–90), рассказы А.М. Ремизова «Болтун» (С. 114–136) и В.В. Набокова «Весна в Фиальте» (С. 91–113), воспоминания М.И. Цветаевой «Нездешний вечер» (С. 172–184), статьи Б.К. Зайцева «О Бальмонте: (К пятидесятилетнему литературной деятельности)» (С. 185–190), А.М. Лазарева «Лев Шестов: (К его семидеся-

тилетию» (С. 213–216), П.М. Бицилли «Возрождение аллегии» (С. 191–204), Г.В. Адамовича «Литературные впечатления» (С. 205–212) и «Максим Горький» (С. 389–393), М.А. Алданова «О положении эмигрантской литературы» (С. 400–409), В.С. Варшавского «О прозе “младших” эмигрантских писателей» (С. 409–414), Л.И. Шестова «Ясная Поляна и Астапово: (К двадцатипятилетию со дня смерти Л. Толстого)» (С. 217–230), П.Н. Милокова «Семидесятилетие освобождения крестьян» (С. 280–292), В.С. Войтинского «Америка на распутье» (С. 293–311), К.К. Грюнвальда «Новая религия» (С. 312–327), Ст. Ивановича (С.О. Португейса) «Конституция о самой себе» (С. 375–388), Г.В. Флоровского «У истоков» (С. 393–400), С.И. Штейна «О кризисе исторической науки» (С. 414–422), М.Н. Шварца «Освальд Шпенглер» (С. 422–427), N.N. (А.Д. Нагловского) «Советские вожди» (С. 438–450), Л.Л. Сабанеева «А.К. Глазунов» (С. 450–457), Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой «Двойная дуэль в Богемии» (С. 427–437), окончание очерка И.Н. Кологривова «Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая» (С. 231–279), публикацию Х. (Е.К. Герцык) «Оттуда: (Из писем старого друга), 1931–1935 гг.» (С. 328–353) и посвященные этой публикации статьи В.В. Руднева «По поводу писем “Оттуда”» (С. 353–357) и М.В. Вишняка «На родине и на чужбине» (С. 358–374).

² См.: *Shestov L. Kirkegaard et la philosophie existentielle (Vox clamantis in deserto) / Traduit du russe par T. Rageot et B. de Schloezer. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1936.* Рецензию на эту книгу написал для журнала Н.А. Бердяев (СЗ. 1936. № 62. С. 376–382). Русское издание вышло тремя годами позже: *Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия: (Глас вопиющего в пустыне). Париж: Дом книги; Совр. записки, 1939.*

³ Гессен имеет в виду следующие рассуждения Адамовича: «Место Горького в русской литературе — в окружении того писателя, которого он ненавидел: около Достоевского. Парадоксально это утверждение лишь на первый взгляд, и оправдывает его не только “вкус к страданию”, свойственный обоим поэтам. Оправдывает больше всего — отрыв от корней, разрыв с землей, и, как результат, одиночество человека среди стихии. Поздний, грустный, сухой привкус творчества смягчен у Достоевского эсхатологическими прозрениями и надеждами, у Горького — верою в мощь разума. Недостаточно однако, чтобы привкус совсем отбить. Характерно, между прочим, отношение к природе. Достоевский природы почти не заметил. Горький нередко устаивает ее описания, — но неизменно к ней враждебен. Природа — враг: постоянный, основной его мотив, на все лады варьируемый» (*Адамович Г.В. Максим Горький // СЗ. 1936. № 61. С. 392.*)

⁴ См.: *Сирил В. [Набоков В.В.] [Рец. на кн.:] Алданов М.А. Пещера: В 2 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 2 // СЗ. 1936. № 61. С. 470–472.*

⁵ По-видимому, В.В. Руднев сообщил Гессену о том, что в связи с разъездами своих соредкторов взял на себя единичную ответственность и принял в журнал ряд материалов, ни с кем не советуясь (подробнее см. во вступ. ст. к т. 1).

63. Гессен — Рудневу *Paris. 11 сентября 1936 г.*

11.9.1936.

Дорогой Вадим Викторович,
приехал вчера из Страсбурга, где провел 3 дня у Гурвича, и сегодня хотел заявиться к Вам, но мне сказали, что Вы не в Париже. Я остаюсь здесь до 20-го и непременно хочу Вас увидеть (разумеется, впрочем, само собою)¹. Пожалуйста, по возвращении в Париж тотчас же позвоните мне (Auteil 51–55) — я живу у Иосифа Влад. [Гессена]. Утром (от 9-и до 10-и) всегда меня застанете.

Сердечный привет

Ваш С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Почтовая открытка; адрес отправителя: «S. Hessen, 78bis, rue Erlanger, Paris XVI»; адрес получателя: «M[onsieur] V. Roudneff, Boulogne s[ur] Seine, rue Georges Sorel 51»; почт. шт.: «Praha, 12.IX.36».

¹ Ср.: «Перед своим окончательным переездом в Варшаву в сентябре 1936 г. я совершил свою последнюю поездку на Запад [...]. В Париже я в последний раз виделся с П.Н. Милюковым, с которым, будучи в Праге, неизменно встречался во время его ежегодных приездов в Прагу, а также с редакторами “Соврем[енных] записок”, из которых специально упомяну своих друзей, погибших во время войны: И.И. Фондаминского-Бунакова и В.В. Руднева. Оба настаивали на более активном моем сотрудничестве — в “Совр[еменных] записках” — (В.В. Руднев) и “Новом граде” (И. Фондаминский), весьма сократившемся со времени моего переезда в Варшаву. Я обещал им исправиться, но так и не успел выполнить своего обещания» (*Гессен С.И. Мое жизнеописание*. С. 169–170).

64. Гессен — Рудневу
Warszawa. 10 ноября 1936 г.

Warszawa, Ślupecka 9, m[ieszkanie] 14.

10.11.1936.

Дорогой Вадим Викторович,

Вы все же не «договорили» в своем письме, не сказали прямо того, что хотели и имели право сказать — т.е. что я поступил с Вами по-свински. Не сказали этого потому, что это не Ваш стиль, но уже из Ваших слов я понял, до какой степени раздражения я Вас довел.

Не буду оправдываться, но расскажу, как было дело: приехал я в Варшаву 30 сент[ября], 1-го октября должны мы были вселиться на свою квартиру, т.к. жильцы нашей квартиры не могли или не захотели очистить ее в срок. Жили в громадном ателье архитектора — хозяина нашего дома — вещи, книги стояли нераспакованные, не было подходящего стола для писания и также... настроения. 7-го числа (на неделю раньше, чем в прошлом году) начался семестр. Все это в связи с устройством на новой квартире отняло всё время. (Как ни как у меня 15 часов лекций еженедельно, из них 4 курса на разные темы). После второй своей поездки в Лодзь (была отчаянная погода) я 16-го окт[ября] основательно простудился и целую неделю не выходил из дому, имея невысокую, но повышенную температуру. Воспользовался этим временем и начал писать для Вас статью (почему и не ответил на открытку, полученную мною, ибо хотел ответить отсылкой статьи), но забрал написанное и даже во избежание соблазна разорвал. Очень остался недоволен. М.б., потому, что под влиянием начавшихся курсов лекций мысль моя шла в новом направлении. Решил немного подождать — отложить. От 22-го до 3 ноября написал давно задуманную, давно обещанную (тоже пропустил все сроки) работу: Школа и хозяйство¹. Из-за ненаписания этой работы задерживался перевод (чешский) моей новой книги, а также номер одного польского журнала. На этой статье проверил, что не поглупел (как уже начал было серьезно о себе думать), ибо статья эта (она же — глава книги) вышла очень удачной. Сейчас решил снова приняться за статью для Вас, но снова то, что написал, мне не понравилось. Что делать? Решил снова отложить и *почитать* немного на тему статьи, чтобы войти в

курс мысли. В связи с этим очень прошу Вас прислать мне (за мой счет) новую книгу Maritain на тему *Le personalisme*². Я не знаю ее точного заглавия, иначе я бы купил ее здесь. Наверное, Бердяев знает. Я ее почитаю, а сейчас я читаю Де-Ман'а «*L'idée socialiste*»³, — и надеюсь, что это чтение направит мою мысль на нужный для статьи путь. Не писал же я Вам потому, что *было стыдно*. Зензинову написал только потому, что послал ему статью своего молодого приятеля здешнего с просьбой ее напечатать. В делах других я очень исполнительен, а вот свои собственные дела не могу урегулировать, всегда опаздываю, одна моя работа мешает другой. То же и сейчас, несмотря на то, что внешние условия работы у меня сейчас как нельзя более благоприятны. Жена моя не только изумительно организовала распорядок жизни, но и очень помогает мне в работе, несмотря на то, что сама имеет свою большую и ответственную работу.

Как же сейчас быть, дорогой Вадим Викторович? В этот номер статья, очевидно, уже не попадет. Но с первого же дня каникул (16-го декабря) я за нее принимаюсь. Чтобы ее написать, мне нужно спокойствие, свободу от сроков (ох, страшных сроков лекций), хотя бы неделю передышки, когда бы я мог почитать, сосредоточиться, поразмышлять. Ведь Вы знаете, как трудно и медленно я пишу: я избегаю в своих статьях просто высказывать свои взгляды и стараюсь всегда дать анализ проблем, развитие мысли.

Разумеется, я виноват, что легкомысленно обещал Вам написать статью до 15 окт[ября], не предвидя вероятности разных трудностей, всегда возможных при вселении на новую квартиру, и не ожидал, что начало семестра потребует от меня такого напряжения сил. В этом я виноват, виноват и в том, что не писал Вам, но всё же обещание свое я лояльно пытался выполнить.

Так уж извините меня, дорогой друг, не очень сердитесь и, если можете, пришлите мне книжку Maritain'а — она мне поможет, даст *разбег*, который мне сейчас нужен.

Крепко жму Вашу руку, привет жене.

Ваш С. Гессен

Из-за простуды, кашля еще ни у кого почти здесь не был. Не сделал даже самых неотложных визитов (у ректора, у декана). Как бы еще не начал по-настоящему сезону.

Я и сейчас еще не могу отвязаться от кашля и хрипоты, остатков перенесенного гриппа. После каждой лекции чувствую себя очень усталым (особенно донимает кашель, усиливающийся после лекций), а читаю я *каждый* день вечерами (от 5 до 7 или 6 до 8) кроме субботы и воскр[есенья], и после лекций уже не могу работать.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Не удалось найти сведений.

² Маритен Жак (Jacques Maritain; 1882–1973), французский философ, теолог, основатель неогомизма. В 1936 г. вышла его книга «*Humanisme intégral*», которую, по-видимому, и хотел получить Гессен.

³ Речь о книге: *De Man H. L'idée socialiste / Traduit de l'allemand par H. Corbin et A. Kojevnikov. Paris: Bernard Grasset, 1935.*

65. Гессен — Рудневу
Warszawa. 24 ноября 1936 г.

Варшава, 24.11.36.

Дорогой Вадим Викторович, очень обрадовало меня Ваше «разрешительное» письмо. Спасибо, что поняли мое положение и не сердитесь на меня. На Рождество я с женою (Мариею Карловной¹) выезжаю на 2 недели в деревню и там в тиши статью напишу. Я здесь достал уже книгу Maritain'a «Humanisme intégral». Если это и есть та книга, о которой Вам писал (кажется, что так), то не трудитесь уже ее присылкой. Зато буду Вам очень благодарен за присылку конспекта лекций Бердяева².

Еще просьба: Зензинов мне до сих пор не ответил на то мое письмо, а между тем автор статьи, которую я З[ензинов]у переслал, очень волнуется и меня спрашивает о ее судьбе. При случае побудите, пожалуйста, Зензинова мне ответить.

Я все еще не могу отделаться от кашля и хрипоты. После каждой лекции (т.е. почти каждый день) совсем остаюсь без голоса, и это очень утомляет. Но — слава Богу — сейчас осталось еще 4 недели до каникул!

Крепко жму руку. Жена, которой, разумеется, рассказывал о Вас, благодарит за приветствие. Дружески Ваш

С. Гессен

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Почтовая открытка; адрес отправителя: «S. Hessen, Warszawa, Słupecka 9, m[ieszkanie] 14»; адрес получателя: «M[onsieur] V. Roudneff, Boulogne s/Seine, 51, rue Georges Sorel, *France*»; почт. шт.: «Warszawa, 24.XI.36».

¹ Гессен (урожд. Немыска) Мария Карловна (Maria Niemyska-Hessenowa), вторая жена (с 1936 г.) С.И. Гессена, в 1930-е гг. студентка факультета социологии. Составительница и редактор польского издания 1973 г. избранных произведений С.И. Гессена; см.: *Hessen S. Filozofia, kultura, wychowanie / Wybór i oprac.: M. Hessenowa; wstęp: T. Nowacki. Wrocław, 1973.* О ней см.: *Гессен С.И. Мое жизнеописание.* С. 169.

² О чем идет речь, непонятно.

66. Гессен — Рудневу
Warszawa. 26 января 1937 г.

Warszawa, Słupecka 9, m[ieszkanie] 14.

26.1.1937.

Дорогой Вадим Викторович, страшно виноват перед Вами: не ответил Вам на Ваше поздравление и пожелания, не написал ничего по поводу последней книжки «С[овременных] зап[исок]», вообще вел себя непозволительно и даже неприлично. Простите, ради Бога, и примите хотя и с опозданием мои наилучшие пожелания к Новому Году. Да исполнятся в этом году наилучшие из Ваших желаний, Вам кроме того желаю здоровья, а «Совр[еменным] зап[искам]» благополучия.

Статью я сейчас пишу, и она через несколько дней будет готова. Тема ее: Гуманизм и эсхатологизм в марксизме. Статья Вам понравится, думаю. Но пока что она

еще без заглавия. Что делать? я очень бездарен на заглавия, и попрошу уже Вас самого озаглавить статью надлежащим образом.

Почему так долго не писал, хотя целых 10 дней провел в деревне (увы! снега не было, погода вообще была мерзкая)? Потому что подпал искушению написать срочно для радио доклад (хороший гонорар!). Доклад этот меня измучил, написал его с отвращением, он отнял не столько время (я много прочитал за эти дни), сколько охоту заняться чем-либо иным. В результате доклад забраковали (слишком трудный!), я наказан поделом и впредь уже не буду заниматься не своим делом в погоне за казалось бы легким заработком.

Сейчас я еще более занят — еще два часа лекций, и много приходится к ним готовиться. Но завтра начинается перерыв между семестрами на Wszecznicy, и я буду иметь только 4 часа. Правда — еще корректуры (чешская и немецкая), но все же можно будет вздохнуть свободнее. Так что теперь *все* время посвящу статье и думаю, что через 5 дней ее совсем закончу.

Прилагаю далее свой отзыв о «Совр[еменных] зап[исках]», который написал еще раньше (в деревне) — доказательство, что собирался Вам оттуда написать.

Дела у меня все в порядке, все очень хорошо. Мария Карл[овна] просит переслать Вам сердечный привет. Крепко жму руку, душевный привет Вашей жене.

Ваш С. Гессен

На этот раз совершенно превосходна статья Степуна о Вяч. Иванове¹. Это одна из лучших и по форме и по глубине и точности зарисовки литературных характеристик, которой Степун (и редакция) может гордиться. Очень интересны, хотя и чрезмерно эгоцентричны воспоминания мон[ахини] Марии. Ал. Толстая, как всегда, интересна, но это уже «продолжение» того же, не дающее ничего нового. То же и Кологривов, конец которого, однако, очень удачный. На этот раз мне *очень* понравилась статья Бунакова: ярко и выпукло (без тезы заранее принятой и хотящей быть во что бы то ни стало доказанной) показана трагедия александровского царствования. О статье Рапопорта говорил Вам лично в Париже. В печати статья мне еще более понравилась, хотя то, что он говорит об «общественной функции» собственности, неправильно, и характеристика нового хозяйства далеко не полная. Во всяком случае, соображения его очень интересны. Статья Вишняка опять-таки одна из лучших его публицистических статей, хотя он и характеризует опыт Блюма более с его политической стороны (со стороны его *стиля* и партийных взаимоотношений), а не со стороны его социального содержания, что составляет недостаток (в смысле «отсутствия») его статьи. Федотов также написал прекрасно: выводы его статьи и конечная формулировка не только справедливы, но с изумительной точностью выражают то, что «нас всех» (демократическую эмиграцию) объединяет. После этой статьи весь спор Чернавина — Кусковой кажется устаревшим².

Вы, я вижу, улыбаетесь: «вот уж благодарный читатель». Но что делать. Я старался быть на этот раз придирчивым критиком — и не вышло. Перехожу к «Культура и жизнь».

Бердяев дал очень хорошую характеристику Шестова, я же ожидал большего: характеристики Киркегаарда. Бицилли на этот раз мне *очень* понравился, в особенности его рассуждения по поводу статьи Штейна³. Его «защита прогресса»

вполне справедлива и глубока. Мельникова-Папоушкова дала больше, чем я от нее ожидал, хотя статья Маха, на мой взгляд, и раздут чешским патриотизмом. Впрочем чешская статья в номере «Совр[еменных] зап[исок]» дела не портит. Вейдле, как всегда, очень умен и тонок, стилист он прекрасный. Жалко, что он не соберется написать чего-нибудь более синтетического. Статья Максимовича — слаба. Он дает более или менее известное, а о последнем периоде, очень существенном и важном, весьма симптоматическом, ограничивается несколькими словами без более глубокого анализа. В этом отношении превосходная статья Сабанеева дает превосходный образец того, как надо писать о *современной* культурной жизни России. Характеристика Зиновьева⁴... хорошо бы и в следующих номерах продолжить эту серию образов Гойи.

Отдел библиографии чрезмерно беллетристичен. О Жиде можно было бы написать острее⁵. Ваша рецензия о Керенском⁶ совершенно справедлива — думаю, что теперь Ваши опасения о двоевластии во Франции рассеялись, несмотря на дальнейшее существование Народного фронта⁷. Не следовало ли бы Вам подчеркнуть, что нынешний коммунизм (и французский и русский, советский, от которого первый зависит) сейчас уже не тот, что был во время «опыта Керенского»?

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ Далее Гессен упоминает опубликованные в № 62 СЗ материалы: статью Ф.А. Степуна «Вячеслав Иванов» (С. 229–246), воспоминания мон. Марии (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой) «Встречи с Блоком: (К пятнадцатилетию со дня смерти)» (С. 211–228), «Отрывки воспоминаний: (В Ясной Поляне)» А.Л. Толстой (С. 192–210), окончание очерка И.Н. Кологривова «Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая» (С. 247–283), очередную главу работы И.И. Бунакова-Фондаминского «Пути России: Империя» (С. 284–327), статьи Ю.К. Рапопорта «Новое хозяйство» (С. 328–343), М.В. Вишняка «Опыт Блюма» (С. 344–357), Г.П. Федотова «Тяжба о России» (С. 358–375), Н.А. Бердяева «Лев Шестов и Киркегаард» (С. 376–382), П.М. Бицилли «Проблемы современности» (С. 382–392), Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой «Чешский поэт К.Г. Маха: (К столетию со дня смерти)» (С. 392–401), В.В. Вейдле «Мысли о Достоевском» (С. 401–408), Е.Ф. Максимовича «Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм» (С. 409–420), Л.Л. Сабанеева «Музыкальное творчество в Советской России» (С. 421–433).

² См.: *Кускова Е.Д.* К нашим спорам // Новая Россия. 1936. 15 сент. № 12. С. 6–9. Это ответ на статью В.В. Чернавина «Горестные мысли» (Там же. 1936. 1 авг. № 11. С. 4–5).

³ О статье С. Штейна «О кризисе исторической науки» (СЗ. 1936. № 61. С. 414–422) П.М. Бицилли написал, что в ней «дана убийственная и исчерпывающая вопрос критика науковерческой теории прогресса, которая господствовала в XIX веке» (СЗ. 1936. № 62. С. 382).

⁴ Г.Е. Зиновьеву была посвящена очередная статья N.N. (А.Д. Нагловского) из цикла «Советские вожди» (СЗ. 1936. № 62. С. 434–438).

⁵ А.Ф. Керенский написал рецензию на книгу: *Gide A. Retour de l'U.R.S.S.* Paris: Gallimard, 1936 (СЗ. 1936. № 62. С. 454–457).

⁶ В.В. Руднев откликнулся на книгу: *Kerenski A.F. L'expérience Kerenski.* Paris: Payot, 1936 (СЗ. 1936. № 62. С. 457–462).

⁷ В апреле–мае 1936 г. на парламентских выборах во Франции победу одержал антифашистский Народный фронт, создавший правительство из социалистов, коммунистов и радикалов во главе с Леоном Блюмом. Многие тогда предрекали Блюму судьбу Керенского, «проложившего дорогу Ленину». Однако во Франции события развернулись по иному сценарию, коммунисты не смогли занять лидирующие позиции во власти, уже в июне 1937 г. Блюм ушел в отставку, а на следующий год распался и Народный фронт.

67. Гессен — Вишняку*Łódź. 24 апреля 1947 г.*

Łódź, ul[ica] Narutowicza 128

24.IV.47.

Дорогой Марк Вениаминович,

Ваша просьба, которую сегодня получил, основана на каком-то недоразумении. Мой старший сын, Евгений, бывший в нем[ецком] концлагере, погиб и, как я предполагаю, Илья Исидорович [Фондаминский] не был в лагерях, через которые проходил мой сын¹. В том самом лагере, что И[лья] Ис[идорович], был по-видимому, мой старший брат, Роман Штейн², одновременно с ним арестованный. Но и он погиб. Никакие подробности о жизни Ильи Ис[идоровича] в лагере и его смерти до меня не дошли. От Н.Н. Алексеева³ (Белград[ский] университет) знаю только некоторые подробности о днях, предшествующих аресту (не хотел скрыться, фатализм, желание разделить судьбу других жертв гитлеризма), а от Б.И. Элькина⁴ (Лондон) знаю, что он уже во время ареста болен был (по-видимому, рак). Об этом мне также писал Семен Ильич Штейн, находящийся сейчас в Н[ью-]Йорке. Это все, что я знаю.

От Фед. Авг. [Степуна] так и не имел непосредств[енных] известий, имел только открытку (в ответ на мою) от Нат. Ник. [Степун] с обещанием письма, которого до сих пор так и не получил. Со стороны знаю, что он получил в Мюнхене кафедру «русской культуры».

Что касается меня, то я сейчас чувствую себя значительно лучше. Ровно год тому назад я встал после четырехмесячного лежания — меня свалил тяжелый сердечный приступ: *infarctus myocardi*. Только сейчас начинаю поправляться, хотя лекции возобновил уже в октябре (с перерывом во время морозов, когда врачи запретили мне выходить из дому). Но и сейчас еще должен быть очень осторожным, не переутомляться и т.д.

К счастью, обстановка жизни и работы для меня сложилась крайне благоприятная. Квартира вполне довоенная. Зарботки достаточные. Отношение коллег и студентов более чем благожелательное, сердечное. Около меня создалась целая школа моих учеников и исследователей⁵, и некоторым из них я надеюсь вскорости «передать факел». Год тому назад была промоция⁶ одного из них, а недавно второго. Через два года рассчитываю, что проведу их «абилитацию»⁷. Мои рукописи и архив — все сгорело в Варшаве в 1944 г. Сохранились только две мои работы, бывшие в копиях у учеников. Одна из них (книга «*Struktura i treść szkoły współczesnej*»⁸) печатается. Другую («О Платоновых и евангельских добродетелях») собираюсь в скорости сдать в печать (по-польски), хочу еще переработать ее и дополнить⁹. Недавно написал по-английски (оказывается, не разучился за эти годы) большую статью «*Reconstruction of Education in the Slavonic Countries*»¹⁰ для «*Yearbook of Education*», London, а сейчас пишу меморандум «*The Rights of Man*»¹¹, заказанный мне комитетом UNESCO. Если доктора позволят, то в сентябре собираюсь на заседание Комитета UNESCO в Париже, на которое меня пригласили в качестве эксперта¹². Кроме того кончаю статью (по-польски): «Историческое и философское определение демократии» (для журнала «*Myśl współczesna*»)¹³. А еще

до своей болезни успел уже в Лодзи закончить вчерне книгу «Сущность и призвание права. Введение в филос[офию] права»¹⁴, которую летом собираюсь переписать начисто по-польски и по-англ[ийски] (я читаю лекции «Фил[ософия] права» также на юрид[ическом] факультете – по поручению). В Италии меня издают – сейчас печатается одна моя книга (сборн[ик] старых статей) и переводится другая¹⁵. – Мечта моя – успеть еще издать сборник стихов погибшего сына¹⁶. Собираюсь поехать в Прагу для этой цели. Но пока что должен буду этим летом еще подлечиться в санатории.

Пишу Вам так подробно не для хвастовства, а чтобы Вы видели, что обстановка работы сложилась для меня на старости лет действительно исключительно благоприятная. Очень рад за Вас, что Вы довольны пребыванием в USA. О существовании «Нов[ого] журн[ала]» до сих пор ничего не знал. Мих. Мих[айлович]у [Карповичу] прошу передать мой сердечный привет, равно как Марку Алекс. [Алданову] и Вашей супруге. Душевно преданный

С. Гессен

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 3. F. 51).

¹ Фондаминский прошел через лагеря Компьен и Дранси. Согласно сведениям, собранным В.А. Каменской, Е.С. Гессен был 28 сентября 1944 г. транспортирован в Освенцим (см.: *Каменская В.А. О Евгении Гессене // Междунар. конференция «Рус., укр. и белорус. эмиграция в Чехословакии...»*. Прага, 1995. С. 275).

² Штейн Роман Ильич (1884–1943), адвокат, пасынок И.В. Гессена, брат С.И. Штейна; в эмиграции в Берлине, затем в Париже; редактор, член редколлегии газеты «Руль»; в 1941 г. арестован гитлеровцами, прошел через лагерь Компьен, затем отправлен в Освенцим, где и погиб.

³ О нем см.: Ред., п. 78, примеч. 39.

⁴ Элькин Борис Исаакович (1887–1972), адвокат, публицист, издатель. До революции член Петербургской присяжной адвокатуры, сотрудник журнала «Право». С января 1919 г. в эмиграции в Берлине, член правления издательства «Слово», член правления Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, председатель Берлинской русской революционно-демократической группы. Один из учредителей, член правления и казначей германского отделения Американского фонда помощи русским литераторам и ученым (1920), преобразованного в 1922 г. в Берлинский комитет помощи русским литераторам и ученым. В конце 1930-х перебрался в Великобританию, душеприказчик П.Н. Милокова и издатель его трудов.

⁵ См.: *Данилкина Н.В. Сергей Гессен и его школа в Польше // Культурный слой*. Вып. 8: *Философия русского зарубежья*. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 46–64.

⁶ От. польск. promocja (или нем. Promotion) – защита кандидатской диссертации.

⁷ От польск. habilitacja (или нем. Habilitation) – защита докторской диссертации.

⁸ Книга вышла в том же году (Warszawa: Nasza Księgarnia, 1947) в серии «Biblioteka Dziel Pedagogicznych» (№ 66) и позже переиздавалась.

⁹ Отдельное издание известно лишь на итальянском языке: *Hessen Sergio. Le virtù platoniche e le virtù evangeliche*. Roma: Avio, 1952; польский текст под названием «Cnoty starożytnie a cnoty ewangeliczne» вошел в издание: *Hessen Sergiusz. Studia z filozofii kultury*. Łódź, 1968.

¹⁰ См.: *Hessen Sergius. Slavonic Countries // Year Book of Education*. London: Evans Brothers, 1948. P. 363–396.

¹¹ См.: *Hessen Sergius. The Rights of Man in Liberalism, Socialism and Communism // Human Rights: Comments and Interpretations: A Symposium / Ed. by J. Maritain; UNESCO*. London [et al.]: Wingate, 1949; *Hessen S.I. Les droits de l'homme dans le libéralisme, le socialisme et le*

communisme // Autour de la nouvelle déclaration universelle des droits de l'homme: textes réunis par l'U.N.E.S.C.O. Paris: Editions des Sagittaires, 1949. P. 90–117.

¹² Об участии С.И. Гессена в работе комиссии UNESCO по составлению Всеобщей декларации прав человека см.: *Ishay M.R. The History of Human Rights: From Ancient Times to the Globalization Era.* Berkeley [et al.], 2008. P. 25, 220.

¹³ Публикация не выявлена.

¹⁴ Подобной монографии опубликовано не было.

¹⁵ В ближайшие годы в Италии были опубликованы следующие книги Гессена: *Hessen S. Struttura e contenuto della scuola moderna: principi della didactica nuova.* Roma: Avio, [1949]; *Idem. Difesa della pedagogia.* Roma: Avio, 1949; *Idem. Pedagogia e mondo economico.* Roma: Avio, 1951; *Idem. La pedagogia di John Dewey.* Roma: Avio, 1953; *Idem. La scuola serena di G. Lombardo-Radice.* Roma: Avio, 1954; *Idem. Lev Tolstoj. Maria Montessori.* Roma: Avio, 1954.

¹⁶ Ср.: «Благодаря помощи его друга, инженера Морковина, мне удалось собрать около ста стихотворений Жени, из которых только 15 были напечатаны в разных русских изданиях в эмиграции. Моя мечта – издать полное собрание его стихов отдельной книгой. Надеюсь, что мне удастся сделать это в Праге» (*Гессен С.И. Мое жизнеописание.* С. 180). Выпустить сборник стихов Е.С. Гессена так и не удалось.

*«Не везет мне
с “Современными записками”»:
З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский
и В.А. Злобин*

Публикация, вступительная статья и примечания
Н.А. Богомолова

З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского представлять читателям такой специализированной книги нет никакой надобности. Несколько менее известен Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967), но и он не забыт в истории литературы. Некоторое время назад появилось даже небольшое собрание его сочинений¹, и хотя, как и обычно в изданиях под редакцией Т.Ф. Прокопова, уровень его невысок, все-таки первоначальное впечатление о жизни и творчестве этого писателя по книге составить можно. Добавим только, что переписка Гиппиус со Злобиным опубликована Т. Пахмусс², но по большей части она не помогает в понимании публикуемых нами писем.

Впервые часть этих писем (те, которые были обращены к нему) напечатал М.В. Вишняк, однако далеко не полностью и с некоторыми купюрами в тексте³. 56 писем Гиппиус к Вишняку были опубликованы Т. Пахмусс с комментариями несколько более подробными⁴, однако и их явно недостаточно для понимания всего контекста переписки. Во многом именно на основании этих писем были написаны разделы о взаимоотношениях З.Н. Гиппиус с редакцией СЗ в воспоминаниях Вишняка. Однако ответные письма никогда не публиковались, равно как и письма И.И. Фондаминского к Гиппиус и Мережковскому, а также сравнительно небольшая переписка с В.В. Рудневым. В совокупности своей публикуемая переписка заставляет нас отчасти пересмотреть основные положения тех мест книги Вишняка, где идет речь о Мережковских.

Отметим, что именно переписка Мережковских с редакцией дает возможность наиболее явно увидеть одну существенную особенность мемуаров М.В. Вишняка. В его намерение входило прежде всего создать благожелательный портрет как всего журнала, так и отдельных членов его редакции и авторов. Вряд ли можно отрицать, что это ему блестяще удалось. Даже такой не слишком к Вишняку расположенный автор, как Георгий Иванов, писал: «Скажите Вашему соседу и другу Вишняку, что проклятый фашист, т.е. я, чрезвычайно оценил благородный тон его книги о “Совр[еменных] за-п[исках]”. Если бы все так писали Воспоминания! Особая личная благодарность за портрет Фондаминского, которого теперь лягает каждый забытый “поколенец”, в свое время льстивший и заискивавший перед И[льей] Исид[оровичем] — очаровательней-

¹ См.: Злобин В.А. Тяжелая душа: Литературный дневник; Воспоминания; Статьи; Стихотворения / Вступ. ст. Т.А. Горьковой; сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. М., 2004.

² См.: *Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München, 1972. P. 181–331; Гиппиус З. Письма Владимиру Злобину, 1934–1937 / Публ. и примеч. Т. Пахмусс // НЖ. 1998. № 210. С. 161–186; Письма В.А. Злобина З.Н. и Д.С. Мережковским 1934–1936 / Publication, commentaires et notes de T. Pachmuss // Revue des études slaves. 1999. Т. 71. Fasc. 1. P. 131–158; Fasc. 2. P. 131–158; Fasc. 3–4. P. 709–730; 2000. Т. 72. Fasc. 1–2. P. 255–278. Письма Мережковских В.А. Злобину из Италии, 1937 / Publication, commentaires et notes de T. Pachmuss // Ibid. 2000. Т. 72. Fasc. 3–4. P. 541–568.*

³ См.: Вишняк М. З.Н. Гиппиус в письмах // НЖ. 1954. № 37. С. 183–210, с примечанием редакции: «За недостатком места мы вынуждены ограничиться опубликованием всего 13-ти писем З.Н. Гиппиус из сохранившихся у М.В. Вишняка 55-ти» (С. 194).

⁴ См.: Пахмусс Т. Письма З.Н. Гиппиус к М.В. Вишняку // Cahiers du monde russe et soviétique [далее: CMRS]. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 417–467.

шим человеком»⁵. Но вместе с тем мемуарист сам предупреждал читателей: «По делам “С.З.” Зинаида Николаевна Гишпиус сносила в первую очередь и скорее в личном порядке с Фондаминским, а затем со мной»⁶. Он явно не обладал возможностью ознакомиться с этой перепиской (да и мы знаем только одну ее сторону, причем не полностью), почему и упрощал некоторые вещи. А сознание собственной правоты, неотъемлемое качество всякого мемуариста, лишало его возможности адекватно понять логику действий Гишпиус (напрямую с Мережковским он не общался).

Вместе с тем его наблюдение, что «за последние, примерно, четыре десятилетия своей жизни Гишпиус странным образом отдавала предпочтение политике и публицистике перед поэзией»⁷, имеет под собой все основания. Слова о четырех десятилетиях, пожалуй, все-таки преувеличение, но к периоду 1920–1939 гг. они вполне применимы. В 1925 г. она говорила: «Работаю я сейчас очень много. Газетная работа берет у меня времени больше, чем нужно бы, ведь я статью пишу, как беллетристику, с таким же вниманием к языку, хотя знаю, что этим вовсе не интересуются»⁸. Только «газетная» стоило бы заменить на «журналистская», поскольку сотрудничество в различных журналах, и СЗ здесь являются далеко не последним, совершенно очевидно уравнивалось в ее глазах с газетными публикациями. Подтверждается это и тем, что прямо называемая далее работа: «Сейчас я готовлю большую статью “О Любви” — по поводу романа Бунина “Митина любовь”» — предназначалась в те дни еще для СЗ, хотя в итоге по сумме всяких обстоятельств и была напечатана в газете «Последние новости».

Однако сотрудничество Мережковских в периодической печати разворачивалось далеко не прямо и не просто. Если в первые несколько лет после бегства из Совдепии они, как кажется, не очень выбирали, где именно печататься⁹, то с 1923 г. сосредотачиваются на печатании в изданиях хотя бы относительно демократической направленности: парижских газетах ПН и «Звено», берлинских «Днях», варшавской «За свободу!» — и СЗ. В 1927 г. они переходят в консервативное «Возрождение», уже выходящее не под редакцией политически определенного П.Б. Струве, а под довольно аморфным руководством разных людей, из которых им приходится иметь дело чаще всего с С.К. Маковским и Ю.Ф. Семеновым. Мережковский так и будет печатать свои уже нечастые публицистические статьи преимущественно в «Возрождении», а Гишпиус расстанется с ним в 1929 г. и вернется в ПН, в двухгодичном промежутке печатаясь еще в «Сегодня» и в «За свободу!». И на этом фоне их сотрудничество с СЗ кажется почти что безоблачным.

Гишпиус впервые напечаталась в журнале в № 10 за 1922 год, а последний — в предпоследней книге журнала в 1939 году. Мережковский впервые появился в № 15, а в последний раз — в книге 58. Но если присмотреться повнимательнее, то окажется, что все было далеко не так просто. Гишпиус-поэту в сотрудничестве не отказывали вооб-

⁵ Письмо к Р.Б. Гулю от 27 августа 1957 г. (Иванов Г., Одовецова И., Гуль Р. Тройственный союз (Переписка 1953–1958 годов). СПб., 2010. С. 452). Под «поколением» явно имеется в виду В.С. Варшавский, автор книги «Незамеченное поколение», бурно обсуждавшейся в 1956–1957 гг., в том числе Гулем и Ивановым.

⁶ Вишняк 1957. С. 215.

⁷ Там же.

⁸ Седых А. Наши анкеты. У З.Н. Гишпиус // Звено. 1925. 13 марта. № 113. С. 3.

⁹ Библиографией (Гехтман М.В. Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гишпиус. М., 2007) и комментариями к сборникам произведений Мережковского и Гишпиус (Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001; Гишпиус З.Н. Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920–1925 годов. СПб., 2002) зафиксированы их публикации в следующих изданиях 1920–1922 гг.: «Виленский курьер», «Сегодня» (Рига), «Свобода» (Варшава), «Последние новости» (Париж), «Отечество» (Париж), «Свободное слово» (Ревель), «Последние известия» (Ревель), «Руль» (Берлин), «Общее дело» (Париж), «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс).

ще практически никогда, стихи она могла печатать, сколько хотела (другое дело, что печатала далеко не всегда). А вот литературную критику и публицистику — с большим разбором и с большими перерывами. Объемистые и серьезные ее статьи, появившиеся в СЗ, — две «Литературные записи» (№ 18 и 19), «Оправдание свободы» (№ 22), «Меч и крест» (№ 27). Вот фактически и все: 1924–1926 гг. Остальное — воспоминания, рецензии, некрологи. Литературные произведения Мережковского не встречали препятствий к напечатанию, наоборот — редакция высоко ценила его сотрудничество, но публицистика вообще не печаталась в журнале, за исключением единственной статьи — к столетию восстания декабристов.

Причину этого Вишняк усматривал в одном, но главном обстоятельстве: «Мережковский и Мережковская-Гиппиус не довольствовались своими литературными и поэтическими достижениями. Они претендовали на большее: на *водительство*, литературно-художественное, религиозно-философское, общественно-политическое»¹⁰. Более чем понятно, что такой претензии редакция журнала не хотела и не могла принять. Особенно неприемлемой была, конечно, позиция Мережковского. Она достаточно хорошо известна¹¹, поэтому приведем лишь одну затерянную в газетах эпохи цитату: «Вы говорите, о политике нельзя? Но о русской литературе трудно говорить вне политики... Кто-то нашел, что для спасения России нужно соединиться с большевиками... Нет, не о спасении одной России надо думать. Помните у Блока: “Мировой пожар раздуем”?.. Кто знает, быть может, страдания России нужны для спасения человечества... Голос Мережковского крепнет, звучит пророчески. Впалье глаза загораются странным блеском, всматриваются куда-то в глубину, в царства Антихриста... Много позже, на улице вспоминается: “Спасение мира другие народы кончат, Россия начнет”»¹². Политика, в разных ее преломлениях, была для него чрезвычайно важна, однако ее направление явно входило в противоречие с устремлениями СЗ. Но дело, кажется, было даже еще сложнее, и это вполне вырисовывается из переписки¹³.

На протяжении долгого времени Мережковские искали печатный орган, где могли бы чувствовать себя свободно, однако все время оказывались на втором плане. В «Северном вестнике», где их привечали, у руля твердо стояли А. Вольнский и формальный редактор журнала Л. Гуревич. «Мир искусства» был все-таки журналом в первую очередь художественным, да и Дягилев вовсе не склонен был передоверять руководство другим людям. «Новый путь» оказался под двойной цензурой, поэтому пришлось сдерживать не только свое перо, но и перья других авторов. Планы на редакторство 1908–1909 гг. также или не реализовались, или были слишком кратковременными. «Голос жизни» получился слишком мимолетным. То же относится и к эмигрантскому периоду: небольшие журналы, вроде «Нового корабля», долго не могли продержаться на поверхности, а большие (как СЗ или «Числа») вовсе не спешили отдать Мережковским лидерство. Думается, на деле это было вызвано вовсе не злоумышлениями редакции. По складу своего характера и творческих способностей ни Гиппиус, ни тем более Мережковский не были способны к сколько-нибудь продолжительной и упорной журнальной (а тем более газетной) работе. Оказался способен Д.В. Философов, но это по-настоящему обнаружилось только в варшавских русских изданиях, где он стоял у руля.

¹⁰ Вишняк 1957. С. 130.

¹¹ См.: *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста; в т.ч. послесловие О.А. Коростелева и комментарии О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина.

¹² *Седых А.* Наши анкеты. У Д.С. Мережковского // Звено. 1925. 16 марта. № 111. С. 3.

¹³ В силу обрисованных выше особенностей мы далее пишем почти исключительно о взаимоотношениях с редакцией З.Н. Гиппиус, поскольку сотрудничество Мережковского особой проблемы не составляло.

Обратим внимание, что единственный большой журнал, где они были движущей силой, продержался сравнительно долгое время и выпустил более 20 номеров — это «Новый путь» (1903–1904), да и то последние номера 1904 года уже выпускались новой редакцией. А ведь там редактором были Философов и опытный журналист П.П. Перцов, а в повседневной работе им помогало много добровольцев. Все же остальные издания выдерживали совсем краткое время. И даже заведование литературным отделом «Русской мысли» оказалось им не по плечу. Так что в сотрудничестве с СЗ они явно преследовали одну цель: использовать в своих интересах то, что делалось организационными усилиями других.

Во-вторых, практика сотрудничества с изданиями или небольшими, или находящимися в положении маргинальных приводила к меньшему сознанию ответственности. То, что можно было себе позволить в заведомо привязанных к определенной литературной группе «Весак» или в крошечном «Новом корабле», было абсолютно неуместно в большом журнале, претендующем на ведущую роль в русской литературе. С отчетливостью показывает это казус с уже упоминавшейся статьей «О Любви». Первое ее упоминание мы находим в письме И.И. Фондаминского от 5 февраля 1925 г. (п. 64). Гиппиус в это время сдает в редакцию статью «Новь» (первоначально «Россия молодая»), которая не встречает никаких сколько-нибудь серьезных препятствий, и явно надеется, что и с новой статьей все будет так же. Всю вторую половину апреля Фондаминский всячески торопит Гиппиус, исходя из того, что ее статья «“О любви” центральная в 24-й книжке [...] она и должна в 24-м номере осуществить *основное и самое важное*, ради чего, главным образом, я и работаю в журнале» (п. 74). Но получив текст статьи (для чего Гиппиус пришлось совершить, по ее словам, *tour de force*), он телеграфирует Вишняку и пишет самой Гиппиус, что статью печатать невозможно.

Нет сомнения, что причины, на которые он ссылался, в значительной степени искусственны: разночтения в цитатах можно было бы исправить за несколько минут; недоброжелательность Гиппиус по отношению к Бунину явно преувеличена; предварительное ознакомление Бунина с текстом статьи вовсе не являлось обязательным с точки зрения литературной этики (об этом пишет в мемуарах и Вишняк); рассорило Гиппиус с Буниным не потенциальное напечатание статьи, а то, что Фондаминский ему эту статью показал. Но главная причина, о которой шла речь, действительно была неотменима: «Напечатание статьи в таком виде и в этом номере рассорило бы нас навсегда с Ив. Алекс. [Буниным]. И он был бы прав» (п. 89). Совершенно очевидно, что в этой ситуации Фондаминский действовал не столько по своей воле, сколько из сознания ответственности перед журналом: СЗ с Буниным и без него были бы совершенно разными изданиями. Гиппиус же действовала на свою собственную ответственность, не желая вникать в редакционные резоны. Как можно понять из переписки, она не порвала отношений с журналом из двух соображений: надежды на дальнейшее сотрудничество и нежелания ссориться с давним другом.

Но в конце концов расхождение было, по всей видимости, неизбежным. И связано это было в первую очередь с тем, что Гиппиус была не обычным журнальным автором, а оригинальным писателем, религиозным и политическим мыслителем. Да, ее мысли зачастую выражались далеко не прямо, логика построения и ассоциативные ходы были понятны не всякому, но она «интересовалась интересным» постоянно, готова была и вступать в полемику по самым различным поводам, и излагать собственную точку зрения на довольно широкий круг проблем. Но редакция СЗ видела в ней прежде всего сотрудника, который должен был подчиняться интересам журнала. В редакционной переписке собрано довольно много сведений о том, какие темы предлагались ей редакцией в 1926–1927 гг., когда ее участие в журнале постепенно прекра-

щалось. Нет сомнения, что делалось это из самых лучших побуждений, но стороннему наблюдателю очевидно, что она совершенно не собиралась становиться журналисткой, пишущей по чужому заказу, она сражалась за право самой выбирать темы и рабатывать их так, как казалось ей нужным.

На эти внутренние проблемы накладывалась и внешняя ситуация, определявшаяся по крайней мере тремя факторами: осенью 1927 г. окончательно разоблачается «Трест», что заставляет поверить в невозможность свержения советской власти изнутри страны; местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (впоследствии ставший патриархом) обращается к митрополиту Евлогию с требованием канонического подчинения, а патриарший синод требует от всех священников подписки об отказе от выступлений против советской власти; наконец — несравнимо с первыми двумя факторами, но значимо конкретно для потенциальных газетных сотрудников — П.Б. Струве покидает газету «Возрождение» и у некоторых (у Мережковских — не в последнюю очередь) появляется надежда на то, чтобы занять место ведущих публицистов в этой газете. В мае Гиппиус прекратила (не окончательно, но на длительное время) сотрудничество с ПН¹⁴. 5 октября Мережковский писал В.Ф. Ходасевичу: «Дорогой Владислав Фелицианович, мне давно хотелось Вам написать, но я обезумел — “осатанел” от моей антисоциальной, антимилоковской лекции, которую сейчас готовлю, чтобы прочесть ее как можно скорее, по приезду в Париж, и этим сразу выснить все наши стратегические позиции. Я очень склоняюсь к возможности нашего с З.Н. переселения в “Возрождение”. Вы пишете, что Маковскому хотелось бы иметь нас обоих. Я очень убеждаю З.Н. решить этот вопрос в положительном смысле»¹⁵. Конец надежд на «Трест» и церковные проблемы заставляют обоих и на самом деле уйти в «Возрождение», с которым еще в 1925 г. Гиппиус, как и все СЗ, яростно полемизировала.

В декабре 1927 г. появляется ее первая публикация, на которую моментально отреагировал М.В. Вишняк. Так как «поэтесса, романистка и литературный критик выбрала для дебюта *политическую тему*, облеченную в форму *публицистического фельетона*», он полагал, что «это дает право, а некоторых и обязывает, к *политическому* подходу и оценке дебюта Гиппиус»¹⁶. И с этой точки зрения он очень внятно объясняет, почему ему отныне не по пути с Гиппиус. Вряд ли можно сомневаться, что его мнение в очень значительной степени отражало позицию всех редакторов СЗ. И уж совсем на грани краха отношения оказались после того, как Гиппиус стала публиковать фрагменты своей «Синей книги», полученной в 1927 г. из СССР. 19 августа 1928 г. она писала Е.М. Лопатиной: «За напечатание в *Нов. Корабле* (без гонорара) *правды* о Корнил[ове], Керенском и с-срах [так!] — *Совр. Зап.* меня исключили (Амалия даже вообще со мной 20-летние отношения порвала)»¹⁷. Можно себе представить, как должно было осложнить все отношения напечатание полного текста в 1929 г.! Как раз в это время Фондаминский пытался подготовить возвращение Мережковских в журнал (см. п. 151–152) — и попытку пришлось отложить еще на год. 17 ноября 1930 г. Фондаминский с неудовольствием писал: «Летом мы с тобой обсудили вопрос о твоём возвращении в

¹⁴ 18 июля 1927 г. она писала Е.М. Лопатиной: «Сейчас и я ничего не пишу. В *Посл. Нов.* совесть не позволяет, рука не подымается, а больше некуда» (*Пахмус Т.* Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус // *Вестник Русского христианского движения.* 1980. № 132. С. 287).

¹⁵ Из переписки В.Ф. Ходасевича с Мережковскими / Вступ. ст., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // *Новое литературное обозрение.* 2008. № 90. С. 133–134.

¹⁶ *Вишняк М.В.* Пути и перепутья З.Н. Гиппиус // *Дни.* 1927. 14 дек. № 1267. С. 2.

¹⁷ *Вестник Русского христианского движения.* 1980. № 132. С. 293–294. Речь идет о публикации: *Гиппиус З.Н.* Дело Корнилова: Из Петербургского дневника // *Новый корабль.* 1928. № 3. С. 13–37.

“С[овременные] з[аписки]” и *порешили*: я хлопочу об этом в редакции, а ты не ставишь препятствий моим “демаршам” своей строптивостью» (п. 156). Но и тут ему пришлось долго уговаривать Гиппиус вести себя «разумно», соглашаться на предложения редакции и не настаивать на своих правах.

В начале 1931 г. Гиппиус примирилась и с Вишняком, вполне миролюбиво, несмотря на ряд откровенных несогласий, обсудив в письмах его книгу «Два пути — Февраль и Октябрь»¹⁸, а потом и отрецензировав ее в «Числах», которые не жаловали политике, — тем ценнее должна была быть рецензия именно там. И все-таки до конца отношения не наладились. Отныне Гиппиус печатала в журнале только стихи, рецензии и некрологи. Единственная статья, «Авантюрный роман», была невелика по объему (Гиппиус в п. 170 даже назвала ее «крошечной заметкой») и посвящена не остроактуальной теме. Нет сомнения, что ее это уязвляло. Еще в 1936 г. она писала В.В. Рудневу: «Жаль, что вы мне не доверяете хотя бы в меру Адамовича: ему позволено всякие “Комментарии” плести; почему за мной нужен, как говорил Вишняк (и думает Миллюков) “глаз да глаз”?» (п. 194).

Таким образом, и в отношениях с Мережковскими (особенно с Гиппиус) редакция СЗ вполне определенно вела собственную линию, не позволяя себя с нее сбить. Гиппиус же в итоге оказалась не в состоянии реализовать сколько-нибудь полно свои потенции как острого литературного критика (в ипостаси Антона Крайнего прежде всего) и политического публициста ни в одном из печатных изданий русской эмиграции. Одни прекращались, другие находились в отдалении от Парижа и потому выглядели провинциальными, третьи пытались предъявлять собственные требования, выглядевшие для Гиппиус неисполнимыми, — но факт остается фактом. Над ним, мы полагаем, еще не раз будут задумываться историки литературы и общественной мысли эмиграции. И переписка с редакцией СЗ здесь ни в коем случае не сможет быть обойденной.

¹⁸ Отметим, что статья Гиппиус, с которой Вишняк полемизировал в 1927 г., называлась «Третий путь».

1. Мережковский – Рудневу

Paris. 26 января 1921 г.

26-I-21.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
по просьбе А.В. Карташева¹ и Демидова², который на несколько дней уезжает в Марсель, наше собрание переносится с этой субботы на следующую, через неделю. Мне это неприятно, ибо одно из двух: или совсем не браться за дело, или делать его, не останавливаясь³. Хотелось бы, чтобы впредь таких перерывов случайных и неожиданных больше не было.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/1).

¹ Карташев Антон Владимирович (1875–1960), профессор Петербургской духовной академии, историк церкви, министр вероисповеданий Временного правительства. В начале XX века – один из очень близких к Мережковским людей.

² Демидов Игорь Платонович (1873–1946), общественный деятель, журналист, с марта 1924 г. заместитель редактора ПН. В 1921 г. – член парижского комитета Партии народной свободы.

³ Речь идет о собрании т.н. Союза Духа. Подробнее см.: *Осьминина Е.* «Мы объявим [...] наш Союз Духа существующим...» (Мережковские и Н.В. Чайковский в 1920-е) // Диаспора. СПб., 2003. [Вып.] 5. С. 611–627. Отметим, что Мережковский и И.П. Демидов в январе 1921 г. оба публиковались в газете «Общее дело», там же была помещена информация: Лекции-беседы проф. А.В. Карташева // Общее дело. 1921. 11 февр. № 211. С. 2. Не исключено, впрочем, что речь идет о тайном (и неизвестно, существовавшем ли в реальности) «Союзе Непримириемых», о котором год спустя Гиппиус писала: «Год тому назад, на этих же страницах, было много упомянуто о “Союзе Непримириемых”. Он жив – еще бы! – этот таинственнейший из тайных, неуловимых для “товарищей”, союз, рожденный органически, самой жизнью. [...] Это все. И, кажется, все, что я могу сказать о “Союзе Непримириемых” в печати. Добавлю только, что зародившись в России, [...] Союз переселился и в Европу» (*Гиппиус З.Н.* О верности // Общее дело. 1922. 1 янв. № 531. С. 2). Проверкой de visu материалов о «Союзе непримириемых» в газете «Общее дело» за январь–февраль 1921 г. не обнаружено. Некоторые намеки можно обнаружить в первой части статьи: *Мережковский Д.С.* О белой и красной нечисти // Общее дело. 1921. 8 янв. № 177. С. 2. Ср. также в дневнике В.Н. Буниной от 23 января: «Днем Гиппиус с Влад. Анан. [...] Темы самые разнообразные: о каком-то новом объединении, в которое входит и Руднев, и Балавинский, и Карташев, и Мережковские, и куда приглашают Яна» (Устами Буниных. Т. 2. С. 24).

2. Фондаминский — Гиппиус и Мережковскому

Б.м. Весна 1922 г. [?]

Воскресенье

Со Светлым праздником, дорогие друзья¹.
Целую вас крепко — и крепко люблю.

Ваш Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 74).
Датируется предположительно по местонахождению в архиве.

¹ В 1922 году православная Пасха приходилась на 1 мая по новому стилю.

3. М.С. Цетлин — Гиппиус

Caueux-sur-Mer. 10 августа 1922 г.

Le 10.VIII 192_

Милая Зинаида Николаевна,
спасибо за Ваши милые строки. Мы теперь на берегу моря, но недели через 2–3
будем в Париже и тогда приедем в Amboise. У меня теперь живет в Париже моя
мама¹ и я туда езжу часто. 16 и 17-го августа буду опять на rue Faisanderie.

Я наконец добилась ответа от П.Н. [Милюкова] и поэтому мое письмо запаз-
дывает. Вчера я была в Париже и его видела. Он просит Вас немного перерабо-
тать в смысле содержания статью о Блоке и тогда это не будет копия и он сможет
ее поместить². Петерб[ургские] письма его очень интересуют и он просит их
прислать³. Пошлите на наш адрес и на его имя.

Очень страшно от московского приговора⁴, к[о]т[о]рый мы сегодня узнали,
и поэтому не знаю, что еще написать.

Очень много видела Кускову и Прокоп[овича]. При свидании Вам расскажу.
Они во мне оставили очень сложное впечатление, не ясное. Они абсолютно «их»
не принимают и в то же время считают возможным работу принять, они говорят,
что «их» уже как бы нету и в то же время нельзя только проклинать, пока они еще
есть. Говорят не от себя, а от России. На П.Н. М[илюкова] они имели громадное
влияние, т[а]к к[а]к он через них слышит истинный голос России, а я не знаю,
мне плохо слышно. Но это все при личном свидании. Целую Вас

Мар. Цетлин

Очень кланяюсь Дмитрию Сергеевичу и Буниным и Владимиру Ананьевичу.
Пишите, пожалуйста, на парижск[ий] адрес.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 8. F. 24).
Год установлен по содержанию. Письмо на бланке с надписью: «Hotel du kursaal et du casino
de Caueux-sur-Mer (Somme)».

¹ Тумаркина (урожд. Левина) Адель Соломоновна (?–1928). См. о ней: «В 1923 г. приеха-
ла к нам из Москвы моя бабушка Адель Тумаркина [...] Мария Самойловна очень любила
свою мать и заботилась о ней: у нее была своя комната в нашей квартире. [...] Она вскоре
потеряла память, и родители должны были поместить ее в последние месяцы жизни в част-
ную специализированную клинику в парижском предместье Сен Манде. Там она и сконча-
лась» (*Цетлина-Доминик А. Моя семья: Из восп. // НЖ. 1991. № 184–185. С. 401*).

² Речь идет об очерке Гиппиус «Мой лунный друг», опубликованном в первом номере издававшегося М.О. и М.С. Цетлиными «трехмесячника литературы» «Окно». О какой именно комбинации с текстом этого очерка идет речь, нам неизвестно. В газете «Последние новости», которая скорее всего имеется здесь в виду, в переработанном виде очерк не публиковался. Не исключено, что речь идет о статье «Последние встречи с Блоком» (За свободу! 1923. 29 мая. № 118). Не очень ясные упоминания о судьбе «Моего лунного друга» есть в письмах Гиппиус к В.А. Злобину. Так, 18 февраля 1922 г. она писала: «Блока» я совсем не пошлю Гессену. Зачем? Я его отдала М.С. [Цетлин], а раньше он будет в “Меркуре”. И довольно. Только она жилится с гонораром, дура, будто это “не беллетристика”. Если она даст Дм[итрию] С[ергеевичу] 3 тысячи за русское издание “Египта и Вав[илона]”, то он тоже ей отдаст. Это не решено. В постоянных сношениях с Faisanderie и с Сах[аровыми]». И позднее, 2 ноября 1922 г.: «Вчера я читала Блока у М.С. [Цетлин]. Было довольно народу, но я уютно сидела в углу на диване и не торопясь все прочла. Был Чайковский, кот[орый] говорил: “Бл[ок] не мог не следовать за Россией, Россия пошла за больш[евиками] — и он за большевиками!” Мил[юков] какой-то кислый — и вонючий. Вообще же за это чтение я кое-что поняла интересное, только долго писать» (Письма Зинаиды Гиппиус Владимиру Злобину, 1922–1923 / Публ. и примеч. Т. Пахмусс // НЖ. 1998. № 212. С. 193–227; здесь: С. 194).

³ О каких письмах речь, неизвестно. В ПН они если и появлялись, то без имени Гиппиус.

⁴ Речь о приговоре на московском процессе эсеров в августе 1922 г. См. примеч. 9 к п. 23.

4. Фондаминский — Гиппиус *Paris. 27 августа 1922 г.*

27 VIII 1922

Дорогая Зина,

если у тебя есть новые или старые ненапечатанные стихи, пришли мне, пожалуйста, их немедленно. Мне очень хочется поместить их в «Совр[еменных] зап[исках]», и я надеюсь, что мне это удастся. Пришли по возможности *побольше*¹.

Курочка² в Берне с мамашей³. Вернется в конце месяца, и мы поедem на две недели в Саваю.

В Париже тихо и скучно. Душевное состояние смутное. О тебе всегда думаю с любовью. Поцелуй Димитрия. Кланяйся Вере Николаевне и Ивану Алексеевичу [Бунинным]⁴. Крепко тебя целую.

И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 74).

¹ Первые стихотворения Гиппиус были напечатаны в № 10 СЗ: 1 января 1914 г. («На сердце непонятная тревога...»), «Невеста», «Есть речи...», «Не за мной», «Декабристам», «Будет!» (С. 119–124). Однако дата письма скорее указывает на подборку, появившуюся в № 14: «Прошла», «Голубой конверт», «Рыдательное», «Надежда моя» (С. 168–171).

² Домашнее имя Амалии Осиповны Фондаминской (урожд. Гавронской; 1882–1935), жены И.И., близкой подруги Гиппиус еще с предвоенных лет. Ее памяти она посвятила статьи «Негасимая свеча (Памяти Амалии Фондаминской)» (ПН. 1935. 22 июня. № 5230. С. 4) и «Единственная» (Памяти Амалии Фондаминской. Париж, 1937. С. 5–45). Ей посвящены также стихотворения Гиппиус «Протяжная песня», «Наставление», «Амалии», «Надежда моя» и «Стены» (см.: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб., 1999. С. 193–194, 272, 304, 340–341, 362–363). Последнее из них было напечатано в подборке, названной в предыдущем примечании. См. также п. 183.

³ Гавронская (урожд. Высоцкая) Либа (Любовь) Мириам Вульфовна (1845–1930), мать А.О. Фондаминской (см.: Ред., примеч. 19 к п. 10). Гиппиус вспоминала о ней: «Отец умер в

начале довоенной эмиграции Фондаминских, но мать, души в ней не чаявшая, никогда надолго с ней не расставалась, постоянно приезжала в Париж [...] (Я даже думаю, что когда, не так давно, старенькая мать ее скончалась, здесь [т.е. в Париже], — в Амалии впервые ослабел ее крепкий жизненный упор» (*Гиппиус З.Н.* Арифметика любви: Неизвестная проза 1931–1939 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Николюкина. СПб., 2003. С. 497). См. также: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж, [1951]. С. 204–205.

⁴ Лето 1922 г. Бунины и Мережковские проводили в Амбуазе. Мережковские приехали туда 25 июля, а уехали 7 октября (Устами Буниных. Т. 2. С. 91, 95).

5. М.С. Цетлин — Гиппиус

Paris. 17 ноября 1922 г.

Пятница 17.XI.22.

Милая Зинаида Николаевна,
бесконечно Вам благодарна за Ваши стихи, они мне еще больше нравятся, я опять их с наслаждением читала и уже горжусь ими в «Окне»¹.

Спасибо за все Ваши советы. Я ведь ничего этого не знаю. Механически повторила названную мне цифру и очень рада, что дали мерку — исходить из прозы. Так и сделаю².

Целую Вас нежно. Оч[ень] кланяюсь Дмитрию Сергеевичу. На днях надеюсь обо всем договориться.

Ваша Мария Цетлин

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 8. F. 24). Письмо на бланке с адресом: «118, rue de la Faisanderie, XVIe». Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, 11bis av[enue] du Colonel Bonnet, Paris XVIe»; почт. шт.: «Paris, 18.XI.1922». Мы не републикуем письмо З.Н. Гиппиус к М.С. Цетлин от 8 декабря 1922 г. (НЖ. 1987. № 168–169. С. 311–313; Публ. Т. Пахмусс), не имеющее отношения к журнальным делам.

¹ В первом номере «Окна» были напечатаны стихотворения Гиппиус «Петербург», «Рыжее кружево» и «Прорезы» (С. 48–52).

² Речь явно идет о гонорарах за участие в первом номере «Окна». См. примеч. 2 к п. 3. См. в дневнике В.Н. Буниной от 16 ноября 1922 г.: «Мар[ия] С[амойловна Цетлин] предложила ей [Гиппиус] за стихи по франку за строку! З.Н. от гонорара отказалась и написала, что в литературных нравах оплачивать строчку стихов вдвое дороже, чем строчку прозы. Обычно на странице бывает 12 ст., следовательно, при оплате в 300 фр. за лист строка обойдется в 12 фр., то страница стихов должна стоить 24 франка, то есть два франка за строку. Об этом тоже З.Н. просила никому не говорить» (РАЛ. MS. 1067/375).

6. М.С. Цетлин — Мережковскому

Paris. Июнь 1923 г. [?]

Дорогой Дмитрий Сергеевич,
умоляю Вас вернуть мне корректуру *завтра*, и типография умоляет Вас не вносить изменений в текст. Если у Вас нет возможности мне доставить корректуру, скажите подателю сего, в каком часу завтра за ней зайти. Рукопись еще *нужна* типографии, пожалуйста, верните ее с корректурой¹.

Примите Вы и Зинаида Николаевна мои самые сердечные приветы. Как только Шурочка² выздоровеет, я к Вам приду в гости, мне очень хочется Вас повидать.
Ваша Мар. Цетлин

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 8. F. 24).
Датируется предположительно по содержанию. Сохранился конверт; адрес получателя: «Monsieur D. Merejkovsky, 11bis av[enue] du Colonel Bonnet, Paris XVIe».

¹ Речь идет о корректурах печатавшейся во втором номере «Окна» книги Мережковского «Тайна Трех (Египет — Озирис)».

² Авксентьева (в замуж. Прегель) Александра Николаевна (1907–1984), дочь М.С. Цетлин от первого брака, впоследствии известная художница.

7. М.О. Цетлин — Гишпиус Paris. 6 июля 1923 г.

6 июля

Дорогая Зинаида Николаевна,
мы *endurant*¹ упрекали, идти не хотели. Иван Сергеевич [Шмелев] протестовал горячо, мы горячо извинялись. Вы легко упрекаете и правильно угадали: мы здесь не причем *ou presque*². Впрочем, вина наша бóльшая, чем я сам думал. Перечел письмо Регины Март. Заблудовской³. Вот ее слова: «“Дни” и “Руль” просят отрывков. Мы с Б.О. (Харитоном) подумаем, дать ли и что дать»⁴. Т.е. она считала это *своей* прерогативой. Если бы я прочел как следует письмо — то должен был бы срочно телеграфировать: «*prîère de ne pas réfléchir*»⁵. Но я понял, что это только предположение, что нас спрашивают о нашем мнении, решил *не* давать и потому не спешил и Вас запросить. А через день или 2 после письма — Вы уже были ближайшим сотрудником «Дней»⁶. Это очень досадно и принципиально недопустимо. Ну да уж теперь ничего не поделаешь: опровержения и письма в редакцию писать не стоит.

Надеюсь, что Вам понравится 2-е «Окно» зеленое⁷. Мне очень интересно знать Ваше мнение о ремизовских «Письмах»⁸, о неумеренном количестве моих стихов⁹. Муратов скучен, но контрреволюционен¹⁰. Остальное — Вы знаете. Вообще, не смотря на отсутствие политики, сборник все же есть некое «оказательство». Даже в моих стихах — «самодержавие — свято!»¹¹ (чего я не думаю).

Привет сердечный Дмитрию Сергеевичу (которого надеюсь все же покатасть на автомобиле) и Владимиру Ананьевичу.

Боюсь, что у Вас теперь станет жарко. В Париже — невыносимо эти дни.

Как то пишется Ваш «Розанов»¹²? Искренне преданный Вам

Мих. Цетлин

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 8. F. 24).
Год установлен по содержанию. Письмо на бланке с адр.: «118, rue de la Faisanderie, XVIe».

¹ терпеливо (фр.).

² или почти (фр.).

³ Заблудовская Регина Мартьяновна (1880 — ?), журналистка, жила в Париже с 1911 г.

⁴ Судя по всему, речь идет о публикации фрагментов из готовившегося к печати во втором номере «Окна» очерка Гишпиус «Одержимый». Упоминание Бориса Осиповича

(Иосифовича) Харитона (1876–1941), жившего в Берлине, и берлинских газет позволяет думать, что в те дни Заблудовская была в Берлине.

⁵ прошу не раздумывать (фр.).

⁶ См. публикацию: *Гиппиус З.* Одержимый // Дни. 1923. 25 июня. № 197. С. 9, 11.

⁷ Речь идет о цвете обложки. Ср. в отзыве: «...почему такая уродливая обложка?» (Д.Ф. [Философов Д.В.] Обет безрадности // За свободу! 1923. 4 авг. № 173 (314). С. 3).

⁸ См.: *Ремизов А.* Розанова письма // Окно. 1923. № 2. С. 121–193. Впоследствии произведение стало известно под заглавием «Кукха: Розановы письма».

⁹ В сборнике были две публикации поэта: *Амару [Цетлин М.О.]* Первая любовь (из цикла «Декабристы») // Там же. С. 115–119; *Он же.* Из поэмы «Декабристы» // Там же. С. 261–273.

¹⁰ Имеется в виду публикация: *Муратов П.* Проспериды // Там же. С. 99–113.

¹¹ Строка из фрагмента «Бунт» (Там же. С. 266).

¹² См. примеч. 1 к п. 10.

8. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 30 июля 1923 г.¹

30 VII 1923

Родная Зина,

и я тебя очень крепко целую и всегда люблю. Посылки и деньги немедленно вышлю, как только получу от тебя адрес M[ada]me Elise Casimir² (все написала, кроме адреса, а без адреса отправителя нельзя послать).

Книжка XVI вам послана³ — получили? «Домик» набирается⁴. Стихи обязательно пришли⁵. Ко мне приехала из России сестра⁶ с дочкой (4 лет) — в квартире детский голос, как колокольчик звенит. Я работаю, но вяло. Курочка к вам собирается. В Париже пусто, но не жарко.

Крепко целую тебя и Димитрия и шлю сердечный привет Владимиру Ананьевичу.

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 74).

¹ Летом 1923 г. Мережковские жили по адресу: Villa Evelina, Grasse (Alpes-Maritimes).

² О ней мы не обладаем какой бы то ни было информацией.

³ В № 16 СЗ было напечатано продолжение «Тайной мудрости Востока» Мережковского.

⁴ Речь о воспоминаниях Гиппиус «Маленький Анин домик» (СЗ. 1923. № 17. С. 206–248).

⁵ Ближайшая публикация стихов Гиппиус в СЗ состоялась в 18-й книге: «Прошедший мимо», «Верность», «Южные стихи» (С. 98–103).

⁶ У Фондаминского было четыре сестры; о какой именно речь, установить не удастся.

9. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 11 августа 1923 г.

11 VIII 1923

Родная Зина,

пошлю тебе квитанции на посылки и деньги. Нансеновские посылки теперь по 5 дол. Всего 275 фр. Денег не присылай: я получил за тебя аванс с «Соврем[енных] зап[исок]»¹. Ты не надейся, что получишь столько, сколько с «Mercure»². Запла-

тим максимум, но это будет меньше. *Стихи немедленно присылай*. Димитрию скажи, что стихи его будут напечатаны в ближайшей книжке³ (половина, как он просил, будет передана Мих. Ос. [Цетлину]⁴). Скажи Влад[имиру] Ананьевичу, чтобы он не сердился на то, что Зайцеву я визу достаю, а для него нет. Зайцев — сотрудник «Совр[еменных] зап[исок]» и за него согласилась хлопотать редакция, я же лично ничего сделать не могу⁵. Прочти последнюю книжку «Р[усской] м[ысли]». Если уж Изгоев и Струве согласны с Пешехоновым, значит, правда моя: Россия сильнее большевиков и, несмотря на них, оправляется⁶. Курочка уехала на несколько дней в Довиль⁷ с Цетлиными. Я работаю тихо. Зато у меня милая племянница-костромичка. Целую тебя и Димитрия очень крепко. Влад[имиру] Ан[аньевичу] сердечно кланяюсь. Всегда тебя люблю.

Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 74).

¹ Судя по всему, имеется в виду аванс за «Маленький Анин домик» (см. п. 8).

² Речь о респектабельном французском журнале «Mercure de France». Библиографией зафиксированы следующие публикации там Гиппиус в 1922–1923 г.: Confession d'une jeune fille russe à son amie française [Исповедь русской девушки своей французской подруге] // Mercure de France. 1922. Т. 157. № 578. Р. 71–79; Mon ami lunaire. Alexandre Blok [Мой лунный друг. Александр Блок] // Ibidem. 1923. Т. 161. № 590. Р. 289–326; La maisonette d'Ania [Маленький Анин домик] // Ibidem. Т. 165. № 603. Р. 611–662 (здесь и в дальнейшем при библиографических разысканиях мы пользовались кн.: *Гехтман М.В.* Библиография).

³ Имеется в виду стихотворение «Вечерняя песнь» (СЗ. 1923. № 17. С. 115).

⁴ Судя по всему, речь идет о том, что часть стихов, присланных Мережковским, не была принята к печати, а оставлена М.О. Цетлину для «Окна» или последующих номеров СЗ.

⁵ О какой визе для В.А. Злобина идет речь, неизвестно.

⁶ Имеются в виду статьи: *Изгоев А.С.* Политические партии // Русская мысль. 1923. № 3–5. С. 257–272; *Струве П.* Две речи. I. Отечество и Собственность. II. Героическая воля; На духовных развалинах народничества и марксизма // Там же. С. 273–279, 327–330. Прямо о каких бы то ни было согласиях или несогласиях со взглядами Алексея Васильевича Пешехонова (1867–1933) там не говорится, однако, видимо, можно понять, что слова Фондаминского относятся к таким, например, выводам статьи Изгоева: «Что касается России, то сколько-нибудь широко открытые политические новообразования могут там начаться только на почве разложения господствующей коммунистической партии при попустительстве или содействии властей. [...] Помимо этого, в России есть только один пункт созидания новых политических сил: повторение старого, длинного, мучительного пути наших бывших революционно-социалистических организаций с ожиданием грядущего развала для своего выступления» (С. 271). О схождениях во взглядах Пешехонова и Струве мы говорить не возьмемся.

⁷ Довиль (Deauville) — небольшой французский город на побережье Атлантического океана недалеко от Гавра. Популярный морской курорт.

10. Гиппиус — М.С. Цетлин Grasse. 24 октября 1923 г.

24 окт. 23

Villa Evelina Grasse (A[l]pes-M[ar]itimes)

Дорогая Мария Самойловна,

Розанов давно готов (он называется «Задумчивый странник»), но он не переписан и не в лучшем, если в худшем, состоянии, нежели был «Брюсов»¹. Между тем,

переписывать здесь негде, а он не короток, тоже вроде «Брюсова». Я даже не знаю, сможете ли вы² сами его прочесть. Думала, что вам не к спеху, т.к. вы давно не писали, и собиралась привезти его сама (мы приедем между 7–10 ноября). К тому же слышно было, что у вас перегружение материала, благодаря неожиданно длинному Шмелеву³, и ваше молчание истолковывала так, что с Розановым торопиться некуда. Теперь полагаю, что лучше немедля послать вам рукопись; сделаю это завтра и очень буду рада, если не встретится нужды в переписке, это очень дорого стоит, совсем не по карману.

О вас мы знали только от Буниных. Очень жалели все, что вы к нам не собрались. Читали ли вы статьи Арцыбашева в «Свободе»⁴? Мы от них в восторге, вот как надо чувствовать, как гореть и писать! А мы все в этом отношении выдохлись, и даже Минского — pardon, — негде съездить по физиономии⁵.

До скорого свиданья. Здесь так хорошо, нежно и тепло, цветут розы, — не хочется уезжать. Но пора, пора...

Обнимаю вас. Низкий поклон Михаилу Осиповичу. Я нахожу, что в отношении Ремизова он был еще слишком снисходительным цензором!

Ваша З. Гиппиус

P.S. В «Розанове» места о евреях, я думаю, не остры. Илюша [Фондаминский] слушал и говорит, что совсем ничего.

Нет, пошло рукопись послезавтра, пока еще почищу.

З.Г.

Печатается по первой публ.: Марков А. «Я люблю усталый шелест старых писем, дальних слов...» // Библиофилы России: Альм. М., 2005. Т. 2. С. 161–205; здесь: С. 171–172.

¹ Речь идет о печатавшихся в «Окне» очерках Гиппиус «Одержимый (О Вал. Брюсове)» (1923. № 2. С. 199–234) и «Задумчивый странник (В.В. Розанов)» (1923. № 3. С. 271–335).

² Здесь и в дальнейшем сохраняются особенности обращения со строчной буквы в письмах З.Н. Гиппиус.

³ В третьем номере «Окна» была напечатана повесть И.С. Шмелева. «Солнце мертвых», занявшая 161 страницу журнала из 390.

⁴ С 26 сентября 1923 г. в газете «За свободу!» начали печататься «Записки писателя» М.П. Арцыбашева, недавно приехавшего из Москвы.

⁵ О чем идет речь, мы доподлинно не знаем. Н.М. Минский занимал в первые годы эмиграции умеренно просоветскую позицию.

11. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 17 ноября 1923 г.

17 XI 1923

Дорогая Зиночка,
не удивляйся, что Вишняк еще не был у тебя, не принес денег, оттисков, журнала и не сговорился о критической статье. Они все уехали в Прагу на съезд бороться с «соглашателями» и вернутся только около 25-го. Тогда он к тебе и придет¹. Не дожидаясь Вишняка, вышли мне сюда немедленно *стихи* — это мне необходимо². Относительно «соглашательства» не бойся. Уж если швейцарцы не сдали и оправдали Конради, то и мы не сдадим³. Прими еще во внимание, что единственный

«соглашатель» в редакции — это я, остальные тверды, как скала. Жду немедленно стихов. Крепко целую тебя и крепко люблю. Поцелуй Димитрия и кланяйся Влад[имиру] Анан[ьевичу].

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 74).

¹ Речь идет о пражском съезде партии эсеров. Вишняк вспоминал: «Бывали у нас и партийные съезды или совещания. Они происходили не периодически, а в связи с крупными событиями в мире или в России. В центры русского рассеяния — Берлин, Прагу, Париж — съезжались представители эсеровских организаций [...] Парижская организация неизменно делегировала Авксентьева, Руднева, Фондаминского и меня» (Вишняк 1970. С. 46). Подробнее о съезде и его результатах см.: Ред., примеч. 6–9 к п. 10; Эсеры о задачах момента // Дни. 1923. 1 дек. № 325. С. 2–3; Вишняк М. Вокруг эсеровского съезда // Дни. 1924. 3 янв. № 350. С. 2–3. Отметим, что почти одновременно с этим в Праге проходила учредительная конференция (или съезд) Республиканско-демократического союза, где также велась борьба с «соглашателями», однако в передовой статье ПН по итогам конференции говорилось: «Окончательно определилось невхождение в организационную связь республиканско-демократических элементов лишь двух социалистических групп: правого крыла с.р., связанных постановлением своего пражского съезда, и, после настоящего совещания, народных социалистов» (Пражское совещание // ПН. 1924. 6 янв. № 1136).

² См. примеч. 5 к п. 8.

³ Морис Морисович (Мориц Морицович) Конради (1896–1946) 10 мая 1923 г. застрелил В.В. Воровского, главу советской делегации, прибывшей в Лозанну на конференцию по Ближнему Востоку. С 5 по 15 ноября 1923 г. в Лозанне проходил процесс по обвинению Конради и его сообщника А.П. Полунина, в результате которого оба они были оправданы.

12. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 20 декабря 1923 г.

20 XII 1923

Родная Зиночка,

крепись и держи Димитрия. К нам я тебя пока не зову — надо, чтобы были такие непримиримые, как ты. А к умеренным националистам не ходи, ибо... «нашему теляти, да волка поймати»: их скушает Марков¹ без остатка. Весь секрет удержаться в трещине — из трещины гора выйдет, ею же и Россия спасется². И разве ты не видишь, что я прав: Балдвин полетел, весною полетит Пуанкаре, а Муссолини сходится с большевиками³. У Ивана Алексеевича [Бунина] надежда на Людендорфа... Но Людендорф не в своей воле — над ним секретарь английского посольства⁴. Нет, милая, положиись на старый, добрый, буржуазный порядок Европы — его на наш век больше чем хватит.

Про Вишняка ты зря. Он ворчун, но добрый и «непримиримый». Стихи твои понравились и будут напечатаны в XVIII кн[иге]⁵. Кажется, несколько сохранят на XIX — хорошенького понемножку⁶. Про Антона Крайнего еще ничего не слышал — не сомневаюсь, что и он понравился⁷. Что же мне В[олоде?] сказать, не прочитал его⁸! Романа Димитрия жду с нетерпением⁹. *Как только он перепишет, пришли немедленно мне его.* Много мы дать не можем — у нас дела ухудшились, честное слово — но все-таки дадим больше других. Предисловие Димитрия я не хочу

навязывать редакции, ибо хочу во что бы то ни стало провести роман¹⁰. Тебе советую к следующей книжке написать о советской беллетристике и поэзии — Вишняк тебе доставит литературу¹¹.

Я радуюсь ужасно тому, что мы здесь и что живем тихо. Для меня это очистительная ванна. И Курочка [А.О. Фондаминская] подобрела и хорошо со мной обращается. Я уверен, что она здесь отдохнет и поправится. Будем держаться здесь до крайности.

Тебя очень люблю. Ужасно радуюсь, что мы с тобой вместе печатаемся. Чтобы быть вместе, я разделил своих китайцев на части и дам половинку¹². Теперь мучаюсь над концом. Поцелуй крепко Димитрия и Володю. Тебя нежно обнимаю.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 74).

¹ Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й; 1866—1945), крайне правый общественный деятель, публицист, с 1910 г. — председатель главного совета «Союза русского народа». В данное время — председатель Высшего монархического совета.

² Отсылка к неизвестному нам письму Гиппиус. См. ниже, п. 20.

³ Балдвин — вариант русской транскрипции имени премьер-министра Великобритании Стэнли Болдуина (1867—1947). На выборах в Палату общин 6 декабря 1923 г. консервативная партия, лидером которой он был, оказалась в меньшинстве, и он был вынужден уступить место премьер-министру Дж.Р. Макдональду. Раймон Пуанкаре (1860—1934) был премьер-министром Франции и министром иностранных дел до 9 июня 1924 г., т.е. прогноз Фондаминского практически оправдался. СССР был признан правительством его преемника на посту премьер-министра Э. Эррио 28 октября 1924 г. Бенито Муссолини (1883—1945), бывший премьер-министром Италии и фактическим лидером страны, в это время с симпатией относился к Советской России, что завершилось признанием ее в феврале 1924 г. В декабре отношение Муссолини к признанию СССР активно обсуждалось в эмигрантской печати. См., напр.: «В итальянских политических кругах убеждены, что в ближайшем будущем между Италией и Советской Россией будет подписано соглашение» (Дружба Муссолини // Дни. 1923. 1 дек. № 325). Ср. также большую аналитическую статью: *Тасин Н.* Протянули друг другу руки (Письмо из Италии) // Дни. 1923. 8 дек. № 331.

⁴ Людендорф Эрих Вильгельм Фридрих (1865—1937), генерал-полковник германской армии, один из главных немецких военачальников эпохи Первой мировой войны. После возвращения в Германию в 1920 г. сблизился с гитлеровцами, принимал участие в Пивном путче (ноябрь 1923 г.), в 1924 г. был избран в Рейхстаг. Упоминание о подчиненности его деятельности английским указаниям вряд ли имеет под собою какие бы то ни было конкретные основания. В СЗ ему была посвящена публикация: *Алданов М.А.* Два этюда. I. Эрих Людендорф // 1921. № 5. С. 143—157.

⁵ См. примеч. 5 к п. 8.

⁶ В кн. 19 СЗ стихи Гиппиус не публиковались. Видимо, публикация отложилась на кн. 20 (стихотворения «Etoile», «Веер времени», «Сбудется»).

⁷ Ближайшая статья Гиппиус, подписанная «Антон Крайний» и вызвавшая широкую полемику, появилась в кн. 18: «Литературная запись. Полет в Европу» (С. 123—138).

⁸ О чем идет речь, непонятно.

⁹ Имеется в виду роман Д.С. Мережковского «Рождение богов» (СЗ. № 21—22). Отметим, что хроникальное извещение об окончании работы над романом было помещено лишь весной 1924 г. (Дни. 1924. 23 марта. № 419; За свободу! 1924. 31 марта. № 87 (1142)).

¹⁰ Предисловия автора не было ни в журнальной публикации, ни в отдельном издании романа (Прага: [Пламя], 1925).

¹¹ Данный замысел реализовался в виде статьи «Литературная запись. О молодых и средних» (СЗ. № 19. С. 234—249. Подп.: Антон Крайний). Подробнее речь об этом идет в дальнейших письмах.

¹² Речь идет о том, что статья Фондаминского «Пути России. Статья шестая» начиналась печатанием в кн. 18, там же, где и «Полет в Европу» Гиппиус. В ней описывалось мироустройство традиционного Китая. Ее окончание было опубликовано в кн. 22.

13. Фондаминский — Гиппиус *Grasse. 25 декабря 1923 г.*

25 XII 1923

Дорогая Зиночка,
статья твоя не только печатается, но мне пишут, что она *очень* интересна. Несмотря на то, что ты всех наших сотрудников сильно обижаешь, статью твою почти не тронули — только выпустили несколько строк об уголовных деяниях Горького (не под стиль журналу)¹. Да и то просили меня заступиться, если ты рассердишься. Я ужасно радуюсь, что ты будешь вести свою «Литературную запись» и что первая статья редакции так понравилась. Видишь, ты зря заподозрила Вишняка. Теперь жду романа Димитрия². Целую тебя крепко.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 74).

¹ Речь о статье «Литературная запись. Полет в Европу», где оставлено лишь именование Горького «изытателем», т.е. причастным к изытанию не только церковных, но и прочих ценностей (в том числе культурных) предреволюционной России. Однако даже эти слова показались редакции слишком резкими. См.: Ред., п. 10 и примеч. к нему, а также далее в переписке Гиппиус с Вишняком и Фондаминским. Примерную суть обвинений Гиппиус можно восстановить по другим ее материалам. Например: «Горький [...] в промежутках — за бесценок скупает старинные и фамильные вещи у «гонимых», в буквальном смысле умирающих с голоду. Впрочем, он не «негодяй», он просто бушмен или готтентот. Только не с невинными «бусами», как прежде, а с бомбами в руках, которые и разбрасывает — для развлечения» («Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подгот. текста М.М. Павловой; вступ. ст. и примеч. М.М. Павловой и Д.И. Зубарева // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 100); «Теперь ведь продают последнее, дедовское, заветное, за кусок хлеба. Горький и пользуется, вместе с матросьем и солдатами [...] Выходит как-то «грабь награбленное» в квадрате...» (Там же. С. 105); «Горький все, кажется, старинные вещи скупил, потянуло на клубничку, коллекционирует теперь эротические альбомы» (Там же. С. 124). В дополнение к указанной выше литературе отметим активную полемику вокруг фраз о Горьком в газете «За свободу!»: *Арцыбашев М.* Записки писателя. XV. Как будто бы письмо // 1924. 2 марта. № 59 (1114). С. 2–3; *Он же.* Записки писателя. XVIII. Четыре заповеди полемиста; *Яблоновский А.* Письмо в редакцию; От редакции // 24 марта. № 81 (1136). С. 2–4; *Волковьский Н.* Письмо в редакцию; От редакции // 29 марта. № 85 (1140). С. 2, и др.

² См. примеч. 9 к п. 12.

14. Гиппиус — Вишняку *Paris. 31 декабря 1923 г.*

31 дек. 23. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
боюсь, что вы не расположены принести мне корректуру моей «Записи», между тем, там есть фатальные описки! Например — о расцветшем *Моисеевом* жезле, когда

я внезапно вспомнила, что с ним этого никогда не случалось, а расцвел *Ааронов*! Нормальные люди будут упрекать меня в невежестве, а ненормальные, пожалуй, в антисемитизме! Я не хочу ни того, ни другого.

Поэтому — нельзя ли мне все-таки корректуру? Искренне ваша

З. Гиппиус

Адрес: 11bis, avenue du Colonel Bonnet (XVIe)

Благодарю за «Коня»², которого мы взнуздаем.

Всего приятного к Новому году: демократической республики, например... только, извините, без Керенского с его бабушкой и дедушкой [Во]двовоз[ы]м³.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44) (см. илл. 12). Помета рукой Вишняка: «1». Впервые: *Вишняк М.В.* З.Н. Гиппиус в письмах // НЖ. 1954. № 37. С. 194.

¹ См.: «Что сделали в России с русскими писателями — мы видели, а что *делается* с немногими, подлинными, там еще остающимися, я не знаю (конечно, знал бы, если бы, чудом, наперекор рассудку и вопреки стихиям, там кто-нибудь расцвел, как Ааронов жезл)» (СЗ. 1924. № 18. С. 124–125). Библейский рассказ — Числа, гл. 17.

² «*Коть Вороной*» *Ротшина-Савишкова* (примеч. М. Вишняка). Имеется в виду анализ этого романа в статье Гиппиус «О молодых и средних» (СЗ. 1924. № 19. С. 245–249).

³ Фамилия в журнальной публикации опущена. Водовозов Василий Васильевич (1864–1933), юрист и экономист, публицист. Гиппиус явно имеет в виду две публикации газеты «Дни»: *Водовозов В.* Письмо в редакцию // Дни. 1923. 29 дек. № 347. С. 1; *Керенский А.* Ответ В.В. Водовозову // Там же. С. 2–3.

15. Вишняк — Гиппиус

Paris. 4 января 1924 г.

4.I.923. [так!]

11, rue Claude Lorrain (XVIe)

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Чрезвычайно тронут благопожеланием к Новому году. Согласен на демократическую республику без бабушки и дедушки, раз Вы беретесь обеспечить ее своими силами и силами Бунина с Арцыбашевым¹! Entendu...²

С своей стороны, желаю Вам всего, всего хорошего — не только лично, но и общественно — в наступившем году. Желаю и Антону Крайнему снова возлюбить свою прежнюю любовь к пятому году и февральским дням сем[надцатого года].³

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Год установлен по почт. шт. Помета рукой Вишняка: «к 3». В архиве Вишняка сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Z. Merejkovsky, E[n] V[ille] (16^e), 11bis avenue du Colonel Bonnet»; адрес отправителя: «11, rue Claude Lorrain (XVIe)»; почт. шт.: «4.1.1924». На конверте помета: «К № 3».

¹ Ироническая отсылка к публицистической деятельности двух названных писателей, позиция которых была весьма далека от стремления к созданию демократической республики. В «Литературной записи» Гиппиус дала высокие оценки художественной прозе как того, так и другого.

² Понятно (фр.).

³ Продолжение письма утеряно. В последней сохранившейся фразе речь идет о политической позиции Гиппиус в 1905 и 1917 гг., когда она открыто выступала на стороне противников старого строя.

16. Гиппиус — Вишняку

Paris. 5 января 1924 г.

Дорогой Марк Вениаминович,
 посылаю вам очень загадочное письмо¹. Сколько лет живу, а такого не получала! Прочтите его до *последнего полуслова*. Не знаете ли, от кого оно (ведь и на конверте не указано). Меня страшно интересует окончание! Каково бы оно было?.. если б было?

Я не верю в очень большие способности Бунина и Арцыбашева к устройению демократической республики; но очень боюсь, чтобы автор прилагаемого письма, если начнет ее устраивать, не ограничился бы лишь вступлением... отложив окончание по таинственным причинам... *Qu'en dites vous?*²

Ваша З. Гиппиус

5 янв. 24. Париж

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «3». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 194.

¹ *Незаконченное письмо было отослано без подписи* (примеч. Вишняка). Речь о письме к Гиппиус от 4 января 1924 г. (п. 15), когда Вишняк отправил лишь первую страницу письма.

² Что Вы на это скажете? (фр.). Иностранная фраза в журнальной публикации опущена.

17. Вишняк — Гиппиус

Paris. 7 января 1924 г.

7 I 1924. 11, rue Claude Lorrain

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Если Вам впервые в жизни пришлось получить столь «загадочное письмо», — то мне, клянусь Вам, впервые пришлось получить обратно свое письмо и впервые... писать такие письма.

Когда я вскрыл конверт, я «вспыхнул» от оскорбления, — письмо возвращено обратно... Но когда я прочел и Ваше, и свое до «последнего полуслова», я сразу согласился с Вами. Только не подозревайте ни «таинственности», ни «загадочности», — это просто рассеянность, — вторую часть письма я написал на листе, очевидно, оставшемся у меня в бюваре...

Конец письма был очень прост: я призывал Вас вернуться к прежней «любви», провозглашал здравицу за Союз *верных февралистов* и извещал, что... корректура будет у Вас в ближайшие же часы. *Voilà tout*¹.

Очень извиняюсь за свою оплошность и прошу верить, что автор «загадочного» письма вовсе не так самоуверен, каким он кажется. Именно потому он и думает, что для устройства Демократ[ической] Республики нужны совместные усилия и Арцыбашева, и А. Крайнего, и Керенского, и его бабушки с дедушкой и внучком².

Крепко жму руку.

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79). Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Madame Z. Merezhkovsky, E[n] V[ille] (XVI)^e»,

11bis, avenue du Colonel Bonnet»; адрес отправителя: «M. Vichniac, 11, rue Claude Lorrain, XVIe».

¹ Вот и все (фр.).

² См. п. 14–15.

18. Гиппиус — Вишняку

Paris. 7 января 1924 г.

7 янв. 24. Париж.

Дорогой Марк Вениаминович,

я не могу изменить никакой своей «любви» уже потому, что, как я писала сто лет тому назад и как доселе печатается на отрывных календарях, — «я никогда не изменяю, любовь одна, как смерть одна...»¹. Именно верность моя «февральской невесте» и заставляет меня известным образом относиться к г-ну Керенскому, при благосклонном участии которого этой «Невесте солдатский штык проткнул глаза»². Это участие для меня как очевидца и ежечасного наблюдателя сомнениям не подлежит, и очень сердечно жалею я всех вас, имеющих прибыть когда-нибудь в Россию под ручку с Керенским: неприятный вам готовится сюрприз³. Уж не досталось ли, кстати, и вашим глазам от этого солдатского штыка? Уж не оттого ли вы миндаличаете с Черновыми⁴, Осоргинными⁵, флиртуете с Милюковым (профессиональным изменителем), не знаете твердо, надо или не надо «признавать» большевиков, и давно перестроили ваш лозунг на «в ожидании обретешь ты право свое»⁶? Chi lo sa⁷?

Впрочем, это все бесполезно. Я хотела поблагодарить вас за корректуру и заметить: вы никогда не снисходите до корректур стихов, — и *никогда* (мои, по крайней мере) не появлялись у вас без опечаток. А уж вы сами знаете, что такое опечатки в стихах. В общих, значит, интересах наших будет, если вы за корректурой последите внимательно.

При случае отдайте мне ваше замечательное письмо: буду хранить его, как символ с.-ровского рассеяния. Сердечно ваша

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «4». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 196.

¹ Неточная цитата из стихотворения «Любовь — одна» (1896; *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 90). Соединена измененная строка 7 (в оригинале: «Мы никогда не изменяем») и последняя, 16-я строка стихотворения.

² Из стихотворения «14 декабря 17 года» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 222–223). В стихах оценка личности А.Ф. Керенского сделана Гиппиус в стихотворении «Кто он?» (1918; Там же. С. 225–226).

³ Предложение (начиная со слов: «Это участие») в журнальной публикации опущено.

⁴ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), один из лидеров партии эсеров. В это время жил в Праге.

⁵ Осоргин (наст. фам. Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942), писатель, журналист. Был членом партии эсеров. В 1922 г. выслан из СССР. В середине 1920-х гг. был одним из наиболее активных «возвращенцев». Постоянный сотрудник СЗ.

⁶ Лозунг партии эсеров — «В борьбе обретишь ты право свое».

⁷ Кто знает? (ит.). Иностранная фраза в журнальной публикации опущена.

19. Вишняк — Гишпиус

Paris. 11 января 1924 г.

11, rue Claude Lorrain, Paris XVIe

11 I 1924.

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Ваше письмо, помеченное 7-м января, прибыло с avenue du Colonel Bonnet на rue Vineuse только на четвертые сутки к вечеру, через 3 дня после того, как Ваши стихи уже отгиснуты...¹ Очень сожалею об этом. Обещаюсь и клянусь впредь посылать Вам корректуру и стихов!

Что касается политической части Вашего письма, то должен заметить, — что очень трудно, возлюбив «февральскую невесту», отвергать февральского «жениха»... Г-н К[еренский], может быть, и очень плох, — но если у февральской невесты был суженый, то, конечно, К[еренский], а не кто иной. И если русская общественность — или история — вернется когда-нибудь к февралю, она вернется и примирится и с К[еренским]. — «Его, как первую любовь, России сердце не забудет...»² — К[еренский] не был никогда героем моего романа. Но героем *Вашего* политического романа он был³. И потому, оставаясь верной *себе*, Вы не должны были бы — эстетически не должны были бы — быть в числе хулителей К[еренского].

Вы сердечно жалеете тех, кто мечтает прибыть в Россию под ручку с К[еренским]. Вы уверены, что их ждет неприятный сюрприз. Ну, и с кем можно прибыть, не рискуя «сюрпризом»?.. Даже Вас могут ждать «сюрпризы» — и не только Варшавские⁴. Шульгину нельзя отказать в логике, когда он устанавливает **последовательность** закономерность не только между февралем и октябрем 17 года, — это ему нужно, чтобы убить «февралистов» и среди них в первую голову К[еренского], — но и между февралем 17 года и октябрем 5-го, что ему нужно для дисквалификации всякой революции и всех революционеров, — Вас в том числе.

Насколько максималистична и политически беспредметна Ваша критика, лучше всего видно, что, будучи недовольны К[еренским], Вы, в сущности, — «всеми недовольны». Если исключить К[еренского], Чернова, Осоргина и Милюкова — кто останется? Ведь не Иосиф Гессен или Борис Савинков, Карташов или Гурко — герои Вашего нынешнего политического романа?!⁵ Тогда кто же?..

Станьте на историческую точку зрения. Примените сравнительную оценку. И Вы увидите, — что и К[еренский], и Милюков знают твердо и говорят достаточно отчетливо, что признавать большевиков не надо... Если это для Вас политически существенно, Вы, во-1-х, не станете смешивать их обоих воедино с Черновым, например, который по этому вопросу, действительно, неотчетлив; во-2-х, — во имя политической актуальности, злобы сегодняшнего дня, — забудьте историю, бывшие промахи и ошибки! Только при такой психологии можно не только безответственно всех и вся критиковать, но и ответственно действовать, не только вспоминать

прошлое, но и определять — не скажу настоящее: эмигрантская обстановка — дурная обстановка, — определять *будущее*.

Обо всем этом пишу Вам не с полемической только целью, а по всей чистой политической совести своей, накануне «старого нового», или русского нового года желаю исполнения обетования — возвращения России и русского самосознания к принципам февраля. Искренне преданный Вам

М. Вишняк

На днях занесу Вам несколько книг: Вл. Маяковского, Ив. Лукаша, м.б., Минцлова («Царь Берендей») и др.⁶

Буду просить Вас по использованию для «Литературной записки» вернуть книги редакции.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79).

¹ Речь идет о п. 18.

² Намеренно переданная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «29 января 1837» (1837). У автора речь идет о Пушкине.

³ Справку об отношении Гиппиус к Керенскому, которое и на самом деле претерпело значительные изменения, см. в примечании А.В. Лаврова (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 507), более подробный рассказ: *Колоницкий Б. А.Ф.* Керенский и круг Мережковских // Петроградская интеллигенция в 1917 году: Сб. ст. и мат-лов. М.; Л., 1990. С. 53–82; *Он же.* А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Лит. обозрение. 1991. № 3. С. 98–106.

⁴ Имеется в виду неудача планов Мережковских на сотрудничество с Ю. Пилсудским и вообще с польской стороной в 1920 г., во время их пребывания в Варшаве с 1920 г. Подробнее см.: *Гиппиус З.* Варшавский дневник / Публ. Т. Пахмусс // Возрождение. 1968. № 214. С. 71–88.

⁵ Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943), адвокат, один из лидеров партии кадетов, основатель газеты «Речь», а в эмиграции — «Руль», многолетнего «Архива русской революции», мемуарист; Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович (1862–1927), государственный деятель, член Государственного совета, в эмиграции — член «парламентской группы», организатор «правого центра», инициатор создания Союза сельских хозяев в Париже, член оргкомитета Зарубежного съезда 1926 г. Об отношениях Гиппиус с Б.В. Савинковым см. примеч. 10 к п. 22; А.В. Карташев — см. примеч. 1 к п. 1.

⁶ Имя Маяковского (без конкретного анализа) упомянуто во второй «Литературной записки» («О молодых и средних») Антона Крайнего. Книги Ивана Созонтовича Лукаша (1892–1940; в 1922–1923 гг. вышло сразу несколько его книг) и Сергея Рудольфовича Минцлова (1870–1936; роман «Царь Берендей» вышел в Берлине в 1923 г.) там не названы, как и в других статьях Гиппиус.

20. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 11 января 1924 г.

11 I 1924

Родная Зина,

не писал тебе, ибо у нас здесь случилась беда: приехала знакомая русская с сыном 15 л[ет], и сын через день умер от менингита. Пришлось помогать и хлопотать¹. Теперь мы опять одни и опять тихо.

Т.к. мы крепко любим друг друга, то можем спокойно ругаться, не боясь ссоры. Давай ругаться.

1. Ты сердисься на *цензуру*. Насколько я знаю, цензура заключалась в том, что тебя просили выкинуть несколько строк и смягчить несколько отзывов о 2–3 наших сотрудниках. Если это цензура, то что же такое *редакция*? И как же ты могла быть годы цензором, издавая свой журнал²? И как можно издавать журнал, не приводя весь материал в к[акое]-то хотя бы очень расплывчатое единство? Почему мы «либеральны» в беллетристике? – Потому что иначе кроме Гребенщикова³ нам нечего было бы печатать.

2. Ты не понимаешь, почему мне надо «проводить» роман Димитрия⁴. И потому отказываешься его мне присылать. Слушай! Нам нужен «роман». У нас было три романа: Чирикова, Гребенщикова и Юшкевича⁵. Мы их все отвергли, ожидая роман Димитрия. Мы не только «принципиально» согласны принять его, но, как видишь, уже отвергли другие романы в расчете на его роман. Но скажи, пожалуйста, когда ты была редактором, ты брала роман в 12 листов, даже не взглянув на него? А «проводить» надо будет, потому что Димитрий не согласится на наш обычный гонорар, а денег у нас нет, и чтобы дать Димитрию большой гонорар, придется идти на большие жертвы, а это всегда трудно. И что в этом обидного? И как этого не понять? Ты – такая умница! Когда капризничают «поэты», меня это нисколько не трогает. Но когда капризничают большие писатели, мне бывает обидно.

3. Почему Марков съест Струве, а Чернов не съест меня? Очень просто – сезон такой! В 17-ом году не только Чернов съел меня, но даже Чернова съели большевики. А теперь более правые съедают менее правых. Вот почему надо сидеть в «трещине». Идти левее – душа не приемлет. Идти правее – быть выброшенным Марковым. Лично я сижу в «трещине» и никуда из нее не уйду – не хочу вторично проделывать опыт направо, как в 17 г. я его проделал налево⁶.

4. Почему я радуюсь Макдональду⁷ и будущему свержению Пуанкаре? Ибо с точки зрения признания большевиков Макдональд, Пуанкаре, Муссолини и Людендорф – все одинаковы. Первый признал большевиков Людендорф, теперь их собираются признать Муссолини и Пуанкаре. Потому, в этом отношении, Макдональд будет не хуже других. Но он лучше других тем, что сам сговорится и француз заставит сговориться с немцами. А это будет счастьем не только для Европы, но и для нас. Ибо большевики все еще имеют влияние в Европе благодаря ее разрухе – из-за борьбы Франции и Германии. Если Европа замрится, и разруха кончится, большевики в Европе подохнут. Больше надежды, что и в России скорее подохнут.

Впрочем, всего не переписешь. Итак, я еще раз прошу тебя прислать мне уже переписанные главы Димитрия или просто передать их Вишняку. Печатать роман у Струве не только обидно, но и не выгодно: «Р[усская] м[ысль]» не выходит по полугоду и платит гроши⁸. А наша книжка выходит на днях.

Мои занятия расстроились и теперь трудно приняться за продолжение китайцев. Ты взгляни на мою статью в XVIII кн.⁹

На новый год ничего не желаю. Не верю, что 1924 год принесет избавление. Надо еще терпеть. Крепко тебя целую и люблю. Поцелуй Димитрия.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ О ком идет речь, не установлено.

² Имеется в виду журнал «Новый путь» (СПб., 1903–1904), где Гиппиус была одним из главных организаторов и редакторов, хотя никакого официального поста не занимала.

³ Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964), беллетрист. Его роман «Чураевы» печатался в кн. 5–10 СЗ. С 1922 г. участия в журнале не принимал. В первой «Литературной записки» Гиппиус писала про него как про «серого повествователя-этнографа» (СЗ. 1924. № 18. С. 138). О его недовольстве отношением редакции СЗ к нему см. п. 45.

⁴ Имеется в виду роман «Рождение богов» (СЗ. 1924. № 21–22), обсуждение которого велось в переписке начиная с п. 12.

⁵ Какие точно романы названных авторов были отвергнуты редакцией, неизвестно. Можно предположить, что роман Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932) — либо «Семья» (Берлин, 1924), либо «Зверь из бездны» (Прага, 1925; закончен в 1922); роман Гребенщикова — какое-либо из отдельно изданных продолжений «Чураевых» — «Спуск в долину» или «Веления земли» (оба — Нью-Йорк, 1925); романа Семена Соломоновича Юшкевича (1869–1927) этого времени мы не знаем. Все три автора при жизни печатались в СЗ лишь по одному разу.

⁶ Данный абзац представляет собой автокомментарий к п. 12.

⁷ Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937), премьер-министр Великобритании и министр иностранных дел с января по ноябрь 1924 г., лидер лейбористской партии. При нем Великобритания признала СССР де-юре.

⁸ Журнал П.Б. Струве «Русская мысль» в эмиграции издавался с 1921 по 1927 г., однако действительно весьма непериодически (в частности, в 1924–1926 не выходил вообще). Подробнее см.: «Русская мысль» (1921–1927): Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. С. 287–317. Некоторые подробности о гонорах журнала см.: *Колеров М.А.* Русские писатели и «Русская мысль» (1921–1923): Новые материалы // Минувшее. М.; СПб., 1996. [Т.] 19. С. 234–253.

⁹ См.: *Бунаков И.* [Фондаминский И.И.] Пути России: Статья шестая // СЗ. 1923. № 18. С. 139–172. В ней речь идет о древнем Китае.

21. Гиппиус — Вишняку

Paris. 14 января 1924 г.

1/14 янв. 24. Париж

По примеру Степуна, дорогой Марк Вениаминович, пошли теперь все «романы в письмах»: у нас с Милюковым уже было три (каждый раз с печальным концом), теперь, явно, с вами, да параллельно с Илюшей [Фондаминским]...¹ К счастью, все эти романы и литературнее, и осмысленнее степуновского² а потому и не для печати... Через сто лет — посмотрим...

Не для того, чтобы убедить вас (я заметила, что редкие люди сознаются в своих ошибках, даже если их видят), но лишь ревнуя о логике и здравом смысле, я хочу вам заметить следующее: если б я была влюблена и не могла бы вам назвать имя моего «предмета» — вы, конечно, могли бы назвать меня «беспредметной». Но почему я погибла, если нейду ни с Гучковым³, ни с Черновым, и откуда ваше торжество? Больше: я действительно не могу идти даже с Милюковым, не говоря об Осоргине и Пешехонове с одной стороны, Шульгине и Струве с другой. Моя немецкая кровь⁴ приучила меня к точности, самоотчетности и мужеству. Я писала Илюше и бесстрашно повторю вам: с тех пор, как эмиграция треснула на две час-

ти — я сознательно сижу в трещине⁵. Очень неудобно сидеть там, да еще одной, но как быть? Ни очарование Кусковой со Степуном, ни таланты Бунина и Шулгина не заставят меня изменить «предмету» (в смысле моей «правды», а не в смысле человека). Илюша поощряет мое сидение, уверяя меня, что «из этой трещины вырастет гора, которая спасет Россию»⁶. Я об этом не думаю, сижу просто, ибо не могу иначе... А в дальнейшем выяснилось, что Илюша сам сидит в трещине, только ввиду разности наших биографий и крови, — он эту трещину сделал физической, прикрыл ее конкретностью Грасса⁷; я же сижу в ней неприкрыто, тем более, что это никому не вредит и никому не интересно. Через сто лет — посмотрим...

Что касается Александра Федоровича⁸, то я не скрываю, что ошибалась в нем — вплоть до июня 17 г.⁹ Очень стыжусь своих ошибок в людях, но хочу верить, что это не самые важные ошибки. Вот если б теперь, после всего, что я видела, после ночных бесед с Илюшей, когда мы оба соглашались, что К[еренский] занят лишь борьбой за власть с «негодяем» Черновым, забыв о России¹⁰, если б я теперь еще называла его «суженым февральской революции...», я бы, пожалуй, именно несчастной невесте-то этой изменила.

Но я его даже не ненавижу. Je m'en f...¹¹ и только. Думаю, что таково и в России к нему отношение¹².

Пожалуйста, не сердитесь, все, что я сказала — я сказала с лучшими чувствами к вам. Во имя справедливости, любви к точности и т.д. — прибавлю, что как только выяснилось (см. последнюю статью), что Арцыбашев не в трещине, а на одном из отломленных кусков¹³, — я не считаю себя с ним и думаю, что он так же неправ, как часто вы... с другой стороны.

Пожалуйста, не носите мне Маяковского, я и в руки его не возьму¹⁴.

Всего хорошего для русского Нов[ого] года.

З. Гишпиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Письмо на бланке с адресом: «11bis, avenue du Colonel Bonnet. XVIe». Помета рукой Вишняка: «2. 14 января 1924 г.». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 194–195.

¹ *Илья Исидорович Фондаминский-Бунаков* (примеч. Вишняка).

² Ирония относится к печатавшемуся в это время в СЗ многостраничному «философскому роману в письмах» Ф. Степуна «Николай Переслегин» (до времени написания письма были опубликованы три фрагмента: 1923. № 14. С. 1–84; № 15. С. 51–99; № 17. С. 5–40). В 1924 г. печатание продолжилось с № 20 (с. 44–86; далее — № 21. С. 119–148; № 22. С. 149–173; 1925. № 25. С. 212–242).

³ Гучков Александр Иванович (1862–1936), политический деятель, до революции председатель партии «Союз 17 октября». В 1921–1923 гг. — председатель Русского парламентского комитета.

⁴ С отцовской стороны Гишпиус действительно происходила из немецкого дворянского рода.

⁵ См. п. 12.

⁶ Цитата из п. 12.

⁷ *Грасс на юге Франции, где Фондаминские проводили лето* (примеч. Вишняка).

⁸ *А.Ф. Керенский* (примеч. Вишняка).

⁹ Согласно исследованию Б.И. Колоницкого, окончательный перелом в отношении Мережковских к Керенскому наступил в августе 1917 г. (Лит. обозрение. 1991. № 3. С. 101).

¹⁰ Данный пассаж (со слов: «когда мы оба») в журнальной публикации опущен. Ср.: «что такое была эта партия — послушаем давно известного нам члена центрального комитета И. Бунакова. “Чернов, — говорил он, — бесчестный негодяй, мы за границей руки ему не подавали...”» (*Гиппиус-Мережковская З.Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 225).

¹¹ Je m'en fiche — мне наплевать (фр.).

¹² Данный абзац в журнальной публикации опущен.

¹³ Имеется в виду статья М.П. Арцыбашева из цикла «Записки писателя»: *Арцыбашев М.П.* Завоевания революции // За свободу! 1923. 31 дек. № 306 (1055). С. 2–3. В том же номере под тем же названием поместил статью и Д.В. Философов, выразив несогласие со многими положениями Арцыбашева. Цикл «Записки писателя» был продолжен статьей «О революции, о правде, о г-же Кусковой и о самом себе» (Там же. 1924. 14 янв. № 12 (1067). С. 1–2), по поводу которой Д.В. Философов написал статью, где процитировал, не называя автора, письмо к самому себе от 9 января 1924 г., которое явно принадлежит Гиппиус: «Арцыбашев меня очень пленял... до последней его статьи. Скажи ему, что он портит свое дело, да кстати и общее. На мой взгляд, впрочем, и прибавь, к его утешению, что с моим взглядом он может не считаться: громадная масса эмиграции треснула пополам, а я — в трещине. С одной стороны меня давят Степуны, Осоргины, Керенские, Кусковы, вплоть до Ключникова, — а с другой Гучковы, Бунины, Шмелевы, Карташевы, Шульгины и т.д. вплоть до Ефимовского из “Русской газеты”. В последней компании, впрочем, совсем недурной, и Арцыбашев оказался. Там ему и подobaет, вероятно, ведь там и Куприн, и Ремизов — все» (*Философов Д.* В трещине // За свободу! 1924. 17 янв. № 15 (1070). С. 2).

¹⁴ Ответ на предложение Вишняка в п. 19.

22. Вишняк — Гиппиус

Paris. 15 января 1924 г.

Paris XVI, 11, rue Claude Lorrain. 15 I 1924.

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Мне *очень* понравилось Ваше письмо. В нем много, может быть, даже слишком много, темперамента и остроумия. В нем в то же время все спорно. Не буду все оспаривать, буду говорить лишь о наиболее существенном в нашей эпистолярной тяжбе.

Вы спрашиваете, почему любовь должна быть непременно «предметной»? Отвечаю: потому что мы говорим не об Amor Intellectualis или Amor Dei¹ — хотя и там любовь к *живому* Богу, — а о политической любви. Бесплотная политика так же не существует, как и беспредметная политическая страсть, любовь или ненависть — безразлично. Поэтому, если Вы, действительно, «всеми недовольны» — Милюков, Гучков, Чернов, конечно, лишь именные обозначения целых политических категорий, направлений, групп, умонастроений, — Вам необходимо *положительными* чертами определить свою собственную политическую «катеґорию», умонастроение и т.п.

Или — сохраняя за собой в полной мере право на критику всех и недовольство всеми политическими теориями, партиями и т.д. с *высшей*, религиозной, эстетической, какой угодно, точки зрения, — раз навсегда отказаться от *политической* критики.

Я отлично понимаю и частично сам разделяю взгляд, — что каждая из существующих «катеґорий» не удовлетворительна. Но их приходится брать относительно,

сравнительно, а не абсолютно, — и тогда уже не придется ставить на один уровень Чернова с Кусковой, а Гучкова со Степуном или Керенским... Для Вас же они все враги, *одинаково* враги.

«Пс... Пс...»² — сидеть «в трещине», конечно, неудобно. Но неудобство одинаковое, занята ли такая позиция «для передышки», чтобы лишь до времени отсидеться молча, без движения, — или для дальнейшего наступления и продвижения. Попав «в трещину», Вы от вылазки, однако, не отказались. И даже художественные Ваши прозрения и оценки (даже художественные!) определяются Вашими политическими эмоциями и потребностью политической атаки. Если нужен пример — пожалуйста... Стоило Арцыбашеву «отделать» неприемлемого для Вас политически Степуна³, и автор Санина⁴ сразу же, волею Антона Крайнего, оказывается в первом ряду русских писателей, — впереди, конечно, Горького (которого, кстати сказать, тоже из политической страсти, — Вы даже не читаете, — напр. в 3-х №№ «Беседы»⁵), — не говоря уже о Гребенщикове (действительный ровня Арцыбашеву), даже Зайцеве и друг[их]⁶.

Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что я ощущаю какое-то «торжество» от того, что Вы ни с кем, а сами по себе, сидите в трещине. Наоборот. Я этим опечален. Полная расщепленность и распыленность современной русской общестственности может радовать только ее врагов, а не меня.

Пореволюционную эмиграцию «треснуло» с первого же дня своего существования. Это естественно. Но Вы — в трещине только с недавних пор. Когда Вы печатали свой дневничок у Струве⁷, или когда Вы, — христианка, воспитанная на идеях Влад. Соловьева (моя первая любовь!), за белоснежной скатертью, уставленной хрусталем и винами, среди декольтированных дам и красы и гордости русской изящной литературы, декламировали свои стихи о повешении «их» в тишине молчания⁸, — Вы, конечно, были по *ту* сторону трещины, на том берегу, вместе со Струве, Шульгиным и Гучковым. Теперь Вы считаете себя — ни в тех, ни в сих, в трещине... Это во всяком случае уже прогресс. Убежден, что «в трещине» Вы лишь временно. И надеюсь — и «исповедую», что *à la fin des fins*⁹, после долгого хождения по мукам, — Вы снова вернетесь к нам, на нашу сторону, в наш лагерь.

Но и *до* того желанного дня (эй, гряди скорее!) Вы, на мой взгляд, не в праве — по отношению к себе и своему прошлому — давать такие оценки, какие Вы даете Алекс. Федоровичу [Керенскому]. (Я сказал бы то же, если бы оценки касались, например, Бориса Викторовича [Савинкова], хотя с последним я уже никак не связан ни лично, ни политически¹⁰). Вы считаете, что ошибались в К[еренском] «до июня 17-го г.». Я считаю, что Вы ошибались и тогда, когда числили К[еренского] в ряду героев своего политического романа, и позже, после «июня 17 г.», когда Вы в своем герое разочаровались и, что гораздо хуже, приобщились к сонму его хулителей... Это стало настолько «модным», всеобщим, — что уже сделалось немодным, почти безвкусным. К[еренский] объективно не был и раньше очарователен, — тем, кем его рисовало Ваше воображение, — ни сейчас он вовсе не столь «мизерабелен» и достоин презрения, как Вам кажется. Изменился не он, а Вы, и с Вами Ваше отношение к людям, группам, явлениям. Вы вправе каяться в ошибках, бичевать себя, — но, каясь, — бичевать других, в частности свой былой «предмет» или предмет своего былого увлечения, — согласитесь, это не то... Даже

у Струве (или Эрве¹¹, Муссолини и т.д. и т.п.) неэстетично выходит, когда свой былой социализм, революцию, антимилитаризм и т.д. они делают предметом своей нынешней испуганной ненависти и презрения. Кольми паче должно это быть у художественного критика, писателя и поэта!..

Говорю это все, конечно, не в поучение, — а только в объяснение своих мотивов защиты К[еренского] и... Вас: я защищаю былую Зинаиду Николаевну — 5-го и начала 17-го годов — от Зинаиды Николаевны нынешней, временно очутившейся на распутье, в трещине и почему-то «идеологически» оправдывающей праведность своей позиции.

В заключение — о деле. Хорошо, я не принесу Вам Маяковского. Но потеряете от этого только Вы, — а не Маяковский. Я не любитель Маяковского и вообще всяких «заумных» писателей, даже когда они антибольшевики. Но стихи, которые я хотел Вам занести, вопреки отвращению, которые вызывают своим содержанием, — производят впечатление как стихи. Они интересны, больше того — они звучат. И я хотел, чтобы чуткое ухо проверило — и для меня, и для читающих — и увлекающихся (!) Маяковским — это впечатление. Уход от зла — худший метод преодоления зла. Отделайте Маяковского, как он того заслуживает, — но не отделяйтесь одной брезгливостью... Для читателей и слушателей Ваших — и Маяковского — это неубедительно.

18-я книжка выходит в ближайшие же дни. Буду очень признателен, — если Вы прочтете мою статью¹². Вопреки обыкновению, мне кажется, я в ней не разноречу с Вами.

Крепко жму Вашу руку. Корреспондент из 16-го арондисмана города Парижа
М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79). Помета рукой Вишняка: «5». В архиве Вишняка сохранился черновой автограф данного письма (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44).

¹ интеллектуальной любви... любви к Богу (лат.).

² «Они... Они...» (фр.). Черновик письма показывает, что здесь имеется в виду эпизод из романа А. Додэ «Тартарен из Тараскона» (1872). Ср. в черновике: «Для Вас же они все “враги”, — “Ils... ils...” (помните страхи Тартарена из Тараскона перед *мнимыми* врагами...)».

³ Речь идет о статье: *Арцыбашев М.П.* Записки писателя. VIII. Ультрафиолетовые // За свободу! 1923. 12 дек. № 290 (1039). С. 2–3; 13 дек. № 291 (1040). С. 2–3, в которой автор очень резко полемизирует с Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповичем и Ф.А. Степуном (по поводу третьей статьи из цикла «Мысли о России» [СЗ. 1923. № 17. С. 351–375]).

⁴ Герой одноименного романа М.П. Арцыбашева (1907). Видимо, Вишняк помнил оценку как романа («...дурно написанное и грубое произведение...»), так и персонажа, данную Гишпиус в статье «Разочарования и предчувствия (1910 год)» (Русская мысль. 1910. № 12. С. 175–184 первой пагинации. Подл.: Антон Крайний).

⁵ Журнал, издававшийся в Берлине по инициативе и под фактической редакцией М. Горького. Вышло всего 7 номеров в 1923–1925 гг. Подробнее см.: *Вайнберг И.* Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и др. // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Вып. 4. С. 187–207; *Он же.* Жизнь и гибель берлинского журнала Горького «Беседа» // Новое лит. обозрение. 1996. № 21. С. 361–376. В первых трех номерах были опубликованы следующие произведения Горького: «Заметки» и «Отшельник» (№ 1), «Из дневника» (№ 2), «Рассказ о безответной любви» (№ 3).

⁶ Вишняк продолжает обсуждение той же «Литературной записи».

⁷ См.: *Гиппиус З.Н.* Дневник // Русская мысль. 1921. № 1–2. С. 139–190; № 3–4. С. 49–94.

⁸ Отсылка к стихотворению Гиппиус «Песня без слов» (1919): «Вережку уготовав — / Повесим их в молчании» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 240). Эпизод, который имеет здесь в виду Вишняк, судя по черновику, произошел во время вечера Мережковских у М.С. Цетлин 20 января 1922 г. 8 декабря 1921 г. В.Н. Бунина записывала: «Мережковские устраивают вечер с какой-то маленькой танцовщицей, которая будет исполнять египетские танцы. Дм. С. будет читать “Тайна трех”, З.Н. — стихи» (Устами Буниных. Т. 2. С. 68). В записи Бунина непосредственно о вечере говорится: «Девять десятых, взявших билеты, не пришли. Чуть не все бесплатные, да и то почти все женщины, еврейки. И опять он им о Египте, о религии!». В.Н. Бунина добавляла к этому: «Стихи З.Н. слушались охотнее, но для нее почти не осталось времени. [...] В конце ужина вспомнили, что это день свадьбы Мережковских — 33 года!» (Устами Буниных. Т. 2. С. 74). Вспоминаемый же в черновике письма вечера Бунина, по всей видимости, был 18 ноября 1921 г. и описан в дневнике В.Н. Буниной так: «Народу было много. Он [Бунин] имел большой успех. Даже М.С. осталась довольна, она, видимо, не ожидала такого успеха» (Там же. С. 68).

⁹ в конце концов (фр.).

¹⁰ О долгих и сложных отношениях Гиппиус и Б.В. Савинкова подробно см.: Письма Мережковских к Борису Савинкову [загл. обл.: Революционное христовство] / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Н.И. Гончаровой. СПб., 2009.

¹¹ Имеется в виду Гюстав Эрве (Hervé; 1871–1944), французский политический деятель, эволюционировавший от левого социализма к национал-социализму в 1930-е гг.

¹² Имеется в виду статья «Падение русского абсолютизма» (СЗ. 1924. № 18. С. 231–264).

23. Гиппиус — Вишняку *Paris. 15–18 января 1924 г.*

Вторник

Даже самый ужасающий грипп не может мне помешать вам ответить, хотя 1) вы можете заразиться; и 2) вы «неисправимы, хоть брось», так, очевидно, и будете все цепляться за того, кем я, извините, никогда «очарована» не была, но за несколько лет мирного знакомства никак не могла предположить, что он

— — безвольник,

И не герой — и не злодей;

Пьеро, болтун, порочный школьник,

Провинциальный лицедей

и т.д.

Без революции подите-ка узнайте, что он «по-женски своенравен, кокетлив и правдиво-лжив...»¹. Но, повторяю, я от себя требую большей проникновенности и очень стыжусь; относительно Б. В-ча [Савинкова] — еще больше; хотя этот и не такая беспардонная пустельга, как ваш «лидер», а человек все-таки способный, — но что делать? — не достаточно умный, чтобы победить свою природную антиобщественность и довольно жалкую властность... над низшими.

Но в гриппе я не могу много писать. Я только хочу спросить вас: вы — анархист-толстовец? Или социалист-утопист? Во всяком случае, вы — антигосударственник? Это все с каких же пор?

Продолжаю через два дня, в пятницу, при усилившейся болезни. Но клянусь! Если б даже сии строки были моими последними строками — я их не премину начертать!

Да, лишь анархисты (все равно какого толка) могут возмущаться, что государство в известные моменты применяет, и даже узаконяет, известное насилие. Но даже и анархист не отрицает исторического факта как факта, что государство еще не изжито и что, след[овательно], насилие еще применяется. И несомненно, что «над этими безумцами» уже стоит «знак»², хотим мы этого или не хотим. Вы можете, в известный момент истории, броситься им на выручку, защищать их «горячим словом убеждать»³ или собственным телом... это зависит от вашего темперамента. Я же против рожна (истории) не пойду, а также и против прав государства; я только выражаю мою скромную мысль, что неизбежное повешение вредных безумцев может произойти и в молчании⁴.

Что вы (я беру вас как символ) в сущности анархист — я должна заключить также из признания вами убийств всяких представителей государства, — и *только* этих убийств. Вы даже убийство представителя государства неправового (большевиков) — осуждаете и клеймите (Конради и Воровской [так!])⁵.

Впрочем, мне недавно говорил о вас один англичанин, несколько знающий Россию, русских вообще и с[оциалистов]-р[еволюционер]ов в частности: царское пр[авительство]во было слишком мягко, оттого они продолжали политические убийства и рев[олюционную] пропаганду. Это доказывается тем, что, когда большев[ики] создали институт заложников и довели до апогея пытки их заключенных товарищей, — они смирились и даже все время готовы лобызать карающую руку. Подождите, еще будут у Европы признание им выключивать.

Этот разговор был *до* поворота «Дней» за признание⁶. (Уж кажется — отчетливо!) *До* известий о пытках в Соловках⁷, до самоубийства Морозова⁸, до, наконец, всемилостивейшей «отмены» смертной казни (!?) вашим несчастным друзьям⁹. Много получили, заслужили, — смиреньем и защитами «красной русской армии» (Прокопович¹⁰) и негодованьем перед «реакционерами» (вроде меня и других, Керенского не признающих). Добились замены приговора позволением сдохнуть в тюрьме завтра.

Что ж, может, вы считаете, что в «рабоче-крестьянском» застенке для души слаще сдохнуть, чем в царской тюрьме посидеть? Для души и для вас — пожалуй... Не для тела и не для разума, однако.

Никакая т° не лишит меня разума, но может все-таки заставить прекратить письмо. Извините, прошу, мою правду. Когда я слышу правду о русских от иностранцев — я сгораю от стыда, даже если это правда о «монархистах», а не только о людях, которые... были когда-то *dans le vrai*¹¹, по-моему.

Павел Николаевич [Милоков] тоже, в разгаре нашего последнего, третьего по счету, романа¹², выразил «твердое убеждение», что я скоро буду с его «центром» (т.е. с ним, т.к. по его выражению, «*le centre — c'est moi*»¹³). Но тотчас эти его надежды пошли хинью. Не убедил меня в центральности своего центра.

В ваш «лагерь» идти, — дороги не найти, да и вообще не по пути. Ил. [Фондаминский] знает это и сам пишет: «Не зову тебя к нам»...¹⁴ Да и подумайте, уж ежели Павлу Николаевичу отказ как шест (а ведь уж он ли не невестился перед

вами!) — так обо мне и говорить нечего. А кроме того — уставы вашего монастыря написаны на древнем языке, которым уже не говорят наши современники¹⁵. Их надо модернизировать. — Надо *бы*, но вы прирожденные консерваторы.

О Маяковском я довольно писала в свое время, и не только бранила — но и жалела

его таковского

Владимира Маяковского¹⁶, —

чего же еще о нем? Пусть этот окорок доглядывает до кости Мочульский¹⁷, а у меня аппетита нет.

Еще раз простите.

Благодарю за оттиски (даже в фамилии моей у вас всегда опечатка, и поправки не помогают!). Сердечно ваша

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется по содержанию п. 22. Помета рукой Вишняка: «52». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 457—459 (датируется концом марта — началом апреля 1931 г.).

¹ Строки из ранее цитированного стихотворения Гиппиус «Кто он?».

² Отсылка к ранее цитированному стихотворению Гиппиус «Песня без слов»: «Как ясен знак проклятый / Над этими безумными!» (Гиппиус З.Н. Стихотворения. С. 240).

³ Из стихотворения Н.А. Некрасова «Когда из мрака заблужденья...» (1846).

⁴ Две строки, начиная со слов «[неизбеж]ное повешение» и кончая словами «в молчании», отмечены на полях, предположительно рукой Вишняка.

⁵ Две строки, начиная со слов «неправового (большевиков)» и кончая словами «Конради и Воровской», отмечены на полях рукой Вишняка. В конце 1923 г. отдельные авторы и вся зарубежная делегация партии эсеров не раз откликнулись на процесс Конради. См.: Кускова Ек. Под маской борьбы с реакцией // Дни. 1923. 7 нояб. № 310. С. 1—2; Зензинов В. Крови жаждут! // Дни. 30 нояб. № 324. С. 1—2; Кускова Ек. Лгуны // Дни. 5 дек. № 328. С. 1; [Б.н.] Отзвуки Лозанны // Дни. 7 дек. № 330. С. 5. В январе 1924 г. единственным и весьма косвенным откликом на убийство Воровского была статья: Кускова Ек. Учитель жизни // Дни. 1924. 8 янв. № 354. С. 1—2 (с которой впоследствии полемизировал М.П. Арцыбашев в названной выше статье «О революции, о правде, о г-же Кусковой и о самом себе»).

⁶ Речь идет о статьях: Прокопович С. О признании // Дни. 1924. 10 янв. № 356. С. 1; Изюмов А. За признание // Дни. 1924. 15 янв. № 360. С. 1; Беркенгейм А. Надо кончать... // Дни. 1924. 16 янв. № 361. С. 1.

⁷ Гиппиус имеет в виду хроникальные заметки: Самоубийства заключенных // Дни. 1924. 12 янв. № 358. С. 2; На Соловецкой каторге. Голодовка. — Пытки // ПН. 1924. 17 янв. № 1145. С. 2 (со ссылкой на сообщение газеты «Дни», которого нам при просмотре de visu выявить не удалось); Расследование событий на Соловках // ПН. 1924. 18 янв. № 1146. С. 2 (со ссылкой на «Правду»). На самом деле речь должна была идти о расстреле политзаключенных Савватьевского скита на Соловецких островах 19 декабря 1923 г., когда было убито пять человек, еще один умер в лазарете. Однако сведения о нем появились с большим опозданием. См.: «Семь месяцев была скрыта от внешнего мира правда о Соловках. Пользуясь продолжительной зимней отрезанностью от материка, советское правительство вначале надеялось совершенно замолчать 19 декабря» (Эс.Эр. Соловецкая трагедия // Воля России. 1924. № 16—17. С. 82).

⁸ Член ЦК партии правых эсеров С.В. Морозов, приговоренный к расстрелу на московском процессе (см. след. примеч.) 21 декабря 1923 г., через день после расстрела на Соловках, покончил жизнь самоубийством, перерезав себе вены. Хроникальное сообщение об этом: За свободу! // Дни. 1924. 16 янв. № 361. С. 1. На следующий день этому же событию

была посвящена передовая статья газеты: Ценою жизни // Дни. 1924. 17 янв. № 362. С. 1.

⁹ На закончившемся в августе 1922 г. процессе правых эсеров в Москве 12 обвиняемых были приговорены к расстрелу, впоследствии замененному тюремным заключением, о чем было сообщено в хронике: Распоряжение о «смертниках» // Дни. 1924. 17 янв. № 362. С. 2; ПН. 1924. 17 янв. № 1145. С. 1. Подробнее об этом см.: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.

¹⁰ В точности такого выражения С.Н. Прокоповича нам отыскать не удалось.

¹¹ правы (фр.).

¹² Речь идет о сотрудничестве Гиппиус с ПН, начавшемся в 1922 г. До этого она писала о Милюкове в очень резких тонах (см., напр.: Гиппиус З.Н. Тайна П.Н. Милюкова // Общее дело. 1921. 30 авг. № 409). О каких двух предшествующих «романах» идет речь, нам неизвестно. Некоторое количество недатированных писем Гиппиус к Милюкову опубликовано: Pachmuss T. Intellect and Ideas. P. 168–180.

¹³ «Центр – это я» (фр.). Парафраз знаменитого выражения «Государство – это я!» («L'état c'est moi!»), приписываемого французскому королю Людовику XIV.

¹⁴ Две строки, начиная со слов «В ваш “лагерь”» и кончая словами «знает это», отмечены на полях, предположительно рукой Вишняка.

¹⁵ Три строки, начиная со слов «вашего монастыря написаны» и кончая словами «наши современ[ники]», отмечены на полях предположительно рукой Вишняка.

¹⁶ Гиппиус цитирует (с пропуском) две строки из своего оставшегося ненапечатанным стихотворения «О»: Не знаю, отчего. А жалею и его, / его, обыкновенного, / его, такового, / как все мы, здешние, – грешного, – / Владимира Маяковского (1916; Гиппиус З.Н. Стихотворения. С. 321). О нем она также писала в статье «Советский батюшка (А. Введенский)» (ПН. 1923. 20 февр. № 870. С. 2–3).

¹⁷ Мочульский Константин Васильевич (1892–1948), литературовед, литературный критик, много писавший о современной поэзии. См. его статью «Поэзия действия (В. Маяковский)» (Звено. 1923. 30 апр. № 13. С. 2).

24. Вишняк – Гиппиус *Paris. 22 января 1924 г.*

22 I 1924

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

По всему видно – наш роман в письмах приходит к своему концу. (Из Вашего последнего письма¹ исчезло даже обращение.) Ничего не поделаешь. Насилу мил не будешь. Ничего нет мучительнее, как искусственно затягивать уже кончившийся роман. И не для того, чтобы его гальванизировать, – а только для «фактической поправки», – пишу Вам этот «эпилог».

1. В наш партийный лагерь я Вас и не звал. Я знаю отлично, что ина слава солнцу (Вам), ина слава – звездам (лучшим из «нас»)². – Я говорил о «нас» в гораздо более широком смысле слова, – о всех, приемлющих февраль, демократию, республику, свободу и равенство. В этом «лагере» не только «мы», но и Милюков. Я надеялся, что и Вы, – рано или поздно, – вернетесь к тому, с чем Вы встретили 1905 и 1917 гг.³ Может быть, я ошибусь в своем предположении. Это будет лишним разочарованием. Но я *никогда* никого не тянул к нам. К «нам» можно прийти – внутренне – свободным актом – но к нам нельзя привести. Все насильственные приводы рано или поздно кончаются отводами и уходами.

2. Ваша «скромная мысль» о повешении в молчании нехороша прежде всего тем, что она звучала не только как мысль, а как страстная мечта и греза... А потом, если бы даже это было только «мыслью», — чистой, четко отвлеченной, — это было бы тоже нехорошо. Ибо можно, если это нужно, вешать; но нельзя, никак нельзя, — в особенности христианке, — писать о том стихи и «декламировать» повешение... Наконец, и не будучи толстовцем, а будучи, наоборот, убежденным государственнымником, — можно относиться отрицательно к лишению жизни органами государства.

3. Конради никто из нас не «клеймил». Но считать его тираноубийцей, героем и подвизником, — как это делают Карташов, Гурко и Носович, — я лично считаю и неосновательным и безвкусным... Террорист оправдывает свой грех тем, что жертвует собой: он не только убивает, но и умирает. Многим ли жертвовал Конради, идя по линии наименьшего сопротивления и убивая первого попавшегося ему на пути, далеко не худшего, Воровского на швейцарской территории?.. Это убийство, повторяю, *объективно* — пошло скорее на пользу большевикам, а *субъективно* — очень отдаленно напоминало былых террористов...

4. «Дни» не за признание советской власти, а *против* такого признания, — или за признание при условии, чтобы большевики перестали быть большевиками⁴.

5. Наконец, последнее — о языке, на котором написаны уставы нашего монастыря... «Древность» — не порок, даже с моей чуждой благочестия точки зрения. Давно ли она стала пороком для Вас?.. Что же касается сравнительной хронологии, — сомневаюсь, чтобы «мы» были древнее «Вас». Любопытно, как Вы, даже к «революционности» и «модернизму» призывая, повторяете, не зная того, конечно, — Струве и его редакционных соратников. Ваши слова о нашем консерватизме — только перифраз открытия Струве, — что «п. с.-р.» расшифровывается как партия старого режима...⁵ Почему бы с одинаковым основанием Петра Струве не расшифровать как певца самовластия, — а фамилию Гишпиус не срифмовать с ГПУ-с?.. Так мы далеко зайдем.

Запоздал несколько с ответом, п[отому] ч[то] был очень занят в связи с выходом книжки журнала. ~~Доставлю~~ Присылаю по экземпляру Вам и Дмитрию Сергеевичу в пятницу. С совершенным уважением

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Z. Nippius»; адрес отправителя: «M. Vichniac, 11, rue Claude Lorraine, XVI».

¹ См. п. 23.

² Парафраз 1-го Кор. 15: 41.

³ См. в письме И.И. Фондаминского к М.В. Вишняку и В.В. Рудневу от 1 марта 1924 г.: «Лично я хорошо знаю З.Н. [Гишпиус], много с ней здесь говорил и убежден, что, в основном, она целиком с нами: выше всего ставит личность и свободу, ненавидит реакцию больше меня и в большом культурном смысле настоящая демократка. Но ведь надо спеться, сговориться, приладиться друг к другу» (Ред., п. 12).

⁴ Несомненно, Вишняк более прав в характеристике названных выше статей С.Н. Прокоповича, А.Ф. Изюмова и А. Беркенгейма.

⁵ Подобного высказывания П.Б. Струве нам разыскать не удалось.

25. Гиппиус — Вишняку

Paris. 23 января 1924 г.

Ллойд-Джорджу
«Сэр, прошу Вас, помогите,
Напишите Джиолитте¹,
Что пора кончать роман:
Надоела.

Мильеран».
Лето 21 года².

23 янв. 24

Дорогой Марк Вениаминович,
что это, как вы строги ко мне, да еще взыскиваете за письмо в «испанке»³, и уж сейчас же грозите «концом», и всячески «опровергаете». Но повинную голову меч не сечет, а я винюсь, ей-Богу, винюсь: я слишком хорошо знаю, что *моя* вина, если вы кое-что не так поняли; моя, ибо я плохо написала. Не поскучайте этими строками — постараюсь написать лучше (яснее).

Я и не принимала ваше «к нам» в смысле «партии». И когда Илюша [Фондаминский] писал: «К нам тебя не зову. Нужны и такие “непримиримые”, как ты»⁴, — вряд ли тоже ~~звал~~ говорил о партии. Говорил об оттенке «революционности» и «непримиримости» — у меня большем, чем в вашем лагере. Но помилуйте! Если вы лишь надеетесь (или надеялись), что я «рано или поздно *вернусь* к феврализму, демократии, республике, свободе и равенству»... то где же вы мнили и мните меня *теперь*? Очевидно, с реакционерами, — вот когда это выяснилось! Ведь я «даже не зная — повторяю Струве...»⁵, хоть убей Бог — если я понимаю, в чем я его повторяю; и если писала вам, что с.р. — старый режим⁶, то, очевидно, в бессознательном состоянии... о чем жалею, ибо такие остроумия считаю низкого сорта.

Чтобы не спорить больше ни о чем — я вам в двух словах скажу, что исповедую для данного момента: разум, меру и центральность. Имею *пафос* меры и центра, в то время, как, например, пафос Милокова, по его собственному слову, «лежит у него сейчас в борьбе с монархистами»⁷. Соединяются же люди именно *в пафосе*, хотя бы то и отрицали. У меня нет пафоса в борьбе с монархистами: я о них держусь вполне вашего мнения, весьма четко выраженного в вашей статье⁸ (с которой я вообще вполне согласна и нахожу ее очень убедительной и интересной): самодержавие кончено *из себя*; монархизм России не опасен, ибо в ней невозможен; для «конституц[ионной]» монархии нет сейчас (да и вообще мало) исторических оснований, поэтому и монархисты (да еще какие жалкие) *не* опасны, и нечего над ними надрывать, тратя время. Еще цезаризм, пожалуй, возможен, но цезари сами вскакивают, с ними заранее не поборешься, да и зачем? Цезари не навек. Да может, их и не будет... Гришкой Зиновьевым I кончится, новым данным цезарем — за исчезновением Ленина и Троцкого...

Я нахожу, что книга⁹ очень интересна, что вы со мной поступили очень благородно и либерально (пришла к этому, просмотрев свою статью). Даже в стихах опечатка только одна, — «реки» вместо «тени»¹⁰. За этот либерализм я чувствую такую признательность (видите, сколь я справедлива!), что следующую «Запись» постараюсь совсем без споров вам дать.

Вот только вы лично очень строги ко мне в письмах и все «христианством» меня хотите уязвить. Есть христианство Макса Волошина: «Божий бич, приветствую тебя! [»] (о большевиках)¹¹. Ну, так это не мое. Сердечно ваша

З. Гиппиус

Заметьте мою кровожадность: радуюсь, что сдох Ленин¹², и жалею, что поздно. А где же обещанная литература?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Письмо на бланке с адресом: «11bis, avenue du Colonel Bonnet. XVIe». Помета рукой Вишняка: «6». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 196–197.

¹ *Джиолитти (Giolitti) – премьер Италии, занимавший «нейтральную» позицию в отношении к большевикам* (примеч. Вишняка).

² Дэвид Ллойд Джорж (1863–1945), премьер-министр Англии в 1916–1922 гг. Джованни Джиолитти (1842–1928) в последний раз был премьер-министром Италии в 1920–1921 гг. Александр Мильеран (1859–1943) с января по сентябрь 1920 г. был премьер-министром и министром иностранных дел Франции, а в 1920–1924 гг. – президентом республики. Стихотворение Гиппиус, из которого извлечены эти строки, нам неизвестно.

³ Бытовое название одного из штаммов гриппа (инфлюэнцы), вызвавшего пандемию 1918–1919 гг.

⁴ Цитата из п. 12.

⁵ Цитаты из п. 24.

⁶ Это Вишняк так считал (а Гиппиус на это и отвечала): «Любопытно, как Вы, даже к “революционности” и “модернизму” призывая, повторяете, не зная того, конечно, – Струве и его редакционных соратников. Ваши слова о нашем консерватизме – только перифраз открытия Струве, – что “п. с.-р.” расшифровывается как партия старого режима...» (п. 24).

⁷ Такого утверждения нам отыскать не удалось.

⁸ *«Падение русского абсолютизма»* (примеч. Вишняка). См. примеч. 12 к п. 22.

⁹ *18-я книга «Совр[еменных] записок»* (примеч. Вишняка).

¹⁰ Имеется в виду предпоследняя строка стихотворения «Жара», читающаяся в журнале: «О, реки Божьих мыслей, облака».

¹¹ Последняя строка стихотворения М.А. Волошина «Северовосток» (1920). Гиппиус знала его по первой публикации в берлинском журнале «Новая русская книга» (1923. № 2) и цитировала во второй «Литературной записи».

¹² В.И. Ульянов (Ленин) умер 21 января 1924 г.

26. Вишняк — Гиппиус *Paris. 26 января 1924 г.*

26 I 1924

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Всего только несколько замечаний по поводу Вашего последнего письма.

Вы пишете: «Где же вы мнили и мните меня *тене́рь*? Очевидно, с реакционерами, – вот когда это выяснилось!» Напоминаю, что Вы сами указывали, что сейчас сидите в трещине. Я против этого не возражал, а только отмечал некоторый прогресс даже в нынешней позиции «трещины» по сравнению с недавно лишь минувшими у Вас тяготениями к Струве, Шульгину и прочим «реакционерам». Хронологически это тяготение датировалось мною «Дневником» Вашим в «Русск[ой] мысли», декламацией стихов о повешении в молчании и т.п. Я высказывал надеж-

ду, что из «трещины» Вы скоро выйдете и придете к «нам». Но полной уверенности в этом у меня, конечно, не было. Ваши сомнения в республике, Ваше благодушно-безразличное отношение к монархистам, как к отработанному уже пару, — между тем, как, на мой взгляд, они еще покажут себя и нам, и Вам, и всей России — наряду с запальчивостью и раздражением (это не пафос, совсем не то) — не только против большевиков, но и против Керенского, Милюкова, Кусковой, Осоргина и т.д., — все это говорит *против* того, на что я, из симпатии к Вам и из веры в правду своего дела, хотел бы надеяться и на что не потерял надежды окончательно и сейчас...

«Христианством» я Вас «уязвлять» не хотел, конечно. Я только хотел подчеркнуть, что *Ваша* вера обязывает к гораздо большему, нежели моя. С Христом на устах даже помыслить о радостном чувстве при вести о смерти злейшего врага мне, не-христианину, кажется кощунством... Вы же не только «помыслили», но как бы рисуетесь своей «кровожадностью»: «радуюсь, что сдох Ленин...» Христос и «сдох»; радуюсь и смерть — мне кажутся категориями «несовместными»... Такие эмоции гораздо более к месту «афеистическим», большевицким пиитам. Говорю это не для укора и «полемики», а в пояснение своей мысли.

Наконец, последнее — Ваше признание, что «мы» поступаем с Антоном Крайним «очень благородно и либерально»¹. — Должен сказать, что перечтя Вашу «Запись», я очень, *очень* огорчился. И не столько резкостью Ваших литературных характеристик, — они нужны, если они справедливы, — но незаметной подменой публицистикой критики!.. Ведь всякий видит и понимает, почему Арцыбашев вдруг возвеличен. Что Вы от него теперь «отказываетесь», — это знаю только я как частный Ваш корреспондент², — публика же так и останется при убеждении, что А. Крайний одобрил Арцыбашева за то, что он написал пасквиль против «подосланных» (!) большевиками Степуна, Осоргина и т.д.³ Кстати сказать, опустившийся до шулерства (буквально!) в советской России⁴ Арцыбашев не оставил этого приема и сейчас, — только перенес его с зеленого стола на письменный: Степуна он опровергает, приписав ему взгляд и мысли, которые *оспаривает*, а не защищает сам Степун...⁵ А потом это несчастное, так полюбившееся Вам место о Горьком, полюбившем «изъятия» всяческих ценностей!.. Это тоже литературная критика?!?.. Я не могу себе простить, как я мог «помириться» с Вами только на отказе от курсива в слове «всяческих»!.. Этого ни Вам, ни нам никогда не забудут. И правы будут они, а не Вы и не я, не досмотревший в рукописи того, что до болезненности и самоочевидности ярко ощущаю в печатном виде!..

Ну, да теперь говорить об этом уже поздно.

Будем говорить лучше о следующей «Записи». Мы хотели бы ее иметь к 15-му февраля. Кому Вы думаете ее посвящать? Вы упоминали Куприна, Ропшина!.. Может быть, помянете тем или иным словом Ремизова, — а то его точно и не существует рядом с Арцыбашевым. М.б., — Замятина?..⁶

Книги обещанные занесу в понедельник. Тогда же в конверте оставлю следующий Вам за 18-ю книжку гонорар. Всего Вам «причитается» 396 фр. Я оставлю 400 фр. Будьте добры прислать записку в их получении (400 фр.).

Искренне преданный Вам

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79).

¹ Как и ранее, Вишняк реагирует на содержание п. 25. В данном случае речь идет о статье Гиппиус «Литературная записка: Полет в Европу» (№ 18).

² См. п. 21.

³ Никаких подробностей о содержании политических статей М.П. Арцыбашева в «Литературной записи» Гиппиус нет.

⁴ На чем основано это обвинение, мы достоверно не знаем.

⁵ Вишняк обсуждает уже упомянутую выше (см. примеч. 3 к п. 22) статью М.П. Арцыбашева «Ультрафиолетовые».

⁶ Во второй и последней «Литературной записи» («О молодых и средних») Антона Крайнего (СЗ. 1924. № 19. С. 234–249) сколько-нибудь подробно писалось о творчестве С.А. Есенина, Б.А. Пильняка, В.В. Маяковского, М.Л. Слонимского, В.Я. Брюсова, пролетарских поэтов, М.М. Пришвина, Б.К. Зайцева и Б.В. Савинкова. О Е.И. Замятине сказано: «Там [в России] Замятин, беллетрист талантливый, очень неровный, хотя очень изысканный. О Замятине я когда-нибудь поговорю подробнее...» (С. 242). О Ремизове Антон Крайний писал в кн. 22 (рецензия на «Звенигород окликанный. Николины притчи». С. 447–449).

27. Гиппиус — Вишняку

Paris. 26 января 1924 г.

Суббота. 13/26—1—24. Париж

Дорогой Марк Вениаминович,

это прямо ужасно, во что превратился наш «роман». Только что я чему обрадуюсь, — вы тут-то меня изничтожите. Чуть я найду, что вы поступили благородно и *красиво*, — оказывается, что вы полны раскаяния и рвете на себе одежды. Нет, я больше не могу. *Я тrefбуу свиданья!*. Хочу, чтобы вы мне решительно все высказали, а я буду слушать и принимать к сведению...

Так вот: раз все равно вам нужно занести мне книги? Почему вам с ними не подняться, с перспективой отдать мне полную половину 1-го часа? В понедельник (этот) я иду к доктору в 2 часа или раньше, но *все остальные моменты моей недели* принадлежат вам. Только выберите.

Условимся о «Записи», кстати. Ропшин у меня размечен. А о Куприне что, — нельзя тоже?

Только что Винаверу, меня приглашающему в «Звено», вами возразила... — и вот!..¹

До свиданья же. Право, если мы «объяснимся» — будет лучше.

Искренно ваша

З. Гиппиус

P.S. Я, что хотите, не верю, что вам (лично) нравится позиция Пешехонова. Но почему такая «запальчивость и раздражение» против Арцыбашева и такая снисходительная стыдливость к Пешехонову?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «5». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 424.

¹ 24 января Гиппиус писала редактору газеты «Звено» М.М. Винаверу: «Мне помнится, я вам никогда не «угрожала» политическими статьями [...] Я лишь указывала вам, что мне трудно (психологически) работать без некоторой свободы слова, хотя бы такой, какой я

пользовалась в любой газете при царском режиме [...] Чтобы нам не спорить о неясностях — я представляю на ваш суд мою “Запись” в последней книжке “Совр[еменных] записок”. Вот та “свобода” (или вроде), на которую я посягала в “Звене” («...Наша культура, отраженная в капле...»: Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923—1928) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. СПб., 1998. [Вып.] 24. С. 134).

28. Гиппиус — Вишняку

Paris. 1 февраля 1924 г.

Пятница вечером.

Дорогой Марк Вениаминович,
 посылаю вам сдержаннейшее из писем¹. И заверяю вас всей моей столетней опытностью, что позиция, которую я заняла, самая выгодная и неприступная. Если же вы начнете каяться и стучать лбом перед Юшкевичами², — подумайте, ведь вы, во-первых, меня предадите (логически) и вам (тоже логически) уж неудобно будет меня печатать, какая же это позиция — обещаться «лучше смотреть за мной!», а во-вторых, вы их покаяниями все равно не умоливите. Мне же, в таком случае, придется защищаться самой, и выйдет просто печальная чепуха. И только (хотя это неважно) к торжеству правых: знают, мол, что Горький — вор, и вора всем телом покрывают³. Эко, что он «наветы» на русский народ пишет! Свои собаки дерутся — чужая не приставай.

Тут-то и усмотрят они в моей статье «серебряные ложки»⁴ — «на воре шапка горит». А иначе бы ничего не увидели — да и нельзя увидеть.

Посылаю вам не пневматичкой (толсто), а express’ом. И жду вас с этим завтра вечером (в субботу), хотя бы поздно. Тогда в воскресенье могу послать Милокову.

Искренно ваша

З. Гиппиус

Заглавие мы потом придумаем. (Имейте в виду, что у меня нет черновика, я писала прямо.)

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется по содержанию. Пометы рукой Вишняка: «7»; «Янв[арь] 1924»; «Конец янв[аря] 1924». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 426.

¹ Речь явно идет о статье Гиппиус «Необходимые поправки» (ПН. 1924. 6 февр. № 1162), где содержится объяснения по поводу «Полета в Европу». Перед ней было напечатано (без подписи) письмо М. Вишняка «От “Современных записок”».

² В названной в предыдущем примечании статье Гиппиус содержатся энергичные возражения С.С. Юшкевичу по поводу резко критического его выступления относительно «Литературной записи» (*Юшкевич С.С. Антон Крайний в “Совр. записках”* // ПН. 1924. 1 февр. № 1158. С. 2).

³ Ср. мнение Фондаминского, высказанное им в письме к Вишняку и Рудневу от 22 февраля 1924 г.: «Для меня вопрос стоит так. Большой русский писатель принял непосредственное участие в тяжких преступлениях против русского народа и всего человечества. И он должен нести полную ответственность за свои деяния. Можно судить его и найти смягчающие обстоятельства, можно даже простить его. Но нельзя укрывать его и недопустимо доказывать или говорить такие слова, которые бы указывали, что он этих преступлений не совершал».

[...] Горький повинен в “изъятии ценностей” — как же можно это замолчать или делать вещи, которые всех убеждают, что он в этом неповинен? Да еще зная, что этот человек в любую минуту может оказаться в нашем лагере, всё предать и от всего отречься» (Ред., п. 11). См. также его письмо к П.Н. Милокову (Ред., примеч. 1 к п. 10).

⁴ Типичное обвинение в воровстве (в адрес прислуги): пропали серебряные ложки.

29. Фондаминский — Гишпиус

Grasse. 3 февраля 1924 г.

3 II 1924

Родная Зина,
давно собираюсь тебе писать, но всё не выходило. Курочка наша [А.О. Фондаминская] хворала и ей делали небольшую операцию. Неделю лежала в клинике в Канах. Теперь мы снова в Грассе и Курочка поправляется. Скоро тебе напишет¹.

В XVIII кн. есть три талантливые вещи: Бунин², стихи Гишпиус и «Запись» Крайнего. Всё остальное безразлично. Эти три вещи и красят номер. О Бунине и твоих стихах кроме хорошего ничего сказать нельзя. Но в «Записи» я не всем удовлетворен и т.к. очень хочу, чтобы «Запись» продолжалась из книжки в книжку, то хочу с тобой договориться до конца.

В чем прелесть Ант. Крайнего? — В том, что у него ясный ум, зрячие глаза и тонкое обоняние. Он видит талант, где его никто не заметит, он беспощадно вскрывает вульгарность и бездарность там, где другие находили первоклассного писателя. Конечно, Крайний не чисто эстетический критик, конечно, у него своя общественно-культурная линия. Но никогда Крайний в угоду политике и обществу не вознесет в первоклассные поэты Надсона и не будет пренебрежительно отзываться о Достоевском. Словом, между Ант. Крайним и монструозной нашей критикой — дистанция огромного размера, и Крайний литературу и искусство не осуждает, ибо любит их подлинной любовью. Вот кто такой Ант. Крайний для меня и для многих. Прости меня и не сердись, но в блестящем Крайнем XVIII-го номера «Совр[еменных] зап[исок]» я этих качеств не нашел. В Советской России выводятся только гады... Я бы тебе поверил, если бы ты советскую худ[ожественную] литературу читала и показала, что она не только политически отвратительна, но и художественно бездарна. Но ты этого не показала и, уверен, этой литературы не читала. Ты подошла к ней исключительно критически и отвергла, не взглянув. Как же я могу довериться твоей критической прозорливости? Второе еще хуже — это Горький и Арцыбашев. Горького ты отвергаешь. Я с тобой согласен. Горького я давно не читаю, не потому что он большевик (и Анатолий Франс — большевик и Блок был большевиком)³, а потому, что он груб и некультурен, хотя и несомненно талантлив. Но когда ты, отвергая Горького, возносишь Арцыбашева, я прихожу в полное отчаяние и говорю: Крайний меня надувает. Не может быть, чтобы грубый и вульгарный Арцыбашев стал для Крайнего большим русским писателем. Не может быть, чтобы Крайний потерял свое острое зрение и тонкое обоняние. Горький плох, но конечно Арцыбашев еще хуже. В чем же дело? Боже мой, это так легко догадаться. Антон Крайний «провозит свою контрабанду», Антон Крайний «обходит цензора». Ты и обошла

«цензора». Вишняк или не заметил твоей вставки об Арцыбашеве или не устоял против тебя. Но ты забыла одно: в какое положение ты ставишь меня. Ты можешь «обходить» чужих тебе людей, но должна ли ты «обходить» меня? И могу ли я быть таким предателем по отношению к товарищам по редакции? И помимо художественной несуразности — Горький — вне литературы, Арцыбашев — большой писатель — какая политическая аберрация! Ты увлеклась статьями Арц[ыбашева] против большевиков. Но ты только теперь заметила, что он ненавидит большевиков столько же, сколько всю революцию, всю демократию и т.д., т.е. ненавидит меня не меньше Ленина. Но в таком случае я предпочитаю Шульгина — он талантливее, искреннее и подлиннее.

На будущее я тебе предлагаю честный договор. Будем вести дело непосредственно друг с другом. От тебя не требуется «аполитичности», но ты сама знаешь, какую «политику» мы можем вытерпеть, какую нет. О темах будем сговариваться мы с тобой. Рукопись ты будешь присылать мне. Ты сама понимаешь, что более «либерального» редактора ты не найдешь. Если я тебя попрошу ч[то]-н[ибудь] устранить, ты мне поверишь, что этого мы «вместить»⁴ не можем. Лично я убежден, что если ты так поведешь дело, ты скоро сама убедишься, что работать в «Совр[еменных] зап[исках]» тебе совсем не трудно и разногласий между нами больших нет. Если ты почувствуешь, что тебе тесно, ты «Запись» прекратишь. Но, ради Бога, не надо «контрабанды» и «обхода цензора» — между нами этого не должно быть.

Потому очень тебя прошу сообщить мне, о чем ты будешь писать (я думаю о «Коне вороном») и, если тема подходящая, принимайся теперь же за писание, чтобы успеть прислать мне рукопись.

Родная Зина, я знаю, что ты человек острый и тебя «трогать» нельзя. Но это не относится ко мне и на меня ты не рассердишься. Я твердо верю, что твоя «Запись» будет идти из книжки в книжку, и что мы будем вместе работать.

Я с нетерпением жду романа Мережковского и очень прошу Димитрия прислать мне первые же переписанные листы.

Прочла ли ты моих китайцев — что это, *литературно* совсем бездарно или терпимо?

Я тебя крепко люблю и крепко целую. Две недели ничего не делал из-за болезни Курочки. Теперь принимаюсь за окончание китайцев (увы, теперь о земле — неинтересно)⁵. Поцелуй Дмитрия и кланяйся сердечно Влад. Ананьев[ичу]. Видишь ли ты часто Буниных⁶?

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, 11bis rue Colonel Bonnet, Paris XVI»; адрес отправителя: «Fondaminsky, Villa “La Brise”, Grasse»; почт. шт.: «Grasse, 5.2.24».

¹ Несколько более подробно о болезни А.О. Фондаминской см.: Ред., п. 10.

² Буния И.А. Несрочная весна // СЗ. 1924. № 18. С. 5–18.

³ В данном случае речь идет, несомненно, не о формальном членстве в коммунистической партии, а о «духовном большевизме».

⁴ Отсылка к Мф, 19: 12.

⁵ «Пути России: Статья шестая» Фондаминского была напечатана только в № 22 СЗ.

⁶ По поводу этого письма Фондаминский писал Вишняку 12 февраля: «Зин. Ник. [Гиппиус] я написал откровенное и личное письмо и получил очень примирительный ответ. Я надеюсь, что для следующего номера она сделает всё возможное, чтобы удовлетворить нас. Лично я продолжаю думать, что, если мы выдержим характер и не поддадимся “ору” (ведь Ант. Крайнего вообще как злого критика не любят), то в конце концов у нас будет талантливый и дельный литер[атурный] критик. Разумеется, если и в ближайших книжках дело не наладится, то придется разойтись» (Ред., п. 10).

30. Гиппиус — Вишняку *Paris. 13 февраля 1924 г.*

13 ф. 24. Париж.

«Не бойтесь этого звонка:
Я лишь Ка-Че, а не Че-Ка...»
(в Ленинграде) Чуковский¹.

Дорогой Марк Вениаминович,

не бойтесь этого письма: в нем лишь просьба некоторых указаний.

Статья будет готова к 20-му. По Илюшиному [Фондаминского] последнему письму (и вашим последним словам) я заключила, что должна послать рукопись Илюше². Но где он? В Грассе или в Ницце? Кроме того, прежде чем закончить статью, мне необходимо иметь ответ на один вопрос, на который, ввиду спешности и молчания Ил. [Фондаминского], может быть, вы ответите?

Дело в том, что редактор «Свободы» прислал А. Крайнему возмущенное (?) и обиженное (!) (за себя и за Арцыбашева) письмо; даже прекратил высылку газеты! Это, конечно, объяснимо *исключительно* неврастением мозга, степени которой я все-таки не знала!! Письмо полно также и хулы на «Совр[еменные] записки»³.

С неврастением делать нечего, но, по прошествии первого изумления, мне пришлось в голову: стоит ли усиливать болезнь савинковцев отзывом (все равно каким) об ихнем «Коне»? Ведь для них — это будет отзыв, напечатанный у «врагов»⁴.

Но прошу вас ответить *только* с точки зрения «Совр[еменных] зап[исок]», ибо мне лично — все равно. Я не могу считаться со всем, что «могут сказать», а потеврявшие разум... да с ними и при желании не сочтешься.

И, пожалуйста, ответьте на все это скорее, а то мне не успеть. Искренно ваша
З. Гиппиус

P.S. Здравый смысл оценит здраво ваши «извинения» и самый факт *вашего* письма, предупреждала я вас. Тэффи вас не убеждает⁵, но вот что пишет мне Амалия [Фондаминская]: «Выходит, что оправдали как будто вора, и к[а]к будто боясь правды и зная ее, своими же руками врага укрываете. А то, что и “Посл[едние] н[овости]”, и Юшкевич “удовлетворены”, так я на них плюю».

Это ведь ничего, что Амалия не «с.р-ка». Здравый смысл — он беспартиен.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «8». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 426–427.

¹ Неточная цитата из шуточного стихотворения К.И. Чуковского «Жизнь Василисы Фивейской» (1921). В оригинале: «Дрожит от каждого звонка / Кто там К.Ч. или Ч.К.?» (Чукоккала: рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 157).

² См. п. 29.

³ Имеется в виду письмо Д.В. Философова к Гиппиус от 31 января 1924 г., где писалось: «...твоя статья явилась еще одной, тысячной причиной, почему я не веду с тобой переписки и не отвечаю на твои письма. Ты с величайшим презрением смотришь на мою работу. Я с величайшим сожалением смотрю на ваше праздное сидение в Париже на нескольких стульях сразу» (*Пахмус Т.А.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 93).

⁴ Подробный разбор «Коня вороного» все же вошел в «О молодых и средних».

⁵ Речь идет о статье: *Тэффи.* Письма в редакцию // Звено. 1924. 11 фев. № 54. С. 3.

31. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 14 февраля 1924 г.

14 II 1924

Родная Зина,

не отвечал тебе, потому что был очень занят и потому что получил от Вишняка письмо, в к[о]т[о]р[о]м он мне пишет, что сговорился с тобой относительно следующей статьи (Ропшин, Замятин и т.д.). Следовательно ты уже пишешь статью, не ожидая моего ответа. Тема хорошая (Ропшин) и я не возражаю против его «изображения», хотя и не думаю, что он этого заслуживает. По существу же твоих писаний у нас я могу сказать одно: или мы внутренне подходим друг к другу (конечно, — в главном) — тогда в конце концов ты будешь иметь полное доверие и полную свободу, или не подходим — тогда все равно придется разойтись.

Почему же не попробовать *avec une bonne volonté*¹, без желания «прижать» с нашей стороны и «проскользнуть» с твоей. Будем вначале очень терпимы друг к другу, а потом — я лично очень верю в это, — когда увидим, что сошлись, каждый будет делать свое дело, не боясь за другого.

Инцидент с Горьким меня вывел из себя. Конечно, ты права и никаких объяснений писать было не надо. Я пытаюсь даже публично тебя реабилитировать — не знаю, удастся ли. Если удастся, ты увидишь это в газете².

Еще одно — пожалуйста, поскорее присылай роман Димитрия. Я очень боюсь, что мы наберем других авторов (уже взяли один роман³) и потом труднее будет с романом Димитрия.

Курочка [А.О. Фондаминская] поправляется, но очень медленно. Еще слабенькая и жалкая. А тут приехала мамаша [Л.В. Гавронская] и пришлось Курочку отвозить в Ниццу. Начнет теперь ездить туда и обратно — беда!

Я теперь сижу один в Грассе и принимаюсь снова за китайцев.

Очень огорчился, прочитав, что Димитрий выступает с Карташевым и Савичем. Что-то они наговорят!⁴

Пиши нам, родная. Крепко тебя люблю и целую. Поцелуй Димитрия и Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ добровольно (фр.).

² Речь идет о письме к П.Н. Милокову, предполагавшемся для печатания в ПН (Ред., примеч. 1 к п. 10).

³ Видимо, речь идет о нескольких отрывках из трилогии М.А. Алданова «Мыслитель» (Алданов М.А. Смерть Екатерины II (Отрывок из второй части трилогии «Мыслитель») // СЗ. 1925. № 19. С. 134–167; *Он же*. Чортов мост: [Отрывок из второй части трилогии «Мыслитель»] // СЗ. 1924. № 21. С. 75–118; 1925. № 23. С. 157–205; 1925. № 25. С. 129–211).

⁴ См. в хронике: «В субботу, 16 февраля, в Саль де Жеографи (184, бульв. Сен-Жермен) состоится собрание, посвященное вопросу: “Миссия русской эмиграции”. Выступят: И.А. Бунин — “Миссия русской эмиграции”, А.В. Карташев — “Смысл непримиримости”, И.С. Шмелев — “Душа Родины”, Д.С. Мережковский — “Слова немых”, И.Я. Савич — “Вестники возрождения”, Н.К. Кузьман — “Культурная роль эмиграции» (ПН. 1924. 12 февр. № 1168. С. 3). Отчеты: сочувственный — *Яблоновский Сергей*. Два вечера // Руть. 1924. 23 февр. № 979. С. 1–2; 26 февр. № 981. С. 1–2 (первый вечер, о котором у него идет речь, проводился Республиканско-демократическим клубом и был посвящен докладу П.Н. Милокова «После Ленина»), резко критический — *Р.С. [Калишевич Н.В.]* Вечер страшных слов // ПН. 1924. 20 февр. № 1174. С. 2. Лекция Бунина опубликована: Руть. 1924. 3 апр. № 1013. С. 5–6 (Перепеч.: *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. М., 1998. С. 148–157). Савич Иван Яковлевич (1898–1949), публицист, общественный деятель, впоследствии член НТС.

32. Вишняк — Гишпиус *Paris. 15 февраля 1924 г.*

15.II.924.

«...О, нет, любезнейший А-Ка,
Не испугать Вам Вишняка!»
(Из посланий к Антону Крайнему)

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Отвечаю кратко, по пунктам:

1. Статью Вашу просим (редакция) направить не в Grasse¹, а мне по домашнему адресу или в редакцию 9bis, rue Vineuse, где я бываю по понедельникам, средам и пятницам.

Илюше [Фондаминскому] я просил направить роман Дмитрия Сергеевича.

2. О «Коне вороном» определенно просим Вас написать. Если мы Милокова не «испугались» даже с Юшкевичем напридачу — не пугаться же нам Савинкова... Главный смысл привлечения в «Совр[еменные] зап[иски]» Антона Крайнего я лично видел вовсе не в том, что будет лишний талант или имя, — а в том, что будет компетентный, авторитетный и *нелицензиатный* литературный судья. «Нелицензиатность» прошлой Вашей «Записи» более чем спорна. Но не тем же ее лечить, чтобы порадовать былому «родному человечку»² и пощадить его от суда праведного!... Милости просим, не щадите, — только литературно-критически, а не политически!

Я не понял: Савинков на самом деле обиделся за Арцыбашева, — что того недостаточно возвеличили?!.. Не может быть! Я, вероятно, не так Вас понял?..

3. Тэффи написала так, что ее понять трудно: и нашим, и вашим выдала³. — А со «Звеном» в данном случае произошла техническая промашка. Винавер даже не

видел статьи Тэффи, пославшей свой опус прямо в типографию *dernière heure*⁴. Выпускающий же решил, что статья одобрена. Скандал! А все — Вы!

Письму Амалии [Фондаминской] — я мог бы противопоставить *серию* другого рода писем. Но апелляция к единичным фактам даже для меня не убедительна.

Крепко жму руку.

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79). Сохранился конверт; адрес получателя: «A Madame Z. Hippus»; адрес отправителя: «De la part de M[onsieur] Vichniac».

¹ В это время в Грассе находился Фондаминский.

² Отсылка к «Горю от ума» А.С. Грибоедова (Действие второе, явление 5).

³ См. примеч. 5 к п. 30.

⁴ в последнюю минуту (фр.).

33. Гиппиус — Вишняку

Paris. 20 февраля 1924 г.

20 ф. 24

Дорогой Марк Вениаминович,
поздравляю вас со званием поэта¹. Вижу, что около меня нельзя не писать стихи: Амалия [Фондаминская], Ропшин, Вишняк... и сколько еще других!

Я в гриппе, а то бы раньше прислала статью. И так как поздно получила разрешение на «Коня» от вас и от Ил. [Фондаминского], то оставила его до последних страниц.

На этот раз

Чтоб вновь не стало небу жарко
От слезных² покаяний Марка —
Писал я каждую строку
Во угожденье Вишняку.
Ну, и была, ей Богу, мука!
А если вышла только скука —
Скажу, ни мало не смущен,
Что в ней виновен не Антон³.

Жду de vos nouvelles⁴. Некогда писать больше. Если хотите, чтобы я что-нибудь выпустила, изменила, подписала, — скажите, будет выполнено, и без всякой остроты. Перец мы прибережем для след[ующего] раза, если вы (и Вин[авер?]) найдете, что я «исправился». (Тут-то и можно будет немного подпустить.)

Да, не бойтесь размера, там куча выпусков и страницы сведены в одну.

Искренно ваша

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44) (см. илл. 13). Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 198. Помета рукой Вишняка: «9». Внизу запись рукой Вишняка:

Ответ.

Святое звание поэта
Изъяло чувство пиэкета
Ко всем великим именам,
Заслугам, ~~предкам~~ полу и годам.

Смущает *общий* приговор, —
Что вся Россия — хам и вор,
Что вне Парижа — света нет,
И в том пребудут много лет.

В своих оценках дерзновея, —
Скажу ни мало не краснея, —
Что в новой «Записи» Антон
Опять наносит нам урон.

.....
Пока пишу лишь от себя
Открыто все, не лебезя,
А там — в течение недели
Вопрос решим — без канители.

И не Есенин, не Пильняк —
Вас уверяет в том Вишняк —
Не осужденье этих двух
Смущают нашу совесть, слух.

¹ Ироническая отсылка к началу п. 32.

² В журнальном тексте неверное чтение — «скучных».

³ *Антон Крайний* — псевдоним З.Н. Гиппиус-критика (примеч. Вишняка).

⁴ Ваших новостей (фр.).

34. Гиппиус — Вишняку

Paris. 24 февраля 1924 г.

Ах, лучше вовремя расстаться,
Чем до последнего ругаться!
Старинная песенка

24-2-24. Париж.

Дорогой коллега!

Во-первых, я вижу, что ошиблась: вы — un roète fait¹, и мое влияние ни при чем. Вы уж давно, очевидно, принадлежите к известной «школе» — и не моей.

Во-вторых, поскольку я Пушкин², постольку есть у меня и Николай I, который сказал мне: «Я сам буду твоим цензором»³. Поэтому пошлите, прошу вас, мою статью Илюше [Фондаминскому], пусть он скажет, есть ли там утверждение, что «вся Россия — хам и вор». Если он скажет — я раздеру ризы и удалюсь в пустыню, а если скажет, что нет — я привлеку вас к суду... вашей совести.

Напоминаю вам, что появление моей «Записи» в след[ующей] книжке — столько же в моих, сколько в *ваших* интересах, по многим причинам, кои долго объяснять. Прибавляю, что вы можете предложить мне все поправки, которые могли бы вас успокоить.

И заключаю: вы неисцелимо страдаете персональным недоверием к А. Крайнему. Ничто не удовлетворит вас, сказанное его «черными» устами. С этим болезненным подозрением я готов [так!] считаться. Но в открытую. Идет?

Ваша З. Гиппиус

Илюше пишу о том же.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «11». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 198–199.

¹ В журнальной публикации имеется следующее примечание М. Вишняка: *Звание было заслужено рифмованными репликами в ответ на письма З.Н. Гиппиус. Одна из них была в ответ на эпиграф, взятый Гиппиус у Корнея Чуковского: “Не бойтесь этого звонка: – Я лишь Ка-Че, а не Че-Ка...”. Она звучала: “О, нет, милейший мой А. К. Не испугать Вам Вишняка!” 17 1–2[4]. Другая была более пространна»* (после чего следует экспромт, записанный Вишняком на письме З.Н. Гиппиус от 20 февраля 1924 г.). Un poète fait – сложившийся поэт (фр.).

² Видимо, в том смысле, что у Гиппиус есть известная «школа».

³ Эта фраза Николая I приведена в нескольких мемуарах о Пушкине. См.: *Вересаев В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников*. Изд. 5-е. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 203–206.

35. Гиппиус – Вишняку *Paris. 26 февраля 1924 г. [?]*

Вторник

Посылаю вам, дорогой Марк Вениаминович, статью, «исправленную» по 5-ти пунктам Илюши [Фондаминского]. Если бы вы зашли ко мне (кстати и за книгами), я бы могла вам эти пункты указать. Я, правда, в первый раз встречаюсь с желанием, чтобы автор не вычеркнул, а нечто *прибавил* к своей статье (что, б.м., в данный его план просто не входит). Однако я это сделала, покорно перечислив *все* имена, по порядку, мне указанные. Я даже, совсем вопреки смыслу, вычеркнула *смысл* цитаты из Ев[ангел]ия, которую вы подозрительно приняли... за «издевку над вами»¹. Ну, хотите без смысла, так как хотите. Выброшены все слова по 3, 4 и 5 пунктам.

Повторяю, что если бы вы зашли ко мне, я вам могла бы представить Ил. письмо. Он вполне сознает, что все это увеличивает скуку и embrouille le style², но раз вы, если я говорю об «Истине, Добре и Красоте»³ – подозреваете тут... ну, антисемитизм что-ли, то уж это неизлечимо. Что было бы, если б я вздумала сказать (как намеревалась было), что моя триада имеет и другие названия, например, «Свобода, Равенство и Братство»? В чем бы вы меня стали подозревать??!

Если вы все-таки можете меня видеть без ужаса, то придите, у нас обоих будет советъ чище, если вы увидите глазами исправленное «по пунктам».

Всегда к вам неизменно расположенная

З. Гиппиус

P.S. К сожалению, не имею с кем послать статью и буду ждать вас завтра, в среду, хоть на минуту – в обычное ваше время – 1–2. Если нет – известите, я пошлю по почте, что мне не нравится.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется предположительно по содержанию. Помета рукой Вишняка: «10». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 427.

¹ Речь идет о заключенных в кавычки словах: «Которую уже никто не отнимет у меня» (*Гиппиус З.Н.* Литературная запись: О молодых и средних // СЗ. 1924. № 19. С. 235). Они представляют собой почти точную цитату из Евангелия от Иоанна (16: 22). Что именно издательского было в выпущенных словах, мы не знаем.

² Затемняет стиль (фр.).

³ См.: СЗ. 1924. № 19. С. 235.

36. Фондаминский — Гиппиус*Grasse. 29 февраля 1924 г.*

29 II 1924

Родная Зина, получил твою статью¹ и просьбу редакции вести с тобой переговоры о поправках. Лично я стою за «свободу», но редакция в целом всегда стояла за строгость и в таком духе и вела журнал. Строги не только к сотрудникам, но и к самим себе — не сердись, если и к тебе придираемся. Журнал от этого, может быть, более скучен, но, сознайся, в нем есть некий стиль и недурной. Прошу тебя о поправках, к[о]т[о]р[ые] и сам считаю справедливыми².

1. Первая и единственно существенная. Ты уничтожаешь пролеткультскую литературу — не возражаем. Но ты почти молчишь о другой настоящей литературе, ничем не отличающейся от здешней и так же не приемлющей большевизма: Сологуб, Сергеев-Ценский, Замятин, Пришвин, Ахматова, кто еще? Замятин писал много и хорошо, С[ергеев-]Ценский написал превосходный роман и т.д. Получается однотонная картина, явно несправедливая (ведь и заграничные писатели мало писали) и *вызывающая рознь между нашей интеллигенцией в России и здесь*. Просьба: вставить несколько страничек об этой серии писателей, если найдешь возможным, подчеркнуто похвалить их. Надо даже повышенно оценить то, что все-таки — несмотря на большевиков — делается в России³.

О Замятине тебе легко будет написать, ибо у тебя есть книга его новых рассказов⁴. Но и о других тебе не трудно будет написать несколько страничек.

Остальное мелочи.

2. Выброси «сгнивший манекен» (15 стр.) и «7 т. младенцев» (18). Поверь, не из любви к большевикам, а потому что Бурцев совершенно испортил этот стиль⁵.

3. Убери, пожалуйста, «живот» (стр. 10). И гнусен он и, кажется, ты не точно изображаешь (дело происходит не на вокзале, а в вагоне)⁶.

4. Исправь к[ак]-н[ибудь] (на стр. 3) явную издевку над нами — «а я всё-таки скажу свое»⁷.

5. Нельзя ли заменить чем-нибудь «Господи отелись» — надоело, кто не писал этого⁸.

Родная Зиночка, всё это ты сделаешь в один вечер. Но если надо, бери несколько — 3—4. Потом отправь Вишняку. И не сердись на нас. Когда я вернусь, нам легче будет сговариваться. Жду с нетерпением романа Димитрия — скорей.

Поцелуй Димитрия и кланяйся сердечно Вл[адимиру] Ананьев[ичу]. Тебя крепко целую и люблю.

Твой И.

P.S. С Курочкой [А.О. Фондаминской] у меня всё горе — никак не может опраться от болезни, а мамаша [Л.В. Гавронская] замучила. Опять сiju один — уехала в Ниццу. Если можешь, пришли письмо Димы [Философова] или изложи толком, в чем дело⁹.

Чувствую к тебе большую нежность.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ В предыдущем письме Вишняк писал Гиппиус, что статью следует отправить не Фондаминскому, а ему. Очевидно, и вторая статья оказалась Вишняку столь же скандальной, что и первая.

² В письме к Вишняку и Рудневу от 1 марта Фондаминский назвал еще одно замечание, на котором настаивали члены редколлегии, но он его счел неверным: «Я не колеблясь проголосовал за статью Ант. Кр[айнего] и написал З.Н. письмо, в том духе, как мне написал Марк. Единственная поправка, о к[о]т[о]р[ой] я не упомянул, это замечание А.И. [Гуковского] о заключительном аккорде относительно Ропшина. Я считаю, что З.Н. дала такую *уничтожающую критику* Ропшина, что настаивать еще на изменении конца, значит быть исключительно пристрастным и несправедливым. Ведь для меня несомненно, что З.Н. в своем отзыве о Ропшине «отомстила» Савинкову за многое. Если вы всё-таки настаиваете на этом, поговорите с З.Н. Я её просил сделать все исправления и дополнения и отправить статью Марку. Дал ей на это 3–4 дня. Не много?» (Ред., 12).

³ Этой просьбы Фондаминского Гиппиус не исполнила.

⁴ Здесь могут иметься в виду: На куличках: Рассказы. Берлин, 1923 (или Пг.; М., 1923); Островитяне: Повести и рассказы. Берлин; Пб.; М., 1923. Однако подробно о Замятине Гиппиус не написала.

⁵ Данных выражений (первое, видимо, относится к смерти Ленина) в статье нет.

⁶ Речь идет о передаче физиологических подробностей из рассказа Б. Пильняка «В теплушке». Гиппиус смягчила этот пассаж.

⁷ Речь явно идет о предпоследнем абзаце первой «главки» статьи. Гиппиус переделала это место так, чтобы не было «издевки» (в чем Фондаминский ее увидел, понятно не вполне). Несколько подробнее см. п. 35.

⁸ Данная цитата из Есенина заменена еще более острой: «Окажется, что еще самое пристойное из его дерзаний, это — как он “Стоит на подоконнике / И... на луну”» (СЗ. 1924. № 19. С. 238).

⁹ Речь идет о письме Д.В. Философова, упомянутом Гиппиус в п. 30.

37. Гиппиус — Вишняку *Paris. 6 марта 1924 г. [?]*

Четверг.

Заметьте, дорогой Марк Вениаминович, что я вас никогда в столь неудобный для всех порядочных людей час (6 ч.) — не приглашала. Это фантазии Дм[итрия] С[ергееви]ча. Во всяком случае теперь, перед отъездом, он и сам видит, что за этот час нельзя ручаться.

И вот вам три *вечера* подряд: если не хотите пятницы, то сегодняшний, четверг, и субботний. Если бы вы были очень милы, то пришли бы два раза, и «наедине», и в пятницу. Не смея рассчитывать на такую приверженность, предоставляю все на ваше усмотрение. Sincerely yours¹

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется предположительно по расположению в архиве Вишняка. Помета рукой Вишняка: «13». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 443.

¹ Искренно ваша (англ.).

38. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 29 марта 1924 г.

29 III 1924

Родная Зиночка,

не сердись, что долго не писал. Сам был огорчен, что тебя так притесняют в «Совр[еменных] зап[исках]», и не знал, что писать. Теперь знаю. Почему тебя притесняют? — Потому что не доверяют. Почему не доверяют? Кто в этом виноват? Только ли члены редакции? Не падает ли вина и на тебя? Когда я прочел твою статью в «Посл[едних] нов[остях]»¹, я взволновался чуть ли не до слез. Почему надо было ждать годы, чтобы написать такую статью? Ведь это и есть та большая Правда, к[о]т[о]р[ая] так нужна и ради к[о]т[о]р[ой] я три года вожусь с журналом. В чем Правда? — В Боге, в религии, но в религии, к[о]т[о]р[ая] хочет «свободы для всех»². Знаю, что Бог выше всего, что ради Него должно отказаться от всего, даже от свободы. Пишу и не верю этому. Не может Бог, сошедший на землю, ставший сам человеком, требовать от меня отказа от моей личности и свободы. В чем моя задача и твоя больше моей, ибо ты сильнее меня: убедить людей, что это именно так, что нельзя жить без Бога и что Бог не убийца свободы, а ее создатель. Не нужна мне твоя «политика», и я сам ею много занимаюсь. Не потому что «политика» — плохое дело, а потому что мы должны делать бóльшее дело, к[о]т[о]р[ое] освятит и всю политику. Пиши обо всём — о литературе, о жизни, о чём хочешь, но освещай всё с этой большой точки зрения. И поверь, не только я, но и все другие члены редакции поймут тебя и будут счастливы. Ты думаешь, что мы считаем религию «реакцией». Как можно быть такой несправедливой! Найди в 18 кн. журнала хоть один намек на это! Наоборот, мы страстно ищем людей, стоящих на религиозной позиции, но только не отрицающих «свободу». Увы, не можем найти. Печатаем Шестова, потому что он ищет Бога, печатаем Демидова, ибо он верующий³. Но понимаем, что это не то. Разве ты сама не видишь, какое общественное несчастье совершается: религиозные люди откачнулись направо. А направо — против «свободы для всех» и за «свободу для себя». Сама пишешь, что «беседы писателей» определяются направо. За что же ты нас обвиняешь? Как ты меня своей статьей растрогала до слез, так порой Димитрий огорчает меня до слез! Так понимать, так видеть, как он понимает и видит, и не удержаться — «откачнуться» ветром, поднятым большевиками⁴. Ибо — не уверяй меня в противном — я знаю, если он еще не «согнулся», то только благодаря тебе. Я был бы бесконечно счастлив, если бы ты написала и для нас в таком духе, как твоя статья в «П[оследних] н[овостях]», памятуя не о малом (Милюков, Степун и т.д.), а о большом. И ты увидела бы, как быстро мы поняли бы друг друга. Если бы ты написала о Франке, Бердяеве, Струве — не боясь ни своей веры, ни своей «левиэны» — «свободы для всех». А за статью крепко и нежно тебя целую. Даже Вишняк ею восхитился, о чем и известил меня.

Роман Димитрия получил и прочел с увлечением. Не сужу о его художественной ценности — не доверяюсь своей оценке. Разумеется, я бы взял в «Совр[еменные] зап[иски]» без разговоров. Не знаю, что скажет редакция. Если побоится взять, то не за «религию», а за «пол». Религию мы преодолели, но «пол» перевариваем с трудом. И еще трудность — у нас опять денежные затруднения. Во вся-

ком случае, время еще есть — я надеюсь, что мы преодолеем и «пол» и денежные затруднения. Напишу, как только ч[то]-н[ибудь] выяснится. Есть ли у тебя новые стихи?

С радостью бегаем к Madame Daver, M[ada]me Bonifacy и счастлив, что устроил вас, хотя и дорого. Здесь ли или в Париже увижу тебя и радуюсь этому. Погода все плохая и плохая, и мы почти не гуляем. Курочка [А.О. Фондаминская] чувствует себя лучше. Я с увлечением пишу вторую статью о китайцах.

Целую крепко тебя и Димитрия. Напиши.

Твой верный И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ См.: Гиппиус З.Н. Религия и аполитизм // ПН. 1924. 19 марта. № 1198. С. 2.

² См. в тексте Гиппиус: «Вопрос о правом и левом — принадлежит к числу так называемых “вечных” вопросов. Пояснения не входят в мою задачу, но если я скажу кратко, что это — вечная борьба *двух волей* (“свобода для всех” — “свобода только для себя”) — остальное понятно будет историку и метафизику равно».

³ Речь идет о статьях: Шестов Л.И. Гефсиманская ночь (Философия Паскаля) // СЗ. 1924. № 19. С. 176–205; Демидов И.П. Думы о православии // СЗ. 1923. № 17. С. 376–389.

⁴ О каких конкретных фактах идет речь, мы не знаем.

39. Фондаминский — Гиппиус *Grasse. 21 апреля 1924 г.*

21 IV 1924

Родная Зина,

пишу коротко, ибо рука дрожит и голова еще слаба. Хворал я неделю — доктор предполагал тиф, но кончилось всё благополучно: неделя температуры и поста (кроме молока и ситронада¹ ничего). Сегодня радуюсь выздоровлению и пишу несколько слов тебе.

1. Передай мою большую просьбу Димитрию не принимать решения относительно *журнала* романа еще некоторое время, т.е. не отдавать его в «Окно». Относительно времени печатания редакция уже уступила: и я очень убеждаю редакцию найти компромисс в денежном вопросе. А ты сама понимаешь, насколько важно (для всех — и для журнала и для Димитрия), чтобы роман был напечатан в «Совр[еменных] зап[исках]». И тебя очень прошу помочь мне в этом².

2. Тебя мы просим к этой книге *стихи* и к[акую]-т[о] *тематическую* статью³. От «Записи» не отрекаемся нисколько и опять попросим её у тебя, но теперь хотим «передохнуть»⁴. Очень огорчились, что ты не дала нам Сологуба и Розанова и просим что-нибудь в этом роде. Бери кого хочешь живого или мертвого или отдельный роман⁵.

Ты меня знаешь и веришь и потому поверишь, что такая просьба не вежливое уклонение от «Записи», а наша обычная — по-моему, неправильная — политика осторожности. И тут «осторожность» советует после твоих нашумевших статей сделать небольшой перерыв. Времени для статьи тебе будет достаточно (не знаю точно когда — числу к 20-му мая).

3. Свободна ли ваша квартира летом? Если свободна, не согласитесь ли вы, чтобы в одной комнате (первой) с правом пользоваться кухней жила Л.В. Федорова⁶, я бы вам уплатил за это 1000 франков (с вашего отъезда, т.е. в начале июня и до возвращения). Если в квартире останется твоя сестра⁷, то это тем лучше. Нам необходимо устроить к[ак]-н[ибудь] Федорову на лето, и если бы вы согласились, это было бы для нас очень удобно. Если вы согласитесь, я напишу Фед[оровой], чтобы она зашла посмотреть комнату, но вы с ней не говорите о деньгах — деньги заплачу я.

Жду от тебя письма. Курочка [А. Фондаминская] приезжает 6-го, я числа 15-го. Тебя я крепко люблю и за болезнь проверил себя в этом. Поцелуй Димитрия. Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ Т.е. лимонада (от фр. citron).

² «Трехмесячник литературы» «Окно» издавался М.О. и М.С. Цетлиными, вышло три номера (все означены 1923 годом, однако последний появился весной 1924-го). О начальном этапе его существования см. письмо Гиппиус к Бунину от 12 октября 1922 г. (*Пахмусс Т.* Из архива Мережковских: Письма З.Н. Гиппиус к И.А. Бунину // CMRS. 1981. Vol. 22. № 4. P. 428). По утверждению биографа Цетлина, издание прекратилось, т.к. журнал дублировал СЗ (см.: *Саршиков Н.* Михаил Осипович Цетлин // Амари (М. Цетлин). Мальый дар. М., 1993. С. 140–141). «Рождение богов» в нем напечатано не было. В № 1 и 2 «Окна» печаталась «Тайна трех» Мережковского, потому Фондаминский и боялся, что новый роман Мережковский опять отдаст «Окно», а не СЗ.

³ В СЗ (1924. № 20) были напечатаны только стихи Гиппиус: I. Étoile («В церкви пели Верую...»); II. Веер времени («Смотрю в лицо твое знакомое...»); III. Сбудется («Что мне — коварное и злое данное...») (С. 221–223). Ближайшая по времени статья — «Оправдание свободы» (СЗ. 1924. № 22. С. 293–315).

⁴ «Литературных записей» Гиппиус больше в СЗ никогда не печатала.

⁵ Речь идет о воспоминаниях, впоследствии вошедших в книгу «Живые лица»: «О Сологубе» (Звено. 1924. 14 апр. № 63) и «Задумчивый странник (В. Розанов)» (Окно. 1923. № 3). О выполнении просьбы Фондаминского см. ниже.

⁶ О ком идет речь, неизвестно.

⁷ Гиппиус Анна Николаевна (1875–1943), врач.

40. Фондаминский — Гиппиус и Мережковскому *Grasse. 28 апреля 1924 г.*

28 IV 1924

Христос Воскресе! дорогие Зина и Димитрий. Крепко целуем вас и поздравляем со светлым праздником. Был я болен, и доктор думал, что тиф. Но Бог помиловал, и я здоров и работаю. Когда хворал, думал о многом, и о вас думал всегда с радостным чувством. Значит, люблю крепко. Послал Зине ее любимых духов — пусть обо мне вспоминает.

Великими натугами и стараниями мы наскребли денег (правда, что в редакции денег мало) и постановили заплатить Димитрию по 400 франков за лист. Теперь я считаю, что роман за нами и что Димитрий не отдаст его в «Окно», ни в какое другое издание. Дорогой Димитрий, и тебе, по всем соображениям, выгодно пе-

чататься в «Совр[еменных] зап[исках]», и меня ты не захочешь обидеть. Пока другие предлагали больше, я не мог настаивать; но теперь, когда материальные вопросы разрешены, теперь отдача романа в другое место будет для меня обида. Так ты, Димитрий, и знай. А на твою помощь, Зина, очень рассчитываю. О времени печатания сговоримся без обиды друг другу. Если вам неловко перед Цетлиными, к[о]т[о]р[ым] вы — как я слышал — что-то наобещали, то скажите, что я прошу — тогда они не обидятся. От Зины жду стихов и статьи.

Курочка [А.О. Фондаминская] приезжает в начале будущей недели. Погода здесь райская. Целую вас крепко.

Ваш И.

Жду ответа.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

41. Вишняк — Гиппиус

Paris. 9 мая 1924 г.

Много[уважаемая] З[инаида] Н[иколаевна], мы ~~собща~~ обсудили в редакции переданное Вад. Викт. Р[удневу] предложение Ваше дать для ближ[айшей] книжки воспоминания о Плещееве и Полонском и находим, что такая тема была бы мало современна для общего, а не специального историко-литературного журнала¹. Не предложите ли Вы что-нибудь другое, если не для этой книжки, то для следующей?

Публикуется по черновому автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется по содержанию письма Руднева к Гиппиус от 15 мая 1924 г.

¹ Речь о вошедших позже в «Живые лица» воспоминаниях «Благоухание седин» (в журн.: «Благоуханье...»). О судьбе этого предложения см. ниже, п. 43–51, 53–54. На это письмо Гиппиус откликнулась в письме к Бунину от 12 мая: «Вишняк мне поднес такую “гнусность нравов”, что ни нога, ни рука моя не будут в *Совр. З.*» (CMRS. 1981. Vol. 22. № 4. С. 433).

42. Руднев — Гиппиус

Paris. 10 мая 1924 г.

10.V.1924.

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Посылаю Вам стихи, о которых мы говорили в последний раз¹. Даже и я понимаю, что сами по себе они слабы. Хотелось бы иметь Ваше заключение по вопросу о том, есть ли все же у автора их, молодой девушки, дарование, над которым стоило бы работать.

В понедельник у меня время оказалось занято, и я не смогу к Вам зайти (как это было условлено, не правда ли?). Б.м., Вы будете любезны эти стихи вернуть *вместе с Вашими стихами* для «С[овременных] з[аписок]», — которые, кстати сказать, следовало бы нам иметь *не далее второй половины* ближайшей недели².

Простите, что беспокою Вас с этими детскими стихами.
Искренне преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 52).

¹ О чьих стихах идет речь, мы не знаем. См. также п. 48.

² См. примеч. 3 к п. 39.

43. Гиппиус — Вишняку *Paris. 11 мая 1924 г.*

11 мая 1924, Париж.

Глубокоуважаемый Марк Вениаминович, составляя, со своей стороны, часть некоего, быть может, не столь определенного, но все же коллектива — «писателей», я полагаю себя вправе просить, во избежание будущих недоразумений, более точной информации относительно правил вашей редакции.

Во 1-х): за ск[олько д]ней до срока сдачи статьи вы считаете возможным просить о полной перемене темы этой статьи, темы, вами ранее одобренной.

И во 2-х) — какие именно годы русской литературы считает ваша редакция для себя приемлемыми, и касанье к каким, напротив того, является для нее «*рискованным*». (Просьба указать в цифрах.)

Эта последняя информация представляется мне особенно необходимой, т.к. в опыте моем, при сношении с другими редакциями, аналогичного случая не встречалось.

Что касается стихотворений моих, то, ввиду общей задержки, мне вряд ли удастся приготовить их к сроку, и я постараюсь выбрать, переписать и представить их вам для следующей книжки¹.

По получении просимых информации я буду считать дело окончательно выясненным, а пока прошу вас верить моему неизменному уважению.

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «17». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 429—430.

¹ На деле Гиппиус отправила стихи в редакцию (см. п. 49).

44. Руднев — Гиппиус *Paris. До 13 мая 1924 г.*

Многоуважаемая Зинаида Николаевна!

По поручению редакции спешу разъяснить, что просьба обращенная к Вам в моем письме просьба редакции «С[овременных] з[аписок]» о замене Редакция «С[овременных] з[аписок]» решилась просить Вас о замене предложенной Вами темы о Плещееве и Полонском какой-либо более подходящей для журнала, естественно,

~~Решаясь просить~~ Просить Вас о замене темы о Плещ[ееве] и Полонском какой-либо другой, более подходящей для журнала, редакция «С[овременных] з[аписок]» решила, разумеется, ~~не имея представления о том не учитывая того~~ только, ~~не учтя того~~ будучи далека от предположения мысли, что со времени разговора с Вами В.В. Руднева Вашего разговора с В.В. Рудневым, Вами уже проделана была значительная работа Вы могли успеть уже проделать значительную работу для подготовки этой статьи. Редакция готова признать ~~в этом~~ в неучете такой возможности свое невольное упущение ~~и принести, и приносит в нем свое Вам извинение~~ Вам за него свое извинение и готова и, вместе с извинением со своим извинением за него, просит Вас ~~вернуться к первоначальному предположению~~ считать аннулированным ~~свое~~ ее предыдущее письмо. Статью о Полонском и Плещееве редакция просит закончить к ближайшей книжке журнала и, ввиду потерянного Вами в связи с настоящей перепиской времени, предельный срок для статьи переносит на три дня позже, т.е. до 23 мая. ~~Для стихотворений~~ (для стихов срок остается прежний, т.е. к 15–16 мая). ~~Надеемся~~

~~Мы~~ Нолагая, что таким образом редакция со стороны редакции сделано все, чтобы по возможности исправить

Полагаем, что со стороны редакции таким образом сделано все ~~возможное~~, чтобы по возможности исправить упущение, чисто случайный и невольный характер которого, казалось бы, настолько избежать устранить последствия тягостного недоразумения.

Вместе с тем не можем не высказать сказать своего крайнего и тягостного недоумения по поводу того толкования, которое Вам угодно было придать ~~письму~~ редакции упущению редакции, невольный и лишенный какой-либо задней мысли характер произошедшему¹. Нолагаям Считаю Следует думать что редакция не подавала до сих Повода Никакого повода Для советов о соблюдении уговоренных с писателями условий лояльности [так!] лояльн[ом] [так!] отнош[ении] редакция не подала никакого повода как будто не подавала никаких поводов ~~никому~~ до сих пор достаточных оснований поводов или оснований, и таких укоров не принимает И в данном случае и оснований для них в данном случае, и, казалось бы, допустить и потому считала считала бы и потому считаем себя вправе ожидать и с Вашей стороны и потому мы считаем себя считает себя вправе ожидать от своих сотрудников писателей, оказывающих нам ей честь своим сотрудничеством, большего [чтобы они] не торопились бы видеть в действиях редакции неискренность и задний смысл там, где естественнее всего было бы предположить случайность или невольную оплошность. В частности, всецело оставляем на Вашей ответственности будто бы крит[ическое] отношение к ~~поискам~~ тем[е] послед[ней] предл[оженной] теме для Вашей статьи в ближ[айшей] книжке является замаск[ированным] желанием совершен[но] не печатать Вас.

Публикуется по черновому автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется по содержанию след. п. Письмо, вероятно, не было отправлено, а послужило основой для написания письма М. Вишняка З. Гиппиус (см. п. 45).

¹ Данное письмо нам неизвестно, однако суть его выясняется из дальнейших объяснений.

45. Вишняк — Гиппиус

Paris. До 13 мая 1924 г.

Многоуважаемая Зинаида Николаевна!

Редакция самым энергичным образом возражает против Вашего утверждения, ~~будто~~ что ее испугало Ваше «острое имя»... Если бы ~~мы~~ редакция его на самом деле испугалась, ~~мы~~ она бы не скрyla этого от Вас, как не скрyla того ~~например~~, что в ~~ближайшей книжке~~ ближайшую книжку журнала, ~~мы~~ по ряду соображений, мы хотели бы выпустить без статьи Антона Крайнего.

~~Мы~~ Редакция определенно ~~хотела~~ хочет иметь ~~Вашу~~ от Вас статью З.Н. Гиппиус для ближайшей книги. Но обе предложенные Вами темы — Андреев (в сочтении с Горьким) и Плещеев-Полонский — по разным соображениям нам показались для «Соврем[енных] зап[исок]» ~~не подх~~ мало подходящими. ~~Это и только это~~ По поручению редакции я просил Вас, ~~если м[ожно]~~ наметить другую тему — для ближайшей же книжки, в ~~крайнем~~ случае — для следующей. ~~Это и только это~~ Об этом и только об этом в ~~моем~~ лице я и ~~говорил~~ от по поручению редакции писал в своем письме.

Вадим Викторов [ич Руднев] был у Вас в понедельник поздним вечером. Мое письмо (с ~~мнением~~ решением редакции по поводу Вашего предложения дать статью о Плещееве и Полонском) ~~бы~~ было ~~получено~~ Вами в субботу с ~~утренней~~ ~~почтой~~ послано Вам в пятницу. Вадим Со дня, когда Вы ~~сообщили~~ впервые в личном разговоре с Вад[имом] Виктор[овичем Рудневым] назвали эту тему, — прошло четыре дня (В.В. Руднев беседовал с Вами в понедельник вечером). Редакция не ~~достаточно~~ учла того, что в связи с краткостью условленного[?] срока за протекшие четверо суток Вами ~~проделана была~~ могла быть проделана большая работа по ~~спешной~~ подготовке к ~~написанию~~ ~~статьи~~ ~~стать~~[е]... И в этом отношении редакция готова нести все материальные и моральные последствия своего невольного упущения: мы просим Вас поэтому закончить статью, присчитав к указанному ранее предельному сроку (20-е мая) еще три дня, в ~~течение~~ — которые могли пропасть у Вас в связи с ~~несколько~~ запоздавшим постановлением редакции и ~~за~~ ~~запоздавшим~~ ~~благодаря~~ переписке в связи с ~~последней~~ настоящей перепиской.

Но в то же время Вместе с тем, однако, ~~мы~~ ~~позволяем~~ ред[акция] ~~позволяет~~ себе самым решительным образом отвести Ваш совет не позволяет подозрений ред отрицаем за Вами право и по данному ~~поводу~~ случаю, и вообще ~~позволяем~~ — поучение общего порядка, — как ~~нам~~ надлежит редакции строить свои отношения с ~~авторами~~ сотрудниками. Мы ведем журнал, уже скор «Соврем[енные] записки» существуют уже четыре года, и это имеет и имели дело. Редакции приходилось не раз иметь дело с весьма повышенной чувствительностью некоторых авторов. И тем не менее, если не считать Г.Д. Гребенщикова, — никаких осложнений и конфликтов у нее [ни с кем] не возникало¹. Это ~~позволяет~~ дает основание нам думать, что ~~отношение~~ ~~редакции~~ к взаимоотношения редакции и сотрудников покоились на здоровых началах и нормы ~~нашего~~ ее поведения не нуждаются в изменении.

Примите уверения в совершенном уважении.

Публикуется по черновому автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется по содержанию след. п. Помета рукой Вишняка: «стихи».

¹ О конфликте редакции СЗ с Г.Д. Гребенщиковым у нас сведений нет.

46. Гиппиус — Вишняку

Paris. 13 мая 1924 г.

13 мая 1924, Париж.

Ну уж, что там, дорогой Марк Вениаминович! Уж лучше бы признались просто, невелико преступление — желать «отдохнуть» от меня; точно я не понимаю! В «не ловкости» вашей последней и я, пожалуй, отчасти виновата: чего сама раньше не догадалась. Так что и ни к чему ваше это письмо, такое официальное, точно «письмо в редакцию»: какая же я «редакция», и что мне делать с грозными «является да представляется»¹, когда все будто на ладонке, а беды нет никому. Неужели, серьезно, вы бы предпочли, чтобы я верила такой штуке: будто редакция не приемлет тему о русской литературе? Правда, Суворин и Чехов были плохие революционеры, но зато у Плещеева имелось «Вперед, без страха и сомненья». А у Вейнберга «Море»², а у Григоровича «Антон-Горемыка»³. Неужели мне верить, что даже и за них редакция не могла стерпеть имен двух первых (и Майкова, признаюсь).

Нет, останемся уж при натуральном моем объяснении, тем более, что все уже устроено и улажено, обо всем я уж написала Рудневу; а если вам так приятнее — то я и «ответственность» за этот ваш отдых от меня — готова на себя принять; какой тут повод для торжественности? Принимаю и принимаю, а вы отдыхайте, и, пожалуйста, *sans gancune*⁴, как я.

Статью мою я кончу на досуге и напечатаю там, где она даже словесных сомнений не будет вызывать⁵. Вам же, после прошествия нужного вам времени, дам «что-нибудь другое». Всегда ваша

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «16». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 429.

¹ Гиппиус говорит о сугубо «интеллигентском» языке, который «мы, смеясь, называли [...] с готовыми сухими фразами — “является-представляется”» (*Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 95).

² Стихов под таким названием у П.И. Вейнберга нет. Речь идет о третьем стихотворении из цикла «Морские мелодии»: «Бесконечной пеленою...» (*Вейнберг П.* Стихотворения с добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова. СПб., 1902. С. 92—93). См. в очерке «Благоухание седин»: «У П.И. Вейнберга тоже великолепная борода (в другом стиле) и свое, соответственное, стихотворение “Море”: / Бесконечной пеленою / Развернулось предо мною...» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 375).

³ Повесть Д.В. Григоровича (1847).

⁴ не поминайте лихом (фр.).

⁵ Воспоминания все же были напечатаны в СЗ (1924. № 21. С. 197—229).

47. Вишняк — Гиппиус

Paris. 14 мая 1924 г.

14 V 924

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Пишу Вам как частное лицо, а не как секретарь редакции, и от себя, а не по поручению коллектива. Потому и не на «бланке» и, надеюсь, не будет ни официальной «торжественности», ни «является да представляется»¹ — неизбежные атрибуты не

только писем *в* редакцию, но и писем *от* редакции. Коллективу, желающему жить органической жизнью, стать организмом, — всегда приходится согласовывать частные линии и индивидуальные оценки. И не в том ли главный источник недо-разумения, что Вы частное мнение одного из редакторов добросовестно приня-ли за окончательное постановление редакции в целом?

Но если бы то был и главный источник, — он не единственный, ибо Вы ведь продолжаете настаивать на своем «натуральном» объяснении, что редакции «Соврем[енных] записок» хотелось якобы от Вас «отдохнуть». Повторяю и под-черкиваю: это не-вер-но! Неверно то, что мы хотим «отдохнуть» от статьи (и сти-хов) З.Н. Гишпиус. Даже странно, как это Вы не доверяете нашим личным (до И.И. [Фондаминского] включительно) и коллективным заверениям.

Когда мы решили временно «отдохнуть» от Антона Крайнего, — мы откровен-но Вам об этом сказали. Когда мы прочли статьи З.Н. Гишпиус о Сологубе и Роза-нове, мы *все* единодушно и определенно захотели иметь нечто в этом роде для ближайшей же книжки журнала. Но когда З.Н. Гишпиус предложила написать о Плещееве и Полонском, я — и не только я — по чистой совести счел такую тему для «Записок», — всячески стремящихся быть «современными», — мало подходя-щей. Вопрос о «революционности» Плещеева, Полонского или Майкова, конеч-но, ни у кого не возникал. Уважение наше к русской литературе и ее истории вне спора. Но печатать в лето от Р.Х. 1924-ое статью о Полонском или «Антоне Горе-мыке», без специального для того повода, в *общем* литературно-политическом журнале, — мне казалось более чем рискованным; это значило бы вызвать по ад-ресу «Современных записок» справедливые, на мой взгляд, нарекания: — Хороши, ничего современнее не могли предъявить!..

Вот все, *что* было и *как* было.

Ваше право «отдыхать» от нас. Мое право просить — и искренне желать, — чтобы Вы удовлетворили просьбу — и, в знак «исчерпания инцидента», дали для ближайшей книжки хотя бы стихи, а для следующей — статью на литературно-живую тему. Неужели и в самом деле вся русская литература упирается непременно в Горького или во времена давно-давно прошедшие?..

Опять и опять подчеркиваю: еже писах — писах² от себя и за себя.

Преданный Вам

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79). В архиве Вишняка сохранился черновик этого письма (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44).

¹ См. примеч. 1 к п. 46.

² Слова Понтия Пилата в старославянском переводе (Ин. 19: 22).

48. Руднев — Гишпиус *Paris. 15 мая 1924 г.*

15.V.1924

Многоуважаемая Зинаида Николаевна!

Большое спасибо за экспертизу девичьих стихов¹, к разбору их Вы приложили столько внимания и труда, что мне даже неловко за мою просьбу. Да будет Вам

наградой сознание, что, б.м., такой ценою Вы избавили русскую литературу от лишней горе-поэтессы.

Перехожу ко второй части Вашего письма.

Вы меня почти не знаете, а, судя по последним Вашим письмам, Вы достаточно мнительны... И тем не менее, прошу Вас, *попытайтесь поверить безоговорочно* моим последующим словам. В этом единственный выход из нелепого положения, созданного оплошностью редакции и осложненного резкостью Вашего ответа М.В. Вишняку. Мне неохота все это в деталях описывать, — при случае, если хотите, расскажу, — но Вы *должны* знать и впредь, что во всей этой истории достаточно досадных оплошностей, недодуманного и непредусмотренного, — но нет недоброкачественного, самое предположение о котором оскорбительно и для Вас, и для редакции.

Виноваты, в конечном счете, все — и я, и редакция, и Вы, — да, и Вы, Зинаида Николаевна.

Виноват я (каюсь и прошу извинения), что был далек даже от предположения, что редакция взбунтуется против темы «Пол[онский] — Плещ[еев]», а потому не счел нужным отложить решение до вопроса у «коллектива»; у Вас же, конечно, после разговора со мной были все основания считать тему принятой.

Виновата редакция: «коллектив» совершил «коллективную» ошибку и неловкость, когда, решив вопреки моего мнения, просить Вас о новой теме, *упустил из виду* (Вы упорно этому не хотите верить, действительно, трудно объяснить самому себе, как это могло случиться, но это факт...), что за истекшие с моего разговора с Вами дни Вы могли уже начать работу.

До сих пор все вины, ошибки и нетактичности — только со стороны редакции. Потом наступает Ваша очередь их совершать.

Вы совершенно правы, указывая в письме к М.В. [Вишняку], что согласие В.В. Р[уднева] Вами могло быть понято как решение редакции; Вы правы и в законном негодовании на несвоевременность разговора о новой теме. Но Ваше негодование увлекает Вас далее законных границ. Совершенно недопустимо, ни на чем не основано, не соответствует действительности, и для нас всех оскорбительно Ваше утверждение, будто, поднимая вопрос о новой теме, редакция ведет заведомо фальшивую игру и пытается лишь замаскировать свое истинное желание избавиться от «острого имени». И *вдвойне* Вы не правы тем, что даже не пытаетесь выяснить явное недоразумение, как это следовало бы из наших (все-таки) добрых отношений.

Мое горячее и искреннее желание — чтобы вся эта история поскорее была ликвидирована, чтобы поскорее последовал «эпилог» с благополучной развязкой в духе старых романов. Надеюсь, и у Вас то же желание, — давайте же попробуем дописать этот эпилог.

Редакция, получив Ваше жестокое письмо, поняла свою невольную оплошность и признала свою вину перед Вами; добросовестно постаралась загладить содеянное: аннулировала прежнее письмо, принесла свои извинения, убедительно просит закончить начатую Вами статью к ближайшей книжке «С[овременных] з[аписок]», продлила срок. Но вместе с искренней покаянной, редакция не может не высказать своего горестного изумления и протеста против Вашего обвинения ее в элементарной нелояльности.

Эпилог, который я Вас убедительно прошу принять – таков: разрубите узел, *внутренне* аннулируйте нелепое недоразумение, закончите статью (хотя бы с естественно неприятным чувством!) и пришлите ее к 23-му (а стихи к 16-му).

Вот и все, – это так просто – *если только* моя просьба к Вам в начале письма «попробовать поверить», что во всем эпизоде очень много нелепого, но нет ничего злого, – на Вас подействовала.

Мой привет Дмитрию Сергеевичу. Пожалуйста, передайте ему, что я готов зайти когда угодно, – пусть назначит день и час. Искренне преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 52). В архиве Руднева сохранился черновик данного письма, датированный «14.V.1924» (РАЛ. MS. 1500/1). Девять абзацев, начиная со слов: «Виноваты, в конечном счете, все...» вплоть до «Мой привет Дмитрию Сергеевичу...» заменили следующий пассаж в черновике:

«Вот как происходила вся эта три[виальная?] история:

Действие первое. Наш разговор с Вами в позавчерашний прошлый понедельник. После некоторых колебаний, мы останавливаемся на теме «Нлец[св] и Пол[онский]»: *Моя ошибка* (каюсь и приношу за нее извинение): не сомневался, что и остальные члены редакции согласятся, я не предупреждаю Вас подождать окончательного ответа «коллектива», и это как раз после того, как по поводу романа Дмитрия Сергеевича я подчеркивал, что ред[акция] «Совр[ременных] зап[исок]» – принимает решения только коллективно. Разумеется, у Вас были полные основания считать тему принятой.

Действие второе. Редакция «С[овременных] з[аписок]», через три четыре дня, в пятницу у[тром]. «Коллектив» высказывает сомнение в удачности намеченной темы. Я, оставаясь при своем понедельничном мнении, вынужден все же подчиниться «демократии», и потом уже все втроем мы совершаем «коллективную» *ошибку* и *целовкость*: упускаем из виду, что за четыре дня Вы могли уже успеть приступить к работе. Как могло произойти такое упущение, – я сам теперь не представляю, – вероятно, оно произошло в горячке спора и в спешке с запоздавшим письмом. Вы, по-видимому, не можете себе представить себе [так!] подобного факта, но это самый подлинный факт. М.В. Вишняк пишет Вам о решении редакции, – заметьте, не лично, а *ex officio*, как секретарь редакции.

До сих пор все вины, ошибки и нетактичности только со стороны редакции. Теперь наступает очередь совершать их Вам.

Действие третье. Ваше письмо к М.В. Вишняку. Вы совершенно основательно указываете, что согласие В.В. Руднева не могло быть Вами понято иначе, как согласие редакции, и сообщаете, что работу уже до половины сделали. Но *в закотном* своем негодовании на нетактичность редакции Вы переходите все законные границы. *Ваша ошибка*: Вы высказываете ни на чем не основанное, не соответствующее действительности и для *всех нас* оскорбительное утверждение, что редакция, поднимая всякие вопросы о темах, только играет фальшивую игру (очевидно из жалкой трусости перед Вами??), неумело маскируя истинное свое желание вообще избавиться от *резкого* «острого имени» для ближайших книжек. *Ваша двойная ошибка*, что Вы даже не делаете попытки выяснить инцидент в дружественном порядке, – на что, как будто, ред[акция] «С[овременных] з[аписок]» имела бы право ввиду давних своих отношений.

Действие четвертое. Получив Ваше письмо, редакция испытывает два чувства. Прежде всего, сознает свою оплошность и вину перед Вами. Добросовестно старается заглядеть. Я не видал текста письма, которое М.В. должен был (опять в качестве секретаря) Вам направить, но вот его смысл: редакция признает свою оплошность, приносит Вам извинение, аннулирует свое первое письмо, просит Вас закончить статью к ближайшей книжке, удлинит срок.

Но, вместе со своей искренней покаянной, редакция не может не высказать своего изумления и протеста против Вашего обвинения ее в элементарной нелояльности.

Такое положение в настоящее время. Оно и более сложно, поскольку последняя переписка М.В. есть не его личное дело, а действие по поручению редакции; и более просто, чем Вам угодно было себе представить, ибо оно совершенно лишено злостной подкладки, Вами ему приписанной. Виноваты все, — редакция в несообразительности (без дурного умысла), поставившей Вас в неловкое положение, Вы — в оскорбительных для редакции предположениях. Мое искреннее и горячее желание, чтобы вся эта ~~нелепая~~ затянущаяся история поскорее была ликвидирована, чтобы за четвертым действием следовал бы «эпилог» с благополучной развязкой в духе старых романов. Надеюсь, то же желание и у Вас, и давайте попробуем дописать этот эпилог: убедительно прошу Вас разрубить узел и, ~~соединиться~~ внутренне аннулировав нелепое недоразумение, закончить статью (хотя бы с естественным неприятным чувством!) и прислать ее к 23-му (стихи к 15-му).

Вот и все, — если только просьба моя в начале письма “попробовать поверить” на Вас подействовала».

¹ См. п. 42.

49. Вишняк — Гиппиус Paris. 18 мая 1924 г.

18.V.924.

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Во избежание нового недоразумения отвечаю на интересующие Вас «академические» вопросы. Отвечаю опять за себя, а не за редакцию.

1. Затрудняюсь фиксировать точно и раз навсегда, — за сколько именно дней до срока сдачи статьи я считал бы возможным просить о перемене темы. — Это зависит от общей величины срока; от характера темы; от личных качеств автора: от характера произведений и т.п. В данном случае просить Вас — с исключительной легкостью пишущую не только письма, но и стихи, и рассказы — *через четыре дня* после проведенного соглашения и *за одиннадцать дней* до истечения срока о перемене темы для *литературно-критической статьи* в 3/4—1 печ. лист, мне, действительно, казалось не криминальным и не нарушающим литературно-редакционных добрых нравов. О личных отношениях я уже не говорю.

2. Не «рискованными», а слишком отдаленными для журнала, именующего себя «Современными записками» и издаваемого в 1924 году, я считал бы примерно годы прошлого столетия. Это, конечно, не значит, что Игорь Северянин как тема интереснее Тютчева или Пильняк с Никитиным интереснее Чехова и Горького, писавших в 19 в. Но это значит, что Есенин, Маяковский, Эренбург, как бы лично ни были они отвратительны, как тема для «С[овременных] з[аписок]» законнее Плещеева с Полонским и других им подобных малых величин. Толстой, Достоевский, Пушкин — вечны и для хрестоматии, и для истории литературы, и для общего журнала. Об Одоевском же или Баратынском в общем журнале, мне кажется, можно говорить сейчас только по *специальному* поводу: юбилей, годовщина и т.п.

Я думаю, Вы лучше меня могли бы провести разницу между заданиями — и миссией! — общего журнала и журналов специальных, в частности — историко-литературного.

Я мог бы, с своей стороны, поставить Вам ряд вопросов, возникших у меня в связи с Вашим последним письмом, — но думаю, вместе с Вами, что пора считать дело окончательно выясненным и инцидент «исчерпанным»... тем более, что в

портфель редакции уже поступила неоспоримая «ветка мира» — Ваши стихи. *Искренне* благодарю Вас за них и очень прошу даже мыслью не возвращаться к прискорбному недоразумению. Преданный Вам

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Z. Hippus, E[n] V[ille] (16^e), 11bis avenue du Colonel Bonnet».

50. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 21 мая 1924 г.

21 V 1924

Родная Зина,
через несколько дней буду в Париже. Среди очень немногих, которых хочу увидеть, ты и Димитрий. В Париж очень не хочется возвращаться — боюсь людей и шума. Делаю это только ради Курочки [А.О. Фондаминской]. Я бы предпочел остаться здесь и жить с вами и Буниными¹. Сейчас здесь очень хорошо и мы живем тихо и дружно. Сегодня был у M[ada]me Bonifacy — оказывается, она тебе уже ответила.

Страшно тебе благодарен, что ты добродушно отнеслась к нашей редакции. Поверь, что здесь не было ни злой воли, ни небрежного отношения к писателю, а много русской беспорядочности. Если я тебя тащу в журнал, то только потому, что питаю надежду, что журнал понемногу придет к нашим идеям. Когда перестану в это верить, не буду тебя тащить и сам потеряю интерес к журналу. Обо всём этом поговорим через несколько дней².

Нежно тебя целую и люблю. Поцелуй Димитрия.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ Бунины и Мережковские собирались провести лето в Грассе. В середине мая Бунины вместе со Злобиным выбрали дачу (см.: Устами Буниных. Т. 2. С. 111), Мережковские приехали 17 июня (Там же. С. 112).

² См. в письме Фондаминского Вишняку от 18 мая 1924 г.: «Что касается инцидента с Г[иппиус], то ты сам понимаешь, что вся вина на редакции. Я ангажировался письменно, но об этом даже не вспомнили. Вадим [Руднев] ангажировался устно, но «редакция свободна»! Положи руку на сердце и скажи: стал ли бы ты продолжать писать в журнале, если бы с тобой так поступили? — Нет, что ты и сделал с «Днями»... Ну, будем еще много говорить об этом при свидании» (Ред., п. 15).

51. Фондаминский — Гиппиус

Б.м. 17 июля 1924 г.

17 VII 1924

Родная Зина,
прочел твоих «стариков» и умилился. Не только седины благоухают, но и вся твоя статья полна благоухания. Вся она ясная, прозрачная и примиренная. Я так

счастлив, что мы одинаково чувствуем и одинаково мыслим. Я тебя люблю всё крепче, и мне было бы тяжело, если бы наши настроения далеко расходились. Как многое надо позабыть, чтобы думать, что русская интеллигенция не религиозна и материалистична. Когда я 19 лет попал в тюрьму, я — тогда «позитивист» — ясно ощущал, что тюремных стен нет, что их материальность — только внешний аспект и что «я» свободно прохожу через них и общаюсь с близкими и всем миром. Такова была восторженность души. И мой переход от материализма к идеализму, а затем и религии заключался только в том, что то, что раньше я считал «состоянием души», потом я объективировал и реализовал в ином мире. И разве не так же прост был переход к вере Булгакова, Бердяева и других материалистов (прочтите в последней книжке «Р[усской] мысли» «Две встречи» Булгакова — от[ца] С[ергия])¹. И если бы русские интеллигенты (настоящие! прежние! чистые!) не были верующими романтиками, на чем была бы основана наша вера в религиозное возрождение России? На народе? Вера народа подлинная, но слепая. Возрождение пойдет — и идет уже! — от той же русской интеллигенции. Надо только, чтобы это возрождение было основано на свободе и любви. Так хочется работать для этого — дал бы Бог только сил. Родная Зиночка, я убежден, что и Руднев и Вишняк твою статью примут. Но я тебя очень прошу, не теряя времени, писать и статью о Бердяеве². Я не знаю, какую статью мы пустим в первую очередь, но мне необходимо иметь твою статью о Бердяеве к этой книжке на тот случай, если заказанных других статей на эту тему не будет. Заказаны статьи Демидову, Лосскому и Степуна (откуда ты взяла Ремизова?)³. Мне хочется, чтобы в каждой книжке было по 2 статьи на наши темы. Статья нужна к 15-му авг[уста] (даже 20-му) — так что ты, не спеша, успеешь.

Родная Зиночка, а меня за что-то Бог наказал — «нервное переутомление». Голова не работает. Через 1–2 часа чтения голова тяжелая и не соображает. Доктор запретил заниматься. Я нашел отельчик в лесу под Орлеаном за 20 фр. с полным пансионом и провожу здесь 5 дней в неделю. Здесь никаких удобств — потому пишу карандашом на постели. На два дня еженедельно возвращаюсь в Париж. Курочку [А.О. Фондаминскую], бедняжку, оставляю в Париже — она не хочет покидать мать. Бог даст, скоро поправлюсь. Скажи Димитрию, что постараюсь все сделать, о чем он пишет. Напиши мне. Поцелуй Димитрия. Скажи Ив. Алекс. [Бунину], что соскучился по нему. Нежно тебя целую.

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ См.: *От. С. [Булгаков С.Н.] Две встречи (1898–1924): Из записной книжки // Русская мысль. 1923. № 9–12. С. 425–433.*

² См.: *Гиппиус З.Н. Оправдание свободы // СЗ. 1924. № 22. С. 293–315. Статья посвящена книге Н.А. Бердяева «Философия неравенства».*

³ В обсуждаемой здесь 21-й книге СЗ были напечатаны только «Мысли о России» Ф.А. Степуна. Статей (не рецензий) И.П. Демидова в СЗ более не появлялось вообще, ближайшая статья Н.О. Лосского «Органическое строение общества и демократия» — в кн. 25.

52. Вишняк — Гиппиус

Paris. 21 июля 1924 г.

21 VII 1924

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Tous mes compliments et remerciements¹ за Вашу прекрасную по форме и исключительно интересную по содержанию статью для «Совр[еменных] зап[исок]». Это — лучшее, что Вы нам дали. Искренне благодарю Вас.

Не попала ли Вам случайно моя статья в «Днях» о Ленине в изображении Горького²? Удовлетворены ли?!

Крепко жму руку и прошу передать привет Дм. Серг[ееви]чу.

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 79). Почтовая открытка с изображением королевского замка в Loches (Indre-et-Loire); адрес получателя: «Madame Z. Hippus-Merejkovsky, Grasse, (Alp[es]-Marit[imes]), Villa Eveline»; адрес отправителя: «11, rue Claude Lorraine, (XVIe)»; почт. шт.: «Paris, 21.VII.1924».

¹ Все мои комплименты и благодарности (фр.).

² См.: *Вишняк М.* Ленин в изображении Горького // Дни. 1924. 6 июля. № 504. С. 7, 9. Вишняк пишет о статье-некрологе: *Горький М.* Владимир Ленин // Русский современник. 1924. № 1. С. 229–244.

53. Фондаминский — Гиппиус

Б.м. 15 августа 1924 г.

15 VIII 1924

Родная Зиночка,

приехал на день в Париж по редакционным делам и нашел твое письмо. Спасибо, родная. Статья твоя о «Сединах» сдана давно в набор и ты скоро получишь корректуру. Я выбросил только одно слово «Троицы». «Христианская религия» для интеллигентского уха проще и понятней¹. Очень был рад, что и конец статьи не вызвал никаких возражений у Руднева и Вишняка. Им очень хотелось бы только, чтобы ты выбросила «характеристику» Чехова. Хотя Вишняк и уверяет, что «характеристика» не к месту, ибо всё остальное личные впечатления, а это литературная характеристика, но дело, конечно, не в этом: просто твоя характеристика очень жестокая и не вяжется с нашим представлением о Чехове и благостным характером твоей статьи. Поэтому, если твоя милость будет и если за это ты ни чуточки на нас не рассердишься, выброси эти 2–3 странички. Но только в этом случае. Это не требование и даже не настояние. Это просто личная просьба². Статью о Бердяеве пришли мне на парижский адрес — если меня не будет в Париже, мне её немедленно перешлют. Думаю, что в ближайшей книжке пойдет статья о «Сединах», ибо она уже набрана, но еще не уверен — если не получим других статей, может быть, предпочтем поместить в ближайшей книжке статью о Бердяеве, а о «Сединах» в следующей. Хотя не думаю³.

О делах еще: скажи Димитрию, что отрывки из его романа будут помещены в «Днях» и «Последних нов[остях]»⁴. (Разумеется, если Димитрий говорил об этом

с «Посл[едними] нов[остями]» и они согласны.) И он корректуру скоро получит (если еще не получил). О себе пока еще не могу сообщить вполне утешительных новостей. Живу всё в деревне и только раз в 8–10 дней приезжаю в Париж.

В деревне чувствую себя хорошо, но работать могу только часа два в день и то голова утомляется. А ты жалуешься, что работаешь без отдыха! Я мечтаю об этом. Но не жалею... Ты знаешь, — я покорный. Бог даст поправлюсь — уже теперь настроение много лучше. Курочка [А.О. Фондаминская] уехала с мамашей [Л.В. Гавронской] в Berck-Plage⁵ (Hôtel du Casino) — чувствует себя не плохо. В первых числах октября мы будем в Грассе — значит проживем вместе целый месяц. Ужасно этому радуюсь. Скажи Ивану Алексеевичу [Бунину], что скоро собираюсь ему писать. Кланяйся низко ему и Вере Николаевне [Бунинной]. Поцелуй Димитрия и Влад[имира] Ананьев[ича]. Нежно тебя люблю и целую.

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ Имеется в виду третий с конца абзац «Благоуханья седин»: «Н.В. Чайковский — уже не романтик-идеалист, называющий себя “материалистом”. Но и не имеет идеализм его *облика* религии, только облика. Оставаясь по существу таким же, какими были лучшие люди его поколений, — Н.В. Чайковский *исповедует христианскую религию*» (СЗ. 1924. № 21. С. 229). Гиппиус согласился с правотой Фондаминского, оставив именно этот вариант в окончательном тексте.

² Речь идет о пассаже, начинающемся словами: «Но ранее я, кажется, дерзну на еще большую вольность: скажу несколько слов о Чехове» (Там же. С. 206), занимающем около 3 страниц журнала. Гиппиус оставила его в тексте (см. также п. 54).

³ Был исполнен первый вариант.

⁴ См.: *Мережковский Д.* Рождение богов. Матерь богов // Дни. 1924. 21 сент. № 570. С. 7.

⁵ Местечко на берегу Ламанша между Дьеппом и Кале (департамент Pas-de-Calais).

54. Фондаминский — Гиппиус

Б.м. 4 сентября 1924 г.

4 IX 1924

Родная Зиночка,

не сердись, что долго не отвечал. Хотя и чувствую себя лучше, но заниматься могу пока 2–3 часа в день, — не больше. А тут надо выпускать книжку и кончать свою статью. Потому откладываю письма со дня на день. Еще до получения твоей статьи я решил пустить в эту книжку «Седины». Все были в разъезде, и я боялся, что пересылка и читка редакторами твоей статьи займет много времени. Не сомневался я, что она вызовет и возражения — значит, всё равно в эту книжку не попадет (книжка уже печатается). Сам я твою статью прочел с радостью и не согласен был только в главке о социализме. По моему, тебе самой здесь что-то неясно, и я уверен, что при свидании мы легко придем к соглашению. Теперь статью прочел и Вишняк и тоже, кроме главы о социализме, ничего опасного не нашел. Думаю, что такого же мнения будет и Руднев. В этом случае я привезу статью в Грасс и мы

легко договоримся, как эту главку переделать¹. Не бойся — я не буду давить на твою совесть. Я не сомневаюсь в успехе наших переговоров, ибо знаю, что мы по существу с тобой согласны. В этой книжке пойдет статья Степуна, где твоя (наша) позиция целиком защищается². К следующей книжке, кроме твоей, будет еще статья Демидова, а может быть, и Лосского³. Право же, ты нас ругаешь зря — мы шагаем семимильными шагами...

И 21-я и 22-я кн. будут очень интересными. «Седины» твои пошли, понимает-ся, без всяких сокращений. Пусть Чехов будет на твоей совести (я-то думаю, что ты права); но думаю, что и Бунин на тебя за Чехова будет сердиться.

Я по прежнему живу в деревне и каждую неделю езжу на 2 дня в Париж. Настроение у меня было тихое и радостное, как всегда у меня бывает, когда я без людей и с природой. Савинков меня смутил — думаю и не понимаю⁴. Не хочется верить, что это последнее падение. Был бы счастлив, если бы узнал, что он испугался смерти и, спасая жизнь, сдался. Боюсь, что дело обстоит еще хуже. (Многие думают, что он ехал для этого и что суд — комедия.) Пока всего не узнаю, — выводов не делаю.

Курочка [А.О. Фондаминская] переживает всё трагично — прямо больна. Как-то переживает это Дима⁵?

Я себя чувствую немного лучше, но боюсь, что еще долго не буду вполне работоспособен. Курочка чувствует себя физически не плохо. Теперь уже скоро увидимся — и очень радуюсь этому. Напиши мне. Я тебя крепко люблю и целую.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ В статье «Оправдание неравенства» главка о социализме (IV) сохранилась. 22 октября Фондаминский сообщал Вишняку: «Переделал до основания криминальную статью главу в статье Гиппиус. Т.к. она во взглядах целиком со мной была согласна, то это было очень легко. Я вычеркивал многое по совести, многое против совести, чтобы угодить вам (зная вашу боязнь перед нападками, откуда бы они не исходили). Думаю, что в таком виде [полстроки текста оторвано] критик не найдет ничего кри[минального]. М[полстроки текста оторвано] больше не “смотреть в лупу” (выражение Гиппиус) и отпугивать её — я сделал это в максимальной мере. Завтра статью высылаю» (Ред., п. 21), а 27 октября добавлял: «Кроме переделанной 4-й гл[авы], в ней еще вставка в последней главе о Вл. Соловьеве. Она сделана с моего одобрения. Марк подчеркивает мои слова: “Последнее слово за вами”. Разумеется, но только не относительно всей статьи, а *инкриминируемых мест*. Я ей сказал, как мы постановили: “Против статьи нет никаких возражений, кроме главы 4-й. Если она соглашается переделать главу по моим указаниям, статья будет принята”. Она согласилась и переделала и потом еще исправляла по моим указаниям. Примите это во внимание» (Ред., п. 22). Желание редакции просить о переделке главки явно было связано с тем, что следом за статьей Гиппиус шла посвященная той же книге Бердяева статья М. Вишняка «Оправдание равенства» (С. 316–335).

² В 22-й книге СЗ специальной статьи Ф.А. Степуна не было. Там были опубликованы очередная часть романа «Николай Переслегин» и большая рецензия на книгу «Проблемы русского религиозного сознания», которая, возможно, здесь и имеется в виду (С. 458–464).

³ См. примеч. 3 к п. 51.

⁴ Фондаминский говорит о последней сенсации, связанной с именем Б.В. Савинкова: 16 августа он был арестован в Минске, дал показания, 29 августа был приговорен к расстрелу, который в тот же день был заменен 10 годами тюремного заключения. На следующий

день в ПН писалось: «Переход Савинкова к большевикам — потому что к этому сводится его арест, его суд и смертный приговор, его помилование и его заявления, начиная с показаний на суде и кончая обращением к эмиграции, — не мог, конечно, не произвести величайшей сенсации за границей» (*[Б.н.] Новая авантюра Савинкова: [Передовая статья] // ПН. 1924. 5 сент. № 1336. С. 1).* Обзор печатной реакции на первые известия об аресте Савинкова и суде над ним см. в комментариях Д.И. Зубарева к письмам М.П. Арцыбашева к Савинкову (*de visu. 1993. № 4 (5). С. 66–67*) и к письмам Сиднея Рейлли (*Минувшее. 1993. Кн. 14. С. 275–310*). Фондаминский был другом Савинкова с 1906 г. до последних дней его пребывания в Париже. 2 сентября Гиппиус писала Е.А. Ляцкому: «В последние дни мы поражены новостями о БВ. Мы давно разошлись с ним, не видались года три уже; но все-таки этого не ожидала и... как-то “художественно” во все это не верю. Если б я писала роман с таким героем, то не могла бы этим кончить, считая “не психологичным”» (Евгений Ляцкий: *Материалы к биографии / Подг. текстов и публ. С.И. Михальченко. Брянск, 2000. С. 98*).

⁵ Д.В. Философов. О его состоянии в эти дни см. его собственное письмо к Гиппиус от 6–7 сентября (*Из Варшавских писем Д.В. Философова / Публ. О.Р. Демидовой // Космополис. 2006. № 1 (15). С. 98–100*), а также сообщение М.А. Арцыбашева в письме к А.В. Амфитеатрову: «Вы понимаете наше состояние. Уже самый арест это такой удар, от которого не скоро оправиться, а уж последующее — кошмар неописуемый. Философов едва не умер. На него смотреть жалко» (*Амфитеатров и русские в Польше (1922–1932) / Публ. Д.И. Зубарева // Минувшее. 1997. [Вып.] 22. С. 406*). Ср. также: *Философов Д. Пытка неизвестностью // За свободу! 1924. 5 сент. № 238 (1293). С. 2.*

55. Фондаминский — Гиппиус

Б.м. 19–21 сентября 1924 г.

19 IX 1924

Родная Зиночка,

не сердись и не огорчайся, что не пишу тебе. Не пишу только по физической немощи. Чувствую себя немного лучше, но работать (т.е. писать и читать, даже газеты) больше 2–3 часов в день не могу. А я хочу как можно скорей быть здоровым — потому строго блюду себя. О Савинкове скажу одно: не знаю и не понимаю. Если он поехал не по «уговору», если он не на свободе, а в тюрьме (известие, что он освобожден, не подтвердилось — в советских газетах об этом ничего не было, напротив, есть указание, что он в тюрьме), если он получил помилование, ослабев перед смертью, мои чувства к нему не изменятся. Я его любил сильным волей, не изменюсь к нему, когда его воля ослабела. Я сам был перед угрозой казнь, знаю, как это страшно, и знаю, как человек в эту минуту слабеет. Молю Бога только об одном: чтобы это было так, чтобы не было «уговора», чтобы не было расчитанного предательства. Если это окажется не так... Подождем — посмотрим. Мысль о Савинкове меня не покидает, но его падение не сделало меня несчастным и не разбило. Зато Курочка [А.О. Фондаминская] еще до сих пор прямо больна. У меня есть брошюра с полными его показаниями — надо ли вам её прислать¹. О Диме [Философове] стараюсь не думать и писать ему не могу. Вины за собой не чувствую — где уж мне было убеждать, если ты не могла — но больно за него до смертной тоски.

Сам я себя чувствую хорошо. Удивительная у меня душа: болел много, много горя, Савинков..., а когда я иду один по лесу, а вокруг тишина и солнце, мне ка-

жется, что я самый счастливый человек на свете и я готов благодарить Бога за всё. Обидно только, что хочется работать, и не могу. Тебя очень люблю и очень радуюсь, что месяц проживем вместе. Т.к. заниматься я буду мало, будем видаться часто. Приедем мы 6-го. Здоровье Курочки лучше. Когда она приезжает ко мне, мы делаем прогулку на велосипеде – это ее новое увлечение. Деньги (10 дол.) я послал.

21-ое

Родная, любимая Зина, что-то удержало меня послать письмо 19-го. А вчера получил «За свободу» с письмом С[авинкова] к Диме и с ответом Димы². Больше сомневаться невозможно – это не падение перед смертью, а «уговор». Позволь мне сейчас не судить и не квалифицировать. Знаю только, что это последнее падение³.

Курочка пишет, что Дима на днях приезжает в Париж⁴. Рад я этому, ибо думаю, что Диме будет легче с нами. Когда увижу его, напишу.

О Бурцеве я понятия не имею, так что поручения Арцыбашева не исполнил⁵. Но думаю, что это не имеет никакого значения.

Рудневу тоже понравилась твоя статья и он возражает только против главки о социализме. Об этой главке мы с тобой и будем говорить. И т.к. я уверен, что соговоримся, значит, статья твоя пойдет в следующем номере. 21-й выходит через 2–3 дня.

Нежно целую тебя. Поцелуй Димитрия и кланяйся Влад[имиру] Анан[ьевичу].
Твой верный И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ Вероятно, речь идет о брошюре: Дело Бориса Савинкова: По материалам, опубликованным московскими газетами в день суда. М., 1924.

² 16 сентября нарочным из советского посольства в Варшаве на квартиру Д.В. Философова было доставлено письмо к нему Б.В. Савинкова, в котором тот призывал Философова и других сотрудников газеты «За свободу!» вернуться в СССР. На следующий день в газете было опубликовано и само письмо, и ответ Философова на него.

³ См. аналогичное мнение Сиднея Рейлли: «с точки зрения психологической, мы стоим перед такой уж пропастью омерзения, что мы, обыкновенные люди, с обыкновенной человеческой моралью, с обыкновенными человеческими чувствами, никогда дна ее не сможем узреть. – Теперь подтвердилось все, что я только самому себе, и то только в последние дни, смел говорить: измена старая, никакой провокации не было, в течение целого года он [Савинков] всех нас околпачивал» (Минувшее. 1993. [Вып.] 14. С. 305).

⁴ В октябре–ноябре 1924 г. Философов ездил в Париж и Прагу. Во время посещения Парижа виделся с Мережковскими, что зафиксировано записью в дневнике Гиппиус в ноябре 1924 г.: «Неужели? Неужели это совершилось? Дима, Бог рассудил, как я не думала. Как я счастлива эти дни. Я тебя видела, тебя выздоровевшего или выздоравливающего. [...] Благодарение Богу за тебя, я знала, что ты не погибнешь “там”, но какое счастье, что это дано здесь!» (Гиппиус З.Н. Дневники. М., 1999. Т. 2. С. 359–360).

⁵ О роли журналиста и общественного деятеля Владимира Львовича Бурцева (1862–1942) в деле Савинкова см. справки в примечаниях к публикациям: Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 / Публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее. 1993. [Вып.] 13. С. 157–158; «Три недели беспрсветного кошмара...». С. 284. О просьбе М.П. Арцыбашева, обращенной к Фондаминскому, мы не знаем.

56. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 2 ноября 1924 г.

2 XI 1924

Родная Зина,

я беру за статью ответственность на себя и прошу тебя ничего не выкидывать и ничего не изменять. Ты боишься Бердяева — можешь перед ним (но не публично!) снимать с себя ответственность. Я знаю нашу публику и знаю, что твоя статья будет иметь большое значение. И т.к. думаю ни о себе ни о тебе, а о «деле», то и беру смело на себя ответственность.

Ты не «чувствуешь» нашей публики (а она единственно стоящая), потому не хочешь понять, что «посвящение»¹ для нее — ложь. Я сам просил снять «посвящение» — не сказал тебе об этом, ибо считал пустяком и не подумал, что об этом пустяке надо с тобой говорить.

Не вздумай еще сердиться, что в этом номере не печатаем твоего стихотворения — причины: 1) Бальмонт заел²; 2) хотим получить еще и вместе напечатать³.

Когда приеду, еще не выяснилось. Слышали, что ты читаешь в Р[еспубликанско-]д[емократическом] клубе и радуюсь⁴.

Крепко целую тебя. Поцелуй Димитрия.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ Что имеется в виду под «посвящением», мы не знаем: в печатном тексте ничего подобного нет.

² В 22-й книге СЗ были напечатаны стихи К.Д. Бальмонта: Из книги «В раздвинутой дали»: Заветная рифма («Не Пушкин, за ямбами певший хорей...»); Русский язык («Язык великолепный, наш язык...»); Отчего? («Отчего, хоть нежен Фет...») (С. 174–179).

³ Подборка из пяти стихотворений Гиппиус была напечатана в следующей, 23-й книге СЗ (I. Лик («О моря тишь, в вечерний час осенний!...»); II. Ключ («Был дан мне ключ заветный...»); III. Thérèse de l'Enfant Jesus («Девочка маленькая, чужая...»); IV. Две сестры («Ты Жизни все простил: игру...»); V. Наставление («Молчи. Молчи. Не говори с людьми...»); С. 206–209).

⁴ Это выступление не отмечено в справочнике «Хроника. Франция» и вряд ли могло состояться: Гиппиус всегда очень резко полемизировала с принципами Республиканско-демократического объединения.

57. Гиппиус — Вишняку

Paris. 10 ноября 1924 г.

10 Н. 24. Пон[еделник]

Дорогой Марк Вениаминович,

случилась какая-то неприятность: Дм[итрий] Серг[еевич] получил сейчас корректуру¹, которую поправить не может: она вся «наоборот» или что-то в этом роде, а у ДС нет даже текста (еще не пришел, мы три дня в Париже). ДС в отчаянии и *очень просит* вас зайти к нам завтра, во вторник, дома он — утром до 12 и с 1 ч. до 4-х.

Я буду очень рада тоже повидать вас. Хотя «дел» вы со мной больше не хотите иметь, но я и помимо дел всегда с удовольствием готова с вами поговорить, хотя бы рассказать вам о «грассянах», которых только что покинула, и поблагодарить вас за открытку, на которую я, совсем не по-европейски, вам не ответила. Очень рада, что недоразумение с корректурой ускоряет наше свидание. [Итак,] пожалуйста, придите, успокойте Д[митрия] С[ергеевича].

Ваша З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Пневматическое письмо; адрес получателя: «M[onsieur]r Mark Vichniac, 11, rue Claude Lorrain, [Paris] (XVI)»; адрес отправителя: «M[ada]me Hippus, Paris 16^e, rue Col. Bonnet 11bis»; почт. шт.: «Paris, 10.11.24». Помета: «14». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 430.

¹ Речь идет о корректуре второй части «Рождения богов» для кн. 22.

58. М.С. Цетлин — Гиппиус *London. 10 ноября 1924 г.*

10.XI.24.

Милая Зинаида Николаевна,
уже давно спрашивала Вас в открыточке, каковы Ваши планы относительно концерта Дмитрия Сергеевича¹. Мы на днях возвращаемся в Париж и мне придется ответить по поводу нашей квартиры для концерта. Я бы хотела знать, связываете ли Вы и Дмитрий Сергеевич какие-либо планы с ней? Буду ждать Вашего отзыва.

Мы были до Лондона в Берлине и в воскресном приложении «Berliner Tageblatt»² а читали очень хороший отзыв о «Египте и Вавилоне» Дмитрия Сергеевича². Немцы его очень чтят и им интересуются. Германия меня поразила своим сходством с Германией довоенной. В ней чувствуется уже оч[ень] большое здоровье, а скоро, я думаю, будут чувствовать ее мощь. Радуюсь возвращению Буниных в Париж³, собираетесь ли и Вы? Очень была бы рада Вас видеть, послушать Дмитрия Сергеевича об Египте и посмотреть египетские книжки.

Шлем Вам пока наши сердечные приветы и поклоны.

Ваша Мария Цетлин

В Лондоне я наслаждаюсь музеями, видела вчера 2 греко-римских живописных портрета (новое приобретение National Gallery), говорят, будто это египетские — поразительная в них совсем особая красота и острота, исключительное напряжение и краски особенные⁴.

В Германии я для себя открыла художника Hans Thoma, к[о]т[о]рого раньше не знала, а сегодня прочла в газете, что он умер 85 лет⁵. Хотя в Берлине меня съедали родственники, но я все-таки кое-что видела очень интересное, самое интересное — пьесу Бернарда Шо — «Святую Анну» в Deutsches Theater с потрясающей Жанной д'Арк⁶.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 8. F. 24). Письмо на бланке с надписью: «Hotel Cecil, Strand, London, W.C.».

¹ О «концерте» Мережковского, т.е. домашнем вечере у Цетлиных, см. примеч. 6 к п. 64.

² Рецензия не выявлена.

³ Бунины вернулись в Париж 6 ноября 1924 г. (Устами Буниных. Т. 2. С. 131).

⁴ По-видимому, имеются в виду так называемые фаумские (по месту первой крупной находки в Фаюмском оазисе) погребальные портреты II–III вв. н.э. из собрания лондонской National Gallery, известные под названиями «A Young Woman» и «A Man with a Wreath».

⁵ Немецкий художник Ганс Тома (1839–1924) скончался 7 ноября.

⁶ Пьеса Дж.Б. Шоу «Святая Иоанна» (1923) посвящена суду над Жанной д'Арк и ее последним дням.

59. Гиппиус — Вишняку

Paris. 13 ноября 1924 г.

13 Н. 24. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
если мой текст «пропал», то пришлите мне *два* экземпляра корректуры. Это мне необходимо¹.

А лучше бы не пропадать и тексту! Ведь от этого вам лишней пользы не будет: ведь я, относительно этой статьи, добровольно и заранее отдалась вам в плен. И не буду протестовать, даже попав из мягкого Ил[юши]ного [Фондаминского] режима под вашу твердую руку. Что условлено — то условлено!

Toujours à vous²

З. Гиппиус

А «Воля Р[оссии]» вас не съест, не бойтесь, подавится³.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «M[onsieur] Mark Vichniac, 11, rue Claude Lorrain, E[n] V[ille] (XVI)»; адрес отправителя: «Z. Hippus, 11bis, av[enue] du Col. Bonnet, 16^e»; почт. шт.: «13.XI.1924». Помета рукой Вишняка: «15». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 430.

¹ Видимо, Гиппиус поняла, что в ее статье «Оправдание свободы» выброшены какие-то фрагменты, что ранее с нею согласовано не было. См. ниже, п. 60 и 61.

² Всегда ваша (фр.).

³ О конфликте Вишняка с Е.А. Сталинским в связи со статьей последнего «Мания самоограничения» (Воля России. 1924. № 16/17. С. 193–209) см. письмо Авксентьева к Вишняку от 13 ноября 1924 г. (Ред., п. 24).

60. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 14 ноября 1924 г.

14 XI 1924

Родная Зиночка,
рецензию получил, «прочел с удовольствием»¹ и отправил в Париж. Статья твоя набирается и ты скоро получишь корректуру. Вишняк и Руднев выбросили 2 странички, к[о]т[о]р[ы]е и я «ставил в скобки»². Но уверяют меня, что смысл николю не нарушен и что ты «даже и не заметишь». *Ты и не замечай* — это пустяки, важно *главное*.

Пересылаю тебе письмо Калабиной³ — если найдешь нужным, ответь.

О Диме [Философове] *обязательно напиши* — спасибо и за то, что написала.

Мы живем тихо и хорошо. До сих пор погода была хорошая — сегодня уже холодно. Я понемногу поправляюсь. Курочка [А.О. Фондаминская] здорова.

В начале декабря буду в Париже и рад, что опять увижу тебя. Ради Бога, не вступай в личные отношения с редакцией — пиши всё мне; боюсь, как огня, что поссоритесь. Пиши мне и не забывай меня.

Поцелуй Димитрия. Тебя нежно целую и люблю.

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ Резолюция, накладывавшаяся Николаем II на некоторых письмах. Рецензия, о которой идет речь, — упоминавшаяся выше рецензия на книгу А.М. Ремизова «Звенигород окликаный. Николины притчи» (СЗ. 1924. № 22. С. 447—449; подп.: Антон Крайний). В письме от 14—15 ноября Фондаминский писал Вишняку: «Вчера послал [...] рецензию Гишпиус. [...] Послесловие к рецензии Гишпиус сделала по просьбе Ремизова — не выкидывайте, пожалуйста, его» (Ред., п. 25).

² Об этом редакционным вмешательстве в «Оправдание свободы» более мы ничего не знаем. Оправдания Фондаминского см. также в следующем письме.

³ Личность установить не удалось. В справочнике числится Калабина Елена Оттовна (1877—1968); см.: Незабываемые могилы. Т. 3. С. 139.

61. Фондаминский — Гишпиус

Grasse. 20 ноября 1924 г.

20 XI 1924

Родная Зина,

я написал Вишняку и просил его сделать всё возможное, чтобы доставить тебе твою рукопись. Из нее ты убедишься, что выброшены 2 стр., к[о]т[о]р[ые] и я ставил под сомнение, и больше ничего не тронуто. Грех тебе меня заподозривать — в моих действиях не было ни капли «лукавства». Я добросовестно просил устранить или изменить, что *сам* находил опасностью и что, предполагал, найдут опасным *другие редактора*. Я думал, что в видоизмененном виде эти две странички удовлетворяют редакцию, но, как видишь, ошибся. Ты права в одном — надо было показать тебе, что предполагают выбросить и получить твое согласие. Не сделано было это не из *невнимания* к тебе, а из-за нежелания причинять тебе неприятность — не скажи тебе я, ты бы, возможно, и не обратила внимание на незначительное опущение. Во всяком случае не сердись и терпи. Поверь, во всяком коллективном деле приходится терпеть не меньше. Я сам претерпел, пиша конец своей статьи¹. Она пройдет только потому, что я учел заранее всё неприемлемое и избег его. И всё-таки ты увидишь, как мы начинаем перекликаться в «С[овременных] з[аписках]». Для меня это большая радость и я думаю, что мы делаем большое дело. Ты говоришь о моей «слабости». Увы, я натянул струну до последней возможности — пока больше нельзя. Терпи — Бог даст, мы победим. — Спасибо за письмо о Диме [Философове].

Нежно целую тебя. Поцелуй Димитрия.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 75).

¹ Речь идет о долго и с трудом писавшейся (о чем см. в редакционной переписке) шестой статье «Пути России» (СЗ. 1924. № 22. С. 210–256). В письме к Вишняку от 14–15 ноября Фондаминский сообщал: «Заключительную главку пришло в последнюю минуту. Но ты не беспокойся – в ней будет не больше 2–3 печатных страниц. Боюсь, что ты и её найдешь “реакционной” – я отрицаю “техническую цивилизацию” Запада. Я думаю, чтобы не быть “реакционером”, достаточно признавать демократию и социализм. Если надо еще признавать “науку”, “технику” и т.д., тогда, право же, 9/10 современных культурных людей окажутся “реакционерами”. Если не ошибаюсь, в эту категорию попадут и социалисты Уэллс и Бернард Шоу. Последняя часть статьи (аграрная история) очень длинна, и я сокращал её, как мог – она нарушает стройность построения. Но, в сущности, из-за этой части и написано 2 статьи о Китае. Если просмотришь статью в корректуре и сделаешь к[ак]и-н[ибудь] указания, буду благодарен» (Ред., п. 25).

62. Мережковский – Вишняку

Paris. 3 декабря 1924 г.

Среда

Дорогой Марк Веняминович,

очень извиняюсь, что забыл сделать надпись на корректуре¹: «*печатать по исправлениям*», как Вы меня просили. Будьте же так добры потелефонить в типографию, чтобы корректура была тщательно исправлена, так как в ней есть еще очень важные опечатки. Искренне Ваш

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 80). Датируется по почт. шт. Пневматическое письмо; адрес получателя: «M[onsieur]r Vichniak, 11, rue Claude Lorrain, Paris (16)»; адрес отправителя: «Merejkovsky, Paris XVIe, rue Colonel Bonnet № 11bis»; почт. шт.: «4.12.1924».

¹ Имеется в виду корректура окончания «Рождения богов» (СЗ. 1924. № 22. С. 22–99).

63. М.С. Цетлин – Гиппиус

Chamonix. 24 декабря 1924 г.

Примите наши сердечные приветы, дорогие Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич, из этой прекрасной горной страны¹. Ангелиночка декламирует наизусть стихи о «Феклистой няне»² и мы Вас вспоминаем очень часто.

Ваши М. и М. Цетлин

24.XII.24.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 8. F. 24). Почтовая открытка с изображением горного ландшафта; адрес получателя: «M[ada]me et M[onsieur]r Merejkovsky, 11bis av[enue] du Colonel Bonnet, Paris XVIe»; адрес отправителя: «M. Zetlin, Hotel Beaulieu, Chamonix»; почт. шт.: «Chamonix, 25.[нрзб]».

¹ Шамони – горный курорт во Франции.

² Ангелиночка – А.М. Цетлин (в замуж. Доминик; 1917–1996), дочь М.О. и М.С. Цетлиных. Стихотворение Гиппиус, о котором идет речь, – «Девочка» (опубл. 1912).

64. Фондаминский – Гиппиус *Grasse. 5 февраля 1925 г.*

5 II 1925

Родная, любимая Зина,
не сердись, что давно не писал – после Парижа писать не хотелось, да и деловой переписки у меня много. И стихи, и статью вовремя получил¹. Прочел стихи и подумал: люди с годами пишут хуже, ты лучше. И статья понравилась не только мне, но и Вишняку – уже получил от него отзыв. Ему только кажется, что заглавие не удачно – будет ли просить другого, пока не знаю². Статью о любви пиши, не откладывая, ибо мы её обязательно будем печатать в 24-й книжке³. 23-я выйдет к 1 марта – корректуру обещаем послать.

Мы живем хорошо. Недели две прожили вдвоем, и это было совсем хорошо. Курочка [А.О. Фондаминская] в таких случаях как-то затихает, и тогда у нас чудесно. Теперь уже 5 дней у нас мамаша [Л.В. Гавронская]. Пока ничего: мамаша в хорошем настроении, и я сижу у себя наверху и занимаюсь. Но Курочка не отходит от мамы и уже переутомлена. Боюсь, долго не выдержит. Погода все время была райская – 2 месяца солнца. Зато последние 5 дней непрерывный дождь... Сегодня опять солнце. Мимоза одуряюще хороша. Мы делали прогулки в местности, где целые леса мимоз. И фруктовые деревья все в цвету.

Сестер⁴ выдаем редко – не хочется встречаться с Моисеенками⁵. Нашей хозяйке я напишу, чтобы она поскорей решила вопрос, хочет ли она взять вашу квартиру. Слышал о вашем вечере – сочувствую тебе всей душой⁶. Хоть бы материально он удался. Пессимизму Дмитрия не поддавайся – нет денег, – к деньгам. Сам я в хорошем настроении, ибо после Парижа ~~еще~~ больше уверовал, что журнал на верном пути и, Бог даст, выберется совсем. А в редакции теперь работать легко – больше согласия. «Поворота на Россию» не бойся – ты увидишь, что тут ничего страшного нету. Сам я работаю потихоньку – напряжения голова еще совсем не выдерживает.

Будь здорова, родная. Поцелуй Дмитрия, сердечный привет Влад[имиру] Ананьев[ичу]. Тебя крепко целую.

Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Речь о публикациях в № 23 СЗ: Гиппиус З.Н. [Стихотв.:] I. Лик («О моря тишь, в вечерний час осенний!...»); II. Ключ («Был дан мне ключ заветный...»); III. Thérèse de l'Enfant Jesus («Девочка маленькая, чужая...»); IV. Две сестры («Ты Жизни все простил: игру...»); V. Наставление («Молчи. Молчи. Не говори с людьми...»). С. 206–209; «Новь». С. 421–431.

² Как следует из дальнейших писем, первоначально статья «Новь» называлась «Россия молодая». О переименовании см. также п. 70.

³ См.: Гиппиус З.Н. О любви // ПН. 1925. 18 июня. № 1579. С. 2–3; 25 июня. № 1585. С. 2–3; 2 июля. № 1591. С. 2–3. О перипетиях, связанных с отказом печатать эту статью в СЗ, см. п. 89–93.

⁴ «Сестрами» именуется в письмах Фондаминского О.Л. Еремеева и Е.М. Лопатина, проживавшие недалеко от Грасса в Biot (см.: Ред., примеч. 6 к п. 76).

⁵ В дневниках Буниных упоминается обитатель Грасса Евгений Иванович Моисеенко (Устами Буниных. Т. 2. С. 114, 116, 130), судя по контексту, имевший отношение к эсеровским кругам. См. также в письме Гиппиус к И.С. Шмелеву от 28 октября 1923 г.: «Вижу только Бунина в самых прозаических мебелирашках, Илюшу с китайцами да Моисеенку с красным вином» (Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 127). Однако более точных сведений о нем нам собрать не удалось.

⁶ 28 января В.Н. Бунина записывала в дневнике: «Мережковский волнуется насчет вечера, который будет у М.С. [Цетлин]» (Устами Буниных. Т. 2. С. 134; ср.: Там же. С. 135). 13 марта Гиппиус сообщила Бунину: «Вечер у М.С. сошел, как ему полагалось; в средних, такому вечеру подобающих, тонах» (CMRS. 1981. Vol. 22. № 4. P. 434).

65. Гиппиус — Вишняку

Paris. 7 февраля 1925 г.

7.2.25. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
как было условлено, статейка «Россия молодая» пятого числа отослана в Grasse¹. Не имея оттуда известий, я не знаю, получены ли редакцией мои стихи (давно). Если получены, то вспомните ваше обещание никогда не печатать моих стихов *без корректуры* (ведь это вам же хуже, а кроме того вы всегда их посылаете Бунину; уж не такая я перед ним, — в стихах, конечно, — *quantité négligeable!*²).

А вообще — ваша редакция не ценит моего прилежания. Уж, кажется, стараюсь. Смотрите, чтоб с вас — именно с вас — на том свете за мое угнетение не взыскалось! Что до Антона Крайнего — он уж подумывает, не перейти ли ему в «Волю России» и не начать ли оттуда как следует вас обличать...

О пяти франках не грустите, я долги помню; — до субботы.

З. Гиппиус

P.S. По поводу деятельности консульства URSS я слышала стих, который, конечно, *вам* покажется черносотенным:

С тоски и недоверия
В Аркос³ не лезь:
Пока «там» Эсэсэрия,
Россия — здесь!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «19». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 431–432.

¹ Т.е. Фондаминскому.

² ничтожно малая величина (фр.).

³ Аркос — Всероссийское кооперативное общество (All Russian Cooperative Society Limited), учрежденное в Лондоне в 1920 г. советской кооперативной делегацией для развития торговли Советской России с Англией.

66. Вишняк — Гишпиус*Paris. 8 февраля 1925 г.*

8.II.925, Paris

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Стихи — в типографии. Корректурa будет Вам послана непременно. Я сам в этом заинтересован. Если в прошлом не всегда Вам посылались корректурa стихов, это была наша общая беда: не всегда можно заставить типографию сделать что нужно. В особенности при спешке.

Буду с нетерпением поджидать от Илюши [Фондаминского] «Россию Молодую». А что касается тяготения Антона Крайнего в сторону «Воли России», — это меня несколько не удивляет. Чем меньше мы поэта любим, тем больше нравимся ему...¹ Мало Вам досталось в «Воле России» от Бор. Мирского и Слонима². В последнем № по поводу Вашей (Антон Крайнего) статьи в «Совр[еменных] зап[исках]» и против Вас, конечно, — написал интересную статью С.П. Постников³. Всего наилучшего!

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 80).

¹ Парфраз строк из «Евгения Онегина» (с типичной ошибкой памяти: «больше» вместо «легче»): «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей» (Гл. 4, стр. VII).

² Большая критическая статья М.Л. Слонима содержала резкую полемику с «Литературной записью». Уже в начале автор заявлял: «Антон Крайний успел, как мы увидим, сильно измениться. Его покинули критическое чутье, понимание сложности литературных явлений, любовь к свежему и молодому в искусстве и даже прежние эстетические симпатии. Остались только злая ирония, несправедливая резкость и холодный блеск ума» (Слоним М. Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики // Воля России. 1924. № 4. С. 54). И далее полемика не прекращается. Под выпадом Бор. Мирского (псевдоним Бориса Сергеевича Миркина-Гецевича, 1892–1955), видимо, имеется в виду его статья «Молот ведьм» (Воля России. 1923. № 5. С. 62–67), где ведется резкая полемика с ответом Д.С. Мережковского на анкету журнала «Revue de Genève»: «Мережковский не чувствует, не видит, не понимает, что для Европы убедительна лишь демократическая критика большевизма, критика человеческая, а не теологическая. [...] Мережковский и его единомышленники в своем наивном стремлении втиснуть русскую революцию в средневековый словарь “Молота Ведьм” — насилюют историю, пренебрегают фактами, забывают вчерашнее, не видят сегодняшнего, и прежде всего не хотят разглядеть великую стезю демократической культуры» (С. 65). Менее развернута его критика идей Мережковского в статье «Трон и алтарь: Беженский клерикализм» (Воля России. 1923. № 14. С. 38–48).

³ См.: Постников С. По поводу («Русский современник» № 1, 2, 3) // Воля России. 1925. № 1. С. 230–240. Суть решительной полемики с «Полетом в Европу» более всего состоит в следующем: «Антон Крайний весь современный период литературы считает исключительно упадочным и современную литературу признает за “рассыпанную храмину”. А между тем река русской литературы, вечно живая и богатая, течет непрерывно. Но река эта имеет не два русла — за границей и там, в России, а одно, и гонит свои воды в одно море русской и мировой культуры. Нет двух русских культур — одной заграничной, другой советской» (С. 236).

67. Гиппиус — Вишняку

Paris. 9 февраля 1925 г.

Понедельник

Дорогой Марк Вениаминович,
так к[ак] вы мне не ответили насчет вашего решения об А[нтоне] К[райнем], то я все же изменила корректуру по прежним указаниям¹.

Теперь следующее: я очень жалею, что Ил. [Фондаминский] не сказал мне, что требуется заметка для библиографического отдела: я бы ее и написала, о какой-нибудь книге, а не статью, которая по размерам и по содержанию вылезает из петита². И теперь хочу с вами условиться заранее относительно моей статьи «О любви»³.

Я *очень* занята, и мне необходимо заранее иметь распределение моего времени. Статью «О любви» я еще не начала (только готовы материалы и план), и так как она отвлечет меня от другой работы, я должна, *раньше*, чем за нее приняться, знать следующее: что я могу писать с полной свободой; что, хотя бы при данной теме, вы *не* будете меня цензуровать, и я могу к вам *не* при[спо]собляться. Затем — что вы напечатаете ее *не* петитом, а так, как была напечатана первая моя запись, и заплатите за нее по числу букв, а не построчно.

Я не пишу всего этого Илюше [Фондаминскому], потому что, во-первых — долго, пока-то он будет с вами сноситься, а, во-вторых, это зависит не от него, а от вас, вы и решайте.

Я очень люблю Илюшу, и ради него терплю годы ваше противодействие, однако может наступить момент, когда уже и я откажусь *насильно* участвовать в журнале, где вы меня «терпите».

З. Гиппиус

Меня не было дома, когда пришла корректура, поэтому посылаю ее вам на дом по почте⁴.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется по содержанию. Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 436–537.

¹ Судя по всему, решался вопрос о том, каким именем будет подписана статья «Россия молодая» («Новь»), — З. Гиппиус или Антон Крайний. 14 февраля Фондаминский писал Вишняку: «З.Н. [Гиппиус] просит прислать ей корректуру и спрашивает, не хотим ли мы статью подписать А. Крайним» (Ред., п. 38).

² Имеется в виду, что в СЗ «основной раздел» (художественные произведения и большие статьи) печатался корпусом, петитом печатались статьи в разделе «Критика и библиография», а двухколонным петитом — в разделе «Культура и жизнь», где в конце концов и поместилась статья Гиппиус. См. ниже, п. 72.

³ См. примеч. 3 к п. 64.

⁴ Речь идет о корректуре стихов для кн. 23.

68. Гиппиус — Вишняку

Paris. 11 февраля 1925 г.

11-2-25. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
посылаю корректуру. Хорошо, что я ее имела! Вы, помимо прочего, никогда не считались с «расстояниями», а тут я еще забыла подпись, а вы меня, помимо

«Зинаиды» (никакой никогда Зинаиды!) еще сделали черт знает чем, даже не разберешь¹.

Спасибо за «Любовь»², надеюсь, будет вовремя и конец. В каком № «Неволи России» меня ругают? В I только старая отрывка³. Получили ли «Россию молодую»? Во что вгрызлись и что намерены выдирать? Напрасно; искренно я пишу не для вас, у меня есть отдушина для правды, вам же только стараюсь угождать, а то вы как раз заподозрите, что я «не люблю Россию!» Нет, нет, я право ее очень люблю. И притом не люблю: генералов, князей, Шульгина, «Русскую газету»⁴, Кускову... ай! кажется, ошиблась! Кускову я... Кускову... Ну, все равно, рука не поднимается...

Aggréez, cher Monsieur, и т.д.⁵

З. Гиппиус

P.S. У меня на столе 36 поэтов, и о всех до единого я должна написать в один момент⁶. От Кузмина до — Пастернака! Вы понимаете, что у меня в голове дым и пламя.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «20». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 432.

¹ Имеется в виду, что литературным именем Гиппиус было «З. Гиппиус», а не «Зинаида Гиппиус». Об опечатке в фамилии мы не знаем.

² Ответное письмо Вишняка на сообщение Гиппиус в п. 67 нам неизвестно, но можно понять, что он обещал ждать окончания работы над статьей до последней возможности.

³ См. п. 66.

⁴ «Русская газета» — еженедельная (а какое-то время с 23 апреля 1924 г. и ежедневная) газета под редакцией А.И. Филиппова, выходившая с 7 мая 1923 г. по 7 июня 1925 г., «независимый орган национальной мысли». В 1924 г. В.В. Шульгин печатал в ней свою мемуарную книгу «1921». Среди других постоянных сотрудников — А.И. Куприн, И.А. Бунин, Сергей Горный.

⁵ Примите, милостивый государь (фр.). Дальше должно было бы следовать: «l'assurance de ma consideration», т.е. «уверение в моем почтении».

⁶ См.: *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] Поэзия наших дней // ПН. 1925. 22 февр. № 1482. С. 2–3.* Она так и начинается: «На моем столе 36 книжек стихов». О стихах М.А. Кузмина и Б.Л. Пастернака в статье написано достаточно подробно.

69. Гиппиус — Вишняку *Paris. 20 февраля 1925 г.*

20-2-25. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
так как вы сказали, что вам главное что-нибудь да изменить у меня, а как — все равно, то не поставите ли заглавием моей статьи не «Жизнь молодая» (похоже на романс какой-то), а — «Новь»? Гораздо лучше; кстати же у меня и начинается прямо с Тургенева¹.

Я забыла отметить, что каждое стихотворение требует отдельной страницы; но это вы, конечно, сделали сами.

Илюша [Фондаминский] в большом оптимизме относительно всего, а главное — «С[овременных] з[аписок]».

С полусоциалистическим приветом

З. Гиппиус

P.S. Объективно решала вопрос: почему вам Степуна исправлять в голову не приходит, даже напротив, тогда как я... Чем он, в литературе, заслуженнее и лучше меня? Положим, жена Фофанова говорила: «Уж мужчина всегда лучше...»² Но ведь то жена Фофанова, а вы социалисты. Это разница.

Меня очень мучает мой долг, но, право, ненарочно; надеюсь, вы мне пришлете конец набора «Любви» при первой возможности.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur Mark Vichniac, 11, rue Claude Lorrain, E[n] V[ille] (16^e)»; почт. шт.: «Paris, 21.II.1925». Помета рукой Вишняка: «21». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 199–200.

¹ «Новь» — название романа И.С. Тургенева. Первые слова статьи — «Отцы и дети». Отметим кстати, что «Россия молодая» — тоже цитата, только не из Тургенева, а из Пушкина (из поэмы «Полтава»).

² Фофанова (урожд. Тупылова) Лидия Константиновна (1868–1918), жена поэта Константина Михайловича Фофанова (1862–1911); страдала психическим расстройством.

70. Вишняк — Гиппиус

Paris. 23 февраля 1925 г.

23.II.925.

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна, заглавие Вашей статьи переменим. Время есть. «Новь» — очень хорошо! — К сожалеению, хуже обстоит с версткой Ваших стихов. Боюсь, что они не только уже сверстаны, но уже в машине... Во всяком случае сегодня же переговорю с типографией.

В заключение не могу не выразить Вам своего огорчения по поводу Вашего «Чрева»...¹ Ни Осоргин, ни Кускова не заслужили ни той оценки, которую Вы им дали, ни того тона, которым Вы их «третируете». Они оба имеют, на мой взгляд, достаточно оснований для соответствующего обращения с Вами. Однако же сравните, *как* написала Кускова о Вас в «Последних новостях»² и *как* написали Вы о ней.

Не только с политической точки зрения скорблю по поводу Вашего «Чрева». Скорблю и с точки зрения эстетической... Получается безвкусица: на столбцах «Последних новостей», «За свободу», «Дней» происходит склока, чтобы не сказать хуже, между авторами, мирно и благодушно уживающимися рядом на страницах «Современных записок». Точно «Записки» — какой-то Ноев ковчег, в котором находят себе место и чистые, и нечистые, и лань, и рысь...

Не знаю, как на Ваш «внутренний слух», а на мой это звучит диссонансом. Я убежден, что ни Ос[оргин], ни Кускова не оставят без ответа Вашей статьи³, и пойдет... потеха. *Cui prodest?*⁴ Кому и для чего на потребу пойдет Ваша статья? Неужели Вы не ставите себе такого вопроса, когда пишете публицистическую статью? Неужели Вы могли не предвидеть самоочевидных ее последствий?..

Повторяю, весьма, весьма огорчен и за себя, и за... Вас, как это Вам ни покажется странным. С совершенным уважением

М. Вишняк

P.S. Да будьте добры как-нибудь вернуть мне студенческие журналы⁵. Может быть, Владимир Ананьевич будет добр занести мне их в редакцию, на 9bis rue Vineuse.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 80).

¹ *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] Чрево // За свободу!* 1925. 15 февр. № 44 (1488). С. 2. Статья посвящена разоблачению «примиренческий» позиции Е. Кусковой и М. Осоргина.

² Имеется в виду статья: *Кускова Е. И* *своевременное...* // ПН. 1925. 13 февр. № 1474. С. 2–3, где идет речь о статье Гиппиус «Современное».

³ Нам не удалось обнаружить в ПН, постоянными сотрудниками которых были Е.Д. Кускова и М.А. Осоргин, ни в «Днях», где регулярно печаталась Кускова, какого бы то ни было ответа на статью Гиппиус. Отметим, что после статьи «Клеветнические выпады» (ПН. 1925. 3 марта. № 1489. С. 2–3) Кускова некоторое время в ПН не печаталась; статьи Осоргина также в ближайшее время не появлялись.

⁴ Кому выгодно? (лат.).

⁵ В статье «Новь» Гиппиус использовала материалы пражского студенческого журнала «Своими путями» (а также письмо своего таллинского корреспондента Ю. Иваска).

71. Гиппиус — Вишняку

Paris. 24 февраля 1925 г.

24-2-25. Paris

Многоуважаемый и дорогой Марк Вениаминович, чрезвычайно огорчаюсь, что так огорчила вас. Предлагаю вам собрать приходский совет... то бишь, вашу коллегия, и поставить вопрос об исключении Антона Крайнего за помещение собственной статьи, где усматриваются признаки кощунственного отношения к чреву Осоргина¹. Ант. Крайний не будет оправдываться: да, такое кощунство налицо. Перед резолюцией исключения его он, поэтому, склонится, и даже попросит З. Гиппиус не защищать его, не писать ничего об «аспирантах» или полу-аспирантах. Но на суде он произнесет такую речь: «Мужи афинские...»² т.е. парижские! Я вас люблю и уважаю, и приговор ваш считаю справедливым, а потому не для своего оправдания, но для вашего сведения расскажу вам следующее. Зная сердца ваши и не желая их огорчать, в то же время имея внутреннее повеление не скрывать истины и всего дарованного мне разума, решил я так: сам я себе не важен, имя мое — звук пустой; а потому вам я буду давать правду мою до той точки, до которой вы можете ее вместить без огорчения; а что сверх — то да будет сказано *никем*, ваших ушей задаром не потревожит, а для каких-нибудь авось и пригодится. Заметьте, мужи Лютееции, что не другую какую-нибудь истину должен был говорить “никто”, но ту же самую, лишь то из нее, что вами не вмещалось и вам не годилось. И уже давно говорил ее там, на востоке, — “*Андрей Версифов*”³. И вас не тревожил. Так и пронзившее вас “Чрево” послал — Версифов. И чтоб совсем доказать вам любовь мою — буду откровенен: получив означенный № с чревом — сказал я громко: «Не простят мне мужи парижские, из них же первый — Марк Vichniac! Пропал я ни за копеечку...» (что понимать надо буквально, ибо в газете Свободной⁴ не получаю ни копеечки за неимением их в этой газете...). А вскоре и получил от редактора письмо с объяснением: наша, мол, публика глупая, и ежели без вашего имени, так статью не позаботится прочесть

и “пришлось ее вашим именем подписать”. Говорю это опять не для оправдания, всецело все-таки беру вину на себя; есть даже и та мне радость, что давно вас Антон Крайний огорчал: как ни старался для вас — а случая не было еще, чтобы вас не огорчал и чтобы вы ему и скромные крылышки не подрезали. Была у него статейка недавно “Поэзия наших дней”, так уже он бы к вам и не сунулся; пошел я туда, где мою эстетику особому эстетическому экзамену не подвергли, а все, до слова, без огорчения, напечатали⁵. И радость моя в том, что вы теперь совсем огорчаться не будете; ибо доселе говорили вы, как некие монахи, когда предлагали им чарочку: “приемлете ли, отцы?”, — отвечали: “приемлем, приемлем... с бо-ольшим отвращением!”».

Так скажет на суде вашем Антон Крайний. Цикуты не примет⁶, а уйдет с любовью к вам и просто. Что касается меня, то, может быть, за родственную близость моего имени к имени А. Крайнего, вы меня еще сразу остракизму не подвергнете? И покаюсь: ваше огорчение именно насчет «С[овременных] з[аписок]» мне кажется не обоснованным: вы рисуете райское место, где овен лежит рядом с волком⁷ — и еще недовольны! Если вам рай не нравится, так что же после этого?? А. Крайний (между нами говоря) отпетый, но если я нагрешу, и меня грехи в этот рай не пустят, — пожалуй, и приму цикуты...

Прошу довести мои заявления, в сем письме изложенные, до сведения иногороднего члена вашего Совета.

А засим, имею честь... и т.д.

З. Гиппиус

P.S. Я сама принесу вам на днях все журналы.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Пометы рукой Вишняка: «22»; «По прочтении прошу вернуть. МВ». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 433—434.

¹ См. примеч. 1 к п. 70.

² Типичное обращение в древнегреческой риторике.

³ Герой романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

⁴ Т.е. в газете «За свободу!».

⁵ См. примеч. 6 к п. 68. Ирония Гиппиус основана на том, что редакция ПН (где была напечатана «Поэзия наших дней») оказалась к ней более снисходительна, чем Вишняка.

⁶ Цикута — ядовитое растение семейства зонтичных. По преданию, Сократ покончил с собой, выпив настой цикуты.

⁷ Отсылка к Ис., 11: 6: «Тогда волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком...».

72. Вишняка — Гиппиус

Paris. 4 марта 1925 г.

4.П.925

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

Спешу ответить коротко по всем заявленным Вами пунктам.

1. «Новь» пойдет за подписью З. Гиппиус. — Весьма и весьма дорожа Вашим сотрудничеством и свидетельствуя о том печатанием в *каждой* книжке Ваших произведений, редакция не может все-таки не считаться с законными чувствами

других сотрудников, не может бросать им прямого вызова... Поставьте себя на короткий миг в их положение и Вы легко поймете и их, и... нас¹.

2. «Новь» идет не в отделе Критики и библиографии, а в «Культуре и жизни». Идет на *первом* листе, если это Вам интересно знать. — И по объему, и по своему характеру эта статья предудказана именно для этого отдела: «Новь» это *обзор*. И если Вы вспомните былую «Русскую мысль», Вы согласитесь, что ничего обидного в двухколонном петите нет, — по крайней мере, раньше не было даже для Вас².

3. Относительно будущей статьи о «Смысле любви», которая предполагается, как мне казалось, в качестве критической статьи, — у меня и в мыслях не было покушаться набирать ее петитом!..

4. Самый трудный пункт — о «полной свободе»... Думаю, что Вы и в ближайшей статье можете ею располагать, — как располагали и в прошлых. О чрезмерном «цензурировании» с нашей стороны как будто бы говорить не приходится, — достаточно перечесть напечатанное в «Совр[еменных] записках»... Если же под «цензурированием» Вы разумеете соглашение, к которому мы с Вами приходили в результате переговоров, — то, я за себя скажу, от признания полезности и даже необходимости оно не отказаться не могу. — Мы издаем как-никак журнал, а не альманах или сборник интересных произведений замечательных авторов. Где-то имеется предел и для «полной свободы». Как-то приходится считаться и с соседями по журналу. — Вы плохо осведомлены о редакционных «тайнах», если думаете, что только в отношении к Вам применяются увещания, переговоры и соглашения. От них не свободен никто, — даже Ф.А. Степун, «полная свобода» ко-его иногда так остро режет Ваш же слух.

Практического смысла Вашего запроса о полной свободе я, признаться, не понимаю. Что можно сказать вперед и, так сказать, заглазно, не видя статьи и не зная даже толком все ее «сюжеты»...

Я думаю, что всему виною — петит... Он вызвал в Вас не только зрительное раздражение!.. Вам показалось, что все злые силы (чтобы не сказать демоны) «Соврем[енных] записок» восстали на Вас, преследуют Вас. Это — неверно. «Ничего подобного!» — сказал бы я, если бы это не было так строго воспрещено Волконским³.

Поверьте Илюше [Фондаминскому] — (и мне!) — что мы очень ценим и дорожим Вашими писаниями. Но не требуйте для себя монополий! Не требуйте с нас больше того, что мы по всей совести можем дать! С искренним приветом.

М. Вишняк

NB. Продолжаю ждать возврата студенческих журналов.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 80).

¹ Хотя загадка псевдонима «Антон Крайний» была секретом полишинеля, все-таки редакция решила избежать того, чтобы на страницах номера он оказался вместе с именем М. Осоргина (Е.Д. Кускова печаталась в кн. 22 и 25).

² См. выше, п. 67.

³ В статьях кн. С.М. Волконского, посвященных правильности русского языка (см., напр.: *Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка: Сборник статей.* Берлин: Медный всадник, 1928), критики этого выражения нам отыскать не удалось. Возможно, имеется в виду просто некоторая пуристичность его лингвистической позиции.

73. Гиппиус — Вишняку

Paris. 14 марта 1925 г.

14-3-25

Дорогой М.В., посылаю расписку, очень прошу дать мне скорее окончание набора Бунина, т.к. Ил. [Фондаминский] торопит со статьей, а я еще о ней и не думала¹.

Вы сами видите, как уродливы стихи с переносом, а кроме того — вы мне обещали вынуть «Зинаиду» (которая, *entre nous*, в тайне, мне даже и не принадлежит!) и не исполнили².

Стихи Цветаевой — конечно, дело вкуса редакции, но *на одной странице с моими*³ — этот узел — во всяком случае бесспорное безвкусие. Вы не согласны?

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «23». На обратной стороне запись рукой Вишняка[?]: «Насыпь печку перед уходом. Кафе на улице — *amitié*[?]». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 434.

¹ Гиппиус просит прислать ей корректуру первой части повести И.А. Бунина «Митина любовь» (СЗ. № 23. С. 13—54), поскольку в статье «О любви» разобрала эту повесть.

² См. выше, п. 68.

³ Имеется в виду, что стихи Гиппиус были напечатаны «в подбор», т.е. не с новой страницы, с началом цикла М.И. Цветаевой «Двое».

74. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 15 марта 1925 г.

15 III 1925

Родная Зиночка,

не удивляйся, что долго не писал. Последние 10 дней пребывания мамаша [Л.В. Гавронской] были так трудны, что у меня опять голова пошла кругом. Буквально, опять усилились головокружения. Потом неделю я отдыхал и радовался солнцу и всему на свете. Теперь принимаюсь за письма. Своим последним письмом ты даже не вызвала во мне сочувствия, — а я жалостливый и справедливый человек. Помилуй, ты борешься и бьешь, бьешь сильно и больно — направо и налево. Твои статьи и в «Свободе» и в «П[оследних] н[овостях]» (о «правых») блестящи и безжалостны. Что же ты удивляешься, что «битые» жалуются и вызывают сочувствие. И Вишняк был воистину милосерден, когда — защищая *наших сотрудников* — просил у тебя *для этой книжки* замены А. Крайнего З. Гиппиус. Вообще же весь этот инцидент пустяковый, даже Вишняк не придал ему серьезного значения и на наших отношениях по журналу нисколько не отразился. Разумеется, ты должна быть осторожной по отношению к нашим сотрудникам, но ты ведь и была осторожной — неприятность вышла не по твоей вине. — Вообще же, поверь, родная, не моему оптимизму, а моей общественной пронизательности: ты больше жаловаться не должна, лед сломлен, у тебя большая арена для борьбы (большую ты бы имела, если бы издавала «Дневник З. Гиппиус»¹ — если бы мы

издавали «свой» журнал — всё равно бы тебя ограничивали) и бейся с Богом, не смущаясь трудностями. Насчет «С[овременных] з[аписок]» ты глубоко ошибаешься — «главный» там не Вишняк, и не Степун, а я, и, если мне приходится идти на уступки, то теперь мне это делать легко, ибо *основное и самое важное* утверждено и признано. Если оно еще мало проявляется в журнале, то только потому, что нужных людей мало. Твоя статья «О любви» *центральная* в 24-й книжке — потому я прошу тебя не только усердно работать над нею, но и помнить, что она и должна в 24-м номере осуществить *основное и самое важное*, ради чего, главным образом, я и работаю в журнале. Так как 23-й номер запоздал и только теперь вышел, то у тебя есть еще недель 5 для работы над статьей — думаю, что статья нужна будет числу к 20–25 апреля.

«Ничтожная», но очень *значительная* история с Демидовым, думаю, окончательно убедила тебя, что правы были мы с тобой, а не Димитрий, к[о]т[о]р[ый] так возжаждал *порядка*, что готов был совсем объединиться с ненавистниками *свободы*². Увы, они его так же «выпрут», как выперли меня в 1919 году, когда я готов был идти с Гурко против большевиков. Иван же Алексеевич [Бунин] меня даже не огорчил, ибо несмотря на его почти «гениальность», общественно он беспомощен. Димины [Философова] же статьи мне показались — прости — немного хулиганскими³. Да, вот, чтобы не забыть, когда будешь писать «О любви», будь осторожна с Иваном Алексеевичем [Буниным].

Получили мы известие, что ваш вечер прошел удачно⁴ — знаю, что много денег не принес, но всё-таки больше, чем вы думали. Вообще, родная Зиночка, ты не должна поддаваться Димитриевой панике — Бог даст, дела материальные поправятся. Иван Алексеевич уже хлопочет о летнем помещении, и на среду у меня назначено свидание с Madame Bonifacy. У меня предчувствие — быть вам летом опять в Грассе и у madame Bonifacy. И правда, теперь в Грассе опять чудесно.

В среду справляли с Курочкой [А.О. Фондаминской] нашу годовщину — 22-ю — свадьбы (не говори никому — я радуюсь, что еще бодр и жизнерадостен и не хочу возвращения назад, а Курочка, очевидно, уже начинает огорчаться) — были в Ницце, Monte Carlo, Ferrat. Буниных пока видели только два раза. Скоро сюда приезжают Степуны — жалко, что ты его еще не оценила: он не больше «большевик», чем мы с тобой, а в главном может быть очень полезен. — Курочка совсем было изошла при мамаше и теперь оправилась и чувствует себя хорошо. Я работаю потихоньку.

Скажи Володе [Злобину], что его «Старухи» пойдут в 24-й книжке⁵.

Будь здорова, родная Зиночка, пожалуйста, не унывай. Я тебя крепко люблю. Поцелуй Димитрия. Сердечный привет Володе. Нежно целую.

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Отсылка одновременно к названию моножурнала Ф.М. Достоевского «Дневник писателя» и журнала Ф. Сологуба «Дневники писателей».

² Речь идет об инциденте, имевшем в прессе широкий резонанс. Суть его была так изложена в хронике: «Несколькими прихожанами подан был настоятелю русской церкви в Париже протест против содержания рассказа С. Минцлова, напечатанного в феврале в “П[оследних] н[овостях]”. Подписавшие протест глубоко возмущены тем, что член Церков-

но-Приходского Совета И.П. Демидов [...] до сих пор не почел своим долгом выйти из состава сотрудников газеты, помещающей столь кощунственные антихристианские произведения [...] После горячих прений, большинством всех голосов против одного (И.И. Манухина) принята резолюция, выражающая возмущение рассказом г. Минцлова “Тайна” и признающая нежелательным дальнейшее пребывание И.П. Демидова в составе Приходского совета. [...] По получении известия о принятом Приходским Советом мнении, И.П. Демидов заявил о сложении с себя звания члена Приходского Совета» (Новое время. 1925. 27 февр. № 1149. С. 2). Тому же вопросу была посвящена и передовая статья этого номера газеты. Еще до этого ПН предприняли некоторые шаги в защиту члена редакции и активного сотрудника газеты. См.: Одиннадцать «праведников» // ПН. 1925. 22 февр. № 1482. С. 2 (отметим, что в этой подборке небольших статей и заметок принимала участие и Гиппиус). Через четыре дня ПН опубликовали и коллективное письмо: «На заседании Приходского Совета при русской Церкви в Париже, 19 февраля 1925 года, была принята резолюция, выражающая возмущение по поводу рассказа г. Минцлова “Тайна”, напечатанного в “Последних новостях” 8 февраля. В этой резолюции признается нежелательным дальнейшее пребывание сотрудника “Последних новостей” И.П. Демидова в числе членов Совета. По этому поводу мы, нижеподписавшиеся, считаем нужным заявить: происшедшее должно судить исключительно с религиозной точки зрения, вне всяких политических категорий, так как обвинение в соблазне верующих есть тягчайшее осуждение для христианина. Дух христианства — прежде всего дух свободы. Имея в себе непоколебимую твердыню догмата, христианский дух допускает все приближения к себе, все искания, все сомнения, все исследования» (ПН. 1925. 26 февр. № 1485. С. 2; подписи: Ник. Бердяев, Б. Вышеславцев, З. Гиппиус, А. Куприн, И. Манухин, Д. Мережковский); отдельно было напечатано и письмо И.А. Бунина и И.С. Шмелева в поддержку Демидова. Ответ «Нового времени» не заставил себя долго ждать. См.: [Б.н.] Зарубежные живоцерковники: [Передовая статья] // Новое время. 1925. 3 марта. № 1152. С. 1; *Митрополит Антоний*. Два Иуды Предателя // Там же. С. 2; [Б.н.] Свобода и веротерпимость: [Передовая статья] // Новое время. 1925. 4 марта. № 1153. С. 1. Реакция ПН содержалась в публикациях: [Б.н.] Вокруг «Тайны» С.Р. Минцлова // ПН. 1925. 8 марта. № 1494. С. 3; *Н.П.* Вокруг «Тайны» С.Р. Минцлова // Там же. 11 марта. № 1496. С. 3.

³ Имеются в виду статьи: *Посышков Ив.* [Философов Д.В.] Жевание резинки // За свободу! 1925. 28 февр. № 57 (1461). С. 2; *Д.Ф.* [Философов Д.В.] Обзор печати. Жевание резины // Там же. 5 марта. № 62 (1466). С. 2.

⁴ См. примеч. 6 к п. 64.

⁵ Речь идет о цикле из двух стихотворений под этим заглавием (№ 24. С. 171–173).

75. Вишняк — Гиппиус

Paris. 20 марта 1925 г.

20.III.925

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

(В таком сочетании Вы от «Зинаиды» все-таки не отказываетесь?.. Или прикажете именовать: Антоном Николаевичем?..)

В данном случае Вы совершенно правы: вязать общим «узлом», верстать на одной странице «Зинаиду» и Марину [Цветаеву] — верх безвкусыя. Уверяю Вас, что это ощущают даже «Современные записки»... И третьего дня я писал о том Илюше [Фондаминскому], жаловался, что метранпаж распространительно истолковал указание верстать стихотворения в ряд: не показав мне верстки, он «в ряд» сверстал не только «Зинаиду», но и ее вместе с Мариной.

Теперь относительно «Зинаиды». Он, как и обещал, снял ее в качестве подписи под стихами. Фото же осталось заготовленное раньше¹. Мне его не показали. Спросить же я не догадался. Нельзя без риска чрезмерной затяжки выпуска книги быть слишком требовательным к нынешним типографиям.

Я искренне готов признать свою оплошность. Но считаю, что тут есть нечто и от «рока». Книга в техническом отношении, мне кажется, выпущена безукоризненно (для условий военного времени). Случился один дефект. И тот — как раз с Вашим произведением. Хотя бы технически, — но все-таки «С[овременные] з[аписки]» Вам досадили, «не переваривают», — думаете Вы. Спешу Вас уверить, что это — *судьба*, а не злая воля. Не только для автора, но и для редакции неприятно приключившееся.

Очень прошу Вас верить искренности моих чувств и сожалений.

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 80). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Z. Hippus, E[n] V[ille] (16^e), 11bis avenue du Colonel Bonnet»; адрес отправителя: «M. Vichniac, 11, rue Claude Lorrain».

¹ См. примеч. 3 к п. 73.

76. Гиппиус — Вишняку

Paris. 26 марта 1925 г.

26.3.25

Да, уж не везет мне с «Совр[еменными] записками». Начинаю думать, уж не знак ли какой? Зачем, например, вместо моих оттисков прошлой книги, вы мне прислали... кучу стихов Бунина? Да еще летних «дочерей». Только что это открылось¹.

Вместо того, чтобы следить так строго за «моралью» своих сотрудников (и особенно за моей), журнал, по-моему, должен бы скорее обращать внимание на сторону политическую. Конечно, я ничего не понимаю в общественных делах, а тем более в политике, а в партийной и того менее!! Я говорю про себя, про свои ощущения: в одной и той же книжке у меня сбоку два автора: один, кроме «Совр[еменных] зап[исок]», пишет в советских изданиях *рядом* с Бабелем, Зощенкой и всеми решительно подобными². Другой, кроме «Совр[еменных] зап[исок]», пишет в двух парижских черносотенных газетах и письма Суворину, который публично за них благодарит «дорогие строки дорогого академика»³. Да тут же и третий автор, подобный второму⁴. Конечно, я понимаю, «святое искусство», «культурные задачи», «надо быть широким» и так далее... Вам и литературные книги в руки... Я говорю про себя, у меня взгляды остались старые и... мне как-то неловко.

Но вы дайте мне указания: можно ли критиковать, хотя бы в Варшаве, Бабелей и Алексинского с Сувориным⁵? Ведь это сотрудники ваших сотрудников!

С приветом

Ант. Крайний

PS. Читали ли вы письмо Савинкова о чекистах, о «мучениках» эс-эрах, о «несчастном Вишняке», да еще и где меня не забыли? Плохая пресса⁶!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «24». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 434–435.

¹ Гиппиус вместо оттисков статьи «Оправдание свободы» получила оттиски стихов Бунина из кн. 21 (С. 192–195). Первое стихотворение в этой подборке называется «Дочь».

² Судя по всему, речь идет о В.Ф. Ходасевиче, напечатавшем в 23-й книге СЗ очерк «Брюсов (Отрывки из воспоминаний)» (С. 212–236). В 1922 г. в журнале «Красная новь» (№ 4) был напечатан цикл его стихов «Заметки». Желание Гиппиус во что бы то ни стало уязвить журнал здесь очевидно: как раз воспоминания Ходасевича стали одной из причин его окончательного перехода в стан эмиграции (подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Вл. Ходасевич: начало эмиграции // *Russische Emigration im 20. Jahrhundert: Literatur – Sprache – Kultur / Hrsg. von F. Göbler unter Mitarbeit von U. Lange.* München, 2005. S. 169–187).

³ Имеется в виду И.А. Бунин. О его сотрудничестве с парижскими «черносотенными газетами» см. ниже, п. 77.

⁴ Очевидно, И.С. Шмелев, напечатавший в данной книге «Про одну старуху: (Рассказ бывалого человека)» (С. 55–86).

⁵ Просьба явно ироничная: Гиппиус не писала ни об И.Э. Бабеле, ни об издателе белградского «Нового времени» М.А. Суворине, ни о публицисте Г.А. Алексинском.

⁶ Письмо отыскать не удалось.

77. Вишняк — Гиппиус

Paris. 30 марта 1925 г.

30 III 925

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!

При сем препровождаю оттиски стихов и статью из № 23 «С[овременных] з[аписок]». Прошу при случае вернуть оттиски стихов «дорогого академика» — всех его «дочерей»¹.

Против вашей критики Алексинского и даже «дорогого академика» ни я лично, ни редакция в целом, конечно ничего вопреки не глаголят. Я сам очень резко обличал академика за его связь, — хотя бы в заголовке газеты, — и с шантажистом Филипповым (из «Русской газеты»²), и с демагогом-большевиком Гр. Алексинским (из «Родной земли»³). Но переубедить я его оказался не в силах. — Я очень, *очень* приветствую Вашу политическую активность, направленную в эту сторону. Дайте ей выход хотя бы в «Свободе». — Но не клеймите нас все-таки тем, что сотрудники наших сотрудников — Филипповы и Алексинские. Ведь этот же упрек может быть направлен и против Вас... Если быть слишком ригористичным и памятьливым в наши дни, придется издавать журнал en petit comité⁴.

Из писем Савинкова — тоже «сотрудника нашего сотрудника» — я читал только то, в котором поминается «этот несчастный Вишняк». Где о Вас говорится, — я не читал. Буду очень признателен, если при случае пришлете.

Крепко жму руку. Тщетно старающийся Вам угодить

Несчастный

Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 80).
На бланке журнала «Современные записки».

¹ См. п. 76.

² Филиппов Александр Иванович (1882–1942), журналист, издатель «Русской газеты». Справка о его деятельности — Русская печать в Риге. Кн. 1. С. 373. Бунин активно печатался в «Русской газете» в 1924 г.

³ Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967), литератор, в 1904–1908 гг. примыкал к большевикам, основатель группы «Вперед». Редактор газеты «Родная земля» (Париж, 1925–1928).

⁴ В узком кругу (фр.).

78. Гиппиус — Вишняку

Paris. 30 марта 1925 г.

30-3-25. Paris

Как характерно! Я, ведь, не только на сотрудников ваших сотрудников *справа* указывала вам. Но о тех, других, вы — ни звука. Значит, те, — «ладно»? Все-таки «социалисты»? Недаром вы и Чернова («негодяя», по словам Илюши [Фондаминского]) грызете так нежно, с такими расшаркиваниями. А ведь могли бы, ведь если б не тряпка во рту, совсем бы хорошая была статья! Живая¹.

Нет, если у вас в «Совр[еменных] зап[исках]» только одно правое ухо горит — вам вдвое уютнее там, чем мне. Для меня же, для *честного центра*, вы — щель. И нечего себя обманывать.

Вы же (говорю точно и объективно) центр qui n'avoue pas². Вы — центр фактический, но вы с фактами не считаетесь, вы слишком робкие, традиционные *сектанты*. Поэтому вы ни честные эсэры, ни честный центр. Поэтому вы нигде и не с кем, то есть везде и... *с Сувориным и с Бабелем*.

Дочерей дорогого академика я, кажется, выбросила. Впрочем — посмотрю.
Mes salutations³.

Z. Hippus

Письмо С[авинко]ва как раз то, где «несчастный Вишняк» и все «с.р.-ы», т.е. кот[орое] вы читали. Обо мне — только предлагается «забыть мой «Дневник»».

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 435.

¹ См.: *Вишняк М.В.* Русский социализм и государство // СЗ. 1925. № 23. С. 372–393.

² который [в этом] не признается (фр.).

³ Привет (фр.).

79. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 18 апреля 1925 г.

18 IV 1925

Родная Зина,
не сердись, что не пишу — люблю тебя нежно, но писать не могу — голова! (недели две было плохо, теперь лучше).

Очень огорчаюсь из-за вилл — на днях упустили Evelina, вчера Mont-Fleury. Иван Алексеевич [Бунин] мечется, ищет и для себя, и для вас — Бог даст, найдет (и я помогаю).

Насчет статьи: пиши её, не прекращая. Если ты её кончишь к 5-му мая и если к этому времени номер не будет уже забит, мы её напечатаем в 24-й. Иначе, как это ни печально, отложим до 25-й¹.

Если у тебя есть *стихи*, пришли мне их².

Если не успеешь к этой книжке кончить статью, пожалуйста, напиши рецензию на книжку Зайцева «Сергий Радонежский» и Ильина «Серафим Саровский» — *очень тебя прошу об этом*.

Если у тебя этих книжек нет, попроси Володю [Злобина] купить их на rue Vineuse. Итак, стихи и рецензию непременно, а статью по возможности³.

Вас я увижу еще здесь, ибо, по всей вероятности, останусь на *май* на юге. Здесь теперь очень хорошо, и когда голова на месте, я счастлив. Тебя люблю нежно, никогда на тебя не сержусь и хочу тебя увидеть.

Когда получишь письмо, будет уже светлый праздник⁴. Христос воскрес. Сейчас мы едем в церковь, а оттуда разговляться с сестрами.

Поцелуй дорогого Димитрия и Володю. Крепко люблю и нежно целую.

Твой Ил[ья]

Напиши — у тебя голова здоровая.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Речь идет о статье «О любви». О сложности работы над ней еще 27 марта Гиппиус писала Е.А. Ляцкому: «на мне висит сейчас очень трудная и сложная статья “О любви” для *Совр[еменных] Зап[исок]*, особ[енно] трудная потому, что нигде ведь в полный голос говорить нельзя, лишь приходится проскальзывать в очень узкие щели, как в *Совр[еменных] Зап[исках]*, так и в *Посл[едних] Новостях*. При моей споровке — и то не всегда удается. Но это ужасно затрудняет всю мою теперешнюю работу» (Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 98).

² Ближайшая подборка стихов Гиппиус была в следующем номере: Песня о голоде («Хата моя черная, убогая...»); Кипарисы («Они четой растут, мои нежные...»); Красноглазое («Схватило, заперло, оставило...»); Слово? («Приходили они, уходили снова...»); Негласные рифмы («Хочешь знать, почему я весел?...») // СЗ. 1925. № 25. С. 243–246.

³ Гиппиус отрецензировала только книгу Б.К. Зайцева (СЗ. 1925. № 25. С. 545–547). Подробнее об обстоятельствах появления этой рецензии см. п. 96. Книга же Владимира Николаевича Ильина (1891–1974) «Преподобный Серафим Саровский» (Paris: YMCA-Press, 1925) в СЗ не рецензировалась вовсе.

⁴ В 1925 г. Пасха приходилась на 22 апреля.

80. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 21 апреля 1925 г.

Вторник

Родная Зина,

статью пришли мне, если ты её кончишь к 1-му мая. Если же удержишь до 5-го, передай прямо Вишняку. Но во втором случае много шансов, что она не попадет в номер, и я боюсь твоих непосредственных сношений с М.В. [Вишняком] (ты его

обижаешь). К тому же элементарная корректность со стороны редакции требует, чтобы статью предварительно показали Ивану Алексеевичу [Бунину]. Потому, если есть к[акая]-н[ибудь] возможность, прошу тебя выслать статью мне не позже 1-го мая.

Рецензию, если напишешь, отдай нам, а не в «П[оследние] н[овости]». Я остаюсь на Belvédère у Буниных. Увидимся 15-го. Тогда обо всем переговорим, и о моих планах, и о делах.

Курочка [А.О. Фондаминская] будет в Париже 2-го. Ответь сейчас же о статье. Тебя очень люблю. Крепко целую Димитрия.

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 81). Датируется по содержанию.

81. Гиппиус — Вишняку

Paris. 27 апреля 1925 г.

27 апр. 25

Дорогой М[арк] В[ениаминович],
нисколько не претендуя на ваше драгоценное время, но имея сейчас острое отвращение к перу, я отняла бы у вас лишь ½ мгновения: что вы желаете, чтобы я сделала со статьей, которую так настоятельно требовал от меня Илюша [Фондаминский]? Не внимая моим просьбам и представлениям, [он] т[а]к хотел ее к этой [книге], что даже дал мне срок до 1 мая; [я совершила?] *tour de force*¹ и кончила ее *теперь*. Что же вы желаете от меня? Послать ли ее Илюше? Дать ли вам? Или дать ее вам с тем, чтобы вы послали? Последнее лучше всего, ибо ускорило бы обычный процесс трения с вами.

Статья «Любовь» *длиннее* «Опр[авдания] свободы» и имеет две части: «Любовь и мысль» и «Любовь и красота».

Ваша З. Гиппиус

Мне нужно еще дня 2 для поправки.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Письмо сильно испорчено сыростью при хранении. Помета рукой Вишняка: «25». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 435—436.

¹ чудо ловкости (фр.).

82. Вишняк — Гиппиус

Paris. 28 апреля 1925 г.

28.IV.925

Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна!
Очень прошу Вас дать свою статью мне. Я ее не задержу и перешлю Илюше [Фондаминскому]. Я в редакции по прежнему — между 2½ и 6 по понедельникам, средам и пятницам.

Почему это вдруг Вы почувствовали острое отвращение к перу? Спрашиваю об этом с некоторым беспокойством потому, что и объективно Ваш почерк (в последнем письме) неожиданно изменился.

Одновременно с этим письмом вручаю консьержке письмо (заказное), полученное для Д[митрия] С[ергеевича]. Сердечный привет Вам и ему от

М. Вишняка

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 80).

83. Гиппиус — Вишняку

Paris. 28 апреля 1925 г.

Вт[о]р[ник]

Сами зайдите за статьей. А то опять нужно вам звонить, как вчера, и, оказывается, заранее требуется назначение rendez-vous даже для 2-х слов. Отвращение к перу — просто от безмерной *усталости*, писа[ния] в гриппе и бронхите.

Можно ли надеяться, что эта статья не будет известна никому лишнему до срока? Мне и в Грасс не хочется ее посылать, там Бунин и Степун. Да разве Ил. [Фондаминский] не приезжает через несколько дней?

Ваша З. Г.

Зайдите в четв[ерг].

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется по содержанию. Помета рукой Вишняка: «26». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 436.

84. Вишняк — Гиппиус

Paris. После 28 апреля 1925 г.

Глуб[окоуважаемая] Зин[аида] Ник[олаевна],
я получив от Вас ~~в третий раз уже не в первый раз~~ письмо даже без обращения, я ~~никак не рискнул сам даже зайти за Вашей «Любовью»~~, естественно, ~~не рискнул не зашел~~ воздержался от того, чтобы самому получить Вашу «Любовь». Слишком испуган был, для [3 нрзб]. ~~За ней сг~~ Я поручил зайти за рукописью одному человеку. Он сегодня же после 2 ча[сов] будет у Вас., который должен быть у Вас сегодня между 2 и 5 с ~~моей визитной карточкою~~ и тотчас же предоставит мне рукопись в редакцию. В ~~задержке~~ ~~происшедшей~~ Задержка, конечно, знач[ения] иметь не может.

Публикуется по черновому автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Датируется по содержанию. Помета рукой Вишняка: «к 25».

85. Гиппиус — Вишняку*Paris. 1 мая 1925 г.*

Дорогой Марк Вениаминович,
что же вы не зашли? Передумали? Хотите, чтоб я послала «Любовь» мою Илюше [Фондаминскому], а не вам отдала? Во всяком случае — я не виновата в задержке. И если сегодня, в день 1 мая не увижу вас — пошлю Илюше.

Ваша З. Гиппиус

1 мая 25. Париж

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Пневматическое письмо; адрес получателя: «M[onsieur]r Vichniac, 11, rue Claude Lorrain, [Paris] XVI»; почт. шпт.: «Paris, 1.5.25» Помета рукой Вишняка: «27». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 437.

86. Гиппиус — Вишняку*Paris. 1 мая 1925 г.*

Дорогой и многоуважаемый Марк Вениаминович, меня очень огорчает, что каждая наша попытка прийти в соприкосновение так неудачна, и каждое мое обращение к вам вызывает в вас такую неестественную подозрительность. Это, конечно, вина моя. Мне надо считаться с вашими индивидуальными особенностями, а я их забываю, и всякий раз мое нормально-дружественное к вам обращение вызывает удивляющий меня отпор, так что в первую минуту я даже ничего не понимаю. Быть может, вам неприятен мой иногда шуточный тон? Но это свойство моего характера вообще, хотя, конечно, я сознаюсь, что он порою неуместен.

Относительно данного случая: рука моя очень утомилась, и я хотела зайти в редакцию, чтобы спросить вас устно, предпочитаете ли вы получить рукопись сейчас сами, или через Илюшу [Фондаминского]? Выходя, я позвонила, но мне сказали, что вы не можете принять меня до 5 часов, а ждать до 5 я не могла, ибо выхожу очень мало, будучи еще больной. Тогда я написала вам несколько строк, не думая об официальной стороне письма и надеясь, что вы извините мой почерк и физическое утомление¹. Просила также вас зайти за рукописью, желая кое-что выяснить в обычном разговоре и очень затрудняясь опять идти к вам и, м.б., ждать вас долго. Оказалось, что я забыла «обращение», и вы отсюда вывели, что ваш визит ко мне был бы «неестественен»². Для меня — этот вывод «неестественен», но не будем спорить: согласимся лишь в том, что если вы считаете ненатуральным зайти ко мне, по дороге, за статьей и дать вашему сотруднику 10 минут разговора, то с моей стороны ненатурально посылать вам статью, не вами заказанную, с «человечком», когда Илюша именно просил посылать все ему. Очевидно, он имел на то основания, а я все не понимаю и продолжаю к вам обращаться с моим нормальным отношением.

Искренно, от всей души, прошу у вас извинения за мои невольные прегрешения и за все, что вам, вероятно, кажется не вызванной вами «фамильярностью». Обещаю соблюдать всю корректность, которая вас могла бы удовлетворить.

Уважающая вас

З. Гиппиус

P.S. Статью я уже отослала сегодня, по получении вашей пневматички, Илюше.
1 мая 25, Париж

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «28». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 437–438.

¹ См. п. 83.

² См. п. 84.

87. Вишняк — Гиппиус

Paris. 1 мая 1925 г.

1-го мая 1925

Глубокоуважаемая и дорогая, не всегда любезная Зинаида Николаевна! Я весьма высокого мнения о Ваших эпистолярных талантах, ценю и люблю Ваш «шутливый тон». Но ино дело тон шутливый, а другое дело — тон... да и не только тон, всегда неувимый и всегда спорный. Не знаю, как Вы, но я не привык получать письма без обращения, «анонимные» — не в конце, а в начале. И ни рука, ни бронхит, ни ответ телефонный etc. — тут решительно не при чем. Ибо Ваше письмо без обращения было уже *третьим* по счету¹. Два раза я промолчал. В третий раз решил «реагировать». Не думаю, чтобы это свидетельствовало о моей «подозрительности» и к тому же неестественной. Не знаю, конечно, как поступили бы — и поступают — в таких случаях другие. Но не сомневаюсь ни в малой мере, что *Вы* на моем месте не стали бы ждать и второго письма... Я полагал, что хоть в три раза менее активно, чем Вы, но должен защищать свое достоинство и я. Хотя бы в качестве Вашего корреспондента!..

Теперь по существу инцидента. — Тут явное недоразумение.

Я сидел в своей комнате, когда раздался звонок по телефону. Вслед за тем вышел Серг. Фед. Штерн², подошедший к телефону, со словами: «Злобин — почему-то по-французски — спрашивает, когда Вишняк будет в редакции?» Я ответил: от 3 до 6, но между 4 и 4½ я буду занят. (У меня был уже назначен разговор с Вл. Ходасевичем.) — Вот и весь разговор. Дословно. О том, что у телефона находитесь Вы; что собираетесь всего на 10 минут и собираетесь сейчас, — я и понятия не имел. Никакого свидания на 5 ч. я, конечно, тоже не назначал. Тут явно кто-то не так передал, не дослышал или не понял (как передавал мои слова Штерн, — я слышал).

Если бы не «человечек», которого Вы совершенно зря обидели, он решительно не «в драке», — против Вашего решения послать рукопись Илюше [Фондаминскому] ничего нельзя было бы возразить: мы ли ему переслали бы, он ли нам перешлет — время то же. Да я и вообще не «возражаю» и не нападаю. Я только обороняюсь. Точнее, объясняю, почему и от чего я обороняюсь.

Закончу тем же, чем начал. Ваше мастерство писать письма — общепризнанно и неоспоримо. Умею ценить его и я, как умею, кажется, ценить и шутку, и острое словцо. Но *отсутствие* слова, отсутствие повторное, не раз и не два, — мне казалось возможным истолковать только так, как я его и истолковал. Очень рад, что я, по-видимому, все-таки ошибся и, с своей стороны, приношу Вам извинение за предположения, сделанные на основании одних лишь объективных (внешних) фактов.

Давайте мириться?! С полухристианским приветом

М. Вишняк

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 80). В архиве Вишняка сохранилась копия данного письма (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44), с пометой: «к 28».

¹ Имеются в виду п. 76, 78, 83.

² Штерн Сергей Федорович (1886–1947), юрист, журналист, литератор.

88. Гиппиус — Вишняку

Paris. 2 мая 1925 г.

2 мая 25 Париж.

Хорошо, давайте. С чего же мы начнем?

Да, оговорка: обращение — налево в углу, маленькое¹; специально для вас, т.к. вы еще не знаете, что иногда бывает «переписка», а иногда «диалог»: и в последнем случае — вообразите, что было бы, если б разговаривающие каждую реплику начинали с «глубокоуважаемого такого-то» (и пауза). Даже генералы чувствуют, что было бы нехудожественно разговаривать так: Ваше превосходительство! сегодня недурная погода! — Ваше превосходительство! очень недурная. — Ваше превосходительство! а если пойдет дождь? — Ваше превосходительство! тогда мы намокнем... и т.д. Наша последняя переписка записками была именно «диалогом», чему доказательство, что я начала одну из них, именно ту, которую помню «без обращения», словом «тогда»². Где же видано, чтоб *письмо* начиналось с «тогда»?

Значит ладно, давайте мириться. Je n'en demande pas mieux³. Беда в том, что я, при моей объективности и терпении, ни с кем не ссорюсь, и только огорчаюсь, когда ссорятся со мной. Впрочем — нет: иногда я, в первую минуту, могу тоже рассердиться; но это продолжается до второй минуты. С ее наступлением я уже не «сержусь»: уступаю, если объективно не права; уступаю, если я права, но противник мой не дорос до объективности; не уступаю, когда дело не личное; но во всех случаях остаюсь при — улыбке.

Так было сейчас, при получении, вместе с вашим, письма от Илюши [Фондаминского], где он просит послать рукопись [по той] (кроме всех прочих) причине, что «элементарная вежливость требует, чтобы редакция показала эту статью раньше Бунину»⁴. Я рассердилась, потому что в совершенно аналогичном случае рецензия Шлецера *не была* показана Дм[итрию] С[ергееви]чу⁵; аналогия не полная только потому, что моя статья, во-первых, *не* о Бунине, который там лишь в

конце, рядом с Гете и Деренном; во-вторых — она *не* критика художественная (что я подчеркиваю); в-третьих — это вовсе не критика, а лишь экспозиция точки зрения Вл. Соловьева, которую я никому не навязываю, только о ней рассказываю, и думаю, что этот рассказ может быть интересен; в-четвертых — это не рецензия, а *серьезная* статья, которая именно Бунину не может быть интересна, т.к. именно этими вещами он не занимается, заниматься не хочет (или не может).

Поэтому я и рассердилась. Но затем, с объективной точки зрения, рассудила: если редакция поняла, что в первый раз поступила против правил «элементарной вежливости» и теперь «дует на воду», то это она в процессе самовоспитания, и никто не виноват, что попались мы с Вл. Соловьевым, точку зрения которого, конечно, Ив. Ал.⁶ пропустить не сможет. Как ни далеки его взгляды от взглядов редакции вообще, но и за Вл. С[оловье]ва редакция горой не стоит; вы ведь и сами, в лучшие ваши минуты, «полу-соловьевец»... Ну, а от запрещения Ив. А-м [Бунинным] Соловьева ни он, ни я особенно не пострадаем. В другом месте⁷ расскажем, кому интересно. И я предоставила Илюше всю свободу действий на время нахождения рукописи у него.

Видите, как я покладиста. Из-за чего же со мной ссориться?
С самым приятным [приветом] Искренно вами дов[ольна?]

[З. Гиппиус]

Псылаю всех найденных «дочерей»⁸.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «29». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 200–201.

¹ Левый верхний угол первого листа настоящего письма утрачен от сырости.

² Такого письма среди сохранившихся нет.

³ Я ничего лучшего и не прошу (фр.).

⁴ См. п. 80. Ответ на это Гиппиус из несохранившегося письма см. в п. 91.

⁵ Речь о рецензии Б.Ф. Шлецера на первую книгу «Окна» (СЗ. 1923. № 16. С. 414–419), где шла речь о «Египте» Д.С. Мережковского с серьезной критикой этого произведения.

⁶ И.А. Бунин (примеч. Вишняка).

⁷ «Другим местом» для статьи З. Гиппиус «Искусство и любовь» оказался сборник «Опыты» № 2, вышедший в Нью Йорке под редакцией Р.Н. Гринберга и В.Л. Пастухова в 1953 г. — через 10 лет после смерти автора (примеч. Вишняка). — М.В. Вишняк явно забыл о публикации статьи «О любви» в ПН. «Искусство и любовь» является лишь вариантом предыдущего текста. Ошибку он исправил лишь в отдельном издании воспоминаний.

⁸ См. п. 76.

89. Фондаминский — Гиппиус *Grasse. 5 мая 1925 г.*

5 V 1925

Родная Зина,
знаю, что письмо мое возбудит в тебе гнев, верю, что любовь ко мне победит твой гнев, и твердо надеюсь, что, в конце концов, ты согласишься, что я был прав, и будешь благодарна мне за то, что я удержал тебя от неправильного шага. Прочтя твою рукопись¹, я телеграфировал Вишняку, что твоя статья не может быть на-

печатана в выходящем номере. Сделал я это не из страха перед редакцией, а наоборот, сознавая, что я совершаю неконституционный акт, беря на себя одного решение отложить статью, и уверенный, что редакция напечатала бы статью, не изменив ни одного слова². Поступил я так по следующим основаниям:

1. Я считаю некорректным печатать *в одном и том же номере* произведение близкого сотрудника и критическую, и в общем *недоброжелательную*, статью об этом произведении, не ознакомив предварительно автора с критической статьей о нем. Ты же не дала мне права прочесть предварительно твою статью Ивану Алексеевичу [Бунину]³. Когда я сговаривался с тобой о статье для этого номера, где печатается и роман Ивана Алексеевича, я не сомневался: 1) что статья будет благожелательная; 2) что ты предварительно прочтешь ее Ив. Ал. Указание на рецензию Шлецера для меня неубедительно, ибо Шл[ецер] писал о вещи Димитрия, помещенной в чужом издании («Окне»).

2. Ты писала статью по рукописи. Между тем, Ив. Алекс. кое-что в корректуре выбросил. Например, слово «проститутка», к[о]т[о]р[ое] ты упоминаешь, теперь выброшено. Что еще выброшено, я не знаю. Ты сама поймешь, что произошло бы, если бы твоя статья была напечатана в таком виде.

3–4. *Главные мотивы:*

3. Напечатание статьи в таком виде и в этом номере рассорило бы нас навсегда с Ив. Алекс. И он был бы прав: нельзя печатать одновременно художественное произведение и недоброжелательную критику на него.

4. Это рассорило бы и тебя с Ив. Алекс., что я считал бы большим злом и горем. Я знаю, как ты любовно относилась к нему и как любовно и теперь он относится к тебе. Большой грех рвать такие цельные отношения, особенно в наших условиях жизни.

По существу же статьи я могу сказать следующее: статья глубокая и интересная, а для нашего дела важная и нужная. Но по отношению к Ив. Алекс. она *недоброжелательна и несправедлива*. Сколько бы ты не отрицала это, я не поверю — я верю своему слуху в этих вопросах, и он меня до сих пор не обманывал. Одно из двух: или ты должна выбросить всю эстетическую критику Бунина или быть в ней полнее и справедливее, во всяком случае, не противоречить тому, что ты писала о нем. На этом я и буду настаивать, когда мы с тобой увидимся. И я убежден, что ты со мной согласишься. И когда ты справишь или дополнишь статью, ты *прочтешь её Ивану Алексеевичу*: и после этого мы напечатает её в следующей книжке.

Родная Зина, поверь мне, что мною больше всего руководит не боязнь обидеть Ивана Ал., а любовь к тебе, к делу и чувство справедливости. Убежден, что живи мы вместе, всего этого не случилось бы. Я и сам горюю, что по болезни и слабости не даю всего, что могу. Зато верю в Божью помощь и прошу его дать нам сил, что[бы] поработать для нашего дела.

Пишу так мало, ибо — видишь по каракулям — что писать мне трудно.

Скоро тебя увижу и обниму. Крепко целую тебя и Димитрия. Кланяйся Володе. Будь здорова, родная, и не сердись на меня.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Речь идет все о той же статье «О любви».

² 6 мая Фондаминский писал Рудневу и Вишняку: «Я совершил два редакционных своевольства, за которые прошу меня простить. Думаю, что поступил правильно и что вы меня одобрите. 1. Я телеграфировал вам, что статья Гиппиус не может быть напечатана в этом номере, и о том же известил Зин. Ник. [Гиппиус]. Мотивы следующие. Когда мы решили печатать статью Гиппиус в том же номере, в к[о]т[о]р[ом] печатаем “Митину любовь”, мы боялись лишь одного: что критика будет чересчур хвалебной. Вышло наоборот. Критика З.Н. явно *недобросовестная*. Очевидно, З.Н. за что-то сердита на Ив. Алекс. [Бунина] (началось, кажется, с дела Демидова) и не удержалась от того, чтобы не выявить это в статье. Статья очень интересна, но явно несправедливая и обидная для Б[унина]. К тому же она не дала мне права прочесть её предварительно Ив. Алекс. и к тому же цитирует роман по рукописи, а между тем Ив. Ал. кое-что выбросил и как раз то, что она цитирует. Я сам решил, что печатать в таком виде её нельзя. Чтобы проверить себя, я *по секрету* дал её прочесть Ив. Алекс. Эффект был тот, к[о]т[о]р[ого] я ожидал. Он ужасно огорчился и взволновался. Потому я написал З.Н., что – по личному своему своеволию, за что буду нести ответственность перед редакцией – я решил отложить её печатание до следующего номера. Мотивы: 1. Неверный текст. 2. Некорректность печатать критику на печатаемое в том же номере произведение, не дав прочесть автору. 3. Недоброжелательность критики, что противоречит ее прежним печатным отзывам. Я надеюсь убедить здесь З.Н. кое-что обидное изменить и предварительно самой прочесть статью Ив. Алекс. Думаю всё дело уладить, так что в 25 номере можно будет её печатать» (Ред., п. 52).

³ На основании этого письма эпизод описан в воспоминаниях Вишняка (1993. С. 98).

90. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 8 мая 1925 г.

8 V 1925

Родная Зина,
телеграмма твоя¹ пришла, когда рукопись была уже отослана в редакцию. Я написал в Париж, чтобы рукопись тебе доставили возможно скорей. Ты сама представляешь, как меня твоя телеграмма огорчила. Нас с тобой соединяют отношения и деловые и личные. И личные прежде всего. Дай Бог, чтобы дело с новым журналом устроилось и от души хочу, чтобы ты была редактором². Но тогда ты сама увидишь (ты забыла!), какое это трудное дело быть редактором, и сколько доброй воли и благожелательства нужно иметь и редактору, и сотрудникам, чтобы дело удалось. Ты знаешь, какие усилия мне надо делать и какие трудности надо преодолевать, чтобы поднять журнал на некоторую высоту – неужели и ты должна увеличивать эти трудности. Еще обиднее – наши личные отношения. Я тебе писал, что редакция тут не при чем. Делаю на свою личную ответственность. Если ты думаешь, что я с тобой меньше считаюсь, чем полагается в этих делах, то не думаешь ли ты, что у меня есть на это право благодаря нашим личным отношениям? Или ты думаешь, что дружба и любовь не дают никаких прав? В таком случае я держусь другого мнения и предоставляю тебе сверхгражданские права в отношении к себе – ты можешь ими пользоваться, не боясь обидеть меня. Я тебя крепко люблю и спокойно вынесу даже ненужные обиды. Просьба моя – не предпринимать ничего до нашего свидания.

Крепко тебя целую.

Твой И.

Поцелуй Дмитрия и Володю.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Текст телеграммы неизвестен, однако ее содержание Фондаминский излагал Вишняку 8 мая: «В ответ на мое письмо получил от З.Н. [Гиппиус] телеграмму, с просьбой вернуть рукопись. Я ей ответил, что рукопись уже послана тебе и что я пишу, чтобы рукопись ей доставили. Вы можете или просто послать ей рукопись по почте, или — *что лучше* — лично зайти к ней (ты или Вадим [Руднев]), убедить её не сердиться, сказать, что статья очень хороша (вы, вероятно, это найдете) и пойдет в следующем номере, а всё случившееся *целиком свалить на меня* (ему неловко перед Ив. Алекс. [Буниным] и т.д.). На одно только не соглашайтесь — *печатать её в этом номере*. Этим вы меня поставите в безвыходное положение, и я *лично* прошу вас этого не делать. Что же касается изменений, предоставьте это моим переговорам с ней при свидании (разумеется, если вы сами не найдете нужным сделать к[акие-]н[ибудь] указания). Разумеется, мне очень хочется лично уладить это, хотя З.Н. поступила нехорошо и по отношению к И.А., и ко мне лично» (Ред., п. 53).

² В это время обсуждался вопрос о создании нового журнала под редакцией Гиппиус на деньги, выделяемые югославским правительством. Эти планы, однако, не осуществились, и Гиппиус получила возможность активно участвовать в редакционной политике какого-либо журнала лишь в «Новом доме», первый номер которого вышел больше чем через год после данного письма. См. также п. 101.

91. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 12 мая 1925 г.

12 V 1925

Родная Зина,

получил твоё умное и спокойное письмо и пожалел о своём взволнованном ответе на твою телеграмму. Утешаю себя тем, что и ты жалеешь, что послала *телеграмму*. Урок: будем воздерживаться от резких действий в отношении друг к другу. Тебя огорчило мое решение отложить печатание статьи, меня — твоя телеграмма. При свидании всё спокойно обдумаем и обсудим. Если у нас с тобой не может быть «общего дела», то тогда у кого же? Подумай об этом и крепись.

Теперь кратко по существу:

1. Ты пыгаешься поведсти *принципиальный* фундамент под наше разногласие — ты «соловьевка», а редакция идет по линии разрыва искусства с жизнью. Но я тебе уже дважды писал, что редакция тут не при чём. Это было мое личное своеволие, которым редакция вряд ли будет довольна. И т.к. редакция, прочтя статью, — не сомневаюсь в этом, — будет просить тебя обязательно печатать статью в следующем номере и не будет требовать никаких изменений, то ты сама убедишься, что твоё *принципиальное* обоснование инцидента не *tient pas debout*¹. Буду убеждать тебя сделать изменения я и еще больше буду настаивать на предварительном прочтении статьи И. А-у [Бунину] я.

Буду делать это не по *принципиальным* соображениям, а по *формальным и личным*. По формальным, ибо считаю, что не в литературных нравах печатать критическую статью на художественное произведение в одном и том же номере, не прочитав критическую статью критикуемому автору (ты не дала мне права прочесть статью И.А., ибо писала: «Очень просила бы тебя, когда статью получишь, не читать её ни Степуну, ни Ив. Ал-чу (это, пожалуй, я бы могла сделать только сама»); по *личным*: ибо считаю, что в твоей статье — в ее художественной оценке

романа Ив. Ал. — сквозит некоторое недоброжелательство к Ив. Ал., чего *не почувствовать нельзя*. Ты недовольна Ив. Ал. как человеком и политическим деятелем (это я знаю из твоих писем ко мне) и ты отразила это в своей статье. От этого шага я и хочу удержать тебя. Ты написала об Ив. Ал. замечательную статью «Тайна зеркала»², где вскрыла тайну этого «замечательного человека» и «замечательного писателя» и непонятным диссонансом звучит твоя новая характеристика Ив. Ал. как художника «данного» и далеко не замечательного человека³. М.б., мне не удастся убедить тебя выбросить худож[ественную] оценку Ив. Алек. в твоей *философской* статье (ты сама в ней пишешь, что воздерживаешься от «художественных оценок») — тем хуже будет для меня, тебя и Ив. Ал. Но не сделать этой попытки, при моих отношениях с тобой, я не могу. Разве ты не жалеешь теперь своей характеристики Арцыбашева как талантливого художника, — этого маленького человека и второклассного писателя, к[о]т[о]р[ый] глупо и гордо заявляет теперь: Санин и есть Арцыбашев (см. его последний фельетон⁴)? И разве не было бы проявлением моей любви к тебе, если бы я попытался, в свое время, удержать тебя от этого шага?

Когда мы увидимся, мы поговорим и об этом — о правах друг на друга; может быть, я действительно иду слишком далеко. (Когда в редакции обсуждался вопрос, можно ли брать статью Бердяева, возражающего его критикам в «С[овременных] з[аписках]»⁵, встал вопрос, как быть: мы должны дать ответы редакции — статьи Степуна и Вишняка⁶, но надо дать возможность ответить и тебе, между тем, дать три статьи в ответ на статью Бердяева нет возможности, я положил конец сомнениям, заявив: я беру на себя разговор с Зин[аидой] Ник[олаевной], редакция может спокойно печатать статью Бердяева. Я и до сих пор не писал тебе об этом, отложив вопрос до свидания.)

По принципиальному же вопросу о «разрыве искусства с жизнью», я думаю, нам с тобой не трудно будет сговориться. В чём вина «С[овременных] з[аписок]»? — Что они печатают Бунина, Шмелева и Ремизова? Но разве ты их не будешь печатать? Разве на «инициативном» собрании не участвовали Шмелев и Куприн⁷?

Родная Зина, когда мы виделись и говорили, ты горела желанием «объединяющего», а не «разъединяющего». Теперь ты ищешь разногласий там, где их нет. «С[овременные] з[аписки]» медленно, но неуклонно идут по пути, к[о]т[о]р[ый] ты и Димитрий наметили уже давно: по пути соединения жизни и религии и, вместе с тем, жизни и *подлинного* искусства. Глубочайше убежден, что Бунин — это подлинное искусство и печатание Бунина в «С[овременных] з[аписках]» — не измена «делу», а шествие по избранному пути и к намеченной цели. Потому мне и не надо выбирать между тобой и Буниным. Не хочу думать, что ты можешь поставить вопрос о «выборе» — это было бы большим несчастьем и неправдой.

До скорого свидания, родная. Писать мне трудно, а при свидании мы легче пойдем друг друга. Крепко тебя целую. Поцелуй Димитрия и Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Здесь: не выдерживает критики (фр.).

² Общее дело. 1921. 16 мая. № 304. С. 2–3.

³ См. в статье Гиппиус: «Бунин — король изобразительности, король “данного”; я не знаю в современности равного ему мастера, такого — не рассказывающего нам о природе, вещах и людях, а прямо показывающего их. [...] Конечно, талант изобразительный по преимуществу, художник, не склонный к обобщениям и не ищущий смысла явлений, не будет изображать предметы “в свете нового мира” или с точки зрения их окончательного состояния. [...] но именно большой талант *не может* остановиться на этом, ограничиться этим [...] И я подчеркиваю: если он не желает или не умеет видеть *улучшенной* действительности, он рискует дать ее *ухудшенной*. Такой художник легко соскальзывает с действительности — вниз [...] Мы увидим далее, что в романе Бунина такое соскальзывание и происходит» (Гиппиус З.Н. О любви // ПН. 1925. 25 июня. № 1585. С. 3). В качестве своеобразной компенсации в обзоре 24-й книги СЗ Гиппиус писала: «Прелестную, душистую повесть Бунина “Митина любовь” не следовало делить [...] Окончание, взятое отдельно, [...] может оставить впечатление некоторой грубости: нет первых глав, пронизанных волшебным, всепроникающим, нежным светом. Впрочем, Бунин — художник, образы которого не скоро бледнеют в памяти: магическое действие их длительно» (Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] «Современные записки». Книга XXIV // ПН. 1925. 25 июля. № 1608. С. 2).

⁴ См.: Арцыбашев М. Записки писателя. ЛП. Вместо благодарности // За свободу! 1925. 3 мая. № 116 (1520). С. 2–3. В статье, посвященной собственному юбилею, Арцыбашев вспоминает статью Гиппиус «По Арцыбашеву» и радуется тому, что теперь она изменила свое отношение. Слова «Эх-ма, а вить Санин-то я» в этой статье Арцыбашева — парфраз слов Плюшкина из «Мертвых душ».

⁵ См.: Бердяев Н.А. В защиту христианской свободы: (Письмо в редакцию) // СЗ. 1925. № 24. С. 285–303.

⁶ Стенун Ф.А. По поводу письма Н.А. Бердяева // Там же. С. 304–320; Вишняк М.В. Две свободы // Там же. С. 321–334.

⁷ О каком собрании идет речь, нам достоверно неизвестно.

92. Гиппиус — Вишняку Paris. 20 мая 1925 г.

Среда 20 м. 25. Париж

Дорогой Марк Вениаминович,
собственная болезнь, а потом снова болезнь Д[митрия] С[ергееви]ча (б.м., из-за нее мы опять не уедем!) не позволили мне написать вам раньше, а сейчас не позволяют писать так подробно, как бы надо. Конфликт мой с «Совр[еменными] зап[исками]» на этот раз вышел обратный обычному. Дело в том, что я получила письмо от Илюши [Фондаминского], где он, несмотря на то, что редакция соглашается печатать мою статью целиком, настаивает, лично, на тех глубоких переменах, на которые я не могу согласиться. И я бы должна, значит, идти *против* Илюши — с редакцией. На это я тоже не могу согласиться, ввиду моих личных с Ил. отношений, что вы поймете же. И приходится взять средний выход, благо Милюков хочет напечатать мою статью целиком в *двух* фельетонах. Все это меня очень расстраивает, но что прикажете делать, когда Ил. нет, а Бунин там свертел его понимание. Отказаться *совсем* от печатания моей работы мне очень трудно во всех отношениях, что вы тоже поймете. Я очень рада, что в данном случае вы так прекрасно поняли и мою статью, и то, что никакой *художественной* неправды и недоброжелательства (!) к Бунину она не заключает. Позвольте вас поблагодарить за эту радость.

В Ил. письме есть какие-то намеки, мне непонятные, насчет возражений Бердяева¹. Я, как будто, не удостоилась даже знать их заранее, не говоря о возможном моем ответе... Но тогда почему Ил. так настаивал, что «корректность» требует показать Бунину мою статью, где даже нет ему возражений по существу?

Все это, повторяю, очень неприятно, и только утешает ваше, хотя и платоническое, отношение к предмету моей работы. Жму вашу руку.

З. Гиппиус

P.S. Когда появится объявление о книжке? Я боюсь, что несмотря на все мои предупреждения, статью пустят слишком скоро в «П[оследних] н[овостях]».

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 439.

¹ См. п. 91. В своем письме Н.А. Бердяев не вел конкретной полемики ни с Гиппиус, ни с другими авторами статей о его книге, а в очередной раз излагал свои взгляды. Вероятно, именно поэтому и было решено дать ответы «от редакции», а не ото всех авторов. Обсуждение плана напечатания трех статей, посвященных обсуждению концепций Бердяева см. в письме Фондаминского к Вишняку от 22 февраля (Ред., п. 40); 5 марта он дополнительно сообщал: «Очень огорчило меня и показалось “случайным” ваше решение относительно Бердяева. Испугались 3-й статьи Гиппиус и вынули “изюминку” из номера. Зачем нужно в 10-й раз “догматическое” изложение взглядов Бердяева? Ведь мы их знаем — он их столько раз повторял. Вся прелесть и интерес в том, чтобы он у нас попробовал отпарировать ~~утреки~~ доводы Степуна, Гиппиус, твои. И на его удары тут же ответить ударами. На что же ты и Степун будете отвечать? Критиковать “догматические” положения Бердяева? Но вы это уже сделали. Очень вас прошу пересмотреть принятое решение (с Бердяевым можно поговорить частно — без офиц[иального] письма), а я беру на себя устроить, чтобы Гиппиус не требовала места для возражения (если захочет, напишет в “Посл[едних] нов[остях]”): Т[аким] о[бразом] и *острота* сохранится, и трех статей не будет» (Ред., п. 42).

93. Фондаминский — Гиппиус

Б.м. До 18 июня 1925 г.

Четверг

Родная Зина,

решил произвести на тебя последний натиск — готовься к нему.

Статью твою¹ надо взять из «П[оследних] н[овостей]» и отдать нам, ибо:

1. Статья твоя не газетная: разбитая на части, она пропадет — ее не заметят. Между тем, она *идейно очень важная* — критика «Митиной любви» только эпизод.

2. Статья твоя примыкает к предыдущей, напечатанной в «С[овременных] з[аписках]»². Вместе с нею она кует *миросозерцание*, к[о]т[о]р[ое] и должно определить физиономию «С[овременных] з[аписок]». Можно ли рушить дело из-за инцидента, к[о]т[о]р[ый] к существу дела никакого отношения не имеет? Новое идейное течение с таким трудом оформляется, и деятелей так мало, — грех допустить, чтобы твой вклад пропал даром.

3. Ты отдала статью в «П[оследние] н[овости]», ибо не хотела итти против меня — между тем, этим ты мое положение в редакции очень *ослабляешь*: при каждом смелом шаге мне будут указывать на ущерб журналу (потеря твоей

статьи), к[о]т[о]р[ый] я принес своей *личной* политикой. А помни: а) неизвестно, создается ли новый журнал; б) если и создается, он будет литературным и культурно-эkleктичным — нового мирозерцания там не выработаешь. «С[овременные] з[аписки]» еще нужны, и моя роль в них очень существенна. Что касается спорных выражений в твоей статье, я тебя неволить не буду: я тебе укажу, что я считаю лишним и неосторожным, а ты поступишь, как захочешь. — Статью из «П[оследних] н[овостей]» получить легко — достаточно тебе написать Игорю [Демидову] и сказать, что я об этом очень прошу. Если не хочешь, я сам могу написать.

Я приеду в субботу и останусь ночевать, в воскресенье буду провожать В. Ос. [Гавронскую]. Если она уезжает не в воскресенье, попроси Володю мне телефонировать.

Крепко целую тебя и Дмитрия. Дмитрия прошу меня *поддержать*. Поцелуй Володю.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 81).
Датируется по содержанию.

¹ См. примеч. 3 к п. 64.

² «Оправдание свободы».

94. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 5 июля 1925 г.

5 VII 1925

Родная Зиночка,

не удивляйся, что не пишу. Ты первая в любви и последняя в письмах, и это не противоположение, а внутренняя последовательность.

Сначала кратко о делах, потом еще кратче о «личном».

1. Пришли много стихов¹. «Много» — не только потому, что тебя очень ценим, но потому, что авансировали тебе на посылку 240 фр.

2. О твоих книгах пишет для «С[овременных] з[аписок]» Ходасевич. Сделали это намеренно, ибо чувствуем, что он к тебе немного неравнодушен².

3. Посылаем тебе книгу стихов Цветаевой «Молодец». Просим тебя, если книга тебе понравится, написать о ней 1–2 странички. Если не понравится, не пиши и книгу верни. Я окончательно утвердился в редакторской мудрости: о своих сотрудниках ругательных отзывов не давать — пусть ругают другие (Ходасевич дал о Цветаевой восторженный отзыв)³.

4. Посылаю тебе стихи Оцуа. Прочти их и *тотчас* верни с отзывом: хороши ли и *стоит ли печатать*. Вишняк верит только тебе⁴.

Теперь личное:

Прежде всего крепко тебя целую и люблю. Люблю за всё, но, в частности, за твою сегодняшнюю статью в «П[оследних] н[овостях]»⁵. Милюков бьет Струве, но не по нутру⁶, ты — в самое нутро. Читала ли ты статью Димы [Философо-

ва]?? Увы, Струве оказался слабее и наивнее, чем я думал. Куда ему «правый центр» утвердить⁸. Хорошо если его целиком не проглотит Марков II и если от него останутся хоть рожки да ножки. Но я этому не радуюсь, а огорчаюсь. — Вишняк радуется нашему с тобой примирению и с трудом прощает, что я «упустил» твою статью «О любви». Я обещал, что больше этого никогда не будет.

Виделся два раза с Бердяевым (у Пти⁹ и в философском кружке¹⁰). Не сердись, но Б[ердяев] мне нравится и почему-то мне кажется, что он в конце концов будет на нашей стороне. По крайней мере в «Возрождении» он участвовать категорически отказался¹¹. Скоро выходит его религ[иозно]-фил[ософский] журнал¹². С Демидовым очень дружу. Вообще же народу вижу мало. Чувствую себя недурно, но достигаю это тем, что больше сижу тихо у себя в кабинете. До вечера ни телефонов, ни звонков — за этим следит сама Курочка [А.О. Фондаминская]. Она чувствует себя недурно. До сих пор много танцевала — теперь сезон кончается. В Германию не едет — Влад. Мих. [Зензинов] приезжает сюда¹³. Всё собирается тебе писать, но у ней теперь «не писательское» настроение — никому не пишет. В Париже холодно. Оттого ли, что не жарко, оттого ли, что в моем кабинете тихо, Париж меня пока не тяготит — скорее приятен. Был у доктора, к[о]т[о]р[ый] обещает меня совсем вылечить. Слышал, что вы остаетесь на Alba — если не будет жарко, это хорошо. От тебя жду ответного послания — ты так хорошо и легко пишешь, а для меня это радость.

Поцелуй крепко Ольгу Львовну [Еремееву], Екатерину Михайловну [Лопатину]¹⁴, Димитрия и Володю.

Тебя я нежно целую и люблю. Не ревнуй, если я и других люблю — и в моей любви есть «иерархия».

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Гиппиус прислала подборку: *Гиппиус З.Н.* Песня о голоде («Хата моя черная, убогая...»); Кипарисы («Они четой растут, мои нежные...»); Красноглазое («Схватило, заперло, оставило...»); Слово? («Приходили они, уходили снова...»); Негласные рифмы («Хочешь знать, почему я весел?...») // СЗ. 1925. № 25. С. 243–246.

² См.: *Ходасевич В.Ф.* [Рец. на кн.:] Гиппиус З.Н. Живые лица. Прага: Пламя, 1925. Вып. 1–2 // СЗ. 1925. № 25. С. 535–541. После этой рецензии начались весьма приятные отношения между двумя писателями и — ненадолго — интенсивная переписка.

³ К поэзии М.И. Цветаевой Гиппиус неизменно относилась отрицательно, поэтому отзыв о книге (*Цветаева М.* Молодец: Сказка. Прага, 1924) не дала. Отзыв Ходасевича см.: Заметки о стихах (М. Цветаева. «Молодец») // ПН. 1925. 11 июня. № 1573. С. 4. Он заканчивался: «Восхитительная сказка Марины Цветаевой, конечно, представляет собою явление, по значительности и красоте не имеющее во внутрисоветской поэзии ничего не только равного, но и хоть могущего по чести сравниться с нею».

⁴ Вероятно, из этих стихов была выбрана часть: *Оцун Н.А.* Двадцатый год: (Отрывки из поэмы) // СЗ. 1925. № 26. С. 216–217.

⁵ *Гиппиус З.Н.* «Православный» Струве // ПН. 1925. 5 июля. № 1594. С. 2. Обсуждение взглядов П.Б. Струве было связано с началом газеты «Возрождение» под его редакцией.

⁶ Вероятно, имеется в виду неподписанная передовая статья: Третья попытка // ПН. 1925. 5 июля. № 1594. С. 1.

⁷ См.: *Философов Д.* Республиканцы и монархисты // За свободу! 1925. 1 июля. № 170 (1574). С. 2–3. В статье идет полемика с докладом Н.Е. Маркова о культуре и с газетой «Возрождение».

⁸ См. декларацию Струве: Освобождение и возрождение // Возрождение. 1925. 3 июля. № 1. Подробнее о газете в начальный период ее существования см. последнюю по времени статью: *Яковлева К.В.* «...Собрать вокруг избранного нами лица умственную дружину, искусленную в разных политических вопросах и сильно дисциплинированную»: газета «Возрождение» в 1925–1927 гг. // Кафедра критики – своим юбилярам. М., 2008. С. 224–243 (там же библиография предшествующих публикаций). В письме к Струве от 19 июня 1925 г. Д.С. Мережковский так объяснял свою (и, очевидно, Гиппиус) позицию: «Ваша воля к центру (“либерально-консервативному”) мне очень по душе. Весь вопрос в том, откуда идти к центру, слева или справа» (Начало газеты «Возрождение»: Неизданные письма Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, М.П. Арцыбашева, В.Л. Бурцева, А.И. Каминки и Г.А. Ландау из архива П.Б. Струве / Публ., коммент. и примеч. Г.П. Струве // Мосты. 1959. № 3. С. 379). Ср. в записи В.Н. Буниной от 16 июня: «З.Н. [Гиппиус] и И.Ис. [Фондаминский] хотят основать левый центр и там строить все на национальной, религиозной и демократической основе» (Устами Буниных. Т. 2. С. 143).

⁹ Семья Эжена (Евгения Юльевича) Пети (Eugène Petit; 1871–1938) и Софии Григорьевны Балаховской-Пети (1870–1966) играла видную роль в создании наиболее благоприятной обстановки для русской эмиграции во Франции. Подробнее (с указанием предшествующих публикаций) см.: *Ливак Л.* Ранний период русской эмиграции: По материалам собрания Софии и Эжена Пети // *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert Hughes* / Ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. P. 416–451.

¹⁰ Возможно, имеется в виду встреча во время заключительной лекции из цикла «Русские духовные течения» Н.А. Бердяева в Религиозно-философской академии 15 июня 1925 г. (см.: Хроника. Франция. Т. 1. С. 193).

¹¹ 4 июня 1925 г. Н.А. Бердяев писал Струве: «Совершенно ясно, что я по своему образу мыслей не подхожу для газеты и газета не подходит для меня. [...] У меня с направлением “Возрождения” есть очень существенные идейные расхождения. [...] Я просто совсем не верю в реальность Вашей политики и Вашей активности и считаю ее вредной для духовного состояния русской эмиграции...» (Мосты. 1959. № 3. С. 382).

¹² Имеется в виду журнал «Путь», начавший выходить с сентября 1925 г.

¹³ В.М. Зензинов (живший в это время в основном в Берлине) был ближайшим другом Фондаминских еще с начала века, первые годы эмиграции даже жил вместе с ними.

¹⁴ Лопатина Екатерина Михайловна (1865–1935), сестра философа Л.М. Лопатина, писательница, автор воспоминаний, помещенных в СЗ под псевдонимом К. Ельцова. Некролог-воспоминания о ней см.: *Гиппиус З.Н.* Своими путями: (О Е.М. Лопатиной) // СЗ. 1935. № 59. С. 459–462. Еремеева Ольга Львовна – педагог, благотворительница. Вместе с Е.М. Лопатиной устроила в Biot (Alpes-Maritimes) детский санаторий. Обе они постоянно общались с Гиппиус во время ее пребывания на юге Франции (см.: *Пахмус Т.* Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус: Письма к Е.М. Лопатиной и С.Л. [так!] Еремеевой // Вестник Русского христианского движения. 1980. № 132. С. 268–305; 1981. № 133. С. 257–292). Летом и осенью 1925 г. они жили вместе с Мережковскими на villa Alba, часто навещаясь в замок Клозон, что Гиппиус описывала в письме к Е.А. Ляцкому от 1 октября 1925: «Клозон даже посмотреть интересно. Скажу еще, что прелестнее его хозяек (наших) ничего вообразить нельзя. Они живут на Альбе, но их видно и слышно лишь тогда, когда этого очень желаешь» (Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 109–110). 29 января 1926 г. Гиппиус писала Лопатиной: «я тоже поняла, что прежняя наша прелестная жизнь на Альбе не повторится. Вы, дай Бог, чтобы изредка покидали ваш Клозонский трудовой рай, и той тихой, светско-монашеской, созерцательной жизни у нас с вами, Катенька, не будет. И Ольги Львовниной, невидимо-реальной, нежности не будет, и живого примера ее деятельной мужественности, и мудрых ее слов и умных разговоров – тоже» (Вестник Русского христианского движения. 1980. № 132. С. 279–280).

95. Фондаминский — Мережковскому

Paris. 15 июля 1925 г.

15 VII 1925

Дорогой Димитрий,
говорил с консулом, сам видел списки, где указаны ты и Зина. Консул при мне отдал распоряжение, чтобы деньги вам были высланы, и упрекнул секретаря за то, что он до сих пор этого не сделал. Деньги вы получите обязательно — не волнуйтесь, если будет задержка (бюрократия!).

Будь здоров, пиши роман¹. Я уже скалю редакторские зубы на него.
Целую тебя крепко.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 4. F. 21).

¹ Роман «Мессия», начавший печататься в СЗ с кн. 27.

96. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 21 июля 1925 г.

21 VII 1925

Родная Зиночка,
спасибо тебе за «Жен» — высылай их *немедленно*¹. Думаю, поместим их в «К[ультуре] и ж[изни]». И Вишняк тоже очень обрадовался и просил благодарить. Готовь и стихи — они нужны не позже последних чисел июля². Теперь к тебе громадная просьба, и ты не можешь мне в ней отказать — написать отзыв 2 стр. о «Сергии» Зайцева³. Дело в следующем: мы заказали проф. Лосскому статью (Демократия и соборность). Статьи он к этому номеру не прислал⁴, а прислал рецензию на книгу Зайцева, да такую «богословскую», что даже я должен был согласиться, что помещать её не следует. Но как отказать? Отказать «по существу» невозможно, ибо в таком случае мы лишимся и нужной статьи и имени, к[о]т[о]р[ые] так нужны для расширения нашего фронта (он за «демократию»). Единственная возможность ответить, что рецензия на эту книжку уже есть. Написать же можешь только ты — я тебе дам последний срок, когда сдаются последние страницы библиографии — 5 авг[уста]. Я тебя не только прошу согласиться на мою просьбу, но ответить мне *телеграммой*, ибо я должен немедленно ответить Лосскому и не могу, не зная твоего ответа. Попроси Володю [Злобина] об этом и в награду передай ему, что стихи его имеют большой успех — Ходасевич хвалил их в «высоких» выражениях⁵. Пусть пишет еще. — Вернулся Руднев из поездки по Балканам — передает, что всюду отношение к «С[овременным] з[апискам]» исключительное. Передал ему воспоминания Екатер. Мих. [Лопатиной] и теперь трепещу — если не согласится, и журналу ущерб, и Екатер. Михайловне большое огорчение⁶.

Хотя много народа уехало, всё-таки Париж втягивает в себя и утомляет. Пока я еще полон энергии и действую, но боюсь, что скоро меня не хватит. Становится жарко. Приехал Влад. Мих. [Зензинов]. Организуются «Дни»⁷. Статья Прокоп[овича?] скверная, и я надеюсь, что от качания налево — по вине Струве — мы

удержимся⁸. По крайней мере, я очень насторожился и за «С[овременные] з[аписки]» тебе ручаюсь. Из всех сил буду влиять на «П[оследние] н[овости]» и «Дни».

Как только получу от тебя статью и стихи, напишу тебе подробней. Когда будешь писать, напиши о здоровье. Поцелуй Димитрия и Володю. Тебя нежно целую.
Твой Ил[ья]

Пожалуйста, не выдавай моего секрета о Лосском.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Имеется в виду статья «О женах», посвященная книге Ю.И. Айхенвальда «Две жены: Толстая и Достоевская» (Берлин: Арзамас, 1925), где шла речь о С.А. Толстой и А.Г. Достоевской. Статья, однако, почти тут же была напечатана в другом издании: ПН. 1925. 30 июля. № 1614. С. 2. Не имея письма Гиппиус, не знаем, имела ли она намерения напечатать статью в СЗ или же Фондаминский принял желаемое за действительность.

² См. примеч. 1 к п. 94.

³ См.: *Зайцев Б.К.* Преподобный Сергей Радонежский. Париж: YMCA-Press, 1925. Рецензию Гиппиус написала: СЗ. 1925. № 25. С. 545–547.

⁴ На деле Н.О. Лосский статью прислать все-таки успел. См.: *Лосский Н.О.* Органическое строение общества и демократия // СЗ. 1925. № 25. С. 343–355.

⁵ Видимо, речь идет об упоминавшемся ранее цикле стихотворений Злобина «Старухи». В печати в это время Ходасевич упомянул о В.А. Злобине единственный раз: «Даровитая молодежь в эмиграции имеется. Таковы хотя бы поэты: Н. Оцуп, В. Злобин, Божнев» (*Ходасевич В.Ф.* Там или здесь? // Дни. 1925. 18 сент. № 804. С. 2).

⁶ См.: *Ельцова К.* [Лопатина Е.М.] Сын отчизны (На смерть князя Львова) // СЗ. 1925. № 25. С. 262–287.

⁷ Газета «Дни» до 28 июня 1925 г. выходила в Берлине, а с 16 сентября начала издаваться в Париже.

⁸ О какой статье С.Н. Прокоповича идет речь, установить не удалось.

97. Фондаминский — Гиппиус *Paris. 7 августа 1925 г.*

7 VIII 1925

Родная Зиночка,
почему до сих пор нет стихов — редакция в волнении, ибо других у нас нет: весь расчет был построен на тебе. Я успокаиваю, уверяю, что стихи обязательно будут, но ты меня подвела с «Женами», и редакция на меня смотрит с недоверием. Книга уже вся в наборе, и стихи нужны немедленно — умоляю тебя выслать их, не теряя ни часу.

За рецензию большое спасибо — на свой риск вычеркнули только одну строчку («чтение для старшего класса»). Посылаю тебе поразившие меня сведения о моем покойном брате — все знавшие его уверяли меня, что он был исключительно блестящий и талантливый человек¹.

Посылаю еще стихи, присланные нам *Шестовым*² — верни их скоренько со своей оценкой.

Вчера составляли следующую книжку «С[овременных] з[аписок]» — один из устоев книги обещанная тобою большая статья. На какую тему? Просили меня договориться с тобой. Придумала ли ты что-нибудь? Статья нужна к 15-му октября — еще 2½ месяца. Пожалуйста, подумай о теме³.

Я живу хорошо. В Париже не жарко, скорей прохладно. Здоровье удовлетворительно. «Дни» выйдут 1-го сентября⁴. Поверишь ли, что «наши» настроения им не чужды. Что это: знамение времени? Повальное заражение? И «За свободу» выправилась.

Напиши, родная. Поцелуй Димитрия. Крепко тебя люблю и целую.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ По-видимому, имеется в виду Фондаминский Матвей Исидорович (1866–1896), революционер-народоволец, умерший в ссылке от туберкулеза.

² О каких стихах идет речь, нам неизвестно.

³ В 26-й номер, который в тот момент составлялся, Гиппиус сдать статью не успела, и она была напечатана в следующем (подробнее см.: примеч. 3 к п. 106). См.: *Гиппиус З.Н.* Меч и крест // СЗ. 1926. № 27. С. 346–368. Статья была посвящена полемике с книгой И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин: Град Китеж, 1925). Основательную подборку полемических статей о книге Ильина см.: Pro et Contra: полемика вокруг идей И.А. Ильина о сопротивлении злу силою. М., 2007.

⁴ См. примеч. 7 к п. 96.

98. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 13 августа 1925 г.

Четверг

Родная Зиночка,

присылай скорей оставшиеся у тебя два стихотворения — я успею их еще напечатать. Надеюсь через несколько дней ответить тебе относительно темы для статьи — тема мне очень нравится. Трудности будут не в редакции, а в том, что мы частично отдали её другому автору (Игорю [Демидову]) — но я постараюсь все уладить. Сегодняшний твой фельетон прекрасен — так надо бороться с «Возрождением»¹. Но ты не огорчайся — «настающее» всегда с трудом пробивается.

Целую тебя нежно и нежно люблю.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 81). Датируется по содержанию.

¹ Судя по всему, имеется в виду большая статья (фельетон в форме диалога) Гиппиус «Черта непереступимая (Из современных разговоров)» (ПН. 1925. 13 авг. № 1626. С. 2–3), посвященная анализу позиции газеты «Возрождение».

99. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 20 августа 1925 г.

20 VIII 1925

Родная Зиночка,

только несколько слов:

1. Окончательно закрепляем тему для следующей книжки «О христианском мече» и т.д. Статья может быть размером в 1½–2 листа, срок — 15 октября. Книгу

Ильина пришло. Помни, родная, что эта статья будет одним из главных устоев номера (наш 5-летн[ий] юбилей) — потому я полагаюсь на тебя, как на скалу¹.

2. Я своей властью отменил твой «Ледовитый» — он слаб и недостойн тебя². К тому же Вл. Мих. [Зензинов], к[о]т[о]р[ый] очень был польщен — нашел неточности (не «урас», а «ураса», что за «морская кошка»?). Ты не можешь на меня за это рассердиться — никому из редакции я этого стихотворения не показывал.

Пожалуйста, подтверди *окончательное принятие* темы статьи. Когда буду свободный — напишу тебе, как я понимаю тему. Теперь я очень занят: выпускаю номер (очень плохой); помогаю «Дням» организоваться; работаю над статьей и еще многое, о чем при свидании. Бунины на октябрь остаются в Belvédère, значит вы на Alba³. И я приеду к октябрю.

Живем хорошо. Здоровье удовлетворительно. Сейчас 3 ч. ночи.

Целую тебя нежно.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ См. примеч. 3 к п. 97.

² Стихотворение не было опубликовано и в настоящее время неизвестно. Видимо, каким-то образом было связано с полярной ссылкой В. Зензинова, описанной им в воспоминаниях «Русское Устье» (СЗ. 1920. № 1. С. 67–80; № 2. С. 56–90. Ср.: «На том берегу, прямо против моего домика, стоит несколько остроконечных земляных юрт (так называемые “урасы”), в которых живут летом. Теперь все еще пока занесено снегом и кругом царит безмолвие. Только на верхушке одной урасы сидит большим неподвижным комом белая сова, которая высматривает сверху, как пожарный с каланчи, куропаток и зайцев» (№ 1. С. 79).

³ Имеются в виду виллы в Грассе, где жили Бунины и Мережковские летом и осенью 1925 г. О выборе места пребывания см. письмо Гишпиус к Бунину от 9 апреля (СМРС. 1981. Vol. 22. № 4. P. 437–438). См. запись В.Н. Буниной от 17 августа: «Ян ездил в Канн сказать, что на октябрь мы остаемся на Belvédère» (Устами Буниных. Т. 2. С. 147). Выразительное описание виллы Альба см.: Евгений Ляцкий: Материалы к биографии. С. 109, 116.

100. Фондаминский — Мережковскому

Paris. 6 сентября 1925 г.

6 IX 1925

Дорогой Дмитрий,

по поручению редакции обращаюсь к тебе со следующими просьбами:

1. Написать для 26-й книжки «С[овременных] з[аписок]» (к 20-му октябрю) хотя бы небольшую статью (хотя бы 8–10 страничек) к столетию восстания *декабристов*. Разумеется, общее отношение к ним должно быть положительным — но ты к ним так и относишься. Я убежден, что ты сам почувствуешь, что у нас сказать можно и о чем лучше умолчать, но в общем, я думаю, что тебе легко будет для нас писать, ибо мы, действительно, всё ближе подходим друг к другу (я говорю не о себе, а об общем направлении журнала).

Разумеется, если ты захочешь написать большую статью, мы будем этому только рады, но я мало в это верю. Зато очень хочу и очень убеждаю тебя оторваться от работы на неделю и написать хоть маленькую статью. Мне так хочется, чтобы

ты, наконец, появился в публицистическом отделе «С[овременных] з[аписок]» и это так надо и для журнала, и для всего нашего дела, что я надеюсь, что ты не откажешься¹.

2. Мы слышали, что ты кончаешь роман². Разумеется, мы хотим его печатать в «С[овременных] з[аписках]». Потому просим не предпринимать никаких шагов, не дав нам романа для прочтения и не переговоривши с нами. — Лично от себя: я не верю ни в какие другие литературные предприятия и потому очень советую отдать роман нам³.

Скоро увидимся. Целую тебя крепко.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 4. F 21).

¹ Статья была написана: *Мережковский Д.С.* 1925–1825 // СЗ. 1925. № 26. С. 218–223.

² См. примеч. 1 к п. 95.

³ 25 ноября Фондаминский сообщил Вишняку и Рудневу: «Совершил “предварительную” закупку романа Мережковского, т.е. условия выработаны, а окончательное решение после прочтения редакцией. Сам я прослушал несколько глав из разных частей романа. Впечатление: то же, что от уже напечатанного у нас романа, но всё же это значительно лучше — больше конкретности, быта, и сюжет историчней и увлекательней. Мой совет: печатайте после оглавления 26-й кн., что в 27-й кн. начнется печатание нового романа Мережковского: *Ахенатон / Радость солнца* (мы выработали такой текст в две строки и без знаков препинания)]. Советую потому, что 99 шансов из 100, что роман вы возьмете, а реклама всё же имеет значение. Одновременно предлагаю напечатать и анонс об Алданове. Если предпочтете воздержаться, не возражаю. Мережковский хочет по приезде в Париж (2-го декабря) прочесть вам отрывки из романа, ибо первые две части еще не переписаны. Вы не возражайте — если же захотите прочесть весь роман, попросите, чтобы скорей переписал. Роман заключает 16–18 листов (18 это максимум). *Условия.* 1. 500 фр. за лист. 2. Печатается со следующей книжки (это я настоял — боялся, что переводы и печатание по-французски нас очень свяжет). 3. Уплатить до 1-го января возможно больше — приблизительно около 5000 фр. (оговорка, если получим деньги). 4. Остальное — в начале следующего года или, если не можем, перевести остаток долга *в твердую валюту* (М[ережковский] боится, что франк совсем упадет). Вообще, если у нас будет задержка в деньгах, то трудности легко можно будет уладить, переведя наш долг в твердую валюту, что я считаю справедливым (эту комбинацию предложил я сам, ибо М[ережковский] настаивал, чтобы гонорар весь уплотили теперь же; поняв, что это определяется опасением падения франка, я сделал это предложение, успокоившее его). Вообще М[ережковский] в мирном и дружелюбном настроении, и говорить с ним вам будет легко. Если же вы предпочтете, то сваливайте все переговоры об условиях на меня» (Ред., п. 68).

101. Фондаминский — Гишпиус

Paris. 6–10 сентября 1925 г.

6 IX 1925

Родная Зиночка,

умоляю тебя не сердиться на меня — я живу здесь довольно напряженной жизнью, а сил у меня мало. Когда же писать письма? Завтра печатаем последний лист

журнала¹, через два дня вышло тебе — тогда будет легче. «Дням» помогаем организовать *культурный* отдел — и писателям заработок и направление будет взято верное². К их политике я не имею никакого отношения. И не бойся: их позиция по отношению к большевикам более резкая и прямая, чем «П[оследних] н[овостей]». Что касается «С[овременных] з[аписок]», то знай твердо — ни с кем они не соединяются, с «Днями» ничего общего не имеют и будут вести свою линию, к[о]т[о]р[ая] ничем не отличается от твоей. Даже я в последнее время испугался двусмысленностей Осоргина и ему подобных и стал «на страже» (до сих пор это я предоставлял тебе и Вишняку). Будь покойна — измена не войдет в «С[овременные] з[аписки]». В этом номере идет статья Кусковой — но я при всём напряжении внимания, ничего «опасного» в ней не нашел³. Если найдешь, укажи. Весь же номер — хотя он и неудачный — проникнут одним настроением — «нашим».

Теперь о статье. Пиши её без колебаний и сомнений. Возьми в основу Ильина, но не оставь без внимания и всего «Возрождения», и Струве, и других⁴. Пиши в том духе, как ты уже писала и как писал Дима [Философов] (прекрасная статья!⁵). Больших указаний я тебе дать не могу. Я надеюсь тебя увидеть еще до окончания статьи — тогда совместно посмотрим, о чем лучше умолчать. Статья нужна к 20-му окт[ября]. Если тебе нужны еще к[акие]-н[ибудь] книжки (я тебе послал 2 книги Ильина), я тебе пришлю. Насчет Демидова: он сам предложил эту тему еще к предыдущей книжке и уступил её, по моей просьбе, тебе. Очень прошу тебя успокоить меня сообщением, что ты уже пишешь статью, ибо — даю тебе слово — на твоей и еще на одной—двух статьях — построен весь номер.

Другая просьба: поддержать меня перед Дмитрием. Убеди его написать статейку о декабристах. Это так важно и для журнала, и для установления «фронта»⁶. Жизнь в Париже еще больше убедила меня, что *наш* фронт не только возможен, но что за ним будущее. Нужны только делатели. Я переживаю период «подъема», кое-что могу сделать и очень прошу твоей и Дмитрия помощи.

Очень хочу, чтобы и роман Дмитрия был напечатан у нас. Знаю, что вы всё мечтаете о сербском журнале⁷, но не верю в него и не жду от него ничего хорошего, даже если он осуществится. А между тем мы теперь набираем беллетристический материал на весь 26-й год. Взяли уже 2-й том романа Алданова (15 листов)⁸. Если бы получили роман Дмитрия, в главном мы были бы обеспечены и не набирали бы другого материала.

Для 26-й книжки ты еще обещаешь новые стихи⁹, и от Екатерины Михайловны [Лопатиной] жду «Соловьева»¹⁰. Ты его прочти предварительно и сообщи свое мнение — для редакции это будет иметь значение. Боюсь, что на редакцию произведет неблагоприятное впечатление участие Екат[ерины] Мих[айловны] в «Возрождении»¹¹. Оттуда «бегут». Ушел Кизеветтер, перестал писать Изгоев, и газета стала заполняться «неизвестными»¹². Идет она плохо (А «П[оследние] н[овости]» всё растут в тираже).

Пожалуйста, напиши свое впечатление от XXV кн. (дописываю письмо 10-го — книжка уже вышла, только еще не рассылается: через 2 дня). Живу я довольно напряженно — для моего здоровья. Часто вижу Игоря [Демидова], Иван Ивановича Манухина¹³ — это самая приятная для меня среда. Собираюсь 1-го окт[ября]

в Грасс, но боюсь, что к этому сроку не выберусь. Во всяком случае еще застану вас на юге. Хочу о многом поговорить, а больше всего просто увидеть, обнять тебя. Напиши, пожалуйста, о ваших планах. Курочка [А.О. Фондаминская] хорошо себя чувствует и много работает для меня — делает выписки на машинке.

Крепко целую тебя. Поцелуй Димитрия и Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ Речь идет о 25-й книге СЗ.

² В «Днях», после возобновления газеты в Париже, литературным отделом заведовали М.А. Алданов и В.Ф. Ходасевич.

³ См.: *Кускова Е.Д.* Открытки: (Из тетрадки воспоминаний) // СЗ. 1925. № 25. С. 416–440.

⁴ Речь идет об упомянутой выше статье «Меч и крест» для кн. 27.

⁵ Судя по всему, речь идет о фельетоне Д.В. Философова, посвященном возникновению новой газеты «Возрождение»: *Посошков Иван [Философов Д.В.]* Замаскированный Кобленц // За свободу! 1925. 18 июня. № 158 (1562). С. 2.

⁶ См. п. 100.

⁷ Видимо, журнал, о котором шла речь еще в п. 90, должен был издаваться на деньги правительства Королевства сербов, хорватов и словенцев.

⁸ Роман М.А. Алданова «Заговор» печатался в 1926 г. в кн. 28 и 29, в 1927 г. в кн. 30 и 31.

⁹ Стихи Гиппиус были напечатаны позже: *Гиппиус З.Н.* Неотступное («Я от дверей не отойду...»); Сон («Наивный месяц, мал и тонок...»); Втайне («Сегодня имя твое я скрою...») // СЗ. 1926. № 27. С. 208–210.

¹⁰ *Ельцова К. [Лопатина Е.М.]* Сны нездешние: (К двадцатипятилетию кончины В.С. Соловьева) // СЗ. 1926. № 28. С. 225–275. О завершении работы Фондаминский писал Вишняку и Рудневу 25 ноября: «*Лопатина*. Закончила воспоминания о Соловьеве и его семье — листа 3. Зин. Ник. [Гиппиус] правит и хвалит. Я слушал первые главы — мне нравится. Как только перепишет, пришлю» (Ред., п. 68).

¹¹ См.: *Ельцова К. [Лопатина Е.М.]* Люди: Очерки ушедшей жизни // Возрождение. 1925. 8–13 сент. № 98–103. С. 3–4 (с № 99 — С. 4).

¹² Известный историк и публицист Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) и публицист Александр (Арон) Соломонович Изгоев (наст. фам. Ланде; 1872–1935) были объявлены в числе сотрудников «Возрождения» в самом начале издания (см. список обещающих участие: Возрождение. 1925. 8 июня. № 6. С. 1). Изгоев печатал свои «Письма из Чехии» уже с 5 июня; Кизеветтер печатался реже, но все-таки постоянно, начиная со статьи: «Тернистый путь: Речь, произнесенная в Праге в “День русской культуры”» (Возрождение. 1925. 13 июня. № 11. С. 2–3). Последней его публикацией была рецензия «Новое о Чехове» (Возрождение. 20 июля. № 48. С. 3). Последняя публикация «Писем о Чехии» Изгоева — Возрождение. 1925. 13 авг. № 72. С. 2. Однако слова Фондаминского о «неизвестных» трудно признать соответствующими действительности. В газете продолжали активно печататься И.А. Бунин, И.С. Шмелев, В.В. Шульгин, М. Курдюмов (М.А. Каллаш), А. и С. Яблоновские, А.В. Амфитеатров и мн. др.

¹³ Манухин Иван Иванович (1882–1958), врач. Был близок к Мережковским. См. о нем: *Ульянкина Т.И.* Загадки И.И. Манухина — русского врача, ученого и общественного деятеля // Русские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993. С. 93–116; *Она же.* Этот неизвестный известный Иван Манухин // Научное зарубежье России (электронный проект «Социальная история отечественной науки»: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viet/1993/3/45-62.pdf>).

102. Фондаминский — Мережковскому

Paris. 14 сентября 1925 г.

14 IX 1925

Дорогой Димитрий,
когда я предложил редакции, и редакция согласилась просить тебя дать статью о декабристах¹, мы знали, что мы делаем: мы знали, что, прося у тебя статьи, мы твою статью напечатаем и, решив печатать твою статью, мы не будем, без абсолютной нужды, спорить с тобой о положениях, с которыми мы не будем согласны. Не требуй от нас большего. По долгу совести и присяги мы не можем заранее взять на себя обязательство печатать статью, не прочтя ее. Окажи нам доверие, а мы напряжем силы, чтобы это доверие оправдать. Пишу это по соглашению с Вишняком — Руднев в отъезде.

От себя же еще раз прошу тебя писать статью без смущения — я не обратился бы к тебе с просьбой, не будучи внутренне уверен, что то, что ты напишешь, нам подойдет и будет напечатано. Целую тебя крепко.

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 4. F. 21). Сохранился конверт (Box 1. F. 76); адрес получателя: «Monsieur Merezhkovsky, Villa Alba, rue Jonquièrre, Cannes (A[lpes-]M[aritimes])»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris»; почт. шт.: «Paris, 15.9.25».

¹ См. примеч. 1 к п. 100.

103. Фондаминский — Гишпиус

Paris. 7 октября 1925 г.

Среда

Родная Зина,
через час Володя уезжает, через 10 минут позовут ужинать. Пишу только самое важное.

1. Убеждаю вас не возвращаться сюда раньше декабря или января. Сегодня я телеграфировал Буниным, что оставляем им виллу до 1-го декабря (Куручке [А.О. Фондаминской] жалко покидать мамашу [Л.В. Гавронскую]). Я приеду в Грасс только в конце октября. Если вы уедете в Париж 1-го ноября, мы не увидимся. А между тем, так хочется пожить вместе, так о многом надо поговорить и так много общего предстоит впереди. Но и помимо этого вам незачем приезжать на ноябрь в Париж — теперь я так понял цену здоровья, что хочу всячески убеждать вас беречь его.

Мною ты будешь *очень* довольна. За болезнь я как-то духовно окреп и осмелел. Веду яростную кампанию против «пешехоновщины»¹.

2. Получила ли ты большое письмо Игоря [Демидова] с литературными предложениями тебе и Димитрию²? Очень убеждаю Димитрия принять их, во всяком случае не отказываться. Это результат нашей с Игорем [Демидовым] работы и нужно во имя нашего дела.

3. Сообщи, как пишется твоя статья? Когда ты думаешь ее кончить? Если нужно несколько лишних дней, мы тебе их дадим. Помни еще, что ты обещала нам *новые стихотворения*. Напиши, будут ли.

Номер намечается исключительно блестящий. Завтра идет твоя статья о «С[о-временных] з[аписках]»³ без одной поправки. Будь здорова, дорогая, родная Зиночка. Так рад, что скоро тебя увижу. *Не уезжайте*.

Крепко целую тебя и Димитрия.

Твой Ил[ья]

Довольна ли ты статьей Талина о Пешехонове⁴?

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 81).
Датируется по содержанию (см. примеч. 3).

¹ См. в переписке далее.

² Письмо неизвестно.

³ См.: *Крайний А. [Гиппиус З.Н.] «Современные записки»*. Кн. XXV // ПН. 1925. 8 окт. № 1674. С. 2–3.

⁴ См.: *Талин В.И. [Португейс С.О.] О любви к отечеству и политическом смирении* // ПН. 1925. 1 окт. № 1668. С. 4.

104. Фондаминский — Гиппиус

Б.м. Не ранее 9 октября 1925 г.

Родная Зиночка,
прости, что беспокою. Прочти стихи молодой девушки. Что ей ответить — безнадежна она или нет. (Ясно, что печатать нельзя.) Ответь при случае и верни стихи. Целую тебя нежно.

Твой Илья

P.S. Обрати внимание на статью Данилова («Религия и демократия») в «Днях»¹. Против Пешехонова ведем целую кампанию².

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 81).
Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о статье: *Данилов Юрий. [Кузьмина-Караваева Е.Ю.] Религия и демократия* // Дни. 1925. 9 окт. № 822. С. 2–3.

² См. примеч. 13 к п. 106.

105. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 11 октября 1925 г.

11 X 1925

Родная Зиночка,
едем с Курочкой [А.О. Фондаминской] в Бельгию на свидание с моей старшей сестрой (приехала из России). Статья твоя пришла без меня и была сдана в набор без единой поправки. Я так её и не читал. Ты скоро получишь корректуру. Димит-

рий был сдан в набор с еле заметной ретушью в двух местах. Может быть, уже получили корректуру?

Сам я поправился, хотя и хожу еще в одной туфле. Выезжаю в Грасс в воскресенье 15-го. Будет ужасно, если мы разъедемся... *Телеграфифуй* мне, когда вы собираетесь в Париж. Если вы выезжаете тоже в эти дни, я задержусь на день—два, чтобы вас увидеть. Но сам ужасно хочу, чтобы вы остались до конца месяца на юге. Страшно о многом надо поговорить. Будь здорова, родная. До скорого свидания. Крепко целую тебя.

Поцелуй Дмитрия, Володю и сестер [О.Л. Еремееву и Е.М. Лопатину].

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

106. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 21 октября 1925 г.

21 X 1925

Родная Зиночка,

на днях меня Бог спас: придавило ногу в лифте. Всё обошлось благополучно — кости все целы, только небольшая рана на пальцах ног. Сижу забинтованный, с вытянутой ногой. Потому неудобно писать, и отъезд придется немного отложить.

Отвечаю победоносно на твои письма.

1. Статья твоя в «П[оследних] н[овостях]» пролежала целый месяц на квартире Милюкова. Теперь он вернулся, и статья твоя без единой поправки будет на днях напечатана¹.

2. Стихи Герцык мы приняли, но неожиданно они появились в «Возрождении» — кто-то их послал и туда. Напечатаем одно еще не напечатанное².

Ждем твою статью. Хорошо было бы, если бы ты её сделала не позже 25-го. Иначе не успеем прислать тебе корректуру да и на «торговлю» не останется времени. В крайнем случае вышли её 27—28-го — *не позже*³. На статью Екатерины Михайловны [Лопатиной] я уже мало рассчитываю к этой книжке — очень она запоздала. Но ты ей этого не говори — пусть кончает и присылает; м.б., всё-таки попадет и в эту книжку.

Дмитрию скажи, что его роман был напечатан около 1-го октября и в конце декабря 1924⁴.

Поправки, которые мы его просили сделать к его статье, следующие:

1. стр. 2-я. Сказано: «Как безумно я верил тогда, что Корнилов кончит то, что начал Сергей Муравьев...» Просим изменить слова: «*как безумно я верил...*» — в них определенно солидарность с Корниловым⁵, что для нас неудобно.

2. стр. 7-я. Сказано: «Он (Наполеон) спас мир тем, что убил Революцию, свою мать». Просим изменить слова: «*он спас мир*»⁶. Для нас это trop fort⁷ и может указывать, что и Россию может спасти только Наполеон. Может, это и так, но говорить это не следует.

Вот 7 слов, изменить которые мы просим настоятельно. Остальные две просьбы — простые пожелания:

1) Нельзя ли хоть в одном месте устранить «обезьян» — их очень много. Больше всего, конечно, смущает:

О, петля Николая чище,
чем пальцы серых обезьян⁸.

2) стр. 10. Сознательно ли сделан пропуск в стихах:

И долго буду тем любезен я народу,
что в мой жестокий век восславил я свободу⁹?

3) *Мое личное мнение*. Не лишние ли 6 последних строк? Не лучше ли кончить словами: «Не во имя другого, а во имя Христа»¹⁰. Пишу это тебе, а не Димитрию, ибо 1) писать ему об этом совестно, 2) ты легче поймешь, что просьба наша крохотная и легче уладишь дело.

Посылаю тебе еще кучу стихотворений для отзыва. Жду немедленно стихотворений от тебя и Володи¹¹. Пожалуйста, пришли хоть одно стихотворение — у нас ничего хорошего нет.

Передай Екатерине Михайловне [Лопатиной], что Кизеветтер пишет нам: «Воспоминания Ельцовой — настоящая жемчужина»¹².

Больше не пишу, ибо нога затекла и писать неудобно.

Крепко целую всех. А тебя особенно нежно.

Твой И.

Кампания против Пешехонова — наше дело¹³.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 76).

¹ См.: *Гиппиус З.Н.* Способным к рассуждению // ПН. 1925. 23 окт. № 1687. С. 2.

² Поэтесса Аделаида Казимировна Герцык умерла 25 июня 1925 г. После ее смерти в газете «Возрождение» появилось несколько материалов, посвященных ей: *В. Гр. [Григорович В.С.] Памяти А.К. Жуковской* // Возрождение. 1925. 27 июля. № 55; подборка: Из стихотворений А.К. Герцык-Жуковской за последние 2 года (1924–25) ее жизни // Там же. 1925. 21 сент. № 111. С. 2; *Столица Л.* Поэтесса-вещунья // Там же. Публикация в журнале: *Герцык А.К.* «Дают нам книги, холодные, мудрые...» // СЗ. 1925. № 26. С. 213.

³ Гиппиус статью сдать в 26-й номер журнала опоздала. 6 ноября она писала Е.А. Ляцко-му: «Всего два слова, ибо я в гриппе и в книге Ильина, — для *Совр[еменных] Зап[исок]*, причем из-за первого, кажется, уже опоздала со вторым» (Евгений Ляцкий: Материалы для биографии. С. 111).

⁴ Речь идет о публикации романа «Рождение богов» в СЗ: 5 октября вышла кн. 21, а в конце декабря — кн. 22.

⁵ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал; возглавлял т.н. «корниловский мятеж» осенью 1917 г. В тексте журнала цитируемое место переделано: «Как хотелось верить тогда...» (С. 218).

⁶ В окончательном тексте статьи читаем: «Спасая мир, он убил Революцию, свою мать» (*Мережковский Д.С.* 1925–1825 // СЗ. 1925. № 26. С. 220).

⁷ слишком сильно (фр.).

⁸ Строки из стихотворения Гиппиус «14 декабря 17 года» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 222). В окончательном тексте цитаты нет.

⁹ У Пушкина в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) между этими строками есть еще одна: «Что чувства добрые я лирой пробуждал» (или в редакции В.А. Жуковского: «Что чувства новые для песен я обрел»). Мережковский пропустил ее сознательно: в тексте статьи оставлено так.

¹⁰ Последние строки оставлены автором в тексте.

¹¹ О стихах Гиппиус в 27-й кн. СЗ см. примеч. 9 к п. 101. Вторая просьба Фондаминского также была выполнена. См.: *Злобин В.А.* «Не в безмятежности незнания...» // СЗ. 1926. № 27.

С. 215. При этом, однако, у других редакторов стихи вызвали сомнение, и Фондаминский уговаривал Вишняка в письме от 7 февраля 1926 г.: «Согласен с разумностью отложения стих[отворения] Allegro, но очень прошу тебя не откладывать Злобина. Ты знаешь, я сам просил его — по поручению редакции — дать несколько стихотворений, мы отобрали одно, и то не печатаем в этом номере. Почему? Ведь в этом номере почти нет стихотворений. Что я ему скажу? В следующем же у нас, наверно, и так много будет плохих стихов, ибо мы наберем и “молодых»» (Ред., п. 84).

¹² Ср. в письме Кизеветтера к Вишняку от 6 октября 1925 г.: «Поминальные статьи Зайцева и Ельцовой (Лопатиной?) — две настоящие жемчужины. Читал их с наслаждением» (Lilly Library. Vishniak papers. F. 67). Ср.: Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / Публ. М. Раева // НЖ. 1988. № 172–173. С. 471 (в журнальной публикации опущена дата письма).

¹³ В это время, осенью 1925 г., началась кампания так называемого «возвращенчества», главными деятелями которой в журналистике были Е.Д. Кускова, А.В. Пешехонов, М.А. Осоргин. Их теории были вскоре оспорены различными представителями социалистических партий. Так, на статью Пешехонова «Родина и эмиграция» (Воля России. 1925. № 7–8. С. 102–128) последовал ответ: *Вишняк М.В.* Во имя свободы // Дни. 1925. 19 сент. № 805. С. 2. Критика воззрений «возвращенцев» содержится также в «юбилейной» статье Вишняка: «На родине и на чужбине: (Пятилетние итоги)» (СЗ. № 26. С. 378–404).

107. Фондаминский — Гишпиус

Б.м. Ноябрь 1925 г. [?]

Четверг

Родная Зиночка,
сейчас только несколько слов.

1. Вишняк просит тебя не отказываться от рецензии о «С[овременных] з[аписках]» в «П[оследних] н[овостях]»¹. Я не смею тебя просить — я так часто прошу тебя, и ты всегда всё для меня делаешь...

2 Зато очень прошу тебя поддержать меня у Дмитрия. Руднева нет, сами мы с Вишняком такого обязательства принять на себя не можем; да и, по совести этого делать не надо — лучше потихоньку итти по пути доверия, чем сразу стать на *договорные* начала².

3. Тебя ни в чём не подозреваем — просто ты иногда скажешь что-нибудь непривычное для нашего уха. Тогда в душу Вишняка вползает страх — будь милосердна. Ты не написала о своей статье, но я сообщил редакции, что ты согласилась и работаешь.

Целую тебя нежно.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 81).
Датируется предположительно.

¹ В 1925 г. Гишпиус (под именем Антона Крайнего) опубликовала ряд обзоров СЗ. В данном случае имеется в виду статья: «“Течение” “Современных записок”. Кн. XXVI» (ПН. 1925. 24 дек. № 1740. С. 2–3).

² Речь идет о переговорах относительно романа «Мессия». Окончательно они были завершены в начале 20-х чисел ноября 1925 г.

108. Гиппиус — Вишняку
Paris. 22 декабря 1925 г.

22-12-25. Париж

Дорогой Марк Вениаминович,
 я до сих пор еще не реализую [так!] странного случая с находкой моей статьи!
 Тем менее, что Злобин ничего мне путем не рассказал. Думаю, все это был «перст»,
 для того, чтобы я прибавила к ней нечто, чего я ранее хотела лукаво избежать.
 Во всяком случае, очень прошу вас, доставьте мне эту «знаменитую» статью. Все-
 го бы лучше, если бы вы занесли мне ее сами, а то еще опять по дороге с ней что-
 нибудь случится! Кстати я вас ознакомлю в общих чертах со статьей, кот[орую]
 я написала о «Совр[еменных] записках» — будто бы, — в сущности исключитель-
 но *о вас*².

Статья еще у меня, Иг. Плат. [Демидов] не дает знаков жизни, и я буду не ви-
 новата, если он упустит с ней «благоприятное» время.

Всего хорошего.

Ваша З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка:
 «30». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 440.

¹ Статья, имеющаяся здесь в виду, — «Меч и крест». Что произошло с ее рукописью, мы
 не знаем. 26 декабря 1926 (по смыслу — 1925) г. Гиппиус писала Е.М. Лопатиной: «Как толь-
 ко нашлась моя статья об Ильине — помните? — я, невзирая на это скверное мое состояние,
 достала тот том Соловьева, который читала у вас в последнее время, и принялась статью
 со второй трети всю переписывать, включая туда предлинного Соловьева с войной. И даже
 завела ум за разум, пока не кончила. А кончила всего 2 дня тому назад, еще не знаю, что
 Вишняк теперь, начнет или не начнет кривиться...» (Вестник Русского христианского дви-
 жения. 1980. № 132. С. 284).

² Имеется в виду обзор 26-й книги СЗ. Опубликовано в ПН 24 декабря. Действительно,
 значительная часть статьи посвящена анализу большой статьи к пятилетию журнала: *Виш-
 няк М.В.* На родине и на чужбине: (Пятилетние итоги) // СЗ. 1925. № 26. С. 378—404.

109. Фондаминский — Гиппиус
Б.м. 1925 г. [?]

Дорогая Зина,
 ты напрасно сердиться, — я и понятия не имел, что кто-то зачем-то приходил.
 Luise дан приказ — никого ко мне не пускать до 7 часов. Это она и делает. Объяс-
 нить ей, кого можно пускать, кого нельзя — невозможно. Я потерял полжизни,
 живя в «доме-ресторане и гостинице», теперь на 5-ом десятке вымолил себе не-
 сколько часов спокойствия и работы в день, а такие близкие люди, как ты, хотят
 опять меня этого лишить. Еще два-три письма, как твои, и Курочка [А. Фондамин-
 ская] скажет: «довольно», и я буду жить в проезжем доме. Поняла?! Нежно тебя
 целую и люблю.

А Бодлера у нас нет. Возьмите у Цетлиных. Целуй Димитрия.

И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 81).
Датируется предположительно.

110. Гишпиус — Вишняку

Paris. 4 января 1926 г.

4 янв. 26. Париж

Дорогой Марк Вениаминович,
вы меня очень подвели, заставив сделать большую несправедливость. Когда я отдавала вам фельетон для передачи Игорю Платоновичу [Демидову], помните, о чем я вас просила: сказать, что фельетон для четверга я отдаю *условно*¹; что пойти он может *только* если «Посл[едние] нов[ости]» напечатают и мою заметку «Русская душа»², относительно которой Иг[орь] Пл[атонович] все не давал мне определенного ответа, медля, и которая (в очень мягкой форме) отделяла меня от Осоргина и Пешехонова³; кроме этого условия, я просила не печатать меня, по возможности, в одном № с Осоргиным. Таков был *minimum* моих требований, уж, кажется, — *minimum*! Но от него отступить я не могла, чувствуя ответственность перед своей совестью и своими читателями.

Я просила вас настоятельно все это Иг[орю] Платоновичу передать на словах, т.к. письмо, которое я ему написала с изложением моих условий, было отослано как раз перед вашим приходом и не успело бы быть получено вовремя: ведь рукопись фельетона оставалась у меня, и, *в случае принятия моих условий* (т.е. моего согласия ее напечатать) не попала бы все-таки в №. Ввиду ускорения дела я и просила вас при передаче рукописи, сказать Иг[орю] Пл[атоновичу] устно, на что вы согласились.

Не имея тут никаких сомнений, я была поражена, получив в четверг мою заметку — обратно, мой фельетон — в газете, и на нем, да еще на ту же тему, — Осоргина⁴. Согласитесь, что редакция может *не* печатать меня, если я и хочу, но печатать меня, когда я этого *не* хочу — не может. Это я и поставила на вид Иг[орю] Платоновичу и Павлу Николаевичу [Миллюкову]. Последний нашел мои претензии основательными. И все это, никому не интересное, но мне очень интересное дело — только сегодня разъяснилось. Оказывается, Иг[орь] Плат[онович] не виноват, ибо *вы ему ни слова не сказали*, а мое письмо он получил, когда фельетон уже был в машине.

Если бы у меня было малейшее сомнение, что вы ничего не сказали, я бы не поторопилась с упреками, а сначала спросила вас. Но, повторяю, мне это и в голову не пришло!

Теперь я и вас не хочу «упрекать», я только недоумеваю, как это могло случиться? Вы забыли? Или так спешили, что не слушали меня? Недаром я вас умоляла не «спешить» хотя бы в течение 3-х минут...

А за этот фельетон я и так достаточно «пострадала» (впрочем, этого рода «страдания» на меня не действуют). Что стоят одни письма Шмелева, который называет меня «презренным убийцей» и не хочет мне «подавать руки»⁵. А что у Шмелева на языке, то на уме — мало ли кого, не буду называть.

Очень рада, что и вас Ильин пронял. А я в него подбавила много — и все мало⁶.

Может быть, и вы остались, в конце концов, недовольны моим злосчастным фельетоном?

Огорченная, но приветствующая вас

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «31». Имеется копия рукой Вишняка. Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 440—441.

¹ Речь о статье «Течение» “Современных записок” (ПН. 1925. 24 дек. № 1740. С. 2—3).

² Такой статьи Гиппиус мы не знаем. Однако почти наверняка она говорит о статье «Судьба Есениных» (ПН. 1926. 28 янв. № 1772. С. 2—3), где, в частности, читаем: «Русская удасть есть часто и великое русское *бессилие*. [...] Дело в том, что есть в русской душе черта, важная и страшная [...] Нетронутая культурой душа, как есенинская [...] в душе такого человека встают противодействующие силы» и т.д.

³ См. в той же статье: «Можно [...] просто отдаться, как М. Осоргин, лирической скорби [...] Говорит ли Пешехонов “за себя”, что эмиграция — пыль, и нужно возвращаться под РК.П.: говорит ли Осоргин — сегодня в тон Пешехонову, завтра, не считаясь с собственной памятью, обратное — все это симптомы роковой русской болезни. [...] Недаром Осоргин с таким мгновенно-искренним порывом бросился к Есенину».

⁴ Действительно, над статьей Гиппиус была напечатана заметка: *Осоргин Мих.* Юбилей: 5 лет «Современных записок» // ПН. 1925. 24 дек. № 1470. С. 3.

⁵ Такие высказывания И.С. Шмелева нам неизвестны.

⁶ См. примеч. 1 к п. 108.

111. Гиппиус — Вишняку

Paris. 7 января 1926 г.

7 янв. 26.

Дорогой Марк Вениаминович,

теперь уж я буду твердо знать, что когда вы «спешите» (а когда вы не спешите? Разве **только** лишь на вечере у Мар. Самойловны [Цетлин]?) — вы сами не только не слушаете, но даже не слышите. Тороплюсь прибавить, что тут ни греха, ни самой «негреховной несправедности» нет. О «невидящем» прямо сказано: «не имеет на себе греха»¹. То же, очевидно, и о «неслышащем». В чем же мне вас прощать, если вы прощены в высшей инстанции?

Другое дело — ваше присоединение к Шмелеву, против меня. **Вы** Шмелева я (уж тут — я) не только простила, но даже и не сердилась ни секунды; ответила ему ласково и успокаивающе, сказав, что как бы он ко мне ни относился — я всегда отношусь к нему с неизменно хорошим чувством в душе. И казалось[?], можно ли иначе?

Но вам совсем не к лицу тоже «шмелеть». Я пишу мои отзывы по силе разума и *по совести*, и в этом полагаю мою честь (хотя допускаю, что могу, *объективно*, и ошибаться). Скорее просите у меня извинения, что обвинили меня в «лицеприятии», а то подумайте, как же таких сотрудников в журнал пускать? Я очень сдавлена двумя цензурами, вашей и милюковской; если бы я могла, как в прежние времена, при духовно-светской цензуре «Нового пути»² или просто — светской «Дня»³, говорить полным голосом, я бы говорила больше и лучше, но *не иное!* Не

знаю, какие еще примеры моего «лицеприятия» можете вы привести, но что до Арцыбашева, то я и теперь считаю очень многие из его статей прекрасными, но, не имея физической возможности писать о нем со всех сторон, не считаю себя вправу, — опять по совести — изничтожать его несчастных «дьяволов» и т.д., чего бы они очень заслуживали.

Ainsi soit⁴. А затем преданная⁵ вам ваша искренно

З. Гиппиус

P.S. Когда нужна статья? [3 нрзб] Уж не слишком?) Не будем [4 нрзб].

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «32». Письмо повреждено сыростью и местами не поддается прочтению. Имеется копия рукой Вишняка. Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 441—442.

¹ Отсылка к Евангелию: «Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы *на себе* греха: но *как* вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (Ин. 9: 41).

² Гиппиус вспоминала о журнале «Новый путь»: «Положение журнала было исключительно трудное: каждая книга подлежала двойной цензурной трепке; сначала шла к обыкновенному цензору, а затем в Лавру, к духовному. Была у нас и третья цензура, неофициальная, интеллигентская...» (*Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 336*).

³ Большая ежедневная газета, с которой Гиппиус сотрудничала в 1914—1915 гг.

⁴ Быть по сему (фр.).

⁵ На своей копии Вишняк здесь отметил: «(дальнейшее расплылось)».

112. Гиппиус — Вишняку

Paris. 11 января 1926 г.

11 янв. 25 [так!]¹. Paris

«Знаете ли Вы, *какого имени и чего* заслуживает оглашающий в печати чужие частные письма, да еще с искажением их тона и смысла? Если знаете, то для Вас не будет неожиданностью получить то и другое от “известного критика”

Антон Крайнего.»

Такова открытка, дорогой Марк Вениаминович, отправленная мною сегодня этому Шаховскому, о подвиге которого я узнала лишь вчера вечером (подлинного текста не знаю, но это все равно). Мое *шутливое* и, по заслугам, немного издевательское письмо было ответом на его надоедливые приставания с «Благонамеренным»². Он на все это жаловался Злобину, но я, все-таки, не ожидала, что он способен, ради мелкой мести, быть непорядочным. Очевидно, это уж у него «природное».

Я, однако, не вижу связи между его поступком и — моим критическим «лицеприятием», в кот[ором] вы меня упрекали. Ввиду факта несуществования «частной» переписки (такова современность!), я буду с этим фактом, конечно, считаться, а пока — приношу вам, по отношению Шаховского и всех других частных писем этого рода (если надо, всем) самые искренние извинения с просьбой принять во внимание шутливый тон.

И повторяю, что все это, по-моему, связи с моим «лицеприятием» отнюдь не имеет. И даже — в плане литературы и журналистики, я бы, на вашем месте, предпочла сотрудника, могущего написать такое «частное» письмо (в нем для вас

ничего нет и нового), чем сотрудника, появляющегося *в тексте* «Благонамеренного»³.

Дм[итрию] С[ергееви]чу скажу. Не знаю. Моя же статья *никак* не будет готова раньше конца недели. Неужели вы из-за этого будете откладывать ее на лето?

Toujours devouée á vous⁴

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Год установлен по содержанию. Помета рукой Вишняка: «18». Имеется копия рукой Вишняка. Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 431.

¹ Типичная для писем начала года описка: назван прошедший год вместо начавшегося.

² Шаховской Дмитрий Алексеевич, кн. (впоследствии арх. Иоанн Сан-Францисский; 1902–1989), к этому времени был известен как поэт, автор двух книг стихов. Журнал «Благонамеренный» Шаховской издавал в Брюсселе в 1926 г. (вышло два номера). Первый номер открывался статьей «Философическое обоснование благонамеренности (От редакции)», куда был вставлен набранный более мелкими кеглями пассаж: «(Некоторым дополнением, к двум-трем своим мыслям о гражданской поэзии, Редакция “Благонамеренного” решает здесь привести одно письмо, принадлежащее перу известнейшего русского литературного критика. Это — ответ на письмо Редакции, просящей принять участие в “Благонамеренном”, подчеркивающее исключительно литературный характер журнала: “Как вы не знаете? Мой долг открыть вам: во мне ни на грош нету ‘благонамеренности’ и, главное, решительно ни для кого, от Луначарского с Зиновьевым до Маркова П. Нечего говорить, что в него входят Милоков, Вишняк, Струве и т.д. Поэтому мне и думать нечего участвовать в вашем Благонамеренном; если б, как должно, относились к своему журналу, вы бы меня и не приглашали! Поблагодарите меня за откровенность и будете счастливы”.)» (Благонамеренный. 1926. № 1. С. 8). Без стеснения выраженные оценки тогдашней деятельности Шаховского и Д.П. Святополка-Мирского см. в письме Гиппиус к Е.А. Ляцкому от 8 мая 1926 г. (Евгений Ляцкий: Материалы для биографии. С. 114–115).

³ Гиппиус подразумевает, что круг сотрудников «Благонамеренного» и СЗ пересекался. Так, в литературно-критическом отделе и там и там сотрудничали Ф.А. Степун и Д.П. Святополк-Мирский.

⁴ Полностью Вам преданная (фр.).

113. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 12 января 1926 г.

12 I 1926

Родная Зина,

рад был твоим строчкам — соскучился. Сам не писал, ибо сначала был ошеломлен инцидентом с твоей рукописью и не знал, что писать (спасибо, что ты так терпимо и мудро ликвидировала его), а потом стал втягиваться в работу и старался возможно меньше тратить времени на письма (а их столько обязательных!). О Горне¹ скажу *свое* мнение — одновременно пишу в Париж и прошу соредакторов известить тебя, если они с моим мнением не согласны. Разумеется, если Горн прислал художественную вещь, и если она талантлива, мы её возьмем. Если это воспоминания, будет труднее; если неталантливо, то совсем трудно. Потому мой совет — читай и дай *нелицеприятный* отзыв. Если не возьмем, всегда можно будет

выдумать наименее обидный предлог. Для осторожности подожди дня два — хотя я убежден, что мнение редакции не разойдется с моим (тебя известят только в том случае, если разойдется).

Родная Зина, слушай! Сговоришься скорее с Игорем [Демидовым] и пиши в «П[оследние] н[овости]»². Не разрушай наших планов и не веди себя вольным стрелком. Ты не имеешь на это право... То же пишу Игорю...

С пропажей рукописи, увы, ничего таинственного не было. Следующий номер будет глубже и содержательней 26-го. Помни, что ты даешь еще стихи и рецензию³. Скажи Димитрию, что я ужасно рад, что роман печатается и что всё прошло сравнительно легко⁴. Пришло всё-таки время, когда мы вместе работаем. Ты скажешь: еще не то. Подожди — скоро ты увидишь более смелые и решительные шаги. Только, пожалуйста, приступи немедленно к писанию в «П[оследних] н[овостях]». Оставь Осоргина в покое — разве ты не чувствуешь, что не в нем дело. *В нас дело*. Всё зависит от нашей воли и духовного подъема.

Мы живем хорошо. Больше недели вдвоем — кругом никого; даже сестры переехали в Clausonnes⁵. Я совсем счастлив, но и Курочка [А.О. Фондаминская] довольна и не скучает. С 1 до 4 уходим на большую прогулку, остальное время за работой. Курочка мне помогает — делает выписки на машинке. Погода всё время была чудесная — тепло и солнечно. Но вот два дня ударили холода. Вся вилла холодная, а мы сидим в одной жарко натопленной комнате. Будь здорова, родная. Поправляйся и, пожалуйста, не забывай меня и хоть по страничке пиши.

Нежно тебя целую. Поцелуй Димитрия и Володю. Собираюсь писать Диме [Философову].

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 77).

¹ Имеется в виду беллетрист Сергей Горный (Александр-Марк Авдеевич Оцуп; 1882–1949). 10 апреля 1926 г. Фондаминский писал Вишняку: «Выслал новый рассказ Горного. Рассказ мне и Ф.А. [Степуну] нравится и мы за его принятие. Если и вы будете такого же мнения, то я предлагаю его печатать в 28-й книжке вместо Щербакова. Он всё-таки много литературнее (таково же и мнение Ф.А. [Степуна]). Щербакова я предлагаю совсем отставить, если вы его уже не известили о принятии. Старый рассказ Горного я ему вернул — в ответ получил милое письмо, где он пишет, что это автобиографическая вещь. Очень прошу вас решить о Горном возможно скорее» (Ред., п. 92; см. также письмо от 16 апреля и 1 мая). Ср. также п. 116. Его рассказы в СЗ не печатались.

² Гиппиус вполне активно сотрудничала с ПН до мая 1927 г.

³ В 27-й книге СЗ появились только стихи и статья Гиппиус, рецензии же не было. См. также примеч. 2 к п. 114.

⁴ После заключения договора с Мережковским на «Мессию» в редакции, видимо, началось некоторое недовольство, вызвавшее развернутые суждения Фондаминского в письме к Вишняку и Рудневу от 1 декабря 1925 г. (Ред., п. 71).

⁵ Речь о шато де Кюзон, о котором бывавший там в детстве сын Сазоновой-Слонимской Д.П. Сазонов писал: «Château Funel de Clausonnes, детский “preventorium” против чахотки, под управлением Ол[ьги] Львовн[ы] Еремеевой и Ек[атерины] Мих[айловны] Лопатиной, у кого жил я в 1930–33-м годах около деревни Biot, средиземноморской области Alpes-Maritimes, на полпути между Nice и Cannes — вблизи Grasse, мировой столицы духов, где в имени проживали Бунины» («Драгоценная скупость слов»: Переписка И.А. и В.Н. Бу-

ниных с Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / Вступ. ст. К. Триббла; публ. К. Триббла, О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. М., 2010. Вып. 2. С. 287).

114. Гишпиус — Вишняку

Paris. 23 января 1926 г.

23-I-26

Дорогой и многоуважаемый бы (см. статью Кульмана¹) Марк Вениаминович, в сущности, вы самый невыгодный бог, ибо главное ваше свойство — не слушать и не слышать, когда к вам обращаются. Посылая статью и стихи, я крепко наказывала просить извинения, что *не успею* дать рецензию о Степуна (о том же написала Илюше [Фондаминскому]). Я его (Степуна), успокоенная своим отказом, даже и не читала².

Но вы — не слышали! Могу ли я надеяться, что вы принимаете во внимание хоть то, что я вам *пишу*?

Надежда не совсем потеряна, потому и пишу. И даже прошу каким-нибудь путем информировать меня:

1) Слышали ли вы, что я прошу обязательной корректуры и стихов (их нужно напечатать в указанном порядке и *без* изменения знаков препинания), и статьи?

2) Имеете ли вы намерения что-нибудь исправлять в статье? (...)

3) Могу ли я дать вам рецензию (и какой окончательный срок) на *только что* вышедшую в Ymga [так!] книжку Вл. Соловьева — «Духовные основы жизни»³? Рецензию очень краткую. Книжку мне издательство прислало.

Иногда, по поводу вас, мне вспоминаются далекие слова моей няньки, которая постоянно восклицала: и что это за дитя! Ни — лаской! Ни — сердцем!

Вот уж с вами, действительно: ни лаской, ни сердцем!

А впрочем — остаюсь огорченная, но неизменно уважающая вас, —

З. Гишпиус-Мережковская

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «12». Имеется копия рукой Вишняка. Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 442.

¹ См.: *Кульман Н.* Пятилетие «Современных записок» (Книга 26-ая) // Возрождение. 1926. 21 янв. № 233. С. 3.

² Речь о рецензии на книгу Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста» (Прага, 1926), о которой он писал Фондаминскому 30 ноября 1925 г.: «Выслал Вам на днях “Письма прапорщика” [...]. В “Современных” зап[исках] могла бы, быть может, написать Зинаида Николаевна [Гишпиус]» (Ред., п. 70). В письме Фондаминского к Вишняку от 22 декабря об этой рецензии говорится как о решенном деле (Ред., п. 74). Еще 10 апреля Фондаминский спрашивал Вишняка: «Будет ли она писать о “Прапорщике” Степуна? Если нет, обязательно надо дать кому-нибудь (Мише [Цетлину]? Ходасевичу?) — он мне говорил об этом». В конце концов книгу отрецензировал Д.И. Чижевский. См.: *П.П. [Чижевский Д.И.]* [Рец. на кн.:] Из писем прапорщика-артиллериста. Прага: Пламя, 1926 // СЗ. 1928. № 34. С. 511–514.

³ Имеется в виду издание: *Соловьев Вл.* Духовные основы жизни, 1882–1884. Paris: YMCA-Press, 1925 (на обл. 1926). Гишпиус рецензировала ее в другом месте: *Гишпиус З.Н.* Мертвый младенец в руках // ПН. 1926. 18 февр. № 1793. С. 2.

115. Вишняк — Гиппиус

Paris. 26 января 1926 г.

26.I.926

Ну нет, дорогая Зинаида Николаевна, в этом я уже не повинен... В этом вина другого божества с Вашего Олимпа — Злобина. Сей Меркурий мне *не* передал Вашего отказа от составления рецензии на книгу Степуна. Он аккуратно, палец за пальцем отсчитывал Ваши приказы и наказания, но сего не было...

И потому по прежнему считаю за Вами отзыв о книге Степуна в *первую* очередь и рецензию на книгу Соловьёва («Духовные основы жизни») *во вторую!* Последний срок для обеих рецензий — 3 февраля!¹

Что касается других пунктов Вашего «ласкового и сердечного» письма (на мой внутренний слух Вы больше пишете «с сердцем», нежели с лаской), — то могу Вас уведомить, что все они редакцией «уважены». В статье не тронута ни запятой. К типографии обращена почтительнейшая просьба (с приказами к ней обращаться нельзя: то *типография*, а не редакция!) послать Вам корректуры и печатать ~~стихи~~ стихотворения (отличнейшие!) на отдельной странице каждое, с соблюдением орфографии, препинаний и проч., и проч.

Словом, ухаживаем, как за царицей Савской...

Что касается Вашей статьи об Ильине, то мне она понравилась; я считаю полезной и такую манеру трактования темы, — хотя в некоторых местах, особенно *переходы* уже чересчур близки к *causerie*² — к свободной от привычных условностей и «литературщины» *непринужденной беседе*, по самой своей природе лишенной той сосредоточенности и методичности, которой, мне кажется, требует данный сюжет.

Допускаю, что это уже от излишней «придирчивости», а средний читатель прочтет статью себе на пользу и будет благодарить и Вас, и нас.

Крепко жму руку!

М. Вишняк

Публикуется по черновому автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «к 32».

¹ Ни та, ни другая рецензия в СЗ не были напечатаны (а рецензия на книгу Степуна даже и не написана).

² свободной беседе, болтовне (фр.).

116. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 1 марта 1926 г.

1 III 1926

Родная, любимая Зина,
вот — ответы:

1. Рукопись Горна пришли мне, а Горну пока ничего не пиши (если уже всё ему зря не написала)¹. Зачем ты «начинаешь» с Вишняком — вы оба колючие, и у вас ничего не выходит. Сказано, пиши мне. О Горне я писал Рудневу и просил его, если

Горн принципиально неприемлем, предупредить тебя. Он этого не сделал — значит будем судить по существу. Присылай скорей и, если рассказ не плох, все, Бог даст, устроится.

2. В рукописи Екатерины Михайловны [Лопатиной] около 4 листов². Надо сократить на лист, т.е. на 20 стр. (а не на 40, как ты пишешь). Сделай так: сокращай *по совести*, что найдешь нужным. Разумеется, в случаях колебания, вычеркивай. А затем пришли рукопись мне. Если сокращений будет недостаточно, я «до-сокращу» вместе с Екатериной Михайловной.

3. Пересылаю тебе письмо Руднева — делаю это только из большой любви к тебе и Димитрию, ибо знаю, как нехорошо вмешиваться в такие дела. *Очень прошу тебя* — расскажи об этом Димитрию только в том случае, если думаешь, что он может что-нибудь сделать. Если же нет, не говори ему ничего, а письмо уничтожь — зачем огорчать Димитрия, а я и права такого не имею³.

4. «Отмычек» для дверей «Совр[еменных] зап[исок]» искать не надо. Мы жаждем *молодых поэтов*. Поэтому прошу тебя, все стихотворения, к[о]т[о]р[ые] ты одобришь, присылать мне, и *присылай как можно больше*. Попроси у поэтов, к[о]т[о]р[ые] кажутся тебе небездарными, их стихи, отбери, что найдешь достойным напечатания, и присылай. Сделай это обязательно и поскорей. Обещаю тебе успех. Очень прошу тебя этим заняться и с нетерпением жду первой присылки.

5. Читаю «За свободу» и развожу руками. Можно быть в левом лагере, как ты и я, и стараться его исправить, провести в нем свою линию. То же можно делать в правом. Но где «За свободу»? В чём их воля? Куда они направлены? Думаю, происходит крупное недоразумение. Арцыбашев по существу, по пафосу своему, должен быть в правом лагере. У Димы [Философова] он по случайности. Кончится «За свободу», он будет в «Возрождении»⁴. Между тем, Дима из-за него рвет со всеми «демократами» и остается... с Амфитеатровым, Пасмаником и такими же⁵. Тогда пускай ведет правую политику и идет на съезд⁶. Все это очень грустно. Ибо я считаю Диму нашим и верю, что мы встретимся. Но я надеялся, что «За свободу» будет нашей газетой, теперь же развожу руками.

6. Очень рад, что чутье меня не обмануло, и я поставил ставку на «П[оследние] нов[ости]». Какую твердую линию они взяли с Кусковой и Пешехоновым⁷. А «Дни» — а ты ими начала было увлекаться. Твоя статья об «Ильине» поистине блестящая⁸, и ты сразу убила. Пиши, пиши так в «П[оследних] н[овостях]», именно в «П[оследних] н[овостях]», а не в «Звене»⁹, ибо «П[оследние] н[овости]» — дело, и дело близкое к нашему.

7. Над Бердяевым я не могу поставить креста — он чем-то мне симпатичен. Я бы боролся с ним, но боролся, ведя к себе, а не отталкивая.

О себе: живем неплохо. Погода чудесная — всё в цвету. Вероятно, в марте приеду на несколько дней в Париж. Больна Аня — сестра Амалии, и Амалия почти каждый день в Ницце. Не забывай меня. Поцелуй Димитрия и Володю.

Крепко и нежно тебя целую.

Твой И.

² Речь идет о ранее названной статье «Сны нездешние» в 28-й книге СЗ. 23 января Фондаминский писал Вишняку: «Согласен и с твоим мнением о Ельцовой. Ее воспоминания интересны и ценны тем, что рисуют Соловьева человека, а не икону. Но они растянуты и расплывчаты, Думаю, от сжатия они только выиграют (но не меньше 120 т. букв). Если и Вадим будет того же мнения, как и мы, я легко добьюсь согласия Ельцовой, под условием, чтобы сокращения сделала бы Гиппиус (она очень ей доверяет). Думаю, что и З.Н. охотно возьмется за это, т.к. в рукописи не [2 нрзб], что довести её до чист[овика] дело возможное» (Ред., п. 80), а 31 января последовало дополнение: «Передавая Соловьева Гиппиус, проси её сокращать цитаты из писем Соловьева и по возможности сохранить личные воспоминания Лопатиной. Это просьба Л[опатиной] и согласно указаниям Вадима [Руднева]» (Ред., п. 82). О сделанных сокращениях см. подробное письмо Гиппиус к Лопатиной от 28 сентября 1927 [по смыслу — 1926] г. (Вестник Русского христианского движения. 1980. № 132. С. 289–290).

³ Письмо неизвестно, и о чем идет речь, мы не знаем.

⁴ М.П. Арцыбашев скончался задолго до того, как прекратилась газета «За свободу!».

⁵ В феврале 1926 г. с газетой «За свободу!» порвали В.П. Португалов и П.Э. Бутенко из-за политических разногласий с Философовым и Арцыбашевым (по вине последних не состоялось долго планируемое объединение с пражской группой С.С. Маслова), см.: *Португалов В.* Письмо в редакцию // *За свободу!* 1926. 13 февр. № 35 (1766). С. 5; *Арцыбашев М.* (председатель редколлегии), *Философов Д., Шевченко Е.* От редакции // *За свободу!* 1926. 27 февр. № 47 (1778). С. 2. Фондаминский имеет в виду именно этот раскол, в результате которого не только не состоялось объединение с крестороссами, но и из редакции ушли наиболее последовательные демократы, много лет отдавшие газете. Среди постоянных авторов варшавской газеты «За свободу!» были писатель Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) и врач, общественный деятель Даниил Самойлович Пасманик (1869–1930). Оба были активными выразителями правых взглядов.

⁶ Речь идет о Российском зарубежном съезде, состоявшемся 4–11 апреля 1926 г. в Париже. В СЗ о нем уничижительно написал С.О. Португейс (*Иванович Ст.* Ташкентцы за границей // СЗ. 1926. № 28. С. 398–420).

⁷ В это время продолжалась полемика ПН с Пешехоновым и Кусковой (они печатались в «Днях» и «Парижском вестнике») о возвращенчестве; см., например, передовицы: «Законопослушный» Пешехонов // ПН. 1926. 17 февр. № 1792. С. 1; Топтанье на месте // ПН. 1926. 26 февр. № 1801. С. 1.

⁸ Имеется в виду статья Гиппиус «Предостережение» (ПН. 1926. 7 марта. № 1810. С. 2), посвященная публикациям И.А. Ильина в газете «Возрождение».

⁹ Газета (а с января 1926 г. — еженедельный журнал) «Звено» начиналась как понедельничное приложение к ПН, однако всегда отличалась от «основной» газеты почти исключительным вниманием к культуре и минимумом политических материалов.

117. Гиппиус — Вишняку *Paris. 6 марта 1926 г.*

6 Мр. 26. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
я выпустила около 700 стр[ок], что составляет, по моему расчету, 42 или 40 т. букв¹. Сознаюсь, что войдя в это дело, я могла бы выпустить и больше. «Стиля» я не трогала. Илюша [Фондаминский] *настоятельно* просил прислать ру[копись ему], чтобы вместе с автором ее просмотреть. Т.к. посылать — ваше дело, то и препрождаю рукопись вам, для запечатки и отправки. Конечно, автор будет огорчен,

но вы премудро свалили его огорчение на меня. Tant pis!² Приемлю жребий свой. И, пожалуй, сама о том напишу, что mea culpa³.

С приветом

З. Гиппиус

Очень прошу извинить этот неловко оторванный верх.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «36». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 443.

¹ Гиппиус говорит о своей редакторской работе с воспоминаниями Лопатиной о Соловьеве.

² тем хуже (фр.).

³ моя вина (лат.).

118. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 29 марта 1926 г.

29 III 1926

Родная Зина,

не удивляйся и не сердись за мое молчание. Со стороны кажется — сидят в келье под елью, а на деле — от жизни никуда не убежишь. Больше месяца тяжело хворала Анна Осиповна [Гавронская] и Амалия [Фондаминская] каждый день ездила в Ниццу. Потом попросили её зайти в Ницце к больному офицеру. Пришлось заботу о нем взять на себя, ибо у него здесь ни души, а дело шло к смерти. Перевезли в Грасс в госпиталь и тут похоронили его. Должен был хоронить Владыка, но заболел и хоронил каннский батюшка. Потом все обедали у нас. Тем временем в Ниццу приехала мамаша [Л.В. Гавронская], а у нас заболела прислуга, прекратилась вода, приехали Руднев и Вишняк (жили в гостинице), и целую неделю лил дождь. Т.к. ты знаешь, что я оптимист, то поверишь, что я не омрачаю картины. Теперь, думаю, будет легче, хотя сегодня еще надо ехать в Ниццу справлять Пасху.

Теперь о деле. Начну с приятного. Если ты уже видела книжку, то должна согласиться, что она прекрасна. Я не вижу ни одной ошибки и, наоборот, утверждаю, что книжка указывает на подъем журнала. Даже Осоргин и С[вятополк-]Мирский не могут тебя огорчить — Осоргин дал отрывки из романа, а С[вятополк-]М[ирский] пишет о Цветаевой¹. Зато прекрасны Ходасевич, Лосский и блестящая твоя статья — она тебе исключительно удалась². Вероятно, тебе не понравится Бунин и статья Степуна о нем³, но ты стала к И.А. [Бунину] несправедлива. Роман Дмитрия замечателен, и даже Вишняк говорит, что это лучшее в журнале. Воспользовавшись приездом Руднева и Вишняка, мы устроили несколько редакционных собраний и о многом переговорили. Вишняк на этих днях будет у тебя и будет очень тебя просить дать *небольшую* статейку для следующего номера о Шестове. И я тебя прошу не отказываться — нам надо дать статейку о Шестове, а лучше тебя никто не напишет. Разумеется, для этого тебе совсем не надо всего перечитывать — лучше характеристика, чем изложение его философии⁴. Кроме того, ты обещала дать рецензию о «Прапорщике» Степуна — сделай это⁵. Ты скоро сама убедишься, что Степун и политически, и духовно совсем с нами. Для следующего

номера он пишет против Пешехонова и Кусковой⁶. Я очень огорчен, что ты ведешь переговоры с Мельгуновым о статье⁷ — зачем это? И «С[овременные] з[аписки]» и «П[оследние] н[овости]» всё больше и больше становятся *нашим* делом, и ты должна все силы отдавать на них, а не уходить в сторону. Тем более, что у Мельгунова ты и материально не заинтересована. Не забудь, что мы с тобой уговорились, что для «С[овременных] з[аписок]» ты даешь статью в *каждый* номер — через номер *большую* и через номер *маленькую*. Следовательно летом тебе надо будет писать большую статью для нас⁸. Кроме того: мы говорили о дальнейших беллетристических планах и единодушно согласились, что твой роман для журнала очень желателен⁹. Резюмирую: сосредоточься на «П[оследних] н[овостях]» и «С[овременных] з[аписках]» и не уходи в сторону.

Относительно стихов мы предпочитаем систему нескольких стихотворений одного и того же автора. Мы уже взяли 2 стихотворения Ладинского¹⁰. Теперь мы хотели бы получить хорошие стихи Довида Кнута¹¹. Кажется, и ты выделила этих двух авторов. Остальные парижане, кажется, слабы. Окончательное решение остается за редакцией (мы решаем «скопом»), но, поверь, с твоим мнением редакция достаточно посчитается.

Огорчит тебя решение редакции относительно Горного. Я со Степуном героически его защищали, но Руднев и Вишняк находили его просто скучным. О неприемлемости его для журнала не было и речи. Постановили: этой вещи не брать, но просить Горного прислать что-нибудь другое. В таком духе я сам ему и напишу, напишу мягко, — ты не огорчайся. Т.к. мы решили и в беллетристике печатать «молодых», то несомненно мы напечатает и Горного¹².

За «Ельцову» большое спасибо — ты работала добросовестно и сократила больше, чем достаточно. Увы, я думаю, что Иван Иванович [Манухин] прав — Соловьевский «одеколон» меня резанул по сердцу¹³. Рукопись я отдал Екатерине Михайловне [Лопатиной] — жду обратно для сдачи в набор.

Твое «верченье» меня очень радует — радует и твоё неукротимое горенье и направление твоей деятельности. Я рад, что ты терпимее стала относиться к «Пути» и Бердяеву¹⁴. Я еще не читал 2-го номера, но по всему видно, что они скорей идут навстречу нам, чем Ильину. Потому думаю, что и писать о них надо правдиво и решительно, но с вниманием и любовью.

«За свободу» оставляет в недоумении. Неужели Дима [Философов] не понимает, что в таком состоянии оставаться нельзя. Писал ему и буду опять писать.

Сам я бодр и не теряю веры. Много планов. Писание идет плохо — вот уже месяц, как почти не пишу. Но ведь я и не придаю значения своим писаниям. Зато журналом увлекаюсь все больше и больше. Верю, что — как мой *gogus*¹⁵, когда дрова высохли и шишки подложены — вот-вот вспыхнет ярким пламенем. В вопросах религиозно-общественных Руднев и Степун идут еще дальше меня. Я не хочу предрепреждать моего духовного развития, да и сопротивление Вишняка показывает, что путь нового духовного становления труден и требует выдержки. Во всяком случае мы неуклонно идем вперед.

Очень радуюсь, что мы скоро увидимся. Напиши, когда вы собираетесь на Alba. Я надеюсь, что мы проживем здесь вместе не меньше месяца.

Будь, пожалуйста, мила с Вишняком — по существу он добрый и честный. Напиши мне подробно о книжке. Поцелуй крепко Димитрия и поблагодари за ро-

ман. Поцелуй Володю. Тебя нежно целую и люблю и ужасно радуюсь, что к старости мы совсем сошлись.

Твой Илья

PS. Родная, только кончил это письмо, как получил твое – пожалуйста, не сердись. Горного прочти и пришли. Я ему пишу, что жду от тебя его вторую вещь. И, пожалуйста, не ругай ему нас. В 27-й книжке больше 600 стр. – что же удивительного, что мы не можем всего брать. Целую тебя нежно.

Твой И.

PS. Если помимо Кнута считаешь и еще кого-нибудь талантливым – бери. Но при сомнении лучше воздержись – на Ладинского и Кнута мы уже решились.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 77).

¹ См.: *Осоргин М.А.* Сивцев Вражек: (Главы романа) // СЗ. 1926. № 27. С. 167–207; *Святополк-Мирский Д.П.* [Рец. на кн.:] Цветаева М.И. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924 // Там же. С. 569–572. Помимо этого Осоргин напечатал рецензию: *Мих. Ос.* [Рец. на журн.:] *Благонамеренный* / Ред. Д.А. Шаховской; Рук. Г. Соколов. Брюссель: Б.и., 1926. № 1 // Там же. С. 564–566. Отметим, что вряд ли Гиппиус, которой очень не нравился «Благонамеренный» (см. ее далее упоминаемую статью «Мертвый дух»), а от рецензии на «Молодца» она отказалась, могла одобрить эти публикации.

² См.: *Ходасевич В.Ф.* Есенин // СЗ. 1926. № 27. С. 292–322; *Лосский Н.О.* В защиту демократии // Там же. С. 369–381; *Гиппиус З.Н.* Меч и крест // Там же. С. 346–368.

³ См.: *Бунин И.А.* Дело корнета Елагина // СЗ. 1926. № 27. С. 5–49; *Стенун Ф.А.* Литературные заметки: И.А. Бунин: (По поводу «Митиной любви») // Там же. С. 323–345.

⁴ 10 апреля Фондаминский писал Вишняку: «Зин. Ник. [Гиппиус] отказывается писать о Шестове. Если Коире тоже откажется, подумай о Бахтине (поговори с З.Н. [Гиппиус]). Во всяком случае, статью о Шестове обязательно надо дать, ибо я ему писал об этом (ответа от него нет – не уехал ли он?)» (Ред., п. 92).

⁵ См. примеч. 2 к п. 114.

⁶ Речь идет о статье: *Стенун Ф.А.* Мысли о России: (О «Возрождении» и возвращенстве) // СЗ. 1926. № 28. С. 365–392.

⁷ Фондаминский говорит о все же написанной статье: *Гиппиус З.Н.* Мертвый дух // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4. С. 257–266. Этот журнал издавал историк Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956). См. в письме Гиппиус к Е.А. Ляцкому от 8 мая 1926 г.: «Вы, конечно, говорите о *Благонамеренном*. На это вонючее гнездо соглашателей, как ни противно его в руки взять, я уже нацелилась давно, но в *П[оследних]*, *Нов[остях]* меня перебил Осоргин, в *Звеньях* поклялись ни звуком их не “рекламировать”, и я, по размышлении, этому даже рада: в этих двух газетах, не говоря о *Совр[ременных]* *Записках*, мне бы не дали раскатать их всех вволю, до Ремизова включительно, а я сделаю это у Мельгунова» (Евгений Ляцкий. Материалы для биографии. С. 114).

⁸ 19 февраля Фондаминский писал Вишняку: «С вашего согласия (вы дали мне полномочия) я уговорился с ней: через книжку статью в большой отдел, а в промежутках в “К[ультуре] и ж[изни]”. Примите во внимание, что ее статей не было в XXIV, XXV, XXVI кн. Если не хотите публицистической темы, возьмите литературную» (Ред., п. 87).

⁹ Видимо, речь идет о произведении неопределенного жанра, которое сама Гиппиус склонна была считать романом, – «Мемуары Мартынова». Однако они были напечатаны в журнале «Звено» в марте–мае 1927 г.

¹⁰ См.: *Ладинский А.П.* [Стихотв.:] Клюква («Величьем лунная столица бредит...»); Муза («Обманница, встречаемся мы редко...») // СЗ. 1926. № 28. С. 223–224.

¹¹ См.: *Кнут Д.* [Стихотв.:] Тишина (I. «Сияющий песок у запыленных ног...»; II. «Лежать века на зреющем песке!...») // 1926. № 29. С. 202–203.

¹² См. выше, примеч. 1 к п. 113.

¹³ См. в воспоминаниях Лопатиной: «Странно было видеть его [Соловьева] за чем-нибудь житейским, связанным с мелкими интересами. Вероятно, осуждал он себя, когда тоже нам показывал склянки одеколона, эликсира, какой-то туалетной воды, которые накопил в редкий период полочки денег» (СЗ. 1926. № 28. С. 250).

¹⁴ «Путь» — религиозно-философский журнал, редактором которого был Н.А. Бердяев. Об отношении Гиппиус к журналу см. ее большую статью: *Gippius Z.N.* Спор на корабле // ПН. 1925. 15 апр. № 1849. С. 2–3.

¹⁵ костер (лат.).

119. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 7 мая 1926 г.

7 V 1926

Родная, любимая Зина,
не писал тебе, ибо не хотел огорчать. Ты, вероятно, и не знаешь, что поссорила меня с Вишняком. Ты ему сказала, что я тебе писал, чтобы ты не имела с ним дела. А между тем, как раз в Грассе мы поручили ему переговорить с тобой и о статье для 28-й кн. (о Шестове или о чем-нибудь другом), и о рецензиях, и о планах на будущее. Вышло так: на собрании редакции я даю ему поручение договориться с тобой о работе в «С[овременных] з[аписках]», а в письме затем советую не иметь с тобой дела... Я ему написал как было: не помню когда — во всяком случае давно, а не теперь — по случаю вашей очередной ссоры (не помню, по какому поводу) я советовал тебе сговариваться со мной по журнальным делам, а не ссориться с В[ишняком]. Ничего обидного в этом для М.В. [Вишняка] не было и делалось это с его согласия. Мы не выясняли до конца отношений с М.В., но неприятный осадок остался. Не писал тебе, ибо не хотел огорчать тебя, а обойти вопрос было трудно. Теперь у меня одна просьба к тебе: когда будешь говорить с М.В. о журнальных делах (я надеюсь, что перед отъездом вы увидите), будь сдержана, не обижай его и помни, что «С[овременные] з[аписки]» для меня теперь самое дорогое дело и что больше того — оно общее для нас с тобой дело. Твоя статья в 27-й кн. — очень важная и ценная и ее значение и успех велики. Я очень рассчитываю на такую же для 29-й¹.

Не думаешь ли ты взять с собой на юг «Новый путь» — мне хотелось бы взглянуть на него, да и тебе очень может пригодиться для статьи. Не улыбается ли тебе ~~статья~~ тема: «Новый путь», Религ[иозно]-философ[ское] общество и современное религиозное движение²?

Я вас скоро жду в Канне. Курочка [А.О. Фондаминская] уезжает 15 мая в Париж, а я остаюсь до середины или конца июня. Я тебе писал, что у нас в этом году было много неприятностей (болезнь Анюты [Гавронской (Лурье)], смерть русского офицера на наших руках), но последние недели мы жили тихо и хорошо. Больше недели живем с Курочкой вдвоем. Здоровье мое хорошо, а статья движется ужасно медленно (очевидно, еще голова не может быстро работать). Были несколько раз у сестер и на Пасху разговлялись вместе на Alba. Бунины приезжают в воскресенье³, и мы с Курочкой неделю проживем в Grand Hotel'e. Потом я назад в Belvédère. Очень хочу, чтоб вы поскорей приехали — хочется побольше побыть вместе.

Будь здорова, родная. Поцелуй Димитрия и Володю. Крепко тебя целую.

Твой И.

Попроси, пожалуйста, Володю посмотреть, нет ли у вас моего «Дневника писателя» Достоевского.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 77).

¹ В ближайших книгах СЗ статей Гиппиус не было.

² Такой статьи Гиппиус не написала, хотя к воспоминаниям о «Новом пути» обращалась довольно регулярно.

³ 10 мая В.Н. Бунина записывала в дневнике: «Второй день в Грассе» (Устами Буниных. Т. 2. С. 156).

120. Гиппиус — Вишняку

Paris. 31 мая 1926 г.

Дорогой и уважаемый Марк Вениаминович,
я и Д[митрий] С[ергеевич] просим вас заглянуть к нам в пятницу 4-го, вечером. Это будет почти накануне нашего отъезда, и хотелось бы повидаться¹.

Жму вашу руку.

З. Гиппиус

Понедельник 31—5—26. Paris

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Пневматическое письмо; адрес получателя: «Monsieur Vichniak, 11, rue Claude Lorrain, Paris 16^e»; почт. шт.: «Paris, 1.6.26». Помета рукой Вишняка: «33». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 443.

¹ См. в письме Вишняка к Фондаминскому от 2 июня: «К Гиппиус пойду, наконец, сегодня, потому что обычные ее часы 6—7 для меня крайне неудобны. Она пригласила меня очень любезным письмом и на пятницу вечером, на предотъездный вечер. К сожалению, я занята. Постараюсь освободиться» (Ред., п. 106).

121. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 27 июля 1926 г.

27 VII 1926

Родная Зина,

ты на меня, вероятно, рукой махнула — забыл и не интересуюсь. Но это не так. Дело обстоит лучше для тебя и хуже для меня. Я тебя не забыл, люблю и часто о тебе думаю. Но чувствую себя отвратительно, совсем не могу работать и с трудом заставляю себя писать деловые письма — на душевные письма уже сил нет. Пожалуйста, не вздумай беспокоиться о моем здоровье. Нет никакого сомнения, что никакой болезни у меня нет и ничто мне не угрожает. Но вот положение: из дому я почти не выхожу, ибо на парижских улицах у меня начинается головокружение. Сажу дома в своем тихом кабинете, людей вижу мало, но работать не могу. Могу читать, но писать не могу. Статья лежит без последней главки и, увы, так она и не будет написана для этой книжки¹. Отсюда, помимо физической немощи, душев-

ная усталость. Усиленно лечился у Манухина — бесплодно. Теперь, по совету Манухина, уезжаю в горы на месяц. Ив. Ив. [Манухин] обещает поставить на ноги.

Теперь о делах. Твоя статья нужна к 25-му августа. Я тебе напишу, куда её прислать. Решили тебе прибавить — 325 фр. за лист (всем платим 250). Не будет ли у тебя стихотворения? Если хочешь послать в Россию, мы выдадим тебе аванс². Номер готовится интересный. Пускаем два рассказа «молодых»; стихотворения тоже «молодых»³. Среди статей интересны будут Зеньковский об Ильине (опять «православный меч»), Ходасевича о «Верстах», Степуна о «Пути» и твоя⁴. Вообще работать в журнале можно и можно много сделать. Всё дело в собственном духовном напряжении, к[о]т[о]р[ого] сейчас нет. Бог даст — будет. Из сотрудников видел Алданова, Муратова, Ходасевича, Берберову, Оцуа и еще кое-кого. Многих нет. Приходится отложить более интимные общения с сотрудниками до сентября.

Из важных событий: Руднев был на съезде христианской молодежи под Верденом. Приехал потрясенный и умиленный. Такой атмосферы любви не встречал никогда в жизни. Была любовь, свобода и радость. Съезд прошел под знаком борьбы с Карловацем⁵. Большой интерес и тяготение к нам. В связи с этим повидаяюсь на днях кое с кем из молодежи. Читала ли фельетон о съезде в «Днях»? Это Кузьмина-Караваева, к[о]т[о]р[ая] тоже была на съезде и вернулась оттуда преображенной⁶.

У меня впечатление, что не только в журнале, но и вообще работать можно. Литературная молодежь выпускает маленький журнал под редакцией Берберовой и, кажется, Терапиано⁷.

«Версты» произвели сенсацию⁸. Происхождение денег сомнительное — говорят, деньги Лурье, бывшего комиссара по музыке⁹. Но точно ничего не известно. Не знаю, напечатает ли Мельгунов твою статью о «Благонамеренном»¹⁰, но мы статью Ходасевича (беспощадную!) о «Верстах» напечатали. Держись лучше за нас!

Игорь [Демидов] в отъезде — видел его несколько раз. Часто вижу Манухиных.

Курочка [А.О. Фондаминская] здорова, бодра и огорчается только из-за меня. Действительно, в настоящем состоянии я мало могу ей соответствовать. Числа 25-го авг[уста] она поедет с мамашей [Л.В. Гавронской] в Данциг и вернется 15 сент[ября]. На квартире останется Влад. Мих. [Зензинов] — так что всю корреспонденцию направляй сюда. Я обязался Ивану Ив. [Манухину] месяц не заниматься, а только отдыхать — Бог даст, вернусь здоровым. Ужасно хочется, ибо хочется много сделать.

Напиши мне, родная, *немедленно*. Очень хочется узнать о тебе и о вашей жизни. Напиши о статье, романе и стихах. Поцелуй крепко Димитрия и Володю. Тебя крепко и нежно целую.

Твой И.

Пишешь ли уже статью для нас? Каких она будет размеров — побольше!

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 77).

¹ Седьмая статья из цикла «Пути России» появилась только в кн. 32, на будущий год.

² В ближайших номерах СЗ не было ни стихов, ни статей Гишпиус.

³ См.: *Щербаков М.В.* Корень жизни: [Рассказ] // СЗ. 1926. № 29. С. 152–173; *Евангулов Г.С.* Смерть Джона Хоппуса: (Рассказ) // Там же. С. 174–188; *Кнут Д.* [Стихотв.:] Тишина (I. «Сияющий песок у запыленных ног...»; II. «Лежать века на зреющем песке!...») // Там же. С. 202–203.

⁴ См.: *Зеньковский В.В.* По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Там же. С. 284–307; *Ходасевич В.Ф.* О «Верстах» // Там же. С. 433–441; *Стенун Ф.А.* Об общественно-политических путях «Пути» // Там же. С. 442–448.

⁵ Речь идет о 3-м съезде Русского студенческого христианского движения в Клермоне (19–25 июня) и его отношении к зарубежной церкви. «Проблема единства движения обострилась после церковного раскола, произошедшего на Карловацком архиерейском соборе в 1926 г. Раскол стал следствием острого конфликта между митрополитом Евлогием (Георгиевским) и большинством архиереев. Собор вынес осуждение движению и его миссионерской работе, что разрушило надежду многих его участников найти в церковных иерархах мудрых и ответственных пастырей и тем самым углубило расхождение между различными течениями в РСХД» (*Можжава Л.А.* Русское студенческое христианское движение (1921–1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). С. 273–278).

⁶ См.: *Данилов Ю.* [Кузьмина-Караваева Е.Ю.] Богомолье // Дни. 1926. 30 июня. № 1067. С. 2. В сокращ. перепеч.: Вестник Рус. христианского движения. 2002. № 183. С. 289–291.

⁷ Речь идет о журнале «Новый дом», первый номер которого вышел в октябре 1926 г. Его редакторами были не только Нина Николаевна Берберова (1901–1993) и Юрий Константинович Терапиано (1892–1980), но еще Довид Кнут (Давид Миронович Фиксман; 1900–1955) и Всеволод Борисович Фохт (1895–1941). Гиппиус печаталась в журнале с первого номера.

⁸ Журнал, редакторами которого были Д.П. Святополк-Мирский, П.П. Сувчинский и С.Я. Эфрон. Вышло три номера, первый, о котором и идет речь, – в июле 1926 г. В нем печатались произведения как писателей-эмигрантов, так и советских авторов. Появление журнала вызвало ожесточенные нападки различных авторов. 10 июля Гиппиус писала Бунину: «неужели вы, единственный среди нас, обладающий свободным голосом в газете [ПН] [...] не возвысите этого голоса против *Верст*? Это уж не *Благонамеренный!* Не в том главное дело, что они там Зайцева ногтем прищелкнули, Вишняку за пазуху наложили, вас высекли, приговаривая: пиши как Алешка [А.Н. Толстой]! ДС-ча совсем растерли, а много как старой туфлей, отхлестали по щекам Ходасевича, не в том, но ведь все это, достаточно на аршин приблизиться, – неслыханное смердетье! И они знают, что безнаказанны. Мне – запрещено в *П.Н.*, а Ходасевич, в *Днях...* да нет, это надо его подлинное письмо прочесть...» (СМRS. 1981. Vol. 22. № 4. Р. 439).

⁹ Артур Сергеевич (Наум Израилевич, также Артур Винцент) Лурье (1891–1966), композитор, был комиссаром Музыкального отдела Наркомпроса, с 1922 г. в эмиграции. В первом номере «Верст» он напечатал статью «Музыка Стравинского» (С. 119–135), а против фраз В.Ф. Ходасевича: «в числе их сотрудников имеется и настоящий коммунист: Артур Лурье, бывший начальник Музо Наркомпроса. Здесь он – не то хозяйский глаз, не то свадебный генерал» (СЗ. № 29. С. 437), – протестовал специальным письмом в редакцию СЗ (1927. № 30. С. 599). Сведения о том, что он финансировал «Версты», вряд ли соответствуют действительности. Возможно, они восходили к каким-то сообщениям В.Ф. Ходасевича, которому Гиппиус писала 26 июня: «Сдается мне, что Лурье – тот самый, который большевизанил с первых дней б[ольшевиз]нского воцарения. [...] Однако в то время у него была совершенно другая жена, не персидская, что-то вроде голы и розовой блондинки... Затем, будто бы, в него влюбилась Ахматова... Все это я помню вроде сна, и могу только утверждать, что этот Лурье всегда вызывал во мне отвращение. Очевидно – он [тот], о кот. вы пишете. Сведения ваши драгоценны [...] Фонд[аминско]му я именно говорила, чтоб он поведаль вас...» (*Гиппиус З.Н.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. by E. Freiberg Sheikholeslami. Ann Arbor, 1978. Р. 44).

¹⁰ Упомянутая выше статья «Мертвый дух» (см. примеч. 7 к п. 118). О ее судьбе ср.: «Мельгунов оказался хуже Милоюкова: статью о *Благонамеренном* квасил 3 месяца, потом

прислал корректуру — с выпусками, да какими! И явно хотел бы, чтоб я ее назад взяла, ибо Мякотин восстал против меня и грозит уйти (или ушел) из редакционной коллегии *Голоса Минувшего* (Евгений Ляцкий: Материалы для биографии. С. 116–117; письмо от 30 августа 1926 г.).

122. Фондаминский — Гишпиус

La Cure. 16 августа 1926 г.

16 VIII 1926

Hôtel Franco-Suisse, La Cure par *Les Rousses* / Jura

Родная Зина,

долго ждал твое письмо — наконец, вчера получил. Жаль, что мы не сидим рядом и что у меня нет того душевного подъема, к[о]т[о]р[ый] у меня бывает, когда я физически здоров — мне кажется, что тогда я убедил бы тебя, что ты не во всём права. Начну с конца, причём по обычной причине — нелюбви и неумению писать — буду краток. «Жаль, что Антону Крайнему не дали ходу на том амплуа, на к[о]т[о]р[ом] подвизается глупый Арцыбашев, дискредитирует верное, подмешивая неверное...» Ловлю тебя на этом сравнении. Арцыбашев не так глуп (не глупее многих сотрудников «Возрождения» и других газет) и не потому он дискредитирует верное, что подмешивает неверное. Будь «Свобода» коллективом с ясным сознанием и твердой волей, она сумела бы ввести в нужные рамки индивидуалиста Арцыбашева и, в крайнем случае, не ограничивая его, покрыть своим авторитетом. Но «Свобода» — не коллектив с ясным сознанием и твердой волей, а дневник двух-трех писателей-индивидуалистов (Арцыбашев, Дима [Философов], Пасманик), и мне часто, несмотря на всю мою симпатию к Диме и «Свободе», кажется, что они делают вредное дело, разбалтывая людей и оставляя их в атомном рассеянии. Возвращаюсь к А. Крайнему. Люблю его и понимаю его трагизм. В нем острота критической талантливости и дух свободной индивидуальности. Но по совести, предпочитаю и больше тянусь к З. Гишпиус. В ней творческая устремленность и осознанная воля к строительству. Что больше, что значительнее? Не хочу судить, хотя лично более склонен ко второму. Но вот что я знаю наверняка: что время наше жаждет второго и требует его много настоятельнее, чем первого. Ты права: надоело разоблачать Ильина и бездарное «Возрождение». Я скажу больше: скучно читать и бичевание духовно уже мертвых большевиков. Душа времени тянется к строительству духовному и жизненному. Потому имеет такой успех христианское движение молодежи. Потому — не сомневаюсь — будет иметь большой успех, когда развернется и загорится творческим горением наше идейное мирозерцание. Не сомневаюсь, что наступит время и для жизненного делания. Вот почему ты напрасно всё винишь Вишняка и Милокова. Большая вина падает и на меня. Мне ясно, что «С[овременные] з[аписки]» должны объединить Вишняка, Степуна и Гишпиус. Это минимальный объем общественного коллектива. Из него исключено не только всё «недемократическое». Из него исключено всё материалистическое, всё социально-максималистское, всё советски пошибилистическое. По существу, политически это государственно демократический центр, а

миросозерцательно круг духа и свободы. Я вижу твою скептическую улыбку... И вместе с тем глубочайше уверен, что если «С[овременные] з[аписки]» до сих пор еще представляют собой рассыпанную храмину, то не потому, что элементы их неслиянны, а потому что не загорелся еще подлинный дух творчества и строительства. И ужасно горюю о своей болезни. Знаю доподлинно свою творческую немощь и малую талантливость, но чувствую в себе те качества, которых нет ни в тебе, ни в многих других — веру в правду коллектива, пафос строительства, хозяйственность. При духовном подъеме эти качества могут быть полезны в общественном деле. К сожалению, болезнь поражает самые жизненные мои центры — мозг и душу: ем с апетитом, сплю крепко, могу пройти десятки километров, но когда пытаюсь творить головой и подняться духом, болезнь немедленно выходит наружу — кружится голова, охватывает ненормальное волнение и весь духовный организм приходит в полное расстройство. Лечусь, не падаю духом — Бог даст, поправлюсь.

Из вышеизложенного ясно мое отношение к твоему заявлению о статье¹. Вишняку я напишу, и ты можешь быть спокойна: формально ты в своем праве — писать не можешь из-за цензуры и вовремя предупредила, что статьи не будет. В[ишняк], может быть, не очень будет и огорчаться — заменит тебя Шацким или кем-нибудь другим². Ибо если ты «индивидуалистка», то В[ишняк] еще в значительной мере «партиец», и мне так же трудно соединить тебя с Вишняком, как и В[ишняка] с тобой. И тем не менее, я глубоко огорчаюсь твоим настроением и убежден, что я прав. Ибо ты делаешь не свое и не дело В[ишняка], а *наше* дело. В частности, книжка «С[овременных] з[аписок]» составлена как нечто целое, в к[о]т[о]р[ое] ты входишь органической частью. Не дав статьи, ты её разрушаешь. В[ишняка] не огорчишь, а меня огорчишь очень. Потому прошу тебя, если можешь, написать хотя бы маленькую статью — ты не опоздаешь, прислав её 5-го сентября.

Живу я здесь хорошо. Не занимаюсь, мало читаю, больше всего сплю и тихо разговариваю с М[анухиным] на душеспасительные темы. При моей «покорности» и любви к природе, я мог бы так прожить долго, если бы была большая надежда, что такая жизнь восстановит если не здоровье, то *работоспособность*. Ибо жажда работы и делания у меня большая. Но, увы, веры в то, что эти 6 недель восстановят мою работоспособность, у меня мало. Но стараюсь, слушаюсь И.И. [Манухина] и полагаюсь на Божью волю.

С М[анухиным] живем ласково и по-хорошему.

У меня к тебе просьба — попроси Володю послать мне «Версты», я их еще не читал. Если нужно, верну их очень скоро. Пожалуйста, не забудь.

Вторая просьба — писать мне, хотя бы и немного. Или точнее — отвечать мне на каждое письмо. Т.к. я пишу не часто, то это будет для тебя не трудно.

Ну, будь здорова, родная. Крепко целую Димитрия. Поцелуй Володю. Тебя крепко целую и люблю.

Твой И.

¹ О какой статье идет речь, не вполне ясно. 10 апреля, т.е. еще во время подготовки кн. 28, Фондаминский писал Вишняку: «Зин. Ник. отказывается писать о Шестове. [...] Зин. Ник. пишет, что хочет переделать для нас рецензию о “Пути”, которую она написала для “П[оследних] н[овостей]”. Очень советую взять её. [...] Говорил ли ты с З.Н.? Предлагал ли дать к[акую-н]д[и] другую статейку? Если нет, сделай это обязательно, ибо, как ты помнишь, я условился с ней о маленькой статейке для этого номера. Вероятно, она откажется, но предложить обязательно надо» (Ред., п. 92). 4 мая в письме к Вишняку и Рудневу он предложил другую тему: «*Gippius*. Мне со Ст[епуном] пришла в голову такая тема для нее: Воспоминания о религ[иозно]-филос[офском] обществе (Карташев!) с проекцией на настоящее. Как раз З.Н. теперь перечитывала “Новый путь”. Эта тема нам показалась очень подходящей, ибо “воспоминания” — один из лучших видов ее писаний; и, вместе с тем, это имело бы не только исторический, а и современный характер. Думаю, что З.Н. охотно бы согласилась на эту тему. Во всяком случае, я вас очень бы просил сговориться с ней до ее отъезда (он скоро уезжает) о теме для 29-й кн.» (Ред., п. 99). Еще одну тему (о письмах лейтенанта Шмидта и Е. Созинова) предлагал ей Вишняк (см. п. 123). Однако никакой статьи для кн. 29 и последующих Гиппиус не написала.

² *Шацкий Б.* Вопрос о трезвости в американской политике // СЗ. 1926. № 29. С. 473–481.

123. Гиппиус — Вишняк *Le Cannet. 4 сентября 1926 г.*

4-9-26

v[illa] Alba, rue Jonquièrre, Le Cannet A[lpes-]M[aritimes]

Дорогой Марк Вениаминович,

я не знаю, как мотивировал вам Илюша [Фондаминский] мой отказ¹. Но это не секрет: из желания сохранить остатки своего языка, стиля и возможности выражать прямо свои собственные мысли — я хочу дать себе передышку. А то я заметила, что когда пишу — думаю уже не столько о теме, сколько о вас или еще о каком-нибудь лице, которое властно мою мысль урезать. Это утрудняет работу, понижает ее качество (в моих же собственных глазах), и вообще, войдя в привычку, может сделаться опасным.

Говорю это без тени какого-либо вам упрека. У каждого писателя своя психология. Я прекрасно понимаю вашу. И мне только жаль, что *никогда вы не хотели понять моей*. Я это отношу исключительно к *недостатку внимания к вашей покорной слуге*. При малейшем внимании вы бы, конечно, увидели, что меня нужно взвесить (или подвергнуть цензуре) *целиком*; или целиком годится, или целиком не годится. Потому что я нахожусь в большом внутреннем *порядке*, и каждое мое слово, о чем бы ни было, исходит из него и ему соответствует. Сколько бы вы ни зачеркивали одни — останутся другие... (вот, чтобы эти другие от зачеркнутых не теряли смысла, мне и приходилось заранее гадать, изошряться, думать не о теме и не о читателе, а о вас). Именно *внутренний мой порядок*² подлежит или принятию, или отвержению. Говорю не в смысле «соглашения» совпадения в «порядках», говорю очень узко: годится для вашего воза такая-то лошадь, со всеми *ее* четырьмя ногами, или нет. Годится — так дайте ей везти по ее фасону; не годятся передние ноги — так, значит, вся не годится, их не изменишь.

Я не анархистка, да и не так глупа, чтобы претендовать на какую-то «абсолютную» свободу. Как раз потому, что я понимаю «свободу» — я понимаю, что свободен лишь тот, кто ее, свою, ограничивает. Но *самоограничение* — одно, а сознание, что рядом стоящий имеет власть механически тебя ограничить — это другое. Но, конечно, для вас может быть еще вопрос, заслужила ли свободу до *самоограничения*? Этого вопроса вы и не можете решить, пока не удостоите большего внимания меня и мой внутренний «порядок». Я, например, давно уже решила его, чисто теоретически, относительно вас: если б мы поменялись ролями (вообразим на секунду!), я бы, конечно, представила вам полную свободу самоограничения. У вас тоже «порядок», не мой, но который я признаю. Впрочем, уверена (и это тоже дает повод к размышлению), что случись такая мена местами — вы просто никак не стали бы писать в «моем» журнале, ни без свободы, ни со свободой.

Простите за эти отвлеченности. Ограничимся фактом моей усталости и желанием передышки. Я ниоткуда не дезертирую и лишь *временно сдаю* позиции, сделавшиеся для меня *неудобными*³.

Кстати, и тема Шмидт⁴ — Сазонов⁵, в той трактовке, которая пришлась бы вам по душе, — мне кажется не актуальной. Вот актуальная тема — «дела» Горького и весьма лакейское письмо берлинцев; но не бойтесь, я вам ее не предлагаю⁶. Много воды утекло под мостами с тех пор, как вы, не «досмотрев» за мной, извинялись перед Юшкевичем⁷ в «Посл[едних] новостях»; и хотя много этой воды попало на мою мельницу, а все-таки... лучше не трогать этого «чтимого всей Россией гения» — не правда ли? К писателю должен быть «подход» литературный. Вот как Степун подошел к Святополку⁸ и к «Благонамеренному»⁹. А правда ли, что вы Ходасевичу дали «свободу» насчет «Верст»¹⁰? Положим, Ходасевичу вы более доверяете, он, по-вашему, более заслужил свободу, чем Ант[он] Крайний, но посмотрим, какой он выберет «подход».

Милюков мне позволил «человеческий», и за то спасибо¹¹.

Хочу верить, что вас ничто не затронет в этом моем, очень искреннем, письме. Мне было больно огорчать Илюшу, но я его старалась уверить, что без меня ваша очередная книжка ничего не потеряет, а будет, пожалуй, еще гармоничнее, для вас же — без лишних хлопот.

Крепко жму вашу руку, ДС шлет искренний привет. Хорошо ли отдохнули?

Ваша З. Гиппиус

Если вам нужны Шмидт и Сазонов именно к этому №, и вы не надеетесь более со мной сговориться — я возвращаю вам книги¹².

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «34». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 201–203.

¹ В письме Фондаминского Вишняку от 3 сентября есть просто констатация отсутствия статьи Гиппиус в кн. 29.

² Подчеркивания в данном абзаце предположительно рукой Вишняка.

³ Подчеркивания в данном абзаце предположительно рукой Вишняка.

⁴ *Лейтенант флота, казненный в Севастополе в 1906 г.* (примеч. Вишняка).

⁵ *Террорист, бросивший бомбу в министра внутренних дел Плеве* (примеч. Вишняка). Видимо, имелось в виду сопоставление писем лейтенанта Петра Петровича Шмидта (1867–1906),

опубликованных в книге: Лейтенант П.П. Шмидт: Письма, воспоминания, документы. М., 1922, и писем Егора Сергеевича Созонова (1879–1910) по материалам книги: Письма Егора Созонова к родным 1895–1910 гг. М., 1925. О последней книге Гиппиус позже писала: «В не так давно вышедшем томе его [Созонова] писем этот крупный человек виден ярко. С некоторых духовных сторон письма освещают его самым неожиданным образом...» (Мелькнувшее мгновенно // Сегодня. 1929. 29 сент. № 270. С. 21).

⁶ Речь идет о письме Горького к Я.С. Ганецкому о Ф.Э. Дзержинском (Максим Горький о тов. Дзержинском // Правда. 1926. 11 авг.; перепеч.: Дно автора «На дне» // Дни. 1926. 15 авг. № 1081. С. 1; М. Горький о Дзержинском // ПН. 1926. 15 авг. № 1971. С. 1). Весьма лакейское письмо берлинцев – см.: Протест берлинского союза писателей и журналистов против Горького (По поводу его письма о Дзержинском) // Дни. 1926. 2 сент. № 1096. С. 2; От правления Союза русских журналистов и литераторов в Германии. Против Горького. (По поводу его письма о Дзержинском) // За свободу! 1926. 2 сент. № 201 (1932). С. 2.

⁷ *Писатель: см. выше в статье М. Вишняка (примеч. Вишняка).*

⁸ *Кн. Д.П. Святополк-Мирский, литературовед и редактор «Верст» (примеч. Вишняка).* Гиппиус имеет в виду рецензию: Степун Ф.А. [Рец. на журн.:] Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры. Брюссель, 1926. № 2 // СЗ. 1926. № 28. С. 483–486, где речь идет о диалоге Святополка-Мирского «О консерватизме». Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939), лит. критик, публицист, сотрудник СЗ и др. изданий, впоследствии член английской компартии, вернулся в СССР и погиб в сталинских концлагерях.

⁹ *Литературно-художественный журнал, издававшийся в Брюсселе кн. Шаховским до его пострижения в монашество (примеч. Вишняка).*

¹⁰ Видимо, вопрос основан на фразе Фондаминского из п. 121.

¹¹ См.: Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] О «Верстах» и о прочем // ПН. 1926. 14 авг. № 1970. С. 2–3. Ср. в записях В.Н. Буниной: «З.Н. жалуется, что пишет [о] “Верстах” и что это очень трудно, т.к. Милюков не все примет, что ей хочется. “Так и пишу сначала, что сама думаю, а потом начинаю смягчать, перемешивать, и так трижды приходится всякую статью переписывать» (Устами Буниных. Т. 2. С. 159–160; в тексте явная опечатка: «...в “Верстах»»).

¹² Эта приписка в журнальной публикации опущена. Неизвестный нам ответ Вишняка на это письмо отчасти возможно восстановить. Пересказав В.Ф. Ходасевичу содержание своего письма, Гиппиус писала: «И все пропало даром. Вместо покупки лошади – получила... полковое учение; сотрудники, будто бы, “маршируют” и должны идти “в ногу”; а редактор, будто бы, “взводный” (excusez du peu!), который кричит: “стой! Равняйся!..” Если же, мол, не так, то нет “журнала”. Ну, хорошо. И все, говорит, у нас сотрудники на таком пайке, и еще премного довольны. Понимают, мол, дело, вы одна, мол, не понимаете. Из-за этого, конечно... тут странный мармелад, вроде того, что мое отсутствие “умалит блеск выходящей 29-й книжки” (и надежда, что блеск 30-й будет полным). Перечисление “понимающих” сотрудников и в заключение: “И, наконец, Ходасевич, который пишет очень остро, едко, ‘политически’, но в то же время исключительно осторожно (получай, мол!), и Ходасевич, написавший о “Верстах” чрезвычайно резкую политическую, а не лит. критическую статью, и он подвергся некоторому ущербу (с его же согласия) и не ощутил в этом никакого покушения на свою писательскую личность, творчество, язык, стиль и т.д. [...] Но пусть торжествует Вишняк свое “видимое” одоление; моя *приципитальная* лошадь остается на своем месте. И пусть миллиард Степунов с миллиардом Николаев Переслегиных удовлетворенно “равняются” – я все-таки буду утверждать: для писателя очень важно (или даже необходимо) знать, что он заслужил свободу *сам* ограничивать свою свободу. Или даже – если журнал – полк – то и “равняться” ему нужно самому, а не по окрику взводного. Без этого сознания (с сознанием, что не “заслужил” и должен ждать отрубления неизвестно какой ноги) он непременно напишет *хуже*, чем может написать» (Гиппиус З.Н. Письма к Берберовой и Ходасевичу С. 61–62).

124. Фондаминский — Гиппиус*Paris. 1 октября 1926 г.*

1 X 1926

Родная Зина,

№ 29 «С[овременных] з[аписок]» на днях выходит. Теперь мы готовим 30-й. Вишняк уезжает на месяц в Румынию, и номером придется заниматься преимущественно мне. Тем более я прошу тебя дать для этого номера статью. Хочешь о письмах Сазонова, хочешь на религиозную тему (б.м., о старом Религ[иозно]-фил[ософском] обществе и новом движении, хотя бы молодежи), хочешь на литературную. Разумеется, я хочу статью большую в 1½ листа. Но если выйдет меньше, всё равно буду тебя благодарить. Если есть стихотворения, дай и стихотворения. Надеюсь, ты продвинула и роман¹. № 29 должен тебя больше удовлетворить, чем предыдущий — есть новые имена, более отчетливо выдержана линия. О «Верстах» со второго номера думаем по общемуговору не говорить — слишком большую рекламу сделали 1-му номеру². Вижу понемногу публику, присматриваюсь — постараюсь, кого возможно, привлечь к журналу. А тебя очень прошу мне помочь — пожалуйста! — Я себя чувствую лучше, и хотя писать статью здесь не могу, стараюсь использовать Париж для встречи с людьми. У меня уже было два собрания с христианской молодежью. Они очень тянутся к нам, и думаю, что эти встречи не бесполезны. На будущей неделе будет встреча с взрослыми (Бердяев)³. С Бердяевым я уже виделся, — он очень приблизился к нам. Знаю твои опасения, но за меня не бойся. За лето я кое-что передумал и пережил и духовно близок к тебе, как никогда раньше. Встречи с людьми и духовная бодрость дают большую радость. Не знаю, что будет со мной, когда в Грассе я примусь за писание — вероятно, та же неработоспособность и огорчение. Но пока я не думаю о работе и радуюсь возможности двигаться и общаться с людьми.

Вернусь я в Грасс 1-го ноября. Т.к. вы остаетесь, как я слышал, до декабря, мы целый месяц будем жить вместе. Амалия [Фондаминская] с мамашей [Л.В. Гавронской] приедут во вторник 5-го. Вести от нее неплохие. Игорь [Демидов] не совсем здоров, но много работает и стал к[ак]-т[о] более углубленным. «П[оследние] н[овости]» процветают, а с переходом к ним Ходасевича, м.б., и литературно подобреют⁴. Манухины уехали в Бельгию устраивать племянника. О тебе я знаю только по письмам к Татьяне Ивановне. Ты скажешь: сам виноват. Я и не отрекаюсь. Но в горах у меня кружилась голова, а в Париже я сам завертелся. А главное, я чувствовал, что письмами тебя не переубедишь и надо тебе дать отдохнуть. Теперь, я думаю, ты отдохнула, и потому, в ожидании встречи, где мы с тобой договоримся, я прошу от тебя личной услуги — статью. Я думаю, что мы не стоим на месте, а движемся, и движемся в твоём направлении.

Почему Володя не прислал стихов? Теперь стихотворным отделом у нас заведует Миша [Цетлин] и потому возможность случайной оценки уменьшилась⁵.

А теперь кончаю. Очень жду от тебя письма и крепко тебя люблю. Будь здорова, родная. Поцелуй Димитрия и Володю. Я тебя крепко целую.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 77).

¹ Ни одна из предложенных публикаций не осуществилась.

² О других номерах «Верст» СЗ действительно не говорили.

³ Речь идет о неизвестных нам встречах, не зафиксированных газетной и журнальной хроникой.

⁴ Первая большая статья Ходасевича в ПН — «О кинематографе» (ПН. 1926. 28 окт. № 2045. С. 3).

⁵ Новость о назначении М.О. Цетлина заведующим отделом поэзии Гиппиус сообщила В.Ф. Ходасевичу (*Гиппиус З.Н.* Письма к Берберовой и Ходасевичу. С. 65–66) и, очевидно, он ей не поверил, т.к. 31 октября ей пришлось писать еще раз: «О формальном заведывании стихами в С.З. Цетлиным я знаю из наипрямейших источников. Но, конечно, эта должность, может быть, и не объявлена в Прав[ительственном] Вестнике. И вы Мишечку об этом не спрашивайте. Пусть таится, пусть его правая рука не знает, что делает левая!» (С. 69).

125. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 27 октября 1926 г.

27 X 1926

Родная, любимая Зина,
напиши, пожалуйста, когда вы собираетесь в Париж. Мы едем в Грасс числа 12–15 ноября. Неужели разъедемся? — Не хочу этому верить. Во всяком случае надо сделать так, чтобы хоть несколько дней провести вместе. Потом я тебя еще и еще раз прошу дать хоть небольшую статью для 30-й кн. Статья нужна к 1-му дек[абрю]. Если ты вернешься в Париж в начале декабря, ты еще успеешь написать о Религ[иозно]-философских собраниях. Если нет, напиши в Грассе хоть небольшую статью о Сазонове. Ты можешь ругать меня сколько хочешь, но по 29-й кн. «С[овременных] з[аписок]» должна видеть, что я стараюсь всячески итти по «нашему» пути. И в кружках (один с молодежью из Имки, другой со «старшими») я, не жалея своей гордости (ибо чувствую свою слабость в этих вопросах), борюсь изо всех сил за то же. Нехорошо, если мы с тобой не будем помогать друг другу.

Мое здоровье лучше, и это дает мне возможность видеться с людьми и немного заниматься кружками. Читал даже доклад республиканцам. К сожалению, я совсем еще не могу писать, и статья так и лежит без конца. Надеюсь в Грассе закончить. Курочка [А. Фондаминская] здорова и бодра. Часто вижусь с Игорем [Демидовым], с которым мы идем нога в ногу. С Манухиными труднее — их «либерализм» не идет пока дальше чистой политики. В общем работать можно и, если бы Бог дал здоровья, можно бы кое-что сделать. Поговорим обо всем при свидании.

Будь здорова, родная. Я тебя нежно люблю и крепко целую тебя, Димитрия и Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 77).

126. Гиппиус — Вишняку
Paris. 8 декабря 1926 г.

8-12-26. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
 ваши указания исполнены. И сверх. Не знаю, впрочем, зачем вам нужно указание в заглавии, ведь дальше все точно указывается. Мое первое заглавие: «Недостойный ученик» было, по-моему, лучше... Но... as you like it¹.

Посылаем приветствия. Очень интересуюсь, что вышло со статьей сотрудника «Верст». В «Пути» он, насколько я могла его понять (пишет не очень ясно), говорит не то, что в вашей статье, а хочет размахнуться... таким Бердяевым².

Ваша З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «35». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 440 (с датой: «8—12—25»).

¹ Как вам это нравится (англ.). О чем идет речь, непонятно: в это время готовилась публикация подборки стихов: *Гиппиус З.Н.* Лягушка («Какая-то лягушка (все равно!)...»); Отраженность («Опять ты зреешь золотистой дыней...»); Подожди («Пришла и смотрит тихо...»); Тройное («Тройною бездонностью мир богат...») // СЗ. 1927. № 31. С. 244—247. Пожалуй, только стихотворение «Отраженность» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 357) могло бы быть с некоторой натяжкой названо так, как в письме.

² Возможно, речь о том же Г.П. Федотове, который был в это время автором «Верст» и «Пути» (статья «Об антихристовом добре» [1926. № 5]) и готовился дебютировать в СЗ.

127. Гиппиус — Фондаминскому
Paris. До 23 декабря 1926 г.

Копия (приблизительно точная, ибо по памяти) письма, посланного Илюше в начале декабря 1926 г.

Милый Илюша,

письмо мое будет не совсем обычно. Прежде всего — оно *только* для одного тебя (и только от одной меня). Разорви его по прочтении, как будто вопрос, заданный в нем, я задаю тебе живым голосом. Так я бы и хотела сделать, но он именно теперь пришел мне в голову, и ответ мне, значит, нужен теперь. До сих пор я, беря тебя всего сразу, от прежних лет во всем твоим восхождением, как бы сама на этот вопрос отвечала за тебя — последнего времени. Но вот, стал нужен и твой голос, твой ответ. Думаю, ты это поймешь и, зная твою честность, жду ответа.

Вот мой вопрос: как ты смотришь на Христа? (говорю «смотришь», а не «веришь», чтобы не пугать тебя и не дать тебе уклониться в сторону, в оговорки, в рассуждения о слабости веры, о сомнениях и т.д., что, в данном случае, значения не имеет). Кто *для тебя* (сейчас) Христос? Единственный ли Сын Божий, или величайший пророк иудейский? Т.е. — *Богочеловек* или *Человек*?

Ты должен понять, — повторяю, — как ответ на этот вопрос, — твой ответ, — важен и мне нужен.

Зина

Если ничего не ответишь, — тоже будет ответ.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 91).
Датируется по содержанию след. п.

128. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 23 декабря 1926 г.

23 XII 1926

Родная Зина,

мне очень легко и просто тебе ответить — для меня Христос — Богочеловек и Сын Божий. О вере ты не спрашиваешь, потому и не пишу об этом. Могу только сказать, что путь мой был через духовность (духовную природу мира) к Богу и от Бога к Христу. Так это во мне и осталось, и обратного пути я еще не прошел. Потому и вера моя еще совсем слабая...

Виделся два раза с Володей — он тебе расскажет о наших беседах. Тебя прошу помнить, что ты *дала слово* писать для «С[овременных] з[аписок]», и что я от тебя жду *большой* статьи для следующей книжки. Я предлагаю тему: Старое Рел[игиозно]-фил[ософское] общество и современное религиозное движение (и «Путь», и движение христ[ианской] мол[одежи]). Я хотел бы, чтобы ты широко взяла тему и остро и откровенно поставила вопросы. Думаю, что и редакция эту тему охотно примет. Если у тебя есть другая *большая* тема, напиши мне, пожалуйста.

Я себя чувствую не плохо и не огорчаюсь, что уехали сюда. Здесь я понемногу занимаюсь и надеюсь закончить начатую еще в прошлом году статью¹. Я сознаю, что мне скоро надо с головой окунуться в жизнь, но мне хочется это сделать, когда я буду совсем здоровым и умственно работоспособным. В Париж обязательно приеду, а тебя прошу больше думать о том, что нас связывает, а не о том, что тебя во мне не удовлетворяет. Амалия [Фондаминская] чувствует себя хорошо. Крепко целую тебя и Димитрия.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 91).

¹ Видимо, седьмую статью из цикла «Пути России» (1927. № 32. С. 216–278).

129. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 12 января 1927 г.

12 I 1926 [так!]

Родная Зина,

ты мне дала слово, что будешь писать для «С[овременных] з[аписок]». 30-я книжка на днях выходит. Для 31-й кн. статьи надо сдавать к 1-му марта¹. Если ты сейчас же не возьмешься за работу, ты не успеешь вовремя сдать статью. Между тем из-за отсутствия твоей статьи, на к[о]т[о]р[ую] мы рассчитывали, 30-я книга вышла «бездушной». Я прошу тебя ответить мне *точно и ясно*, что статья будет к 1-му марта и что ты к ней готовишься. Условленную тему (о Религ[иозно]-фил[ософских] собраниях) ты можешь взять в любом разрезе — чисто исторически или связав с

современным религиозным движением. В последнем случае я хотел бы, чтобы ты отнеслась к нему дружески, а не полемически, *ясно* указав, в чем твое с ним несогласие и в чем его ошибки. Ибо не забывай, что молодежь не читала твоих и Дмитрия старых статей и искренне недоумевает, в чем несогласие. Для суждения о прошлом очень советую тебе прочесть 2-й сборник евразийцев, где напечатан доклад Карташова, читанный им в Религ[иозно]-фил[ософском] обществе². Прошу тебя ответить мне немедленно и успокоить меня.

Теперь о твоём письме. Ты права, у каждого свое безумие — потому так трудно людям понять друг друга. Но и у тебя свое безумие — абсолютная *нетерпимость* и неспособность вложить себя в коллективное делание. Откуда у тебя нетерпимые нотки к «С[овременным] з[апискам]»? Я ими недоволен больше, чем ты. Но за что? — За то, что они до сих пор не «загорелись», что они до сих пор всё «тлеют», что они слишком робки и т.д. Ты спрашиваешь, почему мы помещаем письма «Верст» и Лурье³. *Я бы их не поместил*, но не вижу никакой беды в их помещении. Этим мы избавляемся от разведения в эмигрантской печати *грязи*, чем надо очень дорожить. У нас в редакции есть страстные сторонники «чистоты» литературных нравов, и я думаю, что это не так плохо. Ведь не заподозриваешь же ты «С[овременные] з[аписки]» в том, что, печатая письма «Верст», они относятся *оппортунистически* к большевизанству и сменовеховству? То же по отношению к Федотову. Кто он: враг или возможный друг? Думаю, что скорей второе. Потому надо возможно осторожней проверить это и постараться привлечь, а не оттолкнуть⁴. Вообще обо всем этом трудно писать, а надо говорить или, вернее, совместно *делать*. Мы с тобой согласны в общем мирозерцании, в общем настроении, но нам не удастся сойтись *в общем делании*. И я глубочайше убежден, что это не непреодолимо и что для этого прежде всего нужна *совместная жизнь и совместная работа изо дня в день*. И то, что я сейчас пишу, не противоречит вышенаписанному о твоей нетерпимости. Ты не годишься для совместного делания в сколько-нибудь широком и неоднородном коллективе. Но в узком, замкнутом, «нашем» коллективе ты была бы «легка» и говорчива и пошла бы на «мудрую» и гибкую тактику по отношению к близко стоящим течениям и лицам. В этом и заключается мой план: создать «наш» коллектив — однородный и согласный, и от имени его вести «мудрую», т.е. не только принципиально выдержанную, но и неизбежно *коалиционную* политику. Ибо в житейском делании есть только два пути: большевистско-евразийско-фашистский путь единой партии и *коалиционный путь близких по духу течений*. На втором пути надо быть только самим духовно крепкими и тогда не бояться «мудрости» и оппортунизма.

В частности, в настоящем времени считаю нужным сближение в *практическом делании* всех свободолюбивых течений — от православных типа Бердяева и Демидова и до демократов-нематериалистов типа Вишняка, Гурвича и Гессена. Это не значит, что внутри этой коалиции не должно быть *идейной* борьбы и *борьбы за идейную гегемонию*; но это значит, что общественная борьба идет широким фронтом и строительство происходит на широком фундаменте. Иначе ты обречена будешь «раскрывать» себя в «Новом доме» или в «Звене», т.е. не делать общественное дело, а строить шалаш и петь, как поют соловьи, т.е. для себя

(или, м.б., для своей «подруги»). — Если бы ты, вместо того, чтобы разбрасывать по мелочам, давала в каждом номере «С[овременных] з[аписок]» (раз в 3 м[есяца]!) большую статью, ты тем самым, силой своего таланта и жизненностью идей — завоевала идейную гегемонию в строящемся «свободолюбивом» фронте. Отчасти это имело бы место и в «П[оследних] н[овостях]». — Не сердись за резкость — очень люблю тебя и очень хочу вместе работать. Поцелуй Димитрия и Володю. Нежно тебя целую.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 77). Год установлен по содержанию.

¹ Никаких статей Гиппиус в СЗ не появлялось до 1931 г. (*Гиппиус З.Н.* Авантюрный роман // СЗ. 1931. № 46. С. 458–463).

² См.: *Карташев А.В.* Реформа, реформация и исполнение Церкви // На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922. Кн. 2. С. 30–98.

³ См.: *Лурье А.С.*; Редакция «Верст». Письма в Редакцию // СЗ. 1927. № 30. С. 599–600. Отметим, что в том же номере последовал и ответ: От Редакции «Современных записок» // Там же. С. 600.

⁴ Георгий Петрович Федотов (1886–1951) только недавно оказался в Париже (эмигрировал в 1925 г.) и успел поучаствовать в первой книге «Верст» (*Богданов Е. [Федотов Г.П.]* Три столицы // Версты. 1926. № 1. С. 147–163), поэтому Фондаминский говорит о нем с некоторым сомнением. Однако уже вскоре он стал постоянно сотрудничать с СЗ (первая публикация: *Богданов Е. [Федотов Г.П.]* На поле Куликовом // СЗ. 1927. № 32. С. 418–435). Вскоре вошел в число людей, идейно близких Фондаминскому. Мережковские, однако, довольно долгое время относились к нему с сомнением. См. в письме Гиппиус к Е.М. Лопатиной от 11 марта 1928 г.: «Читали ли вы статью [Д.] С-ча “Черта крови”? Если нет — вам пришло. Его [Явно должно читаться: Ею] все были недовольны. А вы, я уверена, увидели бы там правду. Там (без имени) говорится и о знакомом вам Федотове» (Вестник Русского христианского движения. 1980. № 132. С. 293). Статья Д.С. Мережковского «Дневник читателя. II. Черта крови» была напечатана: Возрождение. 1928. 28 марта. № 1030. С. 2–3. Почему дата письма данной библиографической справке противоречит, мы объяснить затрудняемся. О сотрудничестве Федотова с СЗ см. также в редакционной переписке.

130. Фондаминский — Гиппиус *Grasse. 20 января 1927 г.*

20 I 1927

Родная Зина,
спасибо большое за согласие на статью. Согласен на тему — «воспоминания». Позволь считать твое согласие за слово, что статья к 1-му марта будет сдана. Я так огорчен неудачей 30-го номера, что хочу быть уверенным, что это не повторится с 31-м.

Почему мы поместили письмо Лурье — чтобы не подымать большой грязи эмигрантской прессе¹. Евразийцы могли выступить с контробвинениями в старых грехах (в отношении большевиков) ряда литераторов². Это было бы не страшно, ибо от евразийцев можно многого ждать. Хуже, что повод к этому подали мы. Желание избежать грязи побудило меня согласиться на помещение письма. У час-

ти редакции мотив иной: нельзя бросать обвинения, не будучи в состоянии их доказать; в статье Ход[асевича] есть намеки на «зависимость» «Верст» (не идейную) от большевиков. Доказать этого нельзя — потому нельзя бросать и такие обвинения. Из рецензии Руднева на евразийскую брошюру ты увидишь, что оцениваем мы их достаточно резко³. И, конечно, он прав, когда говорит, что с ними надо вести *идейную* борьбу. Всякая иная борьба возмутит даже таких людей, как Бердяев и Манухины. Разумно ли восстанавливать против себя *неосторожными* приемами борьбы таких людей, как Берд[яев] и Ман[ухин]? — Сообщение, что Берд[яев] участвует в «Верстах», меня поразило — я думаю, что это неверно⁴. Хотел сам ему написать, но меня смутил его ответ тебе. Ты мне не ответила, нет ли у тебя *стихов*. Нам очень нужно — на одних «молодых» не выедешь.

Завтра придут Игорь [Демидов] с женой. Мое здоровье удовлетворительно. Не знаю только, сумею ли писать, а это главное. В Париж обязательно приеду — пока не знаю когда, ибо еще не решен вопрос о поездке в Египет. Курочка [А.О. Фондаминская] здорова и весела. И у меня настроение хорошее. Тебя крепко люблю и нежно целую.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 78).

¹ См. примеч. 3 к п. 129.

² Здесь, видимо, в первую очередь имеется в виду сам автор статьи о «Верстах» В.Ф. Ходасевич, сотрудничавший с советской властью в России и близкий к Горькому до 1925 г.

³ См.: Руднев В.В. [Рец. на кн.:] Евразийство: (Опыт систематического изложения). Париж: Евразийское книгоизд-во, 1926 // СЗ. 1927. № 30. С. 583–592. Фондаминский, очевидно, имеет в виду такую фразу: «Между тем в евразийстве, чем больше оно с течением времени оформливается как течение политическое, тем все ярче проступают именно в *идейном* отношении такие порочные, соблазнительные и ядовитые черты, которые сами по себе, в интересах борьбы за русскую свободу, требуют самого решительного отмежевания от них» (С. 585–586).

⁴ Н.А. Бердяев в третьей книге «Верст» напечатал статью «Русская религиозная мысль и революция».

131. Фондаминский — Гиппиус Grasse. 9 февраля 1927 г.

9 II 1927

Родная Зина,
получив твое письмо¹, я написал Вишняку и просил его поговорить с тобой. Он мне ответил после разговора с тобой, что ты даешь стихи и согласна дать статью, но только не на религиозную тему². Радуюсь этому и, снимая с тебя данное слово относительно «воспоминаний», настаиваю на данном слове относительно статьи вообще. Придумай тему и предложи. Напиши мне или сговоришься с Вишняком. Пусть будет небольшая статья, но пусть будет обязательно. Я свое слово сдержу — приеду в Париж в феврале или марте — тогда поговорим обо всем подробно и серьезно.

Живем хорошо — расспроси Игоря [Демидова]. Здоровье удовлетворительно. Тебя люблю и крепко целую. Поцелуй Димитрия и Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Vox 1. F. 78).

¹ Об этом несохранившемся письме Фондаминский писал Вишняку 2 февраля 1927 г.: «Получил от Зин. Ник. [Гиппиус] письмо, в к[о]т[о]р[ом] она просит снять с нее обещание дать статью к этому номеру (воспоминания). Приводит разные мотивы, но я хорошо понимаю, что основной мотив и *единственный* — обида за Ходасевича, к[о]т[о]р[ого] мы “предали” (очевидно, и помещением писем, и обрамлением его сотрудниками из “Верст” и замечаниями в статье Вадима [Руднева]). Не делает из этого никакого “cas”, предлагает стихи, рассказы и повесть, но писать ей сейчас исключительно трудно. Voilà! Это грозно не только потому, что лишает нас ее статьи, но еще потому, что несомненно в таком же настроении и Ходасевич, и что, если не принять энергичных мер, не будет и его статьи (принимая во внимание, что статья Степуна под большим вопросом, а моя еще больше, номер грозит радикально провалиться). Моя энергичная просьба к тебе — экстренно повидаться с З.Н. [Гиппиус] и убедить её написать статью» (Ред. п. 129).

² 27 января Гиппиус писала В.Ф. Ходасевичу: «Если я колеблюсь перед погаными Записками, так потому, что я там должна писать “о божественном”, а это уж особенно мне там сейчас противно... По особому как-то невозможно (чего вы не поймете), но и на то я, м.б., пойду» (*Гиппиус З.Н.* Письма к Берберовой и Ходасевичу. С. 76).

132. Гиппиус — Вишняку *Paris. 20 марта 1927 г.*

20-3-27. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,

помните, вы поклялись мне всегда посылать *кофректур*ы моих стихов. На этот раз — предупреждаю — измена клятве может быть особенно фатальной: если и моя вина, все равно падет на обоих.

Почему же вы «Лампу» так прокляли¹? А впрочем, теперь там будет такое, что я сама, пожалуй, засну.

Привет от меня и от ДС-ча.

Ваша З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «37». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 445.

¹ О литературном объединении «Зеленая лампа» см.: ЛЭРЗ. 2000. Периодика. С. 167—174 (статья Т. Пахмус и Н.В. Королевой). Первое заседание состоялось 5 февраля 1927 г., до времени письма прошло три собрания. Судя по опубликованным протоколам, на первых двух собраниях Вишняк был. Дальнейшие письма подтверждают, что и на третьем собрании он присутствовал, поскольку ссылается на события этого собрания. Поэтому формулировку «прокляли», видимо, следует отнести к какой-то личной беседе. Протоколы первых пяти собраний были опубликованы в журнале «Новый корабль». В дальнейшем мы пользуемся публикацией протоколов первых трех собраний в кн.: *Терапиано Ю.К.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж; Нью-Йорк, 1987 [на обл. 1986]. С. 42—79.

133. Гиппиус — Вишняку

Paris. 25 марта 1927 г.

25-3-27. Paris

Позвольте мне, дорогой Марк Вениаминович, прибегнуть к вам непосредственно в моих затруднениях и недоумениях. Меня интересует нечто, касающееся вас, интересует, конечно, вполне бескорыстно. Когда я не могу сообразить чего-нибудь, разгадать кого-нибудь — тотчас прибегаю за помощью.

Вам не нравится «Зеленая лампа». Очень хорошо. (Мне она тоже не нравится.) Вы, конечно, отдаете себе полный отчет, *почему* она вам не нравится; а нам почему этого не объяснили? нам неизвестно. Впрочем, главная речь не о том. Вы говорите, что не желаете бороться с ненаврядшимся вам «направлением» во имя *свободы* направителей. Давайте не будем играть этим понятием. Ведь вы же знаете, что фактически, реально, вы не можете «пресечь» свободу «З[еленой] л[ампы]» Чего же опасаться? Ведь не поверю же я, что, по-вашему, «горячим словом убеждения»¹, при успехе, тоже пресекается чья-то свобода?

Нет, лучше не будем мотивировать ваше намерение отстраниться от «З[еленой] л[ампы]» — уважением к свободе (с кавычками и без кавычек). Возьмем лучше просто какой-нибудь текст, например: «блажен муж иже не иде на совет нечестивых»², или «удались зла, сотвори благо»³, или еще есть другие, вполне подходящие. Но вот тут-то и начинается...

Этими же текстами для подобных же действий — для простых отхождений от не понравившихся вещей — пользуются и люди 1) равнодушные ко всему, 2) равнодушные ко всем «направлениям» на свете, кроме их собственного, 3) а также вообще не выносящие, до болезненности, никакой критики, охраняющие себя от нее.

У всех, конечно, бывает при этом мысль, что и вещь, которая не нравится, — довольно пустое дело; нечестивцы, и с критикой своей, ничтожны. Эта мысль, особо оправдывающая удаление, так естественна, так неизбежна, что нечестивцам никогда и обидна не бывает.

Вы говорите: «блажен муж...» (мотивировку свободы мы устранили). У вас есть, может быть, и эта не обидная, естественная мысль, или что-то вроде, насчет пустоты данных нечестивцев. И все же, все же... Я никак не могу, по совести не могу, причислить *именно вас* к одной из трех вышеназванных категорий. Я не могу понять, почему вы, — как *вы* — считаете себя «блаженным», не идя на совет нечестивых? Допустим, что данный совет и нечестивцы его — ничтожны. Но ведь их темы, — не правда ли? — совсем не ничтожны. Правильно ли оставлять такие темы в их руках, не обращать внимания на нечестивые извращения? «Творится ли благо» подобным «удалением» от зла? (Все с вашей точки зрения.) Притом еще: чем нечестивцы ничтожнее, тем легче с ними борьба, меньше теряется времени.

Да: или тут какое-то противоречие, или я относительно вашей точки зрения глубоко заблуждаюсь. *Не знаю*, почему вам кажется, что вы «блаженны, не идя...» и очевидно —

не узнаю,

Не схвачу, не рассужу,

Всех клубков не размотаю,
 Всех узлов не развяжу⁴,
 пока вы мне сами не поможете.
 С недоуменным приветом

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «38». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 445–446.

¹ Из стихотворения Н.А. Некрасова «Когда из мрака заблужденья...» (1846).

² Пс., 1: 1.

³ Пс., 33: 15.

⁴ Из не опубликованного при жизни стихотворения Гиппиус «За что?»: «Тайна милой непонятна. / В тайну милой я влюблен. / Но загадкой досадной / Ум — обижен и смущен. / Неужели не узнаю, / Не схвачу, не рассужу, / Всех клубков не размотаю, / Всех узлов не развяжу, — / Ни в молчании, ни в речи / Тайный смысл не уловлю, — / И со дня воскресной встречи / Не пойму, за что люблю?» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения и поэмы. München, 1972. Т. 2. С. 115 6-й пагинации). Указано А.Л. Соболевым.

134. Вишняк — Гиппиус

Paris. 28 марта 1927 г.

Париж, 28 марта 1927 г.

Дорогая Зинаида Николаевна!

Простите, что несколько замешкался с ответом. В иерархии моих общественных обязательств время было занято более серьезным делом, и пространность настоящего письма объясняется не существом и значительностью самой темы — «Зеленая лампа», а *Вашим* интересом к этой теме, тем, что о «З[еленой] л[ампе]» спрашиваете меня *Вы*.

Почему мне не нравится «Зел[еная] лампа»? Да кому она может нравиться, если она не нравится, по несколько неожиданному для меня признанию, даже Вам... Ее вдохновительнице и «душе»¹!

Изначальный порок «Лампы», на мой взгляд, в том, что ее организаторы либо сами не отдавали себе ясного отчета **в том**, для чего они ее зажгли, либо отдавали отчет, но [толь]ко себе, про себя, эзотерически, не рискуя откровенно поведать о том своей ау[дито]рии, своим якобы соучастникам в общем деле. Скрещение политики с литературой, кот[орое], по-видимому, входило в планы некоторых организаторов «З[еленой] л[ампы]», проявило себя в [прак?]тических пристрастном подборе участников «Лампы» и соответствующем трактовании литературных тем и происшествий. [Ес]ли употребить образ Дмитрия Сергеевича, примененный им в отношении к любимому другу, — *под маской* литературы стали обсуждаться «политические» вопросы. Это оказалось вредным и для литературы, и для политики². Во всяком случае, те из участников «З[еленой] л[ампы]», которые думали, что идут в одно общество, а увидели себя попавшими совсе[м] в другое, были в полном праве и имели все основания жаловаться на неуютность и фальшивость того положения, в которое они, помимо своей воли, попали³.

И если теперь они воздерживаются от того, чтобы идти на собрание «нечестивой» «Лампы», то вовсе не потому, что считают себя, в отличие от других, особо «блаженными». Нет, — а потому, что воочию ощутили «греховность» идущих заведомо по двум стезям...⁴ «Лампы», конечно, не «пресечешь» индивидуальным воздержанием. Но свое отношение к ней — моральное осуждение ее деятельности — можно манифестировать и воздержанием от соучастия во «зле»⁵.

Конечно, я далеко не равнодушен ко всяческим направлениям даже в литературе, менее всего сочувствую принципиальному эстетизму и охотно готов выслушать всякую критику. Если же в данном случае ограничиваюсь «отхождением от зла», а не «борюсь» с ним активно, то потому, что считаю, что для каждого зла довлеют его меры борьбы. Смешно, когда из пушек начнут палить по воробьям. Но не менее смешным представляется мне «борьба» против большевизма (!) разоблачением «соглашательских» тенденций того или иного редактора, выразившихся в «цензуре» в отношении к «непримиримому» сотруднику и якобы в попустительстве к сотрудникам, «наполовину сосланным и наполовину подосланным», по бесстыжему слову покойного Арцыбашева⁶. Столь же смешным кажется мне было бы начинать активную кампанию против «З[еленой] л[ампы]». Это было бы специфически эмигрантским делом бури в стакане воды. Бог с ней. Она сама скорей потухнет, чем если ее начать задувать... Тем более, что даже ее организаторам она перестала нравиться: и они убедились, что получается не то... Не новые компасы вырабатываются, как предполагал Ходасевич⁷, а лишь портятся и ломаются те, пусть несовершенные, которые были в наличии.

Я не имею вкуса активно бороться с «З[еленой] л[ампой]» потому, что интересна — и вредна — она только тем, кто не имеет никакого отношения к литературе и к политике и кому любопытно поглазеть на Гиппиус или Бунину, послушать Мережковского или Ходасевича, а главное понюхать, чем живы писатели и что делается за редакционными кулисами; из-за какого гусака ссорится Иван Иванович с Иваном Никифоровичем и чего не поделила Пульхерия Ивановна со своим Афанасием Ивановичем...⁸ То, как обсуждалось в «З[еленой] л[ампе]», делало незначительным то, что при этом говорилось. Я не говорю уже о таких «технических», для политических собраний типичных методах защиты своих взглядов, как ограничение времени противника, даже когда он гость, приезжий, специально уполномоченный Вашим же другом на защиту его взглядов и т.д. Я имею в виду и Ваше «резюме» Вашего доклада и прений по нему⁹. Я утверждаю, что столь неадекватная передача, какую сделали Вы, — я убежден в самых лучших намерениях, чтобы смягчить создавшуюся на Вашем докладе неблагоприятную атмосферу и чтобы новой «девиацией» выпрямить отклонение от магистрали, — могла быть сделана только в политических целях. Если бы я присутствовал при чтении Вашего «резюме», я, естественно, не удержался бы от того, чтобы показать мог не удержаться бы от того, чтобы сказать, как вместо того, чтобы открыто взять свои слова обратно из сказанного отказа от своего слова докладчица «маскирует» свое отступление нападением на противника. Надо ли было это?... Cui prodest?... Мои уста были несвободны и тогда, когда я говорил в первый раз, — ибо я не мог не думать и о будущих отношениях между «С[овременными] з[аписками]» и их сотрудниками. Они могли оказаться скованы и на сей раз. В обоих случаях Для меня

оста[ется] [утрачено несколько слов] [в]опрос: Cui prodest?.. Кому мне на пользу? до конца то, чего я не рискнул сказать во имя сохранения добрых отношений между «С[овременными] з[аписками]» и сотрудниками, в первый раз? — А кому это было нужно, чтобы каждый из нас «свободно» и до конца стал говорить все, что он думает?.. Cui prodest?.. Достаточно поставить этот вопрос, чтобы на него ответить.

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «к 39».

¹ Помета рукой З.Н. Гиппиус: «Теперь Вы понимаете, почему она *мне* не нравится?» К данной помете сделана внизу сноски рукой Вишняка: «Приписки от руки на этой странице принадлежат З.Н. Гиппиус».

² Помета рукой З.Н. Гиппиус: «Которым *невместно* соединиться?»

³ Помета рукой З.Н. Гиппиус: «Ну да».

⁴ Помета рукой З.Н. Гиппиус: «оставайся, по Писанию, в том звании, в коем призван».

⁵ Помета рукой З.Н. Гиппиус: «Да, это совсем по-христиански... даже по-православному».

⁶ Речь явно идет о характеристике, данной Гиппиус СЗ на втором собрании, состоявшемся 24 февраля, темой которого была «Русская литература в изгнании». Откуда взяты цитируемые Вишняком слова М.П. Арцыбашева, нам установить не удалось.

⁷ В опубликованных протоколах первых двух собраний таких слов В.Ф. Ходасевича нет.

⁸ Отсылки к повестям Н.В. Гоголя «Повесть о том как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и «Старосветские помещики».

⁹ Это резюме было произнесено Гиппиус в начале третьего собрания 1 марта, где было продолжено обсуждение ее доклада. Обратим внимание на то, что, согласно протоколу, тогда же она объявила минуту молчания в память скончавшегося М.П. Арцыбашева. Однако Арцыбашев скончался только 3 марта, а в Париже об этом узнали, видимо, лишь 5 марта. Это свидетельствует о том, что протоколы собраний «Зеленой лампы», появившиеся в печати, не во всем соответствуют действительности.

135. Гиппиус — Вишняку *Paris. 31 марта 1927 г.*

31-3-27. Paris

Дорогой враг,
возвращаю, по обещанию, ваше письмо. Ничего бы в нем не поняла, если б не перевела все на реализм каждодневности. Ну просто вам показалось, что «литераторы» позвали редакторов, чтоб бранить их за «нелитературность», или под видом «нелитературности» за то, что они у них не все сплошь печатают. Действительно, какое положение редакторов при этом? Не защищаться же, не уверять же, что литературен? Кроме того, если резко, — то сотрудники обидятся.

Вы правы, если так, если для этого и зажгли перфидные¹ писатели свою глупую лампу, то всего лучше оказать им, — как гимназистами мы говаривали, — «ноль внимания, фунт презрения». Такие разговоры совсем никому не нужны, а споры на эту тему и того менее.

С готовностью беру вину на себя, на всех нас: если вы именно это увидели в «З[еленой] л[ампе]» — значит, такой она вид и имела; значит, все наши «вопросы» мы окончательно не сумели выразить. Значит еще, что так как все осталось

на своих местах, — литература на литературном, политика на политическом, — и все благополучно, то нам и не пристало куда-то лезть с бессмысленными мечтаниями². Ну что ж, это ничего. Не мы — будут другие. Скажут понятнее. Я ведь за себя не держусь, я только за «бессмысленные мечтания»; хоть лягушка проквакай их со смыслом, эти мечтания, так, чтоб *и вы* поняли... Лягушку благословим³.

А вот, что вы и к мертвому Арц[ыбашеву] пылаете ненавистью — это меня огорчило. Это, правда, нехорошо; он был честный и чистый человек, а теперь-то уж во всяком случае больше понимает, чем мы с вами.

Неизменно ваша

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «40». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 446–447.

¹ От фр. *perfide* — коварный, вероломный.

² «Бессмысленные мечтания» — знаменитая формула из речи Николая II к представителям дворянства, земств и городов 17 января 1895 г., где она была применена к представлениям об участии представителей земства в делах внутреннего управления Россией. Эти слова стали также названием статьи Л.Н. Толстого, по цензурным условиям опубликованной лишь в 1918 г. Подробнее см.: *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М., 1987. С. 27.

³ Отсылка к собственному стихотворению «Лягушка», опубликованному в 31-й книге СЗ (тогда еще не вышедшей).

136. Гиппиус — Вишняку

Paris. 1 апреля 1927 г.

1-4-27. Paris

Дорогой Марк Вениаминович, я только *сегодня* получила корректуру, притом тогда, когда меня не было дома, поэтому отсылаю рпеи¹ 2-го утром — вам. Очевидно, *нет возможности* объяснить, что 1-е стих[отворение] надо напечатать так, как оно написано, т.е. с расстоянием между 3-й строкой и 4-й (а также между 11-й и 12-й) *меньшим*, чем обычное и долженствующее быть между четверостишиями, в этом же стихотворении. Лишь по невозможности этой я примиряюсь и делаю разделения лишь абсолютно необходимые, как необходимо и начинать *каждое* стихотворение с новой страницы. (Об этом мы с вами уже условились, впрочем.) Ваше письмо (копию) я вам вчера отослала², а другого не получала! Однако хотела бы его иметь. Ваши письма я все храню, но со своих копий не снимаю, за неимением времени, — впрочем, за них отвечаю так же, как если бы писала и не по «вдохновению», а с заранее обдуманном намерением.

Привет.

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «41». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 447.

¹ Сообщение пневматической почтой.

² П. 134.

137. Фондаминский — Гиппиус*Grasse. 12 апреля 1927 г.*

12 IV 1927

Родная Зина,

очень хочу, чтобы до тебя мои слова дошли и чтобы ты меня послушалась. Я тебя прошу засесть за статью и писать её, ни о ком не думая и сознавая, что ты делаешь то, что должна сделать. Тему мы твою обсуждали на редакционном собрании, единогласно согласились, что она интересна и нужна, и я не сомневаюсь, что со статьей никаких трудностей не будет. В крайнем случае сделают какое-нибудь редакционное примечание или дадут кому-нибудь возразить. Но ведь это тебя мало тронет. А то, что ты хочешь рассказать, так важно и интересно, что у тебя нет права смалодушествовать и уклониться. Пиши, пиши, — поверь мне, ты не раскаешься¹. — Прошу тебя и поскорей прислать мне — если боишься передавать М.В. [Вишняку] — повесть и «Наполеона»². Если ты переберешь в памяти, то вспомнишь, что до сих пор *ни одна, ни одна* ни твоя, ни Димитрия вещь «С[овременными] з[аписками]» не была отвергнута. Твоя статья о Бунине была *принята* и только по *моему требованию* отложена до следующего номера³. Если бы ты тогда зря не рассердилась на меня, то и эта статья вошла бы в русскую литературу, а не пропала в газете, как пропадает всё, что ты пишешь в «Звене» и «Нов[ом] доме» (в «П[оследних] н[овостях]») ты делаешь большое общественное дело⁴. Ты сердисься на Вишняка. Но боюсь, что и ты вряд ли была бы «либеральнее». Пожалуй, ты не пустила бы Степуна, Бердяева, Ивановича, а пустила бы только «перестарков»⁵, хотя и не ждешь от них «молока». Боюсь, что при твоём редакторстве цензура была бы еще строже. Знаю, ты скажешь: разумней, но от этого другим писателям не стало бы легче. Еще и еще раз: пиши в «С[овременные] з[аписки]» и в «П[оследние] н[овости]». Это дело, и большое. А «Звено» и «Н[овый] д[ом]» — только «рассадники». И это нужно, но только для воспитания молодежи (если они не останутся «перестарками»), а не для «свободного» творчества такого большого писателя, как Гиппиус. А что «П[оследние] н[овости]» не взяли «Наполеона», меня мало волнует: значит, еще не «дошли». Но обязательно «дойдут». Твоя статья о «Красной Шапочке» была блестящая и всех нас восхитила⁶.

Живем хорошо. Погода райская. К сожалению, голова моя часто дает себя знать, и я могу только черепашьими шагами двигаться к окончанию статьи⁷. Но это ничего. У меня острое ощущение духовного возрождения эмиграции, и это меня окрыляет. Молю Бога, чтобы дал сил принять участие в этом подъеме. В России еще кризис не наступил, но мне кажется, что и там лед скоро тронется. Это будет только начало *духовного* освобождения, от которого до физического еще может пройти много времени. Но тогда будет легче и радостней жить и работать.

«Дни», действительно, будут выходить⁸, но пока у меня к ним мало интереса. Выходящая книга «С[овременных] з[аписок]»⁹ мало интересна, но следующая будет много лучше. Жду от тебя сообщения, что статью пишешь, а также повесть¹⁰ и «Наполеона».

Курочка [А.О. Фондаминская] сегодня уезжает в Париж. Я постараюсь пробыть здесь возможно дольше. Правда ли, что Володя как-то устроил дело с виллой? Будете ли вы на ней жить? Пожалуйста ответь. Поцелуй Димитрия и Володю. Нежно тебя целую.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 78).

¹ 9 апреля Фондаминский писал Вишняку: «Гиппиус как будто согласится писать воспоминание о рел[игиозно]-фил[ософском] обществе — судя по письму очень интересно. [...] Прими во внимание, что на 33-ю кн. у нас остается *один Шмелев* — надо брать повесть Гиппиус и “Наполеона” Мережковского» (Ред., п. 138).

² Речь идет о «Наполеоне» Д.С. Мережковского. О публикациях ее в периодике (СЗ напечатали часть «Наполеон-человек» в кн. 34 и 35) см.: Из переписки В.Ф. Ходасевича с Мережковскими / Вступ. ст., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 134–141.

³ Имеется в виду статья «О любви» (см. о ее судьбе выше, п. 89–93).

⁴ Отметим, что здесь Фондаминский противоречит сам себе: статья «О любви», про которую он говорит, как раз и была опубликована в ПН.

⁵ Отсылка к выступлению Гиппиус на втором собрании «Зеленой лампы», где она говорила: «молодые субъективисты и снобисты сделались “перестарками”» (*Террациано Ю.К.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека. С. 54). Отметим, что этим же словом начинается и шуточное стихотворение Гиппиус «Стихотворный вечер в “Зеленой лампе”»: «Перестарки и старцы и юные» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 358).

⁶ См.: *Гиппиус З.* Застигнутая в пути // ПН. 1927. 31 марта. № 2199. С. 2; в начале статьи содержится отсылка к статье Д.С. Мережковского «Красная Шапочка» (Речь. 1908. 24 февр.), а потом Красная Шапочка становится персонажем статьи самой Гиппиус.

⁷ См. примеч. 1 к п. 128.

⁸ Издание газеты «Дни» было приостановлено со 2 января по 8 октября 1927 г.

⁹ № 31.

¹⁰ Речь идет о повести Гиппиус «Мемуары Мартынова», печатавшейся в это время (с 13 февраля по 22 мая) в газете «Звено». В СЗ она опубликована не была.

138. Гиппиус — Вишняку *Paris. 19 или 20 апреля 1927 г.*

18[так!]-4-27. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,

поздравляю вас с праздником (с которым-нибудь из трех, по вашему выбору)¹. Спешу вам сообщить, что М[илоков] не хочет, чтоб я писала о «С[овременных] з[аписках]»², кажется — сам хочет. Я его понимаю, но мне-то жаль: ведь самое интересное в книге — ваши статьи, и, главное, статья о Мил[юкове]. Я бы очень много хотела сказать по этому поводу (и драгоценной книжки М[илокова] можно не читать, ваших выписок достаточно и вас) и — увы!...³

Вот вам пример запечатанных уст (хоть они и мои, а все-таки!) и «свободы» нашего слова. Места-то нет, даже для одного «намерения». А портрет Илюши [Фондаминского]⁴ я *должна* была написать такими мягкими красками, что Ренников его на меня обратил⁵. Он сел в лужу, конечно, однако что толку, раз он сам

этого не знает и в результате «пострадала» за Илюшу я. Писал ли вам Ил. о моих проектах, а также насчет «бонапартизма»⁶? Привет.

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Число установлено по содержанию (см. примеч. 5) и по почт. шт. Пневматическое письмо; адрес получателя: «Monsieur M. Vichniak, 11, rue Claude Lorrain, Paris 16^e»; адрес отправителя: «Z. Hipprius, 11bis av[enu]e du Colonel Bonnet, Paris 16^e»; почт. шт.: «Paris, 20.IV.1927». Помета рукой Вишняка: «39». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 447—448.

¹ Видимо, имеется в виду какая-либо из трех Пасх: еврейская, католическая или православная.

² Все-таки статья была написана и напечатана. См.: *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] «Современные записки»: Книга XXXI // ПН. 1927. 19 мая. № 2248. С. 2.* 9 мая Гиппиус сообщила Ходасевичу: «у меня к вам есть разные вопросы [...] Вопрос насчет Сов. Зап., о которых я внезапно опять пишу, т.к. Иг. Пл., едва папаша за дверь, — ко мне: воспользоваться» (*Гиппиус З.Н. Письма к Берберовой и Ходасевичу. С. 77*). Упоминаются И.П. Демидов и «папаша» — П.Н. Милоков.

³ Гиппиус говорит о статьях: *Вишняк М.В. Февральская революция // СЗ. 1927. № 31. С. 306—327; Он же. Политика и история в «Истории русской революции» П.Н. Милокова // Там же. С. 434—452.*

⁴ Видимо, имеется в виду статья: *Гиппиус З. «Орден» (Из современных разговоров) // ПН. 1927. 15 апр. № 2114. С. 2.* Статья построена в форме диалога, в котором участвуют Оптимист и Пессимист. Очевидно, что выраженные там взгляды Оптимиста представляют позицию И.И. Фондаминского (по крайней мере, как она рисовалась Гиппиус). Ср. реплику Пессимиста: «Разум и совесть есть и в других странах, однако “интеллигенции” в нашем смысле, воплощенной чуть ли не в “орден”, как вы говорите, — у них же нет?», а также слова Оптимиста: «Я готов признать, что орден находится сейчас в рассеянии», — с текстом статьи Гиппиус «Застигнутая в пути»: «И.И. Фондаминский говорил недавно, что русская интеллигенция (“духовный орден”, о восстановлении которого он мечтает) не была подтолвлена к власти» (ПН. 1927. 31 марта. № 2199. С. 2).

⁵ Имеется в виду «маленький фельетон» А. Ренникова (Андрей Митрофанович Селитренников; 1882—1957) «Пессимист и оптимистка (Из современной болтовни)» (Возрождение. 1927. 19 апр. № 686. С. 2). Персонажей фельетона зовут Степан Степанович и Зинаида Дмитриевна.

⁶ Возможно, имеется в виду письмо от 9 апреля (процитировано в примеч. 1 к п. 137), где говорится о замысле воспоминаний о религиозно-философских исканиях начала века, стихах и повести. О «бонапартизме» см. в письме Д.С. Мережковского к В.Ф. Ходасевичу от 10 октября: «Никакого “бонапартизма” и “империализма” у меня, конечно, нет, и в этом смысле страхи Вишняка и Милокова напрасные и просто глупые. Но идея имперская, сверхнациональная, включающая в себя и национальную, мне кажется, очень живая для России и для русской эмиграции» (Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 134).

139. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 6 мая 1927 г.

6 V 1927

Родная Зина,
я тебе не писал, ибо на все вопросы по журналу тебе должен был ответить М.В. [Вишняк], а сам я берегу свои силы на статью — хочется её кончить для ближай-

шей книги¹. И тебя прошу напрячь все силы, чтобы вовремя сдать твою статью (начало июня). Книга составлена так, что без твоей статьи она опять будет «без изюминки». Степун написал по поводу твоей статьи о ордене, но «Посл[едние] нов[ости]» не приняли². Очень жалею. Повесть и «Наполеона» поскорей передай М.В. [Вишняку]. Я себя чувствую сейчас очень хорошо и хорошо работаю. Живу очень тихо и уединенно. В доме тишина — все работают. Об аренде еще ничего не решил. Напиши, когда вы собираетесь сюда, чтобы нам опять не разъехаться. Скажи Володе, чтобы он взял у И. Пл. [Демидова] статью Степуна и предложил ему напечатать в «Нов[ом] доме» — она очень интересна и на нужную тему.

Будь здорова, родная. Напиши. Поцелуй Димитрия и Володю.

Тебя я люблю и крепко целую. Стихи твои восхитительны.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 78).

¹ См. примеч. 1 к п. 128.

² Статья Гишпиус — «Орден» (ПН. 1927. 15 апр. № 2114. С. 2). Статьи Ф.А. Степуна мы не знаем. В журнале «Новый дом», как предложил далее Фондаминский, она не печаталась.

140. Мережковский — Вишняку

Paris. 10 июня 1927 г.

Пятница

Глубокоуважаемый Марк Веньяминович, милости просим к нам на прощальный вечер 16 июня, в пятницу¹. Будет немного народа — Милюков, Мочульский, Алданов — все общие друзья. Очень рады будем и Вас видеть.

Кстати, сообщу некоторые соображения о Наполеоне².

Искренне Ваш

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 80). Датируется по почт. шт. Пневматическое письмо; адрес получателя: «M[onsieur] M. Wichniak, 11, rue Claude Lorraine, Paris, XVI»; адрес отправителя: «Merejkovsky, Paris XVIe, rue Colonel Bonnet № 11bis»; почт. шт.: «10.6.1927».

¹ Мережковские собирались на лето в Le Cannet, где жили на villa Tranquille.

² См. примеч. 2 к п. 137.

141. Фондаминский — Мережковскому

Grasse. 16 августа 1927 г.

16 VIII 1927

Дорогой Димитрий, я не писал тебе, ибо всё надеялся на благоприятное разрешение вопроса о «Наполеоне». К сожалению, мне не удалось переубедить редакцию, и она осталась на позиции, которая меня решительно не удовлетворяет. Редакция считает обе час-

ти «Наполеона» политически «соблазнительными» и потому не соглашается ни одной части печатать *целиком*. Первую часть (характеристика) она находит менее соблазнительной и хотела бы напечатать из нее отдельные главы – в совокупности около 4–5 листов¹. Возражение, что нельзя разбивать целую вещь, парируется тем, что даже *роман* Алданова печатался у нас в выдержках.

Очень прошу тебя, дорогой Димитрий, если возможно, согласиться на предложение редакции. Если невозможно (в том случае, если у тебя есть возможность напечатать обе части в другом месте), не сердиться на редакцию. И еще больше прошу тебя не сердиться на меня – я защищал «Наполеона», как его старая гвардия, и героически пал в бою.

Если согласишься на предложение редакции, сообщи, где достать рукопись – у Грамон² (как её зовут?). Крепко тебя целую.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 78).

¹ См. примеч. 2 к п. 137. Об актуальном смысле «Наполеона» Мережковский писал В.Ф. Ходасевичу 5 октября (Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 134).

² Вероятно, жена постоянного переводчика Мережковского Мишель Дюмениль де Грамон.

142. Фондаминский – Гиппиус *Grasse. 16 августа 1927 г.*

16 VIII 1927

Родная Зина,

из письма к Димитрию¹ ты поймешь, почему я тебе не писал. Трудно было писать, не отвечая на основной вопрос. Пока была надежда, я отстаивал свою позицию. Теперь сдался, ибо борьба стала безнадежной. Знаю, что история с «Наполеоном» еще более затруднит твою работу в журнале, и всё-таки прошу и убеждаю тебя эти трудности преодолеть. Чем больше я вглядываюсь в русскую общественность, тем больше убеждаюсь в трудности создания идейного движения, адекватного нашему сознанию. Тем больше надо употреблять усилий, чтобы выпрямлять родственные течения и чтобы говорить свое, хотя без надежды на скорый успех. Так же отношусь и к «С[овременным] з[апискам]». Не уверен, можно ли будет придать им тот образ, который так ясно стоит перед сознанием. Но буду стараться возможно приблизить к этому образу и, главное, говорить *свое*. Потому так и дорожу твоим сотрудничеством. Пишешь ли ты статью? Можно ли на неё твердо рассчитывать? Будет ли она готова к сроку – 25 сентября? Прошу тебя на все вопросы ответить твердо и ясно – да. Если у тебя есть, пришли и *стихи*.

Очень прошу Володю извинить меня. У меня не было до сих пор времени восстановить стенограмму моей речи. Боюсь, что это и вообще невозможно – понять что-либо в записи нельзя, а написать речь заново я не умею (говорил почти экспромтом). Потому, если Володя будет настаивать, я могу составить краткий *конспект* речи, который и буду просить не выдавать за стенограмму. Но и этого хотелось бы избежать. Жду от Володи указаний².

Теперь несколько слов о нашей жизни. До сего дня мы жили в Париже. Сегодня Курочка [А.О. Фондаминская] уезжает с мамашей [Л.В. Гавронской] в La Bougboule³ (центр Франции) на две недели. Я остаюсь. Мечтаем в сентябре съездить с Курочкой к морю на неделю, ибо боюсь, что и это неосуществимо — обеднели. Здесь жили сравнительно тихо — не было телефонных звонков, бесконечных визитов, но всё-таки месяц прошел бестолково. Почему-то каждый вечер видишься с разными людьми, говоришь о пустяках, ложишься поздно, устаешь, встаешь тоже поздно и почему-то почти не занимаешься. Хорошую неделю я провел на конференции христианского движения в Clermont (под Верденом)⁴. Не могу сказать, чтобы всё мне там нравилось (есть и «Иоанн Кронштадтский»⁵, и «мистическое благополучие», по выражению Степуна), но было легко и радостно среди хорошей и доброй молодежи в атмосфере большого духовного подъема. Было приятно сознание, что и наши усилия не пропали даром — на конференции впервые явственно сказался поворот к жизни и России (не советской, а просто России). День, посвященный России, и был самым значительным. Теперь на Montragnasse'e⁶ создалась целая секция, посвященная России и общественным проблемам и будет работать ряд кружков. И я в этой работе принимаю участие. Познакомился и много беседовал с Клепининым⁷, который мне нравится. Целый вечер беседовал с Сувчинским⁸ — многое мне уяснилось в евразийстве и многое показалось еще страшнее. В самом С[увчинском] привлекает жизненность и энергия, но она направлена ко злу. «Возр[ождение]» без Струве совсем завяло и, боюсь, умрет⁹. «П[оследние] н[овости]» с осени обещают новый расцвет. Теперь Пав. Ник. [Милюков] уехал на 2 месяца, газету ведет Иг. Плат. [Демидов] — потому можно поручиться, что не будет ничего «отвратного» и всё, что пришлешь, будет напечатано. Пиши!¹⁰

«С[овременные] з[аписки]» вышли с опозданием из-за воспоминаний Сазонова¹¹. Алданов пишет «авантюрный» роман¹². А где твой?

Напиши подробно о здоровье, жите и обо всём. Крепко тебя люблю и целую.
Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 78).

¹ См. п. 141.

² Речь идет о выступлении Фондаминского на втором заседании «Зеленой лампы» при обсуждении доклада Гиппиус. Протоколы собраний (как видно из этого письма, далеко не стенографически точные) печатались в журнале «Новый корабль», где В.А. Злобин был одним из редакторов.

³ Коммуна в Оверни.

⁴ См. объявление: «От 18 до 24 июля в Клермоне во Франции состоится местный съезд Русского Студенческого Христианского Движения» (Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. 1927. № 6. С. 29). Предварительная программа и распорядок дня см.: Там же. № 7. С. 27–28. Подробное описание работы съезда см.: *Евдокимов В.* Секретарский отчет о 4-м местном съезде Р. С. Х. Д. во Франции // Там же. № 9. С. 3–7. Ср. также: *Зернов Н.* После Клермона // Там же. С. 7–9. Данный съезд не следует путать с V общим съездом Движения, также состоявшимся в Клермоне, но 12–18 сентября. Его программу см.: Вестник РСХД. № 8. С. 28, принятые там «Основные положения РСХ. Движения за рубежом» — Там же. № 10. С. 26–28. С точки зрения, близкой Фондаминскому, о летнем съезде писал Г.П. Федотов: Клермон // ПН. 1927. 21 авг. № 2342. С. 3.

⁵ Иван Ильич Сергиев (1829–1908), ныне святой Православной церкви (1990). Русской зарубежной церковью был канонизирован в 1964 г. Для круга Гишпиус и Фондаминского символизировал тенденцию к отказу от каких бы то ни было религиозных исканий вне церковной догмы. См. в упомянутом в предыдущем примечании отчете В. Евдокимова: «Утреннее заседание было посвящено докладу “О. Иоанн Крошгадский”, прочитанному, главным образом, по личным воспоминаниям, иеромонахом о. Варсонофием. Светлый образ о. Иоанна был показан докладчиком как образец жизни во Христе, соединенный с любовью к своему народу. Собрание прониклось воспоминаниями и мыслями о чтимом всеми о. Иоанне, и предложение Митрополита Евлогия отслужить панихиду явилось выражением общего желания духовного соединиться с великим молитвенником Русским» (№ 9. С. 5). Под «мистическим благополучием» Фондаминский, возможно, понимает доклад о. Сергия Булгакова «О духовном бодрствовании».

⁶ «С середины 20-х гг. центральный секретариат РСХД и организации, входившие в местное объединение во Франции, расположились в Париже: бульвар Монпарнас, № 10. Здесь же находилось издательство русских религиозно-философских книг, редакции журналов “Путь”, “Вестник РСХД”, работала Религиозно-философская академия Н.А. Бердяева» (*Можайева Л.А.* Русское студенческое христианское движение. С. 275). Ср. также в воспоминаниях о Фондаминском: «вспоминая о воскресных литургиях занимавшего в ту пору особняк на Монпарнасском бульваре Русского Студенческого Христианского движения, вижу его фигуру, как бы в качестве “изшедшего оглашенного” с внешней стороны двери в помещение, где молились “верные”» (*Лосский Б.Н.* В русском Париже (1927–1935) // Минувшее. М.; СПб., 1997. [Вып.] 21. С. 36).

⁷ Видимо, здесь речь идет о Николае Андреевиче Клепинине (1899–1941), литераторе-евразийце, видном деятеле Русского студенческого христианского движения, авторе книги «Святой и благоверный князь Александр Невский» (Париж: УМСА-Press, [1927]; рец. Г.П. Федотова — СЗ. 1928. № 36. С. 546–549). В тридцатые годы стал советским агентом, бежал в СССР, в 1939 г. был арестован, впоследствии расстрелян. Менее вероятно, что Фондаминский беседовал с его братом, священником Дмитрием Андреевичем (1904–1944), впоследствии соратником матери Марии, погибшим в немецком концлагере «Дора» (канонизирован Священным Синодом Константинопольского патриархата в 2004 г.).

⁸ Сувчинский Петр Петрович (1892–1985), музыкальный критик, музыковед, публицист евразийского направления.

⁹ П.Б. Струве был главным редактором «Возрождения» до 17 августа 1927 г., однако уже задолго до этого он фактически был отстранен от ведения дел. См. описание его положения в газете в это время: *Казнина О.А.* Начало газеты «Возрождение»: 1925–1927 // Литература русского зарубежья 1920–1940. М., 2004. Вып. 3. С. 82–89.

¹⁰ С 29 мая 1927 г. по 2 августа 1931 г. Гишпиус в ПН не печаталась. 18 июля 1927 г. она писала Е.М. Лопатиной: «Сейчас и я ничего не пишу. В *Посл. Нов.* совесть не позволяет, рука не подымается, а больше некуда; и сделалась я безработной. Перешла на иждивение Д. С-ча» (Вестник РХД. 1980. № 132. С. 287).

¹¹ См.: *Сазонов С.Д.* Вступление России в мировую войну: (Из воспоминаний) // СЗ. 1927. № 32. С. 147–215.

¹² Видимо, роман «Ключ», печатавшийся с 38-й книги.

143. Фондаминский — Гишпиус *Paris. 3 сентября 1927 г.*

3 IX 1927

Родная Зиночка,
немного оправился — сажусь за письмо. Но голова еще кружится, потому пишу кратко.

Сначала дела.

1. Скажи Володе, что завтра сяду за стенограмму и в два дня её кончу. Сегодня еще голова не работает¹.

2. Как я тебе писал в тот раз, редакция хочет взять *целые главы* из «Наполеона». Потому прошу Дмитрия поскорей прислать рукопись первой части. Редакция отберет 4–5 листов, и я сообщу, какие главы отобраны. Пусть Дмитрий сообщит, когда можно начать печатание. Я не знаю, можем ли мы начать печатать в ближайшей книжке, но в январской наверно. Потому хорошо было бы, если бы Дмитрий дал нам право начать печатание с октябрьской книжки, а мы будем печатать или в окт[ябрьской] или в январской².

3. Тебя прошу обязательно закончить статью к 1-му октября. Книжка рассчитана на твою статью, и я уверен, что она не встретит возражений.

4. Если у тебя переписана *предреволюционная часть* твоего дневника, пришли мне его. Я не считаю исключенной возможность, что «С[овременные] з[аписки]» эту часть напечатают. Обещаю тебе не предлагать её редакции, а дать «почитать» — по впечатлению можно будет решить, стоит ли предлагать³.

5. Я не только не отказываюсь помочь тебе в вопросе о печатании дневника, но, наоборот, дружески настаиваю, чтобы ты без моей помощи и совета этого дела не начинала. Читая предреволюционную часть, я отмечу (на полях), что подлежит «выкидке», а когда вы вернетесь, проработаю остальное.

На №№ 2–5 жду точного скорого ответа.

Теперь кратко обо всём.

Не знаю, верно ли ты поняла мое прошлое письмо, Я не только не в унынии, а наоборот, в бодром и часто радостном настроении. Я уже давно понял, что прямых линий в жизни нет и что задуманный образ в жизни всегда искажается. Но зато, поняв это, научился радоваться, когда жизнь идет если и не по прямой линии, то всё-таки в том направлении, куда направлены твои помыслы и когда сотворенный образ есть искажение тобою задуманного, а не чужого. И в этом отношении наше время меня скорей радует. За эти годы эмиграция окрепла, очистилась и одухотворилась. Исчезло правое засилие, в корне задушен большевистский соблазн (у Мил[юкова] нет ни грана соблазна, а есть хитроумная, (но неправильная) тактика выравнивания уровней эмигрантской и советской интеллигенции) и идет медленная, мучительная, зигзагами, выработка свободной и религиозной идеологии. Не удивляйся, что мы с Клепининым «сошлись»⁴. Поверь, что я не уступил ничего — зато он далеко ушел вперед. Думаю, если не свернет, будет с нами. В ближайшей книжке у нас появится статья Флоровского, одного из 4 основателей евразийства, к[о]т[о]р[ый] порвал с ними и пишет у нас о них⁵. На Montparnasse'е становится всё легче и приятней. Даже у Р[еспубликанских] д[емократов] стало легче дышать, и там создается круг единомышленников. Вижу твою скептическую улыбку... Но мужественно выдерживаю её. Крепко верю в свою правоту, а твое настроение приписываю «максимализму» и «индивидуализму». Тебя поразил случай с «Наполеоном». Но вот прочти, что написал Милюков обо мне и Степуне — разве это не та же психология⁶? Причём же тут ненормальность — просто старое отмирает медленно. И, однако,

я утверждаю, что в «С[овременных] з[аписках]» уже *доминирует* не старое, а новое, и они больше похожи не на «Заветы», а на «Новый путь»; и если тебе еще трудно писать в них, то Ив[анов-]Разумник не мог бы в них написать ни строчки⁷. Зато согласен с тобой — подлинного образа создать не удастся. И боюсь, если бы ты издавала журнал, образ создался бы подлинный, но *индивидуально твой* — соборного лица не было бы. Потому я бодро продолжаю работать и в «С[овременных] з[аписках]» и на Montparnasse'е, и в Р[еспубликанско-]д[емократическом] о[бъединении], и всюду утверждаю свое, и радуюсь, если общее направление идет не в чужую, а в нашу сторону. — Прочел «Новый корабль», одобряю, радуюсь предисловию⁸. Но вот — не сердись — стенограмма Зел[еной] Лампы; разве это не искаженный лик задуманного? И, однако, ты не удаляешься и — избави тебя Господи бросать её⁹.

Здесь все поглощены церковной смутой. Владыка Евлогий не подпишет, но подчинится, т.е. если уволят, уйдет¹⁰. Я разделяю позицию «России» — не осуждаю советских иерархов, но не признаю здешней подписки¹¹.

С октября будут выходить «Дни»¹².

Мы живем хорошо. Курочка [А.О. Фондаминская] отдохнула с мамашей [Л.В. Гавронской] две недели в Bougboule. Думаю на будущей неделе поехать с Курочкой куда-нибудь *на неделю*. Я понемногу прихожу в себя — мучительно долго кружилась голова. Работаю еще мало, да вряд ли буду в Париже что-нибудь писать. Одолела ли ты хоть несколько страниц моего «Московского царства»¹³? Как показался язык? Милоков, к сожалению, увидел только апологию самодержавия...¹⁴

От тебя жду немедленного письма — хочется знать о здоровье, о пожарах, о статье твоей и обо всём. Володя мне написал: «и ни от кого никаких приветов». Но я только усмехнулся: со мной вы не поссоритесь, ибо знаете, что я вас крепко люблю. И действительно, через 2 дня пришло твое письмо. Целую тебя нежно.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 78). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, Villa Tranquille, rue Chernicki, Cannet (A[lpes-]M[aritimes])»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris»; почт. шт.: «Paris, 3.IX.27».

¹ См. примеч. 2 к п. 142.

² См.: *Мережковский Д.С.* Наполеон человек: (Главы из книги) / СЗ. 1928. № 34. С. 226–259. Книга вышла в феврале.

³ Этот замысел не был осуществлен.

⁴ См. примеч. 7 к п. 142.

⁵ Статья была напечатана не в ближайшей книге СЗ, а в следующей: *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // СЗ. 1928. № 34. С. 312–346. Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979), профессор Богословского института, с 1931 (или 1932 г.) — священник. Принимал участие в первых трех сборниках евразийцев — «Исход к Востоку» (Берлин, 1921), «На путях» (Берлин, 1922), «Россия и латинство» (Берлин, 1923).

⁶ Имеется в виду статья: *Милоков П.* Факты, идеи и настроения в «Современных записках» («Современные записки», кн. 32-ая) // ПН. 1927. 1 сент. № 2353. С. 2–3.

⁷ В выступлении на втором собрании «Зеленой лампы» Гишпиус говорила: «при взгляде на почти каждый из видных зарубежных органов вспоминается как бы аналогичный ему в

период 1905–1915 годов – с поправкой на современность, конечно: [...] “Современные записки” – “Заветы” или что-то вроде...”» (*Терпиано Ю.К.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека С. 52). «Заветы» (1912–1914) – журнал с довольно сильно выраженной эсеровской тенденцией. Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946), критик и публицист, ближайший сотрудник «Заветов».

⁸ В небольшом предисловии «От редакции», в частности, говорилось: «мы имеем свою родословную в истории русского духа и мысли. Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Вл. Соловьев – вот имена в прошлом, с которыми, для нас, связывается будущее. [...] Что такое жизнь? Она не искусство, не любовь, не наука, не политика, не философия. Она – все это вместе, в неразделимом единстве» (Новый корабль. 1927. № 1. С. 3).

⁹ Несмотря на часто выражавшееся недовольство деятельностью «Зеленой лампы», Гиппиус, однако, длила ее собрания до 1939 г. Протоколы первых двух собраний см.: Новый дом. 1927. № 1. 31–45.

¹⁰ Речь идет о напряженной полемике вокруг т.н. «декларации митрополита Сергия», впоследствии Патриарха Московского и всея Руси, называвшейся «Об отношении православной Российской церкви к существующей гражданской власти» (Известия. 1927. 19 авг.; см. также: Послание патриаршего синода // ПН. 1927. 20 авг. № 2341. С. 1; Обращение Временного Патриаршего Синода // Возрождение. 1927. 23 авг. № 812. С. 1), в которой признавалось, что верующие одновременно являются «верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти [...] не только из страха, но и по совести» (подробнее см.: *Полещук Е.С.* Патриарх Сергий и его Декларация: капитуляция или компромисс? // Вестник Русского христианского движения. 1991. № 161. С. 233–250). Митрополит Евлогий (Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946), глава русских православных приходов в Западной Европе, был чрезвычайно осторожен в выборе линии поведения относительно данного послания; в интервью «Митрополит Евлогий о положении церкви в СССР» (Возрождение. 1927. 24 авг. № 813) он говорил: «Этот вопрос настолько серьезен, что оценивать его по существу и во всей полноте я не берусь сразу. Все, что я могу пока вам заявить, это то, что, как и прежде, так и теперь, я считаю, что Церковь должна неуклонно следовать по своему пути, пути чисто церковному, пребывая всегда вне политики, независимо, левой или правой». Некоторое время обсуждение шло без прямого участия митрополита Евлогия (см., напр.: *Никаноров И.* Послание митрополита Сергия и Синода при нем // Возрождение. 1927. 27 авг. № 816; 30 авг. № 819; 31 авг. № 820; *Церковник.* В церковных кругах // Возрождение. 1927. 27 авг. № 816). По сообщениям печати, у него 28 августа состоялось совещание, посвященное посланию митрополита Сергия (ПН. 1927. 27 авг. № 2348. С. 1; Возрождение. 1927. 28 авг. № 817). Список присутствовавших и краткое известие о результатах см.: Совещание у митр. Евлогия // ПН. 1927. 31 авг. № 2352. С. 2. Первая определенная реакция Евлогия, о которой нам известно, была высказана им на проповеди (Слово Митрополита Евлогия // Возрождение. 1927. 6 сент. № 826), а окончательно сформулирована в документе, опубликованном под заглавием «Ответ Митр. Евлогия Митрополиту Сергию» (Возрождение. 1927. 16 сент. № 836; см. также: ПН. 1927. 16 сент. № 2368. С. 1), где говорилось: «наша принадлежность к Русской Православной Церкви не может служить основанием для предъявления к нам, эмигрантам, требования “лояльности”, т.е. законопослушности по отношению к советской власти, как это требование естественно предъявляется к советским гражданам или к лицам, живущим на территории советского государства. [...] я обязуюсь твердо стоять на установленном уже у нас [...] положении о невмешательстве Церкви в политическую жизнь и не допускать, чтобы в подведомственных мне храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну. [...] если, паче чаяния, Вы не признаете этого моего заявления достаточным и будете вынуждены исключить меня и вверенное мне духовенство из состава клира Русской Церкви, то, что же делать, мы с покорностью примем это новое, тягчайшее ис-

пытание, и тогда благословите нас, согласно уже ранее выраженному Вами указанию, на временное самостоятельное (автономное) существование в странах инославных и на подчинение Поместным Православным церквям в странах православных». Реакция Мережковских выразилась в том, что в ответ на передовую статью «Церковь и советская власть» (ПН. 1927. 26 авг. № 2347. С. 1) 16/29 августа они обратились к митр. Евлогию с письмом: «Владыка, умоляем Вас не подписывать присланного Вам митрополитом Сергием обязательства подчиняться Советской власти. Дело тут, конечно, вовсе не в “политике”, а в чем-то неизмеримо более важном. Мы твердо уверены, что так же думают и чувствуют множество верующих во Христа и любящих Православную Церковь. Статья в “П.Н.” о необходимости подчинения Советской власти нас всех глубоко возмутила. Еще раз умоляем и закликаем — не подписывайте. С глубоким уважением и преданностью. Д. Мережковский, З. Гишпиус (Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников / Публ. М. Одинцова // Диспут: Историко-философский религиозно-ведческий журнал. 1992. № 2. С. 183–184. Оригинал хранится: ГАРФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 81. Л. 1).

¹¹ Речь идет о только что появившейся информации: «Известно общее содержание указа, с которым Патриарший Синод обратился к митр. Евлогию. Указ, подписанный митр. Сергием, требует от “управляющего русскими церквями в Западной Европе, а через него и от всех заграничных русских архипастырей и прочих священнослужителей” дать письменно обязательство в такой форме: “Я, нижеподписавшийся, даю настоящее обязательство в том, что, ныне состоя в ведении Московской Патриархии, не допущу в своей общественной, в особенности же церковно-пастырской деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение моей неояльности к советскому правительству (Подпись)”. Отказавшиеся дать такое обязательство до 15 сентября или давшие, но нарушившие его священнослужители будут уволены или исключены “из состава клира, находящегося в ведении московской Патриархии”. Указ этот был принят Патриаршим Священным Синодом 14 июля. [...] Указ был доставлен митр. Евлогию при личном письме митр. Сергия от 14 июля» (Церковь и советская власть // ПН. 1927. 2 сент. № 2354. С. 2).

¹² См. примеч. 8 к п. 137.

¹³ Неоднократно упоминавшаяся седьмая статья из цикла «Пути России» в 32-й книге СЗ. Гишпиус писала о ней: *Пуцци Лев [Гишпиус З.Н.]* Два слова о двух статьях (Бунаков и Степун) // Новый корабль. 1927. № 2. С. 50–52.

¹⁴ См.: «Сам автор [...] в совершенстве усвоил себе стиль московских приказных людей и, вместе с ним, весьма послушно усвоил и московскую политическую идеологию XVII века, которую передает с умилением, подлинными словами актов того времени, воображая, что схватил тем дух “московской правды”. Это все равно как если бы историк большевизма вздумал характеризовать современную “московскую правду” цитатами из речей большевистских лидеров или передовиц “Правды” и “Известий”. Когда читаешь начало статьи г. Фундаминского, то сперва кажется, что он просто хочет изложить словами источников, как смотрело московское правительство на свои задачи и на свои отношения к разным слоям населения. Но чем дальше, тем больше убеждаешься, что автор и сам сливается с этим пониманием, заставляет и все население московского государства думать и действовать в терминах московских подъячих. [...] Г. Фундаминский совершенно игнорирует всю московскую оппозицию XVI века, мечтавшую об иных формах государственного строительства» (*Милоков П.* Факты, идеи и настроения в «Современных записках». С. 2). В ответ Гишпиус писала: «Здесь было бы кстати удивиться рецензии об этой статье — Милокова: таким “не историком” проявил себя наш признанный историк [...] В статье Бунакова критик очень усмотрел вот это подчеркивание “правды” Московского царства (царь и Бог) и отнесся к ней, по-современному, с неудовольствием, распространил его даже на стиль статьи — “из старых приказных книг”» (*Пуцци Лев [Гишпиус З.Н.]* Два слова о двух статьях. С. 51).

144. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 12 сентября 1927 г.

12 IX 1927

Родная Зиночка,

с радостью принимаем твое предложение. Не сомневаемся, что 2-ю статью поместим в следующем же номере. В крайнем случае, дадим через номер. Твое предложение обрадовало чрезвычайно не только меня, но и редакцию — значит, будет не одна твоя статья, а две. Прямо благодарю Бога, что так всё устраивается, и верю, что в конце концов наша совместная работа наладится¹.

Димитрию скажи, чтобы присылал только 1-ю часть — зачем же мы будем ему расстраивать обе части. Но печатать мы начнем только с январской книжки — в этой книжке «художественного» материала (включая и Шмелева!²) оказалось столько, что больше напечатать мы, по всей вероятности, будем не в состоянии. Но все-таки я хотел бы получить 1-ю часть поскорей. У меня есть *тайная* надежда, что опасения редакции по напечатанию окажутся неосновательными и что она решится и на напечатание других глав...

Твой отзыв о статье³ меня очень обрадовал. Больше всего я опасался *за язык*. Что последняя часть скучна и тяжела, я и сам знаю. Но дело в том, что в последней части именно я даю *новое* объяснение русского земельного строя — надо было это сделать по возможности основательно и научно.

Следующая книжка должна быть интересной — помимо твоей статьи, «Мысли о России» Степуна, статья против евразийцев бывшего евразийца Флоровского, о фашизме Бицилли (нравится ли тебе он — я его очень выдвигаю) и еще кое-что⁴. А проспект на будущий год предполагается исключительно блестящим.

Очень было бы хорошо, если бы ты написала о «С[овременных] з[аписках]» в «Новом корабле» — нам надо итти организованно. И мне остаться при одном отзыве Мил[юкова] тоже обидно — а кто же напишет⁵!

Я совсем оправился от болезни — чувствую себя бодро и хорошо. Дай Бог и тебе душевной бодрости и силы для работы. Крепко тебя целую и люблю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 78). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, Villa Tranquille, rue Chernicki, Cannel (A[lpes]-M[aritime])»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 1[нрзб].1927».

¹ Судя по п. 147, это все-таки были воспоминания о Религиозно-философских собраниях. Подробнее см. примеч. 1 к п. 147.

² Имеется в виду публикация: *Шмелев И.С.* История любовная: (Роман моего приятеля): [Продолж.] // СЗ. 1927. № 33. С. 27–91.

³ См. примеч. 14 к п. 143.

⁴ Все три названные публикации осуществились, хотя и не в одном номере. См.: *Степун Ф.А.* Мысли о России // СЗ. 1927. № 33. С. 337–361; *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // СЗ. 1928. № 34. С. 312–346; *Бицилли П.М.* Фашизм и душа Италии // СЗ. 1927. № 33. С. 313–336. Другие статьи, которые должны были заинтересовать Гиппиус, Фондаминский не назвал: *Шестов Л.И.* Умозрение и Апокалипсис: (Религиозная философия Вл. Соловьева) // СЗ. 1927. № 33. С. 270–312; *Вишняк М.В.* Миф Октября // Там же. С. 362–386.

⁵ Гиппиус откликнулась на призыв Фондаминского лишь отчасти, написав статью не обо всей книге журнала, а лишь о статьях Фондаминского и Степуна (см. примеч. 14 к п. 143). Об отклике П.Н. Милокова на статью Фондаминского см. примеч. 6, 14 к п. 143.

145. Фондаминский — Мережковскому *Paris. 28 сентября 1927 г.*

28 IX 1927. 1, rue Chernoviz, Paris XVI

Дорогой Димитрий,

1. Не отвечал тебе долго, ибо наводил справки относительно издания «Мессии». По моему впечатлению есть только одна возможность издать — у Гукасова¹. Ни Карбасников, ни Поволоцкий издательством не занимаются². Издать на свой счет (или в кредит) — не оберешься неприятностей и убытков (знаю это по собственному опыту). Единственный, кто издает книги, — это «Возрождение» (Гукасов), хотя и платит гроши. Ничего зазорного в издании книги у Гукасова я не вижу (издательство не связано с газетой). Я далеко не уверен, захотят ли они тебя издавать, но думаю, что тебе легко будет вступить в переговоры через к[ого]-л[ибо] из общих знакомых (Ходасевич, напр[имер])³.

2. Жду всё «Наполеона». Постараюсь, чтобы взяты были именно те главы, которые ты указываешь. Марку Александровичу [Алданову] очень хочется напечатать главу из «Наполеона» в первом номере газеты (9 окт[ября])⁴. Если ты сейчас же вышлешь им рукопись, мы успеем с М.А. выбрать подходящую для него главу. Если ты — в ответе М.А. — откладывал до своего приезда решение о главе для «Дней», желая выиграть время и посмотреть, что будет за газета, *то я не возражаю*. Если же ты не боишься «Дней» и только по техническим соображениям откладываешь печатание, то советую не делать этого: 1) ибо, напечатав сейчас одну главу, позже они могут напечатать и еще; 2) ибо неизвестно, что же будет через два месяца.

3. Сейчас я никак не могу взять на себя обязательства прочесть доклад в ноябре в З[еленой] л[ампе], хотя я и обещаю тебе подумать об этом. Дело в том, что вопросы, в которых я более или менее компетентен (хозяйственного и государственного порядка), для З[еленой] л[ампы] не интересны. А то, что интересно для З[еленой] л[ампы] — темы религиозно-культурные — мне мало доступно. Делать «легкомысленный» доклад не в моем характере. Мне было бы легко выступить, хотя бы и с большой речью, по поводу доклада, прочитанного кем-нибудь другим⁵.

4. Еще труднее мне будет выступить на твоём открытом докладе по церковному вопросу⁶. Я совсем не компетентен в церковных делах, да к тому же «некрещеный»... Но оппонентов у тебя будет достаточно. Иг. Пл. [Демидов] делает на днях доклад на эту тему в Р[еспубликанско-]д[емократическом] о[бъединении]⁷.

5. О твоём «индивидуализме» и о моем «уклонении». Тебя я редко упрекал в индивидуализме — больше Зину. Ты избрал такую область, где «индивидуализм» не только законен, но и неизбежен. Нельзя писать о Египте или Наполеоне, оглядываясь по сторонам и взвешивая каждое слово. Не должен потому ты и жаловаться на духовное одиночество. Такие люди, как ты, имеют или учеников или про-

тивников. Другое дело — Зина. Зина — общественный борец. Тут сообщество необходимо — иначе лучше бросить борьбу. А чтобы иметь сообщество, необходима дисциплина, самоограничение и выдержка. К сожалению, в Зине поэт всегда побеждает общественного деятеля. Теперь я. Думаю, что и до сих пор чего-то во мне вы не знаете. Мягкость вы объясняете слабостью, душевную правдивость — нерешительностью и желанием уклониться. Насколько я себя знаю, дело не в этом. Я могу что-либо делать только тогда, когда моя душа к этому совсем созрела. В моей жизни почти совсем не было эмоциональных поступков. А душа моя зреет очень медленно. Когда в душе что-либо созрело, я действую с абсолютной прямоотой и решительностью. (Спроси у Зины, насколько смела моя последняя статья⁸.) Если я сдержан в религиозных вопросах, то только потому, что особенно в этой области моя душа зреет мучительно медленно. Ничто меня не удерживает ни от крещения, ни от публичного высказывания. Но и нужды в этом по-настоящему не чувствую — а можно ли это делать без настоящей нужды. Сам моллю Бога, чтоб хоть к концу жизни привел меня к себе. Зато стихия «духовности» так охватила мою душу, что порою мне кажется, что я физически чувствую в мире духовные волны и течения — духовный Гольфстрим. Это и дает мне — в этой области — свободу и решительность в действии.

Относительно «С[овременных] з[аписок]» ты можешь быть спокоен — здесь я ошибаться не могу: мы революционеры по отношению к большевикам *до конца*. Это не значит, что мы будем защищать террор и всякий революционный активизм — лично я в последние годы перед революцией был противником и того, и другого по отношению и к самодержавию.

Жду от Зины статью — сроки! И твоего «Наполеона».

И тебя, и Зину я крепко люблю и чем старше становлюсь, тем больше. Целую тебя крепко.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 4. F. 21).

¹ Т.е. в издательстве «Возрождение». Лукасов Абрам Осипович (1872—1969), нефтепромышленник, издатель газеты «Возрождение». Об издательстве см.: П.Б. [Базанов П.Н.] «Возрождение» // Издательства и издательские организации. С. 42—43.

² Имеются в виду книжный магазин т-ва Н.П. Карбасников (9, rue Dupuytren) и издательство Якова Евгеньевича Поволоцкого (1882—1945). О последнем из них см.: И.Ш. [Шамракова И.А.] «Поволоцкого Я. и К°», изд-во // Издательства и издательские организации. С. 214—215. См. также: Шруба М. К истории издательства «Современные записки» // Во круг редакционного архива СЗ. С. 276. Примеч. 6.

³ Судя по всему, Мережковский так и поступил. 5 октября он спрашивал Ходасевича: «Что “Мессия”? Как отнесся к нему Маковский? Или Вы еще не говорили ему об этом?» (Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 134). С.К. Маковский в это время играл видную роль в газете «Возрождение».

⁴ Так и было сделано. См.: Мережковский Д.С. Commediante // Дни. 1927. 9 окт. № 1201. С. 3—4.

⁵ На заседаниях «Зеленой лампы» Фондаминский с докладами не выступал.

⁶ Речь идет о лекции, прочитанной Мережковским в Salle de Géographie 17 декабря 1927 г. Под заглавием «Наш путь в Россию: непримиримость или соглашательство?» была напечатана в газете «Возрождение» (1927. 18—22 дек. № 929—933); предварительно газета

опубликовала интервью с Мережковским по поводу его лекции (Беседа с Д.С. Мережковским. Непримируемость или соглашательство // Возрождение. 1927. 14 дек. № 925). Значительная часть лекции была посвящена проблемам церкви.

⁷ На заседании Республиканско-демократического объединения И.П. Демидов выступил 2 октября с докладом «Православная церковь перед вторым поместным собором» (Хроника. Франция. Т. 1. С. 366).

⁸ Все та же седьмая статья «Пути России».

146. Фондаминский — Мережковскому

Paris. 15 октября 1927 г.

15 X 1927

Дорогой Димитрий,
вчера отправил тебе «Наполеона». Я отобрал следующие главы:

1. Владыка мира.
2. Злой или добрый¹.
3. Разбойник.
4. Вождь.

Три из них ты сам указал. Одну (1) я выбрал по своему вкусу. Напечатаем мы их в двух книжках — 34 и 35. Т.к. 34-ю мы скоро начнем набирать (33-я выходит в начале ноября), то советую тебе не задерживать переписку. Прочел я эту часть «Наполеона» с громадным увлечением и думаю, что она увлечет и читателя. Думаю, что и предубежденные будут побеждены, ибо в этих главах политических соблазнов никаких нет. Очень радуюсь, что хоть в таком виде «Наполеон» пройдет в «С[овременных] з[аписках]».

Крепко тебя целую.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 4. F. 21).

¹ Эта глава в публикации была заменена главой «Человек из Атлантиды».

147. Фондаминский — Гишпиус

Paris. 15 октября 1927 г.

15 X 1927

Родная Зиночка,
прости, что сразу не известил тебя о получении статьи. У Парижа свой «устав» и, рано или поздно, ты попадаешь в тиски этого «устава» и закручиваешься. Эту неделю я закрутился. Статью твою я получил, прочел и передал другим. С грустью убедился, что, кажется, впервые, она меня не удовлетворила. Всё, что написано тобою, прекрасно и интересно, тон и направление взяты правильно и мудро. Но три четверти статьи состоит из выписок из отчетов, и это откровенно скучно. *Отчеты* всегда скучны. Прекрасна талантливая статья. Для меня еще прекраснее талантливая речь. Но нет ничего скучнее мертвого протокола речи.

Протоколы представляют громадную ценность, ибо по ним историк или мемуарист восстанавливает живую ткань прошлого и творчески преобразует её. Так ты всегда поступала. Почему ты на этот раз изменила себе — ума не приложу¹. Если бы твои отношения с «С[овременными] з[аписками]» не были натянуты и если бы ты принимала «советы», я бы стал убеждать тебя не печатать статью в таком виде, заменить выписки своим изложением и характеристиками и довести статью в таком виде до конца. Но я этого делать не буду. Наоборот, буду убеждать редакцию печатать статью в таком виде. Ибо больше всего дорожу твоим участием в журнале и боюсь испортить наши отношения. Буду только защищать необходимость выкидки характеристики Миролобова — он умирает (можно ли перед смертью наносить хорошему человеку такой удар²) и замены Карташова — Х.³ Против этого ты протестовать не должна — это я буду защищать не из «политики», а *по совести*. Что решит редакция, не знаю — если не согласится со мной, пусть берет ответственность на себя. Я бы мог скрыть от тебя мое мнение, ибо очень люблю тебя и не хочу тебя огорчать. Но вся ценность нашей любви в искренности и раскрытости души. — Не хочу тебя убеждать и относительно «Возрождения»⁴. Я сам не сочувствую сейчас тактике «П[оследних] н[овостей]» и при случае буду с Милюковым сражаться в Р[еспубликанско-]д[емократическом] о[бъединении]. Но я глубочайше убежден, что мои разногласия с Мил[юковым] только в *тактике*, и что никакого «соблазна» большевизмом в нем нет. Он так же непримирим к б[ольшевизму], как и мы, только думает иначе их обойти. Потому и не вижу оснований рвать с ним. Уходить в «Возрождение» — это просто выход из борьбы. Тираж «В[озрождения]» сильно упал, и сам я перестал его читать. «В[озрождение]» стало местом «ou on gagne sa vie»⁵, да еще в неприятной компании. Я бы просто и твердо остался в «П[оследних] н[овостях]» и писал часто и аккуратно — никто тебя не обвинил бы в компромиссе с б[ольшевизмом], а влияние твое на молодежь росло бы и крепло. Но я не настаиваю и не убеждаю, ибо чувствую свое бессилие.

Живу я не плохо, но малопродуктивно. Не только о писании, но даже о подготовке к следующей статье думать почти не приходится. Много времени уходит зря. Должен признать, что Курочка [АО. Фондаминская] ведет себя блистательно и дом держит в строгости. Но с Парижем справиться трудно. Радуюсь, что скоро увидимся. Если я не уеду в декабре в Египет, то мы проживем вместе в Париже два месяца — до января. Будь здорова, родная. Не сердись за огорчение, к[о]т[о]р[ое] я тебе доставляю этим письмом.

Я тебя крепко люблю и целую. Димитрию пишу отдельно. Поцелуй Володю.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 78).

¹ По этим фразам становится ясно, что Гиппиус прислала воспоминания о Религиозно-философских собраниях. В СЗ они напечатаны не были: видимо, автор прислушался к замечаниям Фондаминского и не смог выполнить настоятельную просьбу редакции (см. п. 142). Во всяком случае, в опубликованном варианте этих воспоминаний (*Гиппиус З.Н.* Первая встреча (К истории Петербургских Религиозно-Философских Собраний 1901—1903 гг.) // ПН. 1931. 2 авг. № 3784. С. 2—3; 4 авг. № 3786. С. 3—4) пространных цитат из

отчетов о Собраниях нет, и завершаются они не выдержкой из отчета, а записью самой Гиппиус того времени. Много лет спустя Гиппиус вспоминала: «Уже здесь, в эмиграции, Д.С. хотел, чтобы я подробно написала о них несколько статей, изложив последовательно наиболее интересные заседания, подчеркнув разнообразие их участников и, насколько возможно, передав атмосферу в зале Географического О[бщест]ва. Прежде чем начать работу, я (мы) условились с одним давним нашим “другом”, редактировавшим тогда толстый эмигрантский журнал и близкое участие принимавшим в другом (уже прямо “религиозном”), что эти мои статьи, конечно, будут у него напечатаны. Этот наш друг, типичный “интеллигент”, старый эмигрант, давно, однако, склонялся к христианству (в последнее время даже крестился), и не верить ему у нас не было оснований. Однако вышло не так. Моя работа не пошла далее описания начала Собраний, вот этого первого доклада Тернавцева и нескольких следующих. Эту мою рукопись я лишь недавно нашла в бумагах (1[-ю] статью) с надписью красным карандашом: “Отвергнутоским”). По каким мотивам он нарушил условие, — я теперь не помню, но не могу все же этому не удивляться: мне до сих пор непонятно, что “странное” мог в ней увидеть даже самый заядлый интеллигент, даже и не такой православный en herbe, как наш редактор» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж, [1951]. С. 105–106).

² Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939), издатель «Журнала для всех», один из членов-учредителей Религиозно-философских собраний. Два упоминания его имени в опубликованном тексте вполне нейтральны.

³ Имя А.В. Карташева в опубликованном тексте названо: «Писали там [в “Новом пути”] под строжайшими псевдонимами, и молодые доценты [Петербургской Духовной Академии] — Карташев, братья Успенские...» (ПН. 1931. 4 авг. № 3786. С. 3). Во второй части воспоминаний (*Гиппиус З.Н.* Перед запрещением (Зима 1902–1903 гг. СПб-ских Религиозно-Философских Собраний) // ПН. 1931. 2 окт. № 3845. С. 3; 13 окт. № 3856. С. 2; 23 окт. № 3866. С. 2–3; упоминаемое место — в номере от 2 октября) появляется обозначение X., но там криптонимом скрыт не Карташев, а М.А. Новоселов (ср. приводимую Гиппиус цитату из Послания к Филиппийцам в его речи: Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. М., 2005. С. 238).

⁴ Речь идет о начале постоянного сотрудничества с газетой «Возрождение», продлившегося с декабря 1927 г. по декабрь 1929 г. Обсуждение проблем, связанных с этим, см. в письмах осени 1927 г. Гиппиус (*Гиппиус З.Н.* Письма к Берберовой и Ходасевичу. С. 81–87) и Мережковского к В.Ф. Ходасевичу (Новое лит. обозрение. 2008. № 90. С. 133–144).

⁵ где зарабатывают на жизнь (фр.).

148. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 23 октября 1927 г.

23 X 1927

Родная Зиночка,
наконец редакция обсудила и приняла решение о твоей статье, которое мне кажется разумным и которое должно тебя удовлетворить. Разумеется, твоя статья принята и будет напечатана без изменений (кроме Мир[олюбова] и К[арташева]¹). Но редакция нашла, что статья явно несамостоятельна и требует продолжения и потому предпочла напечатать её целиком в следующей книжке. Тайный мотив: протоколы скучны и, если оборвать статью на них, статья тоже покажется скучной; последующее изложение, которое ты собираешься вести от себя, скрасит протоколы и сделает всю статью интересной. Т.к. мы дадим всю статью в од-

ной книжке, то просим тебя, чтобы объем всей статьи не превышал $2\frac{3}{4}$ листа = 110 т. знаков = 44 печатных страницы (убористого шрифта). В написанном $1\frac{3}{4}$ = 70 т. букв = 28 стр. Статья твоя пойдет в январской книжке, вместе с «Наполеоном» Димитрия и романами Бунина и Алданова². Перед тобой больше 2 месяцев для окончания статьи.

А теперь, передав тебе поручение редакции, я снова возвращаюсь к твоей статье. Ты права, когда пишешь, что и мои размышления о земле скучны. Но, видит Бог, как я стараюсь сделать их занимательными. И вовсе не для того, чтобы угодить читателю, а потому что скука — показатель несовершенства формы, и если статья скучна, значит «идея» не явлена. Потому я отрицаю «научные» книги, «психологические» романы — это дурная и скучная форма, не проявляющая «сущности», «души», «идеи». И повторяю: из всех скучных форм самая скучная — протокол живой речи. За костяным звуком протокольной речи не слышно ни живого слова оратора, ни защищаемой им мысли. Потому мне так не хотелось печатать и протокол моей речи³. Потому еще и еще раз: сократи значительно протоколы и, если надо, изложи сокращенное своими словами. Твое изложение будет *более адекватно* речам, чем протокольная запись. Этим ты сделаешь более живой первую часть и будешь иметь больше места для дальнейшего повествования.

Любимая Зиночка, ты не можешь на меня сердиться за этот совет и указание. Я всегда только восторгаюсь твоими писаниями и принимаю их без критики. Но на этот раз ты сама изменила себе и решила «пожертвовать» собою ради «точности» изложения чужой мысли. Только с этим я и спорю.

Слышал, что вы скоро будете в Париже — радуемся этому. Крепко люблю и целую тебя. Поцелуй Димитрия и Володю. Когда выходит «Корабль»⁴?

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezkhovsky papers. Box 1. F. 78).

¹ См. п. 147.

² Роман Бунина — начало «Жизни Арсеньева». Роман М.А. Алданова «Ключ» начал печататься с кн. 35.

³ Речь идет о выступлении на «Зеленой лампе».

⁴ Имеется в виду второй выпуск журнала «Новый корабль». Вышел 3 января 1928 г.

149. Фондаминский — Гиппиус

Б.м. 13 января 1928 г.

13 I 1928.

Крепко целую родную Зину. Поцелуй Димитрия и Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezkhovsky papers. Box 1. F. 79). Почтовая открытка из Египта с изображением Карнака и надписью: «Karnak — The Hypostyle Hall»; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, 11bis rue Colonel Bonnet, Paris XVI, France»; почтовая марка со штемпелем отрезана.

150. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 18 июля 1929 г.

18 VII 1929

Родная Зиночка,

только теперь прихожу в себя и начинаю дышать. Две недели, день и ночь, вел борьбу с книжками и только на днях одержал полную победу — конфликт между нами закончен, и все книги свободно продаются во всех магазинах. Еще не закончены хлопоты по журналу и издательству, но я уже могу заняться и другими делами. Прежде всего: «Совр[еменные] зап[иски]» были вам посланы 22-го июля; очевидно, не переслали из Парижа; вчера выслан вам *второй* экземпляр. Далее: достал и послал Димитрию 2 нужные ему книжки (из квартиры). Далее: не только написал Качоровскому, но и получил от него ответ: согласен и просил очень тебя благодарить¹. Переделывает свою статью и расширяет ее, пришлет через 10 дней. Ни Любимова, ни Коренчевского я еще не видал². И сделал это сознательно. Дело в том, что отзывы и о том и о другом очень сомнительны. А между тем, если повидаться с ними, не пригласить их в сборник будет невозможно. Я исследую этот вопрос поглубже и повидаясь с ними только в том случае, если убежусь, что это не повредит делу. Пока у меня такое впечатление, что самое большое, на что можно итти в отношении к ним, это помещение в брошюре их кратких авторефератов (сжатое изложение планов). Но, во всяком случае, теперь решено, что брошюру мы выпускаем. Потому пиши свою статью (расширь её и сделай очень точной и ясной) и присылай мне. Качоровский очень просит меня присоединить и свое имя. Если я найду это нужным для дела и найду подходящую форму, я это сделаю — твои подозрения относительно моего гражданского мужества неосновательны (другая сторона находит, что мое гражданское мужество доходит до легкомыслия...). Во всяком случае, я это решу только тогда, когда буду иметь в руках и твою, и Качоровского статьи. Итак, пиши свою статью и присылай мне (это не спешно — раньше конца августа сдавать в набор не стоит), а с Кор[енчевским] и Люб[имовым] пока не связывайся — я тебе напишу, как надо будет поступить (написать им краткие авторефераты недолго). Не найдешь ли ты возможность сделать следующее: заплатить Качоровскому за его статью хотя бы минимальную плату — франков 200 (его статья будет $\frac{3}{4}$ листа — лист). Он буквально умирает с голоду (живет на 300 фр. в месяц) и больно заставляя его работать, не дав ему ни гроша³. Разумеется, никому другому (в особенности тебе) платить гонорар нельзя — это произвело бы дурное впечатление на Четверикова (так фамилия даятеля?)⁴. Если ты найдешь это возможным, сообщи мне — я пошлю ему, а сам получу с тебя, когда выйдет брошюра. Сейчас предстоят редакционные собрания — положение трудное, ибо у нас две стороны (я с Рудневым и Вишняк с Авксентьевым), далеко разошедшиеся. А между тем, я ясно сознаю, что разрыв был бы вреден для дела и общественно не оправдан. При таких условиях ставить остро вопрос о вашем участии в журнале было бы неразумно. Сделаю это, если найду положение благоприятным. Мое твердое желание, чтобы вы вернулись в журнал, и я не сомневаюсь, что мне это удастся, если вы сами не будете мне в этом мешать⁵.

Несмотря на крайнюю загруженность работой, живу я отлично. Здоровье удовлетворительно, в Париже жарко, но тихо, с Курочкой [А.О. Фондаминской] мы мало видимся, но живем дружно. Последние дни снова принялся за работу по Империи — загрузил себя книгами⁶. В октябре едем с Курочкой в Прибалтику — получил приглашение читать лекции (оплачивают проезд и по 10 долл. за лекцию!). «Совр[еменные] зап[иски]» процветают; большие планы на издательство. А в основе всего — душевная бодрость и бьющая ключом энергия.

Курочка благоденствует. Вл. Мих. [Зензинов] уехал в Пиренеи — в доме тихо.

Как только выяснятся наши редакционные дела, напишу вам. Продала ли ты роман только газете «Возрождение» или и издательству для печатания отдельной книжкой? Выходят ли твои «Дневники»⁸?

Будь здорова, родная. Поправляйся и будь бодрой. Крепко тебя целую. Поцелуй Димитрия и Володю. Любящий тебя

И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 79). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, Villa Tranquille, rue Jerome Czernicky, *Le Can[net]*»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 19.VII.1929»; «Cannet; 20.7.29».

¹ Кочаровский (Качоровский) Карл-Август Романович (1870 — после 1941), экономист, статистик. Речь идет о брошюре: Что делать русской эмиграции: Статьи З.Н. Гиппиус и К.Р. Кочаровского / С предисл. И.И. Бунакова. Париж: Родник, 1930. Как следует из дальнейшего, обсуждалась возможность участия в сборнике и других авторов.

² Под Любимовым здесь может иметься в виду как Лев Дмитриевич Любимов (1902—1976), журналист, сотрудник «Возрождения», впоследствии вернулся в СССР, автор мемуаров «На чужбине», так и Николай Гольденвейзер-Любимов, издавший брошюру «Да здравствует эмиграция!» (Париж, 1929), разбору которой была посвящена статья Гиппиус «Дело эмиграции — дело России» (Возрождение. 1929. 21 мая. № 1449. С. 2—3). О возможности сотрудничества Любимова (кем бы он ни был) в сборнике см. следующее письмо. Коренчевский Владимир Георгиевич (1880—1959), патолог, бактериолог, геронтолог, общественный деятель. Жил в Англии. Эпизодически печатался в «Вестнике РСХД» (см.: *Коренчевский В., проф.* Монастырская жизнь в миру // Вестник РСХД. 1926. № 12. С. 13—14; *Он же.* Кризисы в кружках // Там же. 1928. № 4. С. 15—18).

³ 13 марта 1929 г. Фондаминский писал Вишняку: «Пришли мне 100 фр. для Кочаровского за февраль и март (ты мне дал за дек[абрь] и янв[арь]). От него отчаянные письма — пересылаю последнее. Ответь ему на литературные вопросы, по возможности, мягко. Я ему пишу, что буду посылать по 300 фр. в месяц» (Ред., п. 204).

⁴ Четвериков Сергей Иванович (ок. 1849—1929), в России известный промышленник, общественный деятель (октябрист), корреспондент Гиппиус. В книге «Что делать русской эмиграции» было напечатано его письмо к ней и его некролог «Памяти ушедшего», написанный Гиппиус.

⁵ 7 мая 1929 г. Фондаминский писал Вишняку об очередных задачах журнала: «Взять роман у Гиппиус, привлекая её к публицистическому сотрудничеству» (Ред., п. 216). В то время из такого сотрудничества ничего не вышло.

⁶ Речь идет о работе над дальнейшими статьями из цикла «Пути России». В печати они стали появляться только с 1932 г. (кн. 48).

⁷ Речь идет о романе Гиппиус «Чужая любовь», печатавшемся в газете «Возрождение» с 25 июля по 3 сентября 1929 г. Отдельно издан он не был.

⁸ См.: *Гиппиус З.* Синяя книга: Петербургский дневник 1914–1918. Белград: Рус. библиотека, 1929.

151. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 15 октября 1929 г.

15 X 1929.

Родная Зиночка,

не сердись на меня за молчание и не огорчайся: меня «не хватает» на письма. Журнал, издательство, доклады, кружки, а главное, спешное дописывание материала об Империи (к отъезду в Грасс надо закончить чтение) не оставляют свободной минуты. А здоровье мое требует спокойной, нормальной жизни! Но это я только в оправдание: вообще же я очень доволен жизнью. О нашей брошюре:

1. Деньги я получил (1000 фр.) и известил жертвователя о получении.

2. С Любимовым я долго говорил — он бесполезный человек. Я старался направить его деятельность по линии, на которой он не был бы *вреден*. Не надо его отталкивать, делать из него врага, но рассчитывать на него нечего. Если его статья не годится, откажись от нее под к[аким]-н[ибудь] деликатным предложением («от него хотели только *краткого* автореферата, ибо вся брошюра рассчитана на два листа; если он согласен дать такой *автореферат* в 5 стр., мы его охотно напечатаем, если нет, придется отказаться от его статьи»).

3. Я знаю об «объединении» и знаю, что оно ничего общего с нашей идеей не имеет. Объединились 4 крупных организации (Земгор, Федор[овский] комитет, Красный Крест и Инвалиды), чтобы объединенно выступать перед американцами и получать у них деньги¹. Это отлично, но нами поставленной задачи даже не затрагивает. Оставь и Коренчевского строить новые комитеты. Наша задача будить толщу эмиграции и толкать ее на самодеятельность. В этом смысле всюду идет большое брожение.

Потому прошу тебя, не задерживаясь, заканчивать твою статью. Если я сумею, я напишу 2 странички «предисловия» (хотя это немного смешно); если нет, мы напечатаем твою статью и Кач[оровского]. Поверь мне, это будет хорошее и нужное дело — брошюру с вниманием прочтут тысячи «беспризорных». Если тебя смущает появление вдвоем с Кач[аровским], то в самой статье или примечании ты можешь сказать, что эта брошюра выходит при моей инициативе и участии (в том случае, если я не напишу предисловия). Словом, доканчивай и присылай статью — об остальном мы сговоримся. Наметь в статье Кач[оровского], что надо выкинуть — я это сделаю. Пришли, пожалуйста, свой «Дневник» — очень боюсь, не вызовет ли он снова волнений в редакции, настроенной к тебе сейчас довольно мирно². Если ты еще не вошла в соглашение с «Возрождением», мой совет — не входи. Пиши в «Сегодня», как это и не ограничивает гонорар³. Тебе надо идти по пути примирения с левой общественностью, а пока ты будешь работать в «Возрождении», это невозможно. Если же ты это уже сделала ради «хлеба», то, по совести, не могу тебя за это осудить. Сам я подготавливаю ваше возвращение в

«С[овременные] з[аписки]» и убежден в успехе, если вы не наделаете каких-нибудь неосторожных шагов.

Когда вы возвращаетесь?

Мы с Курочкой [А.О. Фондаминской] живем хорошо. В Грасс поедem только 1-го января — значит, еще проживем вместе в Париже. Будь здорова и бодра, родная. Мы тебя и Димитрия крепко любим и целуем. Поцелуй Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 79). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, Villa Tranquille, rue Jerome Czernicky, *Le Cannet* (A[lpes-]M[aritime])»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 15.X.1929».

¹ Об этих обстоятельствах достоверных данных нам собрать не удалось.

² На появление «Синей книги» СЗ специально не откликнулись.

³ Сотрудничество Гиппиус с «Возрождением» окончилось в декабре 1929 г., однако после окончания печатания романа «Чужая любовь» в нем появлялись лишь перепечатки ее ранних стихотворений. С рижской газетой «Сегодня» Гиппиус начала сотрудничать еще в 1920 г., однако как раз в это время печаталась там немного. Полный перечень ее публикаций см.: Абызов. Русское печатное слово в Латвии. Ч. 1. С. 373–375. Переписка с редакцией газеты — см.: Русская печать в Риге. Кн. 2. С. 115–117; Кн. 3. С. 120–127; Кн. 4. С. 86–89; Кн. 5. С. 77–78.

152. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 10 ноября 1929 г.

10 XI 1929

Родная Зиночка,

статьи получил и очень обрадовался, ибо стал уже отчаиваться. Статья мне понравилась — спокойный и верный тон. Я вычеркну 2–3 «ненужных» фразы. У Качоровского выброшу начало. Сейчас статьи читает Руднев, который тоже увлечен нашим делом и сочувствует нашей брошюре. На днях сдам её в печать и пришлю тебе корректуру. Корректура будет готова, напишу «предисловие» — 2–3 странички. Думаю, всё это не займет много времени, и через месяц брошюра выйдет. Сообщи об этом Четверикову. Любимову напиши, что ты не нашла возможным напечатать его статью — зачем же обижать человека, не отвечая ему?

«Синюю книгу» мне не прислали — пожалуйста, распорядись.

Я живу хорошо, только мало успеваю заниматься научно. Главное занятие — чтение докладов. Всюду пропагандирую нашу идею. А затем журнал и издательство. Слышал, что ты принимаешь близкое участие в новом журнале «Числа» — я радуюсь этому¹. Будь, пожалуйста, осторожна — мне хочется подготовить твое возвращение в «С[овременные] з[аписки]». Моя мечта — работать с вами вместе.

Крепко тебя, родная, целую. Поцелуй Димитрия и Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 79). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, Villa Tranquille, rue Jerome

Czernicky, *Le Cannet* (A[lpes-]M[aritime])»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 11.XI.1929».

¹ Первый номер журнала «Числа» появился в марте 1930 г., сдвоенный второй-третий — в начале октября, четвертый вышел 25 января и поступил в продажу 29 января 1931 г. (он был помечен на титуле: 1930/1931). В первом номере были напечатаны стихи Гиппиус и начало «Литературных размышлений» Антона Крайнего.

153. Фондаминский — Мережковскому *Paris. 18 ноября 1929 г.*

18 XI 1929

Дорогой Димитрий,

только вчера впервые предложил редакции напечатать в «С[овременных] з[аписках]» отрывки твоей «Атлантиды» — до сих пор (с лета, когда тебя видел) не решался предложить, опасаясь получить отказ. Моя выдержка дала блестящие результаты — предложение было принято без всяких возражений¹. Прошу тебя немедленно печатать *всю* рукопись и сообщить, когда книга выходит в свет. Редакция решила печатать отрывки из «Атлантиды» в одной или в двух книжках, в зависимости от того, сколько она найдет подходящих для журнала отрывков и в зависимости от времени выхода книги. Ближайшая книга «С[овременных] з[аписок]» выходит 15-го янв[аря], а следующая 15-го апреля. Итак: 1) присылай немедленно *всю* рукопись; 2) сообщи сроки выхода книги (можно ли печатать в апрельской книжке; 3) наметь отрывки, которые ты сам предпочитаешь для напечатания. Очень счастлив, что дело уладилось и что ты снова появишься на страницах «С[овременных] з[аписок]».

Скажи Зине, что она может послать в «Сегодня» отрывок из своей статьи — это только поможет брошюре². Корректуру скоро пришлю. Курочка [А.О. Фондаминская] и я крепко вас целуем и неизменно любим.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 4. F. 21).

¹ См.: *Мережковский Д.С.* Отчего погибла Атлантида?: (Из книги «Тайна Запада») // СЗ. 1930. № 43. С. 213–246.

² Она так и поступила. См.: *Гиппиус З.Н.* Дело эмиграции // Сегодня. 1929. 22 дек. № 354.

154. Фондаминский — Гиппиус *Grasse. 7 апреля 1930 г.*

7 IV 1930

Родная Зина,

послал тебе мой доклад — прочти его, пожалуйста¹. Читала ли ты статью К. Зайцева в «Р[оссии] и сл[авянстве]» (предыдущий номер) о нашей брошюре²? Наде-

юсь, будут статьи и в других органах — до сих пор я не торопил из-за дела Кутепова³. Посылаю тебе вырезки из письма Руднева⁴. Если тебе нужны еще брошюры, попроси Володю зайти к Коварскому и взять⁵.

Мы живем тихо. Курочка [А.О. Фондаминская] собирается тебе писать. Я работаю. Мы остаемся здесь до июля — поживем вместе. Крепко тебя целую.

Твой Ил[ья]⁶

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 80). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, 11bis rue Colonel Bonnet, Paris XVI»; адрес отправителя: «Fondaminsky, Villa Belvédère, Grasse»; почт. шт.: «Grasse, 9.IV.30».

«Вырезки из письма Руднева», о которых идет речь, — это отзывы о брошюре, переписанные Рудневым и посланные Фондаминскому в письме от 25 марта 1930 г. (см.: Ред., п. 234): «Подумай, отвечай. Кстати, вот два отзыва в письмах ко мне:

1. *Гаррик*: “С очень многим во всех трех статьях я согласен, кое с чем — нет. Мимолетная мысль Бунакова о еврейском народе⁷ гораздо дольше остановила мое внимание и привела меня к мысли о *единственном* цементе для русской эмиграции — общности ее культурных корней.

Экономической организации эмиграции я не могу придать большого значения; она идет самотеком, и здесь национальный момент не может резко проявляться. Люди в преследовании своих экономических интересов связываются с соответствующими элементами того народа, среди которого они живут. Это естественно и иначе быть не может. Отсюда я не могу принять постановку З.Н. Гиппиус о “социально-экономическом” принципе объединения, о чем она неоднократно повторяет⁸.

Очень я солидарен с мнением Четверикова, что нет худшего врага всякому началу, как отсрочка⁹. Кочаровский также напрасно напирает на хозяйственное объединение. Условия такого объединения слишком тесно сплетаются с юридическими и бытовыми условиями данной страны, чтобы иметь в себе что-нибудь специфически русское. В статье Кочар[овского] много благих пожеланий, много хорошего теоретизирования, с которым нельзя не согласиться, но кот[орое] не приближает практического разрешения вопроса...”

В заключение Гаррик настойчиво требует *немедленного* приступа к образованию “Лиги русской культуры”¹⁰, — просит адрес Кочаровского и т.д. Вот-то ответит душу друг с другом! — оба многословные и оба фантасты.

2. *Хирнова*¹¹ из Праги. “По-моему, брошюра очень удачная, особенно удалась статья Ил. Исид. Во всяком случае, брошюра здесь заинтересовала и ходит по рукам. У меня она была буквально вырвана из рук С.В. Паниной и Н.И. Астровым¹². Там, кажется, собирались, читали вслух и обсуждали. Задела за живое. В следующий вторник иду к бабушке¹³ читать ей брошюру” (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 4. F. 21).

¹ *Бунаков И.И.* Мирозозерцание и политика: (Доклад И.И. Бунакова и прения по докладу) // Бюллетень Республиканско-демократического объединения. 1930. № 5. С. 21–32; 32–54. 15 марта Фондаминский писал Вишняку: «не отвечал тебе, ибо писал доклад для “Бюллетеня РДО”. Вышла целая статейка в лист. Даже жалко отдавать её туда» (Ред., п. 230).

² См.: *Зайцев К.* «Что делать русской эмиграции?» // Россия и славянство. 1930. 29 марта. № 70. С. 5. Зайцев Кирилл Иосифович (впсл. архимандрит Константин; 1887–1975), журналист, лит. критик, в 1928–1934 гг. — главный редактор газеты «Россия и славянство».

³ Кутепов Александр Павлович (1882–1930?), генерал, начальник Русского Общевоинского союза. 26 января 1930 г. был похищен в Париже агентами советской разведки. Преступ-

ление не было раскрыто. По сведениям последнего времени, то ли был убит при сопротивлении, то ли умер от сердечного приступа на пароходе по пути в СССР.

⁴ Текст вырезок см. выше.

⁵ Коварский Илья Николаевич (Свенцянский Иуда Натанович; 1880–1962), врач, издатель, общественный деятель (эсер). Владелец книжного дела «Родник».

⁶ О ком идет речь, нам неизвестно.

⁷ Ср.: «Еврейский народ две тысячи лет пробыл в изгнании, сохранился, окреп и теперь закладывает камни своей возрождающейся государственности. Неужели миллион русских людей [...] не найдут в себе моральной крепости и стойкости – не потерять своего лица, не рассыпаться на миллион пылинок, не слиться с теми народами, которые их в изгнании приютили?» (Булаков И. Что делать русской эмиграции? // Что делать русской эмиграции. С. 3).

⁸ См., напр.: «в данном случае речь может идти лишь о том первом объединении, на почве которого уже создаются все другие, т.е. объединении социально-экономическом. Да не одно ли оно как всеобщее и возможно при “народном” характере зарубежной Руси? Можно ли связать “народ” какой-нибудь одной умозрительной нитью? [...] Да чтобы расти внутренно, народу вовсе и не нужно терять свою сложность: но ему нужно *быть*, т.е. существовать, прежде всего как организм в социально-экономических условиях» (Там же. С. 12), и мн. др.

⁹ Практически точная цитата из письма С.И. Четверикова к З.Н. Гиппиус от 23 мая 1929 г. (Там же. С. 20).

¹⁰ «Лига русской культуры» существовала в 1917 г., в эмиграции восстановлена не была.

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² Панина Софья Викторовна (1871–1957), видная общественная деятельница; Николай Иванович Астров (1868–1934), ее муж, председатель Пражского союза писателей и журналистов, организатор и руководитель Русского зарубежного исторического архива.

¹³ Явно имеется в виду не действительная бабушка корреспондентки, а «Бабушка русской революции», общеизвестное прозвище Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской (1844–1934), которая жила в Праге.

155. Гиппиус — Вишняку

Paris. 22 июля 1930 г.

11^{b[is]}, av[enue] du Col[onel] Bonnet, Paris 16^e
22-6-30

Дорогой Марк Вениаминович,
во исполнение сказанного, посылаю вам эту «неприятную во всех отношениях» книгу¹. Неприятность внешнюю (опечаток) я кое-где исправила, хотя я и не надеюсь, что вы ее будете очень внимательно читать...

Во всяком случае я прошу об одном: верить моей искренности, а уж каков человек ни есть – кто его исправит?

С лучшими чувствами

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Пневматическое письмо; адрес получателя: «Monsieur M. Vichniak, 11, rue Claude Lorrain, Paris 16^e»; адрес отправителя: «Z. Hippus, 11^{b[is]}, av. du Col[onel] Bonnet, Paris 16^e»; почт. шт.: «Paris, 25.VI.1930». По-мета рукой Вишняка: «42». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 448.

¹ Речь о «Синей книге» Гиппиус (см. п. 156). Во фразе содержится отсылка к известной формуле Н.В. Гоголя «дама, приятная во всех отношениях» («Мертвые души», ч. 1, гл. 9).

156. Гиппиус — Вишняку

Le Cannet. 25 июля 1930 г.

25-7-30

Villa Tranquille, Le Cannet, A[lpes-]M[aritime]

Дорогой Марк Вениаминович,
простите, что не сразу исполняю вашу просьбу — известить о получении нами гонорара: помешали суетливые дела, а главное, нездоровье. Шлю вам теперь и запоздалое спасибо за ваше милое письмо в Париж, на обещание прочесть «Синюю книгу» — надеюсь.

«Совр[еменные] записки» полностью еще прочесть не успела; жаль, что мне негде о них писать! А вот два маленьких технических вопроса: как случилось, что мои корректурные поправки не вошли в стихи¹? Когда, в парижском письме, вы просили меня вернуть корректуру Недошивиной², она (корректурa) уже была отослана! И второй вопрос: кто, в последнюю минуту, вынул мое «сердце»? В корректуре оно было цело, а в книге вместо него пустое белое место! (См. 1 строку последнего четверостишия «В старом замке»³.) Это со мной только в «Совр[еменных] зап[исках]» случаются такие вещи. Да и знак-то какой, — похищенное «сердце»! В конце концов, Вейдле в «Возр[ождении]» и прав, указывая, что стихи мои созданы рассудком...⁴ тем, что у меня осталось (не плохая вещь, а все же...).

Благодарю за весть о Фонд[амински]х, от них ничего непосредственно не имею. В Париже ли они еще? Там, говорят, ужасная погода, а здесь — дивный, свежий рай. Ни малейшей жары. А вы, пожалуй, найдете дождь и там, куда уедете. Желаю вам ясной прохлады и хорошего отдыха. ДС шлет свой самый горячий привет, а я, с тем же, просьбу не забывать верно вам преданную

З. Гиппиус

P.S. А куда девались все солдаты de malheur⁵?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «43». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 448.

¹ Имеется в виду публикация: *Гиппиус З.Н.* Опрошение («Армяк и лапти... да, надень, надень...»); На — крест («Стены белы в полунощный час...»); Мир сей («Прости меня за тех, кого я...»); Звездобийца («Все, что бывает, не исчезает...»); Горное («Освещена последняя сосна...»); В старом замке («Птичий вскрик зеленой ночью...»); Смотрю («Я сужен на единой Мысли...») // СЗ. 1930. № 43. С. 208–210.

² О Н.А. Недошивиной см.: Ред., примеч. 15 к п. 109.

³ Данная строка читается: «И только сердце» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. С. 361).

⁴ Ср.: «В русской поэзии никогда не было стихов столь “себе на уме”, столь знающих и искусственных, столь рассудком не проверенных, а созданных» (*Вейдле В.В.* «Современные записки» XLIII (часть литературная) // Возрождение. 1930. 24 июля. № 1878. С. 3).

⁵ несчастные (фр.). Гиппиус спрашивает о романе И.С. Шмелева «Солдаты», началом печатанием в № 42. Об истории прекращения его публикации см.: Вишняк 1993. С. 130–131.

157. Гиппиус — Вишняку
Le Cannet. 30 июля 1930 г.

30-7-30

Villa Tranquille, Le Cannet, A[lpes-]M[aritime]

Дорогой Марк Вениаминович,
 свойство ваших писем такое, что на каждое (мне, по крайней мере) тотчас хочется ответить. А я корреспондент неважный, особенно в летнее время.

Написать в «Свободу», о кот[орой] вы столь иронически отзываясь, не имею достаточно бескорыстной энергии: там пишут даром. В «Сегодня» же всякая «критика» исключена: там позволяется только распинаться, и только Пильскому, и только в подпитии¹.

Если в похищении моего сердца не вы повинны², то расследовать дело, просто из любопытства, следует. Что касается выключенных вами дат, то это, в сущности, меня не трогает. Как вам захотелось. Только вот причины, по которым вам этого захотелось, — по-моему, неверны. Я не страдаю самоуверенностью, не «задаюсь на макароны»³, — слава Богу! Но я знаю меру давнего внимания (к моему стихотворчеству), благодаря которой всем давно известно, что скупые мои стихи я *терпеть не могу печатать*, и чем они мне кажутся удачнее, тем больше я их не печатаю. У меня и сейчас есть несколько, отнюдь не сегодняшних, которые я даже в I № «Чисел» не отдала, где стихами желали вообще щегольнуть⁴. Это же неизменное читательское внимание не позволило бы никому предположить, что я даю в «Совр[еменные] зап[иски]» «завалывшиеся» стихи, у меня или, того менее, в редакции! Никому бы, право, не пришло в голову, что я, на старости лет, вдруг начала такие несвойственные и небывалые поступки совершать, как рассылка по редакциям стихов и ожидание — примут или отвергнут?

Я, впрочем, понимаю, что, при вашей отдаленности от этой специальной, стиховной, области, ваши соображения, как общие и нормальные, могут явиться. И пишу это просто ради маленькой, неважной, информации.

В Бретани будет выть серый океан, а как свежо и ласково здешнее море! Алданов, которого мы часто видим, в восторге от него и от здешней температуры. Никакой жары! Впрочем все может перемениться, и мы еще вам позавидуем.

Снова шлем, я и Дм[итрий] Серг[еевич], наилучшие вам пожелания приятного отдыха (вопреки «Синей книге») и просьбу не забывать нас окончательно.

Ваша З. Гиппиус

P.S. Как жаль Шмелева! Здесь о его болезни ничего не известно⁵.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 449.

¹ Видимо, Вишняк просил Гиппиус написать в какую-либо из газет, в которых она сотрудничала в это время (варшавскую «За свободу!» или рижское «Сегодня») обзор 43-й книги СЗ, которая вышла 10 июля 1930 г. Петр Моисеевич (Мосеевич) Пильский (1879—1941), беллетрист, литературный критик, журналист, ведущий сотрудник «Сегодня».

² См. п. 156.

³ В нынешнем словоупотреблении просто «задаюсь». См. в стихах Г. Иванова: «Слава, императорские троны, — / Все, о них грустящие тайком, / Задаются вы на макароны, / Говоря вульгарным языком» (*Иванов Г.В.* Стихотворения. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.; М., 2010 («Новая библиотека поэта»). С. 461; ср. коммент. А.Ю. Арьева на с. 710).

⁴ В первом номере «Чисел» Гиппиус опубликовала стихотворения «Вниз» («Нет! из слабости истощающей...»); «Вверх» («Преодолеть без утешенья...»); «Мера» («Всегда чего-нибудь нет...»); «На Croisette» («Зверенок на веревочке, с круглыми ушами...»).

⁵ О болезни И.С. Шмелева см.: Вишняк 1993. С. 131.

158. Гиппиус — Вишняку

Le Cannet. 3 октября 1930 г.

3 окт. 30

Villa Tranquille, Le Cannet, A[lpes-]M[aritimes]

Дорогой Марк Вениаминович,

корр преследует мое сотрудничество в «С[овременных] з[аписках]!»! Вы забыли дать Недошивиной мой адрес, коррект[ура] стихов была послана на Colon[e]l Bonnet¹ и лишь оттуда переслана мне сюда! Между тем, без моих поправок *нельзя* печатать этих стихов! Строки поставлены неверно, нет разделений, а в одном месте даже пропущено целое слово! Поверьте мне, для стихов это столь же важно, как если бы в статье, скажем — в вашей, была везде пропущена частица *не*, и все ваши отрицательные утверждения превратились бы в положительные.

Поэтому я корр[екту]ру посылаю прямо вам, в надежде, что таким образом вы скорее примете те или другие меры, т.е. чтобы стихи были, по «независящим» от меня обстоятельствам, или совсем вынуты или исправлены².

Я только что хотела писать вам ответ (на предыдущее письмо) с выражением крайнего нашего сочувствия. ДС просит вас передать, что слова ваши ему «глубоко близки, гораздо ближе, чем христианская размазня многих»... Мне тоже, только вот маленькая поправка: «выбирать» не надо, выбора нет, ибо те и другие (указанные в вашем письме) *одно и то же*.

А «проклясть обезумевший мир и себя с ним» я весьма склонна, но боюсь, что это соблазн. Во всяком случае — спешить не следует, такая вещь всегда успеется. Подождем еще немножко.

С самым сердечным приветом и с надеждой, что как наши маленькие, так и большие общие дела утрясутся к лучшему.

Всегда ваша

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «44». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 449–450.

¹ Парижский адрес Мережковских.

² Речь идет о публикации: *Гиппиус З.И.* Хорошая погода («Травы, травы, тростники...»); II. Игра («Совсем не плох и спуск с горы...»); III. Быть может? («Как этот странный мир меня тревожит!...») // СЗ. 1930. № 44. С. 210–212. Требуемые поправки, как выясняется из следующего письма, были учтены.

159. Гиппиус — Вишняку
Le Cannet. 6 октября 1930 г.

6-10-30. V[illa] Tr[anquille]

Очень рада, дорогой Марк Вениаминович, если дело со стихами обошлось¹.

Относительно «Чисел»: я во *всех* пунктах присоединяюсь к вам. Но из всех тяжеловесных «пасквильантов» (точно старые коровы разыгрались) рекорд побил, по-моему, ваш же собственный Талин².

Относительно моей статьи: когда вы найдете свободную минутку — не объясните ли вы мне, *почему* вы с ней «не согласны»? Мне бы это было ценно, как информация, ибо я не могла вообразить, с чем тут можно соглашаться или не соглашаться? Мне казалось, что я, со всей ясностью, выразила только самые простые и абсолютно несомненные положения. Вот Оцупа я совсем не понимаю, не понимаю, почему это — «возражение», или почему — что? Даже смотреть жалко³. — У нас с ДС есть еще, поверх ваших, свои причины быть недовольными «Ч[исла]-ми», но это уж другой области касается.

Оцуп просил меня написать для след[ующего] № вторую статью по тому же вопросу (о «политике»), но я тогда еще не знала, что он будет «отвечать», а теперь вижу, что разговаривать с «Ч[ислами]» (да еще там же!) на эту тему бесполезно.

Посылаем вам оба, я и ДС, сердечные пожелания, низкие поклоны.

Ваша З. Гиппиус

P.S. Мне пришло в голову: может быть, вы «не согласны» лишь с тем, что я говорю о «С[овременных] з[аписках]»? Но и это, по-моему, очень простая правда, а кроме этого — существа вопроса не касающаяся.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Сохранился конверт; адрес получателя: «Monsieur M. Vichniac, 11, rue Claude Lorrain, Paris 16^e»; адрес отправителя: «Z. Hippus, Villa Tranquille, Le Cannet, A[lpes-]M[aritime]»; почт. шт.: «Cannes, 7.X.1930». Помета рукой Вишняка: «45». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 450.

¹ См. п. 158.

² Речь идет о статье: *Талин В.И. [Португезис С.О.]* Литератор И.А. Бунин об остальных // Числа. 1930. № 2/3. С. 302–308, где в очень резких выражениях рассказывалось о выступлении Бунина 13 апреля 1930 г. в зале Гаво в Париже. Слова «ваш же собственный» относятся к тому, что автор статьи был постоянным автором СЗ.

³ Имеется в виду полемика внутри «Чисел»: *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]* Литературные размышления // Числа. 1930. № 2/3. С. 148–154; *Оцуп Н.А.* Из дневника // Там же. С. 155–166 (непосредственно полемикой и Антоном Крайним заняты с. 155–157). Предметом полемики было принципиальное отсутствие политических статей. Несколько позже, 12 декабря 1930 г., полемика была продолжена на вечере журнала, где доклад делал Оцуп, а Мережковские оппонировали ему.

160. Гиппиус — Вишняку
Le Cannet. 18 октября 1930 г.

18.10.30

Villa Tranquille, Le Cannet, A[lpes] M[aritime]

Дорогой Марк Вениаминович,
 спешу вам ответить: еще бы мне ничего не знать о «Раечке»! Это одна из его по-
 вестей довольно ранних, — насколько я помню, написана была даже до «Нов[ого]

пути». Я читала ее и в первоначальном виде, и потом, когда она была несколько исправлена. Боюсь утверждать, что появилась она именно в «Сев[ерном] вестнике», но что *появилась* в печати, — под заглавием «*На камни*», — это я утверждаю без страха. И затем, после журнала, она была перепечатана в одной из книжек рассказов Сологуба (под тем же заглавием «*На камни*»). Я оттого *почти* уверена, что появилась она в «С[еверном] вестн[ике]», что уверена в *раннем* написании рассказа, когда не было «Нов[ого] пути», да в книгах «Н[ового] п[ути]» его и нет, как будто¹. Я помню и разговоры об этом рассказе, и о перемене заглавия, помню и ученические тетрадки рукописи (Сологуб всегда так писал, даже роман — гораздо позднейший — «Мелкий бес»)².

Но вот чего я не понимаю: рассказ, конечно, нельзя выдавать за ненапечатанный, ибо он напечатан, — но почему вам его не перепечатать? Он очень хороший, теперь таких не пишут; а кто его помнит? Кто его знает? Бунин, и то постоянно печатает старые свои рассказы; я сама тоже делала это (здесь), никого, конечно, не обманывая, что они уже были напечатаны. Одно только: если рукопись называется «Раичка» [так!] — это рассказ в первоначальном виде; и вряд ли автор был бы доволен такой перепечаткой. Для чего-нибудь он же его исправлял, вплоть до заглавия. Хоть никаких фундаментальных исправлений не было, а все-таки³!

Затем два слова ответа на остальное.

Вы во многом правы. Только не всегда достаточно точны. Я отнюдь не стремлюсь «обновить» политику эстетикой. Старое — только политик, который *борется* против эстетики, и эстет, который *не желает* политики. Таково мое мнение, а основа его (или одна из основ) — здравый смысл.

Затем: что Свят[ополк-]Мирский назвал «С[овременные] з[аписки]» «консервативными»⁴, и когда, — я не знала; а слышала это от Слонима на вечере «Зел[еной] лампы»⁵. Кроме того не раз о «*хранении русск[ой] культуры*» слышала от редакторов «С[овременных] з[аписок]».

Выбирать, конечно, нужно. Однако, если я выберу невесту, которая меня-то не «выберет», то жениться на выбранной не придется же. В монастырь идти — или взять другую, более сговорчивую. Я уж давно на пороге «монастыря» (хотя еще «*послушание*» не принято). Но тут оказалась «невеста» (— шербатенькая, *rien à dire*⁶), но которая принимает меня со всеми моими «статьями», без «рассмотра в лупу», без покаяния в «недосмотре» слишком непочтительного отношения к Горькому, берет меня, каков я есть, даже если я со строгостью и справедливо поучу ее, когда придется.

Может быть, я бы и «выбрала» «С[овременные] з[аписки]». Да вам ли не знать, как они меня «выбирают»?...

Не думайте, что говорю это с обидой; нет, с улыбкой, и просто констатирую факты, объясняю «положение дел» и мое собственное положение ввиду отказа выбранной «невесты».

В остальном, повторяю, я с вами, приблизительно, согласна. Да, еще прибавлю (хотя нужно ли?) — не на всякую сговорчивую невесту я иду: «шербатость» «Чисел» погрузила меня в транс; но что «Числа» — не «Версты», это я знала, и продолжаю думать.

Неэстетичность и безвкусие Талина сделали то, что его статья произвела обратное действие: все сердца обратились к Ив[ану] Ал[ексееви]чу [Бунину] (и мое тоже)⁷. Так же и в упражнениях «моего» «Кондратьева»: я его нахожу столь же (только иначе) *неэстетичным* и *безкусным*. Какое захоlustье! (А ведь хороший, прекрасный *поэт!*)⁸.

Кое-что еще хотела выразить вам (вернее — уточнить вас), но не помню и спешу кончить. Вот какие длинные письма пишет «безработный» критик, — писатель, которому негде писать! От «Чисел» я, вероятно, не откажусь дотла, но мне надо время, чтобы прийти в себя и выработать некоторое «примиренчество». А что вы эту шалую бабу — Цветаеву не печатаете, еще бы! Пример антиэстетической эстетики и дурно пахнущей политики (или вроде).

Не сомневаюсь, что Ил. [Фондаминский] в восторге. Он в нем всегда. Как Фил[ософов?] в озлоблении и обиде всегда. Положим, «*мера* только у Бога»⁹, но зачем же и людям о ней не думать?

Оба кланяемся вам низко.

Ваша З. Гишпиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «46». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 451–452.

¹ Гишпиус несколько путается в обстоятельствах: Раечка — героиня повести Ф. Сологуба «Утешение» (первоначальное название «На камни»). Работа над ней шла в 1896–1899 гг., ранний вариант был отвергнут редакцией журнала «Северный вестник» и полностью она была напечатана в журнале «Север» (1899. № 15–21), вошла в сборник «Жало смерти» (М., 1904) и в собрание сочинений. Несколько подробнее, с приведением цитат из раннего варианта, см.: Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М., 2007. С. 170–172, 190–194. Приносим благодарность М.М. Павловой за консультацию.

² Как правило, Сологуб начинал работу на карточках, делая их из листов ученических тетрадок, разорванных на 6 частей, потом переписывал в ученические тетради. Описание работы (на примере рукописей «Мелкого беса») см. в ст.: Павлова М.М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Федор. Мелкий бес. СПб., 2004. С. 743–757. Ср. также рассказ Гишпиус о чтении «Мелкого беса»: «Помню кипу синеньких ученических тетрадей из магазина Полякова, исписанных высоким, ясным почерком Сологуба. Их было очень много, но, не перебрав все, — невозможно было остановить чтение» (Гишпиус З. Слезинка Передонова // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб., 1911. С. 74). Слова Гишпиус о «Мелком бесе» «гораздо позднейший» действительности не соответствуют: работа над ним шла с 1892 г. и ранняя редакция была закончена летом 1902 г.

³ Рассказ (или повесть) Сологуба в СЗ напечатан не был.

⁴ Ср.: «Современные записки», орган правых эсеров — орган русского либерального консерватизма» (Святополк-Мирский Д. «Современные записки» (I–XXVI. Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты. 1926. № 1. С. 206).

⁵ См. в «Литературных размышлениях» Антона Крайнего: «Кто-то недавно сказал, что «Современные записки» — «консервативны». Это определение верно и *точно*. Создатели журнала такую и задачу себе сознательно поставили: консервирование, т.е. собиране и сохранение «русской культуры»» (Числа. 1930. № 2/3. С. 149). Реплика критика Марка Львовича Слонима (1894–1976), вероятно, прозвучала 15 апреля 1930 г. на собрании «Зеленой лампы», где проходило собеседование на тему «Чего они хотят?» («Современные записки» и «Числа»).

⁶ ничего не скажешь (фр.).

⁷ См. примеч. 2 к п. 159.

⁸ Речь идет о статье: *Кондратьев А. К юбилею В.Ф. Ходасевича // Числа. 1930. № 2/3. С. 311–314.* На деле автором этой статьи был Г.В. Иванов. Подробнее см.: *Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 376–391.* Гиппиус отчетливо понимала непристойность выходки Иванова, поскольку знала реального поэта и прозаика Александра Алексеевича Кондратьева (1876–1967) еще со времен журнала «Новый путь» и имела возможность регулярно читать его публикации в газете «За свободу!».

⁹ Из стихотворения Гиппиус «Мера» (*Гиппиус З.Н. Стихотворения. С. 264*).

161. Фондаминский – Гиппиус

Paris. 28 октября 1930 г.

28 X 1930

Родная Зина,
редакция просит тебя дать для следующего 45-го номера (44-й уже вышел) статью о французской литературе. Редакция хотела бы, чтобы ты написала о Прусте, но если тебе это трудно, то о ком-нибудь другом (ты называла к[акое]-т[о] имя). Статья должна быть в 30–35 т. знаков – не больше. Сдать статью надо к 15-му декабря. Позволь считать твое согласие полученным...¹ Еще прошу тебя никуда, кроме «С[овременных] з[аписок]», своих стихов не отдавать – твои стихи в этом номере замечательны².

Не писал тебе, ибо только недавно (15 дней) вернулся в Париж. Объехал Болгарию, плывал 7 дней по Дунаю мимо 6 государств (Австрия, Чехия, Венгрия, Сербия, Болгария, Румыния), был в Праге, Дрездене, Берлине и Данциге. Сам чувствовал себя отлично, забыл о всех горестях, видел много интересного. Но впечатление от средней Европы тяжкое – она очень больна. Германия производит отвратительное впечатление – залита огнями, богатство, роскошь и, вместе с тем, смертельная обида на всех и готовность хоть с чертом (большевиками) лезть на всех. Впервые после войны я почувствовал реальность тревоги Димитрия. Думаю всё-таки, что если действительно черт не попугает Европу, всё обойдется – но прежней уверенности далеко нет. Здесь ничего особенно интересного не нашел, но всё-таки думаю, что и эмиграция накануне к[акого]-то движения. Курочка [А.О. Фондаминская] как будто понемногу отходит. Сам я поглощен журналом, издательством и библиотеками – дочитываю перед тем, как засесть в Грассе за писание. Когда тронемся в Грасс, еще не знаю. Напиши о ваших планах, чтоб нам не разъехаться. Думаю, что мы увидимся в Париже. Я себя чувствую хорошо – и физически и духовно. В путешествии чувствовал себя еще совсем молодым (в четверг мне 50 лет). Тебя и Димитрия искренне люблю. Поцелуй его и Володю. Курочка всех целует.

Твой Илья

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 80).

¹ Такой статьи Гиппиус не написала.

² См. примеч. 2 к п. 158.

162. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 10 ноября 1930 г.

10 XI 1930

Родная Зиночка,
пиши о Жуандо¹, но прошу тебя, чтобы статья была готова для этой книжки, т.е. не позже 15–20-го декабря. Это важно, ибо мы оставили для нее место в номере. 30 т. (¾) — для такой статьи времени достаточно. Рецензия на Г. Иванова нам не нужна, ибо мы напуганы «семейным» характером критики «Чисел» и предпочитаем поменьше писать об эмигрантской литературе — очевидно, тут беспристрастие невозможно².

Относительно Екатерины Михайловны [Лопатиной] дело обстоит хуже: «С[овременные] з[аписки]» ее статьи печатать не хотят — тема кажется недостаточно значительной. Буду пытаться устроить ее в «Числа». Может быть, ты это можешь сделать легче? Если ты думаешь, что это так, я тебе перешлю статью — иначе сам пойду к Оцупу. Екатерину Михайловну не огорчай преждевременно — я надеюсь где-нибудь ее статью напечатать³.

Ты мне не написала о ваших планах. Когда вы возвращаетесь? Мы думаем ехать во второй половине декабря.

Я много работаю по журналу, издательству и тысяче других дел. Настроение бодрое и хорошее. Произнес большую речь в «Днях»⁴. Писать буду в Грассе. Курочка [А.О. Фондаминская] живет тихо — как будто чуть-чуть лучше.

Жду от тебя ответа — ты обещала мне не чинить препятствий.

Крепко тебя целую. Поцелуй Димитрия и Володю.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 80).

¹ Марсель Жуандо (Jouhandeau; 1888–1979), французский писатель. Его имя как автора «высокой» литературы Гиппиус упоминала в статье «Авантюрный роман», однако специально о нем не писала.

² Кажется, единственная книга Г.В. Иванова, которую могла предложить отрецензировать Гиппиус, — «Петербургские зимы» (Париж: Родник, 1928). Его новая книга стихов «Розы» вышла только в 1931 г. Отметим, что, судя по письмам, Гиппиус не очень высоко ценила «Петербургские зимы».

³ Речь идет о воспоминаниях К. Ельцовой (Е.М. Лопатиной) о брате, философе Л.М. Лопатине (см.: Ред., примеч. 7 к п. 247). В «Числах» Лопатина не печаталась.

⁴ Речь идет о собрании «Дней» 6 ноября в Musée Social с обсуждением доклада А.Ф. Керенского «Перераспределение сил — перемена тактики» (Хроника. Франция. Т. 2. С. 103). Отчеты — ПН и «Возрождение» 9 ноября, «Дни» — 16 ноября.

163. Фондаминский — Гиппиус

Paris. 17 ноября 1930 г.

17 XI 1930. 1, rue Chernoviz, Paris

Родная Зина,
я взываю к твоему разуму и нашей дружбе. Летом мы с тобой обсудили вопрос о твоём возвращении в «С[овременные] з[аписки]» и *пофешили*: я хлопочу об этом в редакции, а ты не ставишь препятствий моим «демаршам» своей строптивостью.

Как темы, наиболее безопасные *для начала*, мы совместно выбрали: «о французской литературе». Я предлагал Пруста, ты остановилась на Жуандо. Я свое обязательство выполнил: редакция приняла мое предложение. Теперь ты сразу ставишь препятствие — этим ты нарушаешь наше соглашение и ставишь меня в невозможное положение. Ведь главное возражение против тебя — не в твоих взглядах, а в трудности вести с тобой дело. Я убеждаю редакцию, что это не так — ты немедленно настаиваешь, что это именно так. И при всем желании нельзя понять, чем ты недовольна. О Жуандо тебе предлагают написать не «рецензию», а *статью* — искренне думаю, что для критической статьи об иностранном авторе 30 т. знаков, т.е. 12–13 страниц большого формата достаточно. Но, разумеется, если ты напишешь лишних 2–3 страницы, никто спорить с тобой не будет. Да ведь ты о Жуандо больше 12–15 стр. и сама не напишешь — о чем же ты споришь? То же о сроке: я думал, что 1½–2 месяца для такой статьи срок достаточный, и в этом случае статья попадет в этот номер. Если же ты к этому сроку поспеть не можешь, то напиши мне, что статья будет готова позже — к такому-то сроку. Я буду это знать, и мы оставим для нее место в следующем номере. Почему русские люди не могут сговориться даже о такой простой вещи¹?

Насчет Г. Иванова, позволь мне не поверить твоей непонятливости. Стихи его прекрасны, но его рецензия на Сирина и пасквиль на Ходасевича — не литература...² А ты, вместо того, чтобы указать ему это, поощряешь его (в своей статье)³. Что же тут удивительного, что нам хочется возможно меньше «критики» эмигрантских писателей друг о друге. Поведение «Чисел» в этом вопросе меня глубоко огорчило, несмотря на мое всяческое сочувствие журналу.

Не могу согласиться и с твоей оценкой моего положения в редакции. Оно очень простое: я член коллектива, а не единоличный руководитель. Статьи Е.М. [Лопатиной] я не заказывал, а убеждал ее писать в надежде, что статья редакции понравится. К сожалению, это оказалось не так — думаю, что редакция ошибается. Но ведь и я часто не пропускаю статей, которые нравятся другим членам редакции — что же тут ненормального. Когда же ты пишешь, что «ненормально» только твое положение — такой блестящий талант как твой наполовину пропадает даром, ибо ты не признаешь никаких «коллективов»⁴. Ну, довольно ссориться — всё равно друг друга не убедишь. Напиши свое мнение о моей речи — она вызвала много шума; внешне, видимо, на этот раз я говорил хорошо⁵.

Я живу «густо», даже выспаться не успеваю. Каждый день часа 3 провожу в библиотеке. А остальное время — журнал, издательство, новые литературные предприятия и тысячи разных дел (протест среди французских писателей против казней в России⁶). Дома у нас несколько дней волнение — кот хворал. Два раза был доктор, и Курочка [А.О. Фондаминская] ходит заплаканная (отравление костями). Бог даст, всё обойдется.

Прошу тебя ответить мне по-хорошему — статья будет тогда-то, пусть к следующему номеру, — иначе мне стыдно будет глядеть в глаза Вишняку и Рудневу.

Будь здорова, родная. До скорого свидания. Крепко целую тебя, Димитрия, и Володю.

Твой Ил[ья]

[sic!], *Cannet* (A[lpes-]M[aritime])»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 rue Chernoviz, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 21.11.30»; «Le Cannet, 23.11.30».

¹ Статьи о французской литературе Гиппиус не написала, однако в следующем номере журнала появилась первая ее статья после долгого перерыва: *Гиппиус З.Н.* Авантюрный роман // СЗ. 1931. № 46. С. 458–463.

² Пасквиль на Ходасевича — см. примеч. 8 к п. 160. Рецензия на Сирина — см.: *Иванов Г.* [Рец. на кн.:] В. Сирин. «Машенька». «Король, дама, валет». «Защита Лужина». «Возвращение Чорба» // Числа. 1930. № 1. С. 233–236.

³ Гиппиус писала о рецензии Иванова: «Это заметка — очень стройно и прямо выраженное *мнение* критика о писателе, о романе “Защита Лужина” (в “Современных записках”). В прежние времена такие (и более остро высказанные) “мнения” спокойно появлялись во всех толстых журналах, до “Вестника Европы” включительно, во всех газетах — до “Речи”. [...] А если вспомнить “Весы” [...] В “Весах” заметка Иванова показалась бы нежным мармеладом» (*Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] Литературные размышления* // Числа. 1930. № 2/3. С. 148–149).

⁴ Содержание этих строк Гиппиус так пересказала в письме к Е.М. Лопатиной: «На другой день после вашего отъезда получила еще письмо от Илюши, довольно обиженное, что я, мол, не понимаю “коллектива”, и что если, мол, Руднев или Вишняк накладывает veto, так он должен подчиняться, а на другие статьи он накладывает... Словом, чепуха, и я там с ним поговорю. Напишу вам, что он еще будет объяснять» (Вестник РХД. 1980. № 132. С. 301). В тексте журнала письмо датировано 24 апреля 1930 г., что является явной ошибкой. Оно должно быть отнесено к 24 ноября 1930 г., что следует как из текста письма, так и из обычного написания Гиппиус, в котором цифры 4 и 11 легко можно спутать.

⁵ См. примеч. 4 к п. 162.

⁶ О чем конкретно идет речь, установить не удалось. Однако, как кажется, существуют две возможности толкования. В публикации «Протесты против расстрела 48-ми» (ПН. 1930. 6 нояб. № 3515. С. 4), в первой ее части, озаглавленной «Резолюция германской Лиги Прав Человека», говорилось: «22 и 25 сентября советская печать сообщила, что 48 специалистов, состоявших на советской службе, принесли ГПУ повинную в том, что саботировали в больших городах советского союза [так!] снабжение предметами первой необходимости. Через несколько дней после этого все 48 были расстреляны». Далее следуют «Резолюция французской Лиги Прав» и «Резолюция Международной Федерации Лиги». Возможно, предполагалось какое-то протестующее против тех же фактов письмо французских писателей. Вторых, дни, непосредственно предшествовавшие письму, были в эмигрантской печати посвящены очевидно для сторонних наблюдателей фальсифицированному «Процессу Промпартии». 12 ноября стало известно о появлении обвинительного акта, 15 ноября в ПН печатались обширные выдержки из этого документа, а в день написания письма на первой странице ПН было напечатано как сенсационное сообщение: «“Врага надо уничтожить!” М. Горький поддерживает ГПУ». Не исключено, что после этой публикации и истерики советской печати, требовавшей для подсудимых смертной казни, Фондаминский решил организовать появление подобного письма. Однако до приговора оно опубликовано не было, а после приговора теряло всякий смысл: действительно, пятеро обвиняемых были приговорены к расстрелу (см.: ПН. 1930. 8 дек. № 3547. С. 1), однако уже на следующий день появилась информация о том, что расстрел заменен 10 годами тюремного заключения.

164. Гиппиус — Вишняку *Paris. 27 февраля 1931 г.*

27-231. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,

мне, как видите, достаточно было двух дней, чтобы прочесть вашу книгу¹ (и не «просмотреть», а прочесть, с карандашом). Не могу не сказать вам о ней двух-трех слов и не хочу этого откладывать.

Я представляю себе, что никто лучше меня не сумел бы написать об этой книге; однако я, вероятно, не стала бы писать о ней, даже если бы имелось у меня для того место. Одно и то же «потому что»: потому, что слишком ваша правда, и в главном, и в деталях, — моя же правда. Слишком они совпадают, иной раз до удивления, до моей улыбки; и если бы я принялась вашу книгу утверждать так, как только и могла бы, — мне стало бы казаться, что это я с жаром утверждаю свое и себя. Я не желаю ни «осмысливать», ни «переосмысливать» это наше совпадение, я просто констатирую факт, добросовестно проверенный. Я, перевертывая страницы, начала, признаться, уж искать чего-нибудь, какого-нибудь вашего (в моих глазах) срыва или срывика (помимо прочего — критик всегда так смотрит) — но вот: говорите ли вы о центральном в вашей книге — Феврале, Октябре, или о самодержавии, или о Маклакове, о Милокове, о Степуне и т.д., нигде не могла я найти слова и мысли, которые не были бы и моими о данном явлении. Доходит порою до мелочей, до одних и тех же цитат, хотя бы у Степуна, на которые мы оба обратили одинаковое внимание, и т.п.

Одно-единственное место показалось мне у вас смутным, т.е. смутно выраженным. Вы говорите (о Феврале): «В жизни часты положения, для кот[орых] благополучного исхода не дано». И далее: «Объективная безысходность положения... в начале, а потом уж явились субъективные ошибки, грехи и трагедии». Ошибка же, говорите вы в другом месте, является иногда преступлением. (С чем и я давно согласна.) Но не в том дело. Я написала сбоку «фатализм», и как иначе, если исход был все равно предрешен? И зачем тогда говорить (тем менее судить) ошибки и грехи людей? Их «личная трагедия» остается, но и она была предрешена, исхода ведь не было? Через несколько страниц вы, однако, отмечаете «чрезмерный» фатализм Милокова. Бывает ли фатализм (безысходность положения), может ли быть то умеренным, то чрезмерным? Он или есть, или его нет. Опасно утверждать существование, да еще «частоту» положений безысходных, т.е. когда оба пути делаются «путями зла», сливаются как бы в один, и приходится покоряться неизбежному. Делать, волей-неволей, «ошибки»... в которых и каяться нечего, ибо кто виновен перед лицом Рока? Выбора ведь не было...

Может быть, к этому же относится и слово ваше, что при «выступлении» Корнилова Вр[еменное] прав[ительство] «вынуждено» было опереться на большевиков. Вы несколько обходите объяснения, почему «вынуждено», оставляя возможность поместить это вынуждение в порядок Рока, где уж нет свободы человеческим действиям (и нет, следовательно, за них ответа).

В вашей книге много умолчаний, — о них вы предупреждаете в предисловии. Я, по правде сказать, не знаю, имели ли вы на них право, или нет. Если принять во внимание некоторые ваши же слова (такие верные!) о необходимости смотреть в прошлое, помнить себя в нем и сознательно относиться к собственным ошибкам, если взять факт ваших судов (таких сугубо верных!) над чужими, — то, пожалуй, права на определенные умолчания вы не имели. Но, с другой стороны, я понимаю, — как и вы, — что всякий захват этой стороны в данное время опасен, трудно справиться и найти меру, когда начинает пахнуть субъективизмом. Таким

образом, возможно, что ваша книга, с какой-то точки зрения, от умолчаний выигрывает.

Я, во всяком случае, радуюсь ей такой, как она есть. В расширенном виде — кто знает! — совпадение наших «правд» и не было бы, пожалуй, таким полным. Конечно, разногласия все-таки были бы частными, главное осталось бы. Но я (простите мой субъективизм!) не могу не быть довольной, что существует книга, где от первой до последней строчки все рассматриваемые явления рассматриваются как бы под моим же углом зрения. Мне это тем ценнее, что книга написана человеком совершенно иного общего склада, иной, в известных областях, идеологии; а в данной области гораздо больших, чем мои, знаний и опыта. Это — личная сторона отношения к книге (ее внутренняя полезность для меня и т.д.). Но — ведь каждый верит в объективность того, что считает правдой; а потому я вашу книгу утверждаю *и объективно*.

Возвратимся, впрочем, на минуту к субъективизму и психологии. Написав все эти строки о моей, о том, как отнеслась я к вашей книге и к нашим совпадениям, — я вдруг вспомнила, что у вас-то была всегда, — по отношению ко мне, во всяком случае, — совершенно другая психология, и для меня непонятная. Вы как будто относитесь к «правде» так: если, положим, лягушка ее проквкала, то она уж не «правда». Будто бы «что» не важнее, в первую голову, и «кто», и даже «как»! Эти два, — кто и как — важны тоже, но потом. «Что» (правда) остается все-таки правдой. Лягушка может быть сама плоха, голос ее может не нравиться; если она скверно и лживо сама к своему кваканью относится — ее можно убить; но все это последующее и особый суд над ней; проквканная же правда таковой остается².

Это я говорю насчет общего отношения вашего ко мне (не личного) и, в частности, к «Синей книге». Я понимаю негодование Милюкова³ (и еще отчетливее поняла после вашего очерка). Я поняла бы и Маклакова, если б этот рамоли⁴ способен был на негодование и стал бы серьезно с «дамой» разговаривать. Но ваше — честное слово, не понимаю. Допустим, я сказала плохо, неумело, наивно: это не моя специальность. Но ведь сказано-то совсем то же, что вы говорите (по существу), и я не вижу, на что могли бы вы возразить. Или и вы, подсознательно, тоже не разговариваете серьезно с «дамой»? Или..... последнее предположение: разгадка в некоторых моих «неумолчаниях». Но — знаете? как от лягушки правда не перестает быть правдой, так не судится она и тем, хорошо ли отнеслась лягушка «ко мне». Даже если неверно, но верно к «моему» (к моей правде) — и то лягушке прощается... в известном плане.

Но это — попутно и, хотя как будто личной психологии касается, — ничего личного я сюда не замешиваю, а просто наблюдаю.

Пора кончить. Кончу я тем, чем начала: написали вы книгу, в которой, по-моему, всякая страница — правда, что есть редчайший случай (о «случае», однако, спорно: есть ли он?). Жаль, что такая книга — одна, а несчастных соблазнитель, путаников с комичной антиэстетикой языка и выкрутасов, вроде Степуна и других, вами пригретых в «С[овременных] з[аписках]» — куча.

Не последняя драгоценность в книге — ваша настоящая, ясная, «непримиримость». Спасибо, крепко жму вашу руку.

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «47». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 203–206.

¹ «Два пути – Февраль и Октябрь». Париж 1931 г. (примеч. Вишняка). Гиппиус рецензировала эту книгу: Числа. 1931. № 5. С. 242–248.

² Отсылка к стихотворению Гиппиус «Лягушка» (СЗ. 1927. № 31. С. 244).

³ Прямой реакции П.Н. Милюкова на появление «Синей книги» Гиппиус нам обнаружить не удалось.

⁴ Слова «этот рамоли» в журнальной публикации опущены и заменены знаком «(...)»; рамоли (фр. ramolli, от ramollir, размягчить, стать неспособным) – старый дурак, человек с заниженными умственными способностями вследствие «размягчения мозга».

165. Вишняк – Гиппиус

Paris. 1 марта 1931 г.

Париж, 1-ое марта 1931 г.

Дорогая Зинаида Николаевна!

Сказать, что я был очень *тронут* Вашим письмом, – *c'est pas le mot...*¹ Оно слишком слабо и чрезмерно сентиментально. Письмо Ваше меня очень обрадовало и очень удовлетворило. Все со всеми во всем только расходятся – и я отнюдь не «расхожусь» в этом с другими! И так отраднo, когда с тобой соглашаются и не во второстепенном, и не ближайшие твои два-три «сочувственника» и единомышленника, а – со стороны, «друго-враги»!..

Я не соблюл бы элементарных правил честной «политической игры», требующей прежде всего равенства исходного пункта и взаимности, если бы на Ваше ласковое и доброе слово не ответил хотя бы искренностью, – откровенным указанием на то, что я Вам «вменяю». И «Синяя книга» тут только эпизод, – правда, хорошо иллюстрирующий то, что я хочу сказать.

Я прежде всего очень высокого мнения о «Синей книге» и думаю, что ей суждено будущее более прочное, чем многим воспоминаниям и даже «Историям». Я поражаюсь, как мало о ней писали и как неумело ее «использовали». Именно потому, что я придаю «Син[ей] книге» такое значение и убежден, что она *останется*, я так ею и недоволен. И тут два слова общего порядка.

Если категории – людей и явлений – имеют каждая свою «добродетель», то добродетелью политики – или политика – я считаю *верность*. Можно разочароваться в людях и идеях. Но меньшее, что, мне кажется, обязательно для разочаровавшихся, это, если не совсем уйти от политики, то [хот]я бы воздержаться от изобличен[ий и] прямой борьбы с тем, чему ты только вчера, до разочарования, служил. Я не [любл]ю всякого рода «апостатов» не потому, что они ушли от моей правды, – а [потом]у, что делом своей жизни, на следующий же день после озарения новой правдой, они почитают побисание камнями *своей* вчерашней. От Льва Тихомирова² и до Струве (и до наших дней) почти все уходящие поступали в этом отношении одинаково, на мой взгляд, скажем – неэстетично...

И в «Синей книге» законен был Ваш морально-политический уход от Керенского и поворот в сторону Савинкова. Но писать *так*, как Вы написали и, что го-

раздо хуже, конечно, напечатали и завещали будущему о Керенском, — Вы не должны были не ради Керенского, а ради *верности своей* же правде.

Вы прежде всего художник, и как художник Вы не можете не считаться с законами психологии, с эмоциями, впечатлениями, осадками, которые оставят в окружающем мире — среди слушателей, читателей — Ваши слова, характеристики, противоречивые характеристики и проч. Я знаю, — Вы скажете: я ни от чего не отошла, может быть, единственная осталась верной и проч. Но это или роковое заблуждение, или только самоутешение. Вспомните философа, правильно говорившего: если тебе кажется, что все окружающие спят, а ты один только бодрствуешь, — то знай, что во сне находишься ты, а не другие!..

Есть у меня, не скрою, и, ~~если хотите~~, личная к Вам претензия, — которую, может быть, и неправомерно, но вынужден был толковать тоже политически. Она насчитывает года 4 давности и относится еще к тому времени, когда Вы писали в «Посл[едних] новостях»... В «Соврем[енных] записках» была напечатана моя статья об «Истории» П.Н. Милюкова. В связи с этим я получил от Вас личное письмо, в котором Вы мне выразили свое сочувствие и убеждение, что после моей статьи нет нужды читать и Милюкова, настолько неопровержима и убедительна критика. Я поблагодарил, конечно. А недели через три в очередном отзыве Антона Крайнего в «Посл[едних] новостях» о вышедшей книге «С[овременных] з[аписок]» я прочел: что же касается попытки М. Вишняка подвергнуть критике историю русской революции П.Н. Милюкова, то попытка эта, как и следовало ожидать, закончилась неудачей...³

Вспомнил я эт[от] неприятн[ый] для меня — вероятно, и для Вас — эпизод потому, что надо же когда-нибудь с ним кончить. Вы не один раз вызывали меня на откровенность. Я считал за лучшее отмалчиваться. Теперь, под влиянием Вашего письма, — я ведь очень не избалован комплиментами, — и в печати, кроме брани, почти никогда ничего не слышу, — я и рискнул освободить свою совесть от того камня, который нес, затая. Сейчас это в прошлом, давно прошедшем, и это нужно было сказать, чтобы больше к нему не возвращаться.

Теперь два заключительных слова по поводу фатализма и безысходности.

Вы совершенно правы, — фатализм или есть, или его нет, он не может быть «чрезмерным», большим или меньшим. Я тоже так думаю, но П.Н. Милюков говорит в своей второй книге о «более фаталистическом» подходе к событиям, характерном для «будущего» историка (в отличие от современного), и только в этом смысле и только применительно к Милюкову я и говорил о «чрезмерном» фатализме. — Должен к этому прибавить, что я все-таки не могу отрицать начисто случаев «объективной безысходности». Эти случаи даны в личных трагедиях — жизненных и художественных. Эти случаи бывают и в ходе политических событий. Возьмите, для примера, положение, в котором очутилась левая, демократическая общественность в Сибири после переворота Колчака. С большевиками идти против Колчака нельзя было. Но чем больше узнаешь о том, с кем и как был связан Колчак — всех этих партизанов, атаманов, Дутовых и Семеновых, Иванов-Риновых⁴ и прочих генералитет Колчака, тем очевиднее, что с ними идти было в такой же мере невозможно. «Третью» же силу можно было готовить лишь впрок, для будущего, т.е. практически приходилось стать на почву «ни Ленин — ни Колчак» —

позицию недействительную... Столь же безысходным было, на мой взгляд, и положение Вр[еменного] пр[авительства] после выступления ген. Корнилова. — Но это, конечно, частности.

Еще р[аз] благодарю Вас от души за добрые чувства и так[ое не]обыкновенное письмо. С [серд]ечным приветом Вам и Дмитрию Сер[гееви]чу.

М. Вишняк

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «к 47».

¹ не то слово (фр.).

² Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) после революционной молодости раскался и стал публицистом чрезвычайно консервативного направления.

³ См. п. 138. В статье Гиппиус «“Современные записки” Книга XXXI» слов, на которые обиделся Вишняк, нет. Она писала: «Вишняк, м.б., и не хочет, но свою историю революции, возражая Милюкову, все-таки *пишет*» (ПН. 1927. 19 мая. № 2248. С. 2).

⁴ Дутов Александр Ильич (1879–1921), атаман оренбургского казачества; Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), войсковой атаман Забайкальского казачьего войска; Иванов-Ринов Павел Павлович (1869 – ?), войсковой атаман Сибирского казачьего войска. Все трое были генерал-лейтенантами армии А.В. Колчака и занимали в ней высокие посты. Первые двое прославились своей предельной жестокостью.

166. Гиппиус — Вишняку

Paris. 3 марта 1931 г.

3 марта 31. Paris

О! О! Два места в вашем письме, дорогой Марк Вениаминович, столь изумили меня, даже поразили, что я поняла: надо дать два ответа, но отнюдь *не полемических*, в другом порядке. Одну вещь надо проверить, и, если вы окажетесь правы, — признать свою «безответственность», или что еще похуже (это было бы нелегко мне и, по стечению обстоятельств, сегодня особенно нелегко... скажу потом, отчего).

Относительно другой — надо поразмышлять, как ухитриться найти слова наиболее точные и ясные, такие, чтобы мысли мои стали вам понятны. Приемлемы или неприемлемы для вас, второй вопрос, независимый.

Начну с узкого, наиболее личного. С «камня», который вы «затаили». У меня было ощущение, что камень-то грозит мне (если же так, проверка была необходима для меня самой).

Я откомандировала Злобина¹ в наши недра, найти все мои старые статьи о «Совр[еменных] зап[исках]». Статей этих оказалось такое количество, что я чуть не целый день их читала! Находила много любопытного (между прочим — и о Степуне, и цитаты, с вашими совпадающие), но долго ничего не видела, кроме «сдержанно-деловитого» Вишняка, его «обычной честности» и т.д. Наконец — набрела на «камень»: фельетон, который вам посылаю (с просьбой возврата) и с очень небольшими комментариями. Подчеркнутое красным и синим карандашом — и этого было бы достаточно. Как вы видите — я дважды повторяю, что не касаюсь спора «по существу», а лишь с точки зрения «внешней логики». Если, как я

думаю, вы любите логику, как я, — вы не станете отрицать, что мои рассуждения не вне ее находятся. А почему на вашем споре с М[илюковым]² я тогда очень остановилась — это имеет свои объяснения. Центр не в Милюкове (я его не читала), центр был в вас и — еще точнее — в ваших *умолчаниях*. Ваши «да», ваша правда, как была моей, так и осталась: т.е. и тогда была той же моей, как и теперь. Я не помню тогдашнего моего к вам письма³, но не сомневаюсь, что оно было вроде последнего. Я, слава Богу, не сомневаюсь, что имела внутреннее право и написать его, и написать о вас, о опять же «умолчаниях» ваших (только), что написала. Ниже к этим умолчаниям еще вернусь (более принципиально), а здесь добавлю еще следующее: данная тема и «умолчания» особенно больно и остро стояли тогда передо мной, — это был момент (вижу и по дате), когда я только что получила, через американцев, рукопись «Дневника»⁴, и в первый раз, не веря своим глазам и в полусумасшествии (чему Амалия⁵ [Фондаминская] свидетельница) перечла его. В фельетоне даже есть, как вы увидите, отдаленный намек на это, на «запись неполитика», «сырой материал» и т.д.⁶ Мне тогда особенно казалось, что наш общий долг говорить *всю* правду, не щадя никого ради нее, и в первую голову не щадя себя, конечно.

Я не так ведь глупа, чтобы не сознавать, что печатая «Дневник», я не слишком много окажу себе пощады, все же это останавливало меня в продолжение известного времени⁷, а все-таки сомнения[?] [2 нрзб]. Я пыталась найти совет у Илюши [Фондаминского], но ему некогда было прочесть рукопись. Я написала было Керенскому, но не отправила письмо. Я даже думала о Милюкове (раньше получения, положим). ДС читал «Дневн[ик]» только уже в книге. Таким образом, мне пришлось решить дело самой, на свою совесть, ничего не поделаешь. Должна ли я в решении этом перед нею каяться, я еще не знаю. Знаю одно: что *для себя* ничего, кроме проигрыша, не ожидала, на него сознательно шла и этим, в известной мере, оправдана (перед собой).

Вот тут мы и подошли к второму пункту — к «верности». Вы говорите: «верность в политике». А я говорю: верность везде. Вы говорите: «верность правде и людям». А я говорю: верность правде сначала, и *в ней* верность людям. Ради верности человеку *нельзя* допустить измену правде. Такие положения бывают, такие выводы предносятся. Иногда сам виноват (не увидел[?] человека), иногда тот виноват, изменив[?], но вывод все тот же⁸. Я приведу грубый пример, очень грубый. Азеф был уже обличен, а Савинков, по его словам, «все еще любил его, как брата»⁹. Но и Савинков, в конце концов, перестал быть ему верен, да и нужно ли, и кому нужно было верным ему «пребыть до конца»?

Возьмите этот острый пример в других, легких оттенках — принцип не меняется. Если вы увидите, что человек изменяет правде, не внутренне, а по каким-либо причинам: слабости, недомыслию, страху, усталости и т.п. — внешне, в поступках и действиях, — вы этого не скажете? Умолчите? Этим вы в какой-то мере свою верность человеку поставите выше верности правде.

В конце концов, и вы, я думаю, не решитесь сказать, что для вас между каким-нибудь близким человеком, Керенским, Илюшей [Фондаминским], даже всей партией эсеров, и объективной правдой — стоит знак равенства. Потому что я

думаю, что для вас вот это условное понятие «правды» значит то же, что для меня. Со всякой стороны, во всякой частности взятая, она одна, и если ей изменить — можно перестать существовать. Она в самом человеке; может в нем расти¹⁰ (и там, только там изменяться). Даже должна расти, в нем — человеке, ибо если увянет...

Керенский [2 строки повреждены сыростью и не поддаются прочтению] он видит, и слушает, и большего вряд ли мы имеем право от него требовать. Он — такой. А дружить [?] никогда не умел и теперь не уместно ему быть в помощь.

Поэтому «он на меня не сердится».

Милюков — совсем другое. И опять кажется мне — насчет М[илюкова] мы с вами кое в чем сходимся. Потому так поразили меня некоторые строки вашего письма — почти дословное повторение, и по тому же поводу, слов Милюкова.

Это было прошлой весной. Обвиняя меня за «Синюю книгу» (ожидаемый камень), он, главным образом, упирал на то, что «я... сожгла то, чему поклонялась»¹¹. Смысл был ясен. Я хотела ответить мирно (я к нему ведь отношусь, как к нему, очень... благоволиительно), но в процессе письма все-таки немножко рассердилась, и напрасно: ведь он не мог бы доказать, по «Книге», что я такое то и сжигаю, чему поклонялась, — тому поклонилась, что сжигала в «Самодержавии»¹², что [4 строки нрзб] нового «идола» воздвигнул на подобие прежнего¹³. Не можете и вы допустить, что иногда есть измена «правде». А вот о чем шла речь — у нас с вами во всяком случае. Милюков-то, может быть, и не понимает, может быть, разумел сжигание Керенского, поклонение Савинкову, ведь он не разбирается. Впрочем, когда мы с ним теперь встретились, он уже о сжиганиях не говорил, а о том, что у меня там неверно и несправедливо, так как я далеко стояла, а видеть и знать настоящее положение дел, и судить о нем, могут только «участники». (Ср. хотя с его словами, которые вы приводите!)

Не надо обманываться: наше с вами схождение в общем — верно, дало бы много расхождений в частных линиях, если бы вы их продолжили, стали чертить определено. Например, вашу боязнь «правизны», выражающуюся, главным образом, в боязни «правых», я бы не поместила в те моменты времени, в какие помещали и помещаете их вы. Неужели, например (есть и другие примеры, и даже немало), вы серьезно, и до сих пор, думаете, что после Февраля¹⁴ есть [нрзб] партия, какие-нибудь «правые», какие-нибудь силы, которые *могли* восстановить самодержавие? Или при самых жестоких репрессалиях против большевиков (которых они ждали и удивлялись, что их нет) эти правые сейчас же привезли бы опять царя? Или вы сами в этот момент только боялись «показаться» правым? Кому?

Ну, в это последнее я просто не верю.

Впрочем, довольно. Я старалась быть ясной, сколько могла. А почему я так испугалась сегодня «камня» и начала «разведку» — это благодаря тому, что лишь вчера так сурово, при всех, судила Адамовича¹⁵ (кот[орого] я очень люблю). Его статья о Мил[юкове] в «Посл[едних] нов[остях]» — какой-то добровольный «социальный заказ»¹⁶. Важно то, что *он так не думает*, я это знаю наверно. Есть предел угодливости, измене своей правде (правда ведь всех областей касается). Есть ответственность, наконец!

Видели ли вы «Утверждения»¹⁷? Что скажете? Думаю, что и я. Обратите, однако, внимание на «пореволюционного» младенца Баранецкого¹⁸. Мы видали его «Вавилонскую башню»¹⁹. «Мы», [2 строки нрзб]

В другом роде развязный Осоргин у Слонима²⁰. Но неужели «на больш[евицкие] деньги». Не очень вероятно. Простите этот трактат. Сердечно, искренно приветствую вас и еще раз вашу книгу.

Ваша З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Письмо сильно испорчено сыростью и местами не поддается прочтению. Помета рукой Вишняка: «48». Имеется копия рукой Вишняка. Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 206–209.

¹ В.А. Злобин (примеч. Вишняка).

² П.Н. Миллюков (примеч. Вишняка).

³ В рукописной копии Вишняка следует помета: «(пять строк расплылись так, что нельзя разобрать)». Имеется в виду п. 138.

⁴ Основную часть рукописи своего впоследствии опубликованного дневника Гиппиус получила из России.

⁵ А.О. Фондаминская (примеч. Вишняка).

⁶ См. в цитированной статье Гиппиус: «Что же касается просто фактов и восстановления их связи, тут, вероятно, пригодятся и сырые материалы [...] Какая-нибудь современная запись обывателя, случайно попавшего в счастливое для наблюдающего положение, — и она может послужить впоследствии как фактический материал» (ПН. 1927. 19 мая).

⁷ В рукописной копии Вишняка следует помета: «(4 строки неразборчивы)».

⁸ Предложение отсутствует в рукописной копии Вишняка и в журнальной публикации.

⁹ Источник цитаты не отыскан.

¹⁰ В рукописной копии Вишняка следует помета: «(целый абзац расплылся)».

¹¹ Измененная цитата из стихотворения И.С. Тургенева, которое произносит Михалевич, персонаж романа «Дворянское гнездо».

¹² В рукописной копии Вишняка следует помета: «(расплылись 7–8 строк)».

¹³ Печатного отклика на статью П.Н. Миллюкова со стороны Гиппиус мы не знаем. Вероятно, он содержался в частном письме.

¹⁴ В рукописной копии Вишняка следует помета: «(не прочитаны 6 строк)».

¹⁵ Г.В. Адамович (примеч. Вишняка).

¹⁶ 5 марта Гиппиус написала самому Адамовичу: «я произвела серьезный суд над вами по поводу вашей статьи о Миллюкове. Я назвала ее добровольным приятием некоего “социального заказа” (которого и не было), ничем не вынужденным перегибом угодливости. Устраняя, значит, мобили расчета — так как это перерасчет без лишней “пользы”, — что же такое эта статья. Я не читала литературных произведений, оценок М[иллюкова], но этого и не нужно, т.к. это же самое, все, я слышала от него на “Зел[еной] Лампе” (кроме серьезных его обсуждений Малашкина первого периода, второго, третьего и т.д.). Вот ваша статья. И вот о ней главное: вы пишете не только не то, что думаете, но даже то, чего не думаете — я знаю это наверно. Да если б я, мало ли что я! Так же наверно знают это все ваши друзья, все без исключения ваши сверстники и потенциальные “братья”. Здесь разногласий нет» (Пахмусс. С. 411; сверено с оригиналом). Статья, о которой идет речь, — Адамович Г. «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Миллюкова. Литература // ПН. 1931. 26 февр. № 3627. С. 2–3. Отметим, что Гиппиус применяет здесь к Адамовичу его же собственные рассуждения: «По мысли П. Миллюкова — если только я правильно его мысль между строк понял, — цензура выдерживается литературой в любых правилах, пока эта цензура отрицательная (т.е. не пиши о том-то, не касайся того-то); она становится подлинной угрозой существованию литературы, переходя в положительный “заказ” и даже приказ (т.е. пиши обязательно только о том-то)... Сейчас в России эта угроза сильна как никогда».

¹⁷ Сборник евразийцев (примеч. Вишняка). Подразумевается книга: Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Париж, 1931. Кн. 7. Вишняк ошибается; Гиппиус имеет в виду первый

выпуск нового журнала: Утверждения: Орган объединения пореволюционных течений / Ред. Ю.А. Ширинский-Шихматов. Париж, 1931–1932. № 1–3.

¹⁸ См.: *Баранецкий П.С.* О русском мессианизме // Утверждения. 1931. Февр. № 1. С. 22–37; *Он же.* Назревание событий // Там же. С. 52–61.

¹⁹ В рукописной копии Вишняка следует помета: «(конец – 9 строк – нечитаем)».

²⁰ О чем идет речь, установить не удалось.

167. Фондаминский – Гиппиус

Paris. 3 марта 1931 г.

3 III 1931

Родная Зиночка,

сначала о делах:

1. Я считаю ссудную кассу при Союзе Писателей одним из самых нужных дел. Думаю, что наша брошюра не пропала даром. Разумеется, этому делу стоит помочь. Но вот как надо это сделать. 5 т., к[о]т[о]р[ые] оставил Четвериков¹, надо сохранить как *фонд для необходимой пропаганды* – при случае мы его используем. Но его вовсе не надо хранить у себя – зачем зря деньгам лежать. Поэтому 1000 фр. ты оставь у себя на всякий экстренный случай, а 4 т. внеси в кассу при Союзе, но не как пожертвование, а как временный и беспроцентный взнос, с правом полувину, т.е. 2 т., взять обратно с *предупреждением за 6 месяцев*, а остальные 2 т. с *предупреждением за год*. Если ты сама не разберешься в моей комбинации, прочти ее Зеелеру² – он сразу поймет и примет. Эта комбинация выгодна и для них, и для нас.

2. Статья твоя обязательно нужна, и я жду ее как можно скорей, во всяком случае не позже 25-го марта³. Мне кажется, что я тебе назначил еще раньше срок. Очень прошу тебя меня не подвести – статью к сроку прислать и сейчас же известить меня, что я могу быть спокоен.

Теперь о другом. Не писал тебе, ибо мы здесь всецело поглощены болезнью Бориса Осиповича⁴. Он с Л. Сер. [Гавронской] живут рядом в отеле. Амалия [Фондаминская] там проводит много времени, а я провожу вечера. Ему то лучше, то хуже, но пока болезнь не преодолена. Амалия и душевно совсем этим захвачена, я же много души отдаю работе (кончаю 2-ю статью об Империи, – всего будет 5⁵), журналу и издательству. Погода райская. Вилла у нас чудесная. Радости все это не дает, но помогает сохранить душевную бодрость. У меня много всяких планов – новых журналов и издательств. Видала ли ты «Утверждения»⁶ – если хочешь, пришло. Ты несправедлива к «С[овременным] з[апискам]» – статьи Степуна (Луганова) и Федотова просто интересны; неплоха и статья Бицилли⁷.

Был у меня Федотов. Жаловался, что Дмитрий без всякого повода на него обрушился. Говорит, что шел к вам с открытой душой, хотел помочь, а получил афронт. Почему это? Пиши, родная, больше и всюду. Ты сама зря ушла с большой эстрады – говори хоть на малых. От души хочу и надеюсь, что вернешься на большие. У Дмитрия пока не прошу глав из его книги⁸ – надо немного разгрузить журнал от запаса. Будь здорова, родная. Крепко целую тебя и Дмитрия и искренне люблю. Поцелуй Володю.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 80). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, 11bis rue Colonel Bonnet, Paris XVI»; адрес отправителя: «Fondaminsky, Villa Beau-Site, Grasse»; почт. шт.: «Grasse, 4.3.31». На конверте рукой З.Н. Гишпиус записан французский текст «Интернационала»: «C'est la lutte finale / Groupons nous et demain / L'internationale / Fera le genre humain», а также слова: «Bonjour!»; «Jamais» («Добрый день!»; «Никогда»).

¹ В письме к Гишпиус от 23 мая 1929 г., на которое мы ссылались выше, С.И. Четвериков писал: «По долгодетней практике знаю, что иногда “почин дороже денег” [...] Только в смысле такого “почина” позволяю себе препроводить вам при сем перевод на 5.000 франков — вполне сознавая, как ничтожна эта сумма для намечаемого дела» (Что делать русской эмиграции. С. 20).

² Зеелер Владимир Феофилович (1874—1954), адвокат, общественный деятель, журналист.

³ Речь идет о статье «Авантюрный роман» для кн. 46. Еще 18 марта Фондаминский не имел ответа от Гишпиус.

⁴ Гавронский Борис Осипович (?—1932), врач, шурин Фондаминского, брат А.О. Фондаминской. 15 февраля Фондаминский сообщал Вишняку: «У нас положение очень грустное. У Б.О. температура и ужасное самочувствие. Доктора не указывают никакого диагноза, а Б.О. отказывается выполнять их предписания. Он еще встает с постели, но с трудом» (Ред., п. 277).

⁵ На самом деле серия статей затянулась до самого последнего номера журнала. См.: Бунаков И. [Фондаминский И.И.] Пути России: Империя: [Гл. I] // СЗ. 1932. № 48. С. 304—333; То же. [Гл. II] // СЗ. 1932. № 49. С. 289—317; То же. [Гл. III] // СЗ. 1932. № 50. С. 363—380; То же. [Гл. IV] // СЗ. 1933. № 52. С. 310—338; То же. [Гл. V] // СЗ. 1933. № 54. С. 281—316; То же. [Гл. VI] // СЗ. 1936. № 62. С. 284—327; То же. [Гл. VII] // СЗ. 1939. № 68. С. 261—304; То же. [Гл. VIII] // СЗ. 1940. № 70. С. 189—218.

⁶ См. примеч. 17 к п. 166.

⁷ Речь идет о следующих материалах 45-й книги: *Луганов Н. [Стенун Ф.А.] Письма из Германии: (Национал-социалисты)*. С. 446—474; *Федотов Г.П. Проблемы будущей России*. С. 475—490; *Бицилли П.М. U.S.E.?* С. 362—388.

⁸ Имеется в виду книга «Иисус Неизвестный», фрагменты из которой см.: СЗ. 1932. № 48. С. 273—294; 1933. № 52. С. 262—287.

168. Гишпиус — Вишняку Paris. 8 марта 1931 г.

8-3-31. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,
относительно статьи Ил. [Фондаминский] мне вчера тоже написал. Хорошо. Может быть, выйдет скорее заметка, но не беда.

Относительно «Син[ей] книги» — не будем дальше спорить. М.б., вы и правы, — следовало, кое-где, больше выкинуть, чем я выкинула. О людях. Вот только что я *очень* прошу вас заметить: 1) дело шло, — и речь — не о людях, как таковых, но о людях *по отношению к России* в данный головокружительный момент. Она, а не они были центральным предметом. И затем, менее важное, 2) что вы называете смелой «идолов» или «воплощений правды». Это, прежде всего, не может быть точными выражениями, если люди рассматриваются не как таковые, [а] скорее в

смысле «личной годности» или непригодности в да[нн]ый момент для данного, важного, подлежащего дела. Затем, [и со] всем в частности: вы, говоря, что я сменила «старого друга на [ново]го», забываете, что именно Савинков-то был мой [друг гора]здо более старший, даже давний друг, нежели Керенский. Это, [повт]оряю, не важно, если смотришь на человека именно по от[ношению] его к чему-то высшему, и судишь не его, а отношение. М[ало заб]отилась, покажется ли что кому-нибудь «изменой», и не ост[анов]илась, в Варшаве, перед тем, чтобы тому же С[авинко]ву все сказать: [«Но»] вы ли это? Я вас не узнаю!». На что он мне, бледнея, отв[етил]: «Вы меня никогда “в работе” не видали. Оттого и не знаете». Был [он,] м.б., прав. И я ведь часто верю *человеку*, обманываясь. Кто не [об]манывался? Но мы в Варшаве разошлись, и бесповоротно. У м[ен]я много записей о Сав[инкове] и Варшаве; я их не печатаю — опять не из-за себя (и этому, мол, изменила!), но... не знаю, отчего; м.б., из-за Фил[ософова]¹, «еще так ужасно инкрустированного в этого оборотня», писала я в 22 году². М.б., оттого, что он погиб (хотя вы знаете, что я «не простила»). Во всяком случае, это молчание в вашей линии, не правда ли?

Два слова относительно Илюши [Фондаминского]. Да, вы правы, это все его «пригрев»; и я *так же* не сочувствую тут ему, как вы, я абсолютно на вашей стороне. Но об «изменах», да еще личных, в параллели с моей, будто, Керенскому, здесь не приходится говорить; это все почти в другом порядке, ибо и время, и все вообще — другое. Я Илюшу люблю, и ничего такого не может с ним случиться, чтобы это переменялось. Но я спорю с ним, и если б нужно было, пришлось, — публично, не отказалась бы.

Ну вот, теперь, кажется, и все. Кстати, Ил[юша] в очевидной радости от «Утверждений»³, — спрашивает меня о них. Как это жаль!

Крепко жму вашу руку, привет и *сочувствие* от ДС. (Передаю по его просьбе.)

Ваша З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). В середине листа кусок бумаги утрачен. Помета рукой Вишняка: «50». Впервые: НЖ. 1954. № 37. С. 209–210.

¹ Д.В. *Философов* (примеч. Вишняка).

² В опубликованных статьях Гиппиус 1922 года таких слов обнаружить не удалось.

³ *Евразийский сборник* (примеч. Вишняка). См. примеч. 17 к п. 166.

169. Гиппиус — Вишняку

Paris. 28 марта 1931 г.

Суббота 28-3-31

Дорогой Марк Вениаминович, серия гриппов замедлила мою заметку. Она сейчас мною переписывается (сжимаясь) и была бы готова, если б я не увлеклась маленькой рецензией — о вашей книге — для «Чисел»¹.

Думаю, не беда, все равно теперь будут праздники и типография не будет заниматься «авантюрным романом». Но если б вам нужно было скорей — извести-

те; кстати известите, вам ли послать заметку, или же Илюше [Фондаминскому].

A vous

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Закрытая почтовая карточка; адрес получателя: «Monsieur M. Vichniac, 11, rue Claude Lorrain, Paris 16^e»; адрес отправителя: «Z. Hippus, 11^{b[is]} av[enue] du Col. Bonnet, Paris 16^e»; почт. шт.: «28.III.1931». Помета рукой Вишняка: «51». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 457.

¹ См.: *Гиппиус З.Н.* [Рец. на кн.:] Вишняк М. Два пути. Париж: Совр. записки, 1931 // Числа. 1931. № 5. С. 242–248.

170. Гиппиус — Вишняку

Paris. 4 апреля 1931 г.

4-4-31

Вот, дорогой Марк Вениаминович, моя крошечная заметка¹. Больше на этот «заказ» я не могла написать. А без «заказа» вы меня не приемлете. (Помните, сколько я «беды» с Горьким вам наделала²? С тех пор и попала под цензуру Совзаписок.)

Зато я себя компенсирую в «Числах» (увы, одно другого не заменяет!), где без заказа, но с громадным удовольствием, пишу свободную статью — *о вас!*

Сердечно ваша З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «49». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3–4. P. 459.

¹ Все та же статья «Авантюрный роман», однако вовсе не являющаяся «крошечной заметкой» — около 5 журнальных страниц.

² Гиппиус вспоминает историю 1924 года с «Литературной записью (Полет в Европу)». См. выше, в письмах того времени.

171. Фондаминский — Гиппиус

Grasse. 12 мая 1931 г.

12 V 1931

Родная Зина,

ты плохо представляла мою жизнь, если думала, что я не свожу глаз с «Пугачевщины»¹. Здесь всё время жил больной Борис Осипович [Гавронский] (в Parc Palace'e), и все душевные силы и много времени уходило на него. Я исполнял роль «интеллигентного фельдшера» — и делал это с большой охотой. К сожалению, он до сих пор не поправился — теперь он в Париже. На работу оставалось и мало сил, и мало времени. Всё-таки с большим напряжением мне удалось написать большую статью (3 листа) о «народных волнениях» в эпоху Империи². Теперь начинаю следующую и надеюсь за оставшееся время (5–6 недель) написать хоть половину. Жили мы всё время очень сосредоточенно и почти не гуляли — уход за Б.О. [Гав-

ронским] и остаток времени за работой. Курочка [А.О. Фондаминская] всё время грустная — много сидит за книгой. Почти всё время у нас кто-нибудь жил — Федотов, Степуны, а теперь Игорь Пл. [Демидов]. Но и гости жили тихо — сидели за работой. Но всё-таки это было очень хорошо — особенно для Курочки.

Отвечаю на твои вопросы — твердо и ясно. Если бы я был единоличным редактором, я бы печатал все произведения Димитрия без пропуска и без исключений. Не всё в писаниях Димитрия «журнально», но Димитрий — такая крупная духовная сила и такое большое явление в нашей литературе, что никакая редакторская рука для него не нужна. Глубоко убежден, что и журнал от этого только бы выиграл. Но я не один в редакции. Я напряженно борюсь за свои взгляды и всегда напряженно отстаиваю Димитрия. Но внутренняя борьба раздирает нашу редакцию, и мы уже давно на волосок от раскола, что может грозить и самому бытию журнала. Надо ли рвать этот волосок и рисковать единственным под луной русским журналом? Вот причина, почему мы печатаем так мало Димитрия³. Сейчас наша редакция в особенно трудном положении — не знаю, удастся ли из него выбраться. Потому мне сейчас и невозможно резко ставить вопрос о Димитрии — волосок оборвется. При первой возможности я его поставлю и сделаю всё возможное. Итак, мой ответ тверд и ясен: я готов печатать все произведения Димитрия, без пропусков и без исключений. Если «С[овременные] з[аписки]» его мало печатают, то это не моя вина.

Мне удалось получить (еще зимою) согласие на твое участие в журнале и потому я тебя прошу от «заказов» не отказываться. Я не сомневаюсь, что через несколько книжек тебе предоставят печатать, что ты захочешь. На днях книжка выходит. Я надеюсь передать тебе скоро новый «заказ»⁴.

Добивайся своего возвращения в «П[оследние] н[овости]». Я знаю, что это дело не безнадежное. Предложи на первое время рассказы и статьи по литературе⁵. Потом ты займешь надлежащее тебе место. Левая пресса плоха. Но другой нет. Как вообще нет правого лагеря. Деньги в Союз обязательно передай — никто тебя упрекать не будет. Ведь ты их отдаешь на время — с правом возврата. Зачем же им зря лежать, когда от них может быть большая польза⁶.

Попроси Володю сходить в «Родник» с прилагаемой запиской — ему выдадут 10 экз.⁷

Вот, родная, ответы на все вопросы. Несмотря на горести, я бодр и полон всяких планов. Когда вы сюда приедете? Хотелось бы провести с вами здесь летнее время. Мы уедем отсюда числа 20-го июня. Здесь тепло и хорошо. Когда приедете, буду часто у вас бывать. Бунины благополучны. Собираются на месяц съехать куда-нибудь к морю. Екат. Мих. [Лопатина] и Ол. Львовна [Еремеева] по обыкновению бодры и хлопотливы. Курочка радуется вашему приезду и просит целовать.

Я тебя неизменно люблю и крепко целую. Поцелуй Димитрия и Володю.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 1. F. 81). Сохранился конверт; адрес получателя: «Madame Merejkovsky, 11bis rue Colonel Bonnet, Paris XVI»; адрес отправителя: «Fondaminsky, Villa Beau-Site, Grasse»; почт. шт.: «Grasse, 15.V.31»; «Paris, 16.V.1931».

¹ Что имеется в виду под этим обозначением, достоверно неизвестно.

² См. примеч. 5 к п. 167.

³ Упрек Гишпиус, видимо, был связан с фразой Фондаминского из п. 167: «У Димитрия пока не прошу глав из его книги — надо немного разгрузить журнал от запаса».

⁴ Таких заказов или более не последовало, или Гишпиус от них отказывалась. Более ни одной ее развернутой статьи в журнале не появлялось, только стихи, рецензии или небольшие некрологические заметки.

⁵ Первая после долгого перерыва публикация Гишпиус в ПН появилась 2 августа 1931 г., и в этом году она там печатала только воспоминания — «Первая встреча», «Перед запрещением», «Старый Керженец».

⁶ См. п. 167.

⁷ Книжное дело «Родник» в Париже — книжный магазин (Librairie «La Source», 106, rue de la Tour), марка которого стояла в качестве издательства на сборнике «Что делать русской эмиграции», о котором, очевидно, и идет речь.

172. Гишпиус — Вишняку

Paris. 5 июля 1931 г.

5-7-31. Paris

Дорогой Марк Вениаминович,

я изумляюсь, что кто-нибудь мог говорить вам о более чем странном «обычае» — *благодарить* за отзыв! Вы правы, это, прежде всего, [уни]жать критика. Думать, что он, когда пишет, может еще помышлять хоть о чем-либо, кроме желания высказать свое правдивое отношение к *предмету*, который судит!

Вы хорошо узнали бы мое личное мнение насчет всего этого, если бы прочли в «Числах» очередные «Лит[ературные] размышления» А. Крайнего о «критиках» и о «хорошем тоне». Но... вы меня упрекаете за «Слово» в «Свободе»? За «три цензурные двери»¹? Я еще тогда не знала, что есть 4-я, — «Чисел». Их цензура моих размышлений о «хорошем тоне» не пропустила! Причем редактор оригинальностью своей все рекор[ды по]бил: заметка была набрана, прокорректирована, с редактором мы постоянно встречались, даже говорили о ней; но он, в течение двух месяцев *не решился* сказать мне, что ее не пропускает, да так до конца и не решился: за 2 дня до выхода книжки мне сказал не редактор (и против желания последнего!). Я вызвала редактора, но, увы, из объяснений его так и не могла понять, почему он против «хорошего тона». Если мне удастся выцарапать из «Чис[ел]» корректуру (10 дней не удастся!) — пошлю в «Свободу». (Кстати: ни за какие редакторские комментарии и послесловия я, извините, не отвечаю!) Мне сдается, что злополучную заметку и «Своб[ода]» не напечатает: ведь это — первые враги «хорошего тона»! Ну, тогда будем знать, что и 5-я дверь налицо².

А теперь я должна вам сказать совершенно прямо (может быть, вы ~~ныне~~ уже верите обычаю моему говорить то, что я действительно думаю) — я *не* против редакторской «цензуры». Т.е. я, будучи редактором, считала бы даже долгом своим не печатать у себя того (но *только* того), что явно шло бы против моей коренной «правды». Вы понимаете, что тут речь не о «свободе мнений», и не о вопросе насчет тона хорошего и дурного в русской критике... Пожалуй, я здесь оказалась

бы строже многих. Например (вспоминаю по поводу разговора с Кер[енским] о Федотове) — я, пожалуй, и на самого Федотова руку бы наложила. Чуть дело «правды» касается, — тут и умы, и таланты всякие не перевесят.

Все это говорится, конечно, о тех случаях и местах, где точка «правды» имеется. Ну, а в «Числах», например, и свобода их, и цензура, одинаково будут произволом; т[а]к что от неожиданностей не уберешься. ДС вот, не прощает себе, что отдал туда главу своей книги, где она — рядом с гадкими кощунствами декадентского романа³. Конечно, для других это и не «кощунство»... но нечистоплотность — для всех. —

Я тотчас же дала Илюше [Фондаминскому] пробежать рецензию о «Путях»⁴. Но из дальнейшего разговора так и не могла определенно понять, в чем, собственно, его несогласие со мной и с книжкой. Спросите его сами, может быть, вы поймете. А мне интересно.

Да, я — признаться — забыла о вас, увлекшись книжкой, и не считалась с тем, произойдет ли отсюда ваше личное удовольствие или неудовольствие. Но теперь я, конечно, рада, что результатом явилось не неудовольствие. Только «благодарить» меня за это и в самом деле нечего. Дружески жму вашу руку.

З. Гиппиус

P.S. А вот если вы, для защиты вашего положения, к авторитету Павла Николаевича [Милюкова] прибегаете..... для меня он, во всяком случае, не авторитет.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «53». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 459—460.

¹ 11 июня 1931 г. на собрании «Зеленой лампы» состоялось собеседование на тему: «У кого мы в рабстве? (О духовном состоянии эмиграции)». Вступительное слово сказал Г.В. Иванов, а Гиппиус в своей реплике говорила: «Реальное положение зарубежной литературы таково: вся наша пресса, говоря серьезно, сводится к двум газетам и одному журналу. [...] Три двери, через которые писатель может пройти к читателю. У каждой стоят цензора, а цензорский кодекс одинаков у всех. [...] Зарубежная литература, писатели всех возрастов и состояний перед этими тремя дверями и стоят. Не хочешь — ни в одну не иди. Не пиши. Не печатайся. А выбрал какую-нибудь — условия известны» (Гиппиус З. У кого мы в рабстве? Слово, произнесенное на собрании кружка «Зеленая Лампа» // За свободу! 1931. 21 июня. № 161. С. 3—5).

² Начиная со слов: «Их цензура моих размышлений о “хорошем тоне” не пропустила...» и до конца абзаца почти дословно вошло в заметку: Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] «У кого мы в рабстве»: Четвертая цензурная дверь (О «Числах»). Письмо в редакцию // За свободу! 1931. 8 июля. № 177 (3611). С. 3. «Литературных размышлений» не напечатала и варшавская газета.

³ См. в заметке, процитированной в предыдущем примечании: «К моему протесту против сравнения (допущенного З. Гиппиус) журнала “Числа” с “Миром искусства” присоединяется ныне и Д.С. Мережковский. [...] он не может простить себе, что отдал главу из новой своей книги “Иисус Неизвестный” в “Числа”, где она в 5 № появилась в соседстве с грязными кощунствами декадентского романа Поплавского». Здесь речь идет о публикациях: Мережковский Д.С. Неизвестное Евангелие. Из книги «Иисус Неизвестный» // Числа. 1931. № 5. С. 162—176; Поплавский Б. Аполлон Безобразов: Главы из романа // Там же. С. 80—107.

⁴ Речь идет о рецензии на книгу Вишняка.

173. Гиппиус — Вишняку
Б.м. 1931 г. [?]

Моему «другу Марку Вишняку»
 единое, что имею (ибо по-русски меня не печатают)

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Nicolaevsky collection. Box 267. F. 8). Датируется предположительно по местонахождению в архиве. Листок с автографом Гиппиус (надпись на книге?) обнаружен в подборке материалов Вишняка, хранящейся в коллекции Б.И. Николаевского; рядом находится аналогичный листок с надписью Н.Н. Берберовой, датированный «16.VI.31».

174. Мережковский — Вишняку
Paris. 13 мая 1933 г.

11bis, rue Colonel Bonnet, Paris (XVI).

19 13/мая 33

Дорогой и глубокоуважаемый Марк Веняминович,
 очень прошу Вас, ввиду скорого выхода книжки «С[овременных] з[аписок]» заплатить мне теперь же авансом сумму, причитающуюся за мою статью «Царство Божие»¹. Вы этим окажете мне очень большую услугу.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский

P.S. Деньги, пожалуйста, вручите подателю этого письма, Вл. Ан. Злобину.

Д.М.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 80).

¹ См.: *Мережковский Д.С. Царство Божие // СЗ. 1933. № 52. С. 262–287.*

175. Злобин — Рудневу
Paris. 12 сентября 1933 г.

11bis, av[enue] du Colonel Bonnet, Paris 16^e

12-IX-33

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
 стихи мои, которые Вы собираетесь напечатать в следующей книжке «С[овременных] з[аписок]», еще нигде не напечатаны. Посылаю их Вам снова, т.к. я в них кое-что изменил. Очень прошу Вас прислать мне (по адресу Мережковских) корректуру, которую не задержу.

Пожалуйста, напечатайте первым: «О, если б душа не узнала» и вторым «Только о правде...». У Вас должно быть еще одно мое стихотворенье: «О нашей любви никто не знает». Но его, пожалуйста, *не* печатайте (возвращать не надо. Оно у меня имеется)¹. Искренно преданный

Вл. Злобин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3) (см. илл. 16).

¹ Все просьбы В.А. Злобина были исполнены. См.: *Злобин В.А. I*. «О, если б душа не узнала...»; П. «Только о правде, о ней одной...» // СЗ. 1933. № 53. С. 209–210.

176. Гиппиус — Рудневу
Paris. 18–19 декабря 1934 г.

18-12-34. Париж.

Дорогой Вадим Викторович,

не приятно, но не удивительно, что я ответила не по адресу на письмо, которого в глаза не видала: «письмо из “Совр[еменных] зап[исок]” с просьбой о стихах...», вот я и представила себе сейчас же, что это М.В. [Вишняк]¹.

Броситься на поиски тотчас я не могла, ибо уже с самого приезда лежу в постели — грипп. Сейчас только встала, пишу эту записку и жду результата поисков, порученных другому.

19 дек. 34

Посылаю 3 найденных коротеньких стиха новейшего, более или менее, происхождения². Сама их переписываю, спеша, и очень прошу извинения, что болезнь заставила меня опаздывать. Сердечный привет

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Такое письмо Гиппиус к Вишняку неизвестно.

² Имеются в виду стихотворения для публикации: *Гиппиус З.Н.* Другой («Неожиданность — душа другого...»); Условия («Был тихий вечер, и весна...»); Отъезд («До самой смерти... Кто бы мог подумать...») // СЗ. 1935. № 57. С. 232.

177. Злобин — Рудневу
Paris. 22 января 1935 г.

11bis, av[enue] du Colonel Bonnet, Paris 16^e

22-I-35

Многоуважаемый Вадим Викторович,

не откажите в любезности сообщить Д.С. Мережковскому, не согласились ли бы Вы напечатать в следующем номере «С[овременных] з[аписок]» отрывок из его новой книги «Франциск Ассизский». В случае Вашего согласия Д[митрий] С[ергеевич] мог бы Вам прислать этот отрывок на просмотр¹.

С искренним уважением

Вл. Злобин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Просьба была выполнена. См.: *Мережковский Д.С.* Коммунизм Божественный // СЗ. 1935. № 58. С. 310–318.

178. Мережковский — Рудневу
Paris. 25 февраля 1935 г.

11bis, av[enue] du Colonel Bonnet, Paris (XVI)

19 25/II 35

Дорогой Вадим Викторович,
 мне хотелось бы с Вами переговорить о напечатании «Св[ятого] Франциска» в «С[овременных] з[аписках]» и лично передать Вам рукопись¹. Не будете ли так добры зайти ко мне в любой из ближайших дней или утром до 1 ч., или вечером между 6—7, или, наконец, после 9 ч. Буду Вам за это сердечно благодарен. М.б., известите двумя строками о дне свидания.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4) (см. илл. 17).

¹ Других фрагментов книги в СЗ опубликовано не было.

179. Мережковский — Рудневу
Paris. 2 апреля 1935 г.

11bis, av[enue] du Colon[el] Bonnet, Paris (XVI)

2 апреля

Дорогой Вадим Викторович,
 я согласен на напечатание в «С[овременных] з[аписках]» выбранных Вами 19 стр. из «Франциска Ассизского»¹.

Рукопись, пожалуйста, возвратите (не по почте, а лично), взяв из нее нужные страницы.

З[инаида] Н[иколаевна] получила книжку Шумакова². Сердечно Ваш

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Год установлен по содержанию.

¹ См. предыдущие два письма.

² Судя по всему, сборник стихов: *Шумаков Ю.* Третья встреча: Звукопись. Братислава: Альгаир, 1934. Менее вероятно, что это вторая книга Юрия Дмитриевича Шумакова (1914—1997): Вне: Стихи. Белград; Тарту: Орза, 1935. Рецензии ни на одну из них Гиппиус не написала.

180. Мережковский — Рудневу
Paris. 25 апреля 1935 г.

25 апреля

Дорогой Вадим Викторович,
 очень прошу дать отрывку заглавие:
Коммунизм Божественный

Из книги о св[ятом] Франциске Ассизском¹

Очень жалею, что отрывок такой ничтожный, но надеюсь, что для следующей книжки «С[овременных] з[аписок]» еще что-нибудь выберете.

Сердечно Ваш

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Год установлен по содержанию.

¹ Подзаголовок в публикации не было (была подстраничная сноска: «Из книги “Св. Франциск Ассизский”»), как не было и других фрагментов.

181. Мережковский — Рудневу

*Paris. 31 мая 1935 г.*¹

Пятница

Дорогой Вадим Викторович,

очень прошу Вас сообщить *pneumatique*, когда Влад. Ан. Злобину зайти за деньгами². Это — мой газ!

Сердечно Ваш

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Дата «31.V.1935» вписана рукой Руднева.

² Судя по всему, гонорар за «Коммунизм Божественный».

182. Злобин — Рудневу

Paris. 6 июня 1935 г.

11bis, av[enue du] Colonel Bonnet, Paris 16^c

6-VI-35

Многоуважаемый Вадим Викторович,

ждали Вас вчера, в среду, утром, но Вы не пришли.

В пакете, который я для Вас приготовил, между прочим, две заметки З[инаиды] Н[иколаевны] о Дон-Аминадо и о Бакуниной¹. Если заняты и Вам трудно зайти, напишите, я пошлю пакет по почте.

Искренно преданный

Вл. Злобин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Пневматическое письмо; адрес отправителя: «M[onsieur] W. Zlobine, Paris 16^c, rue Colonel Bonnet, XIbis»; адрес получателя: «M[onsieur] V. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne (Seine)» почт. шт.: «Paris, 6.6.1935», «Boulogne, 7.6.1935».

¹ Имеются в виду рецензии: *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]* Дон-Аминадо: Нескучный сад. Париж: [Дом книги], 1935 // СЗ. 1935. № 58. С. 472–474; *Гиппиус З.Н.* Бакунина Е.В. Любовь к шестерым: Роман. Париж: Б.и., 1935 // Там же. С. 478–479.

183. Гиппиус — Вишняку
Paris. 22 июня 1935 г.

22-6-35. Париж.

Дорогой Марк Вениаминович,
 я сердечно радуюсь, что моя памятка об Амалии [Фондаминской] показалась вам во многом верной и нужной¹. Моя первая и главная задача была, однако, вызвать общий образ А[малии], очень, по-своему, сложный, сплетенный из всяких противоречий (как будто); что и делало ее «особенной». О ее без-рассудительном, натуральном, соединении еврейства с христианством я сказала вовсе не потому, что считаю это в ней «главным», или потому, что *мне* это кажется важным: я даже подчеркнула, что это «одна из ее особенностей». Ваш взгляд несколько не противоречит моему; я совершенно с вами согласна во всем: А[малия] действительно находилась в стихии жизни, «любила и жила», притом «любила разное»; и вот, что «разное» любила, тут, отчасти, и была ее особенность. На первом, втором или третьем месте была у нее «религия» — я этого и не касалась; по-моему, у нее все было на первых местах, или на каких-то «своих», отчего и оставалась она «сама по себе». Я, м.б., не сумела, как ни старалась, точно это выразить, оттого вы мне и возражаете; а, м.б., у вас такое представление о «религии», что она как-то ущербляет полноту любви к жизни. Если же представить иначе, то и понятно, почему я все, что вы об А[малии] пишете, целиком принимаю. (Кроме того, разве, что она «никогда не думала о смерти». Нет, часто думала.)

Еще раз спасибо за отклик, он мне ценен, я знаю, что вы и ваша жена любили А[малию]; и почувствовали, что я писала, как только могла, правдиво. Не сказала лишь, со *всей* резкостью, как мне не понравилось «христианское» моление и Булгаков². Но читающий да разумеет! Впрочем, не понравилось оно никому из любящих А[малию]. Сердечный привет вам обоим.

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44). Помета рукой Вишняка: «55». Впервые: CMRS. 1982. Vol. 23. № 3—4. P. 461.

¹ Имеется в виду: *Гиппиус* З. Негасимая свеча (Памяти Амалии Фондаминской) // ПН. 1935. 22 июня. № 5203. С. 4.

² См. в тексте: «В тот же день, в маленькой, домашней, “катакомбной” церкви, та же (или почти та же) толпа друзей и близких, — евреев и христиан вместе. Православный священник произносит слова христианских молитв, — молится об умершей еврейке. Он не забывает, что она дочь Израиля, не присоединенная к церкви таинством крещения».

184. Злобин — Рудневу
Paris. 4 июля 1935 г.

11bis, av[enue du] Colonel Bonnet, Paris 16^e

4-VII-35

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
 Д[митрий] С[ергеевич] очень просит вернуть ему текст его речи, который ему нужен для нового выступления о непримиримости¹. Буду Вам очень благодарен, если одновременно пришлете и мою речь².

Мы до сих пор не получили последнего № «С[овременных] з[аписок]»³. Пожалуйста, напомните, чтобы нам их прислали.

Искренне преданный Вам

Вл. Злобин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Речь идет о выступлении Мережковского 29 мая 1935 г. на собрании «Зеленой лампы», посвященном теме «О непримиримости». Выступление напечатано: *Мережковский Д.* Старая и новая непримиримость // Возрождение. 1935. 7 июня. № 3656. С. 5.

² Злобин делал на том же собрании доклад, о содержании которого можно составить представление по отчету, помещенному в том же номере «Возрождения», что и речь Мережковского.

³ Последний вышедший к тому времени номер — кн. 58.

185. Злобин — Рудневу
Paris. 26 июля 1935 г.

11bis, avenue du Colonel Bonnet, Paris 16^e

26-VII-35

Многоуважаемый Вадим Викторович, Д[митрий] С[ергеевич] очень просит Вас вернуть ему текст его речи о «непримиримости», который ему сейчас нужен для нового выступления. Я Вам некоторое время тому назад об этом уже писал, но, очевидно, письмо мое не дошло. Не откажите в любезности вернуть одновременно и мою речь. Если Вы сейчас заняты, сообщите, пожалуйста, когда можно Вас застать, я к Вам заеду.

Искренне преданный

Вл. Злобин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

186. Гиппиус — Рудневу
Paris. 3 октября 1935 г.

3 окт. 35. Париж

Дорогой Вадим Викторович, нет, простите, не могу написать рецензии, о кот[орой] мы говорили¹. Что касается других тем, то я, по причинам иного порядка, их опасюсь, и о них следовало бы с вами заранее поговорить. Подождем не этого, а следующего № «Совр[еменных] записок»...² если, ко времени его выхода, уже не случится кончины мира (это само собою разумеется).

Сердечный привет от нас обоих.

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Пневматическое письмо; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, 51, Rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; адрес отправителя: «Z. Hippus, 11bis av[enue] du Colonel Bonnet, Paris 16^e»; почт. шт.: «Boulogne, 4.X.1935».

¹ О какой рецензии идет речь, мы не знаем.

² Видимо, речь идет о 60-й книге СЗ (59-я вышла в ноябре). Никаких материалов Гиппиус в ней не было.

187. Гиппиус — Рудневу *Paris. 18 октября 1935 г.*

18 oct[obre] 35

Дорогой Вадим Викторович,
хорошо. Жаль, что вы ответили так поздно, жаль, потому что места так мало, но... постараюсь удовлетворить вас. Только очень прошу вас, не выпускайте уж без моего ведома ничего из этих кратких строк¹.

Я думала сказать еще несколько личных слов о Поплавском, но для этого совсем поздно, не правда ли?² Привет

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Пневматическое письмо.

¹ Речь идет о небольшой некрологической статье: *Гиппиус З.Н.* Своими путями: (О Е.М. Лопатиной) // СЗ. 1935. № 59. С. 459—462. См. также следующее письмо.

² Действительно, некролога о Борисе Поплавском, скончавшемся 9 октября 1935 г., Гиппиус не написала, но «несколько личных слов» о нем вошли в ее статью: *Гиппиус З.* У нас в Париже // Сегодня. 1936. 9 февр. № 40. С. 3.

188. Гиппиус — Рудневу *Paris. 20 октября 1935 г.*

20 окт. 35. Воскресенье

Дорогой Вадим Викторович,
в моих словах насчет Попл[авско]го нет никакого «шиффра» [так!], они значат, что значат, т.е.: «поздно» в том прямом смысле, что я, занятая Лопатиной, не успею ничего устроить *к концу недели*. Но если срок продлен — это делается возможным. «Послесловие» мне даже улыбается, хотя о его религ[иозно-]фил[ософских] исканиях вряд ли могу сказать что-либо *определенное*, да и никто этого, думается, не может, как не мог бы он сам. Во всяк[ом] случае, для «послесловия», мне надо видеть статью его «молодого друга», или хоть знать ее содержание и чья она. Автор — не из тех, кого мы видим постоянно и видели сегодня; а это множество и есть — были — его главные друзья¹.

Мое сожаление, что вы известили меня «поздно» о Лопатиной, касалось также и вопроса места; я предполагала, что если бы вы решились на это раньше, то для заметки вышло бы больше места; а это во всех отношениях мне было бы лучше: и легче, и главное, внутренне приятнее: я знаю, что о ней *стоит* сказать то,

что я хочу сказать, и знаю, что этого, кроме меня, никто не скажет. А сжимая это до размера вдвое меньше газетной статьи, я занимаюсь весьма трудной эквилибристикой, что, естественно, берет у меня гораздо более времени.

Вот откуда шло мое «жаль, что поздно» насчет Е[катерины] М[ихайлов]ны [Лопатиной], а насчет Поплавского я уже объяснила все. Пожалуйста, дорогой Вадим Викторович, не ищите у меня «скрытых смыслов», их не бывает; бывает, разве, неясность выражений от спешки. Сердечный привет

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Некролог Поплавского см.: *Газданов Г.И.* О Поплавском // СЗ. 1935. № 59. С. 462–466. Послесловия Гиппиус к нему не было, хотя оно было написано (см. п. 187 и п. 189).

189. Гиппиус — Рудневу *Paris. 29 октября 1935 г.*

29 окт. 35. Париж

Дорогой Вадим Викторович,

несмотря на дни нездоровья (очередной грипп) я поторопилась окончить обе заметки. Я думала их еще переписать, но это может сейчас не понадобиться. Заметку о Е.М. Лопатиной (о ней, главное, речь) я сделала de mon mieux¹: и в отношении краткости, и содержания. Не зная, однако, удовлетворит ли она вас в данном виде (а другого я предложить не могу) — я и хотела очень просить вас вы-брать минуточку, заехать к нам и просмотреть эти краткие строки. И для вас, и для меня получится сохранение времени: найдя мой текст или что-нибудь в нем, неподходящим или слишком длинным, вы успеете еще взять в № что-нибудь дру-гое; а я поспешу отдать мою статью переписать на машинке в нескольких экземп-лярах, чтобы послать тем, кто ее желают иметь.

Что касается нескольких строк о Поплавском, то их я могу постараться еще сократить... а то и вовсе зачеркнуть для «Совр[еменных] зап[исок]», — это как вы найдете лучшим, мне все равно. Сердечный привет

Ваша З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ так хорошо, как только могла (фр.).

190. Гиппиус — Рудневу *Paris. 1 ноября 1935 г.*

Пятница 1 н[оября]

Вот исполнение ваших желаний, Вадим Викторович, надеюсь — последних. Примите во внимание, что рукопись в «кусочках», они склонны к разлетанию.

Привет

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по местонахождению в архиве и по содержанию п. 189.

191. Руднев — Гиппиус

Paris. 7 ноября 1935 г.

пятница 7.XI¹

Дорогая Зинаида Николаевна!

Как условились, посылаю Вам рукопись заметки о Поплавском, которая, вероятно, понадобится Вам для чтения на поминальном вечере².

Заметка *очень* хороша, — но втиснуть в номер, при наличии уже другой, большей по размеру статьи, невозможно. А жаль.

Корректуру статьи «Своими путями», боюсь, не успею послать: типографшики, разбойники, дадут ее в последний час. Но положитесь уж на меня: не подведу. Преданный Вам

В. Руднев

Не перо, а дреколье какое-то.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Gippius & Merezhkovsky papers. Box 3. F. 52). Год установлен по содержанию.

¹ Пятница приходилась в 1935 г. на 8 ноября.

² Вечер памяти Б.Ю. Поплавского состоялся 9 ноября, Гиппиус на нем не только не выступала, но даже и не присутствовала (см.: *Ходасевич В.Ф.* Камер-фурьерский журнал. М., 2000. С. 265). Вечер устраивался «Зеленой лампой», но имя Гиппиус не значилось и в газетных анонсах.

192. Гиппиус — Рудневу

Paris. 2 декабря 1935 г.

2-12-35. Париж

Дорогой Вадим Викторович,

благодарю за присланную кучу¹. Надеюсь, вы сделаете, что я еще «долго буду вас благодарить»; например, пришлете мне оттиски моей заметки о Е. Л[опатиной], которые очень нужны («С[овременные] з[аписки]» всегда это делали, даже без моей нужды и просьбы.)

Что касается «человеконенавистничества», то против него, как бы, в чём бы, где бы оно ни проявлялось, и в каких бы углах *сейчас* носа ни показывало, — против него у меня всегда протест наготове, даже и «христианства» не нужно особого для этого. К сожалению, в русском Париже нет «свободы слова», как, бывало, в царском Петербурге. И я все свои «протесты» принуждена глотать.

Ainsi va le monde²! Жму вашу руку.

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Вероятно, речь идет о книгах для рецензирования.

² Таков ход вещей (фр.).

193. Руднев — Мережковскому

Paris. 13 декабря 1935 г.

13.XII.1935.

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Не могу, не умею и не хочу писать в официальном стиле приветствие «дорогому юбиляру». Позвольте только обнять Вас искренне, от всего сердца поздравить — за редакцию и за себя лично — с наступающим Вашим семидесятилетием¹.

Что пожелать Вам, дорогой Дмитрий Сергеевич? — Душевных сил, еще долгих, долгих лет плодотворного труда и, если будет на то милость Божия, радости дожить до лучших времен для России и человечества.

~~Бесчислен круг~~ Круг почитателей замечательного Вашего ~~исключительного~~ таланта бесчислен! Но что особенно многим из нас дорого в Вашем даре — это, конечно, всегдашнее Ваше неутомимое *искание* — высшего смысла и последней правды в наших земных делах. Даже не соглашаясь с Вами, всегда чувствуешь себя обогащенным Вашей интуицией и поднятым над обыденностью. За это особое душевное Вам спасибо.

Преданный Вам и любящий

В. Руднев

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Письмо на бланке журнала «Современные записки». Вверху помета рукой Руднева: «Мережковскому».

¹ 70 лет Мережковскому исполнилось 14 августа 1935 г., однако юбилей отмечался 14 декабря (в день восстания декабристов). См.: Чествование Д.С. Мережковского // ПН. 1935. 17 дек. № 5381. С. 2; Как прошло в Париже чествование Д.С. Мережковского // Сегодня. 1935. 20 дек. № 350. С. 8; Чествование Д.С. Мережковского 14 декабря в Париже // Иллюстрированная Россия. 1935. 21 дек. № 52 (554). С. 8.

194. Гиппиус — Рудневу

Paris. 23 января 1936 г.

23-1-36. Paris

Дорогой Вадим Викторович,

вы не поняли меня, я и не думала о «Совр[еменных] з[аписках]», посылая вам экземпляр моей примитивной «геометрии»¹. Она, вообще, не для печати, а для «внутреннего употребления». Если Илюша [Фондаминский] собирается к нам в это воскресенье, то, за завтраком, передайте ему тетрадку для меня.

Что касается «Якоря» и «Культуры и жизни», — то вряд ли я соберусь написать на них мысли². Меня сейчас это не занимает, и если бы я написала, то, пожалуй, так, что и читателя не заняло бы.

Жаль, что вы мне не доверяете хотя бы в меру Адамовича: ему позволено всякие «Комментарии» плести³; почему за мной нужен, как говорил Вишняк (и думает Милуков) «глаз да глаз»?

Впрочем, *je ne me plains pas, loin de là!*⁴ Привычка к непонятному, ведь «много есть, друг Горацио...»⁵.

И с сердечным приветом я крепко жму вашу руку.

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ О чем идет речь, мы не знаем.

² «Якорь» — вышедшая в конце 1935 (с датой 1936) антология эмигрантской поэзии. 22 января 1936 г. М.О. Цетлин писал Рудневу: «Думаю, что рецензия З.Н. Гиппиус о “Якорь” вещь пленительная» (Ред., п. 467). Для журнала ее рецензировал другой автор: *Биццли П.М.* [Рец. на кн.:] Якорь: Антология зарубежной поэзии / Сост.: Г.В. Адамович, М.Л. Кантор. Берлин, 1936 // СЗ. 1936. № 60. С. 463–465. «Культура и жизнь» — традиционный раздел СЗ.

³ В 1935 г. Г.В. Адамович печатался в каждом номере СЗ. Конкретно Гиппиус имеет в виду статью: *Адамович Г.В.* Комментарии // СЗ. 1935. № 58. С. 319–327.

⁴ я не жалуясь, вовсе нет (фр.).

⁵ Отсылка к словам Гамлета из трагедии У. Шекспира (действие 1, сц. 5). В русский обиход они вошли в виде: «Есть многое на свете, друг Горацио, / Что и не снилось нашим мудрецам» (слегка измененный перевод М.П. Вронченко).

195. Гиппиус — Рудневу *Paris. 14 февраля 1936 г.*

Пятница 14-2-36

Дорогой Вадим Викторович,

Илюша [Фондаминский] меня *заверил* (не далее, как вчера), что маленькая рецензия еще может попасть в № «Совр[еменных] записок»¹. Поэтому я посылаю эти листки (их 4½), о кот[орых] мы, конечно, не будем спорить.

Ваша З. Гиппиус

(Простите этот «росчерк», совпавший с некоей дискуссией по постороннему поводу.)

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ В ближайший, вышедший в конце февраля номер журнала рецензия не попала и была напечатана в следующем: *Гиппиус З.Н.* [Рец. на кн.:] Мамченко В.А. Тяжелые птицы: Стихи. Париж, 1936; Савинков Л.Б. Аванпост: Стихи. Париж, 1936 // СЗ. 1936. № 61. С. 466–468.

196. Мережковский — Рудневу *Paris. 3 января 1939 г.*

11bis, av[enue du] Colon[el] Bonnet, *Paris* (XVI).

3 января 1939

Дорогой и глубокоуважаемый Вадим Викторович, очень давно Вы мне обещали зайти ко мне. Напоминаю Вам об этом, п[отому] ч[то] мне хотелось бы с Вами поговорить о возможности напечатать в «Совр[еменных] зап[исках]» отрывков из моей новой книги, «Лютер», полуромана, по-

луистории. Думаю, что эти отрывки были бы занимательны не только для «избранных», но и для «большой публики»¹.

Если сможете прийти, то известите об этом двумя строками, назначив какой угодно день и час. Мне всего удобнее утром, до 1 ч., или вечером, после 5 чч.

Поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю Вам всего радостного и светлого — главное, успеха Вашему столь нужному для нас всех и прекрасному делу — «Совр[еменные] записки». Сердечно преданный Вам

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ После обсуждавшегося выше фрагмента из «Франциска Ассизского» Мережковский в СЗ не печатался. Книга «Лютер» была впервые опубликована по-французски в 1941 г., по-русски — посмертно, в книге «Реформаторы» (Брюссель, 1990).

197. Руднев — Мережковскому

Paris. 4 января 1939 г.

4.I.1939

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Вы совершенно правы, и мне очень стыдно, что я не зашел к Вам тогда, когда мы об этом говорили. Но сами видите, какая сейчас жизнь. Все летит стремительно куда-то к черту, потом вдруг — катастрофа, переворачивающая вверх дном всю Европу (~~сентябрь!~~)¹ и к тому же попутно ставящая под вопрос дальнейшее существование «Совр[еменных] зап[исок]», теперь уже не секрет, что они поддерживались правительством Бенеша, а за это время книги Ваши, по поводу отрывков из которых предполагалось вести разговор («Данте», «Петр и Павел», «Фр[анциск] Асс[изский]», «Ж[анна] д'Арк»), выходят одна за другой едва ли не чаще и регулярнее, чем самые книжки журнала. Я едва успеваю лишь отозваться на их появление рецензиями в «С[овременных] з[аписках]»².

В настоящее время положение таково: 68-я книжка, появление в свет которой еще *более или менее* обеспечено, заканчивается сейчас печатанием и должна появиться еще в этом месяце³. Речь могла бы идти только о № 69, который, в *лучшем* случае, ~~может вый[ти]~~ выйдет не ранее мая месяца, — *если выйдет вообще*. Вы отлично понимаете, насколько трудно заменить чешск[ую] регулярную поддержку добровольными пожертвованиями частных богатых лиц, ~~которые~~ в Париже, большинство которых к тому же сейчас справедливо озабочено более всего трагической судьбой беженцев из Германии⁴. А за это время, до мая месяца, — не ~~опередит ли уже~~ появится ли уже в свет и Ваша книжка о Лютере?

Вот факты, из которых делаю для себя вывод: ~~повидаться надо тогда, когда]~~ очень рад повидаться, но имеет смысл это, пожалуй, после того, как выяснится дальнейшая судьба «С[овременных] з[аписок]», после выхода № 68.

В свою очередь поздравляю Вас и Зинаиду Николаевну с Новым годом. Чего пожелать? Боюсь, ~~что наши пожелания не совпадут~~: совпадут ли наши пожелания?

Я желаю от всей души, чтобы не осуществились в этом роковом 1939 году худшие предчувствия, которыми томится сейч[ас] весь культ[урный] мир насчет судеб Европы, — и, конечно, России, для нас в первую очередь.

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Вверху помета рукой Руднева: «Мережков[скому]».

¹ В сентябре 1938 г. было подписано Мюнхенское соглашение, поведшее к расчленению Чехословакии и отставке президента Э. Бенеша. Именно чехословацкие деньги давали возможность существования СЗ.

² См.: *Терапиано Ю.К.* [Рец. на кн.:] Мережковский Д.С. Павел. Августин. Берлин, 1936 (Лица святых от Иисуса к нам; Ч. 1) // СЗ. 1937. № 65. С. 441—443; *Мочульский К.В.* [Рец. на кн.:] Мережковский Д.С. Франциск Ассизский. Берлин, 1938 // СЗ. 1938. № 67. С. 463—464. Книги «Данте» (Брюссель, 1939; предварительно в 1937—1938 гг. печаталась в РЗ) и «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (Берлин: Петрополис, 1938) в СЗ не рецензировались.

³ На деле кн. 68 вышла в марте 1939 г.

⁴ Речь идет о событиях т.н. «Хрустальной ночи», т.е. еврейском погроме во многих городах Германии и Австрии в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г., и последующих.

198. Гиппиус — Рудневу *Paris. 25 января 1939 г.*

25-1-39. Paris

Дорогой Вадим Викторович,
очень трудно на 1½ страничках сказать что-нибудь и о человеке, и об эпохе, и обо всем, но... для Чулкова, пожалуй, довольно и той одной странички, которую я написала¹. Или уж обличать его «Годы странствий»², — да и то, если б он не умер. Об умерших, вы знаете... всегда нужна хоть капелька лицемерия. (В данной заметке его, впрочем, мало.)

Очень рада, что, по сведениям М.О. Цетлина, «Совр[еменные] записки» будут благополучно продолжаться. Искренно ваша

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Имеется в виду некрологическая статья: *Гиппиус З.Н.* О счастливости: (Г.И. Чулков) // СЗ. 1939. № 68. С. 462—463.

² Книга воспоминаний Г.И. Чулкова (М.: Федерация, 1930).

199. Руднев — Гиппиус *Paris. 21 июля 1939 г.*

21.VI.1939.

Дорогая Зинаида Николаевна!
В Берлине, «Национальным» Русским издательством, выпущена книжка некоего Мих. Спасовского под заглавием «В.В. Розанов в последние годы своей жизни». Автор — мерзейший антисемит, самого идиотически-подлого типа, какой только

мог получиться из синтеза русского черносотенства и немецкого расизма. Вы представляете себе, что он мог сделать из «антисемитизма» Розанова? «Розанов наш, весь, целиком только наш, между вами, русским обществом, и Розановым — непреходимая пропасть...», так приблизительно.

Конечно, Розанов немало сам поспособствовал тому, чтобы его легко было смешать с самым вульгарным жидоедством и ~~погромщиной~~ погромством. И такая вот дрянная книжонка — *заслуженная* им казнь, — недаром и Вы когда-то с Дмитрием Сергеевичем изгнали его из Рел[игиозно-]фил[ософского] общества¹.

Конечно, писать о каком-то Спасовском и его отвратительной книжонке — это значит делать ему честь и создавать рекламу.

И все же меня беспокоит сомнение: можно ли, должно ли так отдавать «им» *всего* Розанова? Не следовало ли бы все же показать здесь, в эмиграции, кое-кому, что «антисемитизм» Розанова более сложное явление, что в нем ~~не только ненависть, но~~ наряду с ненавистью была и любовь к еврейству, к Ветхому Завету и т.д.; ~~и в чем.~~ Розанов, несмотря на провалы, останется все же *и наш*.

И вот, — к Вам, хорошо знавшей двойственный облик Розанова: не хотите ли дать небольшую рецензию на книжку Спасовского²? (Это, перед революцией, студент, редактор студенческого журнальчика «Вешние воды», в котором сотрудничал Розанов, в брошюре имеется несколько *неизданных* писем Розанова к нему, в последний год его жизни³.)

Беда только — что дело это *сверх-срочное*. всего несколько дней до окончания набора «Совр[еменных] зап[исок]».

Так вот, если в принципе согласны, — откликнитесь, немедленно пришлю или занесу книжку. Привет Дмитрию Сергеевичу. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Об изгнании В.В. Розанова из петербургского Религиозно-философского общества в январе 1914 г. существует громадная литература, в которой чаще всего выявляются две противоположные позиции, обвиняющие в скандале то Розанова, то Мережковских, по инициативе которых это исключение состоялось. Назовем лишь новейшую публикацию: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. М., 2009. Т. 2. 1909—1914. С. 393—454 и комментарии (С. 579—587).

² Гиппиус рецензию написала: *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]* Об одной книжке // СЗ. 1939. № 69. С. 397—398. См. также п. 200—202.

³ О Михаиле Михайловиче Спасовском (1890—1971), его воспоминаниях и отношениях с В.В. Розановым см.: Розановская энциклопедия. М., 2008. Стлб. 924—926 (статья А.В. Ломоносова).

200. Гиппиус — Рудневу

Paris. 21 июня 1939 г.

21-6-39

Дорогой Вадим Викторович,

эта поганая книжка у меня есть, она уже выпала у меня из рук¹, я уже мечтала этого г-на пришить, ведь тут гнусное (и примитивное) вранье... Но где могла

я сказать свое слово? О «С[овременных] з[аписках]» думала, но т.к. знаю, что Милюков не позволяет даже имени Розанова употреблять, то полагала, что и вы тоже.

Я очень рада написать об этой вопиющей гадости несколько нужных слов, но прошу лишь назначить мне последний *день* возможности, ибо до воскресенья я занята и заняться этим не могу. Если еще есть время до середины буд[ущей] недели, скажем, до четверга, — черкните строчку, и будет готово.

Ваша З. Гиппиус

Последнее время, если эмигр[антскую] «литературу» почитать, можно заболеть от отвращения. Одна реабилитация Распутина в «Ил[люстрированной] России» чего стоит²! А наша Якоби³? Я решила погрузиться в холодное молчание.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Пневматическое письмо; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; почт. шт.: «Paris, 22.6.1939»; «Boulogne, 22.VI.1939».

¹ Отсылка к началу стихотворения А.С. Пушкина «Зорю бьют... из рук моих / Ветхий Данте выпадает...».

² Речь идет о мемуарном очерке Н. Бурдукова-Студенского «Отклики пережитого», печатавшемся с 13 мая по 10 июня 1939 г. (№ 21–25). Более всего мог впечатлить Гиппиус очерк: *Бурдуков-Студенский Н.* Отклики пережитого. IV. Петербургские встречи. В смутные дни // *Иллюстрированная Россия*. 1939. 10 июня. № 25. С. 13–14.

³ Ср. в письме М.А. Осоргина к В.В. Рудневу от 10 октября 1934 г.: «Дорогой Вадим Викторович, мне прислали хороший (по-моему) рассказ “Опус 110”. Его автор — Регина Фрейдберг, по мужу Якоби, живет в Брюсселе. Она давно присылала мне разные опыты, на этот раз удачный» (РАЛ. MS. 1500/4).

201. Руднев — Гиппиус

Paris. 22 июня 1939 г.

22.VI.1939.

Дорогая Зинаида Николаевна,

получил Ваше письмо, спасибо за согласие. Несколько дней Вы имеете для заметки, — буду ждать ее в четверг с утра.

У меня смутное, но ~~крепкое~~ воспоминание, что где-то (не в «Апокалипсисе» ли?) были опубликованы существенные ~~строки~~ Розанова, ~~перед в последние от~~носящиеся к последним дням его жизни, как бы покаянные в отношении евреев: заявления Розанова, являющиеся как бы покаянными в его былом отношении к евреям. ~~Вы должны бы знать.~~ Хорошо бы их ~~найти~~ разыскать¹.

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/7). На бланке журнала «Современные записки».

¹ По всей видимости, имеется в виду письмо В.В. Розанова от 17 января 1919 г.: «Благодарную и великую нацию еврейскую я мысленно благословляю и прошу у нее прощения за все мои прегрешения и никогда ничего дурного ей не желаю и считаю первой в свете по назначению».

202. Гиппиус — Рудневу
Paris. 26 июня 1939 г.

26-6-39 Paris. Понед[ельник]

Дорогой Вадим Викторович,
 я, как видите, «упреждаю сроки». Вы правы, что сему господину не следует делать рекламы; имея это в виду, я и писала заметку. Если вы найдете ее слишком длинной, и она в № «не влезет», то лучше возвратите ее мне: я короче сказать не могу. (От «не влезет» я только что пострадала с *не моей* рукописью у Каплуна. Как редактор «свободного» сборника¹.)

О «покаянии» Р[озанова] сказано в заметке². А читали ли вы мою обстоятельную о Р[озанове] статью³? Она очень важна для понимания, «чей» Розанов. И для понимания его отношения и к евр[еям], и ко *Христу*. Искренно ваша

З. Гиппиус

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Речь идет о сборнике: Литературный смотр: Свободный сборник / Под ред. З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского; вступ. ст. З.Н. Гиппиус. Париж: [Дом книги], 1939. О каком инциденте идет речь, мы не знаем.

² См. примеч. 1 к п. 201.

³ Очевидно, речь идет о воспоминаниях «Задумчивый странник» (Окно. 1923. № 3), включенных в книгу «Живые лица».

203. Мережковский — Вишняку
Paris. Б.д.

11bis, rue Colonel Bonnet, Paris XVI

Суббота

Глубокоуважаемый Марк Веняминович,
 сердечно благодарю за скорую и аккуратную присылку денег. Простите, что немного[?] замедлил ответом: я в спешке[?] перед отъездом в Вену[?], где читаю[?] лекцию о будущем Христе[?]. Искренне преданный Вам

Д. Мережковский

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 80). Письмо сильно повреждено сыростью и местами поддается только предположительному прочтению.

204. Мережковский — Вишняку
Paris. Б.д.

Глубокоуважаемый Марк Веняминович,
 прошу Вас выдать чек не на мое имя, а на имя Злобина, п[отому] ч[то], оказывается, по справке без *carte d'identité*¹ не выдают нигде, а моя *carte* в Союзе журналистов. До завтра.

Ваш Д. Мережковский

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 80).

¹ удостоверение личности (фр.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

205. Речь, произнесенная Д.С. Мережковским на банкете в честь выхода пятидесятой книги «Современных записок» 30 ноября 1932 г.

К юбилею «Современных записок».

Я хорошо понимаю, что устроители ~~этого пиршества~~ банкета избрали меня председателем только за неимением лучшего, ~~потому что:~~ на безрыбьи и рак рыба. Но я все-таки рак, а мне трудно быть не рыбой. Я также понимаю, что председатель должен высказывать наиболее средние, общие, но, по возможности, все-таки не рыбы, а человеческие мысли. Вот, кажется одна из таких мыслей: что такое Россия для нас, мы, когда она была, совсем не знали; от этого и произошла вся наша ~~ужасная русская~~ беда.

Родина подобна здоровью: только потеряв ее, начинаешь любить, как следует.

Лучше была Россия, ~~больше, выше,~~ прекраснее, могущественнее, святее, чем мы о ней думали.

Но, если некогда страдали мы недугом самоотрицания ~~самоистребления,~~ —

~~Как сладостно от чизну ненавидеть~~

~~И жадно ждуть ее уничтоженья¹,~~ —

(кто, кроме русского, мог бы произнести эти поистине ужасные слова?, — если мы страдали этим недугом в нашем чувстве к бывшей России, то, может быть, мы и теперь все еще страдаем тем же недугом в ~~нашем~~ чувстве ~~нашем~~ к России будущей — или, по крайней мере, к одной из двух ее половин — к самим себе.

Голая, бесплотная, свободная, блуждающая в мире душа России, голая Психея на страшной наковальне истории, под ее плющильным молотом, — вот что такое не русская «эмиграция», — слово это неверно и недостаточно, — нет, скажем просто: вот что такое *мы*.

Так тяжкий млат,

Дробя стекло, кует булат².

В нас дробится стекло — ~~все ненужное~~ отпадает все для будущей России ненужное, слабое, хрупкое, нечистое, и куется ~~самая~~ чистейшая, ~~самая~~ гибкая, твердая сталь. Мы или совсем не существуем, как развеваемая ~~ветром~~ в воздухе стеклянная пыль, или мы должны быть *героичны*. И этот заданный нам героизм — самый трудный, — не в мгновенном действии, подвиге, а в голом, как будто праздном, бездейственном существовании, в бесконечно-длительном и ~~медленном~~ терпении бытия.

Sum, ergo facio.

~~Я емь~~ Есмь, значит, я действую.

Главное, чего ~~хотят~~ хотели бы наши враги — враги России: чтобы нас не было, потому что самое бытие наше — вечная для них угроза. Главное, чего мы хотим; ~~или должны бы хотеть, —: продолжения бытия:~~ быть, быть, только бы нам быть, ~~и мы победим, — наших врагов и увидим Россию~~ и мы победим — увидим Россию.

Скрытая теплота этого героизма, теплый свет его всегда присутствуют в нас. Но иногда — ~~очень, очень, к сожалению;~~ увы, слишком редко — ~~вспыхивает этот~~ ~~теплый героизм он~~ вспыхивают и сверкающим светом радости. Вот для этой-то радости мы и сошлись сегодня.

На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, — вспоминая о Сионе...

Прилипни язык к гортани моей, если я не буду помнить тебя, Иерусалим; если я не поставлю тебя во главе веселия моего.

Свет очей моих потухни, если я перестану ~~надеяться, радоваться~~ веселиться, надеяться, что глаза мои — мои глаза — увидят Россию³.

Это ~~первое мое «рыбье»~~ слово первая моя «рыбья» ~~мысль~~, но все-таки, по возможности, человеческая мысль; а вот и ~~второе~~ вторая.

Мы собрались сегодня на праздник свободного русского Слова. Три у него ~~образа~~ аспекта. Первый: наше слово — *оружие*.

Если бы трусливые угнетатели России дали ей свободу слова, ~~они~~ то были бы сметены завтра же. Дело почти мгновенно родилось бы от слова; каждое свободное слово превращалось бы в оружие ~~и бомбу, винтовку, пулемет, аэроплан~~. Каждое свободное слово уже делается оружием в нас. Кузница ~~этого страшного для большевиков~~ ~~оружия~~ его — «Соврем[енные] записки». В царство немых рабов, бунтующих, разбивающих младенцев о панель, —

дочь Вавилона, опустошительница!..

блажен, кто разобьет младенцев твоих о камень⁴! —

в это ~~кровавое~~ царство насилия, революционного ужаса, ~~террора~~ — мы придем во всеоружии свободного, ~~чистого, мирного~~ Слова, и оно ~~победит, бесконечно~~ уменьшая уменьшит ~~неизбежное~~ насилие — ~~лютос «блаженство»~~ и тех, кто ~~будет~~ ~~разбивать~~ тех, кто ~~разбивает~~ младенцев о камень. Чем нравственно-чище, ~~фило-софски~~ — умственно-глубже, художественно-прекраснее, религиозно-огненное ~~будет~~ ~~это~~ ~~будет~~ наше ~~свободное~~ слово здесь, тем будет меньше ~~революционного~~ ~~насилия, ужаса;~~ ~~насилия, крови там, в освобождаемой России.~~

Пятьдесят белых книжек «Совр[еменных] записок» — пятьдесят белых башен — оружейных палат ~~или неприступных крепостных редутов, грозных врагу~~ ~~нашего~~ ~~свободного~~ ~~слова~~ ~~оружия~~ ~~русского~~ ~~слова~~.

Второй аспект ~~нашего~~ ~~слова~~ его — *плоть*.

Общую, ~~нашу;~~ физическую ~~плоть~~ — ~~русскую~~ ~~землю~~ — мы потеряли; но сохранили ~~нашу~~ общую ~~плоть~~, духовную, — слово. И Слово станет ~~плотью~~⁵. Наше свободное русское слово родит свободную русскую землю.

Пятьдесят белых книжек «Совр[еменных] записок» — пятьдесят ~~белых;~~ ~~благо-~~ ~~датных,~~ ~~радостных;~~ святых мук этого рождения.

И, наконец, третий, самый для нас радостный, аспект нашего слова — *путь*.

Пятьдесят белых книжек «Совр[еменных] записок» — пятьдесят белых камней — ~~указующих~~ вех на возвратном пути нашем в Россию. Верно и точно выбран ~~этот~~ ~~путь~~, по вечной Полярной звезде ~~нашей~~ — свободе. И если этот наш празд-

ник так светел и радостен, то может быть, что мы все уже чувствуем предчувствуем, что конец пути близок конец пути. Да прилипнет язык к гортани мой, если я скажу, что не близок.

Такова наша хвала сегодняшнему юбилею «Совр[еменным] запискам». Будем, однако, помнить пословицу: заставь дурака Богу молиться, он и лоб себе расшибет. Кажется, русские люди вообще не глупы; но слишком иногда склонны к таким вредным для обоих, хвалимого и хвалящего, лоб расшибающим хвалам. Будем, однако, помнить, что лучшие дела и люди даже от заслуженных похвал как-то неожиданно скоро портятся; так вроде того, как самое свежее молоко скисает от грозы. Как бы и наше молоко не скисало. Будем же не только хвалить, но и судить.

Всякий герой есть действующее лицо трагедии. И даже так, что, и чем героичнее лицо, тем оно трагичнее, и наоборот: чем трагичнее, тем героичнее.

Слишком нам очевидно героическое в судьбах «Совр[еменных] записок», в том, что они уже сделали и, будем надеяться, еще сделают. В чем же их трагедия? В очень глубоком и все углубляющемся расколе, внутреннем, не неизбежном, но опасном идейном расколе, в не неизбежной, но возможной борьбе двух поколений — «отцов» и «детей» — «Совр[еменных] записок» и «Нов[ого] града»⁶.

Как возможна и опасна эта борьба, ясно чувствуется. Что значит эта борьба для нас всех, видно по замечательнейшей статье Вад. Викт. В. Руднева о «Нов[ом] граде»; — статье, очень, знаменательно символически появившейся как раз в пятидесятой и юбилейной книжке «Совр[еменных] записок» «Записок»⁷. Статья эта, написанная с необыкновенно очень большой не только политической, но и нравственной и даже религиозной силой, производит впечатление остро-отточенной и меткие удары наносящей рапиры шпаги. Вот ее острие:

«...после всего того положительно и исторически оправданного, что Новоградцы находят в советской власти, трудно понять, почему они еще так враждебны к большевикам».

Самое острое и метко разящее слово здесь — «еще»: если пока «еще», по непонятным причинам, враждебны пока «еще» им, значит, могут быть скоро уже и уже дружелюбны. Далее Руднев приводит соблазнительнейшую соблазнительную формулу одного из главных идеологов «Нового града», г. Степуна:

«большевизм не только ложь, но и, в известном смысле, истина; это утренняя заря какого-то нового дня всемирной истории».

И Руднев приводит. Приводит Руднев и И приведя еще более соблазнительные слова «смено[ве]ховца», «соглашателя», Устрялова⁸:

«“Нов[ый] град” взрывает редуты зарубежной крепости *изнутри*»; и Руднев заключает:

«эти раскрытые объятия сменовеховцев («соглашателей»), — серьезнейшее для “Нов[ого] града” предостережение... Надо же, наконец, самоопределиваться... От участников “Нов[ого] града” эмиграция мы вправе ожидать определенных и точных ответов: какие идеи, какие достижения считают они положительным творческим приобретением большевицкой революции?»

Кажется, ответ на этот вопрос и решит, будет или не будет братоубийственный, между старшим и младшим поколением, между «Совр[еменными] записками» и «Нов[ым] градом», поединок.

Когда учатся фехтованию, то насаживают на острия шпаг предохранительные шарики, чтобы слишком метким ударом не ранить ~~нечаянно~~ противника. Точно такой же предохранительный шарик насажен — и на острие рудневской шпаги. **Вот он:**

Бунаков — (полуперешедший в стан «детей», «отец») — заявляет, что ненавидит большевиков «*последнюю ненавистью*»; и кто сколько-нибудь знает духовный облик Ильи Исид[оровича], ни на минуту не усумнится в субъективной правде этих слов.

Шарик, однако, на острие шпаги, едва держится: **вот-вот спадет.**

«Что это за странная ненависть! что за головное, всякого жизненного содержания лишенное чувство!» — **воскликает** недоумевает Руднев.

«Если падши поклонисься мне, я дам Тебе все царства мира сего»⁹; — искушал Господа диавол; почему бы злему духу в лице «сменовеховца» Устрялова не искусить Бунакова: «если падши поклонисься мне, я дам тебе Россию»? И устоит ли перед этим искушением «последняя ненависть» Ильи Исидоровича, — вот вопрос, кажется, для Руднева далеко не решенный.

Предохранительные шарики насажены и на остро-отточенные шпаги Новоградцев «детей»:

Главная и острейшая мысль их заключается в том, что мировая *социальная проблема*, включающая в себя и ~~проблему~~ русскую проблему России, разрешима не в старой, позитивно-эмпирической, а ~~лишь~~ только в новой *религиозной плоскости*; **что** миром искомый синтез Личности и Общности, демократической свободы и социального равенства, возможен только в религии, для самих новоградцев — только в христианстве.

Кажется, Руднев, в той же статье, соглашается с этой главной, ~~и острейшей~~ идеей «Нов[ого] града»:

«религиозное обоснование ценности личности — (демократической свободы) и правды человеческого общежития — (социального равенства) — весьма дорого нам».

Дорого это религиозное обоснование религиозное обоснование, конечно, потому, что ~~оно~~ единственно возможно.

Это и значит: новоградские шпаги могут быть тоже остры, удары их метки, а шарики на остриях ~~могут быть~~ могут так же непрочно держаться. **Вот-вот** Что, если спадут с обеих сторон и начнется междусобная война, и «редуты зарубужной крепости будут взорваны изнутри»?

Лучшая порука в том, что этого не будет, ~~не может быть~~, что оба стана — «отцов» и «детей», в последнюю ~~героическую~~ трагическую и ~~героическую~~ минуту соединятся против общего врага, — ~~лучшая в этом порука~~ — наш сегодняшний праздник. Может быть, не в «Совр[еменных] записках» и не в «Нов[ом] граде», а где-то между ними или около них выкуется новая мысль — новое оружие для освобождения России, потому что старое оружие, в самом деле, как будто недостаточно. Как бы то ни было, самый жаркий огонь ~~оружейной~~ кующей это оружие кузницы разведен был «Совр[еменными] записками»: пятьдесят ~~белых~~ книжек — пятьдесят ~~добела~~ раскаленных горнов. **Почему** Кажется, ясно теперь, **почему** Вот почему наш сегодняшний праздник так светел и радостен! ~~Потому что он.~~ Радость наша — на страх врагам.

В мире блуждающая, бестелесная душа свободной России, голая Психея под пятнадцатилетним плоскостным молотом, сохранившая сохранила на лице своем возможную улыбку веселия, того самого, которым, той самой радости, которой и мы сейчас веселимся радуемся: если бы только враги наши способны были понять (не поймут), что для них это значит, — им, вероятно, сделалось бы страшно.

Быть, только быть, только бы нам быть, и мы победим — увидим Россию.

Я пью за то, чтобы нам отпраздновать еще светлейший праздник, чем этот, в честь первой книжки «Совр[еменных] записок», которая выйдет уже в России.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/2).

¹ Неточная цитата из стихотворения В.С. Печерина, начинающегося этими строками.

² Из поэмы А.С. Пушкина «Полтава».

³ От слов «На реках Вавилонских...» — неточная и видоизмененная цитата из псалма 136.

⁴ Неточная цитата из того же псалма 136.

⁵ Ин. 1: 14 (с переменной времени: в оригинале — «стало плотию»).

⁶ Журнал, выходявший с ноября 1931 г. под редакцией И.И. Фондаминского, Ф.А. Степуна и Г.П. Федотова.

⁷ См.: Руднев В.В. Политические заметки: (Еще о «Новом граде») // СЗ. 1932. № 50. С. 438—455.

⁸ Устрялов Николай Васильевич (1890—1937), один из главных идеологов сменовеховства.

⁹ Измененная цитата: Мф. 4: 8—9.

206. Б.Е. Шацкий¹ — Мережковскому *Paris. 30 ноября 1932 г.*

30 ноября

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич,
прошу Вас как председателя сегодняшнего банкета передать редакции «Современных записок» мои сердечные поздравления и душевное сожаление, что болезнь жены лишает меня возможности быть на юбилейном праздновании. Душою я с ними сегодня.

Пользуюсь случаем просить Вас принять уверения моего глубокого уважения.

Б.Е. Шацкий

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/2). Год установлен по содержанию. Письмо на бланке: «Professeur B. Shatzky, Chargé de cours libre de droit américain constitutionnel à l'Université de Paris, 5, rue Boudreau (IXe)».

¹ Шацкий Борис Евгеньевич (1889 или 1890—1941), экономист, юрист, педагог, публицист; с 1920 г. в эмиграции; член Русской академической группы в Париже; вместе с Б.Э. Нольде редактировал журнал «Право и хозяйство» (Париж, 1925. № 1—3); с 1927 г. преподавал в Русском институте права и экономики юридического факультета Парижского университета, во Франко-русском институте социальных и политических наук, в Русском коммерческом институте; сотрудничал в ПН и в СЗ; с 1933 г. проживал в Чили.

*«Мне всегда тяжело дышать там,
где меня неласково принимают»:
О.О. Грузенберг*

Публикация, вступительная статья и примечания
В.И. Хазана

Я был солдатом, простым солдатом, но всегда в первых рядах, еще чаще приходилось бывать братом милосердия, но всегда в передовых окопах, под убийственным вражеским огнем.

Оскар Грузенберг. Из пережитого¹

Несмотря на не расходящееся с истиной утверждение современного историка российской адвокатуры о том, что «жизнь, деятельность и личность Грузенберга отражены в обширном массиве источников»², тем не менее подробного жизнеописания известного адвоката, одного из авторов СЗ, не существует³. О целых периодах его жизни, не говоря уже о каких-то кратких по времени, но крайне значительных и содержательно насыщенных ее эпизодах, мы не имеем почти никакого представления. В особенности малоосвещенной и малоописанной остается биография Грузенберга-эмигранта: так, например, рассказ о его рижском периоде ограничивается беглыми, не обремененными подробностями упоминаниями⁴. Между тем крупный масштаб этой личности, как, впрочем, и те «издержки» характера, которые этим масштабом отменялись и становились в особенности заметными и чувствительными, требуют соединения известных о Грузенберге материалов в одну, пусть и пунктирную, летопись его «трудов и дней».

Оскар (Израиль) Осипович (Иосифович) Грузенберг родился в Екатеринославе 15 апреля 1866 г. в довольно состоятельной еврейской семье купца 2-й гильдии Осипа (Иосифа) Давидовича и Малки (Матильды) Владимировны Грузенберг. Незадолго до смерти отца, которого не стало, когда мальчику было всего 13 лет, семья переехала в Киев. Отец умер неожиданно от сибирской язвы в результате укуса ядовитого насекомого, оставив вдову и шестерых детей. При жизни главы семейства, как вспоминал впоследствии Оскар Осипович, Грузенберги пребывали «не только в довольстве, но и в баловстве»⁵, а после его внезапной смерти им пришлось владеть более чем скромное существование.

¹ РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карт. 47. Ед. хр. 17. Л. 2

² *Троицкий Н.А.* Корифеи российской адвокатуры. М., 2006. С. 272.

³ Тот же автор справедливо констатирует данное положение, говоря о том, что «до сих пор, как ни странно, нет о нем специального, сколько-нибудь обобщающего исследования, хотя бы в форме статьи (не говоря уже о научной библиографии)...» (Там же). В качестве «биографического путеводителя» можно рассматривать книгу воспоминаний самого О.О. Грузенберга «Вчера» (Париж, 1938). Основные вехи его жизни до отъезда в эмиграцию и особенности адвокатского искусства прослежены в упомянутой книге Н.А. Троицкого (С. 272–288), ср.: *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 144–146; см. еще статьи Е.М. Кулишера, А.Я. Столкинда, И.А. Найдича и И.Л. Цитрона в кн.: *Грузенберг О.О.* Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944, а также: *Беренштам В.В.* В боях политических защит. Л.; М., 1925; *Шабловский И.* Грузенберг – защитник, Грузенберг – сенатор // *Сегодня.* 1926. 10 апр. № 78. С. 2. Другие важные источники грузенберговской биографии указаны в процессе изложения данной статьи.

⁴ См., напр.: *The Jews in Latvia* / Ed. M. Bobe [et al.]. Tel Aviv, 1971. P. 81, 270, 352.

⁵ *Грузенберг О.О.* Вчера. С. 7.

Живя в Киеве, Грузенберг познакомился с писательницей и переводчицей М.В. Ватсон, взявшей на себя заботу о смертельно больном поэте С.Я. Надсоне (в мае—сентябре 1886 г. они снимали дачу на станции Боярка, вблизи Киева). Грузенберг, который, как и все молодое поколение его времени, боготворил Надсона, был одним из тех, кто вместе с Ватсон дежурил «по ночам у постели метавшегося в бреду больного», о чем впоследствии писал в своих воспоминаниях⁶.

Окончив киевскую гимназию в 1885 г., а в 1889 г. юридический факультет Киевского университета⁷, Грузенберг отклонил предложение остаться при кафедре и посвятить себя научно-преподавательской деятельности, для чего необходимо было принять христианство. В 1887 г., еще на институтской скамье, он женился на Рахили-Розе Гавриловне (урожд. Голосовкер; 1867—1941). Их первый ребенок, родившийся в 1888 г., умер, прожив недолгое время.

Поселившись в Петербурге⁸, Грузенберг начинает заниматься адвокатской практикой в качестве помощника присяжного поверенного П.Г. Миронова⁹. Однако из-за действовавшего в России с 1889 г. закона, ограничивающего доступ евреев к адвокатуре¹⁰ он, будучи уже известным на всю страну юристом, в течение 16 лет оставался в этом звании, испытыв на себе всю силу национального притеснения¹¹. Об этом изощренно-варварском юдофобском обычае, первые ростки изменения которого начали проступать, когда Грузенбергу было уже под 40 лет, современник писал: «Последствием закона [1889 г.] явилось то, что, будучи приняты в число помощников присяжных поверенных, евреи оставались помощниками без права выступать по делам и без надежды когда-либо быть принятыми в число присяжных поверенных.

Таких бесправных адвокатов образовалось большое количество, и жизнь выработала особый род их деятельности, судебными уставами непредусмотренный.

⁶ Грузенберг О.О. Вчера. С. 216.

⁷ Об этом периоде в жизни Грузенберга см. в его воспоминаниях «Мои гимназические и студенческие годы» (Сегодня. 1926. 18 апр. № 85).

⁸ Первоначально Грузенберги поселились на ул. Николаевской, 49 (Весь Петербург на 1895 год. Отд. III. С. 65), затем жили на Бассейной, 7, после чего переселились на Кирочную, 32 (Весь Петербург на 1913 год. Отд. III. Ч. 1. С. 173; этот их дом описан в романе Ш. Аша «Петербург»); еще один адрес Грузенбергов называет автор книги о петербургском еврействе: Садовая, 123 (*Бейзер М.* Евреи Петербурга (Путеводитель). Л., 1986. С. 42).

⁹ Когда осенью 1928 г. юридические и общественные круги Риги захотели отпраздновать 40-летие вступления Грузенберга в адвокатуру, он обратился со специальным письмом в газету «Сегодня», прося «не делать этого ни в какой форме» и мотивируя свою просьбу тем, что «вместо желаемой радости» торжества по этому поводу «причинят мне глубокую боль»: «чтобы прожить десять лет вне родины, пережить все то, что мне, как и многим другим скитальцам, выпало на долю, приходилось и приходится черпать силу в благодатном даре забвения — забвения своего прошлого, иногда даже вчерашнего дня». И далее следовало замечание о том, что «в исчисление юбилейной даты вкралась неточность» (Сегодня. 1928. 3 сент. № 238. С. 4).

¹⁰ Формально закон не запрещал евреям доступ к адвокатуре, а передавал решение этого вопроса в ведение министерства юстиции, однако фактически, по негласно действовавшему правилу, евреев в адвокатское сословие не принимали.

¹¹ В связи с этим киевский адвокат и публицист Л.А. Куперник, отец известной писательницы, драматурга, поэтессы и переводчицы Т.Л. Шепкиной-Куперник, писал в антисемитской брошюре «Еврейское царство»: «такие юристы, как Винавер, Грузенберг и Слиозберг в Петербурге, Гольденштейн в Кишиневе, Кальманович в Саратове, Як. Гольденвейзер и Мазор в Киеве, пользующиеся большою известностью и огромным доверием публики, остаются “заслуженными помощниками” и не попадают в присяжные поверенные» (*Куперник Л.А.* Еврейское царство. Киев, 1904. С. 23). Из-за того что евреям был закрыт доступ в адвокатуру, оставался стажером, разменяв шестой десяток, известный юрист и общественный деятель М.И. Кулишер. По воспоминаниям М.М. Винавера, он невесело шутил: «Увидите, будет на наших могилах написано: “Ci git помощник присяжного поверенного”» (*Винавер М.М.* Недавнее (Воспоминания и характеристики). Изд. 2-е, доп. Париж, 1926. С. 260). Ср.: *Кучеров С.Л.* Евреи в русской адвокатуре // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960. С. 403, 431.

Еврей-помощник получал доверенность и готовил дело, а затем, сделав переверие, высылал вместо себя полноправного адвоката, присяжного поверенного или же помощника с так называемым свидетельством.

Насколько неудобным оказался такой порядок, указывают неоднократные ходатайства советов о предоставлении евреям-помощникам права вести дела по таким же свидетельствам и о допущении их в присяжную адвокатуру.

Кроме того, установился обычай, чтобы о каждом еврее-помощнике, прошедшем стаж, ходатайствовать перед министерством юстиции о принятии его в присяжные поверенные. До последнего времени все ходатайства отклонялись.

Известие о допущении нескольких евреев-помощников в присяжную адвокатуру указывает на то, что взгляд адвокатского сословия, высказывающийся через советы и постановления общих собраний, принят министерством в соображение, если не вполне, то по крайней мере отчасти¹².

Лишь в преддверии робких признаков либеральных свобод, связанных с первой русской революцией 1905 г., когда евреи, которые хотя бы пять лет проходили в помощниках, автоматически становились полноправными адвокатами, Грузенберг добился этого звания¹³.

Наступившая в стране реакция и необходимость отстаивать закон и право выдвинули имя Грузенберга на одно из видных мест в рядах правозащитников. Количество дел, прошедших через его руки, способно поразить любое воображение. Герой упомянутого выше (примеч. 8) романа Ш. Аша «Петербург», известный адвокат Соломон Осипович, прототипом которого явился Грузенберг¹⁴, говорит в одном из эпизодов: «Вчера изучал дело одного из революционеров, сегодня — государственного советника, притеснителя евреев. Судебное производство не делает различий между партиями...»¹⁵. Действительно, защитой от судебных наказаний Грузенбергу были обязаны представители разных политических партий, убеждений и ориентаций. Судебные процессы, в которых он участвовал, имели не один только юридический, правовой аспект, но задевали и тянули за собой многообразный комплекс социальной проблематики как таковой, и прежде всего такие кардинальные критерии общественного развития, как демократия и свобода¹⁶. Дела, которыми приходилось заниматься Грузенбергу, охватывали, кажется, весь основной проблематический спектр политической жизни России конца XIX — начала XX в.: процессы против сионистов (1897—1903), максвелльский процесс¹⁷, кишиневский и минский погромы, защита евреев

¹² С.И. [Изнар С.А.] Присяжные поверенные евреи // Русь. 1904. 23 июля. № 220. С. 2.

¹³ Грузенберг стал членом сословия присяжных поверенных 10 января 1905 г., см.: Троицкий Н.А. Корифей российской адвокатуры. М., 2006. С. 274 (автор ссылается на Список присяжных поверенных Петербургской судебной палаты и их помощников к 31 января 1914 г. СПб., 1914. С. 62).

¹⁴ Грузенберг явился прототипом и для героя другого романа Ш. Аша — «Мэри», где он выведен под именем присяжного поверенного Семена Семеновича Глиценштейна (впервые на это указал В.Е. Кельнер в статье «Петербургские реалии романа Шолома Аша “Мэри”» (Лехаим. 2007. № 2 (178)).

¹⁵ Ash Sholom. Peterburg. Tel Aviv, 1954. S. 9 (*Hebrew*).

¹⁶ Свою речь «О петроградской адвокатской громаде», произнесенную на юбилейном собрании петроградских присяжных поверенных и их помощников, Грузенберг закончил следующими словами: «Мы хотим жить; мы будем жить... А для адвокатуры жить — значит неустанно биться, — без страха поражений и без самообольщения победами, — за право и свободу, без которой нет и не может быть истинного права» (Грузенберг О.О. О петроградской адвокатской громаде. Пг., 1916. С. 31).

¹⁷ В ночь с 16 на 17 декабря 1898 г. отряды полиции устроили облаву на рабочих-стачечников текстильной фабрики Д.Д. Максвелла в Петербурге. В результате истязаний и грубого насилия схваченные без разбора 20 человек были преданы суду, открывшемуся 29 марта 1899 г. Несмотря на то что группу защитников рабочих составили авторитетные адвокаты — Н.П. Карабчевский, П.А. Потехин, Ф.И. Родичев, В.В. Беренштам, Я.З. Алапин, — ее лидером стал Грузенберг. Процесс завершился относительно мягкими наказаниями оказавших «сопротивление власти».

Орши от обвинения в религиозной вражде с христианским населением, кассирование дела Д. Блондеса¹⁸, защита П. Дашевского¹⁹ и в особенности М. Бейлиса²⁰, получили широчайшую огласку²¹ и сделали Грузенберга подлинно еврейским национальным заступником, в том числе и в глазах правого лагеря²². Его авторитет и слава адвоката не

¹⁸ В 1900 г. виленский еврей-парикмахер Давид Блондес был обвинен в том, что ранил свою служанку – христианскую девушку, для того чтобы использовать ее кровь в ритуальных целях. По первоначальному приговору Д. Блондеса осудили, однако после поданной Грузенбергом кассационной жалобы дело было пересмотрено и несправедливо осужденный оправдан (1902). Подробное освещение этого дела см.: Судебная хроника: (Дело Блондеса в Сенате) // Будущность. 1901. 20 апр. № 16. С. 306–308; 27 апр. № 17. С. 325–326; 18 мая. № 20. С. 385–387.

¹⁹ Киевский студент Пинхас Дашевский (1879–1934) 4 июня 1903 г. покушался в Петербурге на жизнь одного из главных организаторов кишиневского погрома П. Крушевана, нанеся ему ножевое ранение. Речь Грузенберга при защите Дашевского в Сенате была напечатана в русско-еврейском еженедельнике «Будущность» (1903. 17 окт. № 42. С. 829–831); о самом деле см.: *Грузенберг О.О.* Вчера. С. 231–236; переведенные на идиш воспоминания Грузенберга печатались в еврейской прессе: *Vi azoi iz bafrait gevorn Pinkhas Dashevski: (Zikhroines fun advokat Gruzenberg)* [Как был освобожден Пинхас Дашевский: (Воспоминания адвоката Грузенберга)] // *Haint (Warszawa)*. 1925. 24.03. № 71. С. 4; см. также: *Грузенберг О.О.* Очерки и речи. С. 202–207.

²⁰ Знаменитое дело киевского еврея Менахема Менделя Бейлиса (1874–1934), жертвы кровавого навета (1911–1913). Бейлис был обвинен в убийстве в ритуальных целях 13-летнего христианского подростка, ученика Киево-Софийского духовного училища А. Ющинского. К судебному разбирательству, продолжавшемуся два года, было приковано внимание не только в России, но и во всем мире. В защите Бейлиса вместе с Грузенбергом участвовали В.А. Маклаков, А.С. Зарудный, Н.П. Карабчевский и Д.Н. Григорович-Барский. В результате Бейлису был вынесен оправдательный приговор, хотя антисемитская печать продолжала грубо издеваться над решением суда – обливать грязью Грузенберга и тех прогрессивных русских деятелей, кто стал на защиту истины и справедливости, и доказывать «всесилие еврейского кагала»; см., к примеру, поэму некоего А.Т. Торнея «Бейлисиада» (Прямой путь. 1914. № 3. С. 272–276), в которой защитник Бейлиса изображен как «душою грязный, / Привычно наглый и развязный» (С. 274); недоверие к искренности Грузенберга выражал В. Розанов, который писал об этом в «Открытом письме» С.К. Эфрону-Литвину, опубликованном первоначально в «Новом времени» (1913. 3 окт.), а затем включенном в его книгу «Ободрятельное и осызательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914). Глубокий социальный анализ процесса над Бейлисом дан в статьях В.А. Маклакова «Значение дела Бейлиса» (Русские ведомости. 1913. 30 окт. № 250) и «Спасительное предостережение: Смысл дела Бейлиса» (Русская мысль. 1913. № 11. С. 135–143). Несколько фрагментов из шести часовой защитительной речи Грузенберга см. в его кн. «Очерки и речи» (С. 177–192). См. также: *Бор. Ор. [Орешкин Б.С.]* О. Грузенберг о «кровавом навете» // Сегодня. 1926. 20 апр. № 86. С. 5. Подробно о деле Бейлиса см.: *Тагер А.* Царская Россия и дело Бейлиса: К истории антисемитизма. М., 1933 (2-е изд., с предисл. А.В. Луначарского); то же включено в кн. (репринт. воспроизведение): *Дело Бейлиса: Исследования и материалы.* Иерусалим; М., 1995; *Scapgoat on Trial: The Story of Mendel Beilis / The Autobiography of Mendel Beilis the Defendant of the Notorious 1912 Blood Libel in Kiev / Intro. and ed. by Shari Schwartz.* New Jersey, 1992; *Кацис Л.* Кровавый навет и русская мысль: Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. Иерусалим; М., 2006. Несмотря на то что «дело Бейлиса» представляет собой сегодня общее место российской судебной историографии, имя Грузенберга, сыгравшего одну из главных скрипок в его решении, порой в связи с ним даже не называется. Ср. в комментариях к солидному тому публикации документов о советской культурной политике: «Благодаря многочисленным протестам общественности, в том числе А.М. Горького и В.Г. Короленко, М. Бейлис был оправдан» (Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 1999. С. 734).

²¹ В.И. Гессен, сын одного из редакторов «Речи» И.В. Гессена, впоследствии вспоминал: «В квартире на Малой Конюшенной у нас было два телефона. Один стоял в кабинете отца и не значился в телефонной книге, другой – в маленькой комнате около столовой. Номер этого телефона я запомнил: 36–20. Другой испарился из памяти. Помню только, что номер был пятизначным. Телефон тесно связан в моей памяти с процессом Бейлиса, который происходил в Киеве. Приговор по этому громкому делу был вынесен днем и в газеты попал только на следующий день. Накануне вечером у нас беспрерывно звонил телефон. Незнакомые люди справлялись о приговоре. Отец поручил брату и мне подходить к телефону и ограничиваться одним словом – «оправдан»» (*Гессен Вл.* Из воспоминаний // Мосты. 1962. № 9. С. 355).

²² См. в «Мимолетном» В. Розанова (запись от 20 марта 1915 г.), где он ставит Грузенберга в ряд с другими интеллектуальными лидерами еврейства: А. Кугель, С. Венгеров, М. Гершензон, Ю. Айхенвальд и Л. Слонимский (*Розанов В.В.* Собрание сочинений. Мимолетное / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1994. С. 29).

только приобрели всероссийский масштаб, но шагнули далеко за пределы России: в 1913 г. его именем была названа одна из первых улиц Тель-Авива, отметившего к тому времени 4-ю годовщину своего существования²³. А в самой России еврейский поэт С. Фруг писал в посвященном ему стихотворении:

Мимо домов наших,
Кровью пасхального
Ангца отмеченных,
Ангел карающий,
Меч опустя, проходил.
Ангела дьявол сменил:
Душу народную
Кровью нечистойю,
Злобно пятнает он,
Лютой грозит нам бедой.
Слава, бессмертная
Слава, смывающим
Пятна те адские
Правды Живою Водой!²⁴

После «дела Бейлиса» имя Грузенберга на еврейской улице становится едва ли не знаковым, ассоциируясь — в полном соответствии с оригиналом — с образом уверенно в своем праве, внешне импозантного и блестяще-красноречивого адвоката. В рассказе А. Соболя «Встань и иди» описывается забавная сценка: директор еврейской труппы из Филадельфии Генри Перельман, он же в прошлом «приказчик чайного магазина на Трокской улице в Вильне», ставящий в Париже спектакль, связанный с «делом Бейлиса», отвергает услуги некоего Мерчика, претендующего на роль Грузенберга:

«— Господин Перельман... Я вам говорю, дайте мне Грузенберга, и я оправдаю ваши надежды. Господин Перельман... Я и мой цилиндр... Живой Грузенберг будет перед вами...

— Мерчик! — тянул Генри Перельман. — Ведь вы двух слов не можете связать, вы шепелявите, а ваш цилиндр в Пьете. Тоже адвокат! Во-первых Грузенберг — человек с фигурой, а вы гриб. Берете Пранайтиса²⁵? Так уж быть, Пранайтиса я вам дам...»²⁶.

Следует, однако, заметить, что Грузенберг приобрел имя известного правозащитника, человека, призванного отстаивать свободу и защищать попранную справедливость, задолго до знаменитой «бейлисиады». Характерный портрет адвоката зафиксирован в воспоминаниях русско-еврейского прозаика и драматурга О. Дымова. Грузенберг описан в дымовских воспоминаниях в тот момент, когда он 23 ноября 1900 г. присутствовал в качестве зрителя в Суворинском театре (Театре Литературно-художественного общества) на скандально знаменитой премьере «Контрабандистов» по антисемитской пьесе С. Эфрона-Литвина: «Вот [...] появился адвокат Грузенберг,

²³ Ср. с ошибочным утверждением, что имя Грузенберга «и по сей день носит одна из центральных улиц Иерусалима» (*Ваксберг А.И.* Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицину. М., 2003. С. 28).

²⁴ Еврейская жизнь. 1916. № 7. Стлб. 40.

²⁵ Иустин Пранайтис (1861–1917), католический священник, автор антисемитских сочинений. Был привлечен к судебному процессу по «делу Бейлиса» как «эксперт».

²⁶ *Соболь Андрей.* Встань и иди // Сборники «Сафрут» / Под ред. Л. Яффе. Кн. 1. М.: Изд-во «Сафрут», 1918. С. 52.

который в своем фраке был похож на английского политического деятеля времен Гладстона. Во всем его облике — черных, как смоль, волосах, элегантной бородке, очень ему идущей, золотом пенсне, с которого свисала узкая черная ленточка, — сквозила уверенная в себе сила. Лицо Грузенберга выражало сосредоточенность, поскольку для него этот театральный скандал рисовался чем-то гораздо большим: попыткой задушить свободу, которую он был поставлен защищать»²⁷.

Среди многочисленных подзащитных Грузенберга назовем имена Л. Толстого²⁸, М. Горького (и фактически возглавляемое последним издательство «Знание») и В.Г. Короленко³⁰; редакторов «Речи» П.Н. Милокова³¹, И.В. Гессена³², В.Д. Набокова³³ и «зиц-редактора» Б.О. Харитона³⁴; общественных деятелей, писателей, ученых и журналистов: Н.А. Морозова, А.В. Пешехонова, В.А. Мякотина, С.А. Венгерова, Н.Ф. Анненского и Б.С. Оречкина (точнее, газету «Наши ведомости») и др.³⁵. К нему обращались А.П. Чехов и Г.В. Плеханов — первый в связи с освобождением от кабальных договорных условий с книгоиздательством А.Ф. Маркса, второй — по поводу возможности легального возвращения в Россию. Грузенберг защищал представителей столь далеких друг от друга общественных сфер и идеологий, как, с одной стороны, сионистов во главе с редактором журнала «Рассвет» А. Идельсоном или армянских националистов, а с другой — редактора сатирического журнала «Сигнал» (после закрытия и запрещения выходил под названием «Сигналы») К. Чуковского³⁶ и председателей Пе-

²⁷ Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать...: Из мемуарного и эпистолярного наследия: В 2 т. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2011. Т. 1. С. 433. В тех же мемуарах Дымов вспоминает, что Грузенберг выступал во время похорон выдающегося еврейского скульптора М. Антокольского: «Вдруг пошел дождь, и адвокат Оскар Грузенберг так начал свою надгробную речь: "Природа оплакивает смерть своего лучшего сына"» (Там же. С. 518). Фрагмент из надгробной речи Грузенберга на похоронах М. Антокольского (без приводимых Дымовым слов) включен в его книгу «Очерки и речи» (С. 169–170).

²⁸ См.: Грузенберг О. Беседа с Л.Н. Толстым о суде // Сегодня. 1930. 6 окт. № 276. С. 2.

²⁹ См. в нижеследующей публикации примеч. 2 к п. 25.

³⁰ См. примеч. 5 к п. 6. Письма Грузенберга к Короленко отложились среди бумаг последнего в РГБ (Ф. 135. Разд. II. Карт. 22. Ед. хр. 29. Л. 1–51 об.; Разд. III. Карт. 1. Ед. хр. 21. Л. 1–5 об.; Карт. 3. Ед. хр. 9. Л. 10–11 об.).

³¹ Называющего его в своих воспоминаниях «мой друг и постоянный защитник О.О. Грузенберг» (Милоков П.Н. Воспоминания: [В 2 т.]. М., 1990. Т. 1. С. 60); переписку между Грузенбергом и Милоковым см.: Письма П.Н. Милокова — О.О. Грузенбергу (Из парижского архива Соломона Познера) / Вступ., публ. и примеч. В.Е. Кельнера // Russian Studies (СПб.). 2000. Т. III. № 3. С. 258–314; Старые связи (Из писем О.О. Грузенберга П.Н. Милокову) / Публ., вступ. заметка и коммент. В. Кельнера // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции, Таллинн, 12–14 сентября 2002. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 354–359; см. также: Грузенберг О. О П.Н. Милокове // Сегодня. 1929. 3 марта. № 62. С. 5.

³² См.: Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет. Berlin, 1937. С. 227.

³³ После его убийства Грузенберг, живший в это время в Берлине, писал в «Моей памятке о В.Д. Набокове»: «Мне дорог этот Набоков [общественный и государственный деятель, человек редкой честности и бескомпромиссности], но дороже другой: Набоков — «соподсудимый» или «созащитник», не знаю, как точнее назвать. Тогда я почувствовал, узнал, что Набоков — не холодный, а страстно-сдержанный, что чувствует он не головою, а сердцем, — не слякотным от нескончаемой слезоточивости сердцем, которое любит всех и никого, а деятельным, разбивающимся, «умным сердцем»» (Руль. 1922. 2 апр. № 420. С. 1).

³⁴ См.: Речь. 1908. 21 мая (3 июня). № 120. С. 5; см. также: Грузенберг О.О. Редакторы под судом // Сегодня. 1929. 29 сент. № 270. С. 9; Грузенберг О.О. Очерки и речи. С. 108–114.

³⁵ См.: Оречкин Бор. О.О. Грузенберг — защитник в революционном трибунале (Из воспоминаний подзащитного) // Сегодня. 1936. 14 апр. № 105. С. 2 (статья была опубликована в день 70-летнего юбилея Грузенберга; этот номер газеты вышел с портретом Грузенберга на 1-й странице).

³⁶ См.: Дымов О. Корней Чуковский: Из воспоминаний // НРС. 1946. 10 нояб. № 12614. С. 8; Чуковский К.И. «Сигнал» // Он же. Собр. соч.: В 15 т. М., 2001. Т. 4. С. 540–573. Грузенберг не только защитил Чуковского от судебного преследования, но и сумел найти скрывавшегося издателя журнала А.С. Мордуховича и заставить его выплатить редактору положенный гонорар (Там же. С. 572). «Книгу о современных писателях» (СПб., [1914]) Чуковского предваряет посвящение: «Защитнику книг и писателей Оскару Осиповичу Грузенбергу».

тербургского совета рабочих депутатов Г.С. Хрусталева-Носаря и Л. Троцкого³⁷, или революционного деятеля, члена РСДРП Н.Е. Буренина³⁸, или 169 думских депутатов-выборщиков, подписавших т.н. «Выборгское воззвание» (обращение к народу 9 (22) июля 1906 г. депутатов I Государственной думы, распущенной указом Николая II, привлеченных к суду за содержащийся там призыв к гражданскому неповиновению произволу властей). Среди крупных достижений правовой деятельности Грузенберга следует указать также на возбужденное им и представителями партии кадетов дело против Союза русского народа, члены которого совершили убийство депутата I Государственной думы М.Я. Герценштейна³⁹. К ряду дел, взбудораживших широкие общественные круги, относится защита Грузенбергом в 1908–1909 гг. члена военной организации эсеров В. Пирогова⁴⁰. Особого упоминания заслуживает выигранное им дело Гершановича, за которым стоял вопрос о защите еврейства, обвиняемого праворадикальными кругами в мнимом шпионаже и предательстве в пользу Германии в годы Первой мировой войны⁴¹. Как и в случае с Блондесом и Бейлисом, этот вопрос приобрел широкое политическое звучание и значение.

К делу Гершановича тематически примыкает защита Грузенбергом полковника С.Н. Мясоедова, обвиненного в шпионской деятельности в пользу немцев. Это был шумный процесс, который привлек внимание всего русского общества. Грузенберг подробно изложил его в очерке «Бред войны», напечатанном в СЗ (см. примеч. 1 к письму от 6 января 1925 г.), а затем включенном в его мемуарную книгу «Вчера» (С. 55–65)⁴².

Отношения Чуковского с Грузенбергом продолжались по крайней мере до середины 20-х гг., когда последний уже находился в эмиграции, см. в его письме Горькому от 17 ноября 1925 г.: «Не посылаю Вам оттиска “Поручика Пирогова”: не осталось ни одного, — журнал “Совр[еменные] зап[иски]” присылает авторам лишь по 10 экз. Не удосужитесь ли просмотреть его в XXI кн. “Совр[еменных] зап[исок]”? Мне интересно Ваше о нем мнение. Получил об этом очерке восторженный отзыв от Корнея Ив[ановича] Чуковского. Несомненно, он обладает удивительным критическим чутьем, но так как он человек страстный, то бывает пристрастен в ту или другую сторону» (Переписка [М. Горького] с О.О. Грузенбергом / Предисл., публ. и коммент. Ф.Н. Пицкель // Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка / Отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М., 1988. С. 1024).

³⁷ См.: *Грузенберг О.О.* Совет рабочих депутатов и суд над ними // Он же. Очерки и речи. С. 92–101; ср.: *Бальц В.А.* Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора) // Былое. 1926. № 2; *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989. С. 36–39.

³⁸ См.: *Буренин Н.Е.* Памятные годы: Воспоминания. Л., 1961. С. 139.

³⁹ См. об этом в мемуарах самого Грузенберга: *Вчера*. С. 130–146.

⁴⁰ О чем адвокат И.Л. Цитрон с восхищением писал, что только благодаря высочайшему искусству Грузенберга удалось «добиться отмены смертного приговора Пирогову, восстановления права на защиту на суде и пересечь уже намывленную, наброшенную на шею осужденного веревку с роковой петлей» (*Цитрон И.Л.* Памяти О.О. Грузенберга: (Ко второй годовщине со дня смерти) // НРС. 1942. 15 дек. № 10889. С. 3).

⁴¹ Защитительная речь Грузенберга была опубликована в еженедельнике «Еврейская жизнь» (1916. 14 авг. № 33. Стлб. 14–19); включена в сборник «Дело Гершановича с защитительной речью О.О. Грузенберга. С приложением статьи Вл. Гал. Короленко “О Мариампольной “измене” и вступ. ст. Мих. Гернета» (М., 1917). Воспоминания Грузенберга об этом деле см. в варшавской идишской газете «Haint» (1925. 24.03. № 71. С. 4).

⁴² В эмиграции о деле Мясоедова как важнейшем событии эпохи вспоминали многократно, см.: *Дневник Сухомлинова* // ПН. 1921. 11 июня. № 352. С. 3; *Сухомлинов В.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 347–350; 373–384 (то же: М.; Л., 1926); [*Бучинский Б.И.*] Суд над Мясоедовым: (Впечатления очевидца) Б. Б-ого // Архив русской революции. Берлин, 1924. [Т.] 14. С. 132–147; Из воспоминаний А.И. Гучкова // ПН. 1936. 26 авг. № 5633. С. 2 (то же: Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 94–98), на что отреагировал Б. Суворин: *Суворин Бор.* Мое столкновение с полк. Мясоедовым: (По поводу воспоминаний А.И. Гучкова) // Возрождение. 1936. 5 сент. № 4042. С. 8, 12; см. также: *Раунах Р.Р. фон.* Facies Hippocratica (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 110–134 (впервые опубликовано в 1936 г. в рижской газете «Сегодня») и др.

Грузенберг защищал (1909) своего коллегу, присяжного поверенного А.И. Гиллерсона, осужденного за речь, произнесенную во время дела о белостокском погроме⁴³. Это была не только защита конкретного человека или жест корпоративно-профессиональной солидарности, но акт сопротивления посягательству властей на свободу слова и права как такового, что вызвало бурную реакцию всего адвокатского сословия.

Здесь перечислены лишь «громкие» судебные процессы, становившиеся важными и широко обсуждаемыми общественными событиями. Количества же «обычных», «рядовых» судебных дел, за которые брался Грузенберг и которые он выигрывал, с трудом поддается какому-либо учету⁴⁴. Отдельной группой стоят издательские дела, суды, где приходилось доказывать легитимность издания той или иной печатной продукции, как, например, в случае с Суратом, автором брошюр «Враги народа», «Хватит ли на всех земли?» и их издателем Н.Е. Пармоновым⁴⁵.

Адвокатская практика Грузенберга — его блистательные речи и выигранные дела, которыми он демонстрировал и доказывал возможность победы закона и права над произволом и злоупотреблениями власти, не просто снискали ему в русском обществе славу знаменитого судебного деятеля, но сделали своего рода символом правопорядка и одним из духовных вождей поколения⁴⁶.

Помимо собственно адвокатской деятельности, Грузенберг, который в силу авторитета своего имени и круга знакомств был вхож в некоторые «коридоры власти», выступал также ходатаем, отстаивающим перед властями предрезающими общественные начинания или подцензурные произведения литературы, которые без «замолвленного им слова» готовы были пасть жертвой произвола этих самых властей. Так, например, именно Грузенбергу, обратившемуся к начальнику Главного управления по делам печати сенатору А.В. Бельгардту, обязан был Горький выходом в свет своей повести «Лето»⁴⁷. «В 1907–1908 гг., в годы первой послереволюционной реакции, — писал после смерти Грузенберга близко знавший его М.Я. Лазерсон, — О[скар] О[сипович] был известен всему русскому обществу, а особенно нам, студентам-юристам Петербургского университета, как крупнейший застрельщик в борьбе против того, что нам тогда казалось верхом произвола и деспотии. И самое уголовное право казалось нам каким-то особо благородным орудием в борьбе за право и за новые формы государства. О[скар] О[сипович] для всех был неоспоримым олимпийцем, таким, каким он изображен на знаменитом портрете Серова»⁴⁸.

⁴³ Защитительную речь Грузенберга см.: Гродненский процесс (Рус. слово. 1909. 30 окт. (12 нояб.). № 249. С. 4); О свободе речи на суде // *Грузенберг О.О.* Очерки и речи. С. 64–75.

⁴⁴ Например, такие как юридическое посредничество между писателями и издателями. Так, Грузенберг выполнял данные функции между Д. Мережковским и издательством «Огни»; см. в этой связи фрагмент письма его подопечного М. Горькому от 29 апреля 1919 г. в кн.: *Примочкина Н.Н.* Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 37.

⁴⁵ См.: 4 литературные дела // Русь. 1907. 29 авг. (11 сент.). № 228. С. 4.

⁴⁶ В своей речи на праздновании в 1916 г. 50-летнего юбилея русской адвокатуры Грузенберг говорил: «С крайним напряжением сил, часто с забвением собственных интересов товарищи наши в разных концах русской земли служили свою быть может невидную, но великую службу — службу защиты личности против натиска на нее государства...» (*Грузенберг О.О.* Очерки и речи. С. 89).

⁴⁷ См. об этом в комментариях к телеграмме Горького Грузенбергу от 20 ноября (3 декабря) 1909 г., в которой изложена эта просьба (*Горький М.* Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М., 2001. Т. 7. С. 205, 502–503).

⁴⁸ *Лазерсон М.* Духовный облик О.О. Грузенберга (1866–1941) // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. 2. С. 403. Речь идет о двойном портрете (Сестрорецк, сентябрь 1909 г.), на котором В.А. Серов изобразил Грузенберга и его жену Р.Г. Голосовкер (см. илл. 22) (в 1911 г. он написал ее отдельный портрет). В связи с первым портретом И.Э. Грабарь в книге о жизни и творчестве живописца писал о чете Грузенберг, «модного адвоката и его жены, долго умолявших Серова изобразить их вдвоем, немилосердно с ним торговавшихся и до смерти ему надававших в Сестрорецке; он им за это отомстил портретом, чего они, впрочем, не уразу-

Грузенберг был известен также как еврейский общественный деятель⁴⁹ и как жертвователь значительных сумм на цели еврейского образования: так, в конце 1903 г. он пожертвовал 1500 рублей на учреждение стипендии имени его матери М.В. Грузенберг при еврейском училище в Тифлисе⁵⁰.

Говоря о политической ориентированности Грузенберга, следует указать на его близость к партии кадетов. В нижепубликуемой переписке (п. 48) Грузенберг отрицает факт своего членства в этой партии, и, следует думать, вполне резонно: хотя именно от партии кадетов он баллотировался по Виленской губернии на выборах во II Государственную думу (избран он не был)⁵¹, но формально к кадетам все же не принадлежал⁵².

Не став депутатом Государственной думы, Грузенберг в определенном смысле мог влиять на ее деятельность как член совещательного Политического бюро при еврейских депутатах российского парламента, куда кроме него входили известные еврейские общественные деятели: М.С. Алейников, А.И. Браудо, А.В. Залкинд, И. Гринбаум, И.Р. Иоселев (секретарь), Н.М. Крейнин, С.В. Познер, И.А. Розов (председатель), Г.Б. Слиозберг, Я.Г. Фрумкин, Л.Я. Штернберг⁵³.

Говоря о «политической ангажированности» Грузенберга, следует упомянуть приводимый Н.А. Троицкий малоизвестный, но красноречивый штрих из его биографии — подпись под резолюцией с требованием, «чтобы весь государственный строй России был реорганизован на конституционных началах». Резолюция была разработа-

тели» (*Грабарь И. Валентин Александрович Серов: Жизнь и творчество. 1865–1911. М., 1965. С. 174*). Грабарь, однако, поторопился с выводами: чувствительный ко всякого рода перемещениям его на второе место, Грузенберг, конечно, все хорошо «уразумел». Театральный критик и журналист И.С. Розенберг, который под псевдонимом Петербургский обозреватель вел на страницах «Петербургской газеты» отдел «Эскизы и кроки», рассказывал о его забавной реакции на портрет Серова: «Художник В.А. Серов писал недавно портрет известной красавицы, жены одного петербургского адвоката.

На днях этот адвокат пришел к знакомому банкиру и похвастал:

— Поздравьте меня! Я стал «фоном».

— Не может быть! Вы еврей и вас сделали «фоном»?

— Сделали.

— Как же это могло случиться?

— Меня сделал «фоном» художник Серов.

— Объясните.

— Он написал портрет моей жены, а на фоне — написал меня...» (Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников: [В 2 кн.] / Ред.-сост., авторы вступ. ст. и коммент. И.С. Зильберштейн и В.А. Самков. Л., 1971. [Кн.] 2. С. 445–446).

⁴⁹ См., например, наличие его имени в списке членов задуманного в 1905 г. Еврейского клуба литераторов и журналистов (*Гессен В.Ю. Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004. С. 81*).

⁵⁰ См.: *Будущность. 1903. 29 дек. № 52. С. 1030*.

⁵¹ Л.Г. Протасов ошибочно называет его «втородумцем», которым он на самом деле не стал (*Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 147*). Попутно заметим, что не был Грузенберг и масоном, в которые его произвел тот же исследователь (Там же. С. 147, 285), вероятно, опираясь на измышления Н. Берберовой (*Берберова Н.Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 151*).

⁵² См., например, в воспоминаниях И. Биккермана, рассказывающего о том, что на его просьбу употребить влияние на сбор средств для газеты «День» откликнулись Грузенберг и Г.Б. Слиозберг: «М.М. Винавер, третья звезда в еврейской адвокатуре столицы, не мог по его роли в кадетской партии стать причастным к поддержанию газеты, конкурирующей с кадетской «Речью» [...]. В нескольких заседаниях, — одно за завтраком в ресторане Контана, на котором из двух знаменитостей присутствовал только Грузенберг, — было подписано не то 75, не то 85 тысяч рублей в пользу издательского фонда газеты» (*Биккерман И. Записки журналиста // Возрождение. 1951. № 18. С. 105*). Совершенно ясно: будь Грузенберг, как и Винавер, формально членом кадетской партии, у него тоже оказались бы связаны руки.

⁵³ Их коллективную фотографию вместе с членами Госдумы Е.Б. Гуревичем и Н.М. Фридманом см.: *Рассвет. 1918. 14 апр. № 13. Стлб. 5–6*.

на на собрании 676 «представителей интеллигентных профессий», которое проходило в Петербурге 20 ноября 1904 г. и в котором вместе с Грузенбергом участвовали В.Г. Короленко, М. Горький, Л.Н. Андреев, П.Ф. Якубович, Е.В. Тарле, Н.А. Бердяев, М.Ф. Андреева, Т.Л. Щепкина-Куперник⁵⁴.

Помимо юридической деятельности, принесшей ему имя одного из самых блестящих адвокатов России, и постоянной общественно-политической активности, Грузенберг снискал себе, разумеется, более скромную известность на критическо-публицистической ниве, выступая в 1891–1895 гг. с литературными рецензиями и обзорами в еврейском журнале на русском языке «Восход», где по существу вел рубрику «Литература и жизнь» (пользовался криптонимом Ос. Гр.)⁵⁵. В «Журнале с.-петербургского юридического общества» он вел отдел уголовного суда, а в газете «Право» — вместе с В.Д. Набоковым — в 1898–1901 гг. редактировал уголовный отдел.

Связь своей деятельности адвоката с неизбывной любовью к русской литературе Грузенберг воплощал в разных формах, включая и собственно литературно-критическую практику; см. его капитальную статью «Отображение адвокатуры в русском романе», написанную в годы эмигрантской жизни в Риге (в статье упомянуты имена Н. Некрасова, М. Салтыкова-Щедрина, но главное место отведено, конечно, Ф. Достоевскому и Л. Толстому)⁵⁶.

Произошедшую в стране Февральскую революцию 1917 г. Грузенберг встретил как проявление давно чаемых политических и социальных свобод. В одном из писем к В.Г. Короленко (от 30 марта 1917 г.) он так описывал преобразования, происходившие на сцене революционного театра, который — в прямом смысле слова — оказался против его окон на Кирочной, 34: «Революция 27-го февр[аля] разыгралась у наших окон: против нас — казармы преображенцев, л[ейб]-гв[ардии] саперов, [1 нрзб] саперов, жандарм[ского] дивизиона. На Кирочную в 9 ч[асов] утра пришли волынцы и литовцы. Раздались частью призывные, частью — бодрящие выстрелы в воздух. Потом вошли в казармы (небольшой отряд), раздались внутри отдельные выстрелы (расстреляли препятствовавших офицеров), потом стали высыпать на улицу небольшими кучками присоединившиеся. Через 10 мин[ут] раскрылись (у л[ейб]-гв[ардии] саперов) ворота и с музыкаю вышли все с пулеметами и даже санитарной повозкою. Через час все было окончено. Но не знали — куда идти. Раздались отдельные голоса: “К Думе, к Думе”. Тут же появились командиры из подпрапорщиков и унт[ер]-офицеров. Помню одну мучительную мысль: “Перестреляют их, если не теперь — то ночью”. Солдаты, по-видимому, тоже так думали — и часть, вернувшаяся с Думской площади, всю ночь провела на улице. Главная черта событий 27 февраля — какое-то тихое, беззаботное веселье... Ну, да, — смерть, муки, — но как хорошо, как радостно сейчас. Только это я читал на молодых, прекрасных от счастья лицах (мы после первых выстрелов спустились вниз, на улицу). Я влюбился в эти лица, глядел на них к[а]к зачарованный и вдруг почувствовал, как все, что меня гнетет и мучает, отходит

⁵⁴ См.: *Троицкий Н.А.* Корифей российской адвокатуры. М., 2006. С. 281.

⁵⁵ В «Восходе» было напечатано 19 рецензий и обзоров Грузенберга, см.: «Восход» — «Книжки Восхода»: Роспись содержания / Сост. А.Р. Румянцев; предисл. В.Е. Кельнера. СПб., 2001. См. также его «Литературно-критические заметки» на коллективный сборник рассказов «Еврейские силуэты» и сборник эскизов и очерков М.Д. Рывкина «В духоте» (то и другое — СПб., 1900), напечатанные в научно-литературном сборнике «Будущности» (приложение к одноименному еженедельнику) за 1900 г. (Т. 1. С. 367–378).

⁵⁶ Сегодня. 1930. 23 июля. № 201. С. 2–3. К этому следует добавить, что свое посещение Л. Толстого, описанное в соответствующем мемуаре (см. прим. 28), Грузенберг связал с желанием побеседовать с великим писателем о его взглядах на проблемы судопроизводства.

с легким сопротивлением от сердца. В этой радости, в этом сне живу вот уже месяц — и боюсь проснуться»⁵⁷.

Декретом министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского Грузенберга произвели в сенаторы Уголовно-кассационного департамента⁵⁸ — факт, в несколько буффонной форме отраженный в «Египетской марке» О. Мандельштама⁵⁹. Выставив свою кандидатуру в Учредительное собрание в пяти округах (в Бессарабском и Киевском — от сионистского Еврейского национального избирательного комитета, в Волынском, Могилевском и Полтавском — от еврейской народной партии «Идише фолкспартей») ⁶⁰, он был избран в результате по сионистскому списку Херсонской губернии (не будучи «сто процентным» сионистом⁶¹, Грузенберг солидаризировался тогда с сионистской программой по национальному вопросу)⁶². Как сенатор он возглавил чрезвычайную комиссию по расследованию злоупотреблений в ведомстве Черноморского флота⁶³.

Весной 1917 г. Грузенберг участвовал в петроградском совещании по организации еврейской самообороны в Палестине, для чего туда должен был быть направлен отряд российских евреев под руководством И. Трумпельдора (в результате произошедшего вскоре большевистского переворота этот план не осуществился)⁶⁴. В 1931 г. живший в то время в Риге Грузенберг выступил с воспоминаниями о Трумпельдоре⁶⁵.

В августе 1917 г. по инициативе Временного правительства состоялось московское Государственное совещание, в котором приняли участие представители от широких слоев населения. Среди других видных еврейских общественных деятелей в нем участвовал Грузенберг, выступивший с большой речью⁶⁶.

Из Петрограда Грузенберги вырвались 13 июня 1918 г. и отправились на юг⁶⁷. Несколько месяцев прожили в Киеве, где Оскар Осипович возглавлял Совет по оказанию

⁵⁷ РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карт. 22. Ед. хр. 29. Л. 45–46 об.

⁵⁸ Кроме того, сенаторами были назначены еще три адвоката еврея, которые, разумеется, не могли мечтать об этом до установленного революцией равноправия: М.М. Винавер и Г.Ф. Блюменфельд — по Гражданскому департаменту и И.Б. Гуревич — по Судебному департаменту. О Грузенберге-сенаторе у сотрудников осталось впечатление как о человеке «глубокого ума», который «в кассационных решениях Сената [...] «плавал, как рыба в воде»» (*Нео-Сильвестр Г. На буреломе* (Восп. рус. журналиста). Frankfurt/Main, [1971]. С. 7).

⁵⁹ «Затем Мервис искусно перевел разговор на адвоката Грузенберга, который заказал ему в январе сенаторский мундир...» (*Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 273*). Комментируя это место, А. Мец справедливо отмечает, что заказ мог быть сделан только после февраля 1917 г. (Там же. С. 659).

⁶⁰ См.: *Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания. С. 30.*

⁶¹ Некоторые авторы без колебаний относят Грузенберга к кругу сионистов; см., напр.: *Tsitron Sh. L. Leksikon Tsiyoni. Warszawa, [1924]. S. 143–145 (Hebrew).*

⁶² См.: *Аронсон Г.Я. Еврейская общественность в России в 1917–1918 гг.* (Материалы, документы, воспоминания) // Книга о русском еврействе. 1917–1967. Нью-Йорк, 1968. С. 18; *Шехтман И.Б. Еврейская общественность на Украине (1917–1919)* // Там же. С. 24; *Гелитейн С. Русские сионисты в борьбе за Палестину: Из воспоминаний* // Там же. С. 389. Для объединения и координации усилий, а также для выработки общей программы еврейских делегаций, избранных для участия в Учредительном собрании, планировалось провести их съезд, в котором Грузенберг, по всей видимости, намеревался участвовать (съезд из-за прихода к власти большевиков, как и само Учредительное собрание, не состоялся); об участии Грузенберга в одесском диспуте, связанном с подготовкой этого съезда, см.: *Краснова Е., Дроздовский А. Открытка к военному раввину* // Мория (Одесса). 2010. № 10. С. 46–47.

⁶³ Подробнее см.: *Грузенберг О.О. Вчера. С. 34–37.*

⁶⁴ О формировании самого этого отряда и о данном совещании без упоминания имени Грузенберга см. в опубликованных нами воспоминаниях Я.В. Вейншала (*Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2002. [Вып.] IV. С. 50–54*).

⁶⁵ *Волкович Борис. Сионистское движение в Латвии (1918–1940): [В 2 кн.]. Daugavpils, 2008. Кн. 1. С. 278–279.*

⁶⁶ Речь была напечатана в еженедельнике «Еврейская неделя» (1917. № 33).

⁶⁷ Это бегство описано Грузенбергом в воспоминаниях, оставшихся при его жизни неопубликованными; см.: *Грузенберг О. Страницы воспоминаний / Вступ. статья, публ. и коммент. В. Кельнера* // *Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1994. № 3 (7). С. 224–240.*

помощи жертвам погромов и Еврейский совет самообороны (еврейскую Дружину). Не позднее 18 августа семья оказалась в Одессе — именно этим днем датировано письмо Грузенберга, адресованное оттуда В.Г. Короленко. Рассматривая одесское пристанище как временное, он писал о том, что «если придется провести зиму в Киеве (все будет зависеть от того — уйдут ли большевики), то займусь адвокат[скою] практикою»⁶⁸.

По-видимому, именно там, в Одессе, дочь Грузенберга Софья⁶⁹ вышла замуж за Бориса Юльевича Прегеля (1893—1976), известного в будущем ученого-физика, бизнесмена, музыканта, историка науки⁷⁰.

Грузенберг имел возможность покинуть Россию и отплыть в эмиграцию 5 апреля 1919 г. вместе с покидавшими Одессу в срочном порядке союзными войсками и эвакуировавшимися отрядами Добровольческой армии, однако предпочел остаться и, как, например, сделавшие то же самое Бунины, отдать себя в распоряжение неизвестной судьбы. Он не просто мог попасть на пароход «Кавказ», на котором отплывали, например, А.Н. Толстой с семьей, М.А. Алданов (тогда еще носивший свою подлинную фамилию Ландау), Фондаминские, Цетлины, Рудневы, дочь Софья с мужем, и мн. др., но и получить комфортную каюту, однако остался на берегу. Формировавший списки отплывавших П.М. Рутенберг тщетно пытался убедить Грузенберга в том, что вместе с приходом большевиков для него наступят «окаянные дни», — последний рассказывает об этом в неопубликованных воспоминаниях⁷¹.

Расставание с Россией для Грузенберга все же наступило, хотя хронология его эмиграции и жизни в изгнании описана крайне неточно и небрежно. Города, в которых он жил после отъезда из России, называются в произвольном порядке: сначала Рига, затем Париж и наконец Ницца⁷² или: Берлин, Рига, Франция⁷³. Ср. в комментариях к полному собранию сочинений М. Горького, где утверждается, что «в апреле 1918 г. Грузенберг эмигрировал; первые годы эмиграции жил в Берлине, бывая также и на юге России; с 1926 по 1932 г. — в Риге, затем переехал в Ниццу, где и умер»⁷⁴. В другом месте комментатор «отправляет» его в Грузию в апреле 1918 г., где Грузенберг оказывается в фактической эмиграции, «т.к. в мае 1918 г. меньшевистское правительство объявило Грузию независимым государством»⁷⁵.

⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карг. 22. Ед. хр. 29. Л. 47.

⁶⁹ О дочери Грузенберга, Софье Оскаровне (1892—1932), сохранились крайне скудные биографические сведения. См. одно из упоминаний ее в небезынтересном «именном» контексте в письме К. Чуковского И. Репину после его поездки в Италию (апрель 1911 г.): «Или в самом деле так уж закружила Вас италийская суматоха? Воображаю, какой там теперь Вавилон. Особливо если там Бярятинские. Должно быть, с ними и Зинаида Венгерова. Там теперь М.В. Ватсон. И дочка Грузенберга и Серов, и т.д.» (*Репин И.Е., Чуковский К.И. Переписка. 1906—1929. М., 2006. С. 60—61*). Из письма, правда, не ясно, о дочке какого из Грузенбергов идет речь, — Оскара Осиповича ли или его братьев (составители книги, кстати, судя по именному указателю, «приписывают» ее С.О. Грузенбергу, с. 337), но речь, очевидно, все же идет о Софье Оскаровне: упоминаемые В. Серов и в особенности М. Ватсон принадлежали к кругу О.О. Грузенберга.

⁷⁰ См. о нем, напр.: Из переписки В.А. Залкинда с Б.Ю. и А.Н. Прегелями / Вступ. ст., публ. и коммент. В. Хазана // Вестник Еврейского ун-та (М.; Иерусалим). 2004. № 9 (27). С. 369—370. Одессит по рождению, Б. Прегель проживал по адресу: Большая Арнаутская, 21.

⁷¹ Сцену разговора Грузенберга с Рутенбергом, которого он не любил, см. в кн.: Хазан В. Пинхас Рутенбер: От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2 т. Иерусалим; М. [2008]. Т. 1. С. 458.

⁷² Goldstein A. *Prakei zikhronot* // Geavar (Tel Aviv), 1966. Vol. 14. S. 87 (*Hebrew*).

⁷³ Айзенштам Я. Духовный облик Оскара Грузенберга // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1: 1919—1939 / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. С. 485.

⁷⁴ Горький М. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М., 2001. Т. 7. С. 559.

⁷⁵ «Сколько таких трагических писем читаю я...» (Переписка М. Горького с В.Г. Короленко 1920—1921 годов) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. О.В. Шуган // М. Горький. Незданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М., 1998. («М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 5). С. 174).

В действительности же, отвергнув эмиграцию на Запад, Грузенберг прожил несколько месяцев (с весны до конца лета 1919 г.) в занятой большевиками Одессе, затем оказался в Севастополе⁷⁶ и только после этого отправился в Тифлис, куда его пригласил старший брат, известный тамошний адвокат Матвей Осипович Грузенберг⁷⁷. Далее, как справедливо отмечал Ш. Маркиш, опубликовавший его письма к И.А. Найдичу, он сделал первую попытку покинуть Россию и «в самом конце 1919 г. или самом начале 1920 г.» оказался в Константинополе (написанное оттуда его письмо к Найдичу датировано 2/15 января 1920 г.)⁷⁸. Затем семья вернулась в Батум⁷⁹, далее переехала в Тифлис⁸⁰ и только через год, в начале 1921 г., по словам самого Грузенберга, он «вынужден был оставить последний клочок бывшей России»⁸¹. Подтверждением тому, что осенью—зимой 1920 г. и в начале 1921 г. Грузенберги находились в Грузии, служит, среди прочего, публикуемое письмо Оскара Осиповича Вишняку от 4 июня 1934 г. (п. 99), где он рассказывает, что в Тифлисе ему нанес визит К. Каутский. Известно, что последний посетил Грузию в конце сентября 1920 г. и пробыл там до января 1921 г. (по первоначальному плану, он должен был приехать в августе 1920 г. вместе с остальной делегацией II Интернационала, но слег с болезнью в Риме и поэтому явился с опозданием).

Отъезд в эмиграцию не был следствием страха Грузенберга перед большевиками: он полагал, и, по всей видимости, не без резона, что былая слава, включая защитные процессы социал-демократов, снижали ему доброе имя даже в глазах новых хозяев России⁸². В публикуемой переписке с редакторами СЗ он несколько раз беретса объяснять своим корреспондентам, что не является политическим эмигрантом в привычном объеме этого понятия. «Вы помните, вероятно, 1921 г., — пишет он 21 сентября 1935 г., — когда, приехав в Париж и побывав на эмигрантских собраниях, я не вытерпел и сделал скандал милому Бунакову. Меня тогда охватило сознание, что я не имел права покидать родину, так как не могу перед своей совестью сослаться даже на то, на что Вы все вправе сослаться: опасение преследований. Нет никакого сомнения, что я, — по крайней мере, *в собственных глазах*, — испортил свой некролог; если бы я его

⁷⁶ См.: *Грузенберг О.* Страницы воспоминаний. С. 235–239.

⁷⁷ *Цитрон И.Л.* Жизненный путь О.О. Грузенберга // Грузенберг О. Очерки и речи. С. 53.

⁷⁸ *Грузенберг О.О.* Письма Исааку Адольфовичу Найдичу (1920–1933) / [Вступ. заметка и публ. Ш. Маркиша] // Еврейский журнал (München). 1991. [№ 1]. С. 82–83. Ш. Маркиш, правда, ошибочно полагал, что из «Константинополя Грузенберг с семьей попал в Берлин, где провел пять лет, до 1926 г., затем поселился в Риге, столице независимой Латвии...», а позднее, «в первой половине 30-х годов (не позже 1934 г.)», переехал в Ниццу (Там же. С. 81). Эта типичная ошибка встречается даже у современников Грузенберга, кто довольно хорошо его знал и состоял с ним в дружеских отношениях; ср.: «Он жил недолгое время в Берлине, затем переселился в Ригу...» (*Гольденвейзер А.А.* В защиту права: Статьи и речи. Нью-Йорк, 1952. С. 242).

⁷⁹ Грузенберг пишет об этом Найдичу в письме от 2/15 января 1920 г.: «Я еду в Батум по той причине, что там для меня и моей семьи *minimum*, потребный для существования: в качестве члена Правления двух финансовых учреждений — Российского Экспортного Банка и Русского Экспортно-Импортного Торгового Общества — я получаю 50 т[ысяч] р[ублей] в месяц — российской валютой (!)» (Там же. С. 82). И в другом письме ему же, от 1 апреля 1938 г., сообщает, что в Батуме он завершил «большой процесс против Нобеля» (Там же. С. 94), связанный, по-видимому, с международной транспортной нефть.

⁸⁰ См., например, его письмо из Тифлиса М. Горькому, датированное 7 декабря 1920 г. (Литературное наследство. Т. 95. С. 1020–1021).

⁸¹ *Грузенберг О.* Возвышающий обман или печальная правда? (К вопросу о путях сионизма) // Сегодня. 1930. 29 авг. № 238. С. 2. Ср. также справочник: Российское зарубежье во Франции. Т. 1. С. 436, который датирует отъезд Грузенберга в эмиграцию 1920 г.

⁸² Вряд ли, однако, эта «охранная грамота» в виде былых заслуг была уж столь всемогущей, что гарантировала Грузенбергу защиту от любых неприятностей судьбы и произвола новой власти: известно, например, что осенью 1919 г. он чудом избежал ареста в большевистской Одессе за свою сионистскую деятельность (см.: Дело сионистов в одесской «чрезвычайке» // Еврейская мысль (Одесса). 1919. № 16/17. 1 (14) сент. Стлб. 36).

писал, то не изворачивался бы, а признал бы свою *моральную* ошибку» (п. 108). О том же он писал в рижском журнале «Закон и суд», в своей регулярной рубрике «Из дневника юриста»: «Не надо было покидать родины, тем более что я не в праве ссылаться даже на то, что мне грозила какая-то опасность»⁸³.

Вместе с тем вопрос о возвращении в Россию никогда для Грузенберга не стоял по той хотя бы причине, что работать с большевиками и на большевиков после всего ими совершенного для него было немислимым. Нечто, по всей видимости, в этом роде Грузенберг излагал в письме к Милокову, написанном между 30 июля и 9 августа 1932 г., на что Милоков 9 августа отвечал ему: «Относительно большевиков я, конечно, не думал, что наши взгляды, в общем, могли разойтись. Я искренно и глубоко уважаю Ваши мотивы отказа в возвращении и в работе на большевиков — и благодарю Вас за фактические сообщения, которые Вы дали по этому поводу»⁸⁴.

После короткой остановки в Берлине Грузенберги проследовали далее на запад, в Париж, куда прибыли в апреле 1921 г.⁸⁵ 19 апреля в газете «Le Temps» (№ 21800) появляется интервью Оскара Осиповича, в котором он высказывал мысль об угрозе цветных рас, надвигающихся на Европу. Там же, в Париже, его посетил д-р Х. Вейцман, за несколько месяцев до этого, в июле 1920 г., избранный на сионистской конференции в Лондоне руководителем Всемирной сионистской организации, и И.А. Найдич⁸⁶, который сыграет в эмигрантской жизни Грузенберга крайне значимую роль: именно благодаря его финансовой поддержке Оскару Осиповичу удастся издать книгу своих воспоминаний «Вчера»; Найдичу принадлежит также одна из вступительных статей, «О.О. Грузенберг и русское еврейство» к книге Грузенберга «Очерки и речи» (С. 32–44).

В письме И.А. Найдичу из Константинополя от 2/15 января 1920 г., написанном в исключительно важный период выбора Грузенбергом дальнейшего пути — то ли движения на Запад, то ли возвращения назад и использования возможностей, которые

⁸³ Грузенберг О. Из дневника юриста // Закон и суд. 1932. № 7. Стлб. 863.

⁸⁴ Письма П.Н. Милокова — О.О. Грузенбергу. С. 261.

⁸⁵ Их парижский адрес (или по крайней мере один из адресов) был: 141, Quai d'Orsay.

⁸⁶ Исаак Адольфович (Ицхак-Ашер) Найдич (1866–1949), промышленник, еврейский общественный и сионистский деятель, член Комитета еврейских делегаций на Парижской мирной конференции; член Всемирного еврейского конгресса; один из основателей Керен ха-Иесод (основного финансового фонда Всемирной сионистской организации и Еврейского агентства); входил в его правление; в 1920–1927 гг. председатель финансово-экономической комиссии Всемирной сионистской организации. Отец художника Владимира Найдича (1903–1980). Происходил из хасидской семьи. Родился в Пинске, где еще в юности познакомился и подружился с будущим президентом Всемирной сионистской организации и первым президентом государства Израиль Х. Вейцманом (их дружба, несмотря на разницу в возрасте, — Найдич был старше на 7 лет — продолжалась всю жизнь). В детстве получил традиционное еврейское и общее образование. В 15 лет примкнул к сионистскому движению «Ховевей-Цион». В 1903 г. основал в Палестине еврейскую колонию Мигдаль. В 1911 г. был избран в Центральный комитет сионистской организации России (см.: *Шешкин Мирон*. Мой долгий путь в Иерусалим. Иерусалим, 1980. С. 30). Во время Первой мировой войны был представителем русского правительства по торговле с Западной Европой индустриальным спиртом. Бежал из Москвы летом 1918 г. на юг, в апреле 1919 г. отплыл из Одессы в Константинополь, оттуда — через Италию — во Францию, где жил до Второй мировой войны. При этом практически потерял все свое состояние, вновь восстановив его в изгнании (эта история повторилась еще раз после эмиграции в Америку перед немецкой угрозой оккупации Франции). Один из тех, кто широко поддерживал беженскую русскую и еврейскую культуру. Проявлял глубокий интерес к литературе: среди его близких друзей и приятелей было много литераторов, сам всю жизнь писал стихи на иврите, основная часть которых пропала вместе с его богатейшим архивом в оккупированном немцами Париже. «Старый сионист, — писал о нем М.В. Вишняк, — он выделялся из среды складностью к поэзии и литературе, общался с видными представителями русской и еврейской интеллигенции» (Вишняк 1970. С. 37). После Второй мировой войны вернулся в Париж, где умер в госпитале после операции. См. о нем в кн.: *Ve-halom u-be-ma'ase: Yitzhak Asher Naidich: Sefer zikaron*. Tel-Aviv, 1955 (*Hebrew*); см. также: *Новомейский М.* Ицхак Найдич // *Вестник Израиля*. 1960. Янв. № 1 (8). С. 29–30. Часть архива Найдича находится в Публичной библиотеке Нью-Йорка.

были предложены ему в Батуме, он спрашивал: «6. Если Вы остаетесь при том предложении, к[ото]рое Вы сделали мне в конце марта прошл[ого] года, относительно гарантирования мне в Париже заработка в 50 тыс[яч] франков в год, я немедленно перееду в Париж; 7. Безотносительно к вопросу о гарантированном заработке в Париже я прошу Вас получить для меня немедленно разрешение на выезд в Париж и Францию, вообще, — для меня, Сенатора Оскара Грузенберга, жены моей — Рахили-Розы и сына Юрия; это разрешение пусть перетелеграфируют в Международное Бюро в Константинополь и Батум; Вы же мне можете телеграфировать в Батум по след[ующему] адресу: Батум, «Российское Транспортное и Страховое Общество», Грузенбергу. Пожалуйста, начинайте действовать немедленно. Я обращаюсь к Вам запросто потому, что наша давняя искренняя дружба дает мне на это некоторое право»⁸⁷.

Судя по всему, Найдич выполнил просьбу Грузенберга, и именно это помогло ему через год оказаться во Франции. Здесь, в Париже, по всей видимости, не без помощи и поддержки все того же Найдича он был привлечен к деятельности Комитета еврейских организаций — органа, созданного в марте 1919 г. при Парижской мирной конференции, в задачи которого входило привлечение внимания мировой общественности к тяжелому положению евреев (Грузенберг возглавил в нем отдел, занимавшийся расследованием погромов еврейского населения). Комитет еврейских организаций просуществовал в течение 17 лет, до 1936 г., до того времени, когда его сменил Всемирный еврейский конгресс.

Здесь, в Париже, Грузенберг начинает свои воспоминания, озаглавленные «Из пережитого»⁸⁸, которые он задумал несколькими годами раньше⁸⁹. «Пришло время, — начинает Грузенберг свой мемуарный рассказ, — заглянуть в свое сердце. В него, как и во всякое сердце, гляделась вся жизнь, но не все оно умело отразить, не все и хотело... Что же в нем сохранилось? Что оно любило? Что ненавидело? Нужно заглянуть в свое сердце, посмотреть, нащупать рубцы ран, вспомнить вслух те жизненные битвы, в которых они были нанесены. Вправе ли я делать это публично? Да, вправе. Ведь сердце мое — сейчас такое усталое, больное — сжималось от горя, ширилось от восторга, безрассудно расточало свою лучшую кровь — не только за себя и не только для себя»⁹⁰.

Из Парижа, столкнувшись, по-видимому, с трудностями эмигрантской жизни, и прежде всего с парижской дороговизной и бытовой неустроенностью⁹¹, Грузенберги переселяются в Берлин, в котором до середины 20-х гг. жизнь была более сносной. Их переезд в столицу Германии произошел в начале января 1922 г.; ср. в письме Оскара Осиповича вдове умершего В.Г. Короленко (от 24 января 1922 г.): «На днях мы, переехав в Берлин [...]»⁹². 16 ноября 1921 г. датировано письмо Грузенберга самому Коро-

⁸⁷ *Грузенберг О.О.* Письма Исааку Адольфовичу Найдичу (1920–1933). С. 83.

⁸⁸ Июлем 1921 г. датирован рукописный фрагмент этих воспоминаний, хранящихся среди бумаг В.Г. Короленко в РГБ (Ф. 135. Разд. III. Карг. 47. Ед. хр. 17. Л. 1–11). Опираясь на ошибочную информацию, рижская газета «Сегодня» (1921. 12 нояб. № 259. С. 2) сообщала о якобы вышедшей в США книге Грузенберга «Вчера — сегодня — завтра», а также о том, что эта книга «встретила самый горячий прием в американской прессе, перепечатаваемой из его мемуаров целые главы». Далее, со ссылкой на газету «N.U.T.» (возможно, «The New York Times»), «Сегодня» писала, что в ней помещено «введение к мемуарам», которое здесь же и воспроизводилось. Мемуарные тексты Грузенберга, однако, в американских газетах не выявлены.

⁸⁹ См. в его письме В.Г. Короленко из Одессы от 21 мая 1919 г.: «Хочу писать воспоминания, т[ак] к[ак] нет настоящего, и не вижу будущего» (РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карг. 22. Ед. хр. 29. Л. 49).

⁹⁰ РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карг. 47. Ед. хр. 17. Л. 1.

⁹¹ Об этом, между прочим, свидетельствует брошенная вскользь фраза Грузенберга в одном из публикуемых ниже его писем М. Вишняку (от 10 октября 1929 г.) — о том, что его в Париже «от невзгод разбил нервный паралич...» (п. 33).

⁹² РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карг. 55. Ед. хр. 22. Л. 2.

ленко, еще живому. В нем хотя и значится парижский адрес, но написано оно, судя по всему, из Берлина — в ходе краткого лекционного визита: согласно объявлению, Грузенберг должен был в этот день выступать в берлинском Союзе русских евреев (председатель Я. Тейтель) с докладом о еврейских погромах в годы Гражданской войны⁹³. В этом письме он сообщает старинному другу и подзащитному свой будущий берлинский адрес (сестры Розы Гавриловны): Dr. V. Billig, Güntzelstr. 61, bei Fuchs, Berlin-Wilmersdorf⁹⁴.

Тот же адрес значится на письме Грузенберга П.Н. Милюкову от 3 апреля 1922 г. Письмо это было написано в связи с трагическим эпизодом — покушением на жизнь П.Н. Милюкова, в результате чего погиб В.Д. Набоков: «Ни я, ни Роза Гавриловна не писали и не пишем Вам поздравления “с чудесным избавлением”. Зная Вас, мы знаем, что Вам они, поздравления эти, тяжелы. М.б., сейчас достаточно, что мы и Вы чувствуем одинаково горечь утраты друга»⁹⁵. Из письма Грузенберга М.С. Мильруду, датированного 20 июля 1937 г., мы узнаем, что с В.Д. Набоковым он встречался «в Берлине, за полгода до подлого убийства», когда тот «в обществе нескольких друзей праздновал скромно новоселье»: «Он говорил мне с восторгом о таланте сына, приехавшего из Англии на побывку в Берлин. Он заставил сына прочесть мне стихи на смерть Блока, — стихи холодные, картонные. Нечто вроде казарменной ночной переключки: Пушкин, Лермонтов и др.»⁹⁶.

В скупой на подробности берлинской биографии Грузенберга следует отметить его участие в вечере памяти В.Г. Короленко, состоявшемся 13 февраля 1922 г. в зале городской филармонии⁹⁷. Известное представление о том, чем он занимался в это время, дают три его письма Найдичу, написанные из Берлина и датированные 12 февраля, 6 марта и 21 мая 1922 г.⁹⁸ В них рассказывается о том, что, не будучи сионистом, однако горячо сочувствуя сионистской идее, Грузенберг принимал активное участие в учреждении и деятельности фонда *Keren ha-Yasod* (Фонд основания, Основной фонд) — главного финансового органа Всемирной сионистской организации⁹⁹, а также активно занимался делами Комитета еврейских организаций. Жизненная усталость и болезни, однако, брали свое, и Грузенберг, в общем еще не старый человек (в это время ему было 55–56 лет), всерьез подумывал оставить свою должность. Однако не это было все же главным мотивом, повлиявшим на его решение. Человек максималистических моральных принципов, нередко драматически не соответствовавших реальным условиям, в которых развивался сионистский проект, да и любая другая человеческая деятельность, Грузенберг, судя по всему, бурно реагировал на все, что могло вызвать даже легкое его несогласие. В упомянутом письме Найдичу от 21 мая 1922 г. он писал: «Я не в силах — ни физически, ни морально — так работать, как я работал. Не хочется рассказывать, но ежедневно я тратил на предварительную подготовку либо беседами по телефону, либо приглашениями к себе — по несколько часов. Один человек не может — даже при полном здравии — вынести такую работу по сборам (тягостным и с подчеркиванием чисто личного момента). Раскрывшееся отношение ваше ко

⁹³ См.: Голос России. 1921. 16 нояб. № 817.

⁹⁴ РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карт. 22. Ед. хр. 29. Л. 51 об.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 202. Л. 62. Грузенберг откликнулся на смерть В.Д. Набокова некрологом, напечатанным в берлинском «Руле» (1922. 2 апр.); включен в его книгу «Очерки и речи» (С. 161–163).

⁹⁶ Русская печать в Риге. Кн. 5. С. 97.

⁹⁷ Руль. 1922. 5 февр. № 372; 12 февр. № 378. В упомянутом выше (примеч. 92) письме вдове Короленко Грузенберг сообщал об этих «литературных поминках» (Л. 2 об.).

⁹⁸ См.: Грузенберг О.О. Письма Исааку Адольфовичу Найдичу (1920–1933). С. 83–86.

⁹⁹ Именно по линии этого фонда он был занят сбором средств для переселявшихся в Палестину, о чем Грузенберг пишет Вишняку в письме от 21 сентября 1935 г. (п. 108).

мне не вызвало моего решения об уходе: оно состоялось до того. Письмо ваше лишь раскрыло мне ужас современного морального уклада даже лучших среди еврейства»¹⁰⁰. Грузенберг не раскрывает причин своего разочарования, судя по всему, в тех, кто стоял во главе сионистского проекта, но его слова об «ужасе современного морального уклада даже лучших среди еврейства» достаточно красноречивы, чтобы понять и мотивы его самоотставки, и психологическое состояние в целом.

В Германии он встречался с М. Горьким, куда последний переехал из Гельсингфорса 25 сентября 1922 г.: «[М]ы вместе просмотрели его письма ко мне, и я получил разрешение на их опубликование», — писал Грузенберг впоследствии в своих воспоминаниях о писателе¹⁰¹.

24 сентября 1922 г. датировано письмо Б.И. Николаевского Горькому, в котором автор сообщал, что пригласил Грузенберга принять участие в № 1 журнала «Летопись революции». «Содержание, по-моему, достаточно разнообразное. Есть все партии, нет засилья меньшевиков. Нет лишь коммунистов, но те абонированы «Испартом». С правыми элементами плохо: бойкотируют. Больше того, даже отговаривают других. Так, совсем согласился дать статью О.О. Грузенберг, но вчера сообщил, что до выхода № 1, который выяснит ему физиономию журнала, он от участия воздержится. Буду еще с ним говорить, — условился на завтра о встрече, — но переубедить не надеюсь. А очень жаль: у него и статья интересна, и хорошо бы он подкрепил “правый фланг” нашего журнала»¹⁰². «Правый фланг» «Летописи революции» обошелся, однако, без грузенберговского подкрепления, и посему остается неизвестным, о какой его статье вел речь Николаевский.

В 1923 г. Грузенберги покинули Берлин и переехали в Ниццу. По всей видимости, решающим обстоятельством для переезда послужило то, что врачи нашли у Оскара Осиповича процесс возвратного туберкулеза. Некоторое представление об их жизни на юге Франции до отъезда в Ригу дает публикуемая ниже переписка.

1 апреля 1926 г. газета «Сегодня» сообщала о том, что Грузенберг перебирается в Ригу¹⁰³. 6 апреля этот переезд состоялся, местные правоведы, многие из которых знали выдающегося адвоката лично, и на протяжении долгого времени, подготовили ему торжественную встречу¹⁰⁴.

Переезду Грузенберга из Ниццы в Ригу предшествовало его лекционное турне по прибалтийским странам¹⁰⁵. В организации этого турне принимал участие упомянутый М.Я. Лазерсон¹⁰⁶, с которым Оскар Осипович был знаком и дружен еще с российских времен (его старший брат, экономист и юрист проф. Морис (Моисей) Я. Лазерсон

¹⁰⁰ *Грузенберг О.О.* Письма Исааку Адольфовичу Найдичу (1920–1933). С. 85. Комментируя это письмо, Ш. Маркиш замечал: «Хранящиеся в Женеве письма [Грузенберга], в том числе письмо И.А. Тривуса к И.А. Найдичу от 25 апреля 1922 г., позволяют проследить в деталях историю ухода Грузенберга с поста главы берлинского комитета Керен Гаесод. Подлинною причиною, вопреки тому, что утверждает сам Грузенберг, кажется все же не столько его болезнь, сколько поистине болезненная обидчивость» (Там же. С. 98; комментарий к третьему письму, примеч. 2).

¹⁰¹ *Грузенберг О.О.* Вчера. С. 177.

¹⁰² «...У Вас такое знание последних десятилетий, какое редко найдется у присяжного историка»: (Письма Б.И. Николаевского М. Горькому 1922–1925 гг.) / Вступ. ст. и примеч. А.В. Евдокимова; Подг. текста Г.Э. Прополянис и А.В. Евдокимова // Горький в зеркале эпохи (Неизданная переписка). М., 2010. Вып. 10. С. 472.

¹⁰³ См.: *Бен-Шимон Л.* Оскар Грузенберг. К его приезду в Ригу // Слово. 1926. 31 марта. № 114. С. 2; *Лазерсон М. О.О. Грузенберг (К его приезду в Ригу)* // Сегодня. 1926. 1 апр. № 74. С. 2.

¹⁰⁴ Чествование О.О. Грузенберга // Сегодня. 1926. 4 апр. № 75. С. 14; *Шабловский И.* Грузенберг — защитник, Грузенберг — сенатор // Сегодня. 1926. 10 апр. № 78. С. 2.

¹⁰⁵ Одно из первых сообщений о предстоящей лекции Грузенберга в Риге см.: Публичное выступление О.О. Грузенберга в Риге // Сегодня. 1926. 21 марта. № 65. С. 16.

¹⁰⁶ Биографическую справку М.Я. Лазерсона см. примеч. 5 к п. 9.

(1881–1961), в 1907–1909 гг. был помощником Грузенберга). Сохранилось письмо к нему, написанное Грузенбергом из Ниццы и датированное 10 марта 1926 г., т.е. накануне отъезда из Франции. Письмо это имеет смысл привести полностью:

«10 марта 1926. 41, b[oulevard] d de Cimiez, Nice

Дорогой Макс Яковлевич,

я получил ответ от д-ра Эляшова, — ответ отрицательный¹⁰⁷. Считаю неискренность вообще, а в сношениях с друзьями — в особенности — недопустимой, я буду с Вами прямодушен.

С д-ром Эляшовым я незнаком и даже *не знаю* его (до сих пор мне неизвестно его положение в газете «Сегодня», на редакционных бланках которой он со мною переписывается)¹⁰⁸, — не знаю, т.к. мой запрос по этому предмету Вы оставили без ответа. Между тем Вас я знаю близко и нахожусь издавна в добрых отношениях. Стало быть, ясно, что мои личные симпатии на Вашей стороне. И при этих условиях должен сказать, что считаю ответ д-ра Эляшова *правильным* и вот почему.

Нет никакого сомнения, что города Латвии, Эстонии и Литвы — за изъятием двух — Риги и Ковно — должны дать, в общем, убыток. Только Рига и Ковно, при условии 3–4 лекций в каждом из этих городов, могут покрыть убытки и, б[ыть] м[ожет], дать небольшой профит антреп[р]енеру. Но я не разделяю оптимизма д-ра Эляшова о возможности прочесть более 2 лекций в каждом из этих городов. Тогда он едва ли покроет свои расходы. Ясное дело, что он Вам уступит лишь ту лекцию, которую по исчерпанности своего интереса он будет считать убыточной. Ни минуты не сомневаюсь, что ни Вы, ни В[аша] организация, приглашая меня, никаких иных интересов, кроме общественных, не преследуете.

Не получая от Вас долго ответа на одно из м[оих] писем, я понял, что Вам трудно принять мои условия и не менее трудно изменить их. Значит, ясно, что я должен передать материальную сторону тому, кто не связан со мною личными отношениями и исходит при заключении договора только из деловых соображений. При его неудаче у меня не может быть никаких угрызений, какие неминуемо имели бы место, если бы пришлось Вам или В[ашей] организации понести убыток. Вы выражаете сожаление, что во главе моего ангажемента становится человек необщественный. Но ведь это ошибочно. Оттого что Вы освобождены от материальных хлопот, совершенно не следует, что Вы освобождены от выполнения сложных усилий по организации *общественной* стороны принятия мною *Вашего* приглашения. Конечно, эта сторона дела, требующая сношений с многочисленными группами и организациями и соответствующего авторитета, может быть выполнена лишь Вами. Не сомневаюсь, что к[а]к сионистическая, так и некоторые другие организации окажут Вам самое широкое содействие. Недели полторы т.н. Генер[альный] секретарь Литов[ской] Сион[истской] организации обратился ко мне с письмом, в к[ото]ром, по поручению организации, сообщает мне, что, узнав о предстоящем моем приезде от проф. Беляцкого¹⁰⁹, организация и ее

¹⁰⁷ Эляшов Михаил Евгеньевич (1900–1941), юрист, журналист. Выпускник юридического факультета Гейдельбергского университета (1927). Служил в качестве помощника присяжного поверенного. Один из основателей и сотрудников рижской газеты «Сегодня», выполнял в ней обязанности корректора. Погиб в рижском гетто, где входил в Совет старейшин, образованный его узниками. См. о нем: *Гар Иосиф*. Евреи в прибалтийских странах под немецкой оккупацией (1941–1944) // Книга о русском еврействе. 1917–1967. С. 112; *The Jews in Latvia* / Ed. M. Bobe [et al]. Tel Aviv, 1971. P. 354.

¹⁰⁸ Упоминание о письмах М.Е. Эляшова на бланках газеты «Сегодня» см. в письме Грузенберга Вишняку от 15 января 1926 г. (п. 9).

¹⁰⁹ Беляцкий Семен Абрамович (1874–1944), юрист, литератор. В 1922–1940 гг. преподавал право в Каунасском университете. Печатался в организованном Грузенбергом журнале «Закон и суд». Автор книг по юриспруденции (Частное право в основных принципах (Курс гражданского права). Каунас, 1928), а также

печатный орган к моим услугам, что она возьмет на себя все хлопоты по визе, разрешению лекций и всякие иные хлопоты. Должно быть, так отнесутся и разные рижские организации. Если бы почему-либо Вы затруднились посвятить свое время этим обществ[енным] хлопотам, поставьте меня и д-ра Эльяшова в известность, дабы он мог своевременно заполнить этот важный пробел. Но я продолжаю рассчитывать на Вас. О дне приезда сообщу Вам. Все мои шлют Вам сердечный привет. Преданный Вам, О. Грузенберг»¹¹⁰.

По сообщению издававшегося в Париже русско-еврейского еженедельника «Рассвет», «19 апреля в Риге состоялась первая лекция сенатора О.О. Грузенберга — о процессах Д. Блондеса и М. Бейлиса. Переполнившая зал публика встретила лектора громом аплодисментов. От имени еврейских организаций лектора приветствовал проф. П. Минц. От группы петербургских и московских адвокатов приветственную речь произнес пр[исязный] пов[еренный] И. Шабловский. По окончании лекции публика устроила О.О. Грузенбергу продолжительную овацию. Вторая лекция О.О. Грузенберга в Риге — «Русская революция и ее кануны» — также прошла с большим успехом»¹¹¹. 22 апреля 1926 г. гостящего в Риге Грузенберга чествовал Комитет еврейских общественных организаций. Чествование проходило в помещении Еврейского клуба (Школьная ул., 6)¹¹². Последнюю лекцию — «Из воспоминаний о моих подзащитных» — он прочел в Риге 29 мая (в том же помещении Еврейского клуба)¹¹³.

Лишенный права как иностранец, к тому же не знавший латышского языка, быть зачисленным в коллегию адвокатов¹¹⁴, Грузенберг тем не менее нашел пути для собственной профессиональной реализации, и «латвийская эпоха», по справедливому утверждению М.Я. Лазерсона, «была наибольшим приближением к его бывшей российской деятельности и славе»¹¹⁵.

В свои рижские годы Грузенберг продолжал пользоваться репутацией известного адвоката, и расселение его клиентуры по Европе, в основном, по всей видимости, из числа эмигрантов, носило широкий географический характер. Свидетельством тому, например, служит его письмо Вишняку от 5 января 1930 г., где он пишет о 10-дневной поездке «по д[елам] парижского клиента в Польшу» (п. 40). Как можно думать, Грузенберг вел какие-то дела М.О. Насатисина, крупнейшего торговца льном, широко известного своими гигантскими пожертвованиями в различные сионистские проекты и

стихов (Песни жизни и смерти. Рига, 1932 — под криптонимом С.Б.) и прозы (Человек и судьба: Очерки из судебной практики адвоката. Каунас, 1934; У житницы правосудия: Очерки, юморески. Каунас, 1935; Борис Кли. Берлин, 1936; В полосе крушений. Каунас, 1936). Погиб в годы Второй мировой войны в Освенциме.

¹¹⁰ The Central Zionist Archives (Jerusalem). A 388.

¹¹¹ Рассвет. 1926. 2 мая. № 18. С. 11.

¹¹² Чествование О.О. Грузенберга // Сегодня. 1926. 22 апр. № 88. С. 7.

¹¹³ Бор. Ор. [Оречкин Б.С.] О.О. Грузенберг о своих подзащитных: (В.Г. Короленко. Максим Горький. Порулик Пирогов) // Сегодня. 1926. 31 мая. № 117а. С. 6.

¹¹⁴ Близкая знакомая Грузенберга по Риге Ф.С. Шац-Анина, жена еврейского общественного деятеля, публициста и историка М.У. Шац-Анина, записала в свой дневник: «В Латвии Грузенбергу не разрешали заниматься адвокатской практикой, так как он не знал местного языка» (Шац-Марьяш Р.М. Быль, явь и мечта: Книга об отце. Рига, 1995. С. 181); ср. в письме самого Грузенберга М. Вишняку от 16 августа 1926 г.: «Пледировать [выступать в суде как адвокат] не имею права, — значит, выпадает на мою долю самая трудная работа, хотя и считающаяся почетною: консультации, составление кассац[ионных] жалоб, обращение и постановка дел на суд и т.д.» (п. 13); ср. также в его письме Горькому от 15 апреля 1928 г. прозвище, которым он награждал сам себя: «винкельадвокат» (Литературное наследство. Т. 95. С. 1027) — от нем. Winkel — угол, крюк: крючковтор, заштатный, маргинальный адвокат, занимающийся мелкими делами.

¹¹⁵ Лазерсон М. Духовный облик О.О. Грузенберга (1866—1941). С. 407. Рижскому периоду биографии посвящена статья С. Ковальчук «Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга» (Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й международной конференции (Рига, 25—27 окт. 1999 г.) / Под ред. Г. Брановера и Р. Фербера. Рига, 2000. С. 486—494).

вообще щедро помогавшего, как кажется, всем, кто — независимо от национальной принадлежности — к нему обращался¹¹⁶.

Продолжали волновать Грузенберга в это время секреты и тайны адвокатской профессии, которой он отдал свою жизнь. Достоин в этой связи упоминания эпизод, связанный с судебным процессом над Ш. Шварцбардом (Шварцбордом), застрелившим в мае 1926 г. в Париже одного из организаторов кровавых антиеврейских зверств на Украине в годы Гражданской войны атамана С. Петлюру. На суде защитник Шварцбарда, французский адвокат А. Торрес, после показаний отставного капитана русской службы караима Сафры неожиданно отказался от ждавших своей очереди 85 свидетелей. Это было тем более странно, что некоторые из них были специально вызваны на процесс из других стран, включая неблизкую Америку. Тактический ход А. Торреса был рассчитан на то, что вынуждал противоположную сторону отказаться от 30 с лишним своих свидетелей. Грузенберг, которого глубоко заинтересовало это на первый взгляд парадоксальное решение, обратился к А. Торресу с письмом, в котором просил разъяснить его скрытые мотивы. Газета «Сегодня» поместила на своих страницах полный ответ французского адвоката¹¹⁷. Еще до получения и публикации этого письма, 15 декабря 1927 г., Грузенберг прочитал в рижском зале Ремесленного общества лекцию

¹¹⁶ См. грузенберговский мемуарно-некрологический очерк о нем: «О тихом человеке с беспокойным сердцем (Памяти М.О. Насатисина)» (Сегодня. 1931. 14 авг. № 223. С. 3).

¹¹⁷ «Мой дорогой собрат! Вы спрашиваете, по каким основаниям я отказался на процессе Шварцбарда от всех свидетелей защиты.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что отказ этот не был безусловен, он был поставлен в зависимость от отказа гражданских истцов от их свидетелей.

Значит ли это, что защита страшилась этих свидетелей? — Нисколько. Они бы могли лишь повторить утверждения уже допрошенных петлюровцев. Между тем по ритму процесса допрос их потребовал бы по меньшей мере неделю — и в таком случае свидетели защиты начали бы свои показания только через две, как раз в то время, когда единодушное чувство судей, присяжных, печати и публики властно требовало бы сокращения судебных дебатов. Таким образом, пришлось бы все равно пожертвовать свидетелями защиты.

Отказаться же лишь от некоторых свидетелей было бы для меня невозможно. Противник не согласился бы на выбор свидетелей. При моей же постановке он морально обязан был принять мое предложение.

Обосновав таким образом нашу тактику, мы положили конец дебатам, как раз в наиболее благоприятное для нашего дела время. Показания г. Сафры произвели только что потрясающее впечатление. Вызванные обвинением свидетели — видные представители еврейства Гольштейн, Слиозберг, Моцкин — дали существенные показания в пользу Шварцбарда. Г. Чериковер сумел произвести на всех сильнейшее впечатление богатством и обоснованностью своих познаний. Величайший французский физик и в то же время один из крупнейших ученых всего мира Менжевен [имеется в виду Поль Ланжевен (Paul Langevin; 1872–1946)] уже высказал мощно обоснованное мнение не только за себя, но и за тех, кто составляет цвет Франции. Даже некоторые свидетели обвинения обернули свои показания в пользу защиты.

Таким образом, свидетели, которыми пожертвовали обе стороны, могли лишь повторить то существенное, что уже было высказано другими. Нагромождение деталей не могло ничего изменить в намечившихся уже главных линиях. Напротив, оно бы только неизбежно вызвало ко вреду для нас утомление присяжных заседателей, так как наши свидетели допрашивались бы последними.

Судебное разбирательство с участием присяжных заседателей — это не конгресс ученого общества и, кроме того, процесс ведь шел во Франции, где совершенно не существует еврейского вопроса и где никто, кроме разве нескольких специалистов, не знаком с теми историко-этническими вопросами, которые вызвало дело Шварцбарда. Вот почему защита все время должна была давать себе отчет не только относительно окружающей ее атмосферы, но и мышления парижан, глубоко отличных от мышления и атмосферы Киева, Москвы, Риги и Варшавы, но также и относительно невежества по таким вопросам французского общественного мнения, представителями которого являются присяжные заседатели. Законодатели, введшие суд присяжных, не могли предвидеть, что когда-нибудь русский еврей убьет в Париже украинского атамана. При отсутствии же суда, который бы был действительно компетентен разбираться в вопросах такого рода, нужно было все время иметь в виду психологию «среднего француза», который был вынужден составить в несколько дней мнение о событиях столь сложных, что даже квалифицированные специалисты должны изучать их годами. То, что выше всего в подобных процессах, — это не роскошество в развертывании подробностей, не

«Преступление как наказание (Парижский процесс Шварцбарда: его обвинители и защита)»; см. об этом в письме Вишняку от 1 января 1928 г. (п. 22).

Одним из способов профессиональной реализации Грузенберга в это время были юридические консультации, с которыми хотя и было связано, как он сообщает в письме Вишняку от 27 мая 1927 г., «много хлопот» (п. 19), но которые, во-первых, поддерживали материально и, во-вторых, приносили необходимое моральное удовлетворение. Ср. в другом письме Вишняку (от 24 января 1928 г.): «Писал Вам, что я занят, как в старину, — с той лишь существенной разницею, что много меньше оплата труда и столь же уменьшены м[ои] силы» (п. 24).

Кроме того, вместе с М. Лазерсоном, М. Вайнтробом и Н. Переферковичем Грузенберг преподавал на русских университетских курсах.

Потеряв в эмиграции значительную часть своих прежних заработков и не будучи поэтому очень состоятельным человеком, Грузенберг тем не менее никогда не оставлял мысль о благотворительной деятельности — одном из привычных еврейских свойств человека, живущего общественно-национальными интересами. В одном из писем упомянутому М.Я. Лазерсону (от 31 октября 1927 г.), в котором он спрашивает своего адресата «фамилию, адрес и телефон представителя “Бялик-клуба”», он пишет: «Прошу извинить, что беспокою, но дело носит не личный, а обществ[енный] характер: желал бы передать этому клубу некоторую сумму»¹¹⁸.

Нет поэтому ничего удивительного, что Грузенберг вместе с проф. П.М. Минцем и В.И. Лацким-Бертольди избирается делегатом в Еврейское агентство от несионистской части латвийского еврейства. Первый раз избрание состоялось в июле 1929 г.¹¹⁹, вторично через два года — 5 июля 1931 г.¹²⁰ На первой сессии расширенного заседания Еврейского агентства, проходившей в Цюрихе 18 августа 1929 г., Грузенберг произнес свою знаменитую тираду, ставшую крылатой: «До сих пор еврейство имело только тысячелетнюю историю, теперь мы впервые получаем и свою собственную еврейскую географию»¹²¹.

В качестве делегата Еврейского агентства Грузенберг посещал Всемирные сионистские конгрессы, например 16 конгресс, проходивший с 29 июля по 10 августа 1929 г. в Цюрихе. См. его фразу из письма Вишняку от 29 августа 1929 г.: «Отдохнули ли? Я ни одного дня. С конгресса заехал в Карлсбад за дочерью, забрал ее — и вернулся сюда» (п. 31).

Грузенберг горячо поддерживал идею создания еврейского государства, причем в особенности актуальным этот вопрос сделался для него после арабских беспорядков в Палестине в августе–сентябре 1929 г. В своем проекте он склонился к бинациональной модели нового государства: иудеи и арабы, в его представлении, должны были

нагромождение мелочей, столь удручающе однообразных, не повторение одних и тех же аргументов — а только приговор.

Шварцбард оправдан. В этом я позволю себе усмотреть и оправдание того метода, который я избрал в полном сознании своей ответственности и высокой миссии, к которой я был призван.

Примите, мой дорогой собрат, уверение в моей большой к вам симпатии и уважении. Анри Торрес» (Письмо Торреса О.О. Грузенбергу // Сегодня. 1927. 24 дек. № 291. С. 2). О письме Торреса Грузенбергу писали и другие органы эмигрантской печати; см.: Письмо Торреса Грузенбергу // Дни. 1927. 27 дек. № 1280. С. 1.

¹¹⁸ The Central Zionist Archives (Jerusalem). A 388.

¹¹⁹ См.: Избраны делегаты евреев-несионистов в Еврейское Агентство // Сегодня. 1929. 31 июля. № 210. С. 8.

¹²⁰ Делегатом в Еврейское Агентство избран О. Грузенберг // Сегодня. 1931. 6 июля. № 184. С. 6.

¹²¹ *Svet Герман*. На первой сессии расширенного Еврейского Агентства // Сегодня. 1929. 19 авг. № 229. С. 3.

жить вместе, бок о бок¹²². Вспоминая дни 16-го сионистского конгресса и активность на нем Грузенберга, И. Найдич впоследствии рассказывал: «Я имел возможность в Цюрихе встречаться с ним ежедневно. Он выработывал обширный план будущей работы Агентства по организации всего еврейства — для подготовки большой, миллионной иммиграции в Палестину в близком будущем. О[скар] О[сипович] был избран в Цюрихе в Большой Совет Агентства»¹²³.

Как делегат Еврейского агентства Грузенберг выступал последовательным борцом за права евреев на Палестину. В мае 1930 г. он разработал меморандум протеста против мер английского правительства, приостановивших еврейскую иммиграцию в Святую землю. Меморандум был принят конференцией латвийской фракции Еврейского агентства, проходившей в Риге 25 мая 1930 г.¹²⁴

В апреле 1929 г. Грузенберг был избран председателем Русского юридического общества в Латвии (заместители — П.Н. Якоби и И.С. Шабловский), что прибавило к его активности еще одну грань. См., например, доклад Грузенберга на заседании общества в ноябре 1929 г. «О профессиональной тайне священника, врача и адвоката» (Сегодня. 1929. 21 нояб. № 323. С. 8) или доклад «О введении суда присяжных заседателей в Латвии» (3 декабря), который был напечатан в журнале «Закон и суд» (1929. № 5) и в газете «Сегодня» (1929. 5 дек. № 337. С. 2–3).

Через короткое время после избрания председателем общества Грузенберг был приглашен выступить с речью на торжественном акте в честь Дня русской культуры, который эмиграция праздновала ежегодно 6 июня, в день рождения Пушкина. Однако вмешательство в организацию праздника праворадикальных сил, препятствовавших участию в нем представителей неправославных слоев эмигрантской колонии, привело к отмене этого приглашения¹²⁵.

Один из самых существенных и значительных плодов деятельности Грузенберга в Риге — основание вестника Русского юридического общества «Закон и суд» (1929–1938)¹²⁶; в состав редколлегии, помимо него самого, входили П.М. Минц, И.С. Шабловский и П.Н. Якоби; вошедший в редколлегию В.О. Симонович вскоре был вынужден уйти (127). Организационное собрание по учреждению журнала состоялось 6 марта 1929 г. на квартире Грузенберга (Вальдемаровская ул., 27/29). В течение девяти лет существования «Закона и суда» в свет вышло 90 номеров¹²⁸ (в публикуемых ниже письмах Грузенберга Вишняку, который сам активно печатался в этом журнале, темы, связанные с «Законом и судом», возникают постоянно). Начиная с № 1 Грузенберг вел в журнале колонку

¹²² *Грузенберг О.* К нашему давнему спору // Рассвет. 1927. 9 окт. № 40. С. 5; *О.О. Грузенберг о событиях в Палестине* // Сегодня. 1929. 6 окт. № 277. С. 10; *Грузенберг О.* Возвышающий обман или печальная правда? (К вопросу о путях сионизма) // Сегодня. 1930. 29 авг. № 238. С. 2; см. также опубликованные В. Кельнером письма В. Жаботинского к Грузенбергу (Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3(7). № 2. С. 212–255).

¹²³ *Найдич И.А.* О.О. Грузенберг и рус. еврейство // О. Грузенберг. Очерки и речи. С. 42.

¹²⁴ Протест латвийских сионистских организаций: (Меморандум для передачи великобританскому правительству и мандатной комиссии Лиги Наций) // Сегодня. 1930. 26 мая. № 145. С. 3.

¹²⁵ См.: Выступление О.О. Грузенберга на акте в «День Русской Культуры» не состоится // Сегодня. 1929. 22 мая. № 140. С. 4; Осложнения вокруг празднования Дня Русской Культуры // Сегодня. 1929. 29 мая. № 147. С. 8; Тяжелая атмосфера вокруг Д.Р.К. // Наше слово. 1929. 2 июня. № 1.

¹²⁶ М.Я. Лазерсон ошибочно указывает, что журнал издавался до 1934 г. (см.: *Лазерсон М.* Духовный облик О.О. Грузенберга (1866–1941). С. 406), имея, по-видимому, в виду прекращение в это время деятельности в нем Грузенберга.

¹²⁷ С 1934 г. редакцию возглавил А. Каминка.

¹²⁸ См. об этом издании: *Ковальчук С.* Судьба журнала «Закон и суд» // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 1999. Т. 4. С. 88–103.

«Из дневника юриста», в которой получали выражение актуальные вопросы правовой теории и практики¹²⁹.

В конце 1931 г. Грузенберги испытали роковой удар судьбы: сын Юрий оказался в клинике для нервнобольных, а спустя не очень продолжительное время, меньше чем через год, в ночь с 1 на 2 сентября 1932 г. в Берлине скончалась дочь Софья¹³⁰. Известие о душевной болезни Юрия усугубило и без того ослабленный организм Грузенберга: склонный к туберкулезу, он слег с очередным легочным заболеванием. Врачи настойчиво рекомендовали ему вернуться в Ниццу, в теплый южный климат, и в декабре 1931 г. он был вынужден подчиниться этому совету. Рижский период окончился — в жизни знаменитого адвоката наступает последний, самый безрадостный период — «осень патриарха».

Естественным образом происходит отдаление Грузенберга от рижского журнала: и хотя его имя по-прежнему значится среди отцов-основателей и редакторов, реально он все меньше и меньше отдает сил поддержанию собственного детища. Исчезает со временем регулярная рубрика «Из дневника юриста», которую он вел, живя в Риге. В № 4 (44) за 1934 г. на первой странице журнала было напечатано обращение к Грузенбергу «От юридического общества», в котором говорилось: «Передавая журнал “Закон и суд” попечению расширенного круга сотрудников, горячо отзывавшихся на обращенную к ним просьбу Общества обеспечить дальнейшее существование Журнала и позаботиться о его расширении, Правление Русского Юридического Общества испытывает душевную потребность выразить пред лицом всех читателей Журнала чувство глубокой признательности Оскару Осиповичу Грузенбергу, таланту, энергии и исключительной преданности делу которого Журнал так многим обязан. К сожалению, вследствие состояния своего здоровья Оскар Осипович был вынужден покинуть пределы Латвии для того, чтобы в животворящих лучах южного солнца найти новый источник сил, подорванных напряженной работой. Все надеялись, что он скоро найдет там нужное ему исцеление, вернется к непосредственной редакторской работе. Но отсутствие его затянется, и горячим пожеланиям скорейшего выздоровления Правление присоединяет свою усердную просьбу продолжать украшать страницы Журнала своими статьями в интересах укрепления того чувства права, служению которому посвящена вся жизнь Оскара Осиповича»¹³¹.

За два года до смерти Грузенберга вышла книга его воспоминаний «Вчера», которую мы обильно здесь цитируем и о которой один из рецензентов (А. Петрищев) отозвался сжато, но емко: «Интересная, бодрая и ценная книга»¹³². П.Н. Милоков писал в своей рецензии на мемуары Грузенберга: «благодаря удивительной способности автора — сильно переживать и ярко воспроизводить житейские впечатления, и отдаленные

¹²⁹ В рецензии на первые восемь номеров «Закона и суда», помещенной в СЗ, С. Завадский писал: «Все вышедшие номера неизменно возглавляются “Дневником юриста” О.О. Грузенберга. Автор со свойственным ему блеском словесного дара и юридической мысли откликается на злобу дня далеко не злободневными суждениями. Поборник начал, на которых воздвигнуты судебные уставы 1864 г., он загорается огнем подлинного морального пафоса, согревающего и освещающего изнутри каждый довод, говорит ли он о ненарушимости профессиональной тайны, или о границах и средствах судебного исследования и о председательской этике, или же о дорогом для подавляющего большинства русских судебных работников институте присяжных заседателей. И в крупных вопросах, и в сравнительно пространственных заметках, и в юридических суждениях, и в воспоминаниях и характеристиках — всюду О.О. Грузенберг дает “Дневник” не только “юриста”, но и общественного деятеля, которому богатая жизненная проверка принципов опытом и опыта принципами позволяет видеть вдале и вширь. Даже и тогда, когда с автором не соглашались, нельзя не любоваться его умением подать свою мысль» (1930. № 43. С. 518).

¹³⁰ См.: ПН. 1932. 4 сент. № 4183. С. 1.

¹³¹ Закон и суд. 1934. № 4 (44). Стлб. 1497–1498.

¹³² РЗ. 1938. Май. № 5. С. 200.

его воспоминания встают перед читателем во всей своей свежести, как будто только вчера пережитые. Крепко они залегли в сознании — и, сложенные вместе, составляют целое, верно отображающее духовную личность автора¹³³.

Кроме отзыва враждовавшего с Грузенбергом адвоката О.С. Трахтерева, критическая реакция на мемуары была самой доброжелательной¹³⁴. Трахтерев же не мог упустить случая негативно высказаться о книге Грузенберга, то ли действительно восприняв ее как «сведение счетов с прошлым», то ли пытаясь досадить автору, отношения с которым были давно и окончательно испорчены. «По существу это автобиография, проникнутая от первой до последней страницы самовоспеванием; даже людям, о которых автор упоминает, всегда вложены в уста комплименты по его адресу, а кто без комплиментов, о том умалчивается, хотя очевидность требовала бы их упоминания. Так как книга посвящена адвокатской карьере О.О. Грузенберга, то для неюриста она как необъективная мало интересна, но и юрист той же эпохи почерпнет мало поучительного в пристрастном описании прошлого. У читателя останется от книги горькое чувство: все, чему служил Грузенберг и его товарищи по сословию, так беспощадно полно ненависти, презрения; все замарано, все уничтожено». Отзыв завершился на мрачно-пессимистической ноте: «Неужели у О.О. Грузенберга не нашлось до сих пор ни одного друга, кто посоветовал бы ему поторопиться и сегодня же, не откладывая на завтра, изъять из обращения свое вредное “Вчера”?»¹³⁵

Параллельно с книгой «Вчера» Грузенберг готовил второй том воспоминаний — «Сегодня» (см. его письмо В.В. Рудневу от 30 ноября 1938 г., п. 120). По свидетельству А.А. Гольденвейзера, Грузенберг писал ему 27 ноября 1940 г., ровно за месяц до своей кончины: «Я закончил второй том моих воспоминаний. По объему он приблизительно такой же, как первый (“Вчера”). По содержанию П.Н. Милоков [...] нашел его глубже и интереснее первого... Моя просьба к Вам: продать мои авторские права любому издательству для выпуска на английском, еврейском и, если пожелаете, русском языке»¹³⁶.

В 1944 г. группа его друзей издала в Нью-Йорке книгу Грузенберга «Очерки и речи»¹³⁷, многочисленные ссылки на которую приводятся в нашей статье. В рецензии на нее В. Зензинов писал: «“Очерки и речи” О.О. Грузенберга нельзя читать без волнения. В них во весь рост встает О.О. Грузенберг, боец за право личности, вложивший весь свой блеск и темперамент в дело борьбы “за право и свободу, без которой нет и не может быть истинного права”. Но это и не только О.О. Грузенберг, это также исто-

¹³³ Милоков П. «Вчера» О.О. Грузенберга // ПН. 1938. 14 апр. № 6228. С. 3.

¹³⁴ См.: отзывы П. Трубникова (П.М. Пильского) в «Сегодня» (1938. 4 мая. № 123. С. 2), П.Н. Милокова и Б.Л. Гершуна в ПН (соответственно: 1938. 14 апр. № 6228. С. 3 и 1938. 1 сент. № 6367. С. 4), А.Б. Петрищева в РЗ (1938. Май. № 5. С. 199–200) и Д.М. Одица в СЗ (1939. № 68. С. 486–487); в кн.: Алексеев. Литература русского зарубежья. С. 61 отмечены только первая и последняя из перечисленных рецензий. Следует, впрочем, отметить, что некоторые критические мнения о книге Грузенберга, высказанные в частной переписке, резко расходились с обнародованными в печати; ср., например, указанный позитивный отзыв адвоката Б. Гершуна с тем, который содержался в его письме А. Гольденвейзеру (*Будничкий О. Юристы Моисеева закона // Лехаим (Москва)*. 2011. № 3(227)); см. к этому зарисовку Грузенберга в мемуарном очерке Б. Гершуна «Воспоминания адвоката» (НЖ. 1955. № 43. С. 145–147).

¹³⁵ Трахтерев О.С. «Вчера»: (По поводу книги О.О. Грузенберга) // Возрождение. 1938. 13 мая. № 4131. С. 12.

¹³⁶ Из писем О.О. Грузенберга к А.А. Гольденвейзеру 1938–1940 гг. // *Грузенберг О.О. Очерки и речи*. С. 222–223; то же: *Гольденвейзер А.А. В защиту права: Статьи и речи*. Нью-Йорк, 1952. С. 247. Комментируя это письмо, А.А. Гольденвейзер замечает: «Рукопись этих воспоминаний была после смерти Грузенберга передана С.В. Познеру, также вскоре умершему. Ее судьба мне неизвестна» (Там же).

¹³⁷ Одно из первых сообщений о ней в европейской эмигрантской печати см.: Советский патриот (Париж). 1945. 23 нояб. № 57. С. 3.

рия русской общественности за длинный и решающий период русской истории – с 1889 года по 1917-ый»¹³⁸.

Несмотря на признание прошлых трудов и заслуг Грузенберга и редко кем подвергавшуюся сомнению значительность его личности, ощущение смертного холода и трагической бессмыслицы конца, причем не только в персонально-жизнейском, но и в широком экзистенциальном смысле, все более и более охватывало в последние годы сознание адвоката. В письме В.В. Рудневу от 30 ноября 1938 г. он пишет: «Все мы (и Ваш прекрасный журнал в том числе), – из града Китежа, погруженного на дно морское. Порою оттуда доносится колокольный звон, служба Господня, – но напрасно: мертвые не воскресают, – воскресают лишь смердящие Лазари. Надо, если не смириться, то упокоиться и дожидаться недалекого, слава Богу, конца» (п. 120).

На полгода раньше, в ответ на просьбу пражского Русского заграничного исторического архива (письмо датировано 18 мая 1938 г.) передать два экземпляра книги «Вчера», а также «не отказать в возможной присылке автобиографии Вашей и фотографического снимка для приобщения к коллекции автобиографий виднейших российских деятелей, уже находящихся в фондах Архива»¹³⁹, Грузенберг отвечал в письме от 22 мая 1938 г.: «К сожалению, могу исполнить Ваше желание лишь отчасти. Я уже более 10 лет не снимался. Ограничивался лишь снимками уличных фотографов вблизи консульств, когда хлопотал о визах. Прилагаю фотографию, снятую рижской газетой «Сегодня». Она давняя. Что касается биографических сведений обо мне, то Вы можете найти их в Энциклопедии Брокгауза-Эфрона, где помещена заметка обо мне В.Д. Набокова. Помещена заметка обо мне и в «Большой Советской Энциклопедии». По-видимому, она повторяет то, что написал Набоков, если не считать последних строк, исходящих, надо полагать, от ГПУ. Прибавлять что-либо к этим сведениям не стоит: кому это интересно? – Жил, был и ушел. Всего хорошего. С истинным уважением О. Грузенберг.

Относительно Вашего желания получить мою книгу («Вчера») должен сказать, что исполнить его лишен возможности: книга за два месяца вся разошлась, а у меня лишь 2 экземпляра. Если выпущу второе издание (колеблюсь, так как не уверен в сбыте), пришлю Вам желаемое»¹⁴⁰.

Последний акт жизненной драмы Грузенберга был более чем печальным. В письме Гольденвейзеру от 27 ноября 1940 г. он писал: «Лично о себе ничего хорошего сказать не могу: еле передвигаюсь даже в своей небольшой квартире при помощи Розы Гавриловны, которая и сама весьма сдала («укатали сивку крутые горки»). Страдая бессонницей, я провожу большую часть суток за письменным столом. Увлеченный работой, я забываю физические и душевные страдания... Вот Вам последний акт пьесы, именуемой «Жизненный путь семьи Грузенберг»»¹⁴¹.

27 декабря 1940 г. Грузенберга не стало – он умер в клинике св. Августина в Ницце. Два года спустя в информации «Вечер памяти О.О. Грузенберга» газета «Новое русское слово» сообщала: «Кружок русских юристов устраивает публичное собрание, посвященное памяти скончавшегося в декабре 1940 года в Ницце известного русского адвоката и общественного деятеля О.О. Грузенберга. Собрание состоится 8 декабря в помещении «Горизонт». С речами выступят: П.С. Пороховщиков (бывший председа-

¹³⁸ НЖ. 1945. № 10. С. 398. См. также другие отзывы на эту книгу: *Балотовский Ю.* Книга о Грузенберге // НРС. 1944. 29 окт. № 11873. С. 8; *Седых А.* Из жизни О.О. Грузенберга // НРС. 1944. 19 нояб. № 11894. С. 8.

¹³⁹ Русский заграничный исторический архив в Праге. Т-РZIA. 06–497.

¹⁴⁰ Там же. Приносим искреннюю благодарность Л. Бабке (Прага), познакомившему нас с этими письмами.

¹⁴¹ *Гольденвейзер А.А.* В защиту права. С. 249.

тель петроградского окружного суда, ныне профессор русской истории в университете в г. Атланта), проф. Е.М. Кулишер, проф. М.Я. Лазерсон, И.А. Найдич и др.»¹⁴².

По рекомендации П.Н. Милюкова вдова Грузенберга передала его архив С.В. Познеру¹⁴³. Планировавшиеся к изданию новые тома воспоминаний в свет не выходили¹⁴⁴.

В соответствии с завещанием покойного и благодаря стараниям его душеприказчика М. Зороховича прах Оскара Осиповича и Розы Гавриловны в мае 1950 г. был перевезен из Марселя в Тель-Авив на пароходе израильского общества «Некба»¹⁴⁵. 27 июня 1950 г. в Париже прошел организованный Еврейским агентством вечер памяти, приуроченный к перевезению останков супругов Грузенберг в Израиль¹⁴⁶.

¹⁴² НРС. 1942. 20 нояб. № 10864. С. 3. См. также посвященную ему часть коллективного некролога «Памяти ушедших» (НЖ. 1942. № 1. С. 377–379).

¹⁴³ Письмо Милюкова Полонскому от 3 апреля 1941 г. // НЖ. 1988. № 172–173. С. 187.

¹⁴⁴ Некоторые материалы из переданного Познеру архива Грузенберга опубликованы В. Кельнером; см.: *Грузенберг О.* Страницы воспоминаний // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3(7). С. 221–223; *Жаботинский В.* Письма Грузенбергу // Там же. № 2. С. 212–255; Письма П.Н. Милюкова – О.О. Грузенбергу. С. 258–314.

¹⁴⁵ Сообщения об этом см.: З. [Зорохович М.] О.О. Грузенберг // РМ. 1950. 26 апр. № 235. С. 6; Предание земле праха О.О. Грузенберга в Тель-Авиве // НРС. 1950. 10 июня. № 13924. С. 2. См. также современную фотографию могилы О.О. Грузенберга (илл. 24).

¹⁴⁶ Русские новости. 1950. 23 июня. № 264. С. 4; Б. Собрание памяти О.О. Грузенберга // Русские новости. 1950. 30 июня. № 265. С. 6.

1. Грузенберг — Вишняку

Nice. 6 января 1925 г.

6 января 1924 [так!]

Le Grand Palais, Bloc 2, Nice

Многоуважаемый Марк Вениаминович,
у меня на руках большая юридическая работа, которую я должен обрядить для суда не далее, как в месячный срок.

Боюсь, что не успею к 25 янв[аря] с извлечениями из разных глав «воспоминан[ий]» для обещанной Вам цельной статьи «*Бр[ед] войны*» (дела о мнимом шпионаже)¹.

Предупреждаю Вас об этом загодя, дабы Вы могли использовать отведенное для меня место.

Не попаду в ближайшую книжку, — появлюсь в следующей.

Всего хорошего. Преданный Вам искренне

О. Грузенберг

Удалось мне полнее ознакомиться с рядом работ Алданова.

С радостью убедился, что он — крупный талант. Отдельные главы из журналов и газет, которые я прочел, — значительное художественное достижение, — значительное, если ему даже не посчастливится срастить их с основной тканью «9-го термидора». Вы знаете, что вышедшая 2 года т[ому] н[азад] книга меня смутила каким-то равнодушием к революции, которую можно писать, либо любя, либо ненавидя, заражая этой любовью или ненавистью читателя².

Сообщаю Вам о переживаемом увле[чении?] потому, что твердо держусь заповеди «не укради!».

О.Г.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Год установлен по содержанию.

¹ Очерк Грузенберга «Бред войны» о деле полковника С.Н. Мясоедова появился в 24-й (С. 268–284) и 25-й (С. 288–315) книгах СЗ за 1925 г. со следующим примечанием редакции: «Этот очерк, равно как помещенный в XXI книге “Совр[еменных] зап[исок]” [речь об очерке “Поручик Пирогов”] и тот, который появится в книге XXV, — составляют отдельные главы из подготовленной автором для печати книги — “Что запомнилось”» (СЗ. 1925. № 24. С. 268).

² Роман М.А. Алданова «Девятое термидора» первоначально печатался в СЗ (1921. № 7, 8; 1922. № 9, 11, 13; отд. изд.: Берлин: Слово, 1923).

2. Грузенберг — Вишняку

Nice. 21 января 1925 г.

21 янв. 1925

Le Grand Palais, Bloc 2, Nice

Многоуважаемый Марк Вениаминович,
примите мое искреннее соболезнование по поводу смерти Александра Исаевича [Гуковского]: одновременно пришли и газета, и письмо Ваше¹.

Всегда, когда я встречался с Александром Исаевичем, меня томило тревожное чувство: обреченный! Плохо сросшееся пулевое отверстие у глаза словно напоминало, что смерть уже там и только задержалась, на ходу, на короткое время².

Теперь о живом. Резоны Ваши, конечно, сильны, — но боюсь связывать себя и Вас. Я своей «манжарной»³ работы не закончил, а потому — ничего не могу сказать насчет устанавли[вае]мого Вами срока. Поспею, — ладно; нет, — появлюсь в след[ующей] книжке, хотя и в более скромном антураже. Что ж, по Сеньке — шапка.

Всего хорошего. Преданный Вам

О. Грузенберг

Получил приглашение К.И. Чуковского дать «воспоминания» мои для его журнала («Русский современник»)⁴. Думаю дать: там уже печатается одна Ваша сотрудница, моя соседка справа по XXI кн. — Марина Цветаева⁵. Благославляете ли? Я, ведь, не политик, почему [так!] разбираюсь плохо в эмигрантских «decet» — «dedecet»⁶. Впрочем, издание, ведь, совершенно частное. Кстати: книжки Вашего журнала редко выдает даже «Русский совр[еменник]»; вот как загородили...

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Nicolaevsky collection. Box 267. F. 3).

¹ А.И. Гуковский, один из редакторов СЗ, покончил жизнь самоубийством 17 января 1925 г. Грузенберг узнал о смерти Гуковского по анонсам в ПН (1925. 20 янв. № 1453. С. 1).

² Пулевое ранение было связано с тем, что в октябре 1919 г. в жившего в Архангельске А.И. Гуковского стрелял офицер-«чаплинец». И хотя к тому времени Гуковский отошел от политической деятельности и намеревался эмигрировать, сторонники капитана Г.Е. Чаплина, выступавшего за укрепление военной диктатуры, таким образом мстили бывшему члену Верховного управления Северной области и одному из лидеров эсеров (см.: *Соколов Борис*. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. [Кн.] 9. С. 44).

³ От итал. mangiare, франц. manger («есть»), т.е. работа, обеспечивающая пропитание.

⁴ «Русский современник» — литературно-художественный журнал, издававшийся в Ленинграде в 1924 г. в частном издательстве Н.И. Марагам (отв. ред. А.Н. Тихонов); всего вышло четыре номера.

⁵ В «Русском современнике» публиковались два стихотворения М. Цветаевой — «Занавес» («Водопадами занавеса как пеной») и «Сахара» («Красавцы, не ездить!») (№ 3. С. 43–44). В 21-й книге СЗ были напечатаны ее стихотворение «Евреям» (С. 196) и проза «Вольный проезд» (С. 247–278). «Соседка справа», поскольку цветаевский текст начинался с нечетной — правой — страницы, шедшей следом за «Поручиком Пироговым» (С. 230–246) Грузенберга. В «Русском современнике» Грузенбергу напечататься не пришлось: журнал был закрыт в декабре 1924 г.

⁶ что подобает, что не подобает, что к лицу, что — нет (лат.).

3. Грузенберг — Вишняку

Nice. 14 апреля 1925 г.

14 апреля 1925

Le Grand Palais, bloc 2, Nice

Многоуважаемый Марк Вениаминович,
как же так? — Сотрудников связали сроками, а сами катаются по Европам.
Я готов. Удалось изложить материал так, что обусловленные 2 листа можно будет
разместить в двух книжках.

Под общим названием «Бред войны» скомпонованы две главы, — в 15–16 стр[а-
ниц] каждая (конечно, печатных).

Первую — «Полковник Мясоедов и братья Фрейберг» — могу сдать сегодня.
Куда послать?

Если будете здесь, милости прошу к нам. Кстати, рассчитаетесь со мною, — что
дважды ~~приводили меня~~ подвергали приводу в редакцию. Лучше всего от 4–6 ч.
дня. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

4. Грузенберг — Вишняку

Nice. 14 апреля 1925 г.

14 апреля 1925

Le Grand Palais, Bloc 2, Nice

Многоуважаемый Марк Вениаминович,
сейчас спохватился, что в отправленном Вам сегодня я не указал ни улицы, ни
виллы: с таким дефектом письмо вряд ли дойдет.

Я писал Вам, что я готов. — Статью мою удалось так скомпоновать, что от-
веденные мне 2 листа можно разбить на две книжки журнала. Под общим загла-
вием «Бред войны» написаны 2 главы, по 15–16 печатн[ых] страниц каждая.
В ближайшую кн[ижку] пустите первую главу — «Полковник Мясоедов и братья
Фрейберг»¹.

Куда Вам послать? — Она уже переписана.

Милости прошу ко мне: лучше всего от 4–6 ч., но можно и в другое время, если
предупредите письмом. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Просьба Грузенберга была в точности исполнена.

5. Грузенберг — Вишняку

Nice. 18 апреля 1925 г.

18 апр. 1925

Ницца

Многоуважаемый Марк Вениаминович, сегодня, в 7 час. веч[ера], получил Ваше любезное письмо. Спешу с ответом, т.к. почта здесь недопустимо медлительна.

Вижу, что, даже по спуске шлагбаума (20-го ведь крайний срок), Вам трудно разместить авторов. Позвольте прийти на помощь: статьи для 24-й кн. не пришло¹.

Искренне преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Следует полагать, что Вишняк на это письмо ответил настоятельной просьбой при-слать рукопись, что Грузенберг и сделал.

6. Грузенберг — Вишняку

Nice. 3 мая 1925 г.

3 мая 1925

Le Grand Palais, bloc 2, Nice

Многоуважаемый Марк Вениаминович, само собою, если отметка «Оконч[ание] следует» не в обычаях В[ашего] журнала, напечатайте выноску так, к[а]к проектируете: «Этот очерк, к[а]к и помещенный в XXI кн. «Совр[еменных] зап[исок]» («Поручик Пирогов») и имеющий быть напечатанным в № 25, — составляют отдельные главы из подготавливаемой автором для печати книги «Воспоминания»»²; —

2) Будьте любезны прислать мне корректуру м[оей] статьи, которую возвращу не позже, к[а]к через 24 часа;

3) Когда выходит 24 кн[ижка]? Когда — 25-я? К какому времени должен я при-слать окончание?

4) В письме своем ко мне, а также к А.В. Пешехонову³ (в сентябре) Вы вырази-ли желание, чтобы я дал главу своих «воспом[инаний]» о «Союзе русского на-рода»? Настаиваете ли Вы на нем и теперь, или охладели⁴?

5) Мне хочется дать рецензию об издании полного собр[ания] сочинений В.Г. Короленко⁵. Можете ли Вы отвести мне для этого страницы 1½–2? Я получаю от Авдотьи (она же Евдокия) Сем[еновны]⁶ более или менее аккуратно вышедшие томы. На днях, к[а]к она мне пишет, выйдет том «дневников» Влад[имира] Гал[актионовича] Короленко⁷.

Всего хорошего. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Очерк «Поручик Пирогов» напечатан в 21-й книге СЗ за 1924 г. (С. 230–246).

² Просьба Грузенберга была в точности исполнена: публикацию «Бреда войны» сопровождает предложенный им текст редакторского примечания (СЗ 1925. № 24. С. 268), исключая лишь то, что «Воспоминания» переименованы в «Что запомнилось»; см. примеч. 1 к п. 1 (под этим же названием один из мемуарных фрагментов Грузенберга был напечатан в газете А. Керенского «Дни»; см. примеч. 13 к п. 9). Отзываясь на 25-ю книгу журнала и оценивая ее авторов, А. Кизеветтер писал в письме Вишняку от 6 октября 1925 г.: «P.S. Кого пропустил-то: Грузенберга! А между тем при чтении его очерков мне хотелось поцеловать его. Ведь это истинный апофеоз души русского человека из-под страшного слоя всяких ужасов и мерзостей. Когда прочитал Грузенберга, как-то спокойно стало за Россию» (Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / Публ. М. Раева // НЖ. 1988. № 172/173. С. 473). Дата письма, опущенная в журнальной публикации, установлена по оригиналу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 67).

³ Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933), общественно-политический деятель, экономист, статистик, публицист. Член редколлегии журнала «Русское богатство». Один из учредителей и организаторов Трудовой народно-социалистической партии; министр продовольствия во Временном правительстве (с 26 мая по 26 августа 1917 г.). Выслан из России осенью 1922 г. Жил в Праге, где в 1924–1925 гг. возглавлял Институт изучения России, затем состоял в нем заведующим Кабинетом народного хозяйства и экономической политики (Аграрный кабинет); сотрудник Экономического кабинета С.Н. Прокоповича, входил в правление Чешско-русского объединения (Еднота). Дважды подавал заявления в советские полпредства в Берлине и в Праге о разрешении вернуться на родину; в первый раз получил отказ, однако в августе 1927 г. ему было предложено занять место экономического консультанта в странах Прибалтики, после чего он переселился в Ригу, где в это время жил Грузенберг (об их встрече см. в письме Грузенберга П.Н. Милюкову от 26 августа 1927 г. в: Старые связи (Из писем О.О. Грузенберга П.Н. Милюкову) / Публ., вступ. заметка и коммент. В. Кельнера // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции, Таллинн, 12–14 сентября 2002. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 355–356). См. также примеч. 2 и 3 к п. 69, где идет речь о мемуарном очерке Грузенберга «О возвращении А.В. Пешехонова», написанном в связи с его кончиной. О Пешехонове, который, по собственному признанию Грузенберга, в эмиграции был одним «из наиболее дорогих» ему людей (Старые связи. С. 355), он вспоминал в книге «Вчера: Воспоминания» (Париж: Б.и., 1938. С. 222–230).

О Грузенберге как защитнике А.В. Пешехонова см. в неопубликованных воспоминаниях А.Ф. Пешехоновой «Былое»: «Защитником А.В. в большинстве случаев был Оскар Осипович Грузенберг. Это был один из самых известных адвокатов в Петербурге. С ним заметно считались и председатель и члены палаты. Все процессы А.В. и «Русского богатства» О.О. вел бесплатно. [...] Как образованный и опытный юрист Грузенберг хорошо знал исход процесса. В безнадежных делах он отказывался от защиты. На мои телефонные просьбы поменять свое решение О.О. отвечал уговорами и доказательствами, продолжавшимися больше часа. Так было два или три раза. Тогда А.В. защищали А.А. Леонтьев, Андроников и М.В. Беренштам. [...] Дело о Северном крестьянском союзе было самым крупным процессом, к которому привлекался А.В. Подсудимых было 20 или 25 человек. Процесс длился 6 дней. Привлекались крестьяне, врачи, фельдшерицы, агрономы, люди, вышедшие из деревни и поддерживающие с нею связь, а из писателей Пешехонов, который был одним из создателей Северн[ого] крест[ьянского] союза. Защищал его О.О. Грузенберг. В числе защитников у двух подсудимых был Керенский, тогда еще совсем молодой адвокат. Блестящую речь произнес Грузенберг. Очень хорошо в последнем слове говорил А.В. В результате палата вынесла многим подсудимым, в том числе и А.В., оправдательный приговор» (РНБ. Ф. 581. Ед. хр. 70. Л. 62–64).

Сохранилось письмо Грузенберга Пешехонову от 5 июня 1925 г., отложившееся в архиве последнего: «Дорогой Алексей Васильевич, вчера веч[ером] получил от Н.Д. [Соколова] прилагаемое письмо. Как хорошо, что Вы написали, согласно моему совету, Л.Б. непосредственно. Вот видите: за 3 мес[яца] не сделано ни шагу по такому незначительному вопросу, как разрешение вернуться на родину. Все сборы да сборы. Более мес[яца] не отвечал на мое письмо, а на последнее отвечает через 10, называя это “спешным” ответом. Вы, вероятно, получили уже ответ от Л.Б. Сообщите мне, если можно, в копии. Любопытно! Огорчен, что Н.Д. не возвратил мне В[аше] письмо. Я думал, что, как он говорил, оно нужно ему в доказательство того, что ходатайствуют не без В[ашего] ведома. Очевидно, оно отдано в цепкие руки: ну, да все равно в нем нет ничего, чтобы Вы могли бы решить утаить. Нет сомнения, что Вам разрешат выезд. С горечью думаю: содействовал В[ашему] заключению в двинскую крепость, теперь содействую В[ашему] заключению во всеороссийскую тюрьму. Крепко обнимаю Вас. Передайте дорогой Антонине Федоровне целую от меня. Роза Гавр[иловна Грузенберг] хотела бы Вам написать, но в больших сейчас хлопотах. Повысили плату за квартиру до 13 тыс. в год. Нам удалось найти хорошую квартирку в 3 комн[аты] со всеми удобствами за 5.500 в год. Пожалуй, дешевле, чем в Ваших местах, — а это в лучшей части Ниццы. Не переехали ли бы Вы сюда да занялись бы огородничеством? Роза Гавр[иловна] и Юрий целуют вас обоих. Что [нрзб]. Поцелуйте его. Ваш О. Грузенберг» (РНБ. Ф. 581. Ед. хр. 46). К письму был приложен ответ Н.Д. Соколова из Парижа, датированный «3/VI 25»: «Дорогой Оскар Осипович, спешно и кратко пишу по делу Алексея Васильевича. Давно уже была написана для Л.Б. докладная записка, затем был составлен для него проект письма в Москву; но затем наметилась было его близкая поездка в Москву и было решено, что он лично переговорит в Москве. Затем через Вас была получена копия заявления А.В. на Прагу. А в самые последние дни Л.Б. получил от А.В. письмо. Л.Б. сказал мне, что он сам ему ответит. Отношение Л.Б. к делу А.В. самое благожелательное. Поездка его в Москву все еще возможна. Письмо А.В. на Ваше имя вышлю Вам на днях. Привет Вам и Вашим. Преданный Н.Д.» (Там же).

⁴ Воспоминания о «Союзе русского народа» в СЗ не печатались; включены в книгу «Вчера» (С. 130–146).

⁵ Грузенберг выступал адвокатом В.Г. Короленко как редактора-издателя журнала «Русское богатство». Причем делать это ему пришлось дважды: сначала 12 января 1912 г. за напечатание в журнале статьи С.Я. Елпатьевского «Люди нашего круга» (за что Короленко отделился двухнедельным арестом), а затем 27 ноября того же года. Суть второго обвинения заключалась в том, что в № 2 журнала за 1912 г. был напечатан рассказ Л. Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» (народная молва издавна отождествляла Александра I, якобы инсценировавшего свою смерть, с сибирским старцем-странником Федором Кузьмичем, под личиной которого решил скрыться российский император). О том, как проходило судебное разбирательство, В.Г. Короленко рассказал в очерке «Процесс редактора “Русского богатства”»; здесь же он приводит защитительную речь Грузенберга — один из блестящих образцов его адвокатского и ораторского искусства (см.: *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. СПб.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1914. Т. 5. С. 393–406). Ср.: *Цитрон И.* В.Г. Короленко под судом // НЖ. 1959. № 56. С. 251–258. В результате слушавшая дело Судебная палата вынесла В.Г. Короленко оправдательный приговор. См. также воспоминания Грузенберга о Короленко в кн. «Вчера» (Париж, 1938. С. 158–176), частично напечатанные в рижской газете «Сегодня» (1925. 20 дек. № 287. С. 6 — обещанного продолжения не последовало), а также «О “Записных книжках” В.Г. Короленко» в его кн. «Очерки и речи» (Нью-Йорк, 1944. С. 115–121).

⁶ Короленко Евдокия Семеновна (1855–1940), вдова писателя.

⁷ Рецензию на первый том двухтомного «Дневника» В.Г. Короленко, вышедший в составе полного посмертного собрания его сочинений, написал для СЗ (1925. № 26. С. 482–485) С.О. Португейс (подписана его псевдонимом Ст. Иванович). Грузенберг писал о «Дневнике» в статье «О “Записных книжках” В.Г. Короленко» (ПН. 1936. 8 марта. С. 2).

7. Грузенберг — Вишняку

Nice. 15 ноября 1925 г.

15 ноября 1925

41, b[oulevard] de Cimiez, Nice

Многоуважаемый Марк Вениаминович,
спасибо за книгу. Я взялся за нее, как «критик», а увлекся, как читатель¹.

Вместо того, чтобы ограничиться указанной Вами главою (точнее — частью ее) о смертной казни, я прочел *всю* книгу².

Она сообщила мне много нового, чего я не доглядел, или, по оплошности, не закрепил вовремя. Для меня нет сомнения, что без нее не обойдется историк нашей революции. Не во всем я с Вами согласен, на многое гляжу иными, нежели Вы, глазами — но сейчас неохота полемизировать. Важно другое: для нас, эмигрантов, Вы один из тех немногих публицистов, к[ото]рые не обиделись на революцию и не сводят с нею счетов за обманутые надежды, за разбитые горшки. Если Вы сумеете спружинить свою волю, остановить ее на одной *главной* идее, не думая о тактике, стратегии, не угрызаясь возможным торжеством политических врагов (это дело политиков, а не публицистов), Вас ждет большой успех. Пусть не здесь, — тогда в России. Как-никак, Вы моложе меня почти на 20 лет, — Вы вернетесь домой сильный и бодрый. Здесь талантливые литераторы, — там же талантливая литература. Пусть здесь угощают друг друга комплиментациею, порожденной взаимным взяточничеством, — скоро придут истинные сторожа русской литературы и сметут своей жесткой щеткою пух и сор, приставшие — и в эмиграции — к ее царственным одеждам. Вы один из тех публицистов, которые и тогда уцелеют.

Еще два слова — о форме. Она, почти всюду, *отличная* (досадно, что Вы употребляете латинские поговорки и им подобные дешевые цитаты: Вы не сознаете, что давно их переросли, — оставьте их Иоське Гессену³ и иным публицистам из «черты оседлости»). Когда я говорю, что В[аша] форма отлична, — значит ли, что я отказываюсь от моего отзыва о росте. В В[ашем] предисловии я почерпнул ответ на это ~~кажущее[ся]~~ недоумение: Вы удостоверяете, что внесли много стилистических поправок⁴. А они-то откуда взялись? Ясно, что от роста, а не от неподвижности. Рад за Вас — и уверен, что мой скромный отзыв скоро совпадет с оценкой более меня компетентных ценителей.

Крепко жму руку и шлю лучшие пожелания. Преданный Вам

О. Грузенберг

Ваша книга, *dedicase* к[ото]рой датировано 6 нояб[ря], пришла 10-го! Нет сомнения: за Вами надзор!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о книге Вишняка «Черный год» (Париж: Франко-русская печать, 1922).

² О смертной казни говорится в первой главе книги — «Советский быт». Вишняк пишет о том, что формально отмененный при советской власти институт смертной казни (своим декретом ее отменил 2-й Всероссийский съезд советов, проходивший сразу же после большевистского переворота) фактически продолжал существовать и принял обширные размеры и изуверские формы — в виде революционных трибуналов и деятельности «чрезвычайек».

Из относительно недавних исследований на эту тему см., напр.: *Ратковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.

³ Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943), юрист, общественно-политический деятель, публицист, издатель, мемуарист; член ЦК партии кадетов; депутат II Государственной думы. Эмигрировал из России в январе 1919 г. Жил в Берлине, где редактировал газету «Руль». В 1935 г. перебрался в Париж, а в начале Второй мировой войны — в США.

В архивном собрании кадетской газеты «Речь», одним из редакторов которой был И.В. Гессен, отложились посланная Гессену копия письма Грузенберга в правление «Северного издательского товарищества на паях» и сопроводительное письмо к нему (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 279. Л. 1–3): «21-го октября 1915 г.

В Правление “Северного Издательского Товарищества на паях”. Здесь

М.м. Г.г. Летом с.г. я был избран Председателем Правления “Северного Издательского Товарищества на паях”. До сих пор, по причине крайнего недосуга, я не мог посетить ни одного собрания. Та же причина вынуждает меня сложить с себя звание Председателя и просить не подвергать меня баллотировке ни на какие должности по сему Товариществу.

С совершенным почтением (подпись)».

«22 окт[ября] 1915 г.

Дорогой Иосиф Владимирович,

посылаю Вам копию письма, вчера отосланного. Оно задержалось на несколько дней (я приехал еще 10-го), так как меня просили задержать отсылку, пока выслушаю доводы то одного, то другого. Я выслушал двух советчиков, но остался при прежнем решении. Остался потому, что оно выросло не из стремления сохранить к себе симпатии тех или иных лиц (очевидно, в этой области все уже давно подгнило, если могло случиться то, что случилось), а из душевного пиетета к *своим* собственным чувствам и привязанностям, которые я питаю свыше 12 лет. Всего доброго. Ваш Грузенберг

Письмо [В]аше, содержащее повторение того, о чем говорили накануне, 6-го сент[ября], я получил 7 сент[ября], накануне отъезда. Просьбу И.М. Биккермана посетить одно собрание для ознакомления с коллегами я не исполнил: хотя Вы мне советовали, но я потом раздумал. Надеюсь, созовут собрание, и я в мягкой форме объясню, что вследствие недосуга я не смогу быть полезен даже в содействии к дальнейшему сбору денег».

⁴ В предисловии к книге Вишняк писал: «Мы не стали, однако, на этот путь [внесения поправок и изменений в опубликованные первоначально в периодической печати очерки], не желая ни отягчать изложения подстрочными примечаниями, ни перерабатывать или заново излагать свои очерки. Те многочисленные изменения, которые все-таки были сделаны, — почти всегда стилистического свойства» (С. 1).

8. Грузенберг — Вишняку

Nice. 9 декабря 1925 г.

9 декабря 1925

41, b[oulevard] de Cimiez, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

спасибо за доброе чувство и ласковое слово. Насчет «Русской правды» не трудитесь: мой бывший сотрудник Л.Л. Левин прислал мне вчера ее из Парижа.

Память мне не изменила: действит[ельно] декабристы были готовы — не только в пожеланиях, но и с оказанием евреям физической помощи — содействовать восстановлению иудейского царства¹. Пожалуйста, вышлите мне Семевского — для кой-каких справок². Быстро возвращу.

Черкните — отчего, к[а]к я узнал из объявлений, в книжку 26-ю «Совр[емен-ных] зап[исок]» не включена рецензия Алданова о В.Г. Короленко. А я писал Авдотье Семеновне [Короленко], что она идет в этой кн[ижке]. Ведь рецензия была совершенно готова³.

Постараюсь доставить Вам к сроку свою статью, если не помешает мое новое увлечение. Вчера приехали из Парижа Роза Гавр[иловна]⁴ и дочь — с внучкою 2 недель от роду⁵. Судя по первым двум дням, я так прилепился к новой девице, что ничего не делаю. Преданный Вам

О. Грузенберг

[При]вет Вашей супруге.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ «Русская правда» — опыт государственной конституции, разработанный П.И. Пестелем (1824), который, по замыслу декабристов, должен был явиться на смену законам самодержавной Российской империи. Несколько позднее, в статье «Возвышающий обман или печальная правда? (К вопросу о путях сионизма)» (Сегодня. 1930. 29 авг. № 238. С. 2) Грузенберг писал: «Мало кому известно, что русские военные революционеры, известные в истории под именем “декабристов”, имели намерение — еще ранее появления в Европе еврейских сионистов — предоставить евреям свою военную помощь для завоевания своей старой родины. Это возведено их идеологом Пестелем в его книге “Русская Правда”».

² Речь идет об одном из братьев-историков Семевских — Михаиле Ивановиче (1837—1892), основателе и издателе журнала «Русская старина», или, что вероятней, профессоре Василии Ивановиче (1848/49—1916), который занимался историей декабризма.

³ См. примеч. 7 к п. 6.

⁴ Грузенберг (урожд. Голосовкер) Роза Гавриловна (1867—1941), жена Грузенберга (с 1887 г.).

⁵ Грузенберг говорит о своей внучке Нелли (в будущем браке: Кривицкая; р. 1925), дочке Софьи Оскаровны (1892—1932) и Бориса Юльевича Прегеля (1893—1976).

9. Грузенберг — Вишняку

Нисе. 15 января 1926 г.

15 января 1925 [так!]

41, b[oulevard] de Cimiez

О какой-то рукописи пишете Вы, дорогой Марк Вениаминович? Не имее-те ли Вы в виду песню, которую я уж давно затвердил? — Извольте:

У котаворкота
 Была мачеха-лиха [так!].
 Она била его — приговаривала:
 Не ходи же ты, кот,
 По чужим по дворам...
 Не качай же ты, кот,
 Чужих детушек...
 Приходи, кот, ночевать,
 Мою Ленушку качать,
 Качать, величать, — прибаюкивать:
 Баю, баю, бай!

И т.д.

И потом:

Я тебе же коту
За работу заплачу:
Дам кубан молока
И кусок пирога!

Подумайте — целый кубан молока и кусок пирога!.. Разве на журнальный гонорар можно столько закупить? Кроме того, меня возвели уже в чин «держальщика» — чин немалый и даром он не дается. Попробуйте держать без «конверта» новорожденного: это куда труднее, нежели писать воспоминания, — но зато интереснее.

Не сердитесь. Ведь я Вас предупреждал, что со дня приезда внучки — с 18 дек[абря] — я ничего другого не делаю, как верчусь подле нее, **держу** в надувающую тоненькую нитку пульса, слежу, как быстро, хоть и слабо, бьется в стенки кровь. Если книга журн[ала] почему-либо запоздает, — я засяду — и пришлю Вам. Дайте мне прибавочный срок до 5-го февр[аля]. — Это тем более надо сделать, что в конце марта поеду в лекционное турне. Удивительна — до обидности — власть газет по сравнению с журналами. Ввиду произведенной «Сегодня» перепечатки более 600 строк из «Бреда в[ойны]»¹, я предложил прислать корректуру воспоминаний о Короленке. Редакция перепечатала в 2 №№ выдержки строк в 350 и прислала гонорар (по расчету 2 центов за строку)². Но не в этом дело. Вчера получил из Парижа (от служащего в Comité des delegations juives³) вырезку из «Wiener Morgenzeitung» от 2 янв[аря], где на двух столбцах приводятся выдержки — с усиленной комплиментацией⁴. Из Риги пришли 2 письма от В[ашего] коллеги проф. Лазерсона⁵ и д[окто]ра Эльяшева⁶ (он пишет на бланках «Сегодня», — не знаете ли Вы: принадлежит ли он к редакции или к издательству?), а также из Ревеля от некоего Ал. Шульца⁷. Я отвык от **такого** того теплого тона, в к[ото]ром они пишут о ценности для русско-евр[ейского] общест[ва] лимитрофов моих лекций и просят определить гонорар. Я ответил согласием и указал, что желал бы получить 150—125 долл[аров] за лекцию (числом не менее 10 лекций). Вчера получил *радостное* письмо от д[окто]ра Эльяшева, что принимают указанный мною размер гонорара в 150 долл[аров] за лекцию. Засяду за подготовку к ним между 5—10 февр[аля], а уеду в конце марта.

Как видите, я не виноват: vis major⁸. А у Вас материала хоть отбавляй. И без одного жидка будет ярмарка. Кстати — спасибо за присланную 26 кн. «Совр[еменных] зап[исок]». *Очень* нравится мне Ваша статья. Хотя с некоторыми страницами я не согласен, но они, как и вся статья, написаны с такой убедительностью и благородной настойчивостью, что как-то неловко не согласиться⁹. Хороши Мережковский и Алданов¹⁰. Но кто меня удивил — это Цейтлин [так!]: изящный, увлекательный стиль и исчерпывающее содержание. Вот уж подлинно: не знаешь, — где найдешь¹¹.

Прежде чем писать или поручать рецензию о 13-й кн. «На чужой стор[оне]», где мои воспоминания о В.Г. Корол[енко], — напишите мне приватно правду. Ведь не всегда та работа, к[ото]рая нравится самому автору, удачна¹².

Я недоволен несколько собою.

Недели 2½ т[ому] н[азад] Керенский написал мне любезность насчет Кони и сообщил, что у них «аппетит на мои статьи», прося прислать что-ниб[удь]. Я сго-

ряча послал небольшой отрывок из одной главы м[оих] воспоминаний. Через несколько дней спохватился, что я загубил целую главу, из которой взят отрывок — да кроме того, мне вдруг показалось, что посланное как отрывок не может себя оправдать. Я написал Александру Федоровичу [Керенскому], чтоб он не печатал и отослал мне обратно. Но он не исполнил моей просьбы, — и через несколько дней после письма напечатал¹³. Напишите *правду*: жалеть ли мне об этом.

Искренне Вам преданный

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Год установлен по содержанию.

¹ «Бред войны» был перепечатан в двух номерах «Сегодня»: 1925. 2 окт. № 221. С. 3 и 3 окт. № 222. С. 3 (в примечании от редакции отмечено, что этот материал опубликован в № 25 СЗ, перепечатывается с некоторыми сокращениями).

² См.: *Грузенберг О.* Короленко-защитник (Из воспоминаний) // Сегодня. 1925. 20 дек. № 287. С. 6; 23 дек. № 289. С. 6.

³ Комитет еврейских делегаций (франц.), в котором Грузенберг по приезде в эмиграцию возглавил отдел по расследованию еврейских погромов; см. об этом во вступ. ст.

⁴ Имеется в виду материал, напечатанный в газете «Wiener Morgenzeitung» (1926. 2. Januar. № 2464. S. 5) и озаглавленный «Aus den Geheimnissen der Ritualmordhetze: (Der Dichter Korolenko im Beilis-Prozeß) [О тайнах травли вокруг ритуальных убийств (Писатель Короленко во время процесса Бейлиса)]».

⁵ Лазерсон Максим (Мататьягу) Яковлевич (1887—1951), правовед, крупный специалист по международному праву; журналист; общественный деятель. Учился на юридическом факультете Петербургского ун-та. Занимался адвокатской практикой в Харькове. Слушал курсы в Берлинском и Гейдельбергском ун-тах (1913). Публиковал свои статьи в российской (журналы «Право», «Вестник права и нотариата», «Вопросы права») и немецкой печати. Степень магистра получил в Юрьевском ун-те, затем преподавал право в Петроградском ун-те. Вице-директор департамента национальных меньшинств в Министерстве внутренних дел Временного правительства. После прихода к власти большевиков бежал в Латвию, откуда был родом (родился в Митаве). Преподавал право в Рижском коммерческом колледже и Русском институте университетских знаний (см.: Русский институт университетских знаний в Риге. Рига: Акц. Общ. «РИТИ», [б.г.]. С. 15), был представителем еврейского населения в латвийском Сейме (1922—1931), сотрудничал в рижской газете «Сегодня». После бегства из нацистской Германии в 1935 г. поселился в Палестине, преподавал в тель-авивском колледже экономики и права, печатался в двухнедельном ивритском журнале «Ha-mishpat» (его бумаги отложились в The Central Zionist Archives (Jerusalem). A 388). В 1939 г. переехал в США, жил в Нью-Йорке — преподавал в Колумбийском ун-те, был привлечен Фондом Карнеги для научной деятельности. Автор книг: «К международной постановке еврейского вопроса» (Пг., 1917), «Автономия и федерация» (Пг., 1917), «Национальность и государственный строй (Юридико-политические очерки)» (Пг., 1918), «Право, правизна и трудовой процесс» (Пг., 1919), «Право на банальность: Опыт обоснования трудового сионизма» (Рига, 1925), «Революция и право» (Рига, 1926), «Staat, Souveränität und Minorität» (Riga, 1927), «Общая теория права: Введение в изучение права» (Рига, 1930) и др. Лазерсону принадлежат некрологические воспоминания о Грузенберге: Духовный облик О.О. Грузенберга (1866—1941) // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. 2. С. 403—408. См. некрологи самого Лазерсона: *Седых А.* Памяти проф. М.Я. Лазерсона и Я.Б. Полонского // НРС. 1951. 1 дек. № 14463. С. 2, 4 (этот двучастный некролог посвящен также умершему в тот же день в Париже другому известному общественному деятелю — Я.Б. Полонскому); *Вишняк М.* Памяти М.Я. Лазерсона // НЖ. 1952. № 28.

С. 285–287. О Лазерсоне см. также: Российская еврейская энциклопедия. М., 1995. Т. 2. С. 116–117; *The Jews in Latvia* / Ed. M. Bobe [et al.]. Tel Aviv: Association of Latvian and Estonian Jews in Israel, 1971 (по ук. имен).

Лазерсон был одним из авторов редактируемого Грузенбергом и выходившего в Риге журнала «Закон и суд». В его израильском архиве среди других сохранилось письмо редактора к нему (написано на почтовой бумаге Русского юридического общества в Латвии, Правления и редакции журнала «Закон и суд», Riga, Vruņinieku ielā 25): «26 апр[еля] 1929. Многоуважаемый Максим Яковлевич, Вам, вероятно, желательно просмотреть лично корректуру своей статьи. Посылаю ее Вам и прошу вернуть ее поскорее. Преданный Вам О. Грузенберг» (The Central Zionist Archives (Jerusalem). А 388). В том же архиве имеется адресованное Лазерсону письмо Вишняка от 13 февраля 1930 г., написанное после того, как последний вернулся в Париж после посещения Риги (The Central Zionist Archives (Jerusalem). А 388): «Дорогой Максим Яковлевич!

Не знаю, кто виноват в том, что мы с Вами в Риге не простились. Я вернулся из Печор и Ревеля накануне своего доклада в Рижском Юридическом Обществе. Я был уверен – и Вы обещали, – что на доклад придете. Но на докладе Вас не было, а в 6½ ч. у[тра] я уже уехал via Kaunas в Берлин – Дрезден – Париж.

Во всяком случае, если и я виновен, – я очень о том сожалею и, если надо в чем-либо извиниться, – готов: извиняюсь (но в чем?)...

Очень был бы Вам признателен, если бы Вы указали, в чем именно я обидел или прегрешил.

Я уже давно собирался Вам писать об этом (и, кстати, *напомнить об Избирательном законе во Все[р]оссийское Учред[ительное] Собрание*). Но за повседневной сутолокой и работой все откладывал свое намерение. Но теперь я прочел в газете “Вечерняя Москва” фельетон некоего коммуниста В. Власова, в котором он издевается над Вандервельде и переменной его отношения к большевикам (в сторону более *положительной* их оценки!) в связи *со статьей Вандервельде в Rigasche Rundschau*.

Мне, да и не только мне, очень интересно узнать, что именно написал там Вандервельде. Будьте любезны, если можно, раздобудьте № “R[igische] R[undschau]” (статья Вандервельде, видимо, появилась в первой половине января с.г.). Надо же знать, что думает бывший “королевский министр” и защитник эсеровских смертников, ныне глава П-го интернационала!..

Как подвигается печатание Вашей книги? Над чем работаете сейчас?

Очень был бы рад получить от Вас весточку.

Примите – и передайте Полине Фабиевне (у меня память на имена и отчества отличная!) – мой самый сердечный привет. Я сохранил приятные воспоминания и о Риге, и о встрече с Вами. М. Вишняк».

⁶ См. примеч. 107 к вступ. ст.

⁷ Шульц Александр Эдуардович (писал под псевд. А. Вышгородский; 1884 – после 1941), корреспондент «Сегодня» в Эстонии, редактор-издатель таллиннской газеты «Жизнь» (1922) и фактический редактор газет «Вести дня» и «Русский вестник». Переписку Шульца с редакторами и сотрудниками газеты «Сегодня» см.: Русская печать в Риге. Кн. 2. С. 456–457; Кн. 3. С. 257–273, 467–468; Кн. 4. С. 208–210.

⁸ превосходящая сила (лат.).

⁹ Грузенберг ведет речь о статье Вишняка «На родине и на чужбине: (Пятилетние итоги)», опубликованной в 26-й книге СЗ за 1925 г. (С. 378–404).

¹⁰ В этой книге СЗ, вышедшей в декабре 1925 г. и приуроченной к 100-летию восстания декабристов, были опубликованы очерки Д. Мережковского «1925–1825» (С. 218–223) и М. Алданова «Сперанский и декабристы» (С. 224–240).

¹¹ Речь идет об эссе М. Цетлина «О 14-ом декабря» (С. 241–257).

¹² Отзыв на историко-литературный сборник «На чужой стороне» (Прага: Пламя, 1925. Вып. 13), прекративший на этом выпуске свое существование, а вместе с ним на продол-

живший его проблематику исторический журнал «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж: Т-во Н.П. Карбасникова, 1926. № 1), подписанный И. [С.О. Португейс]», появился в 27-й книге СЗ за 1927 г. (С. 573–574). Данный отзыв носил информационный характер, и имена авторов и их материалов в нем не упоминались.

¹³ Отрывок из книги «Что запомнилось» (первоначальное название книги мемуаров «Вчера») был напечатан в газете А. Керенского «Дни» (1926. 10 янв. № 900. С. 3; см. обозрение этого текста в хронике русско-еврейского еженедельника «Рассвет», 1926. 17 янв. № 3. С. 10–11), впоследствии там же появился еще один отрывок (1926. 21 апр. № 986. С. 2).

10. Грузенберг — Вишняку

Nice. 20 января 1926 г.

20 января 1925 [так!]

41, b[oulevard] de Cimiez, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

спешу предупредить Вас, что если и дадите мне дополнит[ельный] срок, я все равно не успею. Не до того мне теперь. Думаю, Вам и так ясно, что оглашение части моих воспоминаний вызывается бессознательным стремлением ухватиться за жизнь и хоть чем-ниб[удь] ее оправдать. Сейчас у меня более живой интерес: не стоит его ослаблять и кромсать только из-за того, чтобы раньше на месяц–другой опубликовать отдельную главу. Обещаю Вам твердо, что ~~обещанная~~ условленная глава воспоминаний будет непременно дана для *V[ашего] журнала*. Прилагаю статью П.С. Пороховщикова (псевдоним его — Сергеич)¹. Она, по-моему, оч[ень] интересна, т.к. выявляет совершенно неожиданно отношение к России Виктории и устанавливает более справедливое отношение к Биконсфильду².

Если Вы найдете нужным произвести сокращение, — то можете его произвести, но по-божески: Петр Сергеевич может быть оч[ень] полезен *V[ашему] журналу*. Что у Вас доброго? Как отхожий промысел? Не отходит ли он пока от Вас далеко? Не беспокойтесь: приблизится. Почтительный привет от меня Вашей супруге. Роза Гавриловна благодарит за поклон и шлет Вам обоим свой.

Жму руку.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Год установлен по содержанию.

¹ Петр Сергеевич Пороховщиков (псевд. П. Сергеич; 1867 — после 1940), адвокат, член Санкт-Петербургского окружного суда; автор широко известной книги «Искусство речи на суде» (1910); шекспировед, автор книги «Shakespeare Unmasked» (New York, 1940). Статья П.С. Пороховщикова, о которой пишет Грузенберг, в СЗ не появлялась; см. п. 12. В 29-й книге за 1926 г. (С. 482–485) под псевдонимом П. Сергеич была напечатана его рецензия на кн.: *Kovalevsky P. N.S. Leskov: peintre méconnu de la vie nationale russe*. Paris: Les Presses Univ. de France, 1925.

² Речь идет о Бенджамине Дизраэли, лорде Биконсфилде (1804–1881), английском государственном деятеле и писателе еврейского происхождения, премьер-министре Англии (1868; 1874–1880).

11. Грузенберг — Вишняку

Nice. 22 января 1926 г.

22 января 1925 [так!]

41, b[oulevard] de Cimiez

Дорогой Марк Вениаминович,
письма наши, должно быть, скрестились в пути. Ко вчерашнему могу лишь прибавить сердечную признательность за прямоту не только в приятном, но и неприятном. Относит[ельно] Макаренки Вы правы, — но не сомневаюсь, что когда бы я ни писал о военных судах, Макаренко, в ущерб литературной архитектонике, был бы мною выделен. — Он дал так много, что грешно взвешивать — сколько ему следует отпустить: захватил пригоршнями, — так пригоршнями¹.

Это я не в опровержение, — а лишь в пояснение.

Чувствую, что Вы недовольны моей ленью, — но давно и хорошо сказано: «на свете счастья нет, а есть покой и воля»²... Хочется побаловаться: осталось ведь немного.

Прочел сегодня в «Возрожд[ении]» Кульмана. Насчет Вас он явно неправ. Отзыв *политический*, а не литературный³.

К сожалению, он прав в той части своей рецензии, где говорит, что от «Современных зап[исок]» никто идеологии не спрашивает. Что касается его отзыва о беллетристике 26-й кн. В[ашего] журнала, — то он безвкусен.

Нет сомнения, что бунинские «Цикады» — «сонной Парки бормотанье»⁴...

Шмелев, к[а]к всегда, — извините за грубость слова, — ебет и плачет, плачет и ебет: как он не поймет, что эти два ~~занятия~~ ремесла нельзя смешивать⁵.

Зайцев катает из навоза благоглупостные шарики⁶. А Ремизов в простоте словеч[к]а не молвит⁷. Впрочем — не судите, да...⁸

Думал послать Вам для 27-й кн. ту главу моих воспом[инаний], где говорится о том, как я стал евреем: смерть моего первого ребенка и облава, уведшая в участок мою мать-старуху⁹. Но я знаю, что милый Илья Исидорович [Фондаминский] упадет в обморок от того, что в его альманахе жидом запахло. Кроме того, вся глава в 500—550 строк. И без одного жида ярмарка будет!

Крепко жму В[ашу] руку. Привет уважаемой супруге. Жена кланяется Вам обоим.

Ваш О. Грузенберг

От Кульмана узнал, что Гиппиус-Кобылиус¹⁰ с Вами скокетничала. Перегруппировку сил затевает? Незанумерованная чекистка ничего спроста не делает¹¹.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Год установлен по содержанию.

¹ Макаренко Александр Сергеевич (1861—1932), генерал-лейтенант (1911). С 12 марта 1911 г. начальник Главного военно-судебного управления и главный военный прокурор. В годы Первой мировой войны в его ведении находилась деятельность военно-полевых судов. Во время Гражданской войны был председателем Главного военного суда и членом Высшей комиссии правительственного надзора в армии П.Н. Врангеля (1920). После поражения Белого движения эмигрировал в Югославию. В «Бреде войны» Грузенберг описывает, как его вмешательство в дела несправедливо осужденных евреев позволяло пресекать беззаконие и восстанавливать поправную военными судами справедливость.

² Из стихотворения А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора...» (1834); в оригинале: «но есть покой и воля».

³ Имеется в виду статья-рецензия Н.К. Кульмана «Пятилетие “Современных записок”» (Возрождение. 1926. 21 янв. № 233. С. 3), вторая половина которой была полностью посвящена статье Вишняка «На родине и на чужбине: (Пятилетние итоги)». Выступая против примирительных настроений Вишняка, автор рецензии основную слабость статьи видел в том, что она далека от провозглашения непримиримой борьбы против большевиков.

⁴ Грузенберг иронически, посредством цитаты из пушкинских «Стихов, сочиненных во время бессонницы» (в оригинале: «Парки бабье лепетанье»), отвечает о «медитативном» рассказе И. Бунина «Цикады» (С. 85–101). Ср. реакцию на этот рассказ А. Кизеветтера в письме к тому же Вишняку от 11 января 1926 г.: «Бунинское стихотворение в прозе “Цикады” написано великолепной прозой, но по содержанию оно скучновато. Дан ему чудный талант изображать жизнь, охота же ему размышлять или, лучше сказать, резонировать о ней» (Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / Публ. М. Раева // НЖ. 1988. № 172/173. С. 473).

⁵ И. Шмелев в этом номере журнала был представлен рассказом «На пеньках: (Рассказ бывшего)» (С. 102–160).

⁶ Имеется в виду рассказ Б. Зайцева «Алексей Божий Человек» (С. 195–212).

⁷ Речь идет о ремизовских рассказах «Груддесертир» (С. 161–183) и «По “бедовому” декрету» (С. 183–194).

⁸ Провербальная библейская цитата: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1).

⁹ Этот фрагмент воспоминаний Грузенберга, составивший в книге «Вчера» четвертую главу, в СЗ не появлялся; напечатан в «Сегодня» (1926. 22 апр. № 88. С. 2).

¹⁰ Каламбур с греческой псевдоэтимологией фамилии Гиппиус (hippos – греч. лошадь).

¹¹ Выражение «незанумерованный [кто-то]» встречается у Грузенберга не раз; ср. в письме к А.А. Гольденвейзеру от сентября 1938 г. по отношению к Гитлеру: «Как хорошо, что Вы порвали с Европой. [...] Здесь все охвачено параличом воли, которым отлично пользуется незанумерованный в списках о судимости убийца Гитлер» (*Гольденвейзер А.А. В защиту права: Статьи и речи.* Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 242).

12. Грузенберг – Вишняку

Nice. 29 января 1926 г.

29 января 1926

41, b[oulevard] de Cimiez, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

огорчили Вы меня насчет Пороховщикова бесконечно. Неужели его работа не годится, *mutatis mutandis*, даже в качестве рецензии¹? Отказом Вы ужасно его унижите, — тем более, что он — уже второй.

Относит[ельно] несвоевременности рецензии Вы ошибаетесь: одна из цитируемых им книг вышла недавно («Министр-чужак»)². Дионео писал о ней лишь несколько недель тому назад в «Рассвете»³. Читал я о ней отзыв и в одной из русско-заграничных газет. Стало быть, *под Вашим пером*, вторая книга обращается в воспособляющий первую материал. Если же Вы решите Пороховщикова не щадить, пишите ему сами — мне тяжело. Вот адрес Петра Сергеевича: M[onsieur] P. Porok[hovchtchikov], «Kasr-Chirin», Avenue des Arènes, Nice.

Что касается м[оего] отзыва о беллетрист[ике] 26-й кн., то, если Вы обратитесь к м[оему] письму, увидите, что свой тезис о безвкусии Кульмана я иллюстри-

рую, к[а]к и он, *тою же* книжкой. Почему же Вы обобщаете? Я отнюдь не обобщаю. Бунина я считаю замечательным писателем не только русским, но и мировым. Однако это не исключает признания, что «Цикады» – бормотание. Писатель его масштаба должен находить ясное слово и для неясного чувства. Зайцева оч[ень] люблю как искреннего и теплого лирика, но меня разбирает досада, когда, увлеченный господствующим в «Совр[еменных] записках» тоном, он пишет опозитизированную «демидовщину»⁴.

Ремизов занят как сказочник – и его своеобразная стилизация там уместна, – но нельзя же в бывальщину вносить сказку и размазывать «ка-ка».

Отн[осительно] Шмелева могу сказать, что я ошибся вот в каком отнош[ении]: употребленный мною любострастный глагол обуславливает известную активность. Его горе настолько натертое, что правильнее было бы сказать: дрожит и плачет. Единственный, кто с ним может сравняться, это – Оцуп⁵. Ваше взволнованное чувство по поводу того, где еще такие таланты, к[а]к в «Совр[еменных] зап[исках]» – спешу успокоить. Я не только не оспариваю этого, но иду гораздо дальше. – Я утверждаю, что в «Совр[еменных] зап[исках]» гораздо больше талантов, чем их существует в природе.

Впрочем, боюсь Вас дразнить на случай, если пишете рецензию на XIII сб[орник] «На ч[ужой] стор[оне]»⁶.

Крепко жму руку. Искренне Вам преданный

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ См. п. 10.

² Грузенберг, по всей видимости, имеет в виду книгу E. T. Raymond «Disraeli – Alien Patriot», которую можно было бы перевести как «Чужак-патриот». Эта книга о Б. Дизраэли (см. примеч. 2 к п. 10) вышла в 1925 г. одновременно в двух издательствах: в нью-йоркском George H. Doran и лондонском Hodder & Stoughton.

³ Дионео (наст. имя Исаак Владимирович (Вульфович) Шкловский; 1864–1935) упоминает эту книгу в рецензии «Новые книги о Дизраэли» (Рассвет. 1925. 13 дек. № 50. С. 5–6).

⁴ Демидов Игорь Платонович (1873–1946), журналист, прозаик, общественно-политический деятель; член партии кадетов, депутат IV Государственной думы; зам. редактора ПН. Внук В.И. Даля.

⁵ См.: Оцуп Н.А. Двадцатый год: (Отрывки из поэмы) // СЗ. 1925. № 26. С. 216–217.

⁶ См. примеч. 12 к п. 9.

13. Грузенберг – Вишняку

Riġā. 16 августа 1926 г.

16 авг. 1926

Valdemāra ielā, 29, dz. 8, Riġā

Дорогой Марк Вениаминович,
простите, что не ответил на Ваше последнее письмо с тою спешностью, с какою обычно это делал.

Причиною тому не возникшее незадолго до моего отъезда¹ недоразумение с Вами (это что! больше одной царапиною на сердце – вот и все), а исключительно перегруженность работою. Хочется все хорошо сделать, а сил, само собою, мень-

ше. Бывают дни, что работаю свыше 10 час[ов]. Пледировать не имею права², — значит, выпадает на мою долю самая трудная работа, хотя и почитающаяся почетною: консультации, составление кассац[ионных] жалоб, обряжение и постановка дел на суд и т.д. Пока (а это не ранее октября) не выяснится вопрос о победе климата, помощников не беру и делаю один большую работу. Но она меня, сравнит[ельно] со страшной жизнью в эмиграции, — с ее вымученными пустяковыми интересами, скучным бормотаньем одних и тех же слов, исполненных мертвящей, жвачной мысли, радует. Вот ответ на вопрос, нравится ли мне, по прежнему, Рига. Вы спрашиваете о моей статье — начата ли она? Господь с Вами: она была написана — строго фактически для лекций — еще в Ницце. Остается лишь ее приодеть и оживить. Да вот не соберусь это сделать: дайте привести себя немного в порядок. Из-за работы мы переехали в город, но убьли от того не чувствуем: город — истинный сад.

Напишите мне, когда выходит ближайшая книга. Постараюсь прислать обещанную главу «воспом[инаний]» и рецензию о кн[иге] пр[офессора] Минца³.

Что у Вас доброго? Поклон супруге. Преданный Вам

О. Грузенберг

Видел послед[нюю] кн[ижку] «Совр[еменных] зап[исок]». Ее украшение — «Заговор» Алданова⁴. Это уже не музей, а живое тело. Оно дышит и играет. Укажите ему лишь по-дружески насчет употребления «не» и «ни»: не то какой-н[ибудь] Кульман привяжется.

Первые две страницы «Солнеч[ого] удара» отличны, — но остальные — жвачка⁵. Бунин, словно его поручик, не знающий, куда и к[а]к девать остаток дня, не догадается, к[а]к с ним развязаться. Убить? — Но после «Мити»⁶ небезопасно: скажут, привычный убийца. Взял, да ни с того ни с сего, состарил его на 10 лет. Будто Бун[ин] не знает, что *post coitum omne animal triste est*⁷, — но не изнашивается на 10 лет. Потом, Гиппиус еще лет 15–18 т[ому] н[азад] дала на эту тему прекрасный рассказ, сознательно осложненный психолог[ически] трудным заданием (неверие): «Месса»⁸. Куда свежее и талантливее! Насколько не люблю ее публицистики, настолько восхищен ее худож[ественным] талантом. Но зачем в 2 стихотв[орениях] из помещенн[ых] в XXVII она вопреки содержа[нию] допустила плясовой **стих** ритм, притом заимствовав [его] у молодого Бальмонта⁹.

Не откажите передать прил[агаемое] письмо Афанасию Борисовичу¹⁰.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46) (см. илл. 20–21).

¹ Речь идет о переезде Грузенбергов в апреле 1926 г. из Ниццы в Ригу; см.: *Бен-Шимон Л.* Оскар Грузенберг. К его приезду в Ригу // Слово. 1926. 31 марта. № 114. С. 2; *Лазерсон М.* О.О. Грузенберг (к его приезду в Ригу) // Сегодня. 1926. 1 апр. № 74. С. 2–3; см. также: Чествование О.О. Грузенберга // Сегодня. 1926. 22 апр. № 88. С. 7 (о чествовании гостившего в Риге Грузенберга еврейской общественностью).

² От *plaidier* (франц.) — иметь адвокатскую практику.

³ Минц Павел (Паул) Михайлович (1868–1941), юрист, государственный и общественный деятель. В 1890 г. окончил юридический факультет Петербургского ун-та, в 1892 г. защитил в Дерптском ун-те диссертацию и получил звание доктора права. С 1904 г. начал заниматься адвокатурой и преподавать уголовное право в Рижском ун-те (в дальнейшем, в годы, когда Латвия стала независимой, достиг должности профессора). Во время Первой мировой войны жил в Москве, а в 1919 г. вновь вернулся в Ригу. Член Латвийского сейма. 11 июня 1920 г. был назначен Генеральным государственным контролером в правительстве К. Ульманиса (единственный еврей в этом правительстве). Один из авторов Конституции Латвии (см., однако, не очень комплиментарный отзыв Грузенберга в п. 40 о том, каким образом готовил

ся этот текст). Возглавлял Комитет еврейской общины в Латвии, состоял членом Еврейского агентства стран Балтии, являлся лидером Национально-демократической партии, сотрудничал в газете этой партии «Народная мысль»; председатель Ассоциации адвокатов-евреев Латвии, основатель рижского отделения ОПЕ (Общество по распространению просвещения среди евреев). Профессор криминологии Латвийского ун-та. В 1940 г., когда Советский Союз оккупировал Латвию, Минца вместе с его семьей депортировали в Сибирь, через несколько месяцев он был судим и заключен в лагерь, где и скончался. См. о нем: The Jews in Latvia. Tel Aviv, 1971 (по ук.); *Бобе Мендель*. Евреи Латвии / Пер. с идиша Л. Герман. Рига, 2006. С. 355–356.

Обещание Грузенберга написать рецензию на книгу (1-й том «Курса уголовного права» [1925] Минца) не было выполнено, см. также п. 19.

⁴ Речь о № 28 СЗ за 1926 г., в котором начал печататься роман М. Алданова «Заговор».

⁵ 28-я книга СЗ открывалась рассказом И. Бунина «Солнечный удар» (С. 5–13).

⁶ Имеется в виду бунинский рассказ «Митина любовь», напечатанный в 23-й и 24-й книгах СЗ за 1925 г.

⁷ После соития всякая тварь тоскует (лат.).

⁸ Рассказ З. Гиппиус «Месса (Переводная картинка)» был опубликован в альманахе «Северные цветы» (1903. № 3. С. 65–73).

⁹ В 27-й книге СЗ были напечатаны три стихотворения З. Гиппиус: «Неотступное» («Я от дверей не отойду...»); «Сон» («Наивный месяц, мал и тонок...»); «Втайне» («Сегодня имя твое я скрою...») (С. 208–210). По всей видимости, замечание Грузенберга относится к последнему из них.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду Афанасий Борисович Петрицев (1872–1951), публицист, беллетрист; до революции сотрудник и член редколлегии журнала «Русское богатство». В 1906 г. вошел в состав Организационного комитета Трудовой народно-социалистической партии. В 1922 г. был выслан из Советской России в составе группы интеллигенции, в которую входили также В.А. Мякотин, С.П. Мельгунов, А.В. Пешехонов (резко выступил против последнего, когда тот высказал идею возвращения на родину; см. его статьи: Дни. 1925. 11 окт.; Возрождение. 1925. 25 окт.). В эмиграции сотрудничал в СЗ, газетах «Дни», ПН. Автор сборника «Как это произошло» и другие рассказы» (Берлин: И.П. Ладыжников, 1924) и романа «Великий лес» (Париж: Паскаль, 1929).

14. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 26 ноября 1926 г.

IMPOSSIBLE COMPLIMENTS GROUSENBERG¹

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Датируется по почт. шт. Телеграмма; адрес получателя: «Vichniak, 106 rue [de la] Tour, Paris»; почт. шт.: «26.11.26».

¹ Невозможно, кланяюсь, Грузенберг (франц.).

15. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 8 февраля 1927 г.

8 февр. 1927

Valdemāra ielā, 29, Riġā

Дорогой Марк Вениаминович, благодарю Вас за добрую память [и пос]ылку Вашей интересной р[або]ты «о меньшинствах»¹. Прочел ее не только с интересом, но и удовольствием. Желаю ей успеха.

Все стесняюсь напомнить Вам и Бунакову про редакционный долг. По письменной просьбе Ильи Исидоровича [Фондаминского] и под Вашу общ[ую] присягу относит[ельно] сохранности, я по[слал] в прошлом году I т. «Дневника» Короленко Илье Исидоровичу. Как видно из его письма ко мне, он дал «Дневник» для рецензии М.А. Алданову, но, затем, по возвращении «Дневн[ика]» Алдановым, он был передан редакцией другому лицу. Рецензия, если память мне не изменяет, была в В[ашем] журнале напечатана², — но «Дневник» мне *не возвращен*. Я *очень* им дорожу, ибо он — подарок моих друзей, которых я крепко люблю. Очень прошу возвратить мне «Дневник» по вышеписанному адресу безотлагательно.

У меня пока все благополучно. На днях «Русск[ое] просв[етительное] общ[ество]» устроило в Русской драме, с участием лучших артистов, вечер, посв[ящен]ный памяти Короленко (5-летие)³. Говорил[и] я и Лукаш⁴. Вы, вероятно, читали уже в «Сегодня вечером», «Слово», «Rigasche Rundschau» отчёты. Вечер прошел удивительно. Немец[кая] газета («Rigasche Rundschau»), лучшая и старейшая в Прибалтике газета, закончила грустным укором: отчего здешние немцы не умеют так чествовать своих писателей. На будущей неделе ждем Мякотина и Кизев[еттера], а потом — хочу надеяться — приедут Алданов и Зайцев.

Ваш О.Г.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на краях утрачены от сырости.

¹ См.: *Вишняк М.В.* Право меньшинств. Paris: La Presse Française a Etrangère, 1926.

² См. примеч. 7 к п. 6.

³ Вечер памяти В.Г. Короленко, приуроченный к 5-летию со дня смерти писателя, был организован Русским просветительным обществом и состоялся 3 февраля 1927 г. в Театре русской драмы. Помимо Грузенберга и И. Лукаша, говоривших о Короленко, в вечере приняли участие артисты М.А. Ведринская, Е.Т. Жихарева, Е.А. Полевицкая, Н.С. Барабанов и И.Ф. Булатов, читавшие отрывки из его произведений; в музыкальном отделении вечера участвовали профессор Рижской консерватории А.Г. Мец и пианист Л.С. Демант; режиссура вечера принадлежала Р.А. Унгерну.

⁴ Лукаш Иван Созонтович (1892–1940, Медон, Франция), прозаик, поэт, литературный критик, журналист; в 1925–1927 гг. жил в Риге.

16. Грузенберг — Вишняку *Rigā. 6 марта 1927 г.*

6 февр. [так!] 1927

Valdemāra ielā, 29, Rigā

Дорогой Марк Вениаминович,
нет ответа на мой запрос о судьбе вверенного в[ашей] редакции, чрез посредство Ильи Исидоровича [Фондаминского], I т[ома] «Дневника» Короленко. Начинаю опасаться, что книга эта в редакции погибла. Так ли это? — Мне была бы крайне неприятна гибель этой книги: на ней автограф Авдотьи Семеновны [Короленко], которой свыше 72 лет...

Мне, видимо, суждено испытывать от В[ашей] редакции одни лишь неприятности. Связанный с этим суеверный страх удерживает меня от посылки обещанных глав м[оих] «воспоминаний».

Сейчас посылаю Вам, для передачи «специалисту», книжку стихов жены моего здешнего коллеги Шми[д]та — г-жи Далматовой (псевдоним)¹. Отзыв нужен не для печати, а для собственного сведения. Мне, как и многим другим, кажется, что автор талантлив. Конечно, если рецензент придет к тем же выводам, то нет возражения против печатной рецензии².

Здесь прошли с громадным успехом лекции А.А. Кизеветтера³. Он меня тронул и привлек с первых же слов своей первой лекции, когда прямо и твердо заявил о своих взглядах на русскую революцию. Конечно, это заявление возбудило бы негодование Ильи Исидоровича [Фондаминского], к[ото]рый отомстил бы ему за это и скверным обедом, и еще более скверным «поучением». Впрочем, эту функцию (конечно, без обеда!) выполняет здесь газета «Слово», к[ото]рая теперь печатает всякие нелепые статьи с обвинением К[изеветтера] в «псевдо-историзме». Хорошо, что эта кампания началась после отъезда А.А., — стало быть, ему не пришлось и не придется волноваться. Лекции Венедикта Алекс[андровича], так же, к[а]к и А.А., прошли отлично⁴. Но «Просвет[ительное] общ[еств]о» платит оч[ень] мало ему и А.А. На 8-е я устроил ему лекцию (о декабристах), от к[ото]рой, надеюсь, ему очистятся не менее 100 долл[аров]⁵. 8-го веч[ером] он едет на неск[олько] лекций в провинцию и Литву. По пражск[ому] масштабу, В.А. все-таки вывезет «деньгу» да, кроме того, много бодрящих впечатлений.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Месяц установлен по содержанию.

¹ Далматова (наст. фам. Шмидт) Ольга Захаровна (урожд. Тимофеева; ?–1934), поэтесса. Жила в Риге. Автор двух сборников стихов: «Весенний вечер» (Рига: Изд. авт., 1924) и «Черные грозди» (Рига: Б.и., 1925; обложка М. Добужинского). О хлопотах Грузенберга относительно гонорара О.З. Далматовой в ПН см. в его письме П.Н. Милокову от 28 октября 1927 г. (Старые связи (Из писем О.О. Грузенберга П.Н. Милокову). С. 356).

² Рецензии на стихи О.З. Далматовой в СЗ не появлялись.

³ Общественно-политический деятель, историк, публицист, член ЦК партии кадетов Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) приехал в Ригу по приглашению Русского просветительного общества во второй половине февраля 1927 г.; в течение 10 дней он прочитал цикл лекций из истории России, первая из которых состоялась 18 февраля; см. соответствующие материалы в газете «Сегодня»: [Б.н.] Проф. А.А. Кизеветтер прибыл в Ригу; Привет А.А. Кизеветтеру; *Витнеп* Р. А.А. Кизеветтер (17 февр. № 38. С. 2); Что рассказывает проф. А.А. Кизеветтер (Беседа «Сегодня») (18 февр. № 39. С. 2); А. Р-ъ [Рудин А.К.] На лекции профессора А.А. Кизеветтера (19 февр. № 40. С. 4); А.Р. [Рудин А.К.] Период Александровской реакции (На II лекции проф. А.А. Кизеветтера) (22 февр. № 42. С. 5); Русские академические дни (Лекции проф. А.А. Кизеветтера и проф. В.А. Мякотина) (23 февр. № 43. С. 8); А.Р. [Рудин А.К.] Агония русского самодержавия (На третьей лекции проф. А.А. Кизеветтера) (24 февр. № 44. С. 5); А.Р. [Рудин А.К.] «Катастрофический момент в русской истории» (Последняя лекция проф. А.А. Кизеветтера) (26 февр. № 46. С. 5); Лекция проф. А.А. Кизеветтера в университете (27 февр. № 47. С. 10).

⁴ Речь идет о лекциях общественно-политического деятеля, историка, публициста, литературоведа, члена ЦК Трудовой народно-социалистической партии Венедикта Александровича Мякотина (1867–1937), который приехал в Ригу 19 февраля (см.: [Б.н.] Приехал проф. В.А. Мякотин // Сегодня. 1927. 20 февр. № 41. С. 10); сам Грузенберг выступил в «Сегодня» с очерком «О В.А. Мякотине» (26 февр. № 46. С. 2).

⁵ Последняя – четвертая – лекция Мякотина «Декабристы» состоялась 8 марта в зале Черноголовых; см. о ней: А.Р. [Рудин А.К.] Декабристы (На последней лекции проф. В.А. Мякотина) // Сегодня. 1927. 9 марта. № 55. С. 9.

17. Грузенберг – Вишняку

Rīgā. 5 апреля 1927 г.

5 апр. 1927

Valdemāra ielā, 29, Rīgā

Дорогой Марк Вениаминович,
простудился, пролежал 2 недели в постели, – и лишь третьего дня встал. Из комнаты еще не выпускают [– ничего] не поделаешь. [Возраст?] имеет свои прав[а, а я] их не уважил.

Спешу с ответом на Ваше дружеское письмо. Боюсь его разбирать. Затронутая в нем тема принадлежит к числу тех, о которых надо говорить *либо грудным* голосом, либо молчать. А говорить фальцетом – не стоит.

Перейдем *in medias res*¹. Кстати, вчера навестил меня член здешн[его] Сейма, проф. М.Я. Лазерсон². Я обратил его внимание, что в «Сегодня»³ нет рецензии [о Вашей кн]иге, высказал [также сво]е мнение о ней и [отдал] ему свой экземпляр. Я не заметил, чтобы Максим Яковлевич [Лазерсон] обиделся, т.к. за ним всегда остается право высказать мнение, несовпадающее с моим⁴.

Что касается времени сдачи статьи⁵, то будьте любезны указать мне срок. У меня твердое намерение дать и рецензию о вышедшей на днях прекрасной книге прив[ат]-доц[ента] М.Д. Вайнтроба об антисемитизме⁶. Богатая по материалу и ценная по верной разгадке причин этого векового явления. М.б., успею дать рецен[зию и о] курсе гражд[анского] пр[ава] о[часть текста утрачена]ного мыслителя – проф. [часть текста утрачена]. Впрочем, мне грозит беда: наседали на меня антрепенеры [так!], наседали с поездкою в конце апреля на 8 лекций в Польшу. Отбрыкивался, ставил трудные условия, – но... часа два т[ому] н[азад] явилась жена антрепенера [так!] с сообщением, что муж ее телеграфирует о принятии м[оих] условий и на днях вернется сюда. Вот завертится опять на 2 недели гастролерская маета – сладкая, но утомительная... Правда, оч[ень] хочется навесить напоследок Вильну, Гродно, Белосток, где меня любят и которые я люблю. – Но Варшава, Лодзь, – да еще при моем [польском?] яз[ыке], – брр⁷!

[Впрочем], за последний год – после долгого поста – я так много говорил, что уверенности хоть отбавляй. Так-то так, – а в душе Подколесин нашептывает: бери пример с меня – в окно, и конец⁸.

Что касается Далматовой (Шми[д]т)⁹, забудьте, что за них прошу я: для поэтессы выйдет надежнее. Что у Вас? Всего хорошего. Жму В[ашу] руку,

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на гибках листов полностью утрачены от сырости.

¹ к главному, к сути (досл.: «к середине вещей», лат.).

² См. примеч. 5 к п. 9.

³ Подчеркивание предположительно рукой Вишняка.

⁴ В рижской газете «Сегодня» книга Вишняка «Право меньшинств» не рецензировалась.

⁵ Помета, предположительно рукой Вишняка: «К 15-му».

⁶ Имеется в виду книга Марка Даниловича Вайнтроба (1895–1942?) «Причины происхождения антисемитизма: Опыт социально-психологического анализа» (Рига: Эттингер, 1927). Отзыва на эту книгу Грузенберг не писал, и в СЗ она не рецензировалась.

⁷ В конечном счете Грузенберг в Польшу не поехал, см. п. 19.

⁸ Герой комедии Н.В. Гоголя «Женитьба».

⁹ См. примеч. 1 к п. 16.

18. Грузенберг — Вишняку

Riģā. 30 aprēļa 1927 g.

30 апреля 1927 г.

Valdemāra ielā, 29, Riģā

Дорогой Марк Вениаминович,

поручения Ваши выполнил. Выводы из разговора с М.Я. Лазерсоном:

1) Он ни]сколько не обижен за непо[мещение] его статьи;

2) Он лишь удивлен и несколько раздражен отсутствием отзыва об обеих его работах («Право на банальность», «Революция и право»). Вы могли их похвалить или побранить, но не вправе были замалчивать. Выходит, что работы эти ниже всякой критики. Между тем, об одной из этих [так!] Вы, как сообщаете, упоминаете одобрительно в своей последней статье. Тогда непонятно — почему не было и нет рецензии¹.

3) Книгу Вашу он получил, но письма не было, — по крайней мере, не получил.

Относит[ельно] высылки газ[еты] «Сегодня»: я говорил со вторы[м редакто]ром М.С. Мильрудом², [но Ганф]ман³ все еще тяжело болен.

1) Мих. Сем. [Мильруд] объяснил, что В[ашего] журнала редакция не получает;

2) что надобности в обмене редакция не встречает, т.к. подписчики получают журнал гораздо позже, нежели книжные магазины. «Я уверен, прибавил М.С. [Мильруд], — что Вы последней кн[ижки] журнала не получили; между тем, она уже более недели поступила в маг[азин] Вальтера и Раппа [так!]⁴. При этих условиях нам нет расчета обмениваться: мы покупаем отдельные книжки».

3) Довод относит[ельно] ознакомления Вашего с латв[ийской] жизнью по «Слову» и о проистекающих отсюда неудобствах он пропустил как-то мимо ушей⁵. Но думаю, что, [если бы я] настаивал, он прика[зал бы выс]ыпать Вам бесплатный экз[емпляр]. Но я без В[ашего] разрешения не поставил точки над і (все-таки, поставил!). В[полне] возможно, что после этой беседы он начнет высылку, — но не уверен.

Всего хорошего. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибах листов утрачены от сырости.

¹ Эти книги М.Я. Лазерсона в СЗ не рецензировались.

² Мильруд Михаил Семенович (1883–1942), журналист, один из редакторов газеты «Сегодня». После введения в июне 1940 г. советских войск в Латвию арестован и приговорен к 8 годам заключения. Умер в лагере.

1. Н.Д. Авксентьев; начало 1930-х гг. Фото П.И. Шумова. Дарственная надпись:
«Дорогому Владимиру Феофиловичу Зеелер[у] на память о долговечной
совместной дружеской работе. От Н. Авксентьева. Париж, 12 окт. 1933 г.»
(Bakhmeteff Archive. Zeeler papers. Box 6).

Париж, № 12 в 1928.

Милостивейшая
Медя Венделимовна,

исполню твою урну, твои советы мои о Пастернаке
различно отложив в следующие номера твоей
Виз, сообщаю, что он предполагается или оент и
оент нежелательным. Книга Пастернака появилась
3-4 месяца тому назад, на все окружающих твою
ты - в России и в эмиграции. Я хотел и Давид, что
твоего совета о Пастернаке. Вручил несколько экземпляров
сери Соц. Зин. сообщается о нем еще через три
месяца. И как-то или момента более важно -
двух ты повалил свои советы о нем (который
собранный в аллюзии рода, составило его не стеснясь)
там именно насильственной момент. Особно она
будет сообщено чи к селу, ни к городу, а сейчас
оно оент и к городу, и к селу. Мне лично не
раз (ра не ко ^{се} ~~судит~~ ^{вместе} судит шир'яно, что если
редакция не отсрочит от своего решения, а впрочем
разные в твоих советах обратно и написаны се
в другом месте, что я и решил се при этом
на куски.

Но, дорогой Медя Венделимовна, в будущем
мне и к кому просить редакции от ее редакций

3. Могила В.В. Вейдле; Sainte-Geneviève-des-Bois (фотография М. Шрубы 2008 г.).

4. Могила Г.И. Газданова; Sainte-Geneviève-des-Bois (фотография М. Шрубы 2008 г.).

26 окт. 1932.

10 Boulevard. Montparnasse, Paris 15^e

Многоуважаемый и дорогой
Марк Вейншинон!

Прошу, мне не скоро Вам ответить
— и келшого хворай необхідний уринок.
Тяжело Вам спасибо за подарок.
Очень приятно мне было видеть в по-
сетическом номере журнал моего труда
и рецензию обо мне Турлига. Принимаю
и Вашему мне редакцию моего искренней
благодарностей.

Почему я свои перед отлеат Вам искрен-
ный поклонения, который я уже выказал
подручно Келю Исидору. Я думаю Вам
трудно "Безкоррупцій Героизм" — и пришел
в журнал. Мне ярко, художественно, скресни-
зурно-еще шире не писал о Ленине. Вся
его фигура совершенно реальна — преца,
прическа, рот, манера, характер — все, что
гид и "мимолет", которую я прекрасно выкину
в Советской Москва. Вам необходимо пи-
сать именно так: художественно-историчес-

5. Фрагмент письма Б.П. Вышеславцева к М.В. Вишняку от 26 октября 1932 г.
(Lilly Library. Vishniak papers. F. 35a).

Иудокочувательный Владимир Викторович,

оказывается Вал рукописью романа, переписанную
на 106 ой странице. Прочту прописки 10 г,
это не переписан было. Но через час, не успев
дойти до конца у нас в доме случилось несчастье:
максимум, в клуб. Который в клубе 8 лет, рождало
забота, что при смерти и тогда переписал
переход в клинику, где ее обнаружил доктор
(судились напечатанной ксеро). Сестра (операция
на в последние) она находилась между жизнью
и смертью. У нас тогда - в доме никого в
доме, кроме нас и дочери мур. Впервые была
этой болезни - стала приводила раско, уривала
по 2-3 часа и боялась что она, что имеет в
Трех часах обслуживания. О романе 3, конечно,
на мор и думает - он основан на том месте,
где его писал человек этой даме. Я думаю, что
еще большие идеи у нас и будут со временем
работы. Я ознакомила Вал рукописи со всеми полами
увлечениями, прочту Вал еще все бумаги, которые
Вал содержит нумером для него книги и ознакомила
Вал друзья ознакомила роман, как роман к тому
лучше пониманию. Надеюсь, что вы не будете со
мнением с друзьями, если нечего оговориться, пожалуйста
они обязательно нас ознакомили.

Думаю Вал было бы полезно и прочту будет мою
интервью и рукописи у вас.

Г. Газданов.

Во время встречи в Дрездене
1927 г. февр. — с мыслью о новой
встрече, совершенной! СГ.

С. Гессен

7-8. С.И. Гессен; 1920-е гг. На обороте дарственная надпись Ф.А. Степуну [?] рукой Гессена: «Во время встречи в Дрездене 1927 г. февр. — с мыслью о новой встрече, совершенной [так!]! СГ.» (РАИ).

Обратно в Петроград 8-го числа
2-3 ноября!

Ворошилу

London N. W. 11. 77 Elmcraft
Crescent. 10. 9. 1929.

Марк Францискович, Василье быстрое на Ваше
именно, с которым я совершенно согласен. Но если
действительно правшами и журналистами порази. Но как не
догадываюсь, с какой целью, я так, или как бы. Един-
ственное, что меня тревожит — думаю, что это, что и
каждому эту недогадку с большим абсурдом „С. Вай“
(что для нас, как редактора, совсем не имеет), и 2/3 я
лишь в „С. Вай“ — сравнительно мало — г. е. меньше, чем
доказано для „С. Вай“, очевидно вперед, мог. Но все же мне
интересно здесь упомянуть — Ваше мнение по поводу
этой статьи. Написав ее, я думаю — и так же охри-
пело: от нас мне всегда приятно знать мнение о
каждом предмете: 1) потому что я Ваше мнение ценю
и высказываю, 2) так, что вы по поводу — без всякого
различия критику. — Да авось больше шансов. Наша цити-
ра меня обрадовала: так же от моих рукописей, как а-
бсолютно у нас, и впрочем авось. — Очень приятно
принять корректуру! Обычно нежелательно их возвращать.
— Я на свой страх все же наказал мне Баткалову да-
вать — по поводу последнего слова пред-исловия и всей
книжки ввиду времени. Пр. — и впрочем в Лав. Парк.
Уверен, что статья будет интересна. Он только что вынул
уже хорошую книгу о Сов. России. Отправил себе
радию читать она о нас действительно — сразу от этого
кажется: я ее еще не видел, но думаю так же. — Пока
я свой трудок пока доволен. Передаю М. К., что я здесь
в Фр. Вассет начал книгу (Французский Актиний) / ко-
торую буду безусловно читать. Хотя я пишу о нас на
книгу. Отсюда я начался только 28 сек. Отдаю
всё Англию = Якоб. В заключение приведу на судья-
нах историю. Серверной и вей Вай Сервер —

Открыта подписка на 1927 подписной год на журналъ

6-й годъ изданія	СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ	6-й годъ изданія
---------------------	----------------------------	---------------------

Общественно - политический и литературный журналъ
при ближайшемъ участіи:

Н. Д. АВКСЕНТЬЕВА, И. И. БУНАКОВА, М. В. ВИШНЯКА и В. В. РУДНЕВА.

Въ текущемъ подписномъ году годовые подписчики получаютъ:
ШЕСТЬ томовъ журнала, свыше 500 стр. убористаго шрифта въ каждомъ, и

ШЕСТЬ КНИГЪ ЛИТЕРАТУРНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ

состоящихъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ писателей, по выбору
подписчиковъ изъ слѣдующаго списка:

<p>К. Бальмонтъ. «Даръ землѣ».</p> <p>И. Бунинъ. «Господинъ изъ Санъ - Франциско».</p> <p>И. Бунинъ. «Чаша жизни».</p> <p>И. Бунинъ. «Деревня».</p> <p>А. Купринъ. «Судамифъ».</p> <p>Д. Мережковский. «14 декабря».</p> <p>А. Толстой. «Навожденъ».</p> <p>А. Толстой. «Хромой баринъ».</p>	<p>З. Гиппиусъ. «Небесныя слова».</p> <p>И. Шмелевъ. «Неупиваемая чаша».</p> <p>Б. Зайцевъ. «Путники».</p> <p>Н. Тэффи. «Тихая заводь».</p> <p>А. Купринъ. Разказы для дѣтей.</p> <p>Лонгфелло. «Пѣсьн о Гайаваатъ».</p> <p>Русскіе писатели: (Фонъ - Визинъ, Канипстъ, Грибоѣдовъ; въ 1 томѣ, подъ редакціей И. Бунина).</p>
--	--

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ УКАЗАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ СТОЯТЪ, съ пересылкой, около 100 франковъ.

Въ интересахъ подписчиковъ, которые пожелали бы пополнить свои комплекты «Современныхъ Записокъ», контора предоставляетъ вмѣсто 6-ти указанныхъ приложений, 4 любыхъ № № журнала, отъ 4-ой до 23-ей книги включительно.

Подписная плата въ годъ (исключительно черезъ Контору журнала) за шесть книгъ журнала и шесть книгъ приложений

Во Франціи	Фр. 165. — съ пересылкой.
Въ другихъ странахъ	Фр. 200. — съ пересылкой.

При обращеніи непосредственно въ Контору допускается разсрочка платежа: половина при подпискѣ, другая половина — въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ 6 книгъ литературнаго приложения высылаются немедленно по полученіи подписной платы. Подписавшіеся въ разсрочку получаютъ книги по внесеніи послѣдняго взноса. Подписка принимается съ любого номера.

Подписная плата переводится по адресу Конторы журнала почтовымъ переводомъ или чекомъ.

Адресъ: Administration de la Revue «Annales Contemporaines» 106, Rue de la Tour, Paris XVI.

10. Реклама «Современныхъ записокъ» (Звено. 1927. 2 янв. № 205. С. 14).

11. Слева направо: В.А. Злобин, Д.С. Мережковский, М. Чапская (M.D.L. Hutten-Czapska), З.Н. Гиппиус, неустановленное лицо; Польша, 1920 г. На обороте помета рукой В.Ф. Зеелера [?]: «З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Злобин, графиня Чапская в имении Чапских «Mordy» в Польше, в 1920 г.» (Bakhmeteff Archive. Zeeler papers. Box 6).

Удивительно
 как Новому году, Делю-
 Крафтскому рассудились
 и...
 Керамическая, Белл
 Сабунская, а с
 Лоджикой и
 года-

31 Dec. 1923
 Paris

Боюсь, что вы не расчленили приемыши
 карьеру маей "Ланси", между тем же
 есть драматическая оптика! Например - о
 разумеется Моисеевич фрески, когда я впе-
 ланно вспоминаю, что я килль это никогда
 не Сурасов, а разумеется Каролюк! Нор-
 малные люди будут упрекать меня в не-
 вправности, а непорочные, пожалуй, в ам-
 фисимитизме! Я не могу ни того, ни другого.
 Потому - не могу ли маей все таки карьера-
 туру?
 Каремтам

Адрес:
 11 bis Avenue de
 Colonel Bonnet (XVIIe)

Благодарю за "Ронс" которая мне вьездает.

12. Письмо З.Н. Гиппиус к М.В. Вишняку от 31 декабря 1923 г.
 (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44).

Якоу de vos nouvelles. Нехорошо писать
вам. Если можете, чтобы я что
нибудь выиграла, и выиграла, под-
писала, — скажите, будеть в выво-
де, и был быкой? охотнее
Передать им изберезевский лес
Синг. раса, если вы (и Дун) най-
дете, что я "неправильна". (Мужик — то
и можно будеть немного подкупать.)

Да, не бойтесь раскура, тамъ
кура вынужден и страшица —
сведется в одну.

Иван.

Словно звание поэта
Иногда требуется
Ко всем выигранным и выиграным.
Заслужил, предан и годан,
В своем омуте как державный,
Сражу ни мало не красить,
Это в новой, "Земли" — фантом
Отдать намеченный нам урок.
И не всели, не Павлик —
Вас чинят в том выиграных —
Не осуждают отнюдь друг
Самостоятельно себя, сучь.

Иванович

Иван

Словами обману, —
Правда была — хан и бог,
Это был старик — старый мир,
И в том пребудет, и в том
После иному, — в том себя
Фигура не была, — не была,
+ Там — в моменте не был.
Вотще фантом — без картин.

13. Фрагмент письма З.Н. Гиппиус к М.В. Вишняку от 20 февраля 1924 г.;
внизу запись стихотворения рукой Вишняка (Lilly Library. Vishniak papers. F. 44).

14. И.И. Фондаминский и З.Н. Гиппиус; Grasse [?], 1920-е гг.
(Bakhmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 3).

15. Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и В.И. Иванов; Рим, 1937 [?] г. (РАИ).

11 bis Av. du Colonel Bonnet, Paris 16e
12-IX-33

Глубокоуважаемый
Вадим Викторович,

тремя дня, которые Вы собираетесь на-
печатать в издательстве "Р.З." еще выдана
те напечатаны. Прочитав под Вашим словом, т.к.
я в них не что не читал. Очень прошу Вас
прислать мне (по адресу Мережковских) коррек-
туру, которую те задержу.

Точка зрения, такая ама те перья: Д сая те
лучше те удана "и Творца", Творца о правах...
У Вас Творца Творца еще для не епископов.
Вашей епископа те не знает. Но епископ, по-
следствия, те печатаете (выражает те слово. Но
у меня не печатает).

Настоятельно прошу
В. Злобина

16. Письмо В.А. Злобина к В.В. Рудневу от 12 сентября 1933 г. (РАЛ. MS. 1500/3).

19 25 35
II

11 bis, av. du Colonel Bonnet
Paris (XVI)

Дорогой Вадим Викторович,

мне хочется бы и Вам переговорить
о напечатании в "Р.З." и
мне передаю Вам рукопись. Не
будете ли так добры займись по мне
и любезно из благожелания для меня
узнать до 10., или в крайнем случае
6-7, или, наконец, послать др. Буду
Вам за это сердечно благодарен М.Д.,
узнаете другие сведения о дня следствия.

Искренне удачно Вам
Д. Мережковский

17. Письмо Д.С. Мережковского к В.В. Рудневу от 25 февраля 1935 г.
(РАЛ. MS. 1500/4).

18. И.И. Фондаминский и З.Н. Гиппиус; Grasse [?], 1920-е гг.
Помета рукой М.В.Вишняка: «И. Бунаков и З. Гиппиус»
(Lilly Library. Vishniak papers. F. 44).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Библиотека Современныхъ Записокъ

помимо выпущенной книги Т. И. Полнера:
«Л. Толстой и его жена» печатается и готовится
къ печати слѣдующія книги:

- И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (романъ).
И. А. Бунинъ: Избранные стихи.
И. С. Шмелевъ: Солдаты (романъ).
Б. К. Зайцевъ: Анна (романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ (романъ).
Ф. А. Степунъ: Николай Переслѣгинъ (ром.)
П. Н. Милуковъ: Очерки по исторіи русской
культуры. Часть I, II, III и IV.
О. О. Грузенбергъ: Мои воспоминанія.
О. О. Грузенбергъ: Мои рѣчи.
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
В. Ф. Ходасевичъ: Люди символизма.
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Іова (Странствованія по душамъ).
В. М. Зензиновъ: Безпризорныя дѣти.

«Художественныя біографіи»:

- И. А. Бунинъ: М. Ю. Лермонтовъ.
Б. К. Зайцевъ: И. С. Тургеневъ.
М. А. Алдановъ: Ф. М. Достоевскій.
В. Ф. Ходасевичъ: А. С. Пушкинъ.
В. Ф. Ходасевичъ: Г. Р. Державинъ.
М. О. Цетлинъ: Декабристы.

Адресъ издательства: 106, rue de la Tour-Paris (XVIe)

Складъ изданій :

Въ Берлинѣ : Н. Sachs. Hedemannstr. 26. Berlin SW 48]

Въ Парижѣ : „Москва“. 9, rue Dupuytren - Paris (VI)

22. О.О. Грузенберг и Р.Г. Грузенберг; двойной портрет В.А. Серова (1909).

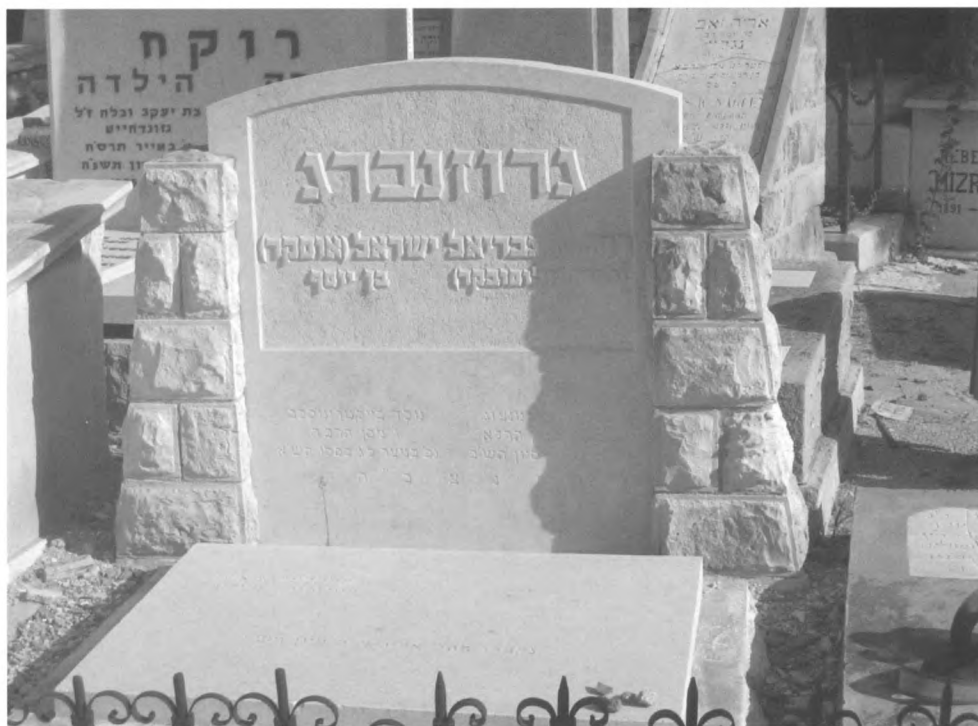
15 мая 1935

28, 2-й див. National Yaffe

Дорогой Марк Вениамин
будете добры, ^{переслать} передать
Милу Току и от доброй ду-
шой Анании Семёновны по-
на мне смерть - и
когда же признава-
ть этого слова. Им
Ананий Семёнов
смерть в бедствии
ни вы не забыли то-
ли бы кто не забыл
настаивать нежно бы-
ть в которой дом, вы
добрая душа, вы не
же добавляет все же
Исидоровича: и вы
А.О. и как те же
- вранье, ох, ступай
также добрее, мы
ох, все же в душе
всегда, - "касаюсь
и выше!" Все же, в ка-
прогел сегодня, в аму-
вас за Вас: найдем
же только вы, и вы
А писали вы три че-
весебу, уловить, по-
муре

содик,
еasily бундиров. Но
тада узнал, что талорение
дело. Однако, безнадее-
всх, та же душа, и
и трудами, и
и надежда, и
и добродетель: лишь бы
и бедности. Разреш
лишь, что, как же
кие, ес предосторож-
сведет. Зелидифе, ес
и в ед половедине
одитесь; хуе, и
и в душе за шито
и сибирь он, и
и в душе, оражен, за
и в душе т.О. - Ода
и в душе, и
и в душе за его
и в душе, и
и в душе, и

23. Фрагмент письма О.О. Грузенберга к М.В. Вишняку от 19 мая 1935 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46)

24. Могила О.О. Грузенберга; Тель-Авив (фотография В.И. Хазана 2011 г.).

25. Могила В.В. Зеньковского; Sainte-Geneviève-des-Bois (фотография М. Шрубы 2008 г.).

VILLA-PENSION
"ERMITAGE"

TÉLÉPHONE 6

Ermitage

HOHWALD PRÈS BARR

1144-REIN

Утору. 27 июля 1937.

Дорогие мои, как и
всегда, желаю вам
хорошего, и вы найдёте
его в этой стране. По
моему мнению, вы
и соотечественники, кто

уезжает туда с целью
визита, везущий, имеет

только небольшое количество
денег, в какой-нибудь из стран

Киевской. Курорт. Да всё же там
горячо. На даче у нас, вы можете
(в первый раз поехал в Киев) остано-
виться с кем-нибудь, по в. адресу.
Наша Ксения была во Франции
отключилась. Между тем, через
4-5 лет. Да Киев будет прекрасным
аккурабией, и вы можете увидеть себя
или нас, и вы. — вы будете
Киевом, вы будете президентом в. Киев.
(или в. Киев) — и, по-прежнему, вы
будете, Киев и его, и вы, и вы,
Киевом, Киев, а Киев, Киев
и Киев. Утром, Киев, Киев

27. Дон-Аминадо, шарж Civis'a
(С.А. Цивинского)
(Сегодня. 1924. 26 авг. № 192. С. 21).

28. Б.К. Зайцев; 1920-е гг.
Дарственная надпись:
«Милому соседу В.Ф. Зеелеру
с чувством искренней симпатии.
23 июня 1927. Бор. Зайцев»
(Bakhmeteff Archive.
Zeeler papers. Box 7).

15 марта 1935.

Дорогой Владимир Викторович, при-
лагаю начало рукописи (нѣск. задержан-
ся из-за похороны и т.п.). Мотивы у ме-
ня теперь довольно простые: нашла
надо "Уста", ~~и т.п.~~ С.М., поговоро-
вок "из уста", или что ниб. из этого
ряд. Пусть просто будет черкз, Т. 1. Без
"продолжение идущее".

Я даю 82 стр. рукописи. Из них
напечатано было 37^и по 47^и (отсутст-
ств. карамид.), изотъ 50 90 66^и Шуро и Тору-
носиль. Просмотрите рукопись. Вы увидите
те, что перво отрывка ~~на 662~~ выбросить
второй — сз торжеств, и в крайнем слу-
чае

в мою вазу уступит — и что, разуме-
ся, приносею. (Стригется еще вставлю нѣк.
объяснительныхъ фразъ въ отъѣздъ Гайду-
ки — а то она пробавитъ нѣсколько куда
да и ритмъ всею нѣск. нарушится). Но
это еще терпимо. Перво — по отрывку, шуро-
млю, никакъ не вклинитъ. — Зедъ Текст
и давши, 182 — 100 стр.) — по Тамм выйдете
полюбоваться: Тамм никогда не покажется.
Шанс, соображайте. Разумеется, надо
будетъ повидаться. (Я кр. Валишесъ усту-
пань, когда и не назначите — только не
вероятно).

Привѣт. Вамъ

Борис Гайду.

P. S. Одинак отрывокъ всегда повороченъ
печатать в газету.
P. P. S. Ивашкина приедет. Что обидно сз Б? Крив-
ны или обидно обидно марочные и Пикари.

31. Слева направо: Б.К. Зайцев, М.А. Алданов, Г.Н. Кузнецова; Париж, 1935 [?] г.
(Bakhmeteff Archive. Zeeler papers. Box 6).

32. И.И. Фондаминский и В.М. Зензинов; Heidelberg, 1901 г.
(Bakhmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 3).

33. И.И. Фондаминский и В.М. Зензинов; Heidelberg, 1901 г.
(Bakhmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 3).

34. Слева направо: И.И. Фондаминский, А.О. Гавронская и В.М. Зензинов;
Heidelberg, 1901 г. (Bakhmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 3).

что-нибудь для "Современных Записок" - это может быть ОЧЕНЬ интересным. Конечно, Вас ни к чему не обязывает.

Товарищи из с.р.-овской группы меня встречали на пристани, проявили много внимания и нежности. Ахнуди, когда рассказал об отношении к ним вероятно, З.Д. обойдется даже стараясь смеяться, о вознегодовали. Себя они - не правым и не левым терпеть не могут и не хочется, удастся и для заключенных. Ждутся сборы организации. Средства для помощи кому. Мне удастся проги. У меня намечается у Исполнительного Комитета банда /самой могущественной организации Америки/ - почему очень хорошо относятся. Вот расхож. Так здесь политически совсем прог. сильно скомпрометирован /за связь ком/. Пока ни с кем из русских товарищей из группы - не выдался. Се мне звонил О. Беручев /там его записали телефонном вызове в отеле/, но не застал меня дома.

Ну, Маркуша, будь здоров. Буду тебе еще писать. Обнимаю.

B.

свое время жил Н.Д. Живу по американски, т.е. во первых, спать научился, наконец, спать при открытом окне, во вторых, утром, прямо из постели прыгаю в горячую ванну /у меня субботняя/, а затем принимаю холодный душ. Если не было жалко времени принимал душ не более трех раз в день. Простить люб

Дела мои идут на лад. Сейчас ангажмента на 500 долларов Чикаго, Бостоне и Филадельфии на январь и февраль. А покрытие моих долгов 4 получу еще новые приг. тервью уже напечатано. ннейших нью-йоркских вало - сейчас мне несколько интервью и сообщили, что, увидев Гомперса, я буду приг. селы с сенаторами. Ог лий, какой я гордый.

Время для лекции оназ. совсем очем. дим, так как после рождественских на сенате будет официально поднят вопрос знания, причем таковое - при Кундле - о шенно исключено.

Главное усилие мое сейчас обращено на глийский язык - стараюсь не только исключително сосредоточиться: мне запрещено говорить, читать, писать на каком либо-другом языке, кроме английского - тебе пишу контрабандой. Конечно, всего лучше было бы завести роман с какой-нибудь американкой, тем более что

24 XII 1923

куша, здравствуй - хау ду

ижскому адресу, ибо мое что ты в Берлин не уехал. Какские расстроились. Или я знаю, причина не в те- переписанного тебе не писали ки...

четвертый день и все для того человека, но- большой пломяли, кругом впереди. Он с одного троттуара. А еще другого еще до не добрался и в. Все сбрасывается то туда, то сюда. Ока- лонской. Я все-таки забыл, какая такая Аме- ра. Я же я ругаю! Я на Бродуэй, увидел чашащие ленты авт /бизнес/, автобусов, трам- ваяв, выхажалив антирической рекламы, ревушие откуда то. Не то из под земли, не то с крыш - радио, я определенно почувство- вал себя глубоким провинциалом.

Остановился в гостинице, в которой в

оне мне очень нравятся. Смелости вот толь- ко не хватает.

Подвизается здесь сейчас Питирим Соро- кин. Он уверяет американцев, что в России сейчас ВСЯ интеллигенция настроена монар- хически и что до войны в России политичес- ств и был демократичнее, чем в Шве- дии, не говоря уж, конечно, о американцы атлыаются: "а какже Чайковский говорил нам совсем анская черная сотня ему по- пробольшевики довольны от видите, что из се- кие демократы!" /Пи- здоразумению считает чно вредная личность, как-то таким нибудь

владом. той день после приез- же срае на вечер и одному я сел. Ярену Васильеву, же- на Де. Яспоби /Легучая Мышь/, мы в. асте в свое время путешество- ло. Лене и пыталась сделать геогра- ские открытия: найти выход Лены в мо- Он хинет с Началовым. Провел у них три часа. Чудесный вечер - пили вис- и, шампанское, какой то банановый ликер и рассуждали о том, есть ли у большеви- ков душа или; может быть, лишь один пар. Васильев живет здесь уже полтора года, живет чрезвычайно интересно и интен- сивной жизнью - занимается антропо-географи- ей Америки. Буду его убеждать написать

37. В.М. Зензинов;
из цикла карикатур Нави
(И.И. Калюжного)
«Из альбома “Эсеры за границей”»;
1924 г. (Воля России. 1924. № 1/2.
С. 217–224).

38. А.Ф. Керенский;
из цикла карикатур Нави
(И.И. Калюжного)
«Из альбома “Эсеры за границей”»;
1924 г. (Воля России. 1924. № 1/2.
С. 217–224).

MS. 1500/

27 декабря

Дорогой Владимир,

к тебе пришла от В. Попова
(р.д.): он получил от тебе
четыре экземпляра копий
книжки "Собр. Записок", из которых
одна оказалась совершенно
оверстачной — он просит вы-
слать ему один экземпляр
(М² В. "Ророфф" — 35, ул. Гасов)
— свои собственные экземпляры
он прилагает ^{медя} (серией).

Он же передал мне по мер
"Каме Оло" (MS) и отдал
мне посл. по мер "Авотди"; передал
тебе "Каме Оло" прилагая
Копию ("дом Книжки") просит
прислать ему "Авотди".
— देखить экземпляры — на
предару.

Прощай!

В. Зензинов

Дорогой Вагимь Вахторович,
получил Ваши листы Марусевского
собрания дополнениями, какия и просил
е) собрать

В. Генераловъ представилъ текстъ о проше-
нахъ, но не узнавалъ преданья руководителя
и я просилъ его собрать это дополнение.

Страницки изъ первоначальнаго текста
Евгенимова доуныо предшествовалъ
реестру Лукинского и Марусевского.

Передъ реестрами Одича, по русскому
языку и З.Д. некое маленькое
у. дисловіе, въ которомъ. иушло ушло.
иури, что въ основу дано въ программе,
помощей программы, въ редакціи
въ Мед. бюро въ Праге. Яму и писар
рассл маленькое предисловіе, по виду
мдар ервась обнчнмъ ерррри. Это на-
саетъ программа по географіи, и виду
завтра видѣлся съ Левицкой и съ ней им.
застыло въ редакціи поправки

Вашъ М. М. М.

41. Л.Ф. Зуров; 1930 г. Дарственная надпись:
«Глубокоуважаемому Владимиру Феофиловичу Зеелеру на добрую память. Л. Зуров.
1930. Май» (Bakhmeteff Archive. Zeeler papers. Box 7).

Дорогой
Вагнер Викторович!

Получил Ваше письмо и письмо
от 19.VII. Большое спасибо,
когда впрямь, это нурием
б.дет. выходить.

Минуту читаю. Очевидно.

Много пишу. Закончил первую
часть, кончил вторую.

Из первой части могу дать
большой отрывок — было
называется. /М.И.Н" была
напечатана слева — "б.дет".
А ее сейчас сильно сократили.
Ее можно будет выпустить /

Пунктом я должен написать
и переписать на нем. ка-ко.
Когда /и какому сроку / ее нужно
вдать Вам?

Вот много Вам серьезный
привет. Удачи Вам
судья.

Ваш
Л. Зуров

Л. Зуров

23²⁰ июля
1936 г.

Ville Balvédère

6-ой годъ издания Поступила въ продажу 26-ая книга журнала 6-ой годъ издания.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

издаваемого при ближайш. уч.: Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева. Содержание: 1) Л. Н. Толстой — « Казаки ». 2) И. А. Бунинъ — « Цикады ». 3) И. С. Шмелевъ — « На Пенсѣяхъ ». 4) А. М. Ремизовъ — Трудлдезертиръ ». По « Бѣловому » декрету. 5) Б. К. Зайцевъ — « Алексѣй Божій человекъ ». 6-8) Стихотворенія А. Герцыкъ, В. Ходасевича, Н. Ошупа. 9) Д. С. Мережковский — 1925-1825. 10) М. А. Алдановъ — Декабристы и Сперанскій. 11) М. О. Цетлингъ — О 14-омъ декабря. 12) М. И. Цвѣтаева — Мои службы. 13) П. П. Муратовъ. — Кинематографъ. 14) Ф. А. Степунъ — Литературныя замѣтки, (« Тонкій и чуткій » г-нъ Воронскій). 15) К. Р. Кочаровскій — Будущее общины 16) Е. Д. Кускова — Обь утопяхъ, реальностяхъ и загадкахъ. 17) М. В. Вишнякъ — На родинѣ и на чужбинѣ (Пятилѣтніе итоги). 18) В. И. Талигъ — Господинъ Урожай. — Культура и Жизнь. 19) В. Ф. Ходасевичъ — Пролетарскіе поэты. 20) Ст. Ивановичъ — О резервахъ социализма. 21) Г. Д. Гурвичъ — Большевизмъ и замирение Европы. 22) Критическія и библиографическія статьи и замѣтки Ф. Степуна, Ст. Ивановича, Кн. Д. Святополкъ - Мирскаго, А. А. Кизеветтера, Г. Д. Гурвича, И. П. Демидова, В. В. Руднева, Е. Д. Кусковой, Д. М. Одицца, В. Ф. М. 23) Указатель къ напечатанному въ ном. 1-26 Современ. Записокъ за пятилѣтіе 1920 — 1925 гг.

Цѣна книги — 20 франковъ : 1 америк. долл., 34 чеш. кроны.

Адресъ Редакціи и Конторы: 9-bis rue Vineuse Paris (XVIe) Главный складъ : „PLAMJA“, Prague, Ječná, 32, Tchecoslovaquie. Представительство въ Германіи : „Rodina“, Berlin, W. 50, Regensburgerstrasse, 13. Представительство во Франціи : „La Source“ 9 bis, rue Vineuse, Paris, Téléphone: Passy 89 - 61.

43. Реклама «Современных записок» (Звено. 1925. 28 дек. № 152. С. 4).

44. М.Д. Иванников;
Белград, октябрь 1932 г.
(из семейного архива сына писателя,
Александра Михайловича Иванникова,
Белград).

45. М.Д. Иванников;
Белград, сентябрь 1936 г.
(из семейного архива
А.М. Иванникова).

В редакцию
"Современных Записок"

М. Д.

Узнав из газетного объявления
о перепечатке в № 57 "Сов. Зап."
моего разговора "Сашка", про-
шу авторский экземпляр и
причитающийся мне гонорар
выслать по адресу:

М. Иванников
Kati-Brodanova 8
Belgrade, Jugoslavie

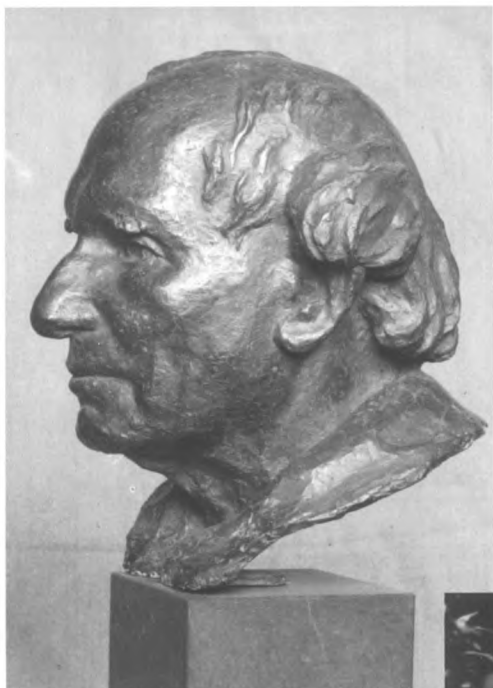
С совершенным уважением

Мих. Иваннович

Београд 8. II. 35

47. В.И. Иванов; Рим, 1930-е гг. (РАИ).

48. Бюст В.И. Иванова
1940-х гг.;
скульптор: Walter Rössler (РАИ).

49. В.И. Иванов; Рим, 1940-е гг.
(РАИ).

50. Слева направо: Л.А. Крестовская, В.И. Иванов, О.А. Шор, Л.А. Ильницкий;
Рим, 1930-е гг. (РАИ).

51. Н.Н. Степун и Ф.А. Степун; 1950-е [?] гг. (РАИ).

Руднев, 14 июля '38

Тыборный В. И.

Вадим Виссарионович,

66⁰⁰ пишу тебе из Москвы и узнаю
о ее жизни только из журналов Т. Аданс-
лера, доставленной мне друзьями.
Не обременяй же и о кампаниях
М. И. Фанданова; и в частности
каким образом ты ушел от Варш.
там был "глас на себя" работу от издания
своих "Слов"; могу ли захотеть описать
это время от издания моего книги
применяя термины?
"Воображение" у меня много. Как много
сперия - например, "Antologie Italiene",
"Сорока". Я отказываюсь. При этом и
перебравшись в Париж, чувствую, что
самостоятельно "Сорока"? Но "слова" и
по своему то году" (как Вы знаете)
было бы полезно. В Париж, где все так
мало и много, символизм много труднее,
много и недоумен. Поэзия отдалась
миссия для всей разности, но по существу
входит даже и оправдана; об этом "вора",
обычно для всех - скажем - "символизм" не было,
но пока никто не понимал этого, и каждый
другой в этом подозревал, а именно у

53. Н.В. Вольский; 1925 г.
(Beinecke Library. Berberova
papers. GEN MSS 182. Box 54.
F. 1252).

54. А.А. Кизеветтер и Ю.И. Айхенвальд;
шарж И.А. Матусевича
(Дни. 1923. 25 янв. № 72. С. 3).

Проф. А. А. Кизеветтер и
проф. Ю. Айхенвальд

Общественно-политическій и литературный журналъ

21-й годъ
изданія

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

21-й годъ
изданія

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гуковскимъ (†), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: М. Алданова, Л. Андреева, Н. Берберовой, И. Буннина, А. Бѣлаго, Б. Вышеславцева, Г. Газданова, Г. Гребенщикова, Г. Евангулова, Е. Замятина, Л. Зурова, Б. Зайцева, М. Иванникова, Г. Иванова, А. Куприна, Д. Мережковского, С. Минцлова, П. Муратова, М. Осоргина, Г. Пескова, А. Ремизова, В. Сирина, Д. Скобцова, Ф. Степуна, И. Сургучева, Б. Темирязева, гр. А. Толстого, В. Федорова, С. Федорченко, Ю. Фельзена, Е. Чирикова, И. Шмелева, С. Юшкевича, В. Яновскаго и др. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Бальмонта, Н. Берберовой, И. Буннина, М. Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппиусъ, И. Голенищева-Кутузова, А. Головиной, В. Злобина, Вяч. Иванова, Г. Иванова, Д. Кнута, Г. Кузнецовой, А. Ладинскаго, Ю. Мандельштама, Н. Оцупа, Б. Поплавскаго, С. Прегель, А. Присмановой, В. Смоленскаго, Ф. Сологуба, Ю. Софьева, Ю. Терапиано, Тэффи, В. Ходасевича, М. Цвѣтаевой, Э. Чегринцевой, Л. Червинской, А. Штейгера и др. — Дневники и воспоминанія: И. Билибина, Е. Брешковской, Н. Ге, А. Герцена, О. Грузенберга, Е. Джанумовой, кн. П. Долгорукова, К. Ельцовой, В. Зензинова, С. Лифаря, А. Керенскаго, В. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. Полнера, И. Рѣпина, Ал. Толстой, Льва Толстого, кн. О. Трубецкой, О. Фельтгейма, В. Ходасевича, М. Цвѣтаевой, А. Цилиги, Ф. Шаляпина, кн. С. Щербатова и др. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философіи, политики, экономическимъ и социальнымъ: Н. Авксентьева, Г. Адамовича, М. Алданова, А. Бема, Н. Бердяева, П. Бицилли, М. Брайкевича, Б. Бруцкуса, В. Булгакова, И. Бунакова, В. Вейдле, П. Виноградова, М. Вишняка, В. Водовозова, кн. С. Волконскаго, В. Войтинскаго, Б. Вышеславцева, М. Гершензона, С. Гессена, В. Гефдинга, З. Гиппиусъ, Н. Головина, М. Гофмана, К. Грюнвальда, А. Гуковскаго, К. Гулькевича, Р. Гуля, Г. Гурвича, Ю. Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демидова, Дюнео, В. Ельшевича, С. Загорскаго, С. Завадскаго, К. Зайцева, В. Зѣньковскаго, А. Изюмова, Ст. Ивановича, С. Иванова, Л. Карсавина, А. Карташева, С. Карцевскаго, К. Качаровскаго, А. Керенскаго, А. Кизеветтера, С. Кобякова, А. Койранскаго, И. Кологривова, В. Короленко, С. Корфа, А. Крайняго, К. Крофты, Н. Кульмана, Е. Кусковой, А. Левинсона, З. Ленскаго, А. Леонтьева, Г. Ловцака, Н. Лосскаго, С. Лурье, А. Мандельштама, С. Маслова, С. Мельгунова, Н. Мельниковой-Папоушекъ, С. Метальникова, П. Милюкова, Н. Минскаго, А. Михельсона, К. Мочульскаго, П. Муратова, В. Мякотина, С. Николаева, Б. Николаевскаго, бар. Б. Нольде, Д. Одинца, М. Осоргина, Я. Папоушекъ, П. Пильскаго, А. Пѣшехонова, Ю. Рапопорта, Ф. Родичева, М. Ростовцева, В. Руднева, Л. Сабанѣва, С. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святополкъ-Мирскаго, П. Сорокина, Ф. Степуна, Н. Тимашева, Н. Ульянова, Г. Федотова, Г. Флоровскаго, И. Хераскова, М. Цвѣтаевой, М. Цетлина, Т. Чернавиной, Д. Чижевскаго, А. Чупрова, С. Шермана, Л. Шестова, Б. Шлецера, Е. Юрьевскаго и др.

Цѣна отдѣльнаго номера 35 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

6, Rue Daviel, Paris (XIII*).

Téléphone: Gobelins 48-87

Imp. Union, 13, rue Méchain.

Le gérant Chailt.

56–59. Сотрудники «Современных записок»: Н.В. Макеев, С.Н. Николаев, С.П. Постников, М.Л. Слоним; из цикла карикатур Нави (И.И. Калужного) «Из альбома “Эсеры за границей”»; 1924 г. (Воля России. 1924. № 1/2. С. 217–224).

60. 70-летие П.Н. Милюкова; Париж, февраль 1929 г.

На обороте запись: «Правление Союза литераторов и журналистов в Париже:

Сидят слева направо:

В.М. Зензинов, Б.К. Зайцев (тов. председателя),
П.Н. Милюков (председатель), А.А. Яблоновский (тов. председателя),
В.Ф. Зеелер (ген. секретарь и казначей).

Стоят: слева направо, члены правления:

К. Зайцев, Б. Миркин-Гецевич, Алданов, Ал. Михельсон, М.В. Вишняк,
С.М. Соловейчик, К.К. Парчевский»
(Bakhmeteff Archive. Zeeler papers. Box 6).

Датируется по записи рукой М.В. Вишняка («February 1929») на аналогичной фотографии, сохранившейся в его архиве (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 19. F. 16).

³ Ганфман Максим Иполлитович (1872–1934), журналист, публицист, литературный критик, юрист, издатель, соредaktor газеты «Сегодня».

⁴ Книготорговое предприятие Акционерное общество «Вальтерс и Рапа» / «A. Walters & J. Rapa Aktiengesellschaft» существовало в Риге (Театральная улица, 11) в 1921–1936 гг. См.: Распространение русской печати. С. 162–164. № 285.

⁵ «Слово» — рижская «большая русская национально-демократическая газета», сменившая в 1925 г. газету «Вечернее время» (9 ноября вышел последний номер «Вечернего времени», 11 ноября — № 1 «Слова»). Ее редакторами осталась та же праворадикальная группа журналистов (Нео-Сильвестр, Л. Кормчий, Д. Дагаров), которая основала «Вечернее время». Поскольку «Слово» являлось конкурентом «Сегодня», Вишняк решил использовать этот аргумент для того, чтобы заполучить согласие М.С. Мильруда на регулярную доставку бесплатного экземпляра в редакцию СЗ.

19. Грузенберг — Вишняку

Rīgā. 27 мая 1927 г.

27 мая 1927 г.

Valdemāra ielā, 29

Дорогой Марк Вениаминович, задержался с ответом на письмо Ваше, так [как] то дело, из[-за которого] я отказался от условленной поездки в Польшу, вскоре перешло в постоянное юрисконсульство, с которым много хлопот. А затем пребывание здесь П.Н. Милюкова¹; частые свидания и волнения, связанные с адеркасовщиной².

О В[ашем] письме.

Я с ним не ознакомил М.Я. Лазерсона, т.к. в планы мои не входит порча В[аших] отношений. Ясно, что его не может не оскорбить Ваше указание, что рецензии об его книге не дано, т.к. [жур]нал не дает отзы[вов о все]х книгах, особенно небольших. Но тогда он может поставить вопрос о том, что и В[аша] книга о меньшинствах не больше размером его книги и что в «Сегодня», к[а]к и в «Совр[еменных] зап[исках]», библиограф[ического] отдела нет.

К чему оскорблять, да еще оправдываясь³!

Точно так же не мог я сказать ему, в виде довода, что Вы, де, отказались от м[оей] рецензии о «Курсе» пр[офессора] Синайского⁴, — не мог потому, что тут же должен был бы добавить, что вследствие этого я отказался послать Вам и все другие мои рецензии. Не мог же я серьезно приня[ть ука]зание относ[ительно] [часть текста утрачена] «Курсов» (учебников), когда в прошлом году Вы хотели поместить мою рецензию о «Курсе» пр[офессора] Минца⁵.

Так[им] обр[азом], мое решение не знакомить Максима Яковлевича с В[ашим] письмом, дабы не создалось настроения против Вас, Вы наверное одобрите.

Последние 10 дней ~~встречаю~~ вижу часто у себя В[ашего] родств[енника] Романа Соломоновича, который ходит по д[елам] своего тестя Балла. От Ром[ана] Сол[омоновича] я узнал, что Вы были в Берлине. Жаль, что не заехали сюда: получили бы пред[ставле]ние о жизни в [лимит]рофах.

Надеюсь, болезнь В[ашей] супруги выяснилась в благоприятную сторону. Передайте ей мой привет и лучшие пожелания. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибах листов утрачены от сырости.

¹ П.Н. Милоков приехал в Ригу 9 мая 1927 г. и прочитал четыре лекции: «Грозит ли Европе новая война» (10 мая в зале Ремесленного общества), «Национальность и интернационализм» (12 мая, там же), «Россия, Европа и еврейство» (16 мая, там же) и «Что будет с Россией?» (18 мая); см. об этом в газете «Сегодня»: [Б.н.] П.Н. Милоков приехал в Ригу (10 мая. № 103. С. 5); *Бор. Ор. [Оречкин Б.С.]* Грозит ли Европе новая война (На первой лекции П.Н. Милокова) (11 мая. № 104. С. 5); [Б.н.] «Европа, Россия и еврейство» (Третья лекция П.Н. Милокова) (17 мая. № 109. С. 4); [Б.н.] «Что будет с Россией?» (Вчерашняя лекция П.Н. Милокова) (19 мая. № 111. С. 5).

² Во время второй лекции Милокова на него было совершено нападение 19-летним Виталием фон Адеркасом, латвийским подданным, немцем по национальности (свою хулиганскую выходку он мотивировал якобы местью за брата, умершего в России от голода). Нападение на одного из демократических лидеров эмиграции было организовано монархическими кругами; см. об этом: [Б.н.] Хулиганская выходка против П. Милокова // Сегодня. 1927. 13 мая. № 106. С. 1; [Б.н.] Министр-президент о хулиганском нападении на П.Н. Милокова (М. Скуенек убежден, что Адеркасом руководили другие лица) // Там же. 14 мая. № 107. С. 1; [Б.н.] Арестован автор письма Адеркаса // Там же. 17 мая. № 109. С. 5; [Б.н.] Адеркас приговорен к 3 месяцам ареста // Там же. 18 мая. № 110. С. 4. Произшедший в Риге инцидент стал предметом аналитического очерка А.С. Изгоева «Презренная трусость (Рижские Адеркасы и чехословацкие фашисты)» (Сегодня. 1927. 25 мая. № 116. С. 2).

³ Возможно, письмо Грузенберга послужило стимулом к тому, что 33-я книга СЗ за 1927 г. (начало ноября) вышла с рецензией Вишняка на книгу М.Я. Лазерсона, написанную по-немецки: «Staat, Souveränität und Minorität» (Riga, Berlin: Lamey, 1927).

⁴ Синайский Василий Иванович (1876–1949), специалист по римскому и гражданскому праву. Родился в селе Лаврово Тамбовской губернии в семье священника. Получил религиозное образование (церковно-приходская школа в Липецке, Тамбовская духовная семинария). Но затем резко изменил свой жизненный путь: сначала учился медицине во Франции, потом на юридическом факультете Юрьевского ун-та (ныне Тарту), где в 1907 г. начал свою научно-педагогическую карьеру. Затем преподавал в Варшавском ун-те и наконец на долгие годы осел в Киевском ун-те Святого Владимира. В 1922 г. эмигрировал в Ригу, где возглавлял кафедру гражданского права в Латвийском ун-те. Товарищ председателя Русского юридического общества в Риге (Грузенберга). В 1944 г. переехал в Прагу, а оттуда в Брюссель. О В.И. Синайском см. послесловие С.Н. Ковальчук в кн.: *Синайский В.И. Жизнь и человек*. 2-е изд. Рига: Институт философии и социологии Латвийской АН, 1992. С. 126–130; библиографию его трудов см.: *Pavārs A. Professoris atque juris Doctoris Vasiliū Sinaiski Opera (1907–1938)*. Riga: A/S Valters un Rapa, 1939. См. также воспоминания о нем: *Климов Е.Е.* Памяти профессора В.И. Синайского // НРС. 1969. 3 сент. № 21631. С. 3.

⁵ См. примеч. 3 к п. 13.

20. Грузенберг — Вишняку

Rīgā. 6 oktobra 1927 g.

6 окт. 1927 г.

Valdemāra ielā, 29

Дорогой Марк Вениаминович,
поклон, переданный мне М.Я. Лазерсоном, хоть несколько искупил Вашу вину: оч[ень] уж несправедливо было Ваше последнее письмо. Впрочем, не будем на нем

останавливаться: уверен, что и Вас самого оно на другой день по отсылке мало удовлетворяло.

Пишу вот по какому поводу.

11-го с[его] м[есяца] в Латыш[ском] юрид[ическом] общ[еств]е состоится соборное заседание всех здеш[них] юрид[ических] общ[еств] (что ни народность, — то отдельное юрид[ическое] общ[ество]), посвященное памяти А.Ф. Кони¹. На этом собрании я читаю о нем доклад.

19-го состоится моя лекция на эту же тему в пользу Об[ществ]а вспомо[ж]ества присяж[ных] адвокат[ов]².

По окончании этих лекций я пришлю Вам, — точнее, хочу прислать, — для «Совр[еменных] зап[исок]» статью, где исчерпаю и письма его. Сообщите мне — попадет ли она в ближ[айшую] книжку и когда она должна выйти³. Я дал по настойчивой просьбе «Сегодня» ту статью, к[ото]рая была напечатана в «Днях» (с небольшо[ими] изменениями)⁴. Для книжки распланирую, конечно, иначе.

Что у Вас доброго? Все ли у Вас дома благополучно? Помню, Вас тревожило здоровье супруги, хотя операция прошла оч[ень] хорошо. Хочу надеяться, что самочувствие теперь прекрасно.

Каковы успехи «Совр[еменных] записок»? Преданный Вам искренне

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Кони Анатолий Федорович (1844—1927), выдающийся русский адвокат, литератор, мемуарист (Кони не стало 17 сентября). Грузенберг высоко почитал Кони и в одном из писем к нему от 30 декабря 1923 г. писал: «Вы создатель русского судебного слова и в то же время творец таких форм его, что не многим удалось не то что сравниться, но даже близко подойти к ним (цит. по: *Выдря М. А. Ф. Кони как судебный оратор // Кони А. Ф. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1967. Т. 3. С. 20). Воспоминания Грузенберга о Кони включены в книгу «Вчера» (С. 197—203); первоначально: *Сегодня*. 1927. 20 сент. № 211. С. 3.

² Помещенная в газете «Сегодня» (1927. 14 окт. № 232. С. 8; с некоторыми изменениями перепечатана: Там же. 18 окт. № 235. С. 8) заметка «Лекция О.О. Грузенберга о Кони» информировала читателей: «В виду того, что вечер памяти А.Ф. Кони, устроенный юридическим обществом [11 октября], носил закрытый характер и многие желавшие почтить великого русского юриста не могли попасть на это заседание, касса взаимопомощи присяжных поверенных устраивает собрание, широко открытое для всех. На собрании выступит с докладом о личности и деятельности А.Ф. Кони известный юрист и блестящий оратор О.О. Грузенберг, доклад которого на собрании юридического общества произвел глубокое впечатление на всех. В своей лекции О.О. Грузенберг даст очерк жизни и работы Кони, основанный между прочим на личной переписке с покойным. Вечер состоится в зале Ремесленного общества 19 октября». См. также: *[Б.н.] Сегодня — лекция О.О. Грузенберга о Кони // Сегодня*. 1927. 19 окт. № 236. С. 5.

³ Ближайшая, 33-я книга СЗ, которая вышла в начале ноября 1927 г., к этому времени была полностью сформирована, и Вишняк в недошедшем до нас письме от 13 октября ответил радостным согласием, планируя воспоминания Грузенберга о Кони для следующего номера журнала (в письме от 10 ноября он просил Грузенберга ускорить отправление рукописи); см. п. 21 и последующие, в которых дебатруется тема присылки рукописи. Однако в конце концов воспоминания Грузенберга о Кони в СЗ так и не появились.

⁴ См. примеч. 1 к наст. п.

21. Грузенберг — Вишняку

Rigā. 30 ноября 1927 г.

30 ноября 1927 г.

Valdemāra ielā, 29, Rigā

Дорогой Марк Вениам[ин]ович,
очевидно, письмо мое, *отправленное* отсюда 15 с[его] м[есяца], пропало. — Написал — «очевидно», т.к. не допускаю и мысли, что Вы можете молчать тогда, когда обязаны говорить. В письме своем, датированном 10-м и полученным мною 14-м [так!] ноября, Вы просите меня «поторопиться с присылкою обещанной рукописи “Воспоминаний”».

Я удивился, т.к. в предшествующем письме своем от 13 окт[ября], получ[енном] мною 17-го, Вы пишете: «...Спешу написать Вам, что и я, и редакция в целом *будем очень рады* Вашей статье — воспоминаниям, посвященным А.Ф. Кони».

Желая быть точным, я в последн[ем] св[оем] письме просил Вас подтвердить, что опущение слов об А.Ф. Кони не знаменует какого-л[ибо] изменения в нашем соглашении.

Пишу об этом, в виду пропажи м[оего] письма, еще раз, т.к. не люблю недоразумений. Поторопитесь с ответом. Преданный Вам

О. Грузенберг

Был у нас Бурцев. Обе его лекции прошли с огромным успехом¹. Лекции же Степуна и Алексеева² — с большой прессой, но — увы! — с малой публикою³. Я не был, т.к. редко выхожу по вечерам.

Скажите к[онто]ре «Дней», что это негоже посылать мне газету, вместо Риги, в Ниццу. Дайте им м[ой] точный адрес. Спасибо [край письма обрезан].

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ В.Л. Бурцев прочитал в Риге две лекции: «Провокация прежде и теперь» (21 ноября) и «Вожди (Встречи, характеристики, прогнозы)» (23 ноября), см.: [Б.н.] В.Л. Бурцев приезжает в Ригу // Сегодня. 1927. 3 нояб. № 248. С. 8); [Б.н.] Лекции В.Л. Бурцева в Риге // Там же. 8 нояб. № 252. С. 8; [Б.н.] Лекции Вл. Бурцева — 21 и 23 ноября // Там же. 13 нояб. № 257. С. 14); М. Г-н [Гаифман М.И.] Вл. Бурцев (К его приезду в Ригу) // Там же. 20 нояб. № 262. С. 2), Бор. Ор. [Орехкин Б.С.] «Провокация прежде и теперь»: На лекции В.Л. Бурцева // Там же. 22 нояб. № 263. С. 5); Он же. «Вожди» (На второй лекции В.Л. Бурцева) // Там же. 24 нояб. № 265. С. 5); см. также фото, на котором запечатлен Бурцев с сотрудниками «Сегодня» (6 дек. № 275. С. 1).

² Алексеев Николай Николаевич (1879—1964), правовед, общественный деятель, один из идеологов евразийства.

³ Ф.А. Степун и Н.Н. Алексеев приехали в Ригу по приглашению Русского просветительного общества. Степун прочитал три лекции: «Национальная стихия и большевизм» (20 октября), «Литература Советской России» (23 октября) и «Культура и религия» (24 октября), см.: Рудин А. Ф.А. Степун (К его лекциям в Риге) // Сегодня. 1927. 20 окт. № 237. С. 8; А. Р-ин [Рудин А.К.] «Национальная стихия и большевизм» (Первая лекция проф. Ф.А. Степуна) // Там же. 21 окт. № 238. С. 5); [Б.н.] Советская литература и советская критика (На II лекции Ф. Степуна) // Там же. 24 окт. № 240. С. 6); [Б.н.] Культура и религия (Третья лекция проф. Ф.А. Степуна) // Там же. 25 окт. № 241. С. 5. Н.Н. Алексеев прочитал две лекции: «Особенности русской истории» (11 ноября) и «Итоги русской

революции по взглядам евразийцев» (14 ноября), см.: [Б.н.] В Ригу приезжает проф. Н.Н. Алексеев (Сегодня. 1927. 6 нояб. № 251. С. 14); [Б.н.] Проф. Н.Н. Алексеев в Риге (Беседа «Сегодня») // Там же. 11 нояб. № 255. С. 8.

22. Грузенберг — Вишняку

Рига. 1 января 1928 г.

1 января 1928

Valdemāra ielā, 29

Дорогой Марк Вениаминович,

прежде всего, с новым годом: примите мои лучшие пожелания. Главное всего желаю снисходительного отношения к грешникам, среди которых я занимаю, вероятно, первое место.

Не могу дать статью для янв[арской] книжки. Статья о Кони совершенно готова, — но не отделана. Нужно 4–5 дней, чтобы обрядить ее. Но их нет. Можете судить хотя бы по тому, что после м[оей] лекции о Шварцб[арде] («Преступление к[а]к наказание»)¹ на меня посыпались выгодные предложения о поездке на 10 лекций. Я отказал — не потому, что работа моя (юрид[ическая]), на меня навалившаяся, оч[ень] выгодна, но потому, что от нее отказываться нельзя.

Пришлю в след[ующем] месяце. Крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

Ну и свинтус мой друг Гуревич. Судя по отчету «Дней», начал свой доклад буквально словами м[оей] статьи о Кони в «Днях»²!! Неужели и не упомянул? Я ему в свое время послал, и он благодарил за удовольствие. Впрочем, не говорите никому. Я еще окажусь «заимодавцем грубым»³!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Шварцбард (Шварцборд) Шалом (Шолем Шмуэл) (1886–1938), анархист; в мае 1926 г. — в качестве возмездного акта за еврейские погромы на Украине в годы Гражданской войны — застрелил в Париже бывшего председателя украинской Директории атамана С. Петлюру. Был оправдан французским судом. Как уже говорилось во вступительной статье, лекция Грузенберга «Преступление как наказание (Парижский процесс Шварцбарда: его обвинители и защита)» была прочитана 15 декабря 1927 г. в зале Ремесленного общества; см. также приведенное во вступительной статье письмо адвоката Шварцбарда А. Торреса Грузенбергу в ответ на его просьбу разъяснить, почему в ходе судебного процесса тот отказался от показаний 85 свидетелей.

² Гуревич (Гурович, Гурвич) Яков Самойлович (Самуилович; 1869 или 1870–1936), адвокат, присяжный поверенный. Окончил юридический факультет Новороссийского ун-та. После переезда в Петербург в 1914 г. преподавал в Психоневрологическом институте. Вместе с А.Ф. Кони основал Институт ораторского красноречия (1917 г.). С 1922 г. в эмиграции, жил в Париже. Член масонской ложи «Северная звезда». Отчет о докладе Я.С. Гуревича см.: *Юрист*. Кони как судебный оратор // Дни. 1927. 17 дек. № 1270. С. 3. Грузенберг имеет в виду свои воспоминания о Кони, опубликованные не в «Днях», а в «Сегодня» (1927. 20 сент. № 211. С. 2).

³ Цитата из монолога Барона («Скупой рыцарь» А. Пушкина, сцена II).

23. Грузенберг — Вишняку

Rīgā. 4 января 1928 г.

SUIS MORT RESURRECTION FEVRIER SALUT GROUSENBERG¹

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Датируется по почт. шт. Телеграмма; адрес получателя: «Vichniak 106 rue [de] la Tour Paris»; почт. шт.: «Paris, 4.I.28».

¹ Я умер, воскресение [в] феврале, привет, Грузенберг (франц.).

24. Грузенберг — Вишняку

Rīgā. 24 января 1928 г.

24 янв. 1928

Valdemāra ielā, 29, Rīgā

Дорогой Марк Вениаминович,

отрываю минуты у сна, чтобы ответить спокойно на Вашу воинственную открытку. В Вашем изложении выходит, что я чуть ли не подвел журнал. Между тем, из Ваших писем ко мне видно, что Вы не связывали никаких *сфочных* расчетов с моею статьей. Вы просто писали: чтобы попасть в первую кн[ижку], Вы должны прислать не позже такого-то числа¹.

Вот и все. Ясно, что — дашь — ладно, не дашь — и без тебя обойдемся. Зачем же Вы теперь сигнализуете «сбор всех частей», когда ни пожара, ни даже горючего материала не оказывается.

Писал Вам, что я занят, как в старину, — с той лишь существенной разницею, что много меньше оплата труда и столь же уменьшены м[ои] силы.

Заминка со статьей об А.Ф. Кони вышла потому, что я хочу проверить некоторые даты. Вышла в России ко дню его юбилея книжка, где отмечены все даты с его слов². Я написал об ее высылке, — но нет ответа. Пишу теперь в Ниццу к П.С. Пороховщикову, у которого она есть.

Как видите, нет основания сомневаться в моих симпатиях ни к Вам, ни к журналу. С Вами обоими тем менее охоты сердиться, что это отразится на некрологе обо мне.

Что у Вас доброго? Как я рад, что далек от эмиграционных центров. Одна история с «Возрожд[ением]» чего стоит... А чета Мережковских, которые, словно копируя ловимого жулика, вопят: «держи вора!»³.

Знаете ли, минутами мне кажется, что Россия приобрела большой плюс от большевизма: избавилась от своей интеллигенции. Что в том, что можно насчитать сотню-другую подвижников, святых, когда... *Сегодня* Завтра Татьянаин день. Везде будут опиваться, объедаться, поминать свою молодость, поучать юность... Эх!

Крепко жму руку. Привет всем, кто меня помнит. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Имеется в виду первая книга за 1928 г., т.е. 34-я по сквозной нумерации, которая вышла в феврале 1928 г.

² Грузенберг, по всей видимости, говорит о книге «Анатолий Федорович Кони (1844–1927): Юбилейный сборник» (Л.: Атеней, 1925).

³ Речь, судя по всему, идет о статье З. Гишпиус «Символический Вишняк» (Возрождение. 1927. 30 дек. № 941. С. 2–3), явившейся ответом на статью Вишняка «Пути и перепутья З.Н. Гишпиус» (Дни. 1927. 14 дек. № 1267. С. 2). В этой статье Вишняк вступил в полемику с «Третьим путем» Гишпиус (Возрождение. 1927. 4 дек. № 915. С. 3–4), которая обращалась в своей статье к событиям недавней российской истории. В новой статье, о «символическом Вишняке», она была вынуждена реагировать не только на оппозиционные соображения Вишняка (речь в основном шла о «правом» и «левом» политических направлениях в эмиграции), но и отвечать выступившему против нее и Д. Мережковского П. Милюкову (Листики из дневника: Неловкость «феноменологическая» // ПН. 1927. 23 дек. № 2466. С. 2).

25. Грузенберг – Вишняку

Rīgā. 12 марта 1928 г.

12 марта 1928 г.

Valdemāra ielā, 29

Дорогой Марк Вениаминович,

я не ответил на В[ашу] телеграмму – и не считаю себя виновным, т.к. иначе нельзя было поступить. Как я Вам писал, работа об А.Ф. Кони задержалась из-за справочной юбил[ейной] книжки, по которой я мог бы проверить нужные даты. Я написал (после неудачи с Россией) П.С. Пороховщикову в Ниццу – и ждал от него ответа со дня на день. Вдруг, на днях, получаю от него письмо из Атланты (Америка). Оказывается, Пороховщиков переехал туда еще в октябре (после смерти египет[ского] принца, у которого он служил). В Атланте замужем его племянница – и он решил эмигрировать туда. Кстати: он хорошо там устроился, получив в колледже уроки по немецк[ому] яз[ыку], европ[ейской] истории и истории искусства.

Книжки о Кони у него с собою не оказалось, – но зато он написал Пономаревой, – приятельнице А.Ф. Кони – о немедленной высылке мне экземпляра¹. Если большев[ицкая] цензура пропустит беспрепятственно, я получу ее оч[ень] скоро.

Итак, ясно, что об этом телеграфировать невозможно. С письмом этим, надеюсь, рассеется В[аше] недовольство мое [так!].

Я бы мог дать для ближайшей книги «Совр[еменных] зап[исок]» о М. Горьком личные впечатления (я был его защитником)², а главное – очень важные его письма (напр[имер] письмо к Бебелю об учиненной Парвусом растрате денег, предназначенных для партии)³; некоторые оч[ень] большие. Рукопись мог бы доставить в течение 2 недель. Ведь в конце марта юбилей Горького⁴. Неужели из-за политики Вы окажетесь в сетях. Верьте мне: с Горьк[им] будет то же, что и с Некрасовым (стихи в честь Муравьева-вешателя)⁵. Мои воспом[инания] относятся к 1905–1913 гг. Не больше⁶.

Крепко жму руку. Искренне Вам преданный

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Пономарева Елена Васильевна (1868–1929), общественная деятельница, хозяйка литературного салона, дочь близкого друга А.Ф. Кони, которая приняла на себя заботу о нем. Будучи состоятельной женщиной, она когда-то под влиянием Кони пожертвовала большую часть своих денег на строительство Народного дома в Харькове. См. ее некролог: *Ковалевская Анна*. Памяти Е.В. Пономаревой // *Возрождение*. 1929. 27 июля. № 1516. С. 5; о ней см. в воспоминаниях К.И. Чуковского «Анатолий Кони» (*Чуковский К. Из воспоминаний*. М.: Советский писатель, 1959. С. 295–296).

² Горький познакомился с Грузенбергом, по-видимому, в начале 1900-х гг. и неоднократно бывал в его доме. Так, в частности, между 20 ноября и 11 декабря 1903 г. он читал там свою поэму «Человек» (М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов: *Материалы, воспоминания, исследования*. М.: АН СССР, 1957. С. 69; *Летопись жизни и творчества А.М. Горького*: В 4-х вып. М.: АН СССР, 1958. Вып. 1. С. 455 – сообщение Е. Стасовой); см. также в воспоминаниях редактора петербургской ивритской газеты «На-zman» (Время) Бен-Циона Каца «Праведники народов мира» (отрывок в переводе на русский язык приведен в кн.: *Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос / Авторы-сост.: М. Агурский, М. Шкловская. Иерусалим: Еврейский университет, 1986. С. 439–440*). В 1905 г. в Петербургской судебной палате Грузенберг защищал Горького, обвиненного в том, что он в связи с «кровавым воскресеньем» составил воззвание, призывающее к ниспровержению государственного строя, за что писатель подарил защитнику 6 томов своего собрания сочинений (сделанная Горьким дарственная надпись, датированная 5 июлем 1905 г., гласила: «Моему уважаемому защитнику Оскару Осиповичу Грузенбергу с чувством искренней благодарности и с горячей симпатией к нему – человеку», – и далее шли стихи из «Детей солнца»; подробнее об этом см.: *Переписка [М. Горького] с О.О. Грузенбергом / Предисл., публ. и коммент. Ф.Н. Пицкель // Литературное наследство*. М., 1988. Т. 95. С. 997–999). В дальнейшем Грузенберг вел и другие судебные дела Горького – например, с братьями Д.Д. и В.Д. Протопоповыми о погашении ими долга издательству «Знание», см.: *Горький М. Полн. собр. соч.: Письма*: В 24 т. М., 2001. Т. 8 (по ук.). Арест Горького за пресловутую прокламацию привел в частности к тому, что петербургский градоначальник 19 января 1905 г. распорядился снять из репертуара Театра В.Ф. Коммиссаржевской пьесу «Дачники», спектакль по которой он сам же за два дня до этого разрешил. Коммиссаржевская через своего поверенного Грузенберга возбудила дело против этого распоряжения как незаконного. Дело слушалось 18 декабря 1906 г.: апелляционная жалоба была оставлена без внимания (*Речь*. 1906. 20 дек. № 247. С. 5).

³ Парвус Александр Львович (наст. имя: Израиль Лазаревич Гельфанд; 1867–1924), деятель российского и немецкого социал-демократического движения, теоретик марксизма, публицист, доктор философии. Будучи фактическим руководителем издательской фирмы «Марклевский и К°», Парвус получил от Горького доверенность на получение тантывмов (гонораров, отчислений) от театральных постановок пьесы «На дне» в Германии. Нарушив данное Горькому обещание, Парвус присвоил эти деньги. 3 сентября 1905 г. Горький обратился с письмом к А. Бебелю, основателю и руководителю немецкой социал-демократической партии, одним из членов которой был Парвус, и одновременно просил Грузенберга взяться за это дело. Поразмыслив над ним и встретившись с Парвусом, Грузенберг, однако, пришел к выводу о том, что привлечение обманщика к суду не принесет желаемых результатов, поскольку в социал-демократических кругах «его высоко ценят за то, что доставляет партии значительные денежные суммы». «Если я пойду к Бебелю, – восстанавливал Грузенберг впоследствии ход своих рассуждений, – то ему, Горькому, не поздоровится. Мигом создается такая самозащитная версия: Горький – капиталист, разжившийся на своих сочинениях, он так жаден и жесток, что не останавливается перед обращением к буржуазной юстиции, чтобы погубить столь ценного специалиста, как Парвус. А репутация этого сидящего ребенка, имя которого Горький, была мне дорога» (цит. по: *Горький М. Полн. собр. соч.: Письма*: В 24 т. М., 1999. Т. 5. С. 346). В результате Грузенберг посоветовал Горькому дела против Парвуса не возбуждать.

⁴ Речь идет о 60-летнем юбилее Горького, родившегося 28 марта.

⁵ Грузенберг говорит о торжественной оде, написанной Н.А. Некрасовым в честь усмирителя польского восстания 1863 г. М.Н. Муравьева, получившего в народе прозвище «вешатель». В 1866 г. после неудачного покушения Каракозова на Александра II Муравьев был назначен председателем Следственной комиссии. Предвидя наступление реакции и стараясь спасти свой журнал «Современник», Некрасов прочитал эти стихи в Английском клубе на обеде в честь Муравьева. Этот поступок вызвал бурное возмущение демократических кругов и отравил существование самого Некрасова, до конца своих дней воспринимавшего муравьевскую оду как измену собственным принципам и убеждениям.

⁶ Воспоминания Грузенберга о Горьком в СЗ не печатались. Впервые они были опубликованы – в связи со смертью Горького – в двух номерах ПН (1936. 25 июля. № 5601. С. 3; 27 июля. № 5603. С. 3), а затем включены в книгу «Вчера» (С. 177–194).

26. Грузенберг – Вишняку

Rigā. 10 aprēļa 1929 g.

10 апр. 1929 г.

Valdemāra ielā, 29, Rigā

Дорогой Марк Вениаминович,

наконец-то усилия моих друзей и мои увенчались успехом: нам удалось объединить местные юридичес[е]ские силы [и] создать «Русск[ое] юрид[ическое] об[щество в] Латвии», которое будет выпускать юрид[ический] ежемесеч[ный] журнал под заглавием «Закон и суд» (формат «Права»¹, размер – 32 столбца)². Надеемся на успех: 3-ойка новых культурных государств, пользующихся русским правом лежат [так!] в одном куске. Денег на бумагу и печать мы собрали на выпуск журн[ала] до 1 янв[аря] 1930 г., – а дальше – все само собою утрамбуется. Привлекаем сотрудников из разных пунктов рассеяния. Будем рады В[ашему] сотрудничеству: присылайте поскорее и побольше. По-моему, у Вас сейчас готовы по крайней мере 3–4 статьи. Стоит лишь сделать кой-как[ие] технические приспособления в Вашей прекрасной по содержанию и форме статье в 37 кн. «С[овременных] з[аписок]» – о «кризисе демократии»³.

Как живете Вы? У меня было бы все неплохо, – даже болезнь, державшая меня ~~все время~~ всю зиму в комнатах, не произвела на мое настроение особого действия, – но теперь у меня другое волнение – болезнь дочери, к которой выехала в Берлин Роза Гавр[иловна] (гнойное воспаление желчного пузыря, требующее хирург[ического] вмешательства).

Да, забыл упомянуть, что председателем об[ществ]а и редакц[ионного] ком[ите]та избран я: в моем возрасте и состоянии чем больше работы, тем лучше (некогда заду[мы]ваться и перебирать).

Преданный Вам искренно

О. Грузенберг

Сердечный привет милому Илье Исидоровичу [Фондаминскому]. Пусть не гневается, если надую его с присылкой статей: мне хочется еще создавать, творить, – а не вспоминать.

Потом вот еще что: мне всегда тяжело дышать там, где меня ~~плохо~~ неласково принимают: «Таков, Фелица, я развратен»⁴; ничего не поделаешь.

PS. Посмотрите в «Сегодня» статью М.И. Ганфмана от сего, 10-го, числа относ[ельно] «Рус[ского] юр[идического] об[щест]ва»⁵.

Торжеств[енное] собр[ание] Об[щест]ва состоится в вербное воскр[есенье], а журнал выйдет перед русской Пасхой.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Либеральный юридический еженедельник «Право» выходил в Петербурге с 1898 по 1917 г. (изд. И.В. Гессен); основными авторами были представители партии кадетов. См. о нем: *Гессен И.В.* В двух веках: Жизненный отчет. Berlin, 1937. С. 145–185. Грузенберг вместе с В.Д. Набоковым редактировал в нем уголовный отдел. Гессен пишет, что с Грузенбергом, «быстро завоевавшим видное положение среди петербургских уголовных защитников», они поладить не могли, и в результате этого «решено было обратиться с приглашением к Владимиру Дмитриевичу Набокову...» (С. 154).

² Журнал «Закон и суд: (Вестник юридического общества)» (редакторы: О.О. Грузенберг, П.М. Минц, И.С. Шабловский, П.Н. Якоби) выходил в Риге в 1929–1938 гг. (всего вышло 90 номеров). М.Я. Лазерсон ошибочно указывает, что журнал выходил до 1934 г. (см.: *Лазерсон М.* Духовный облик О.О. Грузенберга (1866–1941) // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. 2. С. 406).

³ Речь идет о статье Вишняка «Демократия в Европе» (С. 356–374).

⁴ Из стихотворения Г.Р. Державина «Фелица» (1782).

⁵ Статья «Русское юридическое общество в Латвии» не подписана (Сегодня. 1929. 10 апр. № 98. С. 2). Вслед за ней в газете была напечатана следующая информация: «6 апреля состоялось учредительное собрание “Русского юридического общества в Латвии”. Председателем общества избран О.О. Грузенберг, а товарищами председателя — П.Н. Якоби и И.С. Шабловский, а секретарем — В.О. Симанович. Кроме этих лиц, в состав правления вошли: Н.С. Савич, М.И. Ганфман и Н.А. Вологин.

Для издания и редактирования юридического журнала избран редакционный комитет в составе: О.О. Грузенберга, П.М. Минца, П.Н. Якоби, И.С. Шабловского и В.О. Симановича.

Кроме того, избран хозяйственный комитет из Н.А. Белоцветова, И.Д. Балинского, М.С. Чулкова, В.В. Галкина, И.С. Шабловского, М.И. Коссовского и Н.А. Вологина.

Новое общество предполагает в непродолжительном времени открыть свои действия устройством торжественного заседания. Первый номер юридического журнала, который будет носить название “Законный суд” [так!], решено выпустить еще до летних каникул. Заявления о желании вступить в члены нового общества принимаются всеми членами правления».

27. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 3 мая 1929 г.

3 мая 1929

М.В. Вишняку, XIV Paris 11, rue Claude Lorraine.

Дорогой Марк Вениаминович,
примите [м]ою и моих товарищей по редакции горячую благодарность за пр[и-
сы]лку прекрасной статьи «Шестая держава». Она идет в № 2¹, [та]к как первый
№, как Вы убедитесь, вышел сверхсметным, [в] смысле увеличения установлен-
ного объема.

Что к[асае]тся предложенной Вами статьи «О процедуре международно-[пра-
в]овой охраны меньшинств», мы будем ждать ее с нетерпен[ием].

Вы пи[шете], что она – в 1 лист – тем не менее, мы поместим ее в од[ин] № нашего журнала. Понятно, что если Вы сами ее подсократи[те, то] дадите нам возможность удовлетворить желания других со[труд]ников увидеть поскорее в печати свои статьи. Повторяе[м од]нако, что мы Вас сокращать не станем².

Жаль, [что Вы] не слушаетесь моего дружеского предложения переделать, при[мени]тельно к нашему журналу, Вашу отличную статью, напечатан[ную в] № 37 «Современных записок»³.

Первый [№ ж]урнала уже сверстан и выйдет в день торжественного откры[тия де]ятельности нашего общества.

Жаль, ч[то В]ы не будете в этот день среди наших гостей. Прилагаю две [по]ве]стки: одну для Вас, другую для редакции «Современных зап[исок]».

Примите уверения в нашем искреннем уважении и готовности к услугам: преданный Вам

О. Грузенберг

P.S. Пер[вы]й № журнала будет Вам немедленно выслан.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибе листа утрачены от сырости. Письмо на бланке: «Русское юридическое общество в Латвии. Вестник Юридического общества “Закон и суд”. Latvija, Rigā, Valdemara ielā 25/27, dz[ivoklis] 8. Контора журнала: Rigā, Vrupinieku ielā 25».

¹ Речь идет о статье Вишняка «Новая держава» (Закон и суд. 1929. Июнь. № 2. Стлб. 61–64) – об итогах Первой мировой войны, в результате которой возникла «новая держава» – «среднеевропейские меньшинства».

² В конечном счете статья Вишняка «О международной защите меньшинств» была напечатана в трех номерах журнала – с № 3 по № 5.

³ См. примеч. 3 к п. 26.

28. Грузенберг – Вишняку

Rigā. 18 мая 1929 г.

18 марта [так!] 1929 г.

Дорогой Марк Вениаминович,
посылаю Вам полученную сейчас корректуру Вашей прекрасной статьи. Будьте добры возвратить ее безотлагательно, т.к. статья идет в ближайшем (2-м) номере.

Вы пишете, что много прислали материала. Ну, не совсем так.

Всего остаются: 1) статья о «международной защите меньшинств»¹ и 2) оттиск из «Совр[еменных] зап[исок]»². Больше ничего.

Передайте милому Илье Исидоровичу [Фондаминскому], что не послал ему I-го номера по той причине, что он не любит юриспруденции.

Да, кроме того, ему было бы тяжело увидеть себя изобличенным³ [продолжение утрачено]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Месяц установлен по содержанию. Письмо на бланке: «Правление Русского юридического общества в Латвии. Latvija, Rigā, Valdemāra ielā, 27/29, dz[ivoklis] 8».

¹ См. примеч. 2 к п. 27.

² См. примеч. 3 к п. 2б.

³ Грузенберг намекает на то, что идею ордена русской интеллигенции И.И. Фондаминский якобы заимствовал из воспоминаний П.В. Анненкова, фрагмент из которых Грузенберг привел в открывающей № 1 журнала «Закон и суд» статье «Из юридического дневника». Тем самым Грузенберг приписывал себе «первенство» удачно подобранной цитаты, которой, по его представлению, воспользовался Фондаминский (отсюда его уверенность, что тому «было бы тяжело увидеть себя избалованным»): «Описывая в своих литературных воспоминаниях лето, проведенное под Москвой вместе с Герценом, Грановским, Кетчером, Некрасовым и другими, Анненков замечает: “Вообще говоря, круг этот, важнейшие представители которого собрались в Соколове, походил на *рыцарское братство*, на воюющий *орден*, который не имел никакого письменного устава, но знал всех членов, рассеянных по лицу нашей пространной земли”. Вот именно: русская интеллигенция — это братство, рыцарский орден. Куда бы исторические судьбы не закинули его членов, они должны выполнять свое провиденциальное назначение: отдавать свои знания и опыт, выявлять свой талант — словом, подобрать оборванную нить родной культуры, чтобы передать ее не только младшим поколениям, лишенным неумной войною и безумной революцией родных университетских стен, но и тем народам, среди которых они осели, — одни осели как граждане, другие как гости, — увы! — засидевшиеся гости» (Грузенберг О. Из юридического дневника // Закон и суд. 1929. Май. № 1. С. 1). См. также примеч. 3 к п. 62.

29. Грузенберг — Вишняку

Rīgā. 30 июня 1929 г.

30 июня 1929 г.

Valdemāra ielā, 29

Дорогой Марк Вениаминович,

спасибо за ласковое слово приветия. [Ка]к видите, я неупрям: если Вам [нр]авится иное заглавие, извольте¹. [Не сер]дитесь, но мне кажется, что Вы [немно]го переутомились: то, упоминая [в Ваши]х письмах о предстоящем рассмот[рени]и в Лиге наций вопроса о мень[шинс]твах, Вы удивляетесь, когда я [спра]шиваю телеграфно о резолю[ция]х — и отвечаете уроком франц[узского языка], то, получив от меня похвалу присланным Вами статьям, Вы вдруг спрашиваете: пойдет ли В[аша] статья. ~~Как видите, ни~~ Ни одна из В[аших] статей не залежалась и не залежится ни одного дня. Так прошу помнить. Кроме уважения к ценности В[аших] статей есть еще и дружелюбие. Правда, последнее не встречает взаимности. Ведь Вам нравится наш орган, знаете, что у нас нет средств на публикацию, что единственный для нас способ [об]щения — рецензия в распрос[траненной] газете. На обращенную к [Вам] просьбу дать рецензию в [«Последних»] нов[остях] Вы ответили, что [не пи]шете в этой газете, но что го[ворили] с Демидовым², к[ото]рый сказал, [что] охотно дал бы, но не получи[л] №. Если только за этим дело, — то дали бы свой экз[емпляр], а я бы Вам с благодарностью послал другой. Письмо туда и обратно оборачивается неделю, если не больше. Что касается поведения «П[оследних] н[овостей]», то оно непостижимо. М.И. Ганфман послал Р. Словоцову³ статью о журнале. Он — сотрудник «Сег[одня]» — не только не напечатал, но и не ответил. Понятно: коллегиальность не позволила написать правду, а лгать не хотелось. Первый № был, [как у]достоверила к[онто]ра, своевременно [посл]ан. После Вашего письма я [посла]л I № Павлу Н[иколаевичу]

[Милокову]. Очевидно и [он на]толкнулся на какое-н[ибудь] возражение [или] постеснялся мне написать. [Второ]й № к[онто]ра послала на указа[нн]ый Вами адрес: И.П. Демидову. [Как ви]дите, результат тот же. Лично я не хотел обращаться, т.к., хотя я с ним и знаком, но еще с Петербурга питаю к нему отвращение: он — Иудушка. Вне сомнения — и если ни Вы, ни В[аши] коллеги этого не раскусили, то только по той причине, что при большом образовании и уме, Вы все лишены чувства действительности. Я настойчиво прошу написать мне правду: почему такой бесчестный бойкот? Вы не вправе уклониться от ответа на такой вопрос: сейчас с журн[алом] связан десяток-другой уважаемых людей, — более уваж[аемых,] нежели те, кто состоит в ред[акции «Последних новостей»]. Вот видите — как я прав, что [часть текста утрачена] в эмиграции гниет.

Ну, всего хорошего. Переда[йте при]лагаемое письмо Илье Исид. [Фондаминскому]. Я не уверен, что он в такую ж[ару в] Грассе⁴.

Прочел В[ашу] статью в «С[овременных] з[аписках]» о дикт[атуре]⁵. Прекрасная. Кто такой Темиряев? Талант большой: хотя язык **закрученный** крученный, но тем[а] захватывает с первой страницы⁶. Я переутомился, страдаю бессонницей — и всю прошлую ночь читал его (взволнован) и успокоился на Вас.

Преданный Вам

О. Грузенберг

Сообщите мне, не послать ли «З[акон] и с[уд]» «Роднику»⁷ и маг[азину] Поволоцк[ого]⁸? В «Москву»⁹ — послано неск[олько] экз[емпляров].

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста в середине листов полностью утрачены от сырости.

¹ По-видимому, Вишняк предложил снять старое название статьи — «Шестая держава» и назвать ее «Новая держава».

² См. примеч. 4 к п. 12.

³ Р. Словцов — псевдоним журналиста и литературного критика Николая Викторовича Калишевича (1881–1941). До революции сотрудник газет «Киевские отклики» и «Киевская мысль» (помощник редактора), после революции их редактор-издатель; в годы Первой мировой войны сотрудничал также в «Русском слове». В 1920 г. эмигрировал из России в Болгарию, затем в Латвию, где сотрудничал в газете «Сегодня». В 1923 г. переехал в Париж. «Ночной редактор» ПН. Масон.

⁴ И.И. Фондаминский снимал виллу в Грассе, куда приезжал на летние месяцы с женой. В это время, совпадающее с письмом Грузенберга, он действительно находился то ли накануне отъезда оттуда, то ли уже покинул ее; см. дневниковые записи В.Н. Буниной, датированные 28 июня и 3 июля 1929 г. (Устами Буниных. Т. 2. С. 205).

⁵ Статья Вишняка «О диктатуре» была напечатана в № 39 СЗ за 1929 г. (С. 360–394).

⁶ Борис Темиряев — псевдоним художника и прозаика, критика, публициста и мемуариста Юрия Павловича Анненкова (1889–1974). В 39-й книге СЗ он был представлен рассказом «Сны» (С. 139–169).

⁷ Книжное контрагентство и магазин «Родник» были основаны д-ром И.Н. Коварским в Париже (сначала размещались по адресу: 9bis, rue Vineuse, XVI, а затем весной 1926 г. переехали на 106, rue de la Tour, XVI).

⁸ Издательство, контрагентство и книжный магазин «Я. Поволоцкий и К°» (1920–1934) принадлежали Якову Евгеньевичу Поволоцкому (1882–1945). Эмигрировал из России еще до революции. Масон. Погиб в результате несчастного случая: был сбит военным грузовиком.

⁹ По всей видимости, речь идет о парижском магазине русской и французской книги «Москва», которым владел Е.А. Бреннер; основан в 1924 г., входил в компанию Н.П. Карбасникова [Société N.P. Karbasnikoff] (до 1927 г. располагался по адресу: 9, rue Dupuytren, Paris VI; впоследствии: boulevard St-Germain). См. о нем: Распространение русской печати. С. 227–228. № 495.

30. Грузенберг — Вишняку

Rigā. 1 июля 1929 г.

1 июля 1929

Посылаю Вам, дорогой Марк Вениаминович, оригинал В[ашей] статьи; нами спи[са]на копия, в которую — не со[мн]еваюсь — вкрались ошибки.

Статья пойдет в сентяб[рском] и окт[ябрьском] номерах¹; в[ы]шлю Вам корректуру своевременно. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Письмо на бланке: «Правление Русского юридического общества в Латвии. Latvijā, Rigā, Valdemāra ielā, 27/29, dz[īvoklis] 8».

¹ В действительности был захвачен и ноябрьский номер, см. примеч. 2 к п. 27.

31. Грузенберг — Вишняку

Rigā. 29 августа 1929 г.

29 августа 1929 г.

Дорогой Марк Веньяминович!

Посылаю Вам корректуру Вашей прекрасной статьи, большая часть которой идет в сентябрьском номере; окончание же ее будет напечатано в октябрьском. Пожалуйста, не задерживайте корректуру, так к[ак] мое высшее самолюбие в качестве редактора (а не сотрудника), заключается в абсолютной аккуратности. Номер выйдет не позже 15 сент[ября].

На Ваше последнее письмо не ответил еще, так как его содержанием является Ваше доброе желание доказать отсутствие со стороны «Посл[едних] новостей» всякой «злонамеренности». Я решил: время — и не очень далекое — покажет, что я прав. Так и оказалось — и Вы робко молчите, вместо того, чтобы вопиять.

Прошу Вас, черкните мне обстоятельно в Вашем письме, что произошло с рецензией Студницкого¹.

Кстати, Вы в письме своем отмечаете: «конечно, в “Руле” нет Иудишек [так!]». Да, нет Иудишек — потому, что есть настоящий Иуда. Это И.В. Гессен, который в свое время выжил из редакции такого юриста, как Петражицкий². Что касается рецензии о А.И. Каминке, то нет сомнения, что он руководился самыми добрыми чувствами³. Но Август Исаакович — жертва эмигрантского самовластья газет. За 11 лет он привык творить суд без страха возмездия; к этому надо прибавить его несчастную манеру в беседах язвить, даже того не желая. Только этим я объясняю

его несправедливый отзыв⁴ о статьях Синайского⁵, Тютрюмова⁶ и Вашей⁷. Он поучает, не имея на то достаточного прав[а], но на это обижаться не надо: даже в отношении меня, к котор[ому] он относится с большой симпатией, он не мог удержаться, при вс[ех] похвалах, от укуса.

Единственно что меня расстроило в его рецензии — это неосторожность в отношении тяжело больного Л.И. Петражицкого: для чего понадобилось указывать, что будто бы ради похвалы Петражицкому, я унизил его предшественников. Это и фактически не верно, и — что важнее всего — может причинить боль Льву Иосифовичу⁸. Впрочем, из полученного на днях письма от Льва Иосифовича (он сейчас отдыхает в деревне), я вижу, что он «Руля» не читает, а статья моя доставила ему, как он выразился, «удовольствие и удовлетворение».

Отдохнули ли? Я ни одного дня. С конгресса⁹ заехал в Карлсбад за дочерью, забрал ее — и вернулся сюда. Ужасно расстроен событиями в Палестине¹⁰.

Ваш О. Грузенберг

Где Бунаков?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Письмо на бланке: «Правление Русского юридического общества в Латвии. Latvijā, Rīgā, Valdemāra ielā, 27/29, dzīvoklis 8 Skolas [ielā], 19–2».

¹ Студницкий (Гизберт-Студницкий) Владислав (Wladyslaw Gizbert-Studnicki; 1867–1953), польский политик, журналист. Участвовал в освободительном движении против русского царского правительства, за что в 1890–1896 гг. был сослан в Сибирь. Выступал за союз Польши с Германией против России и за союз Польши с западными странами против Германии. После Второй мировой войны жил в эмиграции в Англии. Ни рецензий самого Студницкого, ни отзывов на его книги в СЗ не появлялось.

² Лев Иосифович Петражицкий (Leon Petrażycki; 1867–1931), поляк по происхождению. Социолог, правовед, философ, депутат I Государственной думы. До революции профессор права Петербургского ун-та, Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. В эмиграции профессор Варшавского ун-та. Покончил с собой. Грузенберг, который был однокашником Петражицкого по Киевскому ун-ту, высоко почитал его как выдающегося правоведа-мыслителя; см. его заметку о Петражицком в книге «Очерки и речи» (С. 133–136; первоначально: Закон и суд. 1929. Июнь. № 2) и воспоминания о нем в книге «Вчера» (С. 208–214), в основу которых лег написанный им некролог Петражицкого; см. п. 50.

³ Каминка Август Исаакович (1865–1940), правовед, финансист, издатель, публицист, общественный деятель. Приват-доцент Петербургского ун-та (1904–1912), профессор права Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов (с 1909 г.). Сотрудничал в Азово-Донском банке. После большевистского переворота бежал в Финляндию. С 1920 г. поселился в Берлине, где был одним из учредителей газеты «Руль» (1920–1931). Один из организаторов Русского научного института в Берлине.

⁴ Речь идет о рецензии А. Каминки на два первых номера журнала «Закон и суд» (Руль. 1929. 17 июля. № 2625. С. 5).

⁵ О статьях В.И. Синайского в отзыве А. Каминки говорилось: «Интересная и практически важная тема затронута проф. Синайским “К вопросу о системе имущественных отношений супругов”. Осложнив этот и без того не простой вопрос рассуждениями о неимущественном интересе в гражданском праве, автор не мог достаточно полно разобрать вопрос о существе и преимуществах “семейного фонда” и обосновать его необходимость».

⁶ Тютрюмов Игорь Матвеевич (1855–1943), юрист, общественный деятель. Сенатор, член Государственного совета; после эмиграции из России профессор Тартуского ун-та; председатель возникшего в Эстонии в мае 1920 г. Русского юридического общества и Рус-

ской академической группы (март 1921). О статьях Тютрюмова в отзыве А. Каминки говорилось следующее: «Профессору Тютрюмову принадлежат две статьи “Об унификации частного права” и о “Рецепции русского права в Эстонии и Латвии”. Две одинаково большие и практически важные темы, которые в такой мере не могли уложиться в отведенные рамки, что, напр., само понятие “рецепции” оказалось употребленным недостаточно точно, а важная практическая задача кодификации права балтийских государств оказалась отнесенной на задворки рассуждениями для балтийских государств не злободневными о согласовании законодательств всех европейских государств».

⁷ О статье Вишняка А. Каминка писал: «М. Вишняк в статье “Новая держава” правильно отмечает громадную важность вопроса о меньшинствах, имеющего большое практическое значение в прибалтийских государствах, но едва ли правильно обозначение их положения как “новой державы”. Надо тщательно разобраться, в какой мере мы имеем тут дело с расширением права меньшинств и в какой мере с самозащитой и защитой против нарушения элементарных, “естественных” прав человека и гражданина».

⁸ В той части, где речь шла о воспоминаниях Грузенберга о Петражицком, А. Каминка отмечал: «Во втором номере О. Грузенберг делится с читателем своими воспоминаниями о Л.И. Петражицком, о котором автор говорит не только с чувством величайшего уважения к его громадному таланту, но и с большой любовью. Л.И. Петражицкий достоин того и другого в такой мере, что, пожалуй, излишни те преувеличения, которые мы находим в оценке его научной деятельности в противопоставлении трудов Петражицкого тому, что было сделано до него».

⁹ Имеется в виду 16-й Сионистский конгресс, проходивший с 29 июля по 10 августа 1929 г., в котором принимал участие Грузенберг.

¹⁰ В августе—сентябре 1929 г. в Палестине происходили арабские беспорядки, направленные против местной еврейской общины. Позднее, 3 октября, в рижском зале Еврейского клуба под председательством Грузенберга состоялось массовое собрание, посвященное этим кровавым событиям (см.: [Б.н.] О.О. Грузенберг о событиях в Палестине // Сегодня. 1929. 6 окт. № 277. С. 10).

32. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 28 септембра 1929 г.

Skolas ielā 19, dz[ivoklis] 2. Riġā.

28-IX-1929 г.

Дорогой Марк Веняминович!

Итак, посланная Вам 29—8 корректура (правда, простым письмом) пропала. — Вы о ней даже не упоминаете: значит, даже не дошла до Вас. Номер уже вышел; на днях Вы его получите; корректуру мы сами спешно выправили на днях, — и, кажется, неплохо. Статья велико[лепная и] совершенно новая по теме и аргументации¹. Вы пишете о желании своем приехать сюда с лекциями. Об этом желании я знал из намеков в Ваших прошлогодних письмах. Если я тогда не касался вопроса о Вашем приезде, то только потому, что, не имея прямого обращения, не хотел касаться неприятной темы. Выступить здесь приезжому *еврею* по приглашению Просветительного общества невозможно. Достаточно сказать, что покойный Айхенвальд², несмотря на его громкое имя, известную всем любовь к России и его принадлежность к христианскому исповеданию, подвергся большой неприятности. Тихоницкий³, по соглашению с Ганфманом⁴, написал Айхенвальду приглаше-

ние, но потом, когда вопрос о его приезде рассмотрел комитет, то приглашение это было аннулировано. Если я выступал по приглашению Просветительного общ[еств]ва (чествование памяти Короленко), то по особой причине: бывшие русские судебные деятели, которые стоят здесь во главе многих русских учреждений, считаются, очевидно, с моею принадлежностью к судебной семье. Не то — и я подвергся бы неприятности. Если мне удалось [убедить] некоторых членов комитета к приглашению [Бунакова, то толь]ко потому, что его деятельность последних лет очень [им]понирует — скажу прямо — правым. Вы сами знаете, как дорожат новообращенными. Конечно, Илья Исидорович [Фондаминский] остался таким, каким и был раньше (с его вечными поисками), но социалист-революционер, — заявляющий себя славянофилом и поклонником Китая, — явление занятное⁵. Конечно, в отношении его забудут еврейское происхождение⁶. Не то в отношении Вас: Вы стоите на враждебной здешним русским деятелям позиции — и они, конечно, Вас провалят. Нет охоты, хотя Вы даете мне на это право, подвергать Вас незаслуженной неприятности. А все-таки мне хочется здесь Вас видеть: я попробую устроить Ваше приглашение от лица некоторых еврейских обществ. Трудность — не в их согласии (в нем не сомневаюсь), а в стороне материальной: расходы по приезду в два конца и жизнь Ваша здесь должны обойтись около 200 долл[аров], — скажем, минимум — 150 долл[аров]. Значит, надо согласить [так!] на это некоторые еврейские общественные организации, — а это не так просто. На днях возьмусь за это дело — и хочу надеяться, что добьюсь успеха. Что касается визы, — то Вы, конечно [ее пол]учите, т.к. здешние власти относятся весьма корректно к ученым и литературным деятелям, — тем более, если они приезжают сюда на короткое время. —

Итак, на днях примусь за работу. Преданный Вам искренне

О. Грузенберг

Г-ну М.В. Вишняку. В Париже.

Не знаю — где сейчас Илья Исидорович. Не откажите передать или переслать ему прилагаемое письмо.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста в середине листов утрачены от сырости.

¹ Речь о 1-й части статьи «О международной защите меньшинств», см. примеч. 2 к п. 27.

² Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928), литературовед, литературный и театральный критик, публицист, переводчик, мемуарист. В сентябре 1922 г. после ареста и заключения на Лубянке был выслан за границу. Жил в Берлине, вел литературно-критический отдел в газете «Руль», сотрудничал в «Сегодня».

³ Тихоницкий Еллидифор Михайлович (1875–1942), педагог, общественный и религиозный деятель; бессменный председатель Рижского русского просветительного общества; в 1940 г. арестован органами НКВД; расстрелян.

⁴ См. примеч. 3 к п. 18.

⁵ Грузенберг имеет в виду очерки Фондаминского, которые печатались на протяжении 20–30-х гг. в СЗ под названием «Пути России»; в них автор отстаивал идею коренного отличия России от Европы.

⁶ О посещении Фондаминским Риги ничего не известно, скорей всего визит не состоялся; см. фразу Грузенберга из п. 35: «Оч[ень] огорчен, что Илья Исидорович не едет сюда».

33. Грузенберг — Вишняку

Рига. 10 октября 1929 г.

10 окт. 1929 г.

Skolas ielā, 19

Дорогой Марк Вениаминович,

письмо Ваше удивило меня своей необоснованностью, и огорчило явной несправедливостью. Неловко диктовать ответ, — а писать вследствие переутомления (я это лето и 3 дней подряд не отдыхал) крайне тяжело.

Прежде всего о В[аших] личных претензиях:

1) Опечатка в отчестве¹. — Ведь по поводу корректуры В[ашей] первой статьи и вообще 1 номера Вы указывали, что она у нас плоха. Между тем, первые 2 ном[ера] печатались в лучшей русской типографии («Саламандра»)², а теперь, по закрытии ее, мы перешли в крохотную (русск[их] типог[рафий] оч[ень] мало), где все плохо поставлено³. За коррек[турой] присматривает член редакции Якоби⁴, и он исправил инициал отчества — и тем не менее... Достаточно Вам обратиться к перечню статей («Содержание»), чтобы убедиться, что инициал имени Новикова, вместо В., означен А.⁵ Что тут поделаешь?!

2) Разбивка В[ашей] статьи не на той, по В[ашему] мнению, фразе. Где же тут мерило? [Мне,] как и без объяс[ений] ясно, казалось, что так лучше. Важен другой вопрос: нельзя ли было напечатать всю статью? — Но ведь немислимо: статья В[аша] занимает 12 столбцов. Просмотрите содержание № — и Вы к[а]к редактор увидите, что нельзя было: каждому отводится не более 4. Никого выбросить нельзя было: статьи их долго и без того дожидались. Не забудьте, что все авторы работают бесплатно; «Хронику» мы и без того искромсали, безжалостно выбросили даже срочные заметки. Между тем, «Хроника» в юрид[ическом] журн[але], который имеет распротр[анение,] гл[авным] обр[азом,] в Прибалтике, является гвоздем. Окончание В[ашей] статьи рассчитано на 2 ном[ера] (нояб[рь] и дек[абрь]) в том же масшт[абе]. Вы полагаете, что юрид[ический] журн[ал] читается так же, к[а]к литерат[урный]. Очевидно, Вы к[а]к москвич не печатались в юр[идическом] еженедельнике (наш месячник = ежен[едельник]). Юрид[ический] журн[ал] читается иначе: именно с предшеств[ующими] номерами в руках. Да ведь у Вас даже роман печатается вразбивку, с перерывом в 3—4 мес[яца]. Будьте спокойны: В[аша] статья, ввиду ее важности (не буд[у] повторять похвал — ввиду В[ашего] дикого прошл[ого] письма, где Вы нашли возможным назвать «редакт[орским] приемчиком»), прочтется целиком.

3) Вашего укора отн[осительно] помещ[ения] ст[атьи] Новикова соверш[енно] не понимаю⁶. Н[аш] журнал специальный (юрид[ический]). Он оценивает авторов с точки зрения ценности их статей: менее всего он может считаться с политич[ескими] воззрениями «специалиста». Даже «Право», издававшееся в те времена, когда господствовал полит[ический] ригоризм, объединяло людей, состоявших, по своим политич[еским] воззрениям, за сотни верст друг от друга. Единственное препятствие, при котор[ом] должен останавливаться всякий журн[ал], это *общественно-признанная бесчестность автора*. Не говоря о том, что мне ничего не известно о фашизме Новикова (Вы, очевидно, не принимаете всерьез,

что я никаких газет, кроме местных, не читаю), если бы я и знал про это, то не придал бы значения. Вы пишете: Новик[ов] — колчак[овский] прокурор (ошибаетесь: у Колч[ака] он был сенатором, а тов[арищем] об[ер]-прок[урора] сената он был при Вр[еменном] прав[ительстве]), — но ведь партийные товарищи и даже соред[акторы] были к нему, Колч[аку], оч[ень] близки. Потрудитесь указать, хотя бы одну фразу в ст[атье] Нов[икова], под которой не могли бы подписаться мы с Вами. Ту фразу, к[ото]рую Вы цитируете, Вам приходится сопоставлять с изреч[ениями] Муссолини, с характеристикой какого-то Коти⁷ для того, чтобы найти в ней что-л[ибо] однозное. Читая это место В[ашего] письма, я серьезно решил, что работа и тяжелые жизн[енные] условия расшатали В[аши] нервы, до такой степени все натянуто и ~~нев[ерно]~~ несправедливо. Не дай Бог, если бы Вы были прокурором: таких в России до больш[евицкого] переворота не бывало. Курьезнее всего то, что со врем[ен] революции я с Нов[иковым] так разошелся, что мы избегали необходим[ости] кланяться, а с Трахт[еревым] я, по личн[ым] мотивам, и *вовсе* не кланялся⁸. Знаете ли Вы, что я не послал «Адвок[атскому] союзу»⁹ (Казар[инов]¹⁰ и Нов[иков]) I №, а «Адвок[атскому] объединению» (Тесленко)¹¹ послал. М[ежду] т[ем], я получил от комит[ета] «Адв[окатского] союза» трогательное приветствие со ссылкой на цитату из «Возрожд[ения]», *по которой* Казар[инов], Нов[иков] и др. узнали про н[аш] журнал: в «Возрожд[ении]» теплое приветствие было в отделе «печати», к[ото]рый, если не ошибаюсь, ведет А.А. Яблоновский (мой б[ывший] подзащитный!)¹². Особенно недопустимы В[аши] «политические» порицания *юридическому* журналу, когда в Вашем лит[ературно]-общест[енном] журнале восхваляется китайщина и византизм (с Иоанн[ом] Грозн[ым] во главе), рекомендуемые как «пути России»¹³. Пусть эти статьи блестящи и талантливы по форме, — но по содержанию причиняют боль даже такому скромному «леваку», к[а]к я. Однако я не писал В[ам] протестов.

4) Вы с уколom отмечаете, что в н[ашем] журнале, в последн[ем] №, помещена заметка об их «Союзе»¹⁴, — но такая же заметка набрана уже для нояб[брьского] № относ[ительно] «Адвок[атского] объединения» (Тесленко и др.)¹⁵. О них пошла заметка раньше, — но только потому, что «отчеты» присланы ими в мае, [а] от Объед[инения] поступили *лишь в конце июля*. Вы пишете с презрением: Казар[инов], Кист[яковский]¹⁶ и др. Но знайте, — после Маклакова, Казар[инов] самый замечат[ельный] оратор (судеб[ный]) русской эмигр[ации]. Что касается Кистяк[овского], то его помещало «Право». Лично же я люблю его за то, что никто в Париже, когда меня от невзгод разбил нервный паралич, не проявил столько любви, к[а]к он: ухаживал за мною (я был в гост[инице], приехав по делам в Париж из Ниццы), затем, к[а]к юрискон[сульт] банка, дабы дать мне возможность выиграть дело Парамонова, совершил героич[еский] поступок — и, когда ему было резко указано, что он идет прот[ив] своего доверителя, ответил: «ни я, ни какой другой русский юрист *не* смеет отказать в услуге Грузенбергу». И это произошло тогда, когда левые «друзья»... Впрочем, не надо: я — опять на коне, и негоже мне заниматься мстительными счетами.

5) Вы доходите до того, что ставите *в связь* добрый отзыв «Адв[окатского] союза» о н[ашем] журнале (кстати, пришлите мне этот № «Возр[ождения]»)¹⁷. Между тем, лишь недавно я узнал, что Трахт[ерев], которого я в России тяжело оскор-

бил, прочел в «Адвокатском союзе» реферат, где излагал молодежи[?] мое значение для русск[ой] адвокатуры и приводил образцы м[оих] речей. Это, оказывается, имело место *около 2 лет тому назад*. То же сделал Бобрищев в большевистской газете¹⁸, и то же сделал в своей книге «На заре революции» ярый большевик Сверчков, вспоминая с необыкновенной теплотой о м[оей] роли как защитника в деле первого Совета рабочих депутатов¹⁹.

И Вы находите возможным попрекать нас добрым отзывом о н[ашем] юридическом журнале коллег. Итак, добрый отзыв о специальном журнале специалистов, — отзыв, основанный не на политической партийности, компрометирует журнал! Будьте спокойны: никогда Вы не встретите у нас разнобоя, разноголосицы. — То небольшое, во что я верил, пронесено мною нетронутым через все разочарования, испытания и тяжелую нужду. Большинство политическим эмигрантов покинуло Россию из-за опасности, грозившей им, я же ушел потому, что не мог видеть, как мучают других. Не помню — говорил ли я Вам, что когда Макдональд стал в первый раз у власти²⁰, мне было сделано предложение через одного социал-демократа, высланного из России, стать в качестве юрисконсульта во главе русской делегации, ведшей переговоры, причем это приглашение мотивировалось м[оим] патриотизмом — сберечь родину от «английских акул» (дословно). Я отказался не ссылкой на болезнь и климат (как предусмотрительно мне подсказывалось), а по мотивам политическим²¹. И этот свой шаг я не сделал предметом «героизма», ибо никогда и ни в чем я не делал «политики» и «общественности» предметом иллюстрации м[оей] твердокаменности: меня, де, торговали, а я не продался. И сейчас я упомянул об этом эпизоде лишь в виду В[ашей] непостижимой симпатии. Я всегда черпал силу только в «своей совести», а не в партиях и кружках. Больше никогда к этому вопросу я возвращаться не намерен.

Теперь перехожу к В[ашему] предпоследнему письму. Раз Вы готовы прочесть доклад по *верейскому* вопросу, я уверен, что Вы получите не 50 долл[аров], а 100. Когда Вы хотели бы приехать? Дайте точный перечень В[аших] тем. Я своевременно подготовил В[ам] доброжелательный прием статьями в «Сегодня»²² и «Frimorgn»'е. Кроме того, в Ревеле я знаю некоего Шульца, который был представителем м[оего] антрепренера в Эстонии²³. Итак, до скорого свидания.

Преданный Вам

О. Грузенберг

Я написал г. Ступницкому еще 19 сентября, прося его не только о сотрудничестве, но и о принятии на себя представительства редакции во Франции, в смысле вербования сотрудников. Однако ответа от него нет. *Попросите его написать мне безотлагательно*. Не допускаю мысли, что письмо м[ое] к нему затерялось, как письмо к Вам с корректурой: наша секретарша опускает письма аккуратно. Отправляю это письмо заказным].

Всего хорошего. Преданный Вам

О. Грузенберг

Кстати: сегодня же я получил письмо от Я.Л. Рубинштейна²⁴, приславшего новое «Письмо из Женева»²⁵. Говоря о м[оей] статье о суде присяжных²⁶, он ни словом не упоминает о Новикове.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Первая часть статьи, помещенная в № 3, была опубликована за подписью «М.И. Вишняк».

² Типография «Саламандра» принадлежала Акционерному обществу печатного дела (ул. Рыцарская, 25).

³ Имеется в виду типография «Виктория» (ул. Мельничная, 33).

⁴ Якоби Петр Николаевич (1876/1877 — после 1940), правовец; внук академика Б.С. Якоби и сын сенатора Н.Б. Якоби. Окончил петербургское Училище правоведения (1898). Состоял в прокурорском надзоре, был прокурором рижского суда и начальником отделения по уголовным делам Министерства юстиции. Писал стихи, автор поэтических сборников: двухтомник «Стихотворения» (СПб., 1904), «Песни Мефистофеля: (1904—1906) и Песни о Лиховетии: (1917—1927)» (Рига, 1-е изд. — б.г.; 2-е — 1927), «Золотые струны» (Рига, 1929), участник коллективного сборника «Струны» (Витебск, 1910; кроме него Е.В. Ольдекоп, В.Н. Юренев); под псевдонимом *Петр Зудотешин* издал фарсы «Кто первое, тот правее, или Кто палку взял, тот и капрал» (1901), «Герои нашего времени» (1904). С 1919 г. жил в Риге, был почетным членом Русского национального союза, товарищем председателя Русского юридического общества. В качестве консультанта Министерства юстиции Латвии участвовал в разработке латвийского законодательства; награжден орденом Трех звезд. Издатель и член редакции журнала «Закон и суд». Сотрудничал в газетах «Рижский курьер», «Свободная мысль», «Маяк», «Вечернее время», «Либавское русское слово», «Слово», «Сегодня», в журналах «Мир», «Для Вас». Публиковал статьи исторического и мемуарного характера, переводил французских поэтов. Пользовался псевдонимами *Правовед*, *Русский юрист*, *Старый юрист*, *Петр Зудотешин*, *П. З.*, *Вольский*, *И. Вольский*, *К. Вольский*, *П. Вольский*, — и, *Алексей Зюзюкин*, *Н. Яковлев*, *Н. Я.*, *П. Я.*, *Доль*, *Квидам*, *П. Тарханов*. См. также: «Интеллигенция и большевизм. Пушкин и революция» (1930), «Пушкин о русских поэтах в переписке с друзьями. Пушкин о Байроне и Шекспире. Пушкин, Шенье и революция (Материалы к познанию Пушкина)» (1937). Арестован оккупировавшими Латвию советскими войсками 13 мая 1940 г.; 3 августа 1940 г. осужден на десять лет и погиб в заключении. См. о нем: Абызов. Русское печатное слово в Латвии. Ч. 4. С. 402—410; Неправый суд над правоведем П.Н. Якоби / Публ. Ю. Абызова и Т. Фейгман // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 1999. [Вып.] 4. С. 104—140.

⁵ Нужно: Н., см. следующее примечание.

⁶ Новиков Вячеслав Николаевич (1877—1966), адвокат, присяжный поверенный округа С.-Петербургской судебной палаты с 1905 г. Ученик известного адвоката А.Я. Пассовера. После эмиграции из России жил в Белграде, Париже, затем переехал в США. См. его мемуары «Мои адвокатские воспоминания» (НЖ. 1958. № 55. С. 176—200). О нем как возможном авторе панегирической книги «Фашизм» (Париж, 1926) см.: *Гардзонио С.* К истории русского фашизма: нераскрытая личность теоретика // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 138—145. В № 3 журнала была помещена статья В.Н. Новикова «Свобода печати во Франции» (Стлб. 93—96).

⁷ Коти Франсуа (наст. имя: Joseph Marie François Spoturno, 1874—1934), французский парфюмерный король; в статье Новикова о нем шла речь как об издателе газеты «Друг народа», которая путем резкого понижения стоимости подрывала свободную французскую печать.

⁸ Трахтерев Осип Сергеевич (1876/1877 — 1940-е гг.), адвокат, присяжный поверенный округа С.-Петербургской судебной палаты с 1900 г. После революции член Союза конституционных монархистов, организованного Е.А. Ефимовским. В начале 20-х гг. эмигрировал сначала в Берлин, затем переехал в Париж. Председатель правления Союза русских адвокатов (с 1926 г.). Печатался в эмигрантской парижской газете «Возрождение». О том, как кто-то сыграл над ним злую шутку и объявил умершим (некролог на своих страницах поместили сначала ПН (1937. 25 июня. № 5935. С. 5), а затем он был перепечатан в «Сегодня» (1937. 28 июня. № 174. С. 3)), см.: Русская печать в Риге. Кн. 5. С. 119. Погиб в Освенциме во время Второй мировой войны. См. его, на сей раз действительный, некролог, написан-

ный Е. Плетневым (РМ. 1947. 1 нояб. № 29. С. 4). Автор книги статей и мемуаров «Мысли и тревоги» (с предисл. М.Г. Казаринова) (Париж, 1933). Несмотря на разорванные отношения с Грузенбергом, его отзыв о появлении журнала «Закон и суд» опубликованный в газете «Россия и славянство» (1929. 19 окт. № 47. С. 7) был сугубо сочувствующим. Ср., однако, его полную недоброжелательства к Грузенбергу заметку-реплику «Золотая свадьба (Письмо в редакцию)» (Возрождение. 1937. 17 сент. С. 12) по поводу появившейся в парижской газете «Le Temps» (1937. 24 août. P. 3) информации о «золотой свадьбе» Грузенбергов (впрочем, Грузенберг отнесся к ней вполне миролюбиво; см. его письмо Б.О. Харитону от 28 сент. 1937 г.: Русская печать в Риге. Кн. 5. С. 105–106). Ему также принадлежит отрицательный отзыв о мемуарах Грузенберга «Вчера»; см.: Возрождение. 1938. 13 мая. № 4131. С. 12.

⁹ Союз русских адвокатов за границей был учрежден в 1920 г. в Париже (инициатива принадлежала А.М. Берлину); во главе Союза в то время, о котором идет речь, находился комитет в следующем составе: М.Г. Казаринов (председатель), И.А. Кистяковский и О.С. Трахтерев (товарищи председателя), П.А. Соколов (казначей) и В.Н. Новиков (секретарь).

¹⁰ Казаринов Михаил Григорьевич (1866–1945), адвокат, присяжный поверенный округа С.-Петербургской судебной палаты с 1895 г., общественный деятель; отец оперной певицы К.М. Казариновой. В 1906–1916 гг. присяжный стряпчий при Петербургском коммерческом суде. В 1915–1916 гг. юрисконсульт Русского для внешней торговли банка и Общества взаимного кредита Петроградского уездного земства. После захвата власти большевиками эмигрировал в Париж. Член Русского юридического общества в Париже (1921–1932), товарищ председателя (с 1922 г.), председатель (с 1927 г.) Союза русских адвокатов за границей, в 1931–1939 гг. член правления, затем почетный председатель Союза. Член совета Российского торгово-промышленного и финансового Союза (1929–1935). Масон.

¹¹ Объединение русских адвокатов во Франции возникло 3 декабря 1926 г., в качестве его председателя был избран Н.В. Тесленко, товарищами председателя – М.Л. Гольдштейн и Д.Н. Григорович-Барский, генеральным секретарем – М.С. Маргулиес, его заместителем – А.М. Герценштейн, казначеем – В.Ф. Зеелер и пр. Тесленко Николай Васильевич (1870–1943), адвокат-криминалист, присяжный поверенный; общественно-политический деятель – один из основателей партии народной свободы и бессменный член ее ЦК; член II и III Государственных дум. В эмиграции жил во Франции. Масон.

¹² После выдержки из передовой статьи Грузенберга далее в газетной информации говорилось: «Это только с виду кажется парадоксом – издавать журнал “Закон и суд”, когда русский закон попран копытами дикого советского стада, а русский суд осквернен насильем убийц и лежит в развалинах. Но, во-первых, русский закон еще не умер. Польша, Литва, Латвия, Эстония живут русским правом и пользуются русским кодексом как постоянно действующим. А во-вторых, в национальном несчастье всего опаснее обрывать нити преемственной культурной связи. Когда придется восстанавливать правовую жизнь в России, эта работа изгнанных русских юристов будет цениться на вес золота. От души желаем поэтому полного успеха журналу в его бескорыстной службе родине» (Возрождение. 1929. 15 мая. № 1443. С. 3). Яблоновский Александр Александрович (1870–1934), журналист, писатель, литературный критик, публицист, мемуарист. В архиве Яблоновского отложилось посланное ему Грузенбергом 26 ноября 1922 г. соболезнование в связи со смертью жены – М.И. Яблоновской, которая скончалась в результате долгой болезни; сообщение об этом Грузенберг, по-видимому, прочитал в «Руле» (1922. 26 нояб. № 607. С. 3): «Прочел, дорогой Александр Александрович. И знали, и ждали – и все же неожиданно. Так оно всегда: не понять умом. Знаю бессилие слов утешения – и только крепче жму вашу руку. Ваш О. Грузенберг. Когда хоть немного отойдете, – позвоните: м.б., и у нас почувствуете себя тепло» (РГАЛИ. Ф. 1697. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 1).

¹³ Намек на серию очерков Фондаминского; см. примеч. 5 к п. 32.

¹⁴ Речь идет о заметке «Союз русских адвокатов за границей» (№ 3. Стлб. 107–109).

¹⁵ Имеется в виду заметка «Объединение русских адвокатов во Франции», включенная в раздел «Хроника» (Окт. № 4. Стлб. 143).

¹⁶ Кистяковский Игорь Александрович (1876–1940), адвокат, присяжный поверенный, общественный и государственный деятель (с мая 1918 г. генеральный секретарь первого гетманского правительства на Украине во главе с Ф.А. Лизогубом; в мае–августе 1918 г. сенатор общего собрания украинского Сената; с июля 1918 г. министр внутренних дел в правительстве гетмана Скоропадского). Был приват-доцентом Киевского ун-та по римскому праву (1903 г.), затем в течение 15 лет преподавал в Московском ун-те (1903–1918). Был юрисконсультом Петроградского торгового банка, Волжско-Камского банка Купеческого общества взаимного кредита, Московского купеческого общества взаимного кредита, акционерного общества «А. Ханжонков и К°». С 1912 г. присяжный стряпчий при С.-Петербургском коммерческом суде. После прихода большевиков на Украину эмигрировал, с 1921 г. жил в Париже, занимался адвокатской практикой. Член Совета русских адвокатов за границей (с 1927 г. – казначей, в 1929–1931 гг. и в 1933 г. товарищ председателя). Масон.

¹⁷ Возможно, имеется в виду заметка «Закон и суд», подписанная В. (Возрождение. 1929. 20 июня. № 1479. С. 3): «В Риге вышел первый номер ежемесячного журнала русского юридического общества в Латвии».

Как известно, в пространстве трех прибалтийских государств – Латвии, Эстонии и Литвы, и частью на территории Польши действует до сих пор русское право, применяются русские уголовные и гражданские законы как материальные, так и процессуальные. Над развитием и приспособлением к местным условиям старого русского законодательства работают местные кассационные суды и министерства юстиции.

Вот почему попытку группы русских юристов создать журнал типа петербургского еженедельника «Право» нужно признать вполне своевременной и отвечающей жизненным заданиям.

С удовлетворением отметим, что журнал обещает говорить о местной правовой жизни, по выражению одного из редакторов, «не вороватым фальцетом угодливости, а грудным голосом уважения к личности».

В первом номере мы находим статьи проф. В. Синайского, проф. Тютрюмова, Н. Савича, О.О. Грузенберга, П. Якоби и друг.

Кроме нескольких статей теоретического характера, в журнале – отделы: законодательная летопись, судебная практика, хроника и библиография.

Будем надеяться, что попытка русского юридического общества в Латвии встретит широкий отклик со стороны русских зарубежных юристов».

¹⁸ Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (1875–1937), судебный и общественно-политический деятель, журналист, писатель, драматург (писал под псевд. А. Кольчугин), автор трудов по проблемам уголовного судопроизводства. Член ЦК партии «октябристов», участник группы «Смена вех», один из теоретиков сменовеховства. В марте 1920 г. эмигрировал в Сербию, затем жил в Монако, в августе 1923 г. вернулся в Россию. Автор просоветских, антиэмигрантских книг: «Война без перчаток» (Л., 1925) и «Патриоты без отечества» (Л., 1925), в которых «разоблачалось» политическое коварство эмигрантов, направленное против Советской России. См. его портрет в «Воспоминаниях» Л.Е. Белозерской-Булгаковой (М., 1989. С. 69). В статье «На родине (Мы и они)» (СЗ. 1922. № 10. С. 326) Вишняк приводил его в качестве примера злобного ненавистника эмиграции. В 1924–1933 гг. – член ленинградской коллегии адвокатов, руководитель ансамбля Малого драматического театра. В январе 1935 г. арестован, сослан на Соловки, а затем приговорен к расстрелу с заменой 10-летним заключением. После процесса Г.А. Гершуни (1904), на котором Бобрищев-Пушкин проявил себя как охранитель устоев власти, Грузенберг отказался подавать ему руку; см. об этом сохранившееся в его архиве письмо Бобрищева-Пушкина (РГИА. Ф. 2093. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–6 об.).

¹⁹ Речь идет о книге Д. Сверчкова «На заре революции» (М.: ГИЗ, 1922. С. 167; 188–205).

²⁰ Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937), английский государственный и политический деятель, один из основателей и лидеров лейбористской партии, участник II Интернационала. В 1924 и 1929–1931 гг. премьер-министр Великобритании. Именно правительство Макдональда установило дипломатические отношения с СССР.

²¹ О том же Грузенберг писал позднее (письмо от 26 января 1933 г.) В.А. Маклакову: «в 1921 г., когда при переговорах с первым правительством Макдональда меня пригласили стать юрисконсультom делегации, дабы “при переговорах оберечь Россию от английских акул”. Я ответил лицу, через которое мне было сделано предложение (он — не большевик, а высланный из России меньшевик, но брат его занимал *крупное* служебное положение сначала в Берлине, а потом в Лондоне), я ответил: “Не все ли равно, какие акулы пожрут Россию — английские или большевистские”» (Русская печать в Риге. Кн. 5. С. 84).

²² В ноябре 1929 г. возглавляемое Грузенбергом Русское юридическое общество пригласило Вишняка в Ригу для чтения лекций. Вишняк приехал в начале декабря (см.: Приезд проф. М.В. Вишняка в Ригу // Сегодня. 1929. 6 дек. № 338. С. 5). Первая лекция — «Права меньшинств и судьбы еврейства» — состоялась 12 декабря в зале Чернооголовых.

²³ См. примеч. 7 к п. 9.

²⁴ Рубинштейн Яков Львович (1879–1963), адвокат, государственный и общественный деятель. Эксперт Нансеновского комитета Лиги Наций по делам беженцев, с 1935 г. — член правления.

²⁵ В номерах 3 и 4 за подписью Н.О. публиковались «Письма из Женевы». Благодаря данной фразе Грузенберга становится известным, что их автором являлся Я.Л. Рубинштейн.

²⁶ Речь идет о статье Грузенберга в № 3 из его открывавшей журнал постоянной рубрики «Из дневника юриста».

34. Вишняк — Грузенбергу

Paris. 15 октября 1929 г.

Париж, 15-ое октября 929 г.

Дорогой Оскар Осипович!

Действительно, нет худа без добра. И фашист может сослужить хорошую службу. По крайней мере в данном случае благодаря лишь Н[овиков]у узнал я ряд чрезвычайно интересных фактов и эпизодов из Вашей жизни... На том спасибо!

По существу же Ваше письмо кажется мне частью — несправедливым, частью же — построенным на ряде недоразумений.

Первое и основное — у меня и в мыслях не было предъявлять Вам какое-либо обвинение. Естественно, что мой «обвинительный акт» Вам кажется необоснованным, а я — «прокурором», каких до большевицкого переворота не бывало. — Если Вы перечтете мое письмо, Вы должны будете признать, что я в нем специально оговорил и подчеркнул, что пишу его под непосредственным впечатлением от испытанного мною лично огорчения, с которым счел бесполезным поделиться и с Вами. Я предполагал, что Вы недостаточно осведомлены о г. Н[овико]ве, и в этом предположении оказался прав. Вы пишете, что Вам «ничего не известно о фашизме Н[овикова]», что, кроме местных газет, Вы никаких других не читаете. Но Н[овиков] не только в газетах выступает, он и на публичных собраниях пропагандирует и защищает мудрость Муссолини, он и книгу о фашизме выпустил и т.д.¹ Одной ссылки на газеты здесь явно недостаточно. Но Вы и принципиально защищаете позицию, — «если бы и знал про фашизм, то не придавал бы значения». Я об этом скажу ниже, укажу, почему я-то во всяком случае должен придавать этому значение. А пока, чтобы покончить с *первым* недоразумением, повторяю: мое письмо было реакцией на *мое* настроение и впечатление от № 3 «З[акона] и с[уда]», а никак не обвинением *против Вас* или «претензиями» к Вам.

Таким же недоразумением кажется мне то, что Вы назвали моими «личными претензиями», — и что на самом деле было только шуткой... Судя по эффекту, — неудачной шуткой с моей стороны.

Неужели надо было всерьез принять мое замечание, что я сын Вениамина, не Ивана. — Я в течение многих и многих лет писал под псевдонимами, меняя их по цензурным условиям: кем я только ни был в «Русском богатстве», «Заветах», «Образовании», «Революционной России», «Знамени труда» и т.д. И Вен. Марковым, и Аврелиевым, и Демарки, и Гри, и Поморцевым и т.д., и т.д. Какое же значение могу я придавать неверному обозначению *литера* в отчестве. Неужели Вы думаете, что я не мог догадаться, что тут могла быть опечатка, и поспешил со своими «личными претензиями», пустыми и смешными, конечно. — То же самое с моим «диким» обозначением Вашей лестной оценки ~~редактором моей статьи~~ — «редакторским приемчиком». У каждого человека — и в том числе редактора — свои приемы и «приемчики». Один предпочитает «резать правду-матку» даже сотрудникам. Другой, наоборот, — никогда не говорить другим неприятностей и лучше переоценить, а не недооценить. Типом такого редактора является наш милейший Илья Исидорович [Фондаминский]. Я — человек более *правдивый* откровенный и потому менее мягкий и приятный. Ваши неизменно лестные оценки моих работ я *искренне*, а не по ложной скромности, склонен был объяснить тем, что Вы как редактор приближаетесь скорее — к И[лье] И[сидоровичу], а не ко мне. Может быть, да и очевидно, я в этом ошибся. Но как можно было увидеть в моих словах какую-либо «личную претензию»? Личная претензия за лестные оценки!?. Тут явная «неувязка», как говорят большевики, или недоразумение, как говорили мы.

У меня и в мыслях не было «претендовать» на то, чтобы мою статью поместили без разбивки. Ничего похожего! Я с самого начала предполагал, что статья Вам вообще не подойдет, помимо прочего — я и это допускал, — по своему объему. — И мое замечание сводилось лишь к тому, что следовало бы всячески избегать не в интересах только редактора или автора, а читателя — ~~«Продолжения»~~, поскольку «Продолжение» или «Окончание следует»². Мне так казалось по моему читательскому, авторскому и редакторскому опыту. Правда, я москвич, и в «Праве» печатался всего один раз, но в «Юридическ[ом] вестнике»³, и главное, *еженедельном* «Вестнике права»⁴, а потом «Вестнике права и нотариата» я печатался многократно и в течение ряда лет... Возможно, впрочем, что я и ошибаюсь, ибо я и в юридическом журнале интересовался по преимуществу вопросами конституционного права, находящегося как бы на меже между правом и политикой...

Отсюда — прямой переход от «недоразумений» к нашим разногласиям.

Я считаю недопустимым введением в заблуждение слушателя и читателя, когда один и тот же человек, походя избобличающий «демократию» и славящий Муссолини, по которому «мир *устал* от свободы» и «прав человека и гражданина», — пользуясь отдаленностью Риги от Парижа, защищает в Риге то, что он обличает в Париже. — Это, конечно, не «общественно-признанная бесчестность», но это политическое *двурушничество*. И здесь, к сожалению, не дано отступление на беспартийно-специально-профессиональные позиции. Вы лучше других знаете, как близко соприкасается право публичное с политикой. И вряд ли кто сумеет доказать, что «Свобода печати» есть тема только «специальная», юридическая, а не вместе с тем и политическая.

Вы говорите, что мои соображения относительно Н[овикова] «натянуты и несправедливы». Может быть! Со стороны, конечно, виднее. Я только укажу на то, что никакой, даже самой отдаленной аналогии между отношением к Н[овикову] «колчаковскому сенатору» Колчаку моих товарищей и даже соредатора и положительным отношением к ~~тому же~~ «колчаковскому сенатору» теперь провести нельзя. Ибо мой соредатор отнесся с доверием к Колчаку *до* того, как стал жертвой последнего⁵, тогда как «колчаковские сенаторы» и «генерал-прокуроры» (Старынкевич⁶) для меня не только политически, но и профессионально и ~~всечески неприемлемы~~ стали таковыми *после* того, как приняли активное участие и солидаризовались, скажем, с «делом» Колчака. Разница — немаленькая и не только во времени.

Я подчеркиваю — *для меня* (и мне подобных) «колчаковские сенаторы» и политически, и професси[он]ально неприемлемы... И Вы сами должны согласиться, что крайне безвкусно, отвечая на выходки Н[овикова] в «Днях» или на публичном собрании в Париже, очутиться рядом с ним в якобы общем «профессиональном», специальном и юридическом органе в Риге. — Это безвкусие не предположение только. Меня уже несколько человек, ознакомившихся с содержанием № 3 «З[акона] и с[уда]» по «Последним новостям»⁷, спрашивали: «Что сие значит»... И удовлетворительного для себя ответа я им дать не мог.

Очень, конечно, плохо, что политические страсти так накалились. Но удивительного здесь ничего нет. Гражданская война не закончена и дает себя знать остро и в эмиграции. Ведь не случайно у нас в Париже имеются *два* Союза адвокатов, *два* Академических союза и т.д. И тут дело не в «левых», «партийных» и т.д. Такова логика вещей, ибо левизна Старынкевича и Тесленко по сравнению с правизной Новикова и Казаринова очень, конечно, относительна. Для меня же оказался закрытым вход в *оба* адвокатских союза (не потому, чтобы меня не пустил к себе Тесленко, Григорович-Барский⁸ и др., а потому, что я считаю для себя недопустимым участвовать в Союзе, где в руководящем органе, в *Правлении*, сидит «генерал-прокурор» Колчака, бывший до того ген[ерал]-прокурором Директории, Старынкевич).

Вы можете считать мою точку зрения неправильной, это Ваше право. Но вряд ли можно назвать эту точку зрения личной. С Н[овиковым] мы в былое время дружно работали в Московском союзе городов. А против Игоря Кистяковского я ведь не выдвигал того аргумента, что он хотел меня расстрелять в бытность свою министром внутр[енних] дел у гетмана, когда он арестовал нас в Киеве (вместе с Дреллингом⁹, Гинзбургом¹⁰, д-ром Богущким и проч[ими] членами Южного бюро земских и городских гласных) и содержал в Лукьяновской тюрьме¹¹... По личным делам, когда покончил с собой мой друг и помощник Кистяковского Меерович, я с К[истяковским] часто даже встречался и находился в весьма милых отношениях, я был очень близок с пр[офессором] *Богданом* К[истяковским]. Но чтобы делать с К[истяковским] или Н[овиковым] какое-нибудь общее общественно-политическое дело (а участие в общем юридическом журнале разве не есть такое дело?), — должны перемениться либо я, либо они, либо — протечь много, много времени, пока изгладятся отзвуки и реминисценции гражданской войны. А Н[овиков], повторяю, более чем активен, — он агрессивен по отношению к демокра-

там, а особливо к социалистам. Он не брезгает ничьим содействием, — даже легитимистов кирилловцев-младороссов, лишь бы получить возможность полить грязью ненавистную «керенщину» с ее «свободами» и прочими выдумками.

Повторяю и

Подчеркивать ли еще раз, что то, что я говорю, я говорю от себя, о себе [и] ни в какой форме не в качестве «претензии», «укола», «укора», «обвинения» и т.п.

Я по совести ответил на все Ваши замечания, кроме одного. Как это можно претендовать на то, что в специальном органе пишут люди разных политических направлений, когда в «литературно-общественном журнале», читай в «Совр[еменных] зап[исках]», «восхваляется китайщина и византизм (с Иоанном Грозным во главе), рекомендуемые как “Пути России”». — Я не думаю, чтобы Вы действительно предполагали, что Бунаков «рекомендует» в качестве грядущего пути России — «Иоанна Грозного»... Во всяком случае, смею Вас уверить, что такое предположение *неосновательно*. Именно для того, чтобы *предотвратить* появление Иоанна Грозного и ускорить ликвидацию Сталина грозного, Бунаков, верящий в магическую силу идеи и духовного начала, и *стал* счел необходимым производить углубленные раскопки духовно-исторических истоков русских путей. Эти раскопки можно считать неудачными, — как, например, считаю и я, — но «реакционными» может считать их только предвзятое мнение, намеренно стилизующее изображение прошлого как норму для будущего.

Наконец, пусть Ваша оценка «Путей России» правильнее моей. Вы ведь знаете, что «С[овременные] зап[иски]» это — не я или, точнее, не только я. И Вы, конечно, знаете, что возможный в будущем «сенатор» не есть то же самое, что «сенатор», уже ставший таковым при Колчаке... Между Н[овиковым] и Б[унаковым] дистанция и в прошлом, и в настоящем слишком большого размера для того, чтобы их можно было приравнивать друг к другу и ныне, и во веки веков!

Возражения мои затянулись. Я боюсь, что отнял у Вас много времени для простого с ними ознакомления. Как бы ни хотелось узнать Вашу на них «реакцию», я все же никак не желал бы заставить Вас снова писать от руки при Вашей занятости и переутомлении. Если Вы опять не захотите диктовать ответ, — может быть благоразумнее будет отложить продолжение спора до личной беседы. — Впрочем, делайте, как сочтете нужным. Я начинаю теперь опасаться и «шутить», и говорить полностью и во весь голос. Бумага внушает меньше доверия, чем личный разговор, когда перед тобой выражение лица и глаз собеседника.

Со Ступницким¹² я не встречаюсь или встречаюсь очень редко, случайно. Сегодня же написал ему.

Что касается тем, которые я мог бы предложить, то я писал Вам о двух темах:
Судьбы еврейства и проблема меньшинства.

И Новая демократия.

Мог бы прочесть и о том, *Почему не удалась русская революция?* — но после одного из Ваших предыдущих писем мне кажется, что это тема неподходящая.

Для лекции, думается, больше двух тем и не надо. *Если* желателен доклад в Юридическом обществе, — я на этом отнюдь, конечно, не настаиваю, — то я взял бы в качестве темы *Французская теория права и защита прав меньшинств.*

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Имеется в виду кн.: *Новиков В.* Фашизм: Очерки по итальянскому фашизму: С приложением текста Закона 3 апр. 1926 г. о фашистских синдикатах. Париж: Возрождение, [1926]. Среди тех, кто в целом сочувственно отозвался на эту книгу в печати, был недруг Грузенберга О.С. Трахтерев; см. его рецензию «О фашизме» (Возрождение. 1926. 21 окт. № 506. С. 3); включена в его книгу «Мысли и тревоги» (Париж: Б.и., 1933. С. 76–80).

² В № 3 под статьей Вишняка значилось: «Продолжение в следующем номере», в № 4 – «Окончание следует».

³ «Юридический вестник» – журнал, издававшийся Московским юридическим обществом при содействии Петербургского юридического общества и общества им. А.И. Чупрова; выходил в 1867–1917 гг.

⁴ Еженедельник «Вестник права» – орган адвокатуры, нотариата и суда (Москва, 1908–1917; изд. О.С. и И.С. Урысон).

⁵ Речь идет об общественно-политическом деятеле, публицисте, члене ЦК партии эсеров, соредаторе СЗ Николае Дмитриевиче Авксентьеве (1878–1943). В сентябре 1918 г., находясь в Уфе, он был избран в состав Временного всероссийского правительства (Директории), которое по его инициативе перебралось из Уфы в Омск. 18 ноября в результате заговора ряда министров с адмиралом А.В. Колчаком во главе власть Директории была свергнута, Авксентьев арестован, вывезен из Омска на границу с Китаем и выслан за границу.

⁶ Старынкевич Сергей Созонтович (1875–1933), адвокат, политический деятель. Присяжный поверенный с 1905 г. Член партии эсеров. После подавления вооруженного восстания в Москве (декабрь 1905 г.) вел жизнь политического эмигранта. В 1907 г. был арестован в Финляндии, заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Сибирь. После Февральской революции 1917 г. – прокурор Иркутской судебной палаты. В 1918–1919 гг. министр юстиции в правительстве А.В. Колчака. В эмиграции входил в Совет, руководивший Объединением русских адвокатов во Франции.

⁷ В ПН (1929. 24 окт. № 3137. С. 3) была опубликована информационная заметка А.Ф. Ступницкого (подписана: А. Стий) о выходе № 3 журнала «Закон и суд»: «Только что вышедший в Риге третий номер – сентябрьский – юридического журнала “Закон и суд”, как и предыдущие номера этого журнала, весьма интересен по богатству и разнообразию содержания. В номере имеются статьи О. Грузенберга, проф. С. Завадского, М.В. Вишняка, В.Н. Новикова, Н. Савича, Л. Бодэ и П.Н. Якоби. С удовлетворением отмечаем корреспонденцию из Женевы, в которой автор Н.О. [Я.Л. Рубинштейн; см. примеч. 25 к п. 33] дает, правда, с некоторым запозданием, интересный обзор работ первой сессии междуправительственной совещательной комиссии при Верховном Комиссаре».

⁸ Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958), общественный и судебный деятель, присяжный поверенный (председатель Совета киевских присяжных поверенных); член ЦК партии народной свободы (с февраля 1916 г.). Один из адвокатов, принимавших вместе с Грузенбергом участие в защите М. Бейлиса. В эмиграции жил в Берлине, затем перебрался во Францию. С 1926 по 1939 г. был товарищем председателя совета Объединения русских адвокатов во Франции. В 1939 г. переехал в США. Массон.

⁹ Социал-демократ (меньшевик) В.А. Дреллинг, журналист по профессии, был председателем киевской Городской Думы.

¹⁰ А.М. Гинзбург-Наумов, представитель того же социал-демократического блока – товарищ председателя.

¹¹ В биографической справке, предпосланной издательством книге Вишняка «Дань прошлому», об этом периоде его жизни сказано: «М. В[ишняк] с женой уехали в Киев, где бывший профессор московского университета И.А. Кистяковский, в звании министра внутренних дел при гетмане Скоропадском, распорядился арестовать членов Бюро Земства и Городов и, в их числе, и Вишняка. После шестинедельного заключения в Лукьяновской тюрьме М. В[ишняк] очутился на свободе» (От издательства // Вишняк 1954. С. 6).

¹² Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951), журналист, адвокат. В годы Гражданской войны воевал в Добровольческой армии А.И. Деникина. В эмиграции сотрудничал в

ПН. После Второй мировой войны был близок к движению советских патриотов; основал, издавал и редактировал просоветские «Русские новости» (1945–1951).

35. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 5 ноября 1929 г.

Skolas ielā 19–2. Riġā.

5-XI-1929

Дорогой Марк Веняминович,
не думайте, что я отступил от своего обычая давать ответ на письма не позже 24 часов.

Я усиленно занят выбором для Ваших лекций помещения — и думаю, что Вам придется приехать сюда во второй половине ноября, между 15–20.

Порядок я предполагаю следующий: прежде всего, Вы сделаете доклад в Русском юридическом обществе, затем через день или два состоится Ваша первая *платная* лекция на тему, касающуюся евр[ейского] вопроса; затем пойдет вторая лекция. Дальше — видно будет. Помещение я выбираю на 500–550 мест. Первая лекция, по моему расчету и тем мерам, которые я предполагаю предпринять, должна дать Вам долл[аров] 100. Это окупит, как Вы сами указываете, все Ваши расходы. Таким образом, начните хлопотать о месячной визе. Поручите это дело сразу авторитетному в глазах латвийского консула лицу. Если бы встретились препятствия, сообщите немедленно мне — и я приму надлежащие меры. Пожалуй, еще лучше будет, если Вы меня уведомите о посещении этим лицом консула: окончательное решение зависит от здешней центральной власти, с которой в таких случаях сносятся консулы телеграммами. Приехать сюда Вам придется дня за три до доклада в Р[усском] юр[идическом] об[щест]ве.

Итак, готовьтесь. Всего хорошего.

Ваш О. Грузенберг

По поводу Н[овикова] я снесся, чтобы проверить н[аше] разномыслие, с Я.Л. Рубинштейном и А.Ф. Ступницким. — Их взгляд совпадает, в общем, с Вашим. Это меня обязывает к соответствующим выводам, но я не знаю, — как уладить: у нас в портфеле две статьи, о напечатании которых мы его уведомили. На одну из них (об итальянской печати), как Вы знаете, сделана ссылка в его напечатанной у нас статье¹. Ясно, что эту статью надо непременно напечатать: не его вина, что я здесь не знал о занятой им в эмиграции позиции. Об остальном подумая — как сделать это поделикатнее.

Оч[ень] огорчен, что Илья Исидорович [Фондаминский] не едет сюда. Напрасно. Впрочем, пишу ему отдельно. Хотя в полученном на днях письме он не пишет о переезде в Грасс, но это, по моему расчету, должно уже иметь место. Прилагаю, для передачи ему, письмо.

О.Г.

Г-ну М.В. Вишняку. В Париже.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Статья В. Новикова «Положение печати в Италии» была помещена в № 6 журнала за 1930 г.

36. Грузенберг — Вишняку

Ригā. 9 ноября 1929 г.

9 нояб. 1929

Skolas ielā, 19

Дорогой Марк Вениаминович,
вчера узнал, что г. Лудынь, директ[ор] администр[ации] Д[епартамен]та, от к[о]то[ро]го всецело зависят все разрешения на выдачу виз, находится сейчас в Париже (на заседаниях отдела Лиги наций, по вопросу об уравнивании в правах иностранцев). Зайдите к нему; он — прекрасный, обязательный человек, относящийся с доброжелательностью к литераторам и ученым; может переговорить и Яковлев, но достаточно и Вас одного.

Итак, обратитесь к нему прямо — и приезжайте сюда к 18 ноября, дав мне телегр[амму] немедленно, как получите визу (не откладывайте). Надо законтрактовать зал и наладить печать. Посылаю 1-ю заметку.

Вот что: пожалуйста, передайте *немедленно* или пошлите почтой (зак[азное]) письмо Борису Осип[овичу] Гавронскому¹: не терпит отлагательства. Можете, если интересно, прочесть: увидите евр[ейские] современные нравы. Ну, да к чорту — скорее выезжайте. Телеграфируйте.

Ваш О.Г.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Гавронский Борис (Бер) Осипович (Ошерович) (?–1932), член партии эсеров; внук российского «чайного короля» В. (З.) Высоцкого, один из руководителей фирмы «Высоцкий и К°»; коллекционер, антиквар (см. письмо Горького Луначарскому о выдаче ему «охранный грамоты» — под его коллекцию; *Горький М.* Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М., 2006. Т. 12. С. 203–204; примеч.: С. 540–541). В 1887 г. за участие в студенческих беспорядках был отчислен из Московского университета. Его женой была Людмила (Ревекка) Сергеевна Гавронская (урожд. Шмерлинг), также член партии эсеров, невеста одного из основателей эсеровской партии и эсеровского террора Г.А. Гершуни (ее сестра, Мария Сергеевна, стала женой брата Бориса Осиповича — Дмитрия (Меера) Осиповича (1883–1949)); в годы Второй мировой войны депортирована из Парижа в Германию, где погибла. После эмиграции Б.О. Гавронский жил во Франции, умер в Ницце. См. п. 57.

37. Грузенберг — Вишняку

Ригā. 16 ноября 1929 г.

16 ноября 1929 г.

Дорогой Марк Вениаминович,
по получ[ении] Вашего письма, дважды справлялся: в М[инистерст]во ничего не поступило о Вас. Тогда, видя, что идет волокита, отправился лично в М[инистерст]во и, в качестве председ[ателя] Русского юрид[ического] общ[еств]ва, подал т[овари]щу мин[ист]ра прош[ение] о разрешении Вам въезда сюда на мес[яц]. Он тут же сделал на м[оём] прош[ении] разрешительную надпись *на один месяц*, причем время это будет исчисляться со дня переезда Вами латв[ийской] границы. Ввиду того, что Вы — нансенист¹, необходимо представить денежн[ый] залог в

том, что Вы вовремя уедете. Сегодня должен был это сделать, дал деньги секретарше, но она, к сож[алению], опоздала. Досадно, — но не беда: разреш[ение] ведь дано — и, как только выполню формальность и положу деньги, будет отослано. Итак, приезжайте в самом начале декабря: первый доклад в Юрид[ическом] об[щест]ве, а лекция через несколько дней после того. Законтракую зал — и дам Вам знать. За визой зайдите дней через 6–7, по получении этого письма.

Жму руку.

Ваш О. Грузенберг

Передали ли м[ое] письмо д-ру Гавронскому? Для меня вопрос этот оч[ень] серьезен: ведь это просто обман. Неужели Гавр[онский] допустит!?

Спешу отправить.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Т.е. обладатель нансеновского паспорта — международного документа, удостоверявшего личность беженцев. Предложен в 1922 г. Ф. Нансеном, комиссаром Лиги Наций по делам беженцев.

38. Грузенберг — Вишняку

Rigā. 26 ноября 1929 г.

26 ноября 1929 г.

Дорогой Марк Вениаминович,

визу Вы, вероятно, уже получили, так как Министерство послало в Париж телеграмму, за что моя секретарша уплатила 300 рублей.

Доклад в Юрид[ическом] об[щест]ве нельзя будет сделать раньше 10-го, так как 3-го состоится давно уже возвещенные доклады по поводу 65-летия Судебных Уставов¹. Полагаю назначить Ваш доклад на 10-е декабря (нужен же хотя бы недельный перерыв), а затем, через 3–4 дня пойдет Ваша лекция.

Я просил устроить Вам по лекции в Ревеле и Юрьеве; о том же буду просить и в Ковне. Таким образом, выехать Вам надо будет 3–4-го декабря. О дне выезда прошу сообщить заблаговременно, дабы я мог поставить В[аш] реферат в Русском юрид[ическом] об[щест]ве своевременно на повестку.

Преданный Вам

О. Грузенберг

Г-ну М.В. Вишняку. В Париже.

Напишите мне точно, к[а]к название В[ашего] доклада в Юрид[ическом] об[щест]ве, так и публичных лекций. Письмо и открытку В[аши] получил.

P.S. Что касается д[окто]ра Б.О. Гавронского, [то я] получил от [него] немедленно ответ и удовлетворение. Спасибо за пересылку.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Письмо на бланке: «Редакция Вестника русского юридического общества “Закон и суд”. Latvijā, Rigā, Valdemāra ielā 25/27, dzīvoklis 8 Skolas ielā, 19–2».

¹ 3 декабря 1929 г. на заседании Русского юридического общества, посвященном 65-летию Судебных Уставов, Грузенберг сделал доклад «О введении суда присяжных заседателей

в Латвии», текст которого был напечатан в № 5 журнала «Закон и суд» и газете «Сегодня» (1929. 5 дек. № 337. С. 2–3).

39. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 28 декабря 1929 г.

28 декабря 1929 г.

Skolas ielā, 19, Riġā

Многоуважаемый Марк Вениаминович, хотя от Вас нет весточки, но я надеюсь, что Вы уже [дома и зас]тали всех в полном благополучии.

Не откажите созвониться по телефону с Арс. Фед. Ступницким¹ и узнать, все ли у него благополучно. Еще 3 недели т[ому] н[азад] я писал ему по поводу н[ашего] журнала, но ответа не получил. Всего хорошего. Преданный Вам

О. Грузенберг

Поклон Илье Исидоровичу [Фондаминскому] и Александру Федоровичу [Керенскому]. Почтительный поклон Вашей супруге.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибе листа утрачены от сырости. Помета рукой Вишняка: «Auteuil 0214».

¹ См. примеч. 12 к п. 34.

40. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 5 января 1930 г.

5 янв. 1930

Skolas ielā, 19

Дорогой Марк Вениаминович,

нас оч[ень] тронула Ваша добрая память о старых друзьях. Примите и от нас добрые пожелания Вам и уважаемой супруге в нов[ом] году.

Что касается Вашего мрачного прогноза международного положения, то я к нему присоединяюсь всецело. Но лично я чувствую себя много бодрее, чем раньше. Причиной тому 10-дневная поездка по д[елам] парижского клиента в Польшу. Я восхищен Польшею, тем, что ею сделано за короткое время — и в особенности изменением национального характера, столь изуродованного долгим и жестоким рабством. Все эти черты за короткое, сравнительно, время совершенно исчезли — и выступили наружу благородные черты изящества и деликатности, присущие польскому характеру. Лет 27–28 т[ому] н[азад], когда я с Розою Гавр[иловой] проезжал [по до]роге в Вену и, пользуясь 2-часовой остановкою, зашли [так!] в аптеку, чтобы купить укус для компресса, нам ответили: не разуме¹. То же говорилось в целом ряде аптек, и апт[ечных] складов (даже, помнится, еврей-аптекарь отказался понять слово «укус»). А теперь на улице я подходил к лицам разных, судя по одежде, классов, даже к офицерам с вопросом — как пройти на такую-то улицу и неизменно получал — на хорошем или плохом русск[ом] яз[ыке] — над-

лежащий любезный ответ. Это — внешняя сторона, а внутренняя — совершенное исчезновение т[ак] наз[ываемого] зоологического антисемитизма: евреи служат офицерами в армии, в судах, палатах и т.д. Экономика, конечно, тяжелая, но где же она лучше? — Важно, что воскресшая Польша — не «в пурпуре и злате»², как это было некогда, а с заступом, топором и ружьем в руках.

На себе я испытал такие знаки внимания со стороны поляков-юристов, работавших когда-то в России, от которых уже отвык. Все завтраки, обеды, ужины были разобраны. А в день моего проезда из Львова обратно в Варшаву, один влиятельный польский коллега устроил (от утренн[его] поезда до вечерн[его]!) обед, на котором присутствовали вице-маршалек нового Сената, члены Высшего (кассац[ионного]) суда, Палаты, адвокатуры, прокуратуры. Все они работали когда-то в России, но я лично знал лишь 2 адвокатов. На этом банкете были произнесены по моему ад[ресу] речи на тему о том, что в трудный час судеб[ной] борьбы они всегда знали, что получают и юридич[ескую] помощь, и указания у [так!] «великого Оскара», провозглашено было пожелание, чтобы «польская адвокатура стояла бы *так же* высоко, как русская». Ни в одном из новообразовавшихся государств такие речи были бы невозможны, да и самый «банкет», как они его называли, вряд ли мог носить *такой* характер в каком-либо из других (кроме, разве, Литвы) характер.

Это о своем, — впрочем, еще надо добавить, что редакции «Зак[она] и с[уда]» удалось избавиться от неподходявшего к ней номинального сочлена Минца³. За 1½ г. вследствие своей импотентности он не напечатал ни одной строки (слава Богу!), но не сумел привлечь, за отсутствием всяких связей, хотя бы одного сотрудника. Нам было ясно с первого же дня, что он вошел к нам только [для то]го, чтобы охранить свое [улож]ение от малейшего прикосновения н[ашего] журнала. Но, когда оказалось, что он с русск[им] угол[овным] уложением, чтоб потрафить заказчику, позволил себе цыганскую проделку, расколотил, распихал осколки по разным статьям, слил в одну статью с нарушением всякой законодат[ельной] архитектоники — и все только для того, чтобы имело вид «самостоятельного» кодекса, хотя и он, и заказчик отлично знают, что это «обман с особыми приговорами». Переписано несчастных 2 десятка статей из герман[ского] улож[ения] 1871–76 г., для чего достаточно недели-другой, а все остальное время, в течение 5½ лет, ушло на сокрытие следов преступления⁴. Я сказал правду и в [том] им[енно] тоне, который заслуживает такое мародерство. Все товарищи по редакции решили, что мы напечатаем у себя, не считаясь с тем, что имя его печатается в числе членов редакции. Раньше выхода №, как всегда я делал в отношении статей, имеющих более широкий интерес, отдал ее «Яун[акас] Зинас»⁵. Пришлось дважды отвечать на «письма» г. Минца, — но я, наконец, прекратил с ним полемику, т.к. он обнаружил не только крайнюю недобросовестность, но и поразительное невежество. Но зато развязались с этим лакеем, заменяющим угодливостью знанием⁶.

Во всем личном по-прежнему: ~~много~~ работаю, часто похварываю, что и полагается для моего возраста, есть радости, больше печалей.

Пишу подробно о себе, чтобы вызвать и Вас на беседу о себе. Как Вам живется? Как наладилась В[аша] жизнь? Как здоровье В[ашей] жены (помню, оно Вас тревожило)? Каково В[аше] самочувствие? Читаю Вас и в «Современных» з[апис-

ках]», и в «Днях». Если не всегда согласен, то всегда с удовольствием отмечаю В[ашу] твердость в области идей и верность принципам. В журн[але] «С[овременные] з[аписки]» не всегда и не все так тверды. Писал об этом всем (и о Вас) милому Илье Исидору. [Фондаминскому], у которого, очевидно, иссякла его пленительная доброта: вот уже несколько месяцев отмалчивается. Не сержусь на него, так как для меня, если д[аже забыва?]ет, он всегда будет [тот же юно]ша с горящими глазами и горячим на все доброе сердцем.

Крепко жму руку. Привет Вам и уважаемой супруге от Розы Гавр[иловны] и меня. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибах и в середине листов утрачены от сырости.

¹ nie rozumię (польск.) — не понимаю.

² Из стихотворения Е. Баратынского «Всегда и в пурпуре и в злате» (1840).

³ См. примеч. 3 к п. 13.

⁴ Грузенберг пишет о Минце как об одном из авторов Уголовного Уложения Латвии, которое он подверг критике в своем «Дневнике» на страницах журнала «Закон и суд» (1929. № 14–15).

⁵ В ответ на письмо П. Минца, опубликованное в рижской газете «Jaunākās ziņas» («Новые известия»), «Prof. P. Mincs. Atbilde senatoram O. Gruzenbergam» (1930. 26 novemb. № 267. L. 2), Грузенберг написал в той же газете: «Senatora O. Gruzenberga atbilde profesoram P. Mincam» (1930. 29. novemb. № 271. L. 8) (приносим благодарность Б. Равдину за данную справку).

⁶ В связи с полемикой Грузенберга с Минцем см.: *Грузенберг О.О.* По поводу ответа П.М. Минца на мой «Дневник» в журнале «Закон и суд» // Сегодня. 1931. 5 янв. № 5. С. 2–3; в заключении данной статьи Грузенберг писал: «Настоящий ответ мой является уже вторым (около месяца тому назад мне пришлось ответить на письмо Минца на столбцах “Яун[акас] Зин[ас]”). Прошу не считать актом высокомерия, если я с моей стороны всякую дальнейшую полемику прекращаю. Единственная причина тому: отсутствие свободного времени для бесцельных споров — я завален повседневной юридической работой, связанной со сроками (беспощадный кнут). И без того я потратил несколько дней на написание моей критической статьи о новом Латвийском Уг[оловном] Ул[ожении] для редактируемого мною совместно с И.С. Шабловским и П.Н. Якоби журнала “Закон и Суд”, — занимающей в целом свыше 20 столбцов. Еще больше дней отняло у возглавляемого мною русского юридического о[бществ]а составление, во исполнение предложения комиссии Сейма, “замечаний” на то же Уг[оловное] Ул[ожение]. Несмотря на краткость срока, мы с большим напряжением сил представили в Сейм еще до Нового Года объемистую тетрадь “Замечаний”. Вот почему я вправе заявить, не задевая никого лично: с меня довольно — и весь этот вопрос и шумиха вокруг него меня больше не интересуют» (С. 3).

41. Грузенберг — Вишняку

Riģā. 17 января 1930 г.

17 января 1930 г.

Skolas ielā, 19, Riģā

Дорогой Марк Вениаминович,
все Ваши 3 письма получил (сегодня — третье). Вы спрашиваете: не сержусь ли я на Вас. Конечно, нет, — но уважение к себе и Вам не позволяет мне не [ответить

пря]модушно на поставленный вопрос: не сержусь, но огорчен. Причиною тому 3 факта:

1) Непонятно для чего сделанное на публич[ной] лекции заявление, совершенно не относящееся (даже отдаленно) к В[ашей] теме, о преимуществах христ[ианской] религии перед еврейской: аудитория была исключительно еврейская (в публике Вы заметили лишь *одного* христианина, несмотря на сделанные Вами визиты разным социалистич[еским] коллегам, из коих не явился ни один); даже свободомыслящие интеллиг[ентные] евреи были ошарашены этим выпа[дом,] который они объяснили не оч[ень] лестно для Вас; результат Вы видели: на докладе в Юрид[ическом] общест[ве] было пусто (кроме членов президиума — двое из них были в публике), присутствовали 21 чел[овек]. Не пришли христиане, но не пришли и евреи, несмотря на интерес темы. Мне, как председателю, *В[ас] пригласившему*, это было тяжело;

2) Ваша готовность по одному намеку даже не редакции, а издателя напечатать статью в «Сегодня» — в то время, как на просьбу дать рецензию в «Послед[ние] нов[ости]» (ведь рецензия для н[ашего] бедного материально журн[ала] является публикацией) последовал отказ по тому мотиву, что Вы не печтаетесь в буржуазной прессе... Насилу я отклонил Вас от этого непоследовательного шага.

Я не говорю уже об отсутствии всякого дружелюбия, поме[ша]вшего Вам дать рецензию в «Днях» и даже в собств[енном] журнале. Это м[еня] удивило, но не обидело: морально наш журн[ал] успел стать в более чем короткое время (ведь только вышло 5 номеров) прочно на ноги. Пишу это для того, чтобы Вы не *пригудили* себя исправить упущенное.

3) Непонятные *В[аши] пререкания* с председ[ателем] дать Вам слово после его резюме; даже на митингах это не допускается. Мне эти пререкания не могли повредить, при том отношении ко мне местной интеллиг[енции], которое Вы не раз подчеркивали: однако, получилось нечто сварливое.

[Мне] не хочется возвращаться к нелепой постановке политика Лапраделя (превышение власти)¹. Я даже думал посвятить часть своего «Дневн[ика]» этой теме, но потом решил, что *это* неловко в отнош[ении] Вас как гостя. De lege ferenda², Вы сами (в № 5 н[ашего] журн[ала]) отмечаете как базис *договоры* с некоторыми государствами; с точки же зрения de lege lata³ — эта «конструкция» (уподобление — не конструкция!), по меньшей мере, не нужна: если будет перестроено еще крепкое старое понятие госуд[арственного] суверенитета и последний будет перенесен на какой-н[ибудь] *надгосударств[енный]* орган, то не о превыш[ении] власти будет тогда идти речь, а об *осуществлении* своего сувер[ените]та этим органом — и не только по воп[росам] [часть текста утрачена], но и по всем важнейшим вопросам человеч[еского] общежития. Это для того пишу, чтобы Вы поняли, что В[аша] реплика вызвала бы с м[оей] стороны сказанную грудным голосом *реплику* отповедь. От этого я оберег и Вас, и себя. Потом, В[аше] недовольство моими похвалами, которые были более чем преувеличены (я уверен, что, если суммировать все похвалы, которые Вы выслушали за всю жизнь, то мои окажутся превосходящими эту сумму). Если я сказал о каботажи[ом] плавании по поводу того, что Вы, *подняв рукопись*, читали ее вслух, не отрывая глаз, то только для того, чтобы оправдать это *вгл[азы]* перед собранием ссылкой на то, что это,

де, манера франц[узских] лекторов. Что только это руководило мною, Вы могли бы понять, хотя бы по тому, что, увидев это, я через 10 мин[ут] предложил Вам *сесть*, в виду, мол, утомления, за стол, там бы это неотрывное чтение было бы не так заметно. И это явно-дружеское оправдание чтения Вы вменили в обиду. Но — довольно. Первое В[аше] письмо, посвященное изъявлению «благодарности», расшевелило это странное неприятное чувство В[ашего] неспостижимого отношения ко мне. Решил отмолчаться. Для чего Вы приписали мне *недоверие к людям* и к *евреям* в особ[енности]. Как раз обратное: чем объяснить м[ой] отклик на просьбу всякого человека, если только он — не заведомо плохой. Никто не укажет случая, чтобы я не исполнил чьей-либо просьбы, причем так, что делал это исполнение *как бы важнейшей м[оей] задачей, отдавая целые недели*.

Сказал же я Вам другое: сорокалетняя м[оя] работа (точнее 30-летн[ая], до эмиграции) выработала во мне, как во всяком заметном защитнике, способность, вызванную крайней необходим[остью], составлять быстрое впечатление суждение о личности и характере свидетелей и экспертов. Отсюда способность (конечно, не без доли ошибок) разгадывать быстро людей, с которыми сталкиваюсь. О недоверии к евреям никогда не говорил, а говорил о своей антипатии к *интернациональной еврейской интеллигенции*, которую я действ[ельно] считаю, в ее большинстве, бездушной.

Потом — В[аше] заявление: «я не стану В[ас] *переубеждать* относ[ительно] «Ключа» Алд[анова]». Это заявление — несправедливо, ибо Вы не только говорили *то же самое*, что и я, но прямо заявили мне: «Я думаю *то же, что и Вы*». Значит, первым В[ам] надо переубедить себя. А затем, эта обидная ссылка на Ходасевича! Кто он? Если у Алд[анова] *кислотный* ум, то у Ходас[евича] — *купорос*. Как поэт он из-за этой несчастной черты погиб: ничего не любя, нельзя быть поэтом; максимум, что можно, это быть версификатором, никому не нужным. Этот купорос убил всякую художественность. Какое жалкое, бездарное произведение его «Державин»⁴. Оно ниже среднего советского «литературного монтажа». Как критик он — сварлив, суетлив и груб до наглости (один его спор с «пушк[инистами]» чего стоит)⁵. И брань этого купоросного писателя по адресу читателей и критиков (хотя из последних никто до него не успел, наск[олько] знаю, еще высказаться) Вы преподнесите *как художественную* критику⁶. Другое дело Зайцев. Он, хотя и второстепенный художник, но [головой?] выше Алданова. Он чувствует природу, любит жизнь и людей, влюблен в Россию и знает подлинно те или иные группы населения. Язык его, хотя и бескровный, — подлинная русская речь. Алданов, не усвоив ничего из *художеств[енного] гения* Толстого, усвоил его *второстепенный* (а м.б., еще ниже) стиль: неуклюжий, чудовищно-неправильный, с немецким построением фразы и полной неспособностью выпутаться из придаточных предложений. Если критики не отмечают этих печальных свойств *стиля* Толст[ого], — то или из влюбленности в его худож[ественный] гений или еще по той причине, по которой я для печати никогда не позволю себе написать то, что излагаю в интимном письме: *из-за пизетта*.

Вы, вероятно, бегло прочли отзыв Зайцева⁷: ведь он — добрый и снисходительный — в этой рецензии — бессознательно для себя — *отрицает все произведения* Алд[анова] до «Ключа», — отрицает не только его принадлежность к *русской* литер[атуре], но и художеств[енную] ценность *всего*, написанного Ал[дановы]м до

«Ключа» (см., в особ[енности], 2-й столбец рецензии, не говоря уже о присоединении целиком к отзыву Гр. Ландау⁸). Что же он нашел в «Ключе»? Из рецензии ясно: обрадовался, что может сказать о приятеле доброе слово: Алд[анов], де, любит Россию. О том, *что и как* отразил Алд[анов] в «Ключе», стыдно даже разговаривать. Моя оценка до-ключевого Алд[анова] куда выше зайцевской.

Ну, да довольно и об этом. У меня, как знаете, было желание дать о «Ключе» статью (уж оч[ень] обидно его отношение к тому, что мне дороже всего в жизни — *к уголовн[ой] защите*). Верьте мне, что Юшкевич в «Леоне Дрей» менее карикатурист, чем Алданов⁹: встречаются кой-какие человеческие черты, — он не всюду описывает в человеке то, что идет ~~вниз~~, за ниже пояса.

Вот из-за В[ашего] письма (в этой части глубоко неискренного) пришлось мне высказать, хоть бегло, на бумаге то, чего, из-за м[оих] добрых с Алд[ановы]м отношений, не хотел бы.

Затем будьте здоровы, успешны во всех начинаниях. Почтительный привет В[ашей] супруге от Розы Гавр[иловны] и меня. Надеюсь, что вывих уже зажил.

Всего хорошего. Преданный Вам

О. Грузенберг

Спасибо за телеф[онное] сношение с Ступниц[ким]. Видимо, он давно в отъезде. Я послал ему 11-го дек[абря] письмо, а к[онто]ра в том же месяце свыше 100 экз. разных №№ «З[акона] и с[уда]», т.к. он любезно предложил свои услуги по распространению. Письма от него все еще нету. Но не говорите с ним больше о делах н[ашего] журн[ала]: это его может обидеть. Спишусь сам.

С В[ашего] отъезда я еще более надорвался срочной письм[енной] работою, а тут еще приезжали представители из Лонд[она] — и мне к[а]к местн[ому] председ[ателю] фракции Agency¹⁰ пришлось затратить массу много времени и труда. Хуже всего то, что 3 дня ночи приходилось сидеть до 5 час[ов] утра. В результате — простудился: вот уже 10-й день не выхожу — сильно подскочила темпер[атура]. Лечь же в постель некогда. Скоро все равно предстоит большой отдых — незачем его удлинять отрывом от работы. Крепко обнимите Илью Исидор. [Фондаминского] и поклонитесь общим друзьям.

P.S. Вчера вышел и разослан 6-й №; он запоздал, т.к. типогр[афия] гуляла на праздниках до 7 янв[аря], а потом должна была изготовить набранные, сверх ее сил, разные заказы. Вы найдете в ней ст[атью] Новик[ова]¹¹. Пусть это Вас не удивит: редакция не могла, без оскорбления его, не напечатать той *принятой* ст[атьи], на которую сделана ссылка в его первой ст[атье]. Объясните это, пожа- л[уйста], и *другим*.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на гнибах листов утрачены от сырости.

¹ Альбер Жоффр де Ла Прадель (1871–1955), профессор гражданского права Парижского университета, юриконсульт Министерства иностранных дел Франции, международный эксперт по вопросам воздухоплавания.

² С точки зрения законодательного предположения (лат.).

³ С точки зрения действующего закона (лат.).

⁴ «Державин» В. Ходасевича первоначально печатался в 1929–1930 гг. в пяти номерах СЗ (№ 39–43), а в 1931 г. отдельной книгой вышел в издательстве «Современные записки».

⁵ Споры В. Ходасевича с известными пушкинистами касались прежде всего проблемы «наивного биографизма», в котором те его обвиняли в связи с тем, что в «Русалке» Ходасевич усмотрел отражение личной драмы поэта: якобы Пушкин зашифровал в этом тексте свой «крепостной роман» в Михайловском, относящийся к апрелю—маю 1826 г. Соблазненная им и родившая ребенка крепостная крестьянка якобы кончила жизнь самоубийством, и в «Русалке», по мысли Ходасевича, можно отыскать следы этого реального сюжета. Данная версия была напрочь отвергнута пушкиноведением; см. об этом: *Сурган И.* Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994. С. 54–59. Спорам с пушкинистами посвящены несколько статей Ходасевича, среди них — «В спорах о Пушкине» (СЗ. 1928. № 37. С. 275–294), «О пушкинизме» (Возрождение. 1932. 29 дек. № 2767) и др.

⁶ Вишняк, вероятно, послал Грузенбергу вырезку со следующей статьей: *Ходасевич В.Ф.* Летучие листы. По поводу «Ключа» // Возрождение. 1929. 26 дек. № 1668. № 3–4.

⁷ Речь идет о рецензии К.И. Зайцева на отдельное издание романа М. Алданова «Ключ» (Берлин: Слово, 1930), помещенной в газете «Россия и славянство» (1929. 28 дек. № 57. С. 2). Зайцев Кирилл Иосифович (с 1949 г. архимандрит Константин; 1887–1975), богослов, литературовед, историк, литературный критик, публицист. В 1920 г. эмигрировал во Францию, затем переехал в Прагу, где в 1922–1923 гг. был приват-доцентом Русского юридического факультета. В 1923–1934 гг. — соредaktor журнала «Вера и жизнь». Член редколлегии парижской газеты «Россия и славянство» (ред. П.Б. Струве; 1928–1934). В 1934 г. уехал в Харбин, преподавал политическую экономию в харбинском Русском педагогическом институте (1936–1938). С конца 30-х гг. жил в Шанхае. В 1948 г. поселился в США, где был профессором пастырского богословия и русской литературы в Св.-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле.

⁸ О Г.А. Ландау см. примеч. 2 к п. 74. Речь идет о статье: *Ландау Г.* О скептицизме: По поводу «Современников» М.А. Алданова // Россия и славянство. 1929. 2 февр. № 10. С. 3–4. Именно эту статью имел в виду К. Зайцев, когда писал: «Известная тетралогия и блестящие публицистические очерки М.А. Алданова написаны под знаком иронии, которая стоит на границе “изящного цинизма”, красноречиво защищаемого Ламором. Эта ирония вызвала справедливую реакцию: блистательным ее примером может служить глубокая и тонкая статья Григория Ландау, известная читателям “России и славянства”» (*Зайцев К.* «Ключ» М.А. Алданова // Россия и славянство. 1929. 28 дек. № 57. С. 2).

⁹ Имеется в виду трехчастный сатирический роман русско-еврейского прозаика Семена Соломоновича Юшкевича (1868–1927) «Леон Дрей» (1908–1919); в последний раз все три тома этого романа вышли в эмиграции — в берлинском издательстве З. Гржебина (1923).

¹⁰ Об избрании Грузенберга делегатом в Еврейское агентство от несионистской части латвийского еврейства (в 1929 и 1931 гг.) см. во вступительной статье.

¹¹ Имеется в виду статья: *Новиков В.Н.* Положение печати в Италии // Закон и суд. 1929. Дек. № 6. Стлб. 203–206.

42. Вишняк — Грузенбергу

Paris. 23 января 1930 г.

Париж, 23-е января 1930 г.

Дорогой Оскар Осипович!

Получил Ваше письмо. Мало сказать, что оно меня огорчило. Стало как-то грустно и даже скорбно... Хотя Вы меня и называли «многоуважаемый» и без дальнейшего признали часть моего письма «глубоко неискренней», — я глубоко убежден в том, что Вы в душе относитесь ко мне очень хорошо: Ваше отношение ко мне в

Риге сделало мое внутреннее убеждение — самоочевидностью. И вот при хорошем по существу отношении, при отсутствии всяких личных, партийно-политических или национально-исповедных счетов или предубеждений, — почему-то возможны все-таки такие недоразумения или столь разный ход ассоциаций, который приводит Вас к столь неправильному, на мой взгляд, истолкованию не только моих мыслей и слов, но даже некоторых нейтральных движений, жестов и т.д... Ну как тут не загрузить.

Посудите сами. (Следую порядку Ваших «огорчений».)

Много можно найти более естественных объяснений того, почему на доклад в Юридическом обществе пришло мало народа, нежели то, что я упомянул «о преимуществе христианства» перед еврейской аудиторией. — Пусть это было неудачно и неуместно. Готов согласиться, ~~сам припоминаю~~. (Но напому, что сказав о том, что христианство может считаться более возвышенной религией, чем иудаизм, — и я сам так думаю, — я тут же прибавил, что считаю христианство внемирным и нежизненным, в четвертое измерение уходящим. Я отчетливо припоминаю, что подчеркнутые слова произнес для того, чтобы не уклоняться от прямого ответа на прямой вопрос. И я действительно думаю так, как сказал, и сказал так, как думаю.) Но неужели эти слова могли быть *причиной* того, что на доклад в Юрид[ическое] общество пришло мало народа. — Неужели Вы серьезно так думаете. — А почему не объяснить это тем, что 20-е декабря [так!] уже предпраздничное настроение. Что 21-го был вечер еврейских студентов. Что тема показалась мало интересной. Наконец, — еще проще, что я не понравился как лектор. Что, увидев меня на публичной лекции, евреи, посещающие Юридич[ическое] общество, сказали: «а, да я его знаю!»... Чтобы сказать, что тут была демонстративная неявка, нужно было бы произвести предварительный подсчет явившихся и неявившихся по признаку принадлежности к еврейству.

Мне очень горько, что Вам было «тяжело» от того, что на докладе было мало народа. Но я глубоко убежден в том, что причина неявки лежит не там, где Вы ее усматриваете. Иначе чем объяснить, что не явились и христиане, как Вы сами отмечаете, а из явившихся едва ли не большинство все же были евреи. — Если бы кто-либо искренне был «ошарашен» моими словами, — он должен был бы подняться и уйти с публичной лекции или уйти хотя бы во время перерыва, а не демонстрировать против меня так, что я даже после Вашего письма не могу поверить в самый этот факт. — Я охотно допускаю, что «даже свободомыслящие интеллигентные евреи» говорили обо мне «не очень лестно». Но какое это может иметь значение. Вы же сами не очень высоко ставите «интеллигентных евреев». А я в своей общественной деятельности (политической и литературной) давно привык подставляться под нелестные отзывы. Иначе — заранее следовало бы отказаться от всякого публичного выступления. Я не очень поддаюсь лестным отзывам и оценкам — а мне, как это ни покажется Вам странным, пришлось как раз во время перерыва слышать лестную оценку как раз за свое мужественное выступление с своим мнением, не оглядываясь ни на бундистов, ни на сионистов. Но очень я не считаюсь и с отрицательными отзывами. Похвала и хула это — [так!]

2. Почему Вас могло «огорчить», дам ли я статью в «Сегодня» или не дам, мне не совсем понятно. Скажу только, что между «Последними новостями» и «Сего-

дня» — большая разница и по существу, и по политическому участию в ней. «П[оследние] н[овости]» — газета политическая; «Сегодня» — газета прежде всего информационная. Мое участие в «П[оследних] н[овостях]» акт политический. Участие в «Сегодня» акт случайный и эпизодический. Если я имел намерение, не больше (!), — когда Вы пишете: «*насилу* я отклонил Вас от этого непоследовательного шага», Вы явно ошибаетесь, — дать статью, я хотел этим хоть как-нибудь с своей стороны посодействовать рекламе и тем самым успеху лекции. — Вы можете мне не верить, — это Ваше право, — но я не переставал чувствовать большое смущение от той потери времени, которой стоила Вам моя лекция. Я не согласился делать визиты, за исключением Альбата и Вильмана¹, и «социалистических коллег» тоже не навестил на дому (как Вы ошибочно предполагаете). — Если я указал, что рецензии в «П[оследних] н[овостях]» не могу дать о Вашем журнале, — я сделал это потому, что было бы неразумно и нецелесообразно дебютировать в «П[оследних] н[овостях]» отзывом о журнале, в котором принимает участие сам «дебютант».

3. То, что Вы изволите называть «непонятными пререканиями (!) с председателем», в результате коих «получилось нечто сварливое», — было простым вопросом с моей стороны: а возразить Вам можно. — Я не думал, что Вы говорите ключительное слово, не обратившись даже к аудитории с вопросом: не желает ли кто-либо высказаться по поводу сделанного сообщения. — Вы правы: после председательского резюме просить слово для возражений поздновато. Но для меня, повторяю, было неожиданно самое резюме без прений. Я принял Ваше резюме за возражение. И Вы должны согласиться, что основания к тому я имел.

4. Не буду продолжать теоретического спора о правильности и целесообразности моей «конструкции» (или аналогии). Я продолжаю считать ее и правильной, и оригинальной, и целесообразной. Скажу только, что Ваш образ относительно «каботажного плавания» был очень ярок и удачен и ни в какой, конечно, мере не обиден. — Я продолжаю думать, что в ученом обществе надо *читать*, а не произносить доклад. Такого рода вольная импровизация докладчиками-ораторами не божьей милостью, а силой необходимости, — является вредной для точности доклада. Я бывал много раз в заседаниях Юридического общества в Москве и *никогда* не видел, чтобы докладчик говорил, а не читал «не отрывая глаз». Присутствовал я и в Петербурге на докладе такого оратора как Вл. Дм. Набоков, — и он читал. Был я и в Риге, когда Вы произносили (это Вы!) свою речь о Суде присяжных, а на пюпитре лежали бумаги и выписки; а коллега Русиц-сениор читал свой описательный доклад тоже «не отрывая глаз». В чем же дело. — Я не говорю уже о сложности моей темы. Но я знаю, что не только большинство французов так делает, но и среди русских лекторов такой видный и популярный лектор и ученый, как покойный Новгородцев², *всегда* все читал, а не произносил на память. Ничего зазорного в том, что я судно каботажного, а не дальнего плавания, я не вижу ни для себя, ни для аудитории, меня слушавшей.

4. Если Вы признаете, что у Вас имеется антипатия к «еврейскому интеллигенту», как можете Вы опровергать слова об антипатии к «евреям». Ведь еврейский интеллигент тоже еврей, член еврейского народа... Упомянул же я о Вашей антипатии, вспомнив Ваше письмо к Александру Федоровичу [Керенскому], в котором

(в письме) Вы даете такую оскорбительную характеристику общему типу «русских евреев» вроде Марка Вениаминовича.

5. Относительно Алданова я был согласен с Вами в том, что «Ключ» хуже и ниже его исторической тетралогии. Но я спорил и не соглашался с Вами в том, что «Совр[еменные] записки» не должны были печатать этого романа. К этому моему с Вами несогласию и относились слова мои о том, что я не стану Вас «переубеждать». Для того, чтобы показать Вам, что критика относится к алдановскому роману не так, как Вы, я и прислал Вам две вырезки: Ходасевича, — с которым Вы очень легко и просто разделались, но которого не только я считаю едва ли не лучшим русским критиком и первым русским поэтом нашего безвременья, — и Зайцева, не беллетриста Бориса Константиновича, печатающегося в «Соврем[енных] зап[исках]», а Кирилла Зайцева, экономиста и литературного критика, духовно близкого Струве³. — Вы можете думать, что это все «печки-лавочки», кукушка хвалит — или не хвалит — петуха за то, что хвалит — или не хвалит — он кукушку. Но я знаю, как туг на похвалу Ходасевич. Я знаю, что Кирилл Зайцев духовно далек Алданову. И если оба они — а почему бы к их отзыву отнестись менее внимательно, чем к другим — оценивают положительно «Ключ», это оправдывает помещение романа в беспартийно-литературном журнале. Я остаюсь при своем мнении, что «Ключ» в некоторых частях злая пародия на историю, но «С[овременные] з[аписки]» и в политической области терпимы.

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Неустановленные лица.

² Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), общественно-политический деятель, правовед (д-р права с 1902 г.), философ, публицист; член ЦК партии кадетов. В 1904–1911 гг. профессор права в Московском ун-те. С 1906 г. профессор и ректор московского Коммерческого института. Депутат I Государственной думы. Эмигрировал из России в 1920 г., жил в Берлине, затем в Праге (в 1922–1924 гг. был деканом основанного им Русского юридического факультета).

³ См. примеч. 6 и 7 к п. 41.

43. Грузенберг — Вишняку

Rigā. 28 марта 1930 г.

28 марта 1930 г.

Skolas ielā, 19

Дорогой Марк Вениаминович,

я не ответил Вам на предпоследнее письмо, т.к. формально оно явилось ответом на мое, а по существу, я боялся, что под непосредственным впечатлением напишется что-н[ибудь] малоприятное.

На открытку же я не мог ответить, т.к. простуда обострила мое недомогание, — но срочная работа «из-за хлеба насущного» не позволяла мне, несмотря на повышенную темп[ературу], лечь в постель. Отсутствие воздуха (я 3 недели не выходил из дому) ослабило работоспособность — и я медленно и трудно выполнял свои юрид[ические] «уроки». Где же тут было писать. Сегодня в первый раз вышел —

и освежился. Возвращаться ли к *В[ашему] предпоследнему* письму? — Не хотелось бы, но, зная *В[аш]* полемич[еский] темперамент, опасаясь *В[ашего]* недовольства. — Отвечу кратко:

1) Довод *В[аш]* о том, что в «Сегодня» Вы хотели поместить статью для «рекламы», а дать рецензию о «Зак[оне] и с[уде]» Вас удерживало состояние сотрудником *н[ашего]* журн[ала]. Значит так: себя рекламировать в инакомыслящем органе можно, а журн[ал], к[ото]рого Вы не можете не уважать, нельзя. Но, кроме недостижимости этого самооправдания, *В[аше]* утверждение неверно и фактически. В «Совр[еменных] зап[исках]» печатался роман Алданова «Заговор», — но это не помешало (и совершенно правильно!) поместить рецензию о нем в том же журнале о своем сотруднике (о вещи, там напечатанной), — рецензию, написанную другим (и притом постоянным) *Ваши*м сотрудником.

2) Вы пишете, что по поводу *В[ашего]* ничем не вызванного выпада о предпочтительности одной религии перед другой, никто, де, не ушел во время перерыва. Вы ошибаетесь: ушло человек 50. М.б., Вы не забыли, что попросив Вас начинать, я быстро вернулся в артистич[ескую] комнату и попросил подождать еще 5 мин. А причина была вот такая: когда публика уселась, я увидел, что более, чем сильно, поредели 2–3 и 4 ряды (в первом были все свои). Тогда я попросил студентов-друзей пересадить часть публики из задних рядов.

3) Читали, де, по писанному и Набоков, и даже я. О Набок[ове] — неверно: он часто заглядывал в написанное, но никогда не читал. Что же до меня, — то даже смешно! Вы знаете, что «Сегодня» напечатало, вместо моей речи, *м[ою]* статью о суде присяж[ных] (которая через 3–4 дня появилась в *н[ашем]* журнале, причем, Ганфм[ан], ввиду ее полного несовпадения с живой речью, счел нужным оговорить, что, де, она значительно разнится)¹.

Ну да довольно: Вы сами знаете, что из Вас выработался эмигр[антский] полемист, о к[ото]рых французы говорят: «il es toujours prompt à la réplique»².

Но вот что диво дивное. — Даже сердечную, теплую фразу мою о том, что, б[ыть] *м[ожет]*, если бы поторопились с созывом Учр[едительного] собр[ания], не было бы переживаемой трагедии, и тут Вы заводите «прю»³ — и обиднее всего для Вас и за Вас, что фактически безнадежную. Свидетельствую *категорически*: на *м[ое]* указание Н.И. Лазаревский⁴ ответил грубо и сварливо (именно — сварливо, а не раздражительно!): «Чего Вам хочется, чтобы напустить и в Учр[едительное] с[обрание] всю эту сволочь!». А Кокошкин, к котор[ому] я через час-другой обратился с тем же, деликатно, но взволнованно сказал: «ведь это наша последняя ставка: неужели же можно создать Учр[едительное] с[обрание] раньше, нежели мы образуем земск[ие] и город[ские] самоуправления»⁵. Ясно! При чем же тут *В[аша]* ссылка на «бушующую революцию»? Нет, дорогой *М[арк]* *В[ениаминович]*, Вы несправедливый и — простите меня — недобрый. В отместку, пришлю, если Бог даст на Пасху отдых, ~~статью~~ воспом[инания] о д[еле] Бейлиса по матер[иалам], добытым после револ[юции]. Привет супруге и Бунакову.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). С пометой, предположительно рукой Вишняка: «Сдан “Суд” № 7 или 6?».

¹ Речь идет о статье Грузенберга «Попытка спасти жизнь офицеров на фронте (Из «Дневника Юриста»)», которая была напечатана в газете «Сегодня» (1930. 11 марта. № 70. С. 2) и в журнале «Закон и суд» (1930. № 8). Никакой редакторской оговорки о несовпадении статьи «с живой речью», о чем пишет Грузенберг, в газете не было.

² Он всегда скор на ответ (франц.).

³ пря — раздор, ссора, тяжба (др.-русск.).

⁴ Лазаревский Николай Иванович (1868—1921), правовец; расстрелян большевиками.

⁵ Кокошкин Федор Федорович (1871—1918), юрист, профессор кафедры государственного права Московского ун-та. Депутат I Государственной Думы. Один из основателей и руководителей партии кадетов, член ЦК. После Февральской революции возглавлял Юридическое совещание и Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание. Государственный контролер в составе 2-го коалиционного Временного правительства с 24 июля по 26 августа 1917 г. Депутат Учредительного собрания. 28 ноября 1917 г. арестован большевиками и заключен в Петропавловскую крепость. В связи с болезнью вместе с А.И. Шингаревым переведен в Мариинскую тюремную больницу, где оба были зверски убиты в ночь с 6 на 7 января 1918 г. ворвавшимися в больницу матросами и солдатами.

44. Грузенберг — Вишняку

Bulduri. 4 июля 1930 г.

4 июля 1930 г.

Muižas ielā, 12, *Bulduri* (bei Rigā)

Дорогой Марк Вениаминович,

сегодня получил для н[ашего] журн[ала] статью Я.М. Меньшикова¹. По-моему, он наиболее интересный в эмиграции мыслитель и своеобразный стилист (язык его еще засорен ненужной философской терминологией, но это пройдет). Не можете ли мне дать более подробные сведения²? — Чем он занимается? Возраст его? Судя по инициалам он — сын нововрем[енца] Меньшикова³. Хотя и тот был талантлив, — но этот — глубже. Какая радость, когда видишь, что пришел новый талант. Черкните все, что знаете о нем. Не забудьте отослать мне приложенную к письму (ответному на Ваше) *корректуру*.

Преданный Вам

О. Грузенберг

Сообщите, пож[алуиста], адрес И.И. Бунакова. Теперь провожу 3 дня в неделю на даче. Надеюсь, что сумею послать обещанное.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о статье Я. Меньшикова «Извлечение корня (О праве творчества и творчестве права)», начатой в № 13 (Сент.) «Закона и суда» за 1930 г. (Стлб. 413—418) и печатавшейся с продолжением в №№ 14/15 (Окт./Нояб. Стлб. 457—462), 18/19 (Февр./Март) за 1931 г. (Стлб. 607—612) и 1/2 (21/22) (Стлб. 703—708). В авторской сноске к начальному фрагменту указывалось: «Статья эта написана в развитие моей “Душа вещей” в № 22 журнала “Путь”».

² Меньшиков Яков Михайлович (1888—1953), юрист, журналист. Окончил Царскосельскую гимназию и юридический факультет Юрьевского ун-та. После эмиграции в 1922 г. жил в Париже, работал чернорабочим, водителем такси. Член Союза русских адвокатов за границей.

³ Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918), публицист, литературный критик.

45. Грузенберг — Вишняку

Rīgā. 9 сентября 1930 г.

9 сент. 1930 г.

Skolas ielā, 19, Rīgā

Дорогой Марк Вениаминович,
у меня к Вам небольшая просьба.

Вернувшись на этих днях из Берлина, куда ездил на собрание Админ[истративного] к[омите]та Jew[ish] Agency (тягостная и ненужная потеря целой недели, всю меру тягости которой Вы можете понять, если читали статью мою в «Сегодня», сданную 27-го, в день м[оего] отъезда (№ от 29 авг[уста])¹, я застал письмо С.В. Завадского², в котором помещена след[ующая] фраза: «Рад, что моя рецензия, *хотя и безжалостно урезанная редакцией*, удовлетворила Вас»³.

Бог с Вами: насильно мил не будешь. — Не для упрека пишу, а вот для чего: мне и товарищам по редакции в[есьма] интересно мнение Сергея Владиславовича [Завадского] и в той части, которую Вы вычеркнули. Помните, Вы сами спрашивали когда-то ценимых В[ашим] журналом лиц об их мнении о той или иной книге. Будьте добры — пошлите рукопись С.В. [Завадского] — для ознакомления. Заранее спасибо. Написал бы подлиннее, да вот беда: вернулся простуженным 4 дня т[ому] н[азад], пролежал 3 дня в постели, сегодня, хотя и поднялся, но все еще ~~простужен~~ температурит [так!]. Господи! Как надоел мне 5-й акт и как бездарно долго он тянется.

Написал, незадолго до отъезда, Илье Исидоровичу [Фондаминскому]. Вижу, что огорчил его (отвык он в Парижах от откровенного слова): не сержусь на него, — должно быть, причинил ему боль. Ничего не поделаешь. Сердечный ему привет. Вероятно, он ознакомил Вас с м[оим] письмом.

Поклон Вам от Розы Гавр[иловны] и Юрия Оск[аровича]⁴.

Поклонитесь от меня В[ашей] супруге.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о статье Грузенберга «Возвышающий обман или печальная правда? (К вопросу о путях сионизма)» (Сегодня. 1930. 29 авг. № 238. С. 2–3), которая была посвящена кризисному моменту в развитии сионизма, или, как гораздо резче обозначил проблему сам Грузенберг, определив ее как катастрофу «старых путей, старых методов, обветшалых лозунгов и щекочущего национальное самолюбие парадного шествия общих мест и пустозвонных» фраз (С. 2). При этом Грузенберг, не довольствуясь поверхностными, как ему казалось, объяснениями катастрофического состояния сионизма, ставил вопрос о некоей «роковой, самоубийственной» ошибке его лидеров. «Ошибка эта, — писал он в этой статье — легкомысленная, горделивая уверенность, что можно в силу одних исторических прав потребовать от народа, который владеет нашей территорией 2000 лет, отдачи нам своего суверенитета только потому, что Англия декларацией лорда Бальфура обещала создать “Еврейский Национальный Дом”. Политические обещания? Разве опыт недавней чудовищной войны не научил, что любой мелкий лавочник выполняет свои обязательства честнее, нежели государства» (Там же).

² Завадский Сергей Владиславович (1871–1935), ученый-правовед, профессор петербургского Александровского лицея. Родился в семье известного судебного деятеля и в сравни-

тельно молодые годы достиг должности обер-прокурора в Правительствующем Сенате. После прихода к власти большевиков жил в эмиграции в Праге, где получил кафедру гражданского права на русском юридическом факультете Карлова университета. Печатался в гессеновском «Архиве русской революции». См. его некрологи: Рудин А. Памяти учителя проф. С.В. Завадского // Сегодня. 1935. 5 июля. № 183. С. 8; Лазаренко А. Памяти С.В. Завадского // Закон и суд. 1935. № 8 (58). Стлб. 2097–3002.

³ Речь идет о рецензии С.В. Завадского на № 1–8 журнала «Закон и суд», напечатанной в 43-й книге СЗ за 1930 г. (С. 518–519).

⁴ Грузенберг Юрий Оскарович (?–1932), сын О.О. Грузенберга.

46. Грузенберг — Вишняку

Рига. 21 сентября 1930 г.

Рига, 21 сент. 1930 г.

Дорогой Марк Вениаминович,

Вы — полемист прекрасный, но для полемики нужна точка приложения. Зачем в своей открытке Вы поместили целую тираду о «несправедливости» (я считаю себя справедливым) моего, будто бы, «полу[у]прека».

Ни в чем я Вас не упрекал и ни минуты не сомневался, что отзыв Завадского обо мне Вы поместили полностью. Напротив, я был уверен, что Вы поручили ему рецензию о н[ашем] журнале, так как ни я, ни кто-либо другой никогда ни прямо, ни косвенно, — ни даже намеком не просили его о рецензии. Она была для меня полной *неожиданностью*. Не думал я, что Вы сделали какие-л[ибо] сокращения в рецензии касательно других авторов. В своем очередном письме по поводу при-сылки новых «миниатюр» (они оч[ень] нравятся и мне, и читателям) я поблагодарил Завад[ского] за доброжелательный отзыв о н[ашем] журнале. Из ответа С.В. [Завадского] я процитировал те строчки, которые касаются рецензии. Вы знаете, что я люблю н[аш] журнал, высоко ценю его сотрудников за их полное бескорыстие, — а потому, конечно, понимаете, что учиненное в отнош[ении] их обрезание меня огорчило. Ясно, что нельзя считать **актом** проявлением особой любви этот акт со стор[оны] В[ашего] журнала. Вероятно, не так уж много было написано. Вот почему я и упомянул, что «насильно мил не будешь». Предмет же м[оей] просьбы я снова повторю: пришлите, когда вернется корректорша, урезанное. Мы оч[ень] ценим мнение С.В. Завадского, так как он — отличный теоретик и практик. Только этот мотив и вызвал м[ою] просьбу, к[ото]рую усердно поддерживаю и теперь.

Всего хорошего. Привет Вам от Розы Гавр[иловны] и Юрия Оскаровича. Поклон уважаемой супруге. Преданный Вам искренно

О. Грузенберг

Читали ли Вы «Курс» Лазерсона^{1?} У нас все как-то уклоняются от рецензии. Думал было сделать сам и пробежал кн[игу] — и впал в недоумение. — Ни одного живого места: прагматическая часть — повторение чужих учебников, теоретическая не идет далее всем известных задов Петражицкого. Я — не специалист по вопросам госуд[арственного] права и оч[ень] хотел бы узнать Ваше мнение. Само собою, гарантирую «тайну». Отчего не шлете своих статей? Буду им рад.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Письмо на бланке: «Русское юридическое общество и журнал “Закон и суд”. Рига (Латвия), Школьная ул. № 19».

¹ Грузенберг, по всей видимости, имеет в виду книгу М.Я. Лазерсона «Общая теория права» (Рига: Жизнь и культура, 1930).

47. Грузенберг — Вишняку *Рига. 20 февраля 1931 г.*

Рига, 20 февраля 1931 г.

Дорогой Марк Веняминович,
простите, что этот раз обращаюсь к Вам печатным, а не писанным посланием: причина тому все чаще повторяющаяся боль в руках.

У меня к Вам большая сердечная просьба. В Париж переезжает из Кишинева прис[яжный] повер[енный] Д.М. Каушанский. В сущности, он не столько адвокат, сколько крупный ученый: его ждала кафедра в германском университете, но проклятая война сгубила его мечту.

Однако он не сдавался и не сдаётся: у него печатные труды на шести европейских языках. Сейчас у нас в редакции лежит его прекрасная статья по фран[цузскому] праву — «abandon de famille»¹.

Едет он без всяких средств — и необходимо дать ему возможность как-нибудь устроиться и сблизить его с русскими и французскими учеными: наука — его стихия.

Я не пишу отдельных писем П.Н. Милюкову, бар. Б.Э. Нольде², Тагеру³, Ельяшевичу⁴ и др., так как совестно гонять почтенного человека, как мальчишку, с рекомендательными письмами к разным лицам. Я уверен, что Вы сами переговорите с ними и от своего, и от моего имени. Вы сами хорошо познали на себе горечь эмигрантского хлеба, а потому, кроме присущей Вам отзывчивости, понимаете и чувствуете чужую боль не намного менее, чем свою собственную.

Прочел последнюю книжку «Совр[еменных] зап[исок]»⁵. Составлена она много лучше, нежели последние три книжки. Не говоря о Вашей, выдержанной, как всегда, в принципиальных тонах и прекрасно написанной, статьи, и все остальное оч[ень] хорошо. — Прекрасен Зайцев в своем биографическом романе о Тургеневе, интересен, на этот раз без вычур, Сирин и хорош Алданов⁶. Последний бросил свое насмешливо-холодное изображение русской революции и написал оч[ень] интересные страницы из личной жизни его героев, — страницы, сплетенные со стихией революции. Особенно удались ему описания убийства англ[ийского] офицера Кроми и бессознательной, радостной жертвенности Вити (вот это и есть революция).

Впрочем, отзыв об этой книжке в нескольких строках письма бесцелен, а потому прерываю свою рецензию. Порадуйте меня хорошими вестями о Ваших личных удачах: они придут, — хотя бы потому, что жизнь Ваша в эмиграции слишком однообразно-неудачна. Все-таки жизнь не так уж бездарна — она сменит свое однообразие и в отношении Вас, имеющего на это бесспорные права.

Сердечный поклон уважаемой Марье Абрамовне [Вишняк]. Роза Гавр[иловна] кланяется Вам обоим. Преданный Вам искренно

О. Грузенберг

Г-ну М.В. Вишняку. В Париже.

Боюсь, что оправдается м[ое] предсказание, к[ото]рое, помнится, я сделал еще в одном из писем из Ниццы к И.И. Бунакову. — Едва народится новый журнал, как он отвлечет от «Совр[еменных] зап[исок]», ввиду его альманашного характера, многих сотрудников и читателей. Дело не в том, — нравится ли мне или нет «Путь», а в том, что в нем бьется нерв молодой, дерзующей жизни⁷. А молодость, к[а]к сказал Ибсен устами трусливого Сольнеса, всегда побеждает⁸. Думал давать В[ашему] журналу «Дневники», для каждой кн[ижки] ½—1 л[ист], но т.к. Илья Ис. [Фондаминский] разыгрывает «бройгес⁹», то Господь с ним!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Письмо на бланке: «Оскар Осипович Грузенберг. Rīgā (Latvija), Skolas ielā, 19».

¹ Статья Д.М. Каушанского «Французский закон d'Abandon de famille и его значение» была опубликована в № 17 журнала «Закон и суд» за 1931 г. (Стлб. 537—542).

² Нольде Борис Эммануилович, барон (1876—1948), политический и общественный деятель, юрист, историк и теоретик права, прозаик, литературовед, дипломат.

³ П.С. Тагер, адвокат.

⁴ Ельяшевич Василий Борисович (1875—1959), историк, правовед.

⁵ Грузенберг имеет в виду 45-ю книгу СЗ за 1931 г., вышедшую в конце января.

⁶ Б. Зайцев был представлен продолжением романа «Жизнь Тургенева» (С. 220—270), печатание которого началось в предыдущей, 44-й книге; Сиринов (В. Набоков) — девятью главами нового романа «Подвиг» (С. 149—185); М. Алданов — второй частью романа «Бегство» (С. 55—148).

⁷ Журнал «Путь» — орган русской религиозной мысли (ред. Н.А. Бердяев) — возник в сентябре 1925 г. и просуществовал до марта 1940 г. (всего вышел 61 номер).

⁸ Реплика Хальвара Сольнеса, главного героя драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892) (действие 1).

⁹ ссору (идиш).

48. Грузенберг — Вишняку Rīgā. 5 марта 1931 г.

Рига, 5 марта 1931 г.

Дорогой Марк Вениаминович,

горячее спасибо за добрую память — присылку Вашей новой кн[иг]и¹. Я не брался за перо, пока не прочел е[е] в[сю]. Теперь я закончил чтение — и рад, что [мо]гу с полной искренностью написать Вам, ч[то] в[ы]нес не только прекрасное впечатлени[е, н]о и пережил приятные часы. Правда, п[очти] все статьи я читал раньше, но в[мес]те собранные, они производят боле[е] гл[убокое] и цельное впечатление. Помимо и[нт]ересных тем и отличного изложения, будит [глубо?]кое ~~изложение~~ уважение единство мысли и убежде[ния]. Это — не альманах и не «перекати-поле». От души желаю В[ашей] книге успеха и широкого распространения. Она того заслуживает.

Здесь теперь читает публичные лекции проф. Ильин². Я был на первой из них (о причинах русской революции). Должен сказать, что Ильин — большой талант, острый, независимый ум и мастерское живое, нервное слово. Под многим из того, что он говорил, подписались бы и Вы: ничего «черносотенного». Бессильна лишь его панацея — усиление, — точнее, возрождение — религиозного начала. Как Вы знаете, я — глубоко верующий, но не церковно, — и тем не менее считаю, что «внушать» веру, как *средство*, невозможно. Вера — благодать и, к[а]к *всякая* иная благодать, она даруется свыше. Массы во всем мире потеряли веру — и словесными кулаками ее не водворить. Могут быть вспышки вследствие оскорбительного и деспотического поругания ее (Россия), но... не течет река обратно. Однако на [ре]лигиозном же начале стоят и Ваши миляги — Степу[н, Б]ердяев, Шестов, — с тою, однако, разницею, что у [них] это неискренне, а у Ильина, хотя и гневно (т[ого и гл]яди, достукается до «св[ятой] инквизиции»), но искрен[не].

Он прочтет у нас (в [Русском] юр[идическом] общ[еств]е) 8 с[его] м[есяца] доклад на тему: «К вопросу о к[ризис]е современного правосознания». Хотя лич[ность] его мне ясна, но, ввиду его репутации, в э[мигра]ции, я сделаю перед началом доклада введе[ние.] где отмежую Ильина-публициста от Иль[ина] же, к[а]к учен[ого]. Это, хотя лишне[е], — но я уваж[аю] свой вчерашний день и не хочу дать места соблазну и кривотолкам. Был ли у Вас уже г. Каушанский (кишинев[ский] прис[яжный] повер[енный])? Я послал ему ввиду его переезда в Париж письмо к Вам: он — талантливый, глубоко образованный юрист и порядочный человек. Рассчитывая, что он будет в Париже к 1-му марта, я написал Вам кое-что и относ[ительно] «Совр[еменных] зап[исок]». Сердечный привет Вам и Марье Абр[амовне] от меня и Розы Гавр[иловны].

Искренно преданный Вам

О. Грузенберг

Посмотрите послед[ний] том москов[ской] «*Большой энциклопедии*». Там я с удивлением прочел о себе³. Так в эмиграции редко кто писал обо мне. Как им позволяют там? Но как они следят за нами, знают чуть ли не каждый шаг. Однако, ошибка, что я был к[онституционным]-д[емократом]: я был 3 мес[яца] н.-с.⁴, но и то надоело: политика — не мое ремесло.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Письмо на бланке: «Русское юридическое общество и журнал “Закон и суд”. Рига (Латвия), Школьная ул. № 19». Фрагменты текста в середине листа полностью утрачены от сырости.

¹ Речь о книге Вишняка «Два пути (Февраль и Октябрь)» (Париж: Совр. записки, 1931).

² Живший в Берлине проф. Иван Александрович Ильин (1883–1954) был приглашен в Ригу для чтения лекций правлением Русского национального союза (председатель — П.Н. Якоби). В общей сложности он прочитал четыре лекции: 2 марта («Мировые причины русской революции»), 4 марта («Русский национальный характер и его исторические корни»), 8 марта («К вопросу о кризисе современного правосознания») и 9 марта («О сопротивлении злу силой»).

³ В первом издании Большой советской энциклопедии о Грузенберге говорилось: «Грузенберг, Оскар Осипович (род. 1866), известный в дореволюционный период юрист и общественный деятель. В 1889 Г. окончил юридический факультет Киевского ун-та и быстро выдвинулся как талантливый защитник и один из лучших знатоков уголовного процесса и сенатских решений. На протяжении ряда лет Г. участвовал, обычно руководя защитой, в

различных “громких” делах, имевших в то время большое политическое и общественное значение. Г. защищал М. Горького, Короленко, стоял во главе защиты в процессе Петербургского совета рабочих депутатов, выступал в 1908 в сенате по делу о Выборгском воззвании, защищал студента Дашевского по обвинению в покушении на убийство черносотенца Крушевана и т.п. Большое общественно-политическое значение сыграли многочисленные выступления Г. и по т.н. армянским и еврейским “национальным” делам (дело Бейлиса, дело Блондеса и др.). Будучи одним из основателей и редакторов уголовного отдела газеты-журнала “Право” (1898–1901), ведая отделом “уголовный суд” в “Журнале С. Петербургского юридического общества”, Г. посвятил много внимания и теоретической разработке различных правовых вопросов. По своим политическим убеждениям Г. принадлежал к партии к.-д., не отличаясь впрочем особой политической активностью. Временным правительством был введен в сенат и затем послан для ревизии дел Черноморского флота. Был избран депутатом в Учредительное собрание. После Октября Г., недолго пробыв в Одессе и Тифлисе, эмигрировал и жил в Германии и Франции, сблизившись там с еврейскими сионистскими кругами. С 1927 Г. живет в Риге, выступая там с рядом лекций по различным вопросам» (М.: Сов. энциклопедия, 1930. Т. 19. Стлб. 477).

⁴ Членом партии народной свободы.

49. Грузенберг — Вишняку

Rīgā. 20 марта 1931 г.

20 марта 1931 г.

Skolas ielā, 19

Дорогой Марк Вениаминович,

понятно, буду рад, если пришлете предлагаемую вводную главу. Будем печатать по 5 столбцов в №-ре. Сделайте сами нужные извлечения, т.к. заранее говорю, что в *Ваших* статьях, как и в статьях других сотрудников, обладающих *собственной* визитной карточкой, я не позволяю себе и не позволяю коллегам по редакции изменять хотя бы отдельное слово. — В ~~таких~~ случаях, когда хочется вычеркнуть или исправить, я говорю: зашей себя в его шкуру¹.

«Большой энц[иклопедии]» я не читаю (трудно достать): о себе я узнал только потому, что мне прислала соответствующий том редакция «Сегодня» — на 2 часа.

По прочтении В[ашего] письма позвонил в редакцию, к[ото]рая прислала мне на поглядение «Б[ольшую] энц[иклопедию]». Что ж говорить: статья о Вас «политическая», со всеми, истекающими из сего, прелестями². Я не понял — почему Вы по поводу статьи «Б[ольшой] энц[иклопедии]» обо мне пишете: «могло быть хуже!». Статья — добросовестная, даже теплая, — не хуже той, которую дал в «Энцикл[опедии] Брокгауза и Ефрона» пок[ойный] В.Д. Набоков³. Во всяком случае, в эмиграции мне ничего подобного не приходилось читать.

Оч[ень] огорчает меня начатая печатанием статья Меньшикова: против нее прочел несколько возражений читателей (первый случай!). По-моему, главная причина в туманном, нарочито-«философском» яз[ыке], — тем не менее, доведу печатание до конца. Нельзя обижать человека, — мнение же мое о нем прежнее: настоящий мыслитель, хотя, видно, характер и душевная сущность не из перво-классных⁴. Кто же из философствующих эмигрантов лучше? — Степун? — Мысли-

тель, кокетливо повязывающий модный галстучек перед зеркалом вечности. Не Шестов ли? — Ругающийся с Господом Иов, не имеющий оправданий иовых: кондуит Шестова не из трагических⁵. Хорош богоборец, боящийся любого городского. Мережковский? — Большой талант, прикасающийся к вольному творчеству не иначе, как через презерватив: от презервативного же горения зачатия не бывает.

Что до меня, то настроение, как и раньше: когда много работаешь, личные огорчения сильно ослабевают. Что же до взглядов моих на «мировое» будущее, то они Вам известны: если не поспеют Европ[ейские] Соед[иненные] Штаты Бриана (пусть он, из осторожности, называет их «эконом[ическими]»), но они не могут не быть и политическими: иначе их вовсе не будет⁶, если не поспеют, — то большевизм везде победит. Не в том дело, что большевики сильны, а в том, что демократия слаба. Правые же течения могут мутить, но не победить: не течет река обратно.

Крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

Был ли у Вас Каушанский? Видимо, серьезный ученый.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Возможно, речь идет о статье Вишняка «Проблема Учредительной власти», которая начнет печататься в «Законе и суде» только через год; см. примеч. 3 к п. 54.

² В статье, помещенной в Большой советской энциклопедии (автор С. Алексеев), общественно-политический портрет Вишняка был представлен следующим образом: «правый социалист-революционер, журналист, юрист, активный белогвардеец. Окончил Московский ун-т по юридическому факультету, был оставлен при ун-те по кафедре государственного права. Участвовал в студенческом движении в Москве в 1904, с 1905 — член партии с.-р. В 1905 Вишняк участвовал в редакции «Известий» Московского Совета рабочих депутатов. За революционную работу неоднократно подвергался арестам, ссылкам и иным репрессиям. Во время войны занимал оборонческую позицию. После Февральской революции — член Исполнительного Комитета Совета Крестьянских депутатов, гласный Московской городской думы, член московского Государственного совещания, секретарь Временного совета Российской Республики («предпарламента»). Со времен Октябрьского переворота — неизменный враг Советской власти. В начале 1918 входит в состав Союза Возрождения России. Летом 1918 уезжает на Украину, в 1919 эмигрирует во Францию, где живет и поныне. Один из основателей и редактор бело-эсеровского журнала «Современные записки», издаваемого в Париже с 1920. Проф. русского юридического факультета при Institut des Études Slaves и Франко-Русского ин-та в Париже. Плодовитый литератор, автор нескольких научных юридических работ («Автономия и федерация», изд. 1917; «Право меньшинств», Париж, 1926, и другие). В числе политических произведений В. заслуживают упоминания книги «Большевизм и демократия», Нью-Йорк, 1919; «Черный год», Париж, 1922. В своих научных работах воюет против материализма, выступая в качестве идеалиста и «верующего». В вопросах права примыкает к т.н. нормативной школе в государствоведении Еллинека — Кельсона [sic! = Г. Кельзена]» (М.: Сов. энциклопедия, 1930. Т. 11. Стлб. 363—364).

³ В.Д. Набоков написал для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона статью о Грузенберге следующего содержания: «Грузенберг Оскар Осипович — известный юрист и общественный деятель. Род. в 1866 г., окончил юридический факультет киев. унив. в 1889 г. Присяж. пов. округа спб. палаты. Был в числе основателей газеты «Право», где в 1898—1901 гг. редактировал (вместе [с] В.Д. Набоковым) уголовный отдел. Наибольшую известность Г. приобрел как уголовный защитник, в частности — по политическим и лите-

ратурным делам. Он защищал ряд писателей и общественных деятелей, как, напр., М. Горького, Короленко, Анненского, Пешехонова, Венгерова, Милокова, Петражицкого, Гессена, Чуковского и др. Он стоял во главе защиты в деле “Совета рабочих депутатов” (1906) и выступал по делу о Выборгском воззвании (в 1908 г., в Сенате). Г. принимал также участие в той или иной стадии производства по наиболее крупным еврейским делам (обвинение евреев г. Орши в нападении на христианское население из побуждений религиозной вражды; дело о Кишиневском погроме; дело Дашевского, обвинявшегося в покушении на убийство Крушевана и др.). Особенно важным представляется дело Д. Блондеса, обвинявшегося в покушении на убийство христианской девушки, причем высказывалось предположение о ритуальной цели преступления. Г. удалось добиться кассации первого (обвинительного) приговора и конечного оправдания Блондеса. В 1911–1913 г. Г. вел столь же энергичную борьбу по делу Бейлиса аналогичного характера. Столь же замечательное выступление Г. по делам, рассматривавшимся в военных судах (особенно дело Пирогова; о нем ст. Короленко в “Русск. бог.”), где ему приходилось в самых тяжелых условиях бороться за жизнь подсудимых и спасти их. Г. заслуженно пользуется репутацией превосходного судебного оратора. Несмотря на то, что в речах его всегда с величайшей тщательностью обработан юридический и фактический материал, они своею бурной стремительностью производят впечатление импровизации, и тем сильнее достигаемое ими впечатление. Наряду с этим Г. считается одним из знатоков теории и практики русского уголовного права и в особенности процесса» (Т. 15. Стлб. 120).

⁴ См. примеч. 1 к п. 44.

⁵ Подразумевается книга Л. Шестова «На весах Иова», которая почти одновременно в мае 1929 г. вышла по-немецки (пер. Г. Руофа) и по-русски (в последнем случае — в издательстве «Современные записки»).

⁶ Одной из самых популярных политических идей этого времени была идея Соединенных Штатов Европы («пан-Европы»), принадлежащая французскому министру иностранных дел А. Бриану (на официальном уровне впервые прозвучала в его речи на Ассамблее Лиги Наций в Женеве 5 сентября 1929 г.; наиболее полное выражение нашла в меморандуме правительства Франции от 1 мая 1930 г., адресованном правительствам европейских государств). В основе плана «пан-Европы» лежал принцип установления между европейскими народами «режима постоянной солидарности» (упразднение таможенных барьеров в торгово-экономических отношениях между европейскими государствами и др.) и стоявшего за этим противостояния стран «Европейской федерации» коммунистическому Советскому Союзу, который первоначально не был приглашен участвовать в работе Европейской комиссии, учрежденной Лигой Наций в мае 1930 г. для изучения плана «пан-Европы».

50. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 29 мая 1931 г.

29 мая 1931 г.

Skolas ielā, 19

Дорогой Марк Вениаминович,
хотел уже давно написать Вам не только для того, чтобы поблагодарить за присылку книги и за все, что сделано Вами для м[оего] рекомендованного [так!], — но и о моем желании посвятить этой книге м[ой] «дневник» в № 21 «Зак[она] и суд[а]». Я только не знаю, как подойти, чтобы избежать упрека в голой публицистике. Надоумьте. Книга Ваша мне оч[ень] нравится¹ (значительную часть ее я читал в В[ашем] журнале) не только содержанием и формой, но также твердостью и четкостью отправных штандпунктов². Написал бы для 20 №, который

выходит на будущей неделе, но невозможно: приходится дать место статье о Петраж[ицком], которую я в течение 3-х с небольшим часов написал для «Сегодня», под влиянием сообщенной мне М.И. Ганфманом по телефону телеграммы³. Я видел его в конце декабря в Варш[аве] — изо дня в день — за пятидневное мое пребывание в ней. Ясный ум, острая память, отчетливое мышление, — но опустошенная душа: изверился во все... Он говорил о самоубийстве, от которого удерживает его вера в загробную жизнь. Работать не для кого (люди глупы и злы) и не для чего. Смерть его тяжело на меня повлияла — в особенности, когда от приехавшего в Ригу через 2 дня по напечатании м[оей] ст[атьи] я узнал, что Петр[ажичский] не вынес душевной пытки и застрелился. Страшно становится: гады, паразиты живут припеваючи, а для гения нет места на запоганенной ими земле.

Литовцы, несмотря на вражду с Польшей, поступили необычайно великодушно (мягкий и сердечный народ): прочитав м[ою] статью, пригласили м[еня] сказать речь в день открытия I юрид[ического] конгресса представителей прибалтийских стран в Ковне⁴. Среди литовцев много его учеников и почитателей.

Здесь такой пиетет к заслугам немислим: интеллигенция латыш[ская], или точнее, — латыш[ские] юристы никого и ничего не признают, кроме собственного заносчивого невежества и грубого стяжательства. Если бы они могли, они вырезали бы мозг у талант[ливых] людей, дабы не так ярко бросалась в глаза их собственная бездарность. Подумайте: о Петр[ажичском] ни в одной из латыш[ских] газет ни одной строки⁵.

Посылаю Вам философ[скую] работу племянника Розы Гавр[иловны] — Иосифа Влад[имировича] Биллига⁶. Его оч[ень] ценят как оригинал[ального] мыслителя; по этой работе окончательно составить о нем мнение нельзя: она историческая. Однако оригинален опыт показать преломление немец[кого] идеализма у русс[ких] романтиков. Прочтите внимательно и дайте отзыв либо сами, либо поручите дать его незлобному человеку, незараженному эмигрант[ским] кумовством⁷. Крепко жму руку. Привет Вам и уважаемой Марье Абрамовне от Розы Гавр[иловны] и меня. Преданный Вам

О. Грузенберг

Отчего же не шлете обещанной статьи?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ См. примеч. 1 к п. 48; Грузенберг о книге Вишняка не писал — причину он объяснил ему позднее; см. п. 52.

² Standpunkt (нем.) — позиция, точка зрения.

³ См.: *Грузенберг О.О.* Умер Л.И. Петражицкий // *Сегодня*. 1931. 17 мая. № 136. С. 2; перепечатана в «Дневнике юриста» Грузенберга (Закон и суд. 1931. Апр. № 20. Стлб. 627–634).

⁴ Организованный по инициативе министерства юстиции Литвы I Съезд юристов балтийских государств проходил в Ковно 21–22 мая 1931 г. (отчет о съезде, написанный проф. В.И. Буковским, появился в сдвоенном № 1/2 (21/22) журнала «Закон и суд» за 1931 г. Стлб. 677–682).

⁵ Некрологи на смерть Петражицкого написали: в «Законе и суде» (в том же номере, что и перепечатка некрологической статьи Грузенберга) проф. А. Круглевский (Стлб. 641–642); *Оболенский В.А.* Памяти Л.И. Петражицкого // ПН. 1931. 18 мая. № 3708. С. 2; *Словцов Р.* Памяти проф. Л.И. Петражицкого // НРС. 1931. 28 мая. № 6696. С. 2; *Ельязевич В.Б.* Лев Иосифович Петражицкий: (По личным восп.) // ПН. 1931. 29 июня. № 3750. С. 2–3.

⁶ Биллиг Иосиф Владимирович (Joseph Billig; 1904–1994), историк Холокоста, до 1976 г. работал в Центре современной еврейской документации в Париже, автор многих книг и статей, исследующих трагедию геноцида европейского еврейства в годы Второй мировой войны. Родился в Петербурге. Окончил Берлинский университет в 1929 г. После прихода Гитлера к власти переехал во Францию. В 1939 г. стал добровольцем французской армии, участвовал в «смешной войне», был ранен и с 1940 по 1945 г. провел в плену в Германии. Во время Нюрнбергского процесса принимал участие в работе американской прокуратуры, в частности изучал «дело А. Розенберга», см. его знаменитую книгу «Alfred Rosenberg dans l'action idéologique, politique et administrative du Reich hitlérien, inventaire commenté de la collection de documents conservés au C.D.J.C., provenant des archives du Reichsleiter et ministre A. Rosenberg» (Paris: Centre de documentation juive contemporaine, 1963).

⁷ Речь идет об одной из двух книг, одновременно изданных И.В. Биллигом: «Der Zusammenbruch des deutschen Idealismus bei den russischen Romantikern» или «Der russische Idealismus der 30er Jahre und seine Überwindung» (обе: Berlin: Heymann, 1930).

51. Грузенберг — Вишняку

Rīgā. 12 юния 1931 г.

12 юния 1931 г.

Skolas ielā, 19

Дорогой Марк Вениаминович,

я рад исполнить всякую просьбу — в особенности, в отношении Г.Д. Гурвича¹, о котором всегда тепло отзывается И.В. Биллиг. К сожалению, из его приезда в Ригу ничего не выйдет. В смысле научном он не найдет здесь ни малейшего приложения для своих сил: в ун[иверсите]т, *как жиды*, его не пустят, а печати, где бы он мог работать, не существует. Мне казалось, что Вы все это отлично сами постигли, прожив в Латвии ок[оло] месяца. Неужели же Вас ввело в заблуждение отношение, которое, — как уверяют, — встречаю я здесь. Но если даже допустить, что это так, то ведь этому «успеху» предшествовала долгая жизнь и работа. Если везде теперь неохотно платят долги, то займы в Риге *вовсе* не дают. А г. Гурвичу придется обращаться здесь за кредитом, т.к. никто *здесь* не знает философов, не достигших еще популярности.

Остается устройство публичных лекций. Прежде всего, — теперь *более* чем неохотно дают разрешение иностранцам на чтение лекций. Приглашенному *Национальным союзом* для прочтения нескольких лекций проф. Ильину оч[ень] долго не давали разрешения, пока б[ывший] ректор Латв[ийского] ун[иверсите]та, проф. Зилле (латыш), по просьбе своего сына (*русского монархиста*; впрочем, проф. Зилле — такой же), выхлопотал ему, при помощи дир[ектора] админ[истративно]го] д[епартамен]та Мин[истерства] вн[утренних] дел В.И. Лудиньша, — единственного здесь заступника за эмигрантов, — не добился успеха.

Затем, если после больших усилий и удастся г. Гурвичу получить разрешение, то что же могут ему дать лекции? — Как уже указано выше, при всех своих достоинствах, он публике совершенно неизвестен. — Стало быть...

Значит, нужно ему запастись лицом, к[ото]рое бы обладало здесь не только крупным авторитетом, но которое было бы склонно к жертвенности, т.к. для того,

чтобы устроить удачно хотя бы одну лекцию, требуется быть маниаком недели две. Я в этом отношении имею некоторый опыт.

О книге Биллига. — Посылаю Вам зак[азной] банд[еролью] еще один экз[емпляр], который не откажите переслать проф. Степуну при надлежащем письме. Если Вы заранее сомневаетесь, что Ст[епун] напишет рец[ензию], то не будете ли добры обратиться одновременно к Бердяеву или кому другому из работающих в журн[але] философов, более аккуратных в деле писания. При желании, — легко все это осуществить².

Крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

О Петражицком. — Вы пишете, что об его самоубийстве узнали из м[оей] статьи в «Сегодня»³. Когда я писал ее, я этого не знал. Когда Ганф[ман] прочел мне по телеф[ону] телеграмму, я ~~сказал~~ крикнул: «Он покончил с собою!!! — Ганф[ман]: «Нет, — н[аш] корресп[ондент] дополнил бы телегр[амму], хотя бы для н[ашего] сведения, этим указанием». Овладев собою, я написал свою статью в теч[ение] 3 час[ов]. Меня нервил еще, отрывая от работы, Мильруд: «ведь мы Вас просим иметь в виду, что воскр[есный] номер мы печатаем первые 4 стр[аницы] в 4 часа. Не попадет!» О самоубийстве я узнал через 3 дня, от приехавшего сюда из Варш[авы] А.Ю. Блоха⁴, попавшего на квартиру Петр[ажичского] чер[ез] несколько час[ов] после самоуб[ийства].

Огорчили Вы м[еня] сообщением, что слышали его в Гос[ударственной] Думе и он был плох. Какое это имеет отнош[ение] к гениальному ученому? Такое же, если бы через день после В[ашей] смерти кто-ниб[удь] сказал бы: «А он, Вишн[як], плохо танцевал танго». Эх, мелочный Вы человек!

Из области лекционной: получил вчера из Налогового д[епартамен]та повестку о взносе 6,30 лат за лекцию Вишняка (через 3 года!). Ничего не поделаешь: надо вносить!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Гурвич Георгий Давыдович (Давидович) (1894—1965), юрист, теоретик права, социолог, философ, историк, беллетрист. В гимназические годы входил в латышскую социал-демократическую партию. Учился на юридическом факультете Юрьевского ун-та, а также в Гейдельберге и Лейпциге; окончил Петроградский ун-т в 1917 г. Эмигрировал из России в 1920 г., жил в Берлине и Праге (преподавал на Русском юридическом факультете), с 1925 г. — в Париже (в 1925—1933 гг. профессор юридического факультета Сорбонны). В 1936 г. и в 1945—1948 гг. жил в Страсбурге и преподавал в Страсбургском ун-те. В 1940 г. переехал в США. Преподавал в Новой школе социальных исследований. После Второй мировой войны, возвратясь во Францию, становится одним из крупнейших социологов мира. С 1948 г. профессор социологии Сорбонны, директор Практической школы высших исследований. В 1953—1956 гг. президент Института социологии; в 1960—1963 гг. возглавлял комиссию социологии и демографии Национального центра научных исследований; в 1962 г. — предидент Международной ассоциации социологов франкоязычных стран. Масон.

² Книги И.В. Биллига в СЗ не рецензировались.

³ Имеется в виду некролог Грузенберга «Умер Л.И. Петражицкий» (Сегодня. 1931. 17 мая. № 136. С. 1).

⁴ Неустановленное лицо.

52. Грузенберг – Вишняку*Rīgā. 26 июля 1931 г.*

26 июля 1931 г.

Skolas ielā, 19

Спасибо, дорогой Марк Вениаминович, за заботы о «труде» Биллига. Ничего из этого не выйдет: в эмигр[антской] литературе нет места истинной критике, — есть лишь кумовство, *do ut des*¹. Конечно, читатель презирает эту «критику», имеет свое суждение о людях, событиях и книгах. Где же найдется место для отзыва о трудах специальных... Книгу Биллиг послал, согласно В[ашему] указанию, проф. Степуну. Теперь, после В[ашего] письма, он, согласно м[оему] предложению, послал экз[емпляр] проф. Бицилли. Конечно, результат выйдет тот же. Отчего бы Вам самому не написать? Честно хотел исполнить свое намерение относит[ельно] В[ашей] книги, набросал свои мысли — и пришел в ужас. Вы знаете, что и в устной беседе я правдив, но в нее врывается иногда элемент «настроения»; в писании же нет и этого случайного. Так вот — расхвалил Вас за искренность, постоянство, чувство ответственности, а когда перешел к содержанию книги, то написал то, что думаю о поведении *социалист[ической]* росс[ийской] партии во время революции. Вышло нечто обидное, — особенно для В[ашей] партии: с кем только она не паровалась, — с Врем[енным] пр[авительств]ом, с Деникиным, с Колчаком, — со всякой сволочью, к[ото]рая дорвалась до власти. Выходит так: либо она не понимала *окружения* этих героев: тогда она — дура; если же она понимала, — то тогда кто же она?.. Революционер, особенно при социальной революции, должен быть всегда с революцией, даже тогда, когда она перешагнула за его заветный предел: все равно как солдат не может ссылаться на то, что он пошел на войну, чтобы прогнать врага, а не воевать на его земле. Я — не политик, не люблю ее, — но есть этика и в политике: таково мое мнение, хотя я — индивидуалист. При таком взгляде, возможно, ошибочном — моя рецензия не могла бы доставить Вам удовольствия, невзирая на искреннюю похвалу по Вашему адресу.

Приходится бросать все написанное — и наполнить свой «Дневник» новым материалом.

У меня к Вам просьба: я прочел в «Сегодня», что в № 44 «Красного арх[ива]» помещен интересный материал по д[елу] Бейлиса². Нигде здесь этого № не мог достать. Пришлите его мне, пожалуйста, на неделю: возвращу с благодарностью, под заказ[ной] бандеролью.

Крепко жму руку. Роза Гавр[иловна] и сын сердечно Вам кланяются. Мой почтительный привет Марье Абрамовне.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Даю, чтобы ты дал (лат.).

² Грузенберг имеет в виду заметку «Дело Бейлиса и департамент полиции» (Сегодня. 1931. 27 июня. № 175. С. 3), в которой сообщалось, что «в только что вышедшем 44 но-

мере «Красного архива» напечатаны интересные донесения чиновников Дьяченко и Любимова директору департамента [полиции] Белецкому о процессе Бейлиса». Публикация — «Процесс Бейлиса в оценке департамента полиции» (Красный архив. 1931. № 44. С. 85–125) — принадлежала А.С. Тагеру, позднее развившему эти материалы в своей книге «Царская Россия и дело Бейлиса» (М.: Советское законодательство, 1934).

53. Грузенберг — Вишняку

Riġā. 16 октября 1931 г.

Рига, 16 октября 1931.

Дорогой Марк Веняминович!

Виноват перед Вами без вины. Долго не отвечал Вам, но тому одна причина — полное мое переутомление вследствие проведенного в работе лета и обилия работы теперь, притом докучной, нервящей своей мелочностью и неинтересностью.

Рад за Вас, что Вы оказались благоразумнее меня: отдохнули, хоть немного, и накопили сил для зимней работы.

Перехожу к обоим В[ашим] письмам. Прежде всего моя благодарность, как за присланные оттиски В[ашего] доклада на франц[узском] яз[ыке], так и за статьи для н[ашего] журнала. Не буду повторять банальную фразу о том, что статьи эти не только интересны, но и ценны. Отдельное спасибо за присылку № 44 «*Красного архива*». Увы! — книга пришла уже после того, как я получил от редакции «*Сегодня*» выписанный ею экземпляр.

Теперь относительно завязавшейся между нами полемики по поводу деятельности В[ашей] партии в период революции, которая, в сущности, не закончилась и теперь. Прежде всего, разрешите мне дружески отметить В[ашу] склонность заострять углы. Мое уважение к громадным историческим заслугам *с*ров и для Вас совершенно ясно: героические подвиги этой партии во времена абсолютизма составляют одну из благородных страниц в истории России. Но ведь дело не в этом. Я писал Вам, что, набросав рецензию о В[ашей] прекрасной книге, я ее уничтожил, так как мне пришлось отозваться не так, как я хотел бы, о В[ашей] партии после победы большевиков. Вы приводите совершенно неотносящиеся к предмету завязанного Вами спора аналогии и примеры из деятельности немецких социал-демократов. Никчемность этих аналогий и примеров Вы сами не можете не сознавать: для этого Вы достаточно умны. Немецкая социал-демократия действовала и действует сейчас как партия *парламентская*: парламентская же работа допускает и даже требует всякие коалиции. Между тем, говоря о деятельности В[ашей] партии в *революционное*, боевое время, я не мог не отметить, что в феврале — Вы перестали быть революционерами, а в октябре — перестали быть социалистами. Моя позиция ясна, мое уважение к В[ашей] партии и к Вам лично вне сомнения, а все остальное — от лукавого.

Ссылку же Вашу на то, что В[аша] партия во время революции стала мученицей, и что *история* «ее оправдывает», я не могу не рассматривать как отвод по неподсудности: в те времена, когда история будет ее оправдывать, ни меня, ни Вас

не будет уже в этом прекрасном мире. Зачем же Вы хотите, чтобы я, современник, отнесся к В[ашей] деятельности как историк?

Книжку «Красного архива» завтра отошлю находящемуся теперь в Париже Юрию Оскаровичу, который Вам ее доставит. Приласкайте его и познакомьте с хорошими людьми. Жму руку.

С почтением Искренно Вам преданный

О. Грузенберг

Почтительный привет и соболезнование Марье Абрамовне [Вишняк]. Что Илья Исидорович [Фондаминский]? Неужели он все дуется на м[ое] брюзжание? — Пусть бросит. Этак он, пожалуй, поседет.

Господину М.В. Вишняку. В Париже.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Письмо на бланке: «Оскар Осипович Грузенберг. Rigā (Latvija), Skolas ielā, 19».

54. Грузенберг — Вишняку

Nice. 16 февраля 1932 г.

16 февр. 1932

Hôtel Mermont, 7, b[oulevard] Carlone, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

не писал Вам долго по особой причине. Последние месяцы — самая жуткая полоса в м[оей] жизни¹. Первое, — самое страшное, — то, что сделано с Юрием. Скажу коротко: с ним поступлено дико, — при помощи полиц[ейского] врача, приглашенного для комедии, но разыгравшим ее всерьез («у начальства имеются сведения, что Вы — душевнобольной и Вас приказано поместить в больницу»). Если его помещать в больницу, — то мне с детства надо было попасть в сумасшедший дом. Длинно и скучно рассказывать, — но это так. При скором, надеюсь, свидании расскажу Вам. Конечно, через месяц—два я возвращу его в список живых.

2) Ехал я сюда², как знаете, недели на 2—3, а вот пришлось остаться. Врач правильно указал (я здесь на 3-й день снова слег), что возвращение мое в сыкоть и холод после тепла Ниццы не может не дать воспаления легких, перенести которое мне, при расшатанности м[оего] здоровья, будет оч[ень] трудно. Это, конечно, правда. Потребовал, чтобы я остался до наступления теплого времени в Риге. Я метался, не мог решиться остаться, хотя сознавал, что поеду на гибель. Роза Гавр[иловна] своей логикой сломила меня. Пришлось понести большую жертву, — сказать по правде — непосильную. И я, и Роза Гавр[иловна] (раньше меня она поехала к больной дочери в Берлин) выехали, имея при себе по одному чемодану с несессером. Итак, гибнет большое имущество, по вычислениям Розы Гавр[иловны], свыше 200.000 руб[лей] (т.е., 20 тыс. фр.), а главное остались без носильного платья и белья. Перевозить сюда — страшно дорого, там продать, при теперешнем кризисе, почти невозможно, — да затем, нельзя вывозить валюту.

Но, чорт с ним! Наживу, да есть еще денеж[ные] крохи. Комично: здесь сразу получил 2 дела — и даже я с ними управился; привычка — великое дело.

Конечно, закончу 3-й год изд[ания] «Закон и суд». Ближайший № выйдет с Вашей статьей³, но беда: пропали 3 последние странички [так!]⁴. Заметил это после того, как Вас поблагодарил, — а потом слег. Пошлите их Петру Ник[олаевичу] Якоби по адресу: М[инистерст]во юстиции, Юрисконсультский отдел.

Затем, распорядитесь прислать мне новую кн[ижку] (не видал еще!) «Совр[еменных] зап[исок]», «Дней» и «Рассвета» (будьте другом, — позвоните).

Что до меня, то все теряю в весе. Летом у меня было 72 кило, в первые дни в Ницце — 65,04, а 2 недели т[ому] н[азад] — 63,5. Теперь взвешиваться не иду, — да и Роза Гавр[иловна] не настаивает. Видимо, еще потерял. Однако работаю: только одно не обманывает — работа.

Где Илья Исид. [Фондаминский]? В Grass'e? Адрес его был Villa Bellevue⁵. — *Не переменял ли?*

Крепко жму руку. Привет Вашей супруге. Роза Гавр[иловна] кланяется Вам обоим. Когда приедете, буду рад. Помните: *ни слова* об Юрии — *никому* (возненавижу Вас), и не говорите ни с кем жалостливо обо мне. Жалость хорошо давать, но не принимать. Верьте мне: если бы мне пришлось оборвать бездарно и нудно написанный 5-й акт м[оей] жизни, за ½ ч[аса] до ухода никто бы во мне ничего не приметил. Смотрите же, не ахайте и чужим — ни слова.

Ваш О. Грузенберг

Проклятье. — Говорят, что у талантливых родителей больные дети. Но ведь и тут меня бессовестно обсчитали. — Таланта было отпущено на грош, а за этот грош взяли жизнь дорогого человека.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Объясняя читателям журнала «Закон и суд» причину того, почему в трех номерах за 1932 г. — четвертом, пятом и шестом — отсутствовала постоянная рубрика «Из дневника юриста», Грузенберг писал: «Получил недавно три последних номера нашего журнала. Раскрыл их: на привычном месте нет моего “Дневника”. Три почти года, из номера в номер, я беседовал с нашими читателями, между нами протянулись, от сердца к сердцу, незримые нити, — крепкие и радостно-бодрящие. Казалось, что так оно будет до недалекого моего конца. Судьба, однако, судила иначе. Тяжелая болезнь, державшая меня в постели с конца октября по Рождество, погнала на Ривьеру. Думал, что отогреюсь на солнце недели три — и вернусь в Ригу к привычной работе. “Нельзя”, — сказали врачи; нельзя! — чувствую это и сам. С тех пор, как покинул мою родину, — я, непокорный, покорился этому страшному слову: “Нельзя!”» (*Грузенберг О. Из дневника юриста // Закон и суд. 1932. № 7 (27). Стлб. 863.*)

² Т.е. в Ниццу.

³ Речь идет о № 5 (25) журнала, в котором начала печататься большая статья Вишняка «Проблема Учредительной власти» (Стлб. 795–802), продолжение которой последовало в номерах 6 (26) (Стлб. 829–836), 7 (27) (Стлб. 869–874), 8 (28) (Стлб. 900–904).

⁴ По всей видимости, описка — нужно не «странички», а «строчки» (см. п. 55).

⁵ Ошибка или описка Грузенберга. На деле — Villa Belvédère.

55. Грузенберг — Вишняку*Nice. 24 февраля 1932 г.*

24 фев. 1932

Hôtel Mermont, 7, b[oulevard]d Carlone, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

напишу только о том, что касается Вас, ибо останавливаться на первых строках В[ашего] письма больно: в тяжелом переживании раскрыл душу другу, а он в нее плюнул. Боится — видите ли — употребить выражение, к[ото]рое, м.б., мне не понравится.

По поводу В[ашей] статьи, желая оберечь Вас от докучных догадок — чего не хватает, я написал в Ригу П.Н. Якоби, прося сообщить — на чем кончается последняя страница. Вчера получил ответ; вот заключительная фраза: «на этом пути к свободе и праву в России — идея учредительной власти»¹...

Всего доброго. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Заключительная фраза статьи Вишняка была такая: «На этом пути к свободе и праву в России идея учредительной власти и требование созыва Всероссийского Учредительного Собрания являлись основными и определяющими. В течение ряда десятилетий они оставались для всего передового русского общества и наиболее бесспорными и излюбленными» (Закон и суд. 1932. № 8 (28). Стлб. 904).

56. Грузенберг — Вишняку*Nice. 25 мая 1932 г.*

25 мая 1932 г.

7, b[oulevard]d Carlone, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

письмо это передает Вам племянник Розы Гавриловны — Иосиф Владимирович Биллиг, о котором я Вам и писал (по поводу рецензии), и говорил.

Нет сомнения, что он — глубокий знаток философии и серьезный мыслитель (если его диссертация не дала Вам соответствующего м[оему] отзыву впечатления, то только потому, что тема выбрана неудачно: какой же Белинский философ, а Грановский и Кудрявцев — мыслители?).

Пожалуйста, окажит[е е]му поддержку и содействие, — познакомьте с нуж[ны]ми и полезными людьми. Главная же п[ро]сьба: переговорите от м[оего] имени с бар. Б.Э. Нольде, — ведь он — помните — живо откликнулся на нужды рекомендованного мною со[тру]дника н[ашего] журнала и хотел даже устроить[ь е]му рокфеллеровскую стипендию. Попросите Бориса Эммануиловича [Нольде] устроить для Иосифа Владимировича рокф[еллеровскую] или иную стипендию, дать какую-н[ибудь] работу: нет сомнения, что Биллиг — серьезный философ.

Роза Гавриловна и я сильно надеемся на В[ашу] добрую волю и присущую Вам энергию. Не сердитесь, что взваливаем на Вас серьезные хлопоты.

Что у Вас доброго?

Не откажите передать мой и Розы Гавриловны сердечный привет уважаемой Вашей супруге. М.б., скоро с Вами свижусь в Париже.

Ваш О. Грузенберг

Я не получил последней книжки «Совр[еменных] зап[исок]»¹. Пожалуйста, вышлите. Получили ли Вы последний №-р [так!] «Зак[он] и суд», где начата печатанием В[аша] статья²?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Сверху пометка рукой Вишняка: «16 июня».

¹ Имеется в виду 49-я книга за 1932 г.

² Т.е. № 5; см. примеч. 3 к п. 54.

57. Грузенберг — Вишняку

Nice. 28 июня 1932 г.

28 июня 1932 г.

7, b[oulevard] Carlone, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

спасибо за доброе внимание к племяннику Розы Гавриловны: пусть оно, по В[ашим] словам, не даст практического результата, — но я тронут В[ашим] добрым желанием быть ему полезным.

Огорчило меня сообщение относит[ельно] холодного отношения к В[ашей] просьбе о себе Б.Э. Нольде, — огорчило вдвойне: за Вас (должно быть, Вам тяжело, если Вы обратились к нему с просьбой), — огорчил и его холод (я считал его добродушным и доброжелательным). В эмиграции мне пришлось пережить немало разочарований: увы! — это не первое и не последнее.

Вчера прочел в «Посл[едних] нов[остях]» публикацию о смерти и похоронах Бориса Осиповича [Гавронского]. Огорчен, что Илья Ис. [Фондаминский] не сообщил мне об этом по телефону: я пошел бы проститься с Б[орисом] О[сиповичем]. Я случайно познал — какой он был благородный и глубоко честный человек¹. Бедная Амалия Осиповна [Фондаминская]! — Я [так!], должно быть, оч[ень] тяжело: за короткое время две тяжелые утраты².

Что у Вас доброго? Получаете ли аккуратно «Зак[он] и суд»? Я хотел послать Вам корректуру (я получаю из Риги статьи и корректуры), — но, убедившись, что у Вас все аккуратно, поспешил с отсылкою, дабы не было задержки с выпуском №-ра.

М.б., скоро увидимся: мне необходимо побывать в Париже, но из-за адвокатской работы здесь не могу вырваться. Через несколько дней освобожусь — и, если у клиента не прошло желание, чтобы я переговорил в Париже о том, о чем можно списаться, то скоро свидимся.

Крепко жму В[ашу] руку. Мой почтительный поклон Марье Абрамовне [Вишняк]. Роза Гавр[иловна] шлет Вам привет.

Ваш О. Грузенберг

Когда выходит очередной № «Совр[еменных] зап[исок]»? Хочу дать Вам главу «воспом[инаний]» — либо о Союзе русс[кого] народа, либо о ритуальных процессах.

Вспоминаю В[аши] слова о том, что «Руб[инштейн] пролез в Лигу наций»³. Не может быть спора, что Вам, по В[ашей] подготовке, должны были дать предпочтение. Ничего не поделаешь: не умеете Вы ловчиться.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ См. примеч. 1 к п. 36. Сообщение о смерти Б.О. Гавронского и его похоронах было помещено в ПН (1932. 26 июня. № 4113. С. 1).

² Подразумевается мать А. Фондаминской — Любовь Вульфовна (Васильевна) Гавронская (урожд. Высоцкая; 1845—1930).

³ См. публикацию переписки Я.Л. Рубинштейна в т. 4 наст. изд.

58. Грузенберг — Вишняку

Nice. 26 сентября 1932 г.

26 сент. 1932

7, b[oulevard]d Carlone

Дорогой Марк Вениаминович,
простите, — но мне теперь не до статей. Писать Вам о своих переживаниях не в силах, — да и не стоит: Вы, как старый холостяк, все равно не поймете. — Я знаю, что Вы женаты, но [брак без] детей — ничто иное, как сожительство. У меня к Вам, дорогой друг, незатруднительная просьба: оставляя квартиру, чтобы ехать в Берл[ин], я поручил м[оему] другу Як[ову] Льв[овичу] Тейтелю¹ поместить объявление о дне похорон в «Посл[едних] нов[остях]», т.к. в Берлине, с закрытием «Руля»², нет русск[их] газет³. Впрочем, оказалось, что в Берл[ине] «Посл[едних] нов[остей]» нельзя достать ни в одном киоске: никто не спрашивает, — объяснили продавцы.

Вернувшись, я через неск[олько] дней спросил Як[ова] Льв[овича] Т[ейтел]я: сколько я ему должен. Он показал мне письмо от г. Хейфеца⁴, в котором сказано, что за это *однократное* объявление следует 525 fr., но, из уважения к нам, ему сделана скидка и подлежат уплате 400 frcs.

В виду того, что счет *никем не подписан*, можно допустить, что это проделка еврейского жадного, опустившегося в эмиграции, к[о]т[о]рая [так!] считает, что все нравственные веления сводятся лишь к ругани по матери большевиков.

Трудно поверить, чтобы газета так опустилась, что, сдав в аренду отдел публикаций ~~она~~ *отдала* (я так думаю, потому что на счете, в заголовке, значится — «Publicité Metz»), она не установила *таксу* за объявления: иначе вышло бы, что доверчивые читатели газеты отданы на поток и разграбление). Вот почему я просил в своем письме узнать, — сколько полагается за это разовое объявление, *не допуская ни малейшей «любезной» скидки*⁵, и взять *официальный* счет. Для оплаты я перевел тогда же *par mandat* на имя Ильи Исидоровича [Фондаминского] 300 fr. и просил его *получить* дополнить их деньгами, причитающимися мне от «Посл[едних] нов[остей]» за статью о М.В. Ватсон (по м[оему] подсчету, более 200 fr.)⁶.

Эти деньги я предназначал для безработных, т.к. совестно было перед памятью М.В. Ватсон взять этот гонорар для себя: написал я о ней спешно, спустя более мес[яца] после ее смерти, когда с негодованием убедился, что «Пос[ледние] нов[ости]» не уделили ей внимания⁷. Открыткой в редакцию я просил передать деньги к[омите]ту помощи безработным и выслать мне квитанцию. Однако квитанции не получил. Теперь, в виду изменившихся личных обстоятельств, я решил использовать эти деньги.

Однако теперь я раздумал: раз я сделал известное назначение, не следует его менять. Вот почему прошу м[ой] гонорар *употребить для помощи безработным*⁸. Если он уже взят, то вернуть его по назначению. Если будет нехватка для уплаты за объявление, то донесите свои — и я немедленно вышлю их Вам.

П.Н. Милюков, если он узнал об объявлении, вероятно, захочет, хоть этим, отплатить мне за защиты его и его газеты («Речь»). Однако я этого не желаю.

Пожал[уйста], раскройте, если Фонд[аминск]их нет, м[ое] письмо (по почт[овому] мандату Вам, конечно, не получить) — и прочтите его.

Кроме того, в письмо к Ф[ондаминско]му я вложил письмо к Алданову. Из многочисленных телегр[амм] и писем я выделил 4, к[ото]рые требуют по своему характеру ответа. Будьте добры надписать адрес Алданова — и опустить письмо, причем, объясните ему причину запоздания.

Не забудьте выслать мне квит[анцию] «Пос[ледних] нов[остей]». Не сердитесь, что обременяю Вас своей просьбой. Если не доведется свидеться, примите пожелание всего лучшего Вам и Марье Абр. [Вишняк]. Напишите мне.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Тейтель Яков Львович (1850—1939), юрист, еврейский общественный деятель; один из двух (наряду с вице-директором департамента министерства юстиции Я. Гальперном) некрещеных евреев в судебном ведомстве Российской империи. В 1877 г. был назначен исполняющим обязанности (в 1880 г. утвержден в должности) судебного следователя при Самарском окружном суде. С 1904 г. член уголовного отделения Саратовского окружного суда. Был вынужден подать в отставку в связи с решением министра юстиции И. Щеловитова избавиться от евреев в своем министерстве. После этого один из руководителей Общества поощрения высших знаний среди евреев. После эмиграции жил в Берлине, где возглавил созданный в 1920 г. Союз русских евреев в Германии. После прихода Гитлера к власти переселился в Париж. До закрытия (сентябрь 1935 г.) продолжал возглавлять Союз русских евреев в Германии, после чего основал Комитет помощи русским евреям Германии, впоследствии переименованный в Комитет имени Я.Л. Тейтеля. Автор мемуаров «Из моей жизни. За сорок лет» (Париж, 1925).

Поздравляя Тейтеля с 75-летием, Грузенберг писал ему: «Какой Вы счастливец, дорогой Яков Львович. Вам только 75 лет... О большинстве людей говорят: ему уже 40, ему уже за 50. А для Вас установлен особый счет: сколько лет Якову Львовичу? Да, ему только 60, только 70, а сейчас стукнуло лишь 75 лет. Анатолий Франс как-то сказал: “[В] старости мы делаем то же, что и в юности, с небольшой разницей: делаем все скверно”. Очевидно, он не был знаком с Вашей жизнью. Ваша, так называемая старость, так же деятельна и кипуча, как Ваша юность. Не могу попасть к Вам на юбилей, — и я надумал зазвать Вас к себе, — тем более что я один. Зазвал, посадил Вас поудобнее и просил Вас рассказать свою жизнь. Мысленно прошел я с Вами все этапы Вашего долгого и трудного пути. Заслушал-

ся я!.. Какая прекрасная жизнь: всегда и во всем равная только себе. Вы торопились и торопитесь делать добро и в постоянной тревоге: не пропустили ли кого. Люди меры и счета спрашивают недоуменно: для чего это он? Как надо ответить? – Для чего весною разливаются река, поит луга, растут цветы? Для чего светит солнце, для чего одинаково греет оно и добрых и злых? Ответ один: на то оно – солнце. На то Вы – Яков Львович. Солнце Вашей жизни, дорогой друг, еще высоко. Еще много для него работы, – и Вы ее свершите... Крепко обнимаю Вас. Ницца 16 дек[абря] 1925 г.» (Я.Л. Тейтель: Юбилейный сборник. 1851–1931. Париж; Берлин, [1931]. С. 141–142). А в связи с 80-летним юбилеем Тейтеля Грузенберг отметил в своей постоянной рубрике «Из дневника юриста», которую вел в журнале «Закон и суд»: «На днях праздновался 80-летний юбилей русского судебного деятеля – Я.Л. Тейтеля. Служба его протекла в скромных должностях судебного следователя и члена окружного суда, но и в этой невидной работе Я.Л. Тейтель пользовался широкой популярностью во всем Поволжье за сердечность и сострадание к оступившимся и даже павшим на несчастливом для них жизненном пути. Теперь Я.Л. Тейтель работает в Берлине в “Союзе русских евреев”, десятилетие благотворительной деятельности которого совпал [sic] с юбилеем Якова Львовича. [...] Редакция н[ашего] журнала шлет сердечный привет и добрые товарищеские пожелания обоим юбилярам» (1931. Янв. № 17. Стлб. 522).

² Издававшаяся в Берлине русская эмигрантская газета «Руль» прекратила свое существование 14 октября 1931 г.

³ Речь идет о траурном объявлении о смерти дочери Грузенберга Софьи Оскаровны Прегель (род. 1892). В ПН (1932. 4 сент. № 4183. С. 1) был помещен следующий текст объявления: «В ночь на 2 сентября, после припадка сахарной болезни, скончалась в Берлине Софья Оскаровна Прегель (ур[ожденная] Грузенберг), о чем сообщают родители. Похороны в Берлине 5 сентября в 11 ч. утра».

⁴ Хейфец Израиль Моисеевич (1867–1945), журналист, издатель, театральный критик; муж певицы И. Кремер. До эмиграции соиздатель и главный редактор газеты «Одесские новости». В Париже с 1921 г. Служил в редакции ПН (его статьи здесь появлялись за подписью «Старый театр»).

⁵ Отмечено также и рукой Вишняка.

⁶ Имеется в виду статья Грузенберга «Памяти М.В. Ватсон» (ПН. 1932. 7 авг. № 4155. С. 5); включена в книгу «Вчера» (С. 214–219).

⁷ В письме к Грузенбергу от 30 июля 1932 г. редактор ПН П.Н. Милоков писал: «Мне переслали сюда, где я (уже третий год) укрепляю свое сердце для парижской хлопотливой зимы, Ваше письмо и рукопись. Конечно, она пойдет, и я напишу, чтобы ее поместили скорее. Я очень рад и благодарен Вам, что Вы надумали написать о М[арии] В[алентиновне] Ватсон]. Конечно, это надо было сделать, но у нас ее не знают, да и я не знал ее близко, – а Вы – самый подходящий человек, чтобы достойно помянуть покойную. Еще раз, спасибо» (Письма Милокова – Грузенбергу. С. 260).

⁸ Отмечено также и рукой Вишняка.

59. Грузенберг – Вишняку

Nice. 30 сентября 1932 г.

30 сент. 1932 г.

78, r[ue] du Marechal Joffre, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,
у меня к Вам просьба, к[ото]рая, надеюсь, Вас не затруднит.

Ровно месяц т[ому] н[азад] (30 сент[ября] [так!]) Роза Гавр[иловна] и я написали ее брату, Юрию Гавриловичу Голосовкеру, проживающему в Москве. В тот же конверт было вложено и письмо к двоюродному брату Розы Гавриловны — Ю.И. Зороховичу. Нас оч[ень] тревожит отсутствие ответа: Юрий Гавр[илович] слабого здоровья. Пропасть письмо не могло, т.к. оно было *заказное*, — да, кроме того, почта в России работает превосходно, — не хуже, чем в старину. ~~Юрий Гавр. слабого здоровья, — не случилось ли с ним чего.~~ Оч[ень] прошу Вас написать *безотлагательно* в Москву, *Вере Осиповне Вишняк* (адреса ее не знаю, — иначе не решились бы Вас беспокоить)¹. Она, наверное, не откажет снестись с ним лично и спросить — как о получении письма, так и о причине его молчания.

Адрес Юрия Гавриловича: Сретенка, Последний переул[ок], д. 11, кв. 12.

Пожалуйста, сделайте это *безотлагательно*, т.к. мы оч[ень] тревожимся.

Что у Вас доброго? Боюсь, что немного... Вы как-то затихли и нигде в печати не показывается... Боюсь, что и средства на издание журнала совершенно иссякли: обычно в сентябре появлялись публикации о выходе кн[ижки]. Если журнал погиб, — будет грустно: такого журн[ала] в эмиграции больше не создать! — Да что в эмиграции! — В истории русской журналистики «Совр[еменные] з[аписки]» займут равное место с «Совр[еменником]» и «Отеч[ественными] зап[исками]». Впрочем, что же я сбиваюсь на некролог. М.б., произошла лишь временная заминка.

Всего хорошего Вам и уважаемой Марье Абрамовне [Вишняк].

Поклон Вашим товарищам по редакции.

Ваш О. Грузенберг

Не сочтите за проявление мелочности прилагаемые 3 марки: времена теперь ведь невеселые.

P.S. Какое чудное письмо написал Ст. Лозанну [так!] В.А. Маклаков². Последний столбец, где говорится об эмигрантских иллюзиях, нельзя читать без слез. — Какая свежесть таланта и какое сердце!

Послушайте, Бор. Зайцев — форменный идиот. Месяца три т[ому] н[азад] он прочел здесь публичную лекцию, — немощную, заискивающую. Но это с полгоря. Подло то, что он не только оплевал свою молодость и революционные стремления, но со слезой в голосе каялся в былом неуважении к... *Восторгову*³. Закончил он призывом к единению эмиграции вокруг православной церкви...

Я уверен, что он — не чистокровный русак. Если не отец, то мать его еврейка или поляка. У кающихся русаков нет такой подлой ноты: если он кается, то за себя, и никогда не хулит других. Дрянь!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ По всей вероятности, Вера Осиповна Вишняк (урожд. Рубашова), жена Самуила Исидоровича Вишняка, кузена Марка Вениаминовича.

² О чем идет речь, непонятно.

³ Восторгов Иван Иванович (Иоанн Восторгов; 1864—1918), православный священник, протоиерей; проповедник-миссионер, церковный писатель, один из главных деятелей российской политической и церковной реакции.

60. Грузенберг — Вишняку*Нице. 7 октября 1932 г.*

7 октября 1932

7, b[oulevard]d Carlone

Дорогой Марк Вениаминович, получил В[аше] письмо. Конечно, Вы правы: если в «П[оследних] н[овостях]» завелись нравы тайных ссудных касс, — то что же с такими господами считаться. Заплатить — и забыть. Волкову я цену давно знаю¹, — но знаю ее также и г. Демидову, у меня с ним никогда не было недоразумений, едва с ним знаком (он раз, в качестве телохранителя Милокова был у м[еня] в С[анкт-]П[етер]бурге: сидел в гостинной и поджидал, пока Павел Ник. [Милоков] был у меня в кабинете). Лакей с видом независимости. А теперь этот Иудушка отводит газетные этажи своей «беллетристике». — Вот они, милые В[ашему] сердцу эмигранты.

Оч[ень] благодарен за присылку Вашего серьезного труда². Конечно, прочесть его в м[оём] теперешнем состоянии я не мог, — но просмотрел главу за главою. Это уже не публицистика, а серьезное юридическое исследование, написанное прекрасным языком. Как жаль, что обстоятельства помешали Вам занять профессорскую кафедру. *Там бы Вы достигли многого*³.

Мое горе⁴ не освобождает меня от обязанности принести Вам, Илье Исидоровичу [Фондаминскому] и всем товарищам по редакции душевное поздравление с 50-й кн. «Совр[еменных] зап[исок]»⁵. Какая большая работа, какое горение, не слабеющее от невзгод и непогоды. Останется большой, яркий след в истории русской культуры: ни одна эмиграция не создала такого памятника тоскующей любви к родине. Крепко всех Вас обнимаю.

Ваш О. Грузенберг

Заплатите ростовщикам требуемое. 300 fr., переведенные мною Илье Ис[идоровичу], + 100 fr., при сем прилагаемые.

Прочел статью П.Н. Милокова⁶. — Нехорошо. Какой-то расшалившийся гиппопотам, пустившийся в мечтательный вальс: отоптал [так!] всем ноги. Как не понять, что никому из руководителей журнала и даже сотрудников его не дожить до другого такого праздника!

Вот еще что: заберите в «П[оследних] н[овостях]» мой гонорар за памятку о М.В. Ватсон и передайте его в К[омите]т помощи безработным⁷. Прилагаю 5 fr., для покупки двух книжек для Нэлли по русск[ому] правописанию: *Гофмана* (3,50 fr.) и *Кульмана* (1,25 fr.).

В понедельник[ик] Роза Гавр[иловна] и я отвели Нэлли в школу. Был солнечный, нежаркий, тихий безветренный день. Мы уцепились за ручки Нэлли: авось, она вывезет нас (сомнительно). Я держал крепко эту ручонку и всю дорогу думал: вот еще большая радость, уворованная нами у бедной Сони⁸.

Ваш О. Грузенберг

О Горьком. — Я знаю, его юбилей в эмиграции оплеван. Сказать по совести, причины по-настоящему не знаю. Считаться с Горьким, как с политиком, дико, — в этой области он был всегда дурачок. И это когда-то меня с ним роднило. Боль-

шевиком же он был всегда: помню, когда мы, много-много лет т[ому] н[азад] путешествовали с Розою Гавр[иловой] по Италии, заехали на Капри. Провели у него много часов; помню, видали у него Шалапина и Луначарского. Из их разговоров узнал, что на Капри Горький завел школу пропагандистов. Потом, на другой день он звал меня посмотреть ее. Я не пошел: не по моей это части⁹. Правда, я был политическим защитником и защищал с любовью. Но разве врач по сифилису должен непременно болеть сифилисом? —

У меня много его писем; некоторые из них замечательны: целиком посвящены литературе, сопоставлению Италии с Россиею. Обидно, если все это пропадет. Как Вы, вероятно, знаете, мы разошлись из-за третейского суда между ним и Философовым. Это было в самом начале правления победивших большевиков. Стороны долго не могли остановиться на супер-арбитре. Обратились ко мне по тому соображению, что я бывший защитник и покойной Анны Павловны Философовой (по делу ее с Пуришкевичем)¹⁰, и М. Горького. Решил я против Горького и написал суровое решение. Горький поступил корректно: напечатал решение третейского суда на *первой* странице своей газеты¹¹. Мы разошлись без личной встречи. Лет 12 т[ому] н[азад], в бытность его в Берлине, я с ним созвонился (переехал я из Парижа в Берлин, несмотря на свою любовь к Франции и нелюбовь к немцам — м.б., моя нелюбовь к немцам — отрывка войны, но ничего не поделаешь!). Так вот, созвонился с Горьким, ознакомил его, в копиях, с письмами — и, несмотря на то, что некоторые ему были неприятны, он разрешил их напечатать.

Мой портрет будет датирован 1905—1917 г. Однако Вы, думается мне, побоитесь напечатать, хотя письма имеют большую ценность. Если я ошибаюсь, дайте мне знать: если выход 50-й кн. задержался, то продиктую вводные к ним страницы — и через несколько дней пришло.

Что до меня, то со мною происходит что-то странное. Как ни радостно для меня отводить Нэлли в школу, — но я могу это делать лишь один раз из четырех на день (дважды ведь, туда и обратно) — и то это отнимает у меня, вместо 10—12 мин., полчаса в конец. Перед обратным путем должен садиться: ноги не ходят. Если это означает конец, — то слава Богу, не будет стыда жить вторую жизнь, когда дети не прожили и одной.

Алданову объясните, что замедление с ответом на его [письмо] произошло не по м[оей] вине: забыв его адрес, я вложил ответ в письмо к Бунакову. Я особенно тревожусь по этому поводу, что, м.б., был к нему в последнее время несправедлив. — Стоют [так!] ли все наши разномыслия и оценки гневливого раздражения? — Черный ящик, спущенный в яму, убедительнее всего того, что мы говорим и пишем. Нет того, через 50 лет, и через 100, как грезил по разному счету Чехов, нам будет удобнее, но не лучше: пока есть смерть, какого чорта быть нам хорошими.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Волков Николай Константинович (1875—1950), по образованию агроном; член партии народной свободы, депутат III и IV Государственных дум от Забайкальской области. Товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. В дни Февральской

революции комиссар в Министерстве земледелия. С 2 марта 1917 г. товарищ министра земледелия. Баллотировался в Учредительное собрание от Иркутской области. В 1920 г. через Японию эмигрировал во Францию, жил в Париже. Ближайший помощник П.Н. Милокова, директор-распорядитель газеты ПН, ведавший ее организационно-финансовой частью. Масон. В пародии на многочисленных деятелей эмиграции Дон-Аминадо следующим образом рисовал Милокова и его ближайшее окружение по ПН, включая Волкова: «Гнезда папаши Милокова / Достопочтенные птенцы, / Его редакторского слова, / Как выражается Кускова, / Издревле верные жрецы: / Демидов, ласковый и смуглый, / И Волков, твердый, как булат. / И Коновалов, с виду круглый, / А по характеру квадрат» (*Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. С. 305).

² Речь идет о книге Вишняка «Всероссийское Учредительное собрание» (Париж: Совр. записки, 1932). В Национальной библиотеке Израйля (Иерусалим) хранится экземпляр этой книги, подаренный автором М. Лазерсону со следующим автографом: «Дорогому М.Я. Лазерсону на память о Петрограде 1917 г. и встречах в Риге. Автор. Париж. Сентябрь. 1932».

³ Подчеркнуто рукой Вишняка.

⁴ Речь идет о смерти дочери.

⁵ 50-я книга СЗ появилась в начале октября 1932 г.

⁶ Говорится о статье П.Н. Милокова «50-й том “Современных записок”» (ПН. 1932. 6 окт. № 4215. С. 2), в которой автор попытался представить роль этого журнала в общественной и культурной жизни эмиграции.

⁷ См. примеч. 6 к п. 58.

⁸ После смерти Софьи Нелли осталась у Грузенбергов. Судя по всему, отношения между Оскаром Осиповичем и отцом ребенка, Б.Ю. Прегелем, были напряженными и воинственными. См. намек на это в письме П.Н. Милокова С.В. Познеру от 16 мая 1942 г. и его фразу в другом письме тому же адресату (от 17 июня 1942 г.): «Очень меня огорчило, что отец Нелли не захотел приютить ее у себя и продолжает свою посмертную месть» (Последние связи: Письма П.Н. Милокова С.В. Познеру / Подг. текста О.Р. Демидовой; Вступ. ст. и коммент. О.Р. Демидовой и В.Е. Кельнера // Диаспора: Новые материалы. СПб.; Париж, 2005. Т. 7. С. 499, 502). В более открытой форме и не сдерживая свой гнев, о финансовых претензиях к Б.Ю. Прегелю Грузенберг писал 1 апреля 1938 г. И.А. Найдичу, см.: *Грузенберг О.О.* Письма Исааку Адольфовичу Найдичу (1920–1933) / [Вступ. заметка и публ. Ш. Маркиша] // Еврейский журнал (München). 1991. [№ 1]. С. 94–95.

⁹ Ср. в воспоминаниях Грузенберга о Горьком, опубликованных позднее, после смерти писателя: «Весною 1909 года, пользуясь страстной и пасхальной неделей, я осуществил свою давнюю мечту – посмотреть Италию. [...] Для поездки на Капри не оставалось времени – тем более что Капри рисовалось мне как крохотная пуговка на царственной одежде Италии. Однако стало совестно: быть в Италии и не повидать друга не хорошо. Приехал я с женою поздним вечером, заехали в гостиницу, а на другой день в десятом часу отправились к Горькому. [...] Мы застали на “вилле” много народу: усыновленного Горьким Зиновия Алексеевича (родного брата ставшего впоследствии председателем ВЦИКа Свердлова), Луначарского, Шалапина и Малиновского-Богданова (разносторонне образованного, умного философа-социолога, сошедшего почему-то на нет). После завтрака вышли на террасу. Сначала Шалапин и усыновленный Свердлов ломали Петрушку – изображали выход цирковых борцов. Потом при мне завязался у Горького разговор с Луначарским. Горький говорил о своем плане устроить на Капри школу пропагандистов, причем подсчитал, во сколько ему это обойдется. Я мрачно слушал и думал: “Ну, вот, только этого не доставало; насилу вырвался из процесса о ‘воззвании’, у судебных следователей лежит уйма литературных дел по суровой 129 статье уголовного уложения с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, а тут еще новая более опасная затея. Не скоро Горький увидит Россию» (*Грузенберг О. О.* Максиме Горьком // ПН. 1936. 25 июля. № 5601. С. 2).

¹⁰ После проведения I Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г.), в организации которого активную роль играла известная общественная деятельница, одна из основательниц женского образования в России Анна Павловна Философова (урожд. Дягилева; 1837–1912), лидер черносотенцев В.М. Пуришкевич обратился к ней, М.И. Покровской и А.Н. Шабановой с оскорбительным письмом. Философова апеллировала в судебные инстанции, где благодаря защите Грузенберга дело было выиграно.

¹¹ Суть дела заключалась в следующем. Газета «Новая жизнь», которую издавал А.Н. Тихонов и патронировал Горький (в которой он, в частности, печатал свои «Несвоевременные мысли») в поисках типографской базы в Москве обратилась к председателю по делам печати В.Н. Подбельскому. Это обращение совпало по времени с закрытием большевиками ряда газет: «Русские ведомости», «Власть народа» и др. Общественность связала эти принудительные меры с предоставлением особых прав тем органам печати, которые сумели договориться с большевиками. В номере газеты «Современное слово» от 4 апреля 1918 г. была напечатана статья Д.В. Философова «Конфликт улажен», в которой автор в иронической манере сообщал: «Издатель “Новой жизни” и издательских книжек для детей (изд. “Парус”) “товарищ Тихонов” захотел перевести “Новую жизнь” в Москву. Но там не оказалось лишней типографии. Пришлось прибегнуть к экстренным мерам: понажать на газету “Власть народа”. На этой почве возгорелся “конфликт”, о котором В.В. Португалов подробно рассказал во вчерашнем номере “Современного слова”. Конфликт этот грозил принять неприятный оборот для “товарища Тихонова”. Как-никак он человек с высшим образованием и яхшается в интеллигентско-буржуазной среде. А следовательно, ему какой-нибудь третейский суд или даже “общественное мнение” могло вынести свой осуждающий приговор. По счастью, дело уладилось мирным путем и очень приятно для добровольного борца за новую жизнь без кавычек и в кавычках. По распоряжению начальства, “Власть народа” запретили. И не только “Власть народа”. Запретили и “Русские ведомости”, “Новое слово”. То-то раздолье товарищу Тихонову! Он может печатать свою “Новую жизнь” сразу в трех московских типографиях. По слухам в первом же номере московской “Новой жизни” будет напечатана статья Максима Горького о “дикости” русского народа. Все хорошо, что хорошо кончается». В тот же день в «Новой жизни» появилось опровержение Тихонова, а 5 апреля – неподписанная статья «Клеветник!», направленная против Философова. Последний потребовал третейского суда. Третейский суд в составе Грузенберга (председатель), И.И. Манухина и Н.А. Рожкова пришел к заключению, что утверждение, будто бы закрытие московской газеты «Власть народа» произошло якобы в результате «давления», произведенного «Новой жизнью», надлежит признать лишенным основания. В то же самое время, говорилось в решении третейского суда, «газета “Новая жизнь” не имела ни формального, ни нравственного права трактовать Д.В. Философова как “клеветника, позволившего себе неслыханную по цинизму и наглости выходку”. И далее делался вывод, что, по мнению суда, «Философов подвергся со стороны “Новой жизни” совершенно незаслуженному оскорблению» (Новая жизнь. 1918. 28 (15 апр.). № 79 (294). С. 2). Следует заметить, что после третейского суда собственно спор Философова с Горьким не прекращался. В статье «Скверный анекдот» (Наш век. 1918. 3 мая. № 88 (112). С. 1) Философов писал об отношении Горького к культуре и высказывал мнение о том, что оно, как и всякое другое, подлежит критическому анализу: «Спорить с Горьким очень трудно. Он не выносит, чтобы ему “перечили”. Но нельзя же такие страшные и сложные вопросы, как “культурное соглашательство”, ставить на личную почву. И неужели же мы для того пережили революцию, чтобы вернуться к старым самодержавным замашкам, когда было запрещено свое суждение иметь? Горький – большая величина. Выступает и действует он публично. Неужели надо с ним во всем соглашаться, чтобы не “обидеть” его? Пора бы эти замашки бросить! Всякое мнение, всякое действие подлежит свободной критике». Горький отреагировал на эту статью одной из печатавшихся в «Новой жизни» под рубрикой «Несвоевременные мысли» (1918. 10 мая (27 апр.). № 86 (301). С. 1).

61. Грузенберг — Вишняку

Нисе. 13 октября 1932 г.

13 окт. 1932 г.

7, b[oulevard]d Carlone

Дорогой Марк Вениаминович,

я не вижу никакой причины ставить на редакционное голосование, — допустимо или недопустимо поместить статью о Горьком, — притом строго ограниченную *датами 1905–1917 гг.* Как ни охладилась м[ои] отношения с Горьким, — однако, в память про[шл]ого, я не могу допустить такого уничтожения [о]дного из величайших русских писателей. [К]огда н[аши] могилы будут забыты даже родными, [то] о Горьком будут петь песни, слагаться ле[ген]ды, будут выпускаться капитальные [ис]торико-литературные исследования. За[пле]ывание — и притом без *объективных* основ[ани]й — разлюбезное дело росс[ийских] групп и партий. Так было с Герценом (украл, де, переданные ему для революционеров деньги), с Некрасовым (шулер и эксплуататор сотрудников), с Лесковым-Стебницким, с Андреевым, ~~когда~~ за то, что он редактировал какую-то газету с Чеховым (нововременец) и т.д. Нет, я лучше выпущу о Горьк[ом] книжку. Одно лишь для меня важно: не совершал ли Горький какой-н[ибудь] *низости*: я оч[ень] прошу сообщить мне, если Вы знаете какие-н[ибудь] *факты*: это определит м[ое] отношение к Горькому в будущем, т.к. и талантам не разрешается быть негодьями. Итак, вопрос о письмах Горьк[ого] *снят*. Мои «Восп[оминания]», конечно, дам Вам для след[ующей] книги.

Теперь о н[аших] делах. Сегодня вечер[ом] получил письмо от г. Полякова с напоминанием об уплате долга¹. Оно меня огорчило. Неужели, дорогой друг, Вы даже не созвонились с к[онто]рою «Посл[едних] нов[остей]» и не объяснили, что деньги высланы мною более 3 недель т[ому] н[азад]? Я не привык быть чьим-н[ибудь] должником. Оч[ень] прошу Вас предьявить или удостоверить время высылки денег Илье Исид. [Фондаминскому] (ведь на моем переводе значит[ся] *дата* отправления).

Теперь о причитающе[м]ся мне от «Посл[едних] н[овостей]» гонораре, к[ото]рый предназначен дл[я г]олодающих. В *первых* двух первом письме по этом[у] предмету Вы писали, что получите и передадите. В последних же двух Вы об этом даже не упоминаете. [П]ожал[уйста], сделайте это *безотлагательно*. Не сердитесь, что обремен[я]ю Вас. Спасибо за желание поднести Нэлли две книжки по правописанию. Я их уже приобрел здесь. Вам нетрудно будет возвратить эти книжки магазину: свои ведь люди.

Ваш О. Грузенберг

Да, о Горьком. — Несмотря на подавленность, я предложил его письма: это потому, что вводные к ним страницы свелись бы к 2–3. Теперь же для отдельной книжки я, конечно, разовью. Я писал Вам, что у м[еня] два душевных состояния: либо прострация, либо гнев. Если я не могу бросать вызов небесам, — то для вызова эмигр[антской] земле меня еще хватит.

Черкните мне, что просьбы м[ои] исполнены.

Что за журн[ал] «Иллюстр[ированная] Россия»²? Меня коллега просит дать туда воспом[инания] о к[аком]-н[ибудь] процессе.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста в середине листа полностью утрачены от сырости.

¹ Поляков Александр Абрамович (1879–1971), журналист; с середины 20-х гг. секретарь редакции, затем зам. главного редактора ПН.

² Двухнедельный литературно-иллюстративный журнал (Париж, 1924–1939); основатель и первый редактор М.П. Миронов (1890–1935), который вел его до 1931 г. (из-за гангрены ноги и последовавшей затем ее ампутации вынужден был журнал оставить; еще с 1926 г. журнал фактически принадлежал акционерному обществу под председательством М.Л. Гольдштейна); с 1 июля 1931 г. по 1 июля 1932 г. редактировался А.И. Куприным; с 1931 г. до закрытия «Иллюстрированная Россия» принадлежала Б.А. Гордону (1881–1952).

62. Грузенберг – Вишняку

Nice. 20 октября 1932 г.

20 окт. 1932 г.

7, b[oulevard] Carlone

Дорогой Марк Вениаминович,
сердечно благодарю Вас за доброе внимание, в последние дни так ярко выразившееся.

Прежде всего, спасибо за ласку в отнош[ении] нашей Нэлли – присылку двух книжек, которые нужны мне для занятий русским яз[ыком]. Только напрасно Вы это сделали: я заказал их в здеш[нем] книж[ном] магазине – и теперь, чтобы компенсировать, мне придется, вместо 2½ fr., приобрести какую-н[ибудь] книгу minimum 10 fr. (дешевле нынче нет книг). Однако мне не дорог твой подарок, а дорога твоя любовь.

Еще больше благодарю Вас за то, что ~~улад[или]~~ рассчитались с к[онто]рой «П[оследних] н[овостей]». Не люблю, хотя бы несколько дней, быть чьим-ниб[удь] должником. И все из-за странствий по «строительным» делам милого Ильи Исидоровича [Фондаминского]. Хотел послать Вам, но возмутился сам этим желанием: Вы так завалены работою *roug manger*¹, что взваливать на Вас еще комиссии – притом, при громадных парижских расстояниях, – было бы бессовестно.

Все мое письмо состоит из *merci*, – но было бы неблагодарностью их не выразить Вам. Вернулся ли Илья Исид[орович]? Я имел от него письмо, где он пишет о своих разъездах по Германии с беседами о «Новом граде»². Сколько в нем еще молодости – и как мило он ее проявляет!

Относит[ельно] процитированного в м[оём] «Дневнике» места, уличающего Илью Ис[идоровича] в ампошировании «рыцарского ордена»³, я не могу назвать №-ра «Закон и суд», так как у меня здесь лишь несколько №-ров; отыскать Вам будет нетрудно: «Дневник», в котором приведена эта цитата, относится не далее, как ко второму году существования н[ашего] журнала, – значит, надо посмотреть в имеющихся у Вас за это время №№ первую страничку⁴. – На это ведь пойдет не более ¼ часа. Автор, если память не изменяет, – *Анненков*. Сначала эти воспоминания печатались в «Вест[нике] Евр[опы]», а затем вышли отдельным изданием в конце 70 гг.⁵, повторенные за год-два до ампоширования. Я написал Илье Ис[идоровичу], – он и не оправдывался. Ничего не поделаешь, – маленькая слабость,

к[ото]рая когда-н[ибудь] может обойтись ему оч[ень] дорого. — А Вам эта цитата зачем? Хотите ампошировать м[ое] открытие, чтобы изобличить в ампошировании И[лью] И[сидоровича]? — Ну, что ж...

Теперь — В[аше] огненное бичевание Горького. Не хочу, будучи исполнен благодарности за В[ашу] доброту ко мне, не хочу полемизировать. Я так и думал: никаких фактов, только настроение и притом раздраженье. Но не надо мне в благодарственном [настроении?] профондировать этот вопрос. В своем увлечении Вы заявляете, что я, де, буду его расхваливать. И это на 2–3 стран[ицах]?! — Ни хвалить, ни бранить, — а пояснить текст писем. Но, да Бог со всем этим.

Ваш О. Грузенберг

Сердечный привет Илье Исидоровичу и Амалии Осиповне [Фондаминским]. Надеюсь, они уже приехали — и Вы свои 300 fr. получили.

Отослано ли м[ое] письмо к Алданову, вложенное в письмо к Илье Ис[идоровичу]? В его новом рассказе прелестно передано — как слушает Муся Шопена⁶.

Не знаю — почему эта сцена кольнула м[еня] острой мыслью о Соне. Никогда, никогда уж она не услышит. — Нет, у м[еня] чем дальше, тем хуже.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ для пропитания; ради хлеба насущного (франц.).

² «Новый град» — религиозно-философский журнал (редакторы: И.И. Фондаминский, Г.П. Федотов, Ф.А. Степун; 1931–1939).

³ Грузенберг полагал, что Фондаминский «ампошировал» (позаимствовал; досл.: «набил себе карман, заработал»; от франц. poche — карман и выражения: se remplir les poches — набить себе карманы) у него этот образ для обозначения идеи, лежащей в основе журнала «Новый град», который стал основой организованного в будущем, летом 1935 г., литературно-философского объединения «Круг». В № 1 «Нового града» (ноябрь 1931 г.) был опубликован доклад Фондаминского (подписан псевдонимом И. Бунаков) «Пути освобождения» (С. 31–48), где говорилось о возникновении в России, начиная с радищевских времен, «духовного ордена интеллигенции», боровшегося за идеалы общественной свободы, и далее автор провозглашал: «Надо восстановить Орден — Орден воинов-монахов, пламенно верующих в правду Учения и готовых на жертвы и подвиг для освобождения России. И надо, чтобы новые рыцари, как их отцы и деды, шли в народ — жить его жизнью, страдать его страданиями и, освещая души людей светом Истины, уводить их за собой от власти. Тогда наступит день, когда устои, на которых стоит власть, падут, строй обездушится, и народ, руководимый Орденем, встанет против власти на борьбу» (С. 47). Для современников этот образ приобрел значение устойчивого определения: его неоднократно использовали те, кто входил в объединение «Круг» и впоследствии осмысливал и анализировал эту деятельность; см. в книге В. Варшавского «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 16) или в его романе «Ожидание» — в прямой связи с Фондаминским, действующим под именем Эммануила Осиповича Кладинского: «Задумав восстановить в эмиграции “орден русской интеллигенции”, он начал устраивать у себя собрания, на которые приглашал эмигрантских сыновей: “пореволюционеров” и таких, как я, монархических завсегдатаев, потерявших от долгого одиночества здравый смысл» (*Варшавский В. Ожидание. Paris: YMCA-Press, 1972. С. 53*); см. также уже в связи с самим Варшавским — в его некрологе, написанном А. Седых: «И.И. Бунаков-Фондаминский, с которым когда-то был близок В.С. Варшавский, много писал в тридцатых годах об “ордене русской интеллигенции”. Вчера, в Женеве, этот орден потерял одного из своих лучших и достойнейших представителей» (*Седых А. Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // НРС. 1978. 24 февр. № 24501. С. 2*). Кроме того, понятие «орден» несло на себе некоторый масонский привкус, и для членов объединения, многие из которых, включая самого Фондаминского, были масонами, не оставляло тени

сомнения в связи «Круга» с тайной масонской ложей, пусть и не в явной и прямой форме. См., например запись в дневнике члена «Круга» масона В. Сосинского (от 21 марта 1939 г.), в которой он рассказывает о том, как на прошедшем заседании у Фондаминского сказал своему другу масону В. Андрееву: «Да ведь это ничто иное как масонство в зачаточной форме... Присутствовали: Софиев, Варшавский, Яновский, Дикой, Федотов, Жабя, Бунаков, Мать Мария, образовался круг из стульев (минимум ритуала). Капитул, избранный тайным голосованием на год, состав которого неизвестен. Знак – поднятый палец – призыв в орденском порядке... Обращение: друзья. Вечер был посвящен вопросу о младороссах, поднятому Вадимом [Андреевым]. Энтузиазм Бунакова: их 5000. “Мои планы грандиозны”. Врожденный вождь – Казем-Бек, говорящий о том, что мир идет к свободе (а 10 лет тому назад был неучем). Отклонившиеся 30 – в результате пропаганды И.И. [Фондаминского]... Дикой (Борис Вильде) просил передать привет Аде [Ариадна Викторовна Чернова – жена Сосинского] – он в Юрьеве преподавал ей физику... Предложение принять в орден Аллу Головину – пахло Прагой – ух...» (ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 585. Л. 12 об. – 13).

Грузенберг, однако, однозначно решил, что образ братского Ордена Фондаминский якобы «ампошировал» у него, а само его происхождение выводил из «Литературных воспоминаний» литературного критика и мемуариста Павла Васильевича Анненкова (1813–1887). Ту же версию он повторял в своем мемуарном очерке, посвященном памяти А.В. Пешехонова «О возвращенстве А.В. Пешехонова» (ПН. 1933. 18 мая. № 4439. С. 2): «Описывая, как провели одно лето под Москвою, в Соколово – Герцен, Грановский, Кетчер, Некрасов и др., Анненков замечает: “[В]ообще говоря, круг этот, важнейшие представители которого собрались теперь в Соколово, походил на *рыцарское братство*, на воюющий *орден*, который не имел никакого писанного устава, но знал всех членов, рассеянных на пространстве земли нашей”. И далее прилагает этот образ к редакции журнала “Русское богатство”: “Вот таким рыцарским орденом была в эпоху с 1895 по 1918 г. редакция ‘Русского богатства’. Из этих рыцарей мне больше всех полюбился А.В. Пешехонов и его семья”; ту же ссылку на это место из Анненкова он делает в своих мемуарах «Вчера» (Париж, 1938. С. 40). В качестве источника цитирования анненковских «Литературных воспоминаний» Грузенберг воспользовался ленинградским изданием «Academia» 1928 г. (см. п. 63), где текст, правда, несколько отличался от приведенного у него (С. 423–424): «Вообще говоря, круг этот, важнейшие представители которого на время собрались теперь в Соколово, походил на рыцарское братство, на воюющий орден, который не имел никакого письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей». Сомнительно, однако, чтобы этот достаточно провербальный образ, использованный Фондаминским, был взят им из указываемых Грузенбергом текстов. По всей видимости, более прав был упомянутый выше В.С. Варшавский, который в своей посмертно изданной книге «Родословная большевизма», приведя указанную цитату из статьи Фондаминского, находит истоки образа монашеского ордена в истовом служении христианской идее: «Все, кто встречал Фондаминского в последние годы перед войной, чувствовали, что интеллигентский героизм без малейшего внутреннего притворения соединялся в его сердце с христианским подвижничеством. [...] Это поразительное родственное сходство “безбожных праведников русской интеллигенции” с христианскими святыми свидетельствует, что мы имеем дело с проявлением не двух разнородных противоположных сил, а двух дополняющих друг друга направлений первоначально единого мистического порыва» (*Варшавский В.С. Родословная большевизма. Paris: УМСА-Press, 1982. С. 182*). Заметим, что, как это ни странно, некоторые из современников действительно полагали, что именно Фондаминский «изобрел» понятие «ордена русской интеллигенции»; см., например, в мемуарах Геннадия Озерецковского, близко знавшего Фондаминского и входившего с ним в Кружок по изучению России: «Это им [Фондаминским] было сказано, что “Белое Движение” явилось проявлением “Ордена Русской Интеллигенции”. Этот “термин”, видимо, и им “создан” и им “любим”. Он его применил при других обстоятельствах и несколько в другом значении и в “Зеленой Лампе”» (*Озерецковский Г. Русский блистательный Париж до войны. Париж, 1973. С. 90*).

⁴ См. примеч. 3 к п. 28.

⁵ Отрывок текста, начиная со слов «[стра]ничку. На это» и кончая «в конце 70 гг.», отмечен на полях, предположительно рукой Вишняка.

⁶ Имеется в виду сцена из романа Алданова «Пещера»: восторг героини романа, которая сама является музыкантом, от исполнения сонаты Шопена (СЗ. 1932. № 50. С. 65–66).

63. Грузенберг — Вишняку

Нице. 7 ноября 1932 г.

7 нояб. 1932 г.

7, b[oulevard]d Carlone

Дорогой Марк Вениаминович,

Вы, конечно, получили м[ой] mandat post на 300 fr. На отрезке его я написал несколько строк, касающихся В[ашего] невеселого известия о положении «Совр[еменных] зап[исок]». Я обещал написать подробно, но потом сообразил, что, в сущности, все уже высказано. Выпуск «воззвания» о помощи (или содействии) журналу был бы тяжелою ошибкою. — Неужели Вы не понимаете, что в тот день, когда публика прочтет это воззвание, журнал окончательно погибнет. «Эмиграция» скорее прощает убийство, грабеж, мошенничество, нежели бедность. Кошелек, мой друг, надо прятать не тогда, когда он полон, а когда пуст. Пойдут толки: «журнал погиб, — что ж тут гальванизировать мертвеца» и т.п. оправдание нежелания тратиться и возиться. Привлечь же публику посулом выслать за 1000 fr. журн[ал] ad infinitum¹ не привлечете: вечность и могила, — синонимы. Нет, ради Бога, не зывайте.

Точно так же милая, но немудрая затея составление «воззвания» от имени известных писателей. — Если эти писатели своими несомненно ценными произведениями, помещаемыми в журнале, не могли привлечь мертвую эмиграционную публику, то что же может сделать их воззвание — состоятельный эмигрант скажет: «эге! они думают не об Иисусе, а о хлеба кусе. Пусть откажутся от гонорара — и дело в шляпе». Нет, так действовать нельзя. Надо будет создать нечто в роде «*общества гарантов*», привлеки в него, с раздачею чинов и орденов, состоятельных людей. Нет сомнения, что пойдут лишь евреи (3–4 чистокровных русака не в счет): евреи более ценят книгу и, вообще, печатное слово. Возьмите Ригу: «Русская драма» держится, по преимуществу, на еврейской публике (русские люди — депутаты и прикосновенные к печатному слову — пылают сочувствием, но «тратятся» лишь на бесплатные контр-марки). Все это грустно, но это так. — И «Речь», и «Право», и «Посл[едние] нов[ости]» созданы на евр[ейские] деньги. Конечно, привлечь евреев будет трудно, но надо стараться; ~~было бы~~ трудно потому, что в 50-ти книжках нет не только статьи, но даже строчки об евреях. Однако, пытаться надо и надо верить в успех: безнадежна только могила. ~~Однако, как бы Вы~~

Только прошу Вас: не губите журн[ал] «воззванием». Затем, об «ордене». Ваших строк отн[осительно] этого скучного вопроса не понимаю. Чувствую лишь одно, что в Вас погиб великий присяж[ный] стряпчий.

Когда я прочитал вышедшую в ~~России~~ СССР книгу с перепечаткою «воспоминаний» из «Вест[ника] Европы» Анненкова и набрел на «орден», то не рас-

строился и даже не удивился: я ни минуты не сомневался, что «орден» ампоширован. Почему? Да потому, что громадный, милостью божьей оратор и талант Илья Ис.[Фондаминский] — искренний и пламенный — рассудочный (этим я не хочу сказать, что И[лья] И[сидорович] рассудителен): он не мыслит образами. А «орден» — образ. Сделав свое «открытие», я увидел в нем лишь подтверждение м[оей] уверенности, а потому отнесся к нему добродушно. Не он, И[лья] И[сидорович], первый, не он — последний. Большинство ораторов и литераторов — вошки: вот почему права литерат[урной] собственности везде оч[ень] ограничены. Я написал об этом (более 2½ лет т[ому] н[азад]) и Вам, и Илье Ис[идоровичу]. Получил от него по этому поводу милое письмо. Почему Вам 2½ г[ода] спустя понадобилось воскрешать всю эту историю — не пойму. Ах, Иверские ворота, Иверские ворота!..

Теперь, дорогой друг, о более важном, чем милая шалость И[лья] И[сидоровича]. Более же важно то, что 300 fr. получить обратно не могу. Справлялся в почт[овом] отделении, где их сдал, справлялся дважды и в Главн[ом] почтамте. Там объяснили, что деньги обратно не пришли, а что по времени они должны были бы вернуться, причем выразили предположение, что кто-н[ибудь] их получил. *Я оч[ень] прошу Вас* навести точную справку в париж[ском] почтамте, взяв в почтов[ом] отдел[ении] — *когда эти деньги возвращены.* Конечно, это должен бы сделать И[лья] И[сидорович], — но он вне мира и страстей². Не сделаете ли этого Вы? — Буду В[ам] признателен.

Ваш О. Грузенберг

300 fr. были высланы отсюда Илье Ис[идоровичу] 21 сент[ября] 1932 г. по мандату № 607.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ до бесконечности (лат.).

² Аллюзия на стихотворение Пушкина «Красавица» (1832): «Все в ней гармония, все диво, / Все выше мира и страстей».

64. Грузенберг — Вишняку

Nice. 18 ноября 1932 г.

18 нояб. 1932 г.

7, b[oulevard] Carlone

Дорогой Марк Вениаминович,
сердечно благодарю Вас за неизменно-доброе внимание к м[оим] поручениям. Я знаю, что Вам приходится много работать, а потому всякий отрыв от занятий, — притом сопряженный с беготней, дается Вам дорогою ценою. Письма от Ильи Ис.[Фондаминского] не получал. Очевидно, он на почту не попал. Ну и Бог с ним! Только Вы себя больше не беспокойте. В понедельник, 21-го, рассчитываю быть в Париже, где, конечно, с Вами свижусь. Читал, что в конце месяца состоится банкет «Совр[еменных] зап[исок]»¹. Это оч[ень] хорошо. Там друзья журнала могут совершить *деликатно* сбор «симпатий»; так обычно делается. «Воззвание»,

о котором Вы мне писали, погубило бы журнал. Не стоит, однако, больше оставаться на этой форме, т.к. Вы сами, очевидно, отбросили ее.

На банкет, при всем желании, не пойду: если бы Вы знали, как мне тяжело... Днем, за работою, которою я лечусь, на душе тише. Но по вечерам, «когда для смертного смолкает шумный день»², мне трудно безмерно. Идти же «развлекаться» не могу: буду и Вам всем, и себе в тягость.

Извините и не взывайте: Вы знаете, что я и без оказательства искренно предан журналу.

Привет Илье Ис[идорови]чу и Амалье Осиповне [Фондаминским]. Сердечный привет от Розы Гавр[иловны] и меня Вашей супруге и Вам. Жму руку.

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о банкете по случаю выхода 50-й – юбилейной – книги СЗ. Поздравляя журнал с этим событием, Грузенберг писал в своем приветствии: «Какая большая работа, какое горение, неослабевающее от невзгод и непогоды... Остается большой, яркий след в истории русской культуры: ни одна эмиграция не создала такого памятника тоскующей любви к родине» (*Руднев В.В. К юбилею «Современных записок» // СЗ. 1933. № 51. С. 450*).

² Грузенберг не совсем точно цитирует начало стихотворения Пушкина «Воспоминание» (1828): «Когда для смертного умолкнет шумный день...».

65. Грузенберг – Вишняку

Nice. 6 декабря 1932 г.

6 дек. 1932 г.

7, b[oulevard] Carlone, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

с жадностью накидывался я 2 дня на «П[оследние] новости» и «Возр[ождение]», стараясь по скудным сведениям воспроизвести В[аш] банкет¹.

Меня порадовало главное: собралось 400 чел[овек]. Значит, была широкая публика, читающая «Совр[еменные] зап[иски]». Число это утешительно, т.к. читателей в одном Париже оказалось вдвое больше, чем это нужно для существования журнала. Вероятно, на банкете была открыта подписка, как я советовал Илье Исидоровичу [Фондаминскому]. *Какой результат дала она?*

Несколько удивило меня напечатание «воззвания»². Неужели и после банкета оно понадобилось? Во всяком случае оно не произвело и на меня того тягостного впечатления, которого я опасался.

Что касается банкета, то некоторые речи м[еня] огорчили. Члены редакции выше похвал: они более, чем скромно, отодвинули себя на задний план и в то же время держали себя с большим достоинством. Что же до некоторых ораторов и «поздравителей», то они меня огорчили. – Речь проф. Вышеславцева – хамская и по содержанию, и е[ще] более по форме («карла»)³; неуместно и грубо в отношении Ильи Ис[идоровича] обвинение Ходасевича (участие в «Н[овом] граде»)⁴, неприятен адрес Р[усского] д[емократического] о[бъединения], журнал, де, осуществляет н[ашу] программу⁵: совсем как городской из горьков[ского] «Дна»,

которого метко определяет странник: «ты думаешь, что весь божий мир в твоём околке»⁶. Удивил меня и милый И[лья] И[сидорович] своим призывом к неумолимой борьбе с большевиками⁷. Тогда в чем его разномыслие с А.Ф. Керенским⁸? Дело ведь не в том, — признает ли И[лья] И[сидорович] за большевиками некоторые достижения, — а только в одном: садиться или не садиться с ними за один стол. Хочу думать, что тут виноват репортер, хотя в «П[оследних] нов[остях]» они — высококвалифицированные. Возвращаюсь к главнейшему — к материальному вопросу. Если подписка на банкете не оправдала ожиданий, то «друзья “Совр[еменных] зап[исок]”» должны немедленно начать сборы. Пусть В.А. Маклаков с кем-н[ибудь] заедут к Доброму⁹ и Каменке [так!]¹⁰, — и я *ручаюсь* уверен, что они получат тысячи две.

Таких же сборщиков пошлите и к другим, мало-мальски имущим, — и надо думать, что годовой расход журн[ала] будет покрыт с излишком.

Мне кажется, что, в связи со сборами, было бы важно пустить в *ближайшую* книгу вместо Союза русс[кого] народа, ритуальные процессы, отметив это в анонсах о содержании ближайшего №-ра. Хотя мне трудно заменять почти законченную статью новой, — но это надо.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Сообщения о юбилейном банкете СЗ, который состоялся 30 ноября в зале Сен-Дидье, см.: Н.П.В. [Вакар Н.П.] Юбилей «Современных записок». Торжественный банкет в залах Сен-Дидье // ПН. 1932. 2 дек. № 4272. С. 2–3; *Д-чъ*. Банкет «Современных записок» // Возрождение. 1932. 2 дек. № 2740. С. 2. На банкете присутствовали наиболее видные представители эмигрантской интеллигенции — писатели, художники, ученые, общественные деятели; председательствовал Д.С. Мережковский. При этом правое «Возрождение» отмечало, что «банкет был, несомненно, аполитичен. Левая редакция “Современных записок” с исключительным тактом сумела сделать так, что этот банкет не превратился в праздник “радикальной общественности”, а явился именно чествованием русской культуры, знамя которой высоко несет единственный толстый журнал в эмиграции». В том же сообщении говорилось: «Прочитанное И.П. Демидовым послание не явившегося на банкет П.Н. Милокова имело явной целью, так сказать, вбить клин в русскую эмиграцию и прославить лишь одну часть эмиграции».

² Грузенберг имеет в виду помещенный в том же номере ПН, что и освещение юбилейного вечера (см. примеч. 1), текст обращения от «Общества друзей “Современных записок”» (С. 2) следующего содержания:

«Только что вышла 50-я книга “Современных записок”. Едва ли нужно подробно говорить о значении и роли этого журнала в культурной жизни эмиграции. Его огромное дело общеизвестно. В “Современных записках” принимают участие все известные русские писатели, оказавшиеся политическими эмигрантами. На страницах журнала впервые появилось немало таких произведений, которые с тех пор переведены на десятки иностранных языков. Впервые в истории русского журнального дела удалось объединить писателей, философов, ученых, даже публицистов разных направлений, часто расходящихся в очень многом.

В настоящее время “Современные записки” являются единственным толстым литературно-политическим журналом за рубежом. Они являются также единственным свободным изданием этого рода на русском языке; в сов[етской] России свободных изданий нет.

При журнале в последние годы создано и издательство, уже выпустившее целую библиотеку книг известнейших русских писателей.

“Современные записки” получили большую популярность, приобрели читателей во всех странах русского рассеяния.

Для обеспечения дальнейшего существования “Современных записок” в прежних условиях нужно очень немногое: нужно только, чтобы известное число читателей превратилось в подписчиков. Вместо покупки отдельных книг следует подписаться на журнал. Предлагаются две формы подписки: либо на год, с уплатой ста франков, либо подписка на все время существования журнала, с единовременной уплатой пятисот франков.

Нижеподписавшиеся обращаются с призывом подписаться на “Современные записки”. От русских читателей зависит существование очень большого культурного дела.

М.А. Алданов, А.С. Альперин, П.Н. Апостол, К.Д. Бальмонт, И.Я. Билибин, М.В. Брайкевич, И.А. Бунин, Е.М. Винавер, Н.К. Волков, М.И. Ганфман, З.Н. Гиппиус, О.О. Грузенберг, И.П. Демидов, Н.В. Дмитриев, В.Б. Ельяшевич, И.Н. Ефремов, В.Е. Жаботинский, Б.К. Зайцев, В.М. Зензинов, Л.И. Кепинов, А.Ф. Керенский, А.А. Кизеветтер, А.И. Коновалов, С.А. Коновалов, И.Н. Коварский, М.А. Кроль, Н.К. Кузьман, А.И. Куприн, Е.Д. Кускова, В.А. Маклаков, А.Н. Мандельштам, И.И. Манухин, М.С. Маргулис, Н.Ф. Мельникова-Папоушек, Д.С. Мережковский, С.И. Метальников, П.Н. Милоков, Б.С. Миркин-Гецевич, А.М. Михельсон, В.А. Мякотин, Б.Э. Нольде, М.А. Осоргин, А.Б. Петрищев, А.М. Ремизов, Я.Л. Рубинштейн, Г.Б. Слиозберг, С.М. Соловейчик, А.Ф. Ступницкий, Н.В. Тесленко, А.А. Титов, Н.А. Тэффи, В.Ф. Ходасевич, М.С. Цетлин, М.О. Цетлин, И.С. Шмелев.

Адрес для сношений с Обществом: M[ada]me Zetlin, 59, rue Nicolo, 59, Paris (16).
Téléphone: Trocadéro 26–06».

³ Согласно отчету ПН, Б.П. Вышеславцев сказал следующее: «Миссия “Современных записок” – бороться с мировоззрением, которое держит в оковах советскую Россию [...]. Миросозерцание это – марксизм. Злых чар, околдовавших Россию, никаким насилием не уничтожишь, снять наваждение можно только “правильным словом”. В России – диктатура единого миросозерцания. Победить ее может только – свободная мысль. На свободе и пользуясь свободой, бороться с чарами “злого карлы” Маркса, не страшась его огромной бороды, – такова наша цель» (ПН. 1932. 2 дек. № 4272. С. 2).

⁴ Как сообщили ПН, В.Ф. Ходасевич сказал буквально следующее: «Девизом “Современных записок” было и остается сохранение русской литературной традиции. Не слишком ли узко эта задача иногда понимается в эмиграции? [...] Держать почетный караул при старой литературе – почтенная и важная задача. Но русская литературная традиция заключается не только в этом. Ее смысл и задача – облегчить дальнейшее развитие литературы. Завет Пушкина – завет новизны. Хотя в этом направлении редакция “Современных записок” сделала многое, В.Ф. Ходасевич желает “проявлять впредь больше смелости и уверенности на пути содействия молодым литературным силам и чаще и полнее удовлетворять здоровое и плодотворное желание новизны”» (Там же).

⁵ Грузенберг пристрастно и неточно трактует приветствие парижского Республиканско-демократического объединения (РДО), в котором говорилось: «Республиканско-демократическое объединение приветствует республиканско-демократический журнал “Современные записки” и от всей души присоединяется к сонму друзей, празднующих сегодня двенадцатилетие ответственной и блестяще проведенной редакторской работы. Принадлежа в своем большинстве к поколению, только недавно потерявшему право на название молодежи, РДО считает долгом особенно подчеркнуть свое особое положение в пресловутом споре об “отцах и детях”, который, по счастью, можно считать законченным. “Отцы” “Современных записок” – в лице членов его редакции и некоторых его сотрудников – охотно принимали участие в политической работе РДО; они помогли ему найти себя в ряду демократических течений и оформить собственную политическую мысль. На страницах журнала РДО всегда находило ценные указания на правильные решения очередных политических вопросов; даже и в случае разногласий журнал будил мысль и вызывал ее самостоятельную работу. Традиция русской интеллигенции, представляемая журналом, признавалась и признается РДО его собственной традицией; во всех сложных вопросах и новых задачах, поставленных жизнью, РДО охотно возвращается к своим истокам, зная, что всегда встретит на столбцах журнала честный идейный отклик и симпатизирующее чувство.

Приветствуя “Современные записки” с заканчивающимся ныне кругом их неустанной работы, РДО выражает надежду, что журнал и впредь будет служить делу русской республиканской демократии, пока сама жизнь не позволит перенести эту плодотворную работу на родину, которая так в ней нуждается» (*Миллюков П.Н.* От РДО // ПН. 1932. 2 дек. № 4272. С. 3). Ср.: «Члены редакции “Совр[еменных] записок” и некоторые сотрудники принимали участие в политической работе РДО; они помогли ему найти себя в ряду демократических течений и оформить собственную политическую мысль. На страницах журнала РДО всегда находило ценные указания на правильное решение очередных политических вопросов; даже и в случае разногласий журнал будил мысль и вызывал ее самостоятельную работу» (*Руднев В.В.* К юбилею «Современных записок» // СЗ. 1933. № 51. С. 449).

⁶ В пьесе Горького «На дне» (акт I) полицейский Медведев заявляет Луке, что не знает его, на что тот отвечает: «Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоём участке поместилась... осталось маленько и oprичь его...».

⁷ В ПН говорилось: «И.И. Бунаков благодарит от имени “Современных записок” друзей, собравшихся на праздник.

— Редакция журнала очень скромна, — говорит он, — и мы знаем, что приветствуют сегодня не столько нас, сколько тех ученых, писателей, поэтов, философов и общественных деятелей, которые, работая в “Современных записках”, главным образом и создали это большое общее дело.

Заслуг редакции “Современных записок” И.И. Бунаков, впрочем, не отрицает. Первая заслуга заключается в том, что пять человек, образовавших редакцию журнала (А.И. Гукowski умер в 1924 году), смело и мужественно преодолевали трудности и препятствия. Собрать крупных ученых, писателей, философов, поэтов в один большой оркестр, в котором все первые скрипки (нет вторых!) — трудная задача, но она выполнена... Вторая заслуга журнала в том, что он постепенно разоружил их “перестреливавшиеся” между собой кланы “рыцарского монашеского ордена” русской интеллигенции, соединил их на общую работу под одной белой обложкой, заняв место как бы арбитра среди либералов, демократов, радикалов и социалистов.

— Мужественно, но с большим трудом мы преодолели соблазн отказа от политики. Создать журнал, не ставящий перед собой задач социальной и политической борьбы, значило бы в наше время создать жалкого, нетрудоспособного инвалида без ног.

Журнал борется за великие вечные человеческие ценности — личность, свободу, право и социальную справедливость.

— Кто стоит на этих столбах, все могут прийти и работать в “Современных записках”» (ПН. 1932. 2 дек. № 4272. С. 3).

По всей видимости, содержащийся в речи Бунакова-Фондаминского мотив борьбы с большевиками Грузенберг извлек из отчета «Возрождения», сообщавшего, что он «говорил о задачах “Современных записок” и о том, что журнал стремится привлечь все силы эмиграции, к каким бы направлениям они не принадлежали, при одном лишь условии абсолютного неприятия большевизма» (Возрождение. 1932. 2 дек. № 2740. С. 2).

⁸ См. содержание речи А.Ф. Керенского, каким оно было представлено ПН:

«“Современные записки” не только литературный, но общественно-политический журнал. Заслуги “Современ[ных] Записок” велики, по мнению А.Ф. Керенского, не только перед литературой:

— Они возникли в 20-м году, и многих, кто сегодня здесь, вокруг “Современных записок” тогда не было и быть не могло.

Журнал был созданием людей, принадлежавших к определенному политическому лагерю, к определенной политической партии. Он имел своей целью собрать все живое и ценное в русской общественности.

— Забыв во имя общего долга свои политические симпатии, эти люди помогли нам осуществить нашу общую огромную политическую задачу.

“Современные записки” боролись и продолжают бороться не только за культурные и духовные блага, но и за благо материальное, житейское, без которого невозможна никакая духовная жизнь, никакая культура — за свободу.

— Никакого юбилея нет, потому что борьба продолжается! — кончает А.Ф. Керенский свою речь» (ПН. 1932. 2 дек. № 4272. С. 2–3).

⁹ Добрый Абрам Юрьевич (1867–1936), промышленник, финансист, общественный деятель, коллекционер, меценат. Жил в эмиграции в Париже, член Совета директоров Реконструктивного фонда (с 1925 г.), председатель Общества помощи русским евреям — с 1927 г. (см.: Рассвет (Париж). 1927. 26 июля. № 29. С. 11). Был близок к эмигрантским писательским кругам, в частности к А.М. Ремизову, который упоминает его в «Мышиной дудочке». Член Общества друзей русской книги. См. его некролог, написанный П.Н. Апостолом для «Временника Общества друзей русской книги» (1938. Вып. 4. С. 279–280).

¹⁰ Имеется в виду А.И. Каминка. См. примеч. 3 к п. 31.

66. Грузенберг — Вишняку

Nice. 28 декабря 1932 г.

28 дек. 1932 г.

6, *Châteauneuf*, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

я начал письмо к Вам еще 6 дек[абря], но потом отложил: помешали другие срочные письма, — ведь я в деловом отношении еще не оторвался от Риги. Затем простудился, слег, т.к. т была 39,4–6, — пришлось даже позвать доктора. Через неделю поднялся, долго не выходил, — но теперь я в порядке.

Что касается статьи для «Совр[еменных] зап[исок]», то, конечно, дам ее вовремя. — Напишите мне «честно», — какой окончательный срок.

На какой статье Вы остановитесь, — на «Союзе русс[кого] народа» или на ритуальных процессах, Вам виднее, — но если предстоит поход на евр[ейские] карманы, то для В[ашего] журнала важнее пустить сначала ритуальные процессы. Словом, решайте сами. В последнее время я убедился, что Вы — истинный друг мне: чувствуя Вас таковым, не хочу ни в чем огорчать Вас даже тогда, когда Вы явно неправы, — напр[имер], в случае с Горьким. Хотел выпустить о нем даже отдельную книжку (грешно было бы похоронить такой важный материал, как его обширные письма), — но боюсь, что все издание будет закуплено для России, — а это может дать повод для злоязычия. Видите, как я растерялся, когда считаюсь с тем, что может по этому поводу придумать какой-н[ибудь] прохвост. Насчет Горьк[ого] подумайте — и я бы дал его для след[ующей] книжки. Я бы начал так: надо датировать портреты, — мой портрет относится к 1905–1917 гг.; другого Горьк[ого] я не знаю, а со сплетнями о нем не считаюсь. Но Бог с Вами: в эмиграции ~~Вы~~ мы все стали трусами.

Если я, непокорный, стал считаться с пустяками, то не в праве винить Вас.

Что до душевного м[оего] состояния, то я все еще не нашел себя. Подумываю дать о себе публикацию, — не нашел ли меня кто-н[ибудь]. Не в том только дело, что я пережил своих детей, а в том, что вся жизнь предстала иною, — какую-то расщепленную, более незацепляющую меня: чувствую себя, как должен бы чувствовать себя винт, у которого стерлись все нарезки, — нечем зацепиться: хлоп-хлоп, а толку никакого.

Теперь мне представляется, что в жизни есть только два момента важных: наш загадочный приход и столь же загадочный уход. Это две солидные стенки, а все, что промеж них, — мусор, как в послевоенных постройках, какое-то «сонной Парки бормотанье»¹. Пишу это не в запальчивости, — напротив, на редкость спокоен. Теперь нет еще 4 час[ов] утра. Проснулся ок[оло] 2 ч[асов] (правда, лег в 10 ч.), повертелся, — повертелся в постели — и сбежал: жутко в постели без сна. Почитал книгу о Иове многострадальном: чепуха! Вначале Иов вел себя с достоинством (Бог дал, Бог взял!), а потом, распаленный поздравителями с горем, стал перекоряться со своим Создателем, как судомойка с кухаркою. Нет, лучше работать, работать: тогда не думаешь. Вы не смейтесь над этим: можно говорить речи, не думая (что в последнее время делает милый Илья Исид. [Фондаминский]), можно, не думая, писать книги — вроде того, как приходится, при легочных кавернах, дышать *поверхностно*. Но я ловлю себя на том, что впадаю в словесное кокетство и чуть ли не повязываю галстук перед зеркалом вечности. Надо прекратить письмо: в истинно-дружеских письмах надо быть не только искренним, но и целомудренным.

Отчего бы Вам не приехать сюда на отдых; хотя бы на короткий срок: Вам придется тратить в день лишь 15 fr. на комнату, — все остальное у нас. Буду рад Вам.

Пришлите мне безотлагательно книжку журн[ала] «Сибирь и каторга»², где помещена *статья о Горьком по делу*³ 9 янв[аря]⁴. отошлю через несколько дней. Потом еще одна просьба: спросите у проф. Миркина-Гецевича⁵, как называется та парижская национальная библиотека, где собраны русские издания за последние 30 лет. Он мне как-то о ней давно говорил⁶. Там разыщите юрид[ический] журнал, издававшийся прис[язным] повер[енным] Канторовичем, под названием «Судебное обозрение»⁷ (что-то в этом роде: Миркин, вероятно, помнит). В виде приложения к этому журналу была дана книжка о процессе Н. Романовского, обв[иняемого] в убийстве своей гражданской жены. Поручите какому-ниб[удь] юноше списать за плату м[ою] речь в защиту Романовского⁸.

Обнимаю Вас крепко

Ваш О. Грузенберг

Отметьте у себя наш новый (с 31 дек[абря]) адрес: 6, Châteauneuf. —

Роза Гавр[иловна] сердечно Вам кланяется. Мой почтительный привет Марье Абрамовне [Вишняк].

Посмотрите, как из-за того, что недоспал, стал хорош м[ой] почерк. Это от того, что рука поспекает за мыслью, — обычно она не поспекает.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ См. примеч. 4 к п. 11.

² Подчеркнуто предположительно рукой Вишняка.

³ Подчеркнуто предположительно рукой Вишняка.

⁴ Возможно, речь о статье В. Гончарова «Январские дни 1905 года в Петербурге» (Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 144—174), хотя в ней нет упоминаний М. Горького.

⁵ Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (1892—1955), ученый-правовед, историк, публицист.

⁶ Речь идет о Тургеневской библиотеке, которая возникла в Париже по инициативе революционера-народника Г.А. Лопатина в 1875 г. Основой книжного фонда библиотеки стали личные книги жившего в Париже И.С. Тургенева, который, кроме того, организовал сбор средств на нее. После смерти Тургенева в 1883 г. библиотеке было присвоено его имя.

⁷ Имеется в виду еженедельник «Судебное обозрение», который в 1903–1904 гг. издавал старейший российский правовед Яков Абрамович Канторович (1859–1925).

⁸ В 1901 г. в Эриванском окружном суде, а затем в Тифлисской судебной палате рассматривалось дело об убийстве Марии Лесковой. Ее гражданский муж Николай Романовский отрицал свою вину и утверждал, что Лескова покончила жизнь самоубийством. О.О. Грузенберг выступал в суде защитником Романовского. Речь его см. в книге из серии «Библиотека судебных процессов», выходящей в качестве приложения к журналу «Судебное обозрение»: Дело об убийстве Марии Лесковой. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1903.

67. Грузенберг — Вишняку

Nice. 8 февраля 1933 г.

8 февраля 1933.

6, rue de Châteauneuf, Nice, France (A[lpes]-M[aritimes])

Дорогой Марк Вениаминович,

не знаю где Вы теперь. Читаете ли Вы уже лекции или еще готовитесь к ним. — Сказать откровенно, я от предстоящей Вашей поездки не в восторге: большая затрата времени и сил, неизбежное волнение, чтение по предмету, который Вам менее близок, нежели вопросы государ[ственного] пр[ава], — и все это впустую, если Вы не решили оставить Париж, чтобы занять кафедру в университете какого-нибудь из новообразовавшихся государств...

Все это неожиданно и без плана. Ужасно обидно, что в бытность Вашу в Риге Вы не сказали мне о своем желании променять журналистику в Париже на кафедру в провинции. Я тогда бы устроил Вам профессию в Ковне, где у меня не только добрые, но и близкие отношения с деканом Юрид[ического] фак[ультета] и наиболее влиятельными профессорами.

Теперь же это будет труднее, ввиду разыгравшихся в Германии событий, которые, поневоле, заставят литовское правительство считаться с желаниями клайпедских немцев, — а они желают непременно питомцев германских университетов.

Отчего Вы ничего не пишете мне относительно любезно принятого Вами поручения о розыске в указанной в моем предыдущем письме библиотеке приложенного к журналу, издававшемуся покойным Я.А. Канторовичем, отчета по делу Николая Романовского.

Вы обещали, по розыске этой книжки, поручить M[ademoise]lle Коварской¹ переписку оттуда моей речи. После этого обмена письмами — от Вас ни слова, и я нахожусь в полном неведении, — разыскана ли эта книжка и идет ли переписка. Пожалуйста, черкните мне несколько слов по этому предмету.

Что касается моей статьи о «Союзе русского народа» для Вашего журнала, то в неписылке ее повинны Вы одни, — повинны тем, что дали мне лишь пять дней срока ввиду, будто бы, выхода немедленно очередной книжки. А, между тем, прошло около месяца — и книжка эта все еще не вышла. Не прислал же я готовой статьи, т.к. по прочтении она мне не понравилась: я, в интересах ускорения, диктовал ее; между тем, диктовать я не умею, нет привычки, — и вышло вот что: одни факты рассказаны подробно, а другие — скомканы. Ясно мне, что полно вышли те части, которые я диктовал в начальный час работы, а потом, устав, стал ком-

кать. Хочу переделать всю эту статью, хотя терпеть не могу возвращаться к написанному: по моему темпераменту, то, что мною уже сделано, я считаю покойником – и мне неприятно украшать и приспособлять к жизни труп. Однако ничего не поделаешь: придется повозиться с трупом, а, м.б., сяду и напишу все заново. Так, пожалуй, будет скорее и интереснее для меня самого. Прилагаю письмо к Илье Исидоровичу [Фондаминскому]; не адресую ему, т.к. в последнем письме ко мне он пишет, что будет в феврале в Грассе. Кто его знает, м.б., он уже там.

Сердечный привет Марье Абрамовне и Вам от Розы Гавр[иловны] и меня.

Ваш О. Грузенберг

Посылаю под зак[азной] бандеролью «Воспом[инания]» Витте: не знаю адреса Турген[евской] библиотеки.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Кроме последних двух предложений, письмо написано не рукой О. Грузенберга.

¹ Коварская Вера Ильинична (1908–1983), литератор, журналист, мемуарист, юрист. Дочь известного эсеровского деятеля д-ра медицины И.Н. Коварского и педагога Л.А. Коварской (урожд. Налон-Домбровской); см. о них примеч. 2 к п. 106. В.И. Коварская училась на юридическом и филологическом факультетах Сорбонны, в Институте искусства и археологии. Работала в юридическом отделе Лиги прав человека и гражданина. В 1940 г. переехала в США. Была многолетним сотрудником нью-йоркского «Нового русского слова» и журнала «Time Magazine».

68. Грузенберг – Вишняку

Nice. 19 марта 1933 г.

19 марта 1933 г.

6, rue Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Соломонович [так!],
вчера поздно веч[ером] я наткнулся в «L'Éclaircissement» на рецензию В[ашей] книги (утром я просматриваю лишь политич[еские] вести, а обстоятельно читаю лишь перед сном). Заметка оч[ень] лестная – препровождаю ее Вам.

Когда предполагается выход кн[ижки] «Совр[еменных] записок» и к *какому времени* я должен доставить свою статью (о «Союзе русск[ого] народа»)?

Прочел сегодня о наглости Дмитриевского в отнош[ении] «Совр[еменных] зап[исок]» и ханжеское вводное слово Семенова-Тян-Шанского («для нас нет ни красных, ни белых, – а только русские люди»)¹. – И с этой сволочью возится и кокетничает Илья Исидорович [Фондаминский]! – Говорю откровенно: если бы я был членом редакции «Совр[еменных] зап[исок]», то, не глядя на всю м[ою] симпатию к нему, потребовал бы и настоял на выходе его из редакции. Коротко: ты с большевиками – отлично; [если] ты не с ними, то брось свое блядование! – А то и да, и нет!

Будьте добры, сообщите мне имя и отчество Мирского-Гец[евича] [так!], а также его адрес.

Привет почтительный Марье Абрамовне [Вишняк].

Ваш О. Грузенберг

Передайте М.А. Алданову, что главы, посвященные переживаниям Муси и ее матери, в связи со смертью Каменецкого [так!], удивительно хороши².

Попомните м[ое] слово: Алданов окончит самоубийством. Надо вам всем поберечь его.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о выступлении бежавшего в Стокгольм бывшего в Советском Союзе управляющего делами наркоминдела «невозвращенца» С.В. Дмитриевского на собрании младороссов — политического движения с весьма смутными и противоречивыми целями и задачами, в которых монархическое мировоззрение соседствовало с большевистской программой и фашистскими лозунгами. Собрание, о котором идет речь, широко освещалось в периодической эмигрантской печати; см., напр.: *Любимов Лев*. Русь, а не империя (Проповедь С.В. Дмитриевского) // Возрождение. 1933. 16 марта. № 2844. С. 5. Грузенберг, по всей вероятности, имеет в виду тот фрагмент выступления Дмитриевского, где, согласно отчету ПН, говорилось: «Бывший советский дипломат — человек осторожный и ловкий. Слова он подбирает тщательно, но намеки его прозрачны, находят живой отклик у “верноподанных царя Кирилла” и веселят аудиторию. Для большей ясности Дмитриевский цитирует юбилейную книжку “Современных записок”, напирая на нерусские фамилии авторов, ставя Алданову в вину, что тот начинает свой роман “французской фразой” (!). С многозначительным ударением Дмитриевский оглашает еврейские имена и отчества его героев. — И это, — восклицает он, — русская литература? Отображение культурного лица эмиграции? Даже Сирин, хотя он и носит фамилию Набоков, “денационализировался в этой компании”: — Воспитанный среди обезьян, он сам стал обезьяной. Может ли Россия ждать добра от этих людей? Ведь если бы “февральская измена” была доведена до конца, они “продали бы Россию международному капиталу”, превратили бы ее в “африканское Конго”... — Правильно поступили французы, выбросив из окон дворца Сен-Клу своих Вишняков и Кагановичей! Над аудиторией проносится тень Сионских протоколов. Эта часть речи г. Дмитриевского имеет наибольший успех» (Н.П.В. [Вакар Н.П.] «Революционный национализм» г. Дмитриевского // ПН. 1933. 16 марта. № 4376. С. 2).

² Речь идет о романе «Пещера» — смерть и похороны Семена Исидоровича Кременецкого описаны в главах XXVIII—XXXII, печатавшихся в 51-й книге СЗ.

69. Грузенберг — Вишняку

Nice. 24 апреля — 6 мая 1933 г.

~~24 апреля~~ 6 мая 1933.

6, rue de Châteauneuf, Nice (A[lpes-]M[aritimes])

Дорогой Марк Соломонович [так!],

я Вам давно не писал, т.к. все это время чувствую себя неважно, и сейчас придется письмо это диктовать, за что прошу у Вас извинения.

Не знаю — когда выйдет очередная книжка Вашего журнала, но вижу, что выход запоздает против указанного Вами времени.

Во всяком случае, как только поправлюсь, пошлю Вам обещанную статью (о Союзе русского народа), ~~и статью~~ а также памятку о Ф.И. Родичеве¹. Сейчас, потрясенный неожиданной смертью А.В. Пешехонова², я перебираю его письма за эмиграционные годы (их оказалось свыше 40), чтобы написать сейчас же несколько строк, относящихся до его «возвращения»³. Все горе его только в том, что мы все любим Россию, как отвлеченное географическое понятие, а он тосковал по

ней, как по реальности, вне которой и без которой жизнь была ему не в жизнь. Те, которые лишены чувства такой безумной любви, конечно, его не понимали и, по эмигрантскому обыкновению, травили его.

Он был слишком силен, чтобы с этим считаться и отойти от той линии, которую диктовала ему совесть, но отравить ему почти 9 лет жизни им удалось. Жутко об этом вспоминать и перечитывать его письма, к этому предмету относящиеся. Вследствие нашей давней близости, он ставил меня в известность о каждом шаге, им предпринимавшемся в этом направлении, приводя целиком тексты как писанных им заявлений, так и ответов на них. Я считаю своим долгом привести, хотя бы в беглой заметке, соответствующие извлечения из его писем. Замечательный человек, занимавший в Праге хорошо оплаченную должность по своей специальности, мечтал лишь об одном: ехать в Россию на голод и унижение только для того, чтобы там работать, там доживать и там умереть. Надо же, чтобы все в эмиграции знали, как он любил родную землю и как он за эту любовь дорого заплатил⁴. Несмотря на нетрудность этой работы, я в беспомощном волнении перебираю соответствующие письма — и никак не могу заставить себя их изложить. Но это я обязан сделать, ибо, если не я, то кто же другой, не располагая этим задушевно-откровенным материалом, может разъяснить этот важный вопрос.

Насчет И.И. Бунакова материала прибавляется все больше и больше — (наглые выходки в отношении «Современных записок» Дмитриевского давно уже требовали прямого выступления Ильи Исидоровича против всей этой сволочи, с которой он своим неукротимым красноречием себя связал).

Однако я стесняюсь выступить против него, т.к., с одной стороны, отношусь к нему симпатично, — а с другой, меня смущает отношение к нему таких безукоризненных людей, как Н.Д. Авксентьев, Руднев и Зензинов, которые не протестуют по поводу странной связи Ильи Исидоровича со всей этой черносотенной компанией. Очевидно, что тут что-то есть, что мне, стоящему далеко от Ваших редакционных дел, непонятно. Вот почему я не решаюсь на какой-либо энергичный шаг. Я, в сущности, уже высказал Илье Исидоровичу свое мнение об его образе действий за последнее время, когда он, вместе с Амалией Осиповной [Фондаминской] и полковником (фамилию его забыл), б[ывшим] адъютантом Николая II, нас посетил. Кстати: зачем Вы передали Розе Гавриловне, что знаете от меня всю нашу беседу? — Она достаточно волновалась во время этой беседы, была счастлива, что она окончилась без скандала, — и вдруг Вы, по непонятной мне причине, решили *renovare* [так!] *dolores*⁵. Но все это уже позади. Кстати, я хочу вступить в русский отдел «Лиги прав человека»⁶; если я не ошибаюсь, председателем русского отдела этой Лиги состоит Николай Дмитриевич [Авксентьев]⁷. Нужно ли мне написать ему официальное заявление или достаточно Вашей передачи ему моей просьбы.

Удалось ли Вам отдохнуть на праздниках? Как идет Ваша работа? Готовитесь ли Вы уже к предстоящим лекциям? — От всей души желаю Вам успеха. Отчего бы Вам не собраться ко мне в Ниццу? — Расход Ваш сведется только к билету III кл. *aller et retour*⁸, т.к. Вы будете нашим гостем и заедете к нам. Мы были бы этому рады.

Передайте мой поклон Марии Абрамовне [Вишняк] и всем Вашим товарищам по редакции.

Я вспомнил, что юрид[ический] журнал, к которому был приложен особою книжкою судеб[ный] отчет по делу Н. Романовского, назывался — «Судебное обозрение», редактором-издателем его был Я.А. Канторович⁹. Из этого отчета надо выписать *только* мою речь; остальное мне не понадобится, т.к. я хорошо помню обстоятельства этого дела. Вы хотели, если память мне не изменяет, поручить это дело М[ademoise]лле Коварской: так и поступите, заплатив за меня следующее ей вознаграждение.

Сердечно Ваш

О. Грузенберг

NB. — Впрочем, чтобы не затягивать дело, прилагаю заявление на имя Николая Дмитриевича [Авксентьева].

NB. — Журн[ал] «Юридич[еское] обозрение» выходил лишь 2 года, — стало быть, разыскать ее в Нац[иональной] библ[иотеке] будет нетрудно.

6 мая 1933. — Письмо залежалось, т.к. я еще больше расхворался. Наконец я взял себя в руки и продиктовал статью о «возвращенстве» Пешехонова, которое несправедливо доставило столько горя Пеш[ехону]ву и его друзьям. Я использовал лишь несколько из них. Третьего дня я отправил свою статью в «Посл[едние] нов[ости]». Вероятнее всего, что она покажется газете запоздалой, — но раньше не мог это сделать: до такой степени я был удручен его смертью.

Затем, по В[ашей] специальности. — Ок[оло] месяца т[ому] н[азад], под влиянием событий в Германии, я задумал несколько статей о гитлеризме. С маху написал вводную главу, — на м[ой] взгляд, интересную. Я ставлю там в ней гитлеризм как событие международное, со всеми, проистекающими из того, последствиями. Если она может быть помещена в какой-н[ибудь] франц[узской] газете, то тогда напишу и дальнейшие. Прилагаю ее с тем, чтобы Вы отдали ее коллеге Ярблюму¹⁰, для передачи г. Герману, который во время приезда моего по первом приезд[е моем] во Францию, напечатал в «Le Temps» большое интервью со мною¹¹. Пусть г. Герман напечатает ее, в виде статьи или интервью, в «Temps» или другой приличной газете. Гонорар в его пользу: Герман нуждается. Будьте добры поторопитесь.

Ну, еще раз крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

P.S. Да, насчет Ступницкого — Демидова. Я убедился, что в недоброжелательном отношении к статьям Ступницкого, посвященным отзывам о журн[але] «Закон и суд», повинен, вопреки мнению Ст[упницкого], не Демидов, а Бенедиктов¹². Ну, а об этом «литераторе» ~~мне с Вашим~~ наше мнение не расходится. Хорош, как Роза Гавр[иловна] правильно отметила, и сам Ступн[ицкий]: при его близости с Павлом Ник. [Милоковым] (адъютант!), сам он был возмущен, что мог сказать П[ав]лу Н[иколаевичу], который уладил бы все это. Ну да Бог с ними.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Написано не рукой Грузенберга, кроме приписки, отмеченной «NB» и части письма, датированной 6 мая 1933 г.

¹ Родичев Федор Измайлович (1852—1933), общественно-политический деятель, юрист, публицист, мемуарист; член ЦК партии кадетов; депутат всех четырех Государственных дум. Родичева, который жил в Лозанне, не стало 28 февраля. Никаких материалов Грузенберга о Родичеве в СЗ не появлялось (см. к этому п. 78).

² См. примеч. 3 к п. 5.

³ Мемуарный очерк «О возвращении А.В. Пешехонова» был напечатан в ПН (1933. 18 мая. № 4439. С. 2; 20 мая. № 4441. С. 5); в него Грузенберг включил некоторые фрагменты из упоминаемых пешехоновских писем.

⁴ В очерке «О возвращении А.В. Пешехонова» Грузенберг повторяет эту мысль: «Вся “вина” А[лексея] В[асильевича] состояла в том, что в то время, как мы, эмигранты, лишь крепко любим Россию, а некоторые из нас только *любят любить* ее, — он без нее не мог дышать, не мог жить. Чего ему недоставало в эмиграции? Казалось бы, на редкость ему повезло: жизнь в гостеприимной славянской стране (в Чехословакии) в должности тов[арища] председателя Русского научно-исследовательского института во главе с С.Н. Прокоповичем, о котором он всегда отзывался не только с уважением, но и с неизменной симпатией. А вот, подите ж: вон из “чешской богадельни”, хочу домой — и вся недолга. В России для него солнце светило и грело *по-иному*, плыли *иначе* в небе облака, журчала река, хрустел под ногами песок. Где же нам, верноподанным Нансена, понять его бессонную муку!» (ПН. 1933. 18 мая. № 4439. С. 2).

⁵ возобновить страдания (лат.).

⁶ Имеется в виду Международная лига прав человека («Fédération internationale des droits de l'homme»), возникшая в Париже в 1922 г.

⁷ Н.Д. Авксентьев возглавлял (с 1924 г.) Российский отдел Лиги защиты прав человека и гражданина.

⁸ туда и обратно (франц.).

⁹ См. примеч. 7 к п. 66.

¹⁰ Ярблом Марк Б. (1887–1972, Израиль), еврейский журналист и общественный деятель.

¹¹ Интервью с Грузенбергом появилось в газете «Le Temps» 19 апреля 1921 г.; в нем он высказывал мысль об угрозе цветных рас, надвигающихся на Европу.

¹² Бенедиктов — псевдоним русского и русско-еврейского журналиста, публициста и общественного деятеля Михаила Юрьевича (Юльевича) Берхина (1887–1952). Родился в семье харьковского раввина. Окончил юридический факультет Харьковского университета, однако по специальности почти не служил. Увлечшись литературой и журналистикой, начинал как иностранный корреспондент российских газет. В 1920 г. эмигрировал в Париж. Сотрудничал одновременно в русской (газеты «Дни», ПН, «Сегодня») и русско-еврейской прессе («Еврейская трибуна», ревизионистский еженедельник «Рассвет», с 1925 по 1934 г. соредатор последнего). После оккупации Франции нацистами бежал в США, где вел работу по организации боевой еврейской организации ЭЦЕЛ, а также редактировал (вместе с И. Френкелем) журнал «Заря». Незадолго до смерти переехал в Израиль.

70. Грузенберг — Вишняку

Nice. 10–11 мая 1933 г.

10 мая 1933.

6, rue de Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Соломонович [так!],

надеюсь, Вы не сочтете за труд разъяснить м[ое] недоумение — тем более, что В[аш] труд сведется к непродолжительной справке по телефону.

4-го мая я отправил И.П. Демидову (по адр[есу] «Посл[едних] нов[остей]») статью об А.В. Пешехонове, в *заказ[ном]* пакете.

В препроводит[ельном] письме я просил не отказать в сообщении, когда именно он думает пустить статью. Я привык отвечать уважаемым мною людям не позже, как через день. — Такое же отношение я встречал всегда и к своим письмам.

Между тем, теперь уже 10-е, а ответа нет. Полагаю, что статья получена в редакции, когда И.П. [Демидова] не было, куда-то положена, а потом забыта. Иначе трудно объяснить молчание И.П. [Демидова]. Если же молчание является результатом небрежности, то я не желаю печататься в «Посл[едних] н[овостях]». — Мне это не нужно, так как для меня открыты столбцы в «Сегодня» и н[ашего] журнала «Зак[он] и суд» (обычно, *та же самая* статья печаталась в обоих). «Сегодня» имеет, как Вы знаете, оч[ень] широкое распространение. Заберите м[ою] статью у И.П. [Демидова] и перешлите ее мне: не то будет поздно.

Если просмотрите эту статью, то найдете в ней и выписку из восп[оминаний] Анненкова, откуда милый Илья Ис. [Фондаминский] сбондил «орден». Я всегда считал Илью Ис[идоровича] избалованным ребенком, с которого нельзя строго взыскивать. Пока он прокладывал пути России через Китай, я с него не взыскивал строго: пускай себе тешится. Но теперь другое дело: он стал языкоблудом в таких вопросах, где это совершенно недопустимо. Он совершенно распоясался и претендует на роль «учителя жизни»: это, конечно, не годится. Виною тому, конечно, снисходительность окружающих и самовлюбленный Степун. Тот нагл, как полагается немцу (помните у Тургенева «*кровавый русский*»). В Степуне много повинны и Вы. Возвеличивали Вы его, возвеличивали — без малейшего основания. Я ведь с ним едва знаком, — значит, *лично* раздражения в отнош[ении] него у меня не м[ожет] быть. Стекляшка, превращенная на эмигрантской бирже в бриллиант. Читал его бесконечный роман — гимназическое произведение¹; читал его публицистику — дрысня; слушал его доклад — самодовольный болтун без малейшего проблеска ораторского таланта. М.б., он что-ниб[удь] смыслит в своем ремесле *преподавателя* философии (но не философа) — судить не берусь, — тем более, что не читал его работ в этой области. Оба они (Степ[ун] и И.И. [Фондаминский]) — те самые, Левон и Боренька — «чудесные ребята», о которых говорит Загорецкий². — Ну и Господь с ними!

Помню В[ашу] «товарищескую» тревогу (в кафэ «Терминус») за герм[анскую] соц[иал-]демократию. Напрасно тревожились за них: имея за собою 7 милл[ионов] (!!) *рабочих*, сдать все позиции Гитлеру без боя могут только *немецкие* социалист[ические] вожди! — Плохо только то, что они сыграли на руку коммунистам: подкинули 7 милл[ионов] *рабочих*. Не надо быть пророком, чтобы предсказать ближайшую судьбу Германии: Гитлер, когда начнется голодуха среди безработных, полетит к чорту; начнется бюргерская война, в которой быстро одолеют коммунисты; Германия полетит к чорту, — такой подлой страны не жалко. — Плохо то, что она может потянуть за собою всю Европу. Утешаю себя тем, что к тому времени (на это пойдет ведь не менее 5 лет!) меня уж не будет. Довольно: сыт по горло.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш О. Грузенберг

Передали ли м[ое] заявление Н.Д. Авксентьеву? Прочли ли м[ои] вводные страницы о гитлеризме? Напишите откровенно: согласны с моим юрид[ическим] тезисом, намеченным, но не развитым, т.к. я считал его и без того ясным. (См. на обор[оте].)

11 мая. — Не успел опустить это письмо вчера веч[ером]. Мы вечер[ом] не выходим, а Fräulein Нэлли простужена. Вот и сегодня прошли 2 почты, а письма

от И.П. Демидова нет. Думаю, что дольше ждать ответа недостойно. Впрочем, [В]ам будет виднее, а в том, что Вам дорого м[ое] достоинство, не сомневаюсь.

Отчего Вы не пишете? — Догадываюсь, что Вы хотите дать исчерпывающий ответ по всем м[оим] поручениям. — Но это Вас напрасно связывает: дайте мне пока частичный ответ на то, на что Вы можете ответить сейчас же; потом Вы дополните. Напишите мне после беседы с Дем[идовым].

Обнимаю Вас.

Ваш О. Грузенберг

Сердечный поклон многоуважаемой Марье Абрамовне [Вишняк]. Роза Гавр[иловна] шлет привет Вам обоим.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о романе Ф. Степуна «Николай Переслегин», печатавшемся в СЗ в 1923—1925 гг. (№№ 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 25).

² Грузенберг цитирует «Горе от ума» А.С. Грибоедова (действие 4, явление 4), однако тирада о «чудесных ребятах» — Левоне и Бореньке — принадлежит не Загорецкому, а Репетилову.

71. Грузенберг — Вишняку

Nice. 18–21 мая 1933 г.

18 мая 1933

6, Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк ~~Соломонович~~ Вениаминович, третьего дня был у Фондаминских, у которых провел несколько часов. Я долго беседовал на волновавшую меня тему и высказал откровенно Илье Ис[идоровичу] свой взгляд на известное Вам выступление его. Видимо, он был несколько смущен, находя, что его слова и действия неверно истолковываются. Он категорически заявил, что он не изменил своего отношения к большевизму, что он призывает молодежь бороться с ним и что то или иное неудачное слово ставится ему в вину. Т[аким] об[разом], в этом пункте все благополучно, равно как и в вопросе о Дмитриевском и др. Вернувшись, застал В[аше] письмо. Спасибо за хлопоты и справку в редакции о статьях. Я не знал, что Демидов играет такую жалкую роль, что даже, когда П.Н. [Милоков] находится за границей, ему посылаются на просмотр и цензуру статьи. Теперь понимаю, почему Дем[идов] мне не ответил, как я о том просил (спрашивал в своем препроводительном письме о том, когда предполагает пустить м[ою] статью): ему, вероятно, было неловко писать, что приходится ее отсылать Павлу Н[иколаевичу].

Что до Вашего теоретического взгляда, с точки зрения междун[ародного] права, на гитлеровщи[ну], то Вы вряд ли правы. М.б., вследствие спешки аргументация Ваша не обладает надлежащей силою. Она, — аргументация, — довольствуется даже ссылкой на то, что европейские дипломаты не потребовали от Германии представления о признании нового революционного режима. — Но ведь в *этом* и *только* в этом — я упрекаю европ[ейскую] дипломатию. Другой Ваш довод (отн[осительно] отсутствия *перерыва*) вряд ли серьезен: мы с Вами пережили в России *две* революции — и ни в одной из них не было *перерыва* власти ни на одну

неделю: происходила лишь смена власти. Современное общество достигло той степени культуры, что анархия в нем уже невозможна. Вряд ли в международ[ном] праве существует такой обряд, какой диктуете Вы. Оно рассматривает явления и события по их содержанию, — а не по форме. Да и вообще, — как Вам, прекрасному теоретику, хорошо известно, — современная наука перестала номинировать явления, а предпочитает их анализировать, — притом, даже в таких областях, как уголов[ное] право. Вы же в обсуждаемом нами юридич[еском] правотворящем факте, который достаточно ясен, ищите черты великой франц[узской] революции. Но ведь для революции не установлено никаких формальных правил, — тем более, что все немецкие революции происходили между завтраком и обедом. Вот почему Ваши возражения, когда Вы ни минуты не сомневаетесь, что в Германии произошла революция, — б.м., самая крупная из тех, к[ото]рые в ее истории имели место, представляются мне как бы надуманными. Вы не можете не признать, что если бы европ[ейская] дипломатия стала своевременно на правильную точку зрения, гитлеровщина оказалась бы в коль[це] не только моральной, но и политической блокады. Но [не] стоит полемизировать на письме, так как и Вы, и я слишком для такой полемики заняты. — Перетолкуем при свидании — надеюсь, что Вы, в конце концов, примете м[ое] приглашение и приедете к нам отдохнуть (ведь расход Ваш сведется лишь к стоимости билета).

Обнимаю Вас. Привет уважаемой Марье Абрамовне [Вишняк]. Сердечно Ваш
О. Грузенберг

Роза Гавриловна шлет Вам обоим привет и лучшие пожелания.

Письмо это залежалось, — но не по небрежности. Хотел написать и об интимном, но раздумал: у Вас и своего горя немало.

Когда выходит след[ующая] книжка «Совр[еменных] зап[исок]»? — Обещанное (о Союзе русск[ого] народа) дам вовремя. Я не получил ответа от Вас: хотите ли напечатать письма Пеш[ехоно]ва? С характером их Вы знакомы по м[оей] статье (точнее, — по м[оему] свидетельскому показанию). Судя по В[ашему] молчанию, Вас не расположил ни к Пеш[ехоно]ву, ни к себе. Напишите правду: Вы ведь знаете, что я так твердо верю в Ваши добрые чувства ко мне, что никакое разномыслие или отрицательная оценка м[оих] писаний не может их ослабить.

Ваш О. Гр.

21 мая

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

72. Грузенберг — Вишняку

Nice. 26–27 мая 1933 г.

26 мая 1933

6, r[ue] Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Солом[онович] Вениаминович,
сейчас с вечер[ней] почтою получил В[аше] письмо (удивительно, — всегда Ваши письма приходят вечером) — и тотчас же послал за № «Освоб[ождения]»¹ — бла-

го в Ницце он является сегодняшним. Газеты этой я не читаю, т.к. убедился, что это — не газета, а просто галиматья! Прочел строки статьи Тимашева, до Вас относящиеся, и глубоко возмущен его тоном по отношению в Вам²: для меня дружба не сыск в душе друга своего, и удар, нанесенный другу, я переживаю, как причиненную боль мне лично. В том же, что я Ваш искренний друг, Вы — я знаю — не сомневаетесь, как я не сомневаюсь в Ваших чувствах ко мне. Но что же тут поделаешь, — тем более, как Вы сами пишете, я ставил и ставлю высоко заслуги в области уголовного права, но *никогда* не хвалил его, как публициста! То, что я читал из его критических статей, мне (правда, я прочел за 1½ года м[оего] пребывания во Франции не более 1–2 статей) не нравилось. А теперь, даже по воскресны[м] дням, когда покупаю много газет, я «Освоб[ождения]» не читаю. Считаю допущенный им в отношении Ва[с пр]енебрежительный тон созвучным то[ну] Дмитриевского, которого глубоко презираю. Статью Вашу в «Совр[еменных] зап[исках]» прочел в тот же час, как получил [ил п]оследнюю книжку (т.е., третьего дня). Неужел[и В]ы не понимаете, что полемика с Вами как Дм[итриевского], так и Тимашева, является результатом высокой оценки Вас как «опасного» публициста. Пишу это не для В[ашего] успокоения, а совершенно объективно.

Что касается В[ашего] отзыва о письмах Пешехонова, то он меня поразил. Я понимаю, что Вы как редактор можете считать ненужным печатать в Вашем журнале его письма: это разномыслие ни в какой степени меня задеть не может. — Но каким образом Вы находите возможным утверждать, прочтя приведенные мною письма (в правдивости Пешехонова Вы ведь не сомневаетесь!), что он «разорвал с нами и ушел к ним»?! — Это явно неверно: Пешехонов *ни одной минуты* не был эмигрантом, — он был «*ссылно-поселенцем*», который, *по окончании срока ссылки*, настаивал на своем праве вернуться домой³. В той же мере не постигаю Ваших слов о том, что «опубликование его переписки (т.е., писем?) сейчас является фактом политическим, — и не может не звучать, невзирая ни на какие оговорки, — как оправдание вместе с *патриотом* и *патриотического* его акта». Это — простите — недопустимый эскамотаж⁴: Пешехонов не вырисовыв[а]ется в своих письмах ко мне «патриотом», [его] акт не является «патриотическим» — [Вы пр]иклеиваете насмешливые ярлычки к памяти П[ешехонова] сов[ерше]нно незаслуженно. — Акт Пешехонова не «патриоти[ческий]», а «*органический*»: для него Россия — не географ[ическ]ая условность, а стихия, без которой он не мог [ды]шать. Вы доходите до того, что спрашиваете, «для чего» опубликовать его письма, так как это может еще более усилить разложение. — Послушайте, дорогой Марк Вениаминович, Вы — изувер! Притом жестокий. Как это! — Знать истину, иметь документы, ее обнаруживающие — и откладывать их опубликование. «Кто-н[ибудь] может, де, соблазниться»... Чем? — органической любовью к родной стране. Не беспокойтесь: эта опасность не грозит русским парижанам: они — «перекати-поле». Для меня ясно: если бы я умер, а Вы имели бы важные письма обо мне, то Вы бы их скрыли (до историч[еских] времен)? — Нет, Вы — изувер и из редакции «Совр[еменных] зап[исок]» надо удалить не Бунакова за его слишком широкую терпимость, а Вас — за узкую нетерпимость. До чего Вы дописались в своем письме ко мне: просто жутко. Я всегда ценил и по-прежнему ценю Ваше уважение ко вчерашнему дню, Вашу твердость и стойкость в защите своих верований, — но Ваше

изуверство прямо страшно: не дай Бог, если бы Вы стояли во главе департамента полиции, хотя бы и республиканского: Вы б[ы пр]евзошли — как его? от волнения забыл его фа[мили]ю: она кончается на «ржинский»⁵. Нет, — к[огда] буду в Париже, выступлю против Вас. Так вот [она] эмиграция! А я, наивный, закончил еще свою ста[тью] осуждением рижского периода жизни Пешехонова, — притом не с оговорочками, а совершенно явно⁶. [Ес]ли бы Вы знали — какую боль Вы мне причинили своим отношением к Пешехонову. Отложить опубликование истины — по каким-то «политическим» соображениям — о человеке, которого Вы сами уважаете, цените и понимаете — и приписать ему то, чего Вы сами не можете не признать неверным!.. Как я полюбил Милокова за его горячие, любовные строки о Пешехонове, — строки, вызвавшие слезы у меня и Розы Гавриловны⁷. Пожал[уйста], узнайте в редакции его теперешний адрес, — хочу написать ему. Не забудьте, что он поместил свои горячие строки в газете, которая в свое время — под его же редакцией — печатала суровые статьи против Пешехонова. Пожал[уйста], сообщите мне его адрес. Бог с Вами: Вы своим письмом обрекли меня на бессонную ночь.

Уважать Вас я буду, конечно, по-прежнему, но любить — вряд ли. Неужели с Вами солидарен Н.Д. Авксентьев и остальные члены редакции?

Преданный Вам

О. Грузенберг

Вы не сообщили [мн]е — *когда же* будет выпущена сле[дующая кн]ижка Вашего журнала. Статью о Сою[зе р]усс[кого] народа непременно доставлю вовремя. Когда?

P.S. Прошу выслать мне первый № [журнала] «Свобода»⁸, удержав плату из м[оего] гонорара от «Посл[едних] н[овостей]».

О. Гр.

27 мая

Не откажите получить в к[онто]р[е] «Посл[едних] нов[остей]» причитающийся мне гонорар за статью о Пешех[онове] (№ [от] 20 мая) — и перешлите мне: спасибо.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибах листов полностью утрачены от сырости.

¹ Грузенберг ошибочно называет газету «Возрождение» «Освобождением».

² Речь идет о статье правоведа, социолога, экономиста, историка, публициста, общественного деятеля Николая Сергеевича Тимашева (1886—1970) «О будущей России и современной Германии» (Возрождение. 1933. 25 мая. № 2914. С. 2), представлявшей собой отзыв на политический отдел 52-й книги СЗ. В связи со статьей в ней Вишняка «Против течения», в которой шла речь о политическом перевороте в Германии и приходе к власти Гитлера, Тимашев писал: «Что сказать о статье М.В. Вишняка “Против течения”, посвященной хитлеровскому перевороту в Германии? Это — сплошное извержение ядовитой слюны, безостановочное втаптывание в грязь и окарикатурение ненавистного автору “национально-го возрождения”».

³ Об А.В. Пешехонове см. примеч. 3 к п. 6. Следует заметить, что в свое время Вишняк получил письмо от А. Кизеветтера (датировано 21 апреля 1929 г.), который на основе высказанных им впечатлений от поездки в Ригу (см. примеч. 3 к п. 16) рассказывал: «Кстати, тут же упомяну, что Пешехонов в Риге никому не может носу показать; сунулся он было к

Грузенбергу, но тот прямо ему сказал, что не может поддерживать знакомства с человеком, служившим у большевиков. Между тем большевики вовсе не довольствуются тем, чтобы он им страничку сочинял, и когда в полпредстве бывают парадные приемы, он обязан украшать их своей фигурой» (Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / Публ. М. Раева // НЖ. 1988. № 172/173. С. 505).

⁴ *escamotage* — ловкое сокрытие чего-то, увильвание, уход от решения (франц.).

⁵ По всей видимости, Грузенберг имеет в виду Антона Федоровича (Францевича) Добржинского (1844–1897). В 1880–1884 гг. был товарищем прокурора Петербургской судебной палаты, а с 23 мая 1896 г. по 7 августа 1897 г. — директором департамента полиции.

⁶ В заключении своего очерка «О возвращении А.В. Пешехонова» Грузенберг замечал: «В своем стремлении домой он не смирился, — и ему было предложено [советскими властями], — вероятно, в виде искуса, — занять место по своей специальности (экономике) в Риге. Он приехал туда в августе 1927 года и за пять с лишком лет своей службы был впускаем в Россию лишь на несколько недель, вроде как турист. Что сказать об его жизни в Риге? На мельницу с конским приводом пригоняют лошадь. Она упирается — не идет; ее подхлестывают, и она вступает на движущийся пол. Тут уж ей не до упрямства: поспевай только перебирать ногами» (ПН. 1933. 20 мая. № 4441. С. 5).

⁷ Написанный П.Н. Милоковым некролог «Памяти А.В. Пешехонова» был опубликован в ПН (1933. 15 апр. № 4406. С. 2). О «горячих строках» Милокова о покойном Пешехонове, которые «растрогали многих глубиной горестного переживания», Грузенберг писал и в очерке (ПН. 1933. 18 мая. № 4439. С. 2). О специальном обращении к Милокову, в котором он благодарил автора некролога, Грузенберг рассказывал в письме к Вишняку от 11 июля 1933 г. (п. 76); см. примеч. 7 к нему, в котором приведен фрагмент из милоковско-го ответа.

⁸ Журнал «Свобода» — орган парижской организации социалистов-революционеров (выходил в 1933–1936 гг.; всего вышло 5 номеров).

73. Грузенберг — Вишняку

Nice. 2 июня 1933 г.

2 июня 1933 г.

6, rue Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Соломонович [так!],
спешу, прежде всего, отметить то, в чем Вы правы, и что, как Вы сами указываете, мне не было известно. Я с удивлением, смешанным с огорчением, прочел примеч[ание] на стр. 214–215 Вашего исследования («Всеросс[ийское] учредит[ельное] собр[ание]»)¹. — Действительно, нехорошо, — мало того, злобно и даже грубо. Конечно, я этого не читал, хотя в то время жил в Одессе: иначе бы запомнил навсегда! Надо признать, что Вы и Ваши политические друзья имеете полное основание считать себя *незаслуженно* оскорбленными. И если я могу понять В[аше] отношение к пок[ойному] Алексею В[асильевичу] [Пешехонову], то не могу, все же, оправдать В[аше] упорное трактование его, как *эмигранта*, когда Вы знаете, что он был только *ссылно-поселенцем*. Ах, эта «политика»: недаром я всегда ее недолюбливал! А[лексей] В[асильевич] это знал — и, препровождая мне свои *научные* работы в эмиграции, *ни разу* не останавливался на своих политич[еских] выступлениях. Он знал, что я — не сердитесь! — считаю «политиков» людьми *второго* сорта сравнительно с талантливыми и влюбленными в свою работу профес-

сионалами. Вот почему я совершенно незнаком с пореволюционными выступлениями Пешехонова и, судя по В[ашей] выдержке, никогда бы их не одобрил. Однако, узнав о них теперь и не одобряя их, я остаюсь, — притом, с полной искренностью, — на той же позиции: равно Пешехонову по его *органической* любви к родине я в эмиграции никого не знал и не знаю. А об этом — и только об этом — идет речь.

В других частях своего письма, относящихся до занимающего нас обоих вопроса, Вы *явно* неправы. Цитируя полностью ту часть м[оего] письма, где я просил Вас высказаться с полной откровенностью *о м[оей] статье*, посвященной Пешехонову, Вы непонятным образом кончаете: вот какой, мол, призыв Вас побудил высказаться, — а теперь за В[аш] отклик — неприятности! Смотрите, дорогой Марк Соломонович [так!], какой Вы несправедливый, вследствие своей страстности, полемист! — Отзыв о *моей* статье Вы заменили несправедливым отзывом о *возвращенстве* Пешехонова — и считаете, что это одно и то же. Спросил же я В[ашего] мнения потому, что сам сомневался — как дать его письма: в виде ли изложения их содержания, или же привести соответственную часть их *in extenso*². Первое было важно с точки зрения литературной; второе — в интересах вскрытия *causa movens*³ *возвращенства* А[лексея] В[асильевича]. — Победило второе: свести себя на нет, дабы дать говорить Пешехонову. Такой прием понятен и заслуживает одобрения в большой работе, — но сомнителен в газетной статье. Вот почему я просил В[ашего] откровенного мнения о *моем* писании, — но отнюдь не о Пешехонове: я ни на минуту не сомневался в чистоте его побуждений. Будьте спокойны, если бы в м[оем] присутствии кто-н[ибудь] позволил себе говорить дурно о Вас, или об Илье Ис. [Фондаминском], или Н.Д. Авксентьеве, я бы не стал возражать, а *заставил* бы замолчать! Помните, несколько лет т[ому] н[азад], в м[оей] переписке с Вами об отношении социалистов к большевизму, когда Вы, с присущим Вам стремлением заострять всякий спор, поставили вдруг вопрос о недостатке у меня симпатии к с.р., я, невзирая на полемический пыл, спокойно указал Вам, что не допускаю *даже постановки* такого вопроса, т.к. для меня «народовольцы» и их преемники — с.р. — непререкаемые величины. — Однако надо кончать, т.к. между нами все ясно.

Всего доброго. Привет Марье Абрамовне и Вам от Розы Гавр[иловны] и меня.

Ваш О. Грузенберг

Не откажите передать Н.Д. Авксентьеву м[ой] членский взнос за текущий год по «Русской лиге защиты прав человека» — 5 fr.

Обещанную статью (о «Союзе русск[ого] народа») пришлю в указанный Вами срок: днем я бодрюсь и чувствую себя боевиком, а по ночам не сплю, — в общей сложности, мой сон, с перерывами, сводится к 4, maximum — к 5 час[ам]. Ничего не поделаешь: много тяжелого выпало перед уходом, в смысле душевном.

P.S. Удивляюсь статье Адамовича (в № «Посл[едних] нов[остей]» от 1 июня) о «Самега obscura» Сирина⁴. Роман этот исключительно талантлив — и именно поэтому он мне неприятен: как Вы знаете, я не терплю повоенной Германии, а она в его романе показана с достаточной правдивостью в интимной жизни. Однако не об этом хотел сказать, — а вот о чем: конец романа превосходит все, что было талантливого, а порою и гениального, в русской художеств[енной] литературе.

Такой сцены, какую Сирин закончил свой роман, нельзя назвать даже гениальной (это ~~точное~~ не то слово!): тут уже колдовство, ибо я никогда не думал, что человеческое слово может быть так выразительно. Я читал эту сцену вчера *днем* — и мне стало так страшно (Роза Гавр[иловна] и Ольга Карл[овна] ушли по хозяйственным делам, а Нэлли была в школе), что я от страха выбежал на улицу. Между тем, Адамович, которого люблю за *абсолютный* вкус (как бывает абсолютный слух), этой сцены как будто и не заметил... Попомните мое слово: Сирин окончит сумасшедшим домом. — Разве можно так переживать, так писать! Отчего нет продолжения романа Алданова⁵? — Я полюбил его за смерть Каменецкого [так!], за жуткую ночь Муси⁶. И он окончит плохо: либо самоубийством, либо... открываем ссудной кассы. Это я написал не для острословия. Отнюдь нет! ~~Это~~ Так он ~~сделает~~ окончит не только из презрения к людям (к этому он приучил нас давно!), — но и вследствие презрения к самому себе. Вдруг отшвырнет револьвер и скажет: кончать с собою? — Слишком чувствительно, — нет, лучше из отвращения к двуногой скотине открою кассу ссуд, — выкушайте! — Талант, всестороннее образование, ум — это что: не для вас, сволочь омерзительная! — Плати процентики!

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Грузенберг имеет в виду следующее примечание Вишняка: «Во имя “великого имени Учредительного Собрания” А.В. Пешехонов беспощадно клеймил — “учредивловцев”, или, по другой терминологии, “черновцев”, мало чем отличавшихся, на взгляд многих, от большевиков. “Тех же щей, да пожиже влей” — вот и вся, как я когда-то выразился, разница... Как же квалифицировать поведение ‘учредивловцев’? Не должны ли мы назвать его изменой?.. Изменой тому делу, которому они служили, тому знамени, под которым они собирали свои силы... Конечно, это — измена, самая подлинная измена, все объективные признаки таковой налицо. Однако и за всем тем я не считаю возможным удовлетвориться этой квалификацией... Ибо в глубине своей души они народовластию никогда не служили, этим знаменем они только прикрывались, — других и, быть может, себя им обманывали... ‘Что задумал, делай скорей!’ — сказал Христос Иуде... И ‘измену’ учредивловцев я встретил с чувством своего рода душевного облегчения: наконец-то! Так же я отнесусь и ко всем другим ‘изменам’, какие еще будут”, — обещал Пешехонов в начале [19]19 года, еще не предвидя своей собственной драмы. Не ограничивая никак и ничем своих категорических и необоснованных суждений, он пророчил: “Все с.-р. будут обрызганы грязью, по которой ‘учредивловцы’ шли до большевицкой Москвы, и *все* они будут запятнаны кровью, которая будет пролита с.-р-ами во славу советской власти” (См. Двухнедельный журнал “Грядущий день” № 1. — Март 1919 г. — Одесса)» (Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж: Совр. записки, 1932. С. 214–215).

² полностью, без сокращений (лат.).

³ Дословно: причину действия; здесь: причину происхождения (лат.).

⁴ Речь идет о рецензии Г. Адамовича на 52-ю книгу СЗ (ПН. 1933. 1 июня. № 4453. С. 3), в которой были напечатаны заключительные главы романа Сирина-Набокова «Камера обскура». Отмечая, что эти главы «с внешней стороны принадлежат к лучшему, что Сирин вообще написал» — «в них есть магическая словесная убедительность», он в то же время писал: «Вместе с тем роман легковесный и поверхностный. Он полностью исчерпывается течением фабулы и лишен замысла. Он придуман, а не найден. Наша литература приучила нас к очень высоким требованиям, и когда писатель так дерзает, как Сирин, к нему их невольно полностью предъявляешь: прежде всего — о чем это? Некоторые книги читаешь только для развлечения — тогда этот вопрос отпадает. За сочетаниями и сплетениями судеб, воли и страстей в них следишь, как смотришь на искусно расположенные манекены в витрине модного магазина: чем прихотливее, тем и лучше, — это ведь манекены, они рас-

ставлены, они не живут. Но Сирий пишет о людях, а не только о приключениях, которые с людьми случаются. Поэтому ждешь отражения и ответа жизни с проникновением в ее таинственные законы, с вниманием к ее скрытой сущности, со вкусом ее горечи: “tout le reste est littérature”, пустое, праздное рукоделие. Ждешь — и не находишь... Нет темы, есть только сценарий. Надо признать, однако, что сценарий остроумнейший. Если с автора “Камера обскура” многое спрашивается, то лишь потому, что ему многое дано».

⁵ Речь идет о романе «Пещера», который в дальнейшем будет продолжен в четырех номерах СЗ за 1934–1935 гг.: 54, 55, 56 и 57.

⁶ См. примеч. 2 к п. 68.

74. Грузенберг — Вишняку

Nice. 22 июня 1933 г.

22 июня 1933

6, rue Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

с большим удовольствием прочел Вашу статью в «Посл[едних] нов[остях]»: сильная по содержанию и сдержанная — по форме¹. Особенно Вам удался абзац отн[осительно] Г.А. Ландау². Я должен сказать, что знаю его уже давно (когда ему было лет 10–11) и в[есьма] ему симпатизировал. До войны он был «левым» и нередко попрекал меня м[оей] умеренностью; во время войны, судя по его статьям в б[ывшем] «Север[ном] вестн[ике]» (забыл, как он именовался)³ он проявил себя чуть ли не пораженцем. После большевистской революции он сразу поправел (еще в России) и стал относиться отрицательно и к февр[альской] революции. В эмиграции он подпал под влияние своего близкого родственника, проф. А.И. Каминка, и И.В. Гессена. К этому прибавьте его тяжелую жизнь в эмиграции (нужда его, — притом крайняя — перманентна!). При м[оих] посещениях Берлина он всегда меня навещал, просиживал часами. Я энергично разъяснял ему фальшивость его позиции, даже покрикивал на него (ведь еще до сих пор я зову его Гринею). Однако он оставался тверд (я не мог разобрать, по убежденности или по упрямству) и резко отзывался о «духе» парижской эмиграции. Что касается евр[ейского] вопроса, то, оставаясь *всегда* на почве равноправия, он проявлял себя отрицательно. Из Ваших цитат вижу, что он относится к Вам с большой, и притом незаслуженной, неприязнью — и это меня огорчает. Я, как и Вы, ставил себе вопрос — почему реакционные элементы эмиграции (за малыми исключениями, она вся реакционна) относятся с особой ненавистью к Вам. Объяснение простое: в журнале Вы — единственный, занимающийся вопросами текущей *современности* (то же и в «Днях»)⁴, высказываетесь всегда определенно — непримиримо (это хорошо!); если к этому прибавить ~~некоторую~~ присущую Вам страстность, резкость оценок и нетерпимость (пусть святую!) к инакомыслящим, склонность записывать во враги даже друзей своих, — то станет понятно, что у людей, измученных эмигрантским существованием, Вы вызываете раздражение и обусловленную им резкость. К несчастью, эти же черты присущи и мне, — оттого я их верно улавливаю в других: они доставляли мне в м[оей] деятельности немало неприятностей. Ничего не поделаешь: это от Бога. Сознывая это, надо мириться с тою реакцией, которую мы вызываем в задеваемых нами людях. Эти черты характера сказываются даже

в Ваших отношениях ко мне: последние 3 письма Вы не удостоили ответом. Между тем, никогда раньше этого не было. Теряюсь в догадках: чем я Вас обидел или задел? — Вы хорошо знаете мое доброе отношение к Вам лично и исполненное глубокого уважения отношение к с.-р. Особенно вы все мне дороги потому, что Вы никогда не были политиками (под «политиками» я, как и все, разумею *парламентских* деятелей). Ваша **партия** организация *до февр[альской] революции* была в подполье. Выступила же она легально лишь после нее, в период подготовки к Учред[ительному] собранию. Если бы оно состоялось, Ваша «партия» после него рассыпалась бы: никому на этой земле не дана вечность. Так оно было со *всеми* франц[узскими] партиями после Великой франц[узской] революции, — так оно было и во всех странах, переживших национ[альную] революцию. — Революционерами с.-р. должны были перестать быть после февр[аля], ибо они добились победы. Как видите, и Павел Николаевич [Милюков] отлично сознает, что после революции пришел конец *кадетской* партии, а потому в эмиграции образовал Р[еспубликанско-]Д[емократическое] О[бъединение]⁵: больше невозможно. Да и Ваши заслуженные старики (Брешковская⁶ и Лазарев⁷) в своих письмах в редакцию «Свободы»⁸ говорят о том, что нельзя стоять на одном месте.

Вот мои мысли, — м.б., они ошибочны, — *тогда* прошу извинения: политик я — сам сознаю — никакой. Просто делюсь с Вами, как с другом, моими мыслями и переживаниями. Как Вы планируете свое лето? — Возобновляю приглашение к нам: морские купания Вас бы освежили и укрепили. Вернулся ли из Парижа Илья Исид. [Фондаминский]?

Крепко жму руку. Сердечный привет уважаемой Марье Абрамовне. Роза Гавр[иловна] кланяется Вам обоим. Поклон Николаю Дмитриевичу [Авксентьеву].

Ваш О. Грузенберг

Статью «Союз русск[ого] народа» дам для ближайшей книжки. К сожалению, меньше 1¾—2 л[истов] не выйдет. *Разбивать* статью крайне нежелательно.

Две небольшие просьбы: 1) Где Павел Ник. [Милюков]? Сообщите мне его адр[ес] в Париже или дачный, если он в отъезде. — 2) Узнайте по телефону: в Париже ли Аджемов⁹. Простите за поручения.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о статье Вишняка «О новой непристойности» (подписана его псевдонимом Современник), напечатанной в ПН (1933. 19 июня. № 4471. С. 2). Спор Современника-Вишняка с Г. Ландау (точнее, с его возможными единомышленниками), в основе которого лежало отношение к национал-социализму как новой европейской реальности, с одной стороны, и к социализму, демократии и еврейству, с другой, начался не этой статьей, а имел известную предысторию. В еженедельнике «Дни», где Вишняк сотрудничал, он под тем же псевдонимом Современник поместил статью «Национальная революция» в Германии и русские националисты за рубежом» (1933. 9 апр. № 170. С. 6—8), в которой, выступая против тех, кто видел в нацизме политическую силу, способную противостоять большевизму, пророчествовал: «Рожденная большевизмом — и Версалем — гитлеровщина является и явится оплотом не против большевизма, а против всех либералов, демократов, католиков, социалистов, своей умеренной и половинчатой тактикой пропустивших к власти Гитлера» (С. 8). Эта статья вызвала реакцию П. Струве, который в редактируемой им газете «Россия и славянство» поместил в своей постоянной рубрике «Дневник политика» ответ, озаглавленный «Дурная полемика и тенденциозная ограниченность взгляда» (1933. 1 мая. № 220. С. 2); здесь, заявляя, что он никогда не поддерживал гитлеровских «противеврейских ме-

роприятий», Струве в то же время писал, что нельзя «современные события в Германии в их целом обсуждать с точки зрения той антисемитической волны, которая охватила Германию». Отвечая ему статьей «О “дурной полемике” и “тенденциозной ограниченности”», напечатанной в тех же «Днях» (1933. 21 мая. № 172. С. 8–10), Современник-Вишняк не мог пройти мимо появившейся в газете «Возрождение» (1933. 17 мая. № 2906. С. 2–3) статьи И.А. Ильина «Национал-социализм. I. Новый дух» — апологетического прославления пришедшего к власти в Германии гитлеризма. Разоблачающий ответ Вишняка имел провоцирующую концовку, обращенную к Г. Ландау: «Что думает П.Б. Струве о “стыке” между былым культурным национализмом и этим вырождением национализма, бросающим его выучеников в объятия погромщиков от национал-социализма и национал-большевизма? И что думает коллега Ив. Ильина по “Возрождению”, обличитель демократии Григ. Ландау? Думает ли и он, что в избиении и гонении на евреев залог спасения Германии, России и т.д.» (С. 10). О том, что «он думает», Г. Ландау ответил статьей «Мина или петарда?» (Возрождение. 1933. 16 июня. № 2936. С. 2), в которой сравнил метод ведения спора Вишняком со «зловонной петардой», на что и последовала реакция Современника-Вишняка — «О новой непристойности».

² Ландау Григорий Адольфович (1877–1941), философ, культуролог, публицист; сын еврейского издателя и публициста А.Е. Ландау. Член партии кадетов.

³ Грузенберг имеет в виду журнал «Северные записки», где публиковался Ландау; см., например, его статьи «Увалень и культура» (1913. № 4. С. 137–150) — о полемике между символистами и группой авторов философского журнала «Логос», к которой примыкал сам Ландау, или «Сумерки Европы» (1914. № 12), которая с годами превратилась в одноименную книгу (Берлин, 1923), куда в переработанном виде вошли другие его статьи, печатавшиеся в «Северных записках»: «Идея этнической государственности» (1915. № 4) и «Культурные зависимости» (1915. № 7/8).

⁴ Выделяя слово «современности», Грузенберг намекал на псевдоним Современник, под которым Вишняк выступал в «Днях».

⁵ В эмиграции партия конституционных демократов пережила раскол. В июне 1921 г. Милоков и его сторонники вышли из состава партии, назвав себя Парижской группой «новой тактики» партии народной свободы (позднее — Парижская демократическая группа партии народной свободы, с июня 1924 г. — Республиканско-демократическая группа партии народной свободы).

⁶ Брешко-Брешковская (урожд. Вериго) Екатерина Константиновна (1844–1934), деятельница русского революционного движения, одна из создателей и лидеров партии эсеров; «бабушка русской революции».

⁷ Лазарев Егор Егорович (1855–1937), деятель русского революционного движения, эсер.

⁸ См.: *Брешковская К.* Приветствие «Свободе» // Свобода. 1933. Июнь. № 1; *Лазарев Е.* Письмо друзьям // Там же.

⁹ Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1950), общественно-политический деятель, член партии кадетов.

75. Вишняк — Грузенбергу

Paris. 8 июля 1933 г.

8-е июля [193]3 г.

Дорогой Оскар Осипович!

Получил начало Вашей рукописи и письмо. Большое спасибо за то и другое. С большим интересом прочел статью. С оценкой Витте согласен лишь наполови-

ну, но это никакого значения, конечно, не имеет. Хочу сказать о другом, — почему с нетерпением буду ждать окончания и воздержусь от отправки полученной части в типографию.

Вам остался неясным наш буквенный счет (60 тысяч знаков). Он означает, считая на страницы, — ровно 25 страниц текста «С[овременных] з[аписок]». Как я уже писал, в связи с вынужденным и прогрессивно возрастающим сокращением общего объема журнала, мы вынуждены каждого из авторов усердно просить не выходить за условленные с ним размеры. Мы, конечно, не педанты, — о лишней странице не будем спорить, но ~~лишний пяток~~ сверхсметные пять страниц могут вывести из равновесия всю композицию журнала.

В присланной Вами рукописи около 20 тысяч знаков, т.е. треть предельного объема. Между тем, «Воспоминания» Ваши только начинаются, и Союз русского народа только начинает ~~действовать~~ выступать на сцену. Как бы в дальнейшем Вам не пришлось поневоле сжать свое изложение в ущерб развитию главной темы. Во всяком случае, если бы это пришлось сделать, мне кажется, желательнее это сделать за счет общих историко-политических отступлений, а никак не за счет личных впечатлений и вос[поминаний], ничем не заменимых и драгоценнейших choses vues et vécues¹.

В предвиден[ии] ~~возможности~~ того, что, выйдя за условленные границы, Вы и сами предпочтете про[из]вести необходимое сокращение за счет вводной части, — я ~~и решил~~ рискнул предложить товарищам по редакции обождать со сдачей в набор полученной рукописи до получения от Вас окончания. Время еще есть. Но все-таки, как я Вам уже неоднократно ~~указывал~~ писал, чем раньше рукопись будет сдана, тем это удобнее не только для редакции и типографии, но, в конечном счете, и для автора (с правкой корректуры).

Когда, примерно, рассчитываете Вы выслать окончание? Я не тороплю Вас, а только примеряю.

Ильи Исидоровича [Фондаминского] сейчас в Париже нет, — вернется недели через две.

Прочли ли в № «Возрождения» от пятницы 7 июля отвратный ответ Гр. Ландау, с совершенно возмутительной презрительностью по отношению к противнику²? Я, конечно, хотел «рипостировать»³ — начав драку, дерись до конца, — но своего органа у меня нет, а Милюкову эта полемика не представляется стоящей места в его газете. Дело «хозяйское», — приходится замолчать...

Купите последний (июльский) № «России и славянства». Наряду с отрядным отступлением Струве от своей прежней про-гитлеровской позиции⁴, — из-за которой у меня и завязалась еще в «Днях» вся полемика со Струве, Ильиным и Гр. Ландау, — есть довольно гнусенький фельетон Цурикова⁵. Там достается не только Бунакову, Степуну, Федотову и мне, но и Вам! За статью о Пешехонове⁶.

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ виденному и пережитому (франц.).

² Речь идет о статье Г. Ландау «На страже трафарета» (Возрождение. 1933. 7 июля. № 2957. С. 2), которая представляет собой ответ на статью Современника-Вишняка «О но-

вой непристойности» (см. примеч. 1 к п. 74). В этой статье, полемизируя со своим оппонентом, ополчившимся на «антидемократическое сознание», основанное, по его мнению, на потере еврейских инстинктов, интуиций и ценностей и позиционировании себя как русского патриота, Ландау писал, что устами Вишняка говорит расистская теория: «Именно раса определяется природой человека, определяет его инстинкты, его подсознательное, могущественно руководит его элементарными чувствами и определяет — по воззрению “расистов” — и должна определять политические воззрения. Этого и требуют немецкие расисты, возмущаются теми, кто — по их мнению — не отвечают этому высшему критерию и стремятся воспитать грядущие поколения в чистоте и осознании природы, инстинктов, бессознательного и пр. Выходит, что наш Современник, столь пылкий враг немецкого “расизма”, оказывается — ни с того, ни с сего — расистом еврейским или, во всяком случае (если сам он не еврей) — расистом для евреев. Обогащая свою духовную палитру логикой — быть может, клеветнически называемой готтенотской, — он в одном случае признает расизм, потому что он будто приводит к демократии, а в другом отвергает потому, что он привел к антидемократизму. О теоретической несостоятельности — что уж и говорить, но и практически эта двойственность совсем нецелесообразна: евреи вправе заподозрить, что он ими играет ради демократии, а демократы, — что он ими играет ради евреев. На самом же деле наш демократический расист стал таковым — по природе, конечно, но вероятно, помимо и сознания и бессознательного: просто [...] он говорит о том, чего не знает, так теперь он не знает, что говорит». Оканчивалась статья Ландау весьма небезобидным для Вишняка образом. Рассматривая своего оппонента как занимающего весьма низкое положение в интеллектуальной и культурной иерархии, Ландау писал, что «хотя “Современники” представляют гораздо большую опасность для тех, в защиту кого они выступают и кого топят, стаскивая на свой низкий уровень, все же — пользуясь несостоятельными, но для многих привычными трафаретами, они способны испортить понимание и укоренить предрассудки и в своих невольных последователях».

³ От *tiroste* — быстрый ответ, возражение, отпор (франц.).

⁴ П.Б. Струве был представлен в данном номере «России и славянства» (1933. 1 июля. № 222) несколькими материалами: «Дневником политика» (С. 1), в котором шла речь о «большевизации» германского национал-социализма и безмолвии немецкой прессы, и статьей «Бисмарк или Гитлер? (Тридцать тезисов о националсоциализме и о консервативной демократии)» (С. 2), где по существу развивалась та же тема — о превращении гитлеровского режима в авторитарно-революционный, сближающий его с коммунистическим.

⁵ Цуриков Николай Александрович (1886–1957), юрист, публицист, общественный деятель, военный пропагандист. Учился на юридическом факультете Московского ун-та. С 1912 г. служил в Московской судебной палате. Участник Первой мировой войны, попал в немецкий плен, в котором провел три года. Вместе с Белой армией эвакуировался из Крыма, некоторое время жил в Константинополе, затем перебрался в Чехословакию, где с 1923 по 1931 г. заведовал пражской канцелярией Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. После Второй мировой войны поселился в Мюнхене, активно занимался общественной деятельностью по оказанию помощи беженцам. См. его воспоминания: «Прошлое» (М.: Новое лит. обозрение, 2006); о нем: *Полторацкий Н.* Россия и революция: Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века. Терафу: Эрмитаж, 1988. С. 237–240; см. также: К истории эмигрантской публицистики и литературы в Варшаве: Письма Дмитрия Философова 1930–1934 [к Н.А. Цурикову] / Публикация В.А. Цурикова // *From the Other Shore: Russian Writers Abroad: Past and Present* (Toronto). 2002. Vol. 2. P. 55–95; Письма И.Н. Заволоко к Н.А. Цурикову / Публ. В. Цурикова // *Sankirtos: Studies in Russian and East European Literature, Society and Culture: In Honor of Tomas Venclova* / Ed. by R. Bird [et al.]. Peter Lang, 2008. P. 349–363.

⁶ Имеется в виду фельетон Н. Цурикова «Гасители духа» (С. 5–6), посвященный проблемам происходящей, по мнению автора, в эмиграции денационализации и депатриотизации; пафос Цурикова направлен против тех, кого он хоть в малейшей степени заподозрил в

сочувствии большевизму — в этой связи упоминаются СЗ, приводятся выдержки из статей И. Бунакова, Ф. Степуна, Г. Федотова (кроме того, П. Милюкова и М. Осоргина), называется имя Вишняка и разбирается написанный Грузенбергом некролог А.В. Пешехонова (см. примеч. 3 к п. 69).

76. Грузенберг — Вишняку

Nice. 11 июля 1933 г.

11 июля 1933 г.

6, rue du Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

сегодня получил Ваше письмо, датированное 8-м с[его] м[есяца] (однако успокоился, увидав штемпель от 10-го). Насчет м[оей] статьи я попрошу: никаких сокращений в присланной части не делать. Об отвратительном Витте прошу сокращений не делать. Мне пришлось, с большим омерзением, остановиться на Витте только по той причине, что «Союз русс[кого] народа» представляет собою удешевленное и упрощенное издание «Священного союза»¹. Я считал необходимым показать, что то, что ставится в вину народовольц[ам] и с.-р.'ам, практи[ко]валось с высоч[айшего] одобрения придворными кругами, — но с тою лишь разницею, что они пользовались руками наемных убийц. Я, как Вы знаете, не политик, и к каждому историч[ескому] явлению подхожу с моральной точки зрения: для меня народовольцы и с.-р.'ы — *мученики*, ибо они шли на полит[ический] *террор*, как на величайшую муку. Я ненавидел самодержавие острее и болезненнее, нежели Вы, — и я считал, что то, что делали народовольцы и с.-р., должен был делать я: отсюда мое *глубокое* к ним уважение. Неужели Вы не поняли, что, если я на 5-м десятке, с моей репутациею не только «знаменитости», но и «лучшего, серьезного кассато[ра],» пошел, как про меня говорили, с «мальчишками», т[о это] я делал и делал потому, что считал себя в долгу пе[ред «по]литическими». Сенаторы, как Вы, вероятно, знаете, отно[сив]шиеся ко мне с уважением, пожимали плечами по поводу м[оей] «причуды». Действительно, в м[оём] *возрасте* и в м[оём] *положении* я был единственным в толпе политических защитников: ведь я много старше Маклак[ова], Малянт[овича], Муравьева, Соколова, Андроникова²: они шли через политику к известности, я же от известности пошел в политику и сильно вредил своей репутации. Но это был мой долг, а я свои долги — рано или поздно — всегда платил. Вот, напр[имер], Ивановская (читали ли Вы ее замечательную книгу?), идеал женщины³. Дорвавшись до темы о терроре, я не могу *позволить*, чтобы кто-н[ибудь] смел сравнивать мучеников с мучителями. А потому не смейте ничего сокращать: я знаю, что многие из умственных людей, меня чтущих, от меня после этой статьи (помилуйте, человек на 67-м г[оду] воспевае террор!) отвернутся — и пусть! Мне важно, что я думаю о себе и о том, что должно. Будьте спокойны: 25–26 стр[аниц] не превышу. Статьи Ландау, о которой Вы пишете, не читал и доставать этот № «Возрожд[ения]» не намерен: ведь я Вам писал, что «Возр[ожде]ние» не читаю, а для «удовольствия» прочесть, как Вас бранят, от своего обыкновения отступить не намерен. Цуриков — добрый знакомый покойной Сони по

Константинополю, и она о нем отзывалась как о правом изувере, но все же как о честном человеке: вот почему мне интересно знать — за что он м[еня] выругал. Вероятно, его подход политический: он не понимает — как можно любить человека, к[ото]рый рвался в большев[истскую] Россию! Все же статью честного человека прочесть желаю. Пришлите: здесь «Россия и слав[янство]» в киосках не держат. Сделайте в каком-н[ибудь] месте присланной мною рукописи, где говорится о Витте (я с ним незнаком, мне показали его в одном из публич[ных] мест, [и] я возненавидел его лживые глаза и рванные ноздри, как у пуг[ачевско]го Хлопушки⁴). Да, так вот, надо сделать след[ующую] выноску: «Неза[долго] до смерти Кони выпустил в СССР небольшую книжку о Вит[те, в к]оторой он рассказывает о след[ующем] факте: под председательством государыни ~~обсуждался вопрос~~ о обсуждалось предложение об открытии в Вильне рабочего дома для евр[ейских] ремесленников. Плеве отстаивал энергично это предложение и привел данные об ужасающей нищете виленских евр[ейских] рабочих, которые существуют с семьями на 3–4 коп[ейки] в день. Ввиду того, что всем известно было юдофобское направление Плеве, все поспешили присоединиться к нему. Но Витте не мог снести даже этого “успеха” Плеве — и вот он, понтировавший ~~ветоду~~ в обществе как друг евреев, произнес филиппику против революционности евр[ейских] рабочих и указал, что внимание к ним императрицы может внести смуту в русские умы и сердца! Собрание растерялось и перевершило свое постановление. — Витте ликовавал, что поддел Плеве»⁵.

Нет, будьте благонадежны: у меня абсолютный слух в отнош[ении] всякой фальши, — от нее начинают ныть даже м[ои] вставные зубы!

Да, конец пришло к 20-му с[его] м[есяца] (всего 25 стр.). Простите, что пишу нескладно: перехватил ночью снотворное, — уснуть не уснул, а весь день шатаюсь сонный. Неужели это правда, что сильные люди не вправе сокращать бездарно-растянутую пьесу. Не может этого быть. Всего хорошего Вам, Марье Абр. [Вишняк] и В[ашим] товарищам по редакции. Отчего не [хот]ите у нас погостить: разогнали бы, хот[ь не]много, м[ою] тоску.

Ваш О. Грузенберг

Вот еще что. Когда я приехал сюда и написал П.Н. Милюкову, он в тот же день написал мне теплое письмо. Я снова написал ему, — но еще более колко, чем в первый раз. Он не принял боя и снова написал необычайно тепло, указав, что нам ссориться не приходится и что он на это не пойдет. Я ответил, почему-то, еще гневнее и просил его не трудиться мне отвечать. Потом, во время м[оих] трех приездов в Париж, я звонил ему, назначал час прихода — и не приходил, не объяснив причины, а всегда говорил неприятности. Почему? Не знаю, — д[олжно] б[ыть] оттого, что на душе было всегда тяжело, а П[авел] Н[иколаевич], при всех его громадных достоинствах, рисуется мне какой-то нежитью. Мне представляется, что чувства дружбы, любви скользят по нему, как капли дождя по стеклу⁶. Недавно я написал ему, тронутый его сердечной статьей об А.В. Пешехонове. Но и тут не утерпел: выразил удивление, что он способен так тепло писать о друзьях, — притом, бывших. На это, конечно, что ответишь⁷. Но в письме была просьба помочь (от Литер[атурного] фонда) одному умирающему здесь от чахотки и голода писателю (Ананьину)⁸. На это, конечно, П[авел] Н[иколаевич] должен был бы

ответить... Значит, оч[ень] гневается и обижен. Это м[еня] мало огорчает («поправлю все, – все смертью искуплю»). Но я должен знать. Спросите его по телефону: «О[скар] Ос[ипович] беспокоится, что Вы ему не отвечаете; просил у Вас справиться». Его [отве]т Вы мне сообщите, правдиво. Не забудьте – *и поск[ор]ее*. Все должно быть ясно⁹.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Священный союз – союз России, Пруссии и Австрии, целью которого было поддержание установленного на Венском конгрессе (1815) европейского порядка.

² Грузенберг перечисляет известных российских адвокатов и политических и общественных деятелей: В.А. Маклаков; Павел Николаевич Маянатович (1869–1940), министр юстиции во Временном правительстве и верховный прокурор России (1917); Николай Константинович Муравьев (1870–1936); Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928); Луарсаб Николаевич Андроников (1872–1939).

³ Подразумевается книга воспоминаний П.С. Ивановской «В боевой организации» (М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928).

⁴ Хлопуша (наст. имя: Афанасий Тимофеевич Соколов [1714–1774]); беглый каторжник, сподвижник Е.И. Пугачева в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Как закоренелому преступнику ему вырвали ноздри – факт, нашедший отражение, например, в «Капитанской дочке» Пушкина.

⁵ Грузенберг с некоторыми вольностями пересказывает следующее место из книги А.Ф. Кони «Сергей Юльевич Витте: Отрывочные воспоминания» (М.: Право и жизнь, 1925. С. 54–58): «Но однажды он [С.Ю. Витте] – защитник входящих в состав России инородцев – выступил в комитете в совершенно неожиданной роли. Это было 7 января 1903 года. В комитет было внесено ходатайство еврейского общества города Вильны о разрешении открытия дома трудолюбия для евреев в виду тяжких экономических условий, в которых в Западном крае находилось это население, скученное в городах. [...] Танеев предлагает прежде всего выслушать Плеве, и тот говорит с точностью выражений и с обычным спокойствием: “Я считаю еврейство явлением враждебным национальному и государственному благу России. Свойства евреев таковы и проявления их деятельности, направленной враждебно против государства и существующего порядка, столь серьезны, что правительство имеет не только право, но и обязанность налагать на них стеснительные меры и не давать им уравнительного положения с христианским населением. С этой точки зрения, я вполне солидарен со взглядом моих предшественников и считаю всякое ослабление мер, принятых против еврейства, несогласным с видами и задачами правительства. Я должен, однако, вместе с тем привести два указания, имеющих отношение к разбираемому вопросу. Количество еврейского населения в России составляет в настоящее время пять миллионов: из них три с половиной миллиона населяет Западный край. По закону 1883 года они все скучены в городах, причем лишь триста тысяч проживают в местечках по временным условиям, остальные же ютятся в ужасающей нищете и самых антигигиенических условиях, причем их бедность доходит до того, что целые семейства, состоящие из многочисленных членов, по неделям питаются одним черствым хлебом, и одна селедка, разделанная на маленькие кусочки, составляет роскошь, которую можно себе позволить лишь в праздник. С этим голодом связана и крайняя безработица, вызывающая небрегающую ничем конкуренцию. Достаточно сказать, что дневной заработок рабочего доходит до четырех–пяти копеек в день. Вместе с тем среди евреев замечается сильное ослабление религиозных начал и семейного авторитета, вследствие чего еврейская молодежь наполняет собою ряды лиц, готовых разрушать общественный порядок и возрастающих в чувстве голодного озлобления. Поэтому, несмотря на все мною сказанное, надо признать, что всякие шаги к облегчению евреям взаимной помощи для возможного устранения тяжелого экономического положения должны быть поддерживаемы, и я, со своей стороны, считаю вполне возможным

разрешение учреждения дома трудолюбия в Вильне”. [...] Императрица слушает с особенным вниманием. Витте, к которому она обращается, говорит: “В виду заявлений статс-секретаря Плеве я должен сказать, что хотя и во всех министерствах стеснительные меры против евреев считались необходимыми, но министерство финансов всегда их признавало несправедливыми и в своей деятельности, считая евреев полезными посредниками для торговли и промышленности, отступало от этого неоднократно, и будет впредь отступать. Так и теперь разрешение открытия Виленского дома трудолюбия ничего, кроме хорошего влияния, иметь не может, но надо, однако, помнить, что это разрешение возбуждает общий вопрос: результатом его будут ходатайства из массы мест, где евреи обрадуются возможности открывать союзы взаимопомощи и не будет уже основания этого не разрешать. Но тогда образуется взгляд, что дотеле ограниченное в правах еврейство пользуется особым покровительством комитета и вашего императорского величества, а самому комитету придется преимущественно заниматься делами еврейской взаимопомощи. В таком положении дел нельзя не видеть известной опасности, и я считаю необходимым обратить на это внимание комитета”. В результате препирательств двух министров дело было отложено».

⁶ Ср. антимилоковскую эскападу в письме Грузенберга В.А. Маклакову от 10 декабря 1935 г.: «В сущности, мне давно бы следовало с ним порвать: в отношении, по крайней мере, меня он был всегда грубым эксплуататором, — всегда брал, но *ничего* не давал. Впрочем, он вправе меня ненавидеть, т[ак] к[ак] вряд ли кто когда решался говорить ему и писать то, что я ему говорю и пишу. Я не порываю с ним из сентиментальности, а он со мною — из осторожности. Посмотрите, как он в своей газете пресмыкается перед теми (“белыми”), кто его презирает, и как он мелочно злобен в своей полемике с “Возрождением”. Конечно, Семенов — прохвост, но Милоков ужасно злобен. Вообще у Милокова исправно работают лишь “голова” и “головка” (рассудочность и чувственность); во всем остальном он бездушен. Третьего дня я написал ему по поводу его последнего письма много обидного. Вероятно, он пошлет меня, наконец, к чорту, — тем лучше: покончу с сентиментальностью» (цит. по кн.: Русская печать в Риге. Кн. 5. С. 113).

⁷ В ответном послании от 22 июля 1933 г. Милоков писал Грузенбергу: «я очень тронут Вашим откликом на мою статью памяти Алексея Васильевича [Пешехонова]. Рад, что Вы почувствовали по этому поводу, что я не совсем засох от науки и политики и что личное чувство мне не чуждо. Вы, конечно, правы, заметив, что тут говорило именно личное чувство. Мне всегда было больно за Пешехонова, и тем больше, что я сознавал, что *для него* выбранный им исход был неизбежен» (Письма Милокова — Грузенбергу. С. 262).

⁸ Речь идет о журналисте и художественном критике Евгении Аркадьевиче Ананьине (псевд.: Евгений Чарский; 1887—1965). Родился в дворянской семье (отец, артиллерист и математик, был комендантом крепостей в Выборге и Свеаборге, начальником артиллерийского округа в Казани, Варшаве, Севастополе, где во время Первой мировой войны занимал пост коменданта и генерал-губернатора). Окончил петербургский Горный институт и затем — Сорбонну. Участник русского революционно-освободительного движения, социал-демократ, меньшевик (был близок к П.Б. Аксельроду). После поражения первой русской революции жил в Париже и в Швейцарии (с 1911 г.) и в Италии (с 1915 г.) на положении политического эмигранта. В 1920 г. с женой посетил Россию, после чего вновь вернулся в Италию. Частично описал свою жизнь в книге «Из воспоминаний революционера: 1905—1923 гг.» (New York, 1961). Автор книг о Петрарке, Боттичелли, Леонарди, один из составителей «Антологии русской литературы от Чехова до 1930 г.» (на итальянском языке). Встречался в Риме с В.И. Ивановым, о чем оставил воспоминания: Вячеслав Иванов: Встречи и воспоминания // НРС. 1952. 9 нояб. № 14806. С. 8. После войны постоянно жил в Италии; см., например, его обзор проходившего в Венеции с 29 июня по 2 июля 1960 г. международного конгресса, посвященного 50-летию со дня кончины Л. Толстого: Чествование Толстого в Венеции // РМ. 1960. 21 июля. № 1554. С. 4. В конце 1920-х — 1930-е гг. Ананьин жил в Ницце; см. его участие в проходивших там общественно-культурных событиях: Хроника. Франция. Т. 2 (по ук.). См. его некролог: *Зубов Гр. В.* Памяти Евгения Аркадьевича Ананьина // РМ. 1965. 4 мая. № 2303. С. 4.

⁹ В том же письме от 22 июля 1933 г., фрагмент из которого приведен выше (примеч. 7), Милоков отвечал: «Не знаю, что сделать для Ананьина. Он не член нашего союза писателей и журналистов, а не членам мы помогаем крайне редко, да и с деньгами теперь плохо. Все же, если бы его жена написала прошение на мое имя, изложив все обстоятельства, я бы попробовал ходатайствовать перед правлением. Я не знаю характера его статей, а потому не могу сказать,годились ли бы они для газеты. Если статьи у него лежат без употребления, можно было бы послать их сюда, — без ручательства, конечно, что дело выйдет. Можно, быть может, предложить и “Соврем[енным] запискам”, если статьи не газетного, а журнального характера» (Письма Милокова — Грузенбергу. С. 262).

77. Грузенберг — Вишняку

Nice. 12 июля 1933 г.

12 июля 1933

6, rue du Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

вчера веч[ером], немедленно по получении В[ашего] письма, написал Вам. Ушло оно сегодня. Сейчас ставлю Вам свой недоуменный вопрос: почему Вы полагаете, что я должен похерить вводную часть? Если бы, паче чаяния, статья моя о «Союзе русск[ого] народа» разрослась, — то ведь ее можно разбить на 2 книжки. Почему же я должен сокращать введение? — Это нужно было бы сделать только тогда, когда это введение, само по себе, представлялось бы нежелательным. Однако Вы этого не пишете. Будьте откровенны: при наших отношениях это обязательно. Мне, напротив того, представляется, что введение это *крайне* необходимо. Помните, — я говорил Вам и писал уже давно, что, оценивая террор правительственных партий, необходимо оправдать не только перед читателем, но и *самим собою*: вот почему необходимо было остановиться на детище Витте — «Священной дружине»¹. Ра]з так, то пришлось сказать и об авторе: это [лог]ически неизбежно. Не понял я, — почему [Вы] с м[оей] оценкою Витте согласны *наполовину*. Какие ж тут половинки? Витте — только ловкий шулер. Ничего великого он не создал: на посту русских министров финансов были куда более талантливые и предусмотрительные государственные люди, — ну, хотя бы Бунге². Таланты Витте не так значительны, чтобы могли заставить забыть его бессовестность.

М.б., у меня какой-то дефект, — но я и с Л.Н. Толстым с большим трудом мирюсь за ту публичную потасовку, которую он над женой производил. Записки А.Л. Толстой считаю бесстыдством как с ее стороны, так и со стороны редакции В[ашего] журнала³. Неужели Вы не чувствуете, что о своей *жене* и *матери* своих детей нельзя говорить и *даже думать* дурно. Завез 17-летнюю девочку в деревенскую глушь, заставлял ее каждый год беременеть и рожать — и в награду позволял ей переписывать его иероглифы. Ревновал ее и грубьянил ей, как сиволапый мужик, — и в эгоизме своем не хотел понять, что единственное удовлетворение для этой серенькой женщины — сознание, что она для «Левочки» все. А он ее колошматил своей копеечной философией — и, когда заметил, что она не «восхищена» ею, завел себе «учеников» и адораторов⁴ вроде деревянного гвардион[а Чер]ткова и ему подобных. Самый же его уход — типичный [фур?]ибондаж⁵ от старческого слабоумия. А бесчестные п[сихи]атры, зачарованные гениальностью «великого

ста[рца]», не осмелились назвать вещи их настоящим именем: d[emen]tia senilis⁶. Впрочем, не стоит.

Ваш О. Г.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на гнибах листа полностью утрачены от сырости.

¹ Священная дружина — тайная монархическая организация, созданная с целью борьбы с революционным террором. Возникла после убийства Александра II и просуществовала с весны 1881 г. до конца 1882 г. Возможно, роль С.Ю. Вите как главного инициатора ее создания, о чем мы знаем из его собственных мемуаров, была завышенной, и соответственно оценка Грузенберга — не полностью адекватной.

² Бунге Николай Христианович (1823—1895), государственный деятель, ученый-экономист, академик, министр финансов (6 мая 1881—31 декабря 1886).

³ Имеются в виду мемуары дочери Л.Н. Толстого Александры Львовны (1884—1979), печатавшиеся в СЗ в 1931—1933 гг. (№ 45—52).

⁴ adogateur — поклонник, обожатель (франц.).

⁵ Возможно, образовано от итал. furibondo — сердитый, вне себя, бешеный.

⁶ старческое слабоумие (лат.).

78. Грузенберг — Вишняку

Nice. 12–14 июля 1933 г.

12 июля 1933 г.

6, rue du Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

сейчас, раскладывая накопившиеся письма по конвертам, перечел В[аше] последнее письмо. Я *так* далек от мысли, что меня могут сокращать, черкать, что, при первом чтении этого письма, не постиг его истинного смысла. Что ж, факт остается фактом: если вчера вечер[ом], не перечитавши еще В[ашего] письма, я только недоумевал: какое может иметь для Марка Вен[иаминовича] значение — сколько у меня выйдет страниц, то теперь нет места для недоумения. Слишком ясно, что, если бы м[ои] воспоминания о «Союзе русск[ого] народа» вышли большими (свыше 25 стр[аниц]), — то их можно разбить на 2 книжки, как я писал об этом в отосланном вчера письме. Значит, дело не в этом. — Вы просто находите, что рассуждения Оск[ара] Ос[иповича] Вам неинтересны, — другое, мол, дело факты, к[ото]рые он один знает, так как был видным участником их. Такое бесцеремонное ко мне отношение я считаю недопустимым — тем более, что знаю цену своим писаниям. Как ни верти, факт ясный: главы м[оих] воспоминаний перепечатывались *всегда* целиком. Так было с газетою «Сегодня» — еще до м[оей] поездки в Ригу, когда я еще не видел ни одно[го] №-ра этой газеты¹. Мне со слов г. Словоцова (к сожалению, я до [сих] пор ~~этого~~ его не ~~знаю~~ встречал)² об этом передали — и [от] него же взяли для м[оего] ознакомления 3 №.№ «Сегод[ня], г[де] целиком были перепечатаны м[ои] «Воспомин[ания]» с лестным введением о «выдающейся художественности» м[оего] изложения. То же, как сообщил мне мой «прохладный друг» И.В. Гессен, имело место и в издающейся в Америке русской газете. Курьез: Гессен, — как видно из его письма ко мне, — по-видимому, думал, что я *даю* свои ста-

тьи и в Америку... Помню, что я даже написал — по своей журнальной наивности — резкое письмо в редакцию «Сегодня» по поводу бесцеремонности такой сплошной перепечатки. Не говорю уже о перепечатках *во всех* решительно евр[ейских] газетах Европы и Америки. А.Ф. Керенский, когда он еще издавал *газету*, обратился ко мне с просьбой дать, хотя бы только несколько глав «воспом[инаний]», так как «*читатели очень их спрашивают*» (я в благодарность за бесплатную высылку газеты как-то дал ему главку — вот, в связи с этим, поступила его просьба)³. Помню отлично, что получал немало писем с ласковым укором, что не даю дальнейших глав. Не говорю уже об отзыве пок[ойного] А.А. Кизеветтера, к[ото]рый, с неизменившейся ему с годами страстностью, выговаривал мне в Риге: «это грех не продолжать таких воспоминаний, — я не поверю, чтобы Вы не сознавали их ценность». Я позволяю себе цитировать слова *покойника* (не люблю этого делать из самолюбия) только потому, что в свое время Илья Исидор. [Фондаминский] привел мне в своем письме выдержку из дружеской рецензии в письме к нему Кизеветтера, где тот писал, что, читая м[ои] воспом[инания], ему «*хотелось меня расцеловать*» (мы тогда еще не были знакомы). Знаю я также 3—4 из публики, которые попрекали меня [что] я ввел их в расход, т.к., полагая, что я буду продолжать печат[ать из] своих «воспом[инаний]», подписались на В[аш] журнал. Ни минуты [не] сомневаюсь, что из В[ашей] редакции Вы — *единственный*, [который] предложили меня сократить (и это из-за 2 странич[ек]). Думаю так потому, что отлично помню В[аше] отношение [к] моему предложению дать небольшую статью о присланном мне Авдотьей Сем. [Короленко] (вдовою В.Г. Короленки) новом издании его сочинений. Вы ответили отказом. Помню, что, получив Ваше письмо, я... пожал плечами и в то же время обрадовался: наконец-то представилась возможность исполнить давнюю просьбу Венедикта Александровича [Мякотина] о даче статьи для его журнала «На чужой стороне». Когда там появилась эта статья, Вы прислали мне письмо с сожалениями на тему — как, де, такая хорошая статья миновала В[аш] журнал⁴. По-видимому, Вы рассуждали тогда так же, как и теперь: Грузенберга надо печатать, так как он сообщает ценные факты и события, к которым он стоял близко, — но, когда Гр[узенбер]г хочет дать рецензию (как Вы думали), то стоит ли с ним церемониться... Помню, в м[ое] последнее посещение Парижа я сказал Вам, что хочу дать статью о Ф.И. Родичеве. Вскоре после того я получил от Вас письмо, где Вы предлагаете мне дать статью *или* о Родичеве, *или* из м[оих] «воспоминаний» (о Союзе русск[ого] народа). Вы — политик и общественник — нашли возможным пройти мимо смерти этого замечательного человека, последнего из представителей русского земства. Стоит, мол, возиться с заказом о нем статьи: Родичев, мол, хорошо забыт! Я же был огорчен таким отношением к милому, благородному, пламенному [тр]ибуну⁵. Вероятно, Вы нашли бы лишней и страничку о Муханове⁶ (председ[атель] земельной комиссии I Госуд[арственной] Думы, *тов[арищем]* председ[ателя] которой был убитый впоследствии [Герце]нштейн⁷). Я с ним отправился к Щегловитову⁸, [т.к.] считал, что Муханов — тоже замечательный земец, [умир]авший в то время от рака желудка, имеет *право* п[редст]авительства за своего главного сотрудника в [земель]ной комиссии⁹. Видите, Марк Сол[омонович] [так!], Вы, хотя и не любите евреев, — но типичный бессознательно для себя самого, еврей, с его уважением только к тем ценностям, которые хорошо котируются на жизненной бирже. А так как биржевик Вы плохой, то часто попадаете впросак. Мне же неохота под-

вергаться Вашей пренебрежительной оценке: пережившая, мол, себя «знаменитость». Вы, как торопыга, слишком поспешили меня хоронить: правда, тяжкие семейные испытания меня распатали, — но, спасибо, что Вы дали мне допинг: да, ~~из жизни~~ надо либо уходить, либо быть, по-прежнему, сильным. Я буду сильным, ибо меня сломить невозможно: природа дала мне громадную упористость. Вы отлично знаете, что я мог завести в Риге свою газету (на это «богачи» дали бы мне *беспрекословно* деньги!), — но мысль, что я лишу работы и положения Ганфмана, Мильруда и несколько десятков маленьких сотрудников, меня удержала, — такие душевные движения Вы называете «сентиментальностью». То же я могу *даже теперь* сделать и в Париже; — но тут два препятствия: «сентиментальное» в отнош[ении] П.Н. Милокова и страх за Розу Гавр[иловну], которой, при ее теперешней подавленности, тяжела будет париж[ская] суета. В возможности же этого осуществления я, по некоторым *фактам, не сомневаюсь*. Вывод? — Вывод вот какой:

1) Я знаю цену другим людям, но знаю цену и себе. Рискуя дать Вам повод обвинять в «ма[нии] величия», я *сознательно и спокойно* заявляю: *имя Гр[узенбер]га в[ошло], еще при жизни его, в историю русского судебного дела и в [исто]рию еврейской и русской общественности;*

2) Я всегда, при сам[ых тяжел]ых испытаниях, выпадавших на мою и семьи м[оей] долю, остав[ался ве]рен своей молодости; мой политический диапазон, б.м., нешир[ок, но о]н постоянен и звучит по сей день так же определенно, как в счастливую пору м[оей] жизни. На моей совести нет ни крови, ни чужих слез: немало людей, которых я вырвал из рук палача, каторги и тюрем. С этим сознанием легко жить и еще легче — умирать; и

3) Рвать с Вами личные отношения не намерен, — *но ни одной строки Вашему журналу не дам*. То, что я Вам прислал, благоволите немедленно *возвратить мне*. Своим товарищам по редакции скажите, что я не сомневаюсь, что *ни один* из них даже не подымал вопроса об исключении из м[оей] статьи тех или иных страниц или о сокращениях. Это Вы им предложили гениальную мысль — трактовать Гр[узенбер]га, как начинающего, к[ото]рый, де, должен ценить самую возможность печататься в Вашем журнале. Они, конечно, знают, что, в то же время, когда Вы только начинали свою общественную работу, мое имя знала и уважала вся (*не исключая правых*) грамотная Россия. Писать Вам резкости, на что я, м.б., имею право, я себе не позволил. — Я слишком уважаю и себя, и Вас; резкость можно написать другу, но не ставшему чужим человеку. *Будем с Вами корректными знакомыми*, как я того искренно желаю.

С совершенным уважением и готовностью к услугам

О. Грузенберг

Не откажите выслать [мн]е послед[ний] №-р «Славянство и Россия»: хочу знать, за [что ме]ня бранят, — м.б., поделом. Итак жду как №-р «Сл[авянство и Россия], та[к и возврата рукописи]. Вы, ведь, знаете, что я [пишу] или диктую прямо набело, предпочитая перемешать неудовлетворившие м[еня] страницы.

О. Гр.

14 июля

Почти все письмо было написано еще 12-го, — но я решил подождать В[аше]го] ответа на предшествующее м[ое] письмо. Но не дождался, а задерживать от-

сылку неохота: то, что бесповоротно решено, должно безотлагательно приводиться в исполнение.

Позвонили ли Вы П.Н. Милокову? Ни в какие объяснения входить с ним, конечно, нет надобности. Надо ограничиться лишь вопросом: «получили ли Вы письмо Ос[кара] Ос[иповича] с просьбой об оказании Литерат[урным] об[щественной] помощи больному писателю Ананьину; кстати, вот его новый адрес: boulev[ard] Cimiez, 10, Nice». Вот и все.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибах листов полностью утрачены от сырости.

¹ См. примеч. 1 к п. 9.

² См. примеч. 3 к п. 29.

³ См. примеч. 13 к п. 9.

⁴ Воспоминания Грузенберга о Короленко были напечатаны в 13-м выпуске сборника «На чужой стороне» (1925); см. примеч. 12 к п. 9.

⁵ См. примеч. 1 к п. 69.

⁶ Муханов Алексей Алексеевич (1860–1907), юрист, общественно-политический деятель, депутат I Государственной думы от Черниговской губ. (председатель аграрной комиссии). По окончании юридического факультета Петербургского ун-та служил в министерстве внутренних дел. В 1896 г. избран новозыбковским уездным предводителем дворянства, а в 1889 г. — черниговским губернским предводителем. В 1905 г. присоединился к Союзу освобождения, а после образования партии народной свободы стал председателем ее Черниговского комитета. После роспуска по указу царя I Государственной думы был среди подписавших Выборгское воззвание, направленное против произвола властей предрержащих (Грузенберг, как отмечалось во вступ. ст., защищал депутатов-выборжцев).

⁷ Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906), общественно-политический деятель и ученый. Учился на юридическом факультете Новороссийского ун-та. Служил в московском земельном банке. Печатал статьи по финансовым и экономическим вопросам в «Юридическом вестнике», «Русской мысли» и «Русских ведомостях» (автор ряда книг на эти темы). С 1903 г. начинает свою преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента Московского ун-та; в 1904 г. избран адъюнкт-профессором Московского сельскохозяйственного института. Депутат I Государственной думы. Был одним из тех, кто подписал Выборгское воззвание. Убит в Териоках на балтийском побережье; убийство было организовано Союзом русского народа.

⁸ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), в 1906–1915 гг. министр юстиции.

⁹ Цель похода Грузенберга и Муханова к Щегловитову заключалась в том, чтобы возбудить уголовное преследование Союза русского народа, совершившего политическое убийство Герценштейна.

79. Вишняк — Грузенбергу

Paris. 18 июля 1933 г.

18 июля [193]3 г.

Дорогой Оскар Осипович,
[я] уезжал на 3 дня из Парижа, к друзьям отдохнуть, и все Ваши три письма [полу]чил вчера одновременно.

[Осп]аривать все то, что Вы мне приписываете, я не буду. Скажу только, что на[веты?] на Вас при *вторичном* чтении моего письма — плод явного недоразуме-

ния. [С ясн?]ой отчетливостью формулирую свое — и редакции — отношение к Вашей стат[ье, и тог]да не будет никакой нужды вкладывать в мои слова смысл, который я им не [прида]вал.

[Повт]оряю: 1. — Мы очень хотим **дать** поместить Вашу статью в ближайшей же книге журна[ла.]

[2. — Н]икакие политические расхождения в оценке Витте или Щегловитова нас [ни в кое]й мере не смущают: Вы сами за свои взгляды отвечаете. — (Как и отвечает [е Вы] от себя, и за отдельные выражения, которые я не считал бы удачными: напри[мер «х]итроющий маклак», «бесстыжий комбинатор» и другие, скорее бранные слова¹.)

[3.] — Единственно, что нас смущало и смущает, это невозможность растягивать этот очерк на две книги. Я об этом Вам уже раньше писал. Мы не знаем, сколько будем вообще существовать; сокращаем объемы всех помещаемых вещей и не хотим обесценивать Ваших воспоминаний оттяжкой начала конца на 3 с лишком месяца.

4. — Исходя из того, что статью надо дать целиком — и максимум 25–26–28 страниц, — потому что стоит нам выйти из нормы в одном случае, норма будет нарушена и в последующих, — я и полагал, что при взятом Вами темпе Вам будет затруднительно уложиться в условленные рамки. — В предвидении этого я задержал отправку рукописи в набор, ожидая конца и исходя из предположения, что если придется сокращать — *сокращать, конечно, Вам самому* (нам приходилось в разное время обращаться с аналогичными, малоприятными просьбами и к другим авторам: Бунину, Маклакову, — и они, конечно, шли нам навстречу!), — Вы предпочтете это сделать за счет историко-политических суждений, отвращение к которым Вы так любите подчеркивать, а никак не за счет «виденного и слышанного», пережитого и перечувствованного.

5. — В одном из своих пос[ледних] писем Вы пишете, что мы можем не беспокоиться, — Вы вложите в условленные [25] страниц. Мы не гомеопаты, и **копечн[о]** статья может быть еще на одну–другую стр[аницу бо]льше. И в таком случае вся острота поднятого Вами большого вопроса падае[т и] разрешается к лучшему!

Резюме. — Не заподозривай[те ме]ня в скрытых мыслях и намерениях, — тем более, что я еще не редакция. Спокой[но допис]ывайте свою статью и скорее шлите. Мы — [и] типография — ждем.

В порядке не-«Соврем[енных] зап[исок» п]осылаю Вам фельетон Цурикова. — П.Н. Милюкову звонил трижды — телефона у [меня нет], и ловить мне его трудно. Только сейчас поймал его, наконец. Просил передат[ь Вам, ч]то письмо — или письма Ваши — получил. Непременно ответит. Но очень много дел.

С искренним приветом

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста в середине на гифах листа полностью утрачены от сырости. В архиве Вишняка сохранился черновой набросок к данному письму (Там же).

¹ Грузенберг внял замечанию Вишняка: в печатной версии очерка в книге «Вчера» эти бранные слова отсутствуют.

80. Грузенберг — Вишняку

Levens. 8 августа 1933 г.

8 авг. 1933 г.

Hôtel des Roses, *Levens* (A[lpes]-M[aritime])

Дорогой Марк Вениаминович, надеюсь, что Вы уже вернулись из своей лекционной поездки, которая, несомненно, прошла с успехом. За время В[ашего] отсутствия произошло для м[еня] много неприятного, благодаря непрошеному вмешательству «купчика-голубчика»¹.

Конечно, Вы причинили мне боль, — но я должен признать (в отнош[ении] друга не должно быть места ложному стеснению[?]), что я реагировал на нее *свыше* меры содеянного. Ничего не поделаешь: почти что *бессонные* ночи [(это) тянется уже без малого год) совершенно расшатали и без того ~~мою~~ некрепкую нервную систему. Однако [Вели]кая симпатия и искреннее уважение к [Вам] как редкому человеку, оставшемуся, несмотря на тяжелые испытания и борьбу из-за куска хлеба, верным заветам своей молодости, соединена с благодарностью за тепло и ласку, которые Вы ~~дали~~ ~~меня~~ уделяли мне во время м[оих] приездов в Париж. Никогда не забуду, — если только снова не забудусь, — как Вы, видя м[ое] подавленное состояние, приходили ко мне, не щадя своих сил и времени, ежедневно и старались пробудить во мне и поддержать душевную бодрость. Когда, в ответ на м[ое] письмо, Вы написали мне о предоставлении увеличенного размера статьи (речь шла у ~~меня~~ нас *совершенно о другом*), да еще прибавили явно неосновательный укор о м[оём] отношении к личности Щегловитова, я почувствовал себя оскорбленным. Ввиду того, что Вы, при этом, сослались на редакцию, я свой сердитый ответ отправил по адр[есу] редакции Н.Д. [Авксентьева], дабы она, присоединяясь к Вам, знала бы, в чем именно предмет н[ашего] столкновения. Вместе с тем, я просил Н[иколая] Д[митриевича] передать Вам м[ое] письмо. Я получил от Н[иколая] Д[митриевича] ответ, что он передал м[ои] письма Бунакову, с которым я, будто бы, более близок. Ну и пошла писать губерния: купчик-голубчик обрадовался случаю обязать Вас... Обо всем этом писать мне тяжело. Вчера получил от Бунакова письмо, которое меня возмутило. Я тотчас же написал ему ответ, отсылку которого задержал: у Вас — партийцев ведь особая мораль — и Вы вдруг будете недовольны, — хоть дурной, да свой. Прочтите — и опустите в ящик.

Не сердитесь на меня и знайте, что м[оей] признательности и дружбе никогда не будет извода.

Если бы Вы приехали сюда, — Вы дали бы мне большую радость. Если у Вас для проезда в Ниццу (*Levens* — в час[е] езды автокаром) нет денег, — возьмите у меня: потом сочтемся. — Вам крайне необходимо отдохнуть: Вы совершенно изнервильсь — да и есть от чего: каторжная работа и беспрестанные волнения. А я еще подсыпал по дружбе. Нехорошо.

Ваш О. Грузенберг

Передайте м[ой] сердечный привет Вашей супруге. Роза Гавр[иловна] кланяется Вам обоим.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ И.И. Фондаминского.

81. Грузенберг — Рудневу
Levens. 26 августа 1933 г.

26 авг. 1933 г.

Hôtel des Roses, *Levens* (Alpes Marit[imes])

Многоуважаемый Вадим Петрович [так!],
 по указанию Марка Вениаминовича [Вишняка] посылаю Вам 34 стр[аницы] рукописи о «Союзе русс[кого] народа». Остальные вышлю не позже 1 сент[ября]: надеюсь, не запоздаю. Не откажите сделать распоряжение *о наборе* присланного. Если не в труд, пришлите корректуру; если неудобно — Господь с нею. Обойдется и так: нечего прихорашиваться.

Примите мои лучшие пожелания и верьте искренности моего к Вам уважения.
 О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

82. Грузенберг — Рудневу
Levens. 28 августа 1933 г.

28 авг. 1933 г.

Д-ру В.П.[так!] Рудневу. 6, rue Daviel, Paris (13)

Hôtel des Roses, *Levens* (A[lpes-]M[aritimes])

Многоуважаемый Вадим Петрович [так!],
 посылаю Вам еще 10 стр[аниц] м[оей] статьи. Как видите, я, вероятно, поспею с окончанием ее к 1-му сентября. Окажите внимание м[оему] доброму совету: не выпускайте книжки ранее октября — не то, что в здешнем жарком климате, но и в холодной Латвии, где я редактировал юрид[ический] журнал «Русс[кого] юрид[ического] общ[еств]а», в Латвии никаких книг *никто* ранее конца сентября не читал. Между тем, залежавшаяся кн[ижка] литературного журнала почитается, через месяц по ее выходе, старою.

Будьте добры сообщить мне, если можно безотлагательно, швейц[арский] адрес П.Н. Милокова.

Искренне Вас уважающий

О. Грузенберг

Простите м[ою] пачкотню: тороплюсь на поезд.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

83. Руднев — Грузенбергу
Paris. 30 августа 1933 г.

30.VIII.

Глубокоуважаемый Оскар Осипович!
 Подтверждаю с благодарностью получение от Вас двух пакетов с частями рукописи о «Союзе русского народа». Конца, к сожалению, в пакетах не оказалось. Из

Вашего письма вижу, что Вы его еще только собираетесь прислать к 1-му сентября. *Очень* надеюсь, что это так и будет, — самые последние сроки. Вы не знаете наших диких условий типографских: «С[овременные] з[аписки]» набирают «между делом», как бы из милости. Чтобы выйти, как Вы советуете, к октябрю (раньше мы и не смеем надеяться), необходимо, чтобы уже сейчас первая половина была не только набрана, но отчасти и отпечатана даже. — Буду ждать конца, и до того не сдаю в набор.

С искренним уважением, преданный Вам

В. Руднев (Вадим *Викторович*)

P.S. Отвечаю: ни Авкс[ентьева], ни Фонд[аминского], ни Вишняка в Париже нет. Адрес Милюкова с 3 сент[ября] — Chez M[ada]me Vinaver, Menthon, St. Bernard, H[au]te Sav[oi]e.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 121). Год установлен по содержанию предыдущих писем. Вверху пометка рукой Руднева: «Не вздумай послать! → *Котля!* для нас»; пометка рукой Вишняка: «Грузенбергу, не послано».

84. Руднев — Грузенбергу *Paris. 7 сентября 1933 г.*

Дорогой ...

Получил рукопись статьи «Союз русского народа» (часть!) и письмо Ваше. Благодарю Вас за то и другое, и спешу отозваться, — по необходимости кратко.

Непонятный Вам буквенный счет (60.000 знаков) — очень прост. Он означает ровно *двадцать пять* страниц текста «Современных записок». В связи с вынужденным и прогрессивным сокращением общего объема журнала (с 560 стр[аниц] постепенно до 480, а начиная с следующей книжки непременно до 448 стр[аниц]!), — мы принуждены и всех авторов усердно просить точно держаться условленных с ними размеров. Разумеется, мы не педанты, и если вместо 25 стр[аниц] выйдет 26, — это еще не беда, но уже 27 стр[аниц] — *предел*.

Два слова по существу Вашей статьи. Она — очень интересна, вернее, поскольку в присланном только еще начало, обещает быть очень интересной. Есть, конечно, у нас с Вами и расхождения по существу, ~~напр[имер], я не согласен с Вашей уничтожительной характеристикой Витте, — но это Ва~~ но они вполне в пределах допустимого, и не они нас смущают. Смущает, в связи с вышесказанным, взятый Вами *темп* повествования. В присланном отрывке около 20.000 знаков, т.е. уже третья часть будущего общего объема, а к непосредственным *воспоминаниям* о причастности Вашей к разоблачению роли С[оюза] р[усского] н[арода], Вы едва приступили. При таком темпе начала, Вы в дальнейшем вынуждены будете слишком уж жаться, чтобы закончить тему в условленном объеме (25–27 стр[аниц], в *одной* книжке журнала). Наше желание — чтобы Вы эту невольную экономию осуществляли за счет общих историко-политических ~~рассуждений~~ и отступлений, сосредоточившись преимущественно на *личных* воспоминаниях, choses vues et vécues¹, которые сами по себе говорят убедительнее всяких рассуждений.

В связи с этим, осторожнее будет не сдавать в набор присланного начала, а подождать (еще есть время) закончания [так!] всей вещи: б.м., Вы сами предпочтете, если станет вопрос о необходимости если вещь в она выйдет за условленные размеры, б.м., Вы сами предпочтете произвести необходимые сокращения за счет этой первой части, а не во второй.

По ходу набора журнала, данный Вам срок (...) можно несколько удлинить, — до ... Но повторяю, чем раньше Вы сдадите всю статью, тем это удобнее для редакции, типографии и самого же автора.

Публикуется по черновому автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Датируется по содержанию письма Грузенберга к Рудневу от 19 сентября 1933 г. Внизу приписка Руднева к Вишняку: «Маркуша, посылаю “остов” того письма сумасшедшему Гр[узенбергу], о котором мы говорили, — только как иллюстрацию моего предложения. Расцветить комплиментами и лирическими отступлениями можно до бесконечности, принимая во внимание сумасшедшего Кременецкого. Позоло[ты], вазелину и патоки не жалея. Я бы думал у[переть]ся на размере — не более 27 стр., — а фактически, для себя, при[мириться] с 30 стр. Будь здоров». В архиве Руднева сохранился другой черновой вариант письма, с незначительными разночтениями (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ См. примеч. 1 к п. 75.

85. Грузенберг — Рудневу *Nice. 19 сентября 1933 г.*

19 сент. 1933

6, r[ue] Châteauneuf, Nice

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, вчера отослал Вам еще одну кипу страниц: торопясь с отсылкою (*заказ[ным]* пакетом), решил послать письмо отдельно. Мое мнение, что печатать эту статью не стоит. Это — *не воспоминания*, а публицистика, притом раздраженная. Нет той остуженности, которая свидетельствовала бы, что автор, если не простил, то забыл свои тяжелые переживания. Слишком остра моя ненависть к царской России — и когда подошел к ней вплотную, я забыл, что стал стариком — и, как бурсаки у Помяловского, кричу: «дай бою, дай бою!»¹. Я знаю историю Союза р[усского] н[арода] более, чем его вожди, ибо те сменялись, а я был бессменным. Это и плохо: хочется ничего не пропустить и в то же время не выскочить за отмежеванные мне пределы. Изложение мое местами напоминает *тесную* крохотную студенческую комнатку, куда набилось много народа: все сидят, прижавшись друг к другу, связанные в движениях; в клубах табачного дыма мечется осатаневший хозяин, подавая то одному, то другому смену жидкого чая. Конечно, и комнатка неплоха, интересны и гости, — да и хозяин занятен, — но кому все это нужно: — эмигрантской молодежи? За ничтожными исключениями, жулик на жулике, — притом, глупые жулики. Для эмигрантских обывателей делового типа? Они *обиделись* на революцию, на писателей, своими мечтательными требованиями ее породивших и ввергших их не[умо]лимо в нужду. Для небольшой кучки банкиров, прикарманивших вклады своих доверителей? — Никому в эмиграции ничего духовного не нужно, кроме небольшой кучки несдающихся мечтателей! Но мечтатели

эти либо сами пишут, либо сердятся на «любителей», которые занимают печатные страницы, им по совести принадлежащие. Если такой журнал, как «Совр[еменные] зап[иски]», не уступающий покойным «Отечест[венным] зап[искам]», умирает, после самоотверженной борьбы от недостатка средств к пропитанию, — то этим сказано все... Столкнулись два мира — умирающий, но несдающийся, и новый, сильный тем, что его поддерживают миллионы людей, еще не живших. Нетрудно угадать — кто победит. Мы же, оказавшиеся ни в тех, ни в сих, напоминаем «пса шелудивого» в блоковской поэме «Двенадцать». Особенно трудно мне, т.к. несмотря на выпавшие на мою долю удары и на бессонные — вот уже год — ночи (Вы, как врач, должны мне объяснить — как может жить человек, который *весь этот год* спит не более 4 час[ов] в ночь, — да и то с перерывами), чувствую днем такой прилив сил, что хоть начинай жить сначала! Голова работает ясно, память отчетлива, тянет в драку, как озорливого гимназиста, — и всего этого прилива духовных сил не убывает, несмотря на перманентную t° в 37,2—4 (моя норма 36,5), вспыхнувший сн[ова] старый легочный процесс. При таком состоянии духовных сил я обречен на инвалидность, — на писание никому не нужных воспоминан[ий.]

Во имя чего я попал в эмигранты? — Сам толком не разберу. Когда Вы и Ваши товарищи уш[ли] в эмиграцию, — тому был глубокий резон: Ваша партия после февр[альской] революции была партией *государственной*, была носительницей государ[ственной] власти. Естественно, что, будучи побежденной новой революционной волною, она должна была уйти в подполье, а вожди ее эмигрировать. Приехав в апреле 1921 г. во Францию, я сразу убедился, что мне не место в эмиграции, так как совершенно не воспринимаю ее тона и *modus vivendi*². Если я тогда же не вернулся домой, в Россию, как не делаю этого и теперь, то только *по моральному* основанию. Многим оно покажется диким, а, по мне, неустрашимым. — Всякий мало-мальски крупный работник, уходя в эмиграцию, увлекал своим примером десятков—другой; вероятно, такое же количество увлек и мой пример. Как же уходить, не спрося их (я ведь не знаю — кто они): м.б., сейчас они в нужде и безработице!.. Кроме того, не люблю оглядываться назад, — а в моем возрасте надо уважать и свои ошибки. Выводы? — Их два:

1) Никому м[ои] воспоминания не нужны; еще менее — в предсмертном №-ре В[ашего] журнала. Я чувствую, что идет такое жуткое время, когда оборвется всякая связь с прошлым. Будут писать — кой-где уже пишут — такое жуткое, что жалкá будет всякая литературщина; и

2) Верните мне присланное, — т.е., освободите меня от данного мною слова: Вам же будет лучше, так как присланное В[ам] невысокой ценности.

Искренне Вас уважающий и преданный

О. Грузенберг

Да, вот еще о чем. — Вы спрашиваете, — получил ли я 2 послед[них] В[аших] письма. Первое из них, датированное 30-м, пришло в Levens 2-го авг[уста] сент[ября], а второе — 7-го сент[ября], накануне переезда в город (т.е. в Ниццу). Не ответил на первое, так как жена проболела 12 дней «свинкою» с высокой t° ! В деревне один врач, а нет аптеки: готовят лекарства монахини, совершенно в фармации неопытные; они состоят при местном убежище для стариков. Понятно, что при таких условиях мне было не до воспоминаний, равно как не до писем. Как

только спала опухоль (к сожалению, не вся), мы уехали. На второе письмо даю Вам ответ своевременно. Итак, в этом пункте я оправдан. Его переслали сюда.

Примите и передайте м[ой] душевный привет всем Вашим товарищам по редакции.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Имеются в виду «Очерки бурсы» (1862–1863) Н.Г. Помяловского.

² образ жизни, условия существования (лат.).

86. Грузенберг — Вишняку

Nice. 21 сентября 1933 г.

21 сентября

Дорогой Марк Вениаминович,

из полученного вчера письма Вадима Викторовича [Руднева] я узнал о Вашем возвращении в Париж. — В добрый час!

Ваше последнее письмо (перед отъездом в Испанию) глубоко меня порадовало: оно было проникнуто бодростью и даже счастьем. — Вот что значит покинуть вредную среду, заняться любимым делом и быть далеко от эмигрантских сочиненных интересов.

Вероятно, Вы уже знаете от Вадима Викторов[ича] о содержании м[оего] письма к нему и о просьбе возвратить мне м[ою] рукопись (до конца м[оей] темы еще далеко). Я ее непременно закончу, но как поступлю с ней — будет видно. Эта часть м[оих] воспоминаний [З нрзб] публицистический характер. Это неизбежно. Когда я писал о «бреде войны»¹, во мне не было ненависти, ибо война, как война, всегда сопровождается жестокостями даже в тылу — и Россия в этом отношении была, на м[ой] взгляд, лучше, чем другие воюющие страны. Но когда речь идет о старой России, об ее преступлениях и мучительстве, я не только не могу, но не желаю быть спокойным: я ведь не с.-р., которые, потеряв государственную власть, серьезно думают, что Россия, мол, кончена и что все порядочные люди такого же мнения. Глубокое заблуждение! — В России не было ни одной группы, которая бы жалела об ее провале. Вы знаете, что я высоко ценю исторические заслуги с.-р.-ов, как достойных наследников народовольцев. Однако В[аша] партия не поняла, что после февр[альской] революции она, как партия, кончилась[?]: никому и ничему на этом [З нрзб]. Я ведь не раз об этом Вам и писал, что с.-р. партия сыграла свою крупную роль, — но в феврале вы перестали быть революционерами, а в октябре — социалистами. Если большевики — бешеная тройка *без кучера*, то росс[ийские] социалисты — кучер на деревянной лошадке. Я не читал В[ашей] книги о Ленине (зная, что Вы писали ее по заказу, вследствие чего число автор[ских] экземпляров ограничено, я не решился просить Вас о предоставлении мне экземп[ляра])². Не сомневаюсь (без комплимента), что Ваше изложение исчерпывающее, — значит, Вы привели слова Ленина, — почему он решил, что его партия должна взять власть в свои руки. Это было после нашествия на С[анкт-]П[етер]бург генерала, выпущенного Главным мор[ским] прокурором Шаблов-

ским³ из тюрьмы, после того, как в [4 нрзб] о выборах, — да притом еще [3 нрзб], что нельзя производить выборов, если не будет издан закон о город[ском] и земском самоуправлении (кажется, так оно и было). Между тем, Германия[?], при всей [одна строка нрзб], как только кончились очередн[ые] [две строки нрзб]. Кто дал [2 нрзб] русской власти? — *Комитет IV Госуд[арственной] Думы!*.. Рядом с Керенским сидел в правительстве Гучков, — хам, не постыдившийся ехать к царю (они, к[а]к Вы знаете, друг друга ненавидели), чтобы отравить царю и без того мучительные минуты снятия с его головы короны⁴. Все назначения на «местах» как произведены? Прогнали без разбора всех губернаторов... и на место их посадили председателей земских управ... Тогда земства и город[ские] самоуправления были реакционерами (за ничтожными исключениями), ибо они были поставлены при «земской реформе» Александра III. А назначения по центральным ведомствам? — Все *они* были отставлены, а посажены личные друзья Александра Фед. [Керенского]. — Достаточно назвать милого, но глупого Демьянова, у которого было одно желание: как бы всем угодить⁵. Вот тогда, когда С[анкт-]П[етер]бург был осажден генералами⁶, когда в городе черносотенцы праздновали свою победу, Ленин сказал (я читал в газетах, — а память у меня, как Вы знаете, не из плохих): «Ну, дольше ждать нечего, — власть валяется в пыли и надо ее подобрать!». *Только тогда*. Как книжный человек, Ленин не верил, что власть их будет долговечна.

После февр[альской] революции я отказался от каких бы то ни было выступлений, — я сказал себе: «Котел революции и без того, с каждым часом, кипит с бешеным поднятием температуры; неужели и ты будешь своими митинговыми речами подогревать его температуру — на твоей совести никогда не было ни чьей-либо крови, ни даже чужих слез; — смотри, чтоб их не было и теперь». [полстраницы нрзб] И сейчас, будучи мертвецами, вы хватаете за горло живую жизнь. Когда я попал весной 1921 г. в Париж, присмотрелся к руководящей эмиграции, я с болью сказал себе: «ну и начудил же ты, — переходи на роль семьянина!». — Почему я, несмотря на двукратные приглашения, не вернулся домой? — Только, как Вы знаете, по *нравственным* соображениям: м.б., глядя на м[ой] отъезд из России (для меня она и сейчас Россия!), десяток-другой потянулся за границу — и теперь влачит горькую жизнь. Да, кроме того, что важнее для *меня* всего — в мои годы *надо уважать даже свои ошибки*, — я не школьник, к[ото]рый просит о переэкзаменовке.

Что же милый доктор (действительно, милый, — Вы ему покажите это письмо) пишет мне *о вашей «правде»?* — У мертвецов не может быть ни правды, ни лжи; если они в полночь выходят из могил, — то, с первыми лучами утренней зари, они снова туда возвратятся.

Когда я Вам обо всем этом как-то писал из Риги, Вы мне ответили, что трагизм В[ашей] партии оценит история. Помню, что на это я Вам возразил: «зачем Вы меня отсылаете к истории, когда ни меня, ни Вас уже не будет на этой печальной земле; я, как живой, имею право суда — и вы, как живые, не должны от него уклоняться!»

Единственно хорошее, что вы создали в эмиграции, — это «Совр[еменные] записки», — но, ради Бога, бросьте «хороший тон» Германа Гоппе⁷. Мне рекомендует Вадим Викторович изгнать из м[оей] статьи публицистику. Ну, на это я не пойду.

Для меня успокоиться значит упокоиться. «Союз русс[кого] народа» я ощущаю как сегодняшний день и не вижу причины остужать свое отношение к нему. Я понимаю, что такая статья не подходит для В[ашего] журнала, — потому решил ее забрать. Напечатаю ли я ее в другом месте, еще не знаю, не думаю об этом. Знаю только одно: такая статья полезна, даже нужна: пусть читатели знают, — чем была Россия Витте, Щегловитовых и Пуришкевичей — и не пробавляются лимонадной лирикою. Пусть каждый, кто (конечно, имею в виду не людей в футляре) прочтя ее, скажет: «вшивую овчину в печь, — больше с нею возиться нечего». За что загублена в эмиграции молодежь и кто тому виною? На этот вопрос ответьте сами. Разве она слыхала о прошлом? — Все оправдываются, извиняются [4 нрзб]: казалось бы, жизнь меня раздавила (я ощущаю это по ночам, т.к. — вот уже год — как сплю не более 4 час[ов], да и то с перерывами); но днем я себя подхлестываю свою гордость, выпрямляюсь и кричу, как бурсаки у Помяловского: «дай бою! дай бою!». Меня Ваш и Ваших друзей темперамент убаюкивает, а я спать не хочу и не могу — тем более, что скоро-скоро усну вечным сном. Конечно, земная жизнь ужасна, — но то, что нам дано знать о смерти, отвратительно. Значит, надо доживать. За что я — с м[оим] темпераментом, с моею не знающей устали энергиею, привычкою к боевому труду — похоронил себя заживо в эмиграции? — Я часто твержу по ночам в своем плохом переводе стихи французского поэта: «бедный мальчик, что ты сделал, — Что ты сделал с чудной юностью своей?».

Вон, — Кони, Таганцев — члены Государ[ственного] совета от корней — не покинули своей родины, хотя в любой момент имели полную возможность, — правые из правых, они понимали, что покинуть мать в беде неискупимый грех. А я, словно несчастная проститутка у Ан. Франса в «Dieux ont soif», неведомо для чего так же, как она, выкликаю: «vive le roi!»⁸. — Кушайте его сами на здоровье, — мои молодые зубы, лишь[?] бы могли разжевать это блюдо, — а на старости... Ну, довольно: ухлопал ночных 2 часа — и на этом спасибо!

Меня очень тревожит последняя строка письма В.В. [Руднева]: бедная Амалия Ос. [Фондаминская] лежит с воспалением легких!.. Передайте Илье Исид[орови]чу [Фондаминскому] н[аше] соболезнавание⁹. [одна строка нрзб], любя, советую: отдайтесь науке, — Вы убедились недавно по тому подъему, который пережили, что она Ваша стихия.

Ваш О. Грузенберг

Отошлите мне м[ою] статью безотлагательно.

Письма не отсылал, боясь, что Вы его воспримете, как обиду. — Но, нет: Вы — чуткий и почувствуете, что, как с другом, я с В[ами] правдив.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Бледная тушь, которой написано письмо, местами полностью выцвела и не поддается прочтению.

¹ См. примеч. 1 к п. 1.

² Речь о написанной по-французски книге Вишняка «Lénine» (Paris: Armand Colin, 1932).

³ Шабловский Иосиф Сигизмундович (1873–1934, Рига), адвокат-криминалист; в 1917 г. назначен Временным правительством главным военно-морским прокурором; один из основателей и председатель Русского юридического общества в Латвии; ответственный редактор журнала «Закон и суд» (1929–1934) (см.: Незабываемые могилы. Т. 6. Ч. 3. С. 274). Живя в Риге, Грузенберг хлопотал о детях Шабловского (речь, вероятно, шла об их обучении в

Праге), о чем свидетельствует его (по-видимому, несохранившееся) обращение в пражский Русский заграничный исторический архив, являвшийся одной из организаций Земгора (Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословакии) и ответ на него, датированный 25 августа 1926 г. (Ргага. Т-РZIA. 06—497).

⁴ Речь идет об отречении Николая II от престола, которое из его рук приняли А.И. Гучков и В.В. Шульгин. Грузенберг проявлял повышенную чувствительность к судьбе последнего русского монарха и на лекции в Риге в апреле 1926 г., согласно отчету газеты «Сегодня», говорил: «Мне стыдно за Гучкова, [...] и я не понимаю, как мог националист Шульгин решиться поднести царю на подпись акт отречения». И далее в той же лекции сокрушался, что те двое могли бы в момент отречения «подумать и о судьбе бывшего царя и так легко устроить переезд его на автомобиле за ближайшую граничную черту» (*Бор. Ор. [Оречкии Б.О.] Русская революция и ее кануны (Вторая лекция О.О. Грузенберга) // Сегодня. 1926. 21 апр. № 87. С. 5).*

⁵ Демьянов Александр Александрович (1865—1925), адвокат, присяжный поверенный. Член II Государственной думы. Член партии народных социалистов. Во Временном правительстве — товарищ министра юстиции. Жил в эмиграции в Берлине, затем переехал в Прагу. Возглавлял ревизионную комиссию Комитета Земсоюза в Чехословакии. Масон.

⁶ Имеется в виду т.н. «корниловский мятеж» — до сегодняшнего дня дебатующееся в исторической науке выступление Верховного главнокомандующего русской армии Л.Г. Корнилова (27—31 августа (9—13 сентября) 1917 г.) с целью установить военную диктатуру.

⁷ Гюппе Герман Дмитриевич (1836—1885), русский издатель и типограф немецкого происхождения; основатель и владелец петербургской издательской фирмы «Книгоиздательство Герман Гюппе» (1867—1914).

⁸ Грузенберг имеет в виду сцену из романа А. Франса «Боги жадут», в которой молящая о помощи шестнадцатилетняя проститутка Атенаис на вопрос Бротто, чем вызван приказ об ее аресте, отвечает: «— Я сорвала с себя кокарду и крикнула: “Да здравствует король!”» (*Франс А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 6. С. 608).*

⁹ О последних годах, месяцах, неделях и днях А.О. Фондаминской, которой не стало 6 июня 1935 г., см.: *Хазан Вл. Пинхас Ругенберг: От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2 т. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. Т. 2. С. 699—738.*

87. Грузенберг — Вишняку

Nice. 27 сентября 1933 г.

27 сент. 1933 г.

6, rue du Châteauneuf, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,
 посылаю Вам интересную статью Е.А. Ананьина «Проблема нации и государства в современной Италии»¹. Автор долго жил в Италии, знает ее хорошо и крепко любит. — То, что пишется с любовью, всегда хорошо. Когда Е.А. Ананьин читал мне частями свою статью, я полагал, что размер ее не будет столь значителен, — между тем, оказалось, что она не подойдет для «Послед[них] нов[остей]»: для газеты слишком велика, — зачем же мне ставить в неудобное положение Павла Николаевича [Милукова], которому неприятно будет мне отказать. Для В[ашего] журнала она в самый раз. Если она будет Вами принята для ближайшей книжки, вышлите ему в счет гонорара аванс: Ананьев страдает тяжелой формой туберкулеза, осложненного пороком сердца. Если прилагаемая статья не подойдет, — вер-

ните мне немедленно. Только, ради Бога, не теряйте ее. Впрочем, в случае отвержения ее (ведь наши вкус и понимание так отличны друг от друга), отдайте ее от м[оего] имени для «Посл[едних] нов[остей]» *Павлу Николаевичу*.

Как здоровье милой Амалии Осиповны [Фондаминской]? – Надеюсь, что критический период уже прошел. Бедный «купчик-голубчик», вероятно, сильно подавлен. Не время теперь писать ему о возврате м[оих] писем. Я до сих пор не могу понять его дикого поступка – присвоения чужих писем. [Со] мною нельзя быть sans façon². Посоветуйте ему немедленно отослать их мне: иначе приведу его к суду. Пишу это вполне серьезно. [нрзб] соотношение к учиненной им [полстроки нрзб] страдания меня не только удивило, но и огорчило: содеяно, де, с благотворительной целью!! – Ну, знаете, это уже, как говорит подпоручик Соленый в «Трех сестрах» – «потяни меня за палец!»³ (Вы, конечно, понимаете, что словом «палец» Чехов заменил другую, менее благородную часть человеческого мужского тела).

Еще две–три строчки по поводу м[оего] предыдущего письма. Конечно, я писал его с волнением, но продумал глубоко в течение нескольких лет. Опасаюсь, что одна часть его вследствие волнения высказана слишком сжато и смахивает поэтому на тезис. Надо объяснить, – почему я делаю вас ответственными за одичание эмигрантской молодежи (во Франции). Что знает она о причинах русской революции?

Ее вывезли из России в детском возрасте. В эмиграции она слышала от родных и их друзей только одно: революционеры погубили Россию. Чем *была* Россия – им неизвестно. Приходит (точнее, приходила) она на собрания «бывших» революционеров, чтобы выслушать их объяснение причин революции. Вместо этого, она слышит жалкий лепет самооправдания и даже [нрзб]. Нет горячего заявления: Hier steh' ich – und kann nicht anders⁴ – потому то и потому то! Она уходила с этих собраний, несомненно, с негодованием: так вот кто эти погребители России, – да ведь это поведение мелких воришек. Куда же ей идти, молодежи этой? – Пошла к правым жуликам и сама изжулилась. Вот в чем ваша вина, притом, неискупимая. Как Вы знаете, журнал Ваш я не только ценю, но и люблю. Однако, я был бы хитрецом (хитрят только слабые, а я и сейчас достаточно силен), если бы не сказал Вам всей правды. – Люблю я журнал за отличную беллетристику, за научные статьи (в особенности, Ростовцева⁵), – но все остальное, что относится до недавнего прошлого и современности, – т.е., публицистика (напрасно члены В[ашей] редакции играют в эстеты [так!] и говорят презрительно о «публицистике»: это тоже «потяни меня за палец!») из рук вон плоха: все эти Бунаковы, Степуны и Федотовы (Федотов – «хохмач» и только!) – terre à terre⁶.

Еще раз повторяю м[ою] просьбу о возврате статьи, которая не закончена, – точнее, написана наполовину (ведь я послал черновики, т.к. никогда не переписываю набело). Прежде всего закончу, а там видно будет: м.б., если м[ое] настроение о ненужности всего этого, что мы делаем в эмиграции, пройдет, отдам ее в другое место или, еще лучше, выпущу ее отдельной книжкой вместе со статьей о М. Горьком. М.б., горе меня закалило, но, несмотря на бессонные, вернее, малосонные ночи, я чувствую себя так, как некогда во время ответственных защит: страстно-сдержанным, говорящим правду и только правду. Не сердитесь на м[еня], еще более – не обижайтесь: Ваша партия кроме февр[альской] революции

играла большую игру и за нее надо расплатиться. Если доведется быть в Париже, выступлю публично, чтобы принять Ваши удары, — и отклонить их. Расскажу о моем уважении к В[ашему] прошлому и м[оих] тяжелых разочарованиях. А пока, до драки, шлю Вам всем, не исключая милого жуленка (попомните м[ое] слово, — в качестве купца, он будет поражать всех своих ~~купеческих~~ компаньонов легким отношением к купеческой корректности). Это не помешает мне, как только он вернется с Амалиею Ос[иповной] в Грасс, повидаться с ним.

Итак, жду ~~своей~~ присыла м[оей] рукописи и сообщения о состоянии А[малии] О[сиповны].

О. Гр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Бледная тушь, которой написано письмо, местами полностью выцвела и не поддается прочтению.

¹ См. примеч. 8 к п. 76. Материалы Е.А. Ананьина в СЗ не появлялись.

² [таким] бесцеремонным (франц.).

³ А. Чехов. «Три сестры» (действие 1).

⁴ Здесь стою — и не могу иначе (нем.). Вошедшее в поговорку высказывание М. Лютера.

⁵ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), историк античности, филолог-классик, археолог, искусствовед.

⁶ заурядный, приземленный, посредственный (франц.).

88. Вишняк — Грузенбергу

Paris. 4 октября 1933 г.

Париж, 4-е октября 1933 г.

Дорогой Оскар Осипович!

Согласно Вашей просьбе, возвращаю Вам рукопись «Союз русского народа»¹, равно как и статью г. Ананьина. Эта статья интересна, заслуживает опубликования, но, к сожалению, для нашего журнала не подходит. Говоря коротко: первая ее, вступительная часть слишком длинна и скучновата, а заключительная — «историко-софское» оправдание фашизма — мало приемлема для «С[овременных] з[аписок]» вообще и для меня в особенности. — Я писания г. Ананьина знаю, — он начитанный человек, — но все предлагавшиеся им раньше темы были слишком отвлечены или из средней истории. У нас и без того много любителей не современности, а прошлого. Естественно, не удавалось печатать произведений еще нового историка.

В Вашем письме дано противоречивое задание, как поступить с рукописью Ананьина, если она для «Совр[еменных] зап[исок]» не подойдет: с одной стороны — вернуть ее безотлагательно Вам, с другой — передать ее лично Милюкову от Вашего имени. Я остановился на первом варианте, потому что Милюкова снова нет в Париже, он в Праге и вернется не раньше конца месяца.

От деловой переписки — к личной.

Ваши последние два письма меня не обидели и не рассердили. Они меня огорчили, — в частности, и за Вас... Я знаю, Вы не любите, чтобы кто-нибудь позволял себе не то что огорчаться, но даже сочувствовать Вам; тем не менее это факт: я себе позволил...

Опровергать Ваши отдельные утверждения или осуждения в подробностях я сейчас не стану. Только скажу, что считаю неверными даже фактического порядка Ваши заявления. Я могу опровергнуть — фактами, — что грех был вовсе не в том, что мы гонялись за «портфелями» и были слишком «министериабельны», — сейчас этой демагогической легенды, в свое время политически выгодной, не повторяют и отъявленные враги эс-эров, ни слева, ни справа. Грех наш был как раз в обратном, — в недостаточной «воле к власти», говоря высоким стилем. Это опять-таки теперь общепризнано и врагами эс-эров. — (Я мог бы иллюстрировать это общее положение и фактами личной биографии, своей, Руднева, Бунакова, — но это было бы и долго, и звучало бы «саморекламой».)

Так же фактически мог бы я Вам доказать неправильность утверждения, будто какие-то генералы «осаждали» в 17-м году Петербург и будто бы «только тогда», как Вы рискуете утверждать, Ленин заявил: «ну, долше ждать нечего, власть валяется в пыли, надо ее подобрать!». Это совершенно неверно и противоречит твердо установленному факту о дальновидной проницательности самого Ленина, в отличие от *всех* его единомышленников и соратников. Он *предвидел* осуществившуюся в действительности комбинацию с первого момента войны, и он стал фактически способствовать ее осуществлению, неудержимо рваться к власти, с первого же дня не им свершенной революции в феврале. Вспомните только его исторические слова в *июне* (в самом начале) на съезде Советов, когда на риторический, как думал Керенский, вопрос: найдется ли какая-нибудь партия, которая решила бы взять власть одна, — раздался, неожиданно даже для большевиков, голос Ленина: найдется!..

Обо всем этом я писал — и печатал — не одну статью и книгу, и не я один, конечно, и если до Вас это внутренне не дошло, — конечно, огорчительно.

Вы повторяете сравнение о затяжке выборов в Учредительное собрание в России и быстрое проведение закона в Германии. Можно не соглашаться с тем, что, в частности, я сказал по этому поводу в своей книге, имеющейся у Вас, но без всякого намека на довод повторить то, что *раньше* говорили другие, в определенных политических целях, и что Вы сейчас надумали совершенно бескорыстно, стоя лишь перед правдой, — согласитесь, это не может не вызвать чувства огорчения... А Ваши суждения о «живых мертвецах»? Проглядите последнюю главу моей книги об Учред[ительном] собрании, и Вы убедитесь, как стары эти суждения, кто автор их, и как огорчительно выслушивать их не от политика, преследующего специальные цели, а от человека, вместе со мной повторяющего: «*Надо уважать даже свои ошибки*»...

Не согласен я с Вами и в том, что у «*мертвецов не может быть ни правды, ни лжи*»!.. Мертвый Ленин и сейчас еще является и символом, и воплощением «правды» не только в отвлеченном порядке. И, я боюсь, что покойный Николай II, благодаря большевикам, воскреснет не только в ореоле мученика, но и в качестве праведника.

Это возвращает меня к «деловой» части нашей переписки.

Вам принадлежат слова: «Что пишется с любовью, всегда хорошо». А публицистику Вы не только не любите, Вы ее презираете и ненавидите. Вы сами ~~предлагаете~~ ~~изгнать~~ считаете, что в «Соврем[енных] записках» хороши только «беллетристика и научные статьи». Почему же Вы так упорно сопротивляетесь тенденции

и просьбе редакции «С[овременных] з[аписок]» по возможности удалить несвойственную и презируемую Вами «публицистику» из своей работы, а дать по преимуществу полубеллетристическое изображение того, что Ваши глаза видели, а не оценку виденного в призме пореволюционного изгнания.

Я совершенно разделяю Ваше мнение, что молодежи надо говорить правду о прошлом России. Я не вполне уверен, что эта молодежь хочет знать свое прошлое и того менее — так уже дорожит правдой. Но это другой вопрос. Но именно для того, чтобы автора прочли и ему поверили, он должен писать в свойственной ему манере. Автор должен свою форму приспособлять к читателю. И именно потому, что я согласен с Вами, что «публицистика» сейчас не в фаворе и не в авантаже, я — и редакция в целом — так и просили Вас дать законченный этюд об одном, определенном явлении, а не ряд разрозненных публицистических суждений о многом, при которых главное и основное застилается частным и случайным.

Вы вольны, конечно, поступать с своей работой, — как Вам угодно. Но повторяю снова — не знаю в который уже раз, — что вся редакция и я, как публицист по преимуществу, не только считаем весьма полезным помещение Вашей статьи в журнале, но так высоко расцениваем возможный от нее эффект, что хотели бы устранить все невыгодные ее стороны — ее публицистику.

Я продолжаю надеяться, что, просмотрев свою статью, дописав ее и отчасти сократив, — у Вас два месяца срока для всего этого, — Вы дадите ее все-таки нам. Я не только надеюсь на это, я этого и хочу. Говорю Вам искренне и убежденно. А там — слово за Вами.

Крепко жму руку.

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Отвергнутая СЗ рукопись воспоминаний Грузенберга о «Союзе русского народа» была предложена им газете ПН, но и там она не появлялась. 25 декабря 1934 г. Милоков писал автору: «Относительно вводной главы “воспоминаний о Союзе р[усского] н[арода]”, прочитанной мной еще в Праге, должен сказать, что для газеты она неудобна. Не помню сейчас мотивов, так как перед глазами нет рукописи» (Письма Милокова — Грузенбергу. С. 265). Грузенберг опубликовал эти воспоминания в своей книге «Вчера» (С. 130–146).

89. Грузенберг — Вишняку

Nice. 8 октября 1933 г.

8 окт. 1933 г.

78, rue du Maréchal Joffre, app[artement] 12, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

опять совпадение: мне подали В[аш] пакет, когда я писал Вам в третий раз об отсылке мне рукописи, составляющей м[ой] черновик. Спасибо, что исполнили м[ою] просьбу. Не пойму, для чего Вы м[ое] желание забрать статью обращаете в *casus belli*¹, когда нет ни *bellum*, ни *casus*. Я совершенно не только искренне, но и правдиво указал в письме Вадиму Викторовичу [Рудневу] мотивы: один — общий, мною давно уже владеющий — сознание ненужности того, что мы делаем в эмиграции; другой — сознание, что я не совладал с наплывом тяжелых воспоминаний,

которые я переживаю, как вчерашний, почти что сегодняшний, день. Само собою, это не могло не отозваться на форме, к[ото]рую я сравнил с тесной студенческой комнатухой, куда названо чрезмерное количество гостей и несчастный хозяин мечется от одного к другому в клубах дурманящего табачного дыма. Как видите, в области литературной я строг к другим, а к себе — беспощаден.

Привести это в порядок и симметрию мне будет нетрудно, но В[ашему] журналу я не отдам. Отдавать ее в Ваш журнал мне нет смысла: распространение его крайне ограниченное, — вряд ли намного больше, нежели м[ой] журнал «Зак[он] и суд». — Для моих вещей — в объеме 2 фельетонов — к м[оим] услугам и «П[оследние] н[овости]», и «Сегодня»: аудитория их исчисляется десятками тысяч, Ваша же — трехзначным числом. Печатать у Вас есть смысл только беллетристам, которые получают таким путем возможность выпускать затем за грош отдельное издание. Нужен В[аш] журнал и тем авторам, которых вне его никто не стал бы читать вследствие их неизвестности. Но мне, чьей деятельностью еще интересуются и ее ценят, не надо искать читателей через журнал. Вы знаете мою мнительность, но и она не может поколебать м[ою] уверенность в том, что книга м[оя] разоидется даже в том случае, если я ее напечатаю в *максимальном* для эмигранта количестве экземпляров: в одних лимитрофах распространение ее, как Вы убедились во время своего пребывания в Латвии, вполне обеспечено. Не говорю уже о Франции, Чехословакии и иных пунктах н[ашего] великого рассеяния. Затем, Россия скупает любое количество: там меня все еще ценят и даже... «любят», говоря языком милого Ильи Исидоровича [Фондаминского].

Пишу откровенно, потому что не сомневаюсь в Ваших добрых чувствах ко мне, — тем более, что я *дружески* отнесся к В[ашему] отказу дать статью для «Зак[он] и суд» и *перепечатал* присланную Вами печатную статью². — Я отлично понимал, что Вам нет расчета давать оригинальную статью для малораспространенного относит[ельно] журнала.

Книгу дать я *обязан*, т.к. м[оя] деятельность протекла в гуще российской ответственности — и то, что знаю я, мало кто знает. Почему я до сих пор не дал книги? — Сошлюсь на Вас: живя в Риге, я часа не имел свободного, несмотря на то, что начинал свой трудный день за лампой. Где же тут писать, когда на руку *срочные* кассац[ионные] жалобы, за которыми приходилось не раз просиживать ночи напролет.

Теперь, когда я и Роза Гавр[иловна] ставили вопрос об уходе, т.к. слишком тяжелы те переживания, которые выпали на н[ашу] долю, — ставили и разрешили его отрицательно, я чувствую себя по-прежнему сильным. Наша жизнь, как жизнь и большинства людей, была до сих пор *не нашей* с детских лет, — со школы, гимназии, университета, — вступления в практическую деятельность по эти дни, — она была связана с разными коллективными их требованиями. Я и Роза Гавр[иловна] имеем право прожить по-своему, — т.е. по *своей* совести и по *своему* разумению, остающиеся нам 2–3 года.

Книгу я напишу — и напишу быстро. Я пришел к выводу, что должен действовать, т.к., когда пишу, то переживаю волнения и предъявляю к себе строгие требования. Буду диктовать, т.к. я убедился, что отосланные Вам давно листки, отнявшие у меня несколько часов, составили по В[ашему] подсчету, 8 стр[аниц] печатных, — т.е., *полпечатного* листа. Так дело пойдет быстро. Правда, от непри-

вычки диктовать страдает изложение, — но лучше дать что-н[ибудь], чем ничего, а думать о том, что скажет тот или иной «критик» из репортеров, Грузенбергу не приходится. Если бы вдруг открылась возможность всем нам вернуться в Россию, то они с тоскою убедились бы, что они для России нули. Во мне многое перерогло — и я, несмотря на годовую бессонницу, чувствую себя сильным.

Теперь о том, что Вас огорчило и за себя, и за меня. Мне это оч[ень] неприятно, так как это не входило в м[ои] намерения: этого не позволяет моя искренняя симпатия к Вам.

К сожалению, то, что я писал, составляет м[ое] глубокое убеждение — и оно для Вас не ново. — Все это я уж высказал Вам не только устно, но и на письме: о том, что «Совр[еменные] зап[иски]» — альманах, я писал Вам лет 8–9 т[ому] н[азад]; о роли с.-р. после февраля я писал Вам года 4 т[ому] н[азад], — почти, как припомнил, заключив письмо, в тех же выражениях. Тогда Вы не сердились, только беспомощно отсылали меня к... будущим историкам, к[ото]рые, де, поймут вашу трагедию. У меня нет ни малейшего желания огорчать Вас (заявляю искренно), но ответить на некоторые Ваши указания все же должен.

Вы отсылаете меня к своей книге об «Учредит[ельном] собр[ании]», — книга, конечно, *ценная и серьезная*, но по волнующей меня теме в ней нет ничего, что могло бы разубедить меня.

1) Вы пишете, что у с.-р. не было «*воли к власти*». — К счастью, это верно. Но у них была *охота к ней*. Ссылка на то, что Вы, Бунаков и др. отвергли некоторые предложения о назначении вас (вероятно, министрами) свидетельствует о том, что вы не были лишены вкуса. Вы знаете, что любой начальник отделения пользовался в то время большим престижем, чем министры Керенского: стоять за креслом А[лександр] Ф[едоровича], как те два несчастных офицера, какая кому охота. Но с.-р. забрали все посты, всю власть, даже послом в Лонд[оне] был назначен милейший, но совершенно наивный, как дипломат, д-р Гавронский³. Учред[ительное] собр[ание] во всех своих главнейших постах забрали с.-р.: шут (забыл его фамилию) в качестве председ[ателя] Учр[едительного] собр[ания]⁴, и Вы — юноша (хотя теперь любимый мною), никому тогда неведомый, без всякого стажа, — в качестве его *секретаря*⁵.

Вы пишете, что теперь все мои обвинения против с.-р. отброшены. Так ли? — Мне кажется, что Вы упустили из виду, что *после осуждения* (всеобщего) нет места для [нрзб]. *Roma locuta, causa finita est*⁶. —

Еще Вы пишете, что приписываемых мною слов Ленин (о том, что надо *подобрать* валяющуюся в пыли власть) не произносил. Мне совестно предлагать пари, когда знаю *точно*, что их выиграю. Если же Вам угодно, пошлите в библиотеку (о к[ото]рой, со слов Мирк[ина]-Гецевича, я Вам как-то писал) двух–трех нерассеянных людей — и они в русск[их] (петроград[ских]) газетах того времени их найдут. Оплату их труда понесет тот, кто проиграет. Угодно ли Вам? Ну, больше не стоит... Заявляю серьезно, что мне больно, если я огорчил Вас: и без меня у Вас немало житейских огорчений. Простите.

Ну, крепко обнимаю Вас.

Ваш О. Грузенберг

Почему я написал неприятное Вам письмо? — Просто в порыве свойственной мне искренности и прямоты. Взволнованный тем, что «*гитлеровский профессор*»

выступает в этой книжке учителем жизни⁷, я говорю: как Господь, столь ко мне и Розе Гавр[иловне] немилостивый, уберег меня от такого постыдного соседства! Но, как хорошо сказано у поэта: «Не рассуждай, не хлопочи! Безумье ищет, глупость судит... Дневные раны *сном* лечи, а завтра — быть тому, [что будет]»⁸.]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Бледная тушь, которой написано письмо, местами выцвела и не поддается прочтению.

¹ повод к войне (лат.).

² Неверное утверждение Грузенберга; см. возражение ему в след. письме Вишняка.

³ Грузенберг ошибается, называя Якова Осиповича Гавронского (1878–1948) послом Временного правительства, — эти функции официально исполнял Константин Дмитриевич Набоков (1872–1927), брат В.Д. Набокова и дядя В.В. Набокова, с 1896 г. служивший в министерстве иностранных дел, первый секретарь российского посольства в Вашингтоне, затем (с мая 1912 г.) генеральный консул в Индии, с 1916 г. советник посольства России в Великобритании, а после смерти 29 декабря 1916 г. (11 января 1917 г.) чрезвычайного и полномочного посла А.К. Бенкендорфа поверенный в делах русского посольства (1917–1919). См. п. 90, в котором Вишняк на формально-законном основании опровергает это утверждение Грузенберга. Вместе с тем находившийся после Февральской революции в Лондоне как член комиссии от партии эсеров по репатриации политэмигрантов в Россию Гавронский был назначен политическим представителем Временного правительства в Англии; см. в позднейших мемуарах А.Ф. Керенского, который называет его «a representative of the Provisional Government in London» (*Kerensky A. Russia and History's Turning Point. London, 1966. P. 489*), или «комиссаром» по эмиграции», как именует эту должность в своих воспоминаниях К.Д. Набоков (*Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 87*). Следует, впрочем, сказать о том, что бегло упоминающийся там Гавронский отмечен вполне позитивной авторской характеристикой (Там же. С. 84, 87).

⁴ Грузенберг говорит об общественно-политическом деятеле, публицисте, социологе, одном из лидеров партии эсеров и ее идеологе Викторе Михайловиче Чернове (1873–1952); см. также примеч. 19 к п. 92 и примеч. 5 к п. 100.

⁵ Вишняк был избран секретарем Учредительного собрания.

⁶ Рим высказался, дело закончено (папская курия вынесла окончательное решение) (лат.).

⁷ По-видимому, имеется в виду Ф.А. Степун, в 1926–1936 гг. профессор Дрезденского университета. Подразумевается, вероятно, статья: *Степун Ф.А. Христианство и политика: [Ч. 1] // СЗ. 1933. № 53. С. 335–352.*

⁸ Из стихотворения Ф. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи!..» (1850); последняя строчка в оригинале: «А завтра быть чему, то будет».

90. Вишняк — Грузенбергу *Paris. 9 октября 1933 г.*

9-е октября 1933 г.

Дорогой Оскар Осипович!

Благодарю Вас за дружеское письмо. Не стану спорить с Вами. Внесу только *фактические* поправки в Ваши утверждения.

1. — Тираж «Соврем[енных] записок» сравнивать с тиражом «Закона и суда» не приходится, во-первых, потому, что «С[овременные] з[аписки]» продаются, а не рассылаются бесплатно, а во-вторых, потому, что их тираж никогда не опускался до трехзначного числа: мы — не газета с десятками тысяч тиража, но мы и не

«Закон и суд». Мое свидетельство относительно «С[овременных] з[аписок]» неопровержимо, относительно же «З[акона] и с[уда]» необходимо, потому что и я к последнему был причастен.

2. — Чтобы покончить с «Законом и судом», должен Вам напомнить, что я отказался дать статью не потому, что «З[акон] и с[уд]» не платил гонорара или был недостаточно распространен, а по мотивам *политическим*: после того и вследствие того, что Вы стали печатать фашиста В.Н. Новикова в защиту независимого суда. — И второе: Вы глубоко ошибаетесь, утверждая, что «перепечатали» мою статью в «З[аконе] и с[уде]». Нет, сначала появилась статья об «Учредительной власти» в Вашем журнале¹, а *потом* она была перепечатана и составила первую главу книги².

3. — Д-р Гавронский никогда не был назначен послом в Лондон и вообще в Лондон Временное правительство посла не успело назначить. (Назначенный в Париж Маклаков был так поздно назначен, что не успел даже представить свои «грамоты», как правительство было свергнуто большевиками.)

И, наконец, 4-е. — Вы зря предлагаете пари. Прочтите внимательно мое предыдущее письмо и Вы сами убедитесь в том, что я опровергал не Ваше утверждение ~~того, что Ленин свои слова~~ сказал о ленинских словах, а то, что он будто бы сказал их *«только тогда»* (эти слова были Вами подчеркнуты!), когда какие-то генералы осадили Петербург и т.д. Нет, вопреки Вашему утверждению, Ленин сказал их гораздо раньше и рвался к власти задолго до того, как она стала «валиться в пыли». А мы, в частности тот, чье имя Вы даже позабыли и определяете его «шутом», хотя он такой же «шут», каким оказался бы Ленин, не поддержки его германский генеральный штаб, — к власти ни в какой мере не рвались и не слишком до нее были охочи. — Справедливо нас судить — и осуждать — *за это!* Но нельзя же нас судить — и осуждать — одновременно за противоположное, как делали в течение 15 лет наши враги политические, а теперь надумали сделать и Вы а-политик.

С сердечным приветом Розе Гавриловне и Вам

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о статье «Проблема учредительной власти», напечатанной в четырех номерах «Закона и суда» (№ 25–28) за 1932 г.

² Имеется в виду книга Вишняка «Всероссийское Учредительное собрание» (Париж: Совр. записки, 1932); см. примеч. 2 к п. 60.

91. Грузенберг — Вишняку

Nice. 5 ноября 1933 г.

5 ноября 1933 г.

78, rue du Maréchal Joffre, Nice

Дорогой Марк Соломонович [так!],

Бог знает, что происходит на почте: париж[ский] штемпель показывает, что Ваш пакет ушел 31-го окт[ября], а мне он доставлен вчера с вечерней почтой; — стало быть, странствовал *4 дня!* — Штемпеля прихода в Ниццу вовсе нет...

Вчера ночью (по-прежнему м[еня] мучает бессоница) и сегодня знакомился с Вашей работой: она — ценна и в[есьма?] нужна. — О «меньшинственном праве» —

этом порождении послевоенного времени — мало что написано, и дать ему строго-юридическую структуру нелегко. Рад за Вас, что работа эта Вам удалась. Жаль только, что на ней не значится Вашего имени и она пока неизвестна юрид[ической] публике, так как имела специальную цель. Настойчиво советую напечатать ее в каком-ниб[удь] юридич[еском] журнале: жаль, если она потонет в архиве Лиги наций¹.

Вот уже более 3 недель, как хвораю: не только не выхожу, но провожу все время в постели, — жестоко простудился (t. 38,2–3). Усиленно глотаю аспирин, сбиваю t°, но простуда еще не прошла. На Ваше последнее письмо написал ответ, — но не отослал, т.к. он невольно вышел резким. —

Не понимаю — что с Вами? Я давно уже говорил и писал Вам, что у Вас несчастная страсть обострять самое незначительное недоразумение и выводить таким образом действий [так!] своего противника на [нрзб]. Если бы Вы находились в тяжелом, безрадостном настроении, когда нервы обнажены и малейшее прикосновение к ним вызывает безумную боль, то я, зная хорошо это состояние, не реагировал бы на него... Но у Вас все, по крайней мере теперь, — благополучно: удачная лекционная поездка, продолжительный отдых на берегу океана, вдали от забот и тревог: чего же Вы свирепеете по пустякам? Вы отлично знаете — каково м[ое] отношение к Вам, к Вашим товарищам по редакции и к Вашей партии: зачем же Вы рветесь не только без основания, но и повода в драку? — Прямо непостижимо... Если я коснулся вопроса о роли В[ашей] партии с февр[аля] по октябрь, — то Вам ясно, что сделал это не для уязвления (за что?!), а по той причине, что, обдумывая в бессонные ночи, — правильно ли я сделал, покинув без достаточного основания родину и обрекши себя и семью на призрачное существование в звании эмигрантов, я, шаг за шагом, проследил события с февраля по май (отъезд м[ой] в Украину) — и, конечно, в первую очередь, незадачливую деятельность В[ашей] организации (ведь партией она не была никогда!) — и, в связи с фразой письма В.В. Руднева о том, что Вашу «правду» воспримет даже не ближайшее поколение, а лишь то, к[ото]рое последует за ним, я высказал свое искреннее удивление по поводу того, что Вы все не сознаете, что партия Ваша умерла, хотя бы потому, что она выполнила свое предназначение: вечность же на нашей печальной земле никому не дана. Вы без огня загорелись, без смолы закипели — и пошла совершенно нелепая полемика. Зарубите себе раз навсегда:

1) К Вам отношусь не только с симпатией, но и ценю Вашу стойкость и верность прошлому;

2) Громадность *исторической* роли, выполненной В[ашей] партией, я признаю более, чем многие из ее членов;

3) К журналу относился и отношусь с неизменной симпатией, безотносительно к тому, — нужен ли он мне, как автору;

4) Заслуги членов В[ашей] редакции как партийных деятелей ставлю высоко, — в особенности Авксентьева; в главе, посвященной процессу Совета рабочих и солдат[ских] депутатов, я привожу почти целиком его проникнутую благородством и девичьей чистотою речь его²;

5) К Илье Исидоровичу [Фондаминскому] отношусь с симпатией, так как, зная близко его кипучую деятельность в Севастополе (лето и осень 1917 г.), я убедил-

ся, что он действовал с глубоким бескорыстием и имел лишь одну задачу — защитить от революционных эксцессов офицерский состав; деятельность эта была невидная, но важная; я помню отзыв о ней Главного командира Черномор[ского] флота адмирала Саблина, который сказал мне: «Бунаков нам много помог»³; раздражает меня в Илье Исид[оровиче] лишь его клеptomания и ряжение. — Но черты эти искупаются важными его достоинствами: абсолютным бескорыстием и полной непритязательностью; если Вы, не желая того, испортили мои с ним отношения, то впали в грех: ведь [в Ницце] нет никого, с кем мог бы поделиться своими переживаниями; между тем, с ним я чувствую себя свободно.

Если Вы что набедокурили в смысле порчи м[оих] отношений с ним или с Авксентьевым, Зензиновым, Рудневым, — то на Вас лежит дружеская обязанность исправить.

Устал — и без того, по четкости м[оего] почерка Вы можете видеть, что вследствие нездоровья пишу медленно.

Крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

Что касается В[аших] фактических поправок, к[ото]рые Вы сделали в своем письме, то они ошибочны. Но об этом потом, когда поправлюсь.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Бледная тушь, которой написано письмо, местами выцвела и не поддается прочтению.

¹ Имеется в виду издание: [Vishniak M.] La Société des Nations et l'oppression des juifs en Allemagne; étude juridique. Paris: Rousseau, 1933.

² В окончательном варианте, включенном в вышедшую после смерти Грузенберга книгу «Очерки и речи», речь Авксентьева отсутствует и дело ограничивается лишь единичным его упоминанием; см.: *Грузенберг О.О.* Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944. С. 92–101.

³ После Февральской революции И.И. Фондаминский исполнял должность комиссара Черноморского флота. Саблин Михаил Павлович (1869–1920), вице-адмирал, командующий Черноморским флотом в 1917–1918 гг.

92. Грузенберг — Вишняку

Nice. 20–25 ноября 1933 г.

20 ноября 1933 г.

78, rue du Maréchal Joffre, Nice

Дорогой Марк ~~Соломонович~~ Вениаминович, обещал написать Вам, как только поправлюсь, о фактической части В[ашего] письма. Но признаться, делаю это с неохотой, так как вызову в Вас раздражение, что не вяжется с м[оим] добрым отношением к Вам. Но ответить надо, т.к. в м[оей] жизни не было случая, чтобы я допустил какое-н[ибудь] неточное утверждение. — Вы, вероятно, слышали, что, несмотря на свою резкую прямоу, суды и Сенат относились всегда с полным доверием к м[оим] *фактическим* утверждениям и, могу спокойно утверждать, что за 27-летнюю адвокатскую деятельность на *этой* почве у м[еня] не было недоразумений с противниками.

1) Вы пишете, что я утверждаю, что *будто бы «какие-то»* генералы осаждали С[анкт-]П[етер]бург... Нет, не «какие-то», — а генералы под высшим командова-

нием Корнилова. Такого факта Вы забыть не могли, как не могли забыть посылку к солдатам делегаций разными партиями и группами для отклонения готовившегося удара. Забыли Вы и то, что еще долго не только в России, но и в эмиграции долго шел об этом спор, долго обвиняли — *по-моему, совершенно неосновательно* — А.Ф. Керенского в «провокации», в «предательстве» и т.д. К сожалению, и по сей час этот вопрос остался темным, т.к. противники исходят из противоположных оснований: одни — из доверия к Кер[енско]му, другие — к Корнилову¹. — Как же Вы пишете об этом крупнейшем факте, как о чем-то неведомом.

2) Утверждение Ваше, что, когда на митинге Кер[енск]ий заявил, что *не найдется* партии, к[ото]рая захотела бы взять власть в свои руки, раздался голос (как Вы говорите, Ленина): «Найдется!». Это совершенно неверно. Я был на этом митинге, т.к. с волнением — и притом дружелюбным — ждал разъяснения Кер[енск]им этого факта.

Как сейчас слышу вступительные слова А[лександра] Ф[едоровича]: «Если в этом зале *найдется хоть один*, к[ото]рый может позволить себе отнестись с недоверием к м[оим] заявлениям, я говорить не стану». — Сказал и сделал паузу. Я в ужасе застыл от этой страшной ошибки: не рассчитал, что популярность шла уже на убыль и, — что еще важнее — в громадном собрании (это было в театре) всегда *может* найдется хоть один дерзкий. Так и случилось. — Раздался голос: «Найдется, найдется!» — голос, подхваченный еще 2–3 голосами. Я ждал, что Кер[енск]ий, сделав такой безумный вызов, обернется и удалится. К сожал[ению], он после этого выкрика *стал* продолжал свою речь, — но потухшую, к[ото]рую он не мог никак разжечь. Как же Вы пишете, что речь шла о том, — *кто возьмет власть*². Помню — какой мучительный период пришлось пережить даже мне, в революции не участвовавшему, как, впрочем, не участвовал в ней, кроме громадных масс, никто. Помню — как В.П. Носович (сенатор и об[ер]-прокурор), к которому я всегда относился тепло, сказал мне, в м[оём] доме: «Бедный Оск[ар] Ос[ипович]! Как мне Вас жалко (или другое в этом роде словечко), — ведь, скоро все пойдет обратно!» — и описал в воздухе полукруг³. Я почувствовал себя оскорбленным и ответил грибоедов[скими] словами: «Нельзя ли пожалеть о ком-н[ибудь] другом!»⁴.

3) О назначении д-ра Гавронского в Лондоне представителем Врем[енного] правит[ельств]ва говорил мне несколько лет т[ому] н[азад] в Лондоне же *сам д-р Гавронский*.

Я присидел в Лонд[оне] на одном неприятном процессе недели три — и отдыхал душою в свиданиях с Гавронским. Он возил меня по Лонд[ону] в своем автомобиле, закусывали мы скромно в небольших ресторанах. Дома у него, после одного—другого посещения, я перестал бывать⁵: меня мучало то унижительное положение, в которое ставила его — жена. Несмотря на все ее «чары» (жидовские чары!), она сразу стала мне противна — и я ее возненавидел за то, что она — пошлая жидовка — угнетает такого чудного человека⁶.

Думаю, что только его скромность, доброта и редкий такт не повели к тяжелому конфликту *между ним и* с Набоковым (?)⁷. Ребенку ясно — как и почему последовало это нелепое назначение: вероятно, пошлая куртизанка попросила своего *adorateur*'а⁸. Но больно эту тему развивать. *Угодно ли Вам, чтобы я запросил д-ра Гавронского!*

Вот, кажется, наше фактическое несогласие — и истина на м[оей] стороне.

4) О том, что «Совр[еменные] зап[иски]» расходятся в трехзначной цифре, я думал потому, что если они расходятся в числе четырехзначном, — то Вас следует бить: как же вы, господа, не умеете, при этих условиях, сводить концы с концами.

Что касается Вашего отзыва о моем «изобразительном мастерстве», о чем Вы мне много раз писали и даже так надписали свою книгу, то этот отзыв мне головы не вскружил, как не огорчает В[аше] желание меня уязвить теперь. Я знаю цену себе, равно как знаю ее — другим. Я бы мог ограничиться в этом отношении чеховской фразой: «отойди, любезный — от тебя курицей пахнет»⁹. Но вот что скажу серьезно, без полемики, и притом дружески: я никогда не рассказывал Вам этого, т.к. саморекомендация ни к чему не ведет. Но теперь скажу, — *не для распространения*. Вы, конечно, знаете, что лучшим знатоком русск[ого] яз[ыка] был (кажется, он умер?) академик Шахматов¹⁰. Когда был осужден проф. Бодуэн-де-Куртенэ¹¹ (не буду называть фамилии его защитника; он живет в Париже)¹², меня пригласили на совещание к Шахматову. Собрался там цвет профессуры. Обменялись мнениями — как помочь. В результате, все обратились ко мне с просьбою, чтобы я написал кассац[ионную] жалобу. Потом пошли завтракать: бедный Шахматов угостил нас котлетами, в которых было больше хлеба и лука, чем мяса. Я с болью думал: такой человек — гордость науки — питается, как чернорабочий. Слава Богу, что хоть квартира у него была прекрасная, в здании Академии наук, с окнами на Неву. Показался он мне суровым, малоразговорчивым и даже неприветливым. После этой единственной встречи я более его не видал. Окончил Юрий гимназию. Аттестат его был средний (4-ки, 2–3 пятерки и даже одна тройка). Перед отъездом на лето в Эссентуки с Розою Гавр[иловной] и детьми, я попросил В.Д. Набокова, ввиду того, что М[инист]ром нар[одного] просвещ[ения] был в то время гр. Игнатъев¹³, с котор[ым] Набок[ов] был дружен с детства, «на ты», чтоб он похлопотал и, если нужно будет, двинул бы Бодуэн-де-Куртенэ (читал санскрит и ~~был~~ имел звание академика). Недели через три-четыре после м[оего] отъезда с семьею, пришло от Набокова письмо: Игнатъев ничего не может сделать, т.к. приходится прибегнуть к *жеребьевке* аттестатов даже тех евреев, которые получили *круглую* пятерку. Я ответил Вл[адими]ру Дим[итриевичу]: «что ж делать, — устройте Юрия в Ярослав[ском] лицее». Еще через неделю получаю телегр[амму] от Бодуэн-де-Куртенэ, что Юрий *принят в С[анкт-]П[етер]б[ургский] ун[и]версите[т]*. Когда мы вернулись в С[анкт-]П[етер]бург, я спросил Вл[адимира] Дим[итриевича] — как это случилось. Набоков мне ответил: «написал о Вас Шахматов М[инист]ру, что Вы — не только знаменитый юрист, — но замечательный стилист, языку которого место в образцах русской литерат[урной] речи, и что такой человек имеет право на исключительное внимание».

Согласитесь, что мне неинтересно, что думают обо мне тот или иной редактор. Добавлю: я не решился не только заехать к Шах[матову], но даже написать ему: боялся, что нарвусь на суровую отповедь: за мнение, мол, не благодарят.

Затем, Вы знаете, что м[ои] 3 статьи в «Совр[еменных] зап[исках]» были перепечатаны не только *всєю* евр[ейскою] печатью Европы и Америки, но и русскими газ[етами]: «Сегодня»¹⁴, где в то время я не знал ни одного человека. Об этом

мне сказал париж[ский] типограф-еврей — и я, по наивности, написал Ганфману гневное письмо (мы были с ним в СПб. в далеких отношениях, — я третировал его, как мелкого газетчика с нищенским стилем). Перепечатаны были и в амер[иканской] русской газете коммунистич[еского] направления¹⁵. Об этом я узнал из письма Иоськи Гессена, который, поздравляя меня с литературным успехом, не успел ко[льнуть] преминул м[еня] кольнуть: одобряют меня даже большевики. Я ответил ему, что рад, что большевист[ская] газета не лишена вкуса. Будьте добры указать — какая другая из статей, напечатанных в «Совр[еменных] зап[исках]» была перепечатана целиком. Милый мой сомнительный друг! — Бросьте меня поучать: я, хотя и ослабел от горя, но не настолько, чтобы не видеть очевидности. Вот сегодня, проспав *без перерыва* свои 4 часа, чувствую желание выступить в Париже и показать Вам и Вам подобным, что «есть еще порох в пороховнице». Свистите Вы или аплодируете: все это лишнее! Прочтите обо мне статью Набокова в Энцикл[опедии] «Брокгауза», неизвестного — в «Большой совет[ской] энцикл[опедии]»¹⁶, спросите лиц, побывавших в России: во всех «Музеях революции» висит мой портрет. Несколько месяцев т[ому] н[азад] брат, чтобы развлечь и утешить меня, прислал появившуюся недавно перед тем в СССР открытку, где я изображен говорящим (по-видимому, с молодой м[оей] фотографии) и под нею приведены несколько строк из м[оей] речи. Утешает ли это меня? — По совести, нет! — Я на себе испытал правду слов Гете: «величайшие вершины кончаются... ничем». Если это верно в отнош[ении] величайших вершин, — то что же толковать обо мне грешном! Я знаю, что это может Вам дать повод позубоскалить: мания, мол, величия. — Нет, не это, а то самое, что заставило когда-то Бунина на *поганую* статейку о нем Познера-отца в «Посл[едних] нов[остях]» ответить так, что я задрожал от восторга: расшиб вдребезги евр[ейское] похоронное бюро (евр[ейское] потому, что Познер был служающим при Винавере)¹⁷. Бросьте выдавать мне аттестаты: «мой корабль сполна нагружен, — и балласт ему не нужен!» (Вы, конечно, не знаете, — кто написал эти строки)¹⁸. Будем друзьями, но не в литературной области.

4) Вы доходите до того, что предполагаете, что я сознательно опустил имя председ[ателя] Учред[ительного] собрания. — Увы! Тяжело признаться, но *это так* взаправду забыл! У меня не только поседел волосы, но и в памяти завелась сединка! Неужели я способен на такую нарочитую выходку? Кто же не помнит «селянского м[инист]ра»... Отзываюсь о нем непочтительно вовсе не за несколько часов его председательствования в Учред[ительном] собр[ании]. — Что же он мог там сделать! Отзываюсь о нем пренебрежительно, так как в Берл[ине] в связи с затеянным им литерат[урным] процессом он часто ко мне являлся вместе с милым юношею-армянином (Хандерьяном?). Так вот, тогда мне открылось — какой пошляк этот «селянский м[инист]р»¹⁹. Помнится, что в Риге, когда за обедом я как-то заговорил о нем и Русанове²⁰, Вы не оспаривали м[оего] мнения. Как редактор Вы отбиваете охоту у Вас писать своими великодержавными повадками; кроме того, Вы — ревнивец (Завадский²¹ написал нам — редакции «Зак[она] и с[уда]», — как Вы похерили его похвальную статью). Вы убедились, что я этому не придал значения (ничего не поделаешь: «эйн сойхер ин Москвэ»²²). Но Вы *самт* также убедились, что многие годы *своего* редакторства, где Вы затратили столько

сил, — породили лишь недругов. Не этим ли надо объяснить непозволительную в отнош[ении] Вас выходку Тимашева²³? — Бог с Вами, *от души* желаю Вам успеха и удач, — но человек Вы, как сами когда-то написали мне в Ригу, — «неуютный». С задором героев «Бурсы» Помяловского Вы всегда кричите: «дай бою, дай бою!» Неужели так приятно таскать друг друга за чуприну? Какая радость, что Бунину дано, наконец, то, что он давно заслужил! Но только Адамовичу на этот раз изменил его вкус в статье в «Посл[едних] нов[остях]»²⁴. Бунин, как и Толстой, убедительный художник, — но *стилист* он не из первоклассных. Вот, хотя бы сегодня, в «Конце»: удивительно по художественности, но утомительно по стилю: масса прилагательных, причастий и бедность — *в существительных*²⁵. У больших стилистов наоборот. Но зато какая прелесть заключительные строки: удивительный *лирик*, равный автору «Мадам Бовари»! — Да, эти 4 заключ[ительные] строки обрисовали наше эмигрантское небытие со страшной силою. Действ[ительно] конец нам, конец!..

Две просьбы: 1) рассорили ли Вы меня с Бунаковым, — да или нет? Ведь я своего письма ему не послал: опаматовался вовремя, — жаль доброго и на редкость благож[елатель]ного человека; 2) Купите для меня англ[ийский] рассказ с параллельным переводом по-русски или по-французски, или [по]-немецки; мне это нужно для Юрия. Пожалуйста! Деньги отошло.

Ну, всего хорошего! Не смейте на м[еня] сердиться. Привет Марье Абрамовне [Вишняк]. Роза Гавр[иловна] шлет Вам обоим наилучшие пожелания.

Ваш О. Грузенберг

25 нояб[ря]: Письмо не завалилось, а боялся его отправить: опять вскипите — и начнется потасовка! Все же посылаю его, т.к. надо исполнить обещанное. Подумайте: даже в частном письме, *лично к Вам* обращенном, Вы не позволяете искреннего отзыва об ошибках В[ашей] «организации», превратившейся неожиданно для себя самой (неожиданно — в отношении достижения) в парл[аментскую] партию. Не оттого ли Вы страшно нетерпимы? Кстати: почему, когда бранитесь, Вы *печатаете* свои письма: не для того ли, чтобы брань не показалась *непечатной*? — Конечно, Вы не бранитесь, — но поступаете гораздо хуже: говоря дружески, Вы нососуйствуете. Только что закончился один «инцидент»: когда Вы стали мне предлагать, чтобы я сократил вводную по В[ашему] мнению часть. Я отвечаю Вам: давать указание, что *размер* статьи не должен *быть* превышать столько-то страниц (букв) — *безусловное* право редактора, но поучать он может лишь тогда, когда его спрашивают. — Даже Толстой не позволял себе поучать начинающих писателей, если они его не спрашивали. Вы на это ответили, что Вы такие же указания в отношении присланного материала давали Маклакову и Бунину. Конечно, я Вам не поверил, т.к., зная Маклакова и постигнув, как *гордого* писателя, Бунина, уверен, что и тот, и другой за такое нососуйство шуганули бы Вас так, что Вы и внукам своим, к[ото]рых у Вас нет, заказали бы: «не суйся, когда тебя не спрашивают». Дружелюбие взяло у м[еня] верх — и я предал этот ничем не оправдываемый и неоправданный случай забвению, т.к. я помню Ваше дружеское внимание в последние мои приезды в Париж. Кончено — и слава Богу.

Прислал частями, вчерне В[ашему] другу, милому д[окто]ру²⁶, клочки статьи. ~~Потом~~ Писал неохотно, т.к., с одной стороны, переживал и переживаю *сознание*

ощущение, что все, что мы делаем за границей, никому не нужно, — а, с другой, припоминая посылавшиеся в разное время клочки-черновики, пришел к заключению, что будет трудно с корректурой, так как у меня получится «бисова теснота». В этом смысле я и написал милому д[окто]ру просьбу вернуть мне статью, **отказав** указал откровенно, что она напоминает студенческую комнатушку, куда набилось много гостей. Д[окто]р несколько замешкался с возвращением, — но потом прислал и, отвечая на содержавшееся в письме моем указание на то, что время теперь жуткое, что мир раскололся «на ся», вдруг указал, что «*наша правда*» не для теперешнего поколения и даже не для следующего, а для того, к[ото]рое за ним придет. Меня удивила такая слепота... Вам, как другу, написал про это, указав, что вечность никому не дана, что с.-р.'ы сыграли свою роль в русской истории: в *февр[алье]* они, выполнив свое назначение, перестали быть революционерами, а в октябре — социалистами. С Вашей стороны пошла пальба из всех орудий. Что ж, это было, хотя и ненужно, но понятно, — ненужно потому, что, как говорится в «Мещанах»: «Не кричи, старик, криком делу не пособишь»²⁷. Но вот что было действит[ельно] нехорошо: о статье, к[ото]рую я забрал, опять советы и поучения... Вы — какой-то рецидивист, и притом безнадежный. Ну да все это уже позади! — Не стоит возвращаться. Нельзя понять: какая связь между н[ашей] политической полемикой и наскоком на *забранную* mea sponte²⁸ — статью. Помните словечко Щедрина о самом себе: «разгонник женский»²⁹. Вот Вы оказались «разгонником» журнальным. Так было со статьей о Короленке (а потом: «ах, ах, — кто ж его знал, а я думал, что речь идет о рецензии!»), так и теперь. Я решил было поставить крест на нашей дружбе: не задалась она, что ж тут гальванизировать труп. Но присылка Вами прекрасной работы о «Меньшинствах»³⁰ с сердечной надписью вызвала во мне былое чувство. — «Хороший М[арк] В[ениаминович] человек, но прирожденный деспот и изувер; умен он бесспорно, но ум какой-то странный; неужели он почувствовал бы удовлетворение, если бы я написал ему: а знаете, роль с.-р.'ов в февр[альской] революции была другая, я ошибся, — с.-р.'ство не только не скончалось, а молодо, как безусый юнкер».

Еще вот что, притом важное. — Вчера получил от г-жи Ананьиной отвратительное письмо³¹, из которого видно, что она злая дура, — да еще похвалится этим, — вероятно, для того, чтобы кольнуть меня, хотя скорее для того, чтобы, зная м[ое] отношение к Вам, обскакать В[аше] сообщение. Пишет, что изругала Вас, и притом как подло! Я рад, что какое-то подсознательное чувство подсказало мне, что Вашего отзыва о статье Ананьина сообщать не следует, — а надо ограничиться лишь словами: «к сожал[ению], статья В[аша] мне возвращена, как неподходящая». — И только. Так я и поступил. Зачем навлекать на Вас odium³² больного и озлобленного нуждою человека? — И, тем не менее, эта негодяйка позволила себе подлую против Вас и всей редакции выходку. Охота Вам было с нею объясняться! — «Редакция нашла статью неподходящей». Меня эта подлая выходка так возмутила, что я вчера написал ей отповедь, объяснив этой злобной дуре — на каких людей она смеет посягать. Потом спохватился: не унижаю ли я Вас, Авксентьева и Бунакова своей защитой. Бросил — и решил так: просто отослать ей рукопись, а *мужу* ее написать короткое письмо, в котором указать, что, ввиду возмутительной грубости его супруги в отношении людей, которых я не только уважаю, но и

люблю, письмо Ананьиной пересылаю Павлу Никол[аеви]чу [Милюкову], т.к. боюсь, что и он может подвергнуться такой же наглой выходке. Делаю это потому, что Павел Никол[аевич] — еще до поездки в Прагу — на м[ою] просьбу об Ананьиной ответил, по н[ашей] старой дружбе, обещанием похлопотать в париж[ском] «Союзе писателей», где он состоит председ[ателе]м, и поместить, если статья подойдет, в «Посл[едних] нов[остях]»³³. Ею она пока не бранит, — но, как только он ей откажет, и он подвергнется грубой брани. Я прошу его дать Ан[аньи]ну пособие, но не пускать его в газету, а супруги его не принимать. Конечно, нужда нуждою, но злобная наглость не может и не должна быть поощряема. Мне больно, если ее грубые слова Вас огорчили.

Сердечный привет Марье Абрамовне [Вишняк] и товарищам по редакции. Роза Гавр[иловна] шлет Вам привет. Искренне Вам преданный

О. Грузенберг

Чуть не забыл. — Прав оказался я: Вы прислали для «Зак[она] и с[уда]» печатный оттиск В[ашей] статьи «Демократия и суд». Перекладывая полученную из Риги ~~мою~~ библиотеку, я нашел этот оттиск. Я ошибся, как вижу, в своем предположении, что она была у нас напечатана: будь так, оттиск не уцелел бы, — в типографии его бы разодрали. Смутно вспоминаю, что остальные члены редакции (тогда еще был Минц) возражали, что н[аши] читатели могут возмутиться: угощают, де, напечатанными в других журналах статьями. Припоминаю, что я в раздражении заметил: «не клеветайте на юристов, — они никогда ничего не читают».

Вот, видите, сколько приходится тратить времени на письма.

О.Г.

P.S. «Совр[еменные] зап[иски]» еще не видел. Если это не «возмездие», — то Вы правильно поступили, не прислав мне: «нетрудящийся, — да не ест».

~~Вышлите мне книжку с *наложенным* платежом непременно.~~

Письма своего не перечитываю. Думаю, что, если бы Шахматов его прочел, то взял бы обратно свой отзыв о м[оём] стиле.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ См. примеч. 6 к п. 86.

² Грузенберг совершает здесь двойную ошибку: во-первых, он по забывчивости путает время, перенося события, произошедшие на I Всероссийском съезде советов в июне 1917 г., на август, когда Ленин перешел на нелегальное положение и, разумеется, не мог присутствовать на массовых собраниях и митингах, а во-вторых, приписывает слова меньшевика И.Г. Церетели А.Ф. Керенскому. В действительности же на фразу Церетели — «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место» — прозвучала знаменитая реплика Ленина: «Есть такая партия!».

³ Носович Владимир Павлович (1864–1936), юрист, государственный деятель. Окончил Петербургский университет (1887). В первые годы своей карьеры секретарь В.Ф. Дейтриха, прокурора Петербургского окружного суда, впоследствии товарищ прокурора. В 1915–1917 гг. — прокурор Московской судебной палаты. В 1918–1919 гг. — начальник управления внутренних дел в правительстве А.И. Деникина. Умер в эмиграции; его некролог см.: *Треуголов С. В.П. Носович // Закон и суд. 1936. № 8 (68). Стлб. 3365–3368.*

⁴ Реплика Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (действие 2).

⁵ Я.О. Гавровский прожил по адресу: 7, Cambridge Terrace, Regent's Park (благодарим А. Рогачевского за сообщение этих сведений).

⁶ Речь идет о Мэри Евсеевне (урожд. Калмановская; 1890–1955), второй жене Якова Осиповича Гавронского.

⁷ См. примеч. 3 к п. 89.

⁸ См. примеч. 4 к п. 77. Согласно распространенным слухам, М.Е. Гавронская якобы была любовницей А.Ф. Керенского (который в данном случае и выступает в роли *adulateur*). Эти слухи в особенности активно муссировались в антисемитской печати. См., например, в книге печально известного Г. Бостунича «Масонство и русская революция: (Правда мистическая и правда реальная)»: «Тогда [в 1905 г.] д-ра Я.О. Гавронского прочили открыто в русские цари. Вторую революцию Я.О. Гавронский делал из Лондона (о, Бьюкенен!), спрятавшись за спину Керенского, платя ему и во всем руководя им. Жена Гавронского – любовница Керенского» (Новый Сад, 1922. С. 125).

⁹ Реплика Гаева, адресованная лакею Яше («Вишневы сад, действие 1).

¹⁰ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), филолог и историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусских летописей и литературы.

¹¹ Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (или Ян Нецислав Игнаций Бодуэн де Куртенэ, 1845–1929), польский и русский лингвист. За свою политическую деятельность (выступал за культурную самостоятельность Польши и равноправие польского языка с русским) преследовался русским правительством. Написанная им в 1907 г. и изданная в 1913 г. брошюра «Национальный и территориальный признак в автономии» стала предметом судебного разбирательства: ученый был признан виновным по 129 ст. за призыв к бунту и осужден на 2 года заключения. Повторное разбирательство, состоявшееся 29 мая 1914 г., к облегчению его участи не привело; см.: *Ким Л.* Дело проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ // Речь. 1914. 30 мая (12 июня). № 144. С. 4.

¹² И. Бодуэна де Куртенэ защищал известный адвокат, депутат III Государственной думы Александр Фомич Бобянский (Бабянский; 1853–1931), которого ко времени этого письма уже не было в живых.

¹³ Игнатьев Павел Николаевич, граф (1870–1945), государственный деятель, в 1915–1916 гг. министр народного просвещения.

¹⁴ В двух номерах «Сегодня» за 1925 г. от 5 июля (№ 145. С. 4–5) и 9 июля (№ 148. С. 4), под названием «Как полковника Мясоедова осудили за шпионаж», были перепечатаны воспоминания Грузенберга «Бред войны» (СЗ. 1925. № 24. С. 268–284).

¹⁵ По всей видимости, имеется в виду нью-йоркская газета «Русский голос», в которой перепечатки статей Грузенберга не выявлены.

¹⁶ См. примеч. 2 к п. 49.

¹⁷ Речь идет о статье С.В. Познера «Пастыри и молодежь», которая явилась реакцией на речь И.А. Бунина, открывшую вечер «Миссия русской эмиграции», состоявшийся 16 февраля 1924 г. в Париже в *Salle de Géographie*. В этой статье Познер писал: «В нашей газете уже было указано, что совместное выступление г. Карташева с гг. Мережковским, Бунинным и Шмелевым было то же, что кислота для фотографической пластинки: оно выявило их внутренний смысл (см. передовую “Голоса из гроба” в ном[ере] от 20 февр[аля]). Не будем касаться политического содержания их заявлений, ограничимся их непосредственной темой – религиозной». И далее шел фрагмент, трактующий писательскую манеру Бунина: «И.А. Бунин посетил на своем веку много святых мест, они отпечатались в его прекрасных стихотворениях. Но он осматривал святыни и зарисовывал их как эстет-художник. Душой в них не вложился, струи священного трепета не истекают из его описаний. Большие мастера театральные подмостков всегда строго блюдут правило: в самых патетических местах пьесы только исполнять роль, не перевоплощаться целиком в изображаемое лицо. Так и г. Бунин: он всегда только изображает – красочно, метко, – но сам стоит в стороне. Такая раздвоенность менее всего уместна при выполнении наставнических функций. Плох тот пастырь, что души своей не отдает пастве» (ПН. 1924. 14 марта. № 1194. С. 2). По мнению Бунина, в отчете о вечере, напечатанном в ПН (*Р.С. [Калишевич Н.В.] Вечер страшных слов // ПН. 1924. 20 февр. № 1174. С. 2*), выступления участников (А.В. Карташев,

И.С. Шмелев, Г. Спасский, Д.С. Мережковский, И.И. Манухин, И.Я. Савич и Н.К. Кульман), включая его собственное, были искажены. Передовая статья «Голоса из гроба», принадлежавшая редактору ПН П.Н. Милокову и появившаяся в том же номере, дала зеленый свет нападкам на бунинскую речь, среди которых была и статья Познера. В постскрипуме печатного варианта речи Бунина, опубликованной в «Руле» (1924. 3 апр. № 1013. С. 5–6), говорилось: «до неправдоподобности странная передовая статья положила прочное основание легенды о кровожадных и вместе с тем пророчески призывающих “к божественному существованию” мертвецов, которыми будто бы оказались мы [эмигранты]. За ней, за этой статьей, последовало еще немалое количество подобных же строк (даже статей — “Пастыри и молодежь”, “Апостольство или недоразумение” [С.Л. Полякова-Литовцева — ПН. 1924. 21 февр. № 1175. С. 3], “Религия и аполитизм” [З.Н. Гишпиус — ПН. 1924. 19 марта. № 1198. С. 2] и т.д.), нашедших отклик в Праге и даже в Москве». 5 апреля 1924 г. диспут на тему «Миссия русской эмиграции» был продолжен: Бунин и его единомышленники постарались отвести ту критическую реакцию, которую вызвала в печати первая встреча. После этого последовала новая волна критики — среди других вновь выступил С.В. Познер со статьей «Вечер самооправданий и демагогии» (ПН. 1924. 8 апр. № 1215. С. 2; подп. С.П.). Т.о., слова Грузенберга о том, что Бунин «расшиб вдребезги евр[ейское] похоронное бюро» в совершенно произвольной форме трактуют этот эпизод.

¹⁸ Эти строки принадлежат Н.Ф. Плевако, который на стихотворную записку одного из своих коллег-адвокатов — «Фемиды пламенный авгур, / Неутомимый балагур, / Он к славе ищет путь двойко, / Таков наш адвокат Плевако» — ответил экспромтом: «По заслугам или даром, / Но давно уж сим товаром / Мой корабль сполна нагружен / И балласт ему не нужен» (цит. по: http://www.bankrabort.com/part2/work_66692.html).

¹⁹ Речь идет о В.М. Чернове, см. примеч. 4 к п. 89 и 5 к п. 100.

²⁰ Русанов Николай Сергеевич (1859–1939), деятель российского революционного движения, публицист, один из идеологов народничества, примыкал к партии эсеров.

²¹ См. примеч. 2 к п. 45.

²² нет торговца в Москве (идиш).

²³ См. примеч. 2 к п. 72.

²⁴ Речь о заметке Адамовича по поводу присуждения Бунину Нобелевской премии (действительно написанной наскоро). Ср.: «Теперь во всем мире Бунина начнут усиленно читать. Он сам человек смелый, решительный, глубоко “мажорный”, так сказать. Он, наверное, смотрит на свой выход в открытое мировое море со спокойной уверенностью. Но со стороны — страшновато, как, признаюсь мимоходом, мне всегда становится страшно, когда иностранец раскрывает Пушкина. “Гордый взор иноплеменный” “не поймет”, “не заметит”... Да и как ему понять то, что понимаем мы? Он, может быть, в тысячу раз пронзительнее, но мы глядим сквозь Россию, а он — мимо. В Пушкине без России почти ничего не понять, как бы патетически и вдохновенно ни ораторствовал Достоевский насчет его мнимой всемирности. В Бунине тоже. Самый язык его труднопереводим. Как у Пушкина, он держится не столько на образах, сколько на безошибочной расстановке слов, на распределении тяжести в каждом слове, и на игре ударений. А этого ни один переводчик не переведет. Но “будем надеяться”, как принято выражаться в приветствиях. Будем и вправду надеяться, что великий бунинский дар все-таки возьмет свое, пробьется через все препятствия, — и будет оценен во всей своей мощи и прелести» (*Адамович Г.* 9-го ноября // ПН. 1933. 16 нояб. № 4621. С. 3).

²⁵ Речь идет о рассказе Бунина «Конец» (ПН. 1933. 19 нояб. № 4624. С. 2–3).

²⁶ Имеется в виду В.В. Руднев.

²⁷ По всей видимости, Грузенбергу врезалась в память реплика Тетерева, обращенная к Бессеменову в финале горьковских «Мещан»: «Не кричи, старик! Всего, что на тебя идет, ты не разгонишь... И — не беспокойся... Твой сын воротится...».

²⁸ по собственной воле (лат.).

²⁹ По семейному преданию Салтыковых, незадолго перед рождением будущего писателя в 1826 г. в их дом попал уличский мещанин Дмитрий Михайлович Курбатов, о кото-

ром рассказано в «Пошехонской старине», где он выведен под фамилией Бархатова. На вопрос Ольги Михайловны, кого она родит, сына или дочь, Курбатов отвечал: «Петушок, петушок, востер ноготок! Многих супостатов покорит и будет женским разгонником». Родившегося мальчика назвали Михаилом — в честь Михаила-архангела, а Курбатов стал крестным отцом.

³⁰ См. примеч. 1 к п. 91.

³¹ Ананьина Иветта, жена Е.А. Ананьина (Чарского). См. образец эпистолярного стиля Ананьиной в примеч. 1 к п. 93.

³² вражда, ненависть (лат.).

³³ См. примеч. 8 к п. 76.

93. Грузенберг — Вишняку

Nice. 1 декабря 1933 г.

1 дек. 1933 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

вот уже 4 дня, как мне приходится переживать неприятное состояние, в связи с письмом ко мне Ананьиной. Боясь, очевидно, что я узнаю об ее наглости от Вас, она поспешила забежать [вперед] с изложением тех грубостей, которые она Вам наговорила. Я написал ей, что больше не желаю знать ни ее, ни мужа ее. Оскорбив Вас, она оскорбила и меня, т[ак] как Вы и члены редакции пользуются не только моим глубоким уважением, но и любовью. Вместе с тем, ввиду ее подлого заявления «о проживании на обществ[енный] счет», я указал ей фактически — как подло она клеветает. Я не скрыл от нее, что пишу немедленно П.Н. Милюкову о происшедшем и предостерегаю его от каких бы то ни было сношений с нею.

Ананьина я видел за все время м[оего] пребывания в Ницце (т.е., за 2, без малого, года) лишь дважды, когда он явился ко мне со своей женою. Последнюю я встречал до того и после того лишь на улице, когда она навязывала мне билеты на лекции.

Мне больно потому, что я переслал Вам статью А[наньи]на. Кто же мог знать, что Вы вступите с его женою в какие бы то ни было объяснения по поводу неприятности этой статьи. Я рад, что, получив обратно статью Ан[аньи]на и письмо, ее касающееся, не привел в письме к Ан[аньи]ну мотивов, а ограничился лишь указанием, что она найдена неподходящей для журнала. Ведь ясно: чем дальше в лес, тем больше дров. И охота касаться с неведомой особою в обсуждение возвращенной статьи. Конечно, тут сказалась В[аша] доверчивость и убеждение, что все надо мотивировать. Ничего не поделаешь: я утешаю себя тем, что Вы, вероятно, волнуетесь по этому поводу гораздо менее, нежели я¹.

Сейчас, просматривая «Посл[едние] нов[ости]» от 30 нояб[ря], прочел, что с нового года начинает выходить новый журнал, притом *ежемесячный*, под редакцией Адамовича и Кантора (?)². Как грустно, что люди ищут разъединения вместо того, чтобы объединиться. Существует почтенный журнал, бившийся с достоинством и честью 11 лет, затративший громадные силы и, вероятно, немалые средства, чтобы приучить русскую эмиграцию к чтению «толстых» книг — и вдруг конкуренция! Конечно, Ваши трудности еще более увеличатся. От души желаю

Вам успеха. Что же касается лично Вас, то повторяю свой дружеский [совет]: добейтесь через Миркина-Гецевича (у него колоссальные связи в мире науки) кафедры, хотя бы в небольшом европ[ейском] ун[иверсите]те. Университетское образова[ние] преподавание — Ваш настоящий путь, на котором — надеюсь — преуспеете. Все же остальное случайно, непрочно, — между тем, силы, хотя запас их велик, с каждым годом слабеют. Напишите мне, — в чем причина, что в описании чествования Бунина ни разу не упомянута В[аша] редакция. Между тем, все, что составило его славу, появлялось в «Совр[еменных] з[аписках]». — В чем дело?

Ваш О. Грузенберг

Привет Марье Абрамовне [Вишняк] и коллегам по редакции.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ В архиве Вишняка отложились два письма Ананьиных, связанные с неприятием статьи Е.А. Ананьина редакцией СЗ (Lilly Library. Vishniak papers. F. 7). В письме И. Ананьиной к Вишняку от 18 декабря 1933 г. сообщается: «Многоуваж[аемый] Марк Веньяминович, мой муж послал мне для Вас письмо, кот[орое] собственно относится ко всей редакции “Совр[еменных] записок”, ибо Вы сказали, что все четверо его статью видели... Я была очень больна, поэтому письма не передала. Но теперь я сняла копию на машинке с его письма. Если не сейчас, то весной во всяком случае статью его напечатаю я вместе с письмом и разошлю даром... Найдется кто-нибудь из читателей, кто оплатит расходы. В Америке, в Лондоне, везде есть русские... Напрасно мой муж пишет не для “протеста”. — Вас мало трогает то, чего никто не знает. Вы способны другого закопать живым... Очень похвально защищать отечески интересы *своего круга* сотрудников, но все же еще похвальнее было бы если б Вы поместили и уступили бы несколько страниц и заодно уже несколько сот франков и другому... “Совр[еменные] записки” ведь не ваш партийный орган, раз вы печатаете сотрудников “Возрождения”. Вы даже печатали... П. М[уратов], который в Sorrento (где мы тоже были) не выходил из дома Горького. И прежде чем осесть в “Возрождении” имел *визу* в Сов[етскую] Россию (М[уратов] говорил, что только *туда* нужно *ехать*, что здесь литератору — смерть: никто не протянет руку. Хотя для него Вы все старались а *qui mieux mieux* [в перегонки (фр.)], пока он сам спину Вам не повернул. Примите уверение в соверш[енном] уважении. Иветта Ананьина. 39, rue Le Marois ([Paris,] 16^e). Приведем и письмо самого Е.А. Ананьина: «Catania, 28—XI—33. Многоуважаемый Марк Веньяминович, Вы возвратили мою статью Оск. О. Грузенбергу (кот[орый] отозвался о ней в письме ко мне в крайне лестных выражениях), мотивируя Ваш отказ ее поместить тем, что она “слишком учена” и “слишком длинна”. Мотивация довольно неожиданная, и, признаюсь, мне трудно принять ее “всерьез”. Я являюсь читателем Ваш[его] журнала и знаю, что в нем помещаются нередко статьи и “очень длинные” и “очень ученые”. Ведь “С[овременные] зап[иски]” не являются, если не ошибаюсь, органом для “малограмотных” и для “недочитывающих”... Ученая? Но у Вас, чтобы не далеко ходить за примерами, бывали помещаемы статьи, напр., Л. Шестова, испещренные философск[ими] цитатами и вряд ли более доступные “средн[ему] читателю”, нежели мое скромное произведение. Да и Степун не прочь пощеголять “ученостью”. Я уже не говорю о моем приятеле С.И. Гессене, ученость которого не искупается уже ничем решительно... Длинная? Моя статья, во вс[яком] случ[ае], не длиннее, а скорее короче очень многих, как Вы сами, конечно, знаете. У Вас был, конечно, гораздо более благоприятный предлог для ее непомещения. Вы попросту могли сказать, что моя ст[атья] не подходит по *направлению* к В[ашему] журналу. Правда, и этот “отвод” не особенно соответствует действительности, ибо — согласитесь сами — крайне трудно говорить о к[аком] б[ы] то ни было “направлении” “С[овременных] запис[ок]”, кот[орые] помещали статьи и Бердяева и Степуна и мн[огих] друг[их], от кот[орых] — если не ошибаюсь — Вы *сами* должны

были литературно “отмахиваться” (как это нередко констатировалось в рус[ской] печати). Наконец, у Вас же была помещена ст[атья] П. Бицилли о “фашизме” [имеется в виду: *Бицилли П.М. Фашизм и душа Италии // СЗ. 1927. № 33. С. 313–336*], вряд ли соответств[ую]щая Вашей точке зрения. И несмотря на то, что это была крайне *странная* попытка выяснить, что такое фашизм на основ[ании] речей его деятелей (т.е. то же, что судить о Фр[анцузской] рев[олюции] по речам Робеспьера и статьям Марата!) и вывести его вдобавок из... поэзии Вергилия. – Когда же я сделал попытку показать действительный генезис фашистской *идеологии*, связав ее с идеологией ит[альянского] Risorgimento [Рисорджименто, Обновления], – и дать хоть сколько-ниб[удь] ясное представление об явлении, о кот[ором] много говорят, но кот[орое] мало знают – это оказывается ненужным. Трафареты проще, слов нет, и не так “длинные” и не так “учены”. Собственно говоря, Вы могли возвратить статью вообще без всякой мотивации. Это было бы проще, да и с некот[орых] пор вошло в обиход “демократически-эмигрантских нравов”. – Я пишу это лишь для того, чтоб подчеркнуть неосновательность Ваш[ей] аргументации, а не чтоб “протестовать” против “непомещения” статьи. Это было бы слишком наивно с моей стороны! Мы, ведь, не в Сов[етской] России с ее “монополией печати”, доступной лишь “избранным”! С совершенным почтением, Евг. Ананьин (Чарский)».

² Имеется в виду помещенная в ПН (1933. 30 нояб. № 4635. С. 3) информация следующего содержания: «Новый журнал. С 1-го января будущего года будет выходить в Париже новый ежемесячный журнал “Встречи” под редакцией Г.В. Адамовича и М.Л. Кантора. Кроме обширного литературного отдела, в журнале будут помещаться статьи и заметки по вопросам искусства, науки и общественной жизни».

94. Грузенберг – Вишняку Nice. 12 декабря 1933 г.

12 декабря 1933 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre, Nice

Дорогой Марк Соломонович [так!],
вижу по В[ашему] письму, что Вам хотелось бы отправиться в лекционную поездку. Будь я в Риге, это нетрудно бы осуществить, несмотря на кризис. Однако попытаюсь это сделать заочно, если я не ошибаюсь в определении В[ашего] настроения.

К сожалению, о вознаграждении, к[ото]рое удалось достигнуть в прошлый раз, не может быть речи: без меня не достигнуть его. Однако и заочно я мог бы кой-чего достигнуть, если Вы удовлетворитесь вознаграждением, к[ото]рое получал от Русск[ого] общ[ества] пок[ойный] А.А. Кизеветтер. Не помню точно суммы, – но Вы, вероятно, помните. Думаю, что этих денег хватит лишь на проезд и пропитание, – едва ли что привезете домой. Если найдете, что ехать стоит (очевидно, у Вас большая тяга к этому рода выступлениям), – то напишите мне: я сделаю все, что в моих силах. Судя по тому, что Вы готовы были поехать для прочтения нескольких лекций даже в Иерусалим, – поездка в лимитрофы представляется более выгодной, хотя бы потому, что она займет меньше времени. Итак, обдумайте хорошенько, – стоит ли отрываться на долгое время от Парижа только для того, чтобы вернуться домой с пустыми карманами. Сообщите – как решите этот вопрос. Сделаю все, что будет в м[оих] силах, при отдаленности расстояния Ницца – Рига.

Что касается *ежемесячника «Встречи»*, — то, как ни мал его объем, он, конечно, — конкурент¹. При крайне понизившихся интеллектуальных требованиях русской эмиграции, тонкий журнал имеет больше шансов на успех, нежели толстый. Я, кажется, говорил (или писал) Вам, что здешняя библиотека покупала 2 экз[емпляра] «Совр[еменных] зап[исок]». — Ясно, что был спрос. Теперь эта же библиотека приобретает (или выписывает) один экзemp[ляр]. Когда, не получив «Совр[еменные] зап[иски]», я недавно спросил кн[ижку] в библ[иотеке], — то сразу получил его. Ясно, что нет интереса к толстым книгам; впрочем, возможно, что неприятно читать незаконченные романы, продолжение которых следует лишь через 3—4 мес[яца].

Вы не ответили мне на вопрос об Илье Исидоровиче [Фондаминском]: поссорили ли Вы меня с Ильей Исид[оровичем]? — Спрашиваю Вас по той причине, что известного Вам письма я, пораздумав, не послал. Значит, если Вы не въехали дышлом в посудную лавку, моя посуда уцелела. — *Да или нет?* — Не могу же я ставить ни его, ни себя в неловкое положение, если приглашу его к себе или заеду к нему.

Прилагаю написанное ок[оло] месяца т[ому] н[азад] письмо в ответ на Ваше (написанное ранее — разорвал, как резкое). Приходится переслать Вам уцелевшее, чтобы не оставить без ответа капризов В[ашей] памяти. У меня когда-то была неплохая память, — но куда же ей до Вашей: Вы помните даже то, чего не было.

Уговор: не смей сердиться, если не понравится в прилагаемом письме то или иное выражение. — Не цепляйтесь за него, а цепляйтесь за нашу дружбу: все мы страшно один[оки.]

Всего хорошего Вам и уважаемой Марье Абрамовне [Вишняк]. Привет В[ашим] товарищам по редакции.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Ежемесячный литературный и общественно-политический журнал «Встречи» просуществовал всего полгода: с января по июнь 1934 г. (вышло 6 номеров).

95. Вишняк — Грузенбергу

Paris. 17 декабря 1933 г.

17.XII.1933 г.

Дорогой Оскар Осипович!

Письмо Ваше, полное оскорблений и колкостей, получил. Благодарить за него не приходится. Мне случалось получать и не такие письма, но, как правило, не от друзей. Я бы и вовсе не отозвался на Ваше письмо, если бы не одно специальное Ваше оскорбительное предположение.

Ссорить Вас с кем бы то ни было и, в частности, с И.И. [Фондаминским] никак не могло и не может войти в мои намерения. И я, конечно, не только не передавал ему всех Ваших поношений, но и вообще ни слова не говорил ему о Ва-

ших к нему добрых или недобрых чувствах. Я вообще не занимаюсь тем, что Вы мне по дружбе приписываете...

Я ни в какой мере не склонен с Вами ссориться. Но получать — безответно — необоснованные и несправедливые попреки за мнимые гнусности я тоже не хочу. И Господа Саваофа я отнюдь не во всех его деяниях приемлю. А подставлять вторую щеку я и вовсе не расположен ни недругам, ни друзьям.

С пожеланием всего доброго

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

96. Грузенберг — Вишняку

Nice. 19 декабря 1933 г.

19 дек. 1933 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Марк Вениаминович,

Ваше гневное письмо получил сегодня, как всегда, с вечерней почтой, — но моего, и без того плохого, сна оно не испортит. Причина ясна: я знаю, что Вы — горячка, драчун, любящий наносить удары, но совершенно не умеющий принять их со спокойствием. Зная это, я отношусь спокойно к В[ашим] резкостям и никогда на них не сержусь, хотя старше Вас годами и работою, вероятно, лет на двадцать.

Обращаясь к м[оему] письму, так Вас разобидевшему, я не помню в нем, кроме шуточных литературных цитат, ничего, что противоречило бы нашей крепкой дружбе.

Я уверен, что, если Вы покажете м[ое] письмо Марье Абрамовне [Вишняк], — покажете не со свирепым видом, а с веселой улыбкой: «смотри, как Оск[ар] Ос[ипович] меня разнес; кажется, на этот раз он хватил через край — пожалуй, даже обидно», она Вам ответит: «не цепляйся за пустяки, — не заводи 1001-ю ссору».

Если же Вы, при этом, расскажете ей, что на просьбу вернуть статью, т.к. *помимо общих причин, я ею недоволен*, — Вы ~~на это искреннее заявление~~ ответили поучением Владимира Мономаха, — то она промолвит: «я тебе много раз говорила, что у тебя несносный характ[ер] и что, если с тобою не развожусь, — то только по той причине, что мы оба захлопчены более серьезными делами; на месте Оск[ара] Ос[иповича] я бы тебя за твой ничем не вызванный наскок еще бы не так изругала».

Ни минуты не сомневаюсь, что ответ будет именно в этом роде.

Мой шуточный вопрос, — не «*поссорили*» ли Вы м[еня] с Ильей Ис. [Фондаминским], и тот Вы повернули, как *laesio majestatis*!.. Бог Вас знает: сами сыплете удары направо и налево, а когда получаете самую ничтожную царапину, впадаете в гнев необуянный. Что касается квалификации Вами м[оего] письма к Илье Ис[идоровичу], — то «*поношения*» в нем нет: оно или не соответствует истине (ряжение в кандалы и бушлат), — тогда представляет собою *клевету*; если же соответствует, — то... Убедившись из В[ашего] ответа, что Вас этот факт не возмущает, я мог

объяснить В[ашу] терпимость лишь тем, что Вы относитесь к И[лье] И[сидоровичу], как к ребенку. — Вне этого нет объяснения. Вы можете быть терпимы и к тому, что он ходит на собрания молодой сволочи, якшается с нею, хотя он не вправе это делать не только как с.-р., но и как *член редакции* «Совр[еменных] зап[исок]», — но Вы не должны квалифицировать негодование менее терпимых людей как «*поношение*».

Вообще, я заметил, когда Вы впадаете во гнев, то Вам изменяет даже прекрасное знание русской речи. Позвольте мне указать, что Ваша фраза — «подставлять же *вторую* щеку» и т.д., — возбуждает во мне дружескую тревогу. — Ума не приложу: откуда у Вас *третья* щека; — не хотите ли Вы сказать этим, что у Вас флюс? Иначе бы Вы написали: «*другую* щеку».

Что же касается выражения «безответно(?)-необоснованные», — то я его просто не понимаю, и притом искренне: я не хочу быть «ответно-обоснованным». Ну вот, при В[ашем] драчливом настроении Вы, пожалуй, в м[оей] шутке найдете новый *casus belli*². — Не надо, милый! От души желаю Вам побольше таких «врагов», как я.

Вы, увлекшись пустяками, не ответили на м[ой] запрос: хотите ли поехать с докладами в Латвию? — Мне это надо знать, чтобы списаться с М.И. Ганфманом. — Без поддержки газ[еты] «Сегодня» ехать не стоит. Пишу ему сегодня же (все равно на счет сна у меня по-прежнему плохо). Ждать В[ашего] ответа не стану: с этим надо торопиться, — иначе пройдет время. Будьте спокойны: я напишу Максиму Ипп[олитовичу] о «поездке», как о *моей* затее, на Ваше обсуждение еще не представленной.

Передайте м[ой] поклон Илье Ис[идоровичу] (если он Вам люб, — то мне паки и паки: кроме милого отношения, я с его стороны никогда ничего другого не встречал).

Сердечный привет Марье Абрамовне и Амалии Осиповне [Фондаминской]. — Невежа, Вы так разгневались, что не написали даже привета Розе Гавр[иловне]! Верно я про Вас написал, что Вы от Господа Бога — «разгонник».

Крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

Затем, вот еще что: Вам присущ сарказм, но чувства юмора Вы совершенно лишены. Иначе, откуда у Вас «бульонное» кипячение: «вскипел бульон, — потек во храм»³.

А насчет фактов (речь Кер[енского], д-р Гавр[онский], В[ашей] статьи) правото оказался я. Ни гу-гу?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ *laesio* (или *laesa*) *maiestatis* — оскорбление величия (лат.).

² См. примеч. 1 к п. 89.

³ Согласно распространенному историко-литературному анекдоту, считается, что эти строчки восходят к неудачному переводу С.Е. Раичем (1828) поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (речь идет о герцоге Бульонском, одном из предводителей первого крестового похода), хотя сам переводчик категорически это отрицал. Перевод приписывался также А.Ф. Мерзлякову (В.Г. Белинский, А.И. Герцен).

97. Вишняк — Грузенбергу

Paris. 24 декабря 1933 г.

24.XII.1933

Дорогой Оскар Осипович!

Сердиться не перестал. Я умею ценить шутку и высоко ставлю остроумие. Но заглаживать обиду не может никакое остроумие. Не хочу на эту тему ни полемизировать с Вами, ни развивать подробнее своих соображений.

Не думаю, чтобы для Вас так уже был важен фактический состав: был ли Гавронский послом в Лондоне и «осаждал» ли Корнилов Петербург. — Это факты объективные, и устанавливаемые не тем, что о них говорят, а тем, как они произошли. Так, повторяю, — не только Гавронский не был послом Врем[енного] правительства в Лондоне, но и вообще в Лондон Врем[енное] правительство посла не успело назначить. Як. Осип. [Гавронский], может быть, для шутки именовал себя «послом». Но серьезно говорить — или спорить — об этом не приходится. — То же и об «осаде». Корнилову было так же далеко до осады Петербурга, как Деникину до взятия Москвы... Только в первые часы после движения «дикой» дивизии на Петербург могло казаться, что движение серьезно. Об «осаде» в данном случае можно говорить лишь с очень далеким приближением к действительности.

Очень Вам признателен за заботливость обо мне. Но в Ригу вторично ехать без того, чтобы поездка дала некоторый заработок, не имеет, конечно, никакого смысла. Ригу сравнивать с Иерусалимом нельзя тем более, что Ригу я уже видал, а посмотреть Палестину представляет собой ценность самодовлеющую и мало с чем сравнимую.

Привет Розе Гавриловне всегда презюмируется¹. Если он не был специально упомянут в предыдущем письме, то только потому, что и отдаленным образом не хотелось связывать ее имя с возникшим между нами конфликтом.

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ От франц. *présumer* — рассматривать как истинное; здесь: как само собой разумеющееся.

98. Грузенберг — Вишняку

Nice. 31 мая 1934 г.

31 мая 1934 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Марк Вениаминович,

спасибо за добрую память — присылку Вашего нового труда¹.

Вы, вероятно, слышали про посетившую нас беду. — 13 марта веч[ером] Роза Гавр[иловна] почувствовала недомогание. Призванный утром врач стал гадать — не то печень, не то почки; велел послать для исследования мочу. Собрали, послали: ничего патологического. На другой день врач высказал догадку — нет ли чего в женских органах. Позвали на консилиум с ним акушера: все в порядке. Я решил

позвать хирурга, так как боли в животе вызвали во мне страшную догадку: не аппендицит ли. Хирург, едва взглянув, сказал: «аппендицит и, вероятно, от гниения аппендикса начался и перитонит; надо немедленно оперировать; пришлю сейчас санитарную карету; свезите больную в частную клинику St. Antoine». — Мenee, чем через 1½ ч. Роза Гавр[иловна] под общим наркозом лежала на операционном столе. Операцию делал Прат, ассистировал оказавшийся в тот день в Ницце проф. Алексинский²; она продолжалась ок[оло] часа. Хирурги вышли хмурые: «операция сильно опоздала; оказался не только аппендицит, но и вызванный им гангренозный перитонит; аппендикс срезали, вырезали омертвевшие части брюшины, набрали гноя свыше 250 грамм, влили серум, затампонировали; трудно сказать — не пойдет ли гнилостный процесс дальше; положение тяжелое, но будем надеяться». Через 3½ недели пришлось сделать новую операцию: гной проник в область таза и образовал аб[с]цесс. Еще через 2 недели хирург сделал мучительную выжимку гноя, но без наркоза. Пролежала Р[оза] Г[авриловна] в St.-Antoine 6½ недель. Потом перевезли домой, где ее посещал хирург. Десять дней т[ому] н[азад] она стала выходить. Сделает десяток—другой шагов и отдыхает полчаса. Все хорошо, — говорит и хирург, и терапевт, — между тем, темп[ература] еще не пришла в норму.

О себе что ж могу сказать? — Приходил в клинику в 7 час[ов] утра, уходил в 9-м часу веч. Как шутили энфирмьеры³: отпирал и запирали клинику. Устал телом, еще больше устал душою. Пока есть смерть (по-видимому, даже большевикам не удастся ее отменить) — какого чорта людям быть моральными... Своровал, как воробей кроху, кусочек счастья — в угол и жуй. Вот сегодня хоронил нашего друга — Ал. Сам. Хаджи⁴ (сестру Соломона С. Крыма⁵): в понедельник в 12 ч. дня потеряла сознание, промучилась два дня — и вчера, в ~~четверг~~ среду, в 8 ч. утра скончалась на моих глазах (от уремии)⁶. Вот чуть не умерла Амалия Ос. [Фондаминская]⁷. Вот и строй жизнь! Не радуется и общественность. — Надвигается война — и, по-моему, возможно, что она вспыхнет через несколько месяцев. То, что произошло в Латвии, не так просто, как думает европейская печать. По-моему, Ульманис⁸ снюхался с Германиею; той необходимо захватить чужую территорию: валюта сгорает, скоро Германии жрать нечего будет, — пройдет через Латвию в Россию — и начнет ее колошматить; отхватит большой кусок. Ничего не поделаешь: милая моему сердцу дуреха обречена на страдания. Никто не заступится, несмотря на договоры...

Так у меня сложилось, что даже Вы — мой суровый ругатель — не станете прекращать меня, что не выпускаю предполо[женной] книги. Не до того. — Статью о «Союзе р[усского] н[арода]» переделал — и, если Ваш журнал будет жить, пришлю ее: я ведь отходчив, — не то что Вы. Как живется Вам? — Поставил вопрос, но знаю ответ: трудно, огорчительно, но с надеждами! Ну, дай Вам Бог!

Сердечный привет Вашей супруге. Роза Гавр[иловна] кланяется Вам обоим.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь, по всей очевидности, идет о произведении Вишняка «Le statut international des aratrides» (опубликованном как отдельный выпуск журнала «Recueil des cours», The Hague [et al.]: Nijhoff, 1933), которое в журнале «Закон и суд» рецензировал проф. П. Минц (1934. № 7 (47). Стлб. 1661—1662).

² Алексинский Иван Павлович (1871–1945, Касабланка), хирург, до революции профессор Московского ун-та; общественный деятель.

³ От франц. *infirmière* – медсестра.

⁴ Хаджи (урожд. Нейман) Александра Самойловна (?–1934), по-видимому, жена присяжного поверенного Исаака Семеновича Хаджи (?–1935, Ницца).

⁵ Крым (наст. фам. Нейман) Соломон Самойлович (Самуилович) (1868 или 1867–1936), ученый-агроном, землевладелец, государственный и общественный деятель, меценат.

⁶ Извещение о смерти А.С. Хаджи см.: ПН. 1934. 5 июня. № 4821. С. 3.

⁷ См. примеч. 9 к п. 86.

⁸ Ульманис Карлис (*Kārlis Ulmanis*; 1877–1942), политический деятель Латвии. С ноября 1918 г. по июнь 1921 г. председатель Временного правительства Латвии; в разные годы – премьер-министр (1925–1926, 1931, март 1934 – июнь 1940) и министр иностранных дел (1926, 1931, 1934–1936); с апреля 1936 г. до ввода советских войск в июле 1940 г. – президент Латвии.

99. Грузенберг – Вишняку

Nice. 4 июня 1934 г.

4 июня 1934 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre, Nice

Дорогой Марк Вениаминович,

в полученном сейчас письме В[ашем] меня встревожила одна фраза. – Вы пишете: «жалко мне очень знакомых по Риге, как их просто, в два счета, скушали целиком, с потрохами и с перьями, – Мендерса и Бр. Калныня – без остатка»¹. Это случайная стилистическая неясность, или Вы этой фразой о Бр. К[алны]не и Мендерсе отмечаете их особую судьбу? – Не умерщвлены ли они? – Это было бы грустно... «Сегодня» я не получаю, т.к. ок[оло] года т[ому] н[азад], не дав туда за 2 г[ода] ни одной строки, попросил их не тратить на бесплатную высылку. В «Посл[едних] нов[остях]», как и во франц[узской] прессе я не встретил указания на убийство кого-л[ибо] из политич[еских] деятелей. Оч[ень] прошу Вас разъяснить мне *немедленно* возникшее недоумение. Мендерса, несмотря на отсутствие у м[еня] симпатии к меньшевикам, которых я никак не мог уразуметь как *революционную* силу (марксизм, как *философское* мирозерцание, ничего революционного в себе не заключает), – Мендерса я ставил высоко. – Он дважды консультировался со мною по крупным делам и поразил меня своей одаренностью. В начале этих консультаций он меня удивил неподготовленностью к обсуждаемым вопросам, но потом, схватив на лету м[ои] соображения, вел беседу, как *равный*. Несмотря на то, что он принадлежал к крайнему левому крылу и не обладал, вследствие язвительности своего характера, способностью располагать к себе, М[ендерс] неизменно избирался председателем центр[ального] комитета. Затем, у м[еня] личные основания симпатизировать ему. В прошлом году коллега Гильман (мне помнится, я Вас с ним познакомил) прислал мне, с переводом соответственного абзаца на русский яз[ык], номер «Socialdemokrats»'а с речью Мендерса по поводу нового латв[ийского] угол[овного] улож[ения]. Я был тронут, даже сконфужен цитированием Мендерсом моих статей в «Jaunkas Sinas», в сопровождении таких эпитетов, как «всемирно-известный», «замечательный». Признаться, я был

еще более удивлен тем, что никто из его противников, несмотря на установившуюся в Сейме грубость нравов, не крикнул иронически: «вот кем он думает нас поразить». Скажу откровенно: читая этот абзац речи Мендерса, я подумал о Вас: «ну, этот “бомбоносец” и в то же время “богоносец” *такой* ссылки никогда бы не сделал». Впрочем, такое отношение Мендерса объясняется его европеизмом, — как им (европеизмом) объясняется и то, что Каутский на третий день своего приезда в Тифлис, — по приглашению грузинского правительства, явился ко мне с женою с визитом, а потом мы так сошлись, что к огорчению гг. грузин[ских] социалистов, виделись ежедневно². Узнал же обо мне Каутский, как он мне объяснил, со слов Розы Люксембург и Клары Цеткин. — Когда Р. Люкс[ембург] содержалась в варшавской цитадели (это было в 1905–6 г.), и ее никак не удавалось освободить, обратились ко мне. Я повидался с Главн[ым] Военным прокурором, и дней через 5–6 она была освобождена. Я получил от Розы Люкс[ембург] из Берлина благодарственное письмо и горячую просьбу дать ей знать, когда буду в Берлине. Менее чем через месяц я был в Берл[ине], по дороге в Карлсбад. Заехал к Розе Люкс[ембург]. Она говорила плохо по-русски, с сильным польским акцентом. Через полчаса пришла Клара Цеткин с сыном (ему на вид было лет 20). Кстати: Цеткин ни слова не понимала по-русски. Читая про выступления ее в России при большевиках, я все время диву дивовался: на каком яз[ыке] она объяснялась с русскими рабочими и крестьянами? — Вероятно, на том же, что и Эррио³.

Итак, черкните мне немедленно — как понимать Ваши слова о Мендерсе и Бр. Калныне. Последний — сын Клары Иван[овны]⁴ и д-ра Пауля К[алны]ня⁵ (президента Сейма). Если его, Бруно, убили, — то это страшное для них горе: они его безумно любили. Господи! Отчего я все пишу в прошедшем времени: это я под влиянием процитированной выше фразы Вашего письма. Пожал[уйста], напишите мне, если можно, немедленно. Рижск[ая] и латышская соц[иал]-демократия, в лице своих крупных представителей, носила чисто-европейский характер. Я помню (Вы, вероятно, читали о том), что они пригласили меня выступать на их собрании в Народном доме, посвященном вопросу об аборте по проекту нового Угол[овного] улож[ения]. Когда после вступительной речи Клары Ив[ановны] мне было предоставлено слово и я был встречен аплодисментами, то, с первых же слов, счел себя обязанным заявить, что я — не социалист. — На это раздался голоса: «жаль!» — и началась снова овация. Люди, значит, помнили мои защиты их товарищей. Впрочем, не стоит вспоминать рижский период м[ои]х эмиграционных скитаний. За эти 6 лет я признателен Латвии. Впрочем, я должен признать, что и среди русских соц[иал]-демократов, с.-р.'ов и, вообще, народников я таких изуверов, как Вы, никогда не встречал. Ну да не стоит: Вы ведь чувствительны ко всякому уколу, хотя сами хлещете направо и налево, не считаясь ни с заслугами, ни с возрастом. Кстати, чтобы Вас огорчить: знаете ли, что у любимого латышскими довоенного драматурга и беллетриста Вольфа есть *такой* пассаж, касающийся меня. Меня мои латыш[ские] друзья затащили на ставившуюся оч[ень] часто пьесу Вольфа. Вдруг слышу со сцены свою фамилию. В антракте коллеги мне объяснили. — Герой пьесы, молодой адвокат, не ладивший с женою, возвращается с судебного заседания домой и хвастаясь говорит жене, что приехавший на защиту Грузенберг похвалил его речь. — Жена ему в ответ: «Как ты, хвастунишка,

смеешь упоминать такое имя». Да, — шесть лет прожитых в Латвии По слабости человеческой, приобрел этот том сочинений Вольфа.

II

То, что Вы пишете о себе и журнале, оч[ень] меня огорчило: Вы оба заслужили лучшей участи. Хочу думать, что все обойдется — и журналу не придется кончать самоубийством. Статьи своей не дам Вам, т.к. для *последней* книжки у Вас, вероятно, много материала.

Ну, всего доброго Вам и Марье Абрамовне [Вишняк]. Роза Гавр[иловна] шлет Вам обоим привет.

Ваш О. Грузенберг

Да, чуть не забыл. То, что я писал о латв[ийском] перевороте, м[ои] личные соображения. В политике [строка нрзб].

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Мендерс Фридис (Fricis Menders; 1885–1971), один из лидеров социал-демократической партии Латвии, член ее ЦК (в 1930–1934 г. возглавлял партию); с 1932 г. член Исполкома II Интернационала; депутат латвийского Сейма. Учился юриспруденции в Вене, Брюсселе, Берне. С 1904 г. участвовал в революционном движении: в 1905 г. примыкал к большевикам (кличка «Степан»). Был арестован и сослан в Сибирь (1906), откуда бежал и до 1917 г. жил в Австрии, Германии и Швейцарии. После захвата Латвии Советским Союзом был арестован и до 1955 г. находился в заключении. Подвергался репрессиям и в более поздние советские времена. Калнынь (Калныньш) Бруно (Bruno Kalniņš; 1899–1990, Стокгольм), один из лидеров латышских социал-демократов, депутат Сейма. Перед захватом Латвии советскими войсками эмигрировал на Запад, являлся председателем Заграничного комитета ЛСДРП. Основной пафос выступлений Ф. Мендерса и Б. Калныня сводился в это время к тому, что латышское правительство проводит по отношению к Германии капитулянтскую политику. Оба активно выступали против фашизма — именно с этим, по-видимому, были связаны слова Вишняка о том, что их «скушали целиком, с потрохами и с перьями».

² См. упоминание об этом во вступительной статье.

³ Эррио Эдуар (Edouard Herriot; 1872–1957), французский государственный и политический деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов, писатель, историк, публицист, академик.

⁴ Калнынь Клара Ивановна (Anna Luīze Klāra Kalniņa; 1874–1964), деятельница латышской социал-демократической партии.

⁵ Калнынь (Калныньш) Пауль (Pauls Kalniņš; 1872–1945, Австрия), латышский врач, политик; президент Латвии в эмиграции (1944–1945).

100. Грузенберг — Вишняку

Nice. 5 января 1935 г.

5 янв. 1935 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre, Nice

Спасибо, дорогой Марк Вениаминович, за доброе чувство и ласковое слово. Не мог ответить Вам тотчас же, так как у нас в те дни была большая тревога. — Два месяца хворала Нелли загадочной болезнью: повышенная температура, слабость. Вр[ач]и терялись в догадках и на[конец сош]лись на след[ующем] диагнозе: за-

болевание желез в связи с быстрым ростом. От этого диагноза ничего не изменилось: болезнь не поддавалась лечению и изнуряла малютку. Одна русская дама указала мне врача-француза, заведующего в больнице большой детской палатой. После тщательного исследования он поставил диагноз: *хронический аппендицит!* Памятуя ужас, порожденный запущенным, по вине врачей, аппендицитом Розы Гавр[иловны], перешедшим в перитонит, мы кинулись к хирургу Прату, оперировавшему Розу Гавр[иловну]. Прат после тщательного исследования подтвердил диагноз терапевта и рекомендовал скорейшую операцию. В среду, 26-го дек[абря] утром, Прат оперировал Нелли в частной клинике, куда мы свезли ее нак[анун]е веч[ером]. Операция эта, как связа[нная с раскры]тием, хотя и частным, брюшной полости, рискованная. Нелли, чтобы нас не огорчать, вела себя изумительно: с улыбкою улеглась на носилки, с улыбкою начала нюхать наркоз, пошутив насчет «страшных ножей». Когда ее привезли в ее комнату и пробудили, она с улыбкою посмотрела на нас и сказала: «видите, пустяки (ее любимое слово), а вы боялись». Через 2 часа начались боли. Стоя у закрытых дверей ее комнаты, в коридоре, я услышал ее стоны. Несмотря на запрет Прата, вошел в ее комнату: взглянув на меня, она перевела стон в мурлыканье. Весь день и ночь она сильно страдала. На другой день (в четв[ерг]) боли унялись. Вчера сня[ли] [часть текста утрачена] [(м)учительная штука!) — и к вечеру привезли домой. Прат будет заканчивать лечение у нас, на дому. Такой уже страшный год (1934) выпал на нашу долю. Ничего не поделаешь: такая уже наша планида...

18-го дек[абря] вечер[ом] получил из Парижа письмо, в ответ на м[ой] запрос (я не знал, — вернулся ли Павел Ник. [Милюков]), что охотно поместит мою «памятку» об А.С. Зарудном¹. Я засел за нее ночью — и менее, *чем в 3 часа*, написал ее. Утром просмотрел, но мало что поправил и даже не переписал набело. — У меня правило — не исправлять того, что вылилось в порыве. Утром же 19-го отослал. Однако же появилась она 28²: как объяснил мне в письме Павел Ник[олаевич], [часть текста утрачена] праздничный материал [часть текста утрачена] [вооб]разив, что м[ой] отзыв о «тургенев[ских] девушках», как необычайный, может вызвать кривотолки. Я написал Павлу Н[иколаевичу], чтоб он вычеркнул эти строки. Однако он этого не сделал, пояснив в письме, что считает м[ой] отзыв правильным³. Вот «краткая история госуд[арства] росс[ийского]»⁴. Изложил ее, чтобы Вы знали, как и что. В России, где хоровое начало всегда подавляло сольное (оттого так легко победили большевики), Заруд[ный] — явление замечательное. Прочел сегодня в «П[оследних] н[овостях]», что «селянский м[инистр] переезжает в Палестину»⁵. О, Господи! Жить с достоинством, конечно, трудно, — но умирать?!..

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибах и в средние листа полностью утрачены от сырости.

¹ Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934), адвокат, политический деятель; сын сенатора С.И. Зарудного. После окончания юридического факультета Петербургского ун-та служил в Петербургском окружном суде и адвокатуре, состоял членом сословия присяжных поверенных в Петербургской окружной судебной палате. Участвовал в защите на процессе М. Бейлиса. После Февральской революции был назначен сенатором и министром юс-

тиции (ушел в отставку 2 сентября 1917 г.). После большевистского переворота остался в Советской России.

² Некролог «Памяти Александра Сергеевича Зарудного» был напечатан в ПН (1934. 28 дек. № 5027. С. 3); включен в книгу «Вчера» (С. 203–207).

³ Милоков писал Грузенбергу 25 декабря 1934 г.: «Ваша статья о Зарудном пойдет в пятницу; раньше нельзя было пустить из-за праздников и загруженности срочным материалом. Поправки Ваши придется внести уже в корректуру, так как рукопись сдана в типографию. О “тургеневских женщинах” я с Вами согласен. Вторая поправка, сколько помню, не нужна. Первую надо согласовать с текстом» (Письма Милокова – Грузенбергу. С. 265).

⁴ Шутливый намек на proverbialную «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина.

⁵ Подразумеваемая под «селянским министром» В.М. Чернова (см. примеч. 19 к п. 92), Грузенберг реагирует на следующую информацию, напечатанную в ПН (1935. 4 янв. № 5034. С. 1): «Иерусалим, 3 января. В.М. Чернов, бывший лидер русских социал-революционеров, приехал в Палестину, где он предполагает поселиться».

101. Грузенберг — Вишняку

Nice. 20 февраля 1935 г.

20 февр. 1935 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre, Nice

Дорогой Марк Соломонович [так!],

все это время был сильно занят профессиональной работой (разом густо, разом пусто), а потому не имел времени написать Вам. Убедился, что Вы совершенно неосновательный человек: не знаете сами толком, чего хотите и куда идете. Пишете мне, что решили ехать в Америку, но не можете получить визу. Значит, остановка только за этим. Я и решил помочь Вам, указав, что могу хлопотать об университет[ской] кафедре для Вас через Пороховщикова. В ответ на это: я, М.В. Вишняк, хлопотал об этом у Сорокина¹, но ничего не вышло, — всюду переполнение. Довод этот вне жизни: неужели Вы еще не постигли, что то, чего не может сделать большой человек, часто отлично достигается средним. Сколько раз мне в м[оей] карьере начальник отдел[ения] исполнял те м[ои] просьбы, пред которыми в бессилии останавливался м[инист]р. Если же Вас останавливает незнание англ[ийского] яз[ыка] (конечно, это — серьезнейшее препятствие!), — то какого чорта городите Вы огород?

Огорчила меня В[аша] статья о «восп[оминаниях]» прохвоста Герасимова². Неужели Вы забыли протоколы допроса его в комиссии Муравьева³? Ведь это он через своих агентов подбросил соц[иал]-демократ[ической] группе Госуд[арственной] Думы *копию* (поймите, *копию!*) воззвания к солдатам⁴, это он создал Азефа⁵ и целый ряд других провокаторов; это он принимал участие в убийстве своего преемника Карпова (см. показ[ания] Виссарионова)⁶. Неужели Вы не понимаете, что он в своей низости зашел так далеко, что даже Д[епартамен]т полиции вынужден был отказаться от услуг полезного, — можно сказать, незаменимого, — начальн[ика] охр[анного] отделения. Когда произошло убийство Карпова, Д[епартамен]т полиции усла ~~его за границу~~ Герасимова в Сибирь, дабы на суде не раскрылась вся его страшная махинация. А он, подлец, в показании своем наи-

вничает: почему, де, услали его из С[анкт-]П[етер]бурга на время разбирательства дела. Бог знает, что с Вами делается! Занимаетесь историей русс[кой] революции, а забываете крупнейшие факты. Написав 2 нелепых (с точки зрения самоуважения и уважения к своим товарищам) фельетона в «Посл[едних] н[овостях]», Вы взяли себе на подмогу в «Совр[еменных] зап[исках]» Осоргина (не я, мол, один такая растяпа)⁷. Что же Ваш Осоргин? — Кокетничающий самоупоитель, который скоро начнет писать губной помадою, — только бы не походить на других! О, Господи! Как это я очутился в такой эмиграции!...

Читал послед[нюю] кн[ижку] «Совр[еменных] зап[исок]»⁸. — Хорошо составлена. Насчет Алданова вижу, что сбывается м[ое] предсказание. — Не дай Бог, покончит самоубийством⁹, а Сирин угодит в сумасшедший дом. Алданову нечем жить: кислотный ум, охолощенное сердце и элегическая злоба на весь мир за то, что отобрали у него сахарные заводы. В предыдущих книжках «Совр[еменных] зап[исок]» у него были хорошие страницы (переживания Муси, когда она столкнулась с хищным ликвидатором — смертью)¹⁰. Надо прибавить, что Алданов овладел, наконец, русской грамотою, но русс[ким] языком, во всех его тайнах, ему, по видимому, не овладеть. Поздно. Какой Вы редактор!.. Алданов, убедившись, что в его «Пещере» нет ничего пещерного, ввел в свой роман *другой (исторический)* роман — и перегрузил повествование до нелепости: часть эта по объему чуть ли не равна ~~целому~~ всему остальному, а по содержанию — безо всякой связи. Затем, вот еще что. — Закончил он ~~эту~~ свою повесть «по-соломоновски»: суета сует и все суета, когда нет наследственных сахарных заводов. Однако, всякая грусть и боль обезоруживают. А Алданову, несомненно, грустно — и, «не придумать им (его врагам) казни мучительнее той, что в собственном сердце ношу»¹¹. И когда Браун-Алданов кончает самоубийством, понимаешь, что это — неотвратимо, а потому вышло хорошо. Но и тут не выдержал: для чего-то умилился церковью (разве Брауны-Ал[данов]ы могут во что-н[ибудь] верить!), похвал[ил] «православную» панихиду: явно ни к чему!¹²

Но зачем этот франц[узский] репортерский конец? — Чтобы показать наивность некрологов? — Слишком мелкая задача, чтобы из-за нее портить конец (он сильный, т.к. с болью вижу, что Алданов немало думал даже над способом своего самоистребления). А может быть, только сопост[авление]. Нет, франц[узский] конец надо было убрать. А, впрочем, вались дерево на дерево: мне-то какое дело до всей этой эмигрантской нуды. Не понравилась мне рецензия его на кн[игу] Ал. Фед. [Керенского]¹³. Собирается Алд[анов] умереть, а как накадил и Ал[ександ]ру Ф[едоровичу], и Павлу Н[иколаевичу] [Милюкову]. Да, знает этот запутавшийся еврейский баловень — в каком отделении буфета мама запирает сласти. Надо благодарить большевистских разбойников, что они убрали вон *такую* интеллигенцию.

Будьте благополучны. Привет Марье Абр. [Вишняк] и Бунаковым. Огорчила меня смерть Анны Серг. [Милюковой]¹⁴. Когда летом, в бытность мою в Париже, мне удалось, наконец, попасть к Милюковым, и они вышли в переднюю меня проводить, я взглянул на Анну С[ергеевну] — она стояла такая маленькая, согбенная, белая даже лицом от седины, с потухшими глазами, что в неудержимом порыве я поцеловал ее в лицо. Так оно и вышло: последнее [цел]ование! Боюсь теперь за Павла Н[иколаевича]. — Дело не в тяжести утраты, а в той пустоте

душевной и одиночестве, которые его охватят на второй половине восьмого десятка. Дай Бог, чтоб я ошибся.

О. Гр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968), социолог и культуролог.

² Герасимов Александр Васильевич (1861–1944), генерал-лейтенант; в 1905–1909 гг. начальник Петербургского охранного отделения. Два отклика Вишняка на воспоминания А. Герасимова — «К истории русского конституционализма» и «Малая история России» — были напечатаны в ПН (1935. 5 янв. № 5035. С. 4; 19 янв. № 5049. С. 3). В том же номере, что и первый отклик, П.Н. Милюков, признаваясь, что еще не читал самих воспоминаний, но основываясь на изложении Вишняка, написал о том, что касалось его непосредственно: «Герасимов, воспроизводящий фантастические подробности моего разговора со Столыпиным, происходившего в присутствии только одного А.И. Извольского, получил кое-какие сведения об этом разговоре, вероятно, из третьих рук, а не от самого Столыпина, чем и обясняется невероятный вздор его пересказа» (С. 2).

³ Муравьев Николай Константинович (1870–1936), адвокат, присяжный поверенный; председатель Чрезвычайной комиссии Временного правительства по расследованию действий бывших должностных лиц. Итоги деятельности Комиссии отражены в кн.: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: [В 7 т.] / Ред. П.Е. Щеголев. Л.: Госиздат, 1924–1927. Протокол допроса Герасимова опубликован в т. 3.

⁴ Речь идет о том, что для разгона II Государственной думы Столыпин через Герасимова, а тот, задействовав, в свою очередь, своего агента Екатерину Шорникову (кличка — Казанская), сфабриковал т.н. «солдатский наказ» для социал-демократической фракции. План Герасимова провалился, но группа солдатских депутатов (по списку Шорниковой и — для отвода глаз — она сама) была арестована; к «делу» была также приобщена копия «солдатского наказа». Шорниковой, под прикрытием Департамента полиции, удалось скрыться». Эти факты стали предметом допроса Герасимова упомянутой Комиссией Временного правительства 26 апреля 1917 г. (см.: Указ. соч. Т. 3. С. 1–10).

⁵ Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), руководитель Боевой организации партии эсеров; секретный сотрудник Департамента полиции. Об Азефе см. в стенограмме того же допроса (С. 13–26).

⁶ В материалах Чрезвычайной комиссии Временного правительства бывший вице-директор департамента полиции Сергей Евлампиевич Виссарионов (1867–1918) показал, что начальник Петербургского охранного отделения полковник Сергей Георгиевич Карпов (1864–1909), сменивший в этой должности А.В. Герасимова, был взорван агентом А.А. Петровым по распоряжению товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова. Связь с Петровым Курлов осуществлял через Герасимова. После гибели Карпова Петрову при содействии полицейских чиновников был устроен побег, хотя позднее его предали скоротечному суду и повесили. Едва ли однозначные обвинения Грузенбергом Герасимова позволяют приблизиться к разгадке этой достаточно темной истории. По крайней мере, бывший вице-директор департамента полиции С.Е. Виссарионов на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства свидетельствовал о том, что из его беседы с Петровым не вытекала прямая вина Герасимова и у него «не было данных, чтобы генерал Герасимов мог подстрекать его [Петрова] на это преступление, на убийство сразу нескольких лиц [Карпова, Курлова и др.]» (Падение царского режима. Т. 3. С. 481). Через несколько лет после данного письма Грузенберга «охотник за провокаторами» В.Л. Бурцев в очерке об эсере-террористе и одновременно агенте-провокаторе Петрове писал о том, что на следствии Чрезвычайной комиссии «он, несомненно, ложно обвинял некоторых охранников, в том числе ген[ерала] Герасимова, в том, что они сознательно ему помогли в убийстве

Карпова. На основании этих показаний Петрова и в 1910, и в 1917 гг. против ген[ерала] Герасимова возбуждались даже обвинения и его привлекали к суду. Но потом от этих обвинений судебные власти отказались и дела прекращались» (*Бурцев Вл.* Дело с-р. А.А. Петрова // Иллюстрированная Россия. 1939. № 21 (731). 13 мая. С. 20). Современный исторический взгляд на «дело Петрова» см.: *Морозов К.Н.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909–1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуальный политический террор в России XIX – начала XX в. М.: Мемориал, 1996. С. 76–86.

⁷ Грузенберг имеет в виду рецензию М.А. Осоргина на книгу А. Герасимова «Tsarisme et terrorisme: Souvenirs du général Guerassimov, ancien chef de l'Okhrana à Saint-Petersbourg, 1900–1912» (Paris: Plon, 1934) в 57-й книге СЗ за 1935 г. (С. 477–478).

⁸ Речь идет о 57-й книге СЗ, вышедшей в январе 1935 г.

⁹ Алданов был представлен в этой книге журнала вставной новеллой из романа «Пещера» «Деверу» (С. 132–231).

¹⁰ См. примеч. 2 к п. 68.

¹¹ Неточная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862). У Некрасова: «Не придумать им казни мучительней / Той, которую в сердце ношу!»

¹² «Пещера» завершается смертью героя – профессора Александра Михайловича Брауна.

¹³ Имеется в виду рецензия Алданова на книгу А.Ф. Керенского «The crucifixion of liberty», переведенную на английский язык его сыном – Г.А. Керенским (London: Barker, 1934) (С. 474–477).

¹⁴ Общественной деятельницы, жены Павла Николаевича Милокова Анны Сергеевны Милоковой (родилась в 1861 г.) не стало 12 февраля 1935 г. (в эмиграции была основательницей и председателем русской секции при Международной федерации университетских женщин). В ответ на соболезнование Грузенберга Милоков 24 мая 1935 г. писал ему: «Я перед Вами кругом виноват, и прегрешения мои поистине превысили главу мою. Я не мог собраться Вам ответить на Ваши сердечные письма по поводу кончины Анны Сергеевны, потому что это несчастье повергло меня в такое состояние, что я вообще мог выполнять только машинальную работу» (Письма Милокова – Грузенбергу. С. 266). Ср. дневниковую запись А.П. Ладинского от 13 февраля 1935 г.: «Вчера скончалась А.С. Милокова. Зашел к Милокову, но видел только сына. П[авел] Н[иколаевич] никого не хочет видеть, очень убит, плачет. Как-никак 50 лет совместной жизни. М.б., и еще что-нибудь. Она ведь была единственным верным человеком, связи не в счет. Страшно было стоять в передней: кипа «Пос[ледних] новостей», перевязанных веревочкой, где-то покойник, а на кухне шпатель котлеты» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 12–12 об.).

102. Вишняк – Грузенбергу *Paris. 23 февраля 1935 г.*

Париж, 23-е февраля 1935.

Дорогой Оскар Осипович!

Получил Ваше темпераментное письмо, как всегда интересное, но более обычного полное несправедливых оценок и недоразумений.

Может быть, я и «растяпа», и «неосновательный человек», и «сам не знаю толком, чего хочу и куда иду», – Вам, со стороны, как будто виднее. Но что я все же знаю твердо, так это (следую порядку Вашего изложения, а не серьезности недоразумений):

1. – Что я не «Соломонович», а всего только Вениаминович.

2. – Что я *никогда никому*, в том числе и Вам, не писал и не мог писать, что не еду в Америку потому-де, что «не могу получить визу». Виза для меня не препят-

ствие, — как профессор я могу получить ее в любой момент. Препятствует — отсутствие ангажемента или серьезной уверенности, что я в Америке найду работу, которой не нахожу в Париже.

3. — Мои фельетоны о «Воспоминаниях» Герасимова, может быть, и малоудачны. Я не рискнул бы доказывать обратное. Но что я считаю возможным доказывать, так то, что при оценке написанного надо считаться с замыслом автора и с темой, которой посвящена статья, а не с тем, что при чтении статьи интересует или занимает читателя. Что Герасимов прохвост, это не нуждается ни в доказательствах, ни даже в тех немногих строках, которые Вы этому посвящаете в своем письме, — не то что в двух фельетонах! Но я не о Герасимове писал, и никогда газета не удела бы этой теме 600 строк!! Я писал о *книге* Герасимова, найдя в ней очень много интересного материала для разоблачения того дела, которому служил всю свою жизнь прохвост Герасимов. Разоблачение, точнее изобличение старого режима вернейшими его столпами и рыцарями для широкой публики гораздо убедительнее, нежели изобличение его исконными врагами и противниками. И в этом ценность воспоминаний Герасимова. Не даром его именно теперь и именно за воспоминания так внезапно и остро возненавидели черносотенцы и монархисты. Он их, свой, — и он отвернулся. — Может быть, не надо было вообще писать о книге Герасимова, но если писать, — не следовало тут же ~~и до конца говорить~~ специально подчеркивать, что это лгун, мошенник и проч. Ибо в меру изобличения автора изобличались бы и его показания, в которых, я убежден, не только много интересного, но и правдивого. Я не отрицаю внутренней «антиномии» между личностью прохвоста и ценностью его воспоминаний, однако же я не рискнул бы ее разрешить путем полного отказа от использования показаний морально и политически гнусного свидетеля. Если бы историки — и адвокаты — становились на такую максималистическую точку зрения, — не было бы ни истории, как отрасли знания, ни суда, как учреждения. Допускаю, что я не прав в этом пункте. Но недоумеваю, как могли Вы не заметить и моего отношения к личности Герасимова, и существа трактуемой мною темы.

4. — Кое с чем в Ваших суждениях о Сирине и Алданове я согласен. Но Ваше утверждение об «элегической злобе на весь мир» у А[лданова] будто бы от того, что «у него отобрали сахарные заводы», не только ни на чем не основано, оно и *вне* критики — недостойно ни Алданова, ни, простите, Вас!.. Ну, что бы Вы сказали, если бы кто-нибудь предположил, что вы «очутились в *такой* эмиграции», которая Вам нестерпима, потому, что большевики отняли у Вас практику или доходы!.. Подходить с точки зрения ~~утраченных~~ утраченных «серебряных ложек» к проблемам смысла жизни и существующего общественного порядка, конечно, можно. Но *существа* проблемы такой подход и не касается. Он изобличает сам себя. — Если откинуть религиозное, т.е. противорациональное, или «бессмысленное» оправдание мира, — а я, например, чем больше живу, тем все больше настраиваюсь богоборчески и антирелигиозно, — за многим, что повторяет А[лданов], на свой лад, из Экклезиаста, нельзя не признать ~~сохранившим истинность~~ истинности. Вас шокирует повторение Соломоновой мудрости, — это не умаляет, однако, ни самой мудрости, ни того, что из всех повторяемых идей, — в этом тоже

Экклезиаст прав, А[лданов] выбрал именно эту. — С искренним приветом и пожеланием всего доброго

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

103. Грузенберг — Вишняку

Nice. 25 февраля 1935 г.

25 февр. 1935 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Марк Вениаминович,

отрываюсь от работы, чтобы ответить Вам немедленно: письмо Ваше, как в[есьма] часто при чтении Ваших писем, возбудило во мне досаду. Не то досадно, что мы разномыслим (разномыслие, в виду своей адвокатской деятельности, я приемлю спокойно и даже равнодушно), — а досадно то, что Вы как-то странно относитесь к чужим мыслям и впечатлениям. Нельзя сказать, что Вы их извращаете, но как-то *странно их* тенденциозно воспринимаете, обходя главное, существенное и цепляясь за пустяки. Прежде всего, о кн[иге] Герасимова. — Это разномыслие оч[ень] серьезно, ибо относится к той области, которая мне дороже всего; ~~ибо~~ в ней заключался весь смысл моей судебной и общественной деятельности. Как Вы знаете (должен признать, что и Вы сами всегда это отмечаете), «политику» я не очень люблю, ибо в ней много условного, неправдивого и, нередко, грязного: в ней человек менее всего индивидуален и непосредственен. Однако вряд ли найдется много таких, кто, *как я*, отбросил бы все личное, все утраты и испытания, думая и говоря о русской революции. В *своём их главном* я приемлю и февраль, и октябрь. Конечно, не по *способу* их осуществления (всякая жестокость мне органически противна, как неприемлемы усвоенные большевиками приемы в отношении инакомыслящих, — ведь я — эмигрант не по *необходимости*, а по сознанию, что жить и работать на родине своей имеет право всякий гражданин, независимо от его политических убеждений; если бы я вносил в это дело *личное* начало, то я давно мог бы быть на родине и заняться *культурною работою* (но не *политическою*): Вам отлично известно, что мое изображение висит в музеях не только С[анкт-]П[етер]бурга и Москвы, а и в ряде поволжских городов, как то удостоверял мне пок[ойный] А.В. Пешехонов; гуляют в СССР невозбранно открытки с м[оим] изображением, — одну из них Вы видели. Для чего я обо всем этом напоминаю? — Только для того, чтобы напомнить Вам о фактах (не говорю уже о *предложении* вернуться домой, сделанном мне через Каменеву¹ и м[оего] племянника, а накануне м[оего] отъезда из Риги в Ниццу через Пешехон[ов]ых).

Вопрос о «восп[оминаниях]» Герасимова и ему под[обных] — серьезный вопрос, и мне кажется, что Вы его недостаточно продумали, иначе Вы бы не привели такой слабой аргументации, какую приводите. *Личность* автора не имеет значения в области научно-художественной, даже публицистической, философской и — с большими ограничениями — религиозной; однако она имеет серьезное значение в области проповеднической (отсюда мое неизжитое до сих пор огорчение относит[ельно] Толстого как моралиста). Между тем, в области «воспом[ина]

ний]», где автор, как Вы правильно указываете, дает *свидетельское показание*, его *личность* имеет *решающее* значение, особенно в области фактов, *проверка* которых *неосуществима*. Ошибаетесь, полагая, что расценивается только *показание* свидетеля, а не его *личность*. Достаточно напомнить Вам, что во *всех процессуальных кодексах* *есть* принимаются *особые меры* осторожности, сигнализирующие суду: «Будь осторожен, помни, что показание идет от лица *неимоверного*». А Вы спокойно тезизируете: Вам, де, важно *показание* Герасимова, а не его *личность*. Но ведь для ссылки на его *показание* надо знать — *можно ли верить* ему. Недаром лучший в мире уголовный процесс (английский), отменив теорию *формальных улик*, заменил их однако теорией *улик легальных*, в силу которых *не допускается* на суде целый ряд доказательств, когда на них не может быть выставлена, как на изделиях из благородного *материала* металла, *проба*. Такая точно теория *легальных* доказательств была выработана и составителями росс[ийского] Суд[ебного] устава в 64 г. и сведена к сжатой и точной *таблице*, но она не была введена в Устав только из боязни, чтобы не воскресить, хотя бы даже *видимость*, *формальных улик*, и высказана уверенность, что этой таблицей будет пользоваться *коронный суд*, допуская или отвергая допустимость на суде присяжных того или иного доказательства. Теперь, сводя воедино свои тезисы, я вправе сказать:

1) «Воспом[инания]» Герасимова *лживы* и *подлы* — и они в моих глазах не могут быть оправданы тем, что, как Вы знаете, *наносят удар* тому строю, которому он служил, пока его начальство не убрало (убрало же его потому, что даже для гг. прохвостов из Д[епартамент]а полиции были нестерпимы его *чудовищно-подлые* приемы; (прочтите внимательно показания как Герасимова, так и Виссарионова перед муравьев[ской] комиссией — и Вы убедитесь, что даже в охранном мире он вызывал отвержение!);

2) Герасимов говорит о многом, касающемся большого числа незапятнанных репутаций, чего нельзя *никак* проверить;

3) В запутанное и без того «вспоминаниями» лживых людей недавнее прошлое России Герас[имов] внес ложь сугубую: даже тогда, когда он говорит правду, он лжет, ибо *ложь, предательство, жестокость* — его стихия;

4) Такие уважаемые люди, как Вы, не имеют права вносить в эмигрантскую и без того сбитую со всех нарезок среду серьезное трактование лжи лжецов;

5) Ваша ссылка на то, что Павел Ник. [Милуков] напечатал Вашу рецензию в 600 строк, представляется мне странною: рискуя порчею наших истинно-дружеских отношений, я написал ему протест и против *статей* воспом[инаний] генер[ала] Мосолова (грязного взяточника)², и против первого В[ашего] фельетона, из которого я узнал о появлении «восп[оминаний]» Герасимова; я настойчиво советовал ему оборвать дальнейшее печатание; вместе с тем, я просил его ознакомить Вас с м[оим] письмом, высказав полную уверенность, что Вы, как *мой приятель*, согласитесь и с моими доводами, и — тем более — с м[оими] побуждениями;

6) Вы спрашиваете: как, мол, быть?.. Ответ простой: *не писать о лжи негодяя*;

7) Вы упоминаете в защиту «воспом[инаний]» Г[ерасимова] (конечно, не личности — этого еще не доставало бы!), что правые негодуют; Вы спросили бы себя — почему это? Боясь обвинения м[еня] в нескромности, я, тем не менее, отвечу: *из-за моей заметки*, как я это слышал здесь от правых; никто из здешних «восп[оминаний]» Герасимова не читал — как потому, что всем материально теперь тяжело

живется и нет охоты тратиться на всякую дребедень, так, в особенности, по той причине, что немногим дается легко чтение на иностр[анных] языках;

8) От бывшего здесь несколько лет месяц[ев] т[ому] н[азад] В.Л. Бурцева Розе Гавр[иловне] и мне довелось выслушать след[ующее]: рассказывая о царящей во всех кругах эмиграции звериной злобе друг против друга, где не шадят ни одной из почтенных репутаций, В.Л. [Бурцев] вдруг сказал: «только к одному имени я встретил одинаковое отношение, начиная от крайних левых и кончая крайними правыми: это Ваше, Оск[ар] Ос[ипович], имя, — все отзываются одинаково с глубоким уважением»; я ответил: «причину такого отношения объясняю только тем, что моя визитная карточка ясна и неизменна за всю мою долгую жизнь: кем я был в России, тем остаюсь и в эмиграции».

Теперь об Алданове. — Вы написали эти строки, что явно, в пылу злобы. Указывая на элегическую злобу А[лданова] против революции, против демократии, против всех человеческих исканий новых путей, я вскользь указал и на *causa movens*³; верно ли это указание или нет — это несущественно; важно лишь *одно*, что его писания не нужны людям, ибо он не уважает ни их самих, ни дел их. Верно ли я угадываю этот мотив, — вероятно, им и не осознаваемый, это ведь, не важно, — важно лишь одно: верно ли я обрисовываю его, оцениваю его *писательскую деятельность* (как художника и публициста); *мотивы* человеческих действий трудно раскрыть даже на суде, и я никогда за это не брался — да оно и не нужно. Мое мнение об Алданове сложилось еще в то время, когда у Вас печатался его «Термидор»⁴: это Вам хорошо известно. Ничего *личного* против А[лданова] я не имел, не имею и не могу иметь. Я знаю его еще со времен его секретарства в центр[альном] к[омите]те в партии «народных социалистов»; ничего, кроме трогательного и внимательного, я с его стороны не встречал; он присылал мне оттиски своих произведений еще тогда, когда они печатались в Вашем журнале; всегда на этих оттисках значились лестные надписи о моем таланте и *поклонении* ему. Человек он — милый и обязательный. Не люблю в нем его *хихикания* и *пустяковости* его в изображении; там, где льется кровь, где выступают массы, губя или коверкая свою личную жизнь, А[лданов] хихикает в кулак, как это делают лакеи, служающие «господам» на банкетах: они схватывают лишь смешное. Я должен сказать, что терпеть не могу юмористики, карикатур и юмористических журналов, не могу слышать горбуновских, лейкиных, зощенковских рассказов. «Горький смех — не легкий смех!». — А у Алд[анова] легкий, порою, хамский смех. Мне приходилось много с Вами беседовать: слышали ли Вы когда с моей стороны насмешку, иронию или хихикание? Если явление или личность мелки, — тогда я о них не говорю; говорю же я только о том, что меня волнует, что мне представляется важным.

Чего же Вы цепляетесь за то, что недоказуемо: верно ли я постиг *личную* обиду А[лданова] на революцию? — Я уверен, что постиг мотив правильно. Согласны ли Вы с этим, или нет, — неважно, но важно то, что Вы уцепились за пустяк и совершенно обходите *главное* в м[оём] отзыве. Не по той ли причине, что против *главного* Вам нечего сказать. Поймите: Великой франц[узской] революции терпеть не может ни Тэн как историк⁵, ни А. Франс в своем «Dieux ont soif»⁶. Но разве у насмешливого А. Франса Вы встречаете насмешку против революции, его художественный талант подсказал ему: можно усмехнуться, когда кто падает вслед-

ствие своей неловкости, — но даже хам не рассмеется, когда упавший расшибся насмерть. Всякая революция разбивает сотни тысяч людей насмерть, — можно революцию ненавидеть, но нельзя над нею смеяться: где кровь, там не до смеха. Вы пишете, что «экклезиастское» в А[лданове] Вы разделяете. Это — для м[еня] ново. Неужели и у Вас опустошилась душа? Сломилась, значит, у Вас важнейшая душевная пружина, ну что ж, вались дерево на дерево: как ни грустно, приходится принять Ваше «собственное признание». Будьте здоровы и благополучны; почтительный поклон Марье Абрамовне [Вишняк].

Да вот еще что пропустил — Вы пишете: было бы мне приятно, если бы кто сказал, что я очутился в эмиграции только по той причине, что «*большевики отняли у меня практику и доходь*». Отвечу коротко: даже прохвост этого не скажет, т.к. даже личный лютый мой враг знает, что, останься я в России, то мне было бы доступно самое высокое положение, и притом не в карающей или разрушающей, — а в творческой, мирной области. В этом и Вы не сомневайтесь: тогда к чему Ваши шпилечки. Вот видите, даже большевики не приписывают мне таких мотивов, ибо ценят и уважают мою 35-летнюю профессиональную и общественную деятельность. Вы знаете, что через третьих лиц меня звали домой, звали стать во главе переговоров с Англией, в качестве старшего юрисконсульта, в первое М[инистерств]во Макдональда⁷, и действовали не обольщениями, а простой ссылкой на м[ой] патриотизм: «англ[ийские] акулы постараются пожрать Россию».

Нет, Марк Вениаминович, характер у Вас трудный и без всяких к тому оснований драчливый и задирчивый. Помните, что я писал Вам в ответ на В[аше] возмущение *несправедливым и оскорбительным* тоном полемики проф. Тимашева [с] Г.А. Ландау. Я был искренно огорчен за Вас, но понимал, что Ваша манера полемизировать раздражает В[аших] оппонентов.

Чорт побери Вас и меня: Вас за то, что Вы своими цепляниями раздражаете; меня — за то, что, зная В[аш] характер, я с Вами откровенничаю. И Вам, и мне приходится ныне переживать много тяжелого, — правда, в разных областях.

Всего хорошего. Скажу Вам откровенно: Ваши выходки мне не под силу, — не такое теперь время, чтобы в ответ на искреннее слово читать колкости и придирки. Во всем В[ашем] письме одно только верно, что ошибся в Вашем отчестве; извиняюсь. Всего хорошего.

О. Гр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Каменева (урожд. Бронштейн) Ольга Давидовна (Давыдовна) (1883–1941), деятель революционного движения, сестра Л.Д. Троцкого, первая жена Л.Б. Каменева. Расстреляна.

² Речь идет о воспоминаниях генерала Александра Александровича Мосолова (1854–1939) «Николай II и его семья», печатавшихся в ПН на протяжении 1934 г. — с № 4822 (6 июня) до № 4962 (24 окт.).

³ См. примеч. 3 к п. 73.

⁴ Роман Алданова «Девятое термидора» печатался в СЗ в 1921–1922 гг. (№ 7, 8, 9, 11, 13).

⁵ Тэн Ипполит Адольф (Hippolyte Adolphe Taine; 1828–1893), французский философ-позитивист, эстетик, писатель, историк, психолог; создатель культурно-исторической школы в искусствознании.

⁶ Роман А. Франса «Боги жаждут».

⁷ Джеймс Рамсей Макдональд (James Ramsay MacDonald; 1866–1937), английский политический и государственный деятель, один из основателей и лидеров лейбористской

партии; в 1924, 1929–1931 гг. премьер-министр Великобритании, правительство которого установило дипломатические отношения с СССР в его первую каденцию.

104. Грузенберг — Вишняку

Nice. 19 мая 1935 г.

19 мая 1935

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Марк Вениаминович,

будьте добры передать прилагаемое письмо Бунаковым. И от Тэли Гоц, и от вдовы Абрама Гоца¹ узнал, что положение милой Амалии Осиповны [Фондаминской] безнадежно. Однако безнадежна лишь смерть — и [в ин]ых тяжелых случаях никогда не признава[л я] трусливо-капитулирующего слова. У м[еня б]ольшая надежда, что Амалия Осиповна [побед]ит болезнь: лишь бы скорее выбрат[ься в] Швейцарию. Расстояние от Парижа та[к неве]лико, что, как бы ни было тяжело [движ]ение, ее с предосторожностями легко буд[ет пер]евезти. Если даже есть некоторая доля рис[ка,] то в ее положении с этим считаться н[е при]ходится: хуже худшего не бывает. Не м[енее] мне больно за Илью Исидоровича [Фондаминского]: я зн[аю, ка]к сильно он любит А[малию] О[сиповну] и как тонка е[го не]рвная организация, — вероятно, он страд[ает н]е менее А[малии] О[сиповны]. — Оба они такие добрые, мя[гкие], жалостливые, что охватывает досада против неба за его грубую несправедливость. — «На свете правды нет, но нет ее и выше!»². Все же, я надеюсь.

Прочел сегодня Вашу статью в «Посл[едних] нов[остях]» — и порадовался за Вас: написана она мастерски! Стиль не только выразителен, но местами художественный³. А писали Вы при невеселых условиях, — точнее, мучительных — и тем не менее... Вы еще молоды, — скоро вернетесь в Россию и Вам предстоит интересная и счастливая жизнь. В последнем своем письме я отозвался несправедливо об Алданове. — Виноваты в этом, отчасти, Вы: у Вас какая-то особая способность, своей склонностью к никчемной полемике раздражать и волновать! А в этом [сос]тоянии чего, *rag dépit*⁴, не напишешь. Минувш[им ле]том, когда в Ницце чествовали Бунина, я говор[ил Ве]ре Николаевне [Буниной], что *восхищен* появившимися т[огда] главами о смерти Кременецкого, о переживан[иях его] и, в особенности, дочери, сценою в крематори[и (давн]о такого описания не встречал!)⁵. Я просил Веру Ник[олаевну] сказа[ть Марку Александровичу мое *восхищение*. Не зн[аю, сд]елала ли она это. Затем, как он быстро одоле[л мелки]е неправильности языка. Теперь и эта важная [черта] у него безупречна! За что я на него взъялся? [Зол] стал, и испытания последних лет, по-ви[димому,] озлобили меня. Как это нехорошо; если на[чинаеш]ь утрачивать чувство справедливости, — лучш[е не] жить. Впрочем, живу я — верьте! — против свое[й воли.] Ну, не стоит об этом.

А у Алданова в после[дней ч]асти «Пещеры» такая боль неутешимая, такая [безвых]одная тоска, которую ничем уже не исцелить, — даж[е е]сли бы жизнь обернулась к нему своею радостной стороною. Он уж никогда, никогда не будет счастлив: у него сердце изранено и по капле истекает кровью. М.б., оттого, что и

у меня оно так, я в страхе сторонюсь от таких видений: не надо, — и без тебя больно и обидно (помните удивительный конец в «Каменщике»!). Обнимаю Вас. Поцелуйте милого Илью Ис[идоровича] и Ам[алию] Ос[иповну] за меня крепко, крепко! А Алданову передайте мои лучшие к нему чувства. Поклон Марье Абрам. [Вишняк].

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46) (см. илл. 23). Фрагменты текста в середине на сгибе листа полностью утрачены от сырости.

¹ Тэля (Теля) Соломоновна (см. п. 105) Гоц — неустановленное лицо. Что касается «вдовы Абрама Гоца», то Грузенберг ошибается, путая ее, по всей видимости, с вдовой одного из основателей эсеровской партии Михаила Рафаиловича Гоца (1866—1906) Верой Самойловной (урожд. Гассох; 1861—1938), также членом ПСР; в эмиграции входила в Комитет помощи русским писателям и ученым (см.: *Кельнер В.Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // *Russian Studies* (СПб.). 1994. Т. 1. № 1. С. 270, 276, 277), была членом правления Тургеневской библиотеки (1925); см. письмо к ней ее племянника, эмигрантского поэта С.А. Луцкого, в кн.: *Луцкий С.* Сочинения / Подг. текста, сост., вступ. ст. и коммент. Владимира Хазана. Stanford, 2002. С. 239—241.

² Из открывающей «маленькую трагедию» Пушкина «Моцарт и Сальери» реплики Сальери; в оригинале: «Нет правды на земле. Но правды нет — и выше».

³ Речь идет о статье Вишняка «Как это было?», напечатанной в двух номерах ПН — от 17 мая (№ 5167. С. 2) и 19 мая (№ 5169. С. 2). В статье рассказывалось о зверском убийстве в ночь с 6 на 7 января 1918 г. в большевистской тюремной больнице Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. В сопровождавшей статью комментирующей заметке Вишняк писал: «В архиве скончавшегося в Петербурге известного журналиста Клячко-Львова сохранились случайно копии затерянного большевиками следственного производства об убийстве в ночь на 7 января 1918 г. Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. Материал этот в качестве Дела № 749/8 поступил в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики, хотя и не имеет, конечно, ничего общего ни с литературой, ни с критикой, ни с публицистикой. Он дает возможность феноменологически воспроизвести картину убийства, — как оно произошло. Картина дает отчетливое представление о творивших Октябрь силах. В тех немногих случаях, когда противоречивость показаний требовала выбора версии, мы принимали наиболее вероятную».

⁴ в досаде (франц.).

⁵ См. примеч. 2 к п. 68.

105. Грузенберг — Вишняку

Nice. 12 июня 1935 г.

12 июня 1935 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Марк Вениаминович,

8-го днем мы узнали от пришедшей к нам Тели Сол[омоновны] Гоц, что хорошая Амалия Ос[иповна] [Фондаминская] скончалась. Как я ни был подготовлен Вашим письмом к такой весте, но она причинила мне большую боль. — Если разум может найти утешение в отношении Амалии Ос[иповны] (конец страданиям) —

то в отнош[ении] Ильи Исид[оровича] [Фондаминского] такого утешения не может быть: его муки примут лишь иную форму.

Я немедленно послал по его адресу, данному мне Телею Сол[омоновной] (130, av[enue] des Versailles). Хотел послать телегр[амму] по Вашему адр[есу], но оставило соображение, что в эти тяжкие часы Вы и Марья Абр. [Вишняк] возле Ильи Исид[оровича], — т.е., вне Вашего дома. Когда же отослал тел[еграмму], явилось новое сомнение: б.м., друзья увели Илью Ис[идоровича] из того дома, где им пережито столько страданий. Пожал[уйста], черкните мне, дошла ли до него моя телегр[амма], а главное — как *он переносит свое горе*. Меня этот вопрос очень тревожит — в особенности по той причине, что сегодня на рассвете я беседовал с Ильею Исид[оровичем], и он оставил тягостное впечатление. Не считайте, что я рехнулся: за последние два года я веду такие беседы в состоянии просонков с Соней и Юрием. Странно то, что я сознаю в этом состоянии, что это лишь греза и даже корректирую ее тут же, но жалею ее оборвать. — Ведь вся наша жизнь — ряд грез, еще менее реальных.

Должно быть, Вас и Марью Абр[амовну] подавило горе еще более, нежели меня. Ничего не поделаешь: почти всегда любовь налагает «бремена неудобно-симые».

Напишите, милый, мне подробнее.

Обнимаю Вас. Мой поклон Марье Абр[амовне]. Роза Гавр[иловна] шлет сердечный привет Вам обоим.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

106. Грузенберг — Вишняку

Nice. 20 августа 1935 г.

20 авг. 1935 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Марк Вениаминович, вернувшись с Розой Гавр[иловной] из St. Martin — Vésubie, застал иллюстрированную открытку «Bureau international du travail» с приветом от Ани¹ [так!] и И. Коварских. Недели две позднее пришла открытка с описанием отдыха в Gurtenkult (Suisse). К сожалению, подписи на ней нет: по-видимому, не уместилась. Почерк, на мой взгляд, не похож на подпись в первой открытке. Указан париж[ский] адр[ес]: 5, square Mignot (Paris 16^e). Может быть, по этому адресу судя, Вы можете дать мне указание, — исходит ли и эта открытка от д-ра Коварского. Не откажите сообщить: 1) Остается ли д-р Коварский еще некоторое время в Швейцарии, или вернулся уже в Париж; 2) Имя-отчество Коварского? Мне кажется, что зовут его Илья Николаевич; однако я много лет не встречал его и даже не писал: опасаясь, — не путаю ли его имя-отчество. Человек он милый и безгранично добрый: мне боязно огорчить его своим беспамятством; сообщите также имя-отчество его жены².

С удовольствием прочел Вашу статью в последней кн[ижке] «Совр[еменных] зап[исок]»: интересная и отлично написанная³. Статья же в «Посл[едних] нов[остях]» о терроре меня смутила⁴: Вы ведь принадлежите к партии, к[ото]рая до «февраля» практиковала террор. Когда касаешься такого больного вопроса, как террор, то надо занять одну из двух позиций: либо — *да*, либо — *нет*. Количество, качество и цель террорист[ических] актов играет в этом важном вопросе второстепенную роль. Помните — еще несколько лет т[ому] н[азад], вскоре после посещения Вами Риги, у нас с Вами была переписка по этому поводу. — Я собирал тогда материалы ~~по поводу~~ о террористических актах Союза русс[кого] нар[ода]. Меня смутило: «почему ты так негодуешь за эти акты на Союз р[усского] н[арода], а относишься *с уважением* и к с.-рам, и к народолюбцам, которые повинны в том же. Неужели только по той причине, что цели их добры [и] тебе так симпатичны»... Я тогда написал Вам о моем смущении. Отмечаю это не для того, чтобы ловить Вас на противоречии: в дружбе такой прием недопустим. Думаю, напротив, что Вы *искренне* эволюционировали и что такая эволюция далась Вам дорогой ценою.

Что Илья Исидорович [Фондаминский]? В полученном от него после смерти Амалии Ос. [Фондаминской] письме он сообщил, что будет в конце лета в Ницце, но его еще нет. Скоро ли приедет? Оч[ень] хочу его повидать. Мне больно за него: и его не пощадила жизнь. Амалию Ос[иповну] я мало знал, но думаю, что она имеет право на [лучший некролог,] нежели написала З.Н. Гиппиус: не чувствуется ни любви, ни горя⁵. Амалия Ос[иповна] дополняла Илью Ис[идоровича] — и оба вместе представлялись мне чудной школьною парой. Когда Илья Исид[орович] говорил всерьез на политические темы, мне всегда хотелось остановить его и сказать: «не надо, милый Ильюша, не надо, — ты лучше расскажи, что у вас сегодня было в классе, нагнул ли опять ваш чех-латинист». А теперь что: милой школьницы не стало, — ушла, расплатившись за короткую жизнь нечеловеческими страданиями; Илья Ис[идорович], вероятно, поседел — и не столько головою, сколько сердцем. Вот тебе и «добавочная стоимость», и Христос тоже (наивный еврейский ребенок, разбившийся о каменную стену жизни: хлев... гефсиманский сад... и Голгофа). Ничего не поделаешь: «на свете правды нет, но нет ее и выше»⁶.

[часть текста утрачена] я удивлен: какую энергию Вы развили, как мужественно цепляетесь за жизнь. Дай Вам Бог! Сердечный привет Марье Абрамовне [Вишняк].

Ваш О. Грузенберг

На днях нам передавали, что сестра Амалии Осиповны — г-жа Лурье оч[ень] плоха⁷: много месяцев тяжело хворает, перенесла всякие операции, а теперь медленно угасает в страданиях. Я видел ее много лет т[ому] н[азад] один раз несколько минут: удивительный московский говор и приветливая улыбка, хотя со специфическим актерским налетом. Со всем этим на Страшном Суде не отобьешься от злого старикашки Саваофа. Как я мечтаю поскорее сразиться с ним на этом суде. — «Венец создания». В последний день трудовой недели, совершенно [уставши, из-готи]вил человека. Зверей, гадов сотворил раньше, дабы «венец создания» трясся от страха с первого же часа. А потом эта похвальба: будьте совершенны, как я,

Господь ваш! — Ничего! Поговорю с ним и за себя, и за миллионы обманутых и замученных им.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на гнибе листа полностью утрачены от сырости.

¹ По-видимому, описка (жену И.Н. Коварского звали Лидией; см. след. примеч.).

² Коварский Илья Николаевич (1880—1962), д-р медицины, член партии эсеров. После Февральской революции гласный Московской городской думы, делегат Учредительного собрания. В эмиграции в Париже сочетал медицинскую деятельность (член, а затем председатель Мечниковского общества, 1919—1940) с литературно-издательскими делами: основал издательство «Родник» и имел книжный магазин (см. примеч. 7 к п. 29). В начале Второй мировой войны семья Коварских переехала в США и обосновалась в Нью-Йорке, где И.Н. был председателем Общества российских врачей. Член корпорации «Нового журнала». См. ядовитый отзыв о нем В.С. Яновского: «Был такой эсер, зануда, недотепа, общественный деятель, неудачный издатель (editeurs guines мы, бывало, шутили) — Илья Николаевич Коварский. Интеллигент с чеховской бородкою, всю жизнь занимавшийся не своим делом; только здесь, в Нью-Йорке, вернувшись к врачебной практике, он вдруг нашел себя и стал полезным тружеником» (*Яновский В.С. Поля Елисейские*. СПб., 1993. С. 216). См. его некрологи, написанные Р. Гулем (НЖ. 1962. № 69. С. 288—289) и Вишняком (РН. 1962. 21 июля. № 1867. С. 5). Его жена — Лидия Антоновна Коварская (урожд. Налон-Домбровская; 1874—1965), педагог и детская писательница. Из семьи военного православного священника. Окончила с золотой медалью варшавскую гимназию, затем Бестужевские курсы (историко-филологический факультет). Революционную деятельность начала в Киеве, куда она переехала в 1899 г. и где вступила в эсеровскую партию. Была арестована и содержалась в Лукьяновской тюрьме. В Харькове встречалась с Азефом. После Февральской революции, как и ее муж, была избрана в члены Московской городской думы.

³ Речь о статье Вишняка «Культ героев», в которой был предпринят сопоставительный анализ культовой политики в Германии и СССР (СЗ. 1935. № 58. С. 378—394).

⁴ Имеется в виду очерк Вишняка «Варфоломеевская ночь в Германии» (ПН. 1935. 3 авг. № 5245. С. 3; 15 авг. № 5257. С. 2), в котором речь шла о нацистском терроре.

⁵ Речь идет о некрологическом очерке З.Н. Гиппиус «Негасимая свеча (Памяти Амалии Фондаминской)» (ПН. 1935. 22 июня. № 5203. С. 4). В расширенном виде вошел в кн.: Памяти Амалии Осиповны Фондаминской. Париж, 1937. С. 5—45.

⁶ См. примеч. 2 к п. 104.

⁷ Анна Осиповна Гавронская (в замуж. Лурье).

107. Грузенберг — Вишняку

Nice. 28 августа 1935 г.

28 авг. 1935 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Марк Вениаминович,
спасибо за сердечное письмо. Если порывать с Европой, — то, конечно, не для Америки, а Палестины. Вероятно, Вы беседовали на конгрессе с представителями рабочей партии в Палестине: неужели для Вас не найдется там занятий¹? Поговорите и с Ярблюмом (он — милый и искренний)². Вы и Марья Абрамовна [Вишняк] так хорошо вооружены для жизни (в Европе Вам мешает эмигрантское бесправие), притом так неприхотливы, что не сомневаюсь в быстром успехе. Я так

в нем уверен, что, будь у меня свободные деньги, я предложил бы их Вам займы для переезда за свой счет. Попробуйте, — бейте только в эту точку. Хотите, я снесусь с И.А. Найдичем, чтоб он оказал Вам содействие³.

То, что Вы пишете об Илье Ис. [Фондаминском], меня огорчило. — Опять та же волянка... Ну, будем к другу снисходительны: время такое опустошающее, дай Бог ему ухватиться снова за жизнь, хотя бы даже ценою новой любви.

Меня взволновала Ваша строка о М.А., который *нанес себе рану*. Неужели это Алданов? Неужели он *покушался на самоубийство*⁴? — В последних главах «Пещеры» слишком много уделено места способам самоубийства и произведен беглый инвентарь всем ценностям (нуль!). Я уверен, что никакой *мужской* любви к Ам. Ос. [Фондаминской] у него не было (ведь ей более 50 лет). Вероятно, его возмутило ее мучительное и долгое умирание — и ему захотелось сказать Саваофу: «ну, со мною ты такой штуки не сыграешь; уйду не тогда, когда захочешь ты, а когда я сам решу». От гордости, отчаяния и душевной неприютности. Я *оч[ень]* прошу Вас *написать мне безотлагательно, — кто этот М.А. и в чем дело*.

Я теперь *оч[ень]* занят. Получил предложение Пушкинского дома дать для III тома «писем Горького», где помещены его письма ко мне, воспоминания о нем и об его процессе⁵.

Мое отношение к Горькому Вам известно: помните нашу острую полемику о нем, когда Вы отвергли мое предложение дать о нем «воспоминания». Работаю с наслаждением, но боюсь, что не поспею: книга *выходит* в октябре. В моем обладании лишь один том Горьк[ого]. Значит, придется оставлять для цитат пробелы.

Всего хорошего Вам и уважаемой Марье Абрамовне.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ Речь идет о 19-м сионистском конгрессе, проходившем в Люцерне с 20 августа по 4 сентября 1935 г., на котором Вишняк присутствовал в качестве корреспондента ПН; см. его репортажи с конгресса, напечатанные в этой газете: «На сионистском конгрессе (Письмо из Люцерны)» (1935. 24 авг. № 5266. С. 5), «На сионистском конгрессе (От нашего корреспондента)» (1935. 6 сент. № 5279. С. 3), «В заключение сионистского конгресса» (1935. 17 сент. № 5290. С. 4). О плане переселиться в Палестину, который он в это время вынашивал, см.: *Хазан Вл.* Пинхас Рутенберг. Т. 2. С. 638–645.

² См. примеч. 10 к п. 69.

³ Об И.А. Найдиче см. примеч. 86 во вступ. ст.; о столкновении Вишняка с Найдичем см.: *Хазан Вл.* Пинхас Рутенберг. Т. 2. С. 643–644.

⁴ О том, что М. Алданов покушался на самоубийство, ничего неизвестно. Скорей всего, здесь возникло какое-то недопонимание собеседниками друг друга.

⁵ Предложение опубликовать письма Горького и написать для этой публикации статью Грузенберг получил от ученого секретаря Пушкинского Дома С.Д. Балухатого (Горький в это время, в 1935–1936 гг., помимо многих других своих должностей и званий, был директором Пушкинского Дома). Посредником между ними выступал живший в Ленинграде брат Оскара Осиповича Семен Осипович Грузенберг (1876–1938), философ и историк. 28 сентября 1935 г. Грузенберг сообщил об этом самому Горькому и при этом добавлял: «Предложение это взволновало меня: с одной стороны, рад был рассказать о Вас все, что я знаю, как я это сделал весною 1926 г. в моих публичных чтениях в Латвии, Литве и Эстонии, но, с другой, почувствовал опасение подвергнуться полицейским неприятностям. — Разрешите

те темы этой не развивать. Однако чувство самоуважения и сознания, что не годится мне в конце седьмого десятка (мне скоро 70 лет) переходить на заячье амплуа, взяло верх. Как мне писали, проф[ессор] Балухатый уехал в начале августа в отпуск и должен был вернуться в первых числах сентября. В соответствии с этим я написал ему 9 сент[ября] о своем согласии и просил оставить в «Сборнике» 2 листа для статьи и писем. Очевидно, профессор еще не вернулся, так как ответа от него не получил. Вряд ли он будет в претензии за отсылку статьи Вам, как Председателю Пушк[инского] дома. Предварительный просмотр Вами м[оей] статьи и без того считал и считаю необходимым: когда пишешь о живом человеке, притом близком, надо сообразоваться с его мнением и даже впечатлением» (Переписка [М. Горького] с О.О. Грузенбергом / Предисл., публ. и коммент. Ф.Н. Пицкель // Литературное наследство. М.: 1988. Т. 95. С. 1030). Горький внимательно просмотрел статью и сделал на ней свои пометы-замечания. В конечном счете в подготовленный том «Литературного архива» (М. Горький: Материалы и исследования [Т.] 3 / Под ред. С.Д. Балухатого и В.А. Десницкого. М.; Л., 1941) материалы Грузенберга не вошли.

108. Грузенберг — Вишняку

Nice. 21 сентября 1935 г.

21 сент. 1935 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Марк Вениаминович,

не сердитесь, что взваливаю на Вас новое поручение: вините в этом Ваше любезное внимание. Утешаю себя тем, что поручение это сводится к телефонному звонку. Я не привык оставлять без ответа чье бы то ни было письмо, *даже* если оно исходит даже от незнакомых.

Помните, я писал Вам, что получил письмо (открытое) из Gurtenkulm (Швейцария) с неразборчивою подписью, но с указанием парижского адреса и № телефона. Будьте добры позвонить по телефону *Passy 64-69* и выяснить, *евалив* сославшись на меня, кто этот таинственный знакомый.

Ваше письмо, в ответ на мое предложение снести, *если разрешите*, с И.А. Найдичем и коллегой Ярблюмом об устройстве для Вас в Палестине определенных занятий и покрытия расходов по проезду Вашему и Марьи Абрамовны [Вишняк], меня удивило. Почему Вы нашли возможным молить меня именем Господа («ради Бога!») не вступаться в это дело? — Разве я дал малейший повод думать, что позволю себе действовать, *не получив на то Вашего согласия?* Я исходил из того, что просить за себя Вам будет тяжело и хотел снять с Вас неприятный груз. Неужели это с моей стороны большая провинность? Нет, Марк Вениаминович, трудный Вы человек!.. Относит[ельно] коллеги Ярблюма Вы ошибаетесь: я с ним близок и никогда от него не слышал о желании переехать в Палестину; ошибаетесь и относит[ельно] его материального положения: избрав сознательно профессию *еврейского* журналиста, он в этой области основался прочно и живет безбедно.

Во всяком случае, прошу извинить, что я хотел быть Вам полезным. Ваше странное отношение к моему сердечному порыву не ослабит моей готовности быть Вам полезным, если я в чем Вам понадоблюсь.

Работу свою о Горьком я закончил (набросок, как Вы знаете, был сделан много лет т[ому] н[азад]); из полученного на днях письма брата усматриваю, что я не

запоздаю. Однако, закончив работу, задумался. — Несмотря на чисто литературный характер работы, несмотря на то, что она предназначена для Академии наук (Пушк[инский] дом ныне переименован и является словесным отделением Академии наук), и что работу эту мог совершить *только я*, как бывший его защитник, меня взяло раздумье, — отсылать ли. Это колебание, — должен признать, исходит из *эгоистического*, а не принципиального мотива: не хочу давать материала эмигрантскому злопыхательству и подлым толкованиям¹. — Всякому ясно, что *в 70 лет* не занимаются карьерными вопросами: естественно, когда у человека нет настоящего, когда будущее еще безотрадней (кладбище!), его неудержимо тянет к прошлому, — тем более, если оно не без заслуг.

Вы помните, вероятно, 1921 г., когда, приехав в Париж и побывав на эмигрантских собраниях, я не вытерпел и сделал скандал милому Бунакову. Меня тогда охватило сознание, что я не имел права покидать родину, так как не могу перед своей совестью сослаться даже на то, на что Вы все вправе сослаться: опасение преследований. Нет никакого сомнения, что я, — по крайней мере, *в собственных глазах*, — испортил свой некролог; если бы я его писал, то не изворачивался бы, а признал бы свою *моральную* ошибку.

Призадумался с отсылкой своей статьи о Горьком, хотя это неправильно, — тем более, что нигде в эмигрантских изданиях поместить ее не могу: непостижимая злоба в эмиграции, которая изливается по его адресу; никто *ни одного* факта в оправдание ее не приводит и не может привести! Однако, живя в эмиграции, я должен считаться с ее нравами и не ставить перед самым уходом под обстрел свое имя, которое принадлежит не мне одному. Я решил статьи не посылать, но предпочитаю, во избежание недоразумений, формулировать так: *вероятно*, не пошлю.

Кстати. — Читал Вашу рецензию о книге Дубнова². Вижу, что Вы не читали его «Истории евр[ейского] народа»³: жалкая компиляция, где некоторый интерес представляют главы об истории русск[ого] еврейства за последние десятилетия, — но и они сводятся к перепечатке сведений из книг Мыша⁴, Слиозберга⁵ и хроники «Восхода». Человек он глупый, неискренний и ханжа. Поддавшись желанию играть *политическую* роль, он пошел на унижительные услуги Винаверу⁶, а тот сделал из него кухонного мужика для выливания помоев. Его выходка по поводу предложения С.А. Венгерова дать сведения для «Словаря русских писателей», где приведены имена даже третьестепенных писателей, — ведь крупных в России было немного, — объясняется *просто*. Как говорил мне Семен Афанасьевич (если Вы следили в России за повременной печатью, то знаете, что я защищал благополучно Сем[ена] Аф[анасьевича] (судимого за напечатание письма Цебриковой Александру III)⁷. Вот он мне с негодованием рассказывал, что выяснилась дикая выходка Дубнова: один из его близких сказал Семену Аф[анасьевичу]: «не может претендент на звание историка признаться, что он не сдал экзаменов даже в объеме среднего учебного заведения»⁸. Я не стал бы сослаться на покойника, если бы не мог привести ссылку на благополучно здравствующего. Та же история повторилась в Ковно, но со скандалом! — В рецензированной Вами книге много говорится о *предложенной* Дубнову в Ков[енском] ун[иверсите]те кафедре евр[ейской] истории. Это было в период литов[ского] радикализма и всемогущества Сейма. Евр[ейские] общественные деятели, представлявшие тогда большую силу, проси-

ли о представлении в Ков[енском] ун[иверсите]те кафедры Дубнову. Заручились твердым обещанием. Когда ун[иверсите]т предложил Д[убнов]у представить уни-в[ерситетский] диплом, пришлось снять с позором кандидатуру. Это рассказывал мне ныне здравствующий известный ковен[ский] евр[ейский] деятель и кандидат прав Григорий Исидорович Вольф, за него хлопотавший. Как я убедился сам во время моих публич[ных] лекций в Ковне, в литовском обществе эта история вызвала скандал. Вполне резонно указывалось, что можно быть без образования поэтом, актером, парламентским деятелем, но быть историком невозможно: в лучшем случае можно быть лишь историографом. А Дубнов, ханжа, разыграл перед Венгеровым нетерпимого еврея, хотя и писавшего на русск[ом] яз[ыке] и евшего русский хлеб, но ненавидевшего Россию. Можно лишь удивляться, как Вы проглядели исполненные дикой ненависти и подлого злорадства строки о гибели России. Посмотрите стр. 10: «Царский Вавилон, наказанный японским Киром за пленение евреев, штурм Порт-Артура, как возмездие за погромы Кишинева и Гомеля, — эту пророческую думу мне хотелось провести контрабандою в печать мимо аргусов цензуры»⁹. В таком же роде низости на стр. 217¹⁰, 250¹¹ и 258¹². — К счастью, Дубнов не выражает истинного отношения русск[их] евреев к своей родине. Будь иначе, стыдно было бы мне, и в особенности Вам, за евреев! — Ведь, Вы не менее моего любите Россию и огорчены ее несчастной судьбою, — она Вам даже ближе несколько, чем мне, ибо Вам не приходится делить своего сердца между Россией и родным по крови народом.

Затем, ряд *заведомо* лживых утверждений обо мне. Скучно это излагать. Помоему, я должен сделать это в печати¹³. *Как Ваше мнение?*

Ну, всего хорошего.

Ваш О. Грузенберг

Почтительный привет Марье Абрамовне.

Дабы Вы могли вполне оценить моральный облик Дубнова, прилагаю в копии письмо его мне¹⁴. Когда я узнал, что он — больной, без средств — вырвался из России, я, не будучи злопамятен, написал ему несколько строк. Как видите из его ответного письма, нельзя было ожидать бесчестных выходов против меня. Почему он тогда не смел? — Среди евр[ейских] эмигрантов циркулировал тогда поразивший всех факт. Я был в Берл[ине] председателем русско-еврейской организации, работавшей для сбора средств в пользу переселяющихся в Палестину. Разбогатевший биржевою игрою добродушный и культурный купец дал знать через одного из членов н[ашего] об[щест]ва, что он сделает пожертвование, если к нему заедет Грузенберг. Я отправился к нему с казначеем Шалитом¹⁵ и почтенным старым киев[ским] деятелем Д. Марголиным, членом н[ашего] правления¹⁶. Жертвователю жил в особняке в Грюневальде. Он встретил нас в подъезде. Сей час же был подан шоколад и пр. Он вынул чековую книжку и, обращаясь ко мне, сказал: «я не хотел бы обмануть Ваши ожидания, сколько прикажете?» — Я созорничал и сказал: «я думаю, что Вы дадите миллион марок». Марка была тогда еще в цене: за франк платили лишь 5 мар[ок]. — У жертвователя пробежала судорога по лицу, но не стерла любезной улыбки. — Он выписал чек на *миллион* марок, — т.е. на 200.000 фр. — И вручил мне! Пошел трезвон всюду; нашлись даже порицатели: «забрал такую уйму денег, что теперь другим об[щест]вам не перепадет!» (при-с[яжный] повер[енный] Фрумкин¹⁷). — И вот в 1922 г. Д[убнов] пишет мне пись-

мо о том, что я из тех, «с именами которых связана пройденная нами длинная историческая полоса», грустит, что со мною нет моего архива, о том, — «сколько Вы (т.е. я) могли написать о переживаниях последних десятилетий», спешит устроить получение его книги и пр. — После этого мы не встречались. В чем же дело? А вот в чем: получив его книгу, я не *догадался* дать о ней рецензию. Помню, что бравший у м[еня] эту книгу для прочтения Д. Марголин сказал мне: «не помню, — была ли в “Руле” Ваша рецензия о книге». — Я спохватился: «ах ты, Господи, как я не догадался! Но теперь уже поздно!».

Зато с рецензиями он обставлял себя мастерски. — Ни минуты не сомневаюсь, что и Вам было сделано через кого-либо из В[аших] приятелей «*suggestion*»¹⁸ о даче в журнале рецензии. Конено, не хочу этим сказать, что Вы дали *тенденциозную* рецензию, так как не дали никакой. — Только одно порадовало Вас: Дубнов выругал Горького. Дубнов и Горький!.. Дорогой друг, неужели Вы до сих пор не дали себе отчета, — в чем сила Горького, даже помимо его большого таланта? — Толстой — поэт *отживших*, Горький — поэт *еще не живших*, — тех миллионов, которых матери рожали в таких же муках и тревожной надежде на счастье, как нас, уходящих, рожали наши. Ну, да что толковать! Жму Вашу руку еще раз. Искренне Вам преданный

О. Грузенберг

Почтительный привет Марье Абрамовне. Буду ждать Вашего письма с изложением В[ашего] мнения, — отвечать ли мне Дубнову.

P.S. У меня к Вам большая просьба: ко мне обратились с большим требованием к нескольким швейцарским фирмам. Опасаюсь, — не пропущена ли давность. Юридических книг тут не достать! — Посмотрите Швейц[арское] гражд[анское] улож[ение]: *какая давность для долговых требований*. Не злитесь, что прошу Вас дать эту справку безотлагательно.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ По-видимому, нечто подобное Грузенберг писал в это время и П.Н. Милокову, который в письме от 25 октября 1935 г. отвечал ему относительно отсылки статьи о Горьком в СССР: «Ваши опасения относительно Ниццких черносотенцев — а черносотенна вся Ницца — конечно, вполне основательны. Но я привык считать, что Вы этими суждениями не руководитесь и ни минуты не сомневаетесь, что, посылая статью в советское издательство, Вы поступили, как Вам велела совесть» (Письма Милокова — Грузенбергу. С. 269).

² Речь идет о рецензии Вишняка на «Книгу жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени» С.М. Дубнова, вышедшую в 2 томах в рижском издательстве «Jaunātnes Grāmata» в 1934–1935 гг.; рецензия была напечатана в 58-й книге СЗ за 1935 г. (С. 487–490).

³ Грузенберг пишет о «Всеобщей истории евреев» С. Дубнова, издававшейся в России еще до революции. В эмиграции трехтомная «История» выходила в Берлине (1923) и в наиболее полном виде — в 10 томах — в рижском издательстве «Dzive un kultura» (1924–1938).

⁴ См.: *Мыш М.И.* Руководство к русскому законодательству о евреях. СПб., 1890. Мыш Михаил Игнатьевич (1846 — ?), юрист, присяжный поверенный в Петербурге.

⁵ Слиозберг Генрих Борисович (1863–1937), юрист и еврейский общественный деятель.

⁶ Винавер Максим Моисеевич (1863–1926), юрист, общественный деятель, писатель.

⁷ С.А. Венгерова судили в ноябре 1910 г.; см. в письме Венгерова В.Я. Богучарскому от 10 ноября 1910 г.: «Сейчас главный личный интерес мой сосредоточился на том, что через

два дня меня судят по 128 статье, и знаете за что: за письмо Цебриковой к Александру III!! Председательствует Крашениников, и в печальном исходе я почти не сомневаюсь» (ГЛМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 10 об.).

⁸ С.А. Венгеров, разумеется, включил имя С.М. Дубнова (наряду с именем самого Грузенберга) и в «Источники словаря русских писателей» (СПб., 1910. Т. 2. С. 319), и в «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (От начала русской образованности до наших дней)» (Изд. 2-е, перераб. Пг., 1915. Т. 1. С. 260).

⁹ Грузенберг ведет речь о мемуарах С. Дубнова «Книга жизни (Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени)», вышедших в двух томах в рижском издательстве Jaunpātnes Grāmata в 1934–1935 гг. Далее он ссылается на 2-й том этого издания.

¹⁰ По всей видимости, имеется в виду запись в дневнике 25 февраля 1917 г., которую Дубнов приводит в своих мемуарах: «Из тупика, куда мы загнаны ходом войны внешней и внутренней, неужели выведет нас голодный бунт, на который кажется только и способен русский народ?.. Перейдет ли бунт в революцию?..».

¹¹ Очевидно, Грузенберга задело следующее место из дневника Дубнова (запись от 24 февраля 1918 г.), который он продолжает приводить в своих мемуарах (речь идет о том, что большевики уступают немцам Украину, Финляндию, Литву с Белоруссией, Курляндию, Эстляндию, Лифляндию): «Что ж, не сумела Московия создать, спаять великое государство, свободную федерацию народов и не заслужила лучшей участи. Россию постигла судьба Багдадского Халифата...».

¹² Здесь Дубнов восклицает (дневниковая запись от 15 апреля 1918 г.): «Говорю открыто, что лучшей участи России [так!] не заслужила».

¹³ Судя по всему, Грузенберг предложил Милокову разрешить ему отозваться на «Книгу жизни» Дубнова в ПН. 27 июня 1935 г. Милоков отвечал Грузенбергу: «О втором томе “Воспоминаний” Дубнова Вы уже прочли в «П[оследних] Н[овостях]» фельетон Литовцева, написанный в ином тоне, чем, по-видимому, Вы предполагали. Тем труднее газете вернуться к этой теме с другим освещением» (Письма Милокова – Грузенбергу. С. 267).

¹⁴ В архиве Вишняка сохранилась машинописная копия этого письма (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46): «Brösen bei Danzig, 17/VI/922».

Многоуважаемый Оскар Осипович,

Ваше дружеское приветствие меня очень тронуло, как и другие отклики затерянных друзей-соратников, ушедших из российского Содома и рассеянных по Западной Европе. После петербургского отшельничества отрадно чувствовать близость людей, с именами которых связана пройденная нами длинная историческая полоса. Я с радостью прислал бы Вам описание этой полосы в виде вышедшей в П[етербур]ге книжки “Евреи в ц[арствование] Николая II, 1899–1914” (глава из последнего тома моей “Всеобщей истории евр[ейского] народа”, готовящейся к изданию в новой редакции), если бы у меня тут был экземпляр. Поэтому я сегодня пишу д-ру Meisel’у, библиотечкару еврейской Gemeinde в Берлине (Berlin-Halensee, Halberstädter Str[asse] 3), чтобы он Вам доставил экземпляр, недавно высланный ему из Ковно, для рецензии.

Я теперь живу на берегу моря близ Данцига и отдыхаю от пережитого лихолетья. Свои переживания я записывал в страшные годы, под страхом ежедневных обысков; удалось вывезти записи среди других манускриптов, но все это хранится теперь в Ковне. Со временем, вероятно, воспользуюсь ими для своих воспоминаний.

С грустью думаю о том, сколько Вы бы могли написать о переживаниях последних десятилетий, если бы не были разлучены со своим архивом. Не теряю надежды свидеться с Вами в Берлине, куда мне, вероятно, придется наезжать из Ковно по делу издания моей многотомной “Истории евр[ейского] народа” на русском, еврейском и немецком языках.

До 15 августа я остаюсь здесь. Мой адрес: Brösen bei Danzig (два раза адр[ес] – и вверх, и вниз: мелкий бакалейщик, возмнившийся, что у него лабаз!) [примеч. в скобках – рукой Грузенберга]. Искренне преданный Вам (подп[ись]) С. Дубнов».

¹⁵ Шалит Илья Соломонович (?–1922, Германия), финансист; член правления Союза русских евреев в Германии.

¹⁶ Марголин Давид Семенович (1867–1925, Берлин), купец I гильдии; член правления Союза русских евреев в Германии.

¹⁷ Фрумкин Яков Григорьевич (1874–1971), адвокат, историк, общественный деятель.

¹⁸ предложение, внушенная мысль (франц., англ.).

109. Вишняк — Грузенбергу

Paris. 26 сентября 1935 г.

Париж, 26.IX.935.

Дорогой Оскар Осипович!

Прежде всего поручения. По № Пасси 64–69 звонил дважды. Никто не отозвался. — Швейцарского гражданского уложения у меня не имеется. Юридическая библиотека, в которой обычно занимаюсь, еще не открылась — вакансии еще не кончились, — и я позв[онил] к коллеге за справкой. В ответ получил запрос: давность по *какого рода* [долгов]м требованиям: торгово-вексельным, гражданско-правовым? И в том и другом случае тре[буется] их спецификация!..

После «д[ел]» личный вопрос. Именно потому, что и я знал, и знали *те, к кому Вы предпол[агал]и обратиться* с ходатайством обо мне, что такое обращение Вы не сделаете, «не [пол]учив на то согласия» со стороны заинтересованного лица, — именно это и в[ызва]ло мое слезное моление с упоминанием Господа Бога!.. Я очень благодарен Вам сейчас, и в прошлом за Ваше внимание даже к житейскому моему быту. И [все же мне] неприятно — и даже [немного нелов]ко перед Н[айдичем] и Р[утенбергом?], с которыми я в сам[ых] от[лич]ных отношениях, — если бы за меня просили, в частности, о том, что и обязывало [бы м]еня морально, а практически не могло бы быть даже и конкретизировано. Ибо о чем просить [и] что они могут сделать? Не могут же они всадить в меня знание иврита, при к[отор]ом я в Палестине сразу имею и работу, и заработок, а без коего и они ничего [от]сюда не поделают. Знакомых и родных у меня самого там тьма-тьмуца! Словом, [ещ]е раз — очень Вас благодарю, но не надо!

Теперь — главное: Дубнов и Горький.

Я лично Д[убнова] знаю очень мало: всего один раз встретил его и беседовал с ним на съезде еврейских меньшинств в Цюрихе в 1927 г. У меня к нему нет никакого личного пристрастия. Не было ни личных отношений, ни размовок. И то, что я написал о нем в «Совр[еменных] зап[исках]», я написал по совести. Меня вообще трудно побудить писать отзывы о людях и книгах, о которых, на мой взгляд, объективно не следует писать. И, мне кажется, уже никак невозможно меня заставить написать то, чего я не думаю. «Письма о старом и новом еврействе» вошли элементом в мое духовно-душевное развитие¹. Этот элемент живет и сейчас и не во мне одном, конечно, а [в] целом ряде, чтобы не сказать: в целом поколении русских евреев. Как историк, Д[убнов] мог быть и компилятором, — и у Милокова имеются целые томы бездарных, так называемых исторических трудов, что не мешает ему быть выдающимся историком, потому что судят человека по его вершинам, а не низинам. [Он] мог быть и не оригинален, но только *ему* удалось сказать то, ~~что останется~~ чему суждено остаться в истории р[усс]ко-еврейской идеологии. Я считаю, что пишет он старомодно и слащаво, не всегда на [ру]с-

ском языке вполне корректно. Но какое это может иметь значение? Какое значение может иметь [то, чт]о кончил он или не кончил среднее или высшее учебное заведение? Кому до это[го д]ело и кому это интересно, кроме самого «не-кончившего» или его противников. [Так,] не кончил университета Прокопович². Не кончил российского высшего учебного [зав]едения покойный Богдан Кистяковский, замечательнейший русский философ и соц[иол]ог права³. Не написал, точнее, — не напечатал ни одной диссертации мой учитель и друг Кокошкин⁴. Это не мешало Еллинеку⁵ считать его самым выдающимся русским государствоведом⁶, несм[отря] на существование многотомного Максима Максимовича Ковалевского⁷ и всяких прочих докторов [утр]иусквэ иурис⁸. Неубедительным мне представляется и упрек **Ваш** по адресу Д[убнова], что он не любил России. Он не любил *царской*, угнетавшей евреев России. И он сумел возвыситься до того, чтобы увидеть, что и *большевицкая* Россия отнюдь не лучше пе[рво]й. Я готов допустить, что некоторые из формулировок Д[убнова] — они писались ведь «д[ля с]ебя» или для опубликования дневника в более или менее отдаленном будущем, — [не] вполне удачны и могут покоробить щепетильного русского патриота, видящего смысл России и ее [ка]чество только в прошлом и ~~традиционно-российско[м]~~ в традиционном. Для меня эти словесные — а может быть и эмоциональные — неудачи с лихвой окупаются той последовательной непримиримостью в отношении к большевизму, которого у большинства евреев, на мой взгляд к их позору, не встретить. Большинство анти-большевиков евреев считают невозможным даже сопоставлять и сравнивать наци с большевиками, а Сталина с Гитлером. В этом Д[убнов] никак не повинен! Этим он отличается от *громadного большинства* евреев. И это составляет, на мой взгляд, его громадную политическую заслугу, обнаруживая одновременно и его *историческую* чуткость и интуицию. Я скажу за себя: да отсохнет рука моя, если я забуду тебя, Россия. Я считаю себя до гроба преданным России, российской демократии, российским евреям, даже социализму в его русском, народническом понимании и т.д. И в качестве такого именно «ультра-патриота» я ~~считаю~~ полагаю, что дубновский анти-большевизм объективно гораздо ценнее его чрезмерного, может быть, отталкивания от старой России, очень многогрешной, в частности, в отношении к евреям...

Но это все «между прочим», скор[ее] «по поводу» поставленного Вами вопроса. По существу же вопроса я считаю, что [на]писанное Д[убновым] о Вас, конечно, неприятно, — но все-таки не в тех пределах, что сле[дова]ло бы произвести общественный скандал. А выступление сейчас против Д[убнова] — в во[скр]есенье ему исполнится 75 лет, и, в связи с этим, предстоят повсеместно, и в Пари[же,] ряд собраний для заочного его чествования — имело бы именно такой характер и [зна]чение. Я считаю, что в своей книге воспоминаний было бы вполне естественно, ес[ли] бы Вы ответили на упреки Д[убнова] или, не отвечая ему прямо, дали бы другой вариант со[быт]иям, о которых он упоминает. Но в газетной статье полемизировать и оспаривать [в бо]льшей своей части ценностные суждения Д[убнова], мне кажется, *не следует!* Это грозит придать ответу слишком личный характер. В крайнем случае, я, может быть, написал [бы] частное письмо, не для печати, самому Д[убнову]. И этим, *до* собственной «Книги жизни» ограничился бы. ~~Это частное послание:~~ это дало бы выход чувству «Не могу мол-

чать», [при]сущему не одному Толстому, и в то же время не вызвало бы общественного скан[дал]а. — Говорю по совести, как думаю и как сам поступил бы. Общественная деятельность имеет свой вкус, имеет и свой риск: один из них тот, что твое доброе имя [и т]ы сам выставляешься напоказ не только не тем фасом, которым бы хотел, но [и] не тем людям, с которыми ты общался и которые тебя интересуют...

Прежде, чем перейти к Горькому, два слова по поводу Вашей антитезы: Толстой — поэт отживших, Горький — поэт еще не живших... Что это за *положительное* качество: еще не жившие, «молодое зеленое п[ле]мя» и проч.? Когда я был среди этого племени, я всегда удивлялся, почему это нам льстят, почти заискивают в нас, вообще принимают *возраст*, т.е. по существу течение во вре[ме]ни принимают за что-то само по себе ценное. Когда я перечислился из «детей» [в] «отцы», я перестал тому удивляться, а стал [воз]мущаться, почему временная категория приобретает качественные свойства, и нынешняя оголтелая и звероподобная, футболистская и боксерская, педерастическая и деньги-делающая молодежь (не вся, конечно) имеет больше права на признание, чем не обладающая такими качествами зрелость и даже старость. Ведь с точки жизни *отжившие* так же стоят вне ее, как и *нежившие*! А если стоять, скажем, перед истиной, то психология умирающего древнего римлянина или одинокого Галилея, умирающего, но не отступающего от своего «а все-таки она вертится», мне куда милей [и] ближе ~~желающих жить~~ живущих по новинке, только потому, что она свежее и моложе, и рад[ующ]ихся безотчетно всякой новой земле, не спрашивая ни себя, ни других: на что она нам, в сущ[нос]ти, нужна, что мы с ней будем делать?!

Я не стану долго говорить о Го[рьк]ом. Здесь уже начинается зона иррационального, или сверх-эмоционального. 15 лет [тво]рит Горький свои гнусности, а Вы спрашиваете, что он сделал, какие факты можно [ск]зать?!

Приведу Напомню лишь то, что можно, как г[ов]орится, осязать. Отношение Горького к террору и «золотому сердцу» Дзержинского [и е]го беспредельное подхалимство. Подхалимство ради чего: амбиции, корысти, жажды [вл]асти?.. Ответьте сами! Горький не дурак и не может не понимать той пошлости, что он говорит и пишет (!) о Сталине, как вершине не только политической, но и стил[ист]ической гениальности. Горький не физически, а *морально* освятил того гнусного [«но»]вого человека», которого вырастили большевистские чекисты, который послужил [про]тотипом гитлеровским наци и который еще покажет себя, с поворотом на 180°, в п[об]ольшевистский период России. Тот *гуманизм*, которым только и живо было человечест[во] в новое время, и который и составлял душу демократии, социализма, русской интеллигенции, он окарикатурен, он высмеян, он опозорен, и ~~лежит~~ положен на свалку морально Г[орь]ким. Горький не может против этого спорить, потому что то, что я говорю сей[час] по его адресу, он сам говорил, несмотря на свои интимные отношения с Ленин[ым и] другими в течение всей его жизни, это самое говорил сам Горький по адресу б[оль]шевиков в конце 17-го, в 18-м и, если не ошибаюсь, еще в 19 году. Потом он пред[ал] — устал или продал — и других, и себя. И он уже покаран «высшей мерой» для худож[ни]ка — предельным бесплодием! Горький может славословить Сталина за Беломорский [ка]нал. Но Горький как художник и как Человек давно умер. Его нет, и ни-

какие воспом[ина]ния о *бывшем* Горьком не воскресят его таланта. С большевиками можно драться. Их м[ожн]о ненавидеть и проклинать. Горьких можно *только презирать*. Чтобы помина[ть] их добрым словом, для этого сейчас — не время, а у меня и мне подобных [и] нет никакого расположения.

Публикуется по машинописной копии (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибах листов полностью утрачены от сырости.

¹ Вишняк ведет речь о книге С. Дубнова «Письма о старом и новом еврействе (1897–1907)» (СПб.: Общественная польза, 1907).

² Если Вишняк говорит об экономисте, публицисте, общественном деятеле Сергее Николаевиче Прокоповиче (1871–1955), то он ошибается: учась в Петровской сельскохозяйственной академии, Прокопович действительно был отчислен из нее в 1891 г. за участие в студенческих беспорядках и заключен в тюрьму, но впоследствии, в 1899 г., он окончил Брюссельский университет.

³ Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920), правовед, философ-неокантианец, социолог.

⁴ См. примеч. 5 к п. 43. Вспоминая впоследствии своих университетских преподавателей, Вишняк писал о Кокошкине: «Федор Федорович Кокошкин с первого взгляда производил несколько странное и неблагоприятное впечатление какого-то напыщенного пшюта. Выше среднего роста, сухощавый, в пенсне на огромном носу, сквозь которые глядели холодные глаза, Федор Федорович поражал безвкусием лихо закрученных усов и длиннейшим ногтем на мизинце. Он беспрестранно курил, а когда начинал говорить, говорил громко, но так, что сначала ничего нельзя было разобрать: он не выговаривал твердого “л”, гортанного “р”, свистящих “ч” и “щ” и, кажется, еще несколько букв. Надо было привыкнуть к его произношению, чтобы по достоинству оценить поразительную отчетливость его мысли и, в конце концов, придти к убеждению, что, при всех фонетических изъятиях речи, Кокошкин незаурядный оратор, — английского, а не французского или русского типа» (Вишняк 1954. С. 69).

⁵ Еллинек Георг (Georg Jellinek; 1851–1911), германский правовед, представитель юридического позитивизма, доктор философии и права, профессор университетов в Вене (с 1883 г.), Базеле (с 1885 г.), Гейдельберге (с 1891 г.).

⁶ Эту же мысль Вишняк повторяет в своих мемуарах: «сам Георг Еллинек, у которого Кокошкин слушал лекции, когда был оставлен при университете, считал его самым талантливым русским государствоведом среди тех, что учились у него» (Вишняк 1954. С. 69–70).

⁷ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), историк, правовед, социолог, политический и общественный деятель, академик; депутат I Государственной думы и Государственного совета.

⁸ *iuris utriusque* (лат.) — гражданского и канонического (религиозного) права.

110. Грузенберг — Вишняку

Nice. 29 сентября 1935 г.

29 сент. 1935 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Дорогой Мно[гоу]важаемый Марк Со[лом]онович [так!],

если бы не огорчившая меня приписка о том, что Вы ликвидируете свою обстановку и квартиру, я, ввиду странного и местами шутовского тона Вашего письма, счел бы себя вынужденным признать, что наша дружба должна быть сменена простым знакомством. Но мне так больно, что Вы вынуждены ломать привычный для

Вас и Марьи Абрамовны [Вишняк] — и без того скромный — уклад жизни, что не считаю возможным добавлять к Вашим переживаниям хотя бы самую ничтожную неприятность.

Вы не пишете, — для чего Вы учиняете этот жуткий разгром. — Уезжаете ли из Парижа, или решили перейти в меблированную комнату? — Последнее ужасно не столько само по себе, сколько как признание себя побежденным. Нельзя ли оттянуть Ваше решение: вот увидите, удача еще Вам улыбнется, и притом скоро. Нельзя ли повременить с ликвидациею? Это сообщение так меня огорчает, что, получив Ваше письмо сегодня, в воск[ресенье] утром, я сел, чтобы написать Вам лишь в шестом часу.

Отвечу Вам и относит[ельно] Дубнова, и М. Горького.

О Дубнове.

Меня не могло не удивить Ваше уговаривание не делать *скандала* Д[убн]ову к его юбилейным дням. — Будьте добр[ы у]казать хотя бы одну фразу, даже одно *слово* из м[оего] письма Вам, к[ото]рые дали Вам не только основание, но даже повод к увещеванию меня.

Я никогда не портил никому его праздника — а если бывал резок в *изустном* слове, то никогда на письме! Откуда Вы взяли, что мой ответ Дубнову в печати будет так резок или груб, что будет носить характер *скандала*?!

Вы пишете, что в воск[ресенье] (значит, *сегодня*) будет юбилейное собрание в Париже¹. Если и в других городах будут собрания, — то, соответственно «неделе о слепце и хромце», это не может продолжаться долее недели — значит, о предотвращении какого «*скандала*» Вы хлопочете? — Разве я сдал уже статью о допущенном Д[убновы]м в отношении меня не только эскамотаже², но грубой и заведомой *лжи*?! Более чем странен Ваш совет написать Д[убнов]у *письмо* или *отложить* свой ответ до выпуска мною книги «Моя жизнь»... Вы, что же, шутки шутите! — Ни Вам, ни мне не до шуток: у нас обоих достаточно личного *горя*, — притом непоправимого, по крайней мере, у меня.

Если же я реагирую на злобные и бесчестные выходки Дубнова, то только по той причине, что мое имя принадлежит не мне, даже не моей семье, — а деся[т]кам тысяч людей, подаривших мне высокое, но в то же время мучительное счастье сделать его своим. Это *единственная* причина, почему я считаю себя обязанным реагировать на выходку Д[убнова].

Не могу понять — как Вы решаетесь советовать мне *написать* Дубнову. Отдавали ли себе отчет в том, что написали? Я понимаю, если бы Вы или кто-либо из членов В[ашей] редакции написали про меня *по ошибке* что-л[ибо] неприятное, то, не сомневаясь в Вашей добросовестности, я мог бы обратиться с письмом. Но Дубнов — ханжа и фальшивка, написав мне летом 1922 г. письмо, которое я приложил, в копии, к моему письму Вам, достаточно себя проявил!

Еще более странно В[аше] предложение написать свою книгу «Моя жизнь». Вы отлично понимаете, что такой книги никогда не позволю себе написать: даже Толстой не позволил себе выпустить такую книгу.

2) Затем, почему Вы нашли нужным допустить эскамотаж и в отнош[ении] м[оего] указания, что выходка Д[убнова] в отнош[ении] предложения С.А. Венгерова дать о себе сведения для «Слов[аря] писателей» вызвана, как говорил

Семену Аф[анасьевичу] «приятель» Д[убно]ва, неловкостью сообщить, что «историк» не получил даже среднего образования. Не желая сослаться на «мертвецов», я Вам указал (со слов канд[идата] прав Вольфа, *хлопотавшего* о предоставлении Д[убно]ву в Ковен[ском] ун[иверсите]те кафедры евр[ейской] истории), что такая же история разыгралась в Ковне, окончившаяся большим скандалом, — н[а]сто[лько] большим, что Д[убнов] не осмелился упомянуть [о н]ей, ибо ее нельзя было извратить, как это сде[ла]но в отнош[ении] *мертвого* Венгерова. Подумайте, к[аки]м надо быть дрянным человеком, чтобы свой [поз]ор превратить в подвиг. Что касается Вашей ссылки, — очевидно, *par dépit*³, на проф. Кокошкина, — то она так *чудовищна*, что остается лишь, как говорят в таких случаях французы, *hausser les épaules*⁴... Как Вы решились на такое сравнение? — Кокошк[ин], слава Тѣ[?], блестяще окончил ун[иверсите]т, был послан для усовершенствования за границу; очевидно, восторженный о нем отзыв заграничных профессоров основан не на *отсутствии у него печатных работ*, а тем впечатлением, которое производил он во время научных с ним бесед. — Вот так нередко с Вами. *Vous êtes prompte à la réplique*⁵, — а качество этой реплики Вас не интересует.

Что касается авторитета Д[убнова], то Грузенбергу он не опасен. Вот «Сегодня», которое после смерти Ганфмана редактирует недоучившийся издатель⁶ (д-р, соиздатель не вмешивается), и ему никто не смеет перечить, поместило статью известного ему по Петерб[ургу] мелкого шантажиста Пильского (в Риге его называют Перепильским) о кн[иге] Д[убно]ва⁷, то, все же, зная отношение ко мне рижан, сочло нужным вставить после приведения пошлой выходки Д[убно]ва по поводу того, что я сказал, что во время войны надо думать об обязанностях, а не о правах⁸, встави[ть] такую фразу: «Но *лично* Гр[узенбер]г производи[л] на Д[убно]ва *сильное и хорошее* впечатление»⁹. [И] это несмотря на то, что Д[убнов] живет вот уже 1½ г. в Риге! — Большой плюхи, чем эта вставка, Д[убнов] не мог получить. Он *отлично* хорошо понимает, что евр[ейские] массы, несмотря на его религиозное ханжество, на наивный поход против крещеных, отлично разбираются, что Д[убнов] лишь *schreibt resolutiis*¹⁰, а Гр[узенбер]г бился за свой народ даже на фронте и добился небывалого по д[елу] Гершановича, в Главном Воен[ном] Суде — признания *во время войны* судеб[ной] ошибки¹¹! Между тем, из свыше *полумиллиона дел*, разобранных с 66 г. росс[ийскими] судами местами разных наименований, нет и *трех десятков* возобновленных дел! — Не его, Д[убно]ва, имени [так!] названа улица в Тель-Авиве¹², не его именем названы пароходы, [стипендии] не его имени учреждены почти в 90% евр[ейских] учебных заведений¹³! Так оно было, так он[о] будет по день м[оей] смерти. Бывш[ий] здесь год т[ому] н[азад] В.Л. Бурцев посетил, конечно, меня; провели втроем (он, Роза Г[авриловна] и я) вечер. Он много рассказывал об эмигрант[ской] склоке, о том, что нет ни одного эмигрант[ского] имени, незаплеванного. Потом он остановился: «нет, я не совсем точен, — есть одно только имя, которое одинаково все уважают — от крайних левых *до крайних правых включительно*, — это Ваше, Оскар Осип[ович], имя: просто удивительно!»

Вы хороши с Ярблюмом — и он Вам может рассказать, как *в прошлом году* года полтора т[ому] н[азад], когда я написал статью о д[еле] Бейл[иса], а он перевел ее на евр[ейский] яз[ык], — то она была перепечатана евр[ейскими] газетами *всех*

стран, — даже Австралии — не только на евр[ейском], но и на англ[ийском], франц[узском] и др. яз[ыках].

Останавливаться дольше на Д[убнове] считаю излишним.

Вас удивило — почему я думаю, что Вас попросили дать отзыв о III т. «Моя жизнь»¹⁴. Я полагал, что просил Литовцев¹⁵. Я имел все основания так думать: ни о I, ни о II т. «Моя жизнь» в журнале Вашем не только Вашей, но и чьей бы то ни было рецензии не было! Вы пишете, что Вас никто не просил дать рец[ензию], — да будет так.

О Горьком

Удивляюсь, зачем Вам понадобилось повторить ту же *неверность*, которую я установил на основании Вашей же книги: пресловутый отзыв о «золотом сердце» Дзержинского! Если Вы в первый раз ошиблись, приписав ему то, что сказал Луначарский¹⁶, то как назвать Ваш рецидив после того, как Ваша ошибка установлена? В дальнейшем Вы просто *браните* его и даже доходите до утверждения, что *скончался его талант!* Зачем Вы написали это? — Горький моложе меня лишь на *три года* (родился он в 69 году)¹⁷. Еще в прошлом или в начале этого года критик «Посл[едних] нов[остей]», вечно хихикающий Адамович, дал отзыв о новом романе Горького, назвав его *оч[ень] талантливым*¹⁸. А ведь Горькому пошел 67-й год! Скажите, кто из русских писателей в *таком возрасте*, кроме Толстого («Воскресенье» [так!] и др.), давал новые талантливые произведения?

Вы опять утверждаете, что он раньше не был большевиком. — Я уже Вам писал, что ошибаетесь. Теперь, когда я писал о Горьк[ом] и возобновил в памяти его письма ко мне, я нашел такую фразу в его письме мне от 8 сент[ября] 1908 г.: «был здесь Буренин, и мы много говорили о Вас»¹⁹.

Буренина я защищал года за два до того. Буренин был секретарем (т.е., председателем) С[анкт-]П[етер]б[ургского] Комитета большевистской партии. Защищал я его по просьбе Горького — и Буренин после оправдания сказал мне, что Горький их член. Я и раньше догадывался, но точно не знал. Помню, меня удивило, что председ[атель] нашего Совета прис[яжных] пов[еренных] Стасов²⁰ явился в заседание — и перед началом дела сказал мне: «смотрите, *защищайте* хорошо, — Буренин — наш друг». — Ума Стас[ов] был небольшого (можете судить по приведенной фразе), но оч[ень] хороший человек. Я не мог понять, почему он проторчал весь процесс в пустом зале (дело шло при закрытых дверях, но он был допущен, как присяж[ный] повер[енный]). Когда победили большевики, и дочь Стасова Ел. Вл. [так!] стала председ[ателем] Чека²¹, я понял, кто погнал его, глубокого старика, на процесс. Вы видите, что повторяете упорно прежнюю свою ошибку, когда говорите, что Горьк[ий] не был большевиком. Что он, Горьк[ий], плохо разбирается в программных вопросах, я думаю, вероятно так же, как и Вы. Что Горьк[ий] был правый большевик, не сомневаюсь, но ведь и Каменев, и Троцкий были *против* разгона Учред[ительного] собр[ания]. В Вашей книге приведены, помню, слова матроса: «если Ленин с нами не согласен, то мы и его» (не помню глагола, а сочинять цитаты не люблю)²².

Вы считали нужным написать мне, что не сумеете впредь отвечать мне снова. Утешаю себя тем, что мои просьбы никогда не переходили границ телеф[онных] сношений. Хотя телеф[она] нет у Вас, но Вам приходится в течение дня много

передвигаться — значит, можете позвонить из любого места. Однако категорически заявляю, что не только не стану беспокоить Вас своими поручениями, но и письмо мое является *последним*. Я устал от Ваших вечных историй, грубостей и неприятностей. Перессорили Вы меня с В[ашими] товарищами по редакции (они же и по партии), к которым, как и к журналу, я относился с неизменным уважением.

Расставаясь с Вами, я от души желаю Вам всего хорошего и доброго. Я Вам как-то сказал, что теперь ни с кем не ссорюсь, так как придется уйти, не помирившись.

С совершенным уважением

О. Грузенберг

P.S. Да, по поводу Вашей пошлой шутки. — Когда Я написал Вам, что Толстой — певец *отживших*, а Горький *еще не живших*, — тех миллионов, которых матери рожали в муках и тревожной надежде на счастье, как нас, уходящих, рожали наши. Вы нашли возможным написать мне пошлую шутку: «Вы говорите о детях?..» Будьте спокойны: всякий, ~~если он~~ кто не склонен к пошлостям, скажет, что эта сжатая формулировка удачна. Удивляюсь, что Вы забыли, *кому* Вы пишете. — На моей совести нет ни чужой крови, ни даже слез. А благословений, — притом заслуженных, — немало. Вы, вероятно, знакомы с Переверзевым, которого не только глубоко уважаю, но и люблю за его исключительную душевную чистоту, не говоря уже об его увлекательном таланте. Он мне год тому назад (а ненавидит он большевиков, пожалуй, более, чем Вы!) написал: «если, когда ты еще взбирался на высоту, для многих и многих недоступную, — у тебя могли быть завистники, то теперь не найдется *никого*, кто позволил бы себе сказать, что то высокое место, которое ты занимал, далось тебе не по праву»²³.

Что касается Горьк[ого], — то сейчас вспомнил. — Года 1½ т[ому] н[азад] здесь читал публичный доклад Эррио о своих росс[ийских] впечатлениях²⁴. С какой любовью он говорил о Горьком, читал небольшие отрывки из его произведений с таким увлечением, что весь огромный зал, состоявший на 2/3 (на глаз) из русских, аплодировал ему с большим увлечением. А русские здесь сплошь, как Вы, вероятно, слышали, правые из правых.

Под влиянием Вашего грубого письма, я посылаю сейчас телегр[амму] брату, что если книга еще не вся набрана (получил письмо от брата дней 10–12 т[ому] н[азад], да в пути оно было 7 дней — обычный срок для писем из России), — если не вся набрана, то немедленно вышлю рукопись. — Искренне благодарю, — это я делаю под влиянием В[ашего] письма. Мне еще никто не смел писать, чтобы я не дал или не делал того-то²⁵.

До какой степени Вы относитесь небрежно к своей аргументации, видно из того, что возмутительные строки Дубнова (стр. 10 и др., мною указанные) Вы относите к... *царскому* правительству. Это заведомо неверно: достаточно прочесть 10 стр[аницу], проникнутую *злорадством* по поводу бедствий России, с подлым рефреном, что несчастная страна их заслужила. И в этом море злобы и злорадства *ни одного* доброго слова о русском обществе, о русской интеллигенции — лучшей из лучших.

Вы сами знаете, что от многого Вы отреклись. — Говорили мне много раз, что в «Посл[едних] нов[остях]» работать не можете, т.к. социалист не может печатать

таться в буржуазном органе. — *А теперь?*! Говорили, что всю жизнь чувствовали себя *русским*, — а потому совершенно чужды *по духу* евр[ейским] организациям и их деятельности. *А теперь?* Недавно попрекали террором *Соловьева*, кость от кости, плоть от плоти возникших впоследствии народнических революционных партий²⁶.

Что ж, сила ломит и соломинку!.. Друзья не должны подчеркивать явные расхождения с самими собою друзей. Я так и поступал. Но когда Вы находите возможным мальтрегировать²⁷ людей, как я, у которых хватило и воли, и чести, и упрямства оставаться [пр]и самых трудных моральных условиях, равными самим себе, — то они, потеряв терпение, вправе сказать Вам: если Вы лишены чувства пиэкета к кому бы то ни было, не уважаете чужой работы, чужих заслуг, — то будьте осторожны на поворотах и соблюдайте общепринятую дистанцию.

Вы осмеливаетесь поучать меня, — меня, который на 8-м мес[яце] после победы большевиков принял, не колеблясь, обязанности супер-арбитра и постановил решение против Горького и его газеты, мотивировав это решение *сурово* и заставив напечатать его на *первой* стр[анице] «Новой жизни». Об этом Вам может рассказать И.И. Манухин — один из членов этого суда²⁸.

Вы требуете, чтобы я, не получив от Вас и друг[их] злопыхателей Горького, ни *одного* факта, ни даже намек на доказательство, заплевать жизнь этого замечательного писателя и человека, к[ото]рого чтит *весь* культурный мир, сочинения которого *еще до победы большевиков* разошлись на разных языках свыше миллиона экземпляров, которого избрала в академики *старая академия*, которому уже после победы большевиков предположено было выдать нобелев[скую] премию, чему воспротивился Эм. Нобель (я это слышал от него самого, в его квартире в Стокгольме)²⁹. — Ну, да что там!.. Ясно все.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46). Фрагменты текста на сгибах листов утрачены от сырости.

¹ Юбилейное чествование С.М. Дубнова в связи с его 75-летием, организованное Кружком русско-еврейской интеллигенции в Париже, проходило несколько позднее — 15 октября (отель «Модерн»); см.: *Б-ъ*. 75-летие С.М. Дубнова // ПН. 1935. 1 окт. № 5304. С. 4; Там же. 12 окт. № 5315. С. 4; Там же. 15 окт. № 5318. С. 4. Вечере принимали участие видные еврейские деятели: раввин Парижа Ж. Вейль, Р.А. Абрамович, Г.Я. Аронсон, Бен-Адир, Л.М. Брамсон, Ю.Д. Бруцкус, И.Р. Ефройкин, М.А. Кроль, М. Либер, С.В. Познер, Я.Л. Тейтель и И.А. Фишер. Еще одно его чествование, устроенное Еврейским научным институтом совместно с Еврейской (идишской) энциклопедией, состоялось в ресторане «Квик» (ПН. 1935. 15 окт. № 5318. С. 4).

² *escamotage* (франц.) — ловкое, незаметное сокрытие чего-то; увилвание.

³ См. примеч. 4 к п. 104.

⁴ *пожать плечами* (франц.).

⁵ Вам бы скорей ответить (франц.).

⁶ Имеется в виду Алексей Иванович Денфер (1881—1936), бывший морской офицер (в отставку вышел перед Первой мировой войной, но во время войны вновь вернулся на флот). Участвовал в Гражданской войне в Добровольческой армии. В 1935 г. стал ответственным редактором «Сегодня» (с № 106) и «Сегодня вечером» (с № 89). До этого редактировал в Риге «Семь дней спорта» (1925, вышло три номера; № 1 — 23 апреля).

⁷ Пильский дважды откликнулся на «Книгу жизни» Дубнова (рецензию на 1-й том, под псевдонимом Р. Вельский, см.: *Сегодня*. 1934. 17 июля. № 195. С. 3). В данном случае речь

идет о подписанной псевдонимом П. Трубников статье-отклике «О Грузенберге и Винавере, погромах и толстовстве и великой вере: Новая “Книга жизни” С.М. Дубнова, т. II, 1935», напечатанной в «Сегодня» (1935. 15 июня. № 164. С. 2). Помимо других раздражителей для автора письма, в статье содержался рассказ о разговоре Дубнова с Венгеровым, к которому Грузенберг обращался и в предыдущем и в данном письмах к Вишняку; в пересказе Пильского он выглядел так (для Грузенберга это, разумеется, выглядело заведомой ложью): «Когда историк литературы С.А. Венгеров попросил его дать биографические сведения для “Словаря русских писателей”, Дубнов отказался. Он объяснил, что считает себя не русским, а еврейским писателем. Венгеров написал ему вторично, объяснял, что в словарь входят имена пишущих по-русски независимо от содержания произведений, — Дубнов остался при своем решении». Ср. реакцию Грузенберга на эту статью Пильского в письме к М.С. Мильеру от 20 июля 1937 г.: Русская печать в Риге. Кн. 5. С. 97.

⁸ В «Книге жизни» С. Дубнов, обращаясь к воспроизводимому Пильским эпизоду, рассказывал, что Грузенберг, «слишком поддающийся минутным настроениям, сказал: “Если бы надо было формулировать отношение евреев к войне, я сказал бы: евреи сейчас думают не о своих правах, а только о своих обязанностях в отношении своей великой родины”. Эта мысль шла вразрез со всем, что меня волновало с первого дня войны. Я немедленно написал первую заметку из серии “Inter arma” под заглавием “Права и обязанности”. Я поставил вопрос: “Действительно ли евреи, несомненно думающие о своих обязанностях и самоотверженно их исполняющие, так быстро, выражаясь по-военному, эвакуировали свои головы от всяких мыслей о правах, о бесправии в настоящем и устранении его в будущем?” Со сдержанным негодованием, остерегаясь шипов военной цензуры, я отвечал: “Народу, наиболее обездоленному в гражданском отношении, советую не думать во время войны, для которой он приносит колоссальные жертвы, о своих правах, о том простом акте гражданской справедливости, который по велению совести должен последовать за нынешней войной, с опозданием по крайней мере на сто лет... Создалось бы представление о евреях как об илотах, идущих даже в бой с клеймом вечного рабства”. Нет, “евреи в своей интеллигенции и массе не только крепко думают о своих правах, среди жгучих забот об исполнении обязанностей, но именно в сопоставлении с обязанностями народная дума о правах приобретает особенную остроту, сложность и трагичность”. Статья кончалась призывом к борьбе против безнадежности: “Давайте подумаем, что можно сделать теперь же для борьбы с разъедающей нас безнадежностью, для исцеления глубоко раненной еврейской души, для укрепления нашего духа таким идеалом, который совмещал бы элемент надежды с элементом непрерывного действия”» (*Дубнов С.М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени: [В 2 т.]. Т. 2 (1903—1922). Рига: Jaunātnes Grāmata, 1935. С. 169—170*). Статья Дубнова была напечатана в «Новом восходе» (1914. № 52. С. 6—8).

⁹ Пильский писал: «Но сам Грузенберг производил на Дубнова большое и хорошее впечатление. Как защитник в “ритуальных” и политических процессах он давно уже приобрел известность» (*Трубников П. [Пильский П.М.] О Грузенберге и Винавере, погромах и толстовстве и великой вере: Новая «Книга жизни» С.М. Дубнова, т. II, 1935 // Сегодня. 1935. 15 июня. № 164. С. 2*).

¹⁰ пишет резолюции (нем.-лат.).

¹¹ См. примеч. 41 к вступ. ст.

¹² О том, что именем Грузенберга — после оправдания М. Бейлиса — была названа улица в Тель-Авиве, говорилось во вступ. ст. Этот же «аргумент» — названную в честь него улицу — Грузенберг приводит в воспоминаниях о П. Рутенберге, к которому относился с глупой ненавистью: «Теперь, говорят, он снова сионист, отлично устроившийся в Палестине, вероятно, топчет в Тель-Авиве своими сапожниками носящую мое имя улицу, — мою почесть, заработанную тяжелым трудом» (цит. по: *Хазан Вл. Пинхас Рутенберг. Т. 1. С. 458*).

¹³ Ср. в главе «Судороги» из неопубликованной при жизни Грузенберга его второй книги воспоминаний: «В Киеве [1918 г.] жилось мне неплохо. [...] Евреи не забыли ритуально-го процесса Бейлиса, — да и трудно было забыть, так как во многих училищах были учреж-

дены стипендии моего имени, а по Днепру плавал садившийся часто на мель пароход, носивший мое имя» (*Грузенберг О.* Страницы воспоминаний / Вступ. статья, публ. и коммент. В.Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 227).

¹⁴ В пылу спора Грузенберг называет «Книгу жизни» Дубнова «Моей жизнью».

¹⁵ Поляков-Литовцев Соломон Львович (1875–1945), журналист, публицист, прозаик, драматург, мемуарист.

¹⁶ Грузенберг прав: слова о «золотом сердце» Дзержинского принадлежат Луначарскому.

¹⁷ Горький родился 16 (28) марта 1868 г. и был младше Грузенберга без малого на два года.

¹⁸ По всей видимости, Грузенберг ошибается, имея в виду отзыв Адамовича на Горько-драматурга (пьесы «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие»), см.: *Адамович Г.* Две пьесы Горького // ПН. 1934. 29 нояб. № 4998. С. 3. Едва ли этот отзыв можно назвать комплиментарным, но Адамович действительно отмечал в нем сильные стороны Горького-писателя: «Даже в своем сыроватом состоянии обе горьковские пьесы все-таки гораздо ярче и значительнее всех тех трагедий и драм, комедий и водевилей, которые выходили в последние годы из-под пера советских писателей. Это надо признать сразу: Горькому очень далеко до Эсхила, но Киршону или Вишневскому до него — еще гораздо дальше. Помимо того, что у Горького в каждой фразе видна опытная, умелая рука, есть у него и другое огромное преимущество перед любым советским драматургом: ощущение сложности жизни, способность рисовать человека, наделенного противоречиями, неожиданными, неповторимо-индивидуальными чертами, необъяснимыми никакой “классовой прослойкой”. Следует заметить, что Адамовичу принадлежит и более ранний отзыв — на горьковский роман «Жизнь Клима Самгина» (ПН. 1932. 25 авг. № 4173. С. 3), в котором он отмечал, что это крупнейшее произведение писателя, «но крупнейшее только по размерам, а не по достоинствам».

¹⁹ Этот момент отражен в воспоминаниях Грузенберга о Горьком: «Некоторые ставили Горькому в вину, что он будто бы прикидывался большевиком, что он им никогда не был. Неправда, он был большевиком с первых годов образования этой партии. Это было известно не только людям близким к литературе, но и к властям. Лично я могу дать следующее свидетельское показание: он обратился ко мне за защитой секретаря петербургского комитета партии большевиков — Буренина. Можно найти отголосок в письме ко мне Горького от 8-го сентября 1908 года: “На днях здесь был Буренин, много говорили о вас”» (*Грузенберг О.* О Максиме Горьком // ПН. 1936. 25 июля. № 5601. С. 2). См. также далее в воспоминаниях об устроенной Горьким Каприйской школе в примеч. 9 к п. 60. Буренин Николай Евгеньевич (1874–1962), музыкант; участник революционного движения. Был знаком с Горьким с 1905 г. (по заданию ЦК РСДРП сопровождал Горького и М.Ф. Андрееву в США). При советской власти работал уполномоченным Народного комиссариата внешней торговли; собирал материалы по истории русского революционного движения. См. его воспоминания «Памятные годы» (Л., 1957).

²⁰ Стасов Дмитрий Васильевич (1828–1914), юрист, председатель Совета присяжных поверенных.

²¹ Стасова Елена Дмитриевна (1873–1966), партийный и советский политический деятель; дочь Д.В. Стасова. В 1918 г. была членом Президиума Петроградской ЧК.

²² В книге Вишняка «Всероссийское Учредительное собрание» таких в точности слов нет. Возможно, в памяти Грузенберга контаминировались две несколько иные сцены из данной книги: выступление Д. Мережковского на митинге Союза писателей, которое было напечатано в газете «Новая речь» от 28 октября 1917 г. («огни потушить можно, но как потушить солнце, Учредительное Собрание — солнце русской земли. Когда оно взойдет — исчезнут все призраки. Или, может быть, упырь захочет потушить солнце? Ну что ж, пусть попробует! Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что на Учредительном Собрании Ленин сломает себе голову!» С. 94) и выкрик из толпы поддерживающих Учредительное собрание («В отдельных группах “митингуют”, спорят. Кое-кто из членов Собрания пытается

ся убедить солдат в правоте Учредительного Собрания и преступности большевиков. Доносится: — И Ленину пуля, если обманет!..» (Париж: Совр. записки, 1932. С. 114).

²³ Переверзев Павел Николаевич (1870 или 1871—1944), адвокат, присяжный поверенный С.-Петербургской судебной палаты (с 1901 г.). Член партии социалистов-революционеров. Депутат IV Государственной думы. После Февральской революции прокурор Петроградской судебной палаты. С 24 апреля до 7 июля 1917 г. министр юстиции и генеральный прокурор Временного правительства. После эмиграции из России жил в Тунисе, затем переехал в Париж. С 1932 г. генеральный секретарь Федерации русских адвокатских организаций за границей.

²⁴ См. примеч. 3 к п. 99.

²⁵ См. примеч. 5 к п. 107.

²⁶ Соловьев Александр Константинович (1846—1879), революционер-народник. 2 апреля 1879 г. совершил неудачное покушение на Александра II, за что был казнен.

²⁷ От франц. *maltraiter* — дурно, грубо обращаться; обижать; издеваться.

²⁸ См. примеч. 11 к п. 60.

²⁹ Нобель Эмануил (1859—1932), шведско-русский предприниматель, нефтеторговец.

111. Грузенберг — М.А. и М.В. Вишняк

Nice. 1 апреля 1936 г.

1 апреля 1936 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Многоуважаемые Марья Абрамовна и Марк Вениаминович,
Роза Гавриловна и я просим принять нашу признательность за любезное юбилейное приветствие¹.

С совершенным уважением

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 46).

¹ 15 апреля 1936 г. Грузенбергу исполнилось 70 лет.

112. Руднев — Грузенбергу

Paris. До 24 октября 1938 г.

Многоув[ажаемый] О[скар] О[сипович],
за Вами по подписке на «С[овременные] з[аписки]» накопился небольшой долг, за №№ 65 и 66, всего 31 фр. Так как сейчас журнал попал в бедственное положение, то я был бы Вам благодарен за присылку денег.

Хотите ли Вы продолжать подписку? Только что вышел № 67 «С[овременных] з[аписок]». Если хотите, — то присоедините еще 17,50 за № 67, итого 48,5.

С сов[ершенным] ув[ажением]

ВР

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по содержанию следующего письма. Письмо на бланке: «"Annales contemporaines", revue mensuelle. Administration: 6, rue Daviel, Paris (13e). Imprimés periodiques». Пометы: «Копия»; «О. Грузенбергу».

113. Грузенберг — Рудневу
Nice. 24 октября 1938 г.

24 окт. 1938 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre — Nice

Многоуважаемый Вадим Викторович!

Письмо Ваше, сейчас полученное, огорчило меня: как это могло случиться, что я оказался в должниках «Совр[еменных] зап[исок]». Всегда боялся долгов, а тем более не простил бы себе задолженности в отнош[ении] журнала, к которому отношусь с неизменным уважением, а стало быть, с сочувствием к его трудному положению. Тут что-то напугал милейший И.И. Бунаков. За все книги, которые я выписывал, аккуратно платил. Лишь одна книга (66-я) пришла непрошено, о чем немедленно написал И.И. Бунакову. Я ее не возвратил, так как, ввиду его молчания, счел за акт любезного внимания со стороны редакции.

Однако, если вы пишете, что я должен, — значит, должен: Вы неследуемого не спросите. — На этих днях отошло вам указанные 31 фр. Что касается № 67, то высылать мне его не надо, по след[ующей] причине: раньше библиотека получала по 2 экз[емпляра] — и, все же, нельзя было дожидаться скорой очереди. А ныне и один экз[емпляр] залеживается. Причина не в журнале (он по-прежнему ведется отлично!), а в том, что исчезает русский читатель: старики впали в злобную замкнутость, а молодежь денационализируется и ненавидит либеральных писателей, как «виновников гибели России». Если еще существуют у библиотеки читатели (менее ста), то потому, что евреи любопытствуют — «а что говорят родные писатели» и, не имея исторической родины, любят ту, которая их приютила. Они и составляют главный контингент библиотечных читателей.

С совершенным уважением

О. Грузенберг

Чтобы не затягивать (Вам ведь нужны деньги), посылаю следующее поч[т]овыми марками 48 шт[ук] по 65 сан[тимов].

О получении их при этом письме, не откажите черкнуть открытку, — дошли ли. Письмо это уйдет завтра, 25-го.

О. Гр.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

114. Грузенберг — Рудневу
Nice. 31 октября 1938 г.

31 окт. 1938 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Бог, неизвестно за что, в последние годы сильно карает меня, — даже память и ту отшибло. В предыдущем письме Вы указали свое имя-отчество, а в полученном сейчас нет указания. А я то письмо куда-то засунул. Очень прошу извинить меня.

За доброе чувство, продиктовавшее Вам ласковое слово о моей книге, сердечное спасибо.

Рецензии о м[оей] книге в «Совр[еменных] зап[исках]» давать не стоит, если она будет поручена Василию Алексеевичу [Маклакову]. Я знаю из его писем его доброе мнение обо мне, но судебного дела он никогда не любил, и по душевному строю мы друг другу чужды. — У него кислотный ум и опустошенное сердце. Изданные им воспоминания показали, что жизненные впечатления у него еще не отстоялись, и он продолжает вести раздраженную полемику со всем российским «вчера», не сознавая, что все в эмиграции так измучены и обижены, что надо оберегать друг друга от печатных поношений¹. Одно было не сдержат себя в словесной полемике или переписке, другое — в печати. Моя книга не заключает в себе ничего юридического, она общелитературная, — стало быть, и рецензировать ее может всякий литератор, как это сделал Милоков, Петрищев, Пильский².

Я несколько не обижусь, если о м[оей] книге не будет никакой рецензии в «Совр[еменных] зап[исках]», несмотря на глубокое уважение, которое питаю к этому журналу. Да и время как будто прошло: после выхода м[оей] книги вышли три номера журнала. Рецензия будет походить на полугодовую панихиду³.

Насчет высланных мне И.И. Фондаминским двух кн[иг] журнала помню точно о второй, так как высылка ее возбудила во мне некоторое раздражение отсутствием рецензии. Я написал ему: «для чего Вы прислали мне «Совр[еменные] зап[иски]»? Для того, чтобы показать, что в ней нет рецензии?»

Илья Исидорович хранит аккуратно корреспонденцию, и он легко по дате рассылки журнала найдет м[ое] письмо. Не удивляйтесь и не сочтите упоминание об этом за мелочность. — Меня тяготит мысль, что я мог показаться Вам неаккуратным в денежных расчетах.

Всего доброго. С искренним уважением

О. Грузенберг

Покажите, пожалуйста, это письмо Илье Исидоровичу в части, касающейся высылки журнала. Не пойму — как это, при нашей частой корреспонденции, ни разу не упомянул, что я состою должником «Совр[еменных] зап[исок]», не говоря уже о том, что по делу издания м[оей] книги в его распоряжении были мои деньги, — стало быть, мог за меня расплатиться. Очень прошу его разыскать м[ое] письмо и показать Вам.

О. Гр.

Спасибо, многоуважаемый Илья Исидорович, за высылку м[оей] рукописи о П.Н. Милокове. Не откажите порыться в моих письмах по поводу высылки «Совр[еменных] зап[исок]». Вы, за множеством всяких дел, забыли про м[ое] письмо, о котором написал выше. Дата м[оего] письма относится ко времени посылки ~~37-й~~ кн[иги] «Совр[еменных] зап[исок]», о которой идет речь.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Воспоминания В.А. Маклакова «Из прошлого» печатались в СЗ на протяжении 1929–1936 гг. (№№ 38, 40–44, 46–48, 50–51, 53–54, 56, 58, 60).

² См. примеч. 134 к вступ. ст.

³ Ср. в письме Руднева к Вишняку (до 11 сентября 1938 г.): «Не взялся ли бы ты написать *срочно* небольшую рецензию на книгу Грузенберга? Илюша [Фондаминский] боится, что отсутствие рецензии приведет его в ярость» (Ред., п. 532).

115. Грузенберг — Рудневу

Нисе. 6 ноября 1938 г.

6 ноября 1938 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Многоуважаемый Вадим Викторович, восстановил Ваше имя-отчество, и мне теперь сподручнее писать. Вчера получил книгу «Совр[еменных] зап[исок]», за которую оч[ень] Вам благодарен¹, так как высоко ценю и люблю этот журнал: в беседах и переписке с И.И. Фондаминским я иначе не называл его как «одним из крупнейших достижений эмиграции». Этой оценки не могло изменить появление «Русских записок», так как Павел Николаевич [Милюков] строго выдерживает поставленную себе задачу². Он в свое время писал мне, что «Русские» и «Соврем[енные]» записки между собою конкурировать не будут, так как у них разные задачи: из своего издания, как *ежемесячного*, он намерен создать revue франц[узского] типа и, с присущей ему последовательностью, задачу эту строго выполняет.

Как раз вчера был у меня мой старый друг Г.Д. Сидамон-Эристов³. Несмотря на большое расстояние, нас отделяющее, он посещает меня каждую субботу: я с торчащим в животе зондом способен передвигаться лишь на малые расстояния. Показал я Георгию Димитриевичу полученную за несколько часов до его прихода книгу, заговорил о Вас и совершенно неожиданно узнал, что он был Вашим защитником по делу о центральном комитете партии с-р'ов и сохранил о Вас *любовную* память. Мне было радостно слышать, *как и что* говорил он о Вас.

Статью (точнее, самостоятельную главу из моих воспоминаний) пришлю для следующей книги Вашего журнала. Мне надо знать — *когда* Вы думаете ее выпустить. От этого зависит, — дам ли ее перепечатать на машинке или сам перепишу от руки. Насчет расходов мне теперь приходится быть весьма осмотрительным.

Предполагаю, что след[ующая] книга «Совр[еменных] зап[исок]» выйдет, к сожалению, не ранее, как месяца через 2½–3: Вам теперь не до жиру, быть бы живу. Не знаю — быть может, лучше будет, если я дам не главу из воспоминаний, а статью о Шевченко. Вы, вероятно, знаете, что в России усиленно готовятся к юбилею его, и о нем появляется статья за статью. В «Посл[едних] нов[остях]» появляются довольно часто перепечатки, — конечно, краткие. Мне довелось быть защитником Кобзаря⁴ и, в связи с этим, я увлекся мученической судьбой Шевченки и изучил много материалов. Если Вам попала в руки книга Лотоц[ь]кого «Ст[о]рінки минулого»⁵, то Вы знакомы с его преувеличенной оценкой моей роли по защите членов правления петербургского Украинского об[ществ]а, во главе которого стоял Максим М. Ковалевский⁶. Неверно писал недавно Боцяновский (перепечатку Вы, вероятно, прочли в «Посл[едних] нов[остях]») ⁷, что Шевченко любил Россию, колебался в выборе языка и т.п. вздор. Царской России он не любил, мечтал об отделении Украины, но он *честно и справедливо* относился к русскому яз[ыку] и литературе. Очевидно, Боцяновский незнаком с замечательным заветом Шевченки украинцам, — заветом, исполненным глубокой порядочности. Да и за что Шевченко было любить *тогдашнюю* Россию? — Не за то ли, что его на 34-м году Николай сослал в солдаты? За то, что высочайше запретил ему *писать* и даже *рисовать*. Даже письма родным и друзьям он лишен был права пи-

сать. Словом, хотели сделать из него живого мертвеца, а упрямый хохол сохранил живучесть и талант. Нельзя без гнева читать, как топтали его в грязь на двух жандармских следствиях, а он прямодушно говорил палачам о страданиях народных. Ему могли бы позавидовать *некоторые* из декабристов, униженно моливших: «la vie, Sir, la vie»!...

Императорской России Шевченко не любил, как не любил ее впоследствии свихнувшийся Гоголь. Создатель русской художественной прозы, в период успеха его рассказов из хутора Диканьки писал Максимовичу: «*дурни мы, что работаем для кацанов!*»⁸. Очевидно, письмо это мало кому известно...

Вместе со статьей я пришлю автопортрет Шевченки в солдатской форме с примятым картузом. Вы, вероятно, знаете, что Шевченко был выдающимся художником, любимейшим учеником Брюллова. Не хохлы, а два русских человека — Жуковский и Брюллов *выкупили* Шевченко из крепостного состояния. Как они это сделали, прочтете в моей статье. Известно ли Вам, что петербургская Академия художеств задолго до революции посвятила памяти Шевченко ту комнату, где он работал, собрала уцелевшие его рисунки, прибила мемориальную доску. Нет, *свободным*, а не лакействовавшим перед царями, русским стыдиться за участь Шевченки не приходится.

Итак, хотите, чтобы я, вместо новой главы воспоминаний, прислал статью о Шевченке? Думал послать ее Павлу Николаевичу [Милюкову], но у Вас появление ее будет уместнее. В ней 1½ листа.

Напишите мне, не очень откладывая, и укажите — к какому сроку прислать ее. Поклон Вашим товарищам по редакции. Искренне Вас уважающий

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Речь идет о 67-й книге СЗ, вышедшей в октябре 1938 г.

² «Русские записки» — общественно-политический и литературный журнал (Париж; Шанхай; 1937—1939; №№ 1—20/21; с № 4 (1938) ред. П.Н. Милюков).

³ Сидамон-Эристов Георгий Дмитриевич, кн. (1865—1953, Гренобль), частный поверенный по С.-Петербургскому окружному суду (1895), присяжный поверенный округа Петроградской судебной палаты, член Совета присяжных поверенных (1917), присяжный стряпчий при Петроградском коммерческом суде; член партии кадетов; в дореволюционное время работник министерства внутренних дел.

⁴ По-видимому, имеется в виду украинский музыкально-драматический кружок «Кобзарь», основанный в Москве в 1914 г. к столетию со дня рождения Т.Г. Шевченки (см.: Белоусов И.А. Литературная среда: Воспоминания 1880—1928. М.: Никитинские субботники, 1928. С. 248—249).

⁵ Лотоцкий Александр (Aleksander Lotocki; 1870—1939, Варшава), богослов, политический и государственный деятель; один из основных идеологов и политиков-практиков, отстаивавших идею автокефальной украинской церкви. Родился в семье православного священника, окончил Киевскую духовную академию (1861); являлся членом Украинской партии социалистов-федералистов, при гетмане Скоропадском — министр культов Украинской державы; в период Директории — комиссар Министерства вероисповедания. Трехтомные «Сторінки минулого» вышли в Варшаве в 1932—1934 г.

⁶ См. примеч. 7 к п. 109.

⁷ Грузенберг имеет в виду напечатанную в ПН (1938. 21 окт. № 6417. С. 2) заметку о статье В. Боцяновского в «Известиях» от 17 октября о работах Шевченко на русском языке. В заметке говорилось: «Изучение исторических материалов вообще полностью опровергает

попытку шовинистов обрисовать Шевченко как “врага москалей”. Подлинный (а не сочиненный шовинистами) “Шевченко любил русский язык, любил русскую литературу, великих русских писателей, народ, русскую культуру”».

⁸ В письме к М.А. Максимовичу от 2 июля 1833 г. Гоголь писал: «Бросьте, в самом деле, кацапию, да поезжайте в гетьманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуем всем. Едем! Сколько мы там насобираем всякой всячины! Все выкопаем» (*Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1978. Т. 7. С. 90).

116. Руднев — Грузенбергу

Paris. После 6 ноября 1938 г.

Многоуважаемый Оскар Осипович!

Что Вы, Бог с Вами, ну как можно было так дурно понять посылку Вам № 67 «С[овременных] з[аписок]» — чуть ли не как выражение сомнения в основательности ~~Вашей бухгалтерии их~~ Ваших расчетов! У меня просто выработалось правило, в случаях каких бы то ни было ~~сомнений недоразумений~~ действовать ~~так именно в~~ ~~этом~~ ~~роде~~ таким образом. Хотите — примите в знак благодарности за хорошую Это такой пустяк, лишний № журнала. Хотите — примите его как знак внимания благодарного читателя Вашей книжки, ~~хотите~~ или, если уж так будете настаивать, в счет аванса за будущий гонорар, — принимаю без спора любое Ваше решение.

Теперь о литературных Ваших ~~планах~~ предложениях. Из них я предпочитаю не статью о Шевченко, а ~~какую-нибудь~~ главу из воспоминаний Ваших. Должен только предупредить, что для ближайшей книжки уже давно ждут очереди два автора, которым дано ~~слово~~ твердое обещание. А данное слово я стараюсь всегда держать. Поэтому речь может идти не о 68-й, а о 69-й книжке — ~~(если только от одного из авторов, Степуна, просто не смож~~ если только к 68-й книжке один из авторов просто физически не сможет прислать своих воспоминаний (он живет в Германии). Если Не откажите сообщить, какие ~~темы у Ва[с]~~ главы воспоминаний, о чем, у Вас уже подготовлены, я хотел бы выбрать ~~то, что~~ из них ту, кот[орая] более подходит для читателей журнала.

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по содержанию п. 115.

117. Грузенберг — Рудневу

Nice. 8 ноября 1938 г.

8 ноября 1938 г.

Многоуважаемый Вадим Викторович,
Сегодня получил письмо Ваше относ[ительно] «Совр[еменных] записок». Мне больно, что Вы поняли мои указания о высланных мне И.И. Фондаминским двух книгах «С[овременных] з[аписок]» как *condictio indebiti* (спор о неследуемом).

Мотив м[оего] указания казался мне ясным: мне было больно оказаться безо всякой вины должником «С[овременных] з[аписок]» — журнала, о котором даже в дни размолвок и связанного с ними раздражения я отзывался с глубоким уважением и симпатией.

Присланные Вами вновь книги не могу рассматривать как *следующее* мне, а потому прошу удержать плату из гонорара за статью, которую пришло Вам на днях. Если бы она почему-либо не подошла, вышло наличными деньгами.

С истинным уважением

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur V. Roudnev, Revue "Les Annales Contemporaines", 4 [так], rue Daviel, Paris (XIII)»; почт. шт.: «Nice, 9.11.38».

118. Грузенберг — Рудневу

Nice. 17 ноября 1938 г.

17 ноября 1938 г.

78, rue du Maréchal Joffre

Многоуважаемый Вадим Викторович, будем говорить прямодушно, ибо и Вы любите прямоту. Боюсь, что каши мы не сварим. Произойдет то же, что некогда со статьей моею о Короленке. Предложил прислать Марку Вениаминовичу [Вишняку] отдать ее Вашему журналу. Он ответил, как Вы сейчас о Шевченке, что она не подойдет. Когда же статья эта (о Короленке) появилась в сборнике В.А. Мякотина «На чужой стороне», то Марк Вениаминович написал мне с сокрушением: как жалко, что статья эта не появилась в «Совр[еменных] зап[исках]», что он думал, что это будет критическая статья и т.д.¹

То же будет и со статьей о Шевченке. Вопрос о ней считаю *поконченным*, а потому могу сказать, что делаете ошибку. — Не дать статьи о поэте такого масштаба, — о поэте, которым *восхищались* Некрасов и Достоевский, журнал Ваш не сможет. Пошлю эту статью, по перепечатании на машинке, П.Н. Милюкову и уверен, что он поместит ее в одном из ближайших номеров вместе с двумя редкими автопортретами (один — по окончании академии, другой — в солдатском одеянии)². Уверен в этом, хотя он, *как и я*, с ужасом думает об отделении Украины от России.

Теперь о предложенной мною ~~статье~~ главе *воспоминаний*. Я указал, что она кажется *как белых, так и большевиков, отражаясь на м[оих] переживаниях*³. В ответ Вы пишете: «не откажите ~~указать~~ сообщить, *какие новые*⁴ главы у Вас уже наготове, я хотел бы *выбрать* из них ту⁵, которая более отвечала бы интересам читателей журнала, как их себе представляю».

Книга моя вчерне вся готова. Я предложил главу, которая представляет, по моему разумению, большой интерес. Право редакции принять или отвергнуть ее. Но вряд ли можно требовать от автора, чтобы он поименовал *все*, им написанное, дабы редакция могла сделать «*выбор*». Не думайте, чтобы на это согласился даже никому неведомый человек⁶.

Как видно, предопределено: чай-сахар вместе, а табачок — врозь.

Это не изменит моего глубокого уважения к Вашему журналу и той симпатии, которую наша переписка, хотя и недолговременная, зародила к Вам лично.

Преданный Вам

О. Грузенберг

Все забываю сказать: я не послал «Вчера» Вашему журналу, так как не послал *ни одному* периодическому изданию. Я послал ее только тем, кто в свое время прислал мне свои печатные труды, — таковы: Милюков, Петрищев, Гольденвейзер и некоторые другие, — их оказалось не более 10. — Кроме того, был уверен, что И.И. Фондаминский кому-кому, но *своей* редакции передал экземпляр.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ См. примеч. 12 к п. 9 и примеч. 1 к п. 78.

² Очерк Грузенберга «Об умученном», посвященный Т.Г. Шевченко, без публикации автопортретов, был напечатан в ПН (1938. 17 дек. № 6473. С. 3; 21 дек. № 6477. С. 2).

³ Подчеркнуто предположительно рукой Руднева.

⁴ Подчеркнуто предположительно рукой Руднева.

⁵ Слова «я хотел бы выбрать из них ту» подчеркнуты предположительно рукой Руднева.

⁶ Фрагмент, начиная словами «большой интерес» и кончая «неведомый человек», подчеркнут предположительно рукой Руднева.

119. Руднев — Грузенбергу

Paris. 28 ноября 1938 г.

28.XI.

Многоуважаемый Оскар Осипович, получил Ваше письмо, и оно меня в одной части несколько огорчило. Позвольте ответить с тем прямотоном, которое, видимо, Вы цените, — а я считаю не только единств[енно] достойным, но и практически наиболее целесообразным методом общения между взрослыми людьми.

~~Мне непонятно, почему Вы как будто были задеты моим предложением назвать несколько глав из готовых уже к печати глав Вашей книги, чтобы дать возможность и мне, редактору журнала, судить, какая из них наиболее подошла бы жур[налу] для «С[овременных] з[аписок]». Ведь совершенно очевидно, что *всей* книги *ни при каких условиях*~~

Совершенно очевидно, что *целиком* всего *второго* тома Ваших воспоминаний провести печатанием в журнале, выходящем 3 раза в год, *при всем* невозможно, об этом, конечно, не думаете и Вы. Но тогда непонятно, почему Вы как будто были задеты ~~моим предложением~~ моей просьбой назвать несколько готовых уже к печати глав Вашей книги, чтобы дать [нрзб] возможность и мне, редактору журнала, судить, какая из них могла бы наиболее подойти для «С[овременных] з[аписок]»? ~~Вам должно бы быть понят[но]~~ Не ясно ли Вам, что это желание мое, вообще естественное и законное, продиктовано и в данном случае *исключительно той* ревностью в служении журналу, которому и Вы не отказыв[аете] в симп[атии] и уваж[ении] ~~постоянной заботой~~ сделать каждую книгу наиболее совершенной

в пределах возможного? которая только и позволяла постоянно этой ревности и что без этой ревности И если Вы которая является

той заботой на который Вы так метко аттестуете:

котор[ая] является являющейся одним из важнейших важнейшим условием его успеха, который Вы так доброжелательно приветствуете не раз столь доброжелательно приветствовали? Вам, по-видимому,

которая является одним из сам

без которой, конечно, невозможно поддержание

Я не надеюсь Вас переубедить, хотя

Пишу об этом не для того, чтобы Вас переубедить, — к сожалению, на это мало надеюсь, — а лишь только

Вы не раз свидетельствовали свою сим[патию]

Не раз свидетельствуя свою симпатию к «Совр[емненным] зап[искам]», Вы

А без такой ревности невозможен и тот

Пишу об этом отнюдь не для того, чтобы Вас переубедить, — на это, к сожалению, я мало могу надеяться, но чтобы исключить всякую неопределенность в столкновении в создавшемся неловком положении.

Практически же Практически Как При жел[ании]

Выхода из него следовало бы искать путем *взаимных* друг другу уступок. Извольте[е] Готов Со своей стороны; Практически — готов проявить эту уступчивость: извольте, пусть будет по-Вашему проявить эту уступчивость Практически, готов показать пример уступчивости: извольте, пусть будет по-Вашему, — присылайте главу воспоминаний по единоличному Вашему выбору избранную Вами главу. Буду надеяться Остается надеяться, что она и объективно окажется наиболее соответствующей внутреннему замыслу журнала.

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Год установлен по содержанию.

120. Грузенберг — Рудневу

Nice. 30 ноября 1938 г.

30 ноября 1938 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Многоуважаемый Вадим Викторович, между нами нет и не может быть никаких недоразумений: я считаю Вас хорошим, прямодушным и глубоко искренним человеком. Верьте и Вы моему прямодушию, хотя порою и несносному. Причиной тому не характер, а измученность — телесная и, еще более, душевная: не осталось ни одного живого места. Вторая моя книга готова, но печатать ее не стану: никому и ни на что она не нужна, как не была нужна и первая («Сегодня»¹). Время теперь разбойное — притом не в смысле «сарынь на кичку» (в этом кличе, при всей дикости, было что-то творческое), — а разбойное в уголовном смысле. Вон, создателя Чехии — Масарика топчут в грязь, сносят его памятники, истребляют изображения: дальше идти некуда²! Все мы (и Ваш прекрасный журнал в том числе) из града Китежа, погруженного на дно морское. Порою оттуда доносится колокольный звон, служба Господня, — но на-

правно: мертвые не воскресают, — воскресают лишь смердящие Лазари. Надо, если не смириться, то упокоиться и дожидаться недалекого, слава Богу, конца. Статья моя Вам не нужна, — отлично обойдетесь без нее. Содержание ее я в письме своем *указал* (Вы забыли): переходное время, пережитое Россией в борьбе большевиков с белыми, — обе эти силы были одинаково ненавистны населению. Глава эта состоит не из рассуждений, а событий, пережитых мною глубоко.

Что касается Шевченка, — то я был защитником «Кобзаря» по просьбе Правления Украин[ского] об[щест]ва в С[анкт-]П[етер]бурге, с М.М. Ковалевским во главе³. Как уроженец и выкормок Украины, я, конечно, хорошо знал Кобзаря и раньше, но после защиты прочел почти все, что относится до Ш[евченко], — и был потрясен его исключительно печальной судьбой. Напрасно М.В. Вишняк поддался чувству раздражения, хотя и законного, по поводу писаний прометеевцев и заявил, что русская интеллигенция тоже изменилась (станет она меняться из-за всяких хамов!). Самозванные «носители огня Прометея»... Смешно: они — зажигатели уличных фонарей, на которых будут висеть, если дерзнут вернуться на родину. Очевидно, забыли они, как немцы воровски увозили от *любви* народной «гетмана», б[ывшего] свитского генерала Скоропадского⁴.

Что касается статьи моей о Ш[евченко], — то я ее изуродовал, сократив на $\frac{2}{3}$, чтобы пощадить «Посл[едние] нов[ости]»⁵. Тяжело себя калечить, но ничего не поделаешь.

Всего хорошего Вам и вашему журналу. Уважающий вас

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Грузенберг ошибается, называя изданную книгу, «Вчера», именем подготовленной им второй — «Сегодня».

² Томаш Гарриг Масарик (1850—1937), чешский социолог, философ, общественный и государственный деятель, первый президент республики (1918—1935). После его смерти и эмиграции его преемника, президента Э. Бенеша, новый глава государства Э. Гаха под давлением Германии проводил откровенную коллаборационистскую политику, уничтожившую демократические свободы.

³ См. примеч. 4 к п. 115.

⁴ Теми же словами бегство гетмана Грузенберг передавал в главе «Судороги»: «немцы бегом бежали, прихватив с собою на всякий случай (авось еще пригодится) гетмана. Чтобы спасти от народной любви и признательности, пришлось принарядить его под раненого германского офицера и в таком маскарадном виде погрузить в вагон» (*Грузенберг О. Страницы воспоминаний. С. 227*).

⁵ См. примеч. 2 к п. 118.

121. Руднев — Грузенбергу

Paris. 5 декабря 1938 г.

5.XII.

Многоуважаемый Оскар Осипович!

Спасибо за дружественное письмо. Давайте в этом же хорошем, старинном стиле ~~закончим~~ благополучно доведем до конца наш деловой разговор: *прошу Вас*

прислать главу воспоминаний по Вашему выбору. Вы ужасно себе противоречите, говоря, что такие писания сейчас «никому не нужны». Что за уничтожение паче гордости, — гордости, которой у Вас уйма! Вы мне напоминаете Шаляпина в роли Иоанна Грозного, в «Псковитянке»: помните, как в первом акте он появляется в нарочито смиренном, самоуниженном виде, — и вдруг потом взревет грозным рыком наводящим страх рыком. Такой и Вы Книга Ваша, что величайшая редкость по нынешним временам, разошлась, — следовательно, зерно упало в какую-то почву, и когда-то непременно прорастет. Так же полагаю я и о журнале нашем. А Вы придумали — колокольный звон из подводного Китежа... Нет, это еще не нам судить, а уже будущему поколению, историю придется еще судить, имело ли смысл и какой именно, это наше, в меру малых наших сил, стояние перед старой нашей, русской интеллигенции, истиной в годы изгнания. А пока — будем памятовать о протопопе Аввакуме. Лучше будем иметь перед умственным взором другой образ: протопопа Аввакума... «ино еще побредем... До самыя смерти».

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Год установлен по содержанию.

122. Грузенберг — Рудневу

Нисе. 10 декабря 1938 г.

10 дек. 1938 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Многоуважаемый Вадим Викторович,
письмо Ваше получил с опозданием против даты Вашей и почтового штемпеля на два дня. — Намните чуб рассылному.

Меня вините в противоречии себе, — а Вы-то сами? — Недели две т[ому] н[азад] я был произведен Вами в «идеалисты», а теперь в Ивана Грозного. Я не в обиде, так как человеческая душа — не стоячее болото: она в вечном движении, а потому не затягивается плесенью.

Главу из второй книги моих воспоминаний отдам сегодня в [переписк]у, и как только переписчик управится, отошлю Вам для ближайшей книги «Совр[еменных] зап[исок]». Прошу о помещении в *ближайшей*¹, так как по возрасту и состоянию здоровья (никак не могу оправиться после операции, произведенной 1½ [года] т[ому] н[азад]) вынужден считать время неделями.

Пришлю обещанное дней через семь. По объему глава эта, «Судороги», займет в *отделе беллетристики* лист-полтора².

Всего хорошего. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Данное и следующее подчеркивание предположительно рукой Руднева.

² Эта глава в СЗ напечатана не была. Как видно из последующих писем Руднева, она не пришла ему по вкусу и после некоторых колебаний была отвергнута. Впервые опубликована В.Е. Кельнером, разбиравшим архив С.В. Познера, куда после смерти Грузенберга попали его материалы, в том числе вторая книга воспоминаний; см.: *Грузенберг О.* Страни-

цы воспоминаний / Вступ. статья, публ. и коммент. В.Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 224–240.

123. Руднев — Грузенбергу

Paris. 14 декабря 1938 г.

14.XII.1938

Многоуважаемый Оскар Осипович!

Получил Ваше письмо от 10 дек[абря], — с сообщением о предстоящей присылке статьи и со строгим наставлением «рассыльному» за то, что дата письма и почтовый штемпель разошлись на 2 дня. «Намните чуб рассыльному».

Сообщению был рад, а строгому ~~наставлению~~ выговору улыбнулся: его очень трудно осуществить, — по многим причинам.

(Известно ли Вам, что представляет собой «редакция» журнала, который, как никак, войдет [в] историю русской журналистики? Помещение — из милости, в чужом холодном неотопливаемом чулане, 1½ квадр[атных] метра среди пыльных ящиков со всякой архивной дрянью. И всего одно лицо, осуществляющее функции редактора по организации литератур[ной] и хозяйственной частей, а также корректора, конторщика, упаковщика и «рассыльного»... И ему «намять чуб» самому себе еще потому трудно, «чуба»-то на его ~~достаточно лысой~~ голове давно уже нет.)

~~Статью Вашу~~ Воспоминания Ваши всемерно постараюсь поместить в ближайшей книжке, — ~~я только предупреждал Вас Это, однако, возможно будет, если не придут др[угие]~~ из Германии давно уже ~~гарантированные на эту нынешн[ую]~~ книжку воспоминания Степуна, — я своему слову стараюсь не изменять. Но надеюсь ~~я только писал Вам с самого начала, какос может явиться препятствие — оп~~ределенно данное задолго до того слово одному автору, живущему

О том, что единственно могло бы этому помешать, я писал Вам ~~в самых пер~~вых в самом начале. Но надеюсь все устроить.

Рукопись — до нов[ого] года, если не придется держать данное гораздо ранее слово автору из Германии.

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Сверху приписка рукой Руднева: «Грузенбергу».

124. Грузенберг — Рудневу

Nice. 17 декабря 1938 г.

17 дек. 1938 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Многоуважаемый Вадим Викторович, прилагаю обещанную главу воспоминаний — «Судороги». Рад буду, если придется по вкусу.

Всего хорошего. Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

125. Грузенберг — Рудневу*Nice. 23 декабря 1938 г.*

Многоуважаемый Вадим Викторович,
Вы, вероятно, уже успели ознакомиться с моим присылком — главою из м[оих] воспоминаний «Судороги».

Моя усердная просьба — прислать мне корректуру, когда м[ой] материал будет набран.

Вторая просьба: если бы Вы нашли присланное неподходящим для Вашего журнала, то возвратить мне возможно скорее; я не оставил у себя копии, а черновик — грязный.

Третья просьба: *если Вы не считаете обязательным для журнала* дать отзыв о «Вчера», а хотите сделать это из доброго чувства ко мне, — то не стоит. Книга, как Вы сами отметили, вся разошлась в короткое время. Объясняю это не только и не столько ее литературными достоинствами, сколько доброй памятью широких общественных кругов о моей бывлой деятельности.

Относит[ельно] статьи о Шевченко, несмотря на то, что я подвел ее под Высоч[айший] манифест (т.е. сократил на одну треть), она не несет следов пота. Между тем прочел я на своем веку, кажется, все, что относится до Ш[евченко]. В особенности пристрастился к его печальной участи с той поры, когда, по просьбе «Украин[ского] об[щест]ва», с Максимом Ковалевским во главе, сделался защитником «Кобзаря»¹ на суде. Не дать о Ш[евченко] статьи такому журналу, как Ваш, грешно, а в Париже знатоков Ш[евченко], насколько знаю, нет. «Украин[ское] научное об[щест]во» прислало мне ко дню м[оего] 70-летия адрес и многотомное изд[ание], куда вошли не только его творения, но и письма и дневн[ик]. Биография Ш[евченко] еще не напечатана: надо думать, что еще не собран весь материал.

Ваш О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur V. Roudnev, "Les Annales Contemporaines", 4 [так], rue Daviel, Paris (13e)»; почт. шт.: «Nice, 23.12.38».

¹ См. примеч. 4 к п. 115.

126. Грузенберг — Рудневу*Nice. 27 декабря 1938 г.*

27 дек. 1938

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Многоуважаемый Вадим Викторович,
чувет сердце: присланная глава воспоминаний Вам не ко двору. Почему? — останавливаться не стоит. Мне она ценна, как отголосок горестных переживаний не только моих, но и многих. Вы отметили в письме ко мне редкий успех м[оей] книги в смысле быстроты распространения. Он зависит не только и не столько от ее литературных достоинств, сколько от отмеченного в рецензии П.Н. Милюкова

широкого интереса к ней и к моей работе многообразных общественных кругов¹. *Ne откажите возвратить м[ой] присыл.* Затем, *просьба* чисто личного свойства. Не печатайте о «Вчера» рецензии. К чему? — Книга вышла свыше 9 мес[яцев] т[ому] н[азад]. За это время вышли три номера «Сов[ременных] з[аписок]», а о м[оей] книге ни слова, хотя она — «песня, зачатая в черные дни, рожденная в белые ночи»².

За такой период (в 9 мес[яцев]) женщина выполняет более тяжкие творческие муки: беременность и роды. Конечно, печатная похвала приятна, — тем более на страницах такого почтенного журнала, как Ваш. Удовольствуемся тем, что кн[ига] моя поименована в списке книг, полученных для рецензии.

Искренне преданный

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur V. Roudnev, "Les Annales Contemporaines", 4 [так], rue Daviel, Paris (13^e)»; почт. шт.: «Nice, 27.12.38».

¹ Речь о рецензии П.Н. Милокова на книгу «Вчера» (ПН. 1938. 14 апр. № 6228. С. 3).

² Воспоминания Грузенберга в 68-й книге СЗ за 1939 г. отрецензировал Д.М. Одинец (С. 486–487); о рецензиях на книгу «Вчера» см. примеч. 132–135 к вступ. ст.

127. Руднев — Грузенбергу

Paris. 31 декабря 1938 г.

31.XII.1938

Многоуважаемый Оскар Осипович!

Я у Вас очень в долгу: не отозвался сразу на получение Вашей рукописи, и вот 2 открытки Ваших являются укором моей совести. Виноват, простите. Обычно я отвечаю на деловые письма тотчас же, — когда предполагаемый ответ для меня самого совершенно бесспорен. Вы угадали Вашим чутьем: здесь явились Ваше чутье Вас не обмануло: здесь явились налицо сомнения известные колебания.

~~Источник их, с одной стороны, чисто внешний~~ Я очень оценил Вашу деликатность, с которой Вы сами торопите с возвращением Вам предлагаете простое возвращение рукописи. Но, рискуя вызвать Ваше ~~Но без сложных объяснений~~

Я очень у Вас в долгу и виноват перед Вами: не отозвался сразу на получение Вашей рукописи, и дождался 2 Ваших вот — передо мной — 2 Ваши открытки, живой укор ~~моей~~ совести. Простите. Легко ответить немедленно, когда содержание ответа бесспорно для пишущего. Вы правы, увидев в необычном моем молчании признак известных колебаний. И я очень оценил Вашу деликатность, с которой Вы настойчиво предлагаете положить им конец, просто вернув рукопись. Но мне хочется все же попытаться объяснить Вам источник моих сомнений, ~~даже~~ ~~рискуя~~ ~~естест~~ ~~нарушить~~ следуя установившейся у нас с Вами открытый характер беседы прямою отношений. ~~Линь бы только~~ Хочу только надеяться, что эта откровенность, даже в случае трудности для Вас согласиться с моими доводами, не нарушит дорогого мне ~~благожелательного~~ доброжелательного характера нашей переписки, ~~который~~

Подчеркиваю, что сомнения у меня **продиктованы** возникают исключительно с особой, специфической и вовсе потому не **достаточной** универсальной и определенной **в более общем смысле**, точки зрения: только *журнальной*. Как глава целой книги, посвященной воспоминаниям данной эпохи, этот отрывок — вполне законное и необходимое *звено*. Как **отдельный эпизод** отдельная вырванная из книги глава, даваемая в журнал вне связи с предыдущим и последующим, **эта глава** [этот] отрывок не является, как это следовало бы для журнала, **что желательнее чем то сущ** самостоятельным законченным целым, — какими, напр[имер], были Ваши воспоминания о деле Бейлиса, **или** и о Короленко или Горьком, сосредоточенными вокруг основного ядра, исторически значительного самого по себе **центра эпизода** события или лица. Так сам я себе объясняю известное чувство неудовлетворенности, возникающее при чтении, несмотря на всю **ярко** обычную у Вас талантливость изложения. **И мне думается** Разумеется, я И, б.м., мне даже кажется, **что** это б.м. не случайно. **Я тоже** проделал тот же, что и Вы, путь ухода из России: Киев, Одесса, Севастополь — **опять** Одесса; эвакуация¹. Уехал из России не только из-за одних опасений за **свою** жизнь, **этот мотив, конечно, тоже был тоже** имевшихся действовавших, — но главным образом всем существом поняв **всю** безысходность **внутреннего противоречия** противоречивость своего положения между двух борющихся станов; **бесплодность**. Эпоха гражданской войны на юге для нас, прогрессивного крыла русской интеллигенции — проклятые, *духовно бесплодная эпоха* **бесплодные** годы, поскольку, не изменяя себе, мы так и **не смогли** целиком примкнуть ни к одному из крайних флангов, и оставались **в общем лишь зрители** [лями] в тягостном **и бесплодном** положении только зрителей, **сознавая, однако, что борьба идет из-за России**. Сознание, что **справа и слева все же** **Сознавая** **однако, что** когда в конечном счете борьба все шла *из-за России*. **Не случайно поэтому и то, что** Не потому ли за 19 лет существования «Совр[еменных] зап[исок]» в журнале не появилось, сколько помню, **ни одной** статьи мемуарного характера об этой южно-русской эпохе: «нам», **демократической интеллигенции** «мы», демократическая интеллигенция, **говоря в ней** в то время, говоря языком семнадцатого года, **в то время** «в текущем моменте не участвовали», — **а выступать судьями запоздалыми** не о чем творчески положительном, *своём* писать. Остается только запоздалая критика, **слишком легкая** верная спустя 20 лет, критика ошибок и преступлений других.

— Не настаиваю на этой философии, — **м.б. все** впрочем, каждый пережил те годы по-своему.

Мне очень совестно перед Вами, дорогой Оскар Осипович, что я как бы **втрывил** ввел Вас в невыгодную сделку, втрывив в отделку и переписку выбранной Вами главы. Но некоторая доля ответственности, думаю, лежит и на Вас, поскольку Вы тогда так решительно отказались **назвать несколько глав на выбор** дать мне возможность выбрать вместе с Вами из нескольких глав наиболее, с *журнальной* точки зрения, подходящую.

Не **поздно** следует ли, все же, к этому более верному методу и возвратиться? Тем более, что это еще не поздно, — поскольку, как теперь выяснилось, речь может идти сейчас лишь о № 69. **К тому же**, Дело в том, что как раз на днях я получил от того проживающего в Германии сотрудника (*Степуна*), которому было дано

слово относительно 68-й книжки «С[овременных] з[аписок]», что он (это — Ф.А. Степун) свои воспоминания к этой книжке все же выслать *может* в непродолжительном времени². Следовательно, если б Вы согласились проявить терпение в поисках наилучшего для Вас и «С[овременных] з[аписок]» выхода, — мы

И предпочтительно из другой, — *более ранней* эпохи Вашей жизни. Что Вы думаете по этому поводу? Не откажите ответить хотя бы коротенькой открыткой. И не очень сердитесь на меня.

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ О формировании парохода «Кавказ», на котором Руднев с женой и с некоторыми своими коллегами по редакции СЗ отправлялся в эмиграцию из Одессы, см.: *Хазан Вл.* Пинхас Ругенберг. Т. 1.

² См.: *Степун Ф.А.* Воспоминания: I. Детство. Деревня // СЗ. 1939. № 69. С. 216–237.

128. Грузенберг — Рудневу

Nice. 2 января 1939 г.

2 января 1939 г.

78, r[ue] du Maréchal Joffre

Многоуважаемый Вадим Викторович, выходит по-моему: не ко двору я Вашему журналу. Хороша или слаба посланная глава («Судороги»), но она вполне закончена. Вы, с присущей Вам правдивостью, указываете, что *за 19 лет* существования «Совр[ременных] зап[исок]» в ней [так!] не было «ни одной статьи воспоминаний об южно-русской эпохе». Скажу точнее: обойден, значит, весь период контрреволюции. Нормально ли это? Если не нормально, то в чем причина этой ненормальности? — Не в том ли, что партия Ваша безумно устала, во многом разочаровалась и почувствовала тягу к покою. Она как бы повторила сентенцию Гёте: «величайшие вершины кончаются ничем». Я же человек упрямый, грешник нераскаянный и, не занимаясь никогда активной политикой (по существу, я был лишь сторожем на спасательной станции), ни о чем не жалею, люблю и ненавижу, как встарь. *Бессознательно* Вас отталкивают от посланной главы евреи и белые: ни о тех, ни о других в журнале ничего не было никогда. Оба эти блюда острые, а Вы на строгой диете.

Вот, напр[имер], ваше выделение из «Вчера» трех глав — о Короленко, Горьком и о деле Бейлиса. Между тем, П.Н. Милуков, которому я послал для дружеской оценки рукопись «Вчера», был особенно увлечен двумя главами: «Бред войны». Он, по-моему, был прав: они проникнуты трагизмом, тем, что греки называли *μόρα*¹. Возвращая рукопись, Павел Николевич написал мне, что я не только могу, но и *обязан* напечатать книгу, что никто другой, в том числе и он сам, не могли бы так написать: краски, будто бы, не те. Как видите, вкусы различны: Вам пришлось по душе одно, Павлу Николевичу другое. Какое же мерило для редактора, если речь идет о работе лица, имеющего в глазах публики определенную визитную карточку? — Только одно: литературно ли и занятно? Читатель в таких случаях не сетует, а лишь огорчается про себя, *втихомолку*: стал сдавать старик! — Это в тех случаях, когда не нравится.

Упрек в том, что я *не захотел*, будто бы, назвать Вам все главы II т[ома] моих воспоминаний, ошибочен. Название глав, как Вы и сейчас убедились, ничего бы не дало, а составлять подробный инвентарь — труд тяжелый и малопроизводительный. Вот истинная причина.

Как все маловеры, я заменяю веру суеверием: не везет мне у Вас! Даю зарок: никогда, при всем уважении к журналу и симпатии к Вам, ничего не давать: такого случая в моей, правда, небогатой «писательской» практике, чтобы мне возвращали материал, как неподходящий, не было. Очевидно, предопределено испробовать и эту горечь.

Будьте добры вернуть мне рукопись.

Примите пожелания всего светлого и радостного в новом году.

Преданный Вам

О. Грузенберг

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Мойра — греческая богиня судьбы.

*«Был алкоголь. Была тоска.
Безумно жаждал Вишняка»:
Дон-Аминадо*

Публикация, вступительная статья и примечания
М. Каратоццо

В последние два десятилетия количество исследований, посвященных жизни и творчеству Дон-Аминадо (1888–1957), намного увеличилось и теперь позволяет нам более подробно познакомиться с многообразной деятельностью этого юмористического писателя, лирического поэта и журналиста. Ранее сведения о нем можно было почерпнуть преимущественно из мемуарных свидетельств современников¹. С начала 90-х гг. в России стали появляться публикации его произведений². Издавались и фрагменты его переписки с комментариями, и очерки, раскрывающие особенности его разносторонней творческой деятельности³. Все это позволяет констатировать: инте-

¹ См. наиболее значительные: *Бахрах А.* Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям, М., 2006; *Зуров Л.* Дон-Аминадо // НЖ. 1960. № 90. С. 114–120; *Седых А.* Три юмориста // Седых А. Далекие близкие. New York, 1962. С. 76–90; *Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 95–96; *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 280–281; *Кузнецова Г.* Грасский дневник. М., 1994. С. 134; *Адамович Г.* Памяти Аминадо // РМ. 1968. 18 янв. № 2670. С. 5; *Белозерская-Булгакова Л.* Воспоминания. М., 1989. С. 5–6, 35–36.

² См.: *Дон-Аминадо.* Парадоксы жизни: стихотворения, воспоминания, афоризмы / Вступ. зам., сост. и подгот. текста А. Маркова. М., 1991; *Он же.* Поезд на третьем пути / Публ. и послесл. Ф. Медведева. М., 1991; *Он же.* Наша маленькая жизнь / Сост. В. Коровина. М., 1994; *Он же.* «Чем ночь темней...» Афоризмы и эпиграммы / Сост. и коммент. А. Иванова. СПб.; М., 2000; *Он же.* Поезд на третьем пути / Коммент. В. Коровина. М., 2001. Отдельные произведения, не включенные в упомянутые сборники, содержатся в публикациях: *Дон-Аминадо.* Мишка, верти назад: Живой фильм русской жизни за тридцать лет, но в обратном порядке / Публ. Р. Янгирова // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 3–16; *Дон-Аминадо.* Суд над русской эмиграцией // Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000. С. 8–13, 488–496; Друг «Последних новостей» (Дон-Аминадо. [Слово о В.Е. Жаботинском]) / Публ. А. Иванова // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Ред.-сост. М. Пархомовский, Д. Гузевич. Иерусалим, 2001. Кн. 1. С. 14–29. (Русское еврейство в зарубежье; Т. 3 [8]); разные стихи Дон-Аминадо, появившиеся в киевской периодике 1918–19 гг., опубликованы М. Рыбаковым в киевском журнале «Егупец» (2002. № 9); *Дон-Аминадо.* Антология сатиры и юмора России XX века, М., 2004. Несколько его стихотворений появилось в антологиях: *Изгнание: Поэты русского зарубежья.* Ростов/Д., 1999. С. 105–118; *Сатирикони и сатириконицы: Антология сатиры и юмора России XX века,* М., 2000. С. 225–236; *Одесский юмор: Антология сатиры и юмора России XX века.* М., 2000.

³ Особого внимания заслуживают: *Вишняк М.* Памяти Дон-Аминадо // НРС. 1957. 24 нояб. № 16220. С. 2; *Биск А.* Памяти Дон-Аминадо: Прочитано на общем собрании Лит. Фонда // НРС. 1967. 16 нояб. № 19974. С. 3; *Гатова Л.* В Париже // НРС. 1976. 11 дек. № 24124. С. 2; 1977. 2 янв. № 24143. С. 6; *Зильберштейн И.* Культурные ценности возвращаются // Советская культура. 1980. 16 мая. № 5360. С. 6; *Васильев И.* «Как объяснить в простых словах...» // Октябрь. 1988. № 9. С. 143–144; *Волкова Н.* «Мне необходимо вам сказать: Из парижского архива Дон-Аминадо // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 310–322; *Марков А.* «Рукоплетцу – как акробату...» // Дон-Аминадо. Парадоксы жизни. С. 3–6; *Медведев Ф.* «Была весна, которой не вернуть» // Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 325–331; *Иванов А.* Возвращение Дон-Аминадо // РМ. 1992. 10 апр. № 3924. С. 11–12; *Брызгалова Е.* Мир природы и его роль в эмигрантской поэзии Саши Черного и Дона Аминадо // Жанрово-стилевые проблемы русской литературы XX века: Сб. научных трудов. Тверь, 1994. С. 60–66; *Иванов А.* «Была война, была Россия...» Дон-Аминадо. История одного стихотворения // Евреи в культуре русского зарубежья: статьи, публикации, мемуары, эссе. 1939–1960 / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1994. Т. 3. С. 64–72; *Коровин В.* «Наиболее даровитый поэт эмиграции» // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 3–38; *Кузнецова О.* Дон Аминадо // Русские писатели 1800–1917. Т. 2. С. 156–157; *Иванов А.* «Молчи! Так надо! Я – Дон-Аминадо». Властитель дум зарубежной России // РМ. 1995. 22 марта. № 4069. С. 11; *Брызгалова Е.* Дон Аминадо – сатирик // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Материалы XII Тверской международной конференции ученых-филологов и школьных учителя-

рес к Дон-Аминадо сегодня очень большой, и его творчество, безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

Аминад Петрович Шполянский родился в Елизаветграде в 1888 г. О его жизни в Херсонской губернии⁴ мы немало узнаем из книги мемуаров «Поезд на третьем пути», где автор лирично рассказывает о своей молодости, об учебе в гимназии (главы I–IX) и о том, как он переехал в Одессу и записался на юридический факультет Новороссийского университета (главы X–XIII). В 1910 г. он поехал в Москву и начал работать в качестве помощника присяжного поверенного⁵. Своими юридическими способностями Дон-Аминадо при нужде пользовался и в своей литературно-издательской деятельности: помимо юридических консультаций, даваемых им в журнале «Сатирикон»⁶, большую популярность среди русских в Париже снискали устраиваемые им «литературные суды».

В доэмигрантский период Дон-Аминадо активно сотрудничал с журналами и газетами — не только одесскими (до переезда в Москву он начал публиковаться в газете «Голос Юга»), но и московскими («Утро России», «Голос Москвы»), где регулярно печатал сатирические стихи. В 1914 г. он начал писать в «Новом Сатириконе» и навсегда остался связанным с этим изданием. Во время Первой мировой войны, после недолгого армейского опыта, он издал в 1914 г. свою первую книгу стихов «Песни войны» (2-е изд.: 1915). Радостно встретив Февральскую революцию, он сразу написал политический памфлет в форме пьесы «Весна Семнадцатого года» (1917), однако этот жанр не стал для него традиционным. В Гражданскую войну, после долгих блужданий по югу России (во время которых он не переставал печататься в различных местных газетах), он решил эмигрировать и в 1920 г. из Одессы через Константинополь, Берлин, Марсель добрался до Парижа. Во Франции он жил до смерти (1957).

Самым интересным и плодотворным в жизни Дон-Аминадо оказался эмигрантский период между двумя мировыми войнами. С той поры, как он поселился в Париже, его деятельность не прерывалась. Сразу же Дон-Аминадо стал трижды в неделю публиковаться в ПН — его дебют в этой газете состоялся 27 апреля 1920 г., когда было напечатано стихотворение «Париж», включенное затем в его стихотворный сборник «Дым без отечества» (Париж: Север, 1921). Уже в первый свой парижский год Дон-Аминадо чрезвычайно интенсивно работал и не только упрочил свою репутацию сатирического поэта, но и выказал несомненные предпринимательские и организаторские способности. В том же году в русских эмигрантских книжных магазинах продавалась его

лей. Тверь, 1998. С. 54–56; *Петровская К.* Дон Аминадо. Поэтика каталога // *Collegium* (Киев). 1998. № 1–2. С. 163–175; *Стиридонова Л.* Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. М., 1999. С. 251–288; *Брызгалова Е.* Мотив ностальгии в эмигрантской поэзии Дон-Аминадо // Жанрово-стилевые проблемы в литературе XX века. Сборник научных трудов. Тверь, 2000. С. 131–138; *Иванов А.* Россия, выехавшая за границу // Дон-Аминадо. «Чем ночь темней...» С. 3–22; *Обухова-Зелитская И.* Сходившиеся параллели. Из переписки Дон-Аминадо с Марком Алдановым // Евреи в культуре русского зарубежья: статьи, публикации, мемуары и эссе / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 2000. Т. 5. С. 193–221; *Янгиров П.* Первый фильм из русского Парижа: Забытая киношутка Дон-Аминадо // Евреи России — иммигранты Франции. Jerusalem; М., 2000. С. 187–237; *Петровская К.* Дон-Аминадо. Трагический шут // Егупец (Киев). 2002. № 9 (далее эта статья цит. по электронной версии: www.judaica.kiev.ua/zmukr9.htm); *Caratozzolo M.* I concetti di *provincia* e *provincial'nuj gonod* nell'opera di Don Aminado // *Europa Orientalis* (Roma). 2003. № 1. P. 151–163; *Он же.* «Зеленая палочка» и денационализация детей эмиграции // Лингвистич. и методич. основы филологич. подготовки учителя-словесника (Мат-лы междунар. науч.-методич. конф.). Старый Оскол, 2005. Т. 2. С. 198–205.

⁴ По давней русской традиции Дон-Аминадо не стремится к топографической точности, а, напротив, называет в своих мемуарах родной Елизаветград Новоградом, превращая конкретный город в типологический образ.

⁵ См.: *Иванов А.* Россия выехавшая за границу. С. 3.

⁶ См.: *К-С.* Юридические консультации Сатирикона // Сатирикон. 1931. № 13. С. 10.

«Азбука в стихах» (1920) с иллюстрациями Ре-ми⁷, а осенью он уже издавал вместе с А.Н. Толстым детский журнал «Зеленая палочка», задуманный ими летом во время совместно проведенного отдыха в Вандее⁸. Уже с сентября ежедневно выходило в ПН рекламное приложение нового детского двухнедельного журнала, первый номер которого вышел 1 октября и открылся бунинским стихотворением «Бегство в Египет» и сказкой А. Толстого. По недостатку средств издание прекратилось после восьмого номера в январе 1921 г.

В 1921 г. временно прекратилось и сотрудничество Дон-Аминадо с ПН, с 1 марта возглавляемыми П.Н. Милюковым. Последняя его публикация перед перерывом – стихотворение «Матрос» (10 марта 1921 г.). Исследователи по-разному объяснили этот его разрыв с газетой⁹. В 1921 г. вышел его сборник стихов «Дым без отечества», который получил несколько теплых откликов¹⁰. 31 декабря Дон-Аминадо принял участие в прошедшем в Philharmonie Zaslavsky «Вечере страшных юмористов».

В 1922 г. Дон-Аминадо поехал в качестве сотрудника театра миниатюр «Карусель» на гастроли в Берлин, где публиковался в журнале «Сполохи»¹¹. Вернувшись в Париж и работая в нелитературной среде, он некоторое время буквально бедствовал. Следствием этого оказались попытки возобновления парижских юмористических вечеров, некогда составивших его популярность в русском Париже¹². В 1923 г. Дон-Аминадо решил гастролировать в США, куда в конце года и отправился и где был встречен с большим энтузиазмом¹³. Из сохранившихся документов известно, что в Нью-Йорке 10 февраля 1924 г. он принял участие (исполняя роль прокурора) в литературном суде

⁷ См.: Янгиров Р. Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов. (По новым материалам) / Диаспора. 2004. [Вып.] 6. С. 541.

⁸ Об этом журнале см.: Позднякова Г.И. Дон Аминадо и «Зеленая палочка» // Труды Санкт-Петербургской Академии культуры. СПб., 1997. Т. 143. С. 144–151; Янгиров Р. Из истории русской зарубежной печати. С. 525–590; Caratuzzolo M. «Зеленая палочка». С. 198–205. Любопытно, замечает К. Петровская, что не сохранилось ни одного документа, свидетельствующего об отношениях между двумя писателями (см.: Петровская К. Дон-Аминадо. Трагический шут). Следует, однако, отметить недавно опубликованную фотографию, упомянутую в «Поезде на третьем пути» и изображающую, как они с Толстым занимаются греко-римской борьбой (см.: Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути / Коммент. В. Коровина. М., 2001; вклейка между с. 256 и 257). Фотография, вероятно, была снята во время отдыха в Вандее. Дон-Аминадо так вспоминает разговор: «В один из таких вечеров – пришлось к случаю, к разговору, – поделился с Толстым своей давно уже назревавшей мыслью об издании журнала для детей. [...] Толстой воспламенился, загорелся, сел на своего конька и понесся во весь опор: – Журнал будет в четыре краски, на дорогой веленовой бумаге, начистоту, всерьез, чтобы все от зависти подавились!.. А я тебе напишу роман с продолжением [«Детство Никиты»], из номера в номер, на целый год, но, конечно, гонорар вперед, потому что пока не будет у меня лакированных туфель, я ни одной строчки не смогу из своего серого вещества извлечь!» (Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 658).

⁹ Причина, по которой – по общему мнению исследователей – сатирика перестали печатать в ПН, – наличие в его сборнике стихов «Дым без отечества» оскорбительного для главного редактора газеты стихотворения «Писаная торба» (см.: Коровин В. «Наиболее даровитый поэт эмиграции». С. 16); она косвенно подтверждается самим Дон-Аминадо в мемуарах (Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 685). Небезынтересны по этому поводу и следующие слова: «Мне всегда казалось, что Милюков меня скорее терпел, как в некотором роде необходимое зло в газете» (Там же. С. 689). А. Иванов, напротив, полагает, что Милюков не держал обиды на Дон-Аминадо, а перестал его печатать, решив, что газете больше не нужна литература развлекательного типа (см.: Иванов А. Россия выехавшая за границу. С. 4). Об отношениях – сложных вначале, но очень тесных «к концу жизни» редактора – между Дон-Аминадо и Милюковым см. также: Вишняк М. Памяти Дон-Аминадо. С. 2.

¹⁰ См.: Бунин И. Дым без отечества // Общее дело (Париж). 1921. 27 июля. № 346. С. 2; [Б.н.] // Воля России (Прага). 1921. 23 июня. № 236. С. 5; Дроздов А. // Русская книга. 1921. № 6. С. 11–12.

¹¹ Дон-Аминадо. Что же нам все-таки делать? // Сполохи (Берлин). 1921. № 2. С. 20–22.

¹² См.: «Конференция... с музыкой. Вечер Дон-Аминадо» от 1 апреля 1922 г. в Salle de l'étoile: «Программа ироническая и легкомысленная. Н. Асланов, Р. Болеславский, С. Вальтер, М. Днепров, Н. Колин» (Хроника. Франция. Т. 1. С. 67).

¹³ Об этом см.: Иванов А. Россия, выехавшая за границу. С. 6.

над Злоумышленником и дочерью Альбиона, проведенном Русским студенческим обществом в Америке¹⁴. Через месяц его пригласили читать лекцию о Ленине члены «Russian Lawyer's Association in U.S.A.»¹⁵. Вернулся Дон-Аминадо в Париж четыре месяца спустя с плохими впечатлениями об Америке и, не считая кратких гастролей и путешествий за границу, больше не уезжал из французской столицы.

По возвращении в Париж Дон-Аминадо некоторое время работал в качестве главного сочинителя репертуара парижского театра-кабаре «Маскотта», официально открьвшегося 10 сентября 1925 г. в присутствии директора Б.Е. Евелинова и главного постановщика А.И. Долинова¹⁶. Еще важнее было для писателя то, что П.Н. Милюков снова пригласил его сотрудничать в ПН, где 14 января 1926 г. под фельетоном «Интервью» впервые после перерыва появился его знаменитый псевдоним, со временем заместивший его фамилию. С этого года начинается самый плодотворный период литературной карьеры Дон-Аминадо. Изо дня в день русские эмигрантские читатели встречают его имя в ПН и др. периодических изданиях, а зрители — в литературных и музыкальных вечерах русского зарубежья. В эти годы Дон-Аминадо принял участие практически во всех проведенных в Париже балах или вечерах в честь какого-либо литератора¹⁷. Его популярность упрочивалась благодаря изданию его книг, которые всегда провоцировали среди литературных критиков споры о его лирическом таланте¹⁸. Этот вопрос наконец решился, когда в 1927 г. вышел сборник фельетонов и рассказов Дон-Аминадо «Наша маленькая жизнь», и Бунин похвалил его в СЗ, подчерк-

¹⁴ См.: Bakhmeteff Archive. Shpoliansky papers. Box 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Хроника. Франция. Т. 1. С. 203.

¹⁷ Только в 1926–1927 гг. Дон-Аминадо выступал на самых разных юмористических парижских вечерах: «Вечере оптимистов» (с участием Тэффи) 31 октября 1926 г.; «Вечере Одесского Землячества» 18 декабря 1926 г.; на «Литературном балу Союза Русских Писателей и Журналистов» 13 января 1927 г.; на «Вечере взаимного удивления» (с участием Тэффи) 18 февраля 1927 г.; на «Вечере сильных чувств (любовь, ревность, измена)» 26 апреля 1927 г.; на «Литературном и юмористическом вечере Дон-Аминадо. Голос разума и голос сердца» (с участием Тэффи) 17 октября 1927 г.

¹⁸ Вопрос о поэтическом (и не только газетном) таланте Дон-Аминадо долго интересовал его современников, многие из которых не соглашались с определением его как плохого поэта, данного В.Ф. Ходасевичем (см. об этом: Устинов А. «Надежды символ»: антология «Якорь» как итог поэзии русской эмиграции // Якорь. Антология русской зарубежной поэзии / Под ред. О. Коростелева, Л. Магаротто, А. Устинова. СПб., 2005. С. 356–357). Из выступлений тех, кто высоко оценивал его художественный талант, приведем высказывание М. Горького: «Дон-Аминадо является одним из наиболее даровитых, уцелевших в эмиграции поэтов. В стихотворениях этого белого барда отражаются настроения безысходного отчаяния гибнущих остатков российской белоэмигрантской буржуазии и дворянства» (цит. по: *Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь*. М., 1994. С. 673; часть этих слов Горького упоминаются и в книге: *Бахрях А. Бунин в халате*. С. 394–395); М. Цветаева в письме от 31 мая 1938 г. заявила: «Милый Дон-Аминадо, мне совершенно необходимо Вам сказать, что Вы совершенно замечательный поэт. [...] Да, совершенно замечательный поэт (инструмент) и куда больше поэт, чем все те молодые и немолодые поэты, которые печатаются в толстых журналах. В одной Вашей шутке больше лирической силы, чем во всем “на серьезе”» (цит. по: *Новый мир*. 1969. № 4. С. 212–213); а вот — отклик Д. Святополк-Мирского: «Но самый главный из прославившихся уже в эмиграции писателей, самый любимый, истинный властелин дум зарубежной России — Дон-Аминадо» (*Святополк-Мирский Д. Заметки об эмигрантской литературе* // *Евразия*. 1929. 5 янв. № 7. С. 6); З. Гишпиус в письме от 14 июня 1933 г.: «Я обращаюсь с просьбой к тому серьезному лирическому поэту, которого не часто видят за каждодневностью, Дон-Аминадо (и который сам, кажется, не любит показываться), — с просьбой сделать исключение для меня и принять участие в вечере о Любви и Смерти, — среди почти *всех* современных парижских поэтов, моих друзей» (цит. по: Устинов А. «Надежды символ». С. 357); И. Бабель отозвался о Дон-Аминадо следующим образом: «Такого нет в Советском Союзе» (цит. по: *Шульман Э. Третий «Сатирикон»* // *Вопросы литературы*. 2007. № 1. С. 126). В этой связи также см.: *Седых А. Три юмориста*. С. 80–81; *Адамович Г. Памяти Аминадо*. По этому поводу небезынтересны и следующие слова А. Иванова: «Репутация газетчика и фельетониста сильно повредила Дон-Аминадо, лишив его права жителства в высокой поэзии: и при жизни, и по сей день он как бы вынесен за скобки литературной иерархии» (*Иванов А. «Была война, была Россия...»*. С. 67).

нув, что в случае с Дон-Аминадо читатель имеет дело «не только с популярным и блестящим газетным, злободневным работником, а с одним из самых выдающихся русских юмористов, строки которых дают художественное наслаждение»¹⁹. В Берлине о сборнике положительно отозвался В. Татаринов, отметивший, что автор «охотно оставляет [...] высоты политической сатиры и опускается в нашу маленькую жизнь, чтобы незлобно и весело посмеяться над маленькими невзгодами»²⁰.

В том же году Дон-Аминадо обратился к французской публике — при помощи своего друга, писателя Мориса Декобра (Dekobra; наст. имя Maurice Tessier; 1885—1973), опубликовав свои тексты в книге «Le rire dans la steppe». Книга представляла собой сборник переведенных на французский язык юмористических рассказов шести русских авторов²¹. Дон-Аминадо сам перевел шесть своих рассказов из числа вошедших в сборник «Наша маленькая жизнь».

В 1928 г. вышел его сборник стихов «Накинув плащ», встретивший весьма доброжелательный отклик у критиков; что же касается публичных выступлений, то в конце 20-х годов популярность Дон-Аминадо достигла такой высоты, что парижский осенний русский сезон всегда начинался с его творческого вечера. Последние характеризовались присутствием весьма пестрой художественной публики и, самое важное, наличием рядом с русскими многочисленных представителей французской культуры²². Дон-Аминадо в эти годы оказывается важной фигурой, связующей французскую и русскую культуры; его отменное усердие в этом направлении будет отмечено в 1937 г. вручением ему французского ордена Почетного легиона²³.

Продолжалась и его издательская деятельность: в 1931 г. он получил от М. Корнфельда предложение возобновить сатирический еженедельный журнал «Сатирикон», издание которого прекратилось в Петрограде в 1918 г. Собрав самых выдающихся писателей и художников русской эмиграции, Дон-Аминадо возглавил издание журнала, первый номер которого вышел в апреле 1931 г.²⁴ Из-за отсутствия средств журнал прекратил существование в том же году (последний номер — 28-й).

¹⁹ Букин И.А. [Рец. на кн.:] Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. Париж: Я. Поволоцкий и К°, 1927 // СЗ. 1927. № 33. С. 523.

²⁰ Татаринов В. «Наша маленькая жизнь» // Руль. 1927. 7 сент. № 2059. С. 4.

²¹ Кроме Дон-Аминадо в книге помещены также юмористические произведения А. Чехова, В. Дорошевича, А. Аверченко, Тэффи и А. Бухова. В предисловии к книге Dekobra писал: «J'avais besoin pour entreprendre ce voyage au pays du Rire slave d'un guide assermenté; d'un guide qui me conduirait à travers le labyrinthe compliqué de la gaîté russe. J'ai trouvé ce conseiller précieux dans la personne de Don Aminado. Les lecteurs du "Rire dans la steppe" partageront cet avis quand ils auront savouré les contes de ce fantasiste dont la verve est irrésistible. Don Aminado est le bienfaiteur des milliers d'émigrés qui lisent sa prose et qui lui sont reconnaissants de les distraire sur les terres étrangères où la destinée les a poussés. Don Aminado est la gaîté même [Чтобы отправиться в это путешествие по стране славянского смеха, я нуждался в опытном гиде, который провел бы меня сквозь запутанный лабиринт русского веселья. Я нашел этого ценного советника в Дон-Аминадо. Читатели книги "Смех в степи" будут согласны с моим выбором, насладившись рассказами этого артиста неотражимого вдохновения. Дон-Аминадо — благодетель тысяч эмигрантов, которые читают его прозу и ему благодарны за то, что он их развлекает на чужих землях, куда забросила их судьба. Дон Аминадо — само веселье]» (Dekobra M. Avant-propos // Le rire dans la steppe (L'humour russe) / Don Aminado et M. Dekobra. Paris: Ed. Baudinière, 1927. P. 9—10).

²² Поэт Maurice Rostand выступал, напр., с чтением своих стихов на вечере Дон-Аминадо 1 ноября 1928 г.; адвокат Charles Carabillère — на «Юмористическом и литературном вечере Дон-Аминадо» 19 октября 1930 г.; Tristan Bernard и Paul Poiret — на «Ежегодном юмористическом вечере Дон-Аминадо» 1 ноября 1931 г.; Maurice Dekobra — на «Юмористическом вечере Дон-Аминадо» 22 октября 1932 г.; Pierre Bellange и Maurice Garçon — на «Вечере Дон-Аминадо» 4 ноября 1933 г. (см.: Хроника. Франция. Т. 1. С. 488; Т. 2. С. 94, 230, 340; Т. 3. С. 479).

²³ Подробнее об этом см.: Иллюстрированная Россия. 1937. № 34. С. 4.

²⁴ Сам издатель Корнфельд писал в своих мемуарах: «4-го апреля 1931-го года, ровно 23 года после выхода в свет, в Петербурге, № журнала САТИРИКОН — появился № 1 Парижского САТИРИКОНА. Если озна-

В 30-е годы Дон-Аминадо не менее творчески плодovit. В качестве присяжного фельетониста ПН он продолжает без перерыва три раза в неделю публиковаться в газете. В 1935 г. в Париже вышел его сборник стихов «Нескучный сад»²⁵, включивший в себя стихотворения, опубликованные в ПН в 1926–1934 гг.; в 1939 г. вышел написанный по-французски сборник афоризмов «Pointes de feu» с предисловием Тристана Бернара (Tristand Bernard). Именно к 30-м годам относятся самые важные свидетельства ангажированности Дон-Аминадо деятельностью СЗ. Надо сказать, что его сатирико-юмористическое дарование не подходило к издательской линии редакторов журнала. Но то, что его никогда не приглашали публиковаться в нем, отнюдь не портило взаимного уважения между ним и руководителями СЗ. Напротив: он очень высоко ценил их всех и считал журнал примером чистой и плодотворной работы в команде, а 31 октября 1936 г. даже устроил «Вечер “Современных записок”». Думая о них, он не только написал честные слова в своей книге мемуаров²⁶, но и вложил в уста своему Новому Козьме Пруткову следующий афоризм: «Когда говорят, что крайности сходятся, то отчаиваться не следует: в конце концов они разойдутся»²⁷. Как хорошо видно из писем, где часто обсуждаются подробности грядущих авторских вечеров или совместных ужинов, особенно дружественными были в 30-е гг. отношения между семьями Вишняка и Шполянского²⁸. Рабочие вопросы, демонстрирующие деловое сотрудничество между ними, ограничивались издательскими или чисто типографскими делами, связанными с выдачей и получением денежных сумм. Вероятно, иногда Дон-Аминадо просил деньги по личным причинам, но вообще видно, что Вишняк относился с большим уважением к Дон-Аминадо, чьи литературные оценки его очень интересовали.

После Второй мировой войны Дон-Аминадо переехал в Yérges, город южнее Парижа, где у него был дом, но он жил в бедности и был вынужден не только работать на различных предприятиях, но и принимать помощь в виде продовольственных посылок²⁹ из той самой Америки, которую он очень не любил. Несколько лет он продолжал сотрудничать с издающимся в Нью-Йорке «Новым журналом», активно переписы-

комиться со списком писателей и художников этого журнала, оказавшихся в Париже, одновременно с его бывшим редактором-издателем, неудивительно, что этот синхронизм повлек за собой издание журнала, насколько не отличавшегося от своего прототипа» (*Корнфельд М.Г.* О журнале «Сатирикон» [1908–1930]: Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Ед. хр. 11). Подробнее о парижском «Сатириконе» см.: *Дон-Аминадо*. Наша маленькая жизнь. С. 701–703; *Стифидонова Л.* Бессмертие смеха. С. 51–75; *Caratuzzolo M.* La Russia allo specchio. Torino: L'Harmattan Italia, 2006. P. 53–71; Третий «Сатирикон» / Публ., вступ. заметка и примеч. Э. Шульмана // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 123–148; *Иванов А.* Парижский «Сатирикон» // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 4: 1939–1960 гг. / Составитель и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 1994. С. 208–219; *Демидова О.Р.* К истории третьего «Сатирикона» // Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск. Ижевск, 1999; *Стифидонова Л.А.* «Сатирикон» // ЛЭРЗ. 2000. Периодика. С. 414–419.

²⁵ Книгу с большим удовольствием встретили Г. Адамович (см. его отклик в номере ПН от 2 мая 1935) и З.Н. Гишпюс (СЗ. 1935. № 58. С. 472–474. Подп.: Антон Крайний).

²⁶ См.: *Каратоццо М.* Дон-Аминадо и «Современные записки» // Вокруг редакционного архива СЗ. С. 140–145.

²⁷ *Дон-Аминадо*. Новый Козьма Прутков // ПН. 1938. 31 марта. № 6214. С. 4. По поводу этого афоризма А. Иванов объясняет: «Говоря, что крайности сходятся, Д-А имел в виду “Современные записки”, которые многие годы одновременно редактировали деятели разных политических взглядов» (*Иванов А.* Комментарии // *Дон-Аминадо*. «Чем ночь темней...» Афоризмы и эпиграммы. С. 496).

²⁸ См. об этом и эти значительные слова Вишняка: «Как у каждого, у меня в жизни было немало друзей и еще больше приятелей. Друзья иногда оборачивались приятелями; приятели изредка становились друзьями. Одним из таких, очень немногих, стал для меня Аминад Петрович Шполянский – Д. Аминадо» (*Вишняк М.* Памяти Дон-Аминадо. С. 2).

²⁹ См.: *Обухова-Зелинская И.* Сходившиеся параллели. С. 196. О жизни Дон-Аминадо в послевоенную эпоху можно много узнать из его переписки с Марком Алдановым (см.: Там же. С. 199–221).

вался со своими прежними друзьями, переехавшими в Америку, и успел издать две книги. В 1951 г. вышел его последний сборник стихов «В те баснословные года», содержащий стихи, впервые появившиеся в ПН в 1932–1938 гг. Книга мемуаров Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути» была опубликована в Нью-Йорке в 1954 г., за три года до смерти автора.

Хотя Дон-Аминадо и не публиковался в СЗ, его переписка с М. Вишняком и В. Рудневым вполне заслуживает внимания. Если переписка с Рудневым ограничивается двумя письмами, написанными с целью назначить встречу, то письма Дон-Аминадо к Вишняку разнотипны и более содержательны. В основном это деловые сообщения, которые свидетельствуют об интенсивной литературной и издательской деятельности Дон-Аминадо и о его многочисленных личных знакомствах. Зачастую речь идет о финансовых вопросах, связанных с изданием книг или с организацией литературных вечеров под руководством Дон-Аминадо. Встречаются и письма с подробными планами для встреч, развлекательных поездок и застольных бесед. Все это не менее важно, чем деловые письма, потому что показывает, что связи Дон-Аминадо со средой журнала были очень тесными.

1. Дон-Аминадо — Вишняку

Кноcke¹. 10 августа 1928 г.

На соц[иалистический] конгр[есс]² не ездил, чувствую себя, однако, превосходно!

Сердечный привет.

Дон-Аминадо

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 4). Число и месяц установлены по почт. шт.; год установлен по содержанию и по сопоставлению с письмом Фондаминского к Вишняку от 30 августа 1928 г., отправленным по этому же адресу. Почтовая открытка с видом Patisserie Royale, Digue de mer Knocke; адрес получателя: «M[onsieur] M. Vichniak, Pension Chantereine, av[enue] Mazy, Pornichet (L[oire-]Inf[érieure]), France»; почт. шт.: «Кноcke, 10.VIII.19[нрзб]». Приписка Дон-Аминадо на почтовой открытке М. Алданова М. Вишняку (см. переписку Алданова в т. 2. наст. изд., п. 10).

¹ Маленький бельгийский городок, курорт. О пребывании Дон-Аминадо в Бельгии см.: Шаховская З. В поисках Набокова. С. 280; Иванов А. Комментарии // Дон-Аминадо. «Чем ночь темней»: Афоризмы и эпиграммы. С. 511; в архиве писателя сохранилось письмо от 20 февраля 1930 г., в котором Дон-Аминадо приглашается обществом «Le rouge et le noir» в Брюссель прочесть лекцию о русском смехе: «J'ai le plaisir de vous rappeler notre séance qui doit avoir lieu mercredi, 26 février, à la tribune libre de Bruxelles et que vous trouverez d'ailleurs relatée dans le programme ci-joint. J'ai vu hier encore nos amis, Lamblot-Moskova et tout est en ordre, je pense, pour cette soirée qui ne manquera certainement pas d'être réussie, plus encore par le fait que vous voulez bien nous prêter votre très généreux et très aimable concours. Il donc entendu que vous ouvrez le débat sur "Le rire dans la littérature russe", en parlant également de Tchekhov. Le temps de parole que nous avons fixé précédemment était de 20 à 30 minutes; j'espère qu'il pourra vous convenir [Имею удовольствие напомнить вам о нашем заседании, которое состоится в среду 26 февраля на Брюссельской свободной трибуне и которое подробно описано в приложенной программе. Я вчера встретил еще раз наших друзей, Ламбло-Москову и думаю, что все готово для этого вечера, который без сомнения будет успешным, тем более что вы окажете нам честь вашего великодушного и приятного присутствия. Как мы договорились, вы откроете прения о «смехе в русской литературе» и поговорите о Чехове. Ранее мы оговорили отвести 20–30 минут на каждое выступление; я надеюсь, это вас устроит]» (Bakhmeteff Archive. Shropiansky papers. Box 2).

² Имеется в виду Третий Конгресс Рабочего социалистического Интернационала, проходивший в Брюсселе 5–11 августа 1928 г.

2. Дон-Аминадо — Вишняку

Paris. 13 декабря 1930 г.

Сергей Калантаров¹ — оригинал и эрудит, окончивший 3 факультета.

Хирографъ

Марку, мужу отъ любомудрїа искушенну, во славу св. евангелиста Марка нареченну, схимонаху оженившемуся,

о Господѣ радоватися!

Ангелоподобіе!

Се убо притекли въ кушу твою, яко тати во нощи, мужа два, брады не имѣи, яко поганые еретики. Отъ пиль-же одинь отъ поганяя грегорианскія ереси Георгїи, отъ языць глаголемый Сикеролубецъ. Притекшимъ имъ не срѣтохся хозяинь кущи, зане піаницъ душа его не прїемлетъ. Они-же притекоша да имуть бесѣду о вещахъ мудрыхъ, яко-же оное еретическое ученіе мракобѣса британскаго Каролуса Дарвинуса, онъ-же учи яко-бы худороднїя скоты черезъ прю за бытіе въ благороднѣйшія претворяются. И о ересіархѣ такожѣ Каролусъ, Марксъ пренїя тожѣ бяху, онъ-же учи, яко-бы вся видимая незримымъ духомъ златница стяжающихъ творитися. Обаче не обрѣвъ велемудраго, отшли вспять съ въздыханіемъ и горестію. По слову Григорїа Назіанзина, той-бо рѣчетъ: «Всякъ плавай близъ есть кораблекрушенїа, и толико ближе, колико дерзостнѣе плавай» (зри «Слово о добротолубїи»²).

Аминь!

Братъ твой скудоумный, схимонахъ (изъ волковъ посхимившїйся)

Георгїй Сикеролубецъ

Декабря 13 дня в лѣто отъ сотворенїа Мїра 7667, а отъ большевицкія мерзости три на десятое в галльском градѣ Лютеціи³.

Был алкоголь. Была тоска.
 Ночная сырость тротуаров.
 Георг Сергеич Калантаров
 Безумно жаждал Вишняка.
 Так жаждет меткая рука
 Прямых, отгоченных ударов.
 Так тщетно ждѣт лесных пожаров
 В степях студѣная река.
 Так шишки ждут своих Макаров,
 Так ждѣт голубка голубка,
 Так ждѣт объездчик рысакá,
 Рысак — снегóв и крутойóров... —
 И, вы, увь!..
 Напрасно!.. Восемь самоваров
 В-припадке
 От жажды вѣдул Калантаров
 И не дождался Вишняка.

Д[он]-А[минадо]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Рукой М. Вишняка написано: «1930».

¹ Приписка рукой Вишняка: «Приятель Дон-Аминадо». С. Калантаров упоминается в мемуарах Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути», коллега по адвокатской деятельности, одно время секретарь Совета присяжных поверенных.

² На самом деле из слова Григория Назианзина (Григория Богослова) «О любви к бедным» (*Григорий Богослов. Собрание творений*: В 2 т. Минск; М., 2000. Т. 1).

³ Текст на псевдостарославянском языке (приношу благодарность В.М. Живову за консультацию. — *М.Ш.*). Перевод: «Хирограф [рукопись; рукописное послание]. Марку, человеку в философии искушенному, наименованному в честь святого евангелиста Марка, ожившемуся схимонаху, о Господе радоваться! Ангелоподобие! В твою хижину пришли, как воры ночью, два человека, безбородых как мерзкие еретики. Выпил же один, от мерзкой грегорианской ереси названный Георгием, а в обиходе Сикеролюбцем [поклонником крепких напитков]. Пришедшим не встретился хозяин хижины, так как душа его не терпит пьяниц. Когда же они к нему шли, у них была беседа о таких умных вещах, как еретическое учение британского мракобеса Карла Дарвина, который учил, что якобы животные низкого происхождения превращаются через борьбу за существование в более благородные. И о другом Карле, ересиархе Марксе, тоже были прения, который учил, что якобы весь видимый капитал незримым духом приобретающих творится. Не найдя ученого, они ушли со вздохами и горестью. По выражению Григория Назианзина, который говорит: “Всякий мореплаватель близок к кораблекрушению, и тем ближе, чем с большей отважностью плывет” (смотри “Слово о добротолубии”). Аминь! Брат твой скудоумный, схимонах (из волков посхимившийся) Георгий Сикеролюбец. 13 декабря 7667 года от сотворения мира, а тринадцатого года от большевицкой мерзости [т.е. от революции 1917 г.] во французском городе Париже».

3. Дон-Аминадо — Вишняку

Б.м. 12 марта 1932 г.

12 марта 1932. Суб[бота]

Дорогой Марк Вениаминович!

1) Покорная просьба: «Совр[емненные] записки» — те два тома, в кот[орых] были напечатаны «Воспомин[ания]» (или иначе называется это) А.Ф. Керенского (о Корнилове, восст[ании] и т.д.)¹. Как и где их достать, при Вашей помощи, на завтра? (Если их нет у Вас под рукой.)

2) Не забудьте, что в пятницу ждем Вас вечером к себе на чай с полумалиновым вареньем (полумалиной наз[ывается] — засахарившееся и переваренное).

Просим Ньюшу (она же Анна Абрамовна)² почтить также своим присутствием. Целую её (широта природы!) и Маничку [Вишняк].

Ваш А[минад] П[етрович]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Имеются в виду воспоминания А.Ф. Керенского о событиях 24 октября — 1 ноября 1917 г. в № 10 СЗ (1922) и непосредственно о генерале Л. Корнилове — в № 39 СЗ (1929).

² По-видимому, сестра Марии Абрамовны Вишняк (1884—1955), жены М.В. Вишняка.

4. Дон-Аминадо и Н.М. Шполянская — М.В. и М.А. Вишняк

Б.м. 7 мая 1932 г. [?]

Суб[бота] 7 мая, 9½ в[ечера]

Дорогие друзья детства!

На всякий пожарный случай сообщаем, что ждём Вас завтра в 9 ч. 15 м. (заране). Будет оркестр Черноярова¹ и, м.б., маленький погром тоже!.. Обнимаем Вас.

Ваши Н[адежда] М[ихайловна], А[минад] П[етрович]²

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Год установлен предположительно по содержанию. Почтовая открытка.

¹ Чернояров Георгий Диодорович (1902–1965), музыкант, основатель и руководитель Русского балалаечного оркестра Черноярова. Жил в эмиграции в Королевстве СХС, но постоянно бывал в Париже: в частности, он выступал во французской столице 7 и 14 июня 1931 г. и 7 января 1933 г. (см.: Хроника. Франция. Т. 2. С. 200, 368), в 1932 г., однако, такие выступления не зарегистрированы. Возможно, речь в данном случае идет о выступлении Черноярова на квартире Дон-Аминадо (о ней см.: *Бахрах А.* Бунин в халате. С. 395); местом встречи с музыкантами могли также быть рестораны «Яр» или «Новая Деревня», завсегда-таем которых был Дон-Аминадо (см. об этом: *Зуров Л.* Дон-Аминадо. С. 115). Способность Дон-Аминадо оживлять и украшать атмосферу дружеского общения характеризуют произнесенные Г. Ивановым в его присутствии слова: «Дона Аминадо принять и угостить всем лестно. Он превращает обыкновенный день в праздник» (Цит. по: *Одоевцева И.* На берегах Сены, М., 1989. С. 96). В свою очередь, взаимоотношения Дон-Аминадо с музыкантами и цыганскими оркестрами в русском Париже отражены в воспоминаниях Л. Зурова о ежегодном писательском бале в «Лютеции»: «энергия Аминада Петровича была особенно сосредоточена. Он ведал артистической программой, был окружен помощниками и распорядителями, выпускал известных всей России певцов и артистов, представлял их с эстрады толпившейся в зале разгоряченной танцами публике, и казалось неиссякаемым его остроумие. [...] Я помню, как Аминад Петрович встречал цыганский, прибывший из дорогого ресторана хор и целовался со старыми цыганками; когда веселый и говорливый табор старух, гитаристов и молодых цыганок в цветных платьях с монистами вступил вместе с ним в широко освещенный и блестящий зал» (*Зуров Л.* Дон-Аминадо. С. 116); по этому поводу также см.: *Шаховская З.* В поисках Набокова. С. 280–281; *Бахрах А.* Бунин в халате. С. 395; *Седых А.* Далекие близкие. New York, 1962. С. 77, 79; *Иванов А.* Россия, выехавшая за границу. С. 7.

² Шполянская (урожд. Кравцова) Надежда Михайловна (?–1978), жена Дон-Аминадо.

5. Дон-Аминадо — Вишняку

Б.м. 30 мая 1932 г.

le 30 mai 1932

Cher ami et Ministre!

J'ai deux mille francs en *chèque pour demain* (le 31 mai) et je les tiens à votre disposition, comme il était convenu¹.

Mais, si l'argent en question, couvert de sang et de sueur, est destiné de dormir sans roulement utile dans votre banque (n'oubliez pas que les banques seront nationalisées par la décision de S[ection] F[rançaise] de l'I[nternationale] O[uvrière]), alors il me serait infiniment agréable de profiter encore quelque temps de cet argent, qui roule chez moi sans cesse...

En tous cas venez chez nous avec Madame demain soir (mardi), à 9 heures, pour prendre une tasse du thé avec la confiture fraîche.

Veillez agréer, cher Monsieur, l'expression des mes sentiments les plus distinguées et rappelez moi au bon souvenir de Madame.

Cordialement à vous

D[on]-A[minado]

[Перевод:]

Дорогой друг и Министр!

У меня есть две тысячи франков чеком на завтра (31 мая), и они в Вашем распоряжении, как договорились.

Но если этим деньгам, покрытым кровью и потом, назначено покоиться без полезного оборота в Вашем банке (не забывайте, что банки будут национализированы решением французской секции Рабочего Интернационала), мне было бы бесконечно приятно воспользоваться еще некоторое время этими деньгами, которые у меня в непрерывном обороте...

В любом случае приходите к нам с Вашей супругой завтра вечером (во вторник), в 9 часов, на чашку чая со свежим вареньем.

Примите, сударь, выражение моих лучших чувств и напомните обо мне Вашей супруге. Сердечно Ваш

Дон-Аминадо

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Дон-Аминадо пишет по-французски, подчеркивая тем самым традиционную неприличность для русской интеллигентской культуры обсуждения денежных вопросов. Дон-Аминадо свободно владел французским языком, что не удивительно для русского интеллигентного эмигранта. Более удивительно, что он отважился написать по-французски и издать книгу афоризмов «Pointes de feu» (Paris, 1939), а равно и перевести на французский язык несколько текстов из русской литературы (в этой связи см.: *Dekobra M. Le rire dans la steppe. Paris, 1927*). Рецензируя «Pointes de feu» в своих «Литературных заметках» (ПН. 1939. 16 марта. № 6562. С. 3), Г. Адамович писал об этом: «С удивлением надо признать, что французский язык оказался Аминадо чрезвычайно “к лицу”, не только не исказив его писаний, но даже украсив их. [...] Замечательно в “Pointes de feu” то, что соприкосновение с иной языковой стихией, обыкновенно для писателя опасное, даже губительное, оказалось тут благотворным. Не хочу сказать, что французский Аминадо лучше Аминадо русского, но уверен все же, что он ощутил пригодность, прочность своей новой одежды!» (Цит. по: *Дон-Аминадо. «Чем ночь темней...» Афоризмы и эпиграммы. С. 411, 413*). Об отношении Дон-Аминадо к французской культуре и языку также см.: *Шаховская З. В поисках Набокова. С. 280; Янгиров Р. Первый фильм из русского Парижа. С. 199*. Типично использование Дон-Аминадо в своих письмах выражений на разных языках: «надо заранее решить surprise-party» (10 мая 1934 г.), «есть неогложимые occupations et faits divers, кот[орые] мешают» (29 мая 1937 г.), «Вы должны были ex officio венчать Ангелину» (27 июля 1937 г.).

В своих афоризмах Дон-Аминадо часто комически обыгрывает проблему переноса смысла с одного языка на другой: «Не сильвушной, говори по-русски!» (ПН. 1932. 2 сент. № 4181. С. 2); «Пример вольного перевода: Перевести memento mori — не забудь умереть! (Там же); «Пример неудачного перевода: intelligence service перевести — на службе интеллигенции» (ПН. 1932. 13 окт. № 4222. С. 4); «Vin triste — это когда нечем заплатить за вино» (ПН. 1932.

22 нояб. № 4262. С. 3); «Savoir vivre – знать, когда надо умереть» (ПН. 1934. 3 мая. № 4788. С. 4); «Переводить разведение кур – divorce de poules не следует» (ПН. 1934. 27 мая. № 4812. С. 3); «До чего обидно, что “Нелюдимо наше море!” немцы переводят: Familienbad» (ПН. 1935. 4 авг. № 5246. С. 3); «Чтоб не сделать faux pas, надо топтаться на месте» (ПН. 1937. 3 дек. № 6096. С. 3). Об этих афоризмах см.: *Иванов А.* Комментарии // Дон-Аминадо. «Чем ночь темней...» Афоризмы и эпиграммы. С. 460–461, 474–475.

6. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк

Б.м. 27 октября 1932 г.

1932. 27 окт[ября]. Четв[ерг]

Дорогие М²!

1) Вы отбились от рук.

2) С благодарностью — 1.500...

3) Через день—два я буду свободнее, надо повидаться, если будете у телеф[она] — позвоните, пожалуйста!

4) Как «Н[иколай?] П-ой»? Нервы? Кровообращение?

5) Пойдёте ли Вы на лекцию Э. Людвига¹? Я иду — из ред[акции] прямо.

Обнимаю по принадлежности.

Ваш Д.-А.

Привет Анне Абрамовне.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Немецкий писатель Эмиль Людвиг (Emil Ludwig; 1881–1948) прославился беллетризованными биографиями великих людей и был широко известен среди русских эмигрантов (см. об этом: *Минувшее. Париж, 1988. [Вып.] 5. С. 263*). М. Цветаева считала его книгу о Наполеоне «гениальной» (см.: *Минувшее. Париж, 1989. [Вып.] 8. С. 224*). Имеется в виду лекция Э. Людвига «Вожди и идеи нашего времени. Впечатления от поездки в Россию», которая состоялась 27 октября 1932 г. на rue du Faubourg St-Hippolyte, 252 (см.: *Хроника. Франция. Т. 2. С. 342*). Об отношении Дон-Аминадо к Людвигу также см.: *Дон-Аминадо. «Чем ночь темней...» Афоризмы и эпиграммы. С. 495*.

7. Дон-Аминадо и Н.М. Шполянская — М.В. и М.А. Вишняк

Б.м. 18 декабря 1933 г.

18.XII.33.

Д[орогие] М[арья] А[брамовна] и М[арк] В[ениаминович],

п[росим] В[ас] п[рийти] к н[ам] в п[онедельник] 22 д[екабря] в 8 ч[асов] в[ече-
ра] к о[беду].

М[еню]:

щ[и]

к[аша].

С с[ердечным] п[риветом].

В[аша] Н[адежда] М[ихайловна] и А[минад] П[етрович]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

8. Дон-Аминадо — Вишняку

Б.м. 10 мая 1934 г.

10 мая, четв[ерг]

Дорогой Марк Виниций¹!

1) Покорная просьба: надо перебиться на тысячу франков на двадцать два дня, т.е. до 2-го — 3-го июня. Если можете, выручите. Принимаю — наличными, чеком au porteur, к[а]к угодно.

2) Роскошный жонтик [так!] получился, и превзошёл все ожидания. Спасибо — Маничке [Вишняк] и Вам. В воскресенье под сенью зонта надо устроить на лужайке детский крик.

3) В воскр[есенье] надо заранее решить surprise-party с 2-мя машинами. Есть машина Шиков² (без детей) — три места, и Шварцм[анов]³ — (без ребенка) — три. И могу найти еще одну (Ноблей⁴) тоже 3 места. Поедут ли Рудневы? Votre avis? Votre accord⁵? Жду ответа на всё сие — сегодня.

М.б., Ньюша [А.А. Вишняк] (в секретном порядке) тоже окажет честь?

Alors, je vous embrasse⁶.

Ваш Ам. П.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Год установлен по содержанию. Внизу письма приклеена газетная вырезка, к заглавию которой приписано рукой Дон-Аминадо слово «Дым»: «*Без отечества*. Вышли отдельным изданием на французском языке лекции, прочитанные проф. М.В. Вишняком в Академии международного права в Гааге, под названием: «*Le Statut International des Apatrides*». Académie de Droit International. 1934».

¹ Марк Виниций (лат. Marcus Vinicius) был консулом Римской империи в I в. и мужем сестры Калигулы. Этим своим обращением к Вишняку Дон-Аминадо не только демонстрирует свой пиетет перед древнеримской культурой и ее влиянием в сфере близкой им обоем с Вишняком юриспруденции, но и иронически отсылает своего корреспондента к общеизвестному роману нобелевского лауреата Г. Сенкевича (кстати, русского подданного!) «*Quo vadis?*» (русское название «*Камо грядеши?*»; 1894—1996), главным героем которого был именно Марк Виниций, вернувшийся после военной службы в Рим и проживший противоречивую эпоху правления Нерона.

² Вероятно, имеются в виду Елена Марковна Шик (см. п. 34) и Сергей Яковлевич Шик — по-видимому, родственники Григория Адольфовича Шика (1897—1967?), эмигранта и торговца картинами в Париже, юриста по образованию (см.: *Минувшее*. М., 1994. [Вып.] 16. С. 284—285), и его брата Александра Адольфовича Шика (1901—1968), литературоведа и сотрудника «*Русской мысли*», автора книг о Пушкине, Гоголе и др. (см.: *Литературное зарубежье России*. С. 573).

³ Вероятно, математик и масон Яков Иосифович (Осипович) Шварцман (1890 —?) с женой (см. п. 33).

⁴ Неустановленные лица.

⁵ Как Вы думаете? Вы согласны? (фр.).

⁶ Итак, я Вас обнимаю (фр.).

9. Дон-Аминадо и Н.М. Шполянская — В.В. и В.И. Рудневым
Paris. 11 мая 1934 г.

Auteuil 33.56.

11 мая, пятница

Дорогие Вера Ивановна и Вадим Викторович!

Очень хотим устроить в это воскресенье (послезавтра) веселую поездку с друзьями к нам на дачу, на трех машинах. Будьте так добры, непременно устройте свои дела, чтобы в 9½ ч. утра были у нас (место съезда), 24, г[уе] George Sand, и если хотите — приготовьте какой-нибудь сухояти самой примитивной по расчету на двух человек, а главное, привезите с собой Владимира Михайловича [Зензинова]¹, которому паёк будет отпущен по холостому положению из семейного котла. Ждем Вашего телефона-звонка сегодня вечером или завтра утром.

Обнимаем Вас, сердечно Ваши

Над[ежда] Мих[айловна] и Амин[ад] Петрович

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Год установлен по содержанию.

¹ В своих мемуарах Дон-Аминадо упоминает повесть В.М. Зензинова «Нена», опубликованную в № 12 СЗ в 1922 г. (см.: *Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь*. С. 680).

10. Дон-Аминадо и др. — Вишняку
Genève. 20 августа 1934 г.

Genève, le 20 авг[уста] 1934. Понед[ельник]. 11 ч. утра.

Дорогой Марк Вениций!

«Gallia omnia divisa est in partes tres»¹... Unam partem habitant populi hebraïci, minores et non bellici. Secundam partem — puer collectivus. Tertia pars occupata est per W.-C.²

В общем, мы приехали специально за Вами в Женеву, дабы увести Вас на 48 часов к нам, где Вам будет предоставлена комната, обед, завтрак и проч.

Ждём Вас без промедления!

Наш телефон — I à Veyrier-du-Lac (H[au]te-Savoie).

Наш адрес: Villa «La Croix des Champs» à Veyrier-du-Lac. (Autocar до Annecy очень дешево. Оттуда пароходом или местн[ым] autocar'ом.)

До скорого свидания!

Ам[инад] Петр[ович], Над[ежда] Мих[айловна]
 Regi³, М. Шварц, С. Шварц⁴

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Письмо на бланке: «Café Glacier — Tea Room Rolfo, place des Bergues, 3».

¹ Начальная фраза «Записок о Галльской войне» («De bello Gallico») Гая Юлия Цезаря.

² Текст на псевдолатинском языке: «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут еврейские народы, малые и не воинственные. В другой живет коллективный ребенок. Третью часть занимает W.-C.». Судя по контексту, Дон-Аминадо описывает Вишняку квартиру, в которую предлагает его поселить: в одной комнате

ночуют взрослые (немногочисленные и мирные евреи), во второй дети, третью занимает туалет.

³ Рери — уменьшительное имя Рахили Григорьевны Осоргиной (урожд. Гинцберг; 1885—1957), второй жены М.А. Осоргина. После развода с ним жила в гражданском браке с журналистом и художником Николаем Васильевичем Макеевым (1889—1974), с которым также затем рассталась.

⁴ Не исключено, что речь идет о сотруднике СЗ, философе М.Н. Шварце (с женой? С.), который именно в том году был в Париже, принимая участие в работах Научно-философского общества (см.: Хроника. Франция. Т. 2. С. 562)

11. Дон-Аминадо — Рудневу

Paris. 17 мая 1935 г.

Auteuil 33—56

17 мая. Пятн[ица]

Дорогой Вадим Викторович!

Если Вам не трудно, будьте так добры, позвоните мне в субботу по тел[ефону] (от 3—5). Хочу с Вами условиться повидаться. Сердечный привет Вере Ивановне [Рудневой].

Преданный Вам

Ам. П.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Год установлен по содержанию.

12. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк

Б.м. 12 сентября 1935 г.

12 сент[ября] 1935. Четв[ерг]

Дорогие друзья детства!

1) Я, к сожалению, не попаду к Вам ни сегодня, ни завтра. Очень занят. Простужен.

2) Мы, к сожалению, констатируем, что, когда «спрос на человека» повышается, то получается I-я и II-я очередь.

Очевидно, мы попали во II-ую. (Мы еще неделю назад просили Вас приехать на 2—3 дня, Вы обещали на след[ующей] неделе, т.е. 14—15-го приехать к нам. Но Вы предпочли чеховский «Вишневы сад»¹. Делаем point.

3) Увижусь, стало быть, с Вами только на след[ующей] неделе (*в понед[ельник]*) и только, чтобы вернуть Вам с благодарн[остью] триста фр. Несмотря на вышеизложенное, je vous embrasse au nom de nous deux².

Ваш Ам. П.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Неясно, что имеется в виду.

² я Вас обнимаю от имени нас обоих (фр.).

13. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк*Yerres. 27 декабря 1935 г.*

27.XII.35. Пятн[ница]

Дорогие друзья, М. и М.!

1) Если у Вас будет охота, приезжайте в воскр[есенье] рано утром и останьтесь до поздн[его] вечера, поговорим, выпьем.

2) Надо решить вопрос о встрече Нов[ого] года.

3) Надо послать новог[однюю] тел[еграмму] Рери [Р.Г. Осоргиной]. 4) Срок моего разговора еще не кончился, но меры я принимаю.

5) От Буглэ ответ? Есть? Нет? 6) Квартира?

7) Неврастения? 8) Здоровье Н[адежды] Мих[айловны] (тьфу, тьфу, тьфу) — лучше.

Привет! Ждём! 148, rue de Bellevue à Yerres (S[eine]-et-O[ise]). Преданный Вам
Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Помета: «*Pneumatique*».

14. Дон-Аминадо — Рудневу*Б.м. 5 апреля 1936 г.*

5 апр. 1936. Воскресенье

Дорогой Вадим Викторович!

Будьте добры, черкните мне два слова обратной почтой, *либо* позвоните по тел[ефону] — Aut[euil] 33—56 (завтра, в понед[ельник], между 3—5), чтоб сказать мне: возможно ли, или нет, — отсрочить мне на 15-ть дней, т.е. до 25-го (суббота) платёж по векс[елю] в 2000 fr.?

= Если возможно (и без всякого для Вас и журнала беспокойства или неудобства), то это меня устроит.

= Если невозможно, то 10-го апр[еля], само собой разумеется, вексель будет оплачен.

= «Объяснительная записка» (между нами): я вынужден был лишиться своего заработка с 1-го апреля в конторе, где я служил. А теперь должен получить *indemnité*¹, кот[орую] еще не получил. C'est tout.

Сердечный привет Вере Ивановне [Рудневой]. Преданный Вам

Ам. Петр.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Подразумевается пособие по безработице, которое по закону платили только в течение 120 дней в году (см. об этом: *Иванов А.* Россия, выехавшая за границу. С. 11). Неоднократные просьбы денег взаймы или мольбы о переносе срока оплаты векселей объясняются крайней бедностью Дон-Аминадо и встречаются во многих его письмах к Вишняку (см.: *Каратоццоло М.* Дон-Аминадо и «Современные записки». С. 144. Примеч. 20). Не надо при этом забывать, что сам Дон-Аминадо много раз помогал другим, «как бы оправдывая библейское свое имя: *Аминадав* — даритель» (см.: Третий «Сатирикон» / Публ., вступ. заметка

и примеч. Э. Шульмана // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 126). В 1936 г. Дон-Аминадо регулярно печатался в ПН, но оплата за этот труд, видимо, не была достаточной, поэтому он «параллельно» имел другие работы, — например, в туристическом бюро (см.: *Вишняк М. Памяти Дон-Аминадо*. С. 2; *Бахрах А. Бунин в халате*. С. 395). После Второй мировой войны он даже был обязан работать в областях, вовсе не связанных с культурой, — например, на заводах (см. об этом: *Зуров Л. Дон-Аминадо*. С. 118; *Петровская К. Дон-Аминадо, трагический шут; Иванов А. Россия, выехавшая за границу*. С. 22; *Обухова-Зелинская И. Сходившиеся параллели*. С. 196) и в других заведениях. См., например, письмо М. Алданову от 8 ноября 1950 г.: «сегодня начал свою “работу” в бюро» (*Обухова-Зелинская И. Сходившиеся параллели*. С. 212). Дон-Аминадо не раз и не только в ироническом контексте затрагивал в своем творчестве тему эмигрантской безработицы; см., напр.: «Безработица приводит в тупик, критическая мысль — в участок» (ПН. 1935. 14 февр. № 5075. С. 4); «За решение крестословиц шомажных не платят» (ПН. 1935. 9 мая. № 5159. С. 4); «Зарегистрированный на бирже труда биржевиком не считается» (ПН. 1935. 24 мая. № 5174. С. 3).

15. Дон-Аминадо и Н.М. Шполянская — М.В. и М.А. Вишняк

Yerres. 11 апреля 1936 г.

11 апр. 1936, суббота

Дорогие М²!

Так!.. Решено!.. Мы ждём Вас в среду!

Садитесь в первый автокар,

И, локоть в бок вонзив соседу

Иль от него приив удар,

Прибудьте точно, без запинки,

Без опозданий, в десять пять!

И захватите две простынки,

Чтоб мы могли Вас пеленать...

И-й автокар уходит в 9 ч. ровно, П-й — в 10.20.

Итак, до скорого свидания!

Ваши Н[адежда] М[ихайловна] — А[минад] П[етрович]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Почтовая открытка; адрес получателя: «М[onsieur]г М[ada]ме М.В. Vichniak, 88, rue Chardon-Lagache, 88, Paris — XVIe»; почт. шт.: «Yerres, 11.4.1936».

16. Дон-Аминадо и Н.М. Шполянская — М.В. и М.А. Вишнякам

Б.м. 22 июля 1936 г.

Среда 22 июля 1936

Дорогие друзья детства!

1) Очень добивались точного В[ашего] адреса, хотели *своевременно* пожелать удачи на новом месте, желаем это теперь с неменьшим усердием.

2) О бельгийских пляжах, креветках и крабах Вам будет сделан устный доклад в воскр[есенье], 26 июля, в Yerr[es]'e, куда Вы приедете с утра автокаром 10.50 (b[oulevard]d Bourdon). (И при всякой погоде.)

3) В Италию мы не едем, но в Испанию — тоже...

4) Слухи о пакте с семейством Макеевых распространяются агентами Гестапо¹. До скорого свидания и обмена мнениями на свежем воздухе.

Ваши Н[адежда] М[ихайловна] и А[минад] П[етрович]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Ирония данного отклика Дон-Аминадо может иметь разные объяснения: вероятнее всего, он против встречи бывшей спутницы Макеева, Рахили (Рери) Осоргиной, с настоящей — Н.Н. Берберовой. Возможно также, что все дело в Вишнике и его неприязни к «беззаконному» сожительству Макеева с Берберовой (см.: Минувшее. Париж, 1988. [Вып.] 5. С. 258). См. об этом же в письме В. Ходасевича Н. Берберовой от 18 февраля 1930 г.: «Вишняк сказал, что Алданов собирается меня звать к себе на четверг, у них — “прием”. Сам Вишняк отказался идти, узнав, что будут Макеевы» (Там же. С. 256). В 1936 г. Макеевы — Н.В. Макеев и Н.Н. Берберова.

17. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк

*Pringy*¹. 15 августа 1936 г.

Château de Monthoux *par Annemasse* (H[au]te-Savoie)

15.VIII.36.

Дорогие Маничка и Марк Веньяминович!

У Вас стило тоненькое и не течёт ежесекундно, а у меня наоборот + отвращение ко всяком[у] виду письменности. Несмотря на это, сообщаю Вам, что были мы третьего дня все троём в Женеве с единственной целью Вас повидать, но из-за бездарности окружения и владельцев автомобиля не нашли ни здания, ни Конгресса², ни Стефена Уайза³, ни Эмиля Людвига⁴, а главное Вас самого, ради чего и весь огород городили! Дочка наша была особенно разочарована, хотя и осмотрела Palais des Nations и проч., и проч.

Итак, очевидно, Вы уже в Париже, или даже у моря, куда, надеюсь, это письмо Вам перешлют. Сообщите при случае, дошло ли оно до Вас. Желая Вам хорошо отдохнуть, каждый человек создан для отдыха, а не для труда.

Над[ежда] Мих[айловна] чувствует себя в некоторых смыслах сносно, в иных хуже. Леночка⁵ кое-как приспосабливается к отсутствию молодежи, вместо которой подсовываю ей то Montblanc, то Salève⁶. Что касается меня самого, то я, кажется, тоже отдыхаю, тем более, что местное население принимает меня за покойного Сашу Черного, кот[орый] любит детей и животных...

Кроме того, телефон из Парижа звонит тоже.

Обнимаю Вас за себя и от имени Н[адежды] Мих[айловны] и Леночки.

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Маленький город в Верхней Савоие.

² Вишняк принимал участие в Первом Всемирном еврейском конгрессе, состоявшемся с 8 по 14 августа 1936 г. в Женеве.

³ Stephen Samuel Wise (1874–1949), американский раввин, видный сионист; в 1936–1938 гг. президент American Jewish Congress; организатор и председатель Всемирного еврейского конгресса в 1936–1949 гг.

⁴ См. примеч. 1 к п. 6.

⁵ Шполянская Елена Аминадовна, единственная дочь Дон-Аминадо.

⁶ Об исключительной семейственности Дон-Аминадо и о его любви к членам своей семьи см.: *Зуров Л.* Дон-Аминадо. С. 117: «Семья для Аминада Петровича была святилищем. Для нее он работал, не щадя сил». См. также: *Вишняк М.* Памяти Дон-Аминадо. С. 2; *Шаховская З.* В поисках Набокова. С. 280–281; *Бахрах А.* Бунин в халате. С. 395.

18. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк

Yerres. 8 сентября 1936 г.

8 сент. 1936. Вторник

Дорогие друзья детства!

Приехали мы 3-го сентября, т.е. 4 дня назад. Над[ежда] Мих[айловна] в весе прибавила (если это Вас интересует), но почти *всё осталось по-прежнему*. По совету врача — решили засесть (вправе её засадить!) в деревне и окружить её китайской стеной...

Поэтому и не позвали Вас к себе и думаем сделать это после 15-го (12-го Над[ежда] Мих[айловна], вероятно, сделает еще один сеанс).

В городе я был 2 дня подряд, снаряжал в Швейцарию М[oiseя?] Л[азареви-ча?]¹, кот[орый] взял В[аш] адрес — и напишет Вам.

Денежн[ые] дела я после 17–18-го, вероятно, улажу для Вас — т.е. за июль и авг[уст] — 1000 fr. сумею Вам вручить.

Теперь желаю (покуда в письм[енной] форме) знать *всё* об Вас обоих.

Обнимаю Вас обоих, от имени нас троих.

Ваш Ам. П.

148, r[ue] de Bellevue à Yerres, S[eine-]et-O[ise]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Не удалось найти сведений; вероятно, то же лицо, о котором идет речь в п. 24.

19. Дон-Аминадо — Вишняку

Б.м. После 8 сентября 1936 г.

Дорогой Марк Веняминович!

Очень Вам благодарен за инициативу, кредит и терпение.

При сем: 10 билетов по 100 fr.

Привет, поцелуй М[ани]чке [Вишняк].

Ваш Д.-А.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Датируется по содержанию п. 18.

20. Дон-Аминадо и Н.М. Шполянская — М.В. и М.А. Вишняк

Paris. 19 октября 1936 г.

19 окт. 1936. Понед[ельник]

Дорогие друзья детства!

Получается так, что мы Вас не видим.

Получается так, что после визита к д[окто]ру (пульс — 102, несмотря на общее удовлетв[орительное] впечатление) — приказано ложиться в постель в 9 ч. веч[ера].

Получается так, что, кроме вышеуказанного, есть замордованность по всяким делам.

В общем, получается так, что в пятницу 23-го мы приедем к Вам пить чай.

Привет!

Ваши Н[адежда] М[ихайловна] и А[минад] П[етрович]

P.S. Получается еще так, что Марк В[ениаминович] никогда не позвонит по тел[ефону], а Мария А[брамовна] никогда не зайдет по дороге в Лионский кредит.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

21. Дон-Аминадо — Вишняку

Б.м. До 26 января 1937 г.

Дорогой М[арк] В[еньяминович]!

По-моему, всё это написано отлично и только перв[ый] абзац надо выкинуть!

Кроме того, во вторник, 8. ч. веч[ера] (26 янв[аря]) Маничку [Вишняк] и Вас ждём к обеду (ответ на Weiller[?]) *sans faute!*

Ваш А.П.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Датируется по содержанию. Письмо на краях листа с машинописным текстом:

«Возможна ли история современников? Нет ли внутреннего противоречия в самой задаче жгучее и текучее, *современное*, изобразить как уже отложившееся и застывшее, *историческое*?»

Во всяком случае бесспорно, что биография Биография современника представляет особые и исключительные трудности. При описании явления еще не завершено, в процессе его “дления”², приходится особенно часто прибегать к условным оценкам. Приходится довольствоваться далеко неполной документацией. Один факт отсутствия дневников и личной переписки лишает возможности усвоить запахи и звуки среды.

Потому-то так и бесценны для жизнеописания, в частности Леона Блюма³, книги — как “Журнал” Жюля Ренара или “Люсиен Герр” Шарля Андлера. Посвященные совсем другой теме, они касаются Леона Блюма лишь попутно и невзначай, — тем ценнее их свидетельство.

Для этой *первой* биографии Леона Блюма автор использовал все работы Леона Блюма и о Леоне Блюме. Кое-что *здесь публикуется* ему удалось собрать впервые, на основании личных бесед с родственным окружением Леона Блюма и *некоторыми* его друзьями и товарищами: Люсьеном Леви-Брюлем, Тристаном Бернаром, Браке, Жаном Лонге, Орестом Розенфельдом и другими.

Автор часто предпочитает говорить о Леоне Блюме его словами, а не своими собственными. Это не значит, однако, что автор считал необходимым замаскировать маскирует свое отношение к герою повествования. Наоборот! Его претензия на объективность не идет дальше того, что не всякий почитатель Леона Блюма полностью одобрит предлагаемое его жизнеописание и не всякий противник Леона Блюма эту его биографию полностью отвергнет».

¹ обязательно (фр.).

² Приписано сверху: «*durée*» (бергсоновский намек!).

³ Имеется в виду книга Вишняка «*Léon Blum*» (Paris: Flammarion, 1937). Вишняк, возможно, планировал и русское издание своей книги (или еще до выхода книги попросил приятелей написать рецензию). Отметим, что Вишняк 19 февраля 1937 г. прочитал лекцию «Леон Блюм: жизнь и творчество» в Объединении русско-еврейской интеллигенции (см.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 287).

22. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк

Б.м. 14 мая 1937 г.

14 мая 1937

Дорогие друзья детства,
спасибо за отличную выдумку, незаслуженное внимание и добрую память!

Привет.

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

23. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк

Б.м. 29 мая 1937 г.

29 мая 1937, суббота

Дорогие друзья!

1) Большое спасибо за книжку. Испытали все втроем некоторое, свойственное близким родственникам, чувство гордости и удовлетворенья... — всё-таки один из наших выбился в люди! (NB. Один — это не Блюм¹, конечно, а Вишнеvский²).

2) Давно мы с Вами не видались, но это неплохо — потому что мы кислые и усталые.

3) Завтра, в воскр[есенье] мы к Вам *не* приедем. Есть неотложные occupations et faits divers³, кот[орые] мешают.

4) Увидимся, наверное, в среду-четверг.

Обнимаю. Рад, что Мане [Вишняк] лучше.

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ См. примеч. 3 к п. 21.

² Шутливо вместо «Вишняк».

³ занятия и разные дела (фр.).

24. Дон-Аминадо — Вишняку

Б.м. 5 июля 1937 г.

Дорогой Марк Веньяминович!

Присутствовал на завтраке с M[onsieur]r Jean Longuet¹ (5, avenue Victoria, Paris... (возле Hôtel de Ville)), тем самым (внуком известного Вам К.М.). Разговор коснулся Блюма. Longuet говорит, что ему хвалили книгу о Блюме «d'un auteur gusse²»...: — прыжок Моисея Лазаревича³ (прыжок пумы) и прыжок мой (прыжок пожилого леопарда) — объяснения наперебой и т.д. Просьба Longuet — прислать ему книгу с автографом.

Поэтому прошу (и советую) сделать это *немедленно*.

Обнимаю Вас и Маничку [Вишняк].

Ваш Ам. П.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Jean Longuet (1876–1938), французский политический деятель, внук Карла Маркса. Основатель французской газеты «Le populaire: organe du Parti Socialiste (S.F.I.O.)» (Paris, 1916–1940, 1944–1970). Его карьера была тесно связана с деятельностью французской секции Рабочего Интернационала (SFIO, Section Française de l'Internationale Ouvrière).

² русского автора (фр.).

³ Неустановленное лицо.

25. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк

Le Hohwald. 27 июля 1937 г.

Ermitage à Hohwald. Вторн[ик] 27 июля 1937.

Дорогие Маничка и Марк Веньяминович!

Не знаю, где найдут Вас эти строки. По моим вычислениям и соображениям, Вы должны были ex officio венчать Ангелину [Цетлин-Доминик], после чего немедленно уехать в какой-нибудь жаркий климат. Хотелось бы всё же знать точнее. На днях узнал, что Longuet (в *первый раз* получив В[ашу] книгу) рассыпался в комплиментах по В[ашему] адресу. Насчёт Вейцмана¹ Вы не изволили откликнуться. Между тем, через 4–5 мес[яцев] эта книга будет чрезвычайно актуальной, ибо после осенней сессии Лиги Наций и пр., и пр. — он будет, конечно, первым президентом Евр[ейской] республ[ики] (или Доминиона) — и, поверьте моему чутью, книге и сюжету обеспечен несомненный успех, а Вам слава и деньги. Второй вопрос, еще более актуальный — здоровье Мар. Абр. [Вишняк]. Объясните точно и ясно.

Что касается нашего семейства, то вот: уехали мы 16-го из Парижа (пред отъездом В[ам] написали, но Вы *не* ответили) в Страсбург. 17-го поселились в Hohwald'e. Здесь отлично, тихо, скучно и просторно. Дышим сплошными сосновыми и еловыми шишками. Одновременно и вперемежку. Как хотим. Над[ежда] Мих[айловна] пополнела уже. Это хороший признак. Но еще остаётся многое. Я себя чувствую неважно. Начался плохой период. Лежу и питаюсь макаронами. Леночка чрез два дня приезжает из Roscoff'a. Вот Вам и весь отчет. Опишите венчание

Ангелины и другие события «нашей маленькой жизни»². На днях напишу Рери жалобное большое письмо. Нюше — наш привет. Будьте здоровы и благополучны. Над[ежда] Мих[айловна] se joint à moi pour³ и т.д.

Обнимаю Вас.

Ваш Аминад Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6) (см. илл. 26). Письмо на бланке: «Villa-Pension “Ermitage”, Hohwald près Barr (Bas-Rhin)».

¹ Хаим Вейцман (1874—1952), химик и политический деятель, первый президент государства Израиль. Речь идет о книге Вишняка «Доктор Вейцман», которая была опубликована только через два года после этого письма (Париж, 1939): книге посвящена рецензия Н.Д. Авксентьева в СЗ (1939. № 69. С. 488—490).

² Шекспировское выражение «Наша маленькая жизнь» было очень распространено среди русских эмигрантов и характеризовало творчество Дон-Аминадо: его первый фельетон с таким названием появился в ПН 5 мая 1927 г. (№ 2234. С. 4). Носит это название и сборник фельетонов, выпущенный Дон-Аминадо в 1927 г. С 1928 г. под этим названием изредка (а с 1933 г. регулярно) появлялись подборки его афоризмов в ПН (см. об этом: *Иванов А.* Комментарии // Дон-Аминадо. «Чем ночь темней...»: Афоризмы и эпиграммы. С. 514).

³ присоединяется ко мне, чтобы (фр.).

26. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк

Le Hohwald. 1 августа 1937 г.

Воскр[есенье] 1 авг[уста] 1937

Дорогие друзья детства!

Письмо Ваше получили, и очень благодарны.

У Мани — vocation manquée¹! Несомнен[ный] беллетристич[еский] талант. Отлично описана ангелинина [А.М. Цетлин-Доминик] свадьба. Прямо замечательно. Что касается спора о Вейцмане с Вами, дорогой М[арк] В[ениаминович], то продолжим его лично. Чудак! Неужели Вы думали, что франц[узские] издатели могут знать, с чем это кушают?! Надо идти по совсем другому пути, а прежде всего (и без всякого, конечно, сервизизма, кот[орый] Вы склонны в моих советах, м.б., заподозрить) повидать и крепко проинтервьюировать самого Вейцмана, а не Любовь Яровую! Вы не Вова Познер и могли бы уехать раньше гастролей МХТ². Впрочем, м.б., *Вы* правы.

Теперь о себе. Je vous dois des explications³, как «последнему праведнику». Известное Вам «promotion du 14 juillet»⁴ — есть исключительно и единственно возможный (для меня, в моём «cas», т.е. в возрасте и при отсутствии сына) этап к натурализ[ации] (для Леночки, главн[ым] обр[азом]). Очень был огорчен, узнав о заметке в «Посл[едних] нов[остях]»⁵, да еще с упоминанием фамилии. Получилось безвкусно и для непосвященного глаза раздражительно. (О чём, впрочем, не говорите Калишевичу⁶, кот[орый], вероятно, полагал, что оказывает мне этим услугу.) Как говорил Байрон: «Я не Ступницкий! Я другой...»⁷. А впрочем, всё это выведенного яйца не стóит. Леночка благополучно приехала. Кстати, она принята в Institut Pasteur на курсы микробиологии, что надо считать удачей! Над[ежда] Мих[айловна] и она трижды велели Вам обоим кланяться.

Обнимаю Вас и приветствую Ньюшу Абрамовну.

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Письмо на бланке: «Villa-Pension "Ermitage", Hohwald près Barr (Bas-Rhin)».

¹ упущенное (невьявленное) призвание (фр.).

² Слова Дон-Аминадо объясняются тем, что в августе 1937 г. Московский художественный театр под руководством В.И. Немировича-Данченко гастролировал в Париже. Выступлений было три: 7 августа дали спектакль по пьесе Горького «Враги» (одну из ролей исполнила О.Л. Книппер-Чехова), 9 августа — пьесе К. Тренева «Любовь Яровая» (на которую и намекает Дон-Аминадо) и 11 августа — «Анну Каренину» (см. об этом, напр.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 355). Спектакли проходили в Théâtre des Champs-Élysées. Т.к. репертуар заметен советский, Дон-Аминадо игнорирует его и советует Вишняку уехать. Иначе поступил Владимир Соломонович Познер (1905–1992), к этому времени находившийся с русскими эмигрантами во враждебных отношениях — прежде всего по причине своего членства во французской компартии и из-за неоднократных «дружественных» поездок в Советский Союз (см.: Минувшее. СПб., 1997. [Вып.] 22. С. 585). Выпустив в 1929 г. написанную на французском языке книгу «Panorama de la littérature russe contemporaine» (Paris, 1929), он порвал с эмиграцией. Об этой книге Г. Струве написал, что она дышит «неприкрытой враждебностью к эмиграции» (*Струве Г.* Русская литература в изгнании. Paris, 1984. С. 8).

³ Я Вам должен [дать] объяснения (фр.).

⁴ «получение статуса в связи с [французским национальным праздником] 14 июля» (фр.). В своих фельетонах Дон-Аминадо не раз высмеивал тему натурализации русских эмигрантов во Франции, — см., например, «Новый Козьма Прутков» в номере ПН за 25 октября 1938 г.: «Депутат — это не спирт, а человек, лишенный натурализации».

⁵ См.: «Опубликовано [нрзб] о пожаловании ордена Почетного легиона кавалерской степени проф. [нрзб] К. Агафонову и журналисту и писателю А.П. Шполянскому (Дон-Аминадо)» (ПН. 1937. 31 июля. № 5971. С. 1).

⁶ Калишевич Николай Викторович (1881–1941), более известный под псевдонимом «Р. Словцов», — литературный критик, «имя которого ассоциировалось для Ходасевича и Берберовой с простым пересказом содержания, импрессионистской критикой, изливанием чувств, шаблонностью» (Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / Публ. Д. Бетеа // Минувшее. Париж, 1988. [Вып.] 5. С. 270). Дон-Аминадо не раз в своих мемуарах упоминает Словцова: «А Николай Викторович Калишевич, подписывавший свои нижние фельетоны, или, как их еще называли, подвалы, именем Р. Словцова, был, попросту говоря, человеком правых убеждений» (*Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь. С. 685). Далее, вспоминая и один из последних своих разговоров с П.Н. Милоковым, Дон-Аминадо отмечает: «Пришлось к слову, вспомнили Николая Викторовича Калишевича-Словцова, которого ответственный редактор неизменно подозревал чуть ли не в саботаже, в намеренном искажении генеральной линии и в упорном противодействии будущему республиканско-демократическому строю...» (Там же. С. 692). Рецензия Словцова на сборник Дон-Аминадо «Накинув плащ» появилась в номере рижской газеты «Сегодня» от 13 октября 1928 г.

⁷ Обыгрывается знаменитое стихотворение Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...» (1832). Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951), юрист и журналист, сотрудник ПН. В воспоминаниях Дон-Аминадо он охарактеризован следующим образом: «Арсений Федорович Ступницкий был на ролях любимого ученика, перипатетика и дофина. Республиканско-демократическую азбуку знал наизубок, и в идеях государственного порядка смыслил столько же, сколько Николай Константинович Волков в издании газеты» (*Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь. С. 693). Любопытно, что после смерти «фаворита» Дон-Аминадо оказался единственным исполнителем завещания Милокова — об этом свидетельствует письмо от 18 апреля 1951 г., полученное писателем из Лондона и сохранившееся в его архиве (см.: Bakhmeteff Archive. Shpoliansky papers. Box 1).

27. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк*Uriage-les-Bains. 8 августа 1938 г.**Hôtel des Bains à Uriage-les-Bains (Isère)*

8 авг. 1938. Понед[ельник]

Дорогие друзья детства!

Не отвечал на Ваши милые письма — потому что пред отъездом был перегружен всякого рода хлопотами, кроме того вернулся из Италии М[оицей] Лаз[аревич], и последние дни с 27 июля до 2-го авг[уста] я был, естественно, еще более занят. Теперь все это б[олее] или м[енее] позади. Рад за Вас, что удачно попали и хорошо отдохнули. Огорчен, что так — коротко. Уже — Париж, уже метро, телефоны, rendez-vous и проч. суррогаты человеческого существования.

Что касается предисловия, то il n'y a rien à faire¹ — оно будет, и с этим надо считаться. О предисловии (тексте его) и о названии изд[ательс]тва сговоримся в половине сентября, к[а]к было условлено. Обложку видел, одобрил, «звезду» выкинул.

Теперь два слова о нас самих: Леночка отлично провела время в Roskoff'e [так!] и теперь находится в противоположном пункте — St.-Jean-de-Luz, где пробудет весь август и нач[ало] сентября. Мы из Гренобля попали в Uriage, где, вообще говоря, лечат застарелый сифилис, а в случае отсутствия такового — просто отдыхают под сенью лип и сосен. Кроме того здесь пребывает Броня [Шапира]² с двумя своими младенцами и с какой-то скучнейшей еврейкой из Праги. Броня читает роман графа Салиаса (не более и не менее), но пейзажа не портит. Им, бедным, сейчас довольно-таки плохо и, очевидно, непоправимо... Поэтому не хочется заниматься критикой. С 15–16-го переедем выше, в Laffrey. Над[ежда] Мих[айловна] *очень* Вам кланяется. Буду рад Вашей весточке. Адреса моего не давайте никому (s[il] v[ous] p[laît]). Обнимаю Вас.

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ делать нечего, ничего не поделаешь (фр.).

² Ср. п. 28. Возможно, имеется в виду одна из дочерей Исаака Сергеевича Шапира, бывшего директора саратовского банка. Русская семья Шапира была обеспеченной и жила недалеко от Эйфелевой башни. Об этой семье см.: *Лосский Б.Н.* В русском Париже (1927–1935) // Минувшее. М.; СПб, 1997. [Вып.] 21. С. 7–72.

28. Дон-Аминадо — Вишняку*Uriage-les-Bains. 19 августа 1938 г.*

Uriage-les-Bains. 19 авг. 1938. Пятница

Дорогой Марк Вениций!

Пользуюсь случаем Вам сказать, что Вы отлично пишете письма.

По существу: торопить события не в моих силах. С типогр[афией] условлено, что только 15–20 сент[ября] ей надо заплатить сольд, из чего вытекает, что

и книгу к тому времени надо будет получить — и освободить металл. В утешение напомните Лаврову[?] арию Мефистофеля: «Люди гибнут за металл... За мета-а-лл!»¹.

Предисловие будет². Ne vous tourmentez pas³. Будет к сроку.

С Милоковым о фельетонах на всяк[ий] случай спишитесь. Думаю, что возражений со стороны М[оисея] Лаз[аревича] не будет. А в конце авг[уста] позвоните ему в контору часов в 10½ утра, повидайтесь и выясните.

Передайте Ньюше [А.А. Вишняк] наш привет. Желаю ей поправиться, отдохнуть, окрепнуть. Рери [Р.Г. Осоргиной] написал жалобное большое послание.

Броне Шапире, кот[орая] сейчас представлена здесь всем семейством, напишите — Hôtel du Parc (etc.). В простоте душевной она вас считает друзьями детства и обижается, что друзья не пишут.

Через два дня мы с Над[еждой] Мих[айловой] отсюда уезжаем на юг — автокаром — в Antibes, Cannes и проч. Если надо будет, или охота будет — вот адрес: Villa Marie-Hélène, rue du Titien, Cannes (A[pres-]M[aritimes]). Но, вообще говоря, адреса *никому* не сообщайте, s'il v[ous] p[laît]. Вернемся в начале сентября — 7–8-го, что ли.

Маничке [Вишняк] — привет и поцелуй от нас обоих. (Пусть терпит.)

Вас же обнимаю.

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Дон-Аминадо цитирует слова Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст». Ср. в подборке афоризмов «Новый Козьма Прутков» в номере ПН от 16 апреля 1937 г.: «Люди гибнут за металл», потому что он благородный».

² Неизвестно, о каком предисловии идет речь.

³ Не волнуйтесь (фр.).

29. Дон-Аминадо — Вишняку

Б.м. 15 сентября 1938 г.

8 ч. утра. Четверг, 15 сент. 1938

Дорогой Марк Веняминович!

Не произносите горьких слов и быстрых приговоров! Вчера у меня было неск[олько] неприятностей, + необходимо было уладить срочную (неотложную) чепуху в «П[оследних] нов[остях]» (объясню, когда Вас увижу). Оставалось, вопреки моим расчетам, неск[олько] минут, чтобы не опоздать к автокару. Был выбор: между Вами и семьей! На этот раз я избрал семью...

В понедельник мы уже будем в Париже, и если Вы позвоните [так!] в 2½–3 — то мы условимся *обо всем*, включая, кстати, и чек на 4.000 для типографии. Предисловие тоже готово. Привет Маничке [Вишняк]. Обнимаю Вас.

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

30. Дон-Аминадо и Н.М. Шполянская — М.В. и М.А. Вишняк*Б.м. 24 декабря 1938 г.*

24.XII.38.

Дорогие могикане!¹

Звонил в «Рус[ские] зап[иски]» — напрасно. Надо подумать о встрече Нов[ого] года (е[сли] ж[ивы] б[удем]). Идея: у Бр. Еф. [Шапиро?]² — в складчину по 50 фр. с лица и рыла. Реагируете? Хотим надеяться.

Обнимаем.

Ваши Н[адежда] М[ихайловна], А[минад] П[етрович]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6).

¹ Выражения «Могикане» или «Последние могикане» часто встречаются в текстах Дон-Аминадо. В своих мемуарах «последними могиканами» он именует редакторов СЗ и журнала Петра Титыча Герцо-Виноградского (см.: *Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь*. С. 528, 678). См. также его текст «Последние могиканши» в номере ПН от 12 июля 1934 г. (№ 4858. С. 4); равным образом см. в письме Дон-Аминадо М.А. Алданову от 7 октября 1947 (?) г.: «Дорогой Марк Александрович! Вы остаетесь верны себе, недаром вас называют последним из могикан» (Цит. по: *Обухова-Зелинская И. Сходившиеся параллели*. С. 204).

² Возможно, имеется в виду упоминаемая в п. 27–28 знакомая Шполянских Броня Шапиро; в данном случае догадка об этом лице в примеч. 2 к п. 27 неверна, поскольку отчество тут, стало быть, «Ефимовна», а не «Исааковна».

31. Дон-Аминадо — Вишняку*Б.м. 11 марта 1939 г. [?]**11 марта, суб[бота]*

Дорогой Марк Веньяминович!

Очень жалею, что не застали нас. Я всё время в разгоне, а тут, в довершение всего, еще свалился на меня мой дядька, кот[орый] возвращается в Америку (но, кажется, без долларов)... Так что занят я сверх меры.

Со старым болваном, Биншт[оком]¹, говорил своевременно по тел[ефону], как раз он получил письмо, что *Portiguel*² обедать не может. Отложили. Но клялся (Биншт[ок]), что он с ним всё же *срочно* поговорит и проч. Поэтому, позвоните этому старому еврей и выясните.

Целую Маничку [Вишняк], жму Вашу благородн[ую] руку.

Все наши — приветствуют.

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Год установлен предположительно.

¹ Вероятнее всего, имеется ли в виду Григорий Осипович Биншток (1884–1954), активный участник революций 1905 и 1917 гг., который в 1922 г. эмигрировал сначала в Германию, где стал членом движения социал-демократов (см.: *Минувшее. Париж, 1989. [Вып.] 7. С. 203*).

² О ком идет речь, не удалось установить.

32. Дон-Аминадо, Н.М. и Е.А. Шполянские — М.А. Вишняк
Yerres. 23 октября 1939 г.

148, rue de Bellevue à Yerres (S[eine-]et-O[ise])
 23 окт. 1939

Par la voie des airs... comprimés¹.

Дорогая Маничка!

По поручению семейства и от собственного имени приношу Вам верноподданные наши поздравления и желаю Вам и Вашему высокоуважаемому супругу — по крайней мере — здоровья!

Целуем Вас и, как говорится, поднимаем бокал...

Ваши Н[адежда], Л[ена], А[минад]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Письмо на бланке с зачеркнутым от руки адресом: «24, rue George Sand, Paris XVIe».

¹ По воздуху... сжато (фр.).

33. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк
Б.м. 30 ноября 1939 г.

30 ноября 1939. Четверг

Дорогие друзья,

все объяснения даны будут устно в воскресенье 3 дек[абря] (автокар 11.45, надо занять места за 20-ть минут) за завтраком и чаем...

Sans faute!¹

Як[ову] О[сипови]чу [Шварцману] лучше, и Ваш приезд может только поднять tonus. От имени двух семейств и за себя лично

Ваш Ам. Петр.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Вверху помета рукой Вишняка: «Дон-Аминадо».

¹ Без ошибки (фр.).

34. Дон-Аминадо — М.В. и М.А. Вишняк
Yerres. 25 декабря 1939 г.

148, rue de Bellevue à Yerres (S[eine-]et-O[ise])
 Tél. 73 – Yerres (S[eine-]et-O[ise])

25 дек. 1939. Понед[ельник]

Дорогие дети солнца!

1) Ел[ена] Марк[овна Шик] должна сегодня, до 12-ти, подтвердить Вам устно (ибо праздничной почте не верю!) нашу совместную манифестацию 31 дек[абря] вечером у нас, в Yerr[es]'е.

2) Вы выезжаете автокаром, уходящим с Bastille в 19 ч. 25 м. веч[ером] (вы приезжаете на Bastille за 25 минут, газета и трико сокращает ожидание, каковое в свою очередь обеспечивает два сидячих места — М[арк] В[ениаминович] у окна, Маня у прохода — ввиду щеки, среднего уха и прочих письменных принадлежностей.

3) Вы привозите с собой зубн[ые] щетки и ночные сорочки или пижамы, — ибо вы ночуете у нас на лёнкином двуспальном диване, а Леночка у нас или у Немановых.

4) Ни в коем случае не привозите никаких продуктов, напитков, чёрных хлебов, ничего не покупайте, да и нет не говорите и проч., и проч., и проч.

5) Режим экономии и военная психология будут приняты во внимание при разверстке и, стало быть, и в *total'e* расходов на ужин! (никаких индеек, каштанов и проч.).

6) Стол на 17 человек:

2 Вишняков
3 Шварцм[анов] ¹
3 Аминадов
3 Поляковых ²
3 Немановых ³
2 Шиков ⁴
1 Катя Шуб ⁵

Total: 17.

С приветом и прочими чувствами от всех и от меня лично.

Ваш Ам. Петр.

P.S. Во избежание ревности и прочих низких чувств — держать всё ниже- и вышеизложенное — в строгой тайне.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Письмо на бланке с зачеркнутым от руки адресом: «24, rue George Sand, Paris 15^e».

¹ См. примеч. 3 к п. 8.

² Поляков Александр Абрамович (1879–1971), писатель, журналист и ведущий сотрудник ПН. По словам Дон-Аминадо, он «был единственной душой дела и являлся действительным, а не политическим редактором “Последних новостей”. [...] так как этот городской сумасшедший и неистовый Роланд никаких ни чинов, ни орденов, а наипаче, лавров никогда не добивался и не искал, то так оно по раз заведенному ритуалу и продолжалось: Милюков возглавлял, а Поляков претворял в действительность и облакал возглавление плотью и кровью!» (*Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь*. С. 691, 692). По поводу отношений между Дон-Аминадо и Поляковым см.: *Обухова-Зелинская И.* Сходившиеся параллели. С. 200–201.

³ Неманов Лев Моисеевич (1873–1952), журналист, публицист.

⁴ См. примеч. 2 к п. 8.

⁵ Неустановленное лицо.

35. Дон-Аминадо — Вишняку

Yerres. 20 марта 1940 г.

148, r[ue] de Bellevue à Yerres (S[eine-]et-O[ise])

20 марта 1940, среда

Дорогой Марк Вениций!

Вы последний римлянин: Вы отвечаете на письма, [2 нрзб], ходите на погребения, на именины, реагируете, откликаетесь, сочувствуете и проч. Что сказать о себе самом? Вместо того, чтобы сразу же ответить на Вашу милую открытку, я 10 дней терзался, один день искал конверт, а на 12-й — отвечаю.

На днях мы с Вами увидимся, скорее всего у нас (с Маничкой [Вишняк], конечно), и тогда все Вам станет ясно. У меня буквально все последн[ее] время уходило и уходит на устройство сложных леночкиных дел и предприятий.

Hôpital Vichat

Жизнь в Париже

Prof. Urbain (дир[ектор] [нрзб])

Симка и Хамка

Рассрочка

Livraison¹

Ворота, чтоб въе[зжать?] [нрзб] и т.д., и т.д.

[Надежда] Мих[айловна] Вам горячо кланяется.

[Мои]с[ей] Лаз[аревич] о Вашем свидании рассказывал.

Слава Богу, что Мане лучше.

Обнимаю Вас.

Ваш Ам. П.

О временном Вашем устройстве или устройении поговорим, когда увидимся. Думаю, что, «при всем том, это все же не плохо».

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 6). Письмо на бланке с зачеркнутым от руки адресом: «24, rue George Sand, Paris XVI». Письмо сильно повреждено сыростью и местами не поддается прочтению.

¹ доставка (фр.).

36. Дон-Аминадо — М.А. и М.В. Вишняк

Le Lavandou. 10 августа 1940 г.

10 авг. 1940.

Pension «La Petite Bohême», Le Lavandou (Var)¹

Дорогие Маничка и Марк Веняминович!

Вы и представить себе не можете, к[а]к мы обрадовались В[ашему] письму. (Кстати сказать, оно датировано 26-м июля, а получено сегодня, 10-го авг[уста] — срок, достаточный для гибели царств, империй и республик.) (Кроме того, военно-почтовый контроль, вероятно — единств[енная] причина запоздания.) Отвечаю по пунктам. 1) Разыскивали мы Вас весьма рьяно, знали, что Вы в Виши, от д[окто]ра Коварского, но он сказал, что письмо от Вас получил еще в Париже и, кроме poste-restante, адреса В[ашего] не знает. 2) Всѐ, что морально пережили Вы, пережили и мы. Donc, nous sommes en carte². Остаются, однако, надежды и бессмысленные мечтания. Титул, во всяк[ом] случае, у нас импозантный: réfugié français, ancien réfugié russe³. 3) Решили твёрдо остаться во Франции — читаем «Gringoire», «Jouir» etc. В своё время читали «Нов[ое] время» и «Русское знамя»⁴. Авось, и это

переживём. 3) Прожили месяц в окрестностях Рау, потом, чтоб удешевить жизнь, переехали на юг. По дороге Поляковы решили остаться в Montpellier. 4) Оттуда приходят малоутешит[ельные] новости. Газета, *по-моему*, никогда и нигде не выйдет. Личные деньги Волков⁵ благополучно вывез, а казённые переслал чёком... Если когда-нибудь по чёку заплатят, то раздадут неск[олько] крох тем, кто будет под рукой. А резервный капитал заберёт себе Михельсон, кот[орый] вместе с Эльяшевичем⁶, к[а]к специалистом по выморочным имуществам, найдёт уже соответств[енную] юрисдикцию. Время Миркина-Гецевича⁷ прошло, а Михельсона — настало. Старому альбатросу, Милюкову⁸, поднесут бювар (из *frais généraux*⁹), а Волкову пригрозят *réfoulement*¹⁰. (Коновалов¹¹ вообще умрёт.) 5) Энергию Вашу в смысле нового букваря адмирирую и приветствую! В переписку не верю, надо действовать лично и считать год. Но, в конце концов, и через год это будет кстати. Хватит ли у Вас на год жизни? При Вашей скромности, думаю, что да. У нас хватит на три недели. У М. [нрзб]. дел никаких, денег тоже. Буду усиленно тапировать¹² «Посл[едние] нов[ости]», а потом буду искать работы — какой и где, не знаю!

6) В Париж покуда не собираемся. М.б., переедем в к[акой-]н[ибудь] бóльший город к нач[алу] сент[ября], куда, еще не знаю, собираю сведения. Да и то сказать, всё так быстро меняется — и планы, и решения, что то́лком ничего не знаю. Шварцм[аны] с нами. И тоже в полной нерешительности. 7) Леночка томится, страдает за Францию, надо искать работы — где? какой? Ее друзья, один ранен, лежит в госпитале; другой в плену; 8) Кстати, нет никаких вестей о Сер[гее] Богрове¹³. Женья Шах¹⁴ — три пули в грудь, операция, лежит в госпитале и говорит, что всё это пустяки, но жалко Франции! Таких, к[а]к он, метекóв и жидóв — тысячи. Так что для резервата — хватит. 9) Страшно рады, что Маничка хоть физически справилась со *всем* покуда пережитым. Продолжайте держаться, моя дорогая!

10) Сообщаю Вам адрес М. Ив. Черной¹⁵ и присоединяю моё скромное мнение. — В La Favière есть много возможностей (есть разные русские семьи, сама М. Ив. [Черная] тоже, комнаты, кухни и т.д.), и весьма недорого. (Кстати, в Lavandou живет постоянно проф. Франк¹⁶). Но спишите Вы сами — пишите по-франц[узски], это ускóрит обмен письмами. (Madame Glückberg, La Favière, par Bornes, Var). Она женщина аккуратная, толковая, но больная (грудн[ая] жаба, 70 лет).

11) Не знаете ли Вы, где Шики (Ел[ена] Марк[овна], Серг[ей] Як[овлевич], дети)? Очень беспокоимся. 12) От Брони [Шапиро] имеем письмо. Молодцы. Работают в столовой, а сами без денег.

13) Есть ли вести от Julien'a?

Над[ежда] Мих[айловна] и Леночка Вас крепко обоих целуют. Я тоже — крепко. В общем, надо крепиться и перечитывать учебники истории — древней, новой, новейшей.

Ваш всегда Ам. Петр.

Сердечный привет от Шварцм[анов].

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 10. F. 41). Вверху помета: «*Écrit en russe!*». В стэнфордском архиве Вишняка сохранился также автограф с эпиграммой Дон-Аминадо (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 44): «Кесарево — кесарю, / Но позвольте доложить, / Что теперь любому слесарю / Легче кесаря прожить».

¹ Маленький городок на Лазурном берегу, где Дон-Аминадо остановился с семьей до того, как появилась возможность вернуться в Yegges, под Париж, где у него был дом. Там после ухода немцев он жил до смерти.

² Здесь: Итак, мы в картотеке полиции (фр.).

³ Французский беженец, бывший русский беженец (фр.). Дон-Аминадо, вероятно, смеется над разницей между русскими беженцами (к числу которых относился и он сам), которые не признавали себя гражданами СССР, но тем не менее не получили натурализации, и французскими беженцами (как его дочь Елена), которые решили натурализоваться и стали французскими гражданами. Тема выдачи нансеновских паспортов очень часто встречается в творчестве Дон-Аминадо. Об этом см. в особенности: «Эмигрантская жалобная» (ПН. 1926. 19 нояб. № 2067. С. 3); «Открытое письмо доктору Нансену», вошедшее в сборник «Наша маленькая жизнь» (*Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь*. С. 362–263); «Из записной книжки» (ПН. 1929. 23 окт. № 3136. С. 2); «Тьмы низких истин» (ПН. 1931. 24 февр. № 3625. С. 2).

⁴ «Новое время», русская газета, издававшаяся в Петербурге с 1868 по 1917 г. «Русское знамя», русская газета монархического направления, выходила в 1905–1917 гг. Французские журналы «Gringoire» и «Jouir» издавались в Париже и также придерживались правой ориентации.

⁵ Имеется в виду газета ПН, которая закрылась в июне 1940 г., после оккупации Парижа немцами. Во второй половине года Дон-Аминадо после разных блужданий повстречал Милокова в Aix-les-Bains, где оба остановились на некоторое время и долго говорили о прошлом. Николай Константинович Волков (1875–1950) был хозяйственным директором ПН. О нем Дон-Аминадо писал в мемуарах: «Волков верил в Бога, в сибирское землячество и в доктора Манухина. В газете ровным счетом не смыслил ничего. Несмотря на это Милоков считал его достойным себе наследником и преемником и, вероятно, искренно думал, что дело “Последних новостей” находится в крепких и надежных руках» (*Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь*. С. 693).

⁶ Михельсон Александр Михайлович (1885–1976), экономист, публицист, общественный деятель; после 1917 г. в эмиграции в Париже; член многих эмигрантских академических обществ, академик Французской академии; сотрудник ПН и соратник П.Н. Милокова по партии. Эльяшевич (Ельяшевич) Василий Борисович (1875–1956), историк, правовед; в эмиграции в Париже преподавал на русском отделении Сорбонны; активно участвовал с женой Фаиной Осиповной в культурной жизни русского Парижа. Близкий друг Тэффи (см.: Диаспора. 2001. [Вып.] 1. С. 359).

⁷ Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (1892–1955), правовед, специалист в области международного права, приват-доцент Петроградского университета, с 1920 г. в эмиграции в Париже. Декан историко-юридического факультета Русского народного университета, преподаватель Institut d'Études Slaves, генеральный секретарь Международного института публичного права. В годы Второй мировой войны жил в США, преподавал в Новой школе социальных наук, участвовал в работе Международной лиги в защиту прав человека.

⁸ О прозвище «альбатрос», данном Милокову сотрудниками редакции ПН, Дон-Аминадо рассказывает в «Поезде на третьем пути», вспоминая разговор с Милоковым в Aix-les-Bains: «— Скажите, — спросил он со свойственной ему прямоотой, улыбаясь и глядя в глаза собеседнику. — Правда ли, что меня в редакции называли Альбатросом, и что это, собственно говоря, значит?»

Уклониться от ответа было невозможно, да может быть, и ненужно.

— Да, это правда, Павел Николаевич. Есть такое стихотворение французского поэта Бодлера в вольном переводе Якубовича, П.Я.

В стихотворении этот поэт описывает горделивый полет альбатроса, мощно расправившего свои белые крылья, высоко парящего в небе, в недостижимых облаках, над синим морским простором.

Нет ему равного на свете, белому альбатросу! Только бы и парить, взлетать все выше и выше, владычествовать над горизонтами, подыматься над самую стратосферой.

Но стоит ему опуститься на палубу проходящего корабля, как не узнать гордой птицы!

Опустив могучие крылья, неуклюже ступает он, переваливаясь с боку на бок, по скользкому настилу, и пьяный матрос забавы ради сует ему кнастер в клюв, и всякая проходящая масть куролесит и измывается над одиноким царем просторов...

Ответственный редактор только улыбнулся, не то загадочно, не то с каким-то неуловимым оттенком грусти.

Сравнение с бодлеровским персонажем было, очевидно, и лестно, и огорчительно» (*Дон-Аминадо*. Наша маленькая жизнь. С. 690–691).

⁹ общих расходов (фр.).

¹⁰ выдворением (фр.).

¹¹ Коновалов Александр Иванович (1875–1949), предприниматель, общественно-политический деятель, председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915), министр торговли и промышленности Временного правительства (февраль–май, август–октябрь 1917 г.), с июля 1917 г. член ЦК партии кадетов, с начала 1918 г. в эмиграции в Париже, член Республиканско-демократического объединения (с 1921 г.), председатель Совета общественных организаций (с 1924 г.), член совета Российского торгово-промышленного и финансового союза, один из руководителей Земгора, председатель правления редакции ПН (в 1924–1940 гг.), военные годы провел в США, в 1947 г. вернулся в Париж.

¹² Вероятно, от *tapet* (фр.) – перехватывать денег.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ Шах Евгений Владимирович (1905 – ?), поэт-эмигрант, публиковавшийся в «Звене», СЗ, коллективных сборниках, автор двух книг стихов (см.: Диаспора. 2002. [Вып.] 3. С. 473).

¹⁵ Гликберг-Черная (урожд. Васильева) Мария Ивановна (1871–1961), жена поэта-сатирика Саши Черного (А.М. Гликберга; 1880–1932).

¹⁶ Имеется в виду Семен Людвигович Франк (1877–1950), с 1912 г. приват-доцент Петербургского университета, высланный из России в 1922 г. Жил в Германии, Франции, Великобритании. См. о нем: Диаспора. 2001. [Вып.] 2. С. 150–151; *Янцен В.В.* Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М., 2006. С. 304–326.

*«Пусть уж пишут о нас критики
и теоретики, вкривь и вкось,
а мы свое дело будем делать»:*
Б.К. Зайцев

Публикация, вступительная статья и примечания
Э. Гарэтто и О. Ростовской

С июня 1923 г., еще находясь в Берлине, Б.К. Зайцев¹ становится одним из ведущих авторов СЗ, публикуя в журнале новеллы, очерки и романы². В этот же период в СЗ появляются и рецензии на книги Зайцева³.

В конце декабря 1923 г. Зайцев переезжает в Париж. Начинается новый, важнейший период его жизни и творчества — а СЗ становятся тем изданием, где увидели свет многие значительные произведения писателя, созданные до начала Второй мировой войны: романы «Золотой узор» и «Дом в Пасси», повести «Странное путешествие», «Анна», рассказ «Алексей Божий человек», первые главы тетралогии «Путешествие Глеба» и первая из литературных биографий — «Жизнь Тургенева». В СЗ мы впервые встречаем его знаменитые статьи-воспоминания: «Побежденный» об Александре Бло-

¹ В эмиграцию Борис Константинович Зайцев (29 января/10 февраля 1881, Орел — 26 января 1972, Париж) попал уже сложившимся автором. Писать он начал в 17 лет (первые сочинения не сохранились), в 1900–1901 гг. получил благожелательные отзывы Н.К. Михайловского, В.Г. Короленко и А.П. Чехова на свои ранние опыты. К 1917 г. году Зайцев — известный прозаик, представитель «нового реализма», автор двух десятков книг. С 1918 г. Зайцев вместе с писателями-итальянистами состоял в Обществе Studio Italiano, вступил во Всероссийский союз писателей, где его в 1921 г. избрали председателем Московского отделения. В поисках средств к существованию вместе с Н. Бердяевым, М. Осоргиным, Б. Грифцовым и др. работал в Кооперативной книжной лавке писателей в Леонтьевском переулке, как член Комитета помощи голодающим с М. Осоргиным выпускал газету Помгола «Помощь», писал листовки, воззвания. В августе 1921 г. вместе с другими членами Помгола был арестован ЧК и на несколько дней заключен в тюрьму на Лубянке. В революционные годы было разорено имение его родителей, уничтожена библиотека.

Резкий духовный перелом, произошедший после революции, и мироощущение этих лет легли в основу многих произведений Зайцева, ими проникнуты сборники «Путники» (1919), «Улица Св. Николая» (1923), «Рафаэль» (1922), книга очерков «Италия», над которой Зайцев начал работу еще во время революции. И в будущем к событиям 1917–1922 гг. Зайцев вернется в своих книгах и воспоминаниях.

Весной 1922 г. в течение двух недель Зайцев находился на грани между жизнью и смертью, перенеся тяжелую форму брюшного тифа. А. Луначарский и Л. Каменев помогли Зайцеву оформить визу для выезда на лечение в Германию. В июне 1922 г. с женой Верой Алексеевной и десятилетней дочерью Наташей Зайцев приехал в Берлин. В изгнании писатель прожил до конца дней.

В Берлине Зайцев участвовал в литературных вечерах, публиковался в газете А. Керенского «Дни», журналах «Воля России», «Звено», «Жар-птица». С другом и издателем З.И. Гржебиным в короткие сроки подготовил и издал собрание своих сочинений в шести томах (Пб.; Берлин; М., 1923). Его избрали вице-председателем Союза русских писателей и журналистов в Берлине. Вместе с М. Осоргиным, П. Муратовым, Н. Бердяевым и др. по приглашению проф. Этторе Ло Гатто он выезжал в Рим для участия в конференции, организованной итальянским Комитетом помощи русским интеллигентам, где выступал с докладом. В конце 1923 г. в издательстве «Слово» в Берлине выходит его роман «Дальний край» и сборник рассказов «Улица Св. Николая». На русском и в переводе на немецкий издаются новеллы и сцены «Рафаэль», «Дон Жуан», «Карл V», «Души чистилища».

² В № 14 СЗ он публикует новеллу «Рафаэль», в № 15 очерк «Улица Св. Николая», в № 15–17 напечатает первую часть романа «Золотой узор» (вторая часть романа будет передаваться в редакцию уже в Париже: № 19, 22, 23, 24 СЗ).

³ См.: *Муратов П.П.* [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Италия. Пб.; Берлин: З.И. Гржебин, 1923 // СЗ. 1923. № 15. С. 401–403; *Мих. Ос. [Осоргин М.А.]* [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Улица св. Николая: Рассказы, 1918–1921. Берлин: Слово, 1923 // СЗ. 1924. № 18. С. 434–435.

ке, «Жизнь с Гоголем», «С.С. Юшкевич», рецензии на книги и новые произведения И. Бунина, П. Муратова, Н. Тэффи, М. Осоргина и др.

Многолетняя работа Зайцева с СЗ — история не простая и не гладкая, с затяжной напряженной кульминацией, временами драматичная и готовая вот-вот оборваться, но с достойным концом.

Авторитет Зайцева в литературном эмигрантском сообществе высок: 1 ноября 1924 г. Фондаминский, отвечавший в СЗ за привлечение сотрудников, пишет Вишняку: «Ничего не имею против того, чтобы не было ни Алданова, ни Переслелина⁴, а чтобы дать больше Зайцева» (Ред., п. 23). Редакция советуется с Зайцевым по самым различным вопросам, к мнению Зайцева прислушиваются, как свидетельствует комментарий к очерку Муратова «Поездка в Апулию» (СЗ. 1925. № 24. С. 174—212) в письме Фондаминского к Вишняку от 21 марта 1925 г.: «Она, вероятно, не хуже других глав “Образов Италии”, но Зайцев прав — в 1925 г., после всего пережитого, так писать нельзя, а читать это и совсем трудно» (Ред., п. 44).

18 мая 1925 г., встревоженный возможностью ухода авторов в новые издания, Фондаминский пишет Вишняку: «Мои соображения: нам всё равно придется повыситься, и значительно, гонорар первоклассным беллетристам (Бунину, Шмелеву, Мережковскому, Зайцеву, Ремизову и Алданову) — иначе мы их всех лишимся» (Ред., п. 55). Через день, 20 мая 1925 г., Фондаминский, обеспокоенный предстоящим выходом первого номера газеты «Возрождение», вновь обращается к Вишняку: «я предлагаю, помимо Шмелева, обратиться еще к Зайцеву. Зайцев пишет или приступает к *писанию нового романа* из заграничной жизни. Я предлагаю убедить его продать нам этот роман “на корню” по 400 фр. за лист. Будем печатать, по мере написания; сейчас аванс. Я считаю, что риску нет: новый роман не будет хуже старого. А разве мы не взяли бы сейчас “Золотой узор” и сделали ли мы ошибку, купив его “на корню”? Сравните со всем, что мы напечатали, и вы увидите, что ошибки не было. Я мало верю, что Зайцев согласится, но попробовать убедить надо и надо это сделать торжественно и с пристрастием» (Ред., п. 56). Редакция СЗ взволнована — лучшие писатели могут предпочесть журналу другие, новые издания, и их главной задачей становится удержать авторов — «купить на корню» то, чего еще нет: ведь роман об эмиграции «Дом в Пасси» Зайцев закончит лишь к 1933 году.

Именно с этого периода начинаются периодические трения во взаимоотношениях Зайцева с редакцией СЗ. Поводом к этому в мае 1925 г. послужили письменные дебаты Фондаминского и Вишняка о месте в журнале мемуарного очерка Зайцева об А. Блоке «Побежденный» (см. примеч. 1 к п. 1).

К сожалению, ответные письма Вишняка пропали вместе с архивом Фондаминского, и мы можем лишь предполагать, что воззрения Вишняка шли зачастую вразрез с позицией Фондаминского, который 26 мая 1925 г. писал: «Я другого мнения о писателях: они правы, отдавая по высоким ценам свой труд в другие *приличные* издания [...] Я очень рассчитываю на роман Бунина (если он напишет), даже, если появится новый журнал, и очень убеждаю тебя начать переговоры с *Зайцевым*» (Ред., п. 58). 25 ноября 1925 г. Фондаминский пишет: «Очень прошу кого-нибудь из вас (лучше Вадим [Руднев], ибо Марочка [Вишняк] мало расположен) выполнить порученную мне миссию к *Зайцеву* — обязательно!» (Ред., п. 68). Нерасположение, холодная сдержанность Вишняка по отношению к Зайцеву прослеживается как в переписке Зайцева с редакторами СЗ, так и во внутриредакционной переписке. Сказывались здесь и особенности личности самого Зайцева, и характер его писаний, но в большей степени — взаимоотношения внутри редакции, которые были далеко не ровными и безоблачными.

⁴ Имеется в виду писатель Марк Алданов и роман Ф. Степуна «Николай Переслелин».

В своей работе «Земные странствия Бориса Зайцева» А.Д. Романенко отмечал: «К творчеству Зайцева, что вполне естественно, современники относились по-разному, в той или иной степени принимая его таким, каков он есть, или вовсе его отрицая. Но как человек Зайцев пользовался несомненной симпатией почти всех, с кем его сталкивала судьба. Его ценили, его мнением дорожили, его часто приглашали к участию в различных редакционных коллегиях, редакциях, к подготовке сборников и альманахов. Все знали о его твердости в делах чести, верности слову, скрупулезности и уважительности в отношениях с людьми»⁵. Неконфликтному, выдержанному Зайцеву, который привык хлопотать о других (не случайно и в Москве, и в Париже литераторы его избирали председателем своих Союзов) непросто было просить об авансах или увеличении гонорара. К этому вынуждали обстоятельства — само *положение эмигранта* (без средств к существованию, без дома, без прав) с трагическим отрывом от родины и болью за нее и за оставшихся там близких, с общей неустроенностью, неуверенностью в завтрашнем дне, наконец, с банальной постоянной нуждой.

В своей книге «“Современные записки”. Воспоминания редактора» М. Вишняк лишь дважды, вскользь, в общем контексте, упоминает фамилию Зайцева: «Печатали мы и “стариков”»; в их перечне — Б.К. Зайцев. Однако Вишняк констатирует: «Претензии отдельных авторов к “Современным запискам” бывали и серьезные и мелочные, — по крайней мере, для постороннего взгляда. Чего только они не касались! Размеров гонорара и аванса, количества предоставляемых автору страниц; объема, отведенного произведению, места, на котором оно опубликовано; даже шрифта, которым напечатано!»⁶

«Мелочные претензии», о которых пишет Вишняк, и в первую очередь определенные сумм денежных вознаграждений, обсуждаются в переписке достаточно часто. В письме к Вишняку от 22 декабря 1925 г. Фондаминский размышляет: «По большому секрету: опять планы *серьезные* нового беллетристического и культурного (не полит[ического]) журнала. Предупреждаю Вас, но прошу не выдать меня. Очень убеждаю Вас переговорить теперь же с Шмелевым, Зайцевым (м.б. Ремизовым) и взять, что надо. Что за повесть “Атлантида” у Зайцева? [...] Помните, что — если журнал будет — придется платить *дороже* за *худшие* вещи. Почему Вадим [Руднев] не повидался еще с Зайцевым?» (Ред., п. 74), а 1 июня 1926 г. Вишняк сообщает Фондаминскому: «Зайцев пишет для нас рассказ, не больше двух листов. Рассказ российский, “меланхолический”, из периода революции⁷. Обещал сдать не позже 20-го августа, т.е. к 29-й книге. Он сам заинтересован в том, чтобы рассказ попал в ту книгу, потому что в октябре его 25-летний юбилей⁸. — З[айцев] просил, чтобы ему заплатили за рассказ по 500 фр. с листа. Я обещал похлопотать, не обещая твердо» (Ред., п. 106).

В этих непростых редакционных перипетиях отчетливо прослеживаются определенные дипломатические ходы в работе с авторами: Вишняк должен уладить дело с обидой Зайцева на редакцию за то, «что в трудную минуту мы отказали его жене в нескольких стах франков», и примирить его с редакцией (Фондаминский — Вишняку, 23 июня 1926 [?] г.; Ред., п. 110), Фондаминский же пишет Вишняку и Рудневу в конце декабря 1926 г.: «Т.к. в Бунине уверенности нет, попросить рассказ у Зайцева (если

⁵ Вступ. ст. к кн.: *Зайцев Б.К.* Голубая звезда. Повести и рассказы. М., 1989. С. 20.

⁶ Вишняк 1993. С. 125.

⁷ Имеется в виду рассказ «Странное путешествие» (СЗ. 1926. № 29. С. 19–47).

⁸ 25-летний юбилей литературной деятельности Зайцева праздновался в декабре 1926 г. СЗ откликаются на юбилей статьей М. Цетлина (*Цетлин М.О.* Литературные заметки: (Гражданская война в литературе. — К юбилею Б.К. Зайцева) // СЗ. 1927. № 30. С. 514–520). На банкете 12 декабря 1926 г. редакция СЗ присутствовала в полном составе.

Бунин даст, Зайцева можно будет отложить — судя по газетам, у Зайцева рассказ есть)» (Ред., п. 123).

Тем не менее сотрудничество Зайцева и СЗ успешно продолжается. В 1928–1929 гг. в № 36, 37 и 38 печатается его повесть «Анна». К началу 1930 г. позиции Зайцева в СЗ устойчивы, он готовит к публикации в СЗ «Жизнь Тургенева»⁹. 28 марта 1930 г. Фондаминский пишет Вишняку: «1. бессмысленно давать 55 стр. Ходасевича — столько никто не прочтет; 2. дав 55 стр. мы себя погубим перед Зайцевым — он хочет давать по 60 стр., а мы не сумели возразить; 3. всё равно мы не кончим Ходасевича в следующей книжке — там начинается Зайцев и мы не можем дать много Ход[асевича]» (Ред., п. 235); год спустя, 1 марта 1931 г., он пишет Вишняку: «Вкратце надо прежде всего дать возможно больше статей по литературе — нельзя преподносить читателю 2-й отдел в таком виде, как мы это делаем: из 9 статей он прочтет одну (Б. Зайцева)» (Ред., п. 280). С 1929 г. отрывки и отдельные главы книги публиковались в газете «Возрождение»¹⁰. Выход «Жизни Тургенева» в СЗ и отдельной книгой в издательстве YMCA-Press (1932) был отмечен рецензией известного филолога, историка и критика П.М. Бицилли (СЗ. 1932. № 48. С. 475–477).

С декабря 1931 г. Зайцев ведет переговоры с СЗ о публикации в журнале нового романа «Дом в Пасси» и пишет рецензию на «Авантюрный роман» Н.А. Тэффи¹¹. В 1932–1933 гг. в переписке Зайцева с редакторами СЗ отчетливо видны материальные трудности Зайцева и неустойчивость финансового положения СЗ, в то же время начинает наблюдаться изменение отношений редакции и писателя. Интуитивно Зайцев ощущает это. 31 декабря 1931 г., в ночь под Новый год, он пишет: «Являет ли собой эмигрантская литература и эмигрантские писатели некое новое слово миру? Можно ли предполагать, что Шмелев или Куприн, Бальмонт или Мережковский, Б. Зайцев или Алданов станут творцами и руководителями какой-то новой художественной школы, которую впоследствии назовут “школой русской эмиграции”? Конечно, нет. Самая постановка вопроса демагогична. И названные писатели, и другие, не названные — облики давно сложившиеся, воспитанные на известной культуре и ее посылно в творчестве своем преломляющие. Ждать, чтобы люди на шестом или седьмом десятке лет создавали какие-то новые, специфические эмигрантские школы, — странно. Нужно иначе ставить вопрос: если эти облики что-то собою представляют, чем-то ценны, то живут ли они, меняются ли в чем-то, отражается ли в них переживаемое время, или они застыли и повторяют себя? Тут надо ответить: конечно, меняются. Одни больше, другие меньше. Но вообще сказать об эмигрантских писателях, даже старшего поколения, что они просто себя повторяют, — разумеется, несправедливо»¹².

5 августа 1933 г. Фондаминский в письме к Рудневу: «очень убеждаю вас печатать Сирина. Вещь может понравиться или нет, но С[ирин] первоклассный писатель и мы не провалим номера. Если же мы заполним номер Зайцевскими рассказами, мы снизим наш уровень» (Ред., п. 382). В свою очередь, 30 августа 1933 г., обсуждая № 53 СЗ, Руднев сообщает Вишняку: «Алданов соглашается дать рецензию и маленькую статейку для “Культ[уры] и жизни”. О чем? Подумав, решили: о *Тургеневе*, в связи с его юби-

⁹ См.: СЗ. 1930. № 44; 1931. № 45–47. В своем творчестве Зайцев неоднократно обращался к личности и судьбе И.С. Тургенева, написав о нем два десятка статей и заметок.

¹⁰ См.: Возрождение. 1929. 23 авг. № 1543. С. 3; 1930. 24 мая. № 1817. С. 3–4; 30 авг. № 1915. С. 3–4; 21 сент. № 1937. С. 3–4; 26 окт. № 1972. С. 3–4; 1930. 23 янв. № 2061. С. 3; 11 мая. № 2169. С. 2–3; 12 июня. № 2231. С. 2–3.

¹¹ См.: *Зайцев Б.К.* [Рец. на кн.]: Тэффи Н.А. Авантюрный роман. Париж: Возрождение, 1931 // СЗ. 1932. № 49. С. 452–453.

¹² *Зайцев Б.К.* Дела литературные // Зайцев Б.К. Собр. соч. М., 2000. Т. 9 (доп.): Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. С. 120–121.

леем (“Посл[едние] нов[ости]” выпускают спец[иальный] №, — Алд[анов] только предупреждает, что он и там будет писать о Тург[еневе], и просит, для приличия, спросить Зайцева, не напишет ли он неск[олько] страниц? Спрошу, но так, чтобы наверное отказался» (Ред., п. 388)¹³. 5 ноября 1933 г. в связи с просьбой Зайцева выплатить ему аванс в размере 200—300 фр. Вишняк пишет Рудневу: «Самое главное. Не от Ильюши и не от Зайцева я узнал, что Зайцев сбежал — после меня — к Ильюше, и “добрый” И. [Фондаминский] пообещал ему, не в пример злостному М. [Вишняку], “жранца”... Делай, как хочешь, пиши, носи деньги Зайцеву. Я *отказываюсь* теперь с ним вести разговоры на эту тему. Протестую против гнусного положения, в которое меня поставил Ильюша, и устрою скандал в ближайшее же собрание редакции. С Зайцевым разделивайся, как хочешь. М.б., я сделаю и другие выводы из этого... Но еще подумаю» (Ред., п. 396).

В то время как завершается публикация в СЗ «Дома в Пасси», Фондаминский размышляет над редакционным портфелем: «Из наших журнальных беллетристов я оставил бы только 3 — Бунина, Алданова и Сирина. Зайцева, Шмелева, Ремизова, Куприна я печатал бы только эпизодично. Не говоря о том, что Зайцева и Шмелева читать скучно — всё это с точки зрения искусства — *отработанный нар.* Постепенно мы составим себе репутацию устаревших и даже мертвых людей, а такая репутация действительно убивает» (Фондаминский — Рудневу, 20 июня 1934 г.; Ред., п. 420). Все же редакция СЗ решила остановиться в выдавливании «отработанного пара». В будущем «не было потеряно ни одного из действительно ценных прежних сотрудников в отделе беллетристики», о чем писал Г. Струве¹⁴.

В ноябре 1935 г. в 59-й книге СЗ опубликована рецензия М.О. Цетлина на отдельное издание романа Зайцева «Дом в Пасси» (Берлин: Парабола, 1935). В 1955 г. в своей книге «Одиночество и свобода» Г. Адамович скажет о романе: «Этот “Дом в Пасси”, т.е. дом в одном из парижских кварталов, облюбованных эмигрантами, — не просто французский дом, наполовину заселенный эмигрантами: это оазис в пустыне. Зайцев не склонен в чем-либо упрекать французов и не противопоставляет мнимой их узости и сухости нашу хваленую ширь и отзывчивость. [...] Но он с грустью признается, что Франция ему не вполне понятна, что среди французов он — чужой»¹⁵. А Г. Струве дополняет: «“Дом в Пасси” — очень характерная для Зайцева вещь и один из очень немногих романов, написанных писателями старшего поколения о рядовых эмигрантах в повседневной эмигрантской жизни. [...] Людей, похожих на обитателей “Дома в Пасси”, мы все встречали»¹⁶.

В 1934 г. у Зайцева — кроме окончания «Дома в Пасси» (№ 54) — нет публикаций в СЗ. В письме от 22 июля 1934 г. Зайцев обращается к Рудневу с просьбой о встрече: «литер[атурный] разговор (но *не* аванс, не бойтесь... Впрочем, пожалуй, и не испугались бы! — ввиду фантастичности предприятия)» (п. 14). По всей вероятности, писатель хочет обсудить свою следующую книгу — «Путешествие Глеба», к написанию которой приступил. Первые отрывки из будущей тетралогии будут печататься с начала 1935 г. в газете «Возрождение» (7 января, 10 февраля, 28 апреля и 23 июня 1935 г.). 5 марта 1935 г. Зайцев в письме к Рудневу стремится к ясности во взаимоотношениях с редакцией, хочет «выяснить дальнейшие перспективы и возможности печатания»: «Не скрою, что за последнее время у меня сложилось впечатление, что мой десятилет-

¹³ В 53-й книге в разделе «Культура и жизнь» была опубликована статья М.А. Алданова «При чтении Тургенева: (Несколько заметок)» (СЗ. 1933. № 53. С. 412—417).

¹⁴ Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 55.

¹⁵ Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 207.

¹⁶ Струве Г. Русская литература в изгнании. С. 262, 265.

ний “роман” с “С[овременными] з[аписками]” как бы готов закончиться, причем инициатива *не моя*» (п. 15). Диалог по выяснению отношений между Зайцевым и редакцией СЗ длится достаточно долго, но в целом 1935 год проходит в рабочих обсуждениях размеров и содержания предлагаемых Зайцевым к публикации глав. Одновременно происходит инцидент со статьей Зайцева «Жизнь с Гоголем», которая была прочитана предварительно на авторском вечере писателя 23 февраля 1935 г. Руднев статью не понял и оценил невысоко, Зайцев был удивлен и обижен. В письме к Рудневу от 24 марта 1935 г. он напишет: «Ваши слова можно было понять только так, что уровень данной вещи ниже того, что печатается в “С[овременных] з[аписках]”» (п. 23). В своих примечаниях к повести в письмах «Другая Вера»¹⁷ Зайцев напишет: «Из-за нее [статьи «Жизнь с Гоголем»] вышла размолвка с “С. з.”. Но статья все же была напечатана, правда позже»¹⁸.

Четыре года (с 1936 по 1940 г.) Зайцева и Руднева связывает работа над первыми томами книги «Путешествие Глеба», которая печатается большими главами по 50–70 страниц. СЗ публикуют и рецензии на вышедшие книги Зайцева: «Валаам», первую часть тетралогии «Путешествие Глеба», книгу «Москва»¹⁹. В 1936 г. (№ 62) Зайцев печатает и статью «О Бальмонте. (К пятидесятилетию литературной деятельности)». В 1938–1939 гг. он передает несколько работ в «Русские записки» М. Вишняка.

Литературно-общественная жизнь Зайцева в середине 30-х гг. очень насыщена. Это путешествие на Валаам летом 1935 г. и работа над одноименной книгой, сотрудничество во многих изданиях, выступления с лекциями и докладами, подготовка к Дням русской культуры, неформальное участие в деятельности Союза русско-французских деятелей культуры, Союза русских писателей и журналистов, в Центральном Пушкинском комитете, в Обществе «Икона», в Ассоциации «Тургеневская библиотека», в различных общественных комитетах и жюри и многое другое. Вторая мировая война оборвала прежнюю культурную жизнь Европы. В 1939 г. в журнале остался один редактор – Руднев (уже не получавший зарплаты, но не желающий бросить свое детище), а из старых писателей – Борис Зайцев.

В последнем, 70-м номере СЗ, вышедшем в апреле 1940 г., Зайцев успеет опубликовать заключительный отрывок из «Путешествия Глеба». 25 июня 1940 г. Франция капитулировала, 25 июля 1940 г. М. Цетлин напишет М. Вишняку: «Здесь (в Ницце) Алданов, Зайцев остался в Париже» (Ред., п. 571).

В 1946 г. Зайцев опубликовал мемуарный очерк «М.О. Цетлин», в котором есть такие строки: «Единственно, за что я упрекал его [Цетлина] – что мало пишет. Действительно, была у него книга стихов, но давнишняя, да писал он рецензии в “Современных записках”...», и в скобках Б.К. Зайцев добавляет: «дом Цетлина был как бы главным штабом этого замечательного журнала»²⁰.

¹⁷ Зайцев Б.К. Золотой узор: Роман, повести / Сост. Т.Ф. Прокопов. СПб.: Интерпринт, 1991. С. 427.

¹⁸ Статья Б.К. Зайцева «Жизнь с Гоголем» была напечатана в № 59 СЗ за 1935 г.

¹⁹ См.: Кузьман Н.К. [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Валаам. Таллин: Странник, 1936 // СЗ. 1936. № 62. С. 441–443; Мочульский К.В. [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Путешествие Глеба: Тетралогия. Берлин: Петрополис, 1937. Ч. 1: Заря // СЗ. 1937. № 64. С. 461–463; Савельев С. [Шерман С.Г.] [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Москва: Воспоминания. Париж: Рус. земля, 1939 // СЗ. 1939. № 69. С. 391–393.

²⁰ Зайцев Б.К. М.О. Цетлин // НЖ. 1946. № 14. С. 199–203; здесь: С. 202.

1. Зайцев — Вишняку

Paris. 14 мая 1925 г.

14 мая.

Дорогой Марк Вениаминович,
я все-таки считаю, что статья¹ (по своему очень уж *личному* тону) негодна для «К[ультуры] и ж[изни]» — так что печатайте ее в следующем № (Тем более, здесь так много лит[ературных] статей.)

Просьба следующая: мне нужен конец романа² (то, что идет в ближ[айшей] книжке) для отсылки всего «Пламени»³. Если можно (это желательнее) — велите прислать мне из типогр[афии] 2-й оттиск корректуры (гранок) или же — рукопись, она там. Очень обяжете. Привет.

Бор. Зайцев

Еще одно: мне нужен адр[ес] Шмелева⁴ (летний). Это важно для него. Напишите, пожалуйста.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur M. Vichniak (“Sovremennyya zapiski”), 9bis rue Vineuse, E[n] V[ille] 16»; адрес отправителя: «Vor. Zaitsev, Paris, rue Belloni 2»; почт. шт.: «Paris, 14.5.1925».

¹ Речь о воспоминаниях Б.К. Зайцева об А.А. Блоке «Побежденный». Первоначально статья планировалась к публикации в № 24 СЗ в разделе «Культура и жизнь», о чем Фондаминский написал Вишняку 14 февраля 1925 г.: «“К[ультура] и ж[изнь]” намечается прекрасная. Зайцев, Иванович, Зензинов, Шварц, Гурвич обещаны» (Ред., п. 38). По всей вероятности, Зайцев изначально возражал против публикации «Побежденного» в названном разделе журнала, и Фондаминский 17 мая 1925 г. пишет Вишняку: «Я очень огорчился Вашим решением относительно Зайцева. Я тоже за помещение в “К[ультуре] и ж[изни]” и всячески убеждал бы его согласиться на это. Но я ни в коем случае не согласился бы на отложение статьи до 25-го номера и, в крайнем случае, поместил бы её в большой отдел, но в 24-м. Ведь 24-я книжка сравнительно слабая. Серьезных и ярких статей очень мало. Надо пользоваться всяким случаем, чтобы *укрепить* и *украсить слабую* книжку. Статья Зайцева — маленькое украшение. Зачем же её откладывать? (Тем более, что Вы согласны на большой отдел в 24-й кн.) Мой убедительный совет: так или иначе, но помещайте её в 24-ю» (Ред., п. 54). 24 мая 1925 г. Фондаминский вновь обращается к Вишняку: «Умоляю тебя, если еще не поздно, пересмотреть сас Зайцев. Делаю это не из упорства, а потому, что очень огорчен слабостью номера, и напрягаю усилия, чтобы его улучшить. И сколько не стараюсь, не могу понять твоего желания не помещать его в 24-м номере. Ведь статья должна была идти в этом номере! Неужели перенос из “К[ультуры] и ж[изни]” так меняет дело? Можно ли из-за такого пустяка ослаблять и так слабый номер и *перегружать* и так уже перегруженный 25-й номер» (Ред., п. 57). Статья «Побежденный» вошла в следующую книгу (СЗ. 1925. № 25. С. 250–261). Впоследствии была включена Зайцевым в книгу «Далекое» (Washington, 1965).

² Роман «Золотой узор» Зайцев начал публиковать главами в СЗ, еще будучи в Германии (СЗ. 1923. № 15–17; 1924. № 18, 19, 22; 1925. № 23, 24). Первое книжное издание – Прага: Пламя, 1926.

³ Издательство «Пламя» существовало в Праге в 1923–1926 гг. и в то время было одним из наиболее крупных эмигрантских издательств. Подробнее о нем см. в сборнике, посвященном его руководителю: Евгений Ляцкий: Материалы к биографии / Подгот. текстов и публ. С.И. Михальченко. Брянск, 2000.

⁴ Вероятно, Зайцев просит адрес И.С. Шмелева, чтобы предложить ему сотрудничество с журналом «Перезвоны» (Рига, 1925–1929), где Зайцев до января 1927 г. вел литературный отдел. 6 октября 1925 г., по возвращении из деревни, он напишет Шмелеву: «Сейчас получил небольшую работу – заведовать ли[тературным] отделом рижского илл[юстрированного] журнала “Перезвоны”. Вот по этому поводу и обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой – дать нам что-нибудь. Жур[нал] этот литературный, без политики, со снимками, еженедельный, название без меня устроили, но думаю (уверен), что приличным он будет, провинциальный “семейный” журнал, особенно ни на что не претендующий [...]. У нас есть пока вещи Ремизова, моя, Тэффи, Черного. Написал, конечно, Бунину, да вообще тут парижский наш круг весь будет» (*Зайцев Б.К.* Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп.): Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников / Сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов. С. 21).

Шмелеву Зайцев посвятил очерк «О Шмелеве» (РМ. 1968. 31 окт. № 2712. С. 8), в котором тепло и сочувственно рассказал о его жизни: «Страшное время. Террор, кровь, расстрелы заложников, гражданская война, массовое истребление молодежи. Мы с Иваном Сергеевичем испили свою чашу – гибель близких (юных!). [...] Теперь и для него и для меня Россия за горами, за долами. Встретились мы снова на чужой земле, в Берлине 1922 года. Помню, поразили меня своим видом. Черные очки, бледность, худоба, некая внутренняя убитость – все понятно, все понятно, кончено... [...] Как и в Москве, жил в Париже Иван Сергеевич довольно уединенно, под сердечной опекой супруги. Читали его много. Думаю, он и Алданов были наиболее читаемые писатели эмиграции (разных, отчасти даже противоположных ее слоев). Как и в Москве, встречались мы не особенно часто, но отношения всегда были добрососедские, доброжелательные».

2. Зайцев – Вишняку

Б.м. 2 августа 1926 г.

2 авг. 1926.

Дорогой Марк Вениаминович,
ради Бога, извините, что беспокою Вас, но, видимо, ничего иначе не выходит: по указанию Рери¹, направляю Вам чек, с покорнейшею просьбой продать его и уболаготворить Тассиху² за август месяц (ей причитается моей кровушки, по письму Рери – 530 фр. 55 с.).

Заранее горячо Вас благодарю. Прилагаю «образец моего французского слога»³ для извинения задержки пред франц[узской?] бур[нет окончания письма]

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57). Вверху помета рукой Вишняка: «530,55 – 512,25 = 18,30 + 34,50 = 52,80».

¹ Рери – Осоргина (урожд. Гинцберг) Рахиль Григорьевна (1885–1957), вторая (с 1913 по 1923 гг.) жена М.А. Осоргина. Журналист, юрист. Училась на юридическом факультете в Неаполе, затем в Риме. В 1914 г. вернулась в Россию. В 1922 г. была выслана с мужем в Германию. После 1923 г. жила в Париже. Занималась юридической практикой. Входила в Дамский комитет Союза русских писателей и журналистов в Париже. Впоследствии уеха-

ла в Тель-Авив. С 1949 г. держала юридическую контору. Имя «Рери» было придумано М.А. Осоргиним.

² Неустановленное лицо.

³ «Образец французского слога» Зайцева, приложенный к данному письму, в архиве Вишняка не сохранился.

3. Зайцев — Вишняку

Paris. 3 июня 1928 г.

3 июня 1928. 2 ч. 15 м. утра.

Дорогой М[арк] В[ениаминович],
только что перечитал все целиком. Но ведь я угрожаю *еще на два №№!*¹ Вы ред[ко] плачетесь со мно[й,] ча[ще] со Шмелевым (*proportions gardées*²). [Часть письма оторвана] масштаб взят [часть письма оторвана] романе.

Мне хотелось бы повидаться с Вами до Вашего отъезда. Днем от 3-х ч. буду дома. Привет.

Ваш Б.З.

Постучу к Вам в 5 ч., но если неудобно, то не стесняйтесь: путь до Вас невелик.
P.S. В этом масшт[абе] я еще никогда не писал, потому и ошибся в предпол[агаемом] размере.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ Речь идет о повести Зайцева «Анна» (СЗ. 1928—1929. № 36—38). Ф. Степун в рецензии на повесть писал: «Новое в “Анне” по сравнению с прежними вещами Зайцева — ее большая плотность, большой удельный вес ее образов и слов» (*Степун Ф.А.* [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Анна: Повесть. Париж: Совр. записки, 1929 // СЗ. 1930. № 41. С. 520—522).

² пропорционально, сохраняя пропорции (франц.).

4. Зайцев — Вишняку

Paris. 26 октября 1928 г.

26 окт. 1928.

Дорогой М[арк] В[ениаминович],
на днях (м.б., в воскр[есенье]) появится в «Возр[ождении]» отрывок из «Анны»¹. С Ф[ондаминским] я давно уж говорил в этом напр[авлении] и сч[асть] письма оторвана]шение ред[акции] [часть письма оторвана] все же сооб[щаю] [часть письма оторвана] до выхода — мне никак не хотелось бы, чтобы у Вас явилось хотя бы малейшее неприятное чувство: я знаю, что Вы предпочитаете, чтобы отрывок появлялся *совсем вблизи* выхода книги², в данном же случае для меня ждать было оч[ень] трудно, т.к. и белградская поездка³ меня отвлекла, и вообще я сейчас что-то туго пишу.

Сердечный привет! Ваш дружественно

Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ См.: *Зайцев Б.К.* Анна. Отрывок из повести // Возрождение. 1928. 22 июня. № 1146. С. 3—4.

² Отдельным изданием «Анна» вышла в издательстве «Совр. записки» в мае 1929 г.

³ С 25 сентября по 1 октября 1928 г. в Белграде под покровительством короля Югославии Александра проходил Съезд русских писателей и журналистов за рубежом. Из Парижа на съезд приехали М.А. Алданов, Б.К. Зайцев, М.В. Вишняк, З.Н. Гиппиус, А.И. Куприн, С.П. Мельгунов, Д.С. Мережковский, А.А. Яблоновский. Б.К. Зайцев выступал на встречах с соотечественниками в русских учебных заведениях, участвовал в «русских днях»; был награжден югославским орденом Св. Саввы II степени. О своих впечатлениях Зайцев рассказывал в «Югославских записках» (Возрождение. 1928. 25 нояб. № 1272; 9 дек. № 1286; 29 дек. № 1306).

5. Зайцев — Вишняку

Б.м. 19 апреля 1931 г.

19 апр. 1931.

Дорогой Марк Вениаминович,
«иду на вы» — завтра или послезавтра постучу к Вам, ибо нахожусь уже a bout de forces¹.

Увы, это будут [часть письма оторвана] 250 целковых, на кот[орые] м[огу] рассчитывать!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57). Внизу письма приписка М. Вишняка В. Рудневу (см.: Ред., п. 294).

¹ в полном изнеможении, без сил (франц.).

6. Зайцев — Вишняку

Б.м. 9 декабря 1931 г.

9 дек. 1931.

Дорогой Марк Вениаминович,
приблизительно (и довольно *серио*) — «Дом в Пасси»¹.

Всего хорошего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur M. Vichniak, 122 boulevard Murat, Paris (16)»; адрес отправителя: «В. Zaitsev, 11 rue Claude Lorrain, Paris (16)»; почт. шт.: «Paris, 9.XII.31».

¹ Зайцев сообщает название нового романа — «Дом в Пасси», над которым работал и публикацию которого планировала редакция СЗ. Опубл.: *Зайцев Б.К.* Дом в Пасси: Роман // СЗ. 1933. № 51–53; 1934. № 54. Первое книжное издание — Берлин: Парабола, 1935. В рецензии на роман «Дом в Пасси» М.О. Цетлин отмечал: «Давно уже было отмечено, что он [Зайцев] не “бытовик”, что он создал свой “мир”. Этот зайцевский мир более бесплотен и одухотворен, чем обычный мир. И Зайцеву сравнительно легко преобразовать в свой “мир” эмигрантскую неустоявшуюся, не спустившуюся в быт, не отяжелевшую жизнь. Люди у Зайцева всегда были немного “эмигрантами”, странниками на земле» (*Цетлин М.О.* [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Дом в Пасси: Роман. Берлин: Парабола, 1935 // СЗ. 1935. № 59. С. 473–475; здесь: С. 474).

7. Зайцев — Вишняку

Boulogne. Март 1932 г.

110, rue Thiers, Boulogne s[ur] S[eine]

Дорогой Марк Вениаминович,
я хотел бы дать в ближ[айший] № «С[овременных] з[аписок]» рецензию об «Авантюрном романе» Тэффи¹ — оставьте мне что-ниб[удь] вроде странички!

Сердечный привет.

Булонский обитатель (бывший клод-лорренец² и сосед)

Борис Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57). Датируется по содержанию.

¹ «Авантюрный роман» был напечатан сначала в «Возрождении» с 17 августа (№ 1902) по 14 декабря 1930 г. (№ 2021), затем отдельным изданием (Париж: Возрождение, 1931). Рецензия Б.К. Зайцева на книгу была опубликована в 49-й книге СЗ, вышедшей в середине мая 1932 г. (С. 452–453). Зайцев, выделяя работу Н.А. Тэффи из потока «лубочно-бульварных» эмигрантских произведений, пишет: «Авантюрный роман» именно к настоящей-то литературе и принадлежит. Размером он не велик. Написан мелкими, острыми, всегда живыми, иногда колкими, никогда не вялыми Тэффиными фразами. Самое тело этого произведения изящно» (см.: *Зайцев Б.К. Собр. соч. М., 2000. Т. 9 (доп.): Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М., 2000. С. 129–130*). Ранее Зайцевым была написана рецензия на книгу рассказов Тэффи «Городок» (см.: СЗ. 1928. № 34. С. 498–499). Зайцев и его жена Вера Алексеевна были близкими друзьями Тэффи. Письма Тэффи к ним хранятся в Колумбийском университете, Нью-Йорк (Vakhmetev Archive. Zaitsev papers. Box 3).

² Первым местом жительства Зайцевых в Париже (1924 — начало 1925 г.) была квартира на rue Belloni (ныне — rue d'Arsonval, 15^e), рекомендованная К.Д. Бальмонтом, затем Зайцевы переехали в «русский дом» на rue Claude Lograin. Из воспоминаний Н.Б. Соллогуб: «В том же доме, что и мои родители на rue Claude Lograin, жили многие русские. В этом доме были сравнительно дешевые квартиры. Нашими соседями были Осоргины, Полонские, Зеелер с женой и дочкой жил над нами, театральные деятели Бруновы... [...] Все очень тесно тогда жили. Все друг друга знали» (Напишите мне в альбом... Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / Авт.-сост. О.А. Ростова. М., 2004. С. 117–118). «В этот дом в Булони, номер 110 на rue Thiers мы переехали в 1932 году, в год, когда я вышла замуж. [...] Ну а до 1932-го мы жили в меблированной квартире в лучшем районе, чем Булонь, в более дорогой квартире, чем эта... Но невозможно было папе, у него совершенно не было средств. В это время стали сдавать пустые квартиры, гораздо дешевле, и мы переехали в Булонь» (Там же. С. 55).

8. Зайцев — Вишняку

Б.м. 22 апреля 1932 г.

Дорогой Марк Вениаминович,
мне *очень* нужны сейчас деньги¹. Будьте добры, устройте мне теперь же ту маленьк[ую] сумму, о кот[орой] мы говорили по поводу рец[ензии] о Т[эффи]².

Очень обяжете искренно к Вам расположенного

Бор. Зайцева

22 апр. 1932.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ Весной 1932 г. финансовые обстоятельства Зайцева складывались особенно трудно: 6 марта 1932 г. состоялось бракосочетание дочери Б.К. Зайцева, Наташи, вслед за этим Зайцев с женой переехал в квартиру в Булони. Комментируя письма жены к В.Н. Буниной в книге «Другая Вера», Зайцев пишет: «Привожу выписку из письма об этой свадьбе Нат. Ив. Кульман (жена профессора) несколько комического характера. После венчания “молодые” уехали в прекрасном автомобиле. Кто-то спросил: “Чей это автомобиль?”. На это Ходасевич ответил: “Не знаю чей, но не Бориса Константиновича. У его автомобиля другой номер”. У нас не только автомобиля, но и вообще гроша медного не было тогда в кармане — и все это знали» (*Зайцев Б.К.* Золотой узор: Роман, повести / Сост. Т.Ф. Прокопов. СПб., 1991. С. 400).

² Речь идет о гонораре за рецензию Зайцева на книгу Н.А. Тэффи «Авантюрный роман» (см. примеч. 1 к п. 7).

9. Зайцев — Рудневу *Boulogne. 8 февраля 1933 г.*

110, rue Thiers, Boulogne s[ur] S[eine]. 8 февраля 1933.

Дорогой Вадим Викторович,

я встретил на днях Вишняка, он мне сказал, что ответ насчет моего вопроса должны дать Вы.

По понятным причинам мне хотелось бы получить его скорей. Сейчас я переписываю набело те главы, кот[орые] предназначаются для след[ующей] книжки¹, чер[ез] 4–5 дней кончу.

Итак, будьте добры, черкните два слова. Всего лучшего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Первая глава романа Зайцева «Дом в Пасси» была опубликована в № 51 СЗ (вышел в середине февраля 1933 г.). До конца 1933 г. очередные главы были включены в № 52 и 53.

10. Зайцев — Вишняку *Б.м. 10 апреля 1933 г.*

10 апр. 1933.

Дорогой Марк Вениаминович,

к Пасхе очень нужны деньги, поэтому весьма Вас прошу выручить: за «С[овременными] з[аписками]» осталось 300 фр. Мы с Вад. Викт. [Рудневым] [часть письма оторвана] и книг [часть письма оторвана] во 2-й пол[овине] т[ог]д[а] [часть письма оторвана]ти — так вот ссудите меня, если нельзя полной суммой, то хотя бы частью, буду признателен.

Дайте какой-ниб[удь] слушок о себе. Когда зайти? И т.п.

Сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

11. Зайцев — Рудневу
Б.м. 4 сентября 1933 г.

4 сент. 1933.

Дорогой Вадим Викторович,
 деньги мне оказались нужны даже скорее, чем я думал, а потому оч[ень] прошу Вас, устройте мне 300 фр. авансу под ноябрьскую книжку¹.

За мной ничего не значится — мы с Вишняком в расчете.

Буду весьма признателен, если сообщите, куда и когда зайти.

Сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ В ноябре 1933 г. СЗ не выходили. По-видимому, имеется в виду гонорар за продолжение «Дома в Пасси» (53-я книга СЗ, первая половина октября 1933 г.) или за его окончание (54-я книга СЗ, январь 1934 г.).

12. Зайцев — Вишняку
Б.м. 24 сентября 1933 г.

24 сент. 1933.

Дорогой Марк Вениаминович,
 все же к *четвергу* (ближайшему) мне оч[ень] будут нужны деньги! Поэтому: посмотрите, пожалуйста, что нужно в *эту* среду — а в четв[ерг] утром я или Вера¹ зайдем к Вам.

Сердечный привет.

Ваш Бор. З.

P.S. Если нельзя все (300 фр.), — часть.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57). Вверху рукой Вишняка выведены денежные расчеты.

¹ Зайцева (урожд. Орешникова) Вера Алексеевна (1878—1965), жена Б.К. Зайцева (во втором браке). Эмигрировала с мужем в Берлин, с 1924 г. жила в Париже. Участвовала в общественной и литературной жизни русской колонии в Париже. Была удостоена благодарности Союза русских писателей и журналистов за помощь в работе Союза (1948). Член правления Московского землячества, Ассоциации «Тургеневской библиотека», деятель Биянкурского православного кружка и др. Зайцев посвятил Вере Алексеевне ряд своих произведений: рассказ «Север» (На этапах: Сб. М.: Мысль, 1915); «Давнее. Путь-дорога» (РМ. 1965. 24 авг. № 2299. С. 2—3); книгу воспоминаний «Далекое» (Washington, 1965); книгу «Другая Вера. Повесть временных лет» (НЖ. 1968. № 92; 1969. № 95—96; 1970. № 98—99). В отдельных произведениях В.А. Зайцева послужила прообразом его героинь (Элли в «Путешествии Глеба» и др.).

13. Зайцев — Рудневу

Б.м. 31 октября 1933 г.

31 окт. 1933.

Дорогой Вадим Викторович,
 работаю все это время полным ходом — если чего не случится особенного, к концу ноября дам то, о чем условливались. М.б., придется сделать в тексте дырку, это мы с Вами устроим.

Теперь такое дело: из-за романа я *ничего* другого не ~~делаю~~ пишу, и на ноябрь сижу *совершенно* без «жрэнца», как говорил мой Котлеткин¹. Вишняк отнесся к этому с философическим спокойствием. Хотел я повидаться с Фондаминским, и написал ему — ответа нет².

По Вишняку выходит, что денег нет. Аргумент сильный — все же я должен знать, *когда*, по крайней мере, смогу получить. Например: при сдаче рукописи? и т.п.

Очень прошу, если можно, устроить мне к 7–8-му хоть 200–300 фр., а остальное с рукописью.

Слышал от Кампанари³, что Вы опять больны! Знаю по себе, что такое карбункул, и весьма Вам сочувствую.

Сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

P.S. Прочел «Лето Господне»⁴. Чудесная вещь! Редко-удачно.

P.P.S. Видел Ельяшевича⁵. Он удивляется, почему не собирают Комитет⁶. Находит, что весьма можно *еще* раздобыть денег.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Котлеткин — персонаж повести Б.К. Зайцева «Дом в Пасси» (глава «Скит»).

² Ср. письмо М. Вишняка к В. Рудневу от 5 ноября 1933 г. (Ред., п. 396). Об этом см. во вступительной статье.

³ Кампанари Елена Николаевна (1891?–1955). Друг семьи Зайцевых. В годы Первой мировой войны была сестрой милосердия, Георгиевский кавалер. В эмиграции была близка к литературно-художественным кругам. Несколько лет (с перерывами) находилась на лечении в туберкулезном санатории в Бриансоне, где скончалась. См. о ней рассказ Зайцева «Разговор с Зинаидой» (впервые: НЖ. 1958. № 55. С. 5–10).

⁴ См.: Шмелев И.С. Лето Господне. Праздники. Белград: Б.и., 1933 (Рус. 6-ка; Кн. 38). Отдельные разделы «Лета Господнего» печатались впервые в различных периодических изданиях («Возрождение», «Россия и славянство», «Руль», «Мир и искусство») (см.: Schakhovskoy D. Bibliographie des œuvres de Ivan Chmelev. Paris, 1980. P. 34). В статье «О Шмелеве» Зайцев писал: «тут [в Париже] появились и вообще лучшие его писания “Лето Господне”, “Богомолье”. Это уже восторженные какие-то слезы (но сдержанные) о Москве, детстве, Замоскворечье. По силе вещественного воспроизведения с ним может равняться только Бунин, но подспудным духовным пылом Шмелев его превосходит — православным пылом (чего у Бунина вообще не было)» (Зайцев Б.К.. Собр. соч.: В 5 т. М., 1999. Т. 6 (доп.). С. 366).

⁵ Ельяшевич (Эльяшевич) Василий Борисович (1875–1956), историк, правовед, благотворитель. Окончил юридический факультет Московского университета. Профессор гражданского права Политехнического института в С.-Петербурге и Петербургского университета. После революции эмигрировал во Францию. Участник Съезда представителей русской промышленности в Париже, член Совета Российского торгово-промышленного и финан-

сового союза, лектор Сорбонны, профессор Франко-русского института и др. Организовывал встречи писателей, ученых и религиозных деятелей. Один из создателей и председатель Объединения С.-Петербургских политехников, член правления Общества вывших воспитанников Московского университета, вице-председатель правления Общества охранения русских культурных ценностей. В своем имении в Бюсси-ан-От устроил в 1935 г. дом отдыха для русских культурных работников, в 1946 г. передал его в дар Покровскому женскому монастырю. Ельяшевича и Зайцева связывали многолетние дружеские отношения. Летние месяцы 1925 и 1926 гг. Зайцев с семьей гостил в имении Ельяшевичей в департаменте Вар.

⁶ Имеется в виду Комитет помощи русским писателям и ученым, существовавший в Париже с 1919 г. Подробнее о Комитете и участии в нем Б.К. Зайцева см.: *Мухин Л.* Итоги и истоки: Избранные статьи. М., 2008. С. 176–178. Архив Комитета хранится в Нантере под Парижем (BDIC. F delta Rés 832[1–10]).

14. Зайцев — Рудневу

Б.м. 22 июля 1934 г.

22 июля 1934.

Дорогой Вадим Викторович,
хотелось бы повидать Вас — литер[атурный] разговор (но *не* аванс, не бойтесь... Впрочем, пожалуй, и не испугались бы! — ввиду фантастичности предприятия).

Зашел бы к Вам, но Вы всегда вне дома. М.б., как прежде, Вы бы завернули утром, перед службой? Часов около 10-ти?

Или назначьте «время и место».

Если будете мне писать, то будьте любезны, сообщите телефон Коварского¹, у меня к нему поручение.

Сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Коварский Илья Николаевич (1880–1962), доктор медицины, издатель, общественный деятель; социалист-революционер. После 1917 г. гласный Московской городской думы, член Учредительного собрания. В 1919 г. эмигрировал. Вел в Париже врачебную практику. Занимал видные посты в Российском земском городском комитете (Земгор), Обществе русских врачей им. Мечникова и др. В 1923 г. основал в Париже книжное контрагентство и магазин «Родник», содержал библиотеку. Сотрудничал в Товариществе объединенных русских издательств (1930-е гг.). В 1940 г. уехал в США, где продолжил врачебную практику. Член корпорации «Нового журнала». В 1951 г. входил в парижский Комитет по организации чествования Б.К. Зайцева по случаю 50-летия его литературной деятельности.

15. Зайцев — Рудневу

Б.м. 5 марта 1935 г.

5 марта 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
в связи с тем, что прошел и, по-видимому, хорошо вечер «С[овременных] з[аписок]»¹, мне хотелось бы как давнему и постоянному сотруднику Вашего журнала

выяснить дальнейшие перспективы и возможности печатания. (Я слышал, что обеспечены 3 кн. — думаю, преувеличено? Но, считаясь со сбором в Лондоне², м.б. и так).

Вы понимаете, что меня все это не может не интересовать. *Не скрою, что за последнее время у меня сложилось впечатление, что мой десятилетний «роман» с «С[овременными] з[аписками]» как бы готов закончиться, причем инициатива не³ моя⁴. Причины тому могут быть разные (недавно, напр., из разговора с Вишняком я убедился, что он считает меня приблизительно ориентации кн. Горчакова⁵!).*

Все может быть и все бывает на свете. Всякий может иметь какие угодно мнения. Но в деловых отношениях должна быть ясность. *Если есть скрытое отталкивание, которое лишь маскируется привычкой, то в известный момент это надо сказать прямо.* Такого-то ответа, дорогой В[адим] В[икторович], я от Вас и жду. Подтвердит ли он мое внутреннее чувство или разубедит меня, я сохранию всегдашние свои симпатии к журналу, но *для себя лично сделаю выводы⁶ в том или ином смысле.*

Всего лучшего, сердечный привет!

Ваш Борис Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Вечер друзей «Современных записок» состоялся 1 марта 1935 г. в ресторане Ermitage Saumartin. Согласно афише, это был «Большой масленичный вечер [...] с участием артистки “Летучей мыши” Е.И. Сафоновой и др. Ужин с блинами». Сборы от вечеров и концертов, проводимых СЗ в пользу редакции, поддерживали материальное благополучие издания; см. в письме Руднева к Зайцеву от 5 марта 1935: «Успех “блинов” — двойной: он обеспечил одну книжку и — окрылил нас надеждами на успех дальнейших хлопот» (п. 16). Зайцев многократно принимал участие в вечерах редакции СЗ, в том числе: 4 апреля 1930 г. на чествовании В.Ф. Ходасевича по случаю 25-летия его литературной деятельности, 30 ноября 1932 г. на банкете редакции, 2 ноября 1935 г. на литературном вечере И.А. Бунина, 2 мая 1936 г. на литературном вечере Н.А. Тэффи и др. (См.: Хроника. Франция. Т. 3, 4).

² По-видимому, речь идет о финансовых поступлениях на содержание СЗ от организаций и благотворителей из Лондона.

³ Слово «не» выделено рукой Б. Зайцева.

⁴ Подчеркивания здесь и далее предположительно рукой Руднева. На полях рядом с последней частью предложения поставлен знак вопроса.

⁵ Горчаков Михаил Константинович, светлейший князь (1880–1961), монархический деятель. В эмиграции в Париже жил с 1920 г. Член Русского эмигрантского комитета во Франции, член Центрального совета Русской монархической партии. Делегат Российского зарубежного съезда в Париже в апреле 1926 г., принадлежал к его крайне правому крылу. С 1927 г. член правления Русского зарубежного патриотического объединения. В 1926–1931 гг. финансировал издание и редактировал журнал «Двуглавый орел», основал издательство «Долой зло». В 1930-е гг. сотрудничал в Национальном союзе нового поколения (НСНП), Российском имперском союзе. Участник парижского съезда группировок НСНП (1935). В 1940 г. был избран председателем Комитета по организации представительства русской национальной эмиграции во Франции.

⁶ К слову «выводы» приписан предположительно рукой Руднева восклицательный знак на полях.

16. Руднев — Зайцеву
Paris. 5 марта 1935 г.

5. III. 1935

Дорогой Б[орис] К[онстантинович]!

Получил Ваше письмо и, вместо ответного письма, предпочел бы просто пови-
даться, переговорить. Дайте сроку до конца недели, закончить хлопоты по лик-
видации блинов и выполнению заложенных в эту неделю срочных дел по экспе-
диции журнала. А в конце недели или, надежнее, в самом начале будущей, давайте
встретимся.

Пока же поверьте двум вещам: 1) никаких изменений в дружеских чувствах
редакции «С[овременных] з[аписок]» к Вам, конечно, не произошло, — к тому нет
и оснований. Здесь трудности совсем иного порядка, — более редкий выход книг
и сокращение объема каждой, необходимость отдавать место и более молодым
писателям силам и... эпидемия длинных романов у всех, старых и молодых ав-
торов. Все это затрудняет до крайности ведение журнального хозяйства, — ясно, что
при наличности самых прочных симпатий в *полной* мере всех не удовлетворить
при таких условиях.

2) и откуда люди берут такие вещи, как «обеспечены три книжки “С[овремен-
ных] з[аписок]”» и пр.?? Разве Вы не знаете, как всегда легко считают в чужом
кармане? Не верьте им.

Успех «блинов»¹ — двойной: он обеспечил *одну* книжку и — окрылил нас надеж-
дами на успех дальнейших хлопот. Вот и все. Лондон — совершенно проблемати-
чен: Бунин все хворает².

Но даже если удастся сделать еще что-либо, сейчас или осенью, — трудности,
изложенные в п[ункте] 1., остаются. Обо всем этом и о выводах из этого погово-
рим при встрече. Пред[анный] Вам

ВР

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/4). На оборотной стороне поме-
та рукой Руднева: «M[onsieur] W. Roudnef».

¹ Имеется в виду выручка от Вечера друзей «Современных записок» 1 марта 1935 г.,
который завершился «ужином с блинами». См. примеч. 1 к п. 15.

² По всей вероятности, намечалось подобное мероприятие в Лондоне, с участием Но-
белевского лауреата. Но, согласно дневнику В.Н. Буниной, И.А. Бунин «29 янв. остутился,
упал, повредил ногу» (Устами Буниных. Т. 3. С. 13).

17. Зайцев — Рудневу
Б.м. 7 марта 1935 г.

7 марта 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
повидаться надо, Вы правы (я и сам так думал, да забыл сделать об этом приписку).

М.б., зайдете ко мне в понедельник утром? (Часов около 10). Или я зайду, куда
Вы укажете.

Если согласны на понед[ельник], то *не* отвечайте. Всего хорошего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

18. Зайцев — Рудневу

Б.м. 15 марта 1935 г.

15 марта 1935.

Дорогой Вадим Викторович, прилагаю начало рукописи¹ (неск[олько] задержался из-за похорон² и т.п.). — Мнение у меня теперь довольно прочное: назвать надо «Устье», б.м., подзаголовок «Из детства» или что-ниб[удь] в этом роде. Пусть просто будет очерк, т.е. без «продолжение следует».

С[овременные] з[аписки] Я даю 82 стр. рукописи. Из них напечатано было: 1) от 37-й по 47-ю (отмечено син[им] карандаш[а]шом) и 2) от 50 до 66-й. Тут и трудность. Просмотрите рукопись. Вы увидите, что *первого* отрывка *нельзя* выбросить. Второй — с огорчением, и в *крайнем* случае я могу Вам уступить — и целое, разумеется, проиграет. (Придется даже вставить нек[оторые] объяснительные фразы об отъезде бабушки — а то она пропадет неведомо куда, да и ритм всего неск[олько] нарушится). Но это еще терпимо. Первого же отрывка, повторяю, никак *нельзя* выкинуть. — Есть текст и дальше, (82—100 стр.) — но там опять использованное: там *ничего* не поделаешь.

Итак, соображайте. Разумеется, надо будет повидаться. (Я «к Вашим услугам», когда и где назначите — только *не* вечером). Привет.

Ваш Борис Зайцев

P.S. Один отрывок всегда позволялось печатать в газете.

P.P.S. Иванникова прочел³. Что общего с Б[униным]⁴? Красное вино бывает марочное и — пинар⁵.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4) (см. илл. 29—30).

¹ Зайцев ведет переговоры о публикации в СЗ глав из первой части будущей автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба». Ранее фрагменты рукописи были напечатаны в «Возрождении» — «Зима в Устах» (1935. 7 янв. № 3505. С. 3) и «Возвращение» (1935. 10 февр. № 3539. С. 3), что и послужило причиной трений Зайцева с редакцией СЗ. Полностью главы из «Путешествия Глеба» публиковались в СЗ с № 60 (1936).

² О чьих похоронах идет речь, установить не удалось.

³ О М.Д. Иванникове см. публикацию в наст. изд. Ко времени написания данного письма Иванников опубликовал в СЗ повесть «Сашка» (1935. № 57). По всей вероятности, именно об этой повести и высказывает свое мнение Зайцев.

⁴ Отзываясь о номере СЗ с повестью Иванникова «Сашка», сразу несколько критиков вспоминали Бунина; Г.В. Адамович: «В рассказе очень заметно влияние Бунина. Природа, сашкины двоящиеся чувства, мутно-печальный женственный образ Глаши, — все взято не то из «Жизни Арсеньева», не то из «Деревни», и все подернуто идущей от Бунина словесной прелестью» (Адамович Г. «Современные записки», кн. 57-я. Часть литературная // ПН. 1935. 21 февр. № 5082. С. 3); В.Ф. Ходасевич: «Если искать прямых учителей Иванникова, то придется назвать Бунина, Куприна. Скорее, впрочем, первого из них, так как Иванни-

ков более склоняется к бескрасочной, гравюрной манере Бунина, нежели к стилю Куприна, всегда живописному» (*Ходасевич В.* Книги и люди. «Современные записки», кн. 57 // Возрождение. 1935. 3 апр. № 3592. С. 3).

⁵ pinard – так французы называют дешевое красное вино.

19. Руднев — Зайцеву *Paris. 17 марта 1935 г.*

17.III.1935

Дорогой Борис Константинович!

Перечел рукопись¹, полученную от Вас, и, должен признаться, нахожусь в величайшем смущении и замешательстве от того, что в ней так перемешаются: неудачно так перемежаются в ней части уже опубликованные в «Возрождении» и части новые... Не знаю, как и быть:

Моя программа была такая:

~~Мне~~ Я надеялся получить от Вас отрывок, приблизительно 2 печ[атных] листа непрерывного нового текста. Такой отрывок я всецело рекомендовал бы редакции напечатать, который я мог бы рекомендовать редакции принять к напечатанию. ~~От еще невыяснившихся обстоятельств с другими вещами в этой книжке могло зависеть только, напечатан ли был бы отрывок в ближайшей, 57-й 58-й книжке или, чего не хотелось бы ни Вам, ни мне, отложен до 58-й 59-й.~~

Но как раз такого *непрерывного* нового отрывка большого в присланной части рукописи и не оказалось. Новые, ненапечатанные части распределены так: 1–36 стр. (или приблизительно 17 страниц наших печатных), затем крошечный кусочек в две три Ваших страницы 48–50 и, наконец, последний отрывок в 15 Ваших страниц 67–82 (или 6 с пол[овиной] журнальных). ~~Что с этим прикажете делать?~~ Получаются такие разорванные и несвязанные лоскутья, которые в таком в бессвязном сочетании, которые в таком виде печатать явно невозможно. Правда, Вы предлагаете вновь перепечатывать и уже появившиеся в газете ~~отрывки~~ обе главы или одну. Но это совсем невыгодно для журнала, [прин]имая во внимание, [что в д]анном случае [речь ш]ла бы не об [однокр]атном появлении в [газете] одного отрывка из [романа,] целиком печатаемого в [жур]нале, а [о] параллельном и регулярном печатании в газете ряда глав Вашего романа — при том, что ~~главы Вашего романа появляются~~ Ваш роман в отрывк[ах] появляется в «Возрожд[ении]»² (и, вероятно, будет появляться) не один только раз, а довольно ~~часто~~ регулярно.

Что же делать? — Не представляю себе иного выхода, как ждать, — пока время пока в процессе Вашей работы у Вас окажется соответствующий, достаточно цельный и законченн[ый] по смыслу, отрывок.

Времени пока в целом имеется достаточно и довольно много и для ближайшей, 58-й книжки; — не будет поздно и к 1-му мая. Хотя, как я предупреж[даю] сдача в набор может быть затянута даже до сдел[ана] в конце апреля. Предупреждаю только, что возможность печатания Вашего отрывка в этой 57 книжке, как я очень того сам хотел бы, пока зависит от некоторых, окончательно еще невыяснившихся входящих обстоятельств.

Все это очень досадно, но, надеюсь, ~~совместными~~ при наличии добр[ой] воли с об[еих] сторон, выход найдется.

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Письмо на бланке журнала «Современные записки».

¹ Речь идет об отдельных отрывках из книги Зайцева «Путешествие Глеба».

² См. примеч. 1 к п. 18.

20. Зайцев — Рудневу
Б.м. 19 марта 1935 г.

19 марта 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
письмо Ваше получил, хотел бы получить и главы.

Не зашли ли бы Вы ко мне завтра, в среду, 20 марта, как всегда, часов в десять, с рукописью? Есть вещи, о которых хотелось бы поговорить — а писать менее удобно (и иногда ведет к недоразумениям).

Всего хорошего. Если неудобно, назначьте другое время и место.

Ваш Борис Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

21. Зайцев — Рудневу
Б.м. 21 марта 1935 г.

21 марта 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
главы рукописи Вы, видимо, захватили с собой уходя, а я забыл взять их. А потому: будьте любезны, оставьте их у Вашей консьержки, я или Вера [Зайцева] зайдем за ними.

Всего хорошего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

22. Руднев — Зайцеву
Paris. 21 марта 1935 г.

Четверг 21.III.

Дорогой Борис Константинович!
Только уйдя от Вас час тому назад, убедился в своей оплошности: забыл отдать Вам Вашу рукопись, которая была со мною в портфеле. Простите, пожалуйста. Занесу и оставлю у консьержки.

~~Мне очень печально~~ *Очень* огорчен, душевно, что под конец наш разговор принял такой неладный характер, — такова, по-видимому, уж судьба всяких «выяснений отношений». Думаю, поводом к ним с Вашей стороны было не одно только мое откровенное слово, что Ваш доклад о Гоголе¹ мне понравился меньше, чем отрывок из романа, — а что-то другое, более давнее и основное. Что именно — не знаю.

Давайте, сохраняя спокойствие и взаимное доброжелательство, остановимся на заключительной деловой фазе наших разговоров:

1) будем надеяться, что отрывок из романа², размером ок. 2 печ[атных] листов (не менее) Вы сможете сдать нам не позже конца апреля, — тогда он сможет пойти в ближайшей книжке.

2) Так как для этой книжки не может быть речи о статье о Гоголе³ по причинам, о кот[орых] я Вам говорил (изобилие в этой 58 кн. другого, ранее принятого литерат[урного] материала), *весь* вопрос ~~целиком относительно статьи о Гоголе~~ о ней целиком пока оставим *открытым, до лета, когда будет (надеюсь) составляться план 59-й книжки* до будущего. Обсуждая ~~тогда~~ впоследствии этот вопрос *sine ira et studio*⁴, и Вы, и редакция учтут все, что предварительно говорилось сегодня.

Жму руку. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Год установлен по содержанию.

¹ 23 февраля 1935 г. на своем литературном вечере в Salle du Musée Social в Париже Зайцев выступил с докладом «Жизнь с Гоголем» и чтением новых глав из романа «Путешествие Глеба» (см.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 30).

² Речь идет о романе Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба».

³ Статья «Жизнь с Гоголем» была напечатана в № 59 СЗ, вышедшем в ноябре 1935 г.

⁴ без гнева и пристрастия (лат.), объективно.

23. Зайцев — Рудневу

Б.м. 24 марта 1935 г.

24 марта 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
наш разговор и мне не был приятен. Однако в своем письме Вы неправильно его излагаете.

Ваши слова можно было *понять только так, что уровень данной вещи ниже того, что печатается в «С[овременных] з[аписках]»*¹ — в чем и причина Вашего сопротивления. Никакого иного объяснения *дать нельзя*².

Вполне признаю, что статья может нравиться или не нравиться (но для всякого, знакомого с литературой о Гоголе, ясно, что в ней есть нек[оторые] *впервые* высказанные мнения³). Не думаю также, чтобы Вам *все нравилось* из того, что Вы печатаете, чтобы Вас, скажем, «увлекала» нечитаемая Попоушка⁴ [так!] и др. — Но мне все же не приходило в голову, чтобы 15-и страницам моей *литературной* статьи не нашлось места среди 500 страниц книги.

Правда, верхним чутьем я угадывал атмосферическую перемену и писал Вам об этом. *Вы отрицали*⁵. Но первая же встреча показала, насколько я был прав.

Вы *хотите обернуть*⁶ теперь дело так, будто я что-то втайне против Вас или журнала имею... Верите ли Вы сами в это серьезно? Не случайно ли это сорвалось с пера? — Самое ведь удивительное как раз то, что и к Вам, и к «С[овременным] з[апискам]» я всегда относился и *отношусь* с большой симпатией. (Это и была причина *не*-равнодушной моей реакции).

Вас как редактора я тоже не обижаю и не собираюсь обижать — доказательство: довольно спокойно принимаю Ваши новые правила*) о недопустимости даже 4–5-и страниц, ранее появившихся в газете. Да и вообще считаюсь с положением журнала, малостью гонорара, ограниченностью отрывков и т.п. Но Вы сами, конечно, понимаете, что всяким уступкам есть пределы.

Теперь деловое заключение: к началу мая я *никак* не могу написать 2 печ[атных] листа, т[ак] ч[то] следующую книжку устраивайте без меня. (Не было случая, чтобы я написал в месяц > 20–30 тыс. знаков).

В дальнейшем ничего не предreshаю, будет зависеть от Вашей позиции. Оставляю этот вопрос *открытым*.

Очень хотелось бы, чтобы 13-летние добрые отношения наши не нарушались. Будем надеяться. *Speriamo che si*⁷. А там видно будет. Как у Чехова сказано: «Поживем, увидим».

Желаю Вам всего лучшего.

Ваш Борис Зайцев

*) хотя считаю их несправедливыми

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Подчеркивание предположительно рукой Руднева. Выделенная фраза отмечена на полях вопросительным знаком.

² Подчеркивание предположительно рукой Руднева.

³ Творчество Гоголя является для Б.К. Зайцева одним из ключевых моментов русской культуры. Ему он посвящает три очерка: «Гоголь на Пречистенском» (1931), «Жизнь с Гоголем» (1935) и «Гоголь» (1952). Оценки о Гоголе содержатся также в биографиях Тургенева и Жуковского. Относительно «впервые высказанных мнений»: наверно, можно их кратко определить тем, что в этом очерке Зайцев решительно отказывается от символистского взгляда на Гоголя и ищет в его творчестве проявления религиозного начала. Не все современники уловили такое новшество. Ср. отклик Г.В. Адамовича о «Жизни с Гоголем»: «Если не ошибаюсь, в “Жизни с Гоголем” — мало или даже совсем нет изменений, по сравнению с тем докладом, который был прочитан Зайцевым в прошлом году: тогда же я рассказывал об этом своеобразном переложении Гоголя на умиленно-печальный зайцевский лад, слегка напоминаям то, как переложил Зайцев Тургенева. Хочется спорить и возражать чуть не на каждой строке, — но в целом приходится признать, что построение проникнуто одной мыслью, одним взглядом и поэтому ценно. Есть, по крайней мере, с чем спорить» (Адамович Г. «Современные записки». № 59. Часть литературная // ПН. 1935. 28 нояб. № 5362. С. 3). В 1934 г. у Зайцева не было ни лекций, ни докладов о Гоголе; по всей вероятности, Адамович имеет в виду выступление 23 февраля 1935 г. (см. примеч. 1 к п. 22).

⁴ Зайцев имеет в виду публикации в СЗ Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой; о подоплеке этих публикаций см. вступ. ст. к т. I наст. изд.

⁵ Подчеркивание предположительно рукой Руднева.

⁶ Подчеркивание предположительно рукой Руднева. Выделенная фраза отмечена на полях восклицательным знаком.

⁷ Точнее: *speriamo di sì* – будем надеяться (итал.).

24. Руднев – Зайцеву

Paris. 31 марта – 10 апреля 1935 г.

31.III.1935

Дорогой Борис Константинович!

Приехав из деревни, застал здесь Ваше письмо от 24.III. Не предполагал, что придется еще раз возвращаться к теме нашего недавнего разговора. Но не могу оставить без возражения допущенное Вами неправильное толкование моих слов: мое молчание могло бы Вами быть понято как согласие с ~~таким толкованием~~ ним.

~~Вынужден начать с предварительного замечания. Дружественное объяснение возможно лишь~~ ~~Никакое~~ Однако никакое дружественное объяснение невозможно, если оно происходит не на основе взаимного уважения и доверия. Вынужден поэтому начать с предварительного замечания. ~~Готов поэтому~~ Должен считать досадной *обмолвкой* такую фразу Вашего письма: «Вы хотите *обернуть теперь дело так...*» Вы, конечно, понимаете сами, что ~~допущение~~ допуская у собеседника ~~Вашего~~ способность произвольно «оборачивать» смысл ранее им сказанных слов ~~раз~~ и навсегда сделало бы невозможным ~~какие бы то ни было разговоры.~~, тем самым Вы исключили бы возможность ~~вести дальнейшие разговоры~~ каких-либо разговоров между нами в ~~дальнейшем~~ между нами.

А теперь по существу.

Мои слова, что Ваша статья о Гоголе¹ мне нравится менее, чем отрывок Вашего романа, Вы почему-то непременно хотите истолковать как признание мною уровня Вашей статьи вообще «ниже того, что печатается в «С[овременных] з[аписках]»». – Навязать мне такое, ~~по меньшей мере,~~ странное утверждение мне очень трудно, хотя бы потому, что оно явно противоречит очевидности: в «С[овременных] з[аписках]» ~~из книжки в книжку~~ печатаются сплошь и рядом вещи, ~~весьма различного уровня, в том числе и такие,~~ которые не могут идти ни в какое сравнение со всем, что пишете Вы.

Дело вовсе не в том. В первом нашем разговоре вопрос шел по преимуществу о Вашем романе. Поскольку под конец Вы ~~упомянули и~~ поставили вопрос о статье о Гоголе, я Вам объяснил, что, помимо того или иного личного моего впечатления от нее, ее печатание в ближайшей книжке невозможно ~~уже~~ потому, что весь *литературно-критический* отдел в ней (не «500 страниц», а всего несколько десятков в книжке, кстати) уже заполнен ранее заказанными другим сотрудникам статьями. Выражая готовность задержать место для большого отрывка Вашего романа в отделе *беллетристическом*, я и предложил оставить пока до будущего вопрос о статье о Гоголе открытым. Не понимаю, каким образом в такой чисто деловой постановке можно было усмотреть доказательство недоброжелательного отношения к Вам редакции...

Скажу откровенно, что для меня лично эта деловая постановка без нужды осложнилась и наша беседа приняла весьма неприятный характер лишь с того момента, когда она беседа — не по моей инициативе — была перенесена в плоскость, совсем, по моему крайнему разумению, по-моему, для нее неподходящую. Не могу Я не мог и не могу считать нормальным положение, когда сотрудник, хотя бы и высоко квалифицированный и весьма нами ценимый, считает возможным ультимативно ставить вопрос о напечатании предложенной им вещи, под угрозой разрыва отношений в случае ее отклонения: сотрудником, хотя бы и весьма нами ценимым, ультимативно ставится вопрос о напечатании предложенной вещи, под угрозой разрыва отношений. Не уверен также, насколько удобно сотруднику аргументировать в пользу помещения его статьи этой вещи посредством жест путем уничтожающей критики статей других сотрудников, да еще сопровождаемой (со стороны Веры Алексеевны [Зайцевой]) эпитетами вроде «этого паршивца NN»²). Вряд также еще менее удачным мне представляется довод в пользу такого требования, услышанный от Вас или в Вашем присутствии: уничтожающая оценка статей других сотрудников, «Ваша N или этот паршивец NN». Но уже совсем странным показался мне услышанный — правда, не от Вас, а от Веры Алексеевны тоже — довод или утверждение, что, дескать, «не для печатания статей таких-то, имярек, писателей устраивался вечер “С[овременных] з[аписок]”», — со ссылкой притом на доподлинно известное по этому поводу мнение кого-то из лиц, причастных к организации вечера. Не скрою от Вас, что вся эта часть разговора была мне очень тягостна.

На вновь постановленный Вами вопрос об отношении Беспokoящий, по-види-мому] По поводу изменившихся будто отношений к Вам редакции могу лишь повторить то, с чего начал еще самое первое свое письмо к Вам (от 5.И.). Изменилось, стало более затруднит[ельным] положение журнала. Если редакция, с болью в душе, вынуждена нередко «притеснять» авторов, причем *всех* без исключения, то причина тому — исключительно во внешних трудностях злополучного «единственного» в эмиграции журнала, призванного как-то обслуживать интересы не только чисто литературные, но и общественные, обязанного печатать по возможности всех писателей, и старых, и молодых, — а одновременно с этим прогрессивно нищающего, сокращающего и объем книжек, и их число в году. Никаких оснований к предполагаемому Вами особому охлаждению отношений нет. Хотите — верьте этому, хотите — нет, я бессилен Вас переубедить как-либо иначе.

10.IV. Кончаю письмо через несколько дней.

Источник происходящего сейчас между нами разномыслия вижу — в существовании существенно различной у нас с Вами психологии по отношению к журналу. Там, где отдельный писатель склонен прежде всего думать о своем «праве» на печатание в журнале, не всегда, б.м., достаточно учитывая такие же права других участников, — редакция, в интересах журнала в целом, обязана стараться обеспечить разнообразным материалом запросы всех читателей и примирять законные, но трудно не всегда легко сочетаемые претензии всех сотрудников.

Допускаю не только возможность, но даже неизбежность при этом ошибок с нашей стороны. Полагаю все же, что репутация руководимого нами 15 лет жур-

нала свидетельствует как будто о наличии у ред[акции] дост[аточной] доли и добр[ой] воли, и такта.

Предлагаю Вам оставить пока открытым вопрос, послуживший поводом к нашему разномыслию, надеюсь, что мы вернемся к нему в атмосфере полного взаимного доброжелательства, что возможно лишь при отказе обеих сторон от каких-либо предрешений и ультиматумов.

Жму руку. Пр[еданный] В[ам]

ВР

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Имеется в виду статья Зайцева «Жизнь с Гоголем».

² Особенности лексики Веры Алексеевны Зайцевой, живость и неординарность ее языка ярко проявляются в опубликованных Зайцевым письмах В.А. Зайцевой к В.Н. Буниной (Зайцев Б.К. Другая Вера. Повесть временных лет // НЖ. 1968. № 92; 1969. № 95, 96; 1970. № 98, 99).

25. Зайцев — Рудневу *Kellomjaki. 28 августа 1935 г.*

Келломяки. 28 авг. 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
письмо Ваше получил *только вчера!* — Оно было получено (вместе с другими письмами мне) здесь своевременно, но мы-то уезжали на Валаам¹, его, к сожалению, послали туда, мы там ничего не получили, весь пакет странствовал по разным сердоболям до вчерашнего дня. Так что за поздний ответ меня не вините.

Посылаю статью о Гоголе². Отрывок³ надеюсь привезти сам, в конце сентября. Именно сейчас работаю над этим, и если иметь в виду «С[овременные] з[аписки]», то сохраню неиспользованный в газете текст — а то, что есть доселе — пестрое, с дырами, и для Вас, значит, неподходящее. Т[ак] ч[то], по-видимому, ни то, ни другое (Гоголь, отрыв[ок]) в 59-ю кн. не попадет. (А если попадет, тем лучше.)

Мы живем тут оч[ень] хорошо — как в России. На Валааме провели 9 удивительных дней. Когда встретимся, многое расскажу и о монастыре, и о здешн[ей] жизни русских. Много здесь выступаю, читаю. Отношение к нашему брату превосходное. Приглашен в Выборг, Гельсингфорс (дважды и там, и там).

Всего хорошего. Привет след[ующим] лицам: Вам самому, Вере Ивановне [Рудневой], Илюше [Фондаминскому] и Зензинову.

Ваш Бор. Зайцев

Вера [Зайцева] кланяется.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Летом 1935 г. Зайцев с женой гостил у певицы Н.Г. Кауше на Карельском перешейке в Келломяки, посетил Териоки, Выборг, Райволе (ныне Ленинградская область), где выступал с лекциями. По рекомендательному письму митрополита Евлогия (Георгиевского) к валаамскому игумену Харитону Зайцев совершил девятидневную поездку на Валаам с по-

сещением Спасо-Преображенского мужского монастыря, с 1918 г. находящегося в попечении Православной церкви Финляндии. Об этом путешествии книга «Валаам» (впервые опубли.: газета «Возрождение». 1935. 20 окт. — 22 дек.; 1936. 22 янв. — 5 марта. № 3791, 3805, 3812, 3826, 3840, 3854, 3889, 3903, 3931 под первоначальным заголовком «Финляндия»). Первое книжное издание (с посвящением Н.Г. Кауше): Таллин: Странник. 1936. К теме валаамской поездки Зайцев неоднократно возвращался в своем творчестве.

² Доклад «Жизнь с Гоголем» Зайцев подготовил для публикации в СЗ.

³ Речь идет об очередном отрывке из романа «Путешествие Глеба».

26. Зайцев — Рудневу

Б.м. 9 октября 1935 г.

9 окт. 1935.

Дорогой Вадим Викторович, прилагаю два стихотворения Веры Булич¹ («лучшая поэтесса Финляндии», как ее там называют — и действительно талантливая). Мне кажется, она вполне заслуживает того, чтобы быть напечатанной в «Совр[еменных] зап[исках]». У нее есть уже сборник «Маятник»², довольно хорошо принятый критикой, в том числе и Ходасевичем³. Вера Сергеевна — председатель литер[атурного] кружка «Светлица» в Гельсингфорсе — вообще в центре тамошней интеллигенции и молодых литературных сил.

Хотелось бы с Вами повидаться. Я готовлю часть в романе⁴ для Вас и на этот раз берегу ее от газеты. Но когда это может быть пушено, какие вообще Ваши планы?

Сердечный привет!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Булич Вера Сергеевна (1898—1954), поэтесса, литературный критик, драматург, прозаик, переводчик, мемуаристка. Писала также на финском и шведском языках. В 1918 г. из Петрограда эмигрировала в Финляндию. С 1924 г. жила в Хельсинки. С 1932 г. была сотрудником славянского отдела библиотеки Хельсинского университета. Участница и председатель кружка «Светлица» (1932—1935). С 1947 г. главный библиотекарь Института современных исследований. Член Общества СССР—Финляндия (см.: Краткий биографический словарь. С. 290). По рекомендации Зайцева стихи В. Булич были опубликованы в журнале: Булич В.С. [Стихотв.:] «Поразил Господь слепотой...» // СЗ. 1936. № 60. С. 193.

² См. в этом же номере отзыв М.О. Цетлина о сборнике стихов В.С. Булич «Маятник» (Гельсингфорс: Либрис, 1934) в составе обзора (Там же. С. 465—466).

³ См. статью В. Ходасевича «Книги и люди: новые стихи» (Возрождение. 1934. 27 сент. № 3403. С. 4). Автор анализирует новые книги нескольких авторов, в том числе «Маятник» В. Булич. Ср.: «Зинаида Шаховская и Вера Булич обнаруживают наиболее поэтического таланта и вкуса. Поэтических срывов в безвкусию у них нет или почти совсем нет. [...] Юный Пушкин не только учился, но и прямо подражал: скажем — Батюшкову, Державину. Поэтому не удивительно и не предосудительно, что в стихах Веры Булич порой звучит отчетливее других — Блок».

⁴ Вновь речь идет о романе «Путешествие Глеба»

27. Зайцев — Рудневу

Б.м. 18 октября 1935 г.

18 окт. 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
возвращаю гранки (смерть П.А. Тикстона¹ — причина небольшого замедления). — Будьте добры, последите, чтобы в верстке было исправлено по моему указанию (гр[анка] № 3) слово «навощение» — надо писать через *a*, Кульман² все это ясно мне объяснил, а корректор наверно поправит опять, как было набрано: навощение. (От глагола древнего *вадить*, колдовать, а не от «наводить»).

Сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

P.S. Видел Мих. Ос. [Цетлина³]. — Он одобрительно относится к Булич.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Тикстон Павел Андреевич (1872–1935), промышленник, банкир, предприниматель, масон. Сын английского предпринимателя в России. С 1898 г. возглавлял С.-Петербургский Международный банк. Один из директоров и член правления страхового общества «Саламандра». В Первую мировую войну работал в Военно-промышленном комитете и в Военном комитете по обороне при военном министре. В Гражданскую войну снабжал Добровольческую армию. В эмиграции жил в Париже. Член президиума Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже. В 1926 г. член Организационного комитета по созыву Зарубежного съезда в Париже. Был близок к редакции СЗ. Интимный друг Н.А. Тэффи, друг семьи Зайцевых. В течение нескольких лет Тикстон был прикован к постели. 1 февраля 1933 г. Зайцев писал Бунину: «П.А. Тикстон тяжело болен — Вера ходит к нему ежедневно, Тэффи извелась. Вчера я у него был... что сказать! Мучителен конец его жизни» (*Зайцев Б.К. Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп.). С. 78*).

² Б.К. Зайцева и Н.К. Кульмана (о нем см. публикацию в т. 4 наст. изд.) связывали многолетние дружеские и творческие связи. В 1928 г. оба были избраны в Особый комитет для организации общежития для русских мальчиков в Шавиле: Кульман председателем Комитета и Правления, Зайцев — его заместителем. В 1936 г. горячо откликнулся на книгу Зайцева о Валааме (см.: *Кульман Н.К. [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Валаам. Таллин: Странник, 1936 // СЗ. 1936. № 62. С. 441–443*). Из письма Б.К. Зайцева к И.А. Бунину от 2 ноября 1939 г.: «Париж понемногу становится спокойнее. Открываются театры, синема — правда, все до 11 ч[асов] — и свету больше, и к темноте привыкаешь. [...] Приехали сюда на 2–3 дня Кульманы. Мы были у них. Н[иколай] К[арлович] ужасно тоскует в [нрзб], но Н[аталия] Ив[ановна] сюда нипочем не хочет ехать. Так что зиму проведут вместе с Бернацкими под Мантом (в 50 верстах от Парижа)» (*Зайцев Б.К. Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп.). С. 109*).

³ М.О. Цетлин был рецензентом книг Зайцева, в том числе романов «Золотой узор» (1926), «Дом в Пасси» (1935); он написал статью, посвященную 25-летию литературной деятельности Зайцева: *Цетлин М.О. Литературные заметки: (Гражданская война в литературе. — К юбилею Б.К. Зайцева) // СЗ. 1927. № 30. С. 514–520*. В 1946 г. Зайцев опубликовал в НЖ мемуарный очерк о Цетлине. Зайцев, в частности, пишет: «В Париже встретились мы в 1924 году. Цетлины жили на rue de la Faisanderie (позже на rue Nicolo). Здесь у них был литературно-политический салон. [...] Встречались мы теперь часто, и чем дальше шло время, тем прочней, спокойнее, благожелательней становились отношения наши. Нельзя было не ценить тонкого ума, несколько грустного, Михаила Осиповича — его вкуса художественного, преданности литературе, всегдашней его скромности, какой-то нервной застенчивости, стремления быть как бы в тени. Единственно, за что я упрекал его — что мало пишет. Действительно, была у него книга стихов, но давнишняя, да писал он рецензии в “Современных записках” (дом Цетлина был как бы главным штабом этого заме-

чательного журнала)» (*Зайцев Б.К.* М.О. Цетлин // НЖ. 1946. № 14. С. 199–203; *Зайцев Б.К.* Собр. соч. М., 2000. Т. 9 (доп.). С. 229).

28. Зайцев — Рудневу

Б.м. 16 ноября 1935 г.

16 ноября 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
мне хотелось бы встретиться с Вами и поговорить о наших литературных делах (посоветоваться с Вами). Как это сделать? Хотите, я зайду, куда вы укажете, или, м.б., Вы ко мне заглянете утром?

Буду очень благодарен за исполнение просьбы.

Всего лучшего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Внизу помета рукой Руднева: «В четверг в 9 ч. вечера в кафе 2 Fontaines»

29. Зайцев — Рудневу

Б.м. 22 декабря 1935 г.

22 дек. 1935.

Дорогой Вадим Викторович,
когда мы виделись последний раз, Вы сказали, что, возможно, довольно большой отрывок из «Путешествия Глеба» пойдет и в ближайшей кн. «С[овременных] з[аписок]». — Хотелось бы знать, как это окончательно складывается? Я пишу сейчас и валаамские очерки¹, материал для Вас² почти готов, но я должен еще раз переписать — и к спеху или нет, для меня имеет значение.

А потому буду очень признателен, если сообщите, когда Вам сдавать рукопись.

Всего лучшего. С сердечным приветом.

Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ В этот период Зайцев работает над книгой «Валаам» (первоначальный заголовок «Финляндия») и по главам публикует ее в «Возрождении» (1935. 20 окт. — 22 дек.; 1936. 26 янв. — 5 марта. № 3791, 3805, 3812, 3826, 3840, 3854, 3889, 3903, 3931), очерк «Валаам» 21 декабря 1935 г. был напечатан в «Иллюстрированной России».

² Речь о главе «Людиново» из романа «Путешествие Глеба» (опубликована в № 60 СЗ).

30. Руднев — Зайцеву

Б.м. После 22 декабря 1935 г.

Дорогой Борис Константинович!
Получил Ваше письмо и спешу ответить.

Я сказал Вам при встрече, что, б.м., откроется возможность напечатать большой отрывок Вашего романа в № 60 «Совр[еменных] зап[исок]»¹, потому, что теперь эта возможность на тех условиях, которые поставили Вы, т.е. чтобы был напечатан большой кусок, до 100.000 знаков

Теперь эта возможность открылась реально, благодаря тому, что роман Осоргина² в ближайшей книжке не пойдет. Если память мне не изменяет, единственным Вашим условием было напечатать отрывок крупный, до 100.000 знаков. Это условие теперь я мог бы принять, и потому хотел бы поскорее иметь возможность ознакомиться с рукописью.

Б.м., Вы занесете ее ко мне и, буде не застанете дома, оставите ее у консьержки?

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по содержанию п. 29.

¹ См. примеч. 2 к п. 29.

² В публикуемом письме речь идет о романе Осоргина «Вольный каменщик» (печатался в № 58 и № 59 СЗ, окончание романа вышло в ноябре 1936 (№ 61)). В № 60 СЗ была опубликована глава «Людиново» из романа Зайцева «Путешествие Глеба» (номер вышел в конце февраля 1936 г.). Осоргин (наст. фам. Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942). Прозаик, журналист, литературный критик, мемуарист, масон. Ближайший друг семьи Зайцева с начала 1900-х гг. С 1906 до 1916 г. работал корреспондентом в Риме. Был выслан из России. В эмиграции сначала в Германии, с 1923 г. жил в Париже. Посвятил Зайцеву очерк «О Борисе Зайцеве» (ПН. 1926. 9 дек. № 2087), был рецензентом его книги рассказов «Улица Св. Николая», вышедшей в 1923 г. в Берлине (СЗ. 1924. № 18. С. 434–435). В свою очередь, Зайцев высоко оценил роман Осоргина «Сивцев Вражек» (см. рецензию: СЗ. 1928. № 36. С. 532–533), в своем мемуарном очерке «Осоргин» (РМ. 1964. 7 апр. № 2135) писал: «Оказался он писателем-эмигрантом, сугубо эмигрантом: ничто из беллетристики его не проскочило за железный занавес, а тянуло его на родину, может быть, больше, чем кого-либо из наших писателей. [...] Да в России пореволюционной ему не ужиться бы было: слишком он был вольнолюбив, кланяться и приспособляться не умел, а то, что ему нравилось, не пришлось бы по вкусу там. Думаю, его быстро скрутили бы, отправился бы он вновь – только не в Казань на вольное все же житье, а в какую-нибудь Воркуту или Соловецкий лагерь, откуда не очень-то виден путь назад. Но и здесь жизнь его оказалась недолгой...».

31. Зайцев – Рудневу

Б.м. 29 декабря 1935 г.

29 дек. 1935.

Дорогой Вадим Викторович,

каков последний срок для сдачи рукописи? У меня маленькое сомнение. Вчерне все готово, но все-таки надо переписать, на это уйдет минимум 10 дней (и то придется забросить «Валаам» – а вернее, что и все 2 недели). В каком положении Ваша книжка? Насколько я понимаю, естественно ей открываться моей вещью, но, б.м., Вы уже верстаете начало? И затем: если я задержу «Валаам», то придется просить у Вас аванса под рукопись, когда сдам ее – возможно ли это?

Все это хотелось бы выяснить скорее. Нет ли у Вас часов в редакции (que David?), когда можно бы было поговорить? (Или где-ниб[удь] ближе?) – Извини-

те, что затрудняю Вас перепиской, но если бы знал, куда и когда зайти, все получалось бы проще.

Жму руку. Всего доброго.

Ваш Бор. Зайцев.

P.S. Мне потому надо срочно знать обо всем этом, что — или я тот ч[ас] засаживаюсь за переписку или же (если откладываем еще на номер) — должен работать над другим. —

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

32. Руднев — Зайцеву

Paris. 31 декабря 1935 г.

31.XII.1935.

Дорогой Борис Константинович!

Книжка набирается на всех парах, и беллетристику желательно сдавать как можно скорее. Но десять дней у Вас еще найдется. И аванс Вы получить сможете. Начала беллетристики еще не верстали, ~~я ничего не имею против того, чтобы первой шла~~ может пойти первой и Ваша вещь, — если только она не запоздает и тем не задержит вообще верстки номера.

Heures fixes¹ мои в редакции: среда, от 3 до 6-ти. Но всегда мне можно позвонить по телефону и условиться о встрече где-нибудь ближе, напр. в «Deux fontaines».

Поздравляю с наступающим Новым годом Вас и Веру Алексеевну [Зайцеву].

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (рукописной копии) (РАЛ. MS. 1500/8). Письмо на бланке журнала «Современные записки». Вверху пометы рукой Руднева: «Зайцеву»; «копия».

¹ Часы приема (фр.).

33. Зайцев — Рудневу

Б.м. 8 января 1936 г.

8 янв. 1936.

Дорогой Вадим Викторович,

с Новым годом! — желаю и Вам, и Вере Ивановне [Рудневой] всего лучшего.

Оставляю рукопись. Сидел над ней упорно, да еще в полу-грипповом состоянии, кашляя и чихая. Очень не хотелось расхвораться, пока не кончу. (Вера [Зайцева] лежала в гриппе, как следует: под Новый год у нее было 39,5, т[ак] ч[то] встреча вышла неблестящая). Теперь мы оба более или менее здоровы.

Хотелось бы получить аванс — 300 фр. И затем, есть обстоятельство, кот[орое] мне не весьма нравится: печатаем вторую часть, нумерация глав идет с I, из

текста видно, что кое-что было и раньше... Думаю, у читающего должно быть не-к[оторое] недоумение. Если бы не так сложно было видеться, можно было бы подробнее об этом поговорить... — а пока что: не сделать ли редакционное или авторское примечание, объясняющее, скажем, *объемом* произведения невозможность его печатать так, как печатаются рядом другие вещи, или что-ниб[удь] в этом роде¹? Каково Ваше мнение? Скучно, конечно, *объяснять*, но, м.б., нужно? Или уж совсем «презреть» читателя, считать, что его вовсе нет? (Тоже трудно: меня постоянно спрашивают о писании, все же есть и *хорошо* относящиеся.)

Хотите, встретимся в кафе, как тогда? На Daviel действительно уж оч[ень] далеко — а в тех краях по друг[им] делам я никогда не бываю.

Итак, черкните. Всего хорошего.

Ваш Бор. Зайцев

P.S. В основной моей рукописи эта часть называется: «Людиново» (первая: «Устье» — оттого и отдельная нумерация глав).

P.P.S. Очень прошу вернуть рукопись при гранках.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ См.: *Зайцев Б.К.* Людиново: (Из романа «Путешествие Глеба») // СЗ. 1936. № 60. С. 5–58. Подобного примечания помещено не было.

34. Зайцев — Рудневу Б.м. 10 января 1936 г.

10 янв. 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
вчера был у меня Чекунов¹ и нашел бронхит, никак не велел выходить. — Т[ак] ч[то] в кафе прийти не смогу. Хорошо было бы, если бы Вы отправили завтра деньги просто по почте (за мой счет).

Рад, что отрывок Вас удовлетворил. О примечании² поговорим — надеюсь все же, что дня чер[ез] 3–4 буду уже выходить.

Всего лучшего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Чекунов Иван Степанович (1876–1956), врач, специалист по внутренним и нервным болезням. Из казаков. Окончил медицинский факультет С.-Петербургского университета. Участвовал в Первой мировой войне, затем практиковал в Новочеркасске. Доктор медицины. В эмиграции во Франции член правления Общества русских врачей им. Мечникова. Бесплатно принимал больных в амбулатории Христианского союза врачей, выступал с лекциями в Народном университете, организовал курсы для сестер милосердия Красного Креста. С 1936 г. товарищ председателя Комитета социальной помощи русским эмигрантам, работал в госпитале Валь-де-Грас. В годы немецкой оккупации был заключен в лагерь Компьень (под Парижем). После 1945 г. был председателем правления Казачьего союза.

² См. примеч. 1 к п. 33.

35. Зайцев — Рудневу

Б.м. Январь 1936 г.

Дорогой Вадим Викторович,
в тексте на гранке II есть «желтые купавы»¹. Я что-то сомневаюсь, не вранье ли? Если Вы считаете, что желтые бывают, то пусть останется, в противном случае просто вычеркните их (пусть будут только лилии).

Сердечный привет.

Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Датируется по содержанию.

¹ Ср.: «Евсейч взял теперь шест и с тою же невозмутимостью, как плотогоны на Оке, как древний прадед его на Десне или Припяти, медленно подталкивал лодку сквозь зеленые плетенья водорослей, мимо желтых купав, белых водяных лилий на тугих листьях, раздвигая шуршащую осоку» (*Зайцев Б.К.* Людиново: (Из романа «Путешествие Глеба») // СЗ. 1936. № 60. С. 34).

36. Зайцев — Рудневу

Б.м. 5 февраля 1936 г.

5 февр. 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
Вы вчера скоро ушли, я не успел с Вами поговорить — не могли ли бы Вы дать мне еще 200 фр. под 60-ю книжку — очень нужны деньги. Если да, то будьте любезны, сделайте это теперь же. Извините, пожалуйста, что причиняю хлопоты, да ничего не поделаешь, приходится...

Всего лучшего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

37. Зайцев — Рудневу

Б.м. 22 февраля 1936 г.

22 февр. 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
мне хотелось бы повидаться с Вами — есть небольшое литер[атурное] дело. Кроме того, если можно, я хотел бы взять у Вас еще нек[оторую] сумму под отрывок¹ — пожалуй, теперь уже точно можно сосчитать, сколько там причитается?

Напишите два слова. Я бы зашел, скажем, как в последн[ий] раз, утром — только *не* во вторник (меня лепит Эрн Вольфсон²).

Сердечный привет!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ Речь идет о гонораре за главу «Людиново» из романа «Путешествие Глеба», которая была опубликована на момент написания данного письма.

² Эрна Вольфсон-Дэм (наст. имя: Эрна Сигизмундовна Давидова, в замуж. Вольфсон; 1889–1943), скульптор. Училась в Академии художеств в Мюнхене, в 1905–1907 гг. в Париже посещала художественные курсы на Монпарнасе. В 1920 г. эмигрировала в Париж. Работала на Севрскую мануфактуру, где имела свое ателье. Приняла псевдоним Дэм. Выставлялась в парижских салонах. Исполнила керамические портреты М.А. Алданова, Б.К. Зайцева, А.Ф. Керенского. В 1942 г. вместе с мужем была арестована немцами. Погибла в лагере Освенцим (Польша). Мемориальные выставки художницы проходили в 1947 г. и в 1955 г. в Музее еврейского искусства в Париже на выставке художников и скульпторов, погибших в депортации.

38. Зайцев — Рудневу

Б.м. 5 мая 1936 г.

5 мая 1936.

Дорогой Вадим Викторович,

в суете тэффина вечера¹ не успел поговорить с Вами, а потому пишу.

Я продолжаю «Путешествие Глеба» и хотел бы знать, как распорядиться с концом 1-го тома. Если все пойдет благополучно, думаю осенью его кончить. Как у Вас распределяется материал? И каковы вообще Ваши виды на будущее? Будет ли, напр., книжка (я думаю, 62-я?) к Рождеству? И может ли туда попасть отрывок примерно такого же размера, как «Людиново»²?

Затем: как мне все-таки ответить Орешину³? Стоит, чтобы Вы посмотрели рукопись или вообще все это похерить?

Буду очень благодарен за осведомление. Всего хорошего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ 2 мая 1936 г. в Salle du Musée Social в Париже состоялся вечер журнала «Современные записки», посвященный Н.А. Тэффи (см.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 196).

² См.: *Зайцев Б.К.* Калуга: (Из романа «Путешествие Глеба») // СЗ. 1936. № 62. С. 114–154.

³ Орешин Иван Ефремович (Ефимович) (1877 – ?), филолог и историк. После Кронштадтского мятежа бежал в Териоки. Преподавал в Териокском реальном училище, позднее был преподавателем русского языка в русском лицее в Хельсинки. Избирался председателем Земгора в Финляндии. В 1930-х гг. жил в Калломяки. В доме Н.Г. Кауше для небольшого кружка слушателей читал лекции на исторические темы. По всей вероятности, познакомился с Зайцевым в период его пребывания в Финляндии в 1935 г. В единственном письме к Зайцеву от 23 августа 1936 г. (хранится в Парижском архиве писателя в семье Зайцевых-Соллогуб) рассказал о работе над рукописью «Дуэль и смерть Пушкина», о завершённой книге об убийстве П.А. Столыпина, в издании которой получил отказ в ряде издательств. По-видимому, одну из своих работ Орешин направлял и в СЗ.

39. Зайцев — Рудневу*Б.м. 9 мая 1936 г.*

9 мая 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
написал в Выборг¹, чтобы вернули рукопись. В понедельник посылаю взамен, раг аvион, отрывок из «Путешествия Глеба». Просил возвратить Бальмонта² как можно скорей (и тоже раг аvион). Посмотрим, когда пришлют. (Вам доставлю тогда без промедления.)

Насчет статьи³ ничего не выходит. Нет, пусть уж пишут о нас критики и теоретики, вкривь и вкось, а мы свое дело будем делать. Меня к статьям (т.е. писанию их) вовсе сейчас не тянет. Так что уж не взыщите.

С искренним приветом.

Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ В Выборге под ред. Ф.В. Уперова в 1933–1938 гг. издавался «Журнал содружества». В мае 1936 г. (№ 5) в журнале был напечатан отрывок из романа Зайцева «Путешествие Глеба».

² Зайцев был знаком с К.Д. Бальмонтом еще в России (в 1902 г. состоялась их первая встреча в Литературном кружке в Москве). О Бальмонте Зайцев писал неоднократно — в 1925, 1928, 1933, 1936, 1963 гг. В данном письме речь идет о рукописи очерка о К.Д. Бальмонте (*Зайцев Б.К. О Бальмонте: (К пятидесятилетию литературной деятельности) // СЗ. 1936. № 61. С. 185–190*). Номер вышел из печати 11 июля 1936 г.

³ По всей вероятности, жанр очерка о Бальмонте первоначально был определен редакцией как статья о литературном творчестве поэта. Однако «личный» оттенок, как правило, преобладал у Зайцева, приближая его работы о «братьях-писателях» к мемуарно-публицистическим. Очерк «О Бальмонте» был напечатан в «большом» разделе СЗ. Аналогична и история публикации очерка Зайцева «Побежденный» об А.А. Блоке (см.: примеч. 1 к п. 1).

40. Зайцев — Рудневу*Boulogne. 2 июня 1936 г.*

2 июня 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
собираюсь на юг, стараюсь стянуть все стратегические резервы, а потому и обращаюсь к Вам с просьбой: будьте добры, направьте мне теперь же что полагается за статейку в ближ[айшей] книжке (приблизительно. Сумма там совсем небольшая).

Заранее очень благодарю. Шлю привет.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Пневматическое письмо; адрес получателя: «Monsieur V. Roudnev, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «Boris Zaitsev, 110, rue Thiers, Boulogne s[ur] S[eine]»; почт. шт.: «Boulogne, 2.6.1936».

41. Зайцев — Рудневу
Boulogne. 5 июня 1936 г.

5 июня 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
аванс получил (75 фр.), очень благодарен.

Корректуру возвращаю, подзаголовок так и должен быть, как Вы сделали (к 50-илет[ию])¹, я просто забыл сделать, кавычек при первом стихотворении, конечно, не надо. — Сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

P.S. Думаем ехать 13–14-го. Адрес дам.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ См. примеч. 2 к п. 39.

42. Зайцев — Рудневу
Monte-Carlo. 21 июня 1936 г.

40, boulevard des Moulins, chez Sollogoub
Monte-Carlo (Monaco).

21 июня 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
вот мой адрес. Живем сейчас у Наташи¹, 28-го мое чтение в Ницце², а числа 7–10-го июля предполагаем передвинуться в Грасс, к Буниным³.

Здесь (в Монте-Карло) пока тихо, а в Ницце тревожно, были огромные манифестации, много забастовок⁴ и пр.

Напишите мне, как у Вас располагается материал в журнале, каковы сроки. Выходящую книжку будьте любезны направить мне сюда. (Впрочем, книжка может сильно задержаться из-за событий, я это предвижу.)

Всего лучшего. Сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ Соллогуб (урожд. Зайцева) Наталия Борисовна (1912–2007), дочь Б.К. и В.А. Зайцевых. Эмигрировала с родителями. С 1932 г. жена А.В. Соллогуба, с которым в 1930-е гг. длительные периоды жила по месту его банковской службы (Монте-Карло, Канны, Лондон и др.). В Монте-Карло и Каннах ее навещали родители. Хранительница архива Зайцева. Была одним из составителей и участницей посмертных изданий отца. Ей посвящен рассказ Н.А. Тэффи «Цветик белый» (Звено. 1924. 3 марта. № 57. С. 3, затем в книге: *Тэффи Н.А. Горюнок*. New York, 1982). Ее устные рассказы о былом стали основой книг: «Я вспоминаю...» (впервые: РМ. 1997. № 4163, 4164, 4165, 4166), «Напишите мне в альбом. Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От» (Авт.-сост. О.А. Ростова; М., 2004).

² Вечер Б.К. Зайцева в Ницце состоялся 28 июня 1936 г. (Villa Carlonia). Автор читал отрывки из путевых очерков «Валаам» и главы из романа «Путешествие Глеба» (см.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 221).

³ Бунины жили в Грассе с 1925 по 1945 г., где до 1939 г. Зайцев часто гостил в летние месяцы: «особенно остался в душе Грасс, милая вилла “Бельведер”, скромная, с поразительным видом на Канн, море, горы Эстерель направо. Юг, солнце, свет, необъятная ширь, запах лаванды, тмина — порождение Прованса — и вообще дух поэзии, окружавший жизнь Ивана, Веры, молодых писателей-друзей, с нами живших (Л. Зуров, Галина Кузнецова). По утрам трое мы строчили каждый свое в верхнем этаже, моя Вера с Верой Буниной (подруги с юношеских лет, еще в Москве) вели женские свои разговоры, а внизу в большом светлом кабинете Иван писал какую-нибудь “Жизнь Арсеньева” или “Цикады”» (*Зайцев Б.К. Тринадцать лет // Зайцев Б.К. Голубая звезда: Повести и рассказы. Из воспоминаний / Сост., предисл. и коммент. А. Романенко. М., 1989. С. 495.*)

⁴ Речь идет об одной из крупнейших в истории Франции забастовке в начале июня 1936 г., в которой приняло участие около 2 млн. человек, требовавших скорейшего выполнения предвыборных обещаний пришедшего к власти в мае 1936 г. правительства Народного фронта и коренного изменения социального законодательства.

43. Зайцев — Рудневу *Monte-Carlo. 11 июля 1936 г.*

Монте-Карло, 11 июля 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
если Вы еще не послали № «С[овременных] з[аписок]», то и *не* посылайте его в Монте-Карло: 15-го мы уезжаем в Грасс, к И.А. [Бунину]. — Ведь он получает журнал? — Тогда и вовсе не посылайте, вернусь в Париж, возьму свой экземпляр.

А как дальнейшее? В связи с событиями? — Ваше молчание я понял так, что все неопределенно. Все же хотелось бы, чтобы Вы написали несколько слов о журнале в Грасс. Надо знать, готовить ли дальнейшее из моего писания к близкому времени, и для «С[овременных] з[аписок]» или (по нашим временам все возможно!) — вовсе не для них.

Итак, адрес мой теперь: Villa Belvédère, chez Bounine, Grasse (A[lpes]-M[aritime]).

Жму Вашу руку, сердечный привет.

Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

44. Зайцев — Рудневу *Б.м. Начало сентября 1936 г.*

Дорогой Вадим Викторович,
вчера вернулся с юга. Хотелось бы знать, как дела с «С[овременными] з[аписками]», т.е. налажено ли печатание в Эстонии, когда выходит книжка и каковы сроки для сдачи рукописи.

Август для меня сложился не совсем так, как я думал: работать не пришлось — начались головные боли (видимо, подцепил малокровие — доктор велел есть боль-

ше мяса, печёнку и т.п.). — Так что к 1-му я приготовить *не* смог. Отрывок кончен¹, но переписана и вполне пригодна для печати лишь часть. Как будто в окт[ябрьскую] книжку теперь уже не поспеть? Или еще может поспеть?

Сейчас чувствую себя лучше (принимаю Рансгюп), работать (надеюсь) могу, во всяк[ом] случае попробую.

Если не оч[ень] заняты, м.б., нам повидаться, как обычно, у фонтанов? — Или напишите мне неск[олько] слов.

Всего лучшего. Искренно Ваш

Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Датируется по содержанию.

¹ Зайцев завершил работу над главой «Калуга» из романа «Путешествие Глеба» (см. примеч. 2 к п. 38).

45. Руднев — Зайцеву Paris. 26 сентября 1936 г.

Суббота

Дорогой Борис Константинович!

Не знаю, застанет ли еще вовремя Вас эта пневматичка, — хочу вот о чем Вас попросить.

В разговоре Вы сказали, что в *крайнем* случае можно, если *будет* это окажется необходимо, сделать некоторые купюры в отрывке Вашего романа.

~~Я, поверьте, не собираюсь~~

~~Я, конечно, не~~

~~Я не собираюсь воспользоваться~~ Надеюсь, что к этому прибегнуть не придется. Но окончательно выяснится картина только тогда, когда Только в самой крайней необходимости я бы воспользовался Вашим согласием. Но будет ли эта необходимость или нет, — может выясниться только, когда поступит весь материал литературного отдела. Сдавать же Вам отрывок для набора надо сейчас. Как ~~не~~ ~~рисковать~~ устранить риск излишнего набора?

~~Выход, по-видимому, единственный: Вам, условно, наметить карандашом те страницы или главу, которые в *крайнем* случае могли бы быть опущены, — а типографии пока условно~~

~~Выход, по-видимому, единственный: сейчас набирать только ту большую часть текста, которая пойдет при всех условиях, — временно оставив не набранными те страницы или ту главу, которые в случае крайней необходимости могли бы быть опущены. Вот с просьбой отметить, — и вновь — и донабраны впоследствии, когда, надеюсь, опасность миновала бы. Вот с просьбой я и обращаюсь с просьбой к Вам отметить в рукописи цветным карандашом эти возможные купюры. Со своей стороны, обязуюсь сделать все возможное, чтобы или не их восста[новить]~~

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Датируется по содержанию следующего письма.

46. Зайцев — Рудневу
Б.м. 28 сентября 1936 г.

28 сент. 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
 в этой рукописи 66 стр. Все, что я мог убавить — 2 страницы, след[овательно] в общем 64. Предыдущий отрывок был — 84 стр. Как я Вам и говорил, это меньше, и даже «более меньше», чем я раньше предполагал.

Это окончательный текст. Из него я уже ничего не могу выбрасывать. Т[ак] ч[то] уж будьте добры, сообщите авторам рукописей еще недоставленных, сколько остается места. Повторяю, я даю меньше, чем то, о чем мы говорили.

Получил письмо от Кульмана. Он сам выразил желание писать о «Валааме»¹. Спрашивает при этом, начинать ли, [часть письма оторвана] как редакция смотрит. Я ответил, [что] Вы считаете его на первом месте. [Все-та]ки было бы хорошо, если бы Вы сам[и под]твердили ему это в двух словах. ([Arcy]-sur-Cure, Yonne).

О Немировиче² писать не могу. О встречах с ним уже печаталось, а о писателе... рука не подымается.

Сердечный привет!

Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ См.: *Кульман Н.К.* [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Валаам. Таллин: Странник, 1936 // СЗ. 1936. № 62. С. 441—443.

² Немирович-Данченко Василий Иванович (1844—1936), прозаик, поэт, публицист. Брат Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Эмигрировал в 1921 г. Почетный председатель Союза русских писателей и журналистов в Праге. В 1928 г. был председателем Первого всеэмигрантского съезда писателей и журналистов в Белграде. Зайцев писал о Немировиче-Данченко в «Югославских записях»: «Василий Иванович знает эту страну, этот народ более полувека. Видел Белград чуть не деревней, был на всех сербских войнах, на его глазах возросла пятнадцатимиллионная Югославия. [...] Немирович-Данченко я знаю сорок лет. Он обедал у нас, когда я читал еще “Задушевное слово”, Купера и рассказы для детей самого Василия Ивановича» (*Зайцев Б.К.* Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп). С. 312, 318). Немировичу-Данченко Зайцев посвятил очерки «Странники. Мой грех. Италия. Белград» (Возрождение. 1934. 30 дек. № 3497). Вас. И. Немирович-Данченко скончался 18 сентября 1936 г. в Праге. В СЗ не появилось никакой некрологической статьи о писателе.

47. Зайцев — Рудневу
Б.м. 1 октября 1936 г.

1 окт. 1936.

Дорогой Вадим Викторович,
 из-за девальвации сербы задерживают выдачу¹. Сижу совсем на мели. А потому и обращаюсь к Вам с настойчивой просьбой: дать добавку к авансу. Размер — зависит от Ваших возможностей, но *сколько-нибудь* очень прошу ссудить. Напишите мне рпсу², когда и куда зайти, имея в виду, что дело это очень срочное.

Извините, что беспокою. Но я *не* предвидел возможности того, что получилось, т[ак] ч[то] и я не виноват.

Сердечный привет!

Ваш Бор. Зайцев

P.S. Рукопись передам в понедельник Вашей консьержке.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Речь идет о помощи (стипендиях), которая по инициативе короля Александра I с 1921 г. ежемесячно оказывалась югославским правительством русским писателям-эмигрантам: И. Бунину, Б. Зайцеву, Д. Мережковскому, А. Куприну, И. Шмелеву и др. С кончиной короля в 1934 г. и кризисными явлениями 1934–1936 гг. эта помощь постепенно утасла.

² пневматическая почта (фр.).

48. Зайцев — Вишняку

Б.м. 24 марта 1938 г.

24 марта 1938.

Дорогой Марк Вениаминович,

Бицилли¹ (уже довольно давно), писал мне о том, что охотно дал бы отзыв о «Путешествии Глеба». Книга у него есть, он ее знает. Думаю, было бы правильно, если бы Вы дали ему это поручение (он так и выразился в письме: «Если мне закажут» — что, конечно, [окончание письма отсутствует])

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ П.М. Бицилли был рецензентом книги Зайцева «Жизнь Тургенева» (СЗ. 1932. № 48. С. 475–477). Автором рецензии в СЗ на выход первой части романа Зайцева «Путешествие Глеба» был К.В. Мочульский (*Мочульский К.В.* [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Путешествие Глеба: Тетралогия. Берлин: Петрополис, 1937. Ч. 1: Заря // СЗ. 1937. № 64. С. 461–463).

49. Зайцев — Вишняку

Monte-Carlo. 20 июня 1938 г.

20 июня 1938.

Дорогой Марк Вениаминович,

мы у Наташи [Соллогуб] в Монте-Карло. Корректуру я Вам на друг[ой] же день занес; будьте добры, распорядитесь послать июльск[ий] № по адр[есу]: M[ada]me Sollogoub (для меня), 22, rue Bellevue, Monte-Carlo (Monaco).

Разница между Монте-Карло и Булонью довольно существенна! Вы сами понимаете.

Сердечный привет от нас обоих Вам и М.А. [Вишняк].

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57). Вверху помета рукой Вишняка: «*Зайцев*». Почтовая открытка с видом Монако; адрес получателя: «Monsieur M. Vichniac, 40, rue Claude Terrasse, Paris (16^e)»; почт. шт.: «Monte-Carlo, 20.6.1938».

50. Зайцев — Рудневу
Б.м. 12 октября 1938 г.

12 окт. 1938.

Дорогой Вадим Викторович,
мне хотелось бы встретиться с Вами. Где и когда? Хотите у меня, у Вас, в кафе — безразлично.

Черкните два слова! Всего лучшего.

Ваш Бор. Зайцев

P.S. В пятн[ицу] думаю быть на Lougmel¹, у обедни.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ В доме 77 на rue de Lougmel находилась церковь Покрова Пресв. Богородицы и при ней общежитие, основанное матерью Марией (Скобцовой).

51. Зайцев — Рудневу
Б.м. 26 ноября 1938 г.

26 ноября 1938.

Дорогой Вадим Викторович,
вчера я кончил (вчерне) большой «кусок» или главу из «Глеба». На днях же Фондаминский сказал мне, что ему удалось обеспечить «С[овременные] з[аписки]» на год.

Помня заключительную часть нашего последнего разговора, хотел бы выяснить, как мне располагать товарами — разбазаривать ли по мелочам или нет.

Буду оч[ень] благодарен за указания. — Всего лучшего.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

52. Зайцев — Рудневу
Б.м. 30 ноября 1938 г.

30 ноября 1938.

Дорогой Вадим Викторович,
я обдумал Ваше предложение и вот что нахожу: печатать главы 3—4, только что мною законченные, через год я не могу. К осени 1939 должен выйти отд[ельным] изданием 2-й т[ом] «Пут[ешествия] Г[леба]»¹, куда все это входит. А том этот заканчивается главою 5-й, которую, по-видимому, пришлось бы печатать к концу 1940 года.

Такой ритм для меня невозможен.

Поэтому хотелось бы сделать иначе, а именно: в 69-й и 70 кн. закончить 2-й т[ом] «П[утешествия] Г[леба]» — что будет дальше, загадывать нечего, рано. Но *это*, я считаю, только так провести и можно.

Относительно размеров мы могли бы с Вами столкнуться, равно и Вы могли бы столкнуться (о размерах же) с теми авторами, чьи произведения даете вы в 69 книге.

Если желаете поговорить обо всем этом, то всегда готов (кроме вечера четвер[га], 1 дек[абря]).

Надеюсь, что мы разрешим эти затруднения в духе согласия, как следует – споримся.

Всего лучшего!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Зайцев опубликовал в СЗ две книги из автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба» – романы «Заря» и «Тишина». Последняя глава «Тишины» – второго тома, о котором идет речь в письме, была опубликована в апреле 1940 г. (СЗ № 70), как и предлагал Зайцев. В июне 1940 г. Париж был оккупирован немецкими войсками. Первое книжное издание «Тишины» – Париж: Возрождение, 1948.

53. Зайцев – Рудневу

Б.м. 7 декабря 1938 г.

7 дек. 1938.

Дорогой Вадим Викторович,

ровно неделю тому назад я отправил Вам письмо – ответа на него нет. Получили ли Вы его?

Жду сообщения. Если не получили, мне придется все снова повторить. Если получили, то будьте добры ответить на него.

Всего лучшего!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

54. Руднев – Зайцеву

Paris. 9 декабря 1938 г.

9.XII.

Дорогой Борис Константинович!

Простите великодушно, что так ~~задержался~~ задержал ответ на Ваше предыдущее письмо. Единственная причина – трудность сообразить *теперь же*, больше, чем за полгода вперед, ~~такой выход, который~~ такое практическое решение, которое ~~равно~~ удовлетворило бы и Вас, и журнал и отвечало бы возможностям журнала.

Вам, думаю, ясно то, что меня затрудняет. Не существо, разумеется, – Вы знаете, что я ~~всегда~~ только рад печатать очередные части Вашего романа. На этот раз, однако, Вы ~~обогнали~~ меня в темпе, – и ~~к осени~~, ввиду предполагаемого выхо-

да романа отдельным изданием осенью 1939 г., предлагаете печатать части *подряд* в двух книгах. Но и мне трудно, невозможно предвидеть, будет ли достаточно места ~~во второй и третьей~~ в двух, — второй и третьей книге 1939 года. И вопрос не только в тех уже принятых мною на себя ранее обязательствах, о которых я Вам говорил (а есть такие вещи, которые дожидаются по полтора года), но и в естественном желании оставить некоторую возможность поместить что-нибудь новое, что еще может появиться, и наверно должно появиться за год. Раньше было куда легче: вещи молодых, напр., просто оставались лежать в портфеле до наступления возможности их напечатать, — авторам приходилось только ждать. Теперь ~~обстановка~~ обстоятельства иные: нетерпеливому автору (а кто же из авторов «терпелив»?) *есть* куда еще пойти...

Но размышляя непременно в духе «согласия», о котором пишете и Вы, думаю, что выход ~~мог бы быть~~ следует искать в общем *размере* двух отрывков, — относительно которого Вы сами ~~пишете~~ полагаете, что мы могли бы «столкнуться». Заранее его определить точно, по тем же причинам, трудно. Но можно ~~в общих чертах~~ приблизительно определить границы: это должно быть меньше совокупности двух очередных глав и больше одной обычной. Если б мы на этом согласились, — то уже вопрос техники, который легче было бы разрешить ближе к делу, напечатать ли это количество в одном номере или в двух: у Вас во всяком случае была бы гарантия, что все условленное появится еще в 1939 году.

Таково мое предложение. Удовлетворит ли оно Вас? Более определительно сказать ~~теперь~~ же, при наличии ~~массы~~ многих неопределенных, заранее неизвестных, мне было бы затруднительно.

~~Если в этом плане что-нибудь для Вас не~~

Если б Вы хотели бы еще договориться подробнее, готов всегда встретиться, — вечером, после 9-ти, в обычном месте.

Публикуется по черновому автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Год установлен по содержанию. Вверху помета рукой Руднева: «Зайцев».

55. Зайцев — Рудневу

Б.м. 11 декабря 1938 г.

11 дек. 1938.

Дорогой Вадим Викторович,
я тоже рад, что все улаживается без затруднений — как говорили еще недавно «в духе Локарно»¹.

Что касается аванса: увы, он мне очень нужен именно теперь... Может быть, сделаем так: пусть я получу не 400, а 300 фр., из них 115 за *уже* напечатанное (да, это для меня приятная неожиданность), а 185 собственно аванса.

Читали ли сегодня Ивана [Бунина] «Поздний час» в «Посл[едних] нов[остях]»?² Какая прелесть!

Сердечный привет!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Имеется в виду улучшение дипломатических отношений в Западной Европе в результате Локарнских договоров 1925 года.

² Речь идет о рассказе И.А. Бунина «Поздний час» (ПН. 1938. 11 дек. № 6467. С. 2). В день публикации рассказа в письме Бунину 11 декабря 1938 г. Зайцев пишет: «“Поздний час” — прелестно, дорогой дядечка, очаровательно. Дедушка только что его прочел и разволновался. Сколько раз все писали лунные ночи, а тут все свежо, богато, сильно — и общий дух превосходен — и смерть, и вечность, и спиритуальность: одним словом, “как у нас говорят” — высокая поэзия» (Зайцев Б.К. Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп.): Письма 1923—1971 гг. Статьи. Воспоминания современников. С. 103).

56. Зайцев — Вишняку

Б.м. 28 января 1939 г.

28 янв. 1939.

Дорогой Марк Вениаминович,
извините, пожалуйста, что не сразу ответил. Пишу рассказ¹, но не знаю еще толком до сих пор, получится ли достаточно «существенно» для журнала. Думаю — да, но оставляю за собою право сказать и нет. (По типу это вроде «старинного портрета» — не красками, а карандашом).

И еще: получить я за него хочу 300 фр., без расчета на печатные листы, гуртом. Ответьте мне, устраивает ли это Вас. Он еще не кончен, но осталось очень мало.

Всего доброго!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ Речь идет о рассказе Зайцева «Гофмейстер» (РЗ. 1939. Май. № 17. С. 3—9).

57. Зайцев — Вишняку

Б.м. 4 февраля 1939 г.

4 февр. 1939.

Дорогой Марк Вениаминович,
рассказ я кончил, могу Вам его дать. Называется он «Гофмейстер»¹. Размер — меньше 20 тыс. зн[аков], думаю, — 13—15. Если Вы согласны заплатить за него 300 фр., то сообщите, я его Вам доставлю.

Сердечный привет!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ См. примеч. 1 к п. 56.

58. Зайцев — Вишняку

Б.м. 2 марта 1939 г.

2 марта 1939.

Дорогой Марк Вениаминович,
я получил 1 экз. кн. своей «Москва»¹ — Павловский² пишет, что остальные 29 экз. передаст мне издательство. Книга в Париже объявлена и продается. Не будете ли так добры распорядиться доставить мне эти авторские экземпляры?

В воскресенье я видел «Чайку»³ по-французски и не прочь написать о ней. Если у Вас никто уже не пишет и если Вы не возражаете, я мог бы дать (небольшую) статейку⁴, или заметку, для «Русск[их] зап[исок]».

Черкните два слова. Всего лучшего!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ Книга Зайцева «Москва» включает 23 мемуарных очерка, написанных в период с 1917 г. по сентябрь 1937 г. Опубликовались очерки в газете «Возрождение» с 1928 г. Первое книжное издание — Париж: Рус. записки, 1939. Параллельно с выходом книги СЗ опубликовали рецензию (см.: *Савельев С. [Шерман С.Г.]* [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Москва: Воспоминания. Париж: Рус. записки, 1939 // СЗ. 1939. № 69. С. 391–393). Книга вызвала широкий отклик, в эмиграции переиздавалась дважды (Мюнхен, 1960; Мюнхен, 1973). В отклике на книгу «Москва» (переиздание 1960 г.) Юрий Терапиано пишет: «Кто же, как не Борис Зайцев, мог так прекрасно, так образно и так точно сохранить для будущих поколений лики “Первопрестольной”? Люди старшего поколения, помнящие прежнюю дореволюционную Москву, с удовольствием вернутся, вместе с автором, к дорогому прошлому, к неповторимо-своеобразной московской жизни, а читатели, принадлежащие к пореволюционным поколениям, почувствуют это прошлое и полюбят его» (*Терапиано Ю.* «Москва». Борис Зайцев // РМ. 1961. 28 янв. № 1636).

² Павловский Михаил Наумович (?–1963), издатель, предприниматель. В Бельгии получил инженерное образование. Эсер, был на нелегальной работе. Из первой эмиграции вернулся после Февральской революции в качестве переводчика при министре труда Франции А. Тома. В 1918 г. в Сибири занимался снабжением Белой армии и тыла. В эмиграции с 1919 г. в Шанхае, представитель французского машиностроения в Китае. Издатель журнала «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939). В 1939 г. издал книгу Б.К. Зайцева «Москва». В конце 1930-х гг. предположительно покинул Китай. В 1950-е — начале 1960-х гг. постоянно бывал в Париже, Швейцарии. В США выпустил книгу о китайско-русских отношениях (см.: *Pavlovsky Michael N.* Chinese-Russian Relations. New York: Philosophical Library, [1949]).

³ По всей вероятности, Зайцев имеет в виду пьесу А.П. Чехова «Чайка» в переводе на французский язык и в постановке Жоржа (Георгия Ивановича) Питоева (1884–1939), где роль Нины Заречной исполняла его жена Людмила Яковлевна Питоева (1895–1951). См.: *Питоев Ж.* Театр Жоржа Питоева. Статьи, выступления, интервью, письма / Пер. с франц. — Н. Попова, И. Попов. М, 2005.

⁴ Мысль о написании статьи о чеховской «Чайке» и о судьбе прообраза главной героини — Лидии Стахивны Саниной (урожд. Мизиновой; 1879–1939) — была воплощена автором. После кончины Л.С. Саниной (5 февраля 1939 г.) Зайцев пишет статью «Чайка. Лица» (РЗ. 1939. Апр. № 16. С. 93–97); впоследствии с некоторыми изменениями как отдельная глава была включена автором в книгу «Чехов» (см.: *Зайцев Б.К.* Чехов. Литературная биография. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954).

59. Зайцев — Вишняку*Б.м. 15 марта 1939 г.*

15 марта 1939.

Дорогой Марк Вениаминович,
с «Чайкой»¹ ничего не выходит: я слишком много писал о Чехове², повторяться невозможно.

Извините, пожалуйста! Сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

P.S. «Гофмейстеру»³ лучше идти в майск[ой] кн., а не в щели между Алдановым и Газдановым.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ См. примеч. 4 к п. 58.

² О Чехове Зайцев на протяжении творческой жизни написал более полутора десятков статей, очерков, заметок. Отдельные работы, впоследствии вошедшие в книгу «Чехов. Литературная биография», печатались в журналах РЗ (1939. № 16), «Опыты» (1953. № 2), НЖ (1954. № 36–37), «Современник» (Торонто, 1960. № 1), в газете РМ (1954. 23 апр. и 14 июля).

³ См. примеч. 1 к п. 56.

60. Зайцев — Рудневу*Б.м. 16 марта 1939 г.*

16 марта 1939.

Дорогой Вадим Викторович,
прилагаю «Москву»¹. Экземпляр для «Совр[еменных] зап[исок]» должен быть Вам передан Коварским — так условлено.

Помня наш уговор, я приготовил для след[ующего] № кусок (небольшой — 60 тыс. зн[аков]) из «П[утешествия] Гл[еба]». Когда передать его Вам?

Вышедшего № «С[овременных] з[аписок]» еще не получил². Поджидаю его. Всего лучшего!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Имеется в виду книга Зайцева «Москва».

² Речь идет о 68-й книге СЗ.

61. Зайцев — Рудневу*Б.м. 3 апреля 1939 г.*

3 апр. 1939.

Дорогой Вадим Викторович,
был бы Вам очень признателен, если бы Вы выдали мне к Пасхе 350 фр. под ту рукопись, которая у Вас¹.

Помнится, за мной 182 фр. по прежним расчетам. Я занес Вам отрывок при-
близит[ельно] в 60 тыс. зн[аков], так что он покрывает просимый мною аванс.

И еще: знаю, что для журнала нелегкие времена, но для писателя еще более
трудные. Клоню это к тому, что хотел бы повысить хоть несколько полистную
оплату – ведь жизнь вздорожала не менее, чем на 50%! А гонорар повышали посл-
ледн[ий] раз года 2–3 назад, на 10%. Думаю, что пожелание мое справедливо.
Конечно, на практике дело идет о пустяковой сумме, все-таки жизнь заставляет
и ею не пренебрегать.

Всего лучшего! Заранее поздравляю Вас с праздником, крепко жму руку.

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Зайцев пишет о главе из книги «Тишина» тетралогии «Путешествие Глеба» (опубли-
кована в июле 1939 г. в 69-й книге СЗ).

62. Зайцев — Вишняку

Б.м. 23 июня 1939 г.

23 июня 1939.

Дорогой Марк Вениаминович,
стружки жиденькие. И приноровлены именно к *данному* чтению, сами по себе они
ни к чему. Так что печатать их в журнале нельзя – потому я и молчал!

Благодарю Вас за внимание. Охотно дам что-ниб[удь] для «Р[усских] з[апи-
сок]» – быть может, даже этим летом: – кое-что (небольшое) мелькает¹.

Сердечный привет!

Ваш Бор. Зайцев

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 57).

¹ Последней работой, опубликованной Зайцевым в РЗ, был рассказ «Гофмейстер» (см.
примеч. 1 к п. 56). С началом Второй мировой войны журнал прекратил свое существо-
вание.

*«И мне близки интересы
“Современных записок”!»:*

В.М. Зензинов

Публикация и примечания
О.А. Коростелева и М. Шрубы;
вступительная статья
М. Шрубы

Сразу в нескольких справочниках о деятелях русской эмиграции встречается утверждение, будто бы Владимир Михайлович Зензинов (29.11.1880, Москва — 20.10.1953, Нью-Йорк) был членом редакционной коллегии журнала «Современные записки»¹. Данное утверждение лишено, конечно, всякого основания, в чем легко убедиться, взглянув на титульный лист любого номера СЗ первых лет, где сообщается, что журнал издавался «при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова [Фондаминского], М.В. Вишняка, А.И. Гуковского и В.В. Руднева». Между тем ошибка эта не случайна: Зензинов до такой степени вписывается не только мировоззренчески (как правый эсер), но и биографически в эту компанию, что «незаслуженное» присвоение ему звания редактора СЗ выглядит вполне естественно.

Почти со всеми членами редакции журнала Зензинов был знаком еще со студенческих лет. С Авксентьевым он познакомился во время совместной учебы в Берлинском университете в 1899/1900 академическом году. Летом 1900 г. произошло знакомство с Фондаминским, как сообщается в книге воспоминаний Зензинова «Пережитое» 1953 г.: «Некоторые из нас на время каникул — между зимним и летним семестром — ездили домой на кратковременную побывку и затем снова возвращались за границу. Ездил осенью 1900 года домой и я. Вместе с Авксентьевым познакомился в Москве с семьей его товарища по московскому, а потом и по берлинскому университету, Яковом Гавронским. Там встретился еще с двумя его московскими товарищами, которые теперь тоже собирались поехать в Берлин учиться — с Абрамом Гоц и Илейей Фондаминским. Эти три человека — Авксентьев, Гоц и Фондаминский — и сделались моими друзьями на всю жизнь»².

В том же 1900 г. Зензинов познакомился также с двоюродной сестрой А.Р. Гоца, Амалией Гавронской — будущей женой Фондаминского. Год спустя все четверо вместе — Гоц, Гавронская, Фондаминский и Зензинов — дружно решили перевестись к летнему семестру 1901 г. из Берлинского в Гейдельбергский университет (см. илл. 32–34). В своих воспоминаниях Зензинов обстоятельно описывает, как он в это время смертельно влюбился в Амалию, не заметив по неопытности, что она уже тогда была невестой Фондаминского. Сентиментальные чувства Зензинова были, похоже, в какой-то степени не лишены взаимности; тем не менее в 1903 г. Гавронская и Фондаминский обвенчались. Это не помешало Зензинову и в дальнейшем дружить теснейшим обра-

¹ Впервые, кажется, подобное сообщение появилось в словаре-приложении к переизданию книги Г.П. Струве «Русская литература в изгнании» 1996 г. (см.: Краткий биографический словарь. С. 312); эта информация перекочевала затем и в другие справочники (Серков. Русское масонство. С. 345–346; Литературное зарубежье России. С. 273–274), вплоть до новейшего биографического словаря 2008–2010 гг. (Российское зарубежье во Франции. Т. 1. С. 590). Биобиблиографическую информацию о Зензинове без указанной ошибки содержат: *Ерофеев Н.* Зензинов // Политические партии России. С. 216–217; *Леонидов В.В.* Зензинов // ЛЭРЗ. 1997. Писатели. С. 176–177; *Незабытые могилы.* Т. 2. С. 611–612. См. также справку С.В. Куликова о Зензинове в первом томе репринтного комментированного издания СЗ (СПб., 2010. С. 390–391).

² *Зензинов В.М.* Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 74–75.

зом с Фондаминским и в то же время обожать его жену: «она была моей первой и единственной любовью — ее образ я свято носил в своей душе все тридцать пять лет своей жизни, пока она была жива, свято хранил после ее смерти, свято сохранил и до своей последней минуты. Это я знаю твердо»³.

Эта странная «ménage à trois» длилась десятилетиями, вплоть до кончины А.О. Фондаминской в 1935 г. В годы эмиграции Зензинов жил в Париже вместе с четой Фондаминских в одной квартире по адресу 1, rue Chernoviz (в октябре 1933 г. они переехали на 130, avenue de Versailles); ср. в письме Зензинова к Вишняку от 18 мая 1931 г.: «Когда придешь на рю Черновиц за [оче]редной поливкой, то отбери, пожалуйста, в моей комнате на книжной полке (на стене ванной комнаты) моих БЕСПРИЗОРНЫХ» (п. 32). Свою собственную квартиру Зензинов снял лишь в начале 1934 г., поселившись в пригороде Парижа, в Boulogne sur Seine, по адресу 49, rue Georges Sorel, в ближайшем соседстве с семейством другого редактора СЗ, Руднева, проживавшего на той же улице в доме № 51. Зензинов сообщал об этом Фондаминскому в письме от 28 февраля 1934 г.: «Я уже потолстел, живя около Верочки [Рудневой]. Утром, уходя на службу, она все оборачивается и машет мне рукой, я ей отвечаю — как будто я ее жиголо» (п. 48).

С Рудневым, старшим на два года, Зензинов тоже был знаком со студенческих лет, как он сообщает в своих воспоминаниях (в разделе о революции 1905 года): «В определенные часы здесь всегда можно было увидеть “товарища Бабкина”, окруженного несколькими десятками районных организаторов и пропагандистов. “Бабкин” был псевдоним или кличка Вадима Викторовича Руднева, моего близкого товарища по немецкому университету еще с 1901-го года. Он только что сдал тогда в Швейцарии экзамены на доктора, но, приехав в Россию, занялся не медицинской практикой, а революцией — вошел в наш московский комитет и сделался одним из самых видных его руководителей»⁴. О знакомстве с Рудневым говорится также в некрологической статье Зензинова 1941 г.: «Встретился я с Вадимом Викторовичем ровно сорок лет тому назад — в стенах одного и того же немецкого университета, в Галле на Заале»⁵.

С Вишняком, четвертым (после Авксентьева, Фондаминского и Руднева) будущим редактором журнала, Зензинов познакомился тоже в 1900 г. во время учебы в Берлине. Знакомство состоялось не по университетской линии (Вишняк, на три года моложе Зензинова, не был тогда еще студентом), а через их общую знакомую М.С. Тумаркину — будущую жену Авксентьева, а затем М.О. Цетлина. Об обстоятельствах знакомства с Зензиновым сообщается в воспоминаниях Вишняка: «Маня Тумаркина встретила меня очень приветливо. Не помню, что я видел в Берлине в этот свой приезд. За обедом в ресторане я познакомился с новым студенческим окружением Мани, пользовавшейся, как обыкновенно, большим успехом. Один был красивый блондин, обрамленный пушистой бородкой, с не слишком выразительными глазами, но с чудным, глубокого тембра голосом. Звали его Николаем Дмитриевичем, а по фамилии Авксентьевым. Другой, высокий и сухопарый, в очках, больше отмалчивался. Это был мой будущий друг Владимир Зензинов»⁶.

В книге воспоминаний Зензинова «Пережитое» имя Вишняка тоже упоминается — в связи с совместной деятельностью в партии социалистов-революционеров. Во время революции 1905 г. оба они примыкали к боевой организации эсеров: «Тогда у всех у нас было единое настроение — живыми не даваться в плен, если придут арестовывать, будем отстреливаться до последнего патрона, до последней бомбы! А опас-

³ Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 92.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Зензинов В. Памяти В.В. Руднева // За свободу, 1941. № 1. С. 52–62; здесь: С. 52.

⁶ Вишняк 1954. С. 45.

ность караулила буквально за каждым углом. Помню, вдвоем с моим приятелем, Марком Вишняком, несли мы куда-то в другой конец города несколько маузеров. Это была рискованная задача. Одни районы были в наших руках, другие — заняты войсками и полицией. Как перебежать, как добраться из одного района в другой? Где-то щелкают выстрелы — иногда далеко, иногда совсем близко, тут же за углом. Наши это стреляют или нет? Помню, Марк на каждом углу восклицал: — “ой, как страшно!” — но шел дальше. [...] Марк Вишняк с Львом Арманд несли маузеры — у него они были спрятаны на груди, у Арманда — по бокам. Наскочили на драгунский разъезд. — “Стой! Руки вверх! Подходи по одному!” Сначала обыскали Арманда — провели руками по груди и по спине и ничего не обнаружили. Потом взялись за Вишняка — провели по бокам, тоже ничего нет! — “Ну, проваливай, жидовская морда!” — Марк говорил мне потом, что то был единственный в его жизни раз, когда ругательство “жидовская морда” доставило ему удовольствие!⁷

Совместная деятельность и дружеские отношения объединяли Зензинова с будущими редакторами СЗ и в 1910-е гг. Освобожденный в 1914 г. из сибирской ссылки Зензинов, вернувшись в Москву, принимал деятельное участие в восстановлении партии эсеров и ее организаций; в частности, он редактировал вместе с Вишняком в конце 1915 г. эсеровскую «Народную газету». В конце 1917 г. Зензинов был — как Авксентьев, Вишняк, Гуковский, Руднев и Фондаминский — избран депутатом Учредительного собрания. С сентября 1918 г. он входил вместе с Авксентьевым в состав Уфимской директории; в ноябре 1918 г. они были вместе с другими членами Директории арестованы колчаковцами и высланы в Китай, откуда к весне 1919 г. перебрались в Париж.

Летом 1920 г. у эсеров-эмигрантов из окружения А.Ф. Керенского появились благодаря правительству Чехословакии значительные денежные средства; часть из этих денег была предназначена для создания эсеровских органов печати, что и привело к основанию СЗ. Согласно Вишняку, эсеры стояли перед задачей «уяснить себе и другим причины катастрофы и крушения русской демократии. Естественно, что в этом плане пропаганда — не в американском, уничижительном смысле этого слова — выдвинулась на первое место. Решено было, поэтому, наряду с ежедневной газетой (будущая “Воля России” в Праге и “Дни” в Берлине и Париже) и издательством книг, брошюр и листовок, приступить к изданию и “толстого журнала”, традиционного для русского интеллигентского сознания»⁸.

Зензинов принял активнейшее участие в создании эсеровской эмигрантской периодики, однако не в рамках задуманного в июле 1920 г. «толстого журнала», как можно было бы ожидать (Зензинов, проявивший себя не только как публицист, но и как очеркист и прозаик, был значительно ближе к литературно-художественной стезе, чем любой из пятерки будущих редакторов СЗ), а в рамках пражского ежедневника «Воля России». На титульном листе газеты, первый номер которой вышел 12 сентября 1920 г., значилось: «При ближайшем участии: В.М. Зензинова, В.И. Лебедева, О.С. Минора»⁹.

«Воля России» как газета просуществовала недолго, прекратив выходить 9 октября 1921 г. (возродилась в январе 1922 г. как еженедельник). Новым ежедневным органом эсеров вскоре стал существовавший с 1919 г. берлинский «Голос России»; в феврале 1922 г. в газете сообщалось: «Группа политических и общественных деятелей приобрела с 22 февраля в собственность газету и издательство “Голос России”. Газета

⁷ Зензинов В.М. Пережитое. С. 254–256.

⁸ Вишняк 1993. С. 67.

⁹ См.: Сводный каталог периодических изданий. С. 238. № 1190; см. также: Николаев Д.Д. Русская эмигрантская периодика в Чехословакии // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2004. Вып. 3. С. 339–340.

с сегодняшнего дня выходит под новой редакцией при ближайшем участии В.М. Зензинова, В.И. Лебедева, С.П. Постникова [...]»¹⁰. Превращенная в эсеровский орган газета достаточно быстро приостановилась (последний номер вышел 15 октября 1922 г.). Уже 29 октября 1922 г. в Берлине появился новый, более долговечный ежедневный орган эсеров — газета «Дни», в редакционной работе которой опять-таки принимает участие Зензинов. «Дни» выходят в Берлине вплоть до 28 июня 1925 г., а затем возобновляются в Париже с 16 сентября 1925 г.; вместе с газетой переехал из Берлина в Париж и Зензинов.

Не входя в редакцию СЗ, Зензинов со своей многолетней дружбой с ее членами в какой-то степени все же принимал участие в редакционной жизни на правах доверенного лица. Во внутривыпускной переписке его имя встречается постоянно. Характерно для отношений Зензинова с редакцией СЗ следующее место из письма Гуковского к Вишняку от 10 июня 1924 г.: «Вследствие изложенного прошу редакцию *ни о чем не беспокоиться и только* быть у меня *точно* в назначенное время; хотелось бы — вместе с приглашенными обоими гостями: В.М. Зензиновым и М.А. Алдановым» (Ред., п. 20). Достаточно красноречивы в этом плане также слова Зензинова из недатированного письма к Фондаминскому 1924 г.: «Вообще, Тузя, ты так должен быть спокоен, что можешь и должен (и мне близки интересы “Современных записок”!) засесть за статью и закончить ее к сроку!» (п. 20). Впрочем, до последних редакционных тайн Зензинов не допускался, как явствует из письма Руднева к Вишняку от середины ноября 1934 г.: «В Земгоре застал приятную новость, которой и спешу поделиться: письмо от приятельницы из Праги, — что Я.Ф. [Папоушку] “удалось выцарапать для ‘С[овременных] з[аписок]’ 10.000 чеш[ских] крон”... Я ужасно, ужасно рад. Это — шесть тысяч франков с чем-то, т.е. покрывает № 57, даже если бы не удалось нигде ничего другого достать. *Конечно*, об этой “подпоре” решительно *никто* не должен знать. Если ты первый увидишь Илюшу [Фондаминского], скажи ему, — но связавши *категорически* словом *никому* не говорить, — даже Володе [Зензинову]» (Ред., п. 440).

Несмотря на дружбу с редакторами СЗ, Зензинов печатался в журнале сравнительно редко. К сотрудничеству он был привлечен сразу же, когда журнал еще только задумывался; в двух первых номерах СЗ была напечатана его мемуарная проза «Русское Устье: Из дневника ссыльного». Два года спустя в № 12 появилась мемуарная повесть Зензинова о любимой собаке «Нена»; в 24-й книге за 1925 г. в петитном отделе «Культура и жизнь» помещена его статья о взглядах Карла Маркса на русскую общину; три года спустя, в 35-й книге за 1928 г., вышел его очерк «Беспризорные», разросшийся впоследствии в целую книгу, опубликованную в мае 1929 г. издательством «Современные записки». Книга имела успех¹¹ — вскоре она была переведена на пять европейских языков (см. примеч. 2 к п. 32); тем не менее после 1928 г. Зензинов выступал в СЗ лишь с ocasionальными рецензиями.

Похоже, что редакция была не самого высокого мнения о Зензинове-писателе; кое-какие вещи отвергались, как показывает письмо Фондаминского к Вишняку от 3 июня 1925 г.: «Получалась от Володи [Зензинова] статья — воспоминания об Америке. Думаю, что мало подходящая для журнала — перешлю тебе» (Ред., п. 61). Статья в СЗ опубликована не была. Любопытна в этой связи оценка Зензинова как литератора в письме Вишняка к редактору рижской газеты «Сегодня» М.С. Мильруду от 22 февраля 1937 г.: «У меня к Вам запрос-предложение. Почему бы “Сегодня” не пригласить писать у него Владимира Михайловича Зензинова?! Он — отличный публицист, не

¹⁰ Цит. по: *Трущенко Е.Ф.* «Голос России» // ЛЭРЗ. 2000. Периодика. С. 106.

¹¹ См.: *Кускова Е.Д.* Беспризорная Русь [По поводу книги В.М. Зензинова «Беспризорные» (Париж: Совр. записки, 1929)] // СЗ. 1929. № 40. С. 527–538.

слишком рвущийся писать непременно на политические темы, но пристально следящий за выходящей в России литературой, в частности, по беспризорности и особенно по всяческим путешествиям, исследованиям Антарктики, полетам и проч. В З[ензинове] несомненно не осуществился, по независящим от него обстоятельствам, исследователь-этнограф и путешественник. Он пишет очень просто и почти беллетристически. Сюжеты, которые его интересуют, имеют очень широкий интерес и очень культивируются в советской литературе»¹².

Зензинов, в свою очередь, откликнулся лишь однажды с рецензией на СЗ¹³. Редакции эта рецензия пришлась не по вкусу, как явствует из письма Зензинова к Фондаминскому от 16 апреля 1922 г.: «Мне очень, между прочим, досадно, что всеми вами мой отзыв в “Г[олосе] Р[оссии]” о “Совр[еменных] зап[исках]” найден очень кислым — таково мнение и Гуковского, которого я сегодня разыскал в Берлине. Я сделал максимум возможного по нашей внутренней “конstellation” — если бы гнуть палку дальше, она бы сломалась и вы бы получили из-под другого “недружественного” пера рецензию злопыхательскую» (п. 6). Недовольной редакция СЗ осталась также тем, что Зензинов «пропустил» в качестве редактора «Дней» отрицательную («возмутительную», по словам Вишняка) рецензию А.Ф. Изюмова на очередной номер журнала¹⁴, что привело к объяснениям с Вишняком (п. 17–18).

Переписка Зензинова с редакторами СЗ сохранилась, по всей видимости, далеко не полностью, судя по встречающимся большим временным пробелам. Тем не менее публикуемые ниже 82 письма, охватывающие период с 1919 г. по 1941 г., позволяют уточнить многие данные биографии Зензинова, бросая заодно свет на общественно-политические и литературно-публицистические начинания, с которыми он был в эти годы связан. В межвоенное двадцатилетие Зензинов нередко менял место пребывания и род занятий, совершал путешествия. Отдельные этапы этой суетливой жизни хорошо прослеживаются в настоящей переписке.

Начальный период эмигрантской жизни Зензинова, прибывшего в Париж в начале 1919 г., представлен письмами из поездки в Швейцарию в августе–сентябре 1919 г. по делам партии эсеров (п. 1–3); недатированное письмо этого же периода связано с налаживанием эсерами издательской деятельности в 1920 г. (п. 4). Писем 1921 г., когда Зензинов участвовал в редактировании пражской газеты «Воля России», в учтенных нами архивохранилищах не обнаружено. Следующий этап биографии Зензинова представлен письмами, охватывающими период с апреля 1922 г. по январь 1925 г. (п. 5–21); это — время работы в редакциях берлинских газет «Голос России» и «Дни». В рамках данного периода выделяется группа писем, написанных во время путешествия в Соединенные Штаты в декабре 1923 г. — феврале 1924 г. (п. 11–15)¹⁵.

В 1925 г. Зензинов вместе с редакцией «Дней» перебрался в Париж; французский период его жизни отражен (с перерывами) в письмах, охватывающих время с апреля 1926 г. по октябрь 1938 г. (п. 22–75). Во второй половине 1920-х гг. Зензинов продолжал работу в «Днях», параллельно сотрудничая с 1926 г. во французском бюллетене А.Ф. Керенского «La Russie orggimée»; в те же годы он работал также над статьей (а затем книгой) «Беспризорные» (п. 22–30). В мае 1931 г. Зензинов совершил поездку в Чехословакию, посетив пражских эсеров из окружения Е.К. Брешко-Брешковской,

¹² Русская печать в Риге. Кн. 5. С. 67.

¹³ См.: Зензинов В. «Современные записки», кн. I–IX. 1920–1922 // Голос России. 1922. 9 апр. № 938. С. 6.

¹⁴ См.: И. [Изюмов А.Ф.] «Современные записки». Кн. 21. Париж 1924 // Дни. 1924. 16 нояб. № 618. С. 9.

¹⁵ Плодом этой поездки стала книга: Зензинов В.М. Железный скрежет: Из американских впечатлений. Paris: La presse française et étrangère, 1926. На это издание в СЗ откликнулся М.А. Осоргин (1927. № 31. С. 466–467).

занимавшихся в пригороде Праги разведением кур (п. 31–32). В письмах 1932–1933 гг. между прочим, отражено участие Зензинова в новом периодическом органе эсеров «Свобода» (п. 33–41). Все письма 1934 г. связаны с – безуспешной в конечном итоге – попыткой излечения смертельно больной Амалии Фондаминской на швейцарском курорте Leysin (п. 42–70). Один из сюжетов писем французского периода 1935–1938 гг. (п. 71–75) – участие Зензинова в очередном периодическом издании Керенского, двухнедельнике «Новая Россия».

Когда в конце 1939 г. разразилась советско-финская война, Зензинов отправился во второй половине января 1940 г. в Финляндию в качестве военного корреспондента; с пребыванием в Финляндии связана переписка с Фондаминским, охватывающая период с марта по июль 1940 г. (п. 76–80). В захваченный тем временем гитлеровцами Париж Зензинов больше не вернулся; к концу 1940 г. ему удалось перебраться в Америку. Последние два публикуемые здесь письма, отправленные Зензиновым в январе 1941 г. из Нью-Йорка, полны заботы об оставшихся во Франции друзьях (п. 81–82). В приложении воспроизводится письмо неизвестного 1944 г., оказавшееся в архиве Вишняка среди писем Зензинова, посвященное военным судьбам русских парижан (п. 83).

Публикуемая ниже переписка Зензинова с редакторами СЗ извлечена из пяти архивохранилищ – четырех американских и одного английского. Когда Зензинов умер в 1953 г., его душеприказчики¹⁶ М.В. Вишняк и И.Н. Коварский передали обширный личный архив писателя (объемом в 50 коробок) в Русский архив при Колумбийском университете (Bakhtmeteff Archive. Zenzinov papers). В другом фонде того же архива было обнаружено еще одно письмо одного из редакторов СЗ (см. п. 5). Меньшая часть личного фонда Зензинова (три коробки) хранится в Центре русской культуры в Амхерсте (Amherst Center. Zenzinov papers). Письма Зензинова отложились, кроме того, в «рудневской» части архива редакции СЗ, разделенной на архивохранилища в Лидсе (РАЛ. MS. 1500/1, 3, 5, 7, 8) и в Урбана-Шампейн (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Примечательно в этой связи, что в Блумингтоне, куда Вишняк в 1950-е гг. сдал свою часть редакционного архива СЗ (Lilly Library. Vishniak papers), писем Зензинова не оказалось. Вишняк оставил все письма своего приятеля (включая и те, которые касаются непосредственно СЗ) в личном архиве, попавшем после его кончины в Гуверовский институт Стэнфордского университета (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 23).

Публикации В.М. Зензинова в СЗ

Русское Устье: Из дневника ссыльного // СЗ. 1920. № 1. С. 67–80; № 2. С. 56–90.

[Рец. на кн.:] Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий / Изд. Центрального Бюро партии социалистов-революционеров. Берлин: Новая Россия, 1922 // СЗ. 1922. № 10. С. 392–394.

Нена: (Из воспоминаний) // СЗ. 1922. № 12. С. 69–101.

Пропавшая грамота (Маркс о русской общине) // СЗ. 1925. № 24. С. 393–403.

[Рец. на кн.:] Шмелев И.С. Солнце мертвых: Эпопея. Paris: Возрождение, [1926] // СЗ. 1927. № 30. С. 552–556.

Беспризорные // СЗ. 1928. № 35. С. 403–436.

[Рец. на кн.:] Шмелев И.С. Про одну старуху: Новые рассказы о России. Париж: Таир, 1927 // Там же. С. 538–540.

¹⁶ См.: Вишняк 1970. С. 147.

[Рец. на кн.:] Болдырев И. [Шкотт И.А.] Мальчики и девочки. Париж: Новые писатели, 1929; Яновский В.С. Колесо: Повесть из эмигрантской жизни. Париж; Берлин: Новые писатели, 1930 // СЗ. 1930. № 42. С. 525–529.

[Рец. на кн.:] Иванович Ст. (В.И. Талин) [Португейс С.О.] Красная армия. Париж: Совр. записки, 1931 // СЗ. 1932. № 48. С. 502–504.

[Рец. на кн.:] Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. Берлин: Петрополис, 1932 // СЗ. 1932. № 50. С. 480–484.

[Рец. на кн.:] Булгакова Е.И. Царевна Софья: Историческая повесть. Париж: YMCA-Press, 1933 // СЗ. 1933. № 52. С. 462–463.

[Рец. на кн.:] The Bolshevik revolution (1917–1918): Documents and materials / Ed. by J. Bunyan, H.H. Fisher. Stanford: Stanford University Press, 1934 (Hoover War Library; 3); The testimony of Kolchak and other Siberian materials / Ed. by E. Varneck, H. Fisher. Stanford: Stanford University Press, 1935. (Hoover War Library; 10) // СЗ. 1936. № 60. С. 475–477.

[Рец. на кн.:] Серебренников И.И. Мои воспоминания: В 2 т. Тяньцзин: Наше знание, 1937. Т. 1. В революции (1917–1919) // СЗ. 1939. № 68. С. 490–492.

1. Зензинов — Вишняку

Bönigen. 28 августа 1919 г.

Бениген¹, 28 августа

Спасибо, Маркуша, за письмо. Относительно меморандумов² я уже принял меры: они будут переведены на французский язык и пересланы при письме Гюисмансу³ с просьбой разослать их по всем национальным секциям (посланы ему будут в количестве 50 экз.). Я уже писал тебе, что отчасти потому не сделал этого в Люцерне⁴, что вопрос о национальностях там вовсе не был острым вопросом; кроме того, технически там трудно было сделать перевод и размножить, да и кредитов у меня на это не было. Что же касается «выражений» Вадима [Руднева], то гораздо проще было вообще самому ему приехать в свое время в Люцерн (я посылал ему условленную телеграмму оттуда) — тогда не было бы сделано этой ошибки, а может быть, и целой кучи других.

Кстати, благодарю тебя за разъяснение, что такое «общее» и «двухстороннее» — оно мне было очень полезно: я сделал из него маленький конспектец и переписал в записную книжку. Что, влетело?

Очень рад, что ты сговорился с Поволоцким — рад за тебя и за Учредительное Собрание⁵. Кроме шуток — это, действительно, очень нужная работа и она лежала на *нашей* совести. Боюсь только, что ты очень издалека разбежался (1878 год!) — доберешься ли ты до реального Учредительного Собрания 1917–18 г.? Тем более что, кажется, надо торопиться, собирать багаж и ехать в Россию. Не этим ли дело пахнет? Одновременно я посылаю тебе газету Звездича⁶, издающуюся в Берне⁷. Что вам известно относительно его сенсационного сообщения об Антанте⁸?

Я собираюсь здесь пробыть еще порядочно, если ничто не помешает — хочется кончить свою работу, а на это уйдет не меньше 3–4 недель. Илюша и Амалия [Фондаминские] собираются в Париж, кажется, числа 8–10 сентября.

Обнимаю тебя.

Володя

На днях перешлю тебе американскую «Struggling Russia»⁹ — очень прилично и деловито поставлено. Советую просмотреть. Сохрани, пожалуйста.

Хочу им послать статью о Люцерне.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 23). Год установлен по содержанию.

¹ Bönigen — местность в Швейцарии в кантоне Берн.

² О каких меморандумах идет речь, не установлено.

³ Гюисманс Камиль (Camille Huysmans; 1871–1968), бельгийский политик-социалист, в 1905–1922 гг. секретарь Международного социалистического бюро Второго интернационала.

⁴ По-видимому, речь идет о конференции Второго интернационала, прошедшей 1–9 августа 1919 г. в Люцерне.

⁵ Из письма следует, что Вишняк в 1919 г. собирался опубликовать в издательстве Я.Е. Поволоцкого книгу об Учредительном собрании. Издание не состоялось. Несколько месяцев спустя Вишняк напечатал, по-видимому, именно эту работу в журнале; см.: *Вишняк М.В.* Идея Учредительного собрания в истории политического самосознания России // *Грядущая Россия*. 1920. Янв. № 1. С. 270–292; Февр. № 2. С. 182–216.

⁶ Звездич (наст. фам. Ротенштерн) Петр Исаевич (1868–1944, Франция), журналист, переводчик, с начала 1920-х гг. в эмиграции в Берлине, затем в Праге, с 1939 г. в Ницце.

⁷ Имеется в виду еженедельная газета «Отклики» (Берн, 1919–1920. № 1–29), выходящая под редакцией П. Звездича. Первый номер вышел 7 августа 1919 г., последний – 16 марта 1920 г.

⁸ Публикация не разыскана.

⁹ *Struggling Russia: A Weekly Magazine Devoted to Russian Problems*. New York, 1919–1920. Редактором был А. J. Sack. Первый номер вышел 22 марта 1919 г.

2. Зензинов – Вишняку *Bönigen. 12 сентября 1919 г.*

Бениген, 12 сентября

Дорогой Маркони,

чем другим я могу ответить на твое последнее письмо, как не телеграммой «еду» – я это и сделал. Ты понял меня, я понял тебя. Все мои планы, как раз сейчас, с отъездом Илюши и Амалии [Фондаминских] окончательно определившиеся, полетели к черту – ничего не поделаешь! Все равно после твоего письма, если бы я и остался здесь со своей пишущей машинкой, душа у меня была бы не на месте. Это просто какая-то ирония судьбы: сегодня утром я проводил курочку [А.О. Фондаминскую] и, оставшись один (Митя [Д.О. Гавронский] с семейством уже уехал), решил свирепо работать по 10 часов в сутки и вдруг... Ну, не буду хныкать.

Прошу тебя об одном: этот отъезд меня, действительно, застал совсем врасплох, а между тем и у меня есть много «технических подробностей жизни», которые необходимо урегулировать – выписал из Парижа через банк деньги и необходимо дождаться их получения, курочка оставила мне несколько поручений и их необходимо выполнить, надо устроиться с паспортом в Берне и получить визу на въезд во Францию из Парижа и проч. и проч., до ерунды включительно. На все это может уйти *несколько* дней, хотя я и примусь работать по урегулированию всего этого немедленно, бросив все остальное. Поэтому прошу тебя, насколько возможно, *оттяни* принимаемые в Париже решения¹, чтобы я действительно не явился ни горчицей после ужина, ни даже помидором... Я сейчас посылаю Осипу Соломоновичу [Минору] телеграмму, что на этих днях приезжаю в Париж. За предложение комнаты очень тебе благодарен, если захватишь еще, бери ее в мою голову... Эх-ма... Черт бы взял всех и вся! К тебе, Маркончик, это, честное слово, не относится – это больше по адресу мойры...

Итак, до скорого свидания. Обнимаю тебя, всего доброго, голубчик, тебе и Марии Абрамовне [Вишняк].

Володя

P.S. С горя сейчас пойду купаться, вода очень холодная и как раз охладит мои расстроенные чувства.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 23). Год установлен по содержанию.

¹ Крупнейшим политическим событием 1919 г. была Парижская мирная конференция, в которой как представитель (небольшевистской) России участвовала русская политическая делегация от имени Политического совещания. По-видимому, речь о попытках эсеров повлиять на работу русской делегации на мирной конференции.

3. Зензинов — Вишняку *Bönigen. 12 сентября 1919 г.*

Бениген, 12 сентября

Дорогой Маркуша,

отправил тебе сегодня утром письмо и теперь пишу дополнительно. Сейчас, наконец, получил ответ от Салова¹. В тот же день, как получил письмо от тебя, Аргунова и Вадима [Руднева] о необходимости повидаться с Саловым (от Вадима почти в форме предписания), я написал Салову письмо. Салов, оказывается, переехал в другой конец Швейцарии и вообще разъезжал, и мое письмо странствовало за ним — только вчера он мне ответил. В письме он сообщает мне кое-какие сведения по интересующему делу (сведения очень неприятного качества, по которым, действительно, выясняется, что В. — существо крайне легкомысленное) и выражает удовольствие, что «парижские товарищи поручили мне расследовать это дело», но говорит, что сам стоит в стороне от этого дела и предлагает обратиться к И.И. Яковлеву и некоему Зильбероду², живущим в Давосе, для получения от них всех подробностей.

Дело теперь в следующем: если я поеду в Давос (13 часов езды отсюда!) и буду заниматься этим делом, то оно отнимет у меня 3—4 дня, между тем, из твоего письма я вижу, что в Париж надо ехать немедленно. Не знаю, как еще сложатся у меня дела с банком и с паспортом, но, если я буду зависеть только от них, то, быть может, сумею попасть в Париж (послезавтра — воскресенье) 16—17-го, если же поеду еще в Давос, то приеду в Париж не раньше 20—21-го. Поэтому немедленно телеграфируй мне, следует мне ехать в Давос или на это можно наплевать? По правде сказать, тащиться в Давос мне *очень* не хочется, но сообщенные Саловым сведения меня тревожат — т.е. тревожит бламаж³, который может получиться в случае распубликования этих сведений.

Разрешите сами этот вопрос в Париже и телеграфируйте мне, куда я сейчас должен ехать. Жду! Обнимаю.

Всего лучше, конечно, было бы *попридержаться* несколько Осипа Соломоновича [Минора] и мне в Давос все-таки съездить...

В.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 23). Год установлен по содержанию.

¹ Известен эсер Иван Алексеевич Салов (1889–1937) (см.: <http://socialist.memo.ru/lists/slovník/index.htm>).

² Неустановленные лица.

³ от нем. *Blamage* — позор.

4. Зензинов — Рудневу

Б.м. Осень 1920 г. [?]

Некоторое недоразумение: в Праге у А[дминистративного] ц[ентра] не было представления о *бездеятельности* издательской коллегии. Наоборот, твое второе письмо с планом издания и упоминанием намеченных работ произвело на А[дминистративный] ц[ентр] очень благоприятное впечатление, где *все* как раз говорили буквально: «в Париже, по-видимому, проделана большая работа»¹.

И я не хотел говорить о *бездеятельности* изд[ательской] коллегии и был бы огорчен, если бы мои слова были так **истолкованы** поняти.

В.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/1). Датируется предположительно по содержанию. Нижняя часть листа оборвана. На оборотной стороне помета предположительно рукой Зензинова: «[Вадиму] Викторовичу».

¹ Речь идет, по-видимому, о начальном этапе основания СЗ; летом эсеры, получившие средства от чехословацкого правительства, решили издавать ежедневную газету и «толстый журнал» (см.: Вишняк 1993. С. 67). Этой газетой была сначала «Воля России» (выходившая в Праге с 12 сентября 1920 г. по 9 октября 1921 г. «при ближайшем участии» В.М. Зензинова и др.; превратилась с начала 1922 г. в еженедельник, с начала 1925 г. — в ежемесячник), позже — берлинские «Дни», выходившие в качестве ежедневника с 29 октября 1922 г. по 9 сентября 1928 г. (затем превратились в еженедельник); «толстым журналом» стали СЗ, первый номер которых вышел в конце ноября 1920 г. Первоначальная «издательская коллегия» СЗ состояла из Вишняка, Гукковского и Руднева.

5. Авксентьев — Зензинову

Paris. 14 апреля 1922 г.

Votre lettre concernant proposition camarades moscou avons reçu seulement 13 avril stop conference membres notre fraction fixons 20 mai stop date plus rapprochée impossible conditions techniques stop prions communiquer moscou stop trouvons decision moralement politiquement inadmissible sans consultation fraction stop lettre suit = pour la fraction avxentieff

[Перевод:]

Ваше письмо по поводу предложения товарищей [в] Москве мы получили только 13 апреля. Конференцию членов нашей фракции мы назначили [на] 20 мая¹. Более близкая дата невозможна [по] техническим условиям. Просим сообщить [об этом] Москве. Находим решение морально [и] политически недопустимым без консультации фракции. Письмо следует. За фракцию Авксентьев

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Socialists Revolutionary Party papers. Box 1). Телеграмма; адрес получателя: «zensinoff golroslag berlin»; помета почтальона карандашом: «Golos Rossii, Friedrichstr. 204»; почт. шт.: «Berlin, 14.4.22»; «15. April 1922».

¹ Сведения о конференции эсеров в мае 1922 г. не обнаружены.

6. Зензинов — Фондаминскому

Berlin. 16 апреля 1922 г.

16 апреля.

Милый Тузик,

пишу тебе еще на особицу личное.

Курочку [А.О. Фондаминскую] проводил в Висбаден 9-го. Совсем для меня неожиданно прожили мы здесь целый месяц очень дружно — я еще до сих пор ощупываю себя и не знаю, был это сон или явь. Все время курочка была для меня просто ангелом.

Сегодня проезжал через Берлин Б.О. [Гавронский] — мы с ним условились, что ты в Париже будешь единственным представителем интересов Абраши [А.Р. Гоца]. Удачным и ловким маневром я ликвидировал атаку на него со стороны помп фюнебр¹, о чем последний и не подозревает. Последи за тем, чтобы эти атаки не возобновлялись в Париже.

Мне очень, между прочим, досадно, что всеми вами мой отзыв в «Г[олосе] Р[оссии]»² о «Совр[еменных] зап[исках]»³ найден очень кислым — таково мнение и Гукковского, которого я сегодня разыскал в Берлине. Я сделал максимум возможного по нашей внутренней «констелляции» — если бы гнуть палку дальше, она бы сломалась и вы бы получили из-под другого «недружественного» пера рецензию злопыхательскую. Жалею, что ты не приехал в Берлин — обо многом хотелось бы поговорить. В частности, я наметил для «С[овременных] з[аписок]» ряд статей, но не знаю, писать ли⁴:

1 — публицистическую статью о новых порослях жизни в России под кажущейся мертвечиной (документального характера),

2 — о берлинской социалистической конференции,

3 — систематические обзоры для каждой книжки о текущей социально-политической немецкой литературе — в первую очередь книжки Парвуса и Нитти о восстановлении Европы⁵, Бернштейна о спорных вопросах социализма⁶, журнальные статьи Штребеля о «социалистической инициативе и имманентном разуме вещей»⁷ — совсем наша точка зрения — и о новой книге Варга — мировое хозяйство за последние три года (не та, о которой написал Загорский⁸).

Но не знаю, как мне теперь писать после моей кислоты, и затем, так как ~~собачья~~ мой роман с Неной, по-видимому, пойдет только в № 11, то как собачью тему в одном номере сочетать с теми высокими материями, которые я наметил выше...⁹

Напрасно, кажется, и написал-то сейчас об этом.

Обнимаю тебя, милый — гут юнтеф¹⁰ — Христос Воскресе.

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по содержанию. Вверху помета карандашом: «1922».

¹ *potpre funèbre* – торжественные похороны (фр.). Кто именно был наделен данным прозвищем, неизвестно.

² Голос России. Ежедневная газета. Берлин, 18 февраля 1919 – 15 октября 1922. № 1–1085. Редактором в тот период был Н. Мартьянов.

³ См.: *Зензинов В.* «Современные записки», кн. I–IX. 1920–1922 // Голос России. 1922. 9 апр. № 938. С. 6.

⁴ Статей Зензинова на предлагаемые ниже темы в СЗ опубликовано не было.

⁵ См.: *Parvus [Гельфанд И.Л.]* Der wirtschaftliche Rettungsweg. Berlin: Verlag für Sozialwissenschaft, 1922; *Nitti F.* Der Niedergang Europas: Die Wege zum Wiederaufbau / Übers. von C. Derichsweiler. Frankfurt am M.: Frankfurter Societäts-Druckerei, 1922.

⁶ См.: *Bernstein E.* Der Sozialismus einst und jetzt: Streitfragen des Sozialismus in Vergangenheit und Gegenwart. Stuttgart: Dietz, 1922. В СЗ появилась рецензия на русский перевод данной книги (см.: *Делевский Ю. [Юделевский Я.Л.]* Блуждания догмы // СЗ. 1923. № 14. С. 431–440).

⁷ По-видимому, имеется в виду Ströbel Heinrich (1869–1944), немецкий социал-демократ, публицист. Печатался, в частности, в еженедельнике «Die Weltbühne».

⁸ См.: *Загорский С.О.* [Рец. на кн.:] Varga E. Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur. Wien: Genossenschaftsverlag der «Neuen Erde», 1920 // СЗ. 1922. № 10. С. 396–407.

⁹ Мемуарный очерк Зензинова о собаке по кличке Нена в ближайшую 11-ю книгу СЗ не попал; см.: *Зензинов В.М.* Нена: (Из воспоминаний) // СЗ. 1922. № 12. С. 69–101.

¹⁰ с праздником (идиш).

7. Зензинов — Фондаминскому *Berlin. 29 апреля 1922 г.*

Берлин, 29 апреля.

Милый Тузик,

я, как видишь, уже в Берлине, куда вернулся 26-го. Пиши сюда – с нетерпением жду от тебя письма.

Милый друг, что-то дела мои вдруг стали плохи – охромел на обе ноги и доктор запретил мне шевелиться – сижу сегодня с утра дома. К тому же еще простудился, должно быть – жар, чувствую себя паскудно. Сижу дома, тоскую и плачусь над своей судьбой. Спасибо Бориньке – он меня навещает: был утром, и сейчас, вечером, тоже сидит.

Стара собака, видно, стала. Я только не унываю, ты не думай – хочу еще воевать.

Очень обрадовался я, когда Боря мне протелефонировал из редакции, что от тебя письмо получилось – ведь я живу как отрезанный.

Обнимаю крепко тебя, целую и люблю.

Володя

Должно быть, у меня сейчас сорок.

Пиши мне, родной. Что с курочкой [А.О. Фондаминской], где она и какие ее планы? Я давно уже имел от нее одно письмецо из Висбадена.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по содержанию.

8. Зензинов — Фондаминскому

Berlin. 8 мая 1922 г.

Берлин, 8 мая

Милый Тузик,

обращаюсь к тебе с рядом просьб:

1) Напиши, пожалуйста, Залшупину¹, чтобы он выслал на мое имя два (а если возможно, то и три) экземпляра «Совр[еменных] зап[исок]» № 10 — для пересылки нашим товарищам в Москву — под мою ответственность. (Свой экземпляр я сегодня получил, за что сердечно благодарю.)

2) А.М. Ремизов получил свою повесть — рукопись «Ров львиный», которую согласились принять «Совр[еменные] записки»². Сидит сейчас над рукописью и выправляет. Хочет получить от вас окончательный ответ и условия. Если решение остается в силе, просит перевести ему в счет гонорара *немедленно* 400 франков (его адрес Remisoff, Kirchstr[aße] 2^{II} bei Delion, Berlin-Charlottenburg (можно и через меня).

3) А.М. Ремизов очень просит выхлопотать визу для приезда в Париж его жене Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло, которая хочет на несколько дней приехать в Париж и очень надеется, что ей удастся поехать туда вместе со мной. Он уже хлопотал о визе и писал Патуйэ³ и проф. Мазону⁴ — к тебе просьба: *ускорить высылку*.

(К твоему сведению — Сер[афима] Павл[овна] — близкая приятельница З.Н. Гиппиус, нельзя ли визу устроить через Софью Григорьевну [Пети]?)

400 фр. нужны ей для поездки в Париж. Сможет ли она еще что там от вас получить?

4) Крепко обнимаю тебя, дорогой. До скорого свидания.

Вот и напрасно переслал мое письмо курочке [А.О. Фондаминской] — она прислала мне запрос, беспокоится. Я ответил, что у меня тиф, чума и черная оспа одновременно. Еще обнимаю.

Володя

Achenbachst[raße] 22, b[ei] Märker, Berlin W.50.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по содержанию. Вверху помета карандашом: «1922».

¹ Вероятно, Залшупин Сергей Александрович (1900—1931), сын экономиста и присяжного поверенного Александра Семеновича Залшупина (1867—1929), художник книги, сотрудник берлинских издательств; жил в Берлине с 1921 г. (с 1924 г. в Париже).

² Имеется в виду роман «Плачущая канава» (другое название: «Ров львиный»), над которым А.М. Ремизов работал еще в России в 1914—1918 гг. В СЗ данное произведение все-таки не появилось. При жизни Ремизова роман в полном виде опубликован не был; отдельные части печатались в «Русской мысли» (1923—1924) и в «Воле России» (1926). Полностью впервые в изд.: *Ремизов А.М. Плачущая канава: Роман / Подгот. текста, ст., комм. А.М. Грачевой // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 4. С. 279—452. Подробнее об этом см. переписку Ремизова в т. 4 наст. изд. (примеч. 3 к п. 2).*

³ Патуйе Жюль (Jules Patouillet), французский филолог-русист, до революции директор Institut français в Петербурге; профессор русской литературы Лионского университета.

⁴ Мазон Андре (André Mazon; 1881—1967), французский филолог-славист.

9. Зензинов — Фондаминскому

Berlin. 25 августа 1922 г.

Берлин, 25 авг.

Милый Тузик,

Вот какие времена настали: у меня накопилось три неотвеченных твоих письма! Дело в том, что я снова взялся за секретарствование в газете, что отнимает все время, а вечерами засел за большую работу: ответ большевикам по вопросу о документах.

Все от тебя я получил, спасибо — и чек, и рукопись. Осипа Соломоновича [Минора] пока еще не видел — возможно, что он придет сегодня.

Все сделаю так, как ты хочешь и с деньгами и с рукописью. Список книг получил вчера — сегодня же постараюсь выполнить заказ.

У нас большие внутренние «события»: «Голос России» перестает быть органом З[аграничной] Д[елегации]¹ и переходит в руки А.Ф. [Керенского] и мои². Редакция будет состоять из нас двоих, приглашаем Сухомлина — если не пойдет, пригласим Шрейдера³. Обеспечено доброжелательство З[аграничной] Д[елегации]. Под новой редакцией газета, вероятно, начнет выходить с 10 или 15 сент[ября]. Деньги мы раздобыли.

Формально акт покупки и передачи еще не совершен, но дело можно считать поконченным.

Обнимаю, родной, тебя крепко.

Володя

Прошу пока об этом широко не рассказывать.

Вчера просидел с А.Ф. [Керенским] и Прокоповичем весь вечер — чай распивали и разговаривали.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по содержанию.

¹ Заграничная делегация партии социалистов-революционеров была создана после разгона Учредительного собрания (в Стокгольме в 1918 г.). Издательская деятельность входила в число ее приоритетных задач (ответственным за это направление был С.П. Постников); существовал особый фонд для поддержки партийных изданий, а также Административный центр, финансировавший эсеровскую периодику.

² Газета «Голос России» неоднократно переходила из рук в руки и меняла не только редакторов, но и направление. С августа 1921 г. газетой руководили кадеты (Милоков принимал ближайшее участие), а в феврале 1922 г. газету с издательством купили правые эсеры, и В.М. Зензинов вместе с М.Л. Слонимом, В.М. Черновым и др. вошел в редколлегию (официальным редактором стал Н.Н. Мартыанов). Планы Зензинова не осуществились, через месяц после перехода в руки другой фракции эсеров (группы А.Ф. Керенского, не входившего в Заграничную делегацию) газета прекратила существование, вместо нее стала выходить газета «Дни» под редакцией А.В. Милашевского (фактическим редактором был А.Ф. Керенский, хотя в выходных данных это стало указываться лишь с 1925 г.). Зензинов входил в редколлегию «Дней», а с 1928 г., когда газета была трансформирована в журнал, стал секретарем редакции.

³ Шрейдер Григорий Ильич (1860—1940), общественно-политический деятель, член партии эсеров, журналист. В 1917 г. городской голова Петрограда при Керенском, депутат Учредительного собрания, с 1919 г. в эмиграции в Риме, затем в Праге и Париже. Подроб-

но о нем см.: *Гардзонно С.* Материалы к биографии Григория Ильича Шрейдера // *From the Other Shore.* 2004. № 4. С. 35–48.

10. Зензинов — Фондаминскому

Berlin. 10 января 1923 г.

Берлин, 10 янв.

Милый Тузик,

ты меня очень обрадовал своим письмом. Постарайтесь, ради Бога, не задерживать выпуск сборника¹. Может быть, дадите его мне сюда для печатания — я при- му все меры, чтобы выпустить поскорее.

Просьбу Игоря Платоновича [Демидова] постараюсь выполнить немедленно — сегодня ему об этом напишу.

Обнимаю крепко. Сердечный привет курятинке [А.О. Фондаминской].

Володя

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по содержанию. Почтовая открытка с логотипом: «Golos Rossii Verlag G[esellschaft] m[it] b[eschränkter] H[aftung], Berlin SW 68, Friedrichstr[abe] 204. Verlag der großen russischen Tageszeitung für Politik, Wirtschaft und Literatur “Dni” (Die Tage) “Дни”»; адрес получателя: «Monsieur E. Fondaminsky, Paris XVI, 1 rue Chernoviz»; почт. шт.: «Berlin, [нрзб]».

¹ Непонятно, о каком издании идет речь.

11. Зензинов — Вишняку

New York. 24 декабря 1923 г.

24 XII 1923

[Мар]куша, здравствуй — хау ду [ю ду?]¹

[Пишу тебе по пар]ижскому адресу, ибо мое [часть текста утрачена] что ты в Берлин не уехал [часть текста утрачена] [Фондами?]нские расстроились. Или [часть текста утрачена] я знаю, причина не в те[часть текста утрачена]лись в Берлине с перепис[кой] [часть текста утрачена]енного тебе не писали [часть текста утрачена]ки...

[часть текста утрачена] четвертый день и все [часть текста утрачена]оде того человека, ко[торый] [часть текста утрачена] большой площади, кругом [часть текста утрачена] [автом]обили, он с одного троттуара [часть текста утрачена] другого еще не добрался и в [часть текста утрачена] бросается то туда, то сюда. Ока[зывается,] я все-таки забыл, какая такая Америка — [ког]да я очутился на Бродуэй, увидел мчащиеся ленты автомобилей, автобусов, трамваев, вакханалию электрической рекламы, ревущие откуда-то не то из-под земли, не то с крыш — радио, я определенно почувствовал себя глубоким провинциалом.

Остановился в гостинице, в которой в свое время жил Н.Д. [Авксентьев]. Живу по-американски, т.е., во-первых, научился, наконец, спать при открытом окне, во-вторых, утром, прямо из постели прыгаю в горячую ванну (у меня собственная!), а

затем принимаю холодный душ. Если [бы] не было жалко времени, принимал бы в[ан]ну не [мень]ше трех раз в день. [Ст]расть люблю [часть текста утрачена]

Дела мои идут на лад. Сейчас [часть текста утрачена] ангажмента на 600 долларов – в [часть текста утрачена] Чикаго, Бостоне и Филадельфии, [часть текста утрачена]ны на январь и февраль. А [часть текста утрачена] покрытия моих долгов 4 [часть текста утрачена]получу еще новые пригл[ашения] [часть текста утрачена] [ин]тервью уже напечатано [в одной из распростра]неннойших нью-йоркских [газет] [часть текста утрачена]вало – сейчас мне на[часть текста утрачена] несколько интервью и к [часть текста утрачена] сообщили, что, по-видим[ому,] [часть текста утрачена] Гомперса², я буду пригл[ашен] [часть текста утрачена] [бе]седы с сенаторами. Оп[часть текста утрачена]лый, какой я гордый, [часть текста утрачена]

Время для лекций оказалось очень [подходя]щим, так как после рождественских кан[икул в] сенате будет официально поднят вопрос [о при]знании, причем таковое – при Кулидже³ – с[овер]шенно исключено⁴.

Главное усилие мое сейчас обращено на [ан]глийский язык – стараюсь на нем исключительно сосредоточиться: мне запрещено говорить, читать, писать на каком-либо другом языке, кроме английского – тебе пишу контрабандой. Конечно, всего лучше было бы завести роман с какой-нибудь американкой, тем более что они мне очень нравятся. Смелости вот только не хватает.

Подвизается здесь сейчас Питирим Сорокин. Он уверяет американцев, что в России сейчас *вся* интеллигенция настроена монархически и что до войны в России политичес[кий] строй был демократичнее, чем в Шве[ции и Норв]егии, не говоря уж, конечно, о [часть текста утрачена] Американцы удивляются: «а как же [часть текста утрачена] [и] Чайковский⁵ говорили нам совсем [часть текста утрачена] [америк]анская черная сотня ему по[часть текста утрачена] пробольшевики довольны [часть текста утрачена] [в]от видите, что из се[бя] представляют русские демократы!» (Пи[тирима Сорокина по] недоразумению считают [часть текста утрачена]чно вредная личность [часть текста утрачена] травить каким-нибудь [часть текста утрачена]дом.

[часть текста утрачена] [дру]гой день после приезд[а] [часть текста утрачена] на вечер к одному [часть текста утрачена] [инже]неру Васильеву⁶, же[натому н]а Де[йкархано]вой⁷ (Летучая Мышь), [с которым] мы вместе в свое время путешествие[вали] по Лене⁸ и пытались сделать геогра[фиче]ские открытия: найти выход Лены в мо[ре]. Он живет с Качаловым. Провел у них [до] трех часов чудесный вечер – пили вис[ки], шампанское, коньяк Мартеля, конечно, поддельный, какой-то банановый ликер (все это здесь запрещенный плод), и рассуждали о том, есть ли у большевиков душа или, может быть, лишь один пар⁹. Васильев живет здесь уже полтора года, живет чрезвычайно интересной и интенсивной жизнью – занимается антропо-географией Америки. Буду его убеждать написать что-нибудь для «Современных записок» – это может быть *очень* интересным. Конечно, вас ни к чему не обязывает¹⁰.

Товарищи из с.р.-овской группы меня встречали на пристани, проявили много внимания и нежности. Ахнули, когда [я] рассказал об отношении к ним [часть текста утрачена] вероятно, З[аграничная] Д[елегация] [слово утрачено] обойдет-

ся [часть текста утрачена] даже стараюсь смягчать, о[часть текста утрачена] вознегодовали. Себя они [часть текста утрачена] — не правым и не левы[м] [часть текста утрачена] терпеть не могут на[часть текста утрачена] Кажется, удастся н[часть текста утрачена] для заключенных [часть текста утрачена] [про]изводятся сборы [часть текста утрачена] организаций. Хо[часть текста утрачена] средства для [часть текста утрачена] [са]мому, мне удастся про[часть текста утрачена]на]ги. У меня намечается у[часть текста утрачена] Исполнительного Комитета [часть текста утрачена]банда (самой могущественной и р[часть текста утрачена] [органи]зации Америки) — почему [к] евре[ям здесь?] очень хорошо относятся. Вот расх[часть текста утрачена] Зак¹¹ здесь политически совсем прог[орел? и] сильно скомпрометирован (за связь [с] [слово утрачено]ком). Пока ни с кем из русских, кр[оме] товарищей из группы — не видался. Се[годня] мне звонил О. Беручев¹² (так его записали на телефонном вызове в отеле), но не застал меня дома. Ну, Маркуша, будь здоров. Буду тебе еще писать. Обнимаю.

В.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Письмо на бланке: «Hotel Marie Antoinette, Broadway & 67th Street, New York». Большие фрагменты текста в середине листа полностью утрачены от сырости (см. илл. 35–36).

¹ how do you do? (англ.) — как дела?

² Gompers Samuel (1850–1924), видный американский профсоюзный деятель.

³ Coolidge John Calvin Jr. (1872–1933), американский политический деятель, лидер Республиканской партии, президент США (1923–1929).

⁴ Речь идет об официальном признании Советского Союза американским правительством (состоявшемся лишь в 1933 г.).

⁵ Чайковский Николай Васильевич (1850–1926, Гарроу под Лондоном), общественный и политический деятель, председатель ревизионной комиссии парижского Земгора, основатель Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, член многочисленных других эмигрантских организаций. Подробно см.: Николай Васильевич Чайковский: Религиозные и общественные искания / Под общ. ред. А.А. Титова. Париж, 1929; *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности 1917–1925 гг.). Париж, 1929. Чайковский провел пять лет в эмиграции в США задолго до революции (1874–1878) и потом не раз приезжал туда, в частности, для сбора денег на революцию в 1906–1907 гг., имел обширные связи. Зензинов, вероятно, имел в виду его старые речи, запомнившиеся американцам (впрочем, Чайковский и позже, будучи главой правительства, много общался с американскими послами, а также с президентами и высшими чиновниками на международных конференциях, где они также могли слышать и запомнить его мнения).

⁶ Васильев Сергей Александрович (1883–1962, Нью-Йорк), инженер, исследователь Сибири, после Февральской революции министр путей сообщения (см.: *Незабытые могилы*. Т. 1. С. 508).

⁷ Дейкарханова Тамара Христофоровна (1889–1980), артистка Художественного театра и театра-кабаре «Летучая мышь»; в эмиграции вышла замуж за С.А. Васильева.

⁸ С.А. Васильев опубликовал воспоминания о том, как он познакомился со ссыльным Зензиновым в 1914 г. в Якутске и включил его в свою экспедицию по исследованию рек Ленского бассейна (см.: *Васильев С.А.* В.М. Зензинов // НЖ. 1954. № 36. С. 296–298).

⁹ Ср. в XXV главе «Мелкого беса» Ф.К. Сологуба: «— Ну, какая там душа! — грубо сказала Грушина, — что у пса, что у человека, один пар, а души нет. Пока жил, пота́ и был!» (*Сологуб Ф.К.* Мелкий бес. М.: Худ. лит., 1988. С. 231).

¹⁰ С.А. Васильев в СЗ не печатался.

¹¹ Зак Аркадий Иосифович, директор Русского информационного бюро в США в 1917–1922 гг., журналист, публицист. Ср. в письме М.М. Карповича к Вишняку от 25 января 1924 г.: «Аркадий Иосифович пустился в коммерческие дела. Как они у него идут, не знаю» (см. переписку Карповича в т. 4 наст. изд., п. 1). Упоминается в мемуарах Вишняка: «Заведующий информационным бюро при русском посольстве Арк. Иос. Зак уведомлял о высылке ста пятидесяти долларов гонорара за три статьи, которые просил меня прислать в редактируемую им “Struggling Russia” (Борющаяся Россия), выходившую сначала еженедельно, а к концу своего существования два раза в месяц и реже. Позднее выяснилось, что “заказ” был мне дан в результате интервенции из Парижа моего друга Зензинова, осведомленного о моем трудном положении и лично знавшего Зака» (Вишняк 1970. С. 41).

¹² Имеется в виду Оберучев Константин Михайлович (1864–1929, Нью-Йорк), генерал-майор, военный писатель, общественно-политический деятель, член партии эсеров, с 1918 г. в эмиграции в США, председатель Фонда помощи русским писателям и ученым, представитель Административного центра внепартийного объединения в Нью-Йорке.

12. Зензинов — Вишняку

New York. 13 января 1924 г.

Нью-Йорк, 13 янва[ря].

403 West 115 s[treet, apt. 31]

Спасибо, Маркуша, за открытку, и, сл[часть текста утрачена] память. По интересующему тебя вопросу я делал [часть текста утрачена] говорил не с Заком, который теперь, после [часть текста утрачена] совсем завял и исчез с горизонта, а все [часть текста утрачена]рая тут, действительно, все и вся. (В [часть текста утрачена] [забав]ную историю: на днях еврейский театр [часть текста утрачена] комедию Дымова¹ в пользу Общества помощи² [часть текста утрачена] — с моим участием, между антрактами в [часть текста утрачена] [устра]ивавшие этот вечер, как и полагается, забыл[и снес]тись с соответствующими властями и потому [часть текста утрачена] [упла]тить обязательного налога в 200 долларов. Это [часть текста утрачена]жить не могла, начала звонить по всему Нью-Йорку [и] привела в движение высшие сферы. В результате мы [часть текста утрачена]лись — я в качестве живого аргумента: челове[к, сидевший не]раз в русских тюрьмах — сначала за рекомендац[ией начальника? нью-]йоркского порта, — весьма важная фигура в рес[часть текста утрачена] секретарь немедленно надел шляпу и мы о[тправились? на] Бродуей, оттуда в главное таможенное з[аведение к особен?]но важному чиновнику — заведующему всем[часть текста утрачена] Нью-Йорке. Достаточно сказать, что это [часть текста утрачена] тем как был выбран в президенты. Важный ч[иновник? посадил? в] роскошные кресла, предварительно долго пож[имал руку и спра]шивал: «хау ду ю ду?». Очень любезно выслушал р[часть текста утрачена]но оглядел меня, когда дело дошло до аргументо[в] [часть текста утрачена]ку и мы помчались по подземке экспрессом в «ра[часть текста утрачена] [в рай]оне которой находится театр. Там нас уже ждал пре[дупрежденный по] телефону очень милый чиновник-негр, который заявил, [что все бу]дет сделано и что он рад быть нам полезен в таком хор[ошем деле. 200 долл]аров были спасены. Скобки еще не закрыты... А вчера [часть текста утрачена] в доме tea-party

перебывало человек 40: два лучш[их профессора?] истории в Колумбийском университете, крупнейший а[мериканский фил]ософ Дьюи³, редактор лучшего политического журнала [«Foreign affairs»⁴, [ред]актор большой нью-йоркской газеты, несколько м[часть текста утрачена] [из котор]ых один все меня уверял, что у него теперь [часть текста утрачена] чем ему требуется – на что, собственно гов[оря] [часть текста утрачена] затем а prominent Russian revolutionist⁵ и пр. и пр. М[часть текста утрачена] в стиле Егора Егоровича Лазарева⁶, а потом [часть текста утрачена] Струнская⁷ сказала, что такая статья, действите[льно, может заинтер]есовать американцев и что здесь имеются подходящие [редакции?, в ко]торые можно было бы обратиться. Но что, мол, необхо[димо предвари]тельно видеть самую статью. Поэтому советую тебе – [напиши] ее на машинке (ту ее часть, которую ты имел в виду), [или] еще лучше – пришли гранки. Совсем не важно, что статья [не? бу]дет, может быть, напечатана по русски. Перевод, конечн[о, надо с]делать здесь, если статья подойдет.

[Мое пер]вое выступление состоится в Вашингтоне 21 января п[часть текста утрачена] [La]bor Union – центральным объединением гомперсовских тре[стов] [часть текста утрачена] долларов, кроме того еще уплочены [часть текста утрачена] [г]остиница. Представь себе – меня [часть текста утрачена] [прия]тель из... Якутска, – теперь он по[велевает? русск?]им отделом библиотеки Конгресса! А на [часть текста утрачена] другого сибирского приятеля (Н.С. Калашни[кова]) из Сиаттля н[часть текста утрачена]ько, что получил приглашение прочитать [часть текста утрачена] [в Д]етро[йт]е (городе Генри Форда), где имеется... 35 [часть текста утрачена] [ру]сская колония так изголодалась... Ваша лекция дас[т] [часть текста утрачена]у в борьбе против большевизма... слушателей будет [огромн?]ое число... зало достану громадное... Словом – 35 [тысяч одних курьеро]в!

[В] Нью-Йорке 5 января мне перебил дорогу, знаешь кто – Х[часть текста утрачена]вель из АРА⁸. Прочитал чепуховый доклад с симпати[ей для] большевиков. Аудитория очень фешенебельная – за[вт]ра [часть текста утрачена] разряженных дам. Какую-то речь произнес там [часть текста утрачена]ей гениальностью Илья Толстой⁹.

Вчера просидел вечер у Сергея Алекс[андровича Васильева, (сына] знаменитого математика¹⁰). Опять с увлечени[ем рассказывал о] своих географических занятиях. Он хочет пис[ать в «Современных» записках] – я предложил ему спisać с тобо[й – пусть] напишет и предложит темы. Судя по тому, что [говорит, статья] его может быть интересна (значение для России [американ?]ских и английских попыток найти кратчайшее р[асстояние?] из Лондона в Токио и из Америки в Англию; ан[часть текста утрачена] [се]верным сибирским землям подбирается). Дионео од[нажды этого] слегка коснулся, говоря об острове Врангеля, – на[писал, по-]видимому, по словарю, а Васильев этим вопросом зани[мается при]ст[ально] и знает его по первоисточникам; мне кажется, [работа?] очень новая, свежая и имеет самоочевидное большое [на]учное и историческое значение, особенно [сейчас?]¹¹.

Вадим [Руднев] и Тузя [Фондаминский], кажется, Васильева [не знают?].

Присматриваюсь я к Америке и нем[часть текста утрачена]ется впечатление. Помню, есть кака[я-то] [часть текста утрачена]на: погоня за счастьем – огром-

на[я] [часть текста утрачена] за какой-то феей, не то за катя[часть текста утрачена] друг друга, грызут зубами... Вот мн[е это так] представляется. Каждый хочет поскорее [барыша? и] мчится за ним, действует локтями, нич[его другого не ви]дит. И по большей части добивается [своей цели?.] каждый день купается в ванне, живет в [часть текста утрачена] толстые, сытые, довольные, тяжелые. В це[ркви?, я уве]рен, что молятся не о загробной жизни, а [часть текста утрачена] [по]хожие – особенно женщины: румяные, напудренные, [часть текста утрачена] налитые – кажутся идолами, а 20-ти этажн[часть текста утрачена] город, в котором должны жить старик Цетл[ин] [часть текста утрачена] [о]б этом молодым Цетлиным) – идеально к ним [подходит. Если мои впеч]атления правильны, эта страна безнадежна [часть текста утрачена] [Кто?] знает, откуда тут такая гадость выработыв[ается] [часть текста утрачена] сами мне представляются: безнадежно позитив[ными] [часть текста утрачена] [даже?] плевать запрещается – «positively»). Америк[а] [часть текста утрачена]ический Восток (Китай, Индия и... Россия). Я о[пределенно] за Китай! Обнимаю

В.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Год установлен по содержанию. Большие фрагменты текста на краях листов полностью утрачены от сырости.

¹ Скорее всего, это была комедия «Bronx-Express» О. Дымова, с успехом шедшая в нью-йоркском Yiddish Art Theatre (художественный руководитель Морис Шварц). Не исключено также, что речь идет о пьесе «Shklafn fun Folk» (Рабы публики) (справка В.И. Хазана).

² Вероятно, имеется в виду нью-йоркский Фонд помощи русским писателям и ученым, возглавляемый К.М. Оберучевым, в котором Дымов играл известную роль – он был членом правления (см.: *Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать...*: Из мемуарного и эпистолярного наследия: В 2 т. / Перевод с идиша М. Лемстера; Общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. Хазана. Jerusalem, 2011. Т. I. С. 92–93) (справка В.И. Хазана).

³ Dewey John (1859–1952), знаменитый американский философ, представитель прагматизма.

⁴ Нью-йоркским редактором «Foreign Affairs» был в это время американский дипломат и публицист Hamilton Fish Armstrong (1893–1973).

⁵ видный русский революционер (англ.). Зензинов здесь, по-видимому, имеет в виду себя самого.

⁶ Лазарев Егор Егорович (1855–1937), революционер-народник, затем эсер, с 1890 г. подолгу жил в эмиграции, в 1918 г. депутат Учредительного собрания, министр просвещения в правительстве КОМУЧ, с 1919 г. в эмиграции в США, затем в Праге, издатель «Воли России».

⁷ О М.Е. Струнской см.: Ред., примеч. 5 к п. 577.

⁸ ARA – American Relief Administration, Американская администрация помощи – благотворительная организация, финансируемая правительством США; существовала с 1919 г. до конца 1930-х гг.; в ее задачи входило в первую очередь снабжение продовольствием жителей стран Центральной и Восточной Европы.

⁹ Толстой Илья Львович (1866–1933, New Haven), сын Л.Н. Толстого, писатель, мемуарист.

¹⁰ Васильев Александр Васильевич (1853–1929), математик, общественный деятель, профессор Казанского университета, депутат I Государственной думы, член Государственного совета.

¹¹ Подобной статьи С.А. Васильева в СЗ не появилось.

13. Зензинов — Фондаминскому

New York. 31 января 1924 г.

Нью-Йорк, 31 января 24

Милый Тузик,

только что узнал от Верочки [Рудневой], которую запрашивал, то немногое, что она сама знала о здоровьи курочки [А.О. Фондаминской] со слов А.А. Лихошерстова¹ — «чувствует себя лучше, но температура все же поднимается по вечерам и вечерами на воздух не выходит»...

Значит ли это, что курятинка была больна или хворает и теперь? Я в большой, большой тревоге — уже давно я ничего, ничего не знаю о курочке. И, конечно, в голову приходят мрачные мысли. Вспомни, Тузик, старое и не поленись написать мне письмо о здоровьи и самочувствии курятинки. Бесконечно буду тебе за это благодарен.

Здесь я пробуду еще весь февраль и март. Прочитал до сих пор несколько докладов — имел всюду успех; с языком, к собственному удивлению, вполне справляюсь, принимаю участие и в прениях после доклада. Предстоят еще доклады в Чикаго, Бостоне, Детройте, Коннектикуте. Кажется, целей своих достигну.

Хочу еще вот о чем тебя спросить. В Европу я, вероятно, вернусь в апреле — в начале. Каковы ваши планы? Если бы вы были в это время в Париже, я проехал бы через Париж и там бы задержался; хотелось бы на это время — недели на две — выписать к себе в Париж Татьяну, очень хочется показать ее курятинке. Ответь и на это, пожалуйста.

Публикуется по машинописной копии (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

¹ Возможно, Лихошерстов Александр Александрович (1874—1958), полковник, после революции в эмиграции во Франции, возглавлял Объединение лейб-гвардии Финляндского полка.

14. Зензинов — Вишняку

New York. 6 февраля 1924 г.

Нью-Йорк, 6 февраля 1924. 403 West 115 str., apt. 31

Дорогой Маркони,

спасибо за письмо с поздравлениями по поводу Татьяны¹. Очень ценю также решительно все новости, которые мне сообщил — даже те, которые ты называешь сплетнями. Европа отсюда кажется мне такой далекой — и, должен признаться — настолько близкой сердцу, что всякая весть оттуда особенно дорога.

«Совр[еменные] записки», конечно, пришли *сюда* по указанному в начале письма адресу. Боюсь поверить, что срок Абраши так близок — я как-то даже боюсь об этом настойчиво думать...²

А за Зиночку [Гиппиус] вам, конечно, влетит³ (хотя и не знаю, в чем дело) — не заводите шуры-муры-амуры. Не увлекайтесь ни родством, ниже знакомством... Уж это, наверное, Тузя [Фондаминский] сосватал!

Я тебе бесконечно благодарен, что хоть по одному слову сообщаем почти обо всех. Я — существо сангитментальное и всегда хочу знать, как кто живет и как себя чувствует; а узнавать удается так мало.

Что касается признания, то у меня тоже «свое мнение». Вчера я читал доклад о внутренних делах Рыкапы⁴ (партийная дискуссия, рабочая демократия, рабочая оппозиция и прочее) в Council on foreign relations⁵; угощали меня сначала обедом — были там важные персоны: проф[ессор] Гарвардского университета историк Кулидж⁶ (председательствовал), профессор Колумбийского университета историк Гэз⁷, Дэвис⁸ — квакер, побывавший в 17—18 гг. в России и в Россию влюбившийся, Армстронг, [ре]дактор «For[eign] Affairs»⁹, и др., был также Бахметьев¹⁰. Один из присутствовавших спросил меня, как я отношусь к факту признания английским правительством советской власти, не укрепит ли это ее? В ответ я рассказал им сказку о голом короле — оказывается, в Америке ее не знают. И англичан очень неделикатно сравнил с тем дураком, который воскликнул, что «король-то наш голый!» (в действительности же я думаю, что английское признание — поступок весьма хитрый и умный). Американцам это очень понравилось.

Ближайшие выступления у меня — 15 и 17 в Коннектикуте, 20 и 21 в Нью-Йорке, 23 и 25 в Чикаго.

Три номера «Огней»¹¹ я видел — какая-то губка, впитавшая в себя воду, да и вода-то при этом еще не соленая, а очень и очень пресная. «Дни», наоборот, мне нравятся — их определенно интереснее читать, когда не работаешь в редакции, а может быть, просто газета стала лучше.

Статья твоя читается — имей терпение: ты хочешь более чем американской скорости.

Ну, будь здоров, Маркуша — пиши мне и побольше сплетен!

От американских хлебов толстею так, что вырос уже из всех воротников — подбородок стал вроде твоего. Обнимаю.

В.

Будь добр, перешли прилагаемое письмо брату¹² — я адреса его не знаю, на Винеэ, наверное, он известен; затрудняю тебя, так как считаю тебя идеально аккуратным.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24).

¹ По-видимому, имеется в виду университетский праздник Татьяна день (25 января).

² По-видимому, имеется в виду Абрам Рафаилович Гоц (1882—1940), политический деятель, эсер, родственник Высоцких и Гавронских, близкий друг Фондаминского и др. парижских эсеров. А.Р. Гоц остался в Советской России; в 1920 г. арестован, 7 августа 1922 г. приговорен к расстрелу; 11 января 1924 г. приговор был заменен 5 годами лишения свободы.

³ Речь идет о литературном скандале вокруг статьи З.Н. Гиппиус «Литературная запись: Полет в Европу» (СЗ. 1924. № 18. С. 123—138).

⁴ Имеется в виду РКП (Российская коммунистическая партия); таким было официальное название партии большевиков в 1918—1925 гг.

⁵ Council on Foreign Relations (Совет по международным отношениям), независимая американская организация, основанная в 1921 г.; издатель двухнедельника «Foreign Affairs».

⁶ Coolidge Archibald Cary (1866—1928), историк, редактор журнала «Foreign Affairs».

⁷ О ком идет речь, непонятно.

⁸ О квакерах в России времен революции см.: *McFadden D., Gorfinkel C., Nikitin S. Constructive Spirit: Quakers in Revolutionary Russia*. Pasadena, 2004. В данной книге упоминается лишь некая Alice Davis.

⁹ См. примеч. 2 к п. 12.

¹⁰ См. о нем: Ред., примеч. 4 к п. 577.

¹¹ «Еженедельную газету культуры, науки, искусства и литературы» под названием «Огни» выпускал Ф.В. Рихтер в Праге с 7 января по 16 июня 1924 г. (всего вышло 22 номера).

¹² По-видимому, имеется в виду Зензинов Иннокентий Михайлович (?–1935, Париж), коммерсант (см.: *Незабытые могилы*. Т. 2. С. 612).

15. Зензинов — Вишняку

Chicago. 27 февраля 1924 г.

Chicago, 27 февраля 192_

Дорогой Маркуша,

позволь ответить тебе теми же комплиментами — ты и не представляешь себе, как я ценю твои письма: я так дорожу связью с Европой, и согласись, что для меня важнее быть связанным с Европой, чем для тебя — с Америкой.

В Чикаго я уже пять дней. Прочитал две лекции. Одну даже с радио. И, быть может, меня слушало вовсе не 200 человек, как это мне казалось, а 5.000.000, как это было недавно с посланием Кулиджа. Факт во всяком случае налицо: на другой день после моей лекции в бюро той организации, которая устраивала мою лекцию (Council on foreign relations), позвонила по телефону какая-то совершенно незнакомая дама и сообщила, что она слушала лекцию мистера Зензинова у себя дома, поняла ее от первого до последнего слова, ею очень (это не мои слова, а ее) заинтересовалась и спрашивает, нельзя ли достать ее копию. Я, конечно, таковую немедленно ей выслал. Организация, где я читал, очень квалифицированная и влиятельная, собралась публика, специально интересующаяся Россией, многие даже оказались говорящими на русском языке. Вообще, меня искренне поражает интерес к России среди американской интеллигенции, и интерес здоровый, хороший. На другой день читал в женском клубе — встретил там каких-то почтенных старушек и молодых дам, которые расспрашивали меня о Милокове. Некоторые из них ревностно записывали, какая-то дама затем запросила мою лекцию себе на дом, другая выражала крайнее сожаление, что она опоздала и пр. и пр. Всюду обязательно задают вопросы — некоторые совсем не наивны и даже не глупы. Но председательница здесь была потешная: молодая, очень хорошенькая, видимо, ни черта не понимает, оглядывается и охорашивается — настоящая птица!

Начинаю себя чувствовать профессиональным лектором. Успеваю уже во время лекции наблюдать за аудиторией (а раньше было такое чувство: ну, черт с вами — это ваше дело, слушайте, а с меня как с гуся вода!) — и, чему особенно радуюсь, мне теперь уже становится приятнее говорить, а не читать, чувствую даже, что лучше выходит. На днях был приглашен за город — вечером, после обеда,

усадили меня у камина, окружили и заставили рассказывать: незаметно для себя целых два часа, вооружившись географической картой, живописал им Русское Устье. Были очень довольны и долго меня благодарили – it was so instructive! it was so nice!¹

Вообще здорово расхрабрился.

Живу я, братец мой, на 15-м этаже – вниз посмотришь – голова кружится, пропасть какая-то! В hall вечный базар: расставлены кругами мягкие кресла и диваны и всегда в них какие-то люди сидят – черт их знает, что они там делают! Кроме того сейчас в Чикаго съезд учителей – посмотрел бы ты на американских Тяпушкиных²! А в нашей гостинице (первая гостиница в Чикаго – это, честное слово, не я выбрал – мне здесь комнату сняла та организация, которая в Чикаго пригласила) как раз их бюро и съезд происходит.

Вчера осматривал университет (показывал один милейший американский профессор) – замечательное учреждение. Водили меня даже в женское общежитие вплоть до бассейна с купающимися студентками (пожалуйста, не воображай ничего: в Америке купальный костюм совершенно так же приличен, как и бальный – да между ними и мало разницы).

А завтра иду осматривать знаменитые чикагские скотобойни, описанные Синклером³ – вот дистанция!

Через два дня еду в Кливленд. Будь здоров. Обнимаю.

В.

Пиши по адресу: Mr. V. Zenzinoff, с/o Mrs. Strunsky, 611 West 114 street, New York City.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Год установлен по содержанию. Письмо на бланке с надписью: «Hotel La Salle at Madison St.».

¹ это было так поучительно! это было так мило! (англ.).

² Тяпушкин – герой рассказа Г.И. Успенского «Выпрямила» (Отрывок из записок Тяпушкина)» (1885).

³ Чикагские скотобойни были описаны в романе Эптона Синклера (Upton Sinclair, Jr., 1878–1968) «Джунгли» (1906).

16. Зензинов – Фондаминскому

Б.м. 20 июля 1924 г. [?]

Тузик, милый, напиши мне несколько строчек о курятинке [А.О. Фондаминской] – мне так хочется услышать от тебя, узнать твое суждение. Ну что ты мне сейчас скажешь о курятинке?!

Целую и люблю крепко.

В.

20/VI

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен предположительно по местонахождению в архиве. На обороте надпись: «Тuze».

17. Зензинов — Вишняку

Berlin. 23 ноября 1924 г.

Берлин, 23 ноября 1924

Дорогой Маркони,

что же мне сказать на твое последнее большое письмо? Очевидно лишь одно: насильно мил не будешь. Объясняться долго не хочется — это скучно, придется выставлять контр-обвинения, получатся новые объяснения, а я этого не хочу. Каждому должно быть предоставлено право обижаться по-своему. Твое письмо прочитал не только на редакционном собрании, но и Изюмову¹ (ты не оговаривал своего нежелания — наоборот) — все прочитали с большим интересом.

Считаю, однако, необходимым выяснить свою личную роль в «возмутительной» рецензии² и этим, быть может, законно снять часть вины с других. Согласно установившимся у нас традициям, редактор литературного отдела у нас автономен. Конечно, каждый может вмешаться, критиковать и воздействовать, но как правило у нас установилось, что с самим содержанием редакция знакомится уже после выхода номера (повторяю — фактически могут ознакомиться и изменить и раньше, но это почти никогда не делается). Рецензию на последнюю книжку «С[овременных] з[аписок]» заказал Изюмову я (после того, как Соловейчик уклонился) и ее я, конечно, читал раньше, чем пустить и, следовательно, одобрил. Что касается злополучной фразы — «вера без дел мертва»³ — то, представь, я ее понял в *третьем* смысле, т.е. мы, мол, в эмиграции, все осуждены на эту судьбу: вера без дел; другими словами, эта фраза было мною понята как ирония над всеми в эмиграции, в том числе и над собой. Должен ради справедливости сказать, что когда я теперь, уже после твоего письма, спросил у Изюмова о смысле его дельфийской фразы, он истолковал ее в моем первом смысле, т.е. надо, мол, фактически объединяться с Милюковым, а не говорить лишь об этом.

Вот тебе точное показание мое. Смысл его заключается в том, чтобы снять ответственность с преступного деяния с тех, кои в нем не виновны (напр., с С.М. Соловейчика, который так же как ты был возмущен рецензией).

В следующий раз постараюсь, чтобы рецензии на «С[овременные] з[аписки]» были более обстоятельные, но заранее предупреждаю — поскольку я останусь редактором литературного отдела, что таких сладких рецензий, какие были в газете раньше, не будет. Задача рецензий, мне кажется, заключается не только в том, чтобы обратить внимание читателей на интересный литературный материал, но и дать *критику*. И чем дружественнее относишься к автору, тем более беспристрастной должна быть критика. Такова моя точка зрения — возможно, что она и ошибочна.

Написал тебе это письмо по-хорошему и буду очень огорчен, если оно вызовет с твоей или чьей-либо другой стороны новое неудовольствие.

Привет и обнимаю тебя — тоже *trotz alledem*⁴.

В.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Вверху помета рукой Вишняка: «Прошу вернуть!» В конце письма приписка рукой Вишняка:

«Прошу письмо вернуть!

Я написал Володе, что никогда никто не просил “сладких” рецензий, просили рецензий культурных и хотя бы грамотных постолько, что редактор (!) — не говорю читатель — понимал бы автора! (В данном случае как раз этого не было.) Я не говорю уже о *политической* солидарности между “С[овременными] з[аписками]” и “Днями”. Но требование “грамотности” — обязательно. Кроме того, и фактически неверно, что рецензии о “Совр[еменных] зап[исках]” были “сладкими”. Другое дело — рецензии о “Воле России”: их писал “сладко” сотрудник “Воли России” — Архангельский.

В заключение я запрашиваю, почему не пошла статья Кус[ковой] о Сталинском? Тоже из-за излишней сладости?

М[арк]».

¹ Изюмов Александр Филаретович (1885—1950), историк, архивист. В 1922 г. выслан за границу, жил в Берлине, с 1925 г. в Праге, сотрудник Русского зарубежного исторического архива (с 1934 г. заместитель директора).

² См.: И. [Изюмов А.Ф.] «Современные записки». Кн. 21. Париж 1924 // Дни. 1924. 16 нояб. № 618. С. 9.

³ Ср. предпоследнюю фразу рецензии: «Рассуждения М. Вишняка очень поучительны, но ведь они появляются на страницах “С[овременных] з[аписок]” не в первый раз, и, как всякая вера без дел, остаются мертвыми».

⁴ несмотря ни на что (нем).

18. Зензинов — Вишняку *Berlin. 28 ноября 1924 г.*

Берлин, 28 ноября 1924

Дорогой Маркони,

продолжаю «скучную» переписку — в ответ на твою открытку.

Я *не* писал, что редакция «С[овременных] з[аписок]» когда-нибудь просила «сладких» рецензий, я говорил лишь о том, что они в «Днях» помещались; тебе они казались всегда кисло-сладкими — вкусовое ощущение, как известно, всегда дело субъективное, тут спорить трудно.

Полученная тобой информация о статье Ек. Дм. [Кусковой] неправильна¹. Она, действительно, направлена против Сталинского, но не столько по делу Сталинский—Вишняк², сколько по делу Сталинский—Милюков³. Автор встает в этой статье горой на защиту Милюкова и существа спора между Вишняком и Сталинским касается лишь вскользь. Статья Кусковой давно уже была у нас зачитана и тогда же отвергнута. Если тебе так интересны мотивы этого события или происшествия, то могу сообщить, нисколько не боясь выдать редакционных тайн, что одним из определяющих был и тот, что «Дням» не следует вмешиваться в этот вопрос Вишняк—Милюков—Сталинский, ибо необходимо не только принять участие в полемике, что никого особенно не вдохновляло, но и высказаться по существу, а высказаться по существу в связи с лицами, это значит не только выступить против Сталинского, но и кое в чем весьма существенном — именно в вопросе о Милюкове, который, по мнению редакции, вообще занимается не объединительной деятельностью, а разъединительной — возразить и Вишняку.*⁴ А этого имен-

но в силу той идейной близости, о которой говорит тов. Вишняк, редакции «Дней» не хотелось.

Вот, кажется, и ответил.

Что касается моей поездки во Францию, то этот вопрос до сих пор окончательно не разрешен. Но если он и будет разрешен положительно, то я в Париж заезжать не собираюсь, следовательно, к сожалению, и не сумею выполнить твоего поручения.

Вуаля⁴. Обнимаю

В.

Ау, пулеметчик!?

Все забывал тебе написать, что я никогда «Дг.» не был — так меня зовут в Германии только почтальоны.

*) Чтобы быть точным: таково мнение большинства реда[кции] [часть текста утрачена] Самсон [Соловейчик].

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). На бланке с надписью: «Russische Tageszeitung “DNI”, Redaktion: Berlin SW 68, Lindenstr. 3».

¹ Статья Е.Д. Кусковой не выявлена (возможно, она осталась ненапечатанной, будучи отвергнута редакцией «Дней»).

² О «деле Сталинский—Вишняк» см. письмо Авксентьева к Вишняку от 13 ноября 1924 г. (Ред., п. 24).

³ В направленной против Вишняка статье «Мания самоограничения» (Воля России. 1924. № 16/17. С. 193—209) Е.А. Сталинский задел попутно и П.Н. Милокова. Редактор ПН посвятил Сталинскому передовицу от 13 ноября 1924 г., излагая суть конфликта в начале статьи: «С месяц тому назад мы отметили статьи последней книжки “Современных записок”, свидетельствовавшие о сдвиге редакции и ее единомышленников в сторону республиканско-демократического объединения, — просто республиканского и просто демократического, без обязательной формы социализма. Позиция была необычной в мире русского партийного социализма, и можно было ожидать, что из ортодоксально-социалистической и в особенности из партийно-эсеровской среды последует суровое внушение по адресу провинившихся. Несколько раз за подобные грехопадения уже пробовали исключать из партии. На этот раз мы имеем дело пока только с журнальным разносом, исходящим из тех кругов, которые почитают себя хранителями партийных традиций. В последней книжке “Воли России” появилась статья известного читателя г. Сталинского, в которой присяжный полемист журнала отчитывает специально М.В. Вишняка. Попутно попадает, конечно, и нам» ([Милоков П.Н.] Строгий окрик // ПН. 1924. 13 нояб. № 1397. С. 1).

⁴ Voilà (фр.) — вот так.

19. Зензинов — Фондаминскому

Berlin. 4 декабря 1924 г.

Берлин, 4 декабря 1924.

Милый Тузя,

спасибо за письмо и за приглашение. Ты просишь немедленно по получении от тебя письма протелеграфировать тебе день своего приезда. К сожалению великому своему, до сих пор не могу это сделать. Вот факты — суди на основании их сам: я смогу выехать к вам немедленно по приезде Петрищева¹, на другой день. Он

уехал 30-го ноября, причем всем сказал, что уехал на две недели, а если будет себя хорошо чувствовать, то вернется и скорее. Уехал он в Прагу. Сегодня от Кусковой было письмо, что Петрищев уехал в Мариенбад — следовательно, попадет в обстановку, в которой сумеет хорошо отдохнуть, но вернется он 10-го или 15-го, пока никто не знает. Во всяком случае я приеду к вам *обязательно* (верь мне — *это твердо!*). Но будет мой выезд 11-го или 16-го, этого я сейчас сказать не сумею. Возможно, что на этих днях получится и от Петрищева уведомление, когда он вернется. Во всяком случае, как только выяснится день приезда Петрищева, я сейчас же дам вам телеграмму о дне своего выезда. Возможно, что сумею протелеграфировать Вам очень, очень скоро.

Мечтаю о поездке ужасно.

Спасибо за совет относительно визы — сделаю, как ты говоришь. От Вл. О. имел ответное письмо, но о визе от него пока не слышно.

Итак, до *скорого* свиданья, дорогой. Очень рад, что увижу еще Раюшу [Р.И. Лебедеву]. Целую крепко

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

¹ Петрищев Атанас (Афанасий) Борисович (1872–1951), педагог, публицист; в 1922 г. выслан из России; в 1920-е гг. член редакционной коллегии газеты «Дни»; печатался в СЗ (в № 14 за 1923 г.).

20. Зензинов — Фондаминскому *Grasse. 1924 г. [?]*

Милый Тузя,

курочка [А.О. Фондаминская] уверяет, что боли у нее теперь бывают очень редко. К сожалению, слишком рано просыпается, а потому, по-видимому, спит меньше, чем надо. Но в десять часов курочка обязательно уже в постели — это для меня вопрос самолюбия. Кушает хорошо, трогательно слушается во всем, лицо стало вот уже третий день совсем хорошее — просила об этом тебе написать. С гостями благодаря моей свирепости стало много лучше. Вообще, Тузя, ты так должен быть спокоен, что можешь и должен (и мне близки интересы «Современных записок»!) засесть за статью¹ и закончить ее к сроку!

Обнимаю и целую крепко

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется предположительно. Вверху помета карандашом: «1924».

¹ В течение 1924 г. в СЗ появились две статьи Фондаминского из цикла «Пути России», посвященные древнему Китаю, — в № 18 и в № 22. Ср. в письме Фондаминского к Вишняку от 12 февраля 1924 г.: «Живем плохо. После операции Курочка поправляется очень медленно. Еще слабенькая, еле ходит. [...] И подумаешь, что я остался в Грассе на зиму из-за ее здоровья, и вот уже целый месяц бросил все занятия и ухаживал за ней. Вся семья — стихийная; ничего нельзя сделать! Теперь принимаюсь за работу — иначе и к 20-й кн. не кончу китайцев» (Ред., п. 10).

21. Зензинов — Рудневу*Berlin. 24 января 1925 г.*

Berlin, den 24. I 1925

Дорогой Вадим,

помнишь, я тебе высылал сборник статей под ред[акцией] Тана о деревне¹. Ее собственник мне о ней напоминает. Если можешь разыскать ее, верни мне.

Как видишь, к сожалению, не пришлось заехать в Париж — и так вернулся с запозданием. Целую тебя и Верочку [Рудневу].

Володя

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/1). Почтовая открытка с логотипом: «Golos Rossii Verlag G.m.b.H., Berlin SW 68, Friedrichstraße 204»; адрес получателя: «Monsieur W. Roudnieff, Neuilly s[ur] Seine, 30, rue Jacques Dulud, Frankreich», почт. шт.: «Berlin, 24.1.1925».

¹ Возможно, имеется в виду издание: Старый и новый быт: Сборник / Под ред. проф. В.Г. Тана-Богораза. Л.: Гос. изд-во, 1924.

22. Зензинов — Фондаминскому*Paris. 7 апреля 1926 г.*

Париж, 7 апреля 1926

Милый Тузя,

спасибо за письмо. Сначала, читая его, я смеялся от удовольствия — так во всем узнавал курочку [А.О. Фондаминскую], а потом мне стало грустно. Да, это, правда, даже не грустно, а просто ужасно! Убежать от Парижа, чтобы там, уже в Грассе, воспроизвести в концентрированном виде все то самое отрицательное, что есть в Париже! Так ясно представляю теперь, после твоего письма и после вчерашнего рассказа Марка [Вишняка], всю вашу обстановку и твои настроения. Правда, неукротимый курочка человек!

Неужели отдыхать придется уже в Париже? Мечтаю о возможности здесь наших прогулок летом. Сделаю так, чтобы быть свободным по субботам — тогда, может быть, удавалось бы куда-нибудь уезжать далеко на два дня — подальше от Парижа, знакомых, друзей, а главное подальше от бесчисленных родственников! Вот где зло!

Я с тобой совершенно согласен относительно бюллетеня¹ — я уже прилепился к нему душой, так как польза его и значение очевидны мне по опыту. На опыте вижу и чувствую, какое это *живое* дело — не в пример газете. От газеты я фактически почти совершенно уже отошел². Никакой органической работы в ней не веду и вся моя роль в ней сейчас ограничивается нерегулярным присутствием на редакционных заседаниях. Внутренний дух, а главное нравы, мне стали совершенно непереносимы — и я уклоняюсь совершенно сознательно. С точки же зрения деловой считаю, что предприятие загублено бесповоротно.

В бюллетене, наоборот, работаю с увлечением. Конечно, тоже приходится преодолевать затруднения, на которые и ты в своем письме указывал, но фактически все дело, действительно, лежит на мне. Первый номер мы печатали в количестве 9.000 экз., второй – 10.000, третий – вероятно, 12.000. Получили пока в общей сложности 270 писем с приветствиями, пожеланиями успехов, просьбой выслать пробный номер, с подписной платой. По [так!] сегодняшний день имеем 160 платных подписчиков. Характерно то, что подписываются сейчас многие из тех, кто получил пробный номер. Это указывает, что французскому читателю газета нравится. На 270 писем было меньше десятка русские письма, все остальные французские – много из провинций и даже из заграницы. Судя по обращениям, многие письма от рабочих, есть подписки и от социалистических секций. Всего больше удивил меня успех розничной продажи на улицах – мы имели десять собственных продавцов в рабочих районах, возле больших магазинов. Первый и второй номера проданы в количестве 50–60%. Это очень большой успех для новой газеты. Причем характерно, что продажа идет лучше, где рабочее население гуще. Отзывы французских читателей очень теплые, были визиты с улицы нескольких французских рабочих, купивших газету случайно у разносчиков – выражали свое удовлетворение. Постепенно накапливаем адреса – депутаты, сенаторы, рабочие синдикаты, организации социалистической партии, редакции газет. Сейчас таких постоянных адресов имеем около 3.000. Собираю адреса через рабочих депутатов, кооператоров и синдикаты. Без излишнего увлечения следует сказать, что дело пошло очень успешно – жду развития в дальнейшем. Очень хорошо работать с А. Пьером³ – оказался первоклассный работник и очень приятный человек, мы с ним, кажется, очень сошлись.

Я уже писал как-то курочке, что благодаря бюллетеню постепенно меняется общий строй моей жизни – больше приходится знакомиться с Парижем и с французами, – я очень рад этому. За эти две недели пришлось говорить по-французски больше, чем я говорил за годы.

Извини, если я повторяюсь – не помню, что писал тебе в тот раз о бюллетене. «Глухой», кажется, тоже доволен, но все твердит, что надо достигнуть тиража в 30.000.

Бюллетень съедает все мое время – ничего не остается для американских статей. Но надеюсь скоро наладиться с работой больше, и тогда больше будет оставаться времени для домашней работы. Обнимаю тебя, милый.

В.

Напиши мне свое *личное* мнение о бюллетене.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

¹ Речь об издании: La Russie opprimée: Bulletin hebdomadaire d'information socialiste / Réd. A. Kerenski. Paris, 1926–1933. № 1 (1926. 27 mars) – № 304 (1933. 15 mai).

² Имеется в виду газета «Дни».

³ Пьер Андре (André Pierre), французский переводчик, публицист. Перевел книгу В.М. Зензинова «Беспризорные» (Париж: Совр. записки, 1929) на французский язык.

23. Зензинов — Вишняку

Grasse. 20 марта 1927 г.

Грасс, 20 марта 1927

Дорогой Маркони, честное слово, написал 25 страниц (имею двух свидетелей) и мог бы статью докончить, как предполагал. Но написанным остался очень недоволен, да и нельзя такую ответстве[нную] вещь писать так спешно и так легкомысленно. Вынашивать это десять лет, а затем вылить смаху — безобразие и перед тобой и перед самим собой¹. Поэтому решил тебе статьи не посылать, как мне самому это ни неприятно. Тузя [Фондаминский], прочитавший уже написанное, со мной вполне согласился — больше того он же меня и убеждал сделать то, что я делаю.

Поэтому прошу извинить меня, если можешь.

И не сердись — я сам произошедшим расстроен больше, чем мог бы быть расстроен твоими сетованиями и упреками. Обнимаю тебя.

В.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24).

¹ По-видимому, речь идет о статье Зензинова «Беспризорные», опубликованной лишь год спустя (СЗ. 1928. № 35. С. 403—436). Массовое явление осиротевших беспризорных детей в Советской России как следствие революционных событий в стране действительно очень занимало Зензинова — впоследствии он опубликовал целую книгу на эту тему; см.: *Зензинов В.М. Беспризорные. Париж: Совр. записки, 1929. 327 с. Ср. также: Zenzinov V. Les enfants abandonnés en Russie soviétique // Le Monde Slave. 1928. Année 5. № 7. P. 107—120; № 8. P. 472—480.*

24. Зензинов — Фондаминскому

Paris. 27 апреля 1927 г.

Париж, 27 апреля 1927

Спасибо тебе, родной Тузик, за письмо. Хотел и сам писать тебе о курочке [А.О. Фондаминской] и о здешней жизни. Живем хорошо — курочка здорова, приветлива, ровна. Были один раз вместе в музее, катается с теткой, танцевала, мечтаем о загородной прогулке, но что-то испортилась погода, стало холодно. А так в Париже чудно — начинает цвести каштан, самое мое любимое время. Были с курочкой и с Вольфсонами на цветочном рынке, и я устроил на балконе Семирамидины сады (с разрешения и благословения консьержки!). Каждый день курочка завтракает у мамыши [Л.В. Гавронской], высыпается. Вчера легла чуть не в 10 часов — а я ушел на вечер Яблоновского¹. Послезавтра идем на вечер Ремизова² — литература русская процветает. Сегодня вечером придет полковник и, может быть, Рабиновичи³ любоваться на свой подарок. Писать о Зинь-Зинь не могу и не умею⁴ — нет пера, нет красок! Он просто восхитителен. Курочка уверяет, что любит его больше всего на свете — почти так же, как мамашу. Спит вместе и старается поскорее вернуться домой — вообще в неустанным восторге.

У Дюма⁵ буду на днях — он теперя переехал в С. Клу, и я жду от него приглашение.

Понемножку занимаюсь «Рюсси Оппримере»⁶, надеюсь скоро начать и свою книжку⁷ — очень хочется работать, хотя курочка и ворчит, что я лентяй: мне тоже хочется посмотреть на Зинь-Зинь!

Вот видишь, все у нас благополучно, чего и тебе от всей души желаю.

Обнимаю тебя крепко, сердечный привет Марку [Вишняку] и Степунам.

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

¹ Литературный «Вечер сильных чувств (любовь, ревность, измена)» А.А. Яблоновского состоялся 26 апреля 1927 г. в Русском клубе (см.: Хроника. Франция. Т. 1. С. 329).

² Авторский вечер А.М. Ремизова состоялся 29 апреля 1927 г. в Русском клубе (см.: Хроника. Франция. Т. 1. С. 330).

³ О ком идет речь, неясно. Ср. также п. 31–32, 68–69, где упоминается Б.Н. Рабинович.

⁴ Здесь, по-видимому, имеется в виду «рапорт» Фондаминскому о делах кота в рамках письма, но впоследствии Зензинов смог и сумел написать рассказ о любимом животном Амалии Фондаминской; см.: *Зензинов В.М.* Путешествие Зинь-Зина // ПН. 1935. 7 янв. № 5037. С. 4.

⁵ Dumas Charles (1883–1955), французский политик, социалист. О контактах Дюма с русскими эмигрантами социалистического толка свидетельствует сохранившаяся корреспонденция — в частности, письма Авксентьева и Фондаминского к нему (BDIC. Recueil Charles Dumas. Correspondances. F delta Rés 885).

⁶ См. примеч. 1 к п. 22.

⁷ Возможно, речь идет о книге Зензинова «Беспризорные» (Париж: Совр. записки, 1929).

25. Зензинов — Рудневу

Paris. 22 сентября 1927 г.

Париж, 22 сентября 1927

Дорогой Вадим,

третьего дня состоялось многочисленное собрание парижской группы, на котором специально обсуждался вопрос о съезде¹. Единодушно было решено вопрос о сроке оставить открытым, но во всяком случае намеченную было дату (кажется, 9 октября²) считать преждевременной. В субботу должны приехать сюда Брушвит и Николаев³, если верить присланной Брушвитом телеграмме — решено с ними также обсудить этот вопрос. Во всяком случае, срок созыва съезда — дело неопределенное, а может быть, и самый съезд. Во всяком случае, ни одна из «группировок» на собрании не обнаружила особого энтузиазма в смысле скорейшего созыва съезда.

При таком положении вещей вопрос о докладах и докладчиках реально и не поднимался — поэтому я и твое заявление никому не передавал.

Что касается кур, то к убиению намечены те, на ногах которых ты найдешь кольцо (желтое или зеленое).

Кстати — был бы тебе очень благодарен, если бы ты при случае сказал Титову³, чтобы он пересланные ему мною книги по прочтении переслал мне.

Привет! Поклон Дику и Лайке.

Володя

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/1).

¹ О каком съезде идет речь, не установлено.

² По-видимому, С.Н. Николаев (о нем см.: Ред., примеч. 17 к п. 280). Николаев проживал, как и И.М. Брушвит, в Праге.

³ Об А.А. Титове см.: наст. изд. Т. 2. С. 898.

26. Зензинов — Фондаминскому

Paris. 10 марта 1928 г.

10/III 1928

Милый Тузик,
ура! Ящики, наконец, только что уехали!
Привет всем!

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Почтовая открытка—реклама фильма «La croisière noire» с африканским мотивом (местность Beni-Abbes, пустыня, верблюды); адрес получателя: «Monsieur I. Fondaminsky, Grasse A[lpes-]M[aritimes], Villa Belvédère»; почт. шт.: «Paris, 10.III.1928».

27. Зензинов — Фондаминскому

Paris. 12 марта 1928 г.

12 III

Милый Тузик,
получил 600 фр. и уже передал их М[ada]ме Корбе. Она, по-видимому, очень разочарована, т.к. ожидала для В.О. и для себя тысячу. С мамашей [Л.В. Гавронской] все благополучно. Вчерашний день (воскресенье) с ней провели Илья Осипович [Гавронский] и Елиз[авета] Солом[оновна].
Привет всем.

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка—реклама фильма «La croisière noire» с африканским мотивом («Chasse au lion dans l'Oubangui-Chari [Охота на льва в Убанги-Шари]»); адрес получателя: «Monsieur I. Fondaminsky, Grasse A[lpes-]M[aritimes], Villa Belvédère»; почт. шт.: «Paris, 13.III.1928».

28. И.И. и А.О. Фондаминские — Зензинову

Dresden. 10 октября 1928 г.

10 X 1928

Родной Володинька,
1. Отправь, пожалуйста, прилагаемое письмо в Грасс.

2. Вложи в письмо к Мягковой¹ письмо Лосскому (с конвертом) и тоже отправь. Мы пока живем чудесно. Курочка в прекрасном настроении. Степуны очаровательны. Целую крепко.

Тузя

[рукой А.О. Фондаминской:] Дорогой Владимирчик,
я нисколько не ревную и только хочу, чтобы коту было хорошо.

Мне здесь чудесно живется.

Видал ли ты Citalax²?

Время очень бежит, и в воскресенье в 6 часов уже будем в Berlin'е и в среду или четверг в Париже.

Пусть ла[?] Geneviève работает, только ты ее не развращай. Пусть все чистит и учится. Научи ее потом варить борщ. Вчера чудно гуляли.

Тебя и родного Zin Zin целую.

Степун очень собирается помочь тебе и через тебя, вероятно, мне, чтобы можно было кататься [казаться?], по выпуску твоей книги³. Вчера мне много об этих планах говорил, но я не помню.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

¹ Возможно, Мягкова Вера Викторовна (урожд. Савинкова; 1872–1942), сестра Б.В. Савинкова, в эмиграции жила в Праге, либо ее дочь Успенская (урожд. Мягкова) (Савинкова-Мягкова) Лидия Александровна (1906–2006), медсестра, переводчица, жена богослова Л.А. Успенского. С 1921 г. в эмиграции в Польше, затем в Праге, с 1939 г. в Париже.

² Медикамент, антидепрессант.

³ См. примеч. 7 к п. 24.

29. Зензинов — Вишняку

Paris. 24 мая 1930 г. [?]

24 мая

Дорогой Маркони,

должно быть, проволока твоего телефона уже перетерлась — сколько ни звоню, все время «занято». И так как я не уверен, что телефон [у] тебя в ближайшее время снова начнет действовать, то пишу тебе настоящую цидулку, в которой скажу то, что должен был тебе сказать по телефону.

Завтра, в воскресенье¹, в 4 часа дня у Мани Цетлин состоится встреча-чай с той молодой писательницей советской, о которой я тебе в последнее наше свидание рассказывал. Будет также тот летчик-полковник (он скромно поправляет: «подполковник!»), рассказ которого я читал у Мити [Д.О. Гавронского], будет также Алданов, Николаевский, Денике², Бургина³. Приходите и вы — ты и Мария Абрамовна [Вишняк]. Будем общаться. Привет!

В. Зенз.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ 24 мая приходилось на субботу в 1924 г. и в 1930 г. Как время написания письма более вероятно 1930 год.

² Денике Юрий Петрович (1887–1964, Брюссель), историк, журналист, социал-демократ, меньшевик; с 1920 г. профессор Московского университета; в 1922 г. командирован в Берлин, где служил в Отделе дипломатической информации НКВД; перешел на положение эмигранта не ранее марта 1925 г. (см. *Генис В.Л.* Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920–1933). М., 2009. С. 34–35).

³ Бургина Анна Михайловна (1899–1982, Калифорния), библиограф, археолог; замужем за И.Г. Церетели, во втором браке – за Б.И. Николаевским.

30. Зензинов – В.И. Рудневой

Paris. 25 августа 1930 г.

Париж, 25 августа 1930. Понедельник

Милая Верочка,

ты просила тебе написать все наши новости, но, вероятно, ты и так уже все знаешь.

Б.О. [Гавронский] благополучно приехал вместе с Любочкой [Л.С. Гавронской] и Яшей еще в субботу, он медленно поправляется, – конечно, еще не выходит из дома и большею частью сидит в кресле. Простуда, во всяком случае, прошла благополучно. Но, конечно, она не укрепила общего его состояния.

Яша вчера вернулся в Лондон.

Вероятно, ты уже знаешь, что неожиданно скончалась в Мариенбаде мать Мэри Евсеевны¹. Она была там вместе с г. Калмановским². Мэри Евсеевна немедленно поехала туда, там же, вероятно, состоятся и похороны. Из Лондона Мэри Евсеевна проехала в Мариенбад, миновав Париж – но было несколько телефонных разговоров с Лондоном и Мариенбадом.

У нас в доме все благополучно. Илюша [Фондаминский] сегодня утром на два дня уехал к Федотовым, которые живут где-то на Луаре. Захаживает А.Ф. [Керенский]. Вчера был Рутенберг. О Сергеевой³ мы ничего не слышали, так что, к сожалению, ничего не могу тебе сообщить. А.Ф. [Керенский] каждый день собирается в Прагу.

С тех пор как на каникулы уехала Женевьева, я сделался кухаркой – и все в полном изумлении, как вкусно и дешево можно дома питаться. Это настолько поразило Амалию и Илюшу [Фондаминских], что они просят меня продолжить эти функции и по приезде Женевьевы. Я, таким образом, повысился в чине – из судомоек в кухарки.

Наступила здесь чудная погода, – в пустом Париже, который вдруг превратился в провинцию, сейчас очаровательно. Обнимаю тебя крепко.

В.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ Гавронская (урожд. Калмановская) Мэри Евсеевна (1890–1955), жена Я.О. Гавронского, политического представителя Временного правительства в Великобритании.

² Вероятно, Калмановский Евсей Савельевич (?–1934, Лондон), отец М.Е. Гавронской.

³ Возможно, парижская портниха Анна Сергеева, в ателье которой В.И. Руднева работала с 1922 г. по 1931? г.; см.: Ред., примеч. 13 к п. 310.

31. Зензинов — Вишняку
Horní Počernice. 10 мая 1931 г.

Куриная ферма, 10 мая 1931

Dřúbežárna¹ L. Archangelská²

Chvaly Počernice, st. a p. Horný [так!] Počernice³

Дорогой Маркони,
 извещаю тебя о св[оём благоп]олучном прибытии в Прагу и на куриную ферму. Встрече[н был Иван]ом Михайловичем⁴, Василием Гавриловичем⁵ и Василием [Акимовиче]м⁶ и отбыл на ферму на земгоровском автомобиле! [часть текста утрачена] [к счас]тью, не уехала — вопреки тревожным известия[м] [часть текста утрачена]сь и не уедет.

Здесь чудесно [часть текста утрачена] и просторный дом — большие комнаты, тишина, по[часть текста утрачена]пыли, в окна кругом смотрят зеленые поля. Бабушк[а]⁷ [часть текста утрачена] [не] помолодела, но для своих лет хорошо выглядит и [часть текста утрачена]а. Все живут трудовой жизнью и вся обстановка[вка напоминает Рос]сию или Сибирь (невольнo почему-то все время [часть текста утрачена]андровском, а ночью видел во сне Абрашу [А.Р. Гоца]). Борис [Рабинович]⁸ с у[тра] начал посвящать меня в куриные тайны — по[часть текста утрачена]ть питомников и с нетерпением ожидаю очеред[ную партию? новорож]денных: через пять дней должно родиться с[часть текста утрачена] [и]нтересная вещь!

Завтра [часть текста утрачена] Иваном Михайловичем [Брушвитом]. Тогда сообщу [часть текста утрачена] новости.

Милый М[аркони] [часть текста утрачена] [сро]чно, просьба, но какая! Хотя я и соб[часть текста утрачена] [неско]льких месяцев, но организовал свой [часть текста утрачена] [прие]ха[л н]а вокзал с опозданием — шел дождь, такс[и] [часть текста утрачена] [ог]ромный затор в движении, в вагон вскочил за [часть текста утрачена] поезда! Но главное — это то, что забыл зах[ватить с собой фот]ографический аппарат, который мне здесь обязате[льно нужен, чтобы с]нимать бабушку). Хотел даже возвращаться с до[роги, вспомнив об] аппарате уже в Германии! Вот и хочу просить те[бя] [часть текста утрачена] [о]долж[ении]. Разуши, пожалуйста, его. Он лежит в моей [часть текста утрачена] [на пол]ке, на которой навалена всякая рухлядь [часть текста утрачена] там два — один маленький, размерами в визит[ную карточку, и один] — большой, размерами с открытое письмо. Мне [нужен этот фотоаппа]т. Найти его на полке не трудно — он лежит [либо] [часть текста утрачена] [л]ибо около полочной перегородки. И нужно этот [аппарат передать? Ва]силию Акимовичу Харламову, который сейчас наход[ится на варша?]вском съезде, а затем должен вернуться в Прагу. О[часть текста утрачена] [а]ппарат нужно доставить в Земгор и попросить (чере[з] [часть текста утрачена] [В].А. Харламова одолжения привезти аппарат с собой в [Прагу и пере]дать кому-нибудь из членов пражского Земгора (напр., [часть текста утрачена]ву). Буду тебе за исполнение этой просьбы очень б[лагодарен. Тр]ебуй от меня какой-нибудь компенсации! Только сделай э[то, мил]ый, поскорее, а то как бы Харламов не уехал!

Честное слово, приве[зу] тебе лишней гриоттки⁹!
Обнимаю тебя, привет Марии Абрамовне [Вишняк] и нижнему этажу.

Володя

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Большие фрагменты текста в середине листа полностью утрачены от сырости.

¹ Куриная ферма (чеш.).

² Архангельская Лариса Васильевна — по-видимому, жена В.Г. Архангельского.

³ Horní Počernice — пригородная местность восточнее Праги, ныне в составе города.

⁴ По-видимому, имеется в виду И.М. Брушвит, председатель пражского Земгора.

⁵ Возможно, В.Г. Архангельский (1868—1948), общественно-политический деятель, эсер, публицист, работал в пражском Земгоре.

⁶ Вероятно, имеется в виду упоминаемый ниже в письме В.А. Харламов (1875—1957, Буэнос-Айрес), общественно-политический деятель, кадет, публицист, член пражского Земгора.

⁷ Имеется в виду Е.К. Брешко-Брешковская.

⁸ Рабинович Борис Николаевич, эсер, общественный деятель, инженер (см.: Хроника. Чехословакия. Т. 2. С. 559); упоминается в письмах Зензинова к Рудневу от 21 сентября 1934 г. и от 5 октября 1934 г. (п. 68—69) в связи с его некрологом о Е.К. Брешко-Брешковской.

⁹ Griotte — марка вишневого ликера.

32. Зензинов — Вишняку *Horní Počernice. 18 мая 1931 г.*

Куриная ферма, 18 мая 1931

Милый Маркони,

спасибо за открытку, за исполнение поручения и за поливку моего сада. В свою очередь тебе все кланяются отсюда. Бабушка [Е.К. Брешко-Брешковская] просила кланяться «обоим Вишенькам» и вспоминала, какая замечательная рукодельница одна из Вишенек и как все умеет сделать и переделать.

Спасибо также за общие сведения.

Только что послал тебе заказной бандеролью две брошюры об избирательном законе при выборах в Учредительное собрание¹. Послал и трясусь, так как совершил криминал — совершил это втайне, в расчете на аккуратность международной почты и в надежде на тебя. Когда минует надобность, пришли мне в том же порядке, т.е. заказной бандеролью на адрес Куриной Фермы — мне.

Требуй от меня лишнего литра гриоттки, ибо хочу навалить на тебя новое поручение. Ну что же мне делать? Считай, что независимо от гриоттки я все равно еще останусь твоим должником на будущее...

Вот в чем моя просьба. Когда придешь на рю Черновиц за [оче]редной поливкой, то отбери, пожалуйста, в моей комнате на книжной полке (на стене ванной комнаты) моих **БЕСПРИЗОРНЫХ** во *французском, немецком, голландском и итальянском* изданиях² (все это стоит в одном месте). На той же полке или одной полкой ниже, слева у перегородки имеются *тетради*³ с отзывами о беспризорных на русском, французском и немецком языках (тетради школьного формата, с картинками на обложке, изд. Гашетт, кажется) — всего 4—5 тетрадей. Все это я бы хотел

получить по почте. Всего удобнее это можно сделать так: ты бы зашел на квартиру *перед* своей редакцией, забрал бы указанные мною книги и тетради, все это отнес бы в «Р[од]ник», а там бы попросил у Ильи Николаевича [Коварского], чтобы он при слу[чае] отправил мне все по моему адресу на куриную ферму ЗАКАЗНОЙ бандеролью^{**}). Дело в том, что у меня сейчас идут переговоры с од[ним] чешским издательством об издании книги на чешском языке³; этот материал послужил бы для меня *очень веским* аргументом в переговорах.

Не сердись, Маркончик! Ей Богу, я тебе отслужу!

Написать тебе, как я тут живу? Живу в полном смысле слова — ОТМЕННО! Часто езжу в Прагу для занятий в Историческом Архиве, который превзошел все мои ожидания. В таком случае встаю в 6.30 утра, еду с 8-ми часовым автобусом в Прагу и сижу в архиве до 2 часов дня (в 2 ч. он запирается — с 8 утра). Во второй половине дня также занимаюсь у себя в комнате. Но Архив так любезен, что выдает книги даже на дом, а потому я привожу на ферму охапки книг, что дает мне возможность заниматься здесь. Условия для занятий здесь идеальные. Тишина, кругом зеленые поля. Из окна вижу в небе поющих жаворонков, могу узреть даже зайцев и куропаток. Погода последние дни установилась идеальная — жарко и тихо, душистый воздух. Воистину млеющая весна. Особенно чудесно в ранние утренние часы и на закате. У меня огромная светлая комната с массой воздуха. Работается очень хорошо — материала для обеих книг⁴ больше, чем надо. Главная моя забота — как себя ограничить. Бабушка очень мило отнеслась к моим намерениям и очень мне помогает — предоставила даже в мое распоряжение свои мемуарные записи в рукописи («история моей духовной жизни», т.е. как раз именно то, что мне надо). Правда, я еще должен эту рукопись разыск[ать].

Архангельские и Борис [Рабинович] все ко мне очень милы, так что я буквально катаюсь, как сыр в масле (вчера у нас были пельмени!). Когда устаю стучать на машинке и когда надоедает рыться в ст[атьях?], иду к курам и цыплятам. Это тоже вещь увлекательная! Тут ест[ь о] чем порассказать.

Начать надо с «не рожденных душ», которые парятся в инку[бато]рах. На четвертый день там уже заводится черное пятнышко — представь себе, дело начинается с глаза! И все время это пятнышко движется, как будто ныряет. Дважды в день яйца надо переворачивать (принимаю участие в этом деле). И на 20-й день ты можешь увидеть через стекло инкубатора, как изнутри кто-то начинает долбить скорлупу. Это уже рожденная душа — цыпленок! Он делает там невероятные усилия, долбит, выпрямляется, ломает и, наконец, разламывает скорлупу, как Иван Царевич — бочку! И вот он! Жалкий, мокрый, но уже с величайшей жадностью к жизни. Если он появился на свет Божий утром, то уже к вечеру этого дня он не только обсыхает, но весь покрывается нежнейшим желтоватым или белым [пухом и] превращается в очаровательнейшее существо, которое долбит [часть текста утрачена] крошки клювом и наполняет комнату писком. Через день он уже проходит через ЗАГС (запись актов гражданского состояния), т.к. его не только регистрируют и заносят в книгу, но тут же прикрепляют к нему крошечный металлический номер на всю жизнь (для этого ему прокалывают кожу на крыле). Первое приятие пищи и особенно воды (или молока) это воистину волнующий момент. Когда жидкость попадает ему в клюв, он задирает вверх голову, жидкость стекает по горлышку и он от нее пятится назад, пока не упрется в перегородку

своего помещения. Вероятно, испытывает при этом величайшее изумление, а потом и удовлетворение. Затем это существо начинает расти буквально по часам. Всего очаровательнее они двух–трех [дней] отроду, когда их отправляют в особых картонках по почте. Пионе[ры] постепенно превращаются в комсомольцев, а потом и совсем в по[лно]правных граждан. Интересны они во всех стадиях. С помо[щью] Бориса [Рабиновича] проникаю даже в куриную и петушину психологию, начинаю не на шутку понимать, о чем квохчет курица и о чем поет петух. Оказывается, петух все время орет, что все в его районе или его царстве или, если хочешь, гареме — обстоит совершенно благополучно. И извещает он об этом только кур — людей игнорирует, вопреки их претензиям.

Имеются здесь еще интересные персонажи. Домашняя собака Мильтон и цепной пес Боярка. О Мильтоне можно было бы написать целую книгу. Зовут его вовсе не по имени английского поэта, а с маленькой буквы — мильтон-милиционер. Зовется так, потому что хорошо обыскивает людей: можно что угодно (коробку спичек, платок, ключ) спрятать в карман, он, по приказанию, обязательно найдет. Найдет также любую вещь, спрятанную в комнате. Располагает словом***) из нескольких слов: книга, газета, туфли, коробка спичек, камень, палка. Но самое любимое его занятие — приносить брошенный камень. Он может часами ходить за тобой, умильно смотрит преданными глазами, иногда в нетерпении начинает лаять — лишь бы над ним сжалились и бросили подальше камень или палку, тогда он восторженно летит за ними и приносит. И делает это с неизменной радостью, несчетное число раз. Вообще это восторженный пес — восторженность основная черта его характера.

Боярка — дело другое. Когда Боярку спускают с цепи, все живое вокруг прячется. Подойти к нему могут лишь Борис [Рабинович] и Лариса [Ва]сильевна [Архангельская]. Конечно, меньше всего — Мильтон. Это враги непримиримые. Недавно они бросились один на другого через закрытое окн[о,] разбились стекло и вонзились один в другого. Боярка был провор[нее] и впился зубами в загривок Мильтону так, что еле разжали двое его челюсть, но зато когда Мильтона вырвали из его объ[ятий,] он разгрыз Боярке всю физиономию.

Есть еще Чики, белый кот, прекрасно ловящий мух, есть тоже б[елая] ко[шка] Катка, которая ждет прибавления семейства, есть, наконец, семейство скворцовое — другая скворешня занята после упорных и длительных атак воробьями. Всего не перечислишь.

Забыл еще представить курицу Екатерину Борисовну, родившуюся в день именин бабушки...

Но из всего этого ты видишь, что я очень занят и хорошо живу.. Чего и тебе от всей души желаю! Сердечно кланяюсь обоим Вишенькам.

В.

*) [леж]ат плашмя

**) Илье Николаевичу за это вперед специальное спасибо!

***) конечно: только *понимает* — еще не говорит!

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Фрагменты текста на краях листов утрачены от сырости.

¹ Непонятно, были это эмигрантские партийные брошюры или еще революционных лет.

² См.: *Zenzinow V. Les enfants abandonnés en Russie soviétique* / Trad. par André Pierre. Paris: Plon, 1929; *Sensinow V. Die Tragödie der verwaehrlosten Kinder Russlands* / Übers. von Benno Hepner. Zürich; Leipzig: Orell Füssli, 1930; *Zenzinow V. Verwilderde kinderen in Sowjet-Rusland* / Uit het Russ. door Boris Rapschinsky. Zutphen: Thieme, 1930; *Zenzinow V. Infanzia randagia nella Russia bolscevica* / Traduzione di Nina Romanowski. Milano: Bietti, 1930. Известен также перевод на английский язык: *Zenzinow V. Deserted. The story of the children abandoned in Soviet Russia* / Translated by Agnes Platt. London: Herbert Joseph, 1931.

³ Издание книги Зензинова на чешском языке не состоялось.

⁴ О каких книжных проектах идет речь, неясно. В 1930-е гг. книг Зензинова на русском языке не выходило.

33. Зензинов — Вишняку

Grasse. 20 июня 1932 г.

Грасс, 20 июня 1932

Милый Маркони,

оказывается, причиной моего внезапного вызова в Грасс был не один только кот. Виноват в этом был также еще и... Фрагонар. Сначала, *конечно*, о коте: он, действительно, захворал, не пил, не ел, захандрил, и потому возник проект перевезти его в Париж. Но на четвертый день ему стало немного лучше, и теперь есть надежда, что он оправится собственными силами в самом Грассе. Что же касается Фрагонара, о котором, надеюсь, тебе известно, что он был уроженцем Грасса, то ему как раз стукнуло 200 лет со дня рождения¹. Это дало Грассу основание чествовать день его рождения — и вчера был *последний* день празднеств (которые длились три дня). Отсюда «*partir aujourd'hui sans faute*».

В Канн я был встречен курочкой [А.О. Фондаминской]. Приехав в Грасс, мы очутились на его улицах среди веселой толпы современников Фрагонара, т.е. *со-тен* провансальцев и особенно провансалонок, одетых в костюмы его эпохи. Нечего было и думать о том, чтобы протолкаться через эту толпу — особенно еще с чемоданом в руках. К тому же надо было пропустить процессию, во главе которой шел сам Фрагонар, опираясь на длинный жезл, окруженный друзьями и почитателями. За ними шли многочисленные группы провансальцев, одетых в белые костюмы, с широкими красными поясами и в красных колпаках, карета, снаружи разрисованная, внутри обитая атласом, вереницы мулов, на которых сидели очаровательные провансалки и детишки — по две штучки на каждом муле, музыканты с историческими барабанами, взятыми из музея Фрагонара (они именуются революционными, так как барабанили во время революции), и с флейтами-дудками. Процессия эта тянулась не меньше часа, и мы так удачно застряли, что без всякого даже куп-филя³ очутились внутри огороженного для процессии места, и вся процессия продефилировала перед нами. А вечером шесть раз мы пропускали мимо ту же процессию по кривым улицам Грасса (каждый раз перебегая с одной улицы на другую) — с факелами, бенгальскими огнями, музыкой, и до часу ночи любовались веселыми народными танцами.

Видишь, как мне повезло — слава коту и Фрагонару!

Здесь настоящий рай, хотя жители его и уверяют, что три недели тому назад было еще лучше, так как цвели розы. Я этому не верю, потому что лучше быть не

может. Трудно также себе представить что-нибудь очаровательнее виллы Бо-Сит. Тихо, просторно, прохладно, царские покои, по комнатам ходят волнами ароматы цветов. Боюсь, что умру от восторга.

Курочку и Тузю [И.И. Фондаминского] нашел в добром здравии и хорошем настроении. В состоянии здоровья Б.О. [Гавронского] изменений к лучшему не происходит⁴. Сегодня Тузя на весь день уехал к нему.

Маркони, есть у меня к тебе просьба, только не знаю, сможешь ли ты ее выполнить. При отъезде я не взял с собой фотографического аппарата, о чем горько пожалел еще на вокзале. Так вот — не вышлешь ли мне его? Лежит он на моей полке (знаешь, у меня есть несколько собственных полок в моей комнате в той стене, которая примыкает к ванной комнате). Слева на верхней *моей* полке и лежит в углу фотографический аппарат (плашмя) в черном кожаном футляре — да ты наверно его знаешь. Возьми, пожалуйста, у консьержки ключ от квартиры и разыщи фотограф[ический] аппарат (я ей пишу письмо, в котором, кстати, пишу и об этом). Когда найдешь аппарат, заверни его в несколько номеров газет (обязательно вместе с футляром), снаружи в какую-нибудь человеческую бумагу (можно купить в писчебумажном магазине лист оберточной крепкой бумаги) и заказной посылкой отправь на мое имя по почте (думаю, что почта примет, вряд ли в аппарате будет больше двух кило — если же, паче чаяния, в нем окажется больше, то посылку придется отправить по железной дороге — с вокзала на станции жел[езной] дор[оги] Мюетт, спуститься вниз). Я, конечно, очень извиняюсь перед тобой за беспокойство, но надеюсь, что тебе отработаю. Просьба моя не такая спешная, может пролежать несколько дней, когда будешь в Пасси — вероятно, я все-таки недели две здесь пробуду (об этом разговора не было).

Обнимаю крепко тебя. Сердечно кланяюсь Марии Абрамовне [Вишняк].

В.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24).

¹ Французский художник Жан Оноре Фрагонар (Fragonard; 1732–1806) действительно родился в Грассе, но не в июне, а 5 апреля 1732 г.

² уезжать непременно сегодня (фр.).

³ *couvre-file* (фр.) — пропуск.

⁴ Брат А.О. Фондаминской Б.О. Гавронский скончался 24 июня 1932 г. в Ницце, через четыре дня после написания данного письма.

34. Зензинов — Вишняку

Paris. 8 октября 1932 г.

Суббота

Милый Маркони,
очень мне понравился твой сегодняшний фельетон¹ — если и вся книга² так написана, тебя надо поздравить с большой удачей. Очень захотелось тебе это сказать поскорее.

Обнимаю.

Володя

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Датируется с учетом почт. шт. Почтовая открытка–реклама фильма «La croisière noire» с африканским мотивом («Une femme Logo (Congo belge) [Женщина из племени Лого (Бельгийское Конго)]»); адрес получателя: «Monsieur M. Vichniac, Paris XVI, 122 b[oulevard] Murat, Porte 85»; почт. шт.: «Paris, 9.X.1932».

¹ См.: *Вишняк М.В.* Красный царь // ПН. 1932. 8 окт. № 4217. С. 2–3 (с примечанием: «Глава из книги “Lénine”, выходящей в ближайшее время на французском языке в коллекции Armand Collin “Les Ames et les Visages”»).

² См.: *Vichniac M.* Lénine. Paris: A. Colin, 1932 (вышла из печати в конце ноября 1932 г.).

35. Зензинов — Рудневу

Paris. 12 апреля 1933 г.

Париж, 12 апреля

Дорогой Вадим,
должен перед тобой извиниться, так как завтра утром не смогу прийти на рю Черновиц¹, как мы с тобой условились. Должен завтра утром верстать *Русси опп-риме*² — ввиду Пасхи типография перенесла верстку на завтрашний день, вместо послезавтрашнего³.

Назначь любой другой день — если хочешь, встретимся на рю Черновиц послезавтра утром, — буду тебя там ждать с 10 ч. утра. *Если* тебе это удобно, не пиши мне ничего. Если же ты не сможешь прийти в пятницу к 10.30 утра на рю Черновиц, можешь мне завтра позвонить по телефону на рю Винеz в 12.30 д[ня] и назначить свое время.

Еще раз прошу меня извинить. Целую Верочку [Рудневу].

В.

От Каутского получился очень приятный ответ.

В Праге с[оциалисты]-р[еволюционеры] приняли прекрасную резолюцию о едином фронте.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Год установлен по содержанию (см. примеч. 3).

¹ Фондаминские жили в Париже до октября 1933 г. на 1, rue Chernovitz, а затем переехали на 130, avenue de Versailles.

² См. примеч. 1 к п. 22.

³ В 1933 г. Пасха пришла на 16 апреля (страстная пятница — на 14 апреля).

36. Зензинов — Фондаминскому

Paris. 25 апреля 1933 г.

Париж, 25 апр. 1933

Милый Тузя,
получил сейчас от Раюши [Р.И. Лебедевой] книжку Е.И. Булгаковой¹ и сегодня же приступлю к чтению. Сегодня сговорюсь с Вадимом [Рудневым].

Целую тебя и курятинку [А.О. Фондаминскую] с З[инь]-З[ином].

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Vox 3. F. 7). Почтовая открытка.

¹ См.: Булгакова Е.И. Царевна Софья: Историческая повесть. Париж: YMCA-Press, 1933.

37. Зензинов — Фондаминскому

Paris. 28 апреля 1933 г.

Париж, 28 апреля 1933

Милый Тузя,

честь имею тебя известить, что рецензия на книгу Е.И. Булгаковой мною написана и одновременно с этой открыткой высылается Вадиму [Рудневу], как мы с ним условились. Получилось немножечко больше одной страницы «С[овременных] з[аписок]» библиографического отдела — как ты и хотел¹.

По правде сказать, выдал из себя эту рецензию с некоторым трудом.

Кому отдать или переслать книгу? Обнимаю.

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Vox 3. F. 7). Почтовая открытка.

¹ См.: Зензинов В.М. [Рец. на кн.:] Булгакова Е.И. Царевна Софья: Историческая повесть. Париж: YMCA-Press, 1933 // СЗ. 1933. № 52. С. 462–463.

38. Зензинов — Рудневу

Paris. 29 апреля 1933 г.

Париж, 29 апреля 1933

Дорогой Вадим,

посылаю тебе рецензию на книгу Е.И. Булгаковой, которую, по правде сказать, выдал из себя с некоторым трудом. В ней 57 строк библиографического набора «Совр[еменных] записок». Делай с ней, что хочешь — сокращай, как заблагорассудится...

В Комитет парижской организации прислано заявление за подписью Сухомлина, Слонима, Лебедева, Росселя¹, Сталинского, Сизова² и Издебского³ о выходе их из состава парижской организации и образовании ими парижской группы П[артии] с[оциалистов-]р[еволюционеров]. Лебедева почему-то среди подписавшихся нет⁴. Обнимаю.

В.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Россель Леонид Владимирович (1896–1942), общественный и профсоюзный деятель.

² Сизов Александр Сергеевич (1896–1976, Москва), литератор, политический деятель; в 1947 г. был выслан французскими властями в СССР.

³ Возможно, Издебский Владимир Алексеевич (1882–1965), художник, член партии эсеров; в 1930 г. обосновался в Нью-Йорке.

⁴ Перечисленные лица принадлежали к одной из левых фракций заграничной делегации партии эсеров, противостоящей правым эсерам, группировавшимся вокруг Керенского, Зензинова и редакторов СЗ. Владимир Иванович Лебедев (1884–1956) к этому времени, видимо, успел уже «поправить»; в 1936 г. участвовал в собраниях журнала Керенского «Новая Россия».

39. Зензинов — Рудневу

Paris. 3 мая 1933 г.

Париж, 3 мая 1933. 12, square Alboni, XVI

Дорогой Вадим,

не знаю, виделся ли ты вчера с Колей [Авксентьевым] и сообщил ли он тебе, что у нас назначено новое собрание редакции «Свобода»¹ в Земгоре на пятницу, 5 мая, на 12.15 ч. для заслушания следующих статей: Соловейчика, моей и твоей².

Пока у нас имеются статьи Керенского, Кроля, Авксентьева и должна быть (кажется, через тебя) статья Вишняка³.

Известно ли тебе о той порнографической литературе «областного комитета», которая у нас уже накопилась (заявление «сусликов» о выходе из парижской организации и «областного комитета», о ненормальности существования в Париже двух организаций)? Литература эта находится на руках у Коли — решено, что необходимо им серьезно и резко ответить в первом же номере журнала⁴.

Обнимаю тебя и Верочку [Рудневу].

Володя

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Свобода: Периодический журнал / Издание Парижской организации партии социалистов-революционеров. Париж, 1933–1936. № 1–5.

² Соловейчик С. Российские социалисты в Рабочем Социалистическом Интернационале // Свобода. 1933. Июнь. № 1; Зензинов В. Отклики // Там же; Руднев В. О советской «коллективизации» (Фельетон) // Там же.

³ Керенский А. Очередной лозунг // Там же; Кроль М. Когда же они прозреют? // Там же; Авксентьев Н. Неотложная задача // Там же; Вишняк М. Демократия и социализм // Там же.

⁴ [Б.н.] Хроника. В заграничной организации П.С.-Р. — О едином фронте — резолюции парижской и пражской организаций. — Письмо Карлу Каутскому. — Ответ К. Каутского // Там же.

40. Зензинов — Вишняку

Paris. 9 июня 1933 г.

Молодчина Маркони!

Написал прекрасную статью для «Свободы»!¹

Обнимаю.

В.

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24). Датируется по почт. шт. Письмо на почтовом переводе. Адрес отправителя: «V. Zenzinov, 12 square Alboni, XVI»; почт. шт.: «Paris, 9.6.33».

¹ Имеется в виду статья Вишняка «Демократия и социализм» (см. примеч. 2 к п. 39).

41. Зензинов — Рудневу

Paris. 3 августа 1933 г.

Париж, 3 авг. 1933. 12, square Alboni, XVI

Дорогой Вадим,

пересылаю тебе для ознакомления письмо Егора Егоровича [Лазарева], также и копию его последнего американского письма. Может быть, и в самом деле можно бы было выжать что-нибудь из этого для второго номера «Свободы»¹, как этого хотел бы Егор Егорович.

Обнимаю. Сердечный привет Верочке [Рудневой].

В.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Во втором номере «Свободы», вышедшем в октябре 1934 г., публикаций Е.Е. Лазарева нет (он печатался в № 1, 3 и 4).

42. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 2 февраля 1934 г.

Пятница, 9 ч. утра

Дорогой Володинька,

дал телеграмму и тут же на почте пишу несколько слов. Всё прошло, слава Богу, благополучно. Когда поезд тронулся, курочка [А.О. Фондаминская] заснула и с перерывами спала до 12; немного поела и опять дремала. Чувствовала себя неплохо, хотя болела голова. На границе даже не пришлось выйти из вагона — дал ключи, и кондуктор сам пошел на таможду. В Лозанне приходила Маргарита и протелефонировала в Aigle, чтобы приготовили стул. С Лозанны было труднее — сложили вещи, курочке не на чем было лежать, и она немного скисла. В Aigle её на руках сняли и посадили в вагон, и она отошла. Снова были одни в купе. В Leysin нас встретили, и курочка сама дошла до санатория. Тут её сразу уложили в постель. Уход замечательный. Сейчас её будут исследовать. Курочка отлично спала, t° 36.9; хорошо ела вчера и утром. Комната отличная. Солнце. Чувствует себя хорошо и бодро. Доктор и сестра симпатичные. Доктор обещал «всё» устроить. В общем, всё обошлось благополучно, и я очень доволен. Вечером напишу. Протелефонируй всем. Курочка целует тебя и всех.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zenzinoff, 12, square Alboni, Paris XVI, *Frankreich*»; почт. шт.: «Leysin, 2.II.34»; «Paris, 3.II.1934».

43. Фондаминский — В.И. и В.В. Рудневым
Leysin. 3 февраля 1934 г.

Grand Hôtel Leysin. *Пятница Суббота*

Милые Верочка и Вадим,
 не знаю, переехал ли Володя [Зензинов] на новую квартиру — потому пишу очередной бюллетень вам и прошу сообщить Володе, а он уже известит остальных. Сутки (с 7 ч. вечера пятницы по 7 ч. веч[ера] субботы) прошли благополучно. Т° вчера вечером 37.6, сегодня 36.8, 36.8, 37.1 — последнюю еще не брали. Спала, ела хорошо. Почти не кашляла. Довольна доктором и уходом. Предписали полный покой, чтобы облегчить рассасывание жидкости — даже обтираний не делают. На днях сделают «ponction¹» для исследования жидкости. Вообще, пока еще никаких заключений не делают. А[малия] пока не скучает, но не уверен, долго ли это продолжится. Будем надеяться, что через неделю её начнут вывозить на балкон, а через месяц разрешат двигаться. Пока она сама двигается с трудом и болями. Кругом тишина. Я выхожу на ½ часа. Почти всё время сижу у А[малии].

В общем, настроение более спокойное, чем в Париже. Курочка просит вас крепко целовать — писать ей не рекомендуется.

Ваш И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Roudneff, 51 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 3.П.34».

¹ пункция (фр.).

44. И.И. и А.О. Фондаминские — Зензинову
Leysin. 7 февраля 1934 г.

7 II 1934

Дорогой Володинька,
 вчера был день хороший. т° совсем нормальная: 36.2, 36.1, 36.8, 36.9. Дышала легче. Ела и спала хорошо. Немного кашляла, но уже не брала кодеина на ночь. Самочувствие было хорошее. Все эти дни совсем не было изжоги. Вчера немного появилась, но ненадолго. Сегодня утром было хуже. Заснула позже (1½ ночи) и проснулась с головной болью. Но т° 36.3, 36.5, 37. Днем (от 2 до 4) спала и теперь чувствует себя хорошо. Круглые сутки лежит с приоткрытой дверью на балкон — жалуется, когда закрываю, чтобы нагреть комнату. Завтра её снова будут радиоскопировать и исследовать. Пожалуйста, протелефонируй полковнику этот бюллетень и скажи, что р[усские] газеты *все* сегодня пришли. Будь здоров, целую всех. Крепко тебя целую.

Твой Ил[ья]

[рукой А.О. Фондаминской] Дорогой Володя,
 спасибо за письмо. О котях тоскую очень. Я тут очень неудобно лежу, все время мучаюсь. Попроси Jeann'у упаковать две мои большие подушки и 4 наволочки и вышли их к[а]к можно скорее. Вообще тут очень неудобная постель, или, быть

может, причина в моей болезни. Очень волнует Париж. Точно ничего не знаем. С новосельем. Целую.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieu]r Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 7.II.34».

45. Зензинов — Фондаминскому

Paris. 9 февраля 1934 г.

Париж, 9 февраля, пятница

Милый Тузя,

спасибо за более утешительные сведения. *Сегодня же* будут высланы подушки и радиография, оказавшаяся у доктора Gally (фотография). Посылаю привет тебе и родной курятинке с моей мобильной выставки — arts ménagers¹. Коты кланяются — видел их сегодня утром.

Целую тебя и курятинку.

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка с надписью: «Roquefort. Caves de la Rue — Un saloir» и с изображением подвала, заполненного сыром; адрес получателя: «Monsieur I. Fondaminsky, Leysin, Grand Hôtel (Vaud), Suisse»; почт. шт.: «Salon des arts ménagers, Paris, 9.2.34».

¹ домоводство, бытовая техника (фр.). Как явствует из почтового штемпеля, а также из мотива на открытке, Зензинов отправил ее с какой-то выставки по домоводству. Слова «с моей мобильной выставки» — шутка Зензинова; в эти дни он переезжал на другую квартиру.

46. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 21 февраля 1934 г.

21 II 1934

Родной Володинька,
два спешных дела:

1. Я чувствую, что увоз Ники¹ будет для Курочки [А.О. Фондаминской] большим огорчением. Потому прошу тебя *умоить* Клариссу не брать Ники, пока Курочка не начнет поправляться. Скажи, что *я очень прошу её об этом* (в столе в спальне в правом ящике японская коробочка с адресами — там есть адрес Miss Watkin в Лондоне — по этому адресу надо написать Клариссе).

2. Послал ли ты полковник Евг. Ант. 150 фр.? Я ему писал, чтобы он послал Е.А. 200 фр. — 150 помимо этих 200. Позвони ему и, если он болен, съезди к нему.

Маня [Цетлин?] у нас уже 2 дня — Курочка очень довольна. Целую тебя нежно.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Leysin, 22.II.34». Вверху запись рукой Зензинова: «Miss Watkin, 27 Upper Park Road, London N.W.3».

¹ По-видимому, речь идет об одном из котов А.О. Фондаминской.

47. Фондаминский — Зензинову *Leysin. 27 февраля 1934 г.*

Вторник 11 ч. утра

Родной Володинька,
спешу сообщить хорошие вести: только что Курочку [А.О. Фондаминскую] радиоскопировали и нашли новое улучшение. Легкое проясняется, и жидкость рассасывается сама — больше не надо делать выкачиваний. И чувствует она себя значительно лучше: легко встает (раньше думала о вставании с ужасом, а теперь видит в этом развлечение!), свободнее дышит, нет ни тошноты, ни головокружений, отличное настроение. Благодарю Бога, родной — вначале было плохо. — За это целый ряд поручений:

1. Если ты ничего не писал Клариссе, и она хочет взять Николашу, отдай его. Курочку это больше не волнует, а потом может не быть okazji его отвезти. А, между тем, через некоторое время, если Курочка будет поправляться, надо подумать о квартире и Жанне.

2. Сообщи хорошие вести Илюше [Гавронскому] и Мане Ц[етлин].

3. Попроси у консьержа листы для декларации налогов, а, если у него нет, достань у контролера поскорей и пришли — я должен их отправить до 1-го марта!

4. Пришли «Соц[иалистический] вестник», начиная с № 3 — я всё верну, и, если можно, № 2 «Встреч»¹. Вообще, у Курочки *мало чтения*.

5. Граммофона присылать *не надо*.

Будь здоров, родной. Целую крепко.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Leysin, 27.II.34».

¹ Журнал под редакцией Г.В. Адамовича и М.Л. Кантора «Встречи» (Париж, 1934. № 1—6). Ничего специфически интересного во втором номере не было, Фондаминский спрашивал о нем просто как о новинке.

48. Зензинов — Фондаминскому *Boulogne sur Seine. 28 февраля 1934 г.*

Булонь, 28 февраля 1934

Милый Тузя,
спасибо за хорошие вести, которые я сейчас же протелефонировал во все концы. Послал уже тебе два экземпляра деклараций (сегодня последний срок!) —

вложил их во «Встречи». «Соц[иалистического] вестника» не могу тебе прислать — сам не получаю, не внес подписной платы — крайзис [так!]! — Кажется, у тебя есть надежда избавиться от ящиков Кочаровского — вчера условились с княгиней, что ее князь приедет за ними (разумею князей Ширинских¹). Поздравляю с этим сердечно. — С Ильей Осиповичем [Гавронским] постараюсь прислать вам разные вещи, которые мне заказывали — вплоть до парфюмерии. — Я уже потолстел, живя около Верочки [Рудневой]². Утром, уходя на службу, она все оборачивается и машет мне рукой, я ей отвечаю — как будто я ее жиголо³! — А у нас сегодня ночью тоже снег был! Но теперь он уже растаял. Воображаю, как утром Зинь-Зинь удивился. — Послезавтра у меня свидание с митрополитом [Евлогием] — честное слово! Ты велишь мне благодарить Бога — не заказать ли мне ему молебен о здорoвьи курочки?

Целую тебя и курятинку — сердечно желаю всего хорошего!

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur I. Fondaminsky, Leysin, Grand Hôtel (Vaud), Suisse»; почт. шт.: «Paris, 28.II.1934».

¹ Вероятно, общественно-политический деятель и публицист Юрий Алексеевич Ширинский-Шихматов (1890—1942) и его жена Евгения Ивановна Ширинская-Шихматова (урожд. Зильберберг, в замуж. Сомова, затем Савинкова; 1883 или 1885 — 1942), во втором браке жена Б.В. Савинкова.

² Зензинов переехал в Булонь и поселился в доме по адресу 49, rue Georges Sorel, рядом с Рудневыми, проживавшими на той же улице в соседнем доме № 51.

³ gîgolo (фр.) — мужчина, живущий на содержании женщины.

49. Фондаминский — Зензинову *Leysin. 28 февраля 1934 г.*

28 II 1934

Родной Володинька,
пожалуйста, не присылай мне *ни туфель, ни граммофона*. Но вот, *если успеешь*, пришли с И.О. [Гавронским] следующие книги (по почте не надо).

1. Возьми у Вадима [Руднева] *3 последние* книги «Пути» и Шестова «На путьх весах Иова» (для Курочки [А.О. Фондаминской]) — верну в сохранности и скоро.

2. У Курочки на полке, рядом с академич[еским] изд[анием] Пушкина, Пушкин в 1 томе в голубом переплете.

У нас всё благополучно. Немножко Курочка утомляется от лежания и чтения, хотя я много читаю вслух, и мы играем в карты. Целую тебя крепко.

Твой Ил[ья]

Напомни Жанне о *счете*.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Leysin, 28.II.34».

50. Зензинов — Фондаминскому
Boulogne sur Seine. 1 марта 1934 г.

Булонь, 1 марта 1934

Милый Тузя,
 пересылаю тебе письма Вере Осиповне [Гавронской], пришедшие на твой адрес — может быть, они должны пройти через твою цензуру?
 Целую тебя и курятинку [А.О. Фондаминскую].

В.

Вчера Зинь-Зиньчик, когда я пришел к нему в гости, вдруг со стола в передней вспрыгнул мне на плечо, а потом махнул на книжный шкаф...
 Отнес Мане [Цетлин?] 20 апельсин.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

51. Фондаминский — Зензинову
Leysin. 6 марта 1934 г.

Вторник

Родной Володинька,
 у нас всё хорошо. Вот уже два дня И.О. [Гавронский] здесь, и я оставляю его с Курочкой [А.О. Фондаминской], а сам занимаюсь. Курочка уже сидит по ½ часа в кресле. А скоро, как только станет теплее, ее будут вывозить на балкон. Доктор очень доволен ее состоянием. Жидкость как будто рассасывается, на днях радиоскопия даст более точные указания. Спасибо за все посылки и книги. Хлеб английский надо посылать такой, как в 1-й раз (Ryvita Crispbread). Полковник мне пишет, что ты ему передал только 1000 фр., а 500 сохранил. Сообщи, пожалуйста, сколько ты истратил, а остаток отдай полковнику — это деньги В.О. (сосчитай и почтовые расходы — не трать своих). Попроси Марочку [Вишняка] послать мне «Соц[иалистический] вестн[ик]», начиная с № 3. Спасибо за всё, родной. Крепко целую.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 6.III.34».

52. Фондаминский — Зензинову
Leysin. 31 марта 1934 г.

Суббота

Родной Володинька,
 я собираюсь приехать в среду в 11 ч. 10 м. вечера. Если хочешь тотчас узнать о Курочке [А.О. Фондаминской], приезжай на вокзал или жди меня у нас на квартире. То же прошу тебя протелефонировать полковнику. Скажи Жанне, чтобы она

выложила мне ключ под коврик и не запирала дверь на задвижку. Вадиму [Рудневу] и Марочке [Вишняку] скажи, что я сохраняю вечер пятницы для редакции — пусть скажут тебе, где мы соберемся (можно и у меня).

Так как я буду ехать днем, то буду не уставшим — рад буду повидать тебя сразу по приезде. У нас все хорошо: Курочка чувствует себя хорошо и доктор доволен (жидкость вся рассосалась или почти). Погода чудесная. До свиданья, родной. Если случится задержка, телеграфирую. Целую.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 3. F. 7). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 31.III.34».

53. Фондаминский — Зензинову

Lausanne. 15 апреля 1934 г.

Воскресенье

Родной Володинька, сообщаю тебе хорошие вести: сняли радиografiю — она оказалась «épatante¹». Правое легкое почти совсем чистое, и левое тоже значительно очистилось. Почти наверное можно сказать, что пневмоторакс не понадобится. Осенью (в сентябре) доктор надеется, что можно будет уехать в Грасс, но зимой надо будет приехать, чтобы проделать cure². Всё это, конечно, пока «гадательно». Но впечатление от радиогр[афии] отличное. Относительно виллы на море с доктором не говорил — жду Маню [Цетлин]. Курочка [А.О. Фондаминская] завтра будет тебе писать. Целую.

Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur] Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Lausanne, 15.IV.1934».

¹ удивительная (фр.).

² лечение (фр.).

54. Зензинов — Фондаминскому

Paris. 23 апреля 1934 г.

Париж, 23 апр. Вторник

Милый Тузя,

Маня [Цетлин] просит спешно запросить тебя, должна ли она прислать тебе взятые ею у тебя сто швейцарских франков по почте или рассчитаться с тобой как-либо иным способом. Напиши ей, пожалуйста.

Рассказывали они много, но я как-то остался неудовлетворен. Хочется знать гораздо больше. Спасибо курятинке передай за письмо. Пишу ей отдельно. Целую.

В.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur I. Fondaminsky, *Leysin*, Grand Hôtel (Vaud), *Suisse*»; почт. шт.: «Paris, 24.IV.1934».

55. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 4 мая 1934 г.

4 V 1934

Родной Володинька,
пересылаю тебе письмо Mr. Gregogy и прошу тебя немедленно ему ответить.

Затем поручения: прислать поскорей (осталось на 3 дня) Ryvita Crispbread, пастилу и *маленький* кусочек прессованной кефальной икры (есть у Ада [Aga?]). Для меня — прилагаемую книгу (объявление).

Всё это в расчете, что у тебя еще есть сумма моих денег и что ты можешь ими располагать — так ли это?

У нас два дня неприятности: не знаем, по какой причине (что-нибудь съела или много принимала Alucol, который совсем избавлял от изжоги), появилась тошнота, рвота, боли в желудке и груди и крапивная лихорадка по всему телу. Две ночи и два дня Куреша [А.О. Фондаминская] мучилась, плохо спала, ничего не ела. Сегодня, слава Богу, лучше. Лихорадка проходит, рвота и тошнота прекратились, болей почти нет. Куреша сегодня ела, хотя еще очень осторожно. Доктор ничего не нашел ни в желудке, ни в легких и отнесся ко всему спокойно. Пришел анализ жидкости в плевре — ничего нет, даже туберкулезных палочек! Курочка просит тебе сказать, что не пишет из-за болезни, а я, по секрету, тебе сообщаю, что она недовольна, что ты стал редко писать. Понатужься, родной. Завтра тебе напишу, если Курочка сама не напишет. Целую тебя крепко.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

56. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 14 мая 1934 г.

14 V 1934

Родной Володинька,
Курешу очень волнуют вопросы квартиры и Жанны, и она просит тебя предложить свои услуги Мане [Цетлин], на к[о]т[о]р[у]ю мы возложили все заботы. Тебя же прошу держать Курешу в курсе этих дел и успокоить её, что всё будет в порядке. Сам я прошу тебя уложить в какой-нибудь ящик книги, к[о]т[о]рые лежат на столе около балюстрады, и взять их к себе или положить в к[ако]е-н[ибу]дь место, откуда бы я мог их взять, когда поеду в Париж — эти книги мне нужны для работы (там 3 тома Вел[ико]го Князя об Александре¹ — они принадлежат Мише [Цетлину], но ты ему их не отдавай). Кроме того, все бумаги *в ящиках моего стола* надо тоже сложить вместе и поместить в такое место, где бы я мог их достать в любое время. Прости, родной, за заботы. Пиши почаще. Целую крепко.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieu]r Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 14.V.34».

¹ См.: Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний: В 3 т. Париж: Ил. Россия, 1932–1934.

57. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 19 мая 1934 г.

Дорогой Володинька,

извини, что и я обращаюсь с поручениями:

1. На столике возле лестницы в моей комнате номера «Нового града» — пришли №№ 5, 6, 7.

2. На полках возле лестницы (неразобранных) есть маленькая книжка *Keyserling Le monde qui naît*¹. Мне кажется, что она на верхней полке — *второй* от выходной двери. Не огорчайся, если не найдешь.

На моем столе 3 книжки из библиотеки Langue[s] orientales (2 ru[e] de Lille, по вторникам и пятн[ицам] от 2–5)² — их надо как-нибудь отнести (и попросить фишки³, к[о]т[о]рые я мог бы подписать — иначе не выдадут новых).

Зато сообщаю тебе добрые вести: радиоскопия (в пятницу) показала новое улучшение — жидкость осталась на доньшке. Куреша сидит на кресле перед открытым окном по целому часу и не утомляется. Дышит и ходит легко. Настроение неплохое — в карты играет со страстью. Вот всё не может выехать на балкон из-за погоды. И изжога мучит. Пиши ей часто — она ждет от тебя писем.

Будь здоров. Крепко целую.

Твой Ил[ья]

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). На обороте — письмо А.О. Фондаминской к Зензинову (которое здесь не воспроизводится), датированное: «19 мая 1934».

¹ См.: *Keyserling H. de. Le monde qui naît / Traduction de l'allemand et préface par Christian Sénéchal. Paris: Stock, 1926. 199 p.*

² Библиотека действует и поныне в том же месте; полное название и современный адрес: Bibliothèque interuniversitaire des langues orientales (4, rue de Lille, Paris).

³ от слова *fiche* (фр.) — карточка.

58. Руднев — Зензинову

Б.м. 25 мая 1934 г.

Справка для В[олоди]. 25.V.1934.

Оставалось ок[оло]	2000.	
Долг Кер[енского]	1000	1300 — 500?
Получено	<u>12583</u>	
	15583	15883
Взято 24.V. в кассе	<u>7.000</u>	
	8.583	8.883

Из них на абонемент[ент] ок[оло]	<u>2.000</u>	
	<u>6.583 fr.</u>	6.883
	210	

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

59. Фондаминский — Зензинову

Leyzin. 5 июля 1934 г.

5 VII 1934

Дорогой Володинька,
если ты еще не был на квартире и не исполнил мое поручение о книгах, прими еще одно: На полках *рядом* с выходной дверью, кажется, во *втором* отделении¹ книги по *социологии* (Спенсер и др.). Посмотри, нет ли там книги *Сореля*. Не знаю, как называется: что-то о насилии². Книга *без переплета*. Если уже был, то специально еще раз ходить не надо — сделаешь это при случае.

У нас после твоего отъезда опять не очень весело. Думаю, что причина в отсутствии известий о Верочке [Гавронской]. Объективно это выражается в температуре — упорно держится (2-го — 37.3, 37.1, 3-го — 37.3, 37.7, 4-го — 37.4, 37.1), и сильном кашле. Субъективно в плохом настроении и нежелании выходить гулять. Вот уже два дня, как не гуляет — доктор сказал, что если нет желания, не надо. Жду с нетерпением телеграммы — надеюсь, что всё переменится. Кот благоденствует и *всё* у него в порядке. Курочка довольна. Я собираюсь в воскресенье на большую прогулку в автокаре. Погода превосходная. Будь здоров и *пиши* — и письма и *статьи*. Крепко целую.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur] Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 5.VII.34».

¹ Затем следует изображение книжного шкафа с пометами: «2»; «вых[одная] дверь».

² Наиболее близкое по времени издание данной книги: *Sorel G. Réflexions sur la violence / 7 éd. avec plaidoyer pour Lénine. Paris: Rivière, 1930 (Études sur le devenir social; 4)*. Книга появилась впервые в 1908 г.; следующее, 8-е изд. вышло в 1936 г.

60. Фондаминский — Зензинову

Leyzin. 26 июля 1934 г. [?]

четверг, 11 ч. 50 м. утра

Родной Володинька,
вчера не писал тебе, но писал открытку Вадиму [Рудневу] — думаю, что ты её видел¹. Положение такое: температура спала, хотя еще остается повышенной — вчера доходила до 37.6. Утром 36.8—9, днем 37.3. Самочувствие плохое. Курочка почти не читает и даже играет в карты без охоты. Когда встает, быстро задыхается.

Сейчас с утра в дремотном состоянии. Но доктор решительно успокаивает. Надеется, что это скоро пройдет. Думает, что это новый небольшой плеврит, к[о]т[о]р[ый] сам рассосется² (т.е., если есть жидкость, то она сама рассосется). Во всей этой истории может быть и хорошая сторона: *plaque poire*³ в левом легком (правое оказалось в отличном состоянии), по всей вероятности, *не поражение на легком, а на плевре*. В таком случае это *beaucoup moins important*⁴ и *plaque* может исчезнуть так же как в правом легком.

Сейчас Курочка хорошо поела и гораздо бодрее.

Зато поручение: повидай Раюшку [Лебедеву] и скажи ей (или сам сделай), что у полковника лежит 400 фр. для отправки в Москву (за июль и авг[уст]). Она (или ты) должна повидать его и дать ему адрес, кому отправить деньги (Роза просит послать не Соне, а Грише) и от ч[ь]его имени деньги отправит сам полковник. Письмо Раюшки, отправленное на *Hôtel de la Gare*, я получил. Не пишу прямо ей, ибо не знаю, можно ли адресовать на адрес уехавшего Вишняка. Попроси Раюшку (или сам) написать, когда этот вопрос будет устроен; будь добр, родной. Целую крепко.

И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Вероятно, имеется в виду открытка от 24 июля 1934 г., сохранившаяся в архиве Руднева (см.: Ред., п. 425).

² Ср. в упомянутом выше письме Фондаминского к Рудневу: «Доктор не беспокоится — очередное *плевритное* состояние».

³ черный налет (фр.).

⁴ намного менее значительно (фр.).

61. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 15 августа 1934 г.

15 VIII 1934

Родной Володинька,

не писал тебе, потому что был в плохом настроении и не хотел передавать тебе. Теперь настроение лучше — потому пишу. Маня [Цетлин] подробно рассказала тебе о состоянии Курочки [А.О. Фондаминской]. Повторю его [так!] кратко. Температура упала (вот уже почти 3 недели не больше 37.3), самочувствие стало лучше, хотя Курочка не встает с постели. Доктор дал оптимистический анализ — состояние легких хорошее, ухудшение произошло от плеврита, который может совсем пройти. Т.к. Курочка чувствовала себя неплохо, то у нас было довольно бодрое настроение, и т.к. её не просвечивали уже 3 недели (из-за плеврита), то мы надеялись, что просвечивание в пятницу покажет значительное улучшение. К сожалению, это не случилось. *Plaque* не только не уменьшился, но, кажется, даже увеличился, хотя стал «менее плотным». Доктор отнесся к этому спокойно, утверждая, что это временное явление и что *plaque* может уйти так же как и при-

шел. Но для нас это было большим разочарованием и очень отразилось на нашем настроении. Курочка заговорила о том, что пора уехать отсюда и несколько дней была в очень нервном и подавленном состоянии. Тут попало и тебе (письмо о конфетах), сильно попадало и мне. К счастью, понемногу это настроение стало проходить. Этому способствовало два обстоятельства: 1) она стала себя лучше чувствовать, и вид у нее стал лучше. Вчера, например, она минут 15 примеривала ружама, ходила по комнате без всякого труда и радовалась им как дитя. Это как будто указывает, что плеврит проходит, а вместе с этим снова растет надежда, что и рлаце начнет убывать; 2) я послал Ив. Ив. [Манухину] радиогрaфии и получил от него утешительный ответ (по телефону); он находит, что происходит процесс зарубцовывания, хотя и очень медленный. Т.к. И.И. [Манухин] (я был у него, и мы совсем помирились) не верит в санаторное лечение, и я очень боялся его заключения, то этот ответ нас очень успокоил и подбодрил. Словом, у нас стало снова легче — дай Бог, чтобы надолго. Сегодня или завтра мы ждем Рев[екку] Осип[овну]. Она подробно поговорит с доктором и объяснит мне его понимание состояния Курочки, и с этим объяснением я поеду к Ив. Ив. [Манухину] и буду его снова интервьюировать. А на будущей неделе приедет доктор Гленов. Тогда нам, Бог даст, всё станет ясно, и если доктор прав в своем оптимизме, будем спокойно относиться к течению болезни. Обо всём этом я тебе тогда напишу. Ты же спокойно сноси капризы Курочки и пиши аккуратно. Письма твои ее очень радуют — она их читает сама, а потом просит еще раз прочесть вслух меня. Если мне придется в сентябре уехать, хочет опять выписать сюда тебя. Конфеты на этот раз ей понравились, и она их ест с большим удовольствием.

Возвращаю тебе счет для проверки — как будто ты насчитал лишних 45 фр. А, м.б., просто забыл упомянуть к[акой-]н[ибудь] расход. Надо ли тебе прислать деньги и сколько?

Волнует меня твое материальное положение — как ты живешь? Работай и пиши вовсю — лучше, чем этим, ты перед Курочкой выслужиться не можешь (наряду с покорностью и заботами о ней!).

Будь здоров, родной. Крепко тебя целую.

Твой И.

[рукой А.О. Фондаминской:] Zin-Zin тебя простил и мы тебя оба целуем.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

62. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 21 августа 1934 г.

21 VIII 1934

Родной Володинька,
у нас стало много лучше. Ив. Ив. [Манухин] исследовал снимки, и мы долго вчера с ним говорили (я у него был). Он находит, что время не было потеряно даром, что легкое хорошо зарубцовывается, и что он надеется, что через 3 месяца Куроч-

ка [А.О. Фондаминская] будет здорова. После этого, когда Курочка приедет в Париж, он её просветит, чтобы исчезли все следы туберкулезы [так!]. Он уверил, что *Курочка будет совсем здорова*. То же думает и Рев[екка] Ос[иповна]. Завтра ждем Бор[иса] Арк[адьевича], к[о]т[о]р[ый] будет подробно говорить с доктором. Да и самочувствие Курочки значительно лучше. Она опять выходит на балкон, легко встает, не температурит и сама чувствует, что идет на поправку. Дай Бог!

В связи с этим я прихожу к заключению, что мне можно ехать в Данциг. Этот вопрос еще не решен — я жду известий оттуда. Но более чем вероятно, что числа 3–5 сент[ября] я выеду. В связи с этим встает вопрос о тебе. Курочка хочет, чтобы ты приехал на время моего отсутствия, т.е. недели на две. Согласен ли ты и можешь ли? Финансовый вопрос я предлагаю разрешить так: я тебе одалживаю по 6 фр. в день на пансион и на обратный билет — это долг бессрочный, т.е. [отдашь,] когда будешь в состоянии. М.б., ты сумеешь на 2 недели найти комнату и прожить еще меньше. Словом, хотя это тебе неприятно, но другого выхода нет. Жду от тебя ответ. Дадут ли тебе визу?

Еще: с 20-го нам не присылают «Пос[ледние] нов[ости]» — очевидно, кончилась подписка. Или подпишись немедленно с 20-го или просто пересылай свою газету, а подпишется полковник, когда приедет. Хорошо было бы только получить и номера от 20 и 21-го, если они у тебя сохранились.

Погода у нас чудесная. Рев. Ос. очень мила. На будущей неделе будет здесь Люба [Л.С. Гавронская]. Пиши как можно чаще. Курочка это время почти никому не писала — теперь будет писать. Целую тебя, дорогой. Рад буду снова тебя увидеть.
Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47).

63. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 25 августа 1934 г.

25 VIII 1934

Родной Володинька,

я предполагаю выехать отсюда числа 3–4. Так что советую тебе, на всякий случай, быть готовым к 1-му. Есть еще некоторая вероятность, что я не поеду в Данциг, а прямо в Париж, но тогда только 20-го сент[ября]. Но это вероятность малая — ты не огорчайся. Затем, т.к. Любочка [Л.С. Гавронская] собирается сюда только 28-го и думает пробыть здесь неделю, то возможно, что тебе надо будет приехать сюда только 5-го. Всё это выяснится на днях. Пока у нас, слава Богу, всё хорошо. Вчерашнее просвечивание показало новое улучшение; температура хорошая — около 37. Самочувствие, как давно уже не было, и настроение приличное. В понедельник ждем Бор[иса] Арк[адьевича], к[о]т[о]р[ый] будет говорить с доктором. Рев[екка] Ос[иповна] остается здесь до вторника, а потом спускается в Монтреух. Погода превосходная. Целую тебя, родной.

Твой И.

[рукой А.О. Фондаминской:] Завтра напишу, шлю привет. Ам[алия]. Целуем с Zin-Zin'ом.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieu]r Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Leysin, 25.VIII.34».

64. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 28 августа 1934 г.

28 VIII 1934

Родной Володинька,
дела с моим отъездом и твоим приездом обстоят так: я жду ответа из Данцига и от Бори и в зависимости от него выеду 2, 3 или 4-го. Вполне возможно, что я проеду через Париж в понедельник 3-го. Твой приезд еще зависит от следующего: завтра приезжает Любочка [Л.С. Гавронская] и скажет нам, сколько она здесь останется. Пока она здесь, мы не хотим, чтобы ты приезжал — её может обидеть, что на неё не полагаются. Думаю, что она останется неделю. В таком случае, ты приедешь накануне ее отъезда, т.е. во вторник 4-го или среду 5-го. Т.о., возможно, что в понедельник мы с тобой встретимся в Париже. Всё это выяснится через день—два — потерпи.

У нас, слава Богу, всё благополучно. Р[евекка] О[сиповна] уезжает сегодня. Бор[ис] Арк[адьевич] уезжает завтра. Будь здоров, родной, крепко целую.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieu]r Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 28.VIII.34».

65. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 30 августа 1934 г.

четверг

Родной Володинька,
Любочка [Л.С. Гавронская] останется здесь неделю — потому готовься выехать в понедельник или во вторник. Надеюсь завтра выяснить свои планы — не хочется разъехаться с тобой. Постараюсь встретиться с тобой в Париже или дождаться здесь. У нас без изменений. Будь здоров. Крепко целую.

Твой И.

Куручка [А.О. Фондаминская] просит не забыть наволочки — деньги одолжи у Марочки [Вишняка] (и на поездку). Я отдам в Париже.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 30.VIII.34».

66. Фондаминский — Зензинову

Leysin. 31 августа 1934 г.

пятница

Родной Володинька,
я приеду в *понедельник в 7.10* утра на Gare de Lyon. Протелеграфируй Шурочке [А.Н. Прегель] и предупреди её, что в 8 ч. я буду на rue Nicolo — чтобы меня пропустили. Тебя прошу придти туда же в 8½ (на вокзал не зову — слишком рано). Мы с тобой всё обсудим и решим, когда ты поедешь (ты можешь выехать во вторник или среду). Может случиться, что день и час моего приезда еще изменится (это зависит от Бори, которому я предложил встретиться в Париже, но он до сих пор не ответил) — тогда я тебе протелеграфирую. Если телеграммы не будет, значит приеду в понедельник. Если увидишь Марочку [Вишняка] или Вадима [Руднева], скажи, что хорошо было бы вечер провести вместе.

У нас эти два дня было немножко хуже (вчера днем темп[ература] 37.3, вечером 36.7, кашель и боль в боку), но доктор ничего не нашел и объясняет это по-годой. Бор[ис] Арк[адьевич] всё не может собраться к нам — хворает.

До скорого свидания, родной. Целую тебя крепко.

Твой И.

Публикуется по автографу (Amherst Center. Zenzinov papers. Box 1. F. 47). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zenzinoff, 49 rue Georges Sorel, Boulogne/S[eine], France»; почт. шт.: «Aigle, 31.VIII.34».

67. Зензинов — В.В. и В.И. Рудневым

Leysin. 18 сентября 1934 г.

Лейзен, 18 сент. 1934

Дорогой Вадим,
конечно, я постараюсь написать статью, о которой ты говоришь¹. Написать напишу в ближайшие же дни, но что выйдет из нее, сам увидишь. Во всяком случае, даю тебе право делать с ней, что захочешь: сокращать, добавлять, чем [так!] найдешь нужным, менять характер, ставить мою подпись или чью-либо другую, отбросить подпись или, наконец, бросить все в корзину. Словом, делай, что знаешь, с этой статьей, и что захочешь — спорить и прекословить не буду. Видишь, как пример Александры Толстой заразителен. Если бы ты мог прислать мне копию письма Ларисы Васильевны, был бы тебе очень благодарен, но это необязательно.

Здесь новостей особых нет, правда, д[окто]р Жакро предписал Амалии [Фондаминской] сидеть по часу в день на стуле и даже немного стоять — признак хороший. Илюша [Фондаминский] пишет, что заедет сюда на два—три дня только 2 или 3 окт[ября], что приводит Амалию в негодование и в нервное состояние. Погода здесь хорошая.

Если вздумаешь послать сюда оригинал письма Л[арисы] В[асильевны], пошли обязательно заказным письмом — рисковать потерей такого драгоценного документа невозможно. Обнимаю дружески.

В.

Милая Верочка,
спасибо за письмецо — рад от души, что ты работаешь. Вот видишь — ты *inébranlable*²! (посмотри в словаре). Целую тебя крепко.

В.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame et Monsieur Roudneff, Boulogne s[ur] S[eine], France, 51, rue Georges Sorel»; почт. шт.: «Leysin, 18.9.1934»; «Boulogne, 19.9.1934».

¹ Речь о предложении написать некрологическую статью о Е.К. Брешко-Брешковской, скончавшейся 12 сентября 1934 г.; ср. в письме Вишняка к Рудневу от 15 сентября 1934 г.: «Володя [Зензинов] и статья о бабушке. — Я решаю этот вопрос в связи с уже полученной продукцией А.Ф. [Керенского]... [...] В том виде, в каком К[еренский] сейчас, я не рискнул бы у него просить статью. Лучше серый и скучновато-длинный Володя [Зензинов], нежели отрывисто спятивший или вроде того А.Ф. [Керенский]. — Если ты согласишься со мной, ты попросишь у Володи [Зензинова] статью без расхолаживающей оговорки: в крайнем случае, пойдет в “Свободу”» (см.: Ред., п. 432). В СЗ был все-таки помещен некролог Керенского (см.: *Керенский А.Ф.* К.К. Брешковская (1844–1934) // СЗ. 1934. № 56. С. 393–397); статью Зензинов написал, но она попала именно в «Свободу» (см.: *Зензинов В.М.* К.К. Брешковская (1844–1934) // Свобода. 1934. № 2. С. 2–3).

² непоколебима, непреклонна (фр.).

68. Зензинов — Рудневу

Leysin. 21 сентября 1934 г.

Лейзен, 21 сент. 1934

Дорогой Вадим,
посылаю тебе статью¹ — повторяю: делай с ней, что хочешь. Ты, вероятно, ничего не будешь иметь против, если я пошлю копию Борису Рабиновичу², от которого имел здесь письмо. Конечно, я ему напишу, что высылаю ему *только* для прочтения (чтобы он не вздумал ее где-нибудь напечатать) — мне хочется как-нибудь откликнуться на его письмо ко мне.

У Курочки [А.О. Фондаминской] положение без перемен. Много кашляет, но питаться стала как будто лучше и накапливает силы. По часу сидит в кресле — по предписанию доктора.

Я еще не знаю, когда приеду. Она хочет, чтобы я выехал во вторник, но я никак не могу решиться оставить ее здесь *одну*. Запросил инструкции от Тузи [И.И. Фондаминского] и поступлю так, как *он* мне напишет.

Целую крепко тебя и милую Верочку [Рудневу].

В.

Проверь, пожалуйста (стр. 5):

1) действительно ли Бабушка сначала приехала в Югославию, а потом в Чехословакию?

2) верен ли год ее приезда в Европу из Америки — 1920?

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ Речь о статье Зензинова «К.К. Брешковская (1844–1934)» (см. примеч. 1 к п. 67).

² См. примеч. 8 к п. 31.

69. Зензинов — В.В. и В.И. Рудневым

Grasse. 5 октября 1934 г.

Грасс, 5 октября 1934

Милый Вадим,

спешу написать тебе вот о чем. Как я тебе уже писал, я переслал копию своей статьи о Бабушке Боре Рабиновичу — «на прочтение». Хотел тем оказать ему какое-то внимание. И вот, только что получил отклик на свое письмо, в котором имеется следующий пассаж:

«Прочел твою статью. Она мне очень нравится, но я бы думал, что нужно выпустить весь эпизод с матерью и револьвером. Не потому, что он не соответствует действительности, не потому, что он плохо написан — а потому, что эти строки будут поняты лишь друзьями и любящими, а враги используют это как доказательство, что Бабушка лишилась ума в последние месяцы своей жизни. А давать им хоть намек на это — не следует. Может, я ошибаюсь, но так мне говорит мое чутье. Подумай и решай.»

Я хотя и не согласен с этим мнением Бориса [Рабиновича], но очень бы хотел исполнить его желание. Поэтому и прошу тебя, *если это технически еще возможно*, сделай, пожалуйста, и выкинь из статьи (или верстки) соответствующее место. Если же поздно, ничего не поделаешь.

Вчера мы благополучно перевезли Амалию [Фондаминскую] в Грасс. Переезжать ей, бедняжке, было очень трудно при ее слабости. Из Лейзена на автомобиле спустились в Эгль — под дождем; в Женеве была пересадка на прямой поезд до Канн. В Женеве простояли 1.20 минут, написали Коле [Авксентьеву] открытку, и он пришел нас встретить, увеселял Амалию своими анекдотами. Но я видел, что она произвела на него жуткое впечатление, да он мне и сам потом признавался отдельно. И действительно, вид у А[малии] был очень плачевный, хотя и милый — бледненькая, слабенькая и все время кашляет. Но от Женевы до Канн у нее и у Тузи [И.И. Фондаминского] было отдельное купе спальное (II кл[асса]), и она очень хорошо устроилась. Спала ночью лучше, чем в санатории в последнее время. В 8 часов утра приехали в Канн, где нас, к удивлению, никто не встретил — англичанка, оказывается, была в отсутствии (ехала из Парижа на автомобиле) и приехала только вечером — очень удивилась и обрадовалась приезду Ф[ондаминских]. На такси со всеми вещами Тузя привез А[малию] на виллу, а я приехал на автокаре. Комната была приготовлена, прислуга нанята (писали предварительно садовнице, сторожившей виллу), А[малия] сразу воскресла. И с тех пор не перестает радоваться. И вчера, и сегодня очень хорошо кушала, прекрасно спала, даже как будто меньше кашляет. Вечером т° была 36,8.

Здесь, действительно, очаровательно — насколько милее и роднее все: и природа, и люди. Погода прекрасна, говорят даже, будто была жара недавно до 47 градусов. Бунин опровергает — «не заметил что-то этого». Вчера они были у нас: И[ван] А[лексеевич], В[ера] Н[иколаевна] Бунина и Зуров. Г.Н. [Кузнецова] третьего дня на 2½ месяца уехала в гости к сестре Степуна в Геттинген¹. И[ван] А[лексеевич] мил и очарователен, как всегда, но вид бледный и вялый.

Т[узя] завтра едет в Париж, где пробудет неделю, затем вернется сюда недели на две и затем на два (!) месяца уедет снова. Я здесь во всяком случае дождусь его возвращения из Парижа.

Сначала предполагалось, что с А[малией] здесь будут жить Анна Осиповна [Гавронская] и м[адмуаз]ель Мадлэн и возьмут на свое попечение Амалию. Но мы здесь вчера застали лишь одну м[адмуаз]ель Мадлэн, которая сообщила, что А[нна] О[сиповна] снова захворала (ноги) и слегла. М[адмуаз]ель Мадлэн тут же и вернулась в Ниццу. Положиться на них нельзя — сами хворые.

Милая Верочка, вчера читал Амалии твое письмо — спасибо тебе, родная, за ласковые слова, адресованные мне. Из предыдущего ты узнаешь о моих ближайших планах, а о дальнейших мне пока не дано знать. Вот — уехал на две недели, а пробуду минимум полтора месяца. Если увидишь управляющего, скажи ему, чтобы он не волновался — я ему к 15 окт[ября] деньги переведу отсюда. Я получил здесь письмо от брата — он, оказывается, до сих пор был на даче (в Медоне); воспользовался хорошей погодой и пишет, что чувствует себя лучше — очень радуюсь за него. Жена его имеет три массажа в неделю.

Если бы ты знала, какой здесь чудный воздух — нежный, душистый, чуть сладкий. Жалею, что не могу послать тебе немного в бутылочке. В последнее утро пребывания в Лейзене сбегал в лес и набрал рябины — буду пробовать варить из нее варенье. Мечта нескольких моих последних лет. Отмачиваю ее два дня в воде. Амалия уверяет, что это по твоему совету — чтобы отшибить горечь. Если не удастся — беда!

Здесь много, много лучше, чем в Швейцарии. Теперь главная задача: чтобы пропал у А[малии] кашель! Крепко вас обоих обнимаю.

В.

Вишнякам напишу отдельно.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ М.А. Степун и Г.Н. Кузнецова стали впоследствии спутницами жизни; после войны они поселились вместе в Мюнхене.

70. Зензинов и А.О. Фондаминская — М.А. и М.В. Вишняк

Grasse. 8 октября 1934 г.

Грасс, 8 октября 1934

Милые Мария Абрамовна и Маркони, чувствую себя перед вами очень виноватым и, конечно, заслужил гораздо больше упреков, чем те деликатные и слабые, которые вы по моему адресу в открытке к курочке¹ написали. Но были и извиняющие обстоятельства — очень был занят все это время. Вы думаете, это шуточное дело уложить все вещи перед отъездом под бдительным оком курочки и выполнять до малейших деталей все ее указания и требования? Каждый башмак надо завернуть в газетную папиросную бумагу, каждую юбку и пр. благоговейно сложить и уложить, все перекладывать папирос-

ной бумагой (Боже, я написал выше «газетная» бумага — это, разумеется, не газетная, а папиросная: за газетную я был бы испепелен!); каждая самая маленькая бутылочка должна быть завернута в вату, в вату же завернуто и горлышко, которое затем должно быть обвязано и завязано особой непромокаемой материей. И сколько таинственных, воздушных предметов, о назначении которых даже и догадаться невозможно и к которым даже не знаешь, как прикоснуться — не дай Бог превратятся в прах! И затем все это в обратном порядке раскупоривать в Грассе, предварительно обревизовав, вычистив (чуть не языком) все шкафы, выложив их бумагой и пр. и пр.....

И, наконец, сколько здесь забот и тревог — особенно во второй половине дня, так как прислуга уходит в 5 часов и курочка остается всецело на моем попечении. За эти дни, переходя из комнаты в комнату, я, наверное, ежедневно делал по несколько десятков километров. Все это я пишу не в качестве жалобщика на свою судьбу (судьбой своей я, наоборот, очень доволен), а в качестве беспристрастного летописца.

Опишу вам, впрочем, события хронологически.

В среду мы выехали из Лейзена. Выехали все с наслаждением, так как курочку начала уже не на шутку тяготить санаторная жизнь — и радовались отъезду, несмотря на дождь. На автомобиле благополучно спустились до Эгль. Там сели в поезд — курочка и Илюша [Фондаминский] в обыкновенный второй класс. В Женеве нам предстояла пересадка (прямое сообщение от Женевы до Канн). Поезд ждали 1.20 минут. Там нас ждал Николай Дмитриевич [Авксентьев]. Развлекал курочку «новыми» анекдотами. Курочка произвела на него тяжкое впечатление — и, правда, имела очень жалостный вид: слабенькая, усталая, без голоса, бледная — только все время улыбалась, да глаза сияли. На несчастье еще оба носильщика, которые ее переносили и перевозили на шэз рулант², были вдребезги пьяны и обращались с креслом неосторожно, а курочка не позволяла им делать замечания. Но в спальном купе (на двоих) стала немного приходиться в себя — было, действительно, удобно. И проспала ночь лучше и спокойнее, чем в санатории.

В Грассе Cannes, куда приехали рано утром, к удивлению, нас никто не встретил. Англичанка, как позднее оказалось, находилась в это время в дороге (ехала на автомобиле из Парижа в Грасс), письма до нее не дошли, и она ждала Ф[ондаминских] только к 17 октября (приехала в этот же вечер — удивилась и очень обрадовалась приезду Ф[ондаминских]). Должна была быть в Грассе Анна Осиповна [Гавронская] с м[адмуз]ель Мадлэн, которые взяли на себя организацию всей жизни курочки в Грассе. Но на вилле застали только м[адмуз]ель Мадлэн — оказывается, А[нна] О[сиповна] захворала и слегла в постель на несколько недель; тут же м[адмуз]ель Мадлэн вернулась в Ниццу к своей больной. Но вилла оказалась в порядке, так как хранительница, домоправительница и садовница (это все в одном лице) была предупреждена своевременно (я для этого разговаривал по телефону из Лейзена с Верой Николаевной [Буниной]). Илюша с курочкой доехали благополучно на такси до виллы, а я вслед за ними приехал на автокаре.

Здесь, в Грассе, началось настоящее блаженство. И природа, и люди, все ~~было~~ восхитительно! Воздух душистый, легкий, чуть сладкий, солнце ласковое, люди очаровательные. И как-то все роднее и милее душе. Нет слов — в Швейцарии прекрасно, но именно прекрасно: немножко холодновато. Очень все чисто, добро-

совестно и главное — честно. А здесь мило и сердечно, душевно. И какая вилла, какие комнаты, какой простор, комфорт! Совершеннейший дворец, замок, рай! Все мы четверо одного мнения — и курочка, и Илюша, и Зинь-Зинь, и я. Курочка ужасно всему здесь радуется, спит и кушает хорошо — гораздо лучше, чем в Швейцарии. Мне кажется, что кашляет меньше. Общий склад ее жизни нельзя сравнить с санаторным — ей здесь и приятно и весело. О Швейцарии думает с ужасом — да и я, признаться, отсюда о Швейцарии думаю без всякой радости.

Не могу надышаться воздухом здешним, упиться солнцем — в блаженстве спишь, в блаженстве просыпаешься. А когда пойдешь в город, то хочется все смеяться от удовольствия: на улицах сплошные Мариюсы — слоняются без всякого дела по улицам, сидят в кафе, жестикулируют. Завтра мне предстоит удовольствие — пойду на рынок; обожаю рынок в Грассе.

Были в первый же день по приезде Бунины (Г.Н. [Кузнецова] уехала накануне в Геттинген на два—три месяца, в гости к сестре Степуна), вчера еще раз был И[ван] А[лексеевич]. Читал вслух преинтересное письмо от Степунов (полученное из Швеции еще в Лейзене³), изображая в лицах авторов — это было совсем как в Художественном Театре.

Должен оборвать письмо, так как бегу в город с поручениями. Я здесь еще останусь во всяком случае до возвращения Илюши⁴. Сердечный привет!

В.З.

Мои дорогие, вот я и в Grass[e]'e. Очень надеюсь, что вы оба сюда приедете. Погода, климат, сад, дом и кровать чудесные. Я так рада, что выбралась из Leysin. Володя обо всем, вероятно, написал подробно.

Целую вас обоих крепко. Пишите подробно. Целую Вас.

Ваша Ам[алия]

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24).

¹ Приписка рукой Вишняка: «жена И.И. Фондаминского».

² chaise roulante — кресло на колесах (фр.).

³ По всей видимости, речь идет о письме Степунов не к самому Бунину, а к Фондаминским; ср. также письмо Степуна к Рудневу от 10 сентября 1934 г., отправленное из Стокгольма (Ред., п. 430).

⁴ Фондаминский поехал в сентябре 1934 г. по делам семейной чайной фирмы в Данциг и вернулся в Париж 6 или 7 октября (см.: Ред., п. 435).

71. Зензинов и др. — В.И. Рудневой *Le Minihic-sur-Rance. 22 августа 1935 г.*

Le Minihic, 22.VIII.

Верочка, милая,
привет тебе от морских жителей¹ — купаемся, едим, спим, катаемся на автомобиле, дышим... Целую крепко тебя и Вадима [Руднева].

В.

Проводим дружно время и часто вспоминаем вас с Вадимом. Собираюсь ему писать. Страшно рад, что Вы отдохнули. Куда и когда поеду, еще не знаю. Целую руку. Обнимаю Вадима.

Целую крепко. Завтра возвращаюсь.

А[лександр] К[еренский]
И[лья] Ф[ондаминский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка с видом Dinard; адрес получателя: «Madame V. Roudnev, Feulardes par Avernès, Gènie(-et-Oise) [так!]»; почт. шт.: «Le Minihiic, 22.8.1935».

¹ В Le Minihiic-sur-Rance в Бретани на берегу моря находилась дача четы Е.Ю. Пети и С.Г. Пети-Балаховской (см.: Ред., п. 519). Именно у них и гостили Зензинов и др. (см. п. 72).

72. Зензинов — В.В. и В.И. Рудневым

Boulogne sur Seine. 29 августа 1935 г.

Булонь, 29 августа 1935

Милая Верочка,

спасибо за письмоце и за память. Очень ты милая! Ты спрашиваешь, почему я так мало пробыл у Пти и хорошо ли там было? Там очень хорошо, и Пти трогательно к нам обоим относились — но в гостях хорошо, а дома лучше! И заниматься надо — соскучился по письменному столу.

А.Ф. [Керенский] там процветает — купается, гуляет. Иногда мне казалось, что он хандрит — мало разговаривает, но, может быть, это и неверное впечатление. Настроение его в общем мне показалось неплохим. Говорит, что о возвращении в Лондон думает с грустью. Илюша [Фондаминский] ему доказывал, что он может переехать в Париж и даже возобновить издание «Дней»¹: у него есть некоторая возможность устроиться в лондонских газетах, и доход будут давать собрания «Дней». Я тоже об этом потом говорил с А[лександром] Ф[едоровичем], и он как будто допускает такую возможность. Илюша обещал ему всячески помогать, я тоже предоставил себя в его распоряжение. Видимо, ему это было приятно. Набравшись храбрости, я его спросил, может ли он переехать в Париж по личным обстоятельствам. Он мне ответил на это, что «никогда личные обстоятельства у него не бывают препятствием в общественной работе». Вуаля!

С Илюшей встречаюсь каждый день, сегодня даже идем с ним любоваться на советских спортсменов² — боюсь, что он бросится к ним на шею. Он едет в Антверпен-Дрезден-Данциг как будто 7-го сент[ября] и думает вернуться только к 25-му. Быть может, на это время я перееду к нему, так как в доме никого не останется — Е.А. [Ковалева] уезжает на 2–3 недели, а полковник тоже, кажется, хочет перебраться на свою холостяцкую квартиру. Кто же будет ухаживать за котами? Но этот мой переезд будет, вероятно, только временный — пока некому утешать котов.

Очень я огорчился за тебя, когда испортилась погода. Но, слава Богу, она сегодня поправилась — на твое счастье. Радуюсь за тебя.

Вадим милый,

приветствую тебя! Спасибо за пересылку письма — ты думаешь, у меня нет от нее писем? Уже два! Получил из Праги известие, что серьезно захворал Постников — что-то с желудком; поместили для исследования в больницу.

Обнимаю вас обоих.

В.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Ежедневник (впоследствии двухнедельник) «Дни» выходил в Париже под редакцией А.Ф. Керенского с сентября 1928 г. в продолжение приостановленной в июне 1928 г. берлинской газеты «Дни»; прекратил существование в июне 1933 г. Возобновлением «Дней» являлся в какой-то степени — уже внешне очень похожий — двухнедельный журнал «Новая Россия», выходивший под редакцией Керенского в Париже с марта 1936 г. по май 1940 г.

² 29 августа 1935 г. на стадионе де Пари в Сен-Уане состоялся футбольный матч между сборной Украины и французской клубной командой «Red Star». Эмигрантская печать сочла это событием: «Сегодня знаменательнейший день для советского футбола. Впервые советские футболисты встречаются с “буржуазной командой”, которая к тому же является профессиональной и считается одной из лучших в Европе» (Матч Украина — «Ред Стар» // ПН. 1935. 29 авг. № 5271. С. 6).

73. Зензинов — Рудневу

Paris. 4 февраля 1936 г.

4 февраля

Дорогой Вадим,

посылаю тебе новые квитанции. В квитанции № 225 на имя M[onsieu]r Rudman¹ не указан адрес — 14, b[oulevard]d Bonne Nouvelle, Paris XVII.

Необходимо также выслать № 59² И.И. Голобородьке³ (51, rue de Turbigo, Paris III⁴), который передал свой экземпляр M[onsieu]r Rudman (ему, следовательно, надо послать только № 58). Привет!

В. Зензинов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Год установлен по содержанию. Письмо на оборотной стороне афиши о пятом вечере журнала «Современные записки», состоявшемся 1 февраля 1936 г., с докладом П.Н. Милюкова «Арийский вопрос в современном освещении и происхождение славянства».

¹ Неустановленное лицо.

² Имеется в виду 59-я книга СЗ, вышедшая в ноябре 1935 г.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Адрес редакции газеты «Последние новости».

74. Зензинов — Рудневу

Paris. 27 декабря 1936 г.

27 декабря

Дорогой Вадим,

к тебе просьба от В. Попова¹ (р[еволюционного] д[емократа]): он получил от тебя шесть экземпляров последней книжки «Совр[еменных] записок», из коих одна оказалась неправильно сверстанной — он просит выслать ему один экземпляр

(M[onsieur]г V. Popoff – 35, rue Jacob) – свой испорченный экземпляр он при случае тебе вернет.

Он же передал мне номер «Нашего слова»² (№ 5) в обмен на последний номер «Свободы»³; передам тебе «Наше слово» при случае. Каплан («Дом книги») просит прислать ему «Свободу» – десять экземпляров – на продажу. Привет!

В. Зензинов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8) (илл. 39). Год установлен по содержанию.

¹ Попов Владимир Васильевич (1888–1946), юрист, журналист, редактор, общественный деятель, активный член Республиканско-демократического объединения, постоянный сотрудник органа РДО «Наше слово».

² Наше слово. Орган Республиканско-демократического объединения. Париж, 1934–1939. № 1–10. Пятый номер вышел в 1936 г.

³ Последний, пятый номер «Свободы» вышел в июле 1936 г.

75. Зензинов – Рудневу

Paris. 11 октября 1938 г.

Париж, 11 октября 1938

Дорогой Вадим,

искал эти дни возможности поговорить с тобой живым голосом, но мне это не удалось – поэтому пишу. У Соловейчика и у меня явилась мысль обратиться к тебе с просьбой написать статью для очередного полуторного номера «Новой России», который должен выйти числа 18–19-го. У нас есть две темы, из которых мы хотели бы, чтобы ты выбрал одну:

1 – Бенеш, биография и характеристика.

2 – Прикарпатская Русь, ее история, описание и характеристика.

Ты являешься в нашем представлении первым кандидатом на ту и на другую тему. Нам во всех смыслах представляется желательным, чтобы именно ты выступил с одной из этих тем. Статью нам надо иметь не позднее 16-го вечером. Очень просим тебя известить меня – по телефону лучше, можем ли мы на тебя рассчитывать¹.

В случае твоего отказа мы решили обратиться к Н.Н. Алексееву с просьбой написать статью о Прикарпатской Руси², а за статью о Бенеше придется браться мне, чего мне очень не хочется³. Привет!

В. Зензинов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Руднев в «Новой России» не печатался.

² С работой на данную тему выступил другой автор; см.: *Одинец Д.М.* Карпаторусская трагедия // Новая Россия. 1938. 24 окт. № 53–54. С. 17–19. Н.Н. Алексеев выступил в данном номере с другой статьей; см.: *Алексеев Н.Н.* Итоги и перспективы // Там же. С. 13–14.

³ Статью действительно пришлось написать самому Зензинову; см.: *Зензинов В.М.* Верность за верность: Эдуард Бенеш // Там же. С. 3–8.

В архиве Вишняка в папке с письмами Зензинова сохранилась поврежденная сыростью неподписанная машинописная копия «Открытого письма в редакцию “Новой России”», принадлежавшего, по всей видимости, Зензинову:

«Многоуважаемый Редактор!

Возникшее с некоторого времени общение руков[одителей] и сотрудников “Новой России” с младороссами, [продол]жающими сохранять верность своему “природному царю” и советской [систе?]ме, стало, насколько мне известно, регулярным и систематическим. “Ча[стный]” и “персональный” характер этого общения не может отнять у него [полити]ческий смысл, несовместимый с республиканско-демократическими зада[чами,] которые стояли перед “Новой Россией” и стоят перед новой Россией [(без) кавычек).

Не желая и косвенным образом быть причастным к [наводя?]щему только смуту и смущение ~~противоречивому~~ сочетанию монархистического принципа с республиканским и советского начала с демократическим, считаю себя вынужденным воздержаться от дальнейшего сотрудничества в “Новой России”, о чем и прошу довести до сведения читателей путем опуб[ли]кования настоящего письма.

С глубоким огорчением и искренним приветом

Париж. 14.2.39» (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 24).

«Открытое письмо» в «Новой России» опубликовано не было. Разрыв Зензинова с двухнедельником был непродолжительным; уже два месяца спустя он снова стал регулярно помещать там свои статьи; см.: *Зензинов В.М.* Папанинская льдина // Новая Россия. 1939. 15 апр. № 65. С. 3–7; *Он же.* Гитлер и Сталин // Там же. 1939. 30 апр. № 66–67. С. 3–5; *Он же.* О разоблачениях В. Кривицкого // Там же. 1939. 30 мая. № 68. С. 11–12.

76. Зензинов — Фондаминскому *Helsinki. 7 марта 1940 г.*

PRIERE KERENSKY MILIOUKOV PROTESTER CONTRE CONDITIONS PAIX
SOVIETIQUE SENGAGER INTEGRITE FINLANDIE ZENZINOV

[Перевод:]

Просьба к Керенскому [и] Милокову протестовать против советских условий перемирия¹, ангажироваться [в пользу] финляндской независимости. Зензинов²

Публикуется по автографу (Bakhtmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 1). Телеграмма (копия для отправителя); адрес получателя: «Fondaminsky, 130 avenue Versailles, Paris»; адрес отправителя: «V. Zenzinov, Töölöntorinkatu 9, Helsinki». Помета карандашом рукой Зензинова (?): «7/III 1940».

¹ Речь идет о советско-финской войне 1939–1940 гг. 30 ноября 1939 г. Красная Армия вторглась в Финляндию; военные действия продолжались до 13 марта 1940 г. На мирные переговоры в Москву 7 марта 1940 г. отправилась официальная финская делегация; несмотря на жесткие условия (Финляндия была вынуждена, помимо прочего, уступить Советскому Союзу часть своих территорий — Карельский перешеек и Западную Карелию), мирный договор был заключен 12 марта 1940 г.

² Когда в течение первых недель войны в плен к финнам попало несколько тысяч советских солдат, Зензинов решил поехать в Финляндию, следующим образом мотивируя свое решение: «Война с Финляндией как будто приоткрыла окно в Россию. Перед Европой неожиданно появились тысячи свидетелей, готовых рассказать о том, что в России происхо-

дит, как в России живут. Благодаря этой войне открывалась неожиданная возможность заглянуть внутрь России. Упустить такую возможность мне казалось делом непростительным» (*Зензинов В.М.* Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе: Письма в Красную Армию, 1939–1940. Нью-Йорк: Изд. авт., 1944. С. 11). Зензинов прибыл в Хельсинки 28 января 1940 г. (Там же. С. 12).

77. Фондаминский — Зензинову

Paris. 28 марта 1940 г.

28 марта 1940

Дорогой Володинька,
приехал Ш. и передал твои письма. Спешу известить тебя о главном. Как ты знаешь, от Струнковой пришло на твоё имя (чек тебе посылали для подписи) 9 т. фр. Не знаю, для какой цели они присланы (А.Ф. [Керенский] думает, что для Кр[асного] К[реста]), но, во всяком случае, деньги у меня, и, если тебе надо будет, я вышлю. Это единственный источник, из к[о]т[о]р[ого] я могу черпать. Затем, № 82–[8]3 «Н[овой] Р[оссии]» мы хотим выпустить 15-го апреля (№ 80–[8]1 вышел и послан тебе¹). Таким образом, необходимо иметь от тебя большую корреспонденцию не позднее 12–13-го. Пришли её обязательно вовремя². Мы по тебе соскучились и с нетерпением ждем твоего возвращения. А.Ф. [Керенский] уже давно здесь, работает с нами дружно. Соглашение налаживается.

Собрания без конца — почти каждый день. Наташа [Симон] уехала на две недели к родителям.

М[уза] В[асильевна]³ ждет ребенка⁴ числа 20–25. Живем дружно и хорошо. В «С[оциалистическом] В[естнике]» полная победа Бориса Ив. [Николаевского]⁵. Разрешили спектакли русского театра. В воскр[есенье] идем на «Волки и овцы»⁶. Видел Марусю. Обнимаю тебя и очень жду.

Твой И. Фондам[инский]

Публикуется по автографу (Bakhtmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 1). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur V. Zenzinoff, ~~Toivonlinnantie 9A-16~~ [зачеркнуто карандашом почтальоном, который записал новый адрес:] Ilmarink[atu], 16, с. 27, *Helsinki, Finlande*»; адрес отправителя: «I. Fondaminsky, 130 av[enue] de Versailles, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 30.3.40». Сверху помета карандашом рукой Зензинова о получении: «5/IV».

¹ № 82–83 «Новой России» помечен датой 17 апреля 1940 г. № 80–81 вышел 22 марта 1940 г.

² Статей Зензинова нет ни в № 82–83, ни в следующем (и последнем) № 84 «Новой России», вышедшем 10 мая 1940 г.

³ Раскольников (урожд. Ивановская) Муза Васильевна (1913–2006), вторая жена наркома-невозвращенца Федора Федоровича Раскольников (наст. фам. Ильин; 1892–1939), после гибели мужа несколько месяцев прожила у Фондаминского, где познакомилась и с Зензиновым, с которым потом переписывалась. Подробнее о ней см.: *Пономарев Е.Р.* Нет ни красных, ни белых...: М.В. Раскольников и В.Н. Бунина // И.А. Бунин: Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. Вып. 2. С. 463–478.

⁴ Раскольников Муза Федоровна (1940–1986), дочь Ф.Ф. и М.В. Раскольниковых, родилась 17 апреля 1940 г., впоследствии стала историком.

⁵ Николаевский долгое время противостоял группе Мартова–Дана, также входившей в редакцию «Социалистического вестника». В 1940 г. и журнал, и Николаевский перебрались в США, к этому времени победила его точка зрения. Члены группы Мартова–Дана прекратили сотрудничество в «Социалистическом вестнике» и основали свои издания – «Новый мир» в Париже в 1940 г. и «Новый путь» в Нью-Йорке в 1941 г.

⁶ Благотворительный спектакль по пьесе А.Н. Островского «Волки и овцы» в пользу Союза семей русских мобилизованных был поставлен в Русском театре (Salle d'Iéna) 31 марта 1940 г. и повторен 7 апреля (см.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 612).

78. Зензинов — Фондаминскому *Helsinki. 15 мая 1940 г.*

Гельсинки, 15 мая 1940. Pmarinkatu 16, с 27

Милый Илюша,

очень прошу тебя немедленно откликнуться на настоящее мое письмо, мне очень важно будет знать, что оно дошло до тебя. Я пересылаю его через Екатерину Дмитриевну [Кускову], так как – представь! – я забыл твой адрес, и для ответа ты можешь тоже воспользоваться ее любезностью. Я уверен, она не будет за это на меня в претензии.

8 мая я получил от тебя и от А.Ф. [Керенского] телеграмму, в которой Вы обещали исполнить мою просьбу. Я очень настаиваю на ней и очень прошу, чтобы это дело не было отложено в далекий ящик – уверен, что А.Ф. [Керенский] может это сделать, а без его поддержки я ничего не добьюсь, в чем я уже убедился на опыте.

Мне будет страшно приятно получить от тебя хотя бы открыточку, так как чувствую себя здесь очень одиноким. Работа, правда, есть, и я очень ею занят, но все-таки всего меня она поглотить не может. Начал изучать шведский язык, чтобы читать газеты. Меня утешают тем, что летом можно будет уехать на рыбную ловлю, но ты знаешь, что я не большой любитель этого спорта и с удовольствием от него откажусь. Очень хочется вернуться домой – испытываю уже настоящую тоску.

Обрати внимание на мой новый адрес, а то телеграмма была прислана еще по старому.

Горю желанием узнать, как здоровье М.В. [Раскольниковой] и что нового (а может быть – кто новый?) в доме!

Очень рассчитываю на то, что немедленно мне ответишь. Если занят, попроси Наташу [Симон], М.В. [Раскольникову], С.М. [Соловейчика]...

Жду ответа – шли его через Е.Д. [Кускову]. Обнимаю крепко всех вас.

В.

Очень прошу дать мне телеграмму, когда получится ответ на хлопоты А.Ф. [Керенского].

Публикуется по машинописной копии (Bakhmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 4).

79. Фондаминский — Зензинову*Arcachon. 10 июля 1940 г.*

10 VII 1940.

Родной Володинька,

эта открытка — одна из мн[оги]х, к[о]т[о]р[ые] я тебе посылал за время нашей р[азл]уки. Но, судя по твоим письмам, наши письма до тебя не доходили. М.б., теперь, в связи с перемирием, связи восстановились, и ты получишь эту открытку. А, м.б., ты сумеешь и вернуться. Господи, как я хотел бы этого! Пока мы ушли в Париж с М.В. [Раскольниковой] и Наташей [Симон], я не чувствовал одиночества. Но вот уже месяц, как мы покинули Париж. М.В. [Раскольникова] живет одна в *Treignac* (Corrèze), Villa Printania, rue des Ecoles. Я с Наташей и Мочульским живем в *Arcachon* (Gironde), 12 rue Georges Méran. Все оставили Париж перед занятием и теперь находятся кто где. Полковник (12, rue Varise, XVI), Маруся, кажется, Любочка [Гавронская] и Рудневы остались в Париже. С.М. [Соловейчик] в *Billère près Pau* (B[asses-]P[yrénées]), M[ada]me Legros chez M. Montant. А.Ф. [Керенский], кажется, уже в Америке (был в Лиссабоне), когда мы уезжали, Jeanne осталась с котами. Но мы не знаем, не покинула ли она Париж в последний момент, и что с котами. Теперь ждем из Парижа известий — до сих пор мы были от Парижа отрезаны. Что будем дальше делать — еще не ясно. Вероятно, скоро можно будет вернуться в Париж. Но я еще не решил, поеду ли я туда сейчас и буду ли вызывать М.В. [Раскольникову]. Вот уже 2-й месяц я не получаю своих денег от Бори и потому не знаю, можно ли будет сохранить квартиру. А как я её буду ликвидировать без тебя! Приезжай, родной, мне очень трудно и тоскливо жить без тебя. Как то ты! Крепко обнимаю. Любящий тебя

Ил[ья]

Публикуется по автографу (Bakhtmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 1). Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur] Zenzinoff, Ilmarinkatu, 16, с. 27, *Helsinki, Finlande*»; адрес отправителя: «I. Fondaminsky, 12 rue Georges Méran, Arcachon (Gironde)»; почт. шт.: «Arcachon, 10.7.40».

80. Фондаминский — Зензинову*Arcachon. 25 июля 1940 г.*

25 VII 1940.

Родной Володинька,

получил известие через Екат. Дмитр. [Кускову], что ты жалуешься на мое молчание, и делаю еще одну попытку добраться через неё до тебя. За нашу разлуку я написал тебе больше десятка писем, но, судя по твоим ответам, они до тебя не дошли. До последних событий мы жили в Париже очень хорошо. М.В. [Раскольникова] оказалась превосходным человеком, Наташа [Симон] с ней очень сошлась, мы жили дружно тесной семьей. Называли нашу квартиру «Ноевым ковчегом» (Жанна с Уве, М.В. [Раскольникова] с маленькой Музой, Наташа, я, 4 кот!)

и всё поджидали тебя — очень по тебе скучали. Родилась маленькая Муза, и М.В. [Раскольников] стала неузнаваема: веселая, добрая и счастливая. События всё это разрушили. 3-го июня на av[nue] de Versailles, между Exelmans и Pont Mirabeau упали 4 бомбы! В нашем дом[е], в коридоре (между входом на av[enue] de Versailles и нашей дверью) все окна были выбиты. Началось бегство из Парижа. М.В. мы отправили в *Treignac* (Corrèze), Villa Printania, rue des Ecoles¹, где были Максы². 9-го я с Мочульским выбрался в *Arcachon* (Gironde), 12 rue Georges Méran, куда к нам подъехала Наташа. Здесь мы и живем больше месяца. Здесь еще Бердяевы, Иг. Плат. [Демидов], Берлины, Шайкевичи (Марья Абр.³), Иракий [Церетели]. А.Ф. [Керенский] уже в Америке. Федотовы на Ile d'Oleron, С.М. [Соловейчик] в Тулузе. М.В. [Вишняк] в Vichy. Н.Д. [Авксентьев] в По. Рудневы в деп[артаменте] Lot et Gar[onne]. Федя с семьей в своем имении. Полковник, Маруся, Любочка [Гавронская] остались в Париже. Как будто бы все нашлись, все живы и здоровы. Не имею еще известий о Варшавском⁴ и Влад. Ник. — оба были на фронте; но, Бог даст, они найдутся, ибо известия с фронта только теперь стали доходить. Но душевное состояние у многих очень тяжелое. Сам я пережил события исключительно тяжело — стал молчаливым и инертным. Только последнее время понемногу начинаю оживать. Наташа бодрa и очень мила со мной (Райка [Лебедева] в Дамбахе — еще от нее писем не имели). М.В. [Раскольников] осталась одна (Максы покинули Францию), но, судя по письмам, ведет себя героически. Напиши ей обязательно. У многих из наших друзей намерение ехать к Терезе [Керенской] — к[ак] б[удто] бы уже есть возможность, и она приглашает нас всех. Думаю, что С.М. [Соловейчик], Марочки [Вишняки], Алдановы, Н.Д. [Авксентьев] и некоторые другие поедут (все приятели Бор. Ив. [Николаевского] — непременно⁵). Но я ни за что не хочу покидать Парижа. Думаю, что и Вадим [Руднев], Бердяевы, Г.И. [Газданов?], Е.А. (живет в По) и другие — тоже останутся в Париже. Судя по известиям из Парижа там всё тихо и спокойно, и жить можно. Во всяком случае мы с Наташей и М.В. [Раскольниковой] собираемся скоро возвращаться в Париж — Jeanne с котами там. Я уже два месяца не получаю денег от Бори и не знаю, что будет дальше. Боюсь, что придется ликвидировать квартиру. Из письма Е.Д. [Кусковой] сделал вывод, что и ты собираешься к Терезе. Пришел в ужас от этого. Неужели и ты нас покинешь! Ты не можешь себе представить, как я по тебе соскучился и как я хочу, чтобы ты вернулся в Париж, и что мы будем жить вместе. И весь Ноев ковчег придет в ужас, если ты не вернешься. Не знаю, возможно ли это, но мне кажется, что более возможно, чем к Терезе. Пиши, родной, на парижский адрес. Будь здоров и бодр и старайся, чтобы мы были вместе. Любящий тебя

Ил[ья]

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 1).

¹ В департаменте Corrèze (сперва в Треньяк, затем в Ле-Монтей) М.В. Раскольниковa провела все военные годы. См. об этом в ее воспоминаниях: *Раскольникова М.* Тень быстротечной жизни. М.: Советский писатель, 1991. С. 149.

² Имеется в виду чешский дипломат и политик, бывший посланник в Болгарии Прокоп Макса (Прокор Маха; 1883—1961) и его жена, старые друзья Фондаминского и Зензинова, а также и Раскольниковых.

³ Шайкевич (урожд. Эфрон [Ефрон]) Мария Абрамовна (1872–1960), общественный деятель, сотрудник ПН.

⁴ В.С. Варшавский воевал, попал в плен, после освобождения награжден высшими военными наградами Франции. О его военных годах подробно см. в недавнем переиздании: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение* / Предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста приложения, послесл. М.А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Русский путь, 2010.

⁵ Подразумеваются меньшевики.

81. Зензинов — М.О. и М.С. Цетлин

New York. 10 января 1941 г.

Нью-Йорк, 10 января 1941

Милые Маня и Мишук,

вчера приехал Марк Александрович [Алданов], привез вести от вас и письма. Так странно, что вас обоих нет тут с нами. И, кажется, никто этого не понимает. Я не совсем в курсе всех деталей, но знаю, что все время идут усиленные хлопоты — я несколько раз разговаривал об этом с А.Ф. [Керенским], от которого это и слышал. Знаю, что Б.Ю. [Прегель] ездил в Вашингтон, разговаривал там с сильными мира сего, что взялся за хлопоты даже какой-то местный специалист-адвокат, кто-то говорил даже о саботаже... Но в каком положении в данный момент находится ваше дело, по совести не знаю. От всех слышал, что это лишь вопрос времени и что в самом получении для вас визы нельзя сомневаться. Сейчас Б.Ю. [Прегель] и Шурочка [А.Н. Прегель] находятся, кажется, во Флориде. Между прочим, в Вашингтоне сейчас находится и А.Ф. [Керенский]. Он уехал туда по нашим всеобщим настояниям пять дней тому назад и повез с собой максимальный и минимальный список, за который должен там хлопотать. Сюда ведь с каждым пароходом — вернее, с каждым клиппером — поступают просьбы о визах, большинство из них трагического характера. А надежд на удовлетворение их мало. А.Ф. [Керенский] поехал туда, имея очень мало надежд на успех, и уже писал оттуда Терезе Федоровне [Керенской], что благоприятных перспектив почти нет. В чем тут дело, никто не знает. Ведь удивительно то, что *все* приехавшие до сих пор сюда русские приехали по первоначальному списку, составленному Рабочим Комитетом! По-видимому, тогда сгоряча разрешили, а потом спохватились...

Милая Маня, теперь об Илюше [Фондаминском]. Как только приехал сюда (6.XI) и узнал о Тузе, не нахожу себе покоя. Все время думаю о нем. Если бы я был с ним, то ручаюсь, что вытаскил бы его¹. Я совершенно разделяю твое мнение — все, кто говорят чуть ли не о душевном заболевании Тузи, говорят чепуху. Он просто подавлен и утратил волю — в таком же состоянии он был и раньше однажды. Мы все тогда это видели. Совершенно согласен с тобой, что нужно сделать какой-то сильный нажим на него. Это могут сделать Вольфсоны (они, между прочим, включены в списки, которые находятся у А.Ф. [Керенского]), это может

сделать и Шупак², которая, по нашим сведениям, находится сейчас тоже в Париже. Недавно здесь получил А.Ф. [Керенский] письмо от Нины Николаевны [Берберовой], у которой бывал Тузя — она тоже пишет, что он был в очень подавленном настроении. В него нужно вдохнуть какую-то энергию, быть может, просто произвести на него даже сильное давление и заставить его душевно оторваться от Парижа. Куда можно, я писал о нем — писал Екатерине Дмитриевне [Кусковой] в Женеву, писал Евгении Ивановне (Савинковой³) в Марсель (она просила за Левочку⁴ — получил от нее письмо). Всех просил оказать на него воздействие. Пока ответов ни от кого не имею. Я прилагаю письмо, которое пишу ему — постарайся как-нибудь ему его переслать. В нем я стараюсь нажать все клавиши. Если нельзя переслать, то, быть может, можно как-нибудь его пересказать от моего имени? Да, забыл сказать, что писал о нем еще и Осоргину, который, я знаю, имеет окаянии туда. Милая Маня, я тебя умоляю: со всей свойственной тебе энергией постарайся оказать на него давление! Я знаю и сам, как ты это хочешь. Если ты пишешь, что чувствуешь, как коротки твои руки, то что же я должен чувствовать. Честное слово, поехал бы туда, если бы в этом был какой-нибудь смысл. Мысль о Тузе меня буквально гложет.

Что тебе написать об Америке и о нашей жизни здесь? Народу здесь много. Встречаемся, обсуждаем текущий момент, плачемся и горюем по оставшимся, строим проекты, много проектов. Но пока ничего реального. Нету средств. Но поиски идут. Думаю, что кое-что будет найдено, хотя и не в астрономических размерах. Мое личное мнение, что от грандиозных проектов (а по-моему, у А.Ф. [Керенского] именно такие) придется отказаться — и не только потому, что средств для этого не будет. В русской среде здесь мало что можно сделать. Русская аудитория до комичного малокультурна. Здесь надо работать либо в очень скромном масштабе для русской аудитории, либо — что гораздо ценнее — в американской среде и для американского резонанса.

Американская жизнь кругом идет изобильная, напряженная и почти счастливая. Но ты знаешь, что я никогда Америкой не увлекался. Здесь, действительно, почти неограниченные возможности, чрезвычайно много интересного и поучительного, но к самому смыслу американской жизни у меня вкуса нет — просто даже не нравится она мне. И теперешний мой приезд моих вкусов не поколебал, наоборот — во многом я еще сильнее укрепился. Всего больше на свете сейчас боюсь умереть в Америке — это мне было бы очень неприятно. Не думай по моим словам, что я в меланхолии. Нет, я в активном состоянии и хочу работать. Чуть было не разбогател с места в карьер. Мне заказали (почти заказали!) две статьи, за которые я должен был получить — за одну тысячу (честное слово!) долларов, за другую — пятьсот. Написал... и не получил ни одного цента! Все оказалось блеффом! Одну статью (тысячную) принял редактор, но отверг издатель (а в американском журнале хозяином положения является, конечно, издатель, принимающий к рынку, прислушивающийся к толпе), а другая статья была отвергнута, так как тема оказалась устаревшей (почему-то она не была «устаревшей» за две недели перед тем, когда была мне определенно заказана). Но унывать нечего. Кажется, есть надежды, что получу заказ на книгу от своего

прежнего издателя («мемуары»! — черт бы их взял!). Как будто, можно будет получить и хороший аванс, на который мы с Тузей здесь смогли бы прожить несколько месяцев.

Милые Маня и Мишук, я не только не теряю надежды, что скоро с Вами увижусь, но просто-таки уверен в этом — и потому с полной убежденностью говорю вам: до скорого свиданья! Шлю через вас привет милой Европе, хотя бы и в лиссабонском обличии.

Что вы слышали о Зинь-Зине? Тоскую по нем.

Все мы очень тяжело здесь пережили смерть Вадима [Руднева]. О Верочке [Рудневой] думаю все время. Пишу ей тоже.

Публикуется по машинописной копии (Bakhmeteff Archive. Zenzinov papers. Box 2).

¹ Речь об отказе Фондаминского покидать оккупированный Париж.

² О ней см.: Ред., примеч. 2 к п. 37.

³ Савинкова (урожд. Зильберберг) Евгения Ивановна (1883 или 1885 — 1942), вторая жена Б.В. Савинкова, после его гибели вышедшая замуж за князя Ю.А. Ширинского-Шихматова.

⁴ Савинков Лев Борисович (1912—1987, Париж), литератор, журналист, общественный деятель, сын Б.В. Савинкова и Е.И. Ширинской-Шихматовой; в эмиграции жил во Франции, с 1936 г. воевал в составе интербригад в Испании, во время Второй мировой войны участвовал во французском Сопротивлении.

82. Зензинов — Рудневой

New York. 25 января 1941 г.

V. Zenzinov, 417 Riverside Dr[ive], New York, N[ew] Y[ork].
Нью-Йорк, 25 янв. 41

Милая, родная, дорогая Верочка, сколько раз брался за перо, чтобы написать тебе, и не мог, ничего не выходило! В душе и сердце столько всего, но сказать ничего не могу, потому что слова ничего не выражают — а хотелось бы показать, что душой и мыслями все это время был с тобой.

Прилагаю письмо для Тузи [И.И. Фондаминского] — мне Шурочка [А.Н. Прегель] сказала, что ты можешь ему пересла[ть. Это] великая моя забота, просто не знаю, как убедить его. Разными путями пробовал дать ему весть — через Екатерину Дмитриевну [Кускову], через Маню [Цетлин], через Наталию Александровну [Недошивину] и через Михаила Андреевича [Осоргина] — и не знаю, удалось ли. Но и к тебе хотелось бы обратиться с теми же словами просьбы и призыва. Все мы осиротели — каждый по-своему — и всем нам сейчас осталось, как овцам во время грозы, сплотиться и быть вместе, вместе, вместе!

Обнимаю тебя, родная, от всей души.

Володя

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

ПРИЛОЖЕНИЕ

83. Неустановленное лицо — Вишняку [?]

Б.м. 18 октября 1944 г.

18 октября

А.Ф. Керенский от знакомого американца из Парижа получил пересланные через него два письма — от Маклакова и Погосьяна.

28 июля [так!] после долгой и тяжелой болезни скончался П.Н. Переверзев¹, сообщают также о смерти Н.В. Тесленко². Живы и здоровы и находятся в Париже А.С. Альперин³, А.А. Титов, В.К. [так!] Вольский, А.М. Ремизов, П.А. Берлин, М.М. Тер-Погосьян, Мочульский, Жаба, Н.А. Бердяев, А.Б. Петрищев, Могилевский. На юге Франции — В. Агафонов⁴, Е.Ф. Роговский⁵, Я.М. Шефтель⁶. Не имеют сведений об отвезенных в Германию И.И. Фондаминском, матери Марии [Е.Ю. Скобцовой] и М.К. Вольфсоне с женой — надежды на их возвращение очень слабые⁷. Маклаков здоров, его учреждение работает⁸. Жалуются на отсутствие культурных сил и недостаток материальных средств, надеется на материальную помощь из Америки — в частности, для русских писателей и для работы его учреждения. Большая нужда в русском издании — ежедневной газете или еженедельном издании, но на это нет средств. Погосьян также присоединяется к просьбе о помощи русским писателям и интеллигенции. Погосьян шлет приветы Керенскому, Зензинову, Врациану⁹ и Соловейчику. Просит Керенского, Зензинова и Врациана как можно скорее приехать в Париж. Маклаков пишет, что в Париже большая русофобия на почве сотрудничества некоторых из русских с немцами. Большой перелом в русской психологии. — Миша Погосьян¹⁰ учится в парижском университете и мечтает, что ему помогут поехать в Америку, чтобы там докончить образование. — Знакомый А. Ф-а [Керенского] был в «Попюлэр»¹¹. Там ничего о Церетели не знают. Мутэ¹² еще не вернулся из Швейцарии. Брак¹³ с женой летом были арестованы, их продержали 3 недели, затем выпустили. — Анна Александровна здорова и кланяется.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 13. F. 23). Год установлен по содержанию. В конце помета рукой Вишняка: «V. Zenzinov». Вишняк сохранил данное письмо в папке с письмами Зензинова. Однако Зензинов сам упоминается дважды в тексте, таким образом, не может являться автором письма.

¹ Как дата смерти юриста и общественного деятеля Павла Николаевича Переверзева в справочниках указывается 28 июня 1944 г. (см.: Серков. Русское масонство. С. 633; Российское зарубежье во Франции. Т. 2. С. 418).

² Тесленко Николай Васильевич (1870—1943), адвокат, общественно-политический деятель, кадет, масон.

³ Альперин Абрам Самойлович (1881—1968), юрист, промышленник, общественный деятель, масон.

⁴ Агафонов Валериан Константинович (1863—1955, Ницца), геолог, общественный деятель, масон.

⁵ Роговский Евгений Францевич (1888—1950, Париж), юрист, публицист, общественно-политический деятель, эсер, масон.

⁶ Шефтель Яков Михайлович (1882—1973), юрист, общественный деятель, масон.

⁷ Все четыре упомянутых лица погибли в 1942–1943 гг. в нацистских концлагерях.

⁸ В.А. Маклаков с 1924 г. был председателем Эмигрантского комитета (за вычетом периода нацистской оккупации, когда его организация не действовала, а сам В.А. Маклаков был арестован в апреле 1941 г. и пять месяцев провел в тюрьме).

⁹ Врациан (Врацьян, Врацян) Семен (Симеон, Симон) Лазаревич (1882 – после 1946), армянский юрист, политический деятель, литератор, масон.

¹⁰ По-видимому, сын Михаила Матвеевича Тер-Погосьяна.

¹¹ «Le Populaire» (Париж, 1916–1970) – газета французских социалистов, с 1920 г. центральный орган французской Социалистической партии, после Второй мировой войны одна из наиболее массовых и влиятельных французских газет.

¹² Мутэ Мариус (Marius Moutet; 1876–1968), французский адвокат и общественно-политический деятель, член Палаты депутатов, министр колоний, член парижского Пушкинского комитета (1935–1937), во время Второй мировой войны в подполье и в эмиграции, после войны президент Совета республики. Историограф эмиграции П.Е. Ковалевский включил его в рубрику «Друзья Русского Зарубежья» (см.: *Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: Доп. вып.* [Paris, 1973]. С. 42).

¹³ Неустановленное лицо.

*«“Современные записки”
всегда живо отзывались
на запросы духовной жизни»:
В.В. Зеньковский*

Публикация, вступительная статья и примечания
М. Вендитти и М. Шрубы

Отношения редакции СЗ к религиозным мыслителям русской эмиграции были достаточно сложны и неоднозначны. Простой взгляд на содержание номеров журнала показывает, что возможность публиковаться получили далеко не все из них; примером совсем несостоявшегося сотрудничества с СЗ может послужить имя С.Л. Франка. Из тех, чьи работы проникли в журнал, одних авторов печатали сравнительно часто (например, Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова), а других скорее редко и неохотно. Ко второй категории принадлежит, в частности, В.В. Зеньковский, представленный в журнале всего пятью статьями и семью рецензиями, и С.Н. Булгаков, опубликовавший в СЗ всего лишь одну статью. Причины этой нелюбви раскрываются отчасти в их корреспонденции с редакцией журнала и во внутривыпускной переписке.

Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962)¹ был еще в первой половине 1920-х гг. лично знаком с В.В. Рудневым², бывавшим зачастую в Праге, — оба они принимали активное участие в деятельности Педагогического бюро по делам средней и начальной русской школы за границей. Данное учреждение, созданное в начале ап-

¹ О В.В. Зеньковском см.: *Санов В.В. Зеньковский // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995. С. 160–161; Краткий биографический словарь. С. 296–312; Куликова М. Зеньковский // Золотая книга эмиграции. С. 251–253; Маслин М.А. Зеньковский // ЛЭРЗ. 1997. Писатели. С. 177–179; Сухарев. Материалы. Кн. 1. С. 188–190; Незабываемые могилы. Т. 2. С. 613; Литературное зарубежье России. С. 274–275; Нивьер. Священнослужители. С. 209–211; Российское зарубежье. Т. 1. С. 590–591; *Ермишин О.Т. Путь к идейному синтезу и единству (О жизни и трудах В.В. Зеньковского) // Зеньковский В.В. Собр. соч.: [В 2 т.]. М., 2008. Т. 1. С. 5–37. См. также библиографические списки трудов Зеньковского: [Zander L.] List of the Writings of Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris. 1925–1954. Paris, [1954]. P. 28–39; List of Writings of the Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris. 1955–1965. Paris, [1965]. P. 7–13, 39–40; В.В. Зеньковский. Библиография. Статьи, очерки и рецензии (1906–1962) // Зеньковский В.В. Собр. соч.: [В 2 т.]. М., 2008. Т. 2. С. 507–514.**

² В своих воспоминаниях о Рудневе Зеньковский пишет: «На первом же всеэмигрантском Педагогическом съезде (председателем коего был я) я впервые познакомился с В.В. [Рудневым]. Это было весной 1923 г., а весной 1925 г. я, как председатель Русского Педагогического Бюро, вместе с А.Л. Бемом и Н.М. Могиланским приехал в Париж, чтобы наладить сближение нашего Бюро с “Земгором”. Наш план не имел в виду чем-либо ограничить работу “Земгора”, дело шло только о том, чтобы координировать планы Бюро и “Земгора”. У “Земгора” были средства, у Бюро же не было никаких средств, но были большие связи со школами и педагогическими кругами на местах. Но “Земгор” и особенно именно Руднев категорически отказались от сотрудничества, охраняя свою “монополию”, которая все равно принадлежала им, поскольку у “Земгора” были средства. Мое первое впечатление от этой встречи с Рудневым было очень неблагоприятное, я почувствовал, что я для него не “свой”, а потому он и не хотел никакой близости, никакой координации. Прошло несколько лет, за эти годы очень выросло Студенческое Христианское Движение, за эти же годы у Руднева, как и у его близкого друга Бунакова-Фундаминского, окончательно созрел поворот к религиозному миропониманию. [...] С любовью вспоминаю В.В. [Руднева]. В нем, несмотря на партийную узость, которая в нем никогда совсем не исчезала, была глубина, благородство, подлинный общественный идеализм, искренняя религиозность — все это было соединено с человечностью, скромностью в какой-то пленительной форме. Руднев любил Россию глубоко и пламенно и это поддерживал в нем его политизм» (*Зеньковский В.В. Мои встречи с выдающимися людьми: 34. Вадим Викторович Руднев // Записки Русской академической группы в США. 1995. Т. 27. С. 43–44*).

реля 1923 г. в Праге³ по инициативе Зеньковского, было задумано как центральный педагогический орган русского зарубежья. В задачу объединения входило содействие развитию зарубежной культурно-просветительской работы, в частности разработка программ для средней школы. Организация имела представительства в двенадцати европейских странах. Председателем пражского Бюро являлся Зеньковский. На заседании Педагогического бюро, состоявшемся 1 октября 1927 г. в Праге, было принято постановление об организации в Париже постоянного представительства Бюро (в лице председателя В.В. Зеньковского и членов Е.П. Ковалевского и В.В. Руднева)⁴.

Сотрудничество Зеньковского в СЗ началось еще в пражский период его жизни. Его привлечение к участию в журнале было, по-видимому, связано с введением «квоты» для религиозных мыслителей в СЗ. Факт существования такой договоренности явствует из соответствующих упоминаний во внутривыпускной переписке. Судя по всему, «квота» заключалась в том, чтобы начиная с 1925 г. в среднем каждый номер содержал какой-то материал религиозного характера.

Подобное соглашение членов редакции следует, скорее всего, отнести ко второй половине или к концу 1924 г. Первое упоминание о квоте религиозных статей в каждом номере журнала встречается в письме Фондаминского к Вишняку от 14 февраля 1925 г., в пассаже, где обсуждается содержание очередной, 24-й книги СЗ: «На Лосском или Булгакове я настаиваю, ибо иначе “план” не реализуется — в 23-м [номере] ничего “епархиального”» (Ред., п. 38). «Епархиальная» квота упоминается также в письме Вишняка к Фондаминскому от 1 июня 1926 г. в связи с З.Н. Гиппиус: «Сегодня буду просить статью-воспоминания не о религиозно-философском обществе, ибо даже Вадим [Руднев] боится, что эти воспоминания зачтут нам в счет нашей религиозной “квоты”, которую нам, по мнению того же Вадима, нельзя не соблюдать и использовать надо с особенной осмотрительностью» (Ред., п. 106). Речь идет о предложении Гиппиус опубликовать в СЗ воспоминания о петербургских Религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. Высказывание Вишняка примечательно тем, что даже он, человек сугубо нерелигиозный и враждебный христианскому мирозерцанию, относился тогда строго исполнительно к соблюдению договоренности о включении религиозных статей в журнал. Для Вишняка воспоминания Гиппиус нежелательны не тем, что они касаются области религиозного, а тем, что они слишком легковесны и не в достаточной степени соответствуют требованиям «квоты». О религиозной квоте говорится еще раз год спустя в письме Вишняка к Рудневу от 23 октября 1927 г. (Ред., п. 154); об этом письме речь пойдет ниже.

Первая публикация Зеньковского в СЗ — статья «По поводу книги И.А. Ильина “О сопротивлении злу силою”». Судя по всему, Зеньковского привлек к сотрудничеству Степун в конце 1925 г.; в его письме к Фондаминскому от 30 ноября 1925 г. говорится: «Зеньковского буду снова просить о статье» (Ред., п. 70). Несколько месяцев спустя, 21 апреля 1926 г., Фондаминский сообщил Вишняку и Рудневу: «Зеньковский обещал дать для 29-й книжки подходящую статью (Ст[епун] писал, что нам надо)» (Ред., п. 95). Подготовленная к осени статья Зеньковского понравилась Фондаминскому, о чем он известил Вишняка в письме от 8 сентября 1926 г.: «Радуюсь, что в результате будут три интересные и “проблематические” статьи — твоя, Гурвича и Зеньковского» (Ред., п. 117). Статья появилась в последней книге СЗ за 1926 год (№ 29. С. 284–307).

³ См.: Хроника. Чехословакия. Т. 1. С. 98.

⁴ См.: Там же. С. 273. Ср. также: *Евсеева Е.Н.* Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей (1923–? гг.) // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7) (http://www.nivestnik.ru/2002_2/13.shtml).

В заключении своей статьи Зеньковский утверждает, что «*пора преодолеть психологический отход от тех идей, какими жила русская интеллигенция – от идей свободы и народолюбства, демократии и либерализма*» (С. 307; курсив автора). Несмотря на эти «демократические выводы», близкие мирозерцанию редакторов журнала, и на поддержку сразу двух из них – Руднева и Фондаминского, дальнейшее участие Зеньковского в СЗ встретило сильнейшее сопротивление третьего редактора – Вишняка. Красноречиво свидетельствует об этом письмо Фондаминского к Вишняку от 30 января 1927 г.: «Почему Зеньковский, к[о]т[о]р[ый] ни в какой *правой* политике не замешан и дал нам статью с определенно *демократическими* выводами, тебе не по силам, а Нольде, работающий в “Возр[ождении]” и выпускающий книги с защитой дворянской конституции и крепостников, для тебя желательный сотрудник? Разве на этом примере не ясно абсолютно, что дело тут *не в политике*, а в *философском* мирозерцании. “Либеральный консерватизм” Нольде тебе не страшен, а *православный* демократизм тебе невыносим. Если ты не увлекаешься и не взвизываешь себя напрасно, тогда положение, действительно, безвыходное. Но меня тогда удивляет одно: почему позитивист Стасюлевич мог работать вместе с Вл. Соловьевым и Милуков с Демидовым, а М. Вишняк не может работать рядом с Рудневым? Никто тебя не заставляет проповедовать православие, но почему наряду с учением Фихте (Гурвич), Гегеля (Гессен), Платона (Шестов) нельзя в том же журнале защищать и учение Христа, я право не понимаю» (Ред., п. 127).

Возникает вопрос, почему из целого ряда религиозных мыслителей, сотрудничающих в рамках «квоты» в СЗ, Вишняку пришлось «не по силам» именно Зеньковский. Показательно в этом отношении определение мировоззренческой позиции Зеньковского в одном из писем Степуна к Вишняку (от 28 января 1928 г.): «Зеньковский – православный народник» (Ред., п. 165). По-видимому, Вишняк считал, что легитимным преемником идеологии народничества являлось мирозерцание демократических социалистов в общем и правых эсеров в частности; мысль о том, что на ту же народническую идеологию мог бы опираться православный «мракобес», была для него еще более неприемлема, чем открытый антидемократизм Бердяева и других религиозных философов.

Именно с интерпретацией идей народничества связана следующая публикация Зеньковского в СЗ – статья «Новое о народничестве» 1927 г.⁵ Споры вокруг данной статьи широко отразились во внутриредакционной переписке. Первоначальная версия данной работы содержала формулировки и утверждения, неприемлемые не только для атеиста Вишняка, но и для православного Руднева. В связи с этим статья Зеньковского была подвержена журнальной «цензуре», т.е. значительным редакторским вмешательствам.

Статья Зеньковского обсуждается в письме Руднева к Фондаминскому от 21 октября 1927 г.; Руднев критикует, в частности, ее аподиктически-фундаменталистские тезисы: «С точки зрения “цензуры” статья как будто благополучна. [...] Мне казалось невозможным оставить такую “эксклюзивистическую” форму, вроде того, что “народничество может быть *только* религиозным” или отбрасывание пози[ти]вистической интеллиген-

⁵ См. в воспоминаниях Зеньковского: «однажды я через нее [т.е. мать Марию (Е.Ю. Кузьмину-Караваеву)] получил просьбу Руднева о свидании. Темой для нашей беседы явился вопрос о сближении с религиозной молодежью, на что я конечно всецело согласился. Кроме того в итоге нашей беседы Руднев предложил мне написать статью для *Современных записок*, что я и сделал. В *Современных записках* появилась моя статья о “новом народничестве”, т.е. о “религиозном народничестве”. Года через два я поместил там же статью-разбор известной книги И.А. Ильина *О сопротивлении злу силой*; поместил ряд библиографических заметок» (*Зеньковский В.В. Мои встречи с выдающимися людьми*. С. 44). Зеньковский путает факты – разбор книги Ильина появился в СЗ раньше, чем статья «Новое о народничестве».

ции в стан *врагов* народа и союзников дьявола. — Если ты тоже согласен, что это может ранить кое-кого, — то беру на себя смелость исправить не спрашивая Зеньковского». Кроме того, Руднев считал статью неудачной в риторическом и стилистическом плане: «По существу же — статья на важнейшую тему, но... весьма куца по аргументам, по ходу. Топчется на месте, и от повторения тезис не становится ни углубленнее, ни убедительнее. Неталантливо. Но — кратко, всего $\frac{3}{4}$ листа» (Ред., п. 153).

Два дня спустя, 23 октября 1927 г., Вишняк написал Рудневу письмо, содержащее обстоятельную, весьма резкую и фундаментальную критику статьи Зеньковского: «Получил от Ильюши [Фондаминского] рукопись Зеньковского. Сплошная грусть!.. Но прежде — кестион преалабль [т.е. принципиальный вопрос]: имею ли я право голоса в сем вопросе?!. Статья явно входит в “квоту”! Да я и не ставлю вопроса о вето. Я даже готов употребить ту формулу, которую ты применил в отношении к моей статье: “не возражаю”. Но хотя бы и без права голосования по поводу входящей в религиозно-церковную квоту статьи, — я все же хотел бы поделиться и своим впечатлением и высказать ни к чему тебя с Ильюшей не обязывающее суждение. Статья Зеньковского мало сказать “не талантливая”, она — бездарная, непроходимо скучная и, на мой еретический взгляд, компрометирующая ту идею и великую тему, которой она посвящена. Я бы не стал особенно печалиться о том, — если бы не думал, что “компрометантное” выполнение даже чуждого мне задания не было бы “компрометантным” и для журнала» (Ред., п. 154).

В дальнейшем Вишняк подробно излагает, что ему не нравится в работе Зеньковского о народничестве, называя ее «круглой “пустышкой”», «бездарной и нудной, даже не статьей, а декларацией г. Зеньковского, сотрудника все-таки случайного без года неделя и литературно почти новичка». Вишняк полностью согласен с мнением Руднева об аргументации и стиле статьи Зеньковского. Во-первых, он выделяет неприемлемо аподиктические утверждения: «На стр. 23 говорится, что “Только церковная интеллигенция может помочь народу”. — Почему только она? В духе сделанных тобою поправок следует устранить “эксклюзивизм” и здесь». Подчеркиваются и стилистические недочеты статьи: «На стр. 3 — “деклассацию” лучше бы убрать и заменить другим словом не только потому, что такого слова на русском языке я не встречал, но и потому, что рядом с ним стоят слова “эмиграция”, “процесс”, “кризис”, “интеллигенция”. Даже для моего привычного к иностранщине уха для одной фразы это чересчур».

Однако наиболее весомы возражения философского характера; редактор СЗ находит основной тезис статьи Зеньковского о специфике отношения народа и интеллигенции внутренне противоречивым и слишком схематичным: «Есть, по моему, внутреннее противоречие и в основной идее. (Русская интеллигенция не была религиозной и потому разошлась с народом, “бросила” его. Отсюда и все напасти. Теперь народ разлагается противорелигиозной проповедью. И чтобы спасти его ставшая религиозной, и даже церковной, интеллигенция должна идти в народ. Но ведь тем самым, что интеллигенция обрела религиозность как раз в то время, когда народ ее утерял, — народ и интеллигенция опять разошлись, или интеллигенция вновь “бросает” (духовно) свой народ! — Суть проблемы, очевидно, не в хронологическом несовпадении настроений народа и интеллигенции, а можно ли “бросить” народ, как бы он ни был и как бы ни расхохотался с его чувствованиями интеллигенция? — Зеньковский даже и не почувствовал *этой* проблемы.) — Но это уже “существо”!» (Там же).

Несмотря на все эти возражения, статья Зеньковского «Новое о народничестве» все-таки увидела свет; она была напечатана в последней книге СЗ за 1927 год (№ 33. С. 469–480). Показательно, что лишенная ярких мест и обесцвеченная статья не понравилась Степуну, сопоставившему напечатанные рядом статьи Д.И. Чижевского и Зеньковского в письме к Вишняку от 13 декабря 1927 г.: «Очень мне понравился Про-

кофьев [т.е. Чижевский] и я вполне с Вами согласен, что редакционные купюры статьи не испортили, хотя я и всячески отстаиваю свободу творчества. Зеньковский меня несколько разочаровал; насколько у Чижевского все конкретно, прочувствовано и туго связано, настолько у Василия Васильевича все пенисто и общее, но тенденция его статьи мне близка» (Ред., п. 156).

Полгода спустя после напечатания статьи Зеньковского о народничестве Вишняк подводит в письме к Степуну от 23 июня 1928 г. итоги четырехлетнего применения религиозной квоты в журнале; в глазах Вишняка результат попытки «приручения» религиозных мыслителей редакцией на почве идеализма был решительно отрицательным: «Тот опыт идеалистического, включающего и религиозный фронт, который в качестве опыта был начат “Соврем[енными] записками” четыре года тому назад, на мой внутренний слух, явно не удался. Не мы кого-то объединили и повели, а нас — вернее, вас, т.е. Вас, И.И. [Фондаминского] и В.В. [Руднева] — повели, разложив при этом редакцию, ибо у редакции и в моем отсутствии нет единой миросозерцательной точки зрения. Ведь смешно и самоуверенно было бы сказать, что вы чему-либо научили или в чем-либо просветили Бердяева, Зеньковского и К°» (Ред., п. 187).

Вишняк считал, что привлечение религиозных писателей к сотрудничеству в СЗ исказило первоначальный характер журнала; именно опыт публикации статей Зеньковского послужил ему примером для утверждения, что при отборе статей решающую роль стало играть не качество работ, а мировоззренческий заказ: «Суть в том, что “Соврем[енные] записки” перестали быть прежде всего общественно-политическим журналом, каким они были задуманы и как значится и по сей день на обложке, а стали или хотят стать журналом миросозерцания или культуры миросозерцательной. [...] Журнал подпадал под внешние влияния. Миросозерцательный момент приобретал главенствующее значение. Печатали бездарного Зеньковского только потому, что он религиозный мыслитель, глава движения молодежи и не очень уж заостряет неприемлемые для нас общественные позиции» (Там же).

Тезис Вишняка о разложении редакции «церковниками» небезоснователен. Именно разногласия во взглядах членов редакции на участие религиозных мыслителей в СЗ привели к первому из целого ряда крупных внутриредакционных кризисов, разразившемуся весной 1929 г. Симптомом этого кризиса было длиннейшее, исполненное горьких жалоб и упреков письмо Вишняка к Фондаминскому от 7 марта 1929 г., в котором упоминается и Зеньковский: «Если в этой книге только предвзятостью и предрасположенностью можно объяснить появление бездарных, но не ранивших, статей Зеньковского и Скобцовой, [...] то следующая книга сплошной вызов и скандал. Все, что ты считаешь “гвоздями” журнала — Флоровский, Федотов, Маклаков и Степун (он обещал дать статью о “Религиозном смысле революции” [...]) — все рвет и ранит, как подлинный гвоздь...» (Ред., п. 205)⁶.

Примечательно, что к этому периоду (к началу 1929 г.) относится публикация следующей статьи Зеньковского в СЗ, «Система культурного дуализма» (СЗ. 1929. № 38. С. 352–379), не вызвавшая, впрочем, никаких дискуссий, судя по сохранившейся внутриредакционной переписке.

В ближайшее пятилетие Зеньковский привлекался к сотрудничеству в СЗ лишь однажды — в качестве рецензента педагогической литературы⁷. Между тем философ

⁶ Зеньковского недолюбливал в редакции СЗ не один Вишняк, как свидетельствует его письмо к Фондаминскому от 6 февраля 1931 г.: «От Зеньковского и тебя воротит» (Ред., п. 274).

⁷ См.: *Зеньковский В.В.* [Рец. на кн.:] Hans N.A., Hessen S. Educational Policy in Soviet Russia. London: King, 1930 // СЗ. 1932. № 49. С. 472; *Он же.* [Рец. на кн.:] Hans N.A. History of Russian Educational Policy (1701–1917). London: King, 1931 // Там же. С. 472–473.

предлагал редакции СЗ не одни лишь рецензии, как явствует из его переписки с Рудневым. В письме от 20 августа 1932 г. (первом из сохранившихся в архиве СЗ) говорится о том, что Руднев, судя по всему, обещал Зеньковскому позаботиться о публикации очередной статьи: «Вы предполагали поместить мою статью о Пирогове» (п. 1). Статья в СЗ напечатана не была — по-видимому, соредакторы проголосовали против нее.

В дальнейшем Зеньковский публиковал в СЗ в основном рецензии на религиозную литературу; в числе отрецензированных им изданий: *Булгаков С.Н.* Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. 1. Христология. Париж: YMCA-Press, 1933 (СЗ. 1934. № 55. С. 434–436); *Булгаков С.Н.* Утешитель. О Богочеловечестве. Ч. 2. Париж: YMCA-Press, 1936 (СЗ. 1937. № 64. С. 474); *Елевферий (Богоявленский Д.А.)*. Соборность Церкви. Божие и Кесарево. Париж: Б.и., 1938 (СЗ. 1938. № 67. С. 464–465); *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Paris: YMCA-Press, 1938 (СЗ. 1939. № 68. С. 487–488); *Четвериков С.И.* Молдавский старец Паисий Величковский: Житие. Petseri: Б.и., 1938 (СЗ. 1939. № 69. С. 396).

С 1937 г. (т.е. с тех пор, когда Вишняк фактически начал устраниваться от редактирования журнала) сотрудничество Зеньковского приняло достаточно регулярный характер — начиная с 64-й книги СЗ работы философа появляются почти в каждом номере (за исключением 65-й и 70-й книги). Кроме рецензий Зеньковский напечатал в те годы также две статьи на общефилософские темы — «Проблемы философской антропологии (Обзор новых книг)» (СЗ. 1938. № 66. С. 427–436) и «На темы историософии» (СЗ. 1939. № 69. С. 280–293)⁸.

Показательно для отношения редакции к Зеньковскому и то, что из ряда его монографий, опубликованных в 1920–1930-е гг.⁹, в журнале была отрецензирована лишь одна. На книгу Зеньковского «Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей» (Париж: YMCA-Press, [1926]) откликнулся рецензией Д.И. Чижевский (СЗ. 1927. № 32. С. 475–481; подпись: «П. Прокофьев»). Сделанное мимоходом предложение опубликовать рецензию на данную книгу принадлежит Фондаминскому, как явствует из его письма к Вишняку от 8 февраля 1927 г.: «Почему не написать о романе Чирикова, о книге Зеньковского, Лосского, о “Русск[ой] мысли”. Впрочем, чувствую, что ты мои предложения переживаешь, как натиск врагов, желающих снова затопить книгу, и потому умолкаю» (Ред., п. 130). Последняя фраза лишней раз свидетельствует о нелюбви Вишняка к религиозным мыслителям вообще и к Зеньковскому в частности.

В архиве Руднева сохранились всего 33 письма Зеньковского, включая три коллективные поздравительные письма по поводу юбилея СЗ в 1932 г. (от имени Центрального секретариата Русского студенческого христианского движения, Религиозно-педагогического кабинета и Педагогического бюро; п. 3–5). Это в основном краткие сообщения делового и бытового характера. Около половины из них имеют прямое отношение к СЗ; в частности, они касаются рецензий Зеньковского на книги С.Н. Булгакова (п. 20, 21), Елевферия (п. 24), Четверикова (п. 25), Лосского (п. 26). В остальных обсуждаются темы, связанные с общими педагогическими мероприятиями и ре-

⁸ Ср. в воспоминаниях Зеньковского: «Еще позже Руднев упросил меня написать статью о “новом антисемитизме”; что я охотно и сделал. Статья имела заглавие “Из области историософии”, чтобы не обращать досужего внимания на статью об антисемитизме» (*Зеньковский В.В.* Мои встречи с выдающимися людьми. С. 44).

⁹ См.: *Зеньковский В.В.* Психология детства. Лейпциг: Сотрудник, 1924; *Он же.* Курс общей психологии. Прага: Б.и., 1925; *Он же.* Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж: YMCA-Press, [1926]; *Он же.* Беседы с юношеством о вопросах пола. Paris: YMCA-Press, 1929; *Он же.* О чуде: Возможность и реальность чудес. Paris: YMCA-Press; Варшава: Добро, 1929; *Он же.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Ч. 1. Общие принципы. Paris: YMCA-Press, 1934.

лигиозными интересами Зеньковского и Руднева – например, составление учебных пособий (п. 6, 9), организация выставки детской книги (п. 6, 7), деятельность РСХД и родственных организаций (п. 12, 16, 18).

* * *

В приложении воспроизведены сохранившиеся в архиве Руднева письма некоторых религиозных деятелей русского зарубежья, участников Русского студенческого христианского движения (РСХД). В числе корреспондентов Руднева – А.И. Чекан и Г.Н. Шумкин. Письма проливают свет на отношения редакции СЗ (в лице Руднева) с РСХД (Чекан), а также на быт русского православного священника во французской провинции (Шумкин).

1. Зеньковский — Рудневу
Františkovy Lázně. 20 августа 1932 г.

20/VIII.

Дорогой Вадим Викторович,
если у Вас в сентябре выйдет очередной номер «Соврем[енных] записок»¹, в котором Вы предполагали поместить мою статью о Пирогове², то имейте в виду, что 4–5 сент[ября] я уже буду в Париже (4, rue Bertrand, Paris VII). Здесь остаюсь до 30–31 авг[уста]. За лето я сильно устал, сейчас подлечиваюсь и набираюсь сил. Год предстоит не только тяжелый, но и ответственный.

Всего доброго.

Ваш В. З.

Был в Нарве в авг[усте], виделся с Соболевым³.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur V.V. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine], France»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, Hotel Wilhelm Tell, Franzensbad»; почт. шт.: «Františkovy Lázně, 20.8.1932».

¹ Речь идет о 49-й книге СЗ за 1932 год.

² Пирогов Николай Иванович (1810–1881), врач, педагог, общественный деятель, публицист, мемуарист (см.: Русские писатели 1800–1917. Т. 4. С. 607–609). Статья Зеньковского о Пирогове в СЗ напечатана не была. Зеньковский посвятил Пирогову несколько страниц в своей основной работе (*Зеньковский В.В. История русской философии*: [В 2 т.]. Париж, 1948. Т. 1. С. 382–390). В библиографической сноске к этому разделу Зеньковский сообщает: «Мой очерк о философских воззрениях Пирогова, напечатанный в Эстонии в 1940 г., до меня не дошел» (Там же. С. 382). О какой работе идет речь, не установлено; в библиографиях трудов Зеньковского статья не значится.

³ Соболев Михаил Иванович (1879–1938), общественный и политический деятель; директор Нарвской гимназии, председатель Комитета русских эмигрантов в Эстонии (см.: *Исаков С.Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: Материалы к биографическому словарю*. Т. 1 (до 1940 г.): Словник. Изд. 3-е, исправл. и доп. Таллинн, 2006. С. 155; *Незабытые могилы*. Т. 6. Кн. 2. С. 63).

2. Зеньковский — Рудневу
Paris. Вторая половина 1932 г.

Дорогой Вадим Викторович,
если редакция «Совр[еменных] зап[исок]» в состоянии платить гонорар, буду очень признателен, если пришлете мне гонорары за мои рецензии¹. Мое личное

финансовое положение настолько трудное (Вы, вероятно, знаете, что кроме мизерного профессор[ского] жалования в Бог[ословском] инст[итуте] я всюду работаю gratis²), что каждой мелочи буду рад.

Простите, что беспокою Вас этим. Деньги лучше всего переслать на 10, boulevard Montparnasse³.

Ваш В. Зеньк[овский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Датируется по содержанию.

¹ По-видимому, речь идет о следующих рецензиях: *Зеньковский В.В.* [Рец. на кн.:] Hans N.A., Hessen S. *Educational Policy in Soviet Russia*. London: King, 1930 // СЗ. 1932. № 49. С. 472; *Он же.* [Рец. на кн.:] Hans N.A. *History of Russian Educational Policy (1701–1917)*. London, 1931 // Там же. С. 472–473.

² бесплатно (лат.).

³ Адрес парижского бюро Русского студенческого христианского движения (РСХД) и Педагогического бюро по делам зарубежной школы.

3. Центральный секретариат Русского студенческого христианского движения — редакции «Современных записок» *Paris. 28 ноября 1932 г.*

Ноября 28, 1932 г.

Редакции журнала «Современные записки», Париж.

Центральный секретариат Русского студенческого христианского движения¹ вместе со всем русским обществом сердечно приветствует дорогого юбиляра². Особенно дорого и ценно для нас то постоянное и живое внимание, каким пользуются на страницах «Современных записок» *проблемы и религиозной культуры*³. Подвиг творческого хранения и раскрытия *лучших традиций русского культурного сознания особенно велик и труден в дни нашего расщепления*. Помогите Вам Бог, умножь Ваши силы и энергию и дай радость продолжить Ваше служение русской культуре, начатое здесь, и в освобожденной России.

Члены Центрального секретариата Р.С.Х. Движения:

В. Зеньковский[ий]

И. Лаговский⁴

Л. Липеровский⁵

Л. Зандер⁶

К. Перешнева⁷

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/2). Письмо на бланке: «Русское студенческое христианское движение за рубежом — Russian Student Christian Movement Outside Russia. 10, boulevard Montparnasse. Paris (15^e), France».

¹ Русское студенческое христианское движение (РСХД) — виднейшая религиозно-общественная организация русского зарубежья; возникла в русле американского молодежного христианского движения Young Men's Christian Association (YMCA); основана в 1923 в г. Пшеров (Чехословакия); в числе учредителей были С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский (предс. 1923–1962), Н.М. Зернов, А.В. Карташев и др. С 1925 г. организация издает «Вест-

ник РСХД»; с движением теснейшим образом связано издательство YMCA-Press (Париж), основанное в 1921 г. в Праге. Сведения о главных участниках и список основной литературы об РСХД см. на сайте А.Л. Гуревича «Религиозные деятели и писатели русского зарубежья» (<http://zarubezhje.narod.ru/org/rshd.htm>).

² Данное и следующие два письма поступили в редакцию по поводу 50-й книги СЗ, вышедшей из печати в октябре 1932 г.

³ Подчеркивание здесь и далее предположительно рукой Вишняка.

⁴ Лаговский Иван Аркадьевич (1889–1940), богослов, религиозный публицист; секретарь РСХД в 1929–1933 гг.; с 1933 г. жил в Эстонии; в 1940 г., после оккупации Прибалтики советскими войсками, арестован и расстрелян.

⁵ Липеровский Лев Николаевич (1887 или 1888–1963), священник, протоиерей; организатор учредительного съезда РСХД в Пшерове; первый секретарь движения (1923); с 1925 г. в Париже.

⁶ Зандер Лев Александрович (1893–1964), философ, богослов, церковно-общественный деятель; родился в Петербурге; в 1913 г. окончил юридический факультет Петербургского университета; в 1913–1914 гг. стипендиат на философском факультете Гейдельбергского университета, затем чиновник Министерства народного просвещения; участник Первой мировой войны; в 1918–1919 гг. доцент философии в Пермском университете, с 1920 г. — во Владивостокском университете; в 1922 г. эмигрировал в Харбин, где в 1922–1923 гг. на юридическом факультете читал курс по истории философии права; в 1923 г. переехал в Прагу, а затем в Париж; с 1925 г. преподаватель и библиотекарь Св.-Сергиевского богословского института; один из основателей и активный член РСХД; в 1929–1932 гг. секретарь РСХД в Прибалтике; с 1933 г. генеральный секретарь РСХД. О Л.А. Зандере см.: [Zander L.] List of the Writings of Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris. 1925–1954. Paris, [1954]. P. 77–84; List of Writings of the Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris. 1955–1965. Paris, [1965]. P. 16–23; Сухарев. Материалы. Кн. 1. С. 183–185; Литературное зарубежье России. С. 270–271; Нивьер. Священнослужители. С. 207–208; Российское зарубежье. Т. 1. С. 575.

В архиве Руднева сохранилось недатированное письмо Зандера: «Дорогой Вадим Викторович, меня запрашивают из Англии о приблизительной численности русских в эмиграции и в частности в Европе. Цифры нужны только приблизительные: для новой листовки англ[ийского] общества, собирающего средства для Богосл[овского] Инст[итута] и Движения. Т.к. у меня нет никаких данных, то я обращаюсь к Вам с просьбой дать мне эту справку. Вероятно, соотв[етствующие] цифры у Вас имеются. Буду Вам благодарен, если Вы черкнете мне об этом возможно скорее: англичане просят ответить спешно. Заранее благодарю Вас. Искренно Ваш Л. Зандер» (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

⁷ Першнева Клавдия Михайловна (1900–1985), казначей РСХД (в 1920–1940-е гг.) и издательства YMCA-Press.

4. Религиозно-педагогический кабинет — редакции «Современных записок» *Paris. Ноябрь 1932 г.*

В редакцию журнала «Современные записки».

Религиозно-педагогический кабинет¹ шлет редакции «Современных записок» сердечные приветствия по случаю юбилейного торжества и желает ей дальнейшего успеха. Высоко ценя то огромное литературное дело, какое творили «Современные записки», мы чувствуем живую потребность особо отметить то, что «Современные записки» всегда живо отзывались на запросы духовной жизни, давали на своих страницах место статьям, освещающим религиозные искания нашего времени². Та

широта, с какой «Современные записки» отзывались на вопросы духовной жизни, составляет неоценимую услугу, оказанную журналом русскому делу, делу нашего духовного возрождения. За все это шлем Вам сердечное спасибо!

В.В. Зеньковский
Н.Н. Афанасьев³
А. Четверикова⁴
И. Лаговский
С. Верхов[ской]⁵

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/2). Датируется по содержанию. В левом верхнем углу штемпель: «Религиозно-педагогический кабинет при Православном богословском институте в Париже – Bureau de Pédagogie Religieuse, Institut de Théologie Orthodoxe».

¹ Религиозно-педагогический кабинет работы с православной молодежью при Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже основан в 1927 г. по инициативе В.В. Зеньковского и священника М.М. Осоргина при финансовой поддержке Джона Р. Мотта (ген. секретаря Международного комитета YMCA). Издавался «Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета» (Париж, 1928–1930. № 1–13).

² Подчеркивание предположительно рукой Вишняка.

³ Афанасьев Николай Николаевич (1893–1966), богослов; в эмиграции с 1920 г.; активный член РСХД; в 1930-е гг. работал в Религиозно-педагогическом кабинете; с 1940 г. священник; с 1941 по 1947 гг. в русском приходе в Тунисе; в 1947 г. вернулся в Париж, преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте.

⁴ Четверикова Александра Сергеевна (1899–1989), дочь протоиерея Сергия Четверикова (см. примеч. 1 к п. 8), член РСХД, сотрудник Религиозно-педагогического кабинета; в 1958 г. уехала в США; преподавала русский язык и литературу в Indiana University, Bloomington.

⁵ Верховской (Верховский) Сергей Сергеевич (1907–1986), в эмиграции с 1921 г.; в 1936 г. окончил Свято-Сергиевский богословский институт; позднее преподаватель института (1944–1951); в 1951 г. переехал в США; профессор философии и сравнительного богословия в Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке (1952–1981).

5. Педагогическое бюро — редакции «Современных записок» *Paris. Ноябрь 1932 г.*

В редакцию журнала «Современные записки».

От имени Педагогического бюро¹ шлю редакции «Современных записок» сердечное поздравление с выходом в свет юбилейной книжки журнала. То, что «Современные записки» внесли в русскую жизнь, *останется неоценимым вкладом в сокровищницу русской культуры*². Как ни тяжелы условия жизни русской эмиграции, но в ней никогда не угасала творческая энергия — и «Современные записки» *явились одним из самых ярких и мощных фокусов, в которых собирались со всех сторон отдельные лучи этой творческой энергии*.

Спасибо за все, что было сделано Вами для русской культуры! Русская школа, русские педагогические силы шлют Вам сердечный привет в день юбилея и горячие пожелания и впредь стоять на своем посту. Да здравствует русская культура, да здравствует свободное русское слово!

Председ[атель] Педаг[огического] бюро проф. В.В. Зеньковск[ий]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/2). Датируется по содержанию. Письмо на бланке: «Председатель Педагогического бюро по делам Зарубежной школы – Président du Bureau Pédagogique des Ecoles des Réfugiés Russes. Paris XVe. 10, boulevard du Montparnasse. Prague I, Karoline Svetle [так!] 21».

¹ О Педагогическом бюро см. во вступ. ст.

² Здесь и далее подчеркивания предположительно рукой Вишняка.

6. Зеньковский — Рудневу

Paris. 29 декабря 1932 г.

29/XII

Дорогой Вадим Викторович, я рассчитывал, что Вы придете в среду (вчера) на заседание о выставке детской книги¹, очень жалел я и другие, что Вы не пришли. Что касается вопроса об издании программ, то этот вопрос несколько затуманился — ввиду ряда новых фактов, всплывших за это время. 1) Епарх[иальный] комит[ет] выработал свои программы (я буду у митроп[олита]² на их обсуждении в понед[ельник] 2/1); ясно, что программы по з[акону] Божию, вероятно (я не уверен), надо оставить в их компетенции. Твердо обстоит дело лишь по программе историч[еской]; неясно о географии и совсем трудно — по русскому языку. 3/1 состоится вторая беседа о препода[вании] рус[ского] яз[ыка] с докладом Н.К. Кульмана³ (первая, собравшая 25—30 чел[овек] (!), прошла исключительно оживленно⁴). Может быть, тогда что-нибудь выяснится. Очень хотелось бы повидать Вас, напр., на святках. Будете ли Вы в Париже в те дни? Укажите — начиная с 9-го — удобные часы и дни Ваши. Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю Вам всего доброго.

Ваш В. Зеньк[овский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Год установлен по содержанию. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur] Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 4, rue Bertrand, Paris VII»; почт. шт.: «Paris, 29.12.[нрзб]».

¹ См. примеч. 2 к п. 7.

² Имеется в виду митрополит Евлогий (Георгиевский Василий Семенович; 1868—1946).

³ Речь идет о докладе Н.К. Кульмана «Старая и новая орфография» в Религиозно-педагогическом кабинете, состоявшемся 3 января 1933 г. (Хроника. Франция. Т. 2. С. 365).

⁴ Вероятно, речь идет о «беседе с родителями» в Религиозно-педагогическом кабинете, состоявшейся 27 ноября 1932 г., на которой В.В. Зеньковский выступил с докладом «Типы детей» (Хроника. Франция. Т. 2. С. 351).

7. Зеньковский — Рудневу

Paris. 10 [?] февраля 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович, время идет, а ничего не делается пока в отношении печатания брошюр «Р[одина] и р[одная] речь»¹. Ведь выставка будет 26—28 февр[аля]², а для распространения очень важно издать к этому времени. Я в субботу рано утром уезжаю в

провинцию, вернусь в понед[ельник] к 5 ч. дня. Если будете в наших местах между 5 и 6½, зайдите. Во вторн[ик] я в Инст[итуте], 15 – праздник, но 16 найдете меня или дома, или на Montr[arnasse]. Дайте знать.

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (PAL. MS. 1500/3). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 4, rue Bertrand (VII)»; почт. шт.: «Paris, 10[?].2.1933».

¹ Ср. в воспоминаниях Зеньковского: «Мы все чаще стали встречаться с Рудневым, стали постепенно друзьями. Незадолго до войны 1939 г. К.И. Зайцев, Руднев и я образовали группу для издания брошюр-программ под общим заглавием «Родина и родная речь»» (*Зеньковский В.В. Мои встречи с выдающимися людьми*. С. 44). «Родина и родная речь» – инициативная группа педагогических деятелей, образовавшаяся в октябре 1931 г. в Париже. В задачу группы входила борьба с угрозой утраты национально-культурного облика русской молодежи в эмиграции, потери знаний русского языка и русской культуры у детей эмигрантов. С этой целью было опубликовано воззвание группы за пятью подписями – «И. Демидов, К. Зайцев, В. Зеньковский, В. Руднев, И. Фундаминский»; подписавшиеся призывали к жертвованиям с целью обеспечения русских школ полными комплектами учебных пособий, финансовой поддержки организаций обучения детей и тому подобных мер (см.: «Родина и родная речь». От группы борьбы с денационализацией русской молодежи // ПН. 1931. 24 окт. № 3867. С. 2); несколько дней спустя В. Руднев опубликовал там же статью, в которой подчеркивалась насущность борьбы с проблемой «денационализации» (см.: *Руднев В. Неотложная задача* // ПН. 1931. 28 окт. № 3871. С. 3); ср. также подписанную всеми членами группы «Родина и родная речь» статью «Откуда взять средства?» (ПН. 1931. 7 нояб. № 3881. С. 4) и статью Руднева «Родина и родная речь» (ПН. 1932. 9 янв. № 3944. С. 3–4). Под издательской маркой «Родина и родная речь» в 1932 г. в Париже была опубликована книга «Хрестоматия по истории русской литературы. Ч. 2. Литература 18-го века», составленная П.М. Бицилли; издание отрецензировал М. Алданов (ПН. 1932. 21 июля. № 4138. С. 3). Возможно, речь идет о (невоплощенных) планах продолжения этой хрестоматии. Других изданий или серии с данным названием не обнаружено.

² По-видимому, речь идет о выставке детской книги, упомянутой в п. 6. Выставка в справочнике «Хроника. Франция» не зафиксирована.

8. Зеньковский – Рудневу

Paris. 16 марта 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,
из Вашего письма я заключаю, что Вы не получили моего давнего письмеца, где я сообщал, что о переписке на машинке текстов не может быть и речи – ведь гонорар авторов так ничтожен, что на свой счет они не могут этого сделать. Необходимые исправления внесены давно, о[тец] Четвериков¹ приготовил свой текст – и я все ждал от Вас указаний, что делать. Этим был вызван мой запрос, в котором Вы – не знаю, почему – усмотрели «негодующий» тон. С замечаниями Репиевой² я частично согласен, частью совсем не согласен, но в заседании «комиссии» не вижу никакой надобности. Нам необходимо повидаться с Вами. И завтра (в пятницу), и в субботу я буду дома до 11 ч. дня – на той неделе мне невозможно до четверга увидеться.

Мне очень жалко, что не только фактическая трудность «единого фронта Родины» тормозит дело, но что в Вашем письме звучит неприятная ирония, которую предпочел бы от Вас не слышать. Надо бы нам до конца объясниться.

Преданный Вам

В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 10, b[oulevard] Montparnasse, Paris XV»; почт. шт.: «Paris, 16.3.1933».

¹ Четвериков Сергей Иванович (протоиерей Сергей; 1867–1947), священник; в эмиграции с 1920 г.; жил в Югославии (1921–1923), в Чехословакии (1924–1928), затем во Франции; один из организаторов, духовник (1928–1939) РСХД.

² Имеется в виду Е.И. Репьева (см. переписку С.И. Гессена в наст. изд., примеч. 2 к п. 39).

9. Зеньковский — Рудневу

Paris. До 8 апреля 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,
посылаю Вам письмо Мочульского с теми дополнениями, какие мы просили его сделать.

О[тец] Четвериков представил текст о программах, но не указал учебных руководств, и я просил его сделать это дополнение.

Странички из первоначального текста Ельчанинова¹ должны предшествовать тексту Лозинского² и Мочульского³.

Перед текстами Одинца⁴, по русскому языку и з[акону] Б[ожию], необходимо маленькое предисловие, в котором нужно упомянуть, что в основу данных программ положены программы, выработанные в Пед[агогическом] бюро в Праге⁵. Я могу написать такое маленькое предисловие, но буду ждать от Вас об этом открытки. Что касается программы по географии, я буду завтра видаться с Левицкой⁶ и с ней окончательно выработаю поправки.

Ваш В. Зеньковск[ий]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3) (см. илл. 40). Датируется по содержанию.

¹ Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934), священник; секретарь московского Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева; в эмиграции с 1921 г.; жил до 1934 г. в Ницце, затем в Париже, где скоропостижно скончался.

² Лозино-Лозинский Константин Константинович (Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский; 1894–1986), религиозный деятель, философ; в эмиграции с 1920 г.

³ Речь идет о разработке учебных программ для русских школ за границей. По-видимому, о данном проекте говорится в письме К.В. Мочульского к Рудневу от 8 апреля 1933 г.: «Скоро ли выйдут наши программы по языку и литературе?» (РАЛ. MS. 1500/3).

⁴ Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950), историк, публицист, сотрудник СЗ.

⁵ Школьные программы, выработанные Педагогическим бюро в Праге, публиковались в «Бюллетене Педагогического бюро»; см.: [Б.н.] Программы [Съезда-Совещания в Белграде] // Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. 1924. № 5. С. 113–120; [Б.н.] Программные материалы ко 2-му Педагогическому Съезду [в Праге] // Там же. 1925. № 8. С. 44–62; № 9. С. 52–82; 1926. № 10. С. 48–70; [Б.н.] Программные материалы // Там же. 1927. № 11. С. 39–54.

⁶ Возможно, Левитская Мария Афанасьевна (1889–1983), в 1930-е гг. преподаватель Русской гимназии в Париже (см.: Российское зарубежье во Франции. Т. 2. С. 40).

10. Зеньковский — Рудневу

Paris. Не ранее 16 апреля 1933 г.

Христос воскрес¹, дорогой Вадим Викторович, сердечно поздравляю Вас с светлым праздником и желаю всего лучшего. Не писал Вам раньше, не будучи уверен, остались ли Вы в городе на праздники. Мне самому — увы — не удалось даже на один день выехать из города.

Очень хотелось бы иметь весточку от Вас относительно того, как обстоит дело с изданием брошюр². Так как между 6–9 мая я уеду недели на три (в Бухарест, с заездом в Германию, Чехию, Болгарию), то мне хорошо было бы иметь экземпляров 10 каждой брошюры для пропаганды.

Ваш В. Зеньк[овский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Датируется по содержанию.

¹ Православная пасха приходилась в 1933 г. на 16 апреля.

² См. примеч. 1 к п. 7.

11. Зеньковский — Рудневу

Paris. 7 июня 1934 г.

Дорогой Вадим Викторович, получил деньги и очень благодарю за них. Хотя сумма небольшая, а все же хорошо. Долг Р[елигиозно-]п[едагогического] каб[инета] надеюсь осенью выплатить.

Ваше решение относительно соединения редакции Н. и Р¹, боюсь, не встретит сочувствия у Н[овоселов]а; но все же другого выхода, после всего, что было, нет.

Всего доброго.

Ваш В. Зеньк[овский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur V.V. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 4, rue Bertrand (VII)»; почт. шт.: «Paris, 7.6.1934».

¹ Имеются в виду Ю.Д. Новоселов и Е.И. Репьева, которые предполагались в качестве редакторов несостоявшейся хрестоматии; см. письмо С.И. Гессена к Рудневу от 10 июня 1934 г. (наст. изд.).

12. Зеньковский — Рудневу

Paris. 8 [?] июня 1934 г.

Дорогой Вадим Викторович, конечно, сделаем обмен долгами; при встрече уплачу Вам еще 4 fr. По правде сказать, в Рел[игиозно-]пед[агогическом] каб[инете] давно нет никаких денег, но не исчезла надежда хоть что-нибудь получить — и в счет этой надежды я запишу уплату Вам нашего долга.

Хотя я и не удивлен поступком Андерсона¹ (за последнее время это не первый!), но разделяю совершенно Ваше мучительное чувство в отношении к Евг. Иван. [Репьевой]². Что же Вы фактически желаете делать — сдавать Новоселову³ работу? Интересы школы этого, по правде сказать, требуют.

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur V. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 4, rue Bertrand (VII)»; почт. шт.: «Paris, 8[?] .6.1934». На обороте запись рукой Руднева: «послать 26 fr. за посл[еднюю] “Москву[?]” Новосел[ову]».

¹ Андерсон Павел Францевич (Paul V. Anderson; 1894—1985), американский церковно-общественный деятель, публицист, основатель и сотрудник издательства YMCA-Press, международный секретарь YMCA для русской эмиграции, один из основателей Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. В архиве Руднева сохранилось письмо Андерсона к Фондаминскому от 1 декабря 1932 г. на бланке YMCA-Press по поводу юбилея СЗ: «Dear Pya Issidorovich, I am very sorry that I failed to come to the banquet of the *Sovremennye Zapiski* last night. An English friend came for one day only and I was obliged to be with him when it was too late to get to the banquet. Please accept my congratulations and felicitations. Sincerely yours, Paul V. Anderson» (РАЛ. MS. 1500/2). О каких поступках Андерсона идет речь, неизвестно.

² См. примеч. 2 к п. 8.

³ О Ю.Д. Новоселове см. письмо С.И. Гессена к Рудневу от 10 июня 1934 г., примеч. 3 (наст. изд.).

13. Зеньковский — Рудневу *Paris. 6 декабря 1934 г.*

Дорогой Вадим Викторович,
дня 4 назад я послал очень важное письмо В.М. Зензинову. Т.к. от него [нет] ответа, то, если В[ладимира] М[ихайловича] нет в Париже, не откажите сообщить мне с указанием, когда он вернется, если же он в Париже, не откажите по соседству просить В[ладимира] М[ихайловича] срочно мне ответить, т.к. я должен по делу, о котором ему писал, писать в Англию.

Ваш В.З.

Простите за беспокойство.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, 51, rue G[eorges] Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard] Pasteur, Paris XV»; почт. шт.: «Paris, 6.12.1934».

14. Зеньковский — Рудневу *Paris. 19 февраля 1935 г. [?]*

Дорогой Вадим Викторович,
все собирался выбрать время, чтобы повидаться с Вами — и не удалось. Завтра вечером уезжаю на месяц по делам Движения¹ в Чехию и Болгарию; когда вернусь, непременно увижусь с Вами.

Простите великодушно. Всего доброго.

Ваш В. Зеньк[овский]

19/II

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Год установлен предположительно по местонахождению в архиве.

¹ Имеется в виду РСХД.

15. Зеньковский — Рудневу

Paris. 5 октября 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович,

большое спасибо за передачу денег. Расписки от Влад. Мих. [Зензинова] не получил еще, очевидно, придет на днях. Я был [бы] очень, очень рад встретиться с Вами; удобно ли Вам зайти в четверг 10/X к 10½ — 11 ч. дня, мы бы ушли в café, и мы могли бы переговорить. Если Вам это время неудобно, дайте знать.

Всего доброго.

Ваш В. З[еньковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur V.V. Roudneff, 6, rue Daviel, Paris XIII»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32[так!], b[oulevard] Montparnasse»; почт. шт.: «Paris, 5.10.1935».

16. Зеньковский — Рудневу

Paris. 26 октября 1935 г.

26/X

Дорогой Вадим Викторович,

в связи с шумом, поднимаемым в ряде организаций и на страницах «Возрождения» об участии Пед[агогического] бюро в Женевских выборах¹, и в связи с беседой с Е.П. Ковалевским², имевшей место в тот самый вечер, когда мы с Вами встретились в метро, мне очень нужно *возможно скорее* повидать Вас. В понедел[ьник] или среду я к Вашим услугам с 10¾ или 11 ч. утра; если можете, зайдите, и мы в кафе обсудим весь этот вопрос.

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard] Pasteur ([XV])»; почт. шт.: «Paris, 26.10.1935».

¹ «Возрождение» вело в октябре 1935 г. публицистическую кампанию против изменения расстановки сил в женевских представительствах русской эмиграции. Кандидат республиканско-демократического крыла эмигрантов Я.Л. Рубинштейн был выбран 8 октября 1935 г. представителем русской эмиграции в Совете Нансеновского офиса в Женеве, заменив на этом посту скончавшегося К.Н. Гулькевича; в правых кругах это вызвало резкие протесты

(см.: [Б.н.] Уродливые выборы // Возрождение. 1935. 13 окт. № 3784. С. 1). 19 октября 1935 г. в Женеве состоялось заседание Русского комитета, объединявшего свыше 200 эмигрантских организаций, на котором была выбрана «комиссия по рассмотрению вопроса о представительстве русских организаций в составе Совещательного Комитета Нансеновского Присутствия» ([Б.н.] После женевских выборов // Возрождение. 1935. 26 окт. № 3797. С. 3). На первом заседании комиссии, прошедшем 24 октября, было решено пригласить к участию ряд общественных организации. В передовице «Возрождения» от 27 октября 1935 г. требовалось, чтобы при работе комиссии учитывалось мнение широких кругов эмиграции, т.е. консервативного лагеря, в понимании газеты ([Б.н.] Задачи русских организаций // Возрождение. 1935. 27 окт. № 3798. С. 1). В том же номере газеты были напечатаны «письма с выражением протеста против женевских выборов» ([Б.н.] После женевских выборов // Там же. С. 6).

² Ковалевский Евграф Петрович (1865–1941), политический и общественный деятель, публицист; депутат III и IV Государственных Дум (от Воронежской губ.), специалист по вопросам народного образования; эмигрировал в 1920 г. во Францию, где стал видным церковно-общественным деятелем; член приходских советов православных церквей, член Епархиального совета в Париже; преподавал иностранные языки в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже; член Учредительного совета института.

17. Зеньковский — Рудневу

Paris. 28 октября 1935 г.

28/X

Дорогой Вадим Викторович,

боюсь, что сегодня вышло ужасно досадное недоразумение. Я был с 10 ч. до 11.40 на *Montparnasse*¹; неужели Вы ждали меня на b[oulevard]d Pasteur? Или не могли доискаться меня на *Montparnasse*? В среду буду с 10 ч. утра (до 10½ буду занят) *тоже* на *Montparn[asse]*. Если Вам возможно, придите в среду раньше, чем пишете. Теперь я (с 29/X) нахожусь на *втором* этаже; лучше всего зайдите в канцелярию Пав[ла] Франц[евича]² и попросите указать, где я.

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur V.V. Roudneff, 51, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard]d Pasteur [(X)V»; почт. шт.: «Paris, 29.10.1935».

¹ 10, boulevard de Montparnasse — парижский адрес РСХД, Религиозно-педагогического кабинета и Педагогического бюро.

² Речь идет о П.Ф. Андерсоне (см. примеч. 1 к п. 12).

18. Зеньковский — Рудневу

Paris. 25 февраля 1936 г.

Дорогой Вадим Викторович,

сейчас в Париже некий Johannot¹, представитель междунаро[одн]ой христ[иан]ской организации при V[ureau] Int[ernational] de travail²; завтра (в среду) в 4½

он будет делать краткий доклад о «социальн[ой] теме в работе междун[ародной] организа[ции] в Женеве» (91, Olivier de Serre[s] – Métro Porte de Versailles). Если Вам возможно, приходите; к 6 ч. все кончится.

Ваш В. Зеньков[ский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, 51, rue G[eorges] Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard] Pasteur [(X)V)»; почт. шт.: «Paris, 25.2.1936».

¹ Johannot Henri, церковно-общественный деятель; в 1940-е гг. вице-директор YMCA в Женеве; один из соавторов коллективного труда по истории YMCA (см.: *Johannot H. The Field of Action // History of the World's Alliance of Young Men's Christian Associations / By C.P. Shedd and other contributors. London, 1955. P. 613–661*).

² Bureau international de travail (Международное бюро по вопросам занятости, фр.) – одно из учреждений при Лиге Наций (после войны – при Организации Объединенных Наций) в Женеве.

19. Зеньковский — Рудневу *Paris. До 22 апреля 1936 г.*

Дорогой Вадим Викторович,
мне бы хотелось повидаться с Вами и побеседовать по вопросам церковным. Вчера у меня была встреча с Игорем Платоновичем [Демидовым] – и во время беседы родился один план, о котором хотелось бы поговорить с Вами. Удобно ли Вам в среду или пятницу заехать к 10¼ – 11 на 10, b[oulevard] Montparnasse, мы могли бы оттуда пойти в кафе и на свободе поговорить? Сообщите.

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Датируется по пометке рукой Руднева: «22.IV.1936».

20. Зеньковский — Рудневу *Paris. До 24 мая 1936 г.*

Дорогой Вадим Викторович,
только сегодня мне вернули брошюру о[тца] С. Булгакова¹, которую Вам посылаю. Брошюру о[тца] И. Шаховского² надеюсь послать в ближайшие дни, а основные документы пока еще должен задержать (дней на 10), т.к. не кончил своего доклада для Епархиальной комиссии.

После нашей беседы я еще много думал по вопросам, о которых мы говорили, и пришел к печальному для себя выводу, что в совокупности личных моих обстоятельств я должен отказаться от *инициативы* по вопросу о создании группы «Защиты свободы церкви»³. Если кто-либо другой предпримет что-либо в данном направлении, я, конечно, не откажусь от участия. После 17, когда вернется из Англии Федотов, у нас будет заседание, посвященное комитету Лиги культуры⁴, и там, вероятно, этот вопрос встанет, и кто-либо возьмется его продвигать.

Книги о[тца] С. Булгакова⁵ еще нет, она прибудет, вероятно, в течение этой недели. Каков последний срок для присылки Вам рецензии?

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Датируется по содержанию.

¹ Возможно, речь идет о брошюре С.Н. Булгакова «Докладная записка [...] о Софии Премудрости Божией» (Париж: YMCA-Press, 1935).

² Архиепископ Иоанн (в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989). Вероятно, имеется в виду его брошюра «Жизнь: (созерцание)» (Париж: За церковь, 1935).

³ Сведений о группе «Защиты свободы церкви» нет.

⁴ Имеется в виду Лига православной культуры. Согласно данным справочника, объединение было основано в 1930 г. в Париже по инициативе Н.А. Бердяева и И.И. Фондаминского (Литературное зарубежье России. С. 622). В работе общества принимали участие С.Н. Булгаков, Л.А. Зандер, В.В. Зеньковский, мать Мария (Е.Ю. Кузьмина-Караваева), К.В. Мочульский, Г.П. Федотов. Основной внешней формой деятельности были публичные лекции участников на актуальные религиозно-культурные темы. 20 января 1935 г. состоялся Шестой съезд Лиги. Имеются сведения о деятельности Лиги в период с декабря 1930 г. по март 1936 г.; см.: Хроника. Франция. Т. 4. С. 464 (по указ.).

⁵ Речь об издании: *Булгаков С.Н.* Утешитель: О Богочеловечестве. Учение о духе святом. Ч. 2. [Пневматология]. Paris: YMCA-Press, 1936. По-видимому, книга вышла из печати весной 1936 г.; см. также автореферат Булгакова (Путь. 1936. Март–Апр. № 50. С. 66–69).

21. Зеньковский — Рудневу

Paris. 24 мая 1936 г.

24/V

Дорогой Вадим Викторович,

только что закончил чтение новой книги о. С. Булгакова «Утешитель»¹ и не знаю, как мне быть с Вашим предложением написать рецензию о книге о[тца] С[ергия]. Книга новая о[тца] С[ергия] *значительно* уступает его первой большой книге; в ней есть много ценного, а иногда и очень удачного, но лишь в чисто богословской части книги, — о которой писать рецензию в «Совр[еменных] зап[исках]» не приходится. Что касается философской части, то она не только ниже «Агнца Божия»², но, что гораздо хуже — дает опять новое учение о Софии (между прочим, никак не могущее быть названное «ересь»), которое совершенно отступает от всего того, что написано в «Агнце Божиим». Будь другое время, т.е. не будь всей отвратительной травли, которая не прекращается против о[тца] С[ергия]³, я охотно написал бы рецензию, подчеркнув странное, ничем не оправданное отступление от софиологии, развитой в «Агнце Божиим». Но сейчас подчеркивать противоречия у о[тца] С[ергия] значит помогать его врагам... Все это, как Вы сами понимаете, крайне затрудняет для меня исполнение Вашей просьбы. Я очень настойчиво думаю, что лучше сейчас ничего не писать о книге о[тца] С[ергия]⁴.

Ваш В. Зеньковск[ий]

32, b[oulevard]d Pasteur (XV)

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6). Год установлен по содержанию.

¹ См. примеч. 5 к п. 20.

² Булгаков С.Н. Агнец Божий: О Богочеловечестве. Ч. 1. [Христология]. Paris: YMCA-Press, 1933.

³ Спорные софиологические учения С.Н. Булгакова были осуждены в 1935 г. Московской патриархией и зарубежным Архиерейским собором и вызвали в некоторых парижских богословских кругах (особенно со стороны Фотиевского братства) возражения и резкую полемику; см., в частности: Лосский В.Н. Спор о Софии. Париж: Братство св. Фотия, 1936. Poleмика возникла также вокруг выступления Н.А. Бердяева в защиту С.Н. Булгакова после того, как митрополит московский Сергей (Страгородский) осудил богословское учение Булгакова: Бердяев Н.А. Дух великого инквизитора: (По поводу указа митрополита Сергея, осуждающего богословские взгляды о. С. Булгакова) // Путь. 1935. Окт.—Дек. № 49. С. 72—81; Лосский В.Н. Открытое письмо Н.А. Бердяеву // Путь. 1936. Март—Апр. № 50. С. 27—32; Четвериков С. Открытое письмо Н.А. Бердяеву // Там же. С. 32—36; Бердяев Н.А. Об авторитете, свободе и человечности. Ответ В. Лосскому и о. С. Четверикову // Там же. С. 37—49. См. также описание спора по поводу книги Булгакова в воспоминаниях Н.О. Лосского, с подробным изложением точки зрения В.Н. Лосского, сына мемуариста (Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. München, 1968. С. 266—273).

В архиве Н.О. Лосского сохранились некоторые материалы, связанные с выступлением В.Н. Лосского против С.Н. Булгакова. Интерес в контексте пассажа настоящего письма о «травле против о[тца] Сергея» представляет письмо Н.А. Бердяева к бабушке В.Н. Лосского, М.Н. Стоюниной: «Clamart, 13 июля [1936 г.]

Многоуважаемая Марья Николаевна!

Мне очень неприятно, если я невольно причинил Вам огорчение. Ни в коем случае нельзя сказать, что я порочу доброе имя Вашего внука и распространяю о нем какие-либо неверные слухи. Я просто веду с ним и Фотиевским Братством идейную борьбу. Мои мнения по этому поводу изложены в двух статьях в последних книжках “Пути”. Я считаю Вашего внука В.Н. Лосского безукоризненно честным и порядочным человеком, искренно убежденным и действующим во имя своих убеждений. Но он религиозный фанатик и его православность доходит до изуверства, он всюду разыскивает ереси и обвиняет всех в ересь. Я совсем не считаю его психологически, субъективно донощиком, но объективно, по результатам оказалось доносом письмо к митроп[олиту] Сергию о богословских взглядах о[тца] С. Булгакова, взгляды которого оказались осужденными, как еретические, именно по этим письмам. Я считаю очень вредным направление Фотиевского Братства, которое возглавляется Владимиром Николаевичем [Лосским], и считаю своим долгом бороться с ним. В.Н. Лосский писал о[тцу] С. Булгакову, что Фотиевское Братство могло бы легко добиться его осуждения Вселенской Церковью. В Англии это уже очень повредило о[тцу] С. Булгакову и Богословскому институту. Я никогда не утверждал, что Ваш внук писал архиепископу Кентерберийскому против помощи Богослов[скому] институту, я об этом ничего не знаю. Знаю только, что вся эта история уже оказала вредное влияние. Я не сомневаюсь в порядочности Вашего внука, в его искренности и убежденности, но думаю, что он совсем не находится в свободолобивых традициях Лосских и Стоюниных, как впрочем и большая часть современной молодежи. Против отца Сергея Булгакова велась настоящая травля, его положение трагическое, он страшно одинок в духовной среде. Я считал своим долгом за него вступить, хотя я не разделяю его взглядов на Софию. Фотиевское Братство вело себя очень агрессивно, оно ставило своей целью обличение ересей и хотело бы осуждения всей русской религиозной философии. Ничего личного в отношении к Вашему внуку с моей стороны нет, у меня нет никаких враждебных к нему чувств. Не знаю, удовлетворит ли Вас мое объяснение. Но прошу Вас верить, многоуважаемая и дорогая Марья Николаевна, что я никаких ложных слухов о Вашем внуке не распространяю и исхожу только из фактов и из признаков. Глубоко Вас уважающий и преданный Вам Николай Бердяев» (Institut d'Études Slaves, Paris. Фонд Н.О. Лосского).

⁴ В.В. Зеньковский опубликовал в СЗ лишь год спустя рецензию на «Утешителя» С.Н. Булгакова (1937. № 64. С. 474).

22. Зеньковский — Рудневу

Paris. 15 июня 1938 г.

Дорогой Вадим Викторович,
вернулся в Париж, нашел книжку «Совр[еменных] запис[ок]» и хотел спросить Вас (я забыл об этом): разве у Вас не дают хотя бы 3–5 оттиска статьи? У меня есть смутное воспоминание, что оттисков не дают; нельзя ли в таком случае по дешевой цене приобрести еще один экземпляр «С[овременных] з[аписок]», чтобы вырезать для оттиска статью¹?

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, “Annales Contemporaines”, 6, rue Daviel, Paris XIII»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard]d Pasteur (XV)»; почт. шт.: «Paris, 15.6.1938».

¹ Речь идет о статье Зеньковского «Проблемы философской антропологии: (Обзор новых книг)» (СЗ. 1938. № 66. С. 427–436).

23. Зеньковский — Рудневу

Paris. 4 [?] июля 1938 г.

Дорогой Вадим Викторович,
я нахожусь сейчас в Париже — до 14–15 июля. Если пошлете деньги до 9/VII, посылайте мне на дом (32, b[oulevard] Pasteur), если позже — на 29, rue St. Didier.

Краткие заметки о книгах, о которых Вы пишете, постараюсь до отъезда дать Вам¹. Пошлю Вам редактируемый мной «Вестник»² (с 1/I 1937 г.), где я тоже большое внимание уделяю кратким заметкам о книгах.

Всего доброго.

Ваш В. Зеньк[овский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, Annales Contemporaines, 6, rue Daviel, Paris XIII»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard]d Pasteur (XV)»; почт. шт.: «Paris, 4[?].7.1938».

¹ В ближайшей, 68-й книге СЗ, вышедшей в октябре 1938 г., появилась лишь одна рецензия Зеньковского: В.В.З. [Зеньковский В.В.] [Рец. на кн.:] Елевферий (Д.Я. Богоявленский). Соборность Церкви. Божие и Кесарево. Париж: Б.и., 1938 // СЗ. 1938. № 67. С. 464–465.

² Речь идет о «Вестнике русского христианского движения» (Париж, 1925–1939, 1945–), редактируемом Зеньковским в 1937–1938 гг. Журнал менял несколько раз свое название: в 1930–1936 гг. — «Вестник Русского студенческого христианского движения»; в 1937–1939 гг. — «Вестник. Орган церковно-общественной жизни» (ср.: Ossorguine-Bakoupine. Catalogue. № 409, 437; Сводный каталог периодических изданий. № 172).

24. Зеньковский — Рудневу

Paris. После 4 июля 1938 г.

Дорогой Вадим Викторович,
 посылаю Вам краткую рецензию о книге митр[ополита] Елевферия¹, — не знаю, удовлетворит ли она Вас. О книге Карпова² не могу сейчас написать — мой экземпляр оказался на руках у кого-то, — так что смогу дать заметку лишь осенью.

Всего доброго.

Ваш В. Зеньк[овский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по содержанию.

¹ См. примеч. 1 к п. 23.

² Речь о книге Андрея Федоровича Карпова (1903–1937) «Платон: (О разумных началах космоса и государства)» (Париж: YMCA-Press, 1937). Книга в СЗ не рецензировалась. В библиографии трудов Зеньковского рецензия на книгу Карпова не упоминается.

25. Зеньковский — Рудневу

Paris. 24 октября 1938 г.

24/X

Дорогой Вадим Викторович,
 пишу Вам, — чтобы спросить, нужно ли Вам еще писать заметку о книге Карпова о Платоне¹? Сейчас я могу сделать это. У меня есть также книга В.И. Синайского² «Жизнь и человек» (стоит быть отмеченной), — и если писать что-либо для Вас, то рад был бы отметить чрезвычайно удачную книгу о[тца] С. Четверикова о старце Паисии³ (его же замечательную книгу «Беседы на Валааме об Иисусовой молитве»⁴, конечно, не стоит отмечать в журна[ле] ввиду ее специального характера). Черкните пару слов об этом всем.

Всего доброго.

Ваш В. Зень[ковский]

32, b[oulevard] Pasteur (XV)

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Год установлен по почт. шт. Пневматическое письмо; адрес получателя: «M[onsieur] W. Roudneff, "Annales Contemporaines", 6, rue Daviel, Paris XIII»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky»; почт. шт.: «Paris, 24.10.1938».

¹ См. примеч. 2 к п. 24.

² Синайский Василий Иванович (1876–1949), юрист, историк. Книга Синайского «Жизнь и человек» (Rigā: Grāmata argādniesība A. Gulbis, 1938) в СЗ не рецензировалась.

³ См.: В.В.З. [Зеньковский В.В.] [Рец. на кн.:] Четвериков С.И. Молдавский старец Паисий Величковский: Житие. Petseri: Б.и., 1938. Вып. 1–2 // СЗ. 1939. № 69. С. 396.

⁴ Имеется в виду книга: Четвериков С.И. Что такое молитва Иисусова по преданию православной церкви. Беседы инока-старца с мирским иереем, вызванные «Сборником о молитве Иисусовой». Сердоболь: Издание Валаамского монастыря, 1938.

26. Зеньковский — Рудневу
Paris. 19 ноября 1938 г.

Дорогой Вадим Викторович,
поручили ли Вы кому-нибудь рецензию на книгу Н.О. Лосского («О чув[ственной], инт[еллектуальной] и мист[ической] интуиции»¹ — новая книга, подводящая итоги всей философской деятельности Н[иколая] О[нуфриевича]). Если нет, я охотно напишу, но придется писать не так коротко, как о других книгах. Дайте знать. Всего доброго.

Ваш В. Зеньк[овский]

1938 19/XI

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Имеется в виду издание: *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Paris: YMCA-Press, 1938. Зеньковский отрецензировал данную книгу в СЗ (1939. № 68. С. 487–488).

27. Зеньковский — Рудневу
Paris. 11 января 1939 г.

11/I. Вечер.

Дорогой Вадим Викторович,
я выехал 8/I утром из Парижа на краткий отдых и нашел только сейчас, когда вернулся в Париж, Ваше письмо. Спешу Вас уведомить, что и в четверг, и в пятницу я буду с 3 ч. до 5 дня дома, — приезжайте, потолкуем о деле, о котором Вы пишете.

Всего доброго.

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsieur] V. Roudneff, Annales Contemporaines, 6, rue Daviel, Paris XIII»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard] Pasteur (XV)»; почт. шт.: «Paris, 12.1.1939».

28. Зеньковский — Рудневу
Paris. 14 января 1939 г.

Дорогой Вадим Викторович,
наша усиленная переписка по некоему вопросу есть уже дань внимания к нему, — не правда ли? Я послал Вам вчера письмо днем, а вечером получил Ваше. В среду я свободен от 4½—5 до 5½, в четверг (день Крещения) я, увы, не свободен. Поэтому буду Вас ждать в среду.

Всего доброго. Предан[ный] Вам

В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, 51, rue G[eorges] Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard] Pasteur, Paris XV»; почт. шт.: «Paris, 14.1.1939».

29. Зеньковский — Рудневу

Paris. 13 февраля 1939 г.

13/II

Дорогой Вадим Викторович,
очень рад благополучному разрешению вопроса о моей статье¹. Нам следовало бы все же повидаться, чтобы также зафиксировать пункты, в которых желательна переработка. Мне было бы удобнее всего, если бы Вы зашли ко мне в четверг или пятницу (на этой неделе) между 3½ и 5 ч.

Всего доброго.

Ваш В. З[еньковский]

Авансу, конечно, буду рад, если его можно иметь.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur V. Roudneff, 51, G[eorges] Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard] Pasteur, Paris XV»; почт. шт.: «Paris, 13.2.1939»; «Boulogne, 13.2.1939».

¹ См.: *Зеньковский В.В.* На темы историософии // СЗ. 1939. № 69. С. 280–293.

30. Зеньковский — Рудневу

Paris. 20 марта 1939 г.

Дорогой Вадим Викторович,
статья моя кончена¹. Все же, если можно еще оставить ее у меня на неделю, я был бы очень рад, чтобы иметь возможность тщательно ее просмотреть. Жду Вашего согласия.

Всего доброго.

Ваш В. Зень[ковский]

1939. 20/III

P.S. Вы знаете, что у о[тца] С. Булгакова рак в горле? Вчера его отвезли в больницу, сегодня делают трахеотомию, а через 10–12 — выскабливание рака. Я довольно мрачно смотрю на исход операции... Все мы очень потрясены.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Пневматическое письмо; адрес получателя: «M[onsi]eur W. Roudneff, 51, rue G[eorges] Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky»; почт. шт.: «Paris, 20.3.1939»; «Boulogne, 21.3.1939».

¹ См. примеч. 1 к п. 29.

31. Зеньковский — Рудневу
Paris. Между 20 и 27 марта 1939 г.

Дорогой Вадим Викторович,
посылаю Вам свою статью¹. Если что-либо нужно в ней изменить, дайте знать — я охотно сделаю это. Когда статья будет набрана, хотелось бы (непременно) иметь корректуру.

О[тец] Сергей [Булгаков] перенес относительно благополучно трахеотомию, — но основная операция состоится, вероятно, только во вторник на страстной. Необходимые (значительные) средства мы уже добыли.

Всего доброго. От души желаю хорошо встретить и провести светлый праздник.

Ваш В. Зень[ковский]

P.S. Гонорар за библиогр[афическую] заметку² лучше уплатите, когда будете платить за статью.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по содержанию п. 30 и дате православной пасхи (27 марта 1939 г.).

¹ См. примеч. 1 к п. 29.

² См. примеч. 1 к п. 26.

32. Зеньковский — Рудневу
Paris. 13 апреля 1939 г.

Дорогой Вадим Викторович,
из Вашего молчания заключаю, что Вы сдали мою рукопись в набор. Очень хотелось бы, когда придет время корректуры, или получить рукопись, или 2 экзем[пляра] корректуры, чтобы послать статью в сербский религ[иозный] журнал «Христиан[?] Деи[?]»¹, где статья появилась бы в сербск[ом] переводе через месяц после выхода в свет «Совр[еменных] запис[ок]».

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur Roudneff, 51, rue G[eorges] Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard] Pasteur, Paris XV»; почт. шт.: «Paris, 13.4.1939».

¹ Название журнала написано неразборчиво. Сербского издания с таким названием не существует, поскольку употребленные Зеньковским слова (так или иначе) не соответствуют сербскому правописанию. Вероятно, имеется в виду существовавший в 1930-е гг. в Белграде религиозный журнал «Хришћанска мисао».

33. Зеньковский — Рудневу
Paris. 13 мая 1939 г.

Дорогой Вадим Викторович,
я получил наконец текст «манифеста» о свободе¹. Своей бесцветностью и ацерковностью он меня не только огорчил, но и раздражил. Я написал Пьянову², что

не чувствую для себя никаких оснований или побуждений участвовать в таком деле. Писали манифест люди, которые даже не чувствуют ни смысла, ни трагичности темы о свободе в самой церкви. Пишу Вам, чтобы осведомить о своей позиции.

Ваш В. Зень[ковский]

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «M[onsi]eur V. Roudneff, 51, r[ue] G[eorges] Sorel, Boulogne s[ur] S[eine]»; адрес отправителя: «W. Zenkowsky, 32, b[oulevard]d Pasteur, Paris XV»; почт. шт.: «Paris, 13.5.1939».

¹ Речь идет о декларации «В защиту свободы». Машинописный текст «манифеста» сохранился в архиве Руднева в качестве приложения к письму Ф.Т. Пянова к Рудневу от 10 мая 1939 г. (аналогичное письмо получил, по-видимому, и Зеньковский):

«Глубокоуважаемый Вадим Викторович,

в прошлую пятницу состоялось второе заседание Инициативной Группы, на котором было заслушано воззвание при сем прилагаемое. Группа признала желательным разослать это воззвание для просмотра с просьбой вернуть его обратно со своими заметками, если таковые будут, к четвергу 18-го мая.

Большинство высказало пожелание назвать наше движение «Союз (или Общество) защиты христианской свободы».

И, наконец, было решено в воскресенье 4-го июня в 9 часов вечера устроить в помещении 77, рю де Лурмель, учредительное собрание Общества для заслушивания возвания и программы будущей деятельности Общества.

Принося заранее благодарность за Ваше сотрудничество, остаюсь преданный Вам

Ф.Т. Пянов

Позволяю себе напомнить Вам, что Вас просили переговорить о вступлении в Общество с Ремизовым и Берберовой» (РАЛ. MS. 1500/7). Текст возвания таков:

«В защиту свободы.»

За всеми трагическими событиями, происходящими сейчас в мире, каждому непредубежденному взору открывается самое существенное, то, что определяет нашу эпоху: идет борьба между двумя силами, двумя мирозерцаниями, двумя идеалами. С одной стороны, создаются новые религии, идолопоклоннические и утверждающие насилие, подчиняющие человека низшим стихиям, — с другой стороны, свободная человеческая личность хочет защитить себя от этого страшного рабства, хочет отстоять свое Богоподобное достоинство.

Нам все равно, какому кумиру служат новые религии, — поклоняются ли они классу, как в коммунизме, расе, как в национал-социализме, или государству, как в фашизме. Их кумиры отлиты как бы с одного образца: везде они требуют человеческих жертв, угрожают войной, творят насилие, разжигают страсти, растят ненависть, — к представителям ли иного класса, или к инаковерующим, или к евреям. Под их властью человек раздавлен, его достоинство попорно, его свобода принесена им в жертву.

Их могущество растет, насилие становится признанным законом вселенной. Гибнут народы, исчезают государства, развращаются целые поколения. Кровь, погромы, насилие, ненависть, — вот плоды этих новых религий, подчиняющих себе мир.

Созерцая все происходящее, свободное человеческое сознание не видело бы выхода, если бы не слышалось наряду с проповедью ненависти и насилия и иных голосов. И среди них все громче и тверже звучит голос различных христианских вероисповеданий, утверждающих вечную правду Христа: говорящих о христианском достоинстве человека, о богоданной ему свободе, об уважении к человеческой личности, о полной непримиримости Христовой правды с ложью новых языческих религий. Таких актов христианского исповедничества немало. Мы знаем, что, защищая свободу духа, католическая церковь осудила и коммунизм, и расизм, и антисемитизм. Международные конференции, в которых принимали участие православные, англикане и протестанты, также вынесли суровое осуждение всем видам насилия, царящим в мире. Не объединенные формально, все христиане объединились сейчас в общем стремлении защитить правду Христову, утвердить свободу челове-

ка, показать его Богоподобное достоинство. И в известном смысле эта внутренняя объединенность, объединенность в духе, значит больше, чем формальная общность.

Мы, оказавшиеся вне родной земли русские люди, должны также твердо и определенно решить, к какому лагерю в этой борьбе мы принадлежим. Мы знаем, что среди нас раздаются сейчас очень противоположные голоса. Опираясь на великое историческое преемство, черпая основу нашего мирозерцания в русской религиозной мысли, в традициях русской философии и в русской литературе, мы должны твердо стоять на защите свободы и человеческого достоинства.

Не только русская светская культура с детства приучила нас к этому. Лежащая в основе ее православная вера также дает широкую и углубленную возможность принципиально обосновать защиту человеческого духа, человеческой свободной личности. Такое наше предположение находит себе подтверждение в активном участии представителей всех православных поместных церквей в работах экуменических конференций, посвященных этим проблемам.

Стоя на незыблемом основании этих истин Христовой веры, мы присоединяем свой голос к голосу других христиан.

Мы призываем к объединению всех, понимающих, что пришло время христианской борьбы за свободу человека.

Мы хотим бороться с насилием и лишением свободы.

Мы хотим утвердить человеческое достоинство там, где оно попорно.

Мы отрицаем всякую возможность строить правду на насилии.

Мы отрицаем закон ненависти.

Мы отрицаем религиозную подмену вечной истины Царствия Божия кумирами класса, расы, государства и т.д.

Никакие иные ценности, сами по себе и великие, — будь то родина, свой народ и т.д. — не могут заменить единой абсолютной ценности — правды Христовой.

Никаким иным ценностям нельзя служить иначе, как на основе Христовых заповедей — заповедей любви и свободы. Всякая подмена в этой области говорит о соблазненности чуждыми христианству религиями человекобожия, так как невозможно, веря в Евангелие, утверждать ненависть вместо любви, рабство вместо свободы.

Вверху декларации помета рукой Руднева: «Правосл[авное] дело». По-видимому, имеется в виду сборник «Православное дело» (Париж: Б.и., 1939. Сб. 1); однако в данном издании «манифест» «В защиту свободы» опубликован не был.

² Пьянов Федор Тимофеевич (1889—1969), религиозно-общественный деятель; один из руководителей РСХД в Германии (1923—1927) и во Франции (1927—1935); секретарь РСХД (до 1935 г.). Организовал во второй половине 1930-х гг. совместно с матерью Марией (Скобцовой) (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой) ряд благотворительных учреждений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

34. Чекан¹ — Рудневу *Paris. 27 ноября 1935 г.*

29/XI 35

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,
в Движении меня уволили от службы, заменив другим².

Ликвидируя дела я убедился в том, что за кн. № 58 «Совр[еменных] записок» Вам не уплачено 10 фр.

Поэтому и просил я К.К. Парчевского³ передать Вам эту сумму, вручив таковую его супруге, в его бюро.

Мой адрес: 3bis av[enue] J.B. Clément, Boulogne s[ur] S[eine].

С пожеланием помощи Божией, остаюсь

Свящ[енник] А.И. Чекан

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8).

¹ Чекан Александр Иоаннович (1893–1982), протопресвитер, религиозно-общественный деятель; сын священника, окончил в 1912 г. Подольскую духовную семинарию, посещал С.-Петербургскую духовную академию, затем с 1915 г. вольноопределяющийся в действующей армии; участник Гражданской войны в чине капитана тяжелой артиллерии; эмигрировал в 1921 г. в Болгарию; окончил историко-филологический факультет Софийского университета; активный член, секретарь Софийского отделения РСХД, в 1920-е гг. председатель Союза русских студентов в Болгарии; около 1926 г. переселился во Францию; выступал с докладами в Клубе по изучению России при РСХД; с 1930 г. казначей РСХД; с 1934 г. священник; настоятель ряда церквей в Париже и окрестностях. Об А.И. Чекане см.: Нивьер. Священнослужители. С. 535–536; Гузевич. Российская эмиграция. С. 572–573; Хроника. Франция; Незабываемые могилы. Т. 6. Кн. 3. С. 171.

² А.И. Чекан в 1930–1935 гг. был казначеем РСХД; обязанности казначея РСХД исполнял в 1920-е – 1940-е гг. также К.М. Перешнева (см. примеч. 7 к п. 3).

³ Парчевский Константин Константинович (1891–1945, Москва), юрист, писатель-путешественник; в 1920 г. эмигрировал в Болгарию; с 1923 г. в Париже; автор книги «В Парагвай и Аргентину: Очерки Южной Америки» (Париж: Б.и., 1936). В конце жизни вернулся в Россию.

35. Шумкин¹ — Рудневу *La Tronche. 5 марта 1935 г.*

17 Route de Corene, *La Tronche*² (Isère)

Глубокоуважаемый дорогой Вадим Викторович!

Большое Вам спасибо, за Ваши два такие добрые, хорошие письма. Как грустно было узнать о печальных новостях, которые Вы нам сообщаете. Мы ничего из этого не знали. Так грустно за И.И. Бунакова, передайте ему от нас привет, пожелание духовной крепости в постигшем его испытании³. Как умею я буду молиться за его жену и за него. О нас и нашей просьбе пусть не думает. Да поможет им Господь! Тревожно и относительно о[тца] Сергия [Булгакова], это уже у него не в первый раз⁴. Дай Господь ему здоровья. Владыка Сергей, верно, теперь поправляется, что у него была за операция? А как Ваши дела, что-либо исправилось ли в Вашем положении с прошлого письма?

Вы так добро и угодливо отнеслись к нам (мы с женой⁵ это заранее знали), что я очень хочу поделиться кое-чем из нашей жизни.

Господь помог нам. Нам удалось в разных местах достать 1.500 фр. в долг на год. И на эти деньги мы приобрели цыплят. Часть их уже пришла, 150 шт[ук], и уже пищат на разные лады в курятнике. Требуют к себе страшного внимания. Пока прошло два дня благополучно, еще впереди по крайней мере месяц тревог за их судьбу. Через месяц нам еще пришьют выписанных нами из другого места цыплят – 250 шт[ук]. К осени из всего количества мы думаем у нас будет до 250 кур несушек, если все будет благополучно, конечно. Надо обязательно к осени расширить курятник, да и прокормить всю ораву до сентября–октября месяца, когда куры и молодки начнут нестись. Для этого еще надо до 1.000 фр., которых пока нет, но которые

будем пытаться достать. Приходские денежные дела идут по-прежнему очень неважно в зависимости от общего кризиса. Самое последнее время как будто немного стало лучше на заводах, поскольку все это твердо неизвестно. Во всяком случае если будет лучше, то Вы скорей узнаете меня. Морально в приходе не очень хорошо, как всегда большая подавленность. Лучшая часть захвачена нац[иональным] Союзом н[ового] п[околения]⁶. По секрету: я не очень сочувствую этому союзу и больше прежнего думаю, что политика убивает душу, впрочем она легче и элементарнее религии, от которой большинство жителей Гренобля так далеки...

Если когда-нибудь Господь приведет Вас побывать в наших краях, то заезжайте к нам, мы будем рады очень...

Местный Кружок духов[ного] самообразования просил меня написать Вам о его просьбе, если есть возможность выслать *бесплатно*, т.к. денег у них нет. «Современные записки» в библиотеке есть, только кончается № 43. Раньше таким образом К[ружок] получал «С[овременные] з[аписки]», но теперь все все иначе и возможно ли исполнить просьбу, это большой вопрос!

Жена шлет Вам большой привет.

Господь с Вами, да сохранит он Вас от всего злого, да помогай он Вам.

Свящ[енник] Георгий Шумкин

5/Ш 35

P.S. Статью для П. — простите в чем согрешил.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Шумкин Георгий Николаевич (1894–1965, Ste-Geneviève-des-Bois), священник (митрофорный протоиерей); активный член РСХД. Уроженец Самарканда; участник Первой мировой войны и Гражданской войны в Добровольческой армии; эмигрировал в Чехословакию, учился в Пражском университете; с середины 1920-х гг. во Франции; в 1928 г. окончил Парижский Свято-Сергиевский богословский институт; с 1927 г. священник; в 1927–1931 гг. настоятель церквей в окрестностях Парижа; в 1931–1943 гг. настоятель Воскресенской церкви в Гренобле; в 1943–1948 гг. настоятель Покровской церкви в Лионе; в 1948–1964 гг. настоятель Троицкой церкви в Клиши. О Г.Н. Шумкине см.: Незабываемые могилы. Т. 6. Кн. 3. С. 507; Нивьер. Священнослужители. С. 555–556.

² La Tronche — местность в департаменте Isère во Французских Альпах (Rhône-Alpes), пригород Grenoble.

³ Речь идет о смертельной болезни жены Фондаминского, А.О. Фондаминской, скончавшейся несколько месяцев спустя, 6 июня 1935 г.

⁴ Вероятно, имеется в виду болезнь (рак горла) С.Н. Булгакова (см. п. 30).

⁵ Шумкина (урожд. Шмидт) Анна Федоровна (1899–1977), жена Г.Н. Шумкина; руководила молодежным женским отделением РСХД.

⁶ «Национальный Союз Нового Поколения» — молодежная организация русской эмиграции, основанная в 1930 г. под названием «Национальный Союз Русской Молодежи»; в 1931 г. переименована; с 1936 г. — «Национально-Трудовой Союз Нового Поколения»; с 1942 г. «Национально-Трудовой Союз»; с 1957 г. — «Народно-Трудовой Союз» (НТС). «Еще в 1931 г. была сформулирована цель — «Национальная Революция», которая может быть организована лишь силами народа изнутри России, а не извне. Для этого Союз должен утвердиться на родине, создав сеть подпольных групп. «Задачи Союза в Зарубежье сводятся к организации здорового тыла и созданию кадра революционных борцов и работников» [цит.: Национальный Союз Нового Поколения. Белград, 1935. С. 43]» (Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Изд. 2-е, исправл. М., 1994. Т. 1. С. 241); см. также: Рар Л.А., Оболенский В.А. Ранние годы (1924–1948): Очерк истории Народно-Трудового Союза. М., 2003.

*«Напечатали за все время только
2 отрывка – и сколько
в этих журналах за эти годы было
напечатано ерунды»:
Л.Ф. Зуров¹*

Публикация, вступительная статья и примечания
И.З. Белобровцевой

¹ Считаю своим приятным долгом поблагодарить хранителя Русского архива Лидского университета Ричарда Дэвиса за помощь в подготовке этой публикации.

Хотя в СЗ имя Леонида Зурова как автора в журнале встречается всего лишь несколько раз (см. библиографию в конце статьи), его отношения с журналом представляют собой интересную страницу как в биографии самого писателя, так и в истории литературы русского зарубежья.

В отличие от многих других представителей младшего, «незамеченного», по слову Владимира Варшавского, поколения писателей русской эмиграции, фигура Леонида Зурова не равна самой себе: на ней заметен постоянный отсвет биографии И.А. Бунина, рядом с которым Зуров прожил около двух десятилетий. Это особое положение — в тени Бунина, как и особый статус — наследника бунинского архива — привели к тому, что облик Зурова в сознании современных читателей и исследователей сотворен почти из одних мифов. От утверждений о том, что он был участником Первой мировой войны², секретарем и даже приемным сыном Бунина³, до недобросовестных выкладок о продаже им бунинского архива⁴ и извращения его образа в фильме А. Учителя «Дневник его жены»⁵.

Именно поэтому в настоящей статье следует воспроизвести реальную, а не искаженную в результате мифотворчества биографию Зурова, противопоставив ее обманчивой «известности» этого писателя.

Леонид Федорович Зуров (1902–1971) родился в городе Остров Псковской губернии. Безмятежным его детство было до трехлетнего возраста: в 1905 г. покончила жизнь самоубийством мать. Мальчика начала воспитывать бабушка с материнской стороны, однако в письме Зурову родственница дает ему понять, что и бабушка вскоре наложила на себя руки, во всяком случае, мальчик перешел к бабушке по отцовской линии⁶.

Об отце, Федоре Максимовиче Зурове, известно немного: отличный охотник, занимал первые места в губернии по стрельбе влет. Л. Зуров учился в Островском реальном училище до осени 1918 г., пока они с отцом не ушли добровольцами в Северо-Западную армию (далее СЗА)⁷. Л.Ф. Зуров участвовал в походе на Петроград, был дважды ранен,

² См.: напр., http://www.pskovcity.ru/pers_zurov.htm — это означает, что Зуров принимал участие в военных действиях, будучи 12–14-летним.

³ См., напр.: Антонов В.С. Иван Бунин: из Парижа в Москву // Независимое военное обозрение. 2007. 30 нояб. (http://nvo.ng.ru/spforces/2007-11-30/7_bunin.html); Радиопередача «Цена Победы» (интервью с Рене Герра) на канале «Эхо Москвы», 14.01.2008 (<http://www.echo.msk.ru/programs/victory/57898/>) и т.д.

⁴ См. об этом: Винокур Н. Новое о Буниных // Минувшее. Paris, 1989. [Вып.] 8. С. 290; Голубева Л. И.А. Бунин и Л.Ф. Зуров. История отношений // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 376 и т.д.

⁵ В фильме Зуров представлен как влюбленный В.Н. Буниной — досужий вымысел сценариста А. Смирновой, подхваченный желтой прессой.

⁶ «Я знаю, что Вы были совсем маленьким, когда лишились матери. Причиной ее трагической смерти была совершенная неподготовленность к жизни (тетя Миля ее страшно баловала и нежила) и то, что она была еще очень молода. Она мечтала о жизни как о вечном празднике, полном радости и счастья. Я, конечно, не знаю, в чем она так страшно разочаровалась, что ее ничто не остановило уйти из жизни. Я была тогда слишком мала, чтобы самой разбираться в таких вопросах, и могла только слушать, что говорили родные о причине смерти Вашей матери и тети Мили, которая умерла в том же году и тоже неестественной смертью»; письмо двоюродной тетки Зурова — «тетя Миля, родная сестра моего отца (ваша бабушка)» — см. письма В.А. Гавриловой от 25 мая 1935 г. (РАЛ. MS. 1068/2462) и от 14 июня 1935 г. (РАЛ. MS. 1068/2463).

⁷ Биографические заметки Л.Ф. Зурова. РАЛ. MS. 1068/758 и 1068/771.

вместе с СЗА перешел по мосту через реку Нарова в Эстонию, где был интернирован. Отец, уполномоченный Красного Креста, умер в 1920 г. во время вспыхнувшей среди интернированных эпидемии тифа и был похоронен в Эстонии, в местечке Сонда. Дважды переболел тифом и Леонид Зуров⁸. После выздоровления и увольнения из армии⁹ он некоторое время, по меньшей мере до июня 1920 г., служил санитаром в Русском госпитале¹⁰, а уже в сентябре поступил в третий класс Рижской городской русской средней школы, посещал ее до 13 июня 1922 г. и получил аттестат об ее окончании¹¹, сдав экзамены в объеме полного курса реального училища.

С октября 1922 г. Зуров учится на отделении архитектуры и наземного строительства Чешской высшей технической школы в Праге (Ceské Vysoké Učení Technické v Praze). Заполняя при поступлении анкету, он определяет свое материальное положение как «безнадежное»¹² и уже в июле 1924 г., направляя в Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике просьбу о ссуде за июль месяц, объясняет, что деньги необходимы ему для выезда обратно в Ригу, поскольку из-за болезненного состояния легких он не может продолжать учебу¹³.

Вернувшись в Латвию, Зуров зарабатывал на жизнь самыми разнообразными способами — и физическим, и умственным трудом: работал на кинофабрике (перфорировал пленки), в типографии, расклеивал афиши. Бунин с его слов упоминает работу «репетитором, маляром, секретарем журнала “Перезвоны”»¹⁴. В письме И.С. Шмелеву Зуров рассказывал: «Служу чернорабочим городской управы на понтонном мосту. Несколько дней грузил камни, мыл понтоны, а теперь переведен на новую должность — работаю с водолазом (качаю воздушный насос, вытаскиваю якоря, кручу лебедку и помогаю одеваться водолазу). Ночью меняли понтоны (работал 16 часов), вернулся домой, свалился как убитый, во сне видел лебедку, краны, плоты, и все время качало, как на воде»¹⁵.

В 1928 г. в рижском издательстве «Саламандра» у Зурова вышли две книги — «Кадет», включающая заглавную повесть и несколько рассказов, и «Отчина», посвященная истории Псково-Печерского монастыря. О дебютном сборнике молодого прозаика с одобрением отзывались А.В. Амфитеатров, И.А. Бунин, К.И. Зайцев, А.И. Куприн, М.Л. Слоним, И.С. Шмелев и др. Самая первая рецензия, основные оценки которой в большей или меньшей степени повторили позже почти все писавшие о «Кадете», принадлежала перу Ю.И. Айхенвальда, предсказывавшего Зурову успешное будущее¹⁶.

⁸ «Удостоверение. Дано сие санитару 5-го Русского Госпиталя Леониду Зурову в том, что он действительно перенес сыпной и возвратный тиф, что подписью с приложением печати удостоверяется. 21 мая 1920 г.» (РАЛ. MS. 1068/1601).

⁹ «Удостоверение. Предъявитель сего стар. унт. оф. 5 Островского стр. полка Зуров Леонид уволен вове от военной службы за расформированием С.З. Армии, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется. 18 февраля 1920 г.» (РАЛ. MS. 1068/1599).

¹⁰ «Удостоверение. Предъявитель сего Леонид Зуров действительно является санитаром 5-го Русского госпиталя, что удостоверяется подписями и печатью. Действительно до 1 июля. 22 мая 1920 г.» (пер. с эст.) (РАЛ. MS. 1068/1600 — «Tunnistus Selle ettenäitaja Leonid Surov on tõesti 5da Wene Haigemaja sanitar, mida allkirjadega ja ameti pitsatiga tõendatakse: Maksev kuni 1 Juulini. 22 Mail 1920 a.»).

¹¹ Свидетельство выдано Министерством образования Латвии (Департамент меньшинств, Русский отдел) (РАЛ. MS. 1068/1604).

¹² Archiv MZV ČR. Ruská Pomocná Akce. Česká vysoká škola technická v Praze. № 2199.

¹³ Ibid.

¹⁴ Бунин И. Леонид Зуров // Россия и славянство. 1929. 12 янв. № 7. С. 3.

¹⁵ Письмо Л.Ф. Зурова И.С. Шмелеву от 29 августа 1929 г. (РАЛ. MS. 1068/3800). И.С. Шмелев одним из первых заметил Зурова и в письме А.В. Амфитеатрову, сравнивая его с другими молодыми русскими писателями-эмигрантами, называет Зурова «настоящим»: «Зуров любит родное и отдает себя за него. У него — дар. Надо его сохранить — Зурова-то» (письмо Шмелева Амфитеатрову от 18 февраля 1929 г.; Lilly Library. Amfiteatrov papers).

¹⁶ «По-видимому, автор — начинающий, и начинает он прекрасно. Такой безукоризненный русский язык, такой хороший, сдержанный тон, в котором повествуется о русском ужасе, такое чувство русской природы и усадьбы. Что испытал мальчик-кадет в дни междоусобной войны, в эти “страшные в своей откровенности, обнаженные дни”, когда жизнь, действительно, обнажилась и показала себя в своей невероятной грубости и

Трудно, однако, представить себе это будущее в Латвии, где Зурову пришлось бы и впредь заниматься в основном физическим трудом и писать по ночам. Но здесь его жизнь самым неожиданным образом перевернуло приглашение И.А. Бунина переехать в Париж: впервые Бунин заговорил об этом в письме от 8 сентября 1929 г.: предлагая Зурову пожить в Париже, «расширить круг наблюдений, впечатлений и прочая, прочая»¹⁷, он обещал достать для него визу и даже «небольшую сумму» на переезд в Комитете помощи русским литераторам и ученым во Франции. По Бунину, совмещать работу и литературный труд можно было бы и в Париже¹⁸.

Зуров принимает приглашение с восторгом, работы он не боится и мечтает только о том, чтобы по приезде можно было «достать работу, а именно такую, чтобы иметь время от времени возможность прекращать ее для литературных занятий»¹⁹. Высказывает он и некоторые другие опасения, но Бунин решительно его ободряет: «не бойтесь! Язык вздор, множество не знающих его все-таки устроились в Париже, работают и т.д. Устройтесь и вы... [...] А главное — в молодости *все* полезно, даже всякие передеряги. В молодости нужно рисковать»²⁰. В своих записках Зуров скрупулезно описывает свое финансовое положение на момент отъезда из Риги (расчет с издательством «Саламандра», золотое кольцо, подаренное тетей, две золотые царские пятирублевки и т.п.²¹) и особо дорогие ему подарки — фотографию матери и тетин образок «Божией Матери, которым она меня благословила [...], т.к. образок этот она привезла из Острова и он у нее висел всегда над постелью»²². На первое время молодой писатель приглашен в Грасс, на виллу Бельведер, где жили Бунины.

Вернув Бунину пять фунтов, которые тот прислал ему на билет, Зуров сразу спрашивает: «а как же будет насчет заработка [...], на что он [Бунин] ответил — Вы можете не беспокоиться, т.к. я уже выяснил [...] вам подыщут такую работу, при которой вы сможете писать и читать, т.к. вам читать надо много, а главное писать»²³. Однако вскоре выяснилось, что виза, которую выхлопотал ему Бунин, была временной и не допускала возможности работать²⁴.

жестокости, об этом по преимуществу, на лучших своих страницах, ярко, но без сгущения красок рассказывает г. Зуров. Наша революция среди многого другого осуществила и крестовый поход детей — физически и морально гибли дети и юноши, и девушки. Как та очаровательная гимназистка Аня, по прозвищу “Куний Мех”, которая в “Кадете” выступает героиней сначала идиллии, а потом и трагедии. [...] Миниатюра войны и мира, т.е. сражений, истязаний, расстрелов — с одной стороны, и деревенского уюта, Волги, родины — с другой, эта частичная, в русской раме картина, уголок вечного мирового полотна в высокой мере удалась молодому перу Леонида Зурова. Ужасное изображает он, но так это переплетено с трогательным и нежным, и грустным, что не мрак идет от его очерков на душу читателя, а какое-то тихое волнение, недоумение, “светлая печаль”, лучи примирения. “Белый снег всегда покрывает человеческие следы” — говорит автор и после неимоверной обиды кажется, что наигрываемые кем-то “медленные гаммы жестоко звенят в большом, солнечном, опустевшем миру”, и вообще от “опаливших душу дней” осталось много меланхолии, но не заглохло чувство жизни, и это сочетание придает всей книжке особый привлекательный колорит» (*Айхенвалд Ю.* Литературные заметки // Руль. 1928. 10 окт. № 2394).

¹⁷ Письмо И.А. Бунина Л.Ф. Зурову от 8 сентября 1929 г. (И.А. Бунин. Новые материалы. М., 2004. Вып. 1. С. 268).

¹⁸ Историю этого приглашения и приезда Зурова к Бунину в Грасс можно проследить по их переписке: «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928–1929) / Публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. 1. С. 232–284.

¹⁹ Там же. С. 271.

²⁰ Там же. С. 272.

²¹ Биографические заметки Л.Ф. Зурова. РАЛ. MS. 1068/777.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ См. об этом свидетельство самого Зурова: «по приезде во Францию на моих бумагах был поставлен штемпель, лишающий меня права на физический труд. В выданной мне карт д’идентите было сказано — писатель... Таким образом я сразу же попал в категорию лиц свободной профессии, которые могли существовать только литературным трудом» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 37. Л. 17).

Возможно, именно чувство вины Бунина, его неизменное желание помочь Зурову и в то же время раздражение из-за вынужденной необходимости обеспечивать существование приглашенного молодого писателя иногда, уже с 1932 г., оборачивались жалобами на эту ситуацию друзьям и напряженностью в отношениях между Буниным и Зуровым²⁵. Зуров, конечно, понимал это и рвался устроить самостоятельную жизнь: в 1935 г. несколько месяцев реставрировал звонницу Псково-Печорского монастыря, в 1937 и 1938 гг. по поручению парижского Музея Человека ездил в Печорский край в этнографическую экспедицию. Переехав в Париж, в общежитие матери Марии, он обрабатывал собранные материалы и не собирался к Буниным в Грасс²⁶. На основе своих исследований он написал несколько статей²⁷; большое количество привезенных им материалов было передано в Археологический кабинет Тартуского университета и в парижский Музей Человека²⁸. В фототеку Музея Человека он отдал несколько сот негативов, снятых им в Печорском крае в 1935, 1937, 1938 гг. Шведскому фольклористу Кнуттссону, предложившему Зурову опубликовать материалы его археологических разведок и впоследствии издавшему в Швеции его статью²⁹, он писал: «Конечно, результаты моего обследования недостаточны. [...] Когда я собрал все записи, то был поражен интересными возможностями, которые открываются для этнографа в Печерском крае»³⁰. По сути, Зуров был первым исследователем, познакомившим шведских ученых с этнографией и археологией Печерского края, разделенного после заключения между Эстонией и Россией в 1920 г. Тартуского мира³¹.

Выбранный в 1937 г. председателем Объединения писателей и поэтов в Париже³², Зуров оставался на этом посту до входа немецкой армии в Париж. Возвратиться к Буни-

²⁵ В.Н. Бунина воспроизводит разговор с М.А. Алдановым: «Вчера Алданов напал на Леню [...] за то, что они [Зуров и Кузнецова] мало печатаются. Будто бы все несчастья у нас от этого. “Бедному И.А. трудно. Я знаю от И[льи] И[сидоровича], он жаловался”. И на все мои возражения — одно возмущение! Даже несвойственное Алданову. [...] И какое кому дело! Неужели правда Ян жаловался? Что он, о двух головах?» (Дневник В.Н. Буниной. Запись от 5 апреля 1932 г. РАЛ. MS. 1067/407).

²⁶ Отношения Бунина и Зурова со второй половины 1930-х гг. резко ухудшились и оставались неприязненными все последующее десятилетие. В.Н. Бунина записывает в дневнике 7 августа 1944 г.: «Мне очень тяжело. Всю ночь не сомкнула глаз. [...] Вот обоюдная вражда. Такой я ее еще не видела. Не могу простить себе, как я проглядела ее. Я не представляла размеров ее. Вероятно, я страдаю сильнее всех, ибо я за всех, а они каждый за себя. И уже в той степени возбуждения, когда человек не способен чувствовать ничего, кроме своей боли. И не убедить ни одного в правоте, хотя бы очень небольшой, другого. И все из-за ерунды. Из-за очень тяжелых условий жизни. Отсутствия просвета» (Дневник В.Н. Буниной. РАЛ. MS. 1067/416).

²⁷ См., напр.: Зуров Л. И. Из истории церкви Николая Ратного в Печерском монастыре. II. Как был открыт древний город, носящий название Городачек // Новь. Восьмой сборник. Таллин: Изд. «Нови», 1935. С. 93–102; *Он же*. Дороги Эстонии // День русского просвещения (Таллин) / Изд. Союза рус. культ.-просвет. и благотворит. об-в в Эстонии. 1936. Май–июнь. С. 3; *Он же*. Игумен Корнилий. Из печерских впечатлений // Сегодня. 1938. 25 дек. № 356. С. 2; *Он же*. Древняя земля [О Печорах] // Старый Нарвский листок. 1939. 28 июня. № 69; *Он же*. Живые воды. На боевых могилицах Изборска // Сегодня. 1939. 24 дек. № 355. С. 4; *Он же*. Обитель [Печеры] // Сегодня. 1940. 11 февр. № 41. С. 4.

²⁸ «Все сведения об обнаруженных мною памятниках древности переданы были мною археологическому кабинету Тартуского университета, вместе с кроками. [...] В 1938 г. мною эстонским археологом был сдан и приобретенный под д. Кривск каменный молоток и 17 пакетов с подъемным материалом»; Зуров Л. Ф. Изборск-Малы. Материалы археологической и этнографической разведки 1935 года. С. 47 (РАЛ. MS. 1068/747); см. там же помету Зурова: «эти материалы были посланы вместе с экспедиционным отчетом 1928–35–37–38 гг. в Академию Наук СССР».

²⁹ Статья Л. Зурова «Dyrkan av stenar, källor och träd bland setukeser och ryssar i Peterseri-området» была опубликована в 1940 г. в журнале «Folk-liv: acta ethnologica et folkloristica Europaea» (оттиски хранятся в РАЛ. MS. 1068/745–746).

³⁰ Черновик письма Л. Зурова К. Кнуттссону б.д. (ответ на письмо К. Кнуттссона Л. Зурову от 15 ноября 1939 г.) (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 7).

³¹ Во Франции он читает доклады и делает сообщения на те же темы: см., напр., его доклад «Древности Печор и Изборска в Эстонии» 26 января 1936 г. в Vanves; сообщение «Монастырские и церковные древности Печорского края в Эстонии» 7 февраля 1936 г. в обществе «Икона» и др.

³² В 1935 г. он был избран казначеем того же Объединения.

ным его вынудило совпадение во времени нескольких катастрофических событий: советизация Прибалтики (Латвия всегда оставалась для Зурова запасным вариантом), начало Второй мировой войны (он намеревался идти добровольцем в армию) и заболевание туберкулезом, которое потребовало длительного лечения в санатории и позже не позволило властям ни мобилизовать его в армию, ни отправить на работы в Германию³³. Из санатория в октябре 1940 г. он и приехал в Грасс.

Сложные отношения с Буниным достигли апогея в годы Второй мировой войны. Отчасти на Зурова переносится раздражение, с каким Бунин в это время воспринимает связь Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун, также живущих на вилле «Жаннетт». Однако в конце 1940-х гг. происходит перемена, справедливо отмеченная М.Э. Грин в незавершенной, на полуслове оборванной биографической статье о Зурове: «Зуров жил в доме Бунина многие годы, уходил и опять возвращался, по просьбе Веры Николаевны. По возможности участвовал в расходах по хозяйству (об этом говорит и сам И[ван А[лексеевич] в дневниках). Человек он был нелегкий, но благородный, предан был Буниным абсолютно. Иван Алексеевич, по существу добрый и отзывчивый, был горячим и несдержанным. Понятно, что в совместной жизни постоянно бывали стычки и скандалы. Под влиянием таких семейных передряг Бунин со свойственной ему гиперболой изливал гнев в письмах³⁴. Написанное пером не вырубишь топором, в то время как сам И[ван] Ал[ексеевич] быстро остывал, и неустойчивый мир на время восстанавливался. Вера Николаевна, как могла, смягчала разбушевавшиеся страсти, но не всегда удачно.

Не способствовала ровным отношениям и напряженная обстановка в доме и материальные трудности, создававшие общую нервность.

И все же не только Вера Николаевна, но и сам Ив[ан] Ал[ексеевич] сознавали, что Зуров единственный из их непосредственного окружения верный...»³⁵.

Во время войны Зуров занимал прорусскую позицию, среди его документов есть удостоверение на бланке Союза друзей Советской Родины города Грасса и коммун Рокфора и Рурэ (Приморские Альпы) о том, что «предъявитель сего Л.Ф. Зуров с самого начала Отечественной войны занимал патриотическую позицию и ни на итальянских оккупантов, ни на немецких ни часа не работал, вел среди русских обитателей южного побережья патриотическую пропаганду, во время же немецкой оккупации вел агитацию среди вывезенных немцами из города Гатчины расквартированных под Грассом советских военнопленных, передавал им все известия московского радио и информбюро и способствовал их уходу от немцев — переходу к партизанам до высадки союзников»³⁶.

В конце войны он, по всей видимости, склонялся к отъезду в СССР. Почему он так и не уехал, точно сказать трудно³⁷. Решив изменить свою жизнь коренным образом, он

³³ См. записи в дневнике В.Н. Буниной: «18 мая [1944] Леня получил сегодня вызов на работы в Германию. 23 мая должен явиться [...]. Видимо, начали с конца азбуки. 25 мая [1944] Леню освободили вчистую в немецкой комиссии» (РАЛ. MS. 1067/414).

³⁴ См., напр.: Письма И.А. Бунина к Б.К. Зайцеву // НЖ. 1979. № 137. С. 124–140; 1980. № 138. С. 155–175.

³⁵ Грин М.Э. Фрагмент биографической статьи о Л.Ф. Зурове (РАЛ. MS. 1068/5105).

³⁶ Удостоверение от 19 апреля 1945 г. (РАЛ. MS. 1068/1663), подписанное председателем Союза, приятелем Л. Зурова Ф. Тюковым, тем не менее отражает истинное положение вещей, зафиксированное также в записях самого Зурова и в дневнике В.Н. Буниной.

³⁷ В дневниковых записях В.Н. Буниной есть сведения о намерении Зурова уехать в СССР. Первая из таких записей относится к августу 1944 г.: «Говорили с Ленией о России. Какие там изменения могут быть, какая будет цензура для книг. Он думает, что образуется группа писателей из объединения [имеется в виду Объединение поэтов и писателей, председателем которого Зуров был в довоенное время с 1937 г.], которая вместе и попадет. Его интересуется север — Новгород, Вологда. «Хочется, прежде всего, иметь почву под ногами, а не висеть в воздухе, как висел до сих пор. Иметь свою квартиру, свое дело» (Дневник В.Н. Буниной. Запись от 29 августа 1944 г. РАЛ. MS. 1067/416). Желание вернуться сохраняется у него, судя по записям В.Н. Буниной, и весной 1945 г.: «Я встретила Коломбана [врача, лечившего Зурова от туберкулеза]. Спросила о Лене. Он сказал, что состояние его здоровья плохое — ему нельзя так много работать. [...] Волнует его и возвращение домой. Понимает всю трудность. Как там отнесутся к его книгам. Что сделают с записными книжками» (Дневник

покидает дом Буниных³⁸. В поисках средств к существованию он не чурался физическо-го труда: во время войны шил башмаки, зимой 1946 г. нанялся вместе с В. Варшавским сторожить американский гараж. В 1947 г. вместе с Варшавским и другими литератора-ми Зуров вышел из парижского Союза русских писателей и журналистов в знак протеста против исключения из него писателей, принявших советское гражданство.

С более продолжительными и малыми перерывами Зуров прожил в семье Буниных до смерти И.А. Бунина (1953) и В.Н. Буниной (1961). Известно, что после войны Буни-ны вели почти нищенское существование. Подступавшая старость и бедность вынужда-ли их ежегодно уезжать в Русский дом в Жуан-ле-Пен. Единственным человеком, помо-гавшим им в последние, самые трудные годы жизни Бунина, был Зуров³⁹. Все это время он пишет роман «Зимний дворец», публикует отрывки из романа и отдельные расска-зы⁴⁰. В начале 1953 г. В.Н. Бунина отмечает болезненное состояние Зурова⁴¹, и почти весь год он проводит в разных лечебницах. Там он находится и в момент смерти И.А. Бунина 8 ноября и возвращается только в декабре 1953 г. Уход Бунина он отметил особым образом: в подготовленной А.К. Бабореко к изданию книге Г.Н. Кузнецовой «Грасский дневник» цитируется письмо Л.Ф. Зурова от 29 июля 1965 г., объясняющее появление на могиле Бунина необычного каменного креста: «Такие кресты стоят на местах боев с тевтонскими и ливонскими рыцарями. Такой крест поставлен и на могиле Ивана Алексеевича, так как он очень любил каменный крест, стоящий на Труворовом городище (вблизи Николы Городищенской церкви). Я из Изборска послал Ивану Алек-сеевичу открытку [...] с этим крестом. Художник Бенуа нарисовал этот крест, по жела-нию Веры Николаевны, для мастера каменных дел, который сделал по этому рисунку крест Ивану Алексеевичу»⁴².

В.Н. Буниной. Запись от 28 апреля 1945 г. РАЛ. MS. 1067/416). По одному из свидетельств, от возвращения в СССР его отговорил Бунин: «От возвращения на Родину его удержал Бунин. Это мне рассказывал сам Зу-ров. “У Вас здесь определенное имя, Вы написали несколько романов, они благожелательно отмечены кри-тикой. Там это все придется зачеркнуть. Все начинать сначала, Вам не 20 лет. Можно ли писать о жизни и людях, которые Вам совершенно не знакомы?”» (Рита Райт-Ковалева — Юрий Софиев. «Расскажите мне о Борисе Вильде...». Переписка // Простор — <http://www.prstr.narod.ru/texts/num0504/1ray0504.htm>).

³⁸ В.Н. Бунина записывает в дневнике: «В прошлую среду переехал Ленья в дом Матери Марии» (Дневник В.Н. Буниной. Запись от 28 июля 1946 г. РАЛ. MS. 1067/416).

³⁹ Здесь имеется в виду помощь не финансовая — такую помощь Буниным время от времени оказывали различные частные лица, — но самая непосредственная, каждодневная. Он имел полное основание написать в черновике письма В.А. Александровой, редактору издательства Чехова в Нью-Йорке: «Иван Алексеевич Бу-нин уже давно тяжело болен, и я, когда его болезнь приняла настолько серьезный характер, был спешно вызван телеграммой из Вандей — где по предписанию врачей я отдыхал во Французском лагере [...], — нахо-дился при И.А. Бунине вместе с В.Н. Буниной, заменяя сестру милосердия, т.е. я делал ему в течение месяца сложнейшие перевязки, т.е. выполнял все обязанности санитарки, т.к. я и был после расформирования Се-веро-Западной Армии санитаром в 5 Русском госпитале Красного Креста (о чем и документы имею), а так как болезнь Бунина затянулась на годы и его нельзя [было] уже ни на минуту оставить одного, то мы с Ве-рой Николаевной по очереди дежурили» (РАЛ. MS. 1068/778); ср. также письмо И.А. Бунина Зурову от 24 июня [1950 г.]: «Дорогой Еруслан, получили Ваше письмо, спасибо за заботы по дому. [...] Я едва жив, — не преувеличиваю! — Вы ведь знаете из писем Веры Николаевны, каково я провел здесь времечко. И с пита-нием замучился, — жду Вашей кухни как ворон крови!» (РАЛ. MS. 1066/6149). Уход особенно потребовался Бунину после операции в сентябре 1950 г. В письме Т. Муравьевой-Логиновой В.Н. Бунина сообщает: «За ним хорошо ухаживает Ленья: перевязки, растирание ноги, пассивная гимнастика и очень вкусные блюда, надо чтобы Ян хоть немного окреп и пополнил» (Письма Буниных к художнице Т. Муравьевой-Логиновой (1936–1961). Paris, 1982. С. 127).

⁴⁰ Зуров Л. Астория // Русский сборник I. Париж, 1946; *Он же*. Дорога. Отрывок из романа «Зимний дво-рец» // Встреча. 1945. № 2; *Он же*. Петроградская ночь // Новоселье. 1946. № 24–25; *Он же*. Дворцовая площадь // Новоселье. 1949. № 39–41; *Он же*. Русская повесть // Новоселье. 1950. № 42–44 и др.

⁴¹ Записи от 18 января 1953 г.: «Вчера гуляли с Ленией в лесу. Говорил шепотом, *оглядывалась*» — и от 25 ян-варя 1953 г.: «Вернувшись домой, нашла все углы выметенные [имеется в виду оберег от нечистой силы. — *И.Б.*]. Ленья возбужден» (РАЛ. MS. 1067/428).

⁴² Текст письма воспроизведен на вкладке с фотографией в кн.: Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. М., 1995.

После смерти Бунина Зуров живет в Париже в бунинской квартире вместе с В.Н. Буниной. В 1958 г. у него выходит книга рассказов «Марьянка»⁴³, на которую восторженно откликаются Н.Е. Андреев, Г.В. Вернадский, А.С. Головина, Д.И. Кленовский, П.А. Сорокин, С.И. Шаршун и др. В это время он возобновляет знакомство и начинает активную переписку со знакомой ему еще по 1920-м гг. в Риге русской эмигранткой Милицей Эдуардовной Гартье⁴⁴, в замужестве Гринберг, которая живет и работает в Эдинбурге. Доцент Эдинбургского университета Милица Грин (именно такую фамилию она взяла в процессе натурализации в 1955 г.⁴⁵) всячески опекала Зурова и до смерти В.Н. Буниной, с которой также была хорошо знакома. Еще более явной ее помощь Зурову стала после 1961 г., когда он остался один: почти ежегодно он отдыхал по несколько месяцев у нее в Шотландии, она посылала в Париж витамины, продукты, лекарства, активно поддерживала переписку, знала о вспышках его душевной болезни и направляла его к докторам. Зуров был ей бесконечно благодарен и после смерти В.Н. Буниной назвал ее бенефициарием в своем завещании⁴⁶. Это среди прочего означало, что по его завещанию М.Э. Грин после смерти Зурова становится владельцем архива И.А. Бунина, В.Н. Буниной и присоединенного к ним архива Е.М. Лопатиной.

В последние годы жизни Зуров выступал как мемуарист, публикатор материалов бунинского архива⁴⁷ и автор отдельных рассказов, среди которых особый интерес представляет «Герб Лермонтова»⁴⁸, написанный им на материале увиденного в Шотландии, в гостях у М.Э. Грин. Он много болел, умер скоропостижно от сердечного приступа 9 сентября 1971 г. в санатории под Парижем, куда был направлен на лечение по поводу бронхиальной астмы.

После смерти Милица Грин начала разбирать архив и публиковать архивные материалы⁴⁹. Зная живой интерес А.И. Солженицына к истории Северо-Западной армии, она решила предложить ему собрание накопленных Зуровым релевантных материалов (документов, мемуаров, записей бесед и проч.). В то время Солженицыны жили в Вермонте, первое письмо до них так и не дошло, однако М.Э. Грин попыталась связаться с ними еще раз, и вторая попытка увенчалась успехом. Она отослала Солженицыну три чемодана материалов: один — материалы, связанные с Северо-Западной армией, два — этнографические материалы, собранные Зуровым за время исследовательских работ в Эстонии. Там же находились «7 пакетов бумаг и документов из архива Л.Ф. Зурова» (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 139. Л. 1). Вернувшись в Россию, А.И. Солженицын передал присланное М.Э. Грин в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье»⁵⁰. Результатом этого стала раздробленность фонда Л.Ф. Зурова: он не только разбит на две части (большая

⁴³ Зуров Л. Марьянка. Париж, 1958.

⁴⁴ См. предисл. М. Грин к ее публикации «Письма И. Бунина к Л. Зурову»: «Мы то лето проводили в имени «Жоготы» (Латгалия). Со дня на день ожидался приезд уже известного в Прибалтике молодого писателя, друга сына владельцев имения. Зуров приехал с русской границы [...]. Его приезд сразу же внес оживление в нашу жизнь — начались далекие прогулки. Посещение крестьянских «ярманок» и «гулянок»» (НЖ. 1971. № 105. С. 225).

⁴⁵ Davies R. Militsa Eduardovna Greene (14 February 1912 – 28 February 1998). Obituary // Slavonica. 1998/99. Vol. 4. No. 2. P. 114–116.

⁴⁶ Зуров Л.Ф. Завещание. «В случае моей смерти все мои рукописи, черновики, записные книжки, наброски, книги, личные мои вещи переходят в собственность Милицы Эдуардовны Грин [...] 2 июня 1961» (РАЛ. MS. 1068/1671a).

⁴⁷ См., напр.: Зуров Л.Ф. Литературное завещание Бунина // НЖ. 1961. № 66. С. 166–172; *Он же*. Воспоминания // НЖ. 1962. № 69. С. 51–61; *Он же*. Дон Аминадо // НЖ. 1968. № 90. С. 114–120 и др.

⁴⁸ См.: Зуров Л.Ф. Герб Лермонтова // НЖ. 1965. № 79. С. 98–115.

⁴⁹ См., напр., трехтомник «Устами Бунинных», представляющий собой фрагменты из дневников В.Н. и И.А. Бунинных (Frankfurt/Main, 1977–1982), статью Л. Зурова «Монах-иконописец Г.И. Круг» (НЖ. 1976. № 124. С. 283–288), его же рассказ «Первый, второй...» (НЖ. 1972. № 108. С. 5–12, названный самим Зуровым «Матросня» и представляющий собой фрагмент незавершенного романа «Зимний дворец») и т.д.

⁵⁰ В настоящее время переименована в Дом русского зарубежья имени Солженицына.

хранится в Англии, в Русском архиве Лидского университета, куда архив был передан после смерти М. Грин согласно ее воле, меньшая — в Москве, в Доме русского зарубежья имени Солженицына), но порой разделены даже корпуса переписки. В свете настоящего проекта это относится, например, к письмам И.И. Фондаминского Зурову.

* * *

Переезд из Латвии во Францию стал для Зурова судьбоносным: он оказался в тени Бунина. Со временем, когда творчество русских писателей-эмигрантов стало объектом изучения литературоведения⁵¹, Зуров вызывал интерес в первую очередь не как литератор, писатель, со своими темами и своей творческой манерой, но именно как человек, десятилетия проживший рядом с Буниным. Между тем в литературе русского зарубежья Леонид Зуров представлял линию сугубо реалистическую. Еще в Латвии определились основные темы его творчества: революция и Гражданская война и воздействие этой двойной катастрофы на дух и душу русского человека, история России и красота ее людей и ее природы. Во Франции он много работал, публиковал рассказы в парижской газете «Последние новости», в Эстонии, Финляндии, Латвии. Но это уже во второй половине 1930-х гг., а вскоре после приезда в ноябре 1929 г. он отдается работе над романом, часть которого привез с собой и который намеревался быстро завершить. Однако роман «Древний путь» потребовал еще нескольких лет работы и был опубликован в СЗ только в 1933 г. Это был дебют Зурова в журнале, хотя его имя всплывало в переписке редакторов СЗ и раньше: в письме от 17 марта 1929 г. М. Вишняк, явно отвечая на вопрос, сообщает Фондаминскому адрес Зурова в Риге. По-видимому, в ходе поисков молодых талантливых авторов редакторы СЗ обратили внимание на успех его первой книги «Кадет»⁵². Следующее упоминание имени Зурова в переписке редакторов СЗ встречается 17 мая 1929 г., когда Фондаминский сообщает Вишняку: «Сирина и Зурову написал» (Ред., п. 217). Однако сам Фондаминский, скорее всего, Зурову не писал, т.к. чуть раньше Г. Кузнецова сообщает Зурову о своей посреднической миссии: «теперь официальное поручение: редактор “Совр[еменных] записок” просит Вас прислать рассказ. Рада передать Вам это»⁵³. Хотя ответное письмо Зурова неизвестно, смысл его ясен из внутриредакционной переписки СЗ: «Гал. Ник. [Кузнецова] получила письмо от Зурова, где он пишет, что с радостью будет работать в “С[овременных] з[аписках]”. Сейчас готового у него ничего нет. Пишет повесть, придет и Ив. Алекс. [Бунину] — значит мы будем знать ее неофициально»⁵⁴.

Для СЗ Зуров — «один из молодых, подающих надежды»⁵⁵, но и здесь он оказывается в зависимости от Бунина: так, надежда на получение рассказа от Бунина в очередную книжку журнала побуждает редакторов отказаться от публикации Зурова, не жертвуя при этом другим автором из того же младшего поколения писателей-эмигрантов: «Согласен в этом случае не давать Зурова. Но очень убеждаю вас дать в этом случае Газдано-

⁵¹ Впервые творчеством Л.Ф. Зурова на научном уровне занялся американский исследователь Либор Бром (Libor Brom), написавший о нем докторскую диссертацию «Leonid Zugov», которая была издана отдельной книгой с подзаголовком «Ivan Bunin's Protégés. Volume I» (Fresno, California: Pioneer Publishing Co., 1973). Судя по подзаголовку, серия должна была иметь продолжение, очевидно, посвященное Галине Кузнецовой. В аннотации Л. Бром говорит о самостоятельности творчества Зурова, который обогатил русскую литературную традицию XIX века уникальными тематическими и стилистическими элементами, и посвящает свою работу писателям-эмигрантам его поколения, «забытым героям русской литературы» («to the forgotten heroes of Russian belles lettres») (Ibid. P. v).

⁵² Г. Кузнецова пишет Л. Зурову 26 марта 1928 г.: «О Вас сейчас говорят много» (Переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928–1929) // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I. С. 258).

⁵³ Письмо от 30 апреля 1929 г. (Там же. С. 262).

⁵⁴ Письмо Фондаминского Вишняку от 10 июня 1929 г. (Ред., п. 221).

⁵⁵ Письмо Фондаминского Вишняку и Рудневу, после 11 февраля 1932 г. (Ред., п. 327).

ва»⁵⁶. И только отказ Бунина открывает Зурову дорогу в журнал (о чем он, разумеется, не догадывается).

Публикация в СЗ журнальной версии первого романа Л. Зурова «Древний путь» (СЗ. 1933. № 51–52) не разочаровывает редакторов, он по-прежнему числится в перспективных молодых авторах: «Газданов, Темирязов, Берберова, Фельзен, Зуров — все это подающая надежды молодежь»⁵⁷, однако по непонятным причинам⁵⁸ следующее предложение журнала опубликовать что-либо из своего творчества Зуров получил только через три года (п. 21) и дал в СЗ фрагмент из романа «Поле» под названием «Молодость» (СЗ. 1937. № 63). Фрагмент стал последней публикацией оригинального творчества Зурова в СЗ⁵⁹, при том что его сотрудничество с другими органами печати (прежде всего газетами ПН и «Сегодня») не прерывалось.

Едва ли можно назвать одну причину, почему СЗ так редко обращались к творчеству Зурова и вообще не публиковали его после 1937 г. Но в качестве одной из таких причин можно предположить резкое охлаждение его отношений с И.А. Буниным, авторством которого СЗ очень дорожили. Дополнительным свидетельством правоты такого предположения может служить отсутствие в СЗ после 1937 г. и произведений Г.Н. Кузнецовой, отношения с которой у Бунина также стали драматически напряженными.

Сам Л. Зуров, много занимавшийся в 1930-е гг., помимо литературной работы, археологическими и этнографическими исследованиями в Печорском крае в Эстонии (а также обработкой и публикацией материалов этих исследований), прокомментировал ситуацию с СЗ, по-видимому, только начав разбирать собственный архив, ту часть, которая относилась к переписке. Для себя он с горечью отметил невнимание к нему журнала, но не в его правилах было жаловаться кому-либо. Поэтому его уязвленную реакцию можно узнать только сейчас: в московской части архива Л.Ф. Зурова обнаружилась написанная от руки записка, приложенная к письму В.В. Руднева:

«Переписка с В.В. Рудневым —

Напечатали за все время только 2 отрывка — один отрывок из “Древнего пути” — причинив мне немалый ущерб как писателю и разбив мою *плоть* и без того ослабленную туберкулезом, а потом напечатан еще один отрывок из романа “Поле” — “Молодость”.

А переписка-то какая громадная, какая трата на марки, — и сколько в этих журналах за эти годы было напечатано ерунды —»⁶⁰.

Отдельную часть публикации переписки Зурова с редакторами СЗ составляет его обмен письмами с И.И. Фондаминским по поводу участия в издании альманаха «Круг». И здесь все складывается почти так же, как в СЗ: Зуров считается потенциальным автором, однако обращаются к нему далеко не в первую очередь, когда актив нового литературного объединения, с его собраниями и обсуждениями произведений, уже сложился. В ответах Зурова сквозит явная обида, которую он высказывает не только пригласившему его участвовать в издании первого альманаха Фондаминскому, но и — уже значительно позже — приятельствовавшему с ним В.С. Варшавскому⁶¹.

⁵⁶ Письмо Фондаминского Вишняку от 18 февраля 1932 г. (Ред., п. 329).

⁵⁷ Письмо Фондаминского Рудневу от 20 июня 1934 г. (Ред., п. 420).

⁵⁸ На этот раз речь не идет об отсутствии у работающего над романом Зурова возможности публикаций: он публикуется в ПН, в рижском еженедельнике «Для Вас», рижской газете «Сегодня», в таллинском сборнике «Новь», в таллинской же газете «День русского просвещения» и т.д.

⁵⁹ После этого в СЗ (1937. № 65) была опубликована только одна его рецензия на книгу латвийского фольклориста И.Д. Фридриха «Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда» (Рига, 1936).

⁶⁰ Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 18). Автограф представляет собой лист бумаги, на котором рукой Зурова, трудно читаемым почерком «для себя» (его письма написаны значительно более четко, подведены «итоги» его отношений с СЗ. По всей видимости, запись относится к моменту разбора архива, однако ни даты, ни места написания у записки нет.

⁶¹ В.С. Варшавский, находившийся в действующей армии и испытывавший острую нехватку дружеского общения, в недатированном письме (написанном не ранее 10 октября 1939 г.) пытается передать Зурову свои чувства к встречам единомышленников и товарищей по цеху: «По Твоим письмам я вижу, что Ты слегка раз-

В «незамеченном поколении» у Зурова была своя, особая судьба и свои особые писательские стратегии. Прав был Варшавский, назвавший его исключением и написавший, что «нельзя назвать “эмигрантским писателем” Леонида Зурова. Он всегда писал о России, о русских полях и озерах, о народе на войне и в революции. Древние стихи народной жизни он чувствовал даже глубже, чем кто-либо из старших писателей, разумеется, кроме Бунина»⁶². Характерно в этом плане и ободрение в письме Ивана Лукаша: «Спасибо, хороший Л[еонид] Николаевич [так!], За память и за книгу “Кадет”. Она — ясная и чистая. Она увлекает своей чистотой и бодрой крепостью. О Вас — говорят. Старики Вас расхваливают»⁶³. Стилистика Зурова, его неуклонное следование реалистическим традициям выделяли его из писателей-сверстников, занятых экзистенциальными поисками, интересующихся современной французской литературой. Не случайно и В.В. Руднев называет его самым близким по духу «Современным запискам» из молодого поколения (п. 26). Но у этих похвал есть и оборотная сторона: отсутствие нового писательского жеста, артистичности, нового отношения между автором и героем, старательное повторение пройденного. Новый материал — а его у Зурова было в избытке — не обнаруживал сдвига, преодоления автоматизации, постигшей реализм. Этим объясняется особый характер похвал, выпавших на долю поздней книги Зурова, — почти все они касаются прежде всего его языка, действительно сочного, богатого, точного.

И, наконец, видимо, не последнюю роль в писательской судьбе Зурова сыграли особенности его натуры: он был прямолинеен, нередко высказывал свои знания, словно уличая собеседника в невежестве, душевная болезнь также влияла на его поведение. В.Н. Бунина, воспринимавшая Зурова как своего питомца, защищавшая его в любых жизненных ситуациях, не могла не признаваться сама себе в дневниковых записях в его тяжелом характере: «Вот, действительно, права Наташа, что Леня легко людей восстанавливает вокруг себя против себя»⁶⁴.

Публикации Л.Ф. Зурова в СЗ

Древний путь: Часть вторая // СЗ. 1933. № 51. С. 142–177.

Древний путь: Часть третья // СЗ. 1933. № 52. С. 152–183.

Древний путь: Роман. Париж: Совр. записки, 1934.

Молодость: [Гл. из романа] // СЗ. 1937. № 63. С. 119–130.

[Рец. на кн.:] Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда / Собр. И.Д. Фридрих. Riga: Первый типограф. кооператив, 1936. Кн. 1 // СЗ. 1937. № 65. С. 440–441.

Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Зуров Л.Ф. Древний путь. Париж: Совр. записки, 1934 // СЗ. 1934. № 54. С. 460–461.

Варшавский В.С. [Рец. на кн.:] Зуров Л.Ф. Поле: Роман. Париж: [Парижское объединение писателей], 1938 // СЗ. 1938. № 66. С. 453–454.

дражен против собраний у Илюши [Фондаминского]. Я же, наоборот, скучаю без этих собраний. Никогда я еще не чувствовал с такой силой потребности в дружбе не только личной, но духовной, идейной, братской, не знаю, как сказать» (ДРЗ. Ф. 3. К. 1. Ед. хр. 38. Л. 7).

⁶² *Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 183.

⁶³ Письмо И. Лукаша Л. Зурову. Б.д. (РАЛ. MS. 1068/3585).

⁶⁴ Дневники В.Н. Буниной. Запись от 31 марта 1933 г. (РАЛ. MS. 1067/408). Ср. также: «У него нет в натуре округлости до глупости» (Запись от 28 июня 1932 г. РАЛ. MS. 1067/407); «Только бы он освободился от своего невозможного характера, от неумения владеть собой и своими чувствами. В нем действительно два разных человека, очень не похожих друг на друга» (Запись от 28 июля 1933 г. РАЛ. MS. 1067/408).

1. Зуров — Фондаминскому

Grasse. 29 декабря 1931 г.

Дорогой Илья Исидорович,
Иван Алексеевич [Бунин] прочел мне выдержку из Вашего письма¹, в котором Вы пишете относительно моего романа, то есть о невозможности печатать его целиком.

К глубокому моему сожалению, я не могу дробить романа, печатая одну из входящих в него частей. Этим нарушается дух и целостность единой по замыслу и содержанию вещи.

Я могу согласиться на выпуск глав при печатании романа в целом. Но печатание одной из частей я считаю принципиально невозможным.

Уважающий Вас

29 декабря 1931 года

Публикуется по машинописной копии (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 2). Место написания письма определено исходя из дневниковых записей В.Н. Буниной, согласно которым Зуров в декабре 1931 — январе 1932 г. находился в Грассе.

¹ Речь идет о письме И.И. Фондаминского И.А. Бунину от 26 декабря 1931 г., в котором тот пишет: «Роман Зурова прочел внимательно. Вот мое скромное мнение: роман талантлив, местами совсем хорош. Но боюсь, что редакция не согласится его печатать целиком, а, если согласится с моей оценкой, возьмет только отрывки (думаю — третью часть). Беда в том, что роман без сюжета и потому недостаточно «занимателен». А мы целиком поглощены поднятием тиража и потому гонимся за занимательностью. [...] Впрочем, может быть, я и ошибаюсь — редакция не испугается его бессюжетности. Я, разумеется, буду его отстаивать целиком. Но, насколько я понимаю редакционное положение, рассчитывать на большее, чем на отрывки — оснований мало» (наст. изд. Т. 2. С. 840–841). Факт получения И.А. Буниным письма Фондаминского, о котором пишет Л. Зуров, зафиксирован в дневнике В.Н. Буниной — запись от 30 декабря 1931 г. Она передает мнение Фондаминского о том, что «роман [речь идет о романе «Древний путь»] бессюжетный», возмущается редакторами «некомпетентными, жестокими к молодежи» и беспокоится о Зурове: «Леня отнесся к этому спокойнее всех, по крайней мере, по внешнему проявлению. Но, конечно, вероятно, ему плохо. Для него писание — это служение, жизнь его. Ради искусства он отказался очень от многого. Работал два года. Очень вырос. Вещь написана с большим талантом и значительностью» (РАЛ. MS. 1067/403).

2. Фондаминский — Зурову

Париж. 9 января 1932 г.

9.I.1932

Дорогой Леня,
только вчера редакция обсуждала Ваш роман¹ и приняла его на следующих условиях: 1. Мы берем *на две книжки — всего 75 печатных страниц*² (приблизительно

½ романа), предоставляя Вам или дать отдельную часть или, *что мы предпочитаем*, вести весь роман, выпуская все эпизодическое — по возможности, сохраняя крестьянский быт, как более интересный, чем помещичий³. 2. *Мы не связываем себя сроками печатания* — сами предполагаем печатать в 51 и 52 кн. (48 выходит на днях), т.е. осенью (в 49 и 50 печатаем Берберову⁴). На таких условиях мы печатаем Осоргина (ровно половину), Берберову. Вы не должны возражать против такого «варварства» — ведь книга выйдет целиком⁵.

Роман ваш всей редакции *очень* понравился — «проводить» его не пришлось, чему я очень рад. Приедем в субботу. Целуем всех.

Ваш И.

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 1). Почтовая открытка.

¹ Роман Л. Зурова «Древний путь» был опубликован в СЗ двумя частями (1933. № 51. С. 142–177; № 52. С. 152–183).

² Здесь и далее подчеркнуто И.И. Фондаминским.

³ См. также примеч. 2 к п. 4.

⁴ См.: *Берберова Н.Н.* Повелительница: [Роман] // СЗ. 1932. № 49. С. 84–123; № 50. С. 156–203.

⁵ Отдельным изданием роман «Древний путь» был издан в 1934 г. (издательством «Современные записки»).

3. Зуров — редакции «Современных записок» *Grasse. 28 ноября 1932 г.*

Поздравляю с днем юбилея свободный русский журнал!

Леонид Зуров

28-го ноября 1932 г.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/2).

4. Руднев — Зурову *Paris. 18 декабря 1932 г.*

18.XII

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Пишу Вам по *весьма срочному* делу.

Собирался завтра сдать отрывки Вашего романа «Древний путь»¹ в набор, но стал предварительно подсчитывать количество знаков и убедился, что рукопись, к сожалению, значительно больше, чем было предположено и чем фактически мы могли бы поместить в двух книгах журнала.

Вместо 70–75 условленных с Вами журнальных страниц, в рукописи, по *весьма скромному* подсчету, имеется не менее 92–95 печатных страниц. А так как в журнале и без того невозможная теснота, да еще мы вынуждены, за отсутствием

средств, сократить объем книжки, то приходится строго держаться намеченных ранее размеров принятых к печати вещей.

Как же быть, чтобы, по соглашению с Вами, отрывки Вашего романа в «С[о-временных] з[аписках]» привести к необходимому объему?

Я не знаю, имеется ли у Вас дубликат той рукописи, которая у меня на руках. Если да, то можно было бы обойтись без пересылки Вам рукописи отсюда, и я усердно просил бы Вас в таком случае безотлагательно сообщить мне, какие главы Вы намечаете к устраниению. Надо сократить приблизительно на 25 *Ваших* страниц. Не смею советовать, но мне казалось бы, что с наименьшим возможным ущербом для цельности впечатления это сокращение может быть достигнуто опущением полностью глав, относящихся к жизни господского дома, но зато сохранением всех тех глав, в которых действие происходит в деревне².

Но если у Вас дубликата рукописи нет?

Тогда одно из двух: 1) или Вы поручите нам самим опустить соответствующие главы – в случае Вашего согласия с вышеуказанным планом сокращений, 2) или, если по этим или иным сокращениям Вы предполагаете сами произвести эту работу, напишите с обратной почтой (а еще лучше – телеграфируйте мне 6 rue Daviel³) и я вышлю Вам рукопись, – разумеется, на самое короткое время, чтобы не задерживать типографию.

Простите за причинение огорчений и хлопоты, но к тому вынуждает жестокая необходимость.

Поклон всем бельведерцам⁴. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 1). Год установлен по дневниковой записи В.Н. Буниной от 29 декабря 1932 г.: «Главное событие, что Руднев написал Лене письмо, прося его еще сократить на 25 страниц “Древнего пути” для журнала» (РАЛ MS. 1067/407). Сохранился черновик (РАЛ MS. 1500/3).

¹ См. примеч. 1 к п. 2.

² См. также письмо Фондаминского Зурову от 9 января 1932 г. (п. 2) с теми же условиями публикации, что, учитывая разницу во времени между письмами редакторов СЗ, позволяет сделать вывод о каком-то зафиксированном решении относительно публикации «Древнего пути».

³ 6 rue Daviel (Paris, 13e) – адрес редакции СЗ.

⁴ Бельведерцами в парижских литературных кругах именовали живших в Грассе на вилле Бельведер (villa Belvédère) И.А. Бунина, В.Н. Бунину, Г.Н. Кузнецову и Л.Ф.Зурова.

5. Зуров — Рудневу *Grasse. 21 декабря 1932 г.*

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

В ответ на Ваше письмо от 18/XII спешу Вас уведомить, что я сделал по имеющемуся у меня черновику следующие сокращения.

Рукопись, данная мною в «С[овременные] з[аписки]», разделена на две части. Часть первая предназначена для книжки номер 51-й, а часть вторая – для 52-й.

Сейчас я говорю относительно *первой части*, прошу Вас *снять* с самого начала *две главы*, начиная с предложения: «Черный, запорошенный теплой сажой паровоз...»¹, включая конец — «...не сказав ни слова матери, побежал на двор, застегивая на ходу шинель, загремев по лестнице тяжелыми сапогами».

Затем прошу Вас выпустить *начало главы* (кажется, глава 9), относящейся к Сереже: «Он натянул за уши легкие, скользящие на икре голенища...», включая конец: «...Все веселы, скоро большая перемена, игра в снежки, а после четвертого урока всех распустят». Из этой же главы прошу Вас выпустить: «Он побродил по комнате и пошел в прихожую...», включая: «...По утрам в доме топили, ей было слишком тепло от печного дыма в своем бархатном от сажи гнезде»².

Из части, предназначенной для книги 52-й, я прошу Вас выпустить *три главы подряд* относительно Тимофея (кажется, главы восьмая, девятая и десятая). Начиная с фразы: «Начал падать снег, и, въехав в деревню, Тимофей остановил коня у ворот отцовского дома...», кончая словами: «...мать, плохо видя от слез, увязала в сених сапоги, шелковый пояс и голубую рубаху».

Я сделал все, что мог. Роман нарушен. Больше я не могу выкинуть ни одной главы без того, чтобы не получилось полной бессмыслицы.

Прошу Вас начинать печатание в книге номер 51 под заголовком: «Из второй части» и первую фразу открыть многоточием³.

Везде, где я сделал пропуски, прошу Вас также отметить многоточием.

Жму Вашу руку. Прошу Вас передать мой привет редакции.

21 декабря 1932 года.

Леонид Зуров

Дубликата рукописи у меня нет. Я выбрасывал главы по черновику. Очень Вас прошу хранить выключенные мною главы. Оставить одни деревенские сцены, как Вы мне советовали, я не могу, потому что все взято мною значительно шире, и то, что я писал относительно деревни, имеет отнюдь не бытовой характер, а историческую связь с жизнью города 1918 года.

Л.З.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Здесь и далее подчеркнуто предположительно рукой Руднева. Курсивом обозначены подчеркивания Л.Ф. Зурова.

² Два абзаца, начиная с «Сейчас я говорю» до «от сажи гнезде», отмечены слева на полях цифрой «I», предположительно рукой Руднева.

³ Три абзаца, начиная с «Из части, предназначенной» до «фразу открыть многоточием», отмечены слева на полях цифрой «II», предположительно рукой Руднева.

6. Руднев — Зурову

Feularde. 25 декабря 1932 г.

25.XII.1932

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Получил Ваше письмо, но, к сожалению, оно не вполне разрешило затруднения, задерживавшие сдачу «Древнего пути» в набор. Как ни неприятна дальнейшая задержка, вынужден вновь писать Вам.

(Пишу в деревне, не взыщите за отчаянное перо и мятый клочок бумаги.)

По-видимому, произошло какое-то недоразумение у нас с Вами. Я писал Вам, что рукопись Ваша превышает условленный с Вами размер приблизительно на 25 страниц Ваших, т.е. писанных на машинке. Между тем подсчет Вами в письме указанных сокращений дает всего лишь ок. 16 страниц. Усердно прошу поэтому принести дальнейшую жертву, сократив еще хотя бы 7–8 страниц, по Вашему выбору.

Отлично понимаю, что это не безразлично для связности романа, но, печатая его лишь в отрывках, все равно приходится и нам, и Вам мириться с некоторым ущербом.

Буду ждать ответа — если можно, только экспрессом.

Жму руку. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 3). Сохранился черновик (РАЛ MS. 1500/3).

7. Зуров — Рудневу *Grasse. 30 декабря 1932 г.*

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

В ответе на Ваше письмо от 25 дек[абря] сообщаю Вам: *прошу Вас снять (с первой части)* (см. мое предыдущее письмо) *три главы*: приезд Тимофея на площадь (включая сюда начало грабежа, приезд Василия к Львовой, загородную поездку Тимофея), кончая словами: «Дорога шла под гору. Тимофей вскочил на задок саней, поправил папаху, и сани так сильно и весело пошли вниз, что у него ветром распахнуло полы нового полушубка».

Из второй части: прошу снять две первых главы и начать со следующих слов: «Никогда еще не был так одинок озаренный с заката собор».

По моему подсчету это составляет *двенадцать* моих печатных страниц. Надеюсь, что теперь все обстоит благополучно.

30 декабря 1932 года.

Ваш Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

8. Зуров — Рудневу *Grasse. Январь 1933 г.*

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Высылаю Вам корректуру.

Правка оказалась очень малой.

Высылаю корректуру в тот же день.

P.S. Поздравляю Вас и Вашу супругу с праздником Рождества Христова и Новым годом. Вера Николаевна [Бунина] шлет Вам привет.

Ваш Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Датируется по содержанию. Основываясь на поздравлении, можно датировать письмо январем 1933 г.

9. Зуров — Рудневу *Grasse. 24 февраля 1933 г.*

Дорогой и глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Последнюю корректуру я получил и очень рад, что количество глав увеличилось.

Я хочу посоветоваться с Вами относительно издания своей книги¹. Количество набранных листов приблизительно равно половине моего романа. Будьте любезны, сообщите мне, сохраняет ли редакция набор моего романа, может ли добрать роман и выпустить книгу после выхода следующего номера журнала, и если может, то на каких условиях. По моей бедности, к моему глубокому сожалению, я не могу приехать в Париж и потому очень прошу Вас сообщить мне Ваше мнение и, если Вы будете так любезны, то и дать мне совет по этому поводу.

Я знаю, что издательство «С[овременные] з[аписки]» связано с Петрополисом². В давний свой приезд я беседовал относительно своей книги с Чертоком, причем он мне заявил, что после того, как моя вещь появится в «С[овременных] з[аписках]», он будет разговаривать с Ильей Исидоровичем [Фондаминским]. Но за это время прошел год, Илья Исидорович находится здесь и в Париж вернется нескоро. Позволяю себе обратиться к Вам и попросить Вашего совета.

Передайте мой привет Вере Ивановне [Рудневой] и Марку Вениаминовичу [Вишняку]. Жму Вашу руку.

Л. Зуров

24-го февраля 1933 г.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3).

¹ Роман Л. Зурова «Древний путь» был выпущен отдельной книгой в издательстве «Современные записки» в 1934 г.

² «Петрополис» — издательство, основанное в Петрограде в 1918 г., начало издавать книги с 1921 г. В 1922 г. в Берлине было открыто отделение издательства, а с 1924 г. туда была перенесена вся деятельность «Петрополиса», владельцами которого были Яков Ноевич Блох (1892—1968) и Абрам Саулович Каган (1889—1983); существовало в Берлине и в Брюсселе вплоть до 1938 г. См.: И.Ш. [Шофракова И.А.] «Петрополис» // Издательства и издательские организации. С. 204.

10. Руднев — Зурову *Paris. 27 февраля 1933 г.*

27. II. 1932

Дорогой Леонид Федорович!

Получил корректуру, спасибо. Увы, не могу на свой счет принять заслуги в том, что в гранках набраны лишние главы: это наборщик не разобрался в моих отмет-

ках в рукописи. Но б.м., — в зависимости от того, как сложится остальной материал в литературном отделе — удастся все же сохранить эти три главы, я по крайней мере надеюсь на это.

По поводу возможности отдельного издания романа: тут единственный маг и волшебник в этой области — наш милый Илья Исидорович [Фондаминский]. У него и соглашение с Петрополисом. Ни я, ни М.В. Вишняк в эти дела не путаемся. Вряд ли целесообразно, чтобы я заговорил об этом с Чертоком (но, конечно, я не отказываюсь это сделать, если решите, что надо). Пусть лучше И.И. [Фондаминский] напишет. Одно только жаль: так как Вы не предупредили в свое время, набор из 51-й книжки рассыпан. Этот набор, в 52-й, сохраняю.

Приветы и поклоны всем бельведерцам.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1068/3775).

11. Зуров — Рудневу *Grasse. До 20 марта 1933 г.*

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Будьте так любезны, пришлите мне, пожалуйста, один оттиск приготовленных для печати глав (такой же, как Вы присылали мне для корректуры), а также и оставшиеся ненапечатанными (снятые нами) главы из второй и третьей части моего романа¹. Все это мне нужно для приведения в порядок книги. Вы очень меня обяжете, если исполните мою просьбу².

Прошу Вас передать мой привет Вере Ивановне [Рудневой].

Жму Вашу руку. Уважающий Вас

Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/3). Датируется по содержанию (см. примеч. 2).

¹ Главы из третьей части романа Л.Ф. Зурова «Древний путь» были опубликованы в 52-й книге СЗ, вышедшей из печати в мае 1933 г.

² Ср. в письме Руднева к И.А. Бунину от 20 марта 1933 г.: «не откажите, кстати, передать Леониду Федоровичу, что письмо его я получил, еще не выполнил его просьбы из-за каникулы типографии, надеюсь завтра все сделать» (наст. изд. Т. 2. С. 852).

12. Фондаминский — Зурову *Paris. 6 июля 1933 г.*

6.VII.1933

Дорогой Леонид Федорович,
только сегодня договорился наконец с Petropolis'ом. Условия трудные, но исполнимые и думаю, что надо принимать. Напишу Вам о них из Данцига, куда

уезжаю завтра утром, или по возвращении оттуда — через 10 дней. Время терпит — книга выйдет в октябре. Через несколько дней вышлю Вам книгу Гуля¹ — Ваша книга будет такая же — только 2–3 строчки больше (значит, чуть-чуть «гуще»). И.А. [Бунину] 1000 фр. выслал — получил 3 т[ысячи]². Мы благополучны.

Всех крепко целуем.

Ваш И.

Публикуется по автографу (РАЛ MS. 1068/2449). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Zouroff, Villa Belvédère, Grasse, A[lpes-]M[aritimes]»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 1 r[ue] Chernoviz, Paris»; почт. шт.: «Paris, 6.VII.1933»; «Grasse, 8.VII.33».

¹ По-видимому, речь идет о книге Р.Б. Гуля «Тухачевский: Красный маршал», вышедшей в издательстве «Парабола» в 1932 г.

² Скорее всего, это гонорар за главы I–XIV из пятой книги романа «Жизнь Арсеньева», опубликованной в 52-й книге СЗ (май 1933 г.).

13. Фондаминский — Зурову *Paris. 22 июля 1933 г.*

22.VII.1933

Дорогой Леонид Федорович, вернулся из Данцига и спешу написать Вам о Вашей книге — там было некогда. Единственная возможность издать книгу — это в «Доме Книги» (Petropolis). Я беседовал с самим хозяином¹, кот[орый] приезжал из Берлина, и торговался жестоко. Вот результаты. Книга будет издана осенью (в октябре, если сейчас сдадите) в том виде, как книга Гуля (надеюсь, что А.О. [Фондаминская] Вам ее послала — если нет, сегодня вышлю) в 500 экз. Книга будет стоить в продаже 20 фр. Когда книга выйдет (в октябре), Вы должны внести наличными 1200 фр. Через 6 месяцев после выхода книги Вы получите по 3 фр. за каждый проданный экземпляр. За 200 экз. можно ручаться = 600 фр. Много вероятия, что разойдется 300 эк. = 900. Возможно, что и все 400 (50 авторских и редакт[орских]) = 1200. Следовательно, убыток от 600 фр. до 0. Издательство «Совр[еменные] зап[иски]». Условия суровые, но приемлемые — во всяком случае, лучших не найдешь. Весь вопрос, есть ли у Вас 1200 фр. в октябре. 500 Вам должны «С[овременные] з[аписки]» (480?). А фр. 500, думаю, Вы сумеете одолжить под мою гарантию в Союзе Писателей, в «Посл[едних] нов[остях]» или еще где-нибудь. Ведь всего на 6 мес[яцев].

Если Вы согласны, присылайте рукопись — чтобы книга вышла в октябре.

Целую Вас.

Ваш И.Ф.

Публикуется по автографу (РАЛ MS. 1068/2450).

¹ Очевидно, имеется в виду М.С. Каплан (см. примеч. 1 к п. 14).

14. Фондаминский — Зурову

Paris. 4 августа 1933 г.

4.VIII.1933

Дорогой Леонид Федорович, рукопись Вашу сдал. Печатается она в Берлине, выйдет в конце октября (начало сезона — раньше невыгодно). Вам пришлют контракт и корректуру (только нельзя *делать никаких исправлений*). Относительно займа будем хлопотать осенью — сейчас рано. Если что надо, *пишите мне* — мне перешлют. *В крайнем случае*, обращайтесь к Михаилу Семеновичу Каплану¹. «Дом книги» (Maison du Livre, 9, rue de l'Éperon, Paris).

Будьте здоровы. Целую Вас.

Ваш И.Ф.

Публикуется по автографу (РАЛ MS. 1068/2451).

¹ Каплан Михаил Семенович (1894—1979), издатель и кинготорговец; представитель берлинского издательства «Петрополис» в Париже; руководитель парижского Дома русской книги; владелец книжного магазина «Дом книги» (с 1932 г.); под маркой магазина издавал книги русских писателей (1938—1940 гг.).

15. Фондаминский — Зурову

Paris. 18 сентября 1933 г.

18.IX.1933

Дорогой Леонид Федорович, Амалии Осип. [Фондаминской] лучше. Темп[ература] по утрам нормальная, к вечеру доходит до 37,5—37,7. В легких остались небольшие хрипы. Но Ив. Ив. [Манухин]¹ не уверен, остатки ли это воспаления в легком или небольшое туберкулезное поражение, к[о]т[о]р[ое] уже было, по всей вероятности, все эти годы и давало частые плевриты. Ам[алия] Ос[иповна] еще очень слаба и самочувствие больной [так!]. На днях надеюсь, можно будет понемножку поднимать ее и сажать в кресло. Относительно платежа не беспокойтесь. Когда Ам[алия] Ос[иповна] поправится и я буду посвободней, я похлопочу где-нибудь о ссуде. А лучше всего советую Вам, как поправитесь, докончить рассказ и внести часть гонорара на покрытие — ведь ссуда потребует уплаты %. Лишних 100—150 фр. Во всяком случае не беспокойтесь за расчет с Petropolis'ом, так или иначе я его устрою. Скажите Гале [Кузнецовой], что ее платеж *1-го ноября*². От Ив. Ал. [Булнина] деньги получил, пишу мало, ибо вот уже 2½ недели состою сестрой мил[осердия]. Целую вас всех крепко.

Ваш И.Ф.

Публикуется по автографу (открытка). РАЛ MS. 1068/2452.

¹ Врачом А.О. Фондаминской был хорошо известный в эмигрантских литературных и политических кругах врач-иммунолог, радиобиолог, терапевт и общественный деятель Иван Иванович Манухин (1882—1958), который после эмиграции из Советской России в 1921 г. занимался в Париже частной практикой. Его пациентами были многие русские писатели и литераторы.

² Вероятно, речь идет о платежах за роман Г.Н. Кузнецовой «Пролог» (Париж: Совр. записки, 1933), вышедший из печати в апреле 1933 г.

16. Фондаминский — Зурову

Paris. 13 декабря 1933 г.

Среда¹

Дорогой Леонид Федорович,
почему Вы нас забыли? Зашли раз и даже не сообщили адреса². Пожалуйста, выберите час и зайдите — самое лучшее часов в 5. По вечерам А.О. [Фондаминская] рано ложится, а я обычно занят. В 5 ч. А.О. [Фондаминская] всегда дома, а я к этому времени (5½) возвращаюсь из библиотеки.

А.О. [Фондаминская] шлет Вам сердечный привет. Обнимаю Вас.

Ваш И.Ф.

Печатается по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 2). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur L. Zoureff, Hotel Vernet, Paris»; почт. шт.: «Paris, 16.12.33».

¹ Поскольку 16 декабря 1933 г. была суббота, то письмо, обозначенное средой, соответственно, написано 13 декабря 1933 г.

² В это время Л. Зуров живет в Париже (письмо И. Фондаминского адресовано в отель Верне — Vernet), тогда как остальные «бельведерцы» — И.А. Бунин, В.Н. Бунина и Г.Н. Кузнецова находятся в отъезде — в Стокгольме, где Бунину была вручена Нобелевская премия. В письме Зурову Г. Кузнецова передавала впечатление одной из приятельниц В.Н. Буниной о жизни Зурова в эти дни: «Мелитта Левина писала, что Вы очень веселы, работаете и на разрыв приглашаетесь» (Дрезден. б.д. [декабрь 1933 г. — Бунины и Кузнецова после поездки в Стокгольм на торжества по случаю получения Буниным Нобелевской премии в декабре гостили в семье Ф.А. Степуна]. ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 50. Л. 24).

17. Зуров — В.И. Рудневой

Grasse. 28 сентября 1934 г.

Поздравляю. Целую руку

Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/8). Приписка Зурова на почтовой открытке с видом «Ples de Lérens» В. Буниной к В. Рудневой; адрес получателя: «M[ada]me Roudnev, Bâtiment 51, Escalier B, rue Georges Sorel, Boulogne s[ur] Seine»; почт. шт.: «Grasse, 28.9.1934».

18. Зуров — Рудневу

Grasse. 4 марта 1935 г.

4-го марта 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович!

Разрешите обратиться к Вам за советом. На днях я получил письмо от доктора Г.П. Олейникова¹. В этом году он прочел несколько лекций в Швеции и Финлян-

дии. Председатель стокгольмского садового общества и директор опытного сада, заинтересовавшись плантацией Олейникова, просил его сделать доклад в Стокгольме. Финляндское общество садоводов просило его о том же. Олейников, как Вы, вероятно, знаете, имеет у себя в имении образцовый питомник и парники. Лекции сопровождались проекционными картинками. Лекции прошли с большим успехом, и директор абосского садового училища просил Олейникова прочесть доклад.

Г.П. Олейников пишет мне, что он желает прочитать свой доклад группе русских садовников во Франции. Если группа существует, то Олейников приедет осенью и прочитает садовникам короткий курс (две-три лекции) с демонстрациями. Преуспевающему садовнику он готов предоставить возможность применить новые методы (Олейникова) для получения больших урожаев **продуктов**.

Обращаюсь к Вам с просьбой: сообщите мне, существует ли группа русских садоводов во Франции? Можно ли осенью устроить лекцию? Может быть, русские фермеры заинтересуются докладом Олейникова². Очень прошу Вас ответить.

Жму Вашу руку, готовый к услугам

Ваш Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Олейников Георгий Павлович (1864–1937), в дореволюционной России приват-доцент Военно-медицинской академии; зять Э. Нобеля. Самое раннее из сохранившихся девяти писем Олейникова к Зурову (РАЛ. MS. 1068/3697–3705) датировано 29 марта 193[5] г., т.е. написано после обмена письмами Зурова и Руднева по этому поводу. В нем Олейников пишет: «Пожалуй, мы на Францию махнем рукой» (РАЛ. MS. 1068/3697).

² Судя по следующему письму, Руднев перенаправил Зурова с его просьбой в Земгор.

19. Зуров — Рудневу *Grasse. 21 марта 1935 г.*

Дорогой Вадим Викторович!

Большое спасибо за Ваше письмо. Ожидаю ответа от Столярова¹. Через шесть дней думаю быть в Париже. Из Парижа еду в Прибалтику². Очень прошу Вас приготовить для меня удостоверение от «Современных записок».

Надеюсь, что увижу Вас в Париже.

Мы очень расстроены последними известиями об Амалии Осиповне [Фондаминской]³.

Целую руку Вере Ивановне [Рудневой]. Вера Николаевна [Бунина] шлет Вам обоим горячий привет.

Уважающий Вас, готовый к услугам

Л. Зуров

21-го марта 1935 г.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4).

¹ Столяров Иван Яковлевич (1882–1953), в 1932–1936 гг. — технический советник Земгора по сельскохозяйственным вопросам. Сведения о лекции Г.П. Олейникова в Париже не обнаружены. Ответного письма от Столярова в архиве Зурова нет.

² 11 апреля 1935 г. Л. Зуров уезжает в Печорский край Эстонии, где осуществляет реставрационные работы в Псково-Печорском монастыре и проводит археологические исследования местности.

³ Состояние здоровья постоянно болевшей жены И.И. Фондаминского Амалии Осиповны Фондаминской стремительно ухудшалось, она умерла 6 июня 1935 г.

20. Руднев — Зурову

Paris. 6 апреля 1935 г.

6.IV.1935

Дорогой Леонид Федорович!

Посылаю Вам удостоверение, по-русски и по-французски.

Это не совсем тот текст, который я заказал машинистке (почему — только в Эстонию?¹), но теперь уже изменить ничего нельзя. Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 4). В архиве Зурова сохранилось данное удостоверение (на бланке журнала «Современные записки»), датированное 6 апреля 1935 г.:

«Редакция журнала “СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ” настоящим удостоверяет, что Леонид Федорович ЗУРОВ, сотрудник журнала, отправляется в Эстонию.

Редакция “СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСОК” просит все подлежащие власти и учреждения оказывать Леониду Федоровичу ЗУРОВУ возможное содействие.

В.В. Руднев. Редактор журнала [подпись]» (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 5).

¹ В своей поездке Л. Зуров намеревался посетить (и посетил) также Латвию, откуда он и уехал обратно во Францию.

21. Фондаминский — Зурову

Paris. 20 марта 1936 г.

20 III 1936

Дорогой Леня,

Вера Николаевна [Бунина] передала Вам просьбу Фельзена (от имени правлени[я] Круга) принять участие в альманахе «Круг»¹ и дать для него рассказ или *цельный* отрывок из романа². Очень прошу и убеждаю Вас принять это предложение. Вы знаете, в каком положении находится литературная молодежь — ей негде печататься. С громадным трудом удалось наладить выпуск альманаха. В случае удачи первого альманаха есть много шансов наладить регулярный выпуск альманахов. Но для этого необходимо, чтобы альманах был талантлив и интересен. Я вполне допускаю, что лично для Вас альманах не нужен, ибо Вы печтаетесь и в «П[оследних] н[овостях]» и в «С[овременных] з[аписках]». Но Вы сами понимаете, какое значение может иметь такой альманах для молодой литературы. Допускаю, что Вы недовольны поведением Круга по отношению к Вам. Но, во-первых: альманах — не орган Круга, печтает всех и обязан Кругу только технически и инициативой. А, во-вторых: поверьте мне, что Круг перед Вами неповинен. Ваше неучас-

тие в нем объясняется временными обстоятельствами и я не сомневаюсь, что Вы скоро станете его соучастником.

Ваш рассказ нужен возможно скорее — не позже чем через 2–3 недели.

Альманах должен выйти в конце мая.

Обнимаю Вас.

Ваш И.Ф.

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 3).

¹ «Круг: литературный альманах» был очередным детищем И.И. Фондаминского. Издателями — «Параболой» и Домом книги — в Париже в 1936–1938 гг. было выпущено три выпуска «Круга». В замысел Фондаминского входило объединение старшего и младшего поколений литераторов-эмигрантов.

² В это время Л. Зуров работает над романом «Поле», который вышел отдельной книгой в 1938 г. как издание Объединения парижских писателей.

22. Зуров — Фондаминскому

Б.м. После 20 марта 1936 г.

Посылаю для Вас перед редактурой «Круга» рассказ. Вы пишете, что я недоволен поведением Круга ~~относительно поведения Круга по отношению ко мне~~ — Единственно ~~что я знаю~~, это отношение ко мне моих коллег молодых писателей ~~по-ведь Круг~~ Но ведь не они организовывали Круг, а Вы, ваша инициативная группа. Ваше же отношение ко мне, откровенно скажу — для меня непонятно. ~~это а почему Вы упорно не хотели говорить со мной вообще~~ и выяснять, почему Вы не обратились ко мне и не говорили со мной ~~откровенно~~ я и считаю для себя неудобным. Это же было поначалу ~~Ваше личное~~ дело, люди собирались у Вас и ~~Ваша воля~~ Вы имели полное право привлекать того, а не другого, не входя в объяснение. ~~причин относительно временных обстоятельств~~ — откровенно скажу

Жму Вашу руку

Л.Зуров

Публикуется по черновому автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 15). Датируется по содержанию п. 21.

23. Фондаминский — Зурову

Paris. 7 апреля 1936 г.

7 IV 1936

Дорогой Леня,

Боюсь, что у нас произошло недоразумение: «Круг» просил у Вас *рассказ* или *цельный* отрывок из романа в $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ листа, а Вы прислали одну страничку. Таких отрывков печатать не предполагается, да это и не имеет смысла. Поэтому, если можете, пришлите *поскорей* $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ листа — 20–25 надо уже заключать альманах, а 1-го сдавать в печать. Если Вы не пришлете, то сообщите, пожалуйста, по-

скорее — на Вас твердо рассчитывали, и надо будет искать другого автора, что будет очень печально. Что касается «Круга», то у Вас неверное представление: наша группа указала только «Новоградцев» (Фед[отов], Сав[ельев], Бердяев, М[ать] Мария, Мочульский, Вейдле)¹ — остальных намечала целая коллегия. Я никакого права выбора не имел и вообще выбор делался по «идейному» признаку, а не по личным симпатиям. Правда, несколько человек прошли по «личным» мотивам, но в этом не моя вина.

Ваш И.Ф.

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 4). Почтовая открытка.

¹ «Новый град» — журнал русской христианской интеллигенции. Выходил в Париже в 1931–1939 гг. Было издано 14 номеров под редакцией И.И. Фондаминского и Г.П. Федотова (первые пять номеров соредактором был также Ф.А. Степун).

24. Зуров — Фондаминскому

Grasse. 9 апреля 1936 г.

В редакцию журнала «Круг»

Дорогой Илья Исидорович!

К глубокому сожалению, большого отрывка из романа я дать не могу, так как в настоящее время пишу, а написанное еще не отделано, не готово для печати.

Конечно, произошло недоразумение. В первом письме Вы просили «рассказ или цельный отрывок из романа», не упоминая, что для Вас большую роль играет количество печатных страниц.

Правда, я Вам послал очень маленький отрывок, но вполне законченный. Я мог бы добавить к нему еще три — три с половиной страницы, но, очевидно, это Вас не устраивает.

9-го апреля 1936 г.

Публикуется по машинописной копии (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 16).

25. Фондаминский — Зурову

Paris. 15 апреля 1936 г.

15 IV 1936

Дорогой Леня,

вчера собиралась редакция «Круга» и поручила мне просить Вас прислать как можно скорей еще несколько страниц Вашего романа. Чем больше Вы пришлете, тем лучше¹. Присланный отрывок всем понравился. Поздравляем Вас со Светлым праздником.

Целую Вас.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 5). Почтовая открытка.

¹ В первом выпуске альманаха «Круг» был опубликован фрагмент из романа Л. Зурова «Поле» под названием «Новый ветер» (Круг. 1936. № 1. С. 70–79). «Новый ветер» был высоко оценен Г.В. Адамовичем и А.Л. Бемом. Последний в частности писал: «И из всей прозы только отрывок Л. Зурова “Новый ветер”, написанный с уверенностью и простотой, стоит на высоком художественном уровне. А главное, от него, хотя говорится в нем только о прошлом, тянутся нити к жизни, только в нем чувствуется связь с современностью» (Бем А. Вне жизни. Об альманахе «Круг». Петрополис, 1936 // Меч. 1936. 20 сент. № 38).

26. Руднев — Зурову *Paris. 19 июля 1936 г.*

19.VII.1936

Дорогой Леонид Федорович!

Несмотря на то, что положение «С[овременных] з[аписок]» сейчас более чем когда-либо шатко и неопределенно (почему — я писал Борису Константиновичу [Зайцеву]¹ на днях), — все же хочется верить, что так или иначе журнал будет продолжать выходить. И потому, обдумывая планы на будущее, хочу спросить Вас о Ваших собственных литературных планах: могут ли наши с Вами интересы совпасть?

Вы уже давно не печатались в «Совр[еменных] зап[исках]», а между тем несомненно среди молодых — Вы по духу наиболее близки «Совр[еменным] зап[искам]». Вы печатаете отрывки в «Посл[едних] нов[остях]», — насколько понимаю, это по соображениям материальным для Вас необходимо². Но, быть может, Вы могли бы, продолжая печатать небольшие кусочки в газете, резервировать для «Совр[еменных] зап[исок]» дальнейший большой и сплошной отрывок или целую часть романа, который Вы пишете³? *NB!* важно, чтобы отрывок был *целый*, без уже печатавшейся в газете части⁴.

Разумеется, было бы еще лучше, если бы у Вас оказался для «Совр[еменных] зап[исок]» подходящий законченный рассказ или повесть, — но, думаю, — Вы сейчас целиком ушли в большой роман, и потому с Вами можно говорить лишь о более или менее законченной части романа. Мне бы очень хотелось получить такой целый и сплошной отрывок для одной из двух ближайших книжек «С[овременных] з[аписок]». Откликнитесь, пожалуйста, и надеюсь на положительный Ваш ответ.

Жму руку и кланяюсь всем бельведерцам.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 6).

¹ Сохранилось письмо Б.К. Зайцева В.В. Рудневу от начала сентября 1936 г., свидетельствующее о его вовлеченности в планы переноса печатания журнала: «Дорогой Вадим Викторович, вчера вернулся с юга. Хотелось бы знать, как дела с “С[овременными] з[аписками]”, т.е. намечено ли печатание в Эстонии, когда выходит книжка и каковы сроки для сдачи рукописи» (см. переписку Б.К. Зайцева в наст. изд., п. 44). Впервые вопрос о сокра-

щении расходов на печатание СЗ поставлен в письме Фондаминского Рудневу от 20 июня 1934 г. Затем, уже с упоминанием Тарту, он фигурирует в письме Руднева Вишнякам (дат. летом 1936 г.). Развитие этой темы см. в п. 28–32.

² За 1934–1936 гг. в ПН Зуров опубликовал, в частности, следующие рассказы и очерки: «Встреча» (1934. 17 марта. № 4741. С. 5), «Последний поход» (1934. 20 мая. № 4805. С. 5), «Осень» (1934. 5 авг. № 4882. С. 4), «Павловский парк» (1934. 18 нояб. № 4987. С. 5), «История» (1935. 7 янв. № 5037. С. 4), «Ветер» (1935. 7 апр. № 5127. С. 4), «О древностях Изборского и Печерского края» (1935. 27 дек. № 5391. С. 3), «Бой» (1936. 31 мая. № 5547. С. 4), «Изборская земля» (1936. 5 июля. № 5581. С. 4), «Ударник» (1936. 19 июля. № 5595. С. 4), «Дыхание России» (1936. 3 авг. № 5619. С. 4), «Вифляндская пещера» (1936. 23 авг. № 5630. С. 3).

³ Речь идет о романе «Поле», над которым в это время работает Зуров.

⁴ Последняя фраза добавлена на полях письма.

27. Зуров — Рудневу

Grasse. 23 июля 1936 г.

Дорогой Вадим Викторович!

Получил Ваше милое письмо от 19.VII. Большое спасибо. Хочу верить, что журнал будет выходить.

Книжку читают¹. Очередь. Много пишу. Закончил первую часть, кончаю вторую.

Из первой части могу дать большой отрывок — бегство Назимовых. (В «П[оследних] н[овостях]» была напечатана глава — «Бой»². Я ее сейчас сильно сократил. Ее можно будет выпустить.) Рукопись я должен почистить и перепечатать на пиш[ущей] ма[шин]ке. Когда (к какому сроку) ее нужно выслать Вам?

Все шлют Вам сердечный привет. Целую руку Вашей супруге. Жму Вашу руку.

Л. Зуров

23-го июля 1936 г. Villa Belvédère

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5) (см. илл. 42). На обороте запись рукой Руднева: «Скорее к 63-й, январск[ой]. Но если б оказалось м[ожно] его в 62[-й] — был бы рад. Поэтому рук[опись] желат[ельно] к 1-му сент[ября]».

¹ Имеется в виду роман Л. Зурова «Древний путь» (Париж: Совр. записки, 1934).

² Глава «Бой» из романа «Поле» была опубликована в ПН (1936. 13 мая. № 5547. С. 4).

28. Руднев — Зурову

Paris. 30 июля 1936 г.

30.VII.1934

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за скорый и положительный ответ. «Если будем живы» («С[овременные] з[аписки]»), то отрывок Вашего романа я планирую скорее для № 63-го, январского. Но может случиться, что и в ближайшем, октябрьском номере вдруг ока-

жется свободное место, которое я с удовольствием отдал бы Вашей вещи. Для этого весьма желательно иметь Ваш отрывок (из первой или из второй части — по Вашему выбору, в уверенности, что для «С[овременных] з[аписок]» Вы сами выберете *лучшее*, не правда ли?) — к началу сентября. Можно на это рассчитывать?

Хотелось бы мне знать, каково «общественное мнение» на villa Belvédère относительно вышедшей книжки «С[овременных] з[аписок]». Если будет случай писать, черкните о впечатлении всех и каждого в отдельности. Дружеский хотя бы и суровый, но откровенный отзыв гораздо важнее «официальных» рецензий в газетах.

Спасибо за совет. — Вы правильно напомнили о П.М. Иртеле¹, я ему сейчас же написал. Не сомневаюсь, что он охотно наведет все нужные справки в типографии.

Скажите от меня спасибо Ивану Алексеевичу [Бунину] за ласковое письмо. Очень хотел бы получить от него одну из глав его работы о Толстом².

Жму руку и кланяюсь всем.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 7).

¹ В.В. Руднев с 1933 г. переписывался с главой Ревельского цеха поэтов Павлом Михайловичем Иртелем фон Бренндорфом (1896–1979). Поскольку Иртель был также редактором сборников «Новь» (Таллин, 1933–1935), Руднев обратился к нему с просьбой узнать расценки на печатание журнала в Таллине.

² Имеется в виду книга И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (Paris: YMCA-Press, 1937). См.: *Бунин И.А.* Из книги «Освобождение Толстого» // СЗ. 1937. № 63. С. 246–263.

29. Руднев — Зурову

Paris. 17 августа 1936 г.

17.VIII.1936

Дорогой Леонид Федорович!

По поводу переноса издания «С[овременных] з[аписок]» в Эстонию — кажется, мне пришлось бы самому съездить, чтобы окончательно договориться. Пугает стоимость поездки мне неизвестная. Будьте другом, черкните старичку, сколько стоит ж[елезная] д[орога] и визы по самому дешевому расчету. — Иртель еще не ответил. Имею справку от Матиссена из Дерпта¹.

Кланяюсь сердечно Вере Николаевне и Ив[ану] Алексеевичу [Буниным]. Очень уповаю на обещанный им «рассказишко»². Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 8). Почтовая открытка.

¹ Матиссен — типография в Тарту (Дерпте), печатавшая книги на русском языке. Справка касается расценок — как и в случае П.М. Иртеля, В.В. Руднев ищет возможностей удешевить печатание СЗ. Печатание СЗ в Таллин перенесено не было.

² Последний раз художественные произведения Бунина (главы из романа «Жизнь Арсеньева») публиковались в СЗ в 53-й книге (октябрь 1933 г.).

30. Руднев — Зурову

Feularde. 12 сентября 1936 г.

Feularde. 12 IX 1936

Дорогой Леонид Федорович!

Простите меня, что я с таким опозданием откликаюсь на присланную Вами рукопись: не в оправдание свое, а лишь в объяснение скажу, что до сих пор еще не переселился обратно в Париж, и в редакционные дела не вошел.

Спасибо за присланный отрывок! Мне он понравился, немного — по первому впечатлению, показался неотчетлив переход (в самом начале) от настоящего к прошлому в судьбе героини. Но, м.б., я и не прав. Пойдет ли отрывок в ближайшей книге или нет, — выяснится лишь на деле. Но за следующую книгу (январь) — февраль) я уже ручаюсь¹.

Не знаю до сих пор, где это печатать. Иртель, Бог с ним, оказался... не знаю, как назвать. Полтора месяца как обещал «написать сейчас же» об условиях типографии, от него пришли образцы шрифтов и письмо, где говорилось, что «об условиях Вам напишет П.М. Иртель» — от Матиссена имею все нужные справки, — но Вы меня напугали насчет него. Как возвращусь в Париж, разыщу Бор. Конст. [Зайцева], узнаю, в чем дефекты Матиссена.

Кланяюсь сердечно Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне [Буниным]. Когда Вы сами в Париж? Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 10).

¹ См.: *Зуров Л.Ф. Молодость*: [Гл. из романа] // СЗ. 1937. № 63. С. 119–130.

31. Зуров — Рудневу

Grasse. 17 сентября 1936 г.

17-го сентября 1936 г.

Дорогой Вадим Викторович!

Очень меня огорчило, что П.М. Иртель так долго не отвечает на Ваше письмо, не шлет Вам необходимых сведений. Боюсь, что с ним что-либо случилось. Обычно он человек очень аккуратный и исполнительный. Не заболел ли он? Меня беспокоило его тяжелое душевное состояние¹. Советую Вам написать в типографию с просьбой выслать смету.

Относительно главы, которую я Вам послал, скажу следующее: сделал я ее для журнала, для этого номера. Если почему-либо она в этом номере не пойдет, то, пожалуйста, известите меня об этом. Деньги мне очень нужны, и я напечатаю ее в газете, куда я давно ничего не посылал, так как усиленно работал над романом. Для февральского номера, я думаю, найдется другой отрывок².

В Париже я буду после 25 сентября. Хочу увидеться и побеседовать с Вами. Протелефонирую Вам по приезде. Жму Вашу руку. Бунины шлют Вам привет.

Преданный Вам

Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Л. Зуров познакомился с П. Иртелем во время своей поездки в Эстонию. Тяжелое душевное состояние Иртеля было связано с расколом в Ревельском цехе поэтов (см.: *Белобровцева И.* К истории раскола Ревельского цеха поэтов и конца сборника «Новь» // Балтийский архив. Таллин, 2006. [Вып.] 11. С. 165–190).

² См. примеч. 1 к п. 30.

32. Руднев — Зурову
Paris. 19 сентября 1936 г.

19.IX.1936

Дорогой Леонид Федорович!

Получил Ваше письмо, — и спешу ответить. Выясняется окончательно, что Ваш отрывок в этой книге, 62-й, не сможет пойти. Готов Вам его вернуть, но с условием, что Вы к февральской книжке непременно дадите другой, — в плане ее Вы необходимы¹.

Думаю, что теперь уже не стоит Вам пересылать рукопись, раз Вы здесь будете на днях?

От Иртеля наконец получил письмо и справки. Он ссылается на экстренные дела по службе. Ближайшую книжку уже не успеть перенести в Эстонию — рискуе ее печатать здесь, в надежде проскочить с ней до введения 40-часовой недели, которая автоматически повысит типографские расходы еще на 20%².

Когда приедете, — хочу с Вами проверить свои расчеты эстонские.

Жму руку. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 9).

¹ См. примеч. 1 к п. 30.

² Сорокачасовая неделя была впервые введена во Франции с 1 февраля 1937 г. правительством Народного фронта.

33. Руднев — Зурову
Paris. 28 ноября 1936 г.

28.XI.1936

Дорогой Леонид Федорович!

Простите меня великодушно. Вы были очень милы, прислали билеты на Ваш вечер¹, и я непременно хотел быть с В.И. [Рудневой]. Но в напряженной работе по выпуску 62-й книги «С[овременных] з[аписок]», пришедшейся как раз на эти дни, *прозева*² день, когда Ваш вечер был назначен, — мне казалось, что он позже.

Наказан сам, — приходилось слышать, что вечер был удачный.

Жду: возвращения рукописи. Через неделю — десять дней приступаю к набору 63-й книжки, хотел бы сдать рукопись в набор.

Жму руку. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 11).

¹ Речь идет о закрытом вечере Л. Зурова у Татьяны Сергеевны Конюс (дочери С.В. Рахманинова), с которой Зуров дружил и которой посвятил главу в мемуарном очерке «Воспоминания» (НЖ. 1962. № 69. С. 51–61). Когда и где именно состоялся вечер, точно установить не удалось.

² Подчеркнуто Л.Ф. Зуровым.

34. Зуров — Рудневу

Paris. 20 января 1937 г.

Дорогой Вадим Викторович!

Посылаю Вам корректуру.

Я переехал на новую квартиру. Мой адрес: 43, rue François Gérard¹.

Жму Вашу руку. Уважающий Вас

Л. Зуров

20/1 1937 г.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5).

¹ См. запись в дневнике В.Н. Буниной от 11 января 1937 г.: «Сегодня утром Леня ушел от нас и поселился в общежитии 43 rue François Gérard» (РАЛ. MS. 1067/412).

35. Руднев — Зурову

Paris. 23 января 1937 г.

23.I.

Дорогой Леонид Федорович!

Получил корректуру, спасибо. Только вот на что должен обратить внимание: Вы сделали в ней несколько исправлений *авторских*, которые повлекут за собой необходимость переборки каждая на несколько строк. Это доплаты, разумеется, за счет автора. Знали ли Вы это?

Т.е. считаете ли Вы их настолько существенными, чтобы понести связанные с этим расходы, — или предпочтете отказаться от них¹.

Правда, расход небольшой, в несколько франков.

Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 12). Год установлен по почт. штг. Почтовая открытка.

¹ Все свои исправления в корректуре Л. Зуров сохранил (см. п. 36).

36. Руднев — Зурову
Paris. 27 января 1937 г.

27.I.

Дорогой Леонид Федорович!

Хочу предупредить Вас, что если бы Вы хотели, для Вашего душевного спокойствия, взглянуть на вторую корректуру Вашего рассказа, — Вы должны прийти в типографию не позже завтра, *четверга*, лучше до завтрака (46, b[oulevard] St. Jacques, Imprimerie Union, метро St. Jacques). Впрочем, — все в порядке, уверен. Ваши изменения я *все* оставил.

Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 13). Год установлен по содержанию п. 35.

37. Руднев — Зурову
Paris. 24 мая 1937 г.

24.V.1937

Дорогой Леонид Федорович!

М.б., зашли бы в редакцию «С[овременных] з[аписок]»?

Здесь Вас ожидают:

31 ф[ранк] остатка гонорара

2) Письмо к Вам из Латвии от г-жи Шпис¹.

Если б меня не застали, то спросите Нат[алью] Александровну Недошивину².

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 14). Почтовая открытка. На лицевой стороне рукой Л. Зурова: «66, av[enue] de Breteil (Лекурб) 7 эт[аж]. От лифта направо».

¹ Шпис Мария, одна из латвийских корреспонденток Зурова.

² О Н.А. Недошивиной см.: Ред., примеч. 15 к п. 109.

38. Фондаминский — Зурову
Paris. 7 августа 1937 г.

7 VIII 1937

Милый Леня,

напоминаю Вам, что к началу сентября Вы должны прислать статью о молодежи¹. Т.к. номер составлен в расчете на статью, то отказа быть не может. *Ответьте поскорее* и укажите, когда статья будет выслана.

Попросите стихи у поэта, о к[о]т[о]р[ом] мы говорили — фамилии не помню². Обязательно. Шлю привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 6). Почтовая открытка.

¹ Больше Л. Зуров в «Круге» не публиковался.

² Так как в это время (с середины июня до конца сентября 1937 г.) Л. Зуров находился в Эстонии, в Печорах, где занимался этнографическими и археологическими исследованиями, то, скорее всего, речь идет о каком-то русском поэте, живущем в Эстонии, однако более точно установить, о ком именно, не удалось.

39. Руднев — Зурову

Paris. 30 июня 1938 г.

30.VI.1938

Дорогой Леонид Федорович!

Получил наконец Вашу книгу «Поле»¹, и благодарю Вас за внимание, — боюсь, немного мною вынужденное.

Когда собираетесь уезжать²? Хотелось бы до отъезда Вашего повидаться, чтобы поговорить о литературных возможностях у Вас, — дать что-нибудь в одну из ближайших книжек «Совр[еменных] зап[исок]»³.

Откликнитесь! Жму руку.

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 15).

¹ Роман «Поле» был выпущен отдельной книгой в 1938 г. (Париж: Изд. Парижского Объединения Писателей).

² Речь идет о последней поездке Л. Зурова в Эстонию — с середины июня до конца сентября 1938 г.

³ Произведения Л. Зурова в СЗ больше не публиковались.

40. Руднев — Зурову

Paris. 29 ноября 1938 г.

29.XI.

Дорогой Леонид Федорович!

Я проверил свои записи, — оказывается, Вы правы: за последнюю Вашу работу в «С[овременных] з[аписках]» (рецензия в № 65)¹ Вы денег не получали. Посылаю их — 20 фр.!

Посылаю роман А. Формаква². Как роман, по-моему, никудышный, как туристический очерк готансэ — кое-что любопытно. На рецензию больше ½ страницы жаль. Если хотите — напишите такую коротенькую заметку. Обе названные Вами книги — неинтересны. Мемуары еврея, кроме первой главы, — жалкая графомания. Советскую книгу не видел, но *случайно* вырванная книжка этого рода заслуживала бы заметки, только если она очень замечательная. Но замечательная ли она?

Жму руку.

Ваш В. Руднев

М.б., еще что-нибудь выйдет за эти месяцы — пришлю.

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 104. Л. 16). Год установлен по почт. шт. На обороте — купон перевода на 20 франков, со штемпелем «30.11.38».

¹ Рецензия Л. Зурова на книгу И.Д. Фридриха «Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда» (Рига, 1936) была опубликована в 65-й книге СЗ (С. 440—441).

² Имеется в виду роман двинского писателя Арсения Ивановича Формакова (1900—1983) «Фаина». А. Формаков был школьным учителем в Двинске (ныне Даугавпилс), председателем культурной комиссии старообрядческих соборов. Автор нескольких сборников стихов — «Вечера прошлого» (Рига: Пресса, 1925), «В пути» (Двинск, 1926) и др.); двух романов — «Наша юность» (Рига: Мир, 1931) и «Фаина» (Рига: Логос, 1938). Дважды (1941 и 1949) был арестован и выслан в Сибирь. Реабилитирован в 1955 г. Зуров, очевидно, не согласился на такой объем рецензии, и она (но не им написанная) вышла в 69-й книге; см.: В.С.М. [Яновский В.С.] [Рец. на кн.:] Формаков А.И. Фаина. Рига: Логос, 1938 // СЗ. 1939. № 69. С. 391.

41. Фондаминский — Зурову *Paris. 5 сентября 1939 г.*

5 IX 1939

Дорогой Ляня,

боюсь, что все разъедутся, кто на фронт, кто куда, и книги из моей библиотеки пропадут. Потому усиленно их собираю, пока не поздно. Убедительно Вас прошу вернуть мне все книги, к[о]т[о]р[ые] у Вас. Если Вам трудно доставить их мне, сообщите, где они находятся, и я сам за ними приеду. Но самое простое, если бы Вы погрузили их на taxi и привезли мне — я за taxi заплачу.

Буду рад увидеть Вас — думаю, что и Вас поставят на к[акой-]н[ибудь] пост¹. Я остаюсь в Париже и мне можно звонить (Aut[eil] 19—42).

Шлю сердечный привет и очень прошу исполнить мою просьбу.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (ДРЗ. Ф. 3. К. 2. Ед. хр. 116. Л. 7). Почтовая открытка.

¹ Л. Зуров считал, что его мобилизуют во французскую армию (см. цитату из его письма в дневнике В.Н. Буниной, в записи от 6 октября 1939 г., где он сообщает, что 4 октября, в день военной регистрации, зарегистрировался и «поступил в распоряжение французских военных властей» (Устами Буниных. Т. 3. С. 35). Однако в начале апреля у него обнаружили туберкулез, и вопрос о мобилизации отпал — его отправили в санаторий в Oussoulse près Poulhaguet, откуда он вернулся только 16 октября 1940 г.

42. Зуров — В.И. Рудневой *Grasse. 29 ноября 1940 г.*

Дорогая Вера Ивановна!

Очень огорчен известием о смерти Вадима Викторовича¹.

Дай Вам Господь сил нести большое горе.
Желаю Вам здоровья и бодрости духовной.
Целую Вашу руку

Л. Зуров

29-го ноября 1940 г. Grasse.

Публикуется по автографу (UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4).

¹ В.В. Руднев умер 20 ноября 1940 г. (о дате кончины см.: Ред., примеч. 6 к п. 577).

*«С литературой общаюсь только
по вечерам, да по воскресеньям»:
М.Д. Иванников*

Публикация, вступительная статья и примечания
А.А. Данилевского

Михаил Дмитриевич Иванников (19.09.1904, Георгиевск, Сев. Кавказ — 07.09.1968, Белград, СФР Югославия) — русский писатель-эмигрант (с 1920 г.)¹. В первые годы изгнания проживал в Батуме, Константинополе, в Моравска Тшебова, Закарпатье (Ладомирово), в Брно. В 1924—1925 гг. учился на Русском юридическом факультете в Праге. В 1926—1930 гг. жил в Париже, в 1926—1928 гг. учился в Православном богословском институте при Сергиевском подворье. В мае 1930 г. переехал к родителям и сестре в Белград и до конца жизни проживал там. Поначалу учился на богословском факультете местного университета, однако высшего образования так и не получил. Стал членом союза «младороссов», работал фельетонистом в белградской эмигрантской газете «Русское дело» (1936—1938), параллельно ему приходилось подрабатывать кинемехаником, затем стал кинооператором, уже после войны — оператором на белградском телевидении. В 1937 г. Иванников женился на белградской поэтессе-эмигрантке Лидии Алексеевне Алексеевой (урожд. Девель), развелся в 1949 г. в связи с ее отъездом в США. Вторым браком был женат на вдове погибшего в боях с гитлеровцами эмигрантского поэта А. Дуракова, Любови Михайловне (урожд. Левшук; 1916—1999). Сын Иванникова Александр проживает в Белграде и преподает в одном из университетов.

В 1924 г. Иванников был принят в пражскую литературную группу «Скит поэтов», направляемую известным исследователем русской литературы и блестящим интерпретатором творчества Достоевского А.Л. Бемом²; вошел также в литературный кружок «Далиборка». В том же году впервые выступил как писатель, опубликовав на страницах пражского эмигрантского журнала «Своими путями» рассказ «В степи»³. Двумя

¹ Биографические сведения об Иванникове см.: *Вольнский М. [Рафальский С.М.] Последний долг* // РМ. 1968. 10 окт. № 2707. С. 8—9 (см. переизд.: *Вольнский М. [Рафальский С.М.] Последний долг* / Публ. А. Данилевского // НЖ. 2010. № 259. С. 68—72); *Тяубер Е. Годы дружбы с М.Д. Иванниковым* // НЖ. 1969. № 96. С. 93—96 (см. переизд.: *Тяубер Е. Годы дружбы с М.Д. Иванниковым* / Публ. А. Данилевского // НЖ. 2010. № 259. С. 73—75); *Рафальский С. Записки читателя* // НРС. 1970. 4 янв. № 21754. С. 5; *Тяубер Е. О довоенных рассказах Михаила Иванникова (Оконч.)* // РМ. 1970. 19 марта. № 2782. С. 8; *Алексеева Л. [Иванникова Л.А.] Из восп. о Белграде* // Рус. альманах / Под ред. З. Шаховской, Р. Герра, Е. Терновского. Париж, 1981. С. 367; *Казак В. Энцикл. словарь рус. лит-ры с 1917 года* / Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихина. London, 1988. С. 311—312; *Бурих О. Руска литерарна Србија 1920—1941* (Писци, кружоци и издања). [Београд, 1990]. С. 7, 47, 57, 91, 104, 108, 123—127, 147, 151, 158, 256, 266, 269, 270, 285; *Kasač W. Lexikon der russischen Literatur des 20. Jahrhunderts: Vom Beginn des Jahrhunderts bis zum Ende der Sowjetära*. 2. Aufl. München, 1992. S. 456—457; Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публ. Л.В. Зубовой; Примеч. Е.И. Лубянской, Л.В. Зубовой, Е.Б. Коркиной, Г.В. Ванечковой. Аво/Turku, 1994. С. 42, 160; *Казак В. Лексикон рус. лит-ры XX века*. М., 1996. С. 159—160; *Краткий биографический словарь*. С. 313; *Вокруг «Скита»* / Публ. О.М. Малевича // Ежегодник РО ПД на 1994 год. СПб., 1998. С. 180, 218, 219, 233, 239; *Белошевская Л. Молодая эмигрантская литература Праги (Объединение «Скит»: творческое лицо)* // Духовные течения русс. и укр. эмиграции в Чехословацкой республике (1919—1939). Прага, 1999. С. 179; *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П. Михаил Дмитриевич Иванников // «Скит». Прага 1922—1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; сост., биогр. Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М., 2006. С. 247—249*; *Данилевский А. Трудное счастье Михаила Иванникова* // НЖ. 2010. № 259. С. 47—51.

² В этой связи см.: *Бем А.Л. «Скит поэтов»* // Вопр. лит-ры. 1990. № 4. С. 270—272 (воспроизведение ст.: *Бем А.Л. «Скит поэтов»* // Своими путями. 1926. № 12/13. С. 47—48); *Вольнский М. [Рафальский С.М.] Последний долг* // РМ. 1968. 10 окт. № 2707. С. 8—9.

³ См.: *Иванников М. В степи* // Своими путями. 1924. № 1/2. С. 3—7 (перепеч. в кн.: «Скит». Прага 1922—1940. М., 2006. С. 250—258). По этому поводу см.: *Постников С. О молодой эмигрантской литературе* // Воля России. Прага, 1927. № 5/6. С. 222 (Иванников ошибочно именуется здесь «Ивановым»).

годами позже в пражском же журнале «Годы» (прежде — «Студенческие годы») под криптонимом «Мих. И.» опубликовал «Эскиз»⁴. В 1930-е годы в парижских «Последних новостях» и «Современных записках» были напечатаны четыре произведения Иванникова: рассказы «Лорд»⁵, «Сашка»⁶, «Авио-рассказ»⁷ и повесть «Дорога»⁸. Тексты эти привлекли внимание самых известных литераторов Русского зарубежья: И. Бунина, Г. Адамовича, В. Ходасевича, П. Пильского и др. (см. об этом ниже). В Белграде входил в Книжный кружок (первоначально — Книжный кружок им. М.Ю. Лермонтова) и объединения «Литературная среда» (с 1934 г.), с 1935 г. состоял членом Союза русских писателей и журналистов в Югославии. После войны Иванников получил югославское гражданство и постепенно отошел от культурной жизни эмиграции, продолжая, однако, писать по-русски. Некоторые его произведения этого периода изданы: в 1956–1964 гг. в «Новом журнале» были опубликованы рассказы «Правила игры»⁹, «Заговор»¹⁰ и повесть «Искус»¹¹. Все они с большим интересом были встречены рецензентами¹². Законченный в 1968 г. рассказ «Чемпионат», подлинный шедевр Иванникова, был опубликован «Новым журналом»¹³ уже после его смерти (от рака горла), в парижской «Русской мысли» тогда же появился фрагмент незаконченной повести «Счастье»¹⁴. Еще один — ранний — иванниковский рассказ был опубликован недавно Чешской исследовательницей Л. Белошевой¹⁵, остальные тексты писателя утрачены, отдельного издания его произведений до сих пор нет.

Противопоставляя в 1938 г. Иванникова В. Сирину-Набокову, Г. Адамович предрекал: «М. Иванников же, автор “Дороги” — несомненное приобретение для здешней литературы, и может быть даже писатель с большим будущим»¹⁶. А в 1970 г. С.М. Рафальский, сопоставляя Иванникова уже с А.И. Солженицыным, вынужден был оговориться: «[...] сопоставление — по удельному, как говорится, весу — несопоставимых авторов — может быть оправдано и тем, что, в то время как Солженицын, в категории “содержательной прозы” безусловно первый после Чехова настоящий большой автор

⁴ См. об этом: *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников // «Скит». Прага 1922–1940. М., 2006. С. 248.

⁵ См.: *Иванников М.* Лорд // ПН. 1931. 1 янв. № 3571 (см. также перепеч.: *Иванников М.* Лорд // НЖ. 1962. № 67. С. 67–74).

⁶ См.: *Иванников М.* Сашка: [Повесть] // СЗ. 1935. № 57. С. 80–131.

⁷ См.: *Иванников М.* Авио-рассказ // СЗ. 1936. № 61. С. 137–146.

⁸ См.: *Иванников М.* Дорога: Повесть // СЗ. 1937. № 65. С. 130–163; 1938. № 66. С. 43–96.

⁹ См.: *Иванников М.* Правила игры // НЖ. 1956. № 44. С. 5–21 (см. републ.: *Иванников М.* Правила игры / Публ. А. Данилевского // НЖ. 2010. № 259. С. 52–64).

¹⁰ См.: *Иванников М.* Заговор // НЖ. 1956. № 46. С. 5–24.

¹¹ См.: *Иванников М.* Искус // НЖ. 1963. № 74. С. 96–132; 1964. № 75. С. 43–77.

¹² См. отклики на «Правила игры»: *Адамович Г.* «Новый журнал» [№ 44] // РМ. 1956. 5 июля. № 921. С. 4–5; Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одовецкой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 342; Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Публ. Н. Богомолова // Диаспора. Париж; СПб., 2003. Вып. 5. С. 485–488. Отклики на повесть «Искус»: *Терапиано Ю.* «Новый журнал», книга 74: Часть литературная // РМ. 1964. 1 февр. № 2107. С. 6; *Терапиано Ю.* «Новый журнал», книга 75: Часть литературная // РМ. 1964. 30 мая. № 2158. С. 6; *Вольгастский М.* [Рафальский С.М.] Последний долг // РМ. 1968. 10 окт. № 2707. С. 8; *Рафальский С.* Записки читателя // НРС. 1970. 4 янв. № 21754. С. 5.

¹³ См.: *Иванников М.* Чемпионат // НЖ. 1969. № 96. С. 5–28. В этой связи см.: *Терапиано Ю.* «Новый журнал», книга 96 // РМ. 1969. 11 дек. № 2768. С. 8; *Рафальский С.* Записки читателя // НРС. 1970. 4 янв. № 21754. С. 5.

¹⁴ См.: *Иванников М.* Счастье: Отрывок из повести // РМ. 1968. 10 окт. № 2707. С. 9 (см. републ.: *Иванников М.* Счастье: Отрывок из повести / Публ. А. Данилевского // НЖ. 2010. № 259. С. 64–68).

¹⁵ См.: *Иванников М.* Очень просто // «Скит». Прага 1922–1940. М., 2006. С. 258–262.

¹⁶ *Адамович Г.* «Современные записки», № 66. Часть литературная // ПН. 1938. 2 июня. № 6276. С. 3. Справедливости ради отметим, что в превознесении Адамовичем Иванникова и его повести «Дорога» ощутило стремление критика составить тем самым конкуренцию недолюбляемому им В. Сирину-Набокову и печатавшимся в тех же номерах журнала главам «Дара».

в русской литературе — в эмиграции, среди занятых не только репортажем о прошлом (или настоящем), но и литературными исканиями, “молодых” авторов — Михаил Иванников — по возможностям, если не по достижениям — равных себе не имел»¹⁷. Писательское мастерство Иванникова, явленное в довоенных произведениях и в послевоенном рассказе «Правила игры», а также некоторые проблемы его поэтики освещены — разумеется, лишь отчасти — в известном исследовании Г.П. Струве¹⁸, в работе современного сербского исследователя О. Джурича¹⁹ и в ряде наших собственных статей самого недавнего времени²⁰. Других научных исследований, посвященных жизни и творчеству писателя, нет.

О благоприятном отзыве И.А. Бунина на рассказ Иванникова «Лорд» (1931) известно со слов Е.Л. Таубер, вспоминавшей в 1969 г.: «Литературный его успех начался с рассказа “Лорд”, который был напечатан в “Последних новостях”. Я помню, как прибежал ко мне Иванников, размахивая газетой, с первым своим напечатанным рассказом. Он сиял.

“Сам Бунин хвалил и спрашивал обо мне”, [–] рассказывал он, забыв обычную сдержанность. Бунин был его кумиром [...] И похвала Бунина была для него величайшим триумфом [...] Бунин, Толстой и Чехов были его любимыми писателями. Достоевского он не любил»²¹.

Эмигрантские критики обратили внимание на Иванникова после появления в 57-й книге СЗ его большого рассказа «Сашка». Первым — и весьма благожелательно — откликнулся на публикацию присяжный критик рижского «Сегодня» П.М. Пильский: «У Иванникова несомненен беллетристический дар, встречаются хорошие строки, есть счастливые сравнения. Сашка поражал “особенно чудными глазами распутного херувима”. Хорошо полз ночной поезд “в дырках светлых окошечек”. Запомнятся “оружие вороны”. Они закружились над светло-голубой луковкой церкви, потом почти не шевелили распластанными крыльями, “кружил их там ветер”. И Митревна, уходя с кладбища, “задрала до колен юбку, и, мелькая красными вязаными чулками на сухих и ровных без икр ногах, зашагала по дорожке к выходу”. Такие строки мог написать наблюдательный беллетрист, такие слова могло вывести сравнительно опытное и смелое перо. Это все — данные, это — слагаемые: сумма — впереди. Продолжая математику, мы начинаем говорить о теории вероятностей»²².

Вскоре к Пильскому присоединился Г.В. Адамович, и с этого момента основное внимание всех пишущих об Иванникове сосредоточилось на анализе проблемы от-

¹⁷ Рафальский С. Записки читателя // НРС. 1970. 4 янв. № 21754. С. 5.

¹⁸ Струве Г. Рус. литература в изгнании. Изд. 3-е, испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 206.

¹⁹ См.: Бурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941 (Писци, кружоци и издања). [Београд, 1990]. С. 123–127 и др.

²⁰ См.: Данилевский А.А. Из наблюдений над повестью М. Иванникова «Дорога» // Вторая проза: Сб. ст. / Ред. И. Белобровцева и др. Таллин, 2004. С. 246–284; Данилевский А.А. Как сделаны «Правила игры» Михаила Иванникова // Диаспора. Париж; СПб., 2007. Вып. 9. С. 253–295; Данилевский А. Эмигрантский «театр для себя» в повести М. Иванникова «Дорога» // Јуриј Љвович Ракићин: Живот, дело, сећања. Зборник радова међународног научног скупа: Београд – Нови Сад, 17–20. априла 2003 = Юрий Львович Ракићин: Жизнь, творчество, воспоминания. Сб. докладов междунар. науч. встречи: Белград – Нови Сад, 17–20 апреля 2003 г. Нови Сад: Позоришни музеј Војводине; Београд: Факултет драмских уметности, 2007. С. 141–164; Данилевский А.А. Из комментариев к «Авио-рассказу» Мих. Иванникова // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение VI. К 85-летию П.С. Рейфмана. Тарту, 2008. С. 264–279.

²¹ Таубер Е. Годы дружбы с М.Д. Иванниковым. С. 94. В этой связи см. также: Терапиано Ю. «Новый журнал»: Книга 67-ая. Часть литературная // РМ. 1962. 5 мая. № 1834. С. 7.

²² Пильский П.М. Новая книга «Современных записок» [№ 57]: «Няня из Москвы» Ив. Шмелева. — Конец «Пещеры» Алданова. Новелла Брауна. — Новое имя: М. Иванников // Сегодня. Рига, 1935. 18 февр. № 49. С. 3.

ношения молодого писателя к различным отечественным повествовательным традициям. По мнению Адамовича, рассказ «приятен, грамотен, искусен, хотя, правду сказать, чуть-чуть и бледноват. Это одна из многих историй о русском юноше, захваченном революцией и не знающем, что с собой делать. В рассказе очень заметно влияние Бунина. Природа, Сашкины двоящиеся чувства, “мутно-печальный” женственный образ Глаши, — все взято не то из “Жизни Арсеньева”, не то из “Деревни”, и все подернуто идущей от Бунина словесной прелестью». Свой краткий разбор Адамович завершил напутственно-поощрительно: «Начало хорошее, — с доверием подождем продолжения»²³.

С существенными оговорками, но также в целом положительно встретил рассказ (расцененный им как «небольшая повесть») В.Ф. Ходасевич, представивший довольно подробный его разбор: «Подобно Л. Зурову, Иванников, несмотря на литературную свою молодость, совершенно чужд каких-либо новых исканий. Его повесть всецело укладывается в рамки той добротной реалистической традиции, которая давно уже неспособна ничем удивить — зато и спасает автора от риска, неизбежно сопряженного со всяким новаторством или экспериментаторством. Если искать прямых учителей Иванникова, то придется назвать Бунина, Куприна. Скорее, впрочем, первого из них, так как Иванников более склоняется к бескрасочной, гравюрной манере Бунина, нежели к стилю Куприна, всегда живописному.

Нельзя сказать, что повесть лишена действия. Напротив, в ней представлен целый ряд событий, которые, однако же, не образуют единого эпизода. Это — ряд последовательных эпизодов, слабо связанных между собой, не вытекающих друг из друга, объединенных лишь хронологической последовательностью. Однако в самой этой разорванности эпизодов удачно отражен колорит и характер эпохи: время действия в “Сашке” относится к концу войны, к революции и к войне гражданской. Главный герой, по имени которого названа повесть, — безусый юноша, почти мальчик, круглый сирота, живущий у своего дяди, которого автор, кажется, напрасно зовет дядькой: слово это в применении к родственнику уместно разве лишь в прямой речи, как уничижительное [...] Повесть посвящена изображению того, как этот мальчик, хороший от природы, постепенно развращается. В отличие от героев бесчисленных советских рассказов, повестей и романов, посвященных той же эпохе, Сашка все время остается совсем далек от сколько-нибудь выдающихся событий. Он не только в них не участвует, но и не приходится ему быть их зрителем. Точно так же нет у Иванникова убийств, расстрелов, налетов, изнасилований, бесчинств. Автор поставил себе более тонкую и трудную задачу — показать, как в разлагающемся воздухе военно-революционной поры, не в пылу, а в тылу революции в ее провинциальных буднях нравственная личность юного существа распадается единственно в силу своей беспризорности, беззащитности. Уже то обстоятельство, что Иванников в постановке и разрешении этой задачи идет по линии наибольшего, а не наименьшего сопротивления, заставляет к нему отнестись сочувственно и с интересом. В то же время, если в повести нет еще вполне законченного, зрелого мастерства, которого мы и не в праве требовать от начинающего автора, — то все же, надо признать, что она написана тщательно, вдумчиво, умело. В ней нет особого блеска, автор еще не нашел в себе тех черт, которые сильно определили бы его художественную индивидуальность, но все же его первый шаг в литературе надо признать удачным»²⁴.

²³ Адамович Г. «Современные записки», кн. 57-я. Часть литературная // ПН. 1935. 21 февр. № 5082. С. 3.

²⁴ Ходасевич В. Книжки и люди: «Современные записки», кн. 57 // Возрождение. 1935. 4 апр. № 3592. С. 3.

Рассказ «Сашка» не остался незамеченным даже критиком с периферии: рецензент Выборского «Журнала Содружества» С.А. Риттенберг отметил удачную лепку образа главного героя и некоторых эпизодических фигур²⁵.

На публикацию в 61-й книге СЗ «Авио-рассказа» первым вновь откликнулся в «Сегодня» все тот же П.М. Пильский. По его мнению, Иванников развивался в ту пору под «несомненным влиянием» В. Сирина-Набокова, что «сразу угадывается в самом ритме его повествований, в складе фраз, в искании незажеванных слов». Критик не преминул перечислить стиливые и словесные новации молодого писателя: «В стремлении найти нечастые слова М. Иванников говорит о “хрустальных голосах вскрикивающих женщин”, о том, как он, “посуровев” лицом, надел кожаный комбинезон [sic!], и в эту кожаную грудь вдруг “хватило воздушной картечью” и т.д.». По убеждению критика, «в этой жажде словесных обновлений, речевых обретений, в законном отвращении к постылым штампам, замшелым словам заключена [...] потребность “сказаться душой”, — своей душой, а не чужой, не общей, не толповой»²⁶.

Г.В. Адамович «Авио-рассказом» остался недоволен: он «показался» ему «стоящим чуть-чуть ниже того “уровня”, который соблюдается “Современными записками”. Нельзя сказать, что рассказ слаб или бездарен. Вовсе нет. Но он... как бы точнее выразиться... развязен. Автор будто подмигивает читателю, хлопает его по плечу. Он пытается наладить крайнюю взаимную непринужденность. Рубаха-парень, одним словом. Но мы с ним мало знакомы, — и предпочли бы обычную корректность, тем более, что, рассказывая о своей любви к авиации, Иванников ничего особенного не сообщает. Зато бесспорно и интересно “Канареечное счастье” Федорова, где есть мысль, притом такая, которая допускает развитие и обобщение, напоминая кое в чем мечта “смешного человека” из “Дневника писателя”»²⁷.

Мнение В.Ф. Ходасевича об «Авио-рассказе» оказалось прямо противоположным тому, какое выразил Адамович, что отчасти было запрограммировано характером взаимоотношений двух критиков²⁸. В новом своем отклике на произведение молодого писателя авторитетный критик счел необходимым особо выделить «Авио-рассказ» в ряду имеющихся в той же книге СЗ текстов этого жанра, принадлежащих весьма именитым авторам: «К своему удовольствию читатели найдут на сей раз в “Современных записках” целых четыре рассказа. Первый из них — “Весна в Фиальте” В. Сирина — превосходен. Я, к сожалению, принужден ограничиться этим слишком общим определением, потому что моя статья затянулась [...] “Болтун” А.М. Ремизова, великолепно начатый, совсем уже подводящий к очень горькой и значительной теме, во второй своей половине разочаровывает нарочитой карикатурностью и внутренне неожиданным, механически прицепленным концом. [...] Бессюжетный, но приятно написанный “Авио-рассказ” молодого писателя М. Иванникова читается с удовольствием. Значительно слабее рассказ другого молодого автора, В. Федорова, — “Канареечное счастье”. Сатирический замысел В. Федорову не удался. Получился лишь анекдот, не очень хорошо придуманный и слишком легко, фельетонно рассказанный»²⁹.

Последний из известных нам печатных откликов на «Авио-рассказ» появился в газетной статье, написанной давней и близкой знакомой Иванникова, поэтессой

²⁵ Библиофил [Риттенберг С.А.] Среди книг. Современные записки. Книга 57 // Журнал Содружества. 1935. № 3 (27). Март. С. 30–31.

²⁶ Пильский П. Новая книга «Совр. записок» // Сегодня. 1936. 28 июля. № 206. С. 2.

²⁷ Адамович Г. «Современные записки». Книга 61. Часть литературная // ПН. 1936. 30 июля. № 5606. С. 3.

²⁸ По этому поводу см., напр.: Полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927–1937) / Вступ. ст. и примеч. О.А. Коростелева; публ. О.А. Коростелева и С.Р. Федякина // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 204–250.

²⁹ Ходасевич В. Книги и люди: «Современные записки» № 61 // Возрождение. 1936. 8 авг. № 4038. С. 7.

Е.Л. Таубер³⁰ и приуроченной к 66-летию писателя. Отметив «великолепную пластичность языка» произведения, Таубер выделила его из всего творческого наследия Иванникова по тематическому признаку: «Совсем особняком стоит прелестный “Авио[-]рассказ”. Полет для рассказчика – прелестная авантюра, открывание нового мира, заменившее подвиг Средневековья. Человек, задавленный машинной цивилизацией, жаждет чудесного приключения, не думая о том, что дает его ему именно машина. [...] “Все, все, что гибелью грозит...” Эти строки Пушкина хочется вспомнить, читая “Авио[-]рассказ”»³¹.

Повесть «Дорога», опубликованная в двух (65-й и 66-й) книгах СЗ, привлекла к себе внимание значительного круга читателей и вызвала обилие откликов. Весьма благосклонно встретил ее И.А. Бунин – об этом узнаем из двух писем Иванникова 1938 г. своему кумиру³². (Следует отметить, что высокая оценка Буниным творчества белградского писателя в целом и повести «Дорога» в частности сохранились надолго – в письме М.А. Алданову от 15 февраля 1946 г. он писал: «[...] перечитываю кое-какие разрозненные кн[иги] “Совр[еменных] з[аписок]”. Перечитал еще “Дорогу” Иванникова. Просто удивительный [здесь и везде далее все и всякие неоговоренные выделения – авторские. – А.Д.] талант!»³³)

Из числа критиков раньше всех на первую часть повести отозвался Г.В. Адамович, воспринявший ее крайне неоднозначно. С изрядной долей раздражения он писал: «В отделе прозы – три отрывка: из “Дара” В. Сирина, из “Начала конца” М. Алданова и “Дороги” М. Иванникова.

“Дорога” – небольшая повесть, окончание которой обещано в следующей книжке журнала. Это, бесспорно, вещь не бездарная, хотя и мучительная для чтения из-за

³⁰ См. также: Таубер Е. Годы дружбы с М.Д. Иванниковым // НЖ. 1969. № 96. С. 93–96.

³¹ Таубер Е. О довоенных рассказах Михаила Иванникова (Окончание) // РМ. 1970. 19 марта. № 2782. С. 8.

³² Воспроизводим их полностью с любезного разрешения предоставившего их в наше распоряжение хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Р. Дэвиса. В первом из них, от 24 мая 1938 г., Иванников писал: «Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

При встрече с Вами в Белграде я говорил Вам о своей повести “Дорога”, – теперь она напечатана в двух последних номерах “Совр[еменных] записок”. Вадим Викторович Руднев после выхода 65 книжки писал мне о том, что Вы отнеслись к напечатанному там началу повести положительно. Насколько это меня обрадовало и взбодрило – распространяться не буду; скажу только: Ваше мнение для меня, конечно, самое главное, решающее и дорогое. Мне очень хотелось написать Вам тогда же, но потом, подумав, я решил подождать выхода 66-й книжки, где повесть заканчивается, и спросить Ваше мнение уже не об отрывке, но о целой вещи.

Почитая себя Вашим учеником, очень прошу Вас, Иван Алексеевич, об откровенном и строгом отзыве; не сомневаюсь, что он поможет разобраться мне во многих еще неясных для меня вещах.

Сейчас работаю над большим (почти повестью) рассказом, есть страстишка написать небольшой роман, но боюсь: не рано ли?

Письмо отправляю не по оставленному Вами адресу (боюсь, не устарел бы), но на “Совр[еменные] записки”: надежнее.

Примите уверения в преданности и уважении. Ваш Мих. Иванников» (РАЛ. MS. 1066/3018).

Во втором, датированном (по почт. шт.) 8 июня 1938 г., читаем: «Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич!

Большое спасибо за добрый отзыв и внимание. То, что говорите Вы – для меня самое важное. Хотел написать Вам душевное письмо, но потом повеселился: боюсь, что выйдет по-женски. Вы и без письма знаете, что я очень почитаю и люблю Вас, слушаюсь и впредь буду слушаться.

С “лихачеством” борюсь елико возможно. Очень хочется писать и работать по-настоящему, но проклятая служба забирает день.

Еще раз спасибо. С преданностью и уважением Мих. Иванников

Жена Вам кланяется. М.И.» (РАЛ. MS. 1066/3019).

³³ Цит. по: И.А. Бунин: Pro et contra. СПб., 2001. С. 59 (впервые: НЖ. 1983–84. № 150. С. 152–155). Ср. в воспоминаниях Е.Л. Таубер (речь также идет о первых послевоенных годах): «Через много лет, уже во Франции, когда я заговаривала с Буниным об Иванникове, Бунин неизменно повторял: “Еще бы, такой талантливый человек!»» (Таубер Е. Годы дружбы с М.Д. Иванниковым // НЖ. 1969. № 96. С. 94).

несносно-цветистой, истерически-образной и какой-то развязной, будто все время “подмигивающей” манеры Иванникова писать.

[...] Так “Дорога” начинается, – и, признаюсь, надо сделать над собой усилие, чтобы читать дальше... Эта “свежесть” слова давно знакома и давно опостылела. Ее оставили даже такие ее чемпионы, как Всеволод Иванов и Пильняк, убедившись, вероятно, что она стала отдавать плесенью. У нас здесь ее одно время культивировал В. Яновский, тоже сам себя ею обманывавший и принимавший словесную распушченность за стилистическую мощь. Повесть М. Иванникова внушает недоверие. Но, мало помалу, входя в странный и грустный мир, перед нами открывающийся, понимаешь, как опрометчиво было бы остановиться на первом впечатлении. Конечно, автору “Дороги” не хватает литературного опыта, и вкус его еще далеко не безупречен. Но это “приложится”, это приложиться может, писать же он, по-видимому, должен действительно – не от скуки, не ради баловства, а по призванию. О размерах его дарования, о его будущности – гадать трудно. Но умение создать обстановку и фон для рассказа, отчетливость в мимолетных портретах, наличие темы и содержания, углубляющее фабулу – все это несомненно. Живем мы в такое время, что всякое литературное предсказание похоже на уравнение с бесчисленными иксами: решения возможны фантастические. Ни за что нельзя поручиться, и если бы имя Иванникова никогда больше в печати не появилось, его “Дорога” будет, конечно, скоро и безвозвратно забыта. Но в нормальных условиях на него можно было бы сделать “ставку” без риска: в нормальных условиях он, наверное, в литературу вошел бы и в ней прочно устроился бы, пусть и не на самых первых ролях»³⁴.

П.М. Пильский свел свой разбор первой части «Дороги» к обсуждению словесных и стилевых поисков писателя и практически повторил свои прежние и уже знакомые формулировки: «Известно, что рождение слова есть первый случай его употребления. Другой вопрос – будет ли оно жить. Да, создать слово – легко, привить его к языку – трудно. Но интересно и важно сейчас то, что молодые писатели не удовлетворяются уже общими, знакомыми, старыми словами. Вот, в этой же книге “Современных записок” напечатано начало повести М. Иванникова “Дорога”. В этом журнале имя М. Иванникова появляется не впервые: здесь он поместил свой “Авиорассказ”. Уже в нем ясно проглядывало стремление найти нечастые слова, – “хрустальные голоса”, “посуровел” и т.д. То же самое и в “Дороге”. Временами эти искания у Иванникова кажутся манерностью, словесным ёрничеством. Но такими определениями от него отделаться нельзя. В каждом искании есть и должна быть внутренняя страсть. Его диктует горячее недовольство. Иногда оно становится отвращением к забубенным словам. Конечно, Иванников напрасно то и дело вставляет “соплясь”, “вгорячах”, придумывает искусственные эпитеты (“шерстяные беспамятства”), “кошачий мяук”. Попалось “скряжное удовольствие”. Что значит “скряжное”? Если это значит “скупое”, то и такой эпитет был бы достаточно выразительным. Но Иванникову надо, во что бы то ни стало, выискивать, стряпать слова, и казак у него был “отчаюгой”, и подошел к герою “исподлобый”.

Повесть Иванникова рассказывает о мытарствах неприкаянного человека, с искалеченной совестью, утерянной личностью, познавшего горькие унижения. Он озлоблен, он шипит, по змеиному, но и по змеиному ползет, волочитя по земле, едва смеет поднять голову, и зная себя, свое бессилие, свою нравственную и физическую немощь, еще больше озлобляется. [...] Эти минуты горечи и самоистязаний, голода и безнадежности описаны в повести с большой правдивостью [...] Эти места спасают повесть. Ее

³⁴ Адамович Г. «Современные записки», книга 65. Часть литературная // ПН. 1938. 20 янв. № 6144. С. 3.

читаешь временами с отвращением, но где начинаются покаянства, приходящие на смену окаянствам, там слышится голос таланта, хотя и отравленного»³⁵.

Пильскому отчасти вторил, отчасти возражал в варшавском «Мече» Л.Н. Гомолицкий: «Есть в [65-й] книге еще повесть [...] «Дорога», написанная досадно претенциозным языком [...] не выдерживающим соседства с Сириным и Алдановым. По замыслу же это — эмигрантская история, исполненная истинного трагизма»³⁶. Проблемы стиля оказались в центре внимания Пильского и при разборе второй части повести, завершившемся утверждением наличия *опасной*, на его взгляд, зависимости Иванникова от стилевой манеры В. Сирина-Набокова: «Внешнего интереса она [2-я часть «Дороги»] почти лишена. Тем труднее было поддерживать в нас интерес к повествованию. Меж тем он не угас до конца. Это, несомненно, авторский плюс. Живо и наблюдательно описана, напр., ярмарка, — ее бродячие лавки, орган, мужики — вся эта «тифозная яркость ярмарочных видений». Попались удачные, необычные эпитеты: «нагое раздумье», «голубая стужа», «неплодное перо». Не понравилось ненужное затемняющее соседство двух рядом стоящих творительных падежей («отягощенными чемоданами руками»), — есть и другие прихрамывания и промахи, есть и отдаленное, все же заметное подчинение Сирину, — вот почему о нем приходится говорить серьезно, без причмокиваний, без воздушных поцелуев»³⁷.

Куда более глубокими, содержательными и одновременно более позитивными оказались отклики В.Ф. Ходасевича. В первом из них критик подивился творческой смелости молодого писателя, не устранившегося взяться за трудную тему изображения нравственно-религиозных переживаний, отягощенных вдобавок сложными конфессиональными проблемами. Ходасевич также отметил зависимость творческой манеры Иванникова в «Дороге» от манеры В. Сирина, однако данная им ее оценка — принципиально иная, нежели у Пильского, и не лишена парадоксальности: «Может быть, эта вещь всего более страдает от перерыва, потому что чувствуется, что написана она «одним духом», с очень большим напряжением. В манере письма на этот раз у Иванникова чувствуется некоторое влияние Сирина, но я говорю это совсем не в упрек ему. Сирин сейчас — самый сильный из новых авторов, и нет ничего ни удивительного, ни стыдного в том, что его влияние сказалось у такого еще молодого писателя, как Иванников. Если угодно, тут есть даже признак известного мужества, проявленного Иванниковым, который не побоялся учиться там, где учиться следует. Во всяком случае, «Дорога» мне представляется самой удачной вещью из всего, что случилось читать за подписью Иванникова. Не скрою — эмигрантское житье-бытье представлено им в довольно неутешительных и неприглядных чертах. Чего доброго, кто-нибудь из любителей «возвышающих обманов» даже и рассердится на молодого автора, [...] но этим смущаться не следует. [...] за кажущейся беспощадностью изображения у Иванникова чувствуется большая, настоящая боль за всех тех, кого он изображает, и в этом смысле повесть его должна быть понята и принята сочувственно. Разумеется, говоря так, я снимаю с себя ответственность за вторую, еще неопубликованную часть повести, однако же, каков бы ни оказался ее смысл в целом, и теперь уже можно сказать, что перед нами — вещь, написанная талантливо и умело, порой даже с блеском»³⁸.

³⁵ Пильский П. Новая книга «Современных Записок» [№ 65]. Судьба сюжета. — Роман Сирина «Дар». — Кажда словесных обновлений. — Повесть М. Иванникова «Дорога». — «Начало конца» М. Алданова. — О Ленине и коммунизме // Сегодня. 1938. 20 янв. № 20. С. 3.

³⁶ Николаев Г. [Гомолицкий Л.Н.] «Современные записки» [№ 65] // Меч. 1938. 27 февр. № 8 (194). С. 6.

³⁷ Пильский П. Новая книга «Современных записок» [№ 66]: Роман «Дар» В. Сирина. — «Дорога», повесть М. Иванникова. — Жизнь в скиту [...] // Сегодня. 1938. 27 мая. № 146. С. 3.

³⁸ Ходасевич В. Книжки и люди: «Современные записки», кн. 65-я // Возрождение. 1938. 25 февр. № 4120. С. 9.

Из отклика Ходасевича на 66-ю книгу СЗ явствовало, что помещенное в ней завершение «Дороги» превзошло все его самые оптимистические ожидания: «Помнится, пишучи о предыдущей книжке журнала, я сочувственно отозвался о первой половине «Дороги» М. Иванникова, высказав, однако же, некоторые опасения за предстоящую вторую половину. С радостью вижу, что мои опасения оказались напрасны. Иванников с большим чувством миновал «узкие» места своего сюжета и в конце концов дал очень хорошую повесть. Некоторая вычурность и витиеватость слога не должны в ней смущать и не могут быть поставлены в упрек автору, потому что это — не его пороки, а пороки действующего лица, от имени которого ведется повествование. И главный герой, молодой актер, нравственно вывихнутый своим двусмысленным ремеслом, средой, скитаниями, эмигрантской голодовкой, но сохранивший в душе что-то очень чистое, какую-то неистребимую русскую ясность, и герои второстепенные показаны Иванниковым без прикрас, но с той любовью к человеку, которая восходит к лучшим истокам нашей литературы. Редакция «Современных записок» очень хорошо сделала, что напечатала «Дорогу», не испугавшись ее сюжета, который непроницательному взгляду может показаться рискованным»³⁹.

Продолжение «Дороги» совершенно изменило отношение Г.В. Адамовича к повести в целом. В новом своем отклике ему пришлось даже оправдываться за свое прежнее невнимание и даже пренебрежение к повести и искупать его подчеркнутыми и веле-речивыми восторгамии по поводу того, что несколькими месяцами ранее эстетически его отвращало. Ясно, однако, что многие из похвал критика автору «Дороги» незаслуженно преувеличены, и преувеличены сознательно — в противовес все тому же В. Сирину, давшему в помещенной в 65-й книге СЗ главе «Дара» легко угадываемую пародию на Адамовича. Все же, показательной объективности ради, свой разбор литературного отдела журнала этот последний начал именно с упоминания автора «Дара», но сразу вслед за тем показательно переключил свое внимание на Иванникова и его текст. В заключение Адамович предложил весьма пронизательное наблюдение относительно литературного генезиса главного иванниковского героя: «Упражнений «рядовых» в этой книжке «Современных записок» нет. Сирин — романист слишком талантливый, чтобы досада довольно быстро не сменилась удовлетворением от остроты и выразительности его письма, М. Иванников же, автор «Дороги», — несомненное приобретение для нашей здешней литературы, и, может быть, даже писатель с большим будущим.

Первая часть его повести далеко не так явственно убеждала в этом, как те главы, которые напечатаны теперь. Да и замысел «Дороги» не был ясен! Принимаясь читать произведения знакомого автора, большею частью лишь прислушиваешься к звуку фразы, к ее строению, к стилю вообще, — и вот именно из-за такого подхода повесть не сразу внушила доверие. Звук иванниковской фразы, взятой в отдельности, как-то легковесен. В намерениях автора чувствовалось что-то ребяческое, — и Вермандуа, например, вероятно, поморщился бы над первыми страницами «Дороги», зевнул бы и предпочел бы смотреть в потолок, чем пережевывать и глотать эти цветистые, разухабистые, бойко витиеватые периоды. Давно известно, что в искусстве прогресса нет. Но невольно хотелось все-таки спросить: как можно писать так, после Пушкина, Толстого и хотя бы Чехова? Что это, новизна? Что это, завоевание, движение вперед? В вопросе был бы заключен и приговор, если бы литературные формы существовали и развивались сами по себе. Но они — лишь отражение того, что происходит в сознании художника, и нельзя о них судить независимо от человека. Ну а человеку законы не писаны, и то, что просто для одного, то вычурно для другого — и никакая «уравни-

³⁹ Ходасевич В. Книги и люди: «Современные записки» кн. 66-ая // Возрождение. 1938. 24 июня. № 4137. С. 9.

ловка” тут не применима. В природе все естественно только потому, что все ограничено [органично?].

“Дорога” не просто рассказ о мытарствах молодого русского эмигранта, из актеров попавшего в послушники, а повесть, в которой запечатлен какой-то подлинный душевный опыт. Занимательна фабула, но интересно содержание, — и как у всякого настоящего писателя, одно с другим у Иванникова совпадает. Нет тенденций, нет иллюстраций к отвлеченной идее — все сплетено в один клубок. Пейзаж, фон живут такой же неподдельной жизнью, как и люди [...] Повесть внутренне чиста и грустна. Герою лишь чудится, что он остается в скиту навсегда: на самом деле он предпочитает снова укатить с друзьями в город и войти в бродячую труппу. Но видится ему такой сон, с [архимандритом] Пафнутием в положении отца, раскрывающему блудному сыну объятия, — не совсем случайно. Еще неизвестно, где и в чем он найдет в конце концов “тихую пристань”. Последнее его восклицание, на котором повесть обрывается: “И доколе же?” — достаточно красноречиво. Конечно, иванниковский герой — не Алеша Карамазов, но в дальнем с ним родстве, он, пожалуй, все-таки состоит»⁴⁰.

В появившейся вскоре после смерти Иванникова обзорной статье Е.Л. Таубер⁴¹ основное внимание уделяется критическому анализу — довольно, впрочем, поверхностному — персонажной структуры довоенных произведений писателя и их тематике — каждого текста в отдельности и всех в целом. Эту последнюю Таубер определила следующим образом: «[...] все они объединены одной темой: покинутости, выброшенного, как слепой котенок в лужу, человека, тоски его по прочности, очагу и одновременно полной неспособности что-либо устойчивое, верное в жизни создать. Все герои инстинктивно льнут к немногочисленным спутникам своей жизни, в ком еще не рухнуло вечное, ладное, непоколебимое, — но сами они способны только профанировать лучшее»⁴².

И в заключение — о том, как Иванников стал автором, регулярно печатаемым наиболее репрезентативными и авторитетными периодическими изданиями русского зарубежья. Об этом известно из писем М.А. Осоргина редактору СЗ В.В. Рудневу и из уже упомянутых ранее воспоминаний С.М. Рафальского. Нескольких текстов Иванникова прислал в 1931 г. М.А. Осоргину из Белграда Карл Август Романович Кочаровский (Качоровский; 1870 — после 1941)⁴³, давний знакомый молодого писателя еще по Праге⁴⁴, народоволец, не чуждый эстетическим запросам⁴⁵: его первоначально прочили в

⁴⁰ Адамович Г. «Современные записки», № 66. Часть литературная // ПН. 1938. 2 июня. № 6276. С. 3.

⁴¹ См.: Таубер Е. О довоенных рассказах Михаила Иванникова // РМ. 1970. 12 марта. № 2781. С. 8; 19 марта. № 2782. С. 8.

⁴² Там же. № 2781. С. 8.

⁴³ См. о нем, например, главу «К.Р. Кочаровский» в воспоминаниях Д. Лутохина о его пребывании в Праге в начале 1920-х гг.: Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри / Вступит. ст. и публ. Ю.И. Комболина; коммент. А.Л. Дмитриева и Ю.И. Комболина // Минувшее. СПб., 1997. Вып. 22. С. 60—62.

⁴⁴ В этой связи см. в некрологе С.М. Рафальского: «Эмигрантская судьба мотала Михаила Димитриевича без особой снисходительности. В Праге он все время “подкармливался” при Институте изучения России, в отделе Карла Романовича Кочаровского, автора единственной в соответственной литературе книги об общине (рукописи 2-го и 3-го тома бесследно пропали в катаклизме Второй Мировой). Когда русская акция в Чехии стала сжиматься, Михаил Димитриевич уехал в Париж, где учился в Духовной Академии и, конечно, делал пошурары» (Вольнский М. [Рафальский С.М.] Последний долг // РМ. 1968. 10 окт. № 2707. С. 8). Ср. также в письме К.Р. Кочаровского к Рудневу от 1 июля 1938 г.: «Дорогой Вадим Викторович, Вы проявили много внимания и понимания по отношению к М.Д. Иванникову, которого я первый оценил. Не найдется ли у Вас достаточно внимания и понимания и по отношению ко мне?... Иванников начинает, я кончаю» (РАЛ. MS. 1500/9).

⁴⁵ В этой связи см. у Лутохина: «Карл Романович, маленький, торжественный старичок, типичный представитель городской богемы; он давно уехал из России, жил почти все время в Италии, одинок — и имеет все привычки холостяка. Встает в 2 часа дня, лобит бродить по кафе, кушает пирожные и запивает их содовой... В кафе он тащит с собой учащих — юношей и девиц, угощает их и развлекает перед ними за мраморным

редакторы СЗ⁴⁶; он, однако, предпочел работу в пражском Институте изучения России, а затем перекочевал в Белград, где вел семинар при белградском Земгоре и одно время руководил работой Книжного кружка (в который, напомним, влился сразу по возвращении весной 1930 г. из Парижа Иванников). Один из иванниковских текстов — это был рассказ «Лорд» — Осоргин опубликовал в ПН, часть других забраковал, а еще один текст — видимо, это был «Сашка» — порекомендовал редакции СЗ. Рассказ редакцией был принят, но опубликован лишь несколькими годами спустя (см. выше).

столиком свои теории. Он, конечно, народник, и его ученики должны переписывать Гл. Успенского и Н. Златовратского. У него систематические программы — и молодые должны выбирать по ним тексты из апостолов народничества.

Но он не только народник: в Италии он подпал под чары фашизма, его — очень женственного — пленила мужская, наглая, плебейская воля Муссолини — и К.Р. говорит о нем, возбуждаясь и восхищаясь» (*Лутхин Д.А. Зарубежные пастыри. С. 60–61*).

⁴⁶ См.: Вишняк 1993. С. 67.

1. Иванников — редакции «Современных записок»

Београд. 8 февраля 1935 г.

В редакцию «Современных записок»

М[илостивые] г[осудари],

узнав из газетных объявлений о напечатании в № 57 «Современных записок» моего рассказа «Сашка»¹, прошу авторский экземпляр и причитающийся мне гонорар выслать по адресу: М. Ivannikov. Nađi-Prodanova 8. Belgrade. Jugoslavie.

С совершенным уважением

Мих. Иванников

Белрад 8.П.35

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4) (см. илл. 46).

¹ См.: *Иванников М.Д. Сашка* // СЗ. 1935. № 57. С. 80–131. См. печатные отзывы (вступ. ст., примеч. 22, 23, 24, 25).

2. Иванников — редакции «Современных записок»

Београд. 6 марта 1935 г.

В редакцию журнала «Современные записки»

М[илостивые] г[осудари],

две недели тому назад послал в редакцию письмо с просьбой о высылке мне авторского экземпляра и гонорара за повесть «Сашка». Книгу получил, но относительно гонорара известий до сих пор не имею. Посему принужден вторично беспокоить Вас просьбой о деньгах.

С совершенным уважением

Мих. Иванников

Белград, 6.П.35. Nađi-Prodanova 8.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/4). Почтовая открытка; адрес получателя: «Annales Contemporaines», 6, rue Daviel, Paris (XIIIe), France»; почт. шт.: «Београд, 6.3.1935».

3. Вишняк — Иванникову

Paris. 21 января 1938 г.

21 января [193]8

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич!

С ближайшего апреля «Русские записки» предполагают стать ежемесячным журналом и будут выходить под редакцией П.Н. Милокова. В качестве секретаря Редак-

ции обращаюсь к Вам с просьбой сообщить, — нет ли у Вас рассказа или небольшой повести, которые Вы могли бы предложить «Русским запискам»? Журнал будет платить 500 франков за печатный лист беллетристики в 40 тыс. знаков.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 4. F. 40).

¹ Журнал «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939. № 1–20/21) выходил в Париже с июня 1937 г. по август–сентябрь 1939 г. Первые три номера журнала дублировали СЗ по составу редакции, по кругу авторов и по общей тенденции. Журнал заметно изменился с четвертого номера (апрель 1938 г.), когда его единолично возглавил П.Н. Милуков. Произведения Иванникова в РЗ не печатались.

4. Иванников — Рудневу Београд. 1 февраля 1938 г.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Письма Ваши (и с вырезками рецензий¹ — спасибо — и пражское) получил. После рецензии Пильского я знаю теперь, кто таков сириновский критик Линеv², — сходство действительно поразительное: не в бровь, а в глаз³. Боюсь, как бы Сирин не тиснул в продолжение своего «Дара» рецензию целиком: с левой точки зрения, она — восхитительна.

Из «Русских записок» письма не получал⁴; если получу, то поступлю так, как Вы предлагаете: вещь прежде буду посылать Вам, и только в том случае, если почему-либо она для «Совр[еменных] записок» не подойдет — предложу ее в «Р[усские] з[аписки]».

Что же касается второй части «Дороги»⁵, мне остается только Вас поблагодарить... и приготовиться к заушанию (будут, будут, конечно, «крыть» и больше всего справа, бодрым и широким фронтом). Жаль только, если окончание придется перебросить на 67 книгу — слишком уж большой интервал: полгода! Нельзя ли, однако, в крайнем случае, если с местом никак не образуется, втиснуть в 66 книгу хотя бы половину окончания (около 30 стр.): в этом случае повесть хоть и растягивается (технически), но не прерывается в читательской памяти совсем?

За аванс, конечно, большое спасибо; думаю договориться со своим хозяином⁶ так, чтобы один месяц работать не по 8 часов⁷ целому дню, а только по полдня, заткнуть образующуюся оттого бюджетную дырку авансом. Уже больно соблазняет перспектива пописать днем, а не вечером, обалдев после дневной суеты.

Относительно последней книги «Совр[еменных] зап[исок]» для библиотеки Союза писателей⁷ мы договорились с библиотекарем так, как Вы советовали: деньги за книгу он внесет мне, а Вы вычитаете ту сумму из моего гонорара. Адрес, куда следует направить книгу:

Biblioteka. "Savez Ruskih književnika i novinara". Kosovska 13. Belgrade, Jugoslavije⁸.

С письмом возвращаю любезно присланные Вами вырезки.

Если встретитесь с Иваном Алексеевичем Буниным, передайте, пожалуйста, ему мой поклон⁹; когда повесть будет напечатана вся, могу собираюсь написать ему угрожающе длинное письмо. И еще поклонитесь, пожалуйста, от меня Мих. Андреевичу Осоргину¹⁰, которому я тоже. С совершенным уважением

Мих. Иванников

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Подразумеваются критические отклики на первую часть повести Иванникова «Дорога», опубликованную в № 65 СЗ за 1937 г. (см.: вступ. ст., примеч. 34, 35, 37). Повесть «Дорога» стала третьей и последней публикацией М.Д. Иванникова в СЗ — в промежутке была еще публикация «Авио-рассказа»: *Иванников М. Авио-рассказ // СЗ. 1936. № 61. С. 137–146.* В этой связи см. также печатные отклики на рассказ (вступ. ст., примеч. 27, 29).

² Персонаж романа В. Сирина-Набокова «Дар», публиковавшегося (за исключением 4-й главы с «Жизнью Чернышевского») в СЗ — см.: *Сирин В. Дар: Роман // СЗ. 1937. № 63. С. 5–87; № 64. С. 98–150; № 65. С. 5–70; 1938. № 66. С. 5–42; № 67. С. 69–146.* Линева фигурирует в «Главе третьей» романа. В этой связи см. в примечаниях А.А. Долинина к соответствующему месту в «Даре»: *Линев — Набоков* дает горе-критику фамилию главного героя пропагандистского романа советского писателя А. Тарасова-Родионова «Трава и кровь (Линев)» (1926), а также художника-дилетанта А.Л. Линева, который известен как автор портрета Пушкина. По предположению Ходасевича, прототипом Линева мог быть Михаил Осипович Цетлин (1882–1945), литературный критик, редактор отдела поэзии «Современных записок» [...] С другой стороны, Марк Алданов в [...] письме к Набокову от 29 января 1938 г. без колебаний отождествил его с Пильским, что представляется более вероятным, так как «фамиллярно-фальшивый голосок» безымянного рецензента, преследующий Федора в первой главе и, как мы знаем, пародирующий Пильского [...], похож на критический стиль Линева» (*Долинин А.А. Примечания // Набоков В. Собр. соч. рус. периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 4. С. 692*). Ср. также в письме Цетлина к Рудневу от 9 ноября 1938 г. о «Даре» Набокова: «И в общем — все же не объединено, искусственно, многословно. Замечательный художник! Такая острота восприятия... и вдруг трата своего «дара» на остроумные карикатуры Пильского и Адамовича, как это мелко! Достоевский хоть писал пасквили на Грановского и Тургенева, а не на Пильского» (Ред., п. 538).

³ См. в «Даре»: «Он [Федор Годунов-Чердынцев] еще посмотрел еженедельный иллюстрированный журнальчик, выходивший в Варшаве, и нашел рецензию на тот же предмет, но совсем другого пошиба. Это была критика-буфф. Тамошний Валентин Линева, из номера в номер бесформенно, забубенно и не вполне грамотно изливавший свои литературные впечатления, был славен тем, что не только не мог разобраться в отчетной книге, но, по видимому, никогда не дочитывал ее до конца. Бойко творя из-под автора, увлекаясь собственным пересказом, выхватывая отдельные фразы в подтверждение неправильных заключений, плохо понимая начальные страницы, а в следующих энергично пускаясь по ложному следу, он добирался до предпоследней главы в блаженном состоянии пассажира, еще не знающего (а в его случае так и не узнающего), что сел не в тот поезд. Неизменно бывало, что, долистав вслепую длинный роман или коротенькую повесть (размер не играл роли), он навязывал книге собственное окончание, — обыкновенно как раз противоположное замыслу автора. Другими словами, если бы, скажем, Гоголь приходился ему современником и Линева о нем писал, то он прочно остался бы при невинном убеждении, что Хлестаков — ревизор в самом деле. Когда же, как сейчас, он писал о стихах, то простодушно употреблял прием так называемых межцитатных мостиков. Его разбор кончеевской книги сводился к тому, что он за автора отвечал на какую-то подразумеваемую альбомную анкету (Ваш любимый цветок? Любимый герой? Какую добродетель вы больше всего цените?): «Поэт, — писал о Кончееве Линева, — любит, — (следовала почепочка цитат, искаженных насилием их сочетания и винительных падежей). — Он находит утешение в... — (та же игра); — но с другой стороны... (три четверти стиха, обращенных посредством кавычек в плоское утверждение); — иногда же ему кажется, что, — и тут Линева ненароком выковырнул что-то более или менее целое:

Виноград созрел, изваянья в аллеях синели.

Небеса опирались на снежные плечи отчизны...» —

И это было так, словно голос скрипки вдруг заглушил болтовню патриархального крестина» (*Набоков В. Дар: Роман // Набоков В. Собр. соч. рус. периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 4. С. 349–350*). Ср. в подразумеваемой Иванниковым рецензии Пильского: «Когда-то остро-

умный батюшка, законоучитель, любил говорить ученику, излагавшему текст из священного писания своими словами. Почмокав губами, священник предлагал:

– Изложите собственными словами вашу фамилию!

Это было невозможно. Но и многие из нынешних беллетристических вещей не поддаются передаче. Вот, продолжается в “Современных записках” роман В. Сирина “Дар”. Этот автор совсем не дорожит сюжетом. Заинтересовывать читателя он не хочет. Действие не двигается, шаг на месте. Прежде он нас уводил в царство бабочек, теперь, вместе с героем, отправляется в Тибет, в далекие научные экспедиции, о войне только упоминает вскользь. Самое интересное происходит не в действительности, а в размышлениях, воспоминаниях, в игре воображения. Прошел слух, что герой погиб где-то в Сибири. Как, где? Неизвестно. Начинаются гадания: ехал ли он из Семиречья к Омску, или из Памира на Оренбург с вожакom на верблюде, как проходил сквозь революционные бури, м.б. долго отстреливался, был приведен в штабной вагон карательного отряда или его расстреляли в дамской комнате какой-нибудь глухой станции? Большое внимание Сирин отводит мелочам жизни, случайностям, совсем незначительным встречам, и Федор Константинович долго ищет комнату, наконец, переезжает к Щеголевым, в этом ему деятельно помогает Александра Яковлевна, звонит по телефону. Слух автора охотно ловит уродливости языка, зрение запоминает уродливости лиц, у Щеголева была почти “непристойная” наружность, “непристойная” прическа, крупные уши, желтоватый нос, влажная улыбка, он похож на карпа. Тамара Григорьевна говорит: “Пол одиннадцатого”, Щеголев торопит, обещает, что жить у него будет как “Христос за пазухой”.

Последнее произведение Сирина местами приближается к откровенной полемике. Попадают совершенно точные названия книг (“Громокипящий кубок”), подлинны имена (Георгий Чулков), пародируются критические статьи, – Сирин – даровитый полемист, а его пародии могут вызвать улыбку. Пародирует он не только современных писателей, – в одном месте этому тихому осмеянию подвергся и Гоголь: “Случалось ли тебе читать или испытывать тонкую грусть расставанья с нелюбимой обителью?” и т.д. Пародированы и патриотические стихи, появившиеся в годы войны. (“Теперь ты бич судьбы над родиной милой”). В книжной лавке Федор Константинович находит советские книги, “эмигрантские новинки”, и среди них без всякого труда угадываешь, кого из авторов Сирин приглашает на казнь. Новый дородный роман ген. Качурина называется “Красная княжна” и невольно вспоминается П. Краснов, в Риге издан “Чтец-декламатор”, тут же лежит крохотная, в ладонь, “книжка стихов молодой поэтессы” и последний труд д-ра Утина “Основы счастливого брака”.

Не раз приходилось говорить о ненависти Сирина к засиженным, увядшим словам. Все больше ощущается бедность языка, недостаток слов, их несоответствие тому, что хочется выразить. Изобретать, находить новые слова – законное право, наша естественная потребность. Сколько их выдумал и нашел Лесков, есть такие открытия и у Сирина. Как хорошо, что в нем жива вера хотя бы в то, что словесные поиски не безнадежны. Его героям (собственно, самому Сирину) кажутся бессмысленными жалобы поэтов на то, что “ах, слов нет, слова бледный тлен, слова никак не могут выразить наших чувств”: это, – говорится в романе, – “степенные убеждения старейшего в горной деревушке жителя, что вон, на ту гору, никогда никто не взбирался и не взберется; в одно прекрасное холодное утро появляется длинный, легкий англичанин и жизнерадостно вскарабкивается на вершину”. Удачное сравнение! Ничего недостижимого нет. Впрочем, так ли уж необходима словесная изобретательность? М.б., мы просто не знакомы с русским словарем, играем на рояле одним пальцем. Но так разыгрывать можно только “Чижика”, да и что такое “новое слово”? Известно, что рождение слова есть первый случай его употребления. Другой вопрос – будет ли оно жить. Да, создать слово – легко, привить его к языку – трудно. Но интересно и важно сейчас то, что молодые писатели не удовлетворяются уже общими, знакомыми, старыми словами. Вот, в этой же книге “Современных записок” напечатано начало повести М. Иванникова “Дорога”. В этом журнале имя М. Иванникова появляется не впервые: здесь он поместил свой

«Авиорасказ». Уже в нем ясно проглядывало стремление найти нечастые слова, — «хрустальные голоса», «посуровел» и т.д. То же самое и в «Дороге». Временами эти искания у Иванникова кажутся манерностью, словесным ёрничеством. Но такими определениями от него отделаться нельзя. В каждом искании есть и должна быть внутренняя страсть. Его диктует горячее недовольство. Иногда оно становится отвращением к забубенным словам. Конечно, Иванников напрасно то и дело вставляет «соплясь», «вгорячах», придумывает искусственные эпитеты («шерстяные беспамятства»), «кошачий мяук». Попалось «скряжное удовольствие». Что значит «скряжное»? Если это значит «скупое», то и такой эпитет был бы достаточно выразительным. Но Иванникову надо, во что бы то ни стало, выискивать, стряпать слова, и казак у него был «отчаюгой», и подошел к герою «исподлобый».

Повесть Иванникова рассказывает о мытарствах неприкаянного человека, с искаленной совестью, утерянной личностью, познавшего горькие унижения. Он озлоблен, он шипит, по змеиную, но и по змеиную ползет, волочится по земле, едва смеет поднять голову, и зная себя, свое бессилие, свою нравственную и физическую немощь, еще больше озлобляется. Все встречающиеся с ним люди, все, о ком он вспоминает и говорит, представляются ему (и нам) мерзавцами, дураками или мошенниками. Других нет. Его тошнит самим собою, и оттого каждого он готов укусить, хотя бы в своих признаниях. От злобного ехидства его поводит, — украдем тургеневское сравнение, — «как бересту на огне». Вместе с другом Кирюшей герой служит в «напористой халтуре», и она именовалась вычурно и странно: «Голубой Козодой». Примадонной была «опрятно драная» Настенька, в пантомиме «Измученная Россия» у ее ног располагались «оскаленные курносы» Коко и Сашка, врун, циник и пройдоха, Кирюша «малиновел, распользаясь актерьей харей», а друг Кирюши, устроившийся в Ужгороде, ответил ему открыткой: «Живу на содержании у старухи. Адье». Самого себя герой называет «изошреннейшим блудословом».

Ему удалось устроиться у некоего архимандрита Пафнутия, лицемерного и фальшивого, выпрашивающего с достойной важностью деньги. У него красный нос, потные очки он вытирает варежками и хитро бегают его «раздетые глаза». Пока все, фигурирующие в романе, оказываются жуликами, — в большей или меньшей степени, прикрытыми или открытыми.

Но главный интерес сосредоточен на самом рассказчике. И себя самого он не милует, — это и составляет ему злое наслаждение, будит сладострастное желание поковырять больные места, полюбоваться своим падением, томным и голодным истощением душевных сил, — собственного достоинства, самолюбия, утратой человеческого облика. В рвотном сознании своего падения он везде видит «кощунственную белиберду», ищет «глумливых комбинаций», предается «игривому остроумию», слышит свой «подхалимный повизг», — сознает, чувствует, видит, и, страдая, мечтает об одном: умереть.

Эти минуты горечи и самоистязаний, голода и безнадежности описаны в повести с большой правдивостью, — «иногда в ушах накаливались и вскоре тускнели, гасли звенящие, золотистые, комариные тетины, ... все туже и реже бухали в ушах черные мгновения, и уж поковыривало внутри предчувствие грядущей неудачи». Эти места спасают повесть. Ее читаешь временами с отвращением, но где начинаются покаянства, приходящие на смену окаянствам, там слышится голос таланта, хотя и отравленного. Это — не изнеможение. Это — страстное, шипящее ехидство, и все ждешь, что герой вдруг оскалит зубы и сумасшедше завизжит: «кукареку!» Где-то, совсем близко, около этого героя тихими шажками похаживает полоумие» (*Пильский П.* Новая книга «Современных записок» [№ 65] // Сегодня. 1938. 20 янв. № 20. С. 3). Ср. также с откликом П.М. Пильского на предыдущую книгу СЗ: *Пильский П.* Новая книга «Современных записок» [№ 64]. Повесть Н. Берберовой «Лакей и девка». — «Воспоминание» Г. Газданова. — Психопатологические мотивы в беллетристике. «Тяжести». Отрывок из романа Б. Темирязева. — «Дар» Сирина // Сегодня. 1937. 6 окт. № 274. С. 3.

⁴ См. п. 3.

⁵ См.: *Иванников М.* Дорога: Повесть // СЗ. 1938. № 66. С. 43–96. См. также критические отклики на нее в печати (вступ. ст., примеч. 16, 36, 38).

⁶ В это время Иванников служил кинооператором в частной фирме.

⁷ Подразумевается Союз русских писателей и журналистов в Югославии (Белград, 1925–1937; см. о нем: *Шумихин С.В.* Союз русских... // ЛЭРЗ. 2000. Периодика. С. 464; [Б.п.] Хроника литературной жизни русского зарубежья: Югославия (1919–1940) // Российский литературоведческий журнал. М., 2000. № 13/14. Ч. 2. С. 289–319. Иванников состоял членом Союза с 1935 г. Его деятельность он в завуалированной форме отразил позднее в рассказе «Правила игры» (см.: *Иванников М.* Правила игры // НЖ. 1956. № 44. С. 5–21; в этой же связи см.: *Данилевский А.А.* Как сделаны «Правила игры» Михаила Иванникова // Диаспора. Париж; СПб., 2007. Вып. 9. С. 253–295).

⁸ Подчеркивание предположительно рукой Руднева.

⁹ По позднейшему свидетельству Е.Л. Таубер, хорошо и близко знавшей Иванникова с начала 1930-х гг., «Литературный его успех начался с рассказа “Лорд”, который был напечатан в “Последних новостях” [в 1931 г.]. Я помню, как прибежал ко мне Иванников, размахивая газетой, с первым своим напечатанным рассказом. Он сиял. “Сам Бунин хвалил и спрашивал обо мне”, [–] рассказывал он, забыв обычную сдержанность. Бунин был его кумиром [...] И похвала Бунина была для него величайшим триумфом [...] Бунин, Толстой и Чехов были его любимыми писателями. Достоевского он не любил» (*Таубер Е.* Годы дружбы с М.Д. Иванниковым // НЖ. 1969. № 96. С. 94). Иванников познакомился с Буниным во время визита последнего в Белград в конце августа 1937 г. (в этой связи см. фото банкета в честь приезда первого русского лауреата литературной Нобелевской премии, на котором Бунин сидит в обществе жены Иванникова Лидии Алексеевой и по соседству с ним самим – в кн.: *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (Писци, кружоци и издања). [Београд, 1990]. Вклейка между с. 256 и 257). Известны два письма Иванникова Бунину – от 24 мая 1938 г. и от 8 июня 1938 г. (см. вступ. ст.).

¹⁰ По свидетельству Вишняка, Осоргин постоянно опекал молодых авторов и «открыл» или, во всяком случае, помог «открыться» литературному дарованию Газданова, Темирязева (Юрий Анненков), В. Яновского, частично – Ладинского» (Вишняк 1993. С. 138).

5. Вишняк – Иванникову

Paris. 13 февраля 1938 г.

13 февраля

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич!

Еще 21-го января я послал Вам письмо¹, на которое не получил ответа. Сегодня выяснилось, что адрес, по которому я Вам отправил письмо (Илаким – Продано-ва 8), давно устарел. Пишу по адресу, полученному от В.В. Руднева, – вторично.

С ближайшего апреля «Русские записки» (не «Современные»!) становятся ежемесячным журналом и будут выходить под редакцией П.Н. Милюкова. В качестве секретаря Редакции обращаюсь к Вам с просьбой сообщить, – нет ли у Вас рассказа или небольшой повести, которые Вы могли бы предложить «Русским запискам»?

Журнал будет платить гонорар из расчета в 500 франков за печатный лист в 40 тысяч знаков.

Публикуется по машинописной копии (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 4. F. 40). Год установлен по содержанию.

¹ См. п. 3.

6. Иванников — Вишняку

Београд. 18 февраля 1938 г.

18.П.38

M. Ivanikov, Mačvanska 18, Belgrade, Yougoslavie

Глубокоуважаемый Марк Вениаминович!

Письмо Ваше от 13 февраля получил; первое (от 21 января), действительно, было направлено по устаревшему адресу и до меня не дошло.

Любезное приглашение Ваше сотрудничать в «Русских записках», конечно, с благодарностью принимаю, но предложить Вам что-нибудь сейчас не могу: готового ничего нету. Работать мне приходится урывками, понемногу, и поэтому сообщить, даже приблизительно, время, когда мне удастся закончить начатое, затрудняюсь. Но при первой же возможности не премину Вашим предложением воспользоваться¹.

Спасибо за внимание. С совершенным уважением

Мих. Иванников

Публикуется по автографу (Hoover Institution. Vishniak papers. Box 4. F. 40). Помета рукой Вишняка: «Мих. Иванников».

¹ Повторимся: Иванников в РЗ не печатался.

7. Иванников — Рудневу

Београд. 23 июня 1938 г.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Спасибо за милое письмо и добрые вести; признаться, я не ожидал, что «Дорога» будет принята так благожелательно (со стороны литературной). Отзывы Алданова¹, Берберовой², Ходасевича³, Бицилли⁴ — приятные и неожиданные для меня сюрпризы; я уже не говорю об отзыве самом для меня дорогом — бунинском. Немало поразил меня и Адамович: здесь-то я никак уже не рассчитывал на лестную рецензию⁵, ибо его литературные позиции и окружение всегда представлялись (и представляются) мне вражескими. Я совсем не в восторге от некоторых утверждений и высказываний. Ходасевич по своим литературным верованиям мне ближе⁶.

Не надеясь на признание литературное, я был в полной уверенности, что со стороны общественно-идеологической меня приметят; и так и вышло: уже один коллективный протест есть⁷. Если можно, пожалуйста, пришлите мне его (по ознакомлении обязуюсь немедленно вернуть). Я всецело присоединяюсь к Вашему мнению, что истинно верующих повесть не заденет. Заденет элемент неустойчивый: легкокрылых прозелитов, — эти всегда пылят ужасно. Но на воре и шапка горит.

Замечания Бунина о «лихачестве и ухарстве» вполне приемлю и принимаю к сведению⁸; прав (преизбыток метафор) и Бицилли; ничего, конечно, не потеряла повесть оттого, что Вы кое-где ее «подсушили». Но Адамовичу, увы, боюсь не потрафлю: «разухабисто цветистые периоды»⁹ все еще остаются: иначе писать пока не умею. Это, конечно, может пройти только само собою.

Касательно выпуска книги, признаться, не думал, не думал, потому что сам я по причинам денежного характера издать не могу, а издателя в Белграде сыскать невозможно. Конечно, я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы мне посодествовали в этом смысле в Париже. Само собою разумеется, что на какой-либо заработок от издания книги я не претендую и не рассчитываю. Но беда в том, что едва ли на это может рассчитывать и издатель¹⁰.

За предлагаемый аванс спасибо; но сейчас он мне не нужен, потому что теперь в разгар сезона я не могу откупиться от моего хозяина: отпуска он мне не даст. Любезным предложением Вашим, если позволите, я воспользуюсь позже, к осени, когда рабочая суматоха несколько стихнет. Писания мои понемногу подвигаются, но очень понемногу: сильно устаю за день. Писать по-настоящему могу только по воскресеньям, и то не всегда.

К письму прилагаю фотографическую карточку. В общем, кажется, довольно похоже, хотя и чувствуется некоторый переизбыток мировой скорби.

Еще раз спасибо за внимание и заботливость. С преданностью и уважением

Мих. Иванников

23.VI.38. Белград, Mačvanska 18

P.S. Как обстоит со стихами моих земляков¹¹? Ваше о них мнение?

М.И.

Вадим Викторович, одна большая к Вам просьба: не будете ли Вы так любезны черкнуть Довиду Кнуту¹², попросить его от моего имени (я с ним немного знаком) сообщить адрес моего приятеля *Сергея Миллича Рафальского*¹³, который когда-то у Кнута работал в пошуарной мастерской¹⁴. Извините за беспокойство; но иного **выхода** способа найти моего старого приятеля нет. Адреса всех моих парижских знакомых я давно позабыл: обратиться больше не к кому.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Печатные отклики М.А. Алданова на тексты Иванникова не зарегистрированы.

² Печатные отклики Н.Н. Берберовой на произведения Иванникова не зарегистрированы.

³ См. примеч. 1 и 5 к п. 4.

⁴ Печатные отклики П.М. Бицилли на тексты Иванникова не зарегистрированы. Ср. отзыв Бицилли о «Сашке» в письме к Рудневу от 15 февраля 1935 г.: «Кто такой *Иванников*? Раньше мне его имя нигде не попадалось. Талантливо замечательно и к тому же на редкость умно и жизненно» (наст. изд. Т. 2. С. 552).

⁵ См. примеч. 1 и 5 к п. 4.

⁶ Иванников определяет здесь свое отношение к длительной «литературной войне» между двумя наиболее авторитетными эмигрантскими критиками (см. об этом, напр.: Poleмика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927–1937) / Вступ. ст. и примеч. О.А. Коростелева; публ. О.А. Коростелева и С.Р. Федакина // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 204–250).

⁷ О чем идет речь, неизвестно. См. в той же связи также появившийся месяц спустя индивидуальный протест: *Дехтерева Ал.* По поводу повести «Дорога» (Письмо в редакцию) // Меч. 1938. 17 июля. № 28 (214). С. 6.

⁸ Ср. во втором письме Иванникова Бунину, датированном (по почтовому штемпелю) 8 июня 1938 г.: «Большое спасибо за добрый отзыв и внимание. То, что говорите Вы — для меня самое важное. Хотел написать Вам душевное письмо, но потом посовестился: боюсь, что выйдет по-женски. Вы и без письма знаете, что я очень почитаю и люблю Вас, слушаюсь

и впредь буду слушаться. С “лихачеством” борюсь елико возможно. Очень хочется писать и работать по-настоящему, но проклятая служба забирает день» (РАЛ. MS. 1066/3019).

⁹ Отсылка к следующему высказыванию Адамовича в его отклике на 2-ю часть «Дороги» в 66-й книге СЗ: «автор “Дороги” — несомненное приобретение для нашей здешней литературы, и, может быть, даже писатель с большим будущим. Первая часть его повести далеко не так явственно убеждала в этом, как те главы, которые напечатаны теперь. Да и замысел “Дороги” не был ясен! Принимаясь читать произведения знакомого автора, большею частью лишь прислушиваешься к звуку фразы, к ее строению, к стилю вообще, — и вот именно из-за такого подхода повесть не сразу внушила доверие. Звук иванниковской фразы, взятой в отдельности, как-то легковесен. В намерениях автора чувствовалось что-то ребяческое, — и Верманда, например, вероятно, поморщился бы над первыми страницами “Дороги”, зевнул бы и предпочел бы смотреть в потолок, чем пережевывать и глотать эти цветистые, разухабистые, бойко витиеватые периоды. Давно известно, что в искусстве прогресса нет. Но невольно хотелось все-таки спросить: как можно писать так, после Пушкина, Толстого и хотя бы Чехова? Что это, новизна? Что это, завоевание, движение вперед? В вопросе был бы заключен и приговор, если бы литературные формы существовали и развивались сами по себе. Но они — лишь отражение того, что происходит в сознании художника, и нельзя о них судить независимо от человека. Ну а человеку законы не писаны, и то, что просто для одного, то вычурно для другого — и никакая “уравниловка” тут не применима. В природе все естественно только потому, что все ограничено» (Адамович Г. «Современные записки», № 66. Часть литературная // ПН. 1938. 2 июня. № 6276. С. 3).

¹⁰ Книги сочинений Иванникова не выходили.

¹¹ Речь идет о стихах Е.Л. Таубер и Е. Кискевича, посланных в редакцию СЗ (см. п. 9).

¹² Кнут Довид (наст. имя: Давид Миронович Фиксман; 1900—1955), поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, мемуарист. В Париже с 1920 г. В 1921—1924 гг. участник авангардных литературных группировок «Палата поэтов», «Гатарапак», «Через»; в 1925 г. — один из организаторов парижского Союза молодых поэтов и писателей, с 1928 г. участник лит. группы «Перекресток». Подробнее о жизни и творчестве Кнута см.: Федоров Ф.П. Жизнь и судьба // Федоров Ф.П. Довид Кнут. М., 2005. С. 9—63. По всей вероятности, с Д. Кнутом Иванников познакомился в период своего пребывания в Париже с 1926 по май 1930 г.

¹³ Рафальский Сергей Милич (Миличевич; 1896—1981), поэт, прозаик, публицист, журналист, мемуарист. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции. После 1921 г. принял польское гражданство. В 1922 г. переехал в Прагу, где стал одним из организаторов объединения «Скит поэтов». Был в этот период близок сменовеховству. В 1924 г. окончил Русский юридический факультет Карлова университета. Сотрудник пражского Института изучения России. В 1927 г. поселился в Остроге (Польша), с 1929 г. обосновался в Париже. Подробнее о жизни и творчестве Рафальского см.: Николаев Д.Д. Сергей Милич Рафальский (1896—1981) // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. М., 2005. Вып. 3. С. 99—122. Рафальский стал близким другом Иванникова с пражских времен, именно он привел 8 декабря 1924 г. начинающего тогда писателя в «Скит поэтов» для знакомства и чтения там рассказа «Настя», после чего Иванников был принят в члены этого объединения под номером двенадцать (см. об этом: Вольнский М. [Рафальский С.М.] Последний долг // РМ. 1968. 10 окт. № 2707. С. 8—9; Рафальский С. Записки читателя // НРС. 1970. 4 янв. № 21754. С. 5; Белошевская Л.Н., Нечаев В.П. Михаил Дмитриевич Иванников // «Скит». Прага 1922—1940. М., 2006. С. 247).

¹⁴ От фр. *rosnoir* — трафарет. В этой связи см. след.: «Если иметь в виду сферу бытовую, то можно вне всякого сомнения сказать: во Франции Кнут жил трудно (речь идет не о нищете, а о необходимости зарабатывать “хлеб насущный” трудом, весьма далеким от труда духовного, в том числе литературного, от него весьма и весьма отвлекающего). Н.Н. Берберова в книге воспоминаний “Курсив мой” пишет: “Кнут был небольшого роста, с большим носом, грустными, но живыми глазами. В двадцатых годах он держал дешевый ресто-

ран в Латинском квартале [...]. До этого он служил на сахарном заводе, а позже занимался ручной раскройкой материи, что было в то время модным...” (*Берберова Н.Н.* Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 318). Так же вспоминает Кнута и З.А. Шаховская: “Маленький, худенький, смуглокожий Довид Кнут жил нелегко. Сперва был рассыльным в каком-то предприятии, затем открыл свое дело...” (*Шаховская З.А.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 149)» (*Федоров Ф.П.* Жизнь и судьба // Федоров Ф.П. Довид Кнут. М., 2005. С. 40). В свою очередь см. в некрологе С.М. Рафальского: *Вольнский М.* [Рафальский С.М.] Последний долг // РМ. 1968. 10 окт. № 2707. С. 8–9.

8. Иванников — Рудневу Београд. 10 июля 1938 г.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!
Около трех недель тому назад послал Вам большое письмо с фотографией.
Боюсь, однако, не пропало ли оно?
Если Вы его не получили, уведоьте меня, пожалуйста, об этом. Тогда письмо пошлю заказным.
С сов[ершенным] уважением

Ваш Мих. Иванников

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, “Annales Contemporaines”, 6, rue Daviel, Paris (13^e), France»; адрес отправителя: «M. Ivannikoff, Mačvanska 18, Belgrade, Jougoslavie»; почт. шт.: «Београд, 10.7.1938».

9. Иванников — Рудневу Београд. 30 октября 1938 г.

30.X.38, Белград

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!
Открытку Вашу и книги для Таубер¹ и Кискевича² получил и передал по назначению. Все наши поэты очень благодарят Вас за содействие при напечатании их стихов.

Теперь о моих делах.

Рассказ, о котором я Вам писал, уже больше не рассказ, но повесть, почти оконченная³. Совсем закончить ее мне помешали летние съемки, а также политические огорчения, — подразумеваю то, о чем пишете Вы в Вашей статье в последней книжке⁴. (Не согласен я только с мажорным концом статьи: при всем своем обрончестве⁵ надежд Ваших на благополучный для России конец в случае войны не разделяю⁶.)

Но возвращаюсь к повести.

Конечно, очень хотелось бы, чтобы она (в том случае, понятно, если Вы ее одобрите) появилась в 68 книжке; и вот поэтому я просил бы Вас назначить мне *последний, крайний* срок, когда бы я мог прислать ее Вам для просмотра. Такой (последний) срок — полезен для меня в двух отношениях: во-первых, я бы не очень

спешил, а во-вторых, работал все-таки поэнергичнее, памятью взятое на себя обязательство. Легкое подстегивание для российских натур — вещь полезная.

С совершенным уважением

Ваш Мих. Иванников

P.S. Книжку библиотекарь тоже получил.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7).

¹ Таубер Екатерина Леонидовна (1903—1987), поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуаристка. Уроженка Харьковца, дочь правоведа Л.Я. Таубера. В 1920 г. с родителями эмигрировала в Белград. С середины 1920-х гг. участница литературного Книжного кружка (одно время носившего название Книжного кружка им. М.Ю. Лермонтова; 1925?—1935?), русско-сербской группы «Ступени». С 1928 г. участница белградского филиала литературной группы «Перекресток» (Париж). В 1928 г. окончила французское отделение философского факультета Белградского университета. Член белградского Союза русских писателей и журналистов. С 1934 г. участница объединения «Литературная среда» (1934—1938). В 1936 г. переехала во Францию, в Мужен близ Канн. В 1949 г. приняла французское гражданство. В 1955—1971 гг. преподавала русский язык в Каннском лицее. В 1940-е — начале 1950-х гг. входила в окружение И.А. Бунина.

Е. Таубер — близкий друг Иванникова и его соратница по белградской «Литературной среде» (в которую Иванников также входил с 1934 г.), подруга его первой жены, поэтессы Лидии Алексеевны Алексеевой (урожд. Девель; 1909—1989; Нью-Йорк), вместе с которой она участвовала в деятельности Книжного кружка, автор воспоминаний о нем (см.: *Таубер Е.* Годы дружбы с М.Д. Иванниковым // НЖ. 1969. № 96. С. 93—96) и развернутой статьи о его довоенном творчестве (см.: *Таубер Е.* О довоенных рассказах Михаила Иванникова // РМ. 1970. 19 марта. № 2782. С. 8); после своего переезда во Францию поддерживала с писателем многолетнюю переписку, в пору редких визитов в Белград навещала его. В письме речь идет о публ.: *Таубер Е.* [Стихотв.] «Простая радость бытия...» // СЗ. 1938. № 67. С. 156.

² Кискевич Евгений Михайлович (1891—1945), поэт и журналист, фактический организатор, вдохновитель и — длительное время — председатель белградского Книжного кружка, в который сразу после возвращения из Парижа весной 1930 г. влился Иванников; позднее оба они входили в основанное и руководимое И.Н. Голенищевым-Кутузовым объединение «Литературная среда» и в Союз русских писателей и журналистов (Иванников — с 25 марта 1935 г.). Кискевич был близок с женой Иванникова, поэтессой Лидией Алексеевой. В конце войны Кискевич был обвинен советскими военными властями в сотрудничестве с гитлеровцами, арестован и по приговору югославского суда расстрелян, — подробнее о нем см.: *Бурић О.* Руска литерарна Србија 1920—1941 (Писци, кружоци и издања). [Београд, 1990]. С. 67—74 и др. Кискевич послужил прототипом главного героя рассказа Иванникова «Правила игры» (см.: *Иванников М.* Правила игры // НЖ. 1956. № 44. С. 5—21; в этой связи см. также: *Данилевский А.А.* Как сделаны «Правила игры» Михаила Иванникова // Диаспора. Париж; СПб., 2007. Вып. 9. С. 277—279). Речь в письме идет о публ.: *Кискевич Е.* Городской пейзаж: [Стихотв.] («Давно уже не видно мне ни ветки...») // СЗ. 1938. № 67. С. 154—155.

³ Сказать с определенностью, о каком произведении идет речь, не представляется возможным. В этой связи напомним еще раз: после публикации повести «Дорога» никаких сочинений Иванникова в СЗ не появлялось.

⁴ Подразумевается след.: *Руднев В.В.* Судьба Чехословакии // СЗ. 1938. № 67. С. 434—448.

⁵ Оборончество здесь — убеждение в необходимости оказания эмиграцией помощи Советской России в случае нападения на нее гитлеровской Германии.

⁶ Подразумеваются следующие строки из статьи Руднева: «В центре сопротивления надвигающемуся на Европу варварству несомненно суждено стоять франко-английскому союзу.

Он представляет собою, при условии полной солидарности и единства действий обоих правительств, достаточно мощную силу, чтобы импонировать “тоталитарному” блоку. Желательно и сохранение франко-советского договора. Мы знаем, что можно сказать о правительстве, в момент внешней опасности для страны занимающемся истреблением командного состава своей армии. Но мы верим в творческий гений самой России, в государственный инстинкт народа, в сознательные национальные силы, способные отстоять Россию, когда грянет военная гроза. Наконец, надо пожелать и самой Франции поскорее изжить изнуряющий ее внутренний кризис: только будучи сильной внутри, Франция сможет быть самостоятельным фактором мира. Солидарная деятельность этих трех народов, поддержанная Америкой, способна изменить в пользу мира соотношение сил в Европе» (Там же. С. 448).

10. Иванников — Рудневу

Београд. 21 ноября 1938 г.

21.XI.38

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Недели две (а скорее всего, три) тому назад послал Вам письмо, в котором запрашивал Вас относительно возможности напечатания (в случае, понятно, одобрения вещи) своей новой повести в рождающейся 68 кн[иге] «Совр[еменных] записок»; запрашивал также относительно *последнего срока* для присылки и просмотра рукописи в Париж. Ответа до сих пор не получил; боюсь, что или мое, или Ваше ответное письмо затерялись в пути. Мне лучше всего писать или открытки, или заказными.

С сов[е]ршенным] уважен[ием]

Ваш Мих. Иванников

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка с изображением Белграда; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, “Annales Contemporaines”, 6, rue Daviel, Paris (XIIIe), France»; адрес отправителя: «Mačvanska 18, Belgrade»; почт. шт.: «Београд, 21.11.1938».

11. Иванников — Рудневу

Београд. 26 декабря 1938 г.

26.XII.38.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Дней через десять пришло Вам для просмотра небольшой рассказ (если, конечно, не случится за это время чего-нибудь непредвиденного)¹. Повесть написал — и отложил; пусть постоит. Она мне не нравится.

В случае же, если почему-либо не смогу прислать и рассказа — сообщу на этой неделе.

Спасибо за внимание. С наступающими праздниками

Ваш Мих. Иванников

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка с изображением Белграда; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, "Annales Contemporaines", 6, rue Daviel, Paris (XIIIe), France»; почт. шт.: «Београд, 27.12.[год не отпечатался]».

¹ Возможно, речь идет о рассказе с «белградской» тематикой, семнадцатую годами позже опубликованном нью-йоркским «Новым журналом» (см.: *Иванников М. Заговор* // НЖ. 1956. № 46. С. 5–24).

12. Иванников — Рудневу

Београд. 29 апреля 1939 г.

Belgrade — 29.IV.39.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Из сомнительных и неблагоуханных моих «цветочков» недели через две—три пришло Вам для просмотра один рассказ. Он почти совсем готов, — остается только подстричь, пригладить и переписать его на машинке. В работе еще один рассказ и большая повесть.

Как поступить с деньгами, которые причитаются редакции за последний номер «Совр[еменных] зап[исок]», посланный Вами в Союз писателей¹?

С сов[ершенным] уважением

Ваш Мих. Иванников

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, "Annales Contemporaines", 6, rue Daviel, Paris — France», адрес зачеркнут и приписано: «Aucun au № 6 [В № 6 никого нет]»; адрес отправителя: «M. Ivannikoff, Mačvanska 18, Beograd, Jougoslavie»; почт. шт.: «Београд, 29.4.1939», «Paris, 2.5.1939».

¹ См. примеч. 7 к п. 4.

13. Иванников — Рудневу

Београд. 11 июня 1939 г.

11.VI.1939.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Простите и поймите: дни мои проходят в страшной суете: то или разъезжаю, снимая всякие события — посещение высоких особ, то велосипедные гонки, то еще что-нибудь в этом роде — или невылазно сижу в лаборатории, проявляя заснятое. С литературой общаюсь только по вечерам, да по воскресеньям (опять-так[и] если нет съемки). Во всяком случае спешу с отделкой и перепиской рассказа елико возможно.

С сов[ершенным] уважением

Ваш Мих. Иванников

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, "Annales Contemporaines", 6, rue Daviel, Paris (XIIIe), France»; почт. шт.: «Београд, 11.6.1939».

*«О прозе для
“Современных записок”
обещаю серьезно подумать.
А покамест все угощаю
Вас стихами»:
В.И. Иванов*

Публикация, вступительная статья и примечания
А.Б. Шишкина

«Несмотря на упорные просьбы редакторов парижских эмигрантских журналов, так же, впрочем, как и своих оставшихся на родине доброжелателей, [Иванов] ни за что не хотел печатать на русском языке свои новые произведения», — отмечал И.Н. Голенищев-Кутузов¹. Эти слова как будто противоречат мемуарному свидетельству редактора СЗ М.В. Вишняка: «С 10-й книги стали печататься стихотворения Гиппиус и Вячеслава Иванова, с 13-й — Ходасевича, с 18-й — Бунина», — писал он в 1950-е гг. в своих воспоминаниях². На самом деле стихотворения из вступления к поэме «Деревья» в 10-й книге СЗ за 1922 г. были напечатаны, скорее всего, помимо воли их автора, который в 1921—1924 гг. находился в Баку и вряд ли знал о републикации текста, появившегося впервые в «Записках мечтателей» (1921. № 2—3. С. 176—178). В СЗ — мелкие погрешности в пунктуации по сравнению с набранным по новой орфографии текстом «Записок мечтателей»; эта публикация в 10-й книге СЗ — скорее всего, неизвестная нам инициатива самого русского парижского журнала, для которого имя поэта обладало определенным значением; не случайно в следующей, 11-й книге СЗ шла рецензия Б.Ф. Шлецера на «Переписку из двух углов» Иванова и Гершензона.

В 1924 г. поэт с сыном Дмитрием и дочерью Лидией навсегда оставил Советскую Россию. Сразу по приезде в любимый поэтом Вечный Город сочинился цикл «Римские сонеты», который поэт осенью 1924 г. передал в горьковскую «Беседу», единственный «нейтральный» зарубежный русский журнал (он прекратился на седьмом номере). Весной 1925 г. возобновился письменный диалог со старым другом и единомышленником, в 1900-е гг. гостем знаменитой ивановской Башни в Петербурге Федором Степуном³. Его роман «Николай Переслегин» Вяч. Иванов уже прочитал в Риме в 17-й и 18-й книгах СЗ. Степун от имени редакции СЗ (скорее всего, от имени Фондаминского, на грасской вилле которого он находился, и своего) настоятельно приглашал Вяч. Иванова в журнал (письмо от 15 марта 1925 г.): «Нет ли у Вас стихов для “Современных записок”? Если Вы останетесь здесь [т.е. в Западной Европе. — А.Ш.], Вы, надеюсь, не откажете нам [курсив мой. — А.Ш.] в своем внимании» (п. 1).

На это поэт отвечал 22 марта 1925 г.: «Хотел бы издать много разных вещей (в стихах и прозе), но в издательстве аполитическом или анонимном, в силу данного в Москве при отпуске в командировку обещания, что не нарушу аполитизма и косвенно» (п. 2). К этой же теме Вяч. Иванов вскоре вернулся к письмам к Л.И. Шестову и к

¹ См.: *Голенищев-Кутузов И.Н. Достоевский и Вячеслав Иванов // Голенищев-Кутузов И.Н. От Рильке до Волошина. М., 2005. С. 194.*

² Вишняк 1957. С. 103; Вишняк 1993. С. 76.

³ См. яркое и подробное описание Башни в книге: *Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 290—292.* «Степун был другом Иванова, в те годы я видел в его лице нечто схожее с ивановским», — отмечал итальянский славист Э. Ло Гатто (*Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia. Milano, 1976. P. 41*). Ср. также: «На днях он [Степун] вышлет Вам своего “Переслегина”. Ему необходимо знать Ваше отношение к этой вещи; ведь весь роман написан благодаря Вам»; письмо О.А. Шорк к В.И. Иванову от 7 февраля 1927 г. (Русско-итальянский архив. Salerno, 2001. Т. 3. С. 252).

В.Ф. Ходасевичу. Шестову поэт подробно писал: «Не удалось ли бы Вам (в добром дружеском желании Вашем сомневаться не могу) устроить для меня какое-либо издание моих стихов (напр., всего неизданного “Человека”⁴) или прозы. Мне мечталось бы перевести “Бож[ественную] комедию” Данта⁵, если бы кто-либо (но кто же? не Цетлины⁶ ли?) оплачивал мне, хотя и скромно, переводимое периодически». Шестов отвечал Иванову 8 мая 1925 г., извещая, что рассчитывать на Цетлина не приходится, ибо с ним в Париже Шестов совсем не встречается⁷.

Но к этому времени Вяч. Иванов уже получил подробное расхолаживающее письмо от Ходасевича, которого Иванов, как можно думать⁸, также просил разузнать о возможности гонорарного издания Данте в русском Париже. 29 апреля 1925 г. Ходасевич сообщал:

«Я пробыл в Париже 5 дней, осмотрелся, как говорится, — и вынужден сообщить Вам самые неутешительные вести. Кроме периодических изданий в Париже никто ничего не издает. В частности, Цетлины прекратили всякую издательскую деятельность и не собираются ее возобновлять.

Конечно, об издании *Вашего* перевода можно было бы завести речь несмотря ни на какие условия книжного “рынка”. Но здесь — другое препятствие, столь же непреодолимое. Дело в том, что теперь от всех, кто хочет печататься здесь, требуют самых решительных гарантий полного разрыва, фактического и юридического, с Советской Властью. Люди, весьма близкие к Цетлиным, посоветовали мне, не имея таких с Вашей стороны гарантий, даже и не заикаться об этом деле, так как говорят, что разговоры не только будут практически безуспешны, но мне даже придется выслушать ряд резкостей, как по Вашему, так и по моему даже адресу. После этого, Вы понимаете, я не решусь ставить в неловкое положение ни Вас, ни себя»⁹.

Ситуация среди русских парижан, обрисованная Ходасевичем, для Иванова была неприемлема по соображениям как собственного достоинства, так и прагматического благоразумия, ввиду данного им в Москве слова и получаемой из ЦЕКУБУ пенсии. Поэт попытался воспользоваться своими прежними московскими связями — прежде всего с П.С. Коганом и А.В. Луначарским, чтобы получить официальный заказ Госиздата на перевод «Божественной комедии»¹⁰. 16 января 1927 г. поэт крайне обнадежен-

⁴ Имеется в виду философская поэма «Человек». См. новейшее издание: *Иванов В.И.* Человек. М., 2006. Т. 1. Репринтное изд.; Т. 2. Приложение: статьи и материалы.

⁵ Этот проект не был осуществлен, хотя Вяч. Иванов не оставлял надежд получить заказ на перевод Данте до конца 1920-х гг. Ср.: «Я был бы счастлив получить от Госиздата перевод поэмы Данта, мной начатый, — что донны мне не удавалось»; письмо к А.В. Луначарскому от 5 сентября 1928 г. (Русско-итальянский архив. Trento, 1997. Т. 1. С. 558).

⁶ Имеются в виду Михаил Осипович Цетлин (1882–1945) и его жена Мария Самойловна Цетлин (1882–1976), известные своей меценатской деятельностью; в частности, на их (а также М.А. Алданова) средства был основан в 1942 г. в Нью-Йорке «Новый журнал». В салоне Цетлиных в Москве в конце января 1918 г. состоялся вечер — «встреча двух поколений поэтов», в котором участвовали Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, А. Белый, Вяч. И. Иванов, В.В. Каменский, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак и др.; см.: Литературная жизнь России 1920-х гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1, ч. 1. С. 102. Ср.: *Демидова О.* «Ей Серебряный век обязан существованием» (К биографии М.С. Цетлин) // *Jews and Slavs.* Jerusalem, 2006. Vol. 17. С. 205–218.

⁷ Символ. 2008. № 53–54. С. 428–429.

⁸ Ивановское письмо к последнему, видимо, утрачено.

⁹ РАИ. Оп. 5. Карт. 11. Папка 5.

¹⁰ Это лейтмотив ряда писем поэта к О.А. Шор. См.: «[Керженцев] хотел воспользоваться своим влиянием в Госиздате, на предмет заказа мне перевода “Божественной Комедии”. Я был бы счастлив сделать это дело, достойное поэтической старости»; письмо к О.А. Шор от 27 июля 1925 г. (Русско-итальянский архив. Trento, 1997. Т. 1. С. 192); «Я именно нуждаюсь в заказе переводов и хотел бы предложить Анатолию Васильевичу [Луначарскому] своего Данте. Таиров был у меня, обещал поговорить с Анатолием Васильевичем, то есть о поручении мне Данте»; письмо от 11 июля 1926 г. (Там же. С. 229; ср.: С. 240); «Я уже писал и Петру»

но сообщал сыну и дочери: «Очень обрадовала меня в пришедшей с большим опозданием открытке Ольги Александровны [Шор] фраза: Петр Семенович (Коган) Вам просит передать, что Данта проведет. Если и в самом деле, даст Бог, проведет, это [...] будет маленькая рента за Данта, которому я охотно отдамся, потому что стихи слагать не разучился»¹¹. Опасение загубить этот проект принуждало Иванова отказаться от мысли увидеть свои сочинения в изданиях русской диаспоры: «Почему не печатаю стихов в Париже? Попробуй я только, и Данте не увижу, как своих ушей»¹².

Между тем именно в эти самые годы эмигрантские журналы различных направлений всерьез думали сделать поэта своим автором, иначе говоря, предполагали включить Вяч. Иванова в литературное и политическое направление своего печатного органа. Наиболее любопытна в этом отношении инициатива кн. Д.П. Святополк-Мирского, который с 1926 г. совместно с П.П. Сувчинским, С.Я. Эфроном и «при ближайшем участии» А.М. Ремизова, М.И. Цветаевой и Л.И. Шестова издавал журнал «Версты». В мае 1926 г. Мирский настойчиво пытался узнать адрес поэта, чтобы «просить о стихах для 2 номера» журнала¹³.

В том же 1926 г. рассчитывали на сотрудничество поэта и в редакции СЗ. Во всяком случае, какие-то основания для этого были у Фондаминского. Однако вскоре Фондаминский, видимо, получил известия о намерениях поэта воздержаться от публикации в СЗ и 19 января 1927 г. уже разочарованно писал Вишняку: «Ни от Гиппиус, ни от Вяч. Иванова очевидно стихов ждать нельзя» (Ред., п. 124). Близкий друг поэта и его семьи П.П. Муратов (автор очерка «Вячеслав Иванов в Риме» в парижском «Звене» от 9 мая 1926 г.), однако, продолжал настаивать в письме от 6 февраля 1927 г.: «“Современные записки” просят меня бить Вам челом о стихах»¹⁴; 13 апреля того же 1927 г. в том же роде писал и Степун (п. 4)¹⁵. Насколько трудно давалось Вяч. Иванову решение воздерживаться от всякого рода участия в эмигрантских изданиях, прорывается в письме от 23 сентября 1929 г. к Евсею Шору, который предлагал издать по-русски книгу поэта о Достоевском: «Глубоко благодарю Вас за неустанные Ваши заботы, хлопоты и труды! Идея превосходная... но издание книги в эмигрантском издательстве немедленно прекратило бы получение академической пенсии из Цекубу. А анонимно “Совр[еменные] Записки” книги, вероятно, не издадут? А может быть — все же! — Я думаю, что Вы лучше осведомлены о моих отношениях с советскими властями. Остается — *post mortem?* — »¹⁶.

Вхождению Вяч. Иванова в парижскую русскую прессу и прежде всего в СЗ содействовал молодой поэт, переводчик и италянист И.Н. Голенищев-Кутузов (1905–1969). Вместе со своим белградским профессором Е.А. Аничковым, приятелем Вяч. Иванова еще по петербургской Башне, он два лета подряд, в 1927 и 1928 гг., приходил к по-

Семеновичу [Когану], прося его по возможности содействовать плану поручения мне каких-либо классических переводов — Данта, думал бы я, ибо какую другую пользу могу я принести, при современных условиях, моих и данных обществу, как не перевод Данта? — будучи вообще “ненужным элементом”»; письмо от 11 сентября 1926 г. (Там же. С. 235); «Помог бы мне хороший заказ из Госиздата — на Данте, скажем, или на что другое, поэтическое и классическое. Но Петр Семенович молчит, — значит, дело не выходит, и должно быть, Анатолий Васильевич не располагает заказами. Керженцев уже пытался через Ионова действовать в этом направлении, но безуспешно»; письмо от 9 декабря 1926 г. (Там же. С. 245).

¹¹ Символ. 2008. № 53–54. С. 513.

¹² Письмо к Д.В. и Л.В. Ивановым от 23 февраля 1927 г. (Символ. 2008. № 53–54. С. 524).

¹³ См.: *Smith G.S. The letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1921–31.* Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs; 26). P. 55.

¹⁴ РАИ. Оп. 5. Карг. 8. Папка 4.

¹⁵ Поразительно, что в 1928 г. те же стихи захотели напечатать в Москве редакторы советской «Красной нови» — Вс.В. Иванов и Ф. Раскольников (см.: Русско-итальянский архив. Trento, 1997. Т. 1. С. 276–277).

¹⁶ Символ. 2008. № 53–54. С. 350.

эту в его римскую квартиру неподалеку от площади Испании. Как вспоминал Голенищев-Кутузов, «говорили о поэзии, о религии, о кризисе культуры, античной Греции и средневековье. [...] Неизменным гостям Иванов читал свои новые стихотворения и поэму “Человек”... также и песнь из переводимой им Комедии Данте»¹⁷. Уже в 1930-е гг. Голенищев послал Иванову свой перевод дантовой «Новой жизни».

25 января 1930 г. И.Н. Голенищев-Кутузов прочитал доклад «Лирика Вяч. Иванова» на литературном вечере, устроенном Союзом молодых поэтов и писателей в Париже¹⁸. Доклад оживил интерес к поэту, живущему в Италии. Как сообщал Голенищев-Кутузов Иванову 3 марта 1930 г., новых стихотворений просил Н.А. Оцуп для журнала «Числа» и С.К. Маковский для газеты «Возрождение»¹⁹. Но самым приемлемым оказался компромисс, предложенный М.О. Цетлином: напечатать новые стихи Иванова в СЗ «контрабандой», процитировав их в посвященной поэту статье Голенищева-Кутузова²⁰. В июльской, 43-й книге СЗ таким образом появились четыре из девяти «Римских сонетов» — I, III, V и VIII, а «Палинодия», одно из самых значительных стихотворений 1927 г., частично процитированное в тех же СЗ, полностью было приведено в газете «Возрождение» от 3 июля 1930 г. в статье все того же И.Н. Голенищева-Кутузова «Отречение от Диониса: Вячеслав Иванов» (№ 1857. С. 4).

Обязательства, взятые на себя Вяч. Ивановым в Москве, отпали, когда в середине 1930-х гг. поэт решил взять итальянское гражданство (думать об этом он стал еще осенью 1932 г.²¹). Уже в начале 1934 г. Фондаминский собирался просить у Вяч. Иванова статью и поэму «Человек» для публикации в СЗ (письмо Фондаминского к Рудневу от 19 февраля 1934 г.; Ред., п. 406). 5 марта 1934 г. Степун авторитетно писал тому же Рудневу: «Вячеслав Иванов сейчас страшно занят, даже не отвечает на письма. Пишет статью для “Hochland’a” [...] Вообще же он сейчас живет в своем большом творческом стиле и никаких слов и сроков не держит. [...] Вячеслава же печатать: — все, что он даст и тогда, когда он даст» (Ред., п. 408). Однако серьезное и систематическое сотрудничество с СЗ наладилось только после личной встречи сына поэта с Фондаминским летом 1936 г. В письме к отцу от 9 августа 1936 г. на французском языке Д.В. Иванов сообщал: «Что до визита к Фондаминскому, то вот о нем в двух словах. Он был крайне любезен. Сами “Записки” больше ничего не печатают. Но они обращаются к какому угодно издателю и дают изданию имя. Никакой издатель ничего не будет публиковать без денег. Фондаминский рассчитывает издать сборник неизвестных в печати стихотворений на гонорар, который даст их помещение в “Записках”. Он воспользуется первой возможностью, о ней он сейчас мечтает. Он просит Вас послать ему все, что Вы хотели бы увидеть в печати, он будет стараться издавать их у себя и в других журналах и газетах и найдет хорошего типографа. Как только выйдет первая книга, он будет думать о следующей. Издавать книги всякого рода крайне сложно и тиражи обычно до смешного малые. Он полон благих наме-

¹⁷ Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова / Публ. А. Шишкина // Europa Orientalis. 1989. Vol. 8. С. 482.

¹⁸ См.: Возрождение. 1930. 25 янв. № 1698. С. 5; Числа. 1930. № 2/3. С. 279.

¹⁹ Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова. С. 495.

²⁰ Письмо И.Н. Голенищева-Кутузова к Вяч. Иванову от 31 марта 1930 г. (Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова. С. 295; ср.: С. 512); письмо Н.А. Оцупа к Вяч. Иванову начала 1930 г. (Русско-итальянский архив. Тегно, 1997. Т. 1. С. 538). Теперь обе статьи Голенищева-Кутузова («Послереволюционное творчество Вяч. Иванова» и «Отречение от Диониса») см. в книге: *Голенищев-Кутузов И.Н.* От Рильке до Волошина. М., 2005. С. 177–191.

²¹ См.: Символ. 2008. № 53–54. С. 617.

рений. Он хочет иметь у себя все, что может быть опубликовано, чтобы иметь возможность осуществить дело, как только представится случай»²².

Через две недели Вяч. Иванову написал и Руднев (п. 6). СЗ решили отметить 70-летний юбилей Иванова как полной публикацией его цикла «Римские сонеты», так и монографической статьей Степуна в 62-й книге журнала за 1936 г. Воспроизведение ивановского портрета не оказалось возможным — скорее всего, не столько из-за стесненных финансовых обстоятельств журнала, о которых писал Руднев 19 сентября 1936 г., или нехватки времени на пересылку портрета, сколько из-за отсутствия такового у поэта: его «парадный» портрет был исполнен художником С.П. Ивановым в следующем, 1937 г., именно он воспроизведен при издании поэмы «Человек» в издательстве «Современные записки» в 1939 г.

Как справедливо пишет современный исследователь, цикл «Римские сонеты» «надолго станет определяющим для эмигрантского восприятия поэзии Вяч. Иванова»²³. Но сам номер СЗ со стихами поэта и яркой статьей Степуна, с пронизательным, в большом историческом времени толкованием цикла «Римские сонеты» стал значительным явлением уже в самом 1936 г. Прежде всего следует указать авторитетный отзыв В. Ходасевича в газете «Возрождение»:

«Очередная книжка “Современных записок” озаглавлена литературным событием: в ней находим мы цикл “Римских сонетов” Вячеслава Иванова, не выступавшего в печати уже очень давно: лет четырнадцать, а может быть и семнадцать. [...] Написанные тотчас по приезду поэта из России, в 1924 г., они вскоре после того должны были появиться в журнале “Беседа”. Этого не случилось, потому что журнал внезапно прекратил свое существование. [...] Не приходится отрицать и то, что на фоне новейшей нашей поэзии творчество Вячеслава Иванова звучит несколько архаически. Однако, было бы напрасным и вредным самообольщением думать, что это оттого, что мысли Вячеслава Иванова отстали от мыслей современной поэзии нашей. Вячеслав Иванов архаичен не потому, что устарели его мысли, а потому, что самая наличность мыслей в поэзии, к несчастью, сделалась архаизмом. Сладкозвучнейшие из наших поэтов не глубокомысленны»²⁴.

²² «Quant à la visite à Fondaminsky, voici en deux mots: Il était charmant. Les “Annales” ne publient plus rien. Mais elles font éditer chez n’importe quel éditeur et elles donnent leur nom à l’édition. Aucun éditeur n’édite quoi que ce soit sans être payé. Fondaminsky espère voir éditer un recueil de vers inédits avec les honoraires que donnerait leur insertion dans les “Annales”. Il prendra la première occasion venue, il y songe dès maintenant. Il vous prie de lui envoyer dès que vous le pourrez tout ce que vous voulez faire publier et il cherchera d’insérer les poèmes chez lui et dans d’autres revues et journaux et mettre la main sur un bon imprimeur. Une fois le premier livre paru, il pensera à autre chose. Toute publication est extrêmement difficile et on fait généralement des tirages ridiculement restreint. Il est plein de bon vouloir. Il veut avoir chez lui tout le matériel publié pour pouvoir faire l’affaire dès qu’une occasion se présentera» (РАИ. Оп. 4. Карт. 8. Папка 1. Л. 27 об.—28).

²³ *Обаттин Г.В.* Смерть Вяч. Иванова в оценке русской зарубежной прессы // Вяч. Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 689. Любопытно, что в том же 1936 г. сонеты I и IX были включены в книгу: Якорь: Антология зарубежной поэзии / Сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор. Берлин: Петрополис, 1936. С. 4–5. М.Л. Кантор писал Г.В. Адамовичу 28 сентября 1935 г.: «Дорогой Георгий Викторович, не считаете ли Вы, что было бы полезно к стихам Вяч. Иванова прибавить такое примечание (в виде выноски): “Предлагаемые два сонета Вяч. Иванова воспроизводятся по статье И. Голенищева-Кутузова, помещенной в ‘Современных записках’, кн. XLIII (1930)”? Я испытываю какую-то неловкость в отношении этих стихов: точно мы их украли откуда-то» (Якорь: Антология зарубежной поэзии / Сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор; Под ред. Олега Коростелева, Луиджи Магаротто и Андрея Устинова. СПб.: Алетейя, 2005. С. 288).

²⁴ *Ходасевич В.* Книги и люди: «Современные записки», кн. 62-я // Возрождение. 1936. 26 дек. № 4058. С. 9. Адамович отозвался лаконичнее Ходасевича, но не менее уважительно: «Имя Вячеслава Иванова открывает отдел стихов. Появление этого имени в печати — большое литературное событие, которое прекрасно освещает Степун в большой статье, посвященной поэту. Каждый прочтет “Римские сонеты” со вниманием, независимо от того, по душе ли ему торжественный склад великолепно-звучных строф. Воздерживаемся от

Другие отклики на «Римские сонеты» находим в эпистолярной части архива Вяч. Иванова. О римском цикле и о статье Степуна З.Н. Гиппиус писала к О.А. Шор 11 января 1937 г., как обычно, не пытаясь скрыть недоброжелательности к тому, что выходит из-под пера идеолога «Нового града»: «Скажите Вяч[еславу] Ив[ановичу], что мне очень нравятся его римские сонеты (какой там правдошний Рим!), ну а что до статьи Степуна... ее достоинства, как говорится вежливо, — спорны...»²⁵. Крупный медиевист и знаток итальянского Ренессанса Е.А. Ананьин (1888–1965) завершал открытку к Вяч. Иванову от 27 мая 1936 г. цитированием сонета V из цикла: «Вспоминаю с величайшим удовольствием вечера, проведенные в Вашем обществе, и заканчивая эту открытку, мне приходит в голову окончание одного Вашего стихотворения, которое запечатлелось у меня и которое я очень люблю:

И Пиранези огненной иглой
Пел Рима грусть и зодчество титанов»²⁶.

О том, что в Страсбурге в семье Д.Н. и Н.П. Стремоуховых «с упоением читали» «Римские сонеты», сообщал отцу 6 февраля 1937 г. Д.В. Иванов²⁷.

Однако вернемся к хронике отношений поэта с редакцией СЗ после выхода 62-й книги. Поэтические циклы и отдельные стихотворения Вяч. Иванова печатались практически во всех последующих выпусках СЗ, вплоть до последнего, 70-го; всего 41 текст. Дальнейшую переписку с Вяч. Ивановым взял в свои руки Вадим Руднев, «Иван Калита» СЗ, как называл его Вишняк²⁸. Действительно, редактор СЗ проявил незаурядную литературную профессиональность, самостоятельность и практическую решительность в привлечении в СЗ Вяч. Иванова как поэта и литературного критика. Стоит отметить, что как первое, так и последнее опровергают традиционное мнение о несостоятельности и неквалифицированности редакторов СЗ в литературных делах. Красноречив в этой связи искренне восторженный, не комплиментарный и одновременно деловой отзыв Руднева в письме от 1 февраля 1937 г. по получению посылки с новым сборником стихов Иванова 1910–1930-х гг.: «Действительно, столько сокровищ, что глаза разбегаются. Будем печатать в каждой книжке журнала и готовить отд[ельное] издание. Большое спасибо. Мне лично очень много говорят Ваши посвящения ушедшим, ваш цикл с Оки и мн[огое], мн[огое] другое» (п. 10).

В следующем, 1937 г. Руднев в семи (!) письмах настойчиво добивался от поэта русского варианта его статьи о Пушкине. Иванов переработал и немного расширил свое написанное на итальянском языке эссе «Аспекты Добра и Красоты в поэзии Пушки-

критики. Вячеслав Иванов — один из самых замечательных людей нашего времени: достаточно знать это, твердо, несомненно, чтобы радоваться его возвращению к литературе, — вернее, возвращению к печати, — после столь долгого молчания» (Адамович Г.В. «Современные записки». Кн. 62. Часть литературная // ПН. 1936. 10 дек. № 5739. С. 3). Были также отзывы Пильского и Риттенберга: Пильский П. Новая книга «Современных записок» [№ 62] // Сегодня. 1936. 12 дек. № 343. С. 3; Риттенберг С. Современные записки, кн. 62. Часть литературная // Журнал Содружества (Выборг). 1937. № 1 (49). Янв. С. 20–22.

²⁵ РАИ. Оп. 7. Карг. 1.

²⁶ РАИ. Оп. 5. Карг. 1. Папка 6.

²⁷ РАИ. Оп. 4. Карг. 8. Папка 3. Л. 6.

²⁸ Активная политическая деятельность в партии эсеров (в 1917 г. Руднев был избран городским головой Москвы и членом Учредительного собрания) совмещалась у Руднева с православной религиозностью. Как сообщает Вишняк, Руднев был духовным сыном о. С. Булгакова, «глубоко чтит» Н.А. Бердяева. В СЗ Руднев действовал как придирчивый редактор: «Он считал не только своим правом, но и моральным долгом следить за тем, что и в какой форме появляется в редактируемом им журнале [...] Отсюда и его правка рукописей, иногда, может быть, и основательная, но без достаточного учета вкуса и стиля автора» (Вишняк 1993. С. 46, 192, 205, 209, 217–219). В конце 1930-х гг., после отстранения Вишняка от СЗ, Руднев фактически стал единственным редактором журнала (Там же. С. 230).

на», где в концентрированной форме изложил ряд своих основных идей²⁹. Хотя оценить по достоинству эссе Руднев не мог (см. его письмо М.В. и М.А. Вишняк от 21 августа 1937 г.; Ред., п. 503), в последующих письмах он просил поэта о новых эссе.

Наиболее творчески прибыльным заказом могла бы стать просьба Руднева к поэту дать в СЗ свои воспоминания. Крайне примечательно, как на эту просьбу отвечал Вяч. Иванов 14 июля 1938 г.: «Воспоминаний» у меня нет. Их многие желают — например, “*Antologia Italiana*”, “*Согон*”. Я отнекиваюсь. Приятно ли перебирать в памяти “человеческое, слишком человеческое”? Но “осветить по-своему те годы” (как Вы пишете) было бы полезно. В том, что об них писали и пишут, слишком много путаницы, муты и недоразумений. Позиции отдельных писателей были весьма различны, но по существу вполне ясны и определены; общей “веры”, общего для всех — скажем — “символизма” не было; почти никто не понимал другого, и каждый другого в чем-то подозревал, а младшие уже вовсе ничего не понимали в творчестве даже тех старших, коих особенно почитали. Несмотря на живое внешнее общение, все значительные таланты чувствовали себя внутренне одинокими; они продолжали и позднее идти каждый своим отдельным путем. Все это стоило бы с надлежащею показательностью изобразить; но мне теперь нечего и думать о подобном начинании» (п. 23).

В этом же письме, обнадеженный интересом к своему творчеству со стороны главного журнала русской эмиграции, поэт предложил СЗ свои последние эссе, еще находящиеся в работе, и неизданные стихотворные переводы Эсхила и Новалиса. Новые возможности издавать как поэтические сочинения, так и исподволь перерабатываемую для издания на немецком языке книгу «Дионис и прадионисийство» в серии «Русская научная библиотека» открылись после встречи в Риме с М. Алдановым летом 1938 г. Осенью того же 1938 г. И. Фондаминский стал торопить Вяч. Иванова с изданием поэтической книги в издаваемой им серии «Русские поэты». Он предложил разделить стихи на две части и первую из них печатать немедленно. Вяч. Иванов решил вместо поэтического сборника опубликовать философскую поэму «Человек». 3 мая 1939 г. о дальнейших событиях подробно писал Вяч. Иванову его сын (оригинал по-французски):

«Я звонил Фондаминскому. По словам типографа, книга появится около 5 июня³⁰.

Фондаминский сказал мне, что их Редакционный комитет просит у Вас и Эсхила, и Диониса. Комитет намерен опубликовать обе книги и поскорее сообщить ему их точное название, они нужны для книжного проспекта. Для издания Эсхила они определенно не хотят Зелинского (*Зачем нам Зелинского для русского Вяч. Ив[анова]*³¹), но Ваше краткое введение.

Если Вы желаете иметь мое мнение об этом, я напишу или передам прямо Фондаминскому, что первая книга, которая должна появиться, это перевод Эсхила — без того, чтобы Вас побудить к слишком определенным задержкам.

Что же до Диониса, ничего нельзя с точностью определить до того, как в печати выйдет его текст по-немецки. Когда он появится, тогда и решим.

В введении к Эсхилу — они хотят самое краткое — я бы писал о принципах перевода, метрических вопросах и т.д., а не о самом Эсхиле. За эти книги Фондаминский не может ничего заплатить. *Это все у нас делается в порядке “героическом”.* Да и в самом деле³². Едва ли можно с них спросить что-нибудь.

²⁹ См.: Шпикин А.Б. Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 782.

³⁰ Поэма «Человек» на самом деле вышла в свет 28 августа 1939 г. (см.: *Дешарт (Шор) О.* Введение // Иванов В.И. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 196).

³¹ Оригинал по-русски.

³² Оригинал по-русски.

Что касается второго сборника стихотворений, он мне сообщает, что в принципе охотно его опубликует, но не может ничего определенно сказать ни о времени его публикации, ни об объеме книги. Относительно публикации “Человека” он посмотрит, сколько денег у него осталось.

Я, между тем, рассчитываю вступить в контакт с “Петрополисом” — *в принципе*, по крайней мере — и сказать им, в чем дело»³³.

Той же весной 1939 г. В. Руднев еще раз настойчиво напоминал Вяч. Иванову о задерживаемом им эссе «Мысли о поэзии» и вновь просил приняться за воспоминания. Не получив к лету 1939 г. ответа от поэта, Руднев хотел включить эссе в 70-ю книгу СЗ, подчеркивая в письме от 3 августа 1939 г.: «Это как бы “юбилейная” (лишь бы не *последняя!*) книжка: 7 десятков книг и 20 лет существования... Хотелось бы ее отпраздновать получше» (п. 37). О намерении дать эссе в эту книгу СЗ поэт писал детям 11 августа 1939 г.: «хочу закончить [...] статью о поэзии, которую ждут для “юбилейной” 70-й книжки С[овременных] з[аписок]»³⁴. Спустя 17 дней после начала Второй мировой войны Руднев героически сообщал Вяч. Иванову, что несмотря ни на что надеется выпустить 70-ю книгу «в заранее установленный срок, если не будет непредвиденных чрезвычайных обстоятельств» (п. 38). Статья была отослана Рудневу, однако по причинам, нам неизвестным, в 70-й книге не была напечатана.

Через два месяца после выхода журнала танки генерала Гудериана шли по земле Франции. Пророчество о мировой войне при желании можно увидеть в дантовских терцинах, которыми поэт описал свое «видение ада» в одном из последних номеров СЗ:

Я видел сон в то лето пред войной.
Вращалась самодвижная громада
Твердыни круглой, — башни, сплошь стальной, —

Изделие горнил литейных ада.
В литой броне, глухих бойниц щиты
Приподымались, словно веки гада.

И дымный клуб из черной пустоты
Изрыгнув, гладью выпуклой металла
Смыкались огневержущие рты.

³³ «J’ai téléphoné à Fond[aminskij]. Le livre doit paraître vers le 5 juin, d’après ce que dit l’imprimeur.

Fondaminskij m’a fait savoir que leur Commission de lecture vous demande et Eschyle et Dionysos. Elle voudrait publier les deux livres et même vous prie de lui communiquer au plus vite leur titre exact pour pouvoir imprimer un prospectus. Pour ce qui est de l’Eschyle, il ne veulent décidément pas Zielinsky (Зачем нам Зелинского для русского Вяч. Ив[анова]), mais une toute petite introduction de vous.

— Si vous voulez avoir mon sentiment là-dessus, j’écrirais (à moi: je transmettrai, ou directement) à Fond[aminskij] que le premier livre à paraître c’est la traduction d’Eschyle — sans vous engager à des délais trop précis. Quant à Dionysos, rien ne peut être fixé avant la parution de texte allemand. Celui-ci paru, on verra.

Quant à l’introduction — qu’ils ne veulent que très petite — je la ferais sur la traduction — les principes, questions de mètre, etc... plutôt que sur Eschyle même. Pour ces livres Fond[aminskij] ne peut rien payer. Это все у нас делается в порядке “героическом”. Да и в самом деле. On ne peut guère leur demander quoi que ce soit.

— En ce qui concerne le deuxième recueil de vers, il me déclare qu’en principe, il tient à le faire paraître, mais ne peut donner aucune précision ni sur la date ni sur les dimensions de volume. Il veut voir, à la parution du “Человек” — ce qui lui reste d’argent.

Je compte donc entrer en contact avec Petropolis — *en principe*, seulement — et leur disant ce qu’il en est» (РАИ. Оп. 4. Карт. 9. Папка 1. Л. 20—20 об.).

³⁴ Символ. 2008. № 53—54. С. 625. Ср. также: *Титаренко С.* Статья Вяч. Иванова «Мысли о поэзии» // Там же. С. 229—230.

Расчисленную смерть окрест метала
Бездушная рабыня, плоть и гроб
Души, какой душа живая стала.

Волчком крутил полк адский башню злоб,
Когда, по знаку набольшого беса,
Взрыв вспыхнул в погребах ее утроб –

И все застлала мрачная завеса³⁵.

* * *

Соавтором примечаний к п. 1–3 является К. Хуфен (Берлин); примечания к п. 27 принадлежат А. Мартынову (Москва). Электронные изображения всех писем редакторов СЗ Вяч. Иванову, хранящихся в Римском архиве Вячеслава Иванова (РАИ), доступны на сайте <http://www.v-ivanov.it/>.

³⁵ СЗ. 1938. № 67. С. 153–154. Вошло в «Свет вечерний» с обозначением: Рим, июль 1937. Исправляем опечатку в строке 4 по тексту СЗ.

1. Степун — Вяч. Иванову
Paris. 15 марта 1925 г.

Париж, 15 марта 1925.

Дорогой Вячеслав Иванович,
я очень страдаю, что до сих пор не ответил Вам на Ваше милое письмо¹. Причина — недоступная для человеческого ума совокупность причин. Во-первых, получил я Ваше письмо как раз накануне отъезда из Фрейбурга²; во-вторых, между Фрейбургом и Парижем³ мотался в Кельне, где читал лекции; в-третьих, приехав в Париж и задумав писать Вам, обнаружил, что у меня нет Вашего адреса. Пришлось писать Шору⁴ во Фрейбург, а Шору в это время пришлось оперировать аппендицит. Прибавьте ко всему этому впечатления от мало известного мне Парижа и от слишком хорошо известной русской колонии в нем и Вы, быть может, простите меня. Я счастлив, что первый написал Вам⁵, как только слышал о Вашем приезде в Берлин⁶: есть, по крайней мере, вещественное доказательство моего душевного тяготения к Вам.

Перед тем, как писать о себе, ужасно хочется спросить Вас, что будете Вы делать с собою. Остаетесь ли Вы здесь, или собираетесь обратно. Насколько я Вас понял, это для Вас не столько вопрос Вашего желания, сколько вопрос возможности Вашего существования в европейских краях. Посмотрев эмиграцию в Париже, я пришел к заключению, что нашему брату писателю жить здесь весьма трудно. Вам, конечно, будет труднее многих, потому что Вы приехали одним из последних и потому что не все здесь достаточно понимают, что пребывание на территории советской России отнюдь не есть еще пребывание в большевиках⁷. Мне все больше кажется, что равнение на эмиграцию в экономическом порядке почти что невозможно и надо устраиваться, если нельзя и не хочешь ехать в Россию⁸, в той стране, в которой живешь. Возможен ли для Вас такой путь — сказать трудно, но все же думается мне, что завоевать его себе можно. «Достоевский» Бердяева уже вышел по-немецки⁹; выходит на днях и его «Философия истории»¹⁰; мои «Мысли о России» печатаются в журнале¹¹; мой роман вероятно выйдет тоже по-немецки¹². Во Франции интерес к России меньше, но все же и в ней он есть. Лютер¹³, Шлецер¹⁴ и другие регулярно работают и в немецких, и в французских журналах. Мое личное устремление получить Lehrauftrag¹⁵ по истории духовных течений в России при каком-нибудь немецком университете¹⁶. Осуществление этого плана вещь весьма трудная, но, может быть, все же возможная.

Я пока пробиваю себе путь к нему чтением лекций на немецком языке о России¹⁷. Перечитал я уже в большом количестве городов. Приглашают и научные

общества, и клубы промышленников, которые сейчас весьма интересуются Россией. Оплачивается это довольно прилично, но очень неприятна спорадичность заработка: из того, что приглашали вчера, отнюдь не следует, что пригласят и завтра¹⁸. Если не пригласят, дело дрянь; а с весны будет вдвойне дрянь, потому что ко мне собирается моя мать¹⁹, одна из самых горячих поклонниц Вашего таланта.

В свое время, Вы, вероятно, это забыли, Вы, в споре со мной против моей философии, как-то обронили фразу: «Вот оправдайте Вашу философию в романе, напишите роман — тогда я Вам поверю», с тех пор прошло, вероятно, лет 15; философский роман, как Вы, вероятно, знаете и от Муратова²⁰, и по «Современным запискам», я написал, и мне было бы очень интересно знать, хорошо ли или скверно исполнил я Ваше задание. Сейчас я еду в Грас[с] в гости и думаю закончить там своего «Переслегина». Напишите мне, пожалуйста, два слова о том, есть ли у Вас время его прочесть. Если есть — пришлю Вам его в оттисках и буду очень просить написать мне откровенно, что Вы о нем думаете²¹. Кроме «Переслегина» пишу я еще книгу воспоминаний и размышлений о революционной России, отдельные очерки из нее печатаю тоже в «Современных записках» под заглавием «Мысли о России». Внутренне живу и не романом, и не воспоминаниями, а мечтой вернуться к философии и к философии религии. Когда это удастся — сказать весьма трудно. Все мы живем в каких-то взметенных перспективах, и иногда кажется, что до сознания и разработки самого последнего и главного, что дали годы войны и революции, так до смерти и не успеешь дойти. А жизнь летит с невероятной быстротой. Утешаюсь, что сейчас год не год; земля что-то уж очень быстро вертится вокруг солнца. Как знать, может быть, мы все проживем до 120, 150 лет.

Мог бы очень много написать Вам обо всем и обо всех, но страшно некогда. Да и неисчерпаемы темы. Больше всего хотел бы поговорить с Вами. Послушать, что и как Вы думаете о России²². Все-таки скоро уже 2½ года, как мы здесь, и все больше и больше тянет обратно, и не столько люди, сколько земля и пейзажи.

Наталья Николаевна [Степун] и я шлем Вам наш самый сердечный привет.

Ваш Ф. С.

Нет ли у Вас стихов для «Современных записок»? Если Вы останетесь здесь, Вы, надеюсь, не откажете нам в своем внимании. С большим нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Grasse (A[lpes]-M[aritimes]), Villa Belvédère, Фондаминскому²³.

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 10. Папка 14). Письмо написано рукой Н.Н. Степун. Впервые: Символ. 2008. № 53–54. С. 404–406.

¹ Письма Вяч. Иванова к Степуну погибли вместе со всем архивом Степуна во время бомбардировки Дрездена союзниками в ночь с 13 на 14 февраля 1945 г. Послевоенный архив Степуна находится в Йеле, США; его часть, касающаяся Иванова, описана в работе: *Bird R. V.I. Ivanov in Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University // Studia Slavica Hungaricensis*. 1996. Vol. 41. P. 311–320.

² Во Фрайбурге (Freiburg im Breisgau), университетском городе на юге Германии, Степун с женой жили с 1923 по 1925 г. После высылки из Советской России осенью 1922 г. Степун жил в Берлине и преподавал в Религиозно-философской академии, участвуя в спорах между просоветскими и эмигрантскими кругами. В мае 1923 г. Федор и Наталья Степун переехали во Фрайбург, где Степун возобновил знакомство с немецкими университетскими коллегами и также встречался с М. Горьким. Во Фрайбурге он продолжал писать роман «Николай Переслегин».

³ В Париже весной 1923 г. Степун установил контакт и начал активно сотрудничать с СЗ.

⁴ Имеется в виду Евсей Давидович Шор (1891–1974), которому Степун помог обосноваться во Фрейбурге.

⁵ Это письмо не выявлено.

⁶ На пути в Италию Иванов задержался в Германии с 30 августа по 8 сентября 1924 г. (сведения паспорта Иванова; РАИ); в Берлине он встречался с С.Г. Каплуном, главой издательства «Эпоха».

⁷ Идеи Степуна уже испытали сильную идеологическую критику со стороны политических противников, в частности З.Н. Гишпиус.

⁸ При высылке Степуну было объявлено, что в случае его возвращения он будет расстрелян. Хотя нет сведений о том, что Степун утратил советское гражданство, очевидно, что он никогда не предполагал вернуться. Напротив, вплоть до начала Второй мировой войны он осуществлял в своей жизни опыт наднационального бытия и идентичности.

⁹ См.: *Berdjajew N. Die Weltanschauung Dostojewskijs / Aus dem Russischen übertragen von W.E. Groeger. München: C.H. Beck, 1925.* О рецепции Бердяева в Германии см.: *Reichelt S.G. Nikolaj A. Berdjaev in Deutschland 1920–1950. Eine rezeptionshistorische Studie. Leipzig, 1999.*

¹⁰ См.: *Berdjajew N. Der Sinn der Geschichte. Versuch einer Philosophie des Menschengeschickes / Mit einer Einleitung des Grafen H. Keyserling und einem Nachwort des Übersetzers O. Freiherr von Taube. Darmstadt: Otto Reichl, 1925.*

¹¹ В 1923–1928 гг. в СЗ Степун опубликовал ряд политических статей под заголовком «Мысли о России» (подробнее см.: *Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884–1945. Berlin, 2001;* эти статьи перепечатаны в книге: *Степун Ф.А. Чаемая Россия / Сост. А.А. Ермичев. СПб., 1999. С. 5–91*). Первые три из них переведены на немецкий язык А. Креслингом (Kresling) и вышли в 1924–1926 гг. в независимом католическом журнале «Hochland».

¹² Имеется в виду философский роман в письмах «Николай Переслегин», начатый в Советской России и завершенный в 1925 г., который появился на страницах СЗ в 1923–1925 гг. (отд. изд.: Париж: Совр. записки, 1929). Перевод романа К. Розенберг (Käthe Rosenberg) стал первой книгой нового авторитетного издательства в Мюнхене Carl Hanser Verlag в 1928 г. (2-е изд. 1946, 3-е изд. 1951). В письме от 11 ноября 1957 г. к Г.П. Струве (Hoover Institution. Gleb Struve papers. Box 138. F. 7) Степун писал: «Думаю, что он [“Николай Переслегин”] для русской читающей публики опоздал появлением. Если бы он появился в Москве в 1913–15 году, он лучше бы дошел до читающей публики. Отчасти это доказывалось тем, что небольшую, но очень живую и точную рецензию о нем написала, вероятно, в 1923 году несчастная Нина Петровская. К сожалению, в Дрездене сгорел весь мой архив, в котором было много интересных писем. Между прочим обстоятельное письмо Вячеслава Иванова, в котором он характеризовал “Переслегина” как связанного со Ставрогиным (подчеркивал он даже созвучие имен) лишнего человека» (сообщено М. Вахтелем). Ср. также в письме Степуна к Ю.П. Иваску от 1 сентября 1956 г.: «In einem Brief, der leider verbrannt ist, schrieb Wjatscheslaw Iwanow an mich, daß er Pereslegin als die zeitgemäße und darum auch metaphysisch heruntergedeutete [sic!] Variation von Stawjorin [sic!] empfinde. Er meinte sogar, dass ich die Melodie des Namens meines Helden in bewußter Anlehnung an den Helden von Dostojewskij gewählt hätte [В одном из своих писем, к сожалению, сгоревшем, Вячеслав Иванов писал мне, что он воспринимает Переслегина как современный и поэтому метафизически заниженно истолкованный вариант Ставрогина. Он даже считал, что я выбрал звучание фамилии своего героя, сознательно ориентируясь на героя Достоевского]» (Weinecke Library. George Ivask papers. GEN MSS 93. Box 1. F. 31). В РАИ (Оп. 2. Карт. 32) хранятся два наброска Вяч. Иванова о «Переслегине», а также издание 1929 г. с посвящением: «Дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову с мечтой о свидании и долгих беседах. Ф. Степун. Дрезден 18/VI–29».

¹³ Имеется в виду Артур Лютер (Artur Luther; 1876–1955), родившийся в России немец. В немецкой школе Св. Михаила в Москве он был учителем Степуна. Позднее совместно со

Степуном Лютер содействовал изданию книг Бунина на немецком языке и участвовал в международной кампании по присвоению ему Нобелевской премии по литературе.

¹⁴ О Б.Ф. Шлецере см. публикацию в т. 4 наст. изд.

¹⁵ место доцента в университете (нем.).

¹⁶ Этим местом стала профессура социологии в культурно-философском отделении (Kulturwissenschaftliches Institut) Дрезденского политехникума (Technische Hochschule). Степун получит его в 1926 г. благодаря помощи Р. Кронера (его коллеги по немецкому изданию журнала «Логос» и декана указанного отделения, одновременно главы философского департамента в отделении) и рекомендательному письму философа Э. Гуссерля.

¹⁷ Степун был ярким и талантливым лектором. «Трепетное, умное слово Степуна» выделил его слушатель в Берлине в декабре 1933 г. (см.: Письма Владимира Деспотули к Александру Бурову / Публ. С. Шумихина // Диаспора. М., 2007. Вып. 8. С. 316). До 1914 г. он много путешествовал с лекциями по России, затем в эмиграции по Германии (вплоть до 1933 г.) и Швейцарии (вплоть до 1937 г.). После окончания Второй мировой войны Степун вновь соединял университетскую работу с публичными выступлениями перед самыми различными аудиториями и по самым разнообразным поводам.

¹⁸ Экономической основой семейной жизни Степуна были гонорары за лекции, публикации и университетское жалованье; тема денег нередко возникает в его переписках с различными корреспондентами; ср. письмо Степуна к И. Бунину от 18 марта 1925 г. (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину / Публ. Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М. 2002. С. 89–90, 137–138).

¹⁹ Степун (урожд. Аргеландер) Мария Федоровна (1861–1941).

²⁰ Имеется в виду П. Муратов, с которым Иванов встречался в Риме зимой 1924–1925 гг.

²¹ Степун неоднократно просил об отзывах о своем романе, отмечая успех романа в Германии; он полагал, что «в эмиграции – он в сущности провалился» (письмо Степуна к И. Бунину 1929 г. // Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. С. 93; ср.: С. 141, примеч. 6).

²² Личное свидание между Вяч. Ивановым и Степуном, насколько нам известно, так и не состоялось.

²³ Начиная с весны 1925 г. Степун неоднократно гостил на вилле И.И. и А.О. Фондаминских в Грасе; на соседней вилле жили Бунины, к которым Степун не раз заходил. См.: Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 1995. С. 207–211, 213–216.

2. Вяч. Иванов — Степуно *Roma. 22 марта 1925 г.*

Via Quattro Fontane 172,
p[iano] III (presso¹ Placidi p[iano] III), Roma (5)

Рим, 22.III.1925.

Дорогой Федор Августович,
как Вы обрадовали меня своим откликом! Я уже думал, что над перепиской нашей тяготеет некий рок, что письмо мое к Вам не дошло, как не дошло Ваше первое письмо ко мне. Думал я также, что безмолвие Ваше объясняется... эпистолярною формою Вашего романа², которая, по законам психологии, могла вызвать, при обострении того патологического процесса, который мы называем творчеством, эпистолярную афасию. Гипотеза, как все позитивистические гипотезы, оказалась ложной – и слава Богу!.. Вы уже усмотрели из сказанного, что с Переслегиным я знаком. Но, увы, еще слишком поверхностно, дорогой друг, а я хочу с ним сдружиться, как с Вами, а он сложен и глубок, как Вы сам, и по двум всего книжкам

«Совр[еменных] записок», мною читанным, его не постигнешь и не оценишь, даже не угадаешь, — ведь вот *Вас* сколько времени я разгадываю, а каждая новая Ваша строка дает мне для уразумения смыслов Ваших (ибо Вы многосмысленный) все новое и значительное. Короче говоря, я очень прошу Вас прислать оттиски, как романа, так и «Мыслей о России», потому что из «Совр[еменных] записок» видел я всего две предпоследние книжки³, да и то случайно. Заканчиваете Вы свою книгу, по-видимому, в чудесной местности (Alpes-Maritimes!⁴) и в спокойствии: пусть будет гостеприимная вила для Вас Алкиноевым садом творчества⁵, где завязи новых плодов образуются в то время, как зрелые падают с ветвей.

Я же подобен бесплодной смоковнице⁶ и не знаю, зачем еще торчу под солнцем, к тому же римским. Вы называете это эвфемистически «стоянием в нише»... Или Ваша (не позитивистическая) гипотеза правильна: земля чрезмерно быстро завертелась вокруг солнца, а мы остались те же и проживем за сто двадцать лет? Тогда можно ошибаться в расчете сроков плодоношения.

Кажется, «что дух праздности и уныния»⁷, составляющий ныне мой тяжкий грех, есть симптом переживаемого мною эротического кризиса⁸. Не смейтесь: с Вами говорит постоянный в своей долгой как жизнь страсти любовник гуманизма. И вот, этой страсти, почти тождественной с жизнью, я, кажется, уже не нахожу в себе — под небом Рима! Другая страсть, другой Эрос ее вытесняет из души — медленно, но верно.

Опомнившись от *dies irae*⁹ революции, находишь в душе укорененными несколько повелительных заветов. Они оглушительны, но не отчетливы и слова им не вполне адекватны. «Вы все еще спите и поживаете¹⁰? Настал час... умей оторваться... русская душа — *Fonda dal mar divisa*¹¹ — успокаивается только в деле вселенском! Одним всецелым умирима и безусловной синевой (как писал ты сам)...¹² Все средние позиции заранее осуждены. Взрывы всех смыслов¹³. С Богом или против Бога: *tertium non datur*¹⁴. В этом смысле всеобщий суд — *κρίσις*¹⁵ — выбор — начался. И воистину, мир лежит во зле¹⁶; — в грехе...»

На другой день после *dies irae* революции ощущаешь себя «ушибленным копытом Демона», как говорит Эсхил¹⁷. Не закрепленным более родной почве [так!], существенно расширившимся до сознания сына земли. Пробужденным семью громами. Отрекающимся (ср. «die Entsagenden» Гете¹⁸). По туловище погруженным во всемирный и все растущий поток греха. Уцелевшим на малом островке¹⁹ среди «взрыва всех смыслов». Скучающим при пении всех культурных Сирен. Сбитым со всех средних позиций. Поставленным пред последним выбором²⁰: за Бога и Христа Его или против.

Ergo²¹?... «Ergo» — простейшая логическая операция — самая трудная операция для натур не-героических, к коим я, по неопровержимым основаниям, причисляю себя... и потому, между прочим, я с такою недоверчивою улыбкой слушаю Вас говорящим о демократии²², терпимости, гуманизме, философии, культуре и других обоего пола родственных и свойственных моей душе в привычном нам семейном круге «ценностей» вчерашнего эклектизма, — с «недоверчивою» улыбкой, сказал я, потому что знаю в Вас мистика, и знаю, что своеобразный склад Вашей мистики делает Вас самым добросовестным (до героизма) и самым ироническим (до нигилизма) слугою жизни... Что же до России (Вы ведь хотели бы «слушать»),

что я о ней думаю), — думаю я, что и от нее должно отречься²³, если она окончательно самоопределится (это шире и дальше, чем большевизм и его политика) как авангард Азии, идущей на Запад разрушить Запад, — причем Германия, *nota bene*²⁴, может оказаться ее ревностной союзницей, и пресловутый «*mariage mystique*»²⁵, помните! «*Mystische Ehe des deutschen Geistes und der russischen Seele?*»²⁶, получившим [так!] благословение в буддийской церкви...

Видите, как велико мое желание говорить с Вами, если я решился на риск быть непонятым (риск, впрочем, минимальный, если пишешь *Вам*), хотя бы стилем аллюзий, в пределах крошечного письмеца, *tanta canere, tanta hallucinari vaticinari?*²⁷

Нисходя в житейское, — мечтаю, как и Вы, о ~~Lehrberuf~~ Lehrauftrag (*incarico*)²⁸, на эмиграцию же отнюдь не ориентируюсь, почему желал бы устроить перевод своей монографии «Дионис и прадионисийство»²⁹; преподавать мог бы и греческую религию (и поэзию), и русскую новую литературу (с поэтикой). Рад каждому своему переводу, и за «Достоевского» *глубоко* Вам благодарен³⁰. То, что издатель прислал мне сто марок, считаю большою дружеской услугой Вашей и Шора³¹.

В России жить не хочется, п[отому] ч[то] что я рожден ἐλεύθερος³², и молчание там оставляет привкус рабства³³, (а в Баку у нас очень хорошо, и мне еще присылают основное профессорское жалование, хотя вернуться в университет я не обещал), особенно же важно то, что воспитывать там Диму³⁴ для меня нравственная невозможность. Хотел бы издать много разных вещей (в стихах и прозе), но в издательстве аполитическом или анонимном, в силу данного в Москве при отпуске в командировку обещания, что не нарушу аполитизма и косвенно. Публ[ичные] лекции здесь, к сожалению, не читаются или не оплачиваются. А я мог бы читать по-итальянски, по-франц[узски] и по-немецки. Присылать ли для перевода «О религии Дост[оевского]»³⁵? Сердечный привет Нине Николаевне³⁶ и Вашей маме, которую я встречал в Москве на последних докладах своих. Лидия³⁷ горячо присоединяется к приветам.

Любящий Вас Вяч[еслав] Ив[анов]

Публикуется по черновому автографу (РАИ. Оп. 3. Карт. 1. Папка 32). Окончательный вариант неизвестен. Впервые: Символ. 2008. № 53–54. С. 409–411.

¹ у, в квартире (итал.).

² Имеется в виду философский роман «Николай Переслегин» (см. примеч. 12 к п. 1).

³ 17-й и 18-й номера СЗ, где вышли третья и четвертая части романа Степуна.

⁴ Приморские Альпы (франц.). Вилла Фондаминских в Грассе недалеко от Кани находилась на краю горы, бывшей частью Альп.

⁵ Алкиной, царь феаков, внук Посейдона, жил на острове Схерия в вечнозеленом саду. Там он принимал выброшенного бурей на остров Одиссея. Местность, где жил Степун, находится на Французской Ривьере.

⁶ Ср.: Лук. 13: 6–9.

⁷ Слова из великопостной моливы св. Ефрема Сирина.

⁸ Термин «эротический кризис» употреблен В.С. Соловьевым по отношению к платоновой философии эроса в статье «Жизненная драма Платона» (см.: *Соловьев В.С. Соч.:* В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 608).

⁹ день гнева (лат.); слова из средневекового гимна о страшном суде.

¹⁰ Мф. 26: 45; Мк. 14: 41.

¹¹ «L'onda dal mar divisa» (волна, разлученная с морем — итал.), строка из либретто оперы Пьетро Метастазियो «Артаксеркс» (1730), которую Вл. Соловьев взял как название для своего стихотворения «Волна, в разлуке с морем...» (1884).

¹² В зачеркнутых строчках неопознанного первого варианта Иванов неожиданно обращается сам к себе. Он вспоминает свое стихотворение «Ты — море» (*Иванов В.И.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 762).

¹³ Формула Степуна из статьи «Трагедия и современность» (Шиповник. М., 1922. Кн. 1. С. 83–94), где она обозначает прощание с романтическим искусством после опыта Первой мировой войны и революции и переход к новому трагическому искусству. Ср. также: «Ее [русской революции] идея — взрыв всех исторических смыслов жизни» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. С. 284, 2-я паг.).

¹⁴ третьего не дано (лат.).

¹⁵ распад (греч.). О кризисе вообще и кризисе искусства как экзистенциальном моменте XX века говорится в первой большой «послеоктябрьской» статье Иванова «Кручи. О кризисе гуманизма» (*Иванов В.И.* Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 367–382).

¹⁶ I Ин. 5: 19.

¹⁷ Иванов имеет в виду стих 1660 «Агамемнона» Еврипида, который в его поэтическом переводе звучит: «Ах, раздвоенным копытом тяжко демон нас ушиб».

¹⁸ Аллюзия на роман Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821), полное название которого — «Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden».

¹⁹ Ср. запись в дневнике от 1 декабря 1924 г.: «Итак, мы в Риме. Мы на острове. Дружья в России — *rari nantes in gurgite vasto* [редкие пловцы, потерянные в безбрежной пучине (лат.)]» (*Иванов В.И.* Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 850).

²⁰ Фрагмент «На другой день [...] последним выбором» процитирован в письме Иванова к О.А. Шор от 27 июля 1925 г. (*Иванов В.И.* Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 192–193).

²¹ следовательно (лат.).

²² В своих устных и письменных выступлениях Степун стремился защитить наследие демократической России, т.е. Февральской революции, от ее критиков из разных политических лагерей. Отдавая себе отчет в слабости русских политиков и демократических институтов, он отказался возлагать единственно на них ответственность за последующее поражение, как это делали монархисты. Степун призывал к общей самокритике и соединению демократических сил в изгнании. Идеи Степуна значительно отличались от западных версий относительно будущего русской демократии, в частности Вальдемара Гурьяна, влиятельного теоретика тоталитаризма. См.: *Stepun F.* Russische Demokratie als Projekt. Schriften im Exil 1924–1936 / Hrsg. und kommentiert von Ch. Hufen. Berlin, 2004.

²³ Примечательно, что эта жесткая фраза обращена к Степуну, который, в том числе через своих родственников, оставшихся в СССР, был всегда в курсе событий в Советской России. Степун считал, что приход демократии в Россию может быть осуществлен исключительно изнутри. Он надеялся воздействовать на будущее через посредство СЗ и «Нового града», на страницах которого политическая хроника сопровождалась анализом.

²⁴ заметь себе (лат.).

²⁵ мистический брак (франц.). Источник цитаты не установлен.

²⁶ мистический брак немецкого духа и русской души (нем.). Источник цитаты не установлен.

²⁷ Столь много воспевать, о стольком ~~презити~~ пророчествовать (лат.). Источник цитаты не установлен.

²⁸ место штатного профессора в университете (нем., итал.). В 1926–1934 гг. Иванов занимал место лектора в Колледжо Борромео в Павии, с 1936 г. был профессором церковно-славянского языка в Папской коллегии (Collegio Pontificio — Russicum) в Риме.

²⁹ См.: *Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

³⁰ Идея издавать работы Иванова о Достоевском на немецком языке принадлежала Степуну; см.: *Iwanow W.* Dostojewskij. Tragödie, Mythos, Mystik / Übers. von A. Kresling. Tübingen: Mohr & Siebeck, 1932. Переводчик книги, русский эмигрант Александр Карлович Креслинг,

был другом Степуна и Е.Д. Шора; издательство Mohr & Siebeck публиковало также немецкий журнал «Логос».

³¹ Шора Степун незамедлительно уведомил в недатированном письме: «Я получил очень интересное письмо от Вячеслава Иванова, в котором он пишет, что “и от России надо вернуться, если она окончательно определится в том, чем сейчас жива”, и что “коммунизм должен встать в буддизм”, что он сам переживает сейчас кризис, как “седой любовник гуманизма” и т.д. Обо всем этом сейчас не напишешь [...] На всякий случай пересылаю Вам письмо Вячеслава, которое очень прошу вернуть с обратной почтой: я еще не ответил на него» (*Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции: переписка Е.Д. Шора с Ф.А. Степуном и Вяч. Ивановым // Вяч. Иванов и его время. Материалы VII международного симпозиума / Под ред. С. Аверинцева и Р. Циглер. Frankfurt am Main, 2002. С. 507).

³² свободным (греч.).

³³ Ср. страстную инвективу о. Сергия Булгакова в дневнике (запись от 18/31 декабря 1922 г.): «Еду на Запад не как в страну “буржуазной культуры” или бывшую страну “святых чудес”, теперь “гниющую”, но как страну еще сохраняющей христианской культуры [...] “Россия”, гниющая в гробу, извергла меня за ненадобностью, после того, как выжгла на мне клеймо раба» (*Булгаков С.* Из «дневника» // Вестник РХД. 1979. № 129. С. 237).

³⁴ Иванов Димитрий Вячеславович (псевд. Жан Невесель, 1912–2003), сын поэта; впоследствии писатель и журналист; см. книгу его интервью: *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999.

³⁵ Название статьи «О религии Достоевского» появляется в переписке Иванова с Е.Д. Шором 25 мая 1925 г.; позднее автор решил назвать так последнюю часть своей книги (см.: *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции. С. 533).

³⁶ Описка; жену Степуна звали Наталья.

³⁷ Иванова Лидия Вячеславовна (1896–1985), дочь поэта; композитор и органист.

3. Степун — Вяч. Иванову *Freiburg im Breisgau. 8 июля 1925 г.*

8/VI.25. Dresden-Neustadt, Schillerstr[аße] 26
bei Professor R. Kroner¹

Дорогой Вячеслав Иванович,
я так виноват перед Вами, что не пытаюсь просить прощения. Два с половиной месяца тому назад получил Ваше дружеское и обстоятельное письмо и только ныне отвечаю на него. Отвечаю в суете, в случайной комнате, за три часа до нашего переезда из Фрейбурга в Дрезден². Мои строки не будут потому настоящим ответом, настоящей беседой с Вами, а всего только обещанием настоящего письма. Прежде всего несколько слов о делах. Евсей Давидович [Шор], вероятно, уже писал Вам, что и два Ваших дальнейших очерка о Достоевском выйдут в том же фрейбургском издательстве, в котором на днях выходит первый³. Как только они выйдут, я постараюсь устроить так, чтобы в немецких газетах и журналах появились о них отзывы. Материальный доход с них будет, вероятно, не слишком велик, так как единственная форма литературного заработка не книги, конечно, а только статьи в журналах, но переводных статей редакции обыкновенно не принимают. Все это пишу только к тому, чтобы запросить Вас, хотели ли бы Вы сотрудничать в немецких журналах⁴, платящих от 10 до 20 марок за страницу, и на какие темы Вам было бы легче всего сейчас написать две, три заново озаглавленных и перефразированных, но, конечно, не новых статьи. В ближайшее время я хочу хлопотать в этом направ-

лении о себе; заодно могу похлопотать и о Вас. Мои «Мысли о России», как я, кажется, писал Вам, идут одновременно с «Современными записками» в немецком католическом журнале⁵. За последнюю статью я как-никак получил 500 марок. Это все же деньги. Так как очень хочу Вас видеть, то приложу все усилия к тому, чтобы организовать где-нибудь в Германии небольшой цикл лекций о России с участием Вас, себя и еще кого-нибудь. Только что во Фрейбурге читали Арсеньев⁶ и я. Намеченную еще лекцию Вышеславцева предпринимателю-книгопродавцу пришлось отменить, так как материальный успех лекций оказался недостаточным⁷. Вина была в мае месяце [так!]. Думаю, что на осень можно будет что-нибудь наметить⁸. Был бы бесконечно счастлив встретиться с Вами во Фрейбурге или Дрездене. Очень Вы далеко заехали. Будь Вы в Париже, мы могли с Вами бы повидаться уже на почве первого майского цикла. Я думал просить Вас вместо Арсеньева, но очень дорог проезд из Рима. Так пока и не вышло.

Оттиски своих «Мыслей» и «Переслегина» самолично не мог еще переслать Вам, потому что у меня не было их на руках. Как только распакую в Дрездене свои книги, сейчас же все вышлю Вам. «Переслегина», впрочем, Вы, может быть, уже имеете, так как сейчас же по получении Вашего письма я написал переводчице «Переслегина» на немецкий язык⁹, чтобы она выслала Вам свои оттиски, если она еще не приступила к переводу. Я получил от нее обещание выслать через несколько времени, как только они будут возвращены ей лектором одного немец[кого] издательства¹⁰. Выслала ли она или нет, не знаю. Писать же ей не писал, так как она уехала из Берлина на время в Париж.

Вашу тоску страстного любовника гуманизма я, думаю, живо чувствую и хорошо понимаю; понимаю и Ваше недоверие к моей проповеди правовой и культурной демократии. Согласен даже на большее: согласен сказать Вам на ухо, что, слушая себя проповедующим сермяжную демократию в пражском с-ровском Земгоре¹¹ и читая отзывы о своих лекциях в «Последних новостях»¹² и «Днях»¹³, где невероятно неуместно звучат мои слова о взрыве всех смыслов¹⁴ и ужасно глупо рисуется образ вечности, «кошкою сидящей на лежанке», я испытываю такое же недоверие к своей проповеди, как и Вы. И все же, все же необходимо, по-моему, вести сейчас, защищать сейчас в России тему почти бездарной трезвости, тему малых дел и умной выдержки. Мне не хочется сейчас особенно в Европе жить русским кризисом: бездной, перерождением; не хочется ощущать Достоевского, как стержневую тему России. Недавно читал книгу Зайцева «Сергий Радонежский»¹⁵ и как-то свежо и радостно почувствовал образ святого с топором в руках, не экстастика, а трезвенника, но не моралистического трезвенника, каким частично является Толстой, а мистического. Может быть, от Сергия Радонежского идет линия Пушкинской ясности и к румянному человеколюбцу Алеше Карамазову. За 19-й — 20-й год, часто выезжая в ночь на розвальнях к себе в деревню, я как-то очень остро почувствовал духовно-трезвый пейзаж русской природы и души. Я ненавижу «благородных» коммунистов, которые любят сейчас достоевски-шекспировской трагедией России, и очень подозрителен к оперной этнографичности евразийского историко-философского конструктивизма¹⁶, с хлестким ощущением Георгия Победоносца, как «святого джигита», и с сентиментально-хитроумным ощущением, что цвет красного знамени есть одновременно и цвет пасхального яичка. В их художественной эмоции очень много верного и непосредственно по-

нятного, но одновременно и очень много невоздержания на выдумку. Мне же думается, что таковое воздержание сейчас совершенно необходимо для каждого из нас.

Проповедь аполитизма, которою занимается Николай Александрович Бердяев¹⁷, по-моему, также глубоко неверна, потому что на территории политики разрешаются сейчас величайшие вопросы русской жизни: бегство от политики представляется мне потому не только политическим, но и нравственным дезертирством. Так и прихожу я к своим скучным демократическим убеждениям. Всю скучность того национального творчества, к которому я пытаюсь звать прежде всего русскую эмигрантскую молодежь, я живо чувствую. Но я думаю, что в отношении народа-творца еще более, чем по отношению к отдельному художнику, применимы слова Фридриха Ницше, что никогда не станет великим тот художник, который будет бояться стать скучным¹⁸. В революцию Россия стала для всей Европы самой интересной страной; для нас она стала страной почти что слишком интересной. Пора становиться скучной и большой. Надеюсь, что эта теория скуки не является во мне всего только весьма сложную форму метафизического оправдания эстетической неудачи моего весьма скучного «Переслегина». Но быть своим собственным Фрейдом я не могу и очень жду, чтобы Вы за меня проделали сей неприятный психоанализ.

В Праге, в некоторых кругах господствуют весьма оптимистические предположения, которые отчасти питаются перепискою с Советской Россией. Так Е.Д. Кускова¹⁹ читала мне письмо крупного советского деятеля (писано не из России), в котором высказывалось предположение, что года через два самое большое все эмиграция может быть снова в России. Я ко всему этому стараюсь внутренне не прислушиваться, чтобы незаметно доехать до станции назначения, надо прежде всего не смотреть на часы, а то очень долго тянется время.

Настроение в Праге вообще очень напряженное, тревожное и одновременно унылое и угнетенное. Расслоение эмиграции чудовищно. Одних студенческих союзов, кроме сменовеховского, целых четыре²⁰. Украинцы на всех перекрестках утверждают, что москвичи не русские, а только руссофицированные финны. Галиполийцы²¹ не садятся за один стол с украинцами и ждут священного часа расплаты с Польшей и жидами. Иван Иванович Лапшин²² с приятной русской простотой в уютном потрепанном пиджачишке заикается о Мусоргском и Чайковском (он читает вступление к концертам Русского Народного дома); потом милые русские барыни мило поют русские романсы, отчего всем становится грустно и очень скучно: напоминает литературно-музыкальные вечера в офицерском собрании в Бронницах или в женской гимназии в Коломне. Объехав все эмигрантские центры, решил продолжать тип своей жизни: жить в одиночестве, а потом устраивать генеральный смотр Берлино-Парижско-Пражской эмиграции. Вообще же наше положение здесь дрянь, и издавать скоро ничего нельзя будет. Средний русский интеллигентный человек совершенно перестает читать русскую книгу: одних она злит, других волнует, а сил ни на то, ни на другое ни у тех, ни у других нет. Вы пишете, что охотно издали бы свои вещи в аполитическом издательстве, но такого сейчас нет. Издательств вообще очень мало; в конце концов всего только два: «Слово» И.В. Гессена²³ и легионски-эсеровское «Пламя»²⁴ — в Праге. Сейчас приехал из Петербурга Годин²⁵; он пытается создать новое издательство в Париже; человек энергичный, прошедший через советский строй. Фигура для России, как

говорят, приемлемая (видал его у Ремизова²⁶). «Эмигранты» говорят, что его задача произвести честную «Смену вех». Я его не знаю, пишу же Вам на всякий случай; может быть, Вы сможете издать у него Ваши вещи, не нарушив Вашего «аполитического» обещания²⁷. Накануне моего отъезда из Парижа публика волновалась предложением сербского правительства создать журнал и издательство (если деньги будут, они будут солидные и крупные). Дело в руках Мережковского, и Вам потому оно, вероятно, не улыбнется. Что касается издания «Диониса» на немецком языке²⁸, то было бы весьма важно получить рецензии. Хорошо, если бы мог написать Зелинский²⁹. Хотя у некоторых издательств существует институт «русского лектора». Поговорю кое с кем. В прошлом году мне посчастливилось устроить «Тегеля» И.А. Ильина³⁰. Простите краткость и спешность письма. Наталья Николаевна [Степун] и я шлем Вам сердечный привет. Буду очень рад, если откликнетесь. Обещаю не задерживать ответа.

Ваш Ф. Степун

Публикуется по автографу – авторизованной машинописи (РАИ. Оп. 5. Карт. 10. Папка 14). Впервые: Символ. 2008. № 53–54. С. 414–418.

¹ у профессора Р. Кронера (нем.). См. примеч. 16 к п. 1.

² В 1926 г. в Дрездене Степун получил должность профессора социологии.

³ Первоначально статьи предполагалось опубликовать во фрайбургском издательстве Вайбеля (см.: *Иванов В.И.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 758); этот проект не состоялся.

⁴ Степун имел контакты с газетой «Frankfurter Zeitung», журналами «Hochland», «Logos», «Europäische Revue», органом М. Бубера «Weiße Blätter» и др., а также с рядом издательств. До 1933 г. он содействовал изданию в Германии таких авторов, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и С.Л. Франк.

⁵ В январе 1926 г. появилась статья Степуна «Die Mission der Demokratie in Russland» (Hochland. 1925–1926. Jg. 23. Bd. 1. S. 412–434).

⁶ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977), богослов и историк церкви. Профессор Владимирской православной духовной академии в Нью-Йорке. Был активен в экуменическом движении, принимал участие в Эдинбургской (1927) и Лозаннской (1937) конференциях; был официальным «гостем» на II Ватиканском соборе (1960–1964).

⁷ О Б.В. Вышеславцеве см. публикацию в наст. изд. В Дрездене Степун пригласил Вышеславцева прочитать лекцию в местном соловьевском обществе.

⁸ Во Фрайбурге в 1923–1925 гг. жило значительное число русских, в том числе М. Горький. Семинар Гуссерля в университете Альберт-Людвига посещала русская группа – Степун, Д.И. Чижевский, Е.Д. Шор и др., которая оказала значительное влияние на рецепцию русской религиозной философии в Германии.

⁹ Имеется в виду К. Розенберг (Käthe Rosenberg; 1886–1960), переводчица «Господина из Сан-Франциско» (1922) и «Митиной любви» И. Бунина.

¹⁰ Степун, как можно полагать, пытался продать свой роман известному немецкому издательству S. Fischer в Берлине.

¹¹ Земгор – объединенный комитет всероссийских Земского и Городского союзов. Государственная организация, созданная в 1915 г. для содействия нуждам фронта. Отношение к чинам Земгора благодаря предоставленным им льготам (в частности, отсрочка от призыва в действующую армию) в русском обществе было традиционно ироническим. После революции превратился в одну из эмигрантских общественных организаций. Степун регулярно посещал Прагу, поддерживая контакты с пражскими театрами. Не принадлежа ни к одной из политических партий, он, однако, был близок к правым эсерам.

¹² Возможно, речь о докладе Степуна «Революция и литература», прочитанном 20 февраля 1925 г. на собрании парижского Клуба писателей (отчет см.: ПН. 1925. 25 февр.).

¹³ В «Днях» был напечатан отзыв о выступлении Степуна на собеседовании о задачах советской и эмигрантской литературы, устроенном 18 ноября 1924 г. литературным содружеством «Арзамас»; см.: С.Я. Доклад Ф.А. Степуна в Берлине // Дни. 1924. 25 нояб. № 861. С. 2.

¹⁴ См. примеч. 13 к п. 2.

¹⁵ См.: Зайцев Б.К. Преподобный Сергей Радонежский. Париж: YMCA-Press, 1925.

¹⁶ О евразийстве Вяч. Иванов писал 27/28 февраля 1932 г. Э.Р. Курциусу: «Обращение князя Святополка Мирского в большевизм — последовательно: как самосознание атеиста и к тому же одного из главных герольдов новоиспеченной “евразийской” доктрины, которая в полнейшем согласии с основной тенденцией большевиков стремится породнить Россию с монголами и китайцами, чтобы раз и навсегда вырвать ее из христианского мира. Понимание России как части азиатского мира — ложно до основания. Влияние монголов на Россию в Средние века было не глубже, чем влияние арабов на Испанию. Но Россия — это до самых глубоких слоев языка и мыслительных форм Византия; а Византия с самого начала (благодаря эллинизму) была евразийской в хорошем смысле — и все более становилась таковой в дальнейшем своем развитии, что уже ложится весьма неблагоприятным бременем на наше историческое наследие. Европейская же культура, которую я имею смелость именовать христианским миром, — это еще с доэллинистических времен Восток и Запад. И Россия непременно останется именно *европейским* Востоком; ибо оба начала оплодотворяют друг друга и должны составлять органическое единство, различая между им отвергаемым азиатским уклоном и “хорошим”, византийским евразийством» (*Iwanow V. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass* / Hrsg. von M. Wachtel. Mainz, 1995. S. 59–60), оригинал по-немецки. Критику евразийства за его антизападничество и антидемократизм см. в рецензии: *Степун Ф.А.* [Рец. на кн.:] Евразийский временник / Под ред. П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого. Берлин; Париж: Евразийское книгоиздательство, 1923. Кн. 3 // СЗ. 1924. № 21. С. 401–407.

¹⁷ Степун эволюционировал от неокантианства к русской религиозной философии. Начав открытую полемику и одновременно сотрудничество с Бердяевым в 1918 г. в Москве, он продолжил и то и другое в эмиграции. В статье «Об общественно-политических путях “Пути”» (СЗ. 1926. № 29. С. 442–448) он критиковал издаваемый философом журнал за аполитичность, видя в нем препятствие на пути строительства культуры после крушения большевизма.

¹⁸ Точный источник цитаты не обнаружен, Не исключено, что это парафраз «*Menschliches, Allzumenschliches*» (Viertes Hauptstück: Aus der Seele des Künstlers und Schriftstellers. § 202).

¹⁹ Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958), общественно-политическая деятельница, по взглядам близкая к конституционным демократам. Активно сотрудничала в разных литературных периодических изданиях. В 1922 г. выслана большевиками за границу вместе с группой видных оппозиционеров, представителей творческой элиты. Проживала в Праге, затем в Женеве; часто печаталась в эмигрантской печати.

²⁰ Степун в Праге был в контакте с мужем М.И. Цветаевой С.Я. Эфроном, редактором студенческого журнала «Своими путями».

²¹ Члены Общества галлиполийцев, белогвардейской военной организации, которая объединила офицеров врангелевской армии, размещенных властями Антанты на турецком полуострове Галлиполи после эвакуации из Крыма.

²² Лапшин Иван Иванович (1870–1954), философ и публицист, автор многочисленных трудов по психологии творчества, эстетике и теории познания.

²³ В берлинском издательстве «Слово» Иосифа Владимировича Гессена (1866–1943), в прошлом члена Думы и кадета, вышла книга Степуна «Основные проблемы театра» (1923); книгоиздательство существовало в 1920–1938 гг. (см.: ЛЭРЗ. 2000. Периодика. С. 24).

²⁴ Издательство «Пламя» действовало в 1923–1939 гг. (см.: ЛЭРЗ. 2000. Периодика. С. 330–331). Здесь, в частности, в 1925 г. вышел единственный эмигрантский номер журнала «Логос» под ред. Степуна, С. Гессена и Б. Яковенко.

²⁵ Годин Яков Владимирович (1887–1954), поэт; в прошлом один из посетителей «Башни» Вяч. Иванова. Ср. *Лурье Л.Я.* Годин Яков Владимирович // Русские писатели 1800–1917. Т. 1. С. 603.

²⁶ С.А.М. Ремизовым Степун не раз встречался в Петербурге, а затем в Берлине и Париже. См. книгу Степуна «Бывшее и несбывшееся».

²⁷ Никакого издательства Годиным в Париже создано не было.

²⁸ О проекте создать немецкую версию книги «Дионис и прадионисийство» см.: *Вахтель М.* Научный проект: в поисках подлинного «Диониса» (о неосуществленной немецкой книге Вяч. Иванова) // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2008. Т. 5. С. 551–560.

²⁹ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944), филолог-классик. Ср. его письма к Вяч. Иванову: Русско-итальянский архив. Salerno, 2002. Т. 2. С. 181–276 (публ. Е.А. Тахо-Годи).

³⁰ Скорее всего, этот проект не состоялся, так как книга религиозного философа, историка и критика Ивана Александровича Ильина (1883–1954) «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога» (М., 1918) вышла по-немецки только после Второй мировой войны (см.: *Ijtin I.* Die Philosophie Hegels als kontemplative Gotteslehre. Bern: Francke, 1946). Степун критиковал Ильина как в своей художественной прозе (в книге «Из писем прапорщика-артиллериста»), так и в своей публицистике (см.: *Степун Ф.А.* Мысли о России: (О «Возрождении» и возвращении) // СЗ. 1926. № 28. С. 365–392).

4. Степун — Вяч. Иванову

Grasse. 13 апреля 1927 г.

Grasse, 13-го апреля 1927 г.

Дорогой Вячеслав Иванович,

не знаю как и начать свое письмо, до того стыдно, что до сих пор не ответил Вам на Вашу открытку, обещавшую мне в случае ответа большое письмо. К счастью у меня есть свидетель, что не отвечая Вам, я очень много думал о Вас. Весь февраль у нас гостила, как Вы вероятно знаете, Ольга Александровна [Шор]¹, и мы с нею много беседовали о Вас и Вашем, о Вашем Достоевском, Ваших стихах, которых я получил недавно из Москвы, и Вашей оперетке, которой я не знаю². Не отвечал я Вам по страстному желанию написать подробно, много, а лучше всего бы повидаться с Вами. На днях я прочел в «Возрождении» фельетон Амфитеатрова. Столбца 2 в нем о Вас³. Не знаю, верно ли, но на основании их я решил, что Вы в Россию не возвращаетесь и уверенность в нашем свидании выросла. Вычитал я из фельетона Амфитеатрова (если только этот фельетон не медвежья услуга), что Вы в ближайшее время получите возможность писать в эмигрантских журналах: очень надеюсь, что Вы не обойдете Вашим вниманием и наши «Соврем[енные] записки». Не знаю, каковы Ваши впечатления, но мне кажется, что в эмиграции происходят все же довольно интересные процессы формирования нашего пореволюционного национального сознания.

Между Дрезденом и Грассом мы прожили около двух недель в Париже, перевидали большое количество знакомых, и я переговорил с очень многими людьми. Как раз в нашу бытность в Париже шумели евразийцы (у них был закрытый съезд, называемый «курултаем»). Кроме Карсавина (знаете ли Вы его?) на съезде были — Трубецкой из Вены, Сувчинский, Владимир Н. Ильин и новоявленный острый, невнятный, привередливый критик, князь Д.П. Святополк-Мирский. Вся эта компания весьма, по-моему, интересна. Миросозерцание евразийцев поражает, от-

талкивает, но все же чем-то и приятно волнует: в нем чувствуются органический перепуск коммунистической России и древней Руси, озорная историософская выдумка и большая воленатраженность. Все совсем несерьезно и все же может при благоприятных обстоятельствах наделать весьма серьезные вещи. Аура у них темная и, по-моему, они, как и коммунисты, с хвостами. Есть у них, как мне кажется, возможность совсем темного срыва в православный чекизм. В Париже их очень травят, но это им на руку: — реклама. При всей мути в них и вокруг них, они мне все же не только интереснее, но и приятнее того сперттого воздуха эмигрантщины, которым окружают себя рыцари непримиримости, свободолюбивые враги советского застенка. Пока эта непримиримость звучит в определенно политических и черносотенных тональностях, она мало оскорбляет, но в религиозно-духовной транскрипции Мережковских она решительно страшна. Организовала здесь Зинаида Николаевна [Гиппиус] литературный салон «Зеленую лампу»⁴. Задача салона — указывать, к[ото]р[ы]й из эмигрантских писателей и публицистов будет в ближайшее время соблазнен коммунистическим советизмом, по ком полоснет луч ультрафиолетового сменовеховства. Я лично давно уже взят на мушку, но курка все еще не спускают. Дмитрий Сергеевич [Мережковский] все по старому стреляет из пугача, говорит, призывая к целомудрию и словобоязни, одни слова, слова и слова... Самое страшное по его мнению будет, когда большевики назовут Ленина Христом. На меня «Зеленая лампа» произвела грустное и гнетущее впечатление. Председательствовал на ней Георгий Иванов⁵.

Очень хорош Николай Александрович [Бердяев]. Вокруг него какой-то очень чистый воздух, много настоящей духовной свободы. Будь он серьезным ученым и хорошим писателем, в какую бы он вырос большую фигуру! Все же и так он очень замечен на Западе. Немцы его много читают, упорно и положительно рецензируют.

В первом письме Вы писали, что Вам странно слушать, что я проповедую сермяжную демократию, но мне кажется, что это единственное, что сейчас нужно и можно проповедывать для России. Как ни как, большевизм определенно и быстро разлагается. Хозяйственно от него ничего не осталось. Культурно он тоже совершенно бессилен. Существует он только чисто политически. Но чисто политически ему, конечно, не удержаться «на базе» капиталистического хозяйства и культурнического меонизма. Что же сменит его? Монархическая реакция бездарна и бессильна, евразийский фашизм будет хуже и страшнее коммунизма, западническая формалистическая демократия для России то же самое, что аптекарские весы для взвешивания возов с сеном. Только и остается сермяжная демократия, т.е. та политика, которую до известной степени не безуспешно ведет сейчас левое крыло немецких католиков.

Писать обо всем этом невозможно. Вернувшись в Дрезден, вышлю Вам свои «Мысли о России». Если будет у Вас время, просмотрите их и напишите несколько слов, за что буду Вам очень благодарен.

Никогда не думал я, что буду так остро интересоваться политическими и даже государственными вопросами. Может быть, мой интерес объясняется тем, что революция и большевики, и большевики в Европе — все это сейчас гораздо больше, чем политика; все это сейчас метафизика. Не знаю как Вы, но я определенно чувствую, что не метафизика и не искусство, а именно политика является сейчас

территорией, на которой абсолютный Дух разрешает сейчас свои самые глубокие проблемы. Странна с этой точки зрения моя личная судьба. Ни с того ни с сего выбрали меня немцы профессором социологии, «mit besonderer Berücksichtigung osteuropäischer Probleme»⁶. Начал я с социологии, а следующий семестр (зимний) буду читать «Россия и Европа как проблема русской философии истории». Странная сейчас у немцев психология: страна мощно идет вперед, восстанавливается с поразительной быстротой, но национальное сознание остается надорванным и все наиболее значительные люди страдают в Германии какую-то странной ксенофилией, в особенности тянет всю протестантскую Германию к России. Католики — те крепче. Я объездил много городов и почти всюду одно и то же.

Прочно ли Вы устроены в Италии? Не занесет ли Вас как-нибудь в Германию? Я думаю, было бы очень полезно для Вас и важно для немцев, чтобы Вы познакомились лично с некоторыми людьми: писателями, издателями и редакторами. Я думаю, что Вы сразу бы устроили свои вещи у Рейхеля⁷ в Дармштадте или, если у Пустета⁸ в Мюнхене. Знаете ли Вы католический журнал «Hochland», в котором печатаются мои «Мысли о России»? Это очень хороший журнал и журнал, который очень прилично платит. Если бы Вы прислали мне какую-нибудь статью не больше листа на религиозную, религиозно-философскую тему, я думаю, что мне удалось бы ее устроить⁹. Очень хотелось бы, чтобы имя Ваше стало по-настоящему известно в Германии. «Die Kreatur»¹⁰ мало распространена и у нее свой круг, преимущественно еврейский. Слышал, что Ваша дочь вырабатывается в настоящего композитора. Передайте ей привет от нас и пожелайте всякого успеха. Вашим мнением о моем «Переслегине» я очень интересуюсь; говоря искренне, больше, чем мнением кого бы то ни было. Но я его, конечно, и несколько боюсь. Давно выслал бы книгу, но у меня только один экземпляр на руках. Второй у рецензента. Все же из Дрездена вышло Вам его. Ну, надо кончать, а такое чувство, будто я только что начал. Примите душевный привет и самые лучшие пожелания от нас обоих. Искренне Ваш

Ф. Степун

P.S. Простите, что ~~прошу~~ пишу не сам, но у меня ужасно неразборчивый почерк, или надо не писать, а уговаривать.

До первого мая адрес Villa Belvédère, Grasse (A[lpes]-M[aritimes]). С первого мая Paradiesstr[aße] 6-b, Dresden A[ltstadt] (20).

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 10. Папка 14). Письмо написано рукой Н.Н. Степун.

¹ Шор (псевд. Дешарт) Ольга Александровна (1894—1978), ученица и многолетний друг Вяч. Иванова и его семьи, редактор и издатель ряда его поэтических сборников, в том числе и посмертного собрания сочинений (Брюссель, 1971—1987); см. о ней статью А. Шишкина в: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=133>.

² Речь о проекте издания книги Иванова о Достоевском и о трагикомической оперетке «Любовь — мираж?» (опубл.: Русско-итальянский архив. Salerno, 2001. Т. 3. С. 49—132).

³ Этот фельетон не выявлен. Не исключено, что Степун имел в виду фельетон А.В. Амфитеатрова, опубликованный в варшавской газете «За свободу!» 3 апреля 1927 г. Здесь Амфитеатров писал: «[В.И. Иванов] перешел в католическое вероисповедание [...]. Пользуясь этим случаем, чтобы опровергнуть ходившие в эмиграции слухи, будто Вячеслав Иванов, подобно В. Брюсову, Андрею Белому, С. Городецкому и т.д., “якшался” с большевиками. Диффамация эта очень огорчает поэта. А между тем, он терпит напраслину только за

то, что он выехал и семью вывез из СССР не в порядке бегства, а по паспорту, который ему с трудом выхлопотал Луначарский» (*Амфитеатров А.* Записная книжка // За свободу! 1927. 3 апр. № 77 (2109). С. 2–3; см. также: А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее. СПб., 1997. [Вып.] 22. С. 484).

⁴ О кружке «Зеленая лампа» см.: *Терпиано Ю.К.* Встречи. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 5–59; *Он же.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 38–79, а также справку Т. Пахмусс и Н.В. Королевой (ЛЭРЗ. 2000. Периодика. С. 167–174).

⁵ О расхождении Степуна с Мережковскими см. в письме Гиппиус к Д.В. Filosoфову от июня 1923 г.: «тут [в собрании СЗ. — А.Ш.] была целая буча, ибо Степун уверял, что [...] и при большевиках все-таки жизнь кипит, новые ростки кипят, деревня имеет культурный опыт и т.д.» (*Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München, 1972. P. 112).

⁶ с особенным учетом восточноевропейских проблем (нем.).

⁷ Reichl Otto (1877–1954), немецкий книгоиздатель; основал в 1919 г. издательство Otto Reichl Verlag (Darmstadt).

⁸ Friedrich Pustet Verlag, немецкое книгоиздательство, основанное в 1845 г. Фридрихом Пустетом (1798–1882) в Регенсбурге и существующее поныне; специализировалось, в частности, на религиозной и литургической литературе.

⁹ В.И. Иванов публиковался в этом журнале в 1930-е гг. См.: *Iwanow W.* Humanismus und Religion. Zum religionsgeschichtlichen Nachlaß von Wilamowitz // Hochland. 1934. Jg. 31. Bd. 2. S. 307–330; *Iwanow W.* Der Sinn der antiken Tragödie // Ibid. 1936–1937. Jg. 34. S. 232–243.

¹⁰ Die Kreatur: eine Zeitschrift / Hrsg. von M. Buber, V. von Weizsäcker [u.a.]. Berlin, 1926/27–1929/30. Bd. 1–3.

5. Степун — Вяч. Иванову *Dresden. 14 октября 1933 г.*

Dresden, 14 окт. 1933 г.

Schnorrstr[аße] 80. Dresden A[ltstadt] 24.

Дорогой Вячеслав Иванович,
я в свое время не ответил Вам на Ваше письмо, потому что сразу же стал выяснять возможность написания статьи о Вас¹. Вопрос этот был довольно сложен, потому что я был занят небольшой книжкой о России («Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution»²) и связан целым рядом обещаний других литературных работ. После долгих переговоров о всяческих сроках я списался с Fuchs'ом³ и Pellegrini и обещал «Hochland»'у статью к 10-му октября. Обещания своего я не сдержал, так как статья у меня к концу заартачилась и затянулась на месте. Десять дней тому назад я ее отослал⁴ и могу, когда кончу примечания и предисловие, заняться Вами. Мне не надо Вам говорить, что я с большой радостью заново погружусь в стихию Вашего творчества и потому, прямо переходя к делу, прошу Вас помочь мне написать статью о Вас. Помощь мне нужна внешняя и внутренняя. Внешне — мне нужны Ваши книги. У меня имеются: «Сог ardens», «Нежная тайна», «По звездам» и «Родное и вселенское». Остальных книг нету. Пришлите мне потому, пожалуйста, что у Вас есть на руках. Нету у меня и представления о том, как Вы сейчас живете, что делаете и что напечатали за это время в Европе, что напечатано о Вас. Для того типа статьи, который Вы предлагаете (Charakter-Korff⁵) все это очень важно. Внутренняя помощь мне нужна в освещении вопроса

Вашего перехода в католичество. Вы понимаете, что обойти его нельзя уже потому, что я пишу для «Hochland»^а, т.е. для журнала этим вопросом очень заинтересованного. (Fuchs даже запрашивал меня, смогу ли я свободно и справедливо отнестись к этому факту, ссылаясь, правда, на Ваш данный ему положительный ответ на этот вопрос.) «Hochland» прислал мне № «Vita e pensiero», в котором упоминается Ваше письмо от 30-го года к Карл [так!] Du Bos, касающееся Вашего перехода в католичество^б, а также и Ваши «Sonetti Romani»⁷. Мне было бы очень важно получить лучше всего прямо перевод этого письма. Fuchs просит меня в свою очередь попросить Вас о присылке в редакцию в срочном порядке того же письма и сонетов для перевода последних на немецкий язык (может быть, Вы могли бы сами их перевести). Слышал я также, что Вы писали все по тому же вопросу в Париж, если не ошибаюсь, Карташеву⁸. Мне не хотелось бы без Вашего разрешения обращаться к нему с просьбой о сообщении мне содержания письма, да и он не мог бы мне без Вашего разрешения ничего сообщить. Думаю, что будет самое простое, а для меня наиболее удобное, если Вы меня избавите от всякой необходимости исследования этого вопроса и просто напишете как можно скорее то, что я мог бы перенести в свою статью.

Мне очень жалко и грустно, что не пришлось нам с Вами до сих пор повидаться, причем вина тому моя постоянная спешка и отчасти, конечно, нехватка денег. Мы с Наталией Николаевной [Степун] через год ездили на французскую Ривьеру и каждый раз через Лион — Марсель. Можно было бы хоть раз поехать через Италию и заехать к Вам. Надеюсь, что это еще и состоится.

Мне очень хотелось бы о многом поговорить с Вами и, главное, о России. В одном из Ваших первых писем Вы как-то обмолвились удивлением, что я так интенсивно занят неославянофильским истолкованием ее грядущих судеб. Помню, от тех Ваших слов на меня повеяло сомнением, не зря ли я трачу так много времени и сил на эмигрантскую публицистику, не правильнее ли было сосредоточиться на настоящей, большой работе. Сомнения эти во мне никогда не затихают, но одновременно все же и чувствуется, что без приложения своих сил к какому-нибудь живому и практическому делу трудно выдержать подлинную линию своего философского или художественного творчества. Вот и стараюсь «делать», не забываясь о «творчестве», но в тайной надежде — что дело в конце концов обернется творчеством. Видаете ли Вы «Совр[еменные] зап[иски]» и «Новый град», который мы издаем с Бунаковым и Федотовым? Прислать ли Вам свою публицистику? Я только что закончил небольшую книжку на нем[ецком] языке «Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution». Как выйдет, пришлю Вам вместе со своей книжкой о театре и кинематографе, вышедшей в прошлом году⁹. За «Гоголя» большое спасибо¹⁰. Сегодня вечером у нас ужинает Эмилий Карлович Метнер¹¹. Было бы прелестно, если бы Вы были с нами. Знаю случайно, что он вот уже шестую неделю не отвечает Вам на Ваше письмо и что он скоро будет писать. Нам тут становится много труднее, чем было раньше¹². Я держусь той же тактики, что держался в свое время и дома¹³. Кончится ли эта тактика, как она однажды уже кончилась — я не знаю. Возможность такого конца есть, но быть может, все и утрясется. Это тоже большая тема, о которой хотелось бы с Вами подробно побеседовать. Веснами на Ривьере мы всегда встречаемся с Буниными. (Я не знаю, знаете ли Вы его ближе? Думается, пожалуй, что нет.) Чем чаще и больше я его вижу, тем

больше удивляюсь его совершенно единственной настоящности и какой-то первозданности всех его чувств и инстинктов: уму без размышлений и большому знанию мира без всяких познаний о нем. Читали ли Вы его «Жизнь Арсеньева»? Мне кажется, что эта лирико-эпическая поэма совершенно замечательное произведение искусства, в котором несмотря на традиционный натурализм толстовской школы, изумительно много скорбного лиризма, и несмотря на весь этот лиризм также много точного социологического анализа России и вечной памяти о ней.

Сердечный привет Вам, Вашей дочери, если она меня помнит, и Ольге Александровне [Шор], которая совершенно тоже куда-то канула. Душевно Ваш

Ф. Степун

Тоже душевно кланяюсь Вам. Ольгу Александровну целую.

Н.Н.¹⁴

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 10. Папка 14). Письмо написано рукой Н.Н. Степун.

¹ Иванов писал Степуну в июне 1933 г., сообщая о подготовке специального выпуска миланского журнала «Il Convegno», посвященного самому Вяч. Иванову, проект издания которого принадлежал итальянскому писателю, журналисту и видному германисту Алессандро Пеллегрини (1897–1983). Обстоятельства заказа этой статьи Степуну выясняются из письма В.И. Иванова к А. Пеллегрини от 30 июня 1933 г.: «отправляю письмо Степуну, сообщая ему, [...] как своему другу, что “Конвеньо”, то есть Вы как ответственный редактор выпуска *хотите просить* его написать для специального выпуска этого журнала критико-биографический очерк обо мне как о поэте и мыслителе, — “einen Charakterkopf”, ибо у него это получится умно и изящно и будет написано с блеском и живостью, поскольку он не только философ (из группы “Логоса”), но и тончайший психолог, критик и мастер стиля. Но напишет он, конечно, по-немецки, так как журнал “Hochland” уже заказал ему статью о моем творчестве, а нам нужно будет это перевести; однако не исключено, что немецкая версия статьи подойдет и для наших целей» (оригинал по-итальянски, публ. К. Чеккини и А. Шишкина, в печати).

² См.: *Stepun F. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution*. Bern [u.a.]: Gotthelf, 1934 (Reihe religiöser Russen; 1).

³ Fuchs Friedrich (1890–1948), редактор мюнхенского журнала «Hochland».

⁴ Имеется в виду статья: *Stepun F. Wjatscheslaw Iwanow. Eine Portraitstudie // Hochland*. 1933–1934. Jg. 31. Bd. 1. S. 350–361.

⁵ Charakterkopf — яркая личность, характерный человек (нем.); здесь: литературный портрет.

⁶ Имеется в виду статья Anselmo Tommasini «De Thesaurò»: *Due concezioni della coltura» (Vita e pensiero*. 1934. Vol. 24. № 8. P. 517–520), в конце которой приводится обширная цитата из «Письма к Дю Босу», где содержалось историософское обоснование соединения Вяч. Иванова с католической церковью (ср.: *Иванов В.И. Собр. соч.* Брюссель, 1979. Т. 3. С. 418–450, 818).

⁷ «Римские сонеты» — цикл из девяти сонетов, написанных Вяч. Ивановым в 1924 г. по прибытии в Италию; полностью опубликован в 1936 г. в № 62 СЗ. Таким образом, из контекста письма следует, что в 1933 г. «Vita e pensiero» располагала полным списком цикла.

⁸ Это письмо Вяч. Иванова не выявлено. Не исключено, что Степун ошибается и имеет в виду его письмо к Извольской (видимо, утраченное), где затрагивался вопрос о соединении с католической церковью (см.: Русско-итальянский архив. Salerno, 2001. Т. 3. С. 539).

⁹ См.: *Stepun F.A. Theater und Kino*. Berlin: Bühnenvolksbund-Verlag, 1932.

¹⁰ Имеется в виду статья Вяч. Иванова «Ревизор» Тоголя и комедия Аристофана» (1925), которая в переводе на немецкий язык Б. Лессена появилась в журнале «Corona» (см.: *Iwanow W. Gogol und Aristophanes // Corona*. 1932/1933. Jg. 3. № 5. S. 611–622).

¹¹ Метнер Эмилий Карлович (1872–1936), писатель, философ, искусствовед, публицист. Переписка Метнера с Ивановым опубликована (с рядом неточностей): В.И. Иванов и Э.К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступ. ст. и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. № 2. С. 307–346; № 3. С. 281–317.

¹² Осторожный – из опасения возможной перлюстрации – намек на перемены в 1933 г.: 30 января 1933 г. Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, 27 февраля пожар частично разрушил здание рейхстага, 14 июля национал-социалистическая партия была провозглашена единственной политической партией Германии.

¹³ То есть в России после прихода к власти большевиков.

¹⁴ На этом переписка Вяч. Иванова и Ф. Степуна обрывается. Степун приезжал в Рим уже после Второй мировой войны и встречался с О.А. Шор, Д.В. и Л.В. Ивановыми. Ср. в письме Степуна к Д.И. Чижевскому от 28 мая 1955 г.: «Кроме Рима, который я уже и раньше поверхностно знал (провел я в нем в свое время всего только 6 недель), я изучал литературное наследство Вячеслава Иванова: его роман и его стихи, озаглавленные “Дневник”. Ольга Александровна Шор показывала нам Рим и много рассказывала о последних годах поэта и ученого» (Письма Ф.А. Степуна к Д.И. Чижевскому / Публ. и примеч. В.К. Кантора // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 92–117; здесь: С. 101).

6. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 26 августа 1936 г.

26.VIII.1936.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Несколько недель тому назад Ваш сын, Дмитрий Вячеславович [Иванов], в бытность свою в Париже, говорил по Вашему поручению с И.И. Фондаминским относительно возможности отдельного издания новых Ваших стихов. Они условились как будто на том, что Вы пришлете сюда весь материал.

В *скорейшей* присылке его заинтересован и журнал «Совр[еменные] зап[иски]», поскольку, с Вашего согласия, можно было бы в ближайшей книжке поместить отдельные Ваши вещи (б.м., поэму «Человек?»). В этой же 62-й книжке должна, кстати, пойти и статья Ф.А. Степуна о Вас, как бы юбилейная¹.

Так как книжка 62-я уже спешно составляется и, по условиям печатания, должна быть мною сдана в типографию полностью в течение ближайших 3 недель, то решаюсь беспокоить Вас просьбой, если это возможно, выслать теперь же если не весь материал, то ту часть его, где имеются отобранные Вами для помещения в журнале стихи.

Очень обязали бы меня извещением о получении этого письма и о том, когда можно было бы ждать предназначенный *для журнала* материал.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении

В. Руднев (Вадим Викторович)

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки». Сохранился черновик (РАЛ. MS. 1500/6).

¹ Имеется в виду статья Ф. Степуна «Вячеслав Иванов» (СЗ. 1936. № 62. С. 229–246), первоначально написанная на немецком языке для журнала «Hochland»; ср. примеч. 4 к п. 5. В 1936 г. Вяч. Иванову исполнилось 70 лет.

7. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 19 сентября 1936 г.

19.IX.1936

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

С промедлением, за которое прошу простить, подтверждаю получение от Вас «Человека»¹ и двух циклов сонетов². Это было уже недели две—три назад. Вы обещали прислать к этому сроку остальной материал, но ничего пока не пришло. Предварительные переговоры об издании книги проходят благоприятно, и желательнее иметь текст здесь. — Что касается журнала, — в ближайшей книге поместим оба или один цикл сонетов. Получил статью Степуна о Вас³, хорошая. Тоже пойдет в №. Хотелось бы, по случаю юбилея, поместить и портрет Ваш, — но, по нашей бедности, не одолеть дополнительного расхода на клише. Но есть ли у Вас хороший портрет недавнего времени⁴?

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Monsieur Venceslas Ivanov, 61 via Monte Tarpeo, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Boulogne Billancourt, 21.IX.1936».

¹ Имеется в виду мелопея «Человек»; см.: *Иванов В.И.* Человек: Поэма. Париж: Дом книги; [Совр. записки], 1939. (Рус. поэты; Вып. 9). Переизд.: М., 2006.

² См.: *Иванов В.И.* Римские сонеты: I. «Вновь, арок древних верный пилигрим...»; II. «Держа коней строптивых под уздцы...»; III. «Пел Пиндар, лебедь: “Нет под солнцем блага...»; IV. «Окаменев под чарами журчанья...»; V. «Двустворку на хвостах клубок дельфиний...»; VI. «Через плечо слагая черепах...»; VII. «Спит водоем осенний, окроплен...»; VIII. «Весть мощных вод и в веяньи прохлады...»; IX. «Пью медленно медвяный солнца свет...» // СЗ. 1936. № 62. С. 178–183; *Он же.* [Стихотв.:] De profundis amavi (I. «О сновиденье жизни, долгий морок...»; II. «Когда б из горнего монастыря...»; III. «Какие, месяц, юный жнец, дары...»; IV. «Надежд нестройный хор, из голосов...»; V. «Когда б я ждал в Капрейской голубой...»; VI. «О, сердце, — встарь гостеприимный стан...»; VII. «Светило дня сияющей печатью...»; VIII. «Из глубины Тебя любил я, Боже...») // СЗ. 1937. № 64. С. 156–159.

³ См. примеч. 1 к п. 6.

⁴ Портрет В.И. Иванова работы Сергея Иванова (1938) был помещен в издании книги «Человек».

8. Вяч. Иванов — Рудневу

Roma. 12 января 1937 г.

Рим, via Monte Tarpeo, 61
12 января 1937

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,

благодарю Вас за присылку книжки «Совр[еменных] зап[исок]», пяти оттисков и гонорара за «Римские сонеты»¹. Но именно высылка гонорара приводит меня в недоумение: ведь условлено было, что он будет употреблен на типографские расходы по изданию моей книги стихов. Разве план этого издания оставлен? Об этом писал я (по адресу «Совр[еменных] зап[исок]») и И.И. Фондаминскому, но ответа от него не имею.

Почему и не высылаю, пока это дело не выяснено, готовой рукописи книги.
С пожеланиями всего доброго в новом году, истинно преданный Вам

Вяч. Иванов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/5). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Venceslav Ivanov, 61, v[ia] Monte Tarpeo, Roma»; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, “Annales contemporaines”, 6, rue Daviel, Paris XIIIme, Francia»; почт. шт.: «Roma, 12.1.1937», «Paris, 14.1.1937».

¹ См. примеч. 2 к п. 7.

9. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 16 января 1937 г.

16.I

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Получил Вашу открытку. Действительно, я просто запамятовал наше условие относительно обращения гонорара в «С[овременных] з[аписках]» на отдельное издание. Прошу извинить, — и никак не толковать как отказ от мысли осуществить это издание.

Прошу Вас *как можно скорее* выслать подготовленные Вами рукописи. Прошу об этом в интересах журнала: если б какая-либо из статей подошла для напечатания в № 63, я бы пустил ее в первую очередь, отложив стихи «De amore clamavi»¹ до № 64, — в № 63 идет огромная ода Цветаевой о Пушкине². Вы меня очень обя-зали бы, выслав материал тотчас же: с 1 февраля стоимость набора повышается на 20%, в связи с 40-час[овой] неделей.

Расход за обратную пересылку гонорара, ошибочно мною посланного Вам, — разумеется, за счет редакции. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Signore Venceslas Ivanov, 61 v[ia] Monte Tarpeo, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Paris, 18.I.1937».

¹ Описка: имеется в виду цикл сонетов «De profundis amavi», напечатанный в № 64 СЗ.

² См.: *Цветаева М.И.* 1. Стихи к Пушкину («Бич жандармов, бог студентов...»); 2. Петр и Пушкин («Не флотом, не лотом, не задом...») // СЗ. 1937. № 63. С. 172–176.

10. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 1 февраля 1937 г.

1.II.1937

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Подтверждаю получение драгоценного пакета с Вашими стихотворениями¹. Действительно, столько сокровищ, что глаза разбегаются. Будем печатать в каждой книжке журнала² и готовить отд[ельное] издание. Большое спасибо. Мне лично

очень много говорят Ваши посвящения ушедшим, Ваш цикл с Оки и мн[огое] мн[огое] другое.

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il Prof[essore] V. Ivanoff, via Monte Tagreo, 61, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Paris, 1.П.37».

¹ В.И. Иванов послал редактору СЗ папку с машинописями и рукописями последнего поэтического сборника (не выявлен, его состав реконструируется по материалам Римского архива Вяч. Иванова; в последней редакции получил название «Свет вечерний»), которая хранилась у Руднева (см. п. 19 и 29). Данное письмо Руднева выпадает из общего стиля его редакционной переписки непосредственной и высокой оценкой поэтического наследия Вяч. Иванова.

² См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] Каменный дуб («Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку стихами...»); *Notturmo* («Ропот воли в сумраке полей...»); Собаки («Ни вор во двор не лезет, ни гостя у ворот...»); Родина («Родина, где ты?...»); Земля («Повсюду гость, и чуженин...»); Сверстнику («Старина! Еще мы дожи мыкать...»); Могила («Тот в праве говорить: “Я жил”...»); Умер Блок («В глухой стене проломанная дверь...»); Воспоминание о А.Н. Скрябине («Развертывалась дружбы нашей завязь...») // СЗ. 1937. № 63. С. 164–169.

11. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 11 февраля 1937 г.

11.П.1937

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Приступив к выбору Ваших стихотворений для ближайшей 63-й книжки, мы встретились со следующим затруднением: мы не имели возможности установить, какие из них уже появлялись в печати, б.м., в мало нам доступных изданиях в России, и какие являются inédits в точном смысле слова. Между тем, Вы понимаете, конечно, что мы хотели бы печатать в «С[овременных] з[аписках]» только Ваши *новые* стихотворения.

Как быть? Подскажите. У Вас имеется, полагаю, *копия* посланной мне рукописи, с *той же* нумерацией страниц, как у нас. Нельзя ли попросить Вас помочь нам вот как: в письме перечислить *страницы или* уже появившихся в печати *или* еще не появившихся, — что для Вас легче, в зависимости от количества тех и других стихотворений.

Мог ли бы я Вас просить еще об одном, кстати: чтобы Вы *сами* отметили среди них наиболее, по Вашей собственной оценке, совершенные, или наиболее Вам дорогие¹?

В связи с планом издания отдельной книги Ваших стихотворений я хотел бы успеть поместить в №№ 63 и 64 по сравнительно большому количеству Ваших стихов².

Извините за беспокойство и, если это Вас не очень затрудняет, помогите.

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки»; на конверте адрес получателя: «Il Prof[essore] Venceslao Ivanov, via Monte Tarpeo 61, Roma (Italia)»; почт. шт.: «Boulogne, 11.II.1937».

¹ Абзац с краю помечен двумя штрихами предположительно рукой Иванова.

² В 63-м и 64-м номерах СЗ было опубликовано соответственно девять и восемь стихотворений (см. примеч. 2 к п. 10 и примеч. 2 к п. 7).

12. Вяч. Иванов — Рудневу

Roma. 14 февраля 1937 г.

Рим, 14 февраля 1937

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, благодарю Вас от души за добрый отзыв о моих стихах, глубоко меня тронувший. На Ваш запрос есть ответ в самой рукописи: в оглавлении отмечены красным стихотворения, нигде до сих пор не напечатанные. Следовало, может быть, подчеркнуть красным и ряд других, когда-то где-то напечатанных, в газетках и сборничках, давно всеми забытых и названия которых я сам не припомню; сюда принадлежит, например, цикл «Серебряный Бор»¹. Но я этого все же не сделал, из сугубой осторожности. Не отметил я красным и те сложные композиции, из которых появились в печати отдельные фрагменты, например, красным карандашом «Поэт в гостях у Суфитов», второй и четвертый отдел поэмы «Человек». Итак, повторяю, все отмеченное в оглавлении красным карандашом есть материал, которым редакция может свободно располагать по своему выбору.

Но так как Вы желаете, чтобы я сам указал Вам, что именно предпочитаю видеть помещенным в журнале, принимая в соображение, что Вы хотели бы дать место в ближайших двух книжках «сравнительно большому количеству» моих стихов, то позволю себе сделать следующее предложение: в одной из этих двух книжек можно было бы дать (как и предполагалось) цикл сонетов «De profundis atavi», в другой (а именно в 63-й) группу стихотворений, из написанных мною после моего переселения в Италию под общим названием — скажем (по-тургеневски): «Senilia». В эту группу могут войти семь нижеперечисленных стихотворений — или, если угодно, больше, но думаю, что для ближайшей книжки и семи более чем довольно. Эти семь суть:

а) «Из Повести о Светомире» (см. отдел V рукописи); под последним из этих трех стихотворений («Рай») прошу выставить дату: *Павия, 1929*.

б) «Собаки» (см. V отдел рукописи) с датой: *Павия, 1927*. К этому стихотворению прошу прибавить (как в журнале, так и в книге) эпитафия из Вергилия: *Visaeque canes ululare per umbram*² (Vergil. Aen. VI, 257).

в) «Палинодия» («И твой гиметский мед...»), см. V отделение рукописи с датой: *Павия, 1927*.

г) «Памятный Сон» («Я видел сон в то лето пред войной», это пятый номер из цикла «На Оке перед войной», см. отдел II рукописи) с датой: *Рим, 1936*. Этому стихотворению надлежит предпослать (как в журнале, так и в книге) эпитафия из Вергилия: *Stat ferrea turris ad auras*³ (Vergil. Aen. VI, 554).

д) «Слово-Плоть» (сонет из VI отдела рукописи) с датой: *Павия, 1927*.

В заключение вопрос: не желают ли «Современные записки» иметь мою статью (объемом немного более одного печатного листа) под заглавием «О Пушкине», состоящую из двух этюдов: (1) «О Евгении Онегине»; (2) «Красота и Добро в поэзии Пушкина»? Первый этюд, написанный мною по-итальянски, служит введением к стихотворному переводу романа, сделанному профессором Ло-Гатто и имеющему вскоре выйти в свет в художественном издании⁴; второй этюд, также написанный по-итальянски, был темой моего доклада на чествовании Пушкина в римском «Восточноевропейском институте»⁵ и будет напечатан в пушкинском сборнике, издаваемом тем же институтом для итальянской публики⁶.

Публикуется по машинописной копии (РАИ. Оп. 3. Карт. 1. Папка 29).

¹ Под названием «Отдых. Лирический цикл» эти тексты появились в кн.: Московский альманах. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1923. С. 3–8. Вот состав цикла здесь: I. «И рад бы я в зеленый рай...»; II. «Песню спеть — не хитрая наука...»; III. «Бор над оползнями красный...»; IV. «Лес опрокинут в реке...»; V. «Ловлю в реке тускнеющей...»; VI. *Nuitain* («В какой гармонии Природа...»); VII. «Заплаканный восход уньло я встречал...»; VIII. Газэла («Уязвило жарким жалом утро бор...»); IX. «Какою негой дышит лес...»; X. «И чудо невзначай в дубраве подглядишь!...»; XI. «Осенний дышит пар и хвоей, и теплом...»; XII. «Творит Природа стройный свой закон...». Под названием «Серебряный Бор» вошел в книгу Вяч. Иванова «Свет Вечерний» (1962). Этого издания в римской библиотеке Иванова нет; не исключено, что московская публикация 1923 г. осталась поэту неизвестной.

² Было слышно лаянье собак в темноте (лат.).

³ Стоит железная башня, устремленная в высоту (лат.).

⁴ Ло Гатто Этторе (Ettore Lo Gatto; 1890–1983), историк литературы и искусства, переводчик, один из основателей итальянской славистики XX века. Книга Пушкина со вступительной статьей Иванова вышла 10 февраля 1937 г.: Eugenio Oneghin di Alessandro Puškin / Versione poetica di Ettore Lo Gatto; Introduzione di Venceslao Ivanov. [Milano]: Valentino Bompiani, [1937]. См. также: *Шлишкин А.Б., Сульпассо Б.* Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 759–779.

⁵ В написанном от имени института редакционном предисловии Ло Гатто отмечал: «Особую признательность Институт хочет обратить к Вячеславу Иванову, именитому учителю мысли и поэзии, который своим выступлением сообщил особую торжественность юбилейному празднованию 9 февраля» (*Шлишкин А.Б., Сульпассо Б.* Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто. С. 764).

⁶ Юбилейный итальянский сборник, объединявший итальянских ученых и русскую эмиграцию в Италии, вышел в мае 1937 г.: Alessandro Puškin nel primo centenario della morte. Scritti di V. Ivanov, G. Maver, A. Amfiteatrov, G. Morici, E. Anagnine, E. Gasparini, L. Gančikov, E. Damiani, R. Poggioli, W. Giusti, M. Cajola, A. Biolato Mioni, E. Lo Gatto / A cura di E. Lo Gatto. Roma: Istituto per l'Europa Orientale, 1937.

13. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 21 февраля 1937 г.

21.П.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Большое спасибо за скорый и точный ответ относительно стихов и за присланный отбор. Быть может только, *в интересах читателей*, следовало бы не сосредоточиваться целиком на *итальянском* цикле Ваших стихов, а дать отчасти и из *русского* цикла одно—два. Если «Серебряный бор» уже был напечатан, то, б.м., из

цикла «на Оке», «Подмосковное» (у меня сейчас, когда пишу, нет под руками Вашей рукописи и я не могу проверить, относятся ли мною названные к числу напечатанных). Дело в том, что так, как я представляю себе (и думаю, знаю) читательскую массу «Совр[еменных] зап[исок]», — Ваши *русские* стихи будут ей по особому милы, — у эмигранта-изгнанника эта струна особенно напряжена.

Чрезвычайно меня заинтересовало Ваше предложение статьи о Пушкине¹: как жаль, что я раньше не подозревал о существовании ее! И уже принял в № 63 ряд статей, большинством которых сам не удовлетворен².

Тем не менее, *усердная* просьба: *срочно* прислать Ваши обе статьи, — соответственно переработав их для русских, конечно: б.м., обе или одна из них попадет все же еще в *этот* №, чего мне очень хотелось бы. Но Пушкину будет отведено большое место и в следующей книжке и поэтому в *крайнем* случае Ваши этюды или один из них могли бы перейти в № 64. Но вновь покорно прошу прислать их теперь же, и *как можно скорее*: книга набирается и печатается постепенно. Я *очень* хотел бы еще в этой книге поместить Вашу прозу.

Спешу, и кончаю. С душевным приветом. Преданный Вам

В. Руднев

О корректуре — не забуду.

У меня спрашивал Ваш адрес Леонид Леонидович Сабанеев³. Не знаю, правильно ли я поступил, — но я дал ему этот адрес: он писал, что в хороших отношениях с Вами. Его же адрес таков: Hôtel New York, Rue Frédéric Passy, Nice (Alpes-Maritimes).

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Год установлен по содержанию. На бланке журнала «Современные записки».

¹ Обе статьи опубликованы в 64-й книге СЗ под названиями «Роман в стихах» и «Два маяка» (см.: *Иванов В.И.* О Пушкине // СЗ. 1937. № 64. С. 177–195). Необходимо иметь в виду, что эти русские версии значительно отличаются от первоначальных итальянских.

² См.: *Федотов Г.П.* Певец Империи и свободы // СЗ. 1937. № 63. С. 178–197; *Адамович Г.В.* Пушкин // Там же. С. 198–204; *Бицилли П.М.* Образ совершенства // Там же. С. 205–219; *Вейдле В.В.* Пушкин и Европа // Там же. С. 220–231; *Лачинова В.Д.* Пушкинские места в 90-х гг.: (Из воспоминаний) // Там же. С. 232–245.

³ Писем Л.Л. Сабанеева в РАИ не выявлено.

14. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 3 марта 1937 г.

3.Ш.1937

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Посылаю часть корректур, — с просьбой, просмотрев, *тотчас* вернуть. Еще намечено к напечатанию: «Палинодия», «Слово», «Могила» и «Памяти Скрябина»¹. Но пойдет ли все это, или только часть, и что именно, — видно будет лишь в последние дни, в зависимости от того, как определятся и остальные слагаемые стихотворного отдела.

Что со статьей о Пушкине? Жду с нетерпением. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки».

¹ Из перечисленных здесь стихотворений Иванова в 63-й книге СЗ были опубликованы «Мои гилы» («Тот в праве говорить: “Я жил”...») и «Воспоминание о А.Н. Скрябине» («Развертывалась дружба нашей завязь...»). Стихотворения «Палинодия» («И твой гиметский мед ужель меня пресытил?...») и «Слово — плоть» («Родная речь певцу земля родная...») вошли в подборку стихов Иванова в 65-й книге (СЗ. 1937. № 65. С. 164—167).

15. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 27 мая 1937 г.

27.V.1937

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Сейчас приступаю к составлению плана 64-й книжки «Современных записок». Хотелось бы знать, — не отказались ли Вы от мысли обработать по-русски Вашу речь о Пушкине¹. И когда можно было бы надеяться с нею познакомиться. Не откажите черкнуть слово.

Надеюсь, что Вы получили в свое время № 63 и отд[ельные] оттиски.

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il prof[essore] V. Ivanov, via Monte Tarpeo 61, Roma (Italia)»; почт. шт.: «Boulogne, 29.V.1937».

¹ См примеч. 1 к п. 13.

16. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 25 июня 1937 г.

25.VI.1937

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Недели три тому назад я писал Вам и спрашивал, как обстоит дело с Вашим докладом на юбилее Пушкина¹, докладом, который Вы обещали прислать нам. Ответа не получил почему-то. Между тем, приходит время, когда надо уже окончательно установить план 64 книжки «С[овременных] з[аписок]», и я очень хотел бы ознакомиться с Вашей речью, в надежде, что она очень подойдет для «С[овременных] з[аписок]». Не откажите откликнуться хотя бы несколькими словами.

Из стихов предполагаю взять для ближайшей книжки цикл «De amore clam[avi]»². Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il prof[essore] Venceslo Ivanov, via Monte Tarpeo 61, Roma (Italia)»; почт. шт.: «Boulogne, 26.VI.1937».

¹ 9 февраля 1937 г. в Институте Восточной Европы в Риме на юбилейной пушкинской конференции Вяч. Иванов говорил о романе «Евгений Онегин», а Этторе Ло Гатто читал

избранные фрагменты из своего тогда еще не опубликованного поэтического перевода «Онегина». Сама книга с переводом Ло Гатто, предваренная эссе В.И. Иванова о романе, вышла из печати на следующий день (*Puškin A. Eugenio Oneghin / Versione poetica di E. Lo Gatto*. [Milan]: Valentino Vompiani, 1937). В феврале–апреле 1937 г. Иванов спешно заканчивал свою итоговую статью «Gli aspetti del bello e del bene nella poesia di Puskin» («Аспекты Красоты и Добра в поэзии Пушкина»), заказанную тем же Ло Гатто для юбилейного итальянского сборника, который увидит свет в мае того же года (*Alessandro Puškin nel primo centenario della morte / A cura di E. Lo Gatto*. Roma: Istituto per l'Europa Orientale, 1937). См примеч. 1 к п. 13.

² См примеч. 1 к п. 9.

17. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 7 июля 1937 г.

7.VII.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Я Вам писал, кажется, даже не один, а два раза, спрашивал, пришлете ли, как предполагали, Вашу речь о Пушкине? Ответа не получил почему-то. Делаю еще одну попытку достать Вас этой открыткой и *очень прошу* ответить не откладывая. Я должен заключать уже окончательно номер, — а мне кажется, Ваша речь о Пушкине наверно подошла бы для «С[овременных] з[аписок]».

Итак, жду *на днях* ответа! Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Год установлен по почт. шт. Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il prof[essore] V. Ivanov, via Monte Tarpeo 61, Roma (Italia)»; почт. шт.: «Boulogne, 8.VII.1937».

18. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 30 июля 1937 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Писал Вам *два* раза, спрашивал о статье Вашей о Пушкине, — и ответа не получил. Но — получили ли Вы мои письма, или, по капризу почты, они до Вас не дошли?

Чтобы исключить случайности почты, посылаю это *третье* письмо заказным.

Прошу Вас откликнуться: пришлете ли, как предполагали, Ваш доклад о Пушкине, переделанный по-русски, для «С[овременных] з[аписок]». Теперь уже дни считанные остались, и рукопись должна быть здесь к 10-му августа, чтобы иметь шансы попасть в ближайшую книжку. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Датируется по почт. шт. На конверте надпись: «recommandé»; адрес получателя: «Il prof[essore] V. Ivanov, via Monte Tarpeo 61, Roma (Italia)»; почт. шт.: «Boulogne, 30.7.37».

19. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 8 августа 1937 г.

8.VIII.1937

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Очень рад был получить от Вас письмо¹ и узнать, что статью о Пушкине Вы готовите². Буду ждать ее. Если опоздает на день—два — ничего: благодаря летнему времени и отъезду на каникулы единственного русского линотиписта, набор книжки несколько задержался. Только на днях он вернулся.

А теперь должен покаяться в *невальном* своем грехе перед Вами, просить извинить меня и — помочь исправить беду.

Перед уходом наборщика в летний отпуск я дал ему, в числе материала, Ваш сонет «De amoge...»³. Теперь, возвратясь, он клянется и божится, что его у него не было... Вероятно, со временем рукопись найдется, но дело все в том, что сейчас стихотворный отдел надо уже спешно набирать и печатать. Единственный выход — извинившись перед Вами, просить Вас *срочно* выслать копию, если она у Вас имеется. Если же имеется только оригинал, то снять (за счет редакции, разумеется) копию на машинке и выслать поскорее.

Боюсь, что в связи с этим досадным эпизодом у Вас возникнут ~~сомнения~~ опасения за судьбу всего остального Вами присланного. Нет, будьте спокойны: вся папка целиком, от первого и до последнего листика у меня дома, в полной сохранности.

Итак, повторяю просьбы:

1. Прислать *поскорее* копию сонета.
2. Число к 12—15 — статью о Пушкине.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении.

В. Руднев

P.S. Здесь Степуны: Ф[едор] А[вгустович] уволен в отставку, за «антирасизм, руссизм и христианство», — но благородно, с сохранением пенсии в $\frac{1}{3}$ жалованья профессорского. Возвращается через 2 недели обратно в Дрезден.

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки». Сохранился конверт; адрес получателя: «П prof[essore] V. Ivanov, via Monte Tarpeo 61, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Paris, 9.VIII.1937».

¹ Письмо в архиве Руднева не сохранилось.

² См примеч. 1 к п. 13.

³ См примеч. 1 к п. 9.

20. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 4 марта 1938 г.

4.III.1938

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Все никак не соберусь сообщить Вам вот о чем: в ближайшем будущем, под фирмой «Совр[еменные] зап[иски]», предполагено выпустить несколько сборников

стихов современных поэтов. Издание — на весьма экономических началах, ибо средств нет.

Вот когда пришло время осуществить и план выпуска Вашего сборника (б.м., только без поэмы «Человек»)¹. На это, как мы условились, будут переданы все Ваши авторские гонорары, накопленные мною за книжки 63, 64 и 65 (за 62-ю книжку я, по ошибке, гонорар переслал Вам, — кажется, 140 фр. — если вернете, было бы хорошо). В 66-й книжке тоже пойдет одно большое Ваше стихотворение, — думаю — «Маски»².

Что Вы по всему этому поводу думаете? Благословляете?

Откликнитесь. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки».

¹ Публикация сборника стихотворений В.И. Иванова в издательстве «Современные записки» не состоялась; опубликована была зато мелопея «Человек»; см.: *Иванов В.И.* Человек: Поэма. Париж: Дом книги; [Совр. записки], 1939. (Рус. поэты; Вып. 9).

² См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] Демоны маскарада («Как упоителен и жуток...»); Monte Tagreo («Журчливый садик, и за ним...») // СЗ. 1938. № 66. С. 176–178.

21. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 23 марта 1938 г.

23.III.1938

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Посылаю Вам корректуру, с просьбой, просмотрев, *тотчас же* прислать мне обратно.

Получил Ваше письмо относительно издания Ваших стихов¹. Отвечаю пока *предварительно*, — «издательством», если это можно так назвать, занимается ближайшим образом И.И. Фондаминский (я — журналом).

Так вот, насколько я понял Вас, — Вы не согласны на печатание отдельно лирических стихотворений, без обязательства одновременно или вскоре же напечатать и поэму «Человек». Боюсь, Вы имеете преувеличенные представления об издательских возможностях «Совр[еменных] зап[исок]!» «Издательство» это безденежное, грошовое, кустарное. Вышел первый сборничек, Смоленского, Вам его должны были послать². Это — тип того, что будет издаваться: 64 странички in 32°, — т.е. фактически 2 листа формата «Совр[еменных] зап[исок]!» Конечно, ~~это~~ ~~количес[тв]о~~ этот объем может быть увеличен. Но уже увеличение в 2 раза требует доплаты 800 фр. При этих условиях, опасаясь, как бы не стал вопрос о разбитии на отдельные выпуски и первой части (лирических) Ваших стихотворений. Но об этом Вам напишет И.И. Ф[ондаминский], которому я завтра передаю Ваши рукописи.

Теперь, кстати, об имеющихся у меня Ваших деньгах. (Конечно, 140 фр. *не стoit* возвращать, это такая сумма, которая не решает дела.) Так вот, авторский

гонорар Ваш за стихи в № 63³, стихи и статью в № 64⁴, стихи в № 65⁵ и в будущем № 66⁶ — составляет всего 636 фр. — Я очень хотел бы, если б издание стихов не состоялось, — поскорее *выслать Вам эти деньги*: курс франка колеблется, — как бы они не превратились совсем в ничтожную сумму. Буду ждать Ваших указаний.

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки».

¹ Письмо в архиве Руднева не сохранилось.

² Эта книга находится в библиотеке В.И. Иванова в Риме: *Смоленский В.А.* Наедине: Вторая книга стихов. 1932–1938. Париж: Совр. записки, 1938. (Рус. поэты; Вып. 1).

³ См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] Каменный дуб («Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку стихами...»); Notturmo («Ропот воли в сумраке полей...»); Собаки («Ни вор во двор не лезет, ни гостя у ворот...»); Родина («Родина, где ты?...»); Земля («Повсюду гость, и чуженин...»); Сверстнику («Старина! Еще мы дожди мыкать...»); Могила («Тот в праве говорить: “Я жил”...»); Умер Блок («В глухой стене проломанная дверь...»); Воспоминание о А.Н. Скрябине («Развертывалась дружбы нашей завязь...») // СЗ. 1937. № 63. С. 164–169.

⁴ См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] De profundis amavi (I. «О сновиденье жизни, долгий морок...»; II. «Когда б из горнего монастыря...»; III. «Какие, месяц, юный жнец, дары...»; IV. «Надежд нестройный хор, из голосов...»; V. «Когда б я ждал в Капрейской голубой...»; VI. «О, сердце, — встарь гостеприимный стан...»; VII. «Светило дня сияющей печатью...»; VIII. «Из глубины Тебя любил я, Боже...») // СЗ. 1937. № 64. С. 156–159; *Он же.* О Пушкине // Там же. С. 177–195.

⁵ См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] Палинодия («И твой гиметский мед ужель меня пресытил?...»); Кот-Ворожей («Два суженных зрачка, два темных обелиска...»); Слово — плоть («Родная речь певцу земля родная...»); Полдень («В озёра сходят небеса...»); Митрополит Филипп («В домашней церковке, похожей на застенки...»); Новодевичий монастырь («Мечты ли власть иль тайный строй сердечный...») // СЗ. 1937. № 65. С. 164–167.

⁶ См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] Демоны маскарада («Как упоителен и жуток...»); Monte Tagreo («Журчливый садик, и за ним...») // СЗ. 1938. № 66. С. 176–178.

22. Руднев — Вяч. Иванову *Paris. 29 июля 1938 г.*

29.VI.1938

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Книгу 66-ю Вы, наверное, уже получили. Прилагаю сейчас отдельный оттиск Ваших стихов¹. Гонорар за стихи полностью передан И.И. Фондаминскому, взявшему на себя заботу по изданию Ваших стихов, — вероятно он уже писал Вам по этому поводу.

А теперь вот по какому делу. Я сейчас обдумываю план следующей книжки, и мне пришла в голову мысль: *нет ли у Вас готовых воспоминаний Ваших собственных*, из Вашего литературного богатейшего прошлого. Или: если таковых нет, — то нельзя ли надеяться подвигнуть Вас на труд написания какого-нибудь отдельного очерка, — еще, б.м., для *ближайшей* книжки, выходящей в сентябре?

Если Вам приходилось видеть то, что пишут об эпохе символизма в Сов[етской] России (воспоминания Г. Чулкова², А. Белого³ особенно и пр.), а отчасти и в эмиграции, — то, уверен, не раз Вам хотелось *по своему* осветить те годы.

Очень на это надеюсь, — и вот прошу ответить поскорее, — могу ли я рассчитывать получить от Вас что-нибудь в этом роде литературных воспоминаний⁴?

Буду очень признателен за скорый ответ. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки».

¹ См. примеч. 6 к п. 21.

² См.: Чулков Г.И. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930.

³ См.: Белый А. На рубеже двух столетий. М.: Земля и фабрика, 1930; *Он же*. Начало века. М.; Л.: Гослитиздат, 1933; *Он же*. Между двух революций. Л.: Изд. писателей, 1934.

⁴ Воспоминаний В.И. Иванова в СЗ не появилось.

23. Вяч. Иванов — Рудневу *Roma. 14 июля 1938 г.*

Рим, 14 июля 38

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,

66-й книги я не получил и узнал о ее выходе только из рецензии Г. Адамовича¹, доставленной мне друзьями. Не осведомлен я и о намерениях И.И. Фондаминского; с чувством живейшей благодарности узнаю от Вас, что он «взял на себя заботу об издании моих стихов»: могу ли заключить отсюда, что вопрос об издании моей книги разрешен благоприятно?

«Воспоминаний» у меня нет. Их многие желают — например, «Antologia Italiana»², «Corona»³. Я отнекиваюсь. Приятно ли перебирать в памяти «человеческое, слишком человеческое»⁴? Но «осветить по-своему те годы» (как Вы пишете) было бы полезно. В том, что об них писали и пишут, слишком много путаницы, мути и недоразумений. Позиции отдельных писателей были весьма различны, но по существу вполне ясны и определены; общей «веры», общего для всех — скажем — «символизма» не было; почти никто не понимал другого, и каждый другого в чем-то подозревал, а младшие уже вовсе ничего не понимали в творчестве даже тех старших, коих особенно почитали. Несмотря на живое внешнее общение, все значительные таланты чувствовали себя внутренне одинокими; они продолжали и позднее идти каждый своим отдельным путем. Все это стоило бы с надлежаще показательностью изобразить; но мне теперь нечего и думать о подобном начинании: дай Бог управиться с двумя огромными трудами, из которых один научный, а другой — поэтический⁵.

Для ближайшей же книжки предлагаю Вам (если Вам не надоело печатать, а Вашим читателям бегло просматривать мои стихи) два прилагаемые стихотворения, новые, т.е. написанные во время составления лежащей у Вас рукописи, — в измененной (сравнительно с рукописью) редакции. Обоим я придаю значение⁶.

Далее, сообщаю Вам к сведению, что у меня имеются два больших неизданных поэтических перевода: трагедии Эсхила⁷ и лирика Новалиса⁸. Если бы «Совр[еменные] зап[иски]» вздумали угостить своих читателей переводами (в размерах подлинника) классических произведений, то я прислал бы Вам, примерно, «Орес-

тею» Эсхила или «Гимны к ночи» и «Духовные стихи» Новалиса. Думаю, однако, что предложение не отвечает программе «Совр[еменных] записок».

Если хотите статей, то я не прочь собрать некоторые «Мысли о поэзии»⁹ или сообщить несколько соображений о «Легенде о Великом инквизиторе»: недавно я говорил об ней в одном русском обществе¹⁰.

С сердечным приветом, преданный Вам

Вячеслав Иванов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9) (см. илл. 52).

¹ См.: *Адамович Г.В.* «Современные записки». Кн. 66. Часть литературная // ПН. 1938. 2 июня. № 6276. С. 3. Ср также: *Адамович Г.В.* Две статьи // ПН. 1938. 13 янв. № 6137. С. 3; это критический отзыв на ивановские статьи о Пушкине в 64-й книге СЗ.

² Издание за 1938 г. с подобным названием не выявлено.

³ Имеется в виду издаваемый М. Бодмером и Х. Штайнером немецко-швейцарский журнал: *Corona: Zweimonatsschrift / Hrsg. von Martin Bodmer und Herbert Steiner. München [et al.]: Oldenbourg, 1930–1940/43. Bd. 1–10; 2. Folge: 1943/44. Bd. 1.*

⁴ Обигрывается название книги Ницше «*Menschliches, Allzumenschliches*».

⁵ Имеется в виду немецкая версия книги «Дионис и прадионисийство» (см. примеч. 28 к п. 3) и «Повесть о Светомире», мифопоэтическое произведение Вяч. Иванова; оба проекта остались незавершенными.

⁶ См. примеч. 1 и 2 к п. 24.

⁷ Этот перевод трагедии Эсхила увидел свет только в анонимном издании: *Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Еврипид / Пер. под ред. Ф.А. Петровского. М. 1950.* Впервые с именем переводчика: *Эсхил / Пер. Вячеслав Иванов. М., 1989 (Лит. памятники).*

⁸ Перевод «Духовных стихов» Новалиса (1909) после ряда попыток их опубликовать Вяч. Иванов привез в Рим в составе своего архива. Впервые он напечатан в 1987 г. в томе 4 брюссельского собрания сочинений.

⁹ См. примеч. 2 к п. 38.

¹⁰ В Папском Восточном институте или в Руссикуме. См. публикацию: *Иванов Вяч. О «Легенде о Великом инквизиторе» / Публ. Д.В. Иванова, А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования. М. 1999. С. 75–80.*

24. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 22 июля 1938 г.

22.VII.1938

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Получил Ваше письмо, — спасибо. Весьма удивлен, почему Вы не получили в свое время 66-й книги, я ее посылал. Вчера послал вторично эту книгу, — если не получили бы, значит, имеются какие-то препятствия в самом Риме.

То, что Вы в нескольких словах сами пишете о важности восстановления в подлинности эпохи символизма, красноречивее, чем это мог сделать я, доказывает совершенную необходимость, чтобы Вы записали свои воспоминания об этом времени: к нему не раз и не раз будет еще возвращаться русская интеллигенция, если России суждено жить. А между тем — существуют, создаются *легенды*, очень субъективно или корыстно толкующие пережитое кругом символистов. Даже несколько сказанных Вами в письме слов свидетельствуют о том, что Вам *есть*

что сказать — и сказать по-своему. Не смею судить, что важнее, труды ли, над которыми Вы работаете, или такой отчет о смысле во всяком случае *важного* в истории русской культуры периода. Подумайте! М.б., все же, между другими работами Вы бы сумели написать воспоминания — по-итальянски в «Antologia», а русский текст — в «Совр[еменных] зап[исках]».

О больших переводах Ваших, из Эсхила и Новалиса, Вы правы: это до сих пор не входило в программу «С[овременных] з[аписок]». Из стихов позвольте взять только одно, о стальной башне-чудовище¹. Второе, «На пиру суфитов», боюсь, требует от читателей «С[овременных] з[аписок]» такой подготовленности историко-литературной, какой 90% из них наверно не обладает². Что касается тем для статей, — приемлю их обе — и «Мысли о поэзии» и «Мысли о Легенде о Вел[иком] инквизиторе»³. Решите сами, с какой начать⁴. Лучше, опять-таки, применяясь к уровню читательскому, с *менее сложной*. Одно только условие *вынужден* напомнить: размер не больше 36.000 знаков.

Об издании стихов Ваших — ничего не знаю. И.И. Ф[ондаминский] должен был сам списаться с Вами по этому поводу. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки».

¹ См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] *Ferrea Turgis* («Я видел сон в то лето пред войной...») // СЗ. 1938. № 67. С. 153–154.

² Это стихотворение в СЗ так и не было опубликовано.

³ Подобных статей В.И. Иванова в СЗ не появилось.

⁴ Пассаж помечен двумя штрихами и буквами: *NB*, предположительно рукой Иванова.

25. Вяч. Иванов — Рудневу

Рота. 16 августа 1938 г.

16 августа 1938

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, LXVI-ю книгу ныне своевременно получил и благодарю Вас за ее любезную высылку: не понимаю, по коей случайности (но, конечно, не вследствие, как Вы предполагаете, «препятствий в самом Риме») прежде высланный экземпляр до меня не дошел.

О прозе для «Совр[еменных] зап[исок]», согласно выраженным Вами желаниям, обещаю серьезно подумать, как только можно будет передохнуть от срочных дел. А покамест все угощаю Вас стихами. Жаль мне, что Вы боитесь моих Суфитов: прилагаю осведомительные к ним примечания — ведь и Пушкин любил примечания к своим стихам. Мой план для 67-й книжки был бы: 1) «Суфиты», 2) «Светлячок», 3) «Madonna della Neve», 4) «Размолвка», 5) «Ferrea Turgis» (или, если хотите, просто: «Башня»)¹.

Был у меня дважды М.А. Алданов²; он передаст Вам мой поклон.

Преданный Вам

Вячеслав Иванов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/9).

¹ Из этого списка в 68-й книге СЗ опубликованы 2, 3 и 4; см.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] Размолвка («Вежды томные печали...»); Светлячок («Душно в комнате, не спится...»); *Madonna della Neve* («Чистый день Мадонны Снежной...») // СЗ. 1939. № 68. С. 184–186. См. примеч. 1 и 2 к п.24.

² В РАИ имеется письмо М.А. Алданова к В.И. Иванову от 29 сентября 1938 г. (см. п. 27).

26. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 19 августа 1938 г.

19 августа 1938

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Получил сейчас письмо, со вложением стихов, и спешу откликнуться.

За стихи спасибо, но к 67-й книжке они уже опоздали: литературно-стихотворный отдел уже набран, заверстан и частью напечатан. В него я включил из ранее присланных Вами «Fegrea Turris»¹.

Очень надеюсь получить к следующей книжке и Вашу прозу.

В порядке желательности в первую очередь хотелось бы вынудить у Вас какую-нибудь главу литературных воспоминаний. Если же Вы неумолимы на этот счет, то одну из двух Вами названных (о Вел[иком] инкв[изиторе] или о сущности поэзии²), по Вашему выбору, наиболее подходящую к среднему уровню читателей «С[овременных] з[аписок]».

Всего доброго. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карг. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Monsieur V. Ivanov, 61 via Monte Tarpeo, Roma»; почт. шт.: «Paris, 20.VIII.1938».

¹ См. примеч. 1 к п. 24.

² См. примеч. 3 к п. 24.

27. Алданов — Вяч. Иванову

Paris. 29 сентября 1938 г.

11, rue Gudín, Paris XVI. 29 сентября 1938

Дорогой Вячеслав Иванович,

Вы, вероятно, справедливо удивлены тем, что я до сих пор Вам не написал по делам, о которых мы с Вами говорили в Риме. Вины моей тут нет: И.И. Бунакова в Париже не было, и я его мог повидать только вчера. Он мне сказал, что по вопросу о Вашей книге стихов он уже *обо всем* сговорился с Вашим сыном, что все в порядке и что книга скоро появится. О «Дионисе» я ему сделал от себя предложение выпустить книгу в его серии *научных трудов* (Милюков, Струве, Ростовцев, Зелинский)¹; он сказал, что немедленно доложит это предложение их правлению и ответит Вам непосредственно. Что до книги избранных стихов, то я тотчас по

возвращении в Париж написал об этом Павловскому² в Шанхай, (указав ему Ваш адрес), но ответ может прийти еще только недели через три, – вот неудобная сторона этого шанхайского дела.

После Рима мы с Татьяной Марковной³ еще побывали в Венеции и Флоренции. Затем я отправился в аббатство Понтины⁴, – Вы, вероятно, слышали об этой своеобразной «академии», – там был интересный съезд, – доклады читались философско-политические. Выступал и я. Пробыл там дней восемь.

Т[атьяна] М[арковна] и я еще раз искренне благодарим Вас, Ольгу Александровну [Шор] и Лидию Вячеславовну [Иванову] за любезный прием. Когда-то опять увидимся⁵? Шлем сердечный привет. Глубоко уважающий Вас

М. Алданов.

У меня очень неразборчивый почерк, я поэтому и письма пишу на машине⁶.

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 1. Папка 1). Сохранился конверт; адрес получателя: «Signor V. Ivanov, 61 via Monte Tarpeo, Roma, Italie»; почт. шт.: «Paris, 29.IX.38».

¹ В различных планах серии стояли две книги Павла Милокова «Российская империя» (письмо И. Фондаминского Петру Бицилли от 10 марта 1938 г.) и переиздание «Очерков по истории русской культуры» (рекламный проспект Русской научной библиотеки). Подобные разночтения присутствуют и с книгами Петра Струве: «История народного хозяйства в России» (письмо Фондаминского) и «Экономическая и социальная история России с древнейших времен и до нашего времени» (рекламный проспект). Ростовцев «Социальная история эллинистического мира», Фаддей Зелинский «Религия Римской республики». Все эти издания не состоялись. См. подробнее: *Шруба М.* К истории издательства «Современные записки» // Вокруг редакционного архива СЗ. С. 290, 294.

² О М.Н. Павловском см.: Ред., примеч. 4 к п. 503. Из-за дешевизны полиграфических работ эмигрантские издательства часть книг и журналов печатали в Китае.

³ Ландау (урожд. Зайцева) Татьяна Марковна (1893–1968), жена Марка Алданова.

⁴ Аббатство Понтины – департамент Ионн (Франция), бывшее цистерианское аббатство. В 1909 г. куплено философом и литературоведом Полем Дежарденом (1859–1940). С 1910 по 1914 и с 1922 по 1939 г. им проводились ежегодные десятидневные конференции «Декады Понтины». В разное время в них принимали участие Антуан де Сент-Экзюпери, Жан-Поль Сартр, Томас Манн, Томас Стернз Элиот, Николай Бердяев и др. Бердяев вспоминал, что «каждый год, уже более 25 лет, в течение августа месяца в Pontigny устраивались три декады... Обыкновенно на одной из декад ставилась тема философская, на другой литературная, на третьей социально-политическая... Припоминаю следующие темы декад: романтизм, нетерпимость и тоталитарное государство, аскетизм, призвание писателей и вообще intellectuels, одиночество. Атмосфера Pontigny была очень приятная» (*Бердяев Н.* Самопознание. М., 1991. С. 271–272).

⁵ Следующее путешествие по Италии Алданов совершил в середине октября 1949 г., спустя три месяца после смерти Иванова. См. письмо Бунину от 21 октября 1949 г.: «Я вернулся из Италии, где пробыл всего неделю... Очень приятно было опять увидеть Милан, Флоренцию, Сиенну» (*Грин М.* Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным // НЖ. 1965. № 81. С. 129–130).

⁶ Ср. с письмом к А.М. Ремизову от 10 ноября 1956 г.: «Я уже давно все письма пишу на машинке, а литературные работы сначала набрасываю карандашом, потом длиннее пером, потом сам переписываю на машинке и лишь тогда отдаю переписчице, иначе она ничего не разобрала бы» (Дом-музей Цветаевой. Фонд М.А. Алданова. Оп. 16. КП–840/22).

28. Фондаминский — Вяч. Иванову
Paris. 26 октября 1938 г.

Paris, 26 X 1938.

130, av[enue] de Versailles, Paris XVI.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, когда Ваш сын был в Париже, я сговорился с ним о плане издания сборника Ваших стихов и просил его сообщить этот план Вам. Но т.к. до сих пор от Вас ответа нет, пишу Вам лично. По материальным (у меня накопилось Ваших денег только 800 фр.) и техническим (нельзя издавать слишком толстую книгу тех малых размеров, как наша серия «Русские поэты») условиям, сборник Ваших стихов может иметь только 8 листов, т.е. 128 стр. Т.к. те стихи, которые Вы мне прислали, должны занять гораздо большее число листов, то надо отобрать то количество стихов, которые заняли бы только 128 стр. (сюда должны войти и титульная страница, и страница оглавления, и пустая страница пред титульной). Остальные стихи мы издадим в следующий сезон отдельной книгой. Поэтому я Вам посылаю уже вышедшие сборники нашей серии, из которых Вы увидите, какое количество строк укладывается в одну страницу. Вас же прошу, возможно скоро, составить сборник в 128 стр., причем каждая страница Вашей рукописи должна соответствовать печатной странице книги, и прислать мне его. Как только рукопись будет получена, она будет сдана в набор, а книга будет готова через месяц после сдачи. Я Вам не отсылаю Вашей рукописи, которая хранится у меня, ибо Ваш сын меня заверил, что у Вас имеются копии. Если это не так, я Вам её немедленно вышлю. Очень прошу Вас ответить немедленно на мое письмо и, в случае согласия, поскорей прислать рукопись — теперь мы можем издать, а откладывать на будущее теперь опасно¹.

Второе дело. М.А. Алданов передал нам Ваше предложение издать Вашу книгу в серии «Русская Научная Библиотека»². Наша издательская коллегия с радостью приняла Ваше предложение. Она только просит спросить Вас, каковы тема, название и размеры (количество знаков) книги и не была ли она издана в Советской России (мы слышали о существовании рукописи, но не знали о ее судьбе). Если книга не была издана (мы не хотели бы переиздавать) и размеры подходящи (20—25 листов — 900.000—1.100.000 знаков), то мы попросим Вас прислать рукопись для ознакомления. Мы будем счастливы издать Вашу книгу. 1-й том нашей библиотеки уже сдан в печать (книга Франка) и выйдет в конце года³. Посылаю Вам проспект — м.б., кто-нибудь из друзей русской культуры, с которыми Вы имеете дело, захочет подписаться. Подписку можно прислать мне.

Буду с нетерпением ждать от Вас ответ. Искренне уважающий Вас

И. Фондаминский
Илья Исидорович

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 11. Папка 2). На бланке журнала «Русские записки»; адрес получателя: «Monsieur V. Ivanoff, 61 via Monte Tarpeo, Roma, Italie»; почт. шт.: «Paris, 27.X.38».

¹ Издание не состоялось.

² Речь о проекте издания новой версии книги «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923) в издательстве «Современные записки». Проект остался неосуществленным.

³ См.: *Франк С.Л.* Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. Париж: Дом книги; Совр. записки, 1939. (Рус. науч. б-ка; Кн. 1). Книга вышла из печати в феврале 1939 г.

29. Вяч. Иванов — Фондаминскому

Рота. 2 ноября 1938 г.

Рим, 2-го ноября 1938

Глубокоуважаемый Илья Исидорович,

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо и за присылку трех выпусков из Вашей серии «Русских поэтов»¹. Не писал я Вам потому, что сын мой, прошедший сентябрь в Риме, а ныне живущий в Шартре², обещал мне опять увидеться с Вами и сообщить Вам устно мои желания.

Когда в марте сего года В.В. Руднев уведомил меня, что «за недостатком средств» из моей рукописи, задуманной как некое органическое единство, придется выкроить для отдельных выпусков этой серии типа «plaque»³, и что вдобавок появление в свет этих выпусков будет разделено приблизительно годовым промежутком, я, разумеется, испытал горькое разочарование: дело, казалось, рухнуло, против силы вещей ничего нельзя возразить. Потом, однако, пришла мне в голову следующая возможность: так как высланная Вам рукопись состоит из двух частей, из коих большую часть составляет собрание лирических стихотворений, а меньшую поэма «Человек», объемом в шесть или шесть с половиной печатных листов Вашего формата, то я мог бы предложить Вам к напечатанию в Вашей серии в этом году именно эту поэму (ее мне важно выпустить сейчас же), с тем, чтобы лирические стихотворения и сонеты, число которых я мог бы даже сократить, чтобы по возможности не выходить за пределы, Вами установленные, вышли в свет в Вашей столь изящно печатаемой серии непременно в течение следующего года. Не знаю, согласны ли Вы на это; «Человека» во всяком случае я желал бы видеть напечатанным теперь же; напомним, что его рукописный текст составляет отдельную тетрадь, приложенную мною к дактилографированному⁴ собранию лирических стихотворений.

Благодарю Вас за предложение участия в «Русской научной библиотеке», о которой мне говорил Алданов, видевший мою книгу «Дионис и прадионисийские культы», изданную в Баку в 1923 году (300 страниц по 2700 печатных знаков) и ныне имеющую выйти в свет на немецком языке в базельском издательстве Швабе со многими изменениями и дополнениями⁵, которые должны были бы перейти и во второе русское издание (первое, напечатанное в Советском Азербайджане, не могло, конечно, иметь распространение). Но так как Вы не хотите принципиально «переиздавать», то моя книга Вам не подходит. Есть у меня, кроме того, почти полный стихотворный перевод трагедий Эсхила, который ӨФ. [так!] Зелинский давно хочет видеть напечатанным. (Он, думается, охотно снабдил бы его,

если потребуется, вступительными статьями и примечаниями). Этот труд относится не в меньшей степени к филологии как науке, чем к изящной литературе. Прошу Вас не отказать мне и по этому предмету в любезном сообщении Вашего решения.

Публикуется по машинописной копии (РАИ. Оп. 3. Карт. 1. Папка 34).

¹ Осенью 1938 г. Вяч. Иванов получил первый, второй и третий выпуски серии «Русские поэты»: *Смоленский В.* Наедине. Вторая книга стихов. Париж: Совр. записки, 1938; *Гиттис З.Н.* Сияния. Париж: Дом книги, 1938; *Тератиано Ю.* На ветру. Париж: Совр. записки, 1938. См. pdf-файлы этих изданий из библиотеки поэта на сайте <http://www.v-ivanov.it/materialy/biblioteka-vyach-ivanova/knigi-i-zhurnaly-na-russkom-yazyke>.

² См. примеч. 34 к п. 2.

³ небольшая книжечка (франц.).

⁴ машинописному.

⁵ См.: *Вахтель М.* Научный проект: В поисках подлинного Диониса (о неосуществленной немецкой книге Вяч. Иванова) // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2008. № 5. С. 551–560.

30. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 28 ноября 1938 г.

28.XI.1938

Многоуважаемый Вячеслав Иванович, дней десять—двенадцать тому назад я Вам писал, спрашивал, не дадите ли Вы предложенной Вами статьи «Мысли о поэзии» к ближайшей книжке¹? Ответа не получил. Между тем, мне надо бы знать уже теперь, беречь ли место для этой статьи.

И еще, буду всегда повторять: напишите воспоминания об эпохе символизма! Черкните два слова. Преданный Вам

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il Prof[essore] V. Ivanov, 61, via Monte Tarpeo, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Paris, 28.XI.1938».

¹ См. примеч. 2 к п. 38.

31. Вяч. Иванов — Рудневу

Roma. 1 декабря 1938 г.

1 декабря 38

Глубокоуважаемый Вадим Викторович, видно, Ваше письмо — или открытка — не дошли. Последнее, что я получил из Вашей редакции, была очередная книжка «Совр[еменных] зап[исок]» (с моими стихами «Turgis Ferrea»¹). К сожалению, не имею в настоящее время никакой возможности приняться за предложенные статьи; поэтому не ждите их скоро.

И.И. Фондаминск[ий] сказал моему сыну, что он отослал в печать мою поэму «Человек»². К поэме приложил я (в манускрипте, Вам пересланном) несколько³ страниц примечаний (копии у меня нет). Эти примечания нужно было бы пересмотреть и, кажется, немного расширить для отдельного издания. Если бы они были у Вас под рукой, вышлите их мне заказной посылкой, за что был бы Вам истинно благодарен. Если в печатаемой книжке идут мои стихи, не откажите в высылке корректуры. Преданный Вам

Вяч. Иванов

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1500/7). Почтовая открытка; адрес отправителя: «il prof[essore] Venceslav Ivanov, 61, via di Monte Tarpeo, Roma»; адрес получателя: «Monsieur V. Roudneff, “Annales contemporaines”, 6, rue Daviel, Paris XIIIme, Francia»; почт. шт.: «Roma, 1.12.1938».

¹ См. примеч. 1 к п. 24.

² См.: *Иванов В.И.* Человек: Поэма. Париж: Дом книги; [Совр. записки], 1939. (Рус. поэты; Вып. 9).

³ Здесь и далее подчеркивания предположительно рукой Руднева.

32. Фондаминский — Вяч. Иванову

Paris. 5 декабря 1938 г.

5 XII 1938.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, Ваша поэма «Человек» сдана в типографию и выйдет в январе (во 2-й половине)¹. Корректуру я Вам пришлю. Лирические стихотворения постараемся выпустить осенью следующего года (1939)². Формального обязательства не беру, но обещаю сделать всё, чтобы осуществить всю программу.

Что касается издания Ваших книг, то наша издательская коллегия, прежде чем принять окончательное решение, просит Вас дать следующие разъяснения: 1) каков характер изменений и дополнений, к[о]т[о]р[ые] Вы предполагаете сделать во 2-м изд. книги «Дионис и прад[ионисийские] культы»³?

Иначе говоря, будет ли 2-е изд. повторением 1-го с небольшими поправками или существенно переработанным. 2. Можете ли Вы сами снабдить перевод Эсхила вступительной статьей и научными примечаниями? Очень буду благодарен за ответ на эти вопросы. Как видите, наша коллегия воодушевлена желанием напечатать Ваши работы и ищет подходящую форму.

Сердечный привет.

И. Фондаминский

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 11. Папка 2). Почтовая открытка; адрес отправителя: «Fondaminsky, 130 av[enue] de Versailles, Paris XVI»; адрес получателя: «Monsieur V. Ivanoff, via di Monte Tarpeo 61, Roma, *Italie*»; почт. шт.: «Paris, [нрзб].XII.1938».

¹ См. примеч. 2 к п. 31.

² Издание не состоялось.

³ Издание не состоялось.

33. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 2 апреля 1939 г.

2.IV.1939

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Надеюсь, Вы уже получили последнюю книжку журнала¹. Сейчас составляю план следующего номера, и мне *необходимо* знать, — но знать *наверное* — рассчитывать ли на Вас, оставлять ли для этого место, исполните ли Вы наконец свое намерение и обещание — написать свои «Мысли о поэзии»². Очень бы этого хотелось, и я не знаю, как Вас убедить. (А «Литературное наследство» — имели возможность читать? Краткий отчет о нем — в «Совр[еменных] зап[исках]» в рецензии о. Флоровского³. Неужели не заденет за живое Вас, не побудит Вас самого вспомнить об этой важной в духовном смысле, хотя и «обсмиротившейся[?]» в известном смысле эпохе??).

Откликнитесь, пожалуйста, и обрадуйте согласием. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il Prof[essore] V. Ivanov, via Monte Tarpeo, 61, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Paris, 3.IV.1939».

¹ Речь идет о 68-й книге СЗ, вышедшей в марте 1939 г.

² Подобной статьи В.И. Иванова в СЗ не появилось.

³ Имеется в виду рецензия о. Г. Флоровского на 27–28 том «Литературного наследства», посвященный русскому символизму; см.: Г.В.Ф. [Флоровский Г.В.] [Рец. на кн.:] Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 27–28 // СЗ. 1939. № 68. С. 482–485.

34. Руднев — Вяч. Иванову

Paris. 20 апреля 1939 г.

20.IV.1939

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Дней 10–15 тому назад я писал Вам, спрашивая, не согласитесь ли Вы исполнить свое намерение, дать к ближайшей книжке «С[овременных] з[аписок]» Ваши «Мысли о поэзии»¹. Ответа не получил; зная Вашу аккуратность, думаю, что письмо затерялось. Повторяю свой вопрос, и очень прошу откликнуться. Мне надо знать, хранить ли место в плане книжки для Вас, а что я *очень* хочу получить Вашу статью, об этом и не стану говорить.

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il Prof[essore] V. Ivanov, via Monte Tarpeo 61, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Boulogne, 21.IV.1939».

¹ См. примеч. 2 к п. 33.

35. Руднев — Вяч. Иванову
Paris. 26 апреля 1939 г.

27.IV. [так!]

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,
 получил Ваше письмо, спасибо за стихи¹ (мне очень понравились) и за твердое
 обещание прислать статью «Мысли о поэзии»². Времени у Вас даже не 2 недели, а 3.
 Но чем раньше пришлете, тем приятнее: обещание — хорошо, а фактическое обла-
 дание — лучше, тем, что спокойнее. — Если б Вы решились писать воспоминания!
 Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Датируется по почт. шт.
 Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il
 prof[essore] Venceslas Ivanov, 61, via Monte Tarpeo, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Paris, 26.IV.39».

¹ См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] Вечерняя звезда («Лес опрокинут в реке...»); Восход сол-
 нца («Заплаканный восход уныло я встречал...») // СЗ. 1939. № 69. С. 205–206.

² См. примеч. 2 к п 38.

36. Руднев — Вяч. Иванову
Paris. 7 июня 1939 г.

7.VI.1939

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!
 Подждал эти дни обещанной Вами к 1 июня статьи Вашей, но — не дождался...
Очень прошу не смущаться тем, что Вы опаздываете (задержка происходит и с
 типографией) и сделать все от Вас зависящее, чтобы статья Ваша хотя бы через
 неделю, через полторы, через две — была здесь.

Весьма обяжете!

Ваш В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с лого-
 типом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il prof[essore] V. Ivanov, 61, via
 Monte Tarpeo, 61, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Boulogne, 7.VI.1939».

37. Руднев — Вяч. Иванову
Paris. 3 августа 1939 г.

3.VIII.1939

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!
 Вы, конечно, уже получили недавно вышедшую 69-ю книжку «Современных запи-
 сок». Теперь обдумываю план следующей, 70-й книжки. Это как бы «юбилейная»
 (лишь бы не *последняя!*) книжка: 7 десятков книг и 20 лет существования... Хоте-
 лось бы ее отпраздновать получше. И вот, — неужели нельзя надеяться получить

застрявшую у Вас статью Вашу «Мысли о поэзии»¹? Вы столько раз обещали и пересрачивали, наконец, даже перестали отвечать на мои письма, чувствую, что я смертельно надоел Вам. И все же, — в последний раз — пристаю: дадите ли статью (эту или какую-нибудь другую) для ближайшей книжки? И новые стихи²?

Мне это важно знать *теперь же*, соображая план и распределяя место в книжке; но для исполнения фактического у Вас еще много времени — два месяца.

Надеюсь получить отклик и подтверждение обещания.

Всего доброго. Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). На бланке журнала «Современные записки». На конверте адрес получателя: «Il prof[essore] V. Ivanov, via Monte Tagreo 61, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Boulogne, 3.VIII.1939».

¹ См. примеч. 2 к п. 38.

² См.: *Иванов В.И.* [Стихотв.:] Ночные зовы («О том, как светят нивы...») // СЗ. 1940. № 70. С. 123–124.

38. Руднев — Вяч. Иванову *Paris. 17 сентября 1939 г.*

le 17 Sept[embre] 1939

Chère collègue.

En reponse à votre lettre du 9 Septembre¹ je m'empresse de vous informer, que je n'ai pas perdu l'espoir de faire paraître notre Revue. Le № 70 des «Ann[ales] Contemp[oraines]», quoique moins volumineux, doit paraître, sauf force majeure imprevue, dans le terme fixé d'avance. Donc votre article sur la Poesie sera bienvenu (pourvu qu'il ne soit *trop* long), et je vous prie d'expedier le manuscrit *le plus tôt possible*².

Votre dévoué

W. Roudneff³

[Перевод:]

17 сентября 1939

Дорогой коллега.

В ответ на Ваше письмо от 9 сентября тороплюсь Вам сообщить, что я не потерял надежды на появление нашего журнала. № 70 «Современных записок», хотя и менее объемистый, должен появиться в заранее установленный срок, если не будет непредвиденных чрезвычайных обстоятельств. Итак, буду рад принять Вашу статью о поэзии (при условии, что она не *слишком* длинна), и прошу Вас отправить рукопись *как можно скорее*.

Преданный Вам

В. Руднев

Публикуется по автографу (РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 18). Почтовая открытка с логотипом журнала «Современные записки»; адрес получателя: «Il prof[essore] Venceslav Ivanov, via Monte Tagreo, 61, Roma (Italie)»; почт. шт.: «Boulogne, 18.IX.1939».

¹ Это письмо не выявлено.

² «Мысли о поэзии» были посланы в СЗ осенью 1939 г. (ср. приписку карандашом на авторизованной машинописи статьи; воспроизведена в работе: *Титаренко С.* Статья Вяч. Иванова «Мысли о поэзии» // Символ. 2008. № 53–54. С. 229–275). Почему эта статья так и не появилась в 70-й книге СЗ, остается невыясненным. В юбилейном номере СЗ, ставшим последним, Иванов участвовал стихотворением «Ночные зовы» («О том, как светят нивы...»); см. примеч. 2 к п. 37.

³ Язык и стиль письма связаны с началом Второй мировой войны, в результате которой Париж и Рим оказались во враждебных лагерях. Очень скоро почтовое сообщение между Францией и Италией было фактически прервано.

Указатель имен

Знаком астериска * отмечены псевдонимы. Полужирным шрифтом выделены номера страниц, содержащих биографические сведения о данном лице. Имена М.В. Вишняка, В.В. Руднева и И.И. Фондаминского не сопровождаются перечнем номеров, поскольку встречаются почти на каждой странице (passim).

- Абрамова Л.Г. 98
*Абрамович (Рейн) Р.А. 657
Абызов Ю.И. 6, 7, 380, 501
Аввакум Петров, протопоп 670
Августин (Augustinus) 421, 457
Аверинцев С.С. 953
Аверченко А.Т. 683
Авксентьев Н.Д. 25, 53, 138, 150, 155, 223, 278, 377, **508**, 564–567, 571, 573, 576, 590, 592, 607, 608, 613, 702, 763–765, 773, 778, 790, 795, 807, 824, 826, 835
Авксентьева А.Н. — см.: Прегель А.Н.
Авриль М. (Avril M.) 7
Агафонов В.К. **839**
Агафонов К. 703
Агурский М.С. 488
Адамович Г.В. 11–14, 19, 45, 46, 52, 59, 60, 86, 87, 197, 198, 214, 246, 400, 401, 418, 419, 573, 574, 612, 616, 617, 619, 655, 659, 679, 682, 684, 690, 719, 732, 736, 811, 899, 912–917, 919, 920, 924, 928–930, 941, 942, 970, 976, 977
Адеркас В. фон 481, **482**
Аджемов М.С. 576, **577**
Азаров Ю.А. 54
Азеф Е.Ф. 399, 629, **631**, 642
Айзенштат Я.И. 444
Айхенвальд Ю.И. 313, 436, 496, **497**, 876, 877
Аксельрод П.Б. 583
Алапин Я.З. 435
*Алданов (Ландау) М.А. 11, 14, 53, 54, 56–58, 76, 92, 101, 132, 134, 135, 137, 155, 157, 171, 192, 193, 196–198, 205, 224, 251, 316–318, 339, 362–364, 371, 376, 385, 444, 459, 467, 468, 470, 475–477, 516–518, 521, 522, 526, 527, 542, 546, 551, 553, 557, 563, 574, 630, 632, 633, 636–639, 643, 680, 684, 686, 696, 697, 706, 716, 718–720, 722, 724, 747, 759, 766, 797, 835, 836, 855, 878, 913, 916, 918, 924, 928, 929, 938, 943, 978–982
*Алданова (Ландау) Т.М. 835, **980**
Алейников М.С. 441
Александр, король Югославии 139, 157, 724, 753
Александр I, имп. 203, 464, 773, 810
Александр II, имп. 489, 585, 660
Александр III, имп. 596, 645, 648, 815
Александр Михайлович, вел. кн. 815, 816
Александр Невский 365
Александров А.В. 88
*Александрова (Шварц) В.А. 880
Алексеев А.Д. 6, 456
Алексеев Ник. Ник. (генерал-лейтенант) **112**
Алексеев Ник. Ник. (правовед) 102, 111–113, 115, 116, 124, 125, 157, 204, **484**, 485, 830
Алексеев П.В. 97, 98
Алексеев С. 530
Алексеева Л.А. — см.: Иванникова Л.А.
Алексинский Г.А. 294, **295**
Аллен Л. (Allain L.) 6
Алпатов М.В. — см.: Alpatov M.
Альбат 520
Альперин А.С. 557, **839**
Амфитеатров А.В. 274, 275, 318, 332, **333**, 876, 958, 960, 961, 969
Ананьин Е.А. 581, **583**, 584, 588, 598, 600, 613, 614, 617–619, **942**
Ананьина И. 613, 614, **617**, 618

- Андерсон П.Ф. (Anderson P.B.) **858**, 860
 Андлер Ш. (Aandler Ch.) 699
 Андреев В.Л. (*Осокин С.) **79**, 164, 552
 Андреев Л.Н. 79, 263, 442, 549
 Андреев Н.Е. 881
 Андреева М.Ф. 442, 659
 Андроников Л.Н. 463, 580, **582**
 Анненков П.В. 492, 550, **552**, 553, 567
 Анненков Ю.П. (*Темиряев Б.) 57, **493**,
 883, 926, 927
 Анненский Н.Ф. 438, 531
 Антокольский М.М. 438
 Антоний, митрополит (Храповиц-
 кий А.П.) 292
 Антонов В.С. 875
 Апостол П.Н. 557
 *Аргунов (Воронович) А.А. 772
 Аристофан 963
 Арманд Л. 765
 Аронсон Г.Я. 443, 657
 Арсеньев Н.С. 954, **956**
 Артизов А.Н. 436
 Архангельская Л.В. 799, **800**, 801
 Архангельский В.Г. 789, 799, **800**, 801
 Арцыбашев М.П. 222, 226, 227, 233–236,
 239, 244, 245, 247–249, 251, 274, 275,
 306, 307, 311, 327, 332, 333, 341, 356,
 357
 Арьев А.Ю. 386
 Асланов Н.П. 681
 Астров Н.И. 323, 382, **383**, 463, 473, 572
 Афанасьев Н.Н. **853**
 *Ахматова (Горенко) А.А. 255, 340
 Аш Ш. 434, 435
 Ашукин Н.С. 358
 Ашукина М.Г. 358
- Бабель И.Э. 293–295, 682
 Бабка Л. (Babka L.) 457
 Бабореко А.К. 53, 880
 Базанов П.Н. 7, 372
 Байкалов А.В. 102, 141, **142**
 Байрон Дж. (Byron G.) 501, 702, 703
 Бакунин М.А. 131, 147
 Бакунина Е.В. 26, 412
 Бакунина-Осоргина Т.А. (Ossorguine-Ba-
 koupine T.) 8, 63, 725, 864
 Балавинский С.А. 215
 Балакшин П.П. 61
 Балинский И.Д. 490
 Балл 481
- Балухатый С.Д. 643, 644
 Бальмонт К.Д. 197, 276, 475, 557, 718, 720,
 725, 748, 938
 Бальфур А.Дж. (Balfour A.J.) 524
 Бальц В.А. 439
 Барабанов Н.С. 477
 Баранецкий (Боранецкий) П.С. 400, 402
 Баратынский (Боратынский) Е.А. 40, 45,
 268, 514
 Бардеева А.И. 7
 Барятинский В.В. 444
 Батюшков К.Н. 740
 Бахметев (Бахметьев) Б.А. 6, 785
 Бахрах А.В. 52, 679, 682, 689, 696, 698
 Бахтин Н.М. 336
 Бебель А. (Bebel A.) 487, 488
 Бездек В. 167
 Бейер А.А. **81**, 82–84
 Бейер М.А. 83, 84
 Бейзер М.С. 434
 Бейлис М.М. **436**, 437, 439, 451, 469, 508,
 522, 529, 531, 535, 536, 628, 658, 674,
 675
 Белецкий С.П. 536
 Белинский В.Г. 188, 539, 622
 Белобровцева И.З. 873, 877, 903, 913
 Белозерская-Булгакова Л.Е. 503, 679
 Белоусов И.А. 664
 Белоцветов Н.А. 490
 Белошевская Л.Н. (Běloševská L.) 8, 911,
 912, 930
 *Белый А. (Бугаев Б.Н.) 40, 43–46, 171,
 938, 960, 975, 976
 Бельгардт А.В. 440
 Беляцкий С.А. **450**
 Бем А.Л. 11, 60, 102, 104, 107, 108, 143,
 158, 167, 168, 183, 843, 899, 911
 Бен-Адир 657
 Бен-Шимон Л. 449, 475
 *Бенедиктов М.Ю. – см.: Берхин М.Ю.
 Бенеш Э. (Beneš E.) 193, 420, 421, 669, 830
 Бенкендорф А.К. 605
 Бенуа А.Н. 880
 Берберова Н.Н. 14, 36, 47, 51, 54, 57, 89,
 155, 178, 179, 196, 197, 339, **340**, 345,
 347, 353, 361, 375, 409, 441, 697, 703,
 837, 869, 883, 886, 926, 928, 929, 931
 Бердяев Н.А. 16, 34, 39, 42, 44, 104, 105,
 132–134, 136, 138, 140, 149, 179–181,
 183–186, 191, 193, 198, 200–203, 257,
 270, 271, 273, 276, 292, 306–308, 310,

- 311, 332, 335, 337, 346, 348, 350, 352, 359, 365, 442, 527, 528, 534, 618, 715, 835, 839, 843, 845, 847, 862, 863, 898, 942, 946, 948, 956, 957, 959, 980
- Бердяева Л.Ю. 835
- Беренштам В.В. 433, 435
- Беренштам М.В. 463
- Беркенгейм А.М. 239, 241
- Берлин А.М. 502
- Берлин П.А. 839
- Берлины 835
- Бернар Т. — см.: Bernard T.
- Бернацкие 741
- Бернштейн Э. (Bernstein E.) 774, 775
- Берхин (*Бенедиктов) М.Ю. 565, **566**
- Беседовский Г.З. 153
- Бетеа Д. (Bethea D.) 703
- Биккерман И.М. 441, 466
- Билибин И.Я. 557
- Биллиг И.В. (Billig J.) 532, **533**, 534, 535, 539
- Биншток В.Л. 102, 142, **143**, 144
- Биншток Г.О. 97, **706**
- Биск А.А. 679
- Бисмарк О. (Bismarck O. v.) 579
- Бицилли П.М. 11, 13–15, 20, 22, 30, 47, 101, 106, 107, 112, 130, 131, 135, 137, 149, 165, 167, 171, 173, 174, 178, 179, 187, 188, 191, 193, 196, 198, 202, 203, 370, 402, 403, 419, 535, 619, 718, 753, 855, 884, 928, 929, 970, 980
- Бланки Л.О. (Blanqui L.A.) 131
- Блондес Д. **436**, 439, 451, 529, 531
- Блок А.А. 60, 203, 211, 216, 217, 221, 247, 448, 594, 715, 716, 721, 740, 748, 967, 975
- Блох А.Ю. 534
- Блох Я.Н. 890
- Блюм Л. (Blum L.) 202, 203, 699–701
- Блюменфельд Г.Ф. 443
- Бобе М. — см.: Vobe M.
- Бобрищев-Пушкин А.В. 500, **503**
- Бобянский (Бабянский) А.Ф. **615**
- *Богданов (Малиновский) А.А. 444, 547
- Богомолов Н.А. 207, 213, 294, 360, 390, 912
- Богуцкий 506
- *Богучарский (Яковлев) В.Я. 647
- Бодлер Ш. (Baudelaire Ch.) 324, 711, 712
- Бодуэн де Куртенэ И.А. (Baudouin de Courtenay J.I.N.) 610, **615**
- Бодэ Л. 508
- Божнев Б.Б. 313
- Болдуин С. (Baldwin S.) 223, **224**
- *Болдырев И. (Шкотт И.А.) 769
- Болеславский Р.В. 681
- Болотовский Ю.И. 457
- Бостунич Г.В. 615
- Боттичелли С. (Botticelli S.) 583
- Боцяновский В.Ф. 663, 664
- Брайкевич М.В. 141, 142
- Брак 839
- Браке 699
- Брамсон Л.М. 657
- Брановер Г.Г. 451
- Браудо А.И. 441
- Бреннер Е.А. 494
- Брешко-Брешковская Е.К. (К.К.) 383, 576, **577**, 767, 799, 800, **823**
- Бриан А. (Briand A.) 530, 531
- Бром Л. (Brom L.) 882
- Брунов Н.И. — см.: Brunov N.
- Бруновы 725
- Бруцкус Б.Д. 13, 14, 139
- Бруцкус Ю.Д. 657
- Брушвит И.М. 795, 796, 799, 800
- Брызгалова Е.Н. 679, 680
- Брюллов К.П. 664
- Брюллова-Шаскольская Н.В. 113, **114**, 117
- Брюсов В.Я. 60, 221, 222, 245, 960
- Брянкина Э.А. 7
- Буало-Депрео Н. (Boileau-Déspreaux N.) 60
- Бубер М. (Buber M.) 956, 961
- Бугаева Л.Д. 54
- Буглэ 695
- Будницкий О.В. 6, 7, 456
- Буковский В.И. 532
- Булатов И.Ф. 477
- Булгаков С.Н. 43, 44, 169, 180, 270, 365, 413, 843, 844, 848, 851, 861–864, 867, 868, 871, 872, 942, 953, 956
- Булгакова Е.И. 769, 805, 806
- Булич В.С. **740**, 741
- *Бунаков И. — см.: Фондаминский И.И.
- Бунге Н.Х. 584, **585**
- Бунин И.А. 8, 15, 23–25, 52, 56, 76, 101, 119, 120, 132, 134, 210, 212, 215–218, 222, 223, 226, 227, 233, 234, 237, 246–248, 251, 259, 260, 269, 270, 272, 273, 277, 278, 282, 285, 290–298, 301–308, 311, 315, 318, 319, 329, 330, 334, 336–338, 340, 345, 356, 359, 376, 387–389, 406, 444, 472–476, 493, 557, 589, 611,

- 612, 615, 616, 618, 638, 679, 681–683, 689, 696, 698, 716–719, 722, 728, 730–733, 741, 749, 750, 753, 756, 757, 824, 827, 832, 875–885, 887, 891–894, 901, 902, 907, 912–914, 916, 923, 927–929, 932, 937, 949, 956, 962, 980
- Бунина (Муромцева-Бунина) В.Н. 8, 215–218, 222, 237, 248, 269, 277, 278, 282, 291, 297, 311, 315, 319, 329, 330, 337, 338, 345, 406, 444, 493, 638, 726, 731, 739, 749, 750, 824, 826, 827, 832, 875, 877–881, 884, 885, 887, 890, 894–896, 901, 902, 904, 907, 949, 962, 980
- Бургина А.М. 797, **798**
- Бурдуков-Студенской Н. 423
- *Буревой К. (Сопляков К.С.) 158, **159**
- Буренин Н.Е. 439, 655, **659**
- Бурихина И. 911
- *Буров (Бурд) А.П. 949
- Бурцев В.Л. 255, **275**, 311, 484, 631, 632, 636, 654
- Бутенко П.Э. 333
- Бухов А.С. 683
- Бьюкенен Дж.У. (Buchanan G.W.) 615
- Вайнберг И.И. 236
- Вайнтроб М.Д. 453, 479, **480**
- Вакар Н.П. 556, 563
- Ваксберг А.И. 437
- Валицкий А. (Walicki A.) 97, 98, 100, 185
- Валицкий М. (Walicki M.) 102, 183, **185**
- Вальтер С.Н. 681
- Вандервельде Э. (Vandervelde E.) 470
- Ванечкова Г.В. 911
- Варга Е.С. (Varga E.) 774, 775
- Варгафтик Е.С. 911
- Варсонофий, иеромонах 365
- Варшавская Т.Г. 836
- Варшавский В.С. 196, 198, 210, 551, 552, 835, 836, 875, 880, 883, 884
- Васильев А.В. **783**
- Васильев И. 679
- Васильев С.А. 779, **780**, 781–783
- Васильева М.А. 712, 836
- Ватсон М.В. 434, 444, 541–543, 545
- Вахтель М. (Wachtel M.) 948, 957, 983
- Введенский А.И. 240
- Вебер-Хирьякова Е.С. 57
- Ведринская М.А. 477
- Вейдле В.В. **9–36**, 92, 101, 178, 179, 191, 193, 203, 384, 898, 970
- Вейдле Л.В. 18, **19**
- Вейль Ж. 657
- Вейнберг П.И. 264
- Вейншал Я.В. 443
- Вейцман Х. 446, 701, **702**
- Венгеров С.А. 97, 436, 438, 531, 645–648, 653, 654, 658
- Венгерова З.А. 444
- Вендитти М. (Venditti M.) 37, 49, 841
- Вергилий 619, 968
- Вересаев В.В. 254
- Вернадский В.И. 463, 473, 572
- Вернадский Г.В. 160, 881
- Верховской (Верховский) С.С. **853**
- Визель О.Э. 113, **114**, 117
- Виктория (Victoria), королева 471
- Вильданова Р.И. 7
- Вильде (*Дикой) Б.В. 552, 880
- Вильман 520
- Винавер Е.М. 557
- Винавер М.М. 115, 116, 245, 251, 434, 441, 443, 611, 645, **647**, 658
- Виноградов П.Г. 173, 174
- Винокур Н.Г. 875
- Вишпер Р.Ю. 173, 174, 478
- Виргилий – см.: Вергилий
- Виссарионов С.Е. 629, **631**, 635
- Витте С.Ю. 562, 577, 580–585, 589, 592, 597
- Вишневский В.В. 659
- Вишняк А.А. («Нюша») **688**, 691, 692, 703, 705
- Вишняк В.О. **544**
- Вишняк М.А. 132, 481, 483, 512–514, 517, 522, 524, 525, 527, 528, 532, 535, 537, 538, 540, 542, 544, 555, 560, 562, 564, 568, 569, 573, 576, 581, 590, 612, 614, 618, 620–622, 624, 627, 630, 637, 639–644, 646, 647, 653, 660, **688**, 690–692, 694–710, 753, 772, 797, 800, 802, 804, 825–827, 835, 943
- Вишняк М.В. passim
- Вишняк С.И. **544**
- Владимир Мономах 621
- Власкин А.Г. 43
- Власов В. 470
- Водовозов В.В. **226**
- Войтинский В.С. 24, 163, 164, 171–174, 196, 198
- Волков Н.К. 545, **546**, 547, 557, 703, 710, **711**
- Волкова Н. 679
- Волкович Б. 443

- Волковьский Н.М. 225
 Волконский А. 289
 Волконский С.М. 289
 Волобуев П.В. 7
 Вологин Н.А. 490
 Волошин М.А. 243, 937, 940
 *Вольнский (Флексер) А.Л. 211
 Вольский Н.В. (*Юрьевский Е.) 165, 167, 178, 179, 181, 184, 187, 188, 839
 Вольф, драматург 626, 627
 Вольф Г.И. 646, 654
 Вольф М.О. 187, **188**
 Вольфсон М.К. 794, 836, 839
 Вольфсон Э.С. 746, **747**, 794, 836, 839
 Воровский В.В. 223, 238, 239, 241
 Восторгов И.И. **544**
 Врангель П.Н. 472, 957
 Вращан С.Л. 839, **840**
 Вронченко М.П. 419
 Выдря М.М. 483
 Вырубов В.В. 153
 Высоцкие 785
 Высоцкий К.З. (В.) 510
 Вышеславцев Б.П. **37–48**, 180, 292, 555, 557, 954, 956
 Вышеславцева Н.Н. 46, **47**

 Гаврилова В.А. 875
 Гавронская (Фондаминская) Амалия О. — см.: Фондаминская А.О.
 Гавронская (Лурье) Анна О. 332, 337, 641, 642, 825, 826
 Гавронская В.О. 309, 813, 817
 Гавронская Л.В. **217**, 250, 255, 272, 281, 290, 319, 334, 339, 364, 367, 541, 794, 796
 Гавронская Л.С. 402, **510**, 798, 820, 821, 834, 835
 Гавронская М.Е. 609, **615**, 798
 Гавронская М.С. **510**
 Гавронские 785
 Гавронский Б.О. 402, **403**, 405, **510**, 511, 540, 541, 774, 798, **804**,
 Гавронский Д.О. **510**, 771, 797
 Гавронский И.О. 796, 811–813
 Гавронский О.Б. **217**
 Гавронский Я.О. 604, **605**, 606, 609, 614, 615, 623, 763, 798
 Газданов Г.И. **49–94**, 164, 171, 187, 188, 191–193, 196, 416, 759, 835, 882, 883, 926, 927
 Гай Юлий Цезарь (Gaius Julius Caesar) 693
 Галилей Г. (Galilei G.) 651
 Галкин В.В. 490
 Галушкин А.Ю. 938
 Гальперн Я.М. 542
 Ганди М. (Gandhi M.) 100
 Ганецкий Я.С. 345
 Ганфман М.И. 480, **481**, 484, 490, 492, 496, 522, 532, 534, 557, 587, 611, 622, 654
 Ганц Н.А. — см.: Hans N.A.
 Гар И. 450
 Гардзонио С. (Gardzonio S.) 501, 778
 Гаррикс 382
 Гарэтто Э. (Garetto E.) 275, 713
 Гатова Л. 679
 Гаха Э. (Hácha E.) 669
 Гацура Г. 188
 Гегель Г.В.Ф. (Hegel G.W.F.) 105, 112, 151, 152, 168, 172, 174, 845, 956, 958
 Генис В.Л. 798
 Георг V (George V) 178
 Георгий Победоносец 954
 Гепштейн С.К. 443
 Герасимов А.В. 629, **631**, 632–635
 Герман 565
 Герман Л. 476
 Гернет М.Н. 439
 Герра Р. (Guerra R.) 875, 911
 Герцен А.И. 139, 144, 492, 549, 552, 622
 Герценштейн А.М. 502
 Герценштейн М.Я. 439, 586, **588**
 Герцо-Виноградский П.Т. 706
 Герцык (Жуковская) А.К. 321, **322**
 Герцык Е.К. 198
 Гершанович Я. 439, 654
 Гершензон М.О. 436, 937
 Гершун Б.Л. 456
 Гершуни Г.А. 503, 510
 Гессен В.И. 436
 Гессен В.Ю. 441
 Гессен Д.С. 124, **125**, 180, 189, 194
 Гессен Е.С. 102, 179, **180**, 183, 187, 189, 190, 191, 194, 197, 204–206
 Гессен И.В. 99, 102, **175**, 176, 193, 195, 205, 217, 229, **230**, 436, 438, 465, **466**, 490, 494, 525, 531, 575, 585, 611, 955, **957**
 Гессен М.К. (Niemyska-Hessenowa M.) 200, **201**
 Гессен Н.Л. 124, **125**, 126–128, 130, 132, 133, 135, 150, 154, 155, 180, 189, 194
 Гессен С.И. (Hessen S.) 24, 43, 44, **95–206**, 350, 618, 845, 847, 851, 856, 957
 Гессен С.Ю. 31

- Гессен Ю.И. 441
 Гёте И.В. (Goethe J.W. v.) 302, 611, 675, 950, 952
 Гехтман М.В. 210, 221
 Гиллерсон А.И. 440
 Гильман 625
 Гингер А.С. 58, **92**
 Гинденбург П. (Hindenburg P. v.) 964
 Гинзбург-Наумов А.М. 506, 508
 Гинс Г.К. 156, **157**, 159
 Гишпиус А.Н. **259**
 Гишпиус (Мережковская) З.Н. 11, 14, 26, 112, 119, 120, 187, 188, **207—429**, 472, 473, 475, 476, 486, 487, 557, 616, 641, 642, 682, 684, 724, 776, 784, 785, 844, 937, 939, 942, 948, 959, 961, 983
 Гитлер А. (Hitler A.) 26, 178, 473, 533, 542, 567, 571, 576, 579, 650, 831, 964
 Гладстон У.Ю. (Gladstone W.E.) 438
 Глазунов А.К. 197, 198
 Гленов, доктор 819
 Гликберг-Черная М.И. 710, **712**
 Гоголь Н.В. 15, 39, 52, 60, 131, 171, 187, 188, 190, 357, 368, 384, 480, 664, 665, 692, 716, 720, 735—737, 739, 740, 924, 925, 962, 963
 Годин Я.В. 955, **958**
 Гойя Ф. (Goya F. de) 203
 Голенищев-Кутузов И.Н. 155, 157, 932, 937, 939—941
 Голлербах Е.А. 7
 Голобородько И.И. 829
 Головин Н.Н. 186, 188
 Головина А.С. 183, 552, 881
 Голосовкер Р.Г. — см.: Грузенберг Р.Г.
 Голосовкер Ю.Г. 544
 Голубева Л.Г. 875
 Гольденвейзер А.А. 445, 456, 457, 473, 667
 Гольденвейзер Я.С. 434
 Гольденвейзер-Любимов Н. 377, **378**, 379, 380
 Гольдштейн (Гольденштейн) М.Л. 434, 452, 502, 550
 Гомолицкий Л.Н. 918
 Гомперс С. (Gompers S.) 779, **780**, 782
 Гончаров В.Ф. 560
 Гончарова Н.И. 237
 Гоппе Г.Д. 596, **598**
 Гордон Б.А. **550**
 *Горный С. (Оцуп А.А.) 285, 328, **329**, 331, 332, 335, 336
 Городецкая Н.Д. (Gorodetzky N.) 16, 34
 Городецкий С.М. 960
 Горчаков М.К. **730**
 *Горький М. (Пешков А.М.) 53, 55, 138, 197, 198, 225, 235, 236, 244, 246—248, 250, 263, 265, 268, 271, 344, 345, 352, 388, 393, 405, 436, 438—440, 442, 444, 445, 449, 451, 487—489, 510, 529, 531, 545—549, 551, 555, 558—560, 599, 616, 618, 643—645, 647, 649, 651—653, 655—657, 659, 674, 675, 682, 703, 937, 947, 956
 Горькова Т.А. 209
 Гофман 545
 Гоц, семейство
 Гоц А.Р. 638, 639, 763, 774, **785**, 799
 Гоц В.С. **639**
 Гоц М.Р. **639**
 Гоц Т.С. 638, 639
 Грабарь А. — см.: Grabar A.
 Грабарь И.Э. 440, 441
 Граммон (Грамон) 363
 Грановский Т.Н. 492, 539, 552, 924
 Грачева А.М. 776
 Гребенщиков Г.Д. 231, **232**, 235, 263
 Гржебин З.И. 518, 715
 Грибоедов А.С. 252, 568, 609, 614
 Григорий Богослов (Назианзин) 687, 688
 Григорович Д.В. 264
 Григорович-Барский Д.Н. 436, 502, 506, **508**
 Грин М.Э. (Greene M.E.) 8, 879, **881**, 882, 980
 Гринбаум И.Н. 441
 Гринберг Р.Н. 302
 Гриневич (Романовская) В.С. 322
 Грифцов Б.А. 715
 Грузенберг М.В. 433, 441, 472
 Грузенберг М.О. 445
 Грузенберг О.Д. 433
 Грузенберг О.О. **431—676**
 Грузенберг (Голосовкер) Р.Г. **434**, 440, 447, 448, 457, 464, **467**, 489, 512, 514, 517, 524, 525, 527, 528, 532, 535, 537, 538—540, 544—546, 555, 560, 562, 564, 565, 568, 569, 571, 573, 574, 576, 587, 590, 603, 605, 606, 610, 612, 614, 622—624, 627, 628, 636, 640, 654, 660
 Грузенберг С.О. 444, 611, **643**, 644
 Грузенберг (Прегель) С.О. 444, 453, 455, **467**, 489, **543**, 547, 551, 580, 581, 640

- Грузенберг Ю.О. 447, 455, 464, 524, **525**, 537, 610, 612, 640
- Грюнвальд К.К. 196, 198
- Гудериан Г.В. (Guderian H.W.) 944
- Гузевич Д.Ю. 6, 679, 871
- Гузевич И.Д. 6
- Гукасов А.О. 371, **372**
- Гуковский А.И. 106, 256, 460, 558, 763, 765–767, 773, 774
- Гуль Р.Б. 6, 210, 892
- Гулькевич К.Н. 187, 188, 859
- Гумилев Н.С. 124–126
- Гуно Ш. (Gounod Ch.) 705
- Гурвич Г.Д. (Gurwitsch G.) 40, 41, 53, 102, 104, 106, **107**, 110, 111, 113–117, 121, 136, 138, 141, 142, 148, 151, 152, 159, 160, 175, 176, 179, 183, 184, 187, 198, 350, 533, **534**, 721, 844, 845
- Гуревич А.Л. 852
- Гуревич Е.Б. 441
- Гуревич И.Б. 443
- Гуревич Л.Я. 211
- Гуревич Я.С. **485**
- Гурко (Ромейко-Гурко) В.И. 229, **230**, 241, 291
- Гурьян В. (Gurian W.) 952
- Гуссерль Э. (Husserl E.) 949, 956
- Гучков А.И. 232, **233**, 234, 235, 439, 596, 598
- Гфеллер У. 953
- Гюйсманс К. (Huysmans C.) 770, **771**
- Гэз 785
- Давыдова А.А. 179
- *Дагаров (Эпштейн) Д.И. 481
- *Далматова (Шмидт) О.З. **478**, 479
- Даль В.И. 474
- *Дан (Гурвич) Ф.И. 151, 152, 833
- Данилевский А.А. 909, 911–913, 927, 932
- Данилкина Н.В. 205
- Данте (Dante Alighieri) 420, 421, 423, 938–940, 944
- Дарвин Ч. (Darwin Ch.) 687, 688
- Дашевский П. **436**, 529, 531
- Дебольский Н.Г. 174
- Дегтярев А.Я. 7
- Дежарден П. (Desjardins P.) **980**
- Дейкарханова Т.Х. 779, **780**
- Дейтрих В.Ф. 614
- Дейч Е.К. 722
- *Декобра М. (*Dekobra M.; Tessier M.) **683**, 690
- *Делевский Ю. (Юделевский Я.Л.) 775
- Дельви́г А.А. 60
- Де Ман Г. (De Man H.) 103, 138, 139, 140, 141, **145**, 200
- Демант Л.С. 477
- Демидов И.П. **215**, 257, 258, 270, 273, 291, 292, 304, 309, 310, 314, 317, 319, 324, 325, 329, 339, 346, 347, 350, 352, 353, 361, 362, 364, 371, 373, 406, **474**, 492, 493, 547, 556, 557, 565–568, 778, 835, 845, 861
- Демидова О.Р. 274, 547, 684, 938
- Демьянов А.А. 596, **598**
- Денике Ю.П. 797, **798**
- Деникин А.И. 508, 535, 614, 623
- Денфер А.И. 654, **657**
- Деренн Ш. (Derennes Ch.) 302
- Державин Г.Р. 45, 140, 147, 149, 150, 153, 490, 517, 740
- Десницкий В.А. 644
- Деспотули В.М. 949
- Дехтерев А. 929
- Джиолитти Дж. (Giollitti G.) 242, **243**
- Джурич (Буриш) О. 911, 913, 927, 932
- Дзержинский Ф.Э. 345, 651, 655, 659
- Дизраэли Б. (Disraeli B.) **471**, 474
- Дикушина Н.И. 439
- Диль К. (Diehl K.) 130, **131**
- *Дионео – см.: Шкловский И.В.
- Дмитриев А.Л. 920
- Дмитриев Н.В. 557
- Дмитриевский С.В. 562, 563, 564, 568, 570
- Днепров М.И. 681
- Добкин А.И. 275
- Добржинский А.Ф. **572**
- Добрый А.Ю. 556, **559**
- Добужинский М.В. 478
- Долгополов А.Н. 46, **47**
- Долгополов Н.С. 46, 47
- Долгоруков П.Д. 108
- Долин А. 15
- Долинин А.А. 924
- Долинов А.И. 682
- *Дон-Аминадо (Шполянский А.П.) 89, 412, 547, **677–712**, 881
- *Дорн Н. (Катц А.) 15, 31
- Дорошевич В.М. 683
- Достоевская А.Г. 313
- Достоевский Ф.М. 15, 39–41, 73, 98, 101, 103–105, 112, 125–132, 135, 138–140, 142–144, 150, 153, 155, 157, 158, 167, 168, 194, 197, 198, 203, 247, 268, 288,

- 291, 338, 368, 442, 616, 666, 911, 913,
924, 927, 937, 939, 946, 948, 951–954,
958, 960
- Дреллинг В.А. 506, **508**
- Дроздов А.М. 681
- Дроздовский А.А. 443
- Дубнов С.М. 645–650, 652, 653, 656–659
- Дураков А.П. 911
- Дуракова (Иванникова) Л.М. 911
- Дутов А.И. 397, **398**
- *Дымов О. (Перельман И.И.) 437, 438,
781, 783
- Дьюи Дж. (Dewey J.) 206, 782, **783**
- Дьяченко 536
- Дю Бос Ш. (Du Bos Ch.) 963
- Дюма Ш. (Dumas Ch.) 794, **795**
- Дюмениль де Грамон М. 363
- Дэвис, квакер 785
- Дэвис Р. (Davies R.) 330, 832, 873, 877, 881,
916, 949
- Дягилев С.П. 211
- Евангулов Г.С. 340
- Евдокимов А.В. 449
- Евдокимов В. 364, 365
- Евелинов Б.Е. 682
- Евлогий, митрополит (Георгиевский В.С.)
46, **47**, 213, 340, 365, 367–369, 739, 812,
854
- Еврипид 952, 977
- Евсеева Е.Н. 844
- Екатерина II, имп. 251
- Елевферий (Богоявленский Д.Я.) 848,
864, 865
- Еллинек Г. (Jellinek G.) 530, 650, **652**
- *Ельцова К. (Лопатина Е.М.) 188, 213, 282,
296, 310, **311**, 312, 313, 317, 318, 321,
322–324, 329, 332–335, 337, 351, 365,
391–393, 406, 415, 416, 881
- Ельчанинов А.В. **856**
- Ельяшевич (Эльяшевич) В.Б. 143, 144,
526, **527**, 532, 557, 710, **711**, **728**, 729
- Емельянов В.Н. 16
- Еремеева О.Л. 282, 296, 310, **311**, 321, 329,
406
- Ермичев А.А. 948
- Ермишин О.Т. 843
- Ерофеев Н.Д. 763
- Есенин С.А. 120, 245, 253, 256, 268, 326,
336
- Ефимовский Е.А. 234, 501
- Ефрем Сирин 951
- Ефремов И.Н. 557
- Ефройкин И.Р. 657
- Жаба С.П. 44, 552, 839
- Жаботинский В.Е. 454, 458, 557, 679
- Жакро, врач 822
- Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) 277, 278, 421
- Живов В.М. 688
- Жид А. (Gide A.) 203
- Жихарева Е.Т. 477
- Жуандо М. (Jouhandeau M.) **391**, 392
- Жуковский В.А. 322, 664, 736
- Заблудовская Р.М. **219**, 220
- Завадский С.В. 130, 131, 455, 508, **524**, 525,
611
- Заволоко И.Н. 579
- Загорский С.О. 146, 774, 775
- Зайцев Б.К. 11, 26, 54, 56, 76, 101, 196, 197,
221, 235, 245, 296, 312, 313, 340, 472–
474, 477, 521, 526, 527, 544, 557, **713–**
760, 879, 899, 902, 954, 957
- Зайцев К.И. 15, 31, 381, **382**, 516, 517, **518**,
521, 855, 876
- Зайцева В.А. 56, 76, 725, 726, **727**, 734, 738,
739, 741, 744, 749, 750
- Зайцева Н.Б. – см.: Соллогуб Н.Б.
- Зак А.И. 780, **781**
- Закутин Л.Г. 15, 31
- Залевский В. (Zalewski W.) 7
- Залкинд А.В. 441
- Залкинд В.А. 444
- Залшупин А.С. **776**
- Залшупин С.А. **776**
- Замятин Е.И. 54, 244, 245, 250, 255, 256
- Зандер Л.А. (Zander L.) 43, 102, 843, 851,
852, 862
- Зарудный А.С. 436, **628**, 629
- Зарудный С.И. 628
- *Звездич (Ротенштерн) П.И. 770, **771**
- Зеелер В.Ф. 402, **403**, 502, 725
- Зелинский Ф.Ф. 943, 944, 956, **958**, 979,
980
- Зензинов В.М. 124, 127–129, 200, 201, 239,
310–312, 315, 339, 378, 456, 557, 564,
608, 693, 721, 739, **761–840**, 858, 859
- Зензинов И.М. 825
- Зензинова, жена И.М. Зензинова 825
- Зеньковский В.В. 44, 97, 107, 108, 112, 141,
167, 168, 180, 339, 340, **841–872**

- Зернов Н.М. 851
 Зилле 533
 Зильберод 772
 Зильберштейн И.С. 439, 441, 679
 *Зиновьев Г.Е. (Радомысльский О.-Г.А.) 203, 242, 328, 444
 Златовратский Н.Н. 921
 Злобин В.А. 12, 207, **209**, 215–217, 219–221, 223, 248, 255, 269, 272, 275, 281, 287, 291, 296, 300, 312, 313, 322–324, 327, 331, 364, 398, 401, 409, 410, 412–414, 424
 Зорохович М. 458
 Зорохович Ю.И. 544
 Зошенко М.М. 293
 Зубарев Д.И. 225, 274, 275
 Зубов Г.В. 583
 Зубова Л.В. 911
 Зуров Л.Ф. 53, 57, 679, 689, 696, 698, 750, 824, **873–908**, 914
 Зуров Ф.М. 875, 876

 Ибсен Г. (Ibsen H.) 527
 Иван IV (Иван Грозный) 499, 507, 670
 Иванников А.М. 911
 Иванников М.Д. 732, 733, **909–934**
 Иванникова (Алексеева) Л.А. 911, 927, 932
 Иванов А.С. 679–682, 684, 686, 689, 691, 695, 696, 702
 Иванов В.В. 917, 939
 Иванов В.И. 5, 31, 123, 157, 202, 203, 583, **935–988**
 Иванов Г.В. 14, 130, 131, 209, 210, 386, 390–393, 408, 689, 959
 Иванов Д.В. 937, 939, 940, 942, 951, **953**, 964, 977, 979, 981, 982, 984
 Иванов С.П. 941, 965
 Иванова Л.В. 937, 939, 951, **953**, 960, 963, 964, 980
 *Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) **368**
 Иванов-Ринов П.П. 397, **398**
 *Иванович Ст. — см.: Португейс С.О.
 Ивановская П.С. 580, 582
 Иваск Ю.П. 287, 912, 948
 Игнатъев П.Н. 610, **615**
 Идельсон А. 438
 Извольская Е.А. 963
 Извольский А.И. 631
 *Изгоев (Ланде) А.С. 221, 317, **318**, 482
 Издебский В.А. **806**
 Изнар С.А. 435
 Изюмов А.Ф. 239, 241, 767, 788, **789**

 Ильин В.Н. **296**, 958
 Ильин И.А. 110, 112, 120, 314, 315, 317, 322, 324, 326, 331–333, 335, 339–341, **528**, 533, 577, 578, 844, 845, 956, **958**
 Иоанн Кронштадтский (Сергиев И.И.) 364, **365**
 *Ионов (Бернштейн) И.И. 939
 Иоселев И.Р. 441
 Иртель фон Бренндорф П.М. **901**, 902, 903
 Исаков С.Г. 850

 Каган А.С. **890**
 Каганович Л.М. 563
 Казак В. (Kasack W.) 911
 Казаринов М.Г. **502**, 506
 Казаринова К.М. 502
 Казем-Бек А.Л. 552
 Калабина Е.О. 278, **279**
 Калантаров Г.С. 687, 688
 Калантаров С. 687
 Калигула (Caligula) 692
 Калишевич Н.В. — см.: *Словцов Р.
 Каллаш М.А. (*Курдюмов М.) 318
 Калмановский Е.С. **798**
 Калнынь (Калныньш) Б. (Kalniņš B.) 625, 626, **627**
 Калнынь К.И. (Kalniņa A.L.K.) 626, **627**
 Калнынь (Калныньш) П. (Kalniņš P.) 626, **627**
 Кальманович С.Е. 434
 *Каменев (Розенфельд) Л.Б. 444, 637, 655, 715
 Каменева О.Д. 634, **637**
 Каменская В.А. 180, 205
 Каменский В.В. 938
 Каминка А.И. **177**, 311, 454, 494, **495**, 496, 556, 559, 575
 Кампанари Е.Н.
 Кан С.А. 114
 Кант И. (Kant I.) 15, 31
 Кантор В.К. 964
 Кантор М.Л. 12, 46, 419, 617, 619, 811, 941
 Канторович Я.А. 560, **561**, 565
 Каплан М.С. 830, 892, **893**
 Каплун С.Г. 236, 424, 948
 Карабчевский Н.П. 435, 436
 Каракозов Д.В. 489
 Карамзин Н.М. 629
 Каратоццола М. (Caratozzolo M.) 677, 680, 681, 684, 695
 Карбасников Н.П. 371, 372, 494

- Карл V 715
 Карпов А.Ф. **865**
 Карпов С.Г. 629, **631**, 632
 Карпович М.М. 205, 781
 Карсавин Л.П. 104, 958
 Каргашев (Каргашов) А.В. 14, 136, **215**,
 229, 230, 234, 241, 250, 251, 343, 350,
 351, 374, 375, 615, 851, 962
 Карцевский С.И. 107, 167
 Кассиан, епископ (Безобразов С.С.) **44**
 Каутский К. (Kautsky K.) 445, 626, 805, 807
 Каушанский Д.М. 526–528, 530
 Кауше Н.Г. 739, 740, 747
 Кац Б.-Ц. 488
 Кацис Л.Ф. 436
 Качоровский К.Р. — см.: Кочаровский К.Р.
 Кейдель В. фон (Keudell W. von) 133, **134**
 Кельнер В.Е. 435, 438, 442, 443, 454, 458,
 463, 547, 639, 659, 670, 671
 Кельзен Г. (Kelsen H.) 530
 Кепинов Л.И. 557
 Керенская Т.Ф. (Т.-Н.-Л.) 835, 836
 Керенский А.Ф. 44, 128, 139, 152, 157, 165,
 167, 186, 188, 192, 203, 213, 226–228,
 230, 233–235, 238, 244, 391, 396, 397,
 399, 400, 404, 443, 463, 468, 469, 471,
 520, 556–559, 586, 596, 601, 604, 605,
 609, 614, 615, 630, 632, 688, 715, 747,
 765, 767, 768, 777, 793, 798, 807, 823,
 828, 829, 831–837, 839
 Керенский Г.А. (Kerensky G.) 632
 *Керженцев (Лебедев) П.М. 938, 939
 Кетчер Н.Х. 492, 552
 Кизеветтер А.А. 101, 149, 317, **318**, 322,
 323, 463, 473, 478, 557, 571, 572, 586,
 619
 Киреевский И.В. 15, 31
 Киркегард С. — см.: Кьеркегор С.
 Киршон В.М. 659
 Кискевич Е.М. 930, 931, **932**
 Кистяковский Б.А. 650, **652**
 Кистяковский И.А. 499, 502, **503**, 506, 508
 *Кленовский (Крачковский) Д.И. 881
 Клепинин Д.А. 364, **365**, 366
 Клепинин Н.А. 364, **365**, 366
 Климов Е.Е. 482
 Ключников Ю.В. 234
 Клячко-Львов Л.М. 639
 Книшпер-Чехова О.Л. 703
 Кнорринг Н.Н. 119
 *Кнут Д. (Фиксман Д.М.) 335, 336, **340**,
 929, **930**, 931
 Кнутссон К. (Knutsson K.) 878
 Ковалева Е.А. 828
 Ковалевская А. 488
 Ковалевский Е.П. 844, 859, **860**
 Ковалевский М.М. 650, **652**, 663, 669, 672
 Ковалевский П.Е. (Kovalevsky P.) 471, 840
 Ковальчук С.Н. 451, 454, 482
 Коварская В.И. 561, **562**, 565
 Коварская Л.А. 562, **642**
 *Коварский И.Н. 35, 156, 382, **383**, 493,
 557, 562, 640, 641, **642**, 709, **729**, 759,
 768, 801
 Коган П.С. 938, 939
 *Козьма Прутков 684, 703, 705
 Койре (Койранский) А.В. (Koyré A.) 107,
 336
 Коковцов (Коковцев) В.Н. 176
 Кокошкин Ф.Ф. 522, **523**, 639, 650, 652, 654
 Колеров М.А. 232
 Колин Н.Ф. 681
 Кологривов И.Н. 191, 193, 196, 198, 202,
 203
 Коломбан, врач 879
 Колоницкий Б.И. 230, 233
 Колчак А.В. 159, 397, 398, 499, 506–508,
 535, 765, 769
 Коль Дж. — см.: Cole G.D.H.
 Комболин Ю.И. 920
 Коменский Я.А. (Komenský J.A.) 167
 Коммиссаржевская В.Ф. 488
 Кон С.С. 102
 Кондаков Н.П. (Kondakov N.P.) 14, 157,
 179
 Кондратьев А.А. **390**
 Кони А.Ф. 468, **483**, 484–488, 581, 582, 597
 Коновалов А.И. 547, 557, 710, **712**
 Коновалов С.А. 557
 Конради М.М. 222, **223**, 238, 239, 241
 Конюс (Рахманинова) Т.С. 904
 Корбе, madame 796
 Коренчевский В.Г. 377, **378**, 379
 Коркина Е.Б. 911
 *Кормчий Л. (Пирагис Л.Ю.) 481
 Корнилов Л.Г. 139, 213, 321, **322**, 394, 398,
 598, 609, 623, 688
 Корнфельд М.Г. 683, 684

- Коровин В.И. 679, 681
Королева Н.В. 353, 961
Короленко В.Г. 436, 438, 439, 442, 444, 447, 448, 451, 462, 464, 467–469, 477, 497, 529, 531, 586, 588, 613, 666, 674, 675, 715
Короленко Е.С. (А.С.) 447, 448, 462, **464**, 467, 477, 586
Коростелев А.А. 12, 46
Коростелев О.А. 6, 9, 12, 46, 95, 211, 246, 330, 682, 761, 832, 836, 912, 915, 929, 941
Корсаков С.Н. 169
Коссовский М.И. 490
*Коти Ф. (*Coty F.; Spoturno J.M.F.) 499, **501**
Кочаровский (Качоровский) К.Р. 377, **378**, 382, 812, **920**
Красавченко Т.Н. 51
Краснов П.Н. 925
Краснова Е.А. 443
Крашениников 648
*Крейд В. (Крейденков В.П.) 7
Крейнин Н.М. 441
Кремер И.Я. 543
Креслинг А.К. (Kresling A.) 948, **952**
Крестовская Л.А. 58, 87
Кривицкая (Прегель) Н.Б. («Нелли», «Нэлли») **467**, 545–547, 549, 550, 567, 574, 627, 628
*Кривицкий В.Г. (Гинзбург С.) 831
Кроль М.А. 155, 157, 557, 657, 807
Кронер Р. (Kroner R.) 116, 117, 949, 953, 956
Кроче Б. (Crocce B.) 100
Круг Г.И. 881
Круглевский А.Н. 532
Крупская Н.К. 41
Крушеван П.А. 436, 529, 531
*Крым (Нейман) С.С. 115, 624, **625**
Кугель А.Р. 436
Кудрявцев В.Б. 6
Кудрявцев П.Н. 539
Кузмин М.А. 285
Кузнецова Г.Н. 53, 679, 750, 824, 825, 827, 877–880, 882, 883, 887, 893, 894, 949
Кузнецова О.А. 679
Кузьмина-Караваева (Скобцова) Е.Ю. (Мать Мария) 203, 320, 339, 340, 365, 552, 754, 839, 845, 847, 862, 870
Кулидж А.К. (Coolidge A.C.) **785**
Кулидж Дж.К. (Coolidge J.C.) 779, **780**, 786
Куликов С.В. 763
Куликова М.В. 843
Кулишер Е.М. 433, 458
Кулишер М.И. 434
Кульман Н.И. 726
Кульман Н.К. 251, 330, 472, 473, 475, 545, 557, 616, 720, 726, 741, 752, 854
Купер Дж.Ф. (Cooper J.F.) 752
Куперник Л.А. 434
Куприн А.И. 234, 244, 245, 285, 292, 306, 550, 557, 718, 719, 724, 732, 733, 753, 876, 914
Куракина 189
Курбатов Д.М. 616, 617
Курлов П.Г. 631
Курциус Э.Р. (Curtius E.R.) 957
Кускова Е.Д. 136, 138, 149, 183, 202, 203, 216, 233–236, 239, 244, 285–287, 289, 317, 318, 323, 332, 333, 335, 547, 557, 766, 789–791, 833–835, 837, 838, 955, **957**
Кутепов А.П. **382**
Кучера Ц. 99
Кучеров С.Л. 434
Кьеркегор (Киркегард) С. (Kierkegaard S.) 31, 196, 198, 202, 203
Лавров[?] 705
Лавров А.В. 217, 230
Лаговский И.А. 851, **852**, 853
Ладинский А.П. 16, 25, 34, 35, 53, 59, 164, 335, 336, 632, 927
Лазарев А.М. 196, 197
Лазарев Е.Е. 576, **577**, 782, **783**, 808
Лазаревский Н.И. 522, **523**
Лазаренко А. 525
Лазерсон Максим Я. 440, 449–451, 453, 454, 458, 468, **469**, 470, 475, 479–482, 490, 525, 526, 547
Лазерсон Морис Я. **449–450**
Лазерсон П.Ф. 470
Ландау А.Е. 577
Ландау Г.А. 104, 311, 517, 518, 575, 576, **577**, 578–580, 637
Ландау М.А. – см.: *Алданов М.А.
Ландау Т.М. – см.: *Алданова Т.М.
Ланжевен П. (Langevin P.) **452**
Лаппо-Данилевский К.Ю. 6
Лапшин И.И. 169, 955, **957**

- Ла Прадель А.Ж. (La Pradelle A.G. de) 515, **517**
- Лассаль Ф. (Lassalle F.) 110, 117
- Лацкий-Бергольди В.И. 453
- Лачинова В.Д. 970
- Лебедев В.И. 152, 765, 766, 806, **807**
- Лебедева (Фондаминская) Р.И. 805, 818, 835
- Леви-Брюль Л. (Lévy-Bruhl L.) 699
- Левин Л.Л. 466
- Левина М. 894
- Левитская М.А. 856, **857**
- Лемстер М. 783
- *Ленин Н. (В.И.) (Ульянов В.И.) 39, 41, 130, 131, 160, 203, 242, 243, 244, 248, 256, 271, 397, 437, 444, 595–597, 601, 604, 606, 609, 614, 651, 655, 659, 660, 682, 805, 817, 959
- Леночка – см.: Шполянская Е.А.
- Леонидов В.В. 763
- Леонтьев А.А. 463
- Леопарди Дж. (Leopardi G.) 583
- Лермонтов М.Ю. 368, 448, 703, 881, 912, 932
- Лесков Н.С. 471, 549, 925
- Лескова М. 561
- Лессен Б. (Lessen B.) 963
- Либер М. 657
- Ливак Л. (Livak L.) 19, 25, 311
- Лизогуб Ф.А. 503
- Линев А.Л. 924
- Липеровский Л.Н. 851, **852**
- Лихошерстов А.А. **784**
- Ллойд Джордж Д. (Lloyd George D.) 242, **243**
- Ло Гатто Э. (Lo Gatto E.) 715, 937, **969**, 971, 972
- Лозинский Г.Л. 19
- Лозино-Лозинский К.К. **856**
- Ломоносов А.В. 422
- Лонге Ж. (Longuet J.) 699, **701**
- Лопатин Г.А. 560
- Лопатин Л.М. 311, 391
- Лопатина Е.М. – см.: *Ельцова К.
- Лосская В.К. 7
- Лосский Б.Н. 365, 704
- Лосский В.Н. 863
- Лосский Н.О. 44, 104, 107, 112, 119, 120, 123, 124, 155, 157, 160, 170, 270, 273, 312, 313, 334, 336, 797, 844, 848, 863, 866
- Лотоцкий О. (Łotocki A.) 663, **664**
- Лубяникова Е.И. 911
- Лудиньш (Лудынь) В.И. 510, 533
- Лукаш И.С. **230**, **477**, 884
- Луначарский А.В. 328, 436, 510, 546, 547, 655, 659, 715, 938, 961
- Лурье А.О. – см.: Гавронская А.О.
- Лурье А.С. 339, **340**, 350, 351
- Лурье Л.Я. 958
- Лутохин Д.А. 920, 921
- Луцкий С.А. 639
- Львов Г.Е. 108, 109, 313
- Любимов 536
- Любимов Л.Д. 377, **378**, 379, 380, 563
- Людвиг Э. (Ludwig E.) **691**, 697
- Людендорф Э.В.Ф. (Ludendorff E.W.F.) 223, **224**, 231
- Людовик XIV (Louis XIV) 240
- Люксембург Р. (Luxemburg R.) 626
- Лютер А. (Luther A.) 946, **948**, 949
- Лютер М. (Luther M.) 419, 420, 600
- Ляцкий Е.А. (Ljackij E.) 108, 137, 274, 296, 311, 315, 322, 328, 336, 341, 722
- Магаротто Л. (Magarotto L.) 682, 941
- Мазон А. (Mazon A.) **776**
- Мазор М.М. 434
- Макаревич Е.В. 7
- Макаренко А.С. **472**
- Макаренкова Е.М. 6
- Макдональд Дж. Р. (MacDonald J.R.) 224, 231, **232**, 500, **503**, 504, **637**, 638
- Макеев Н.В. 47, **694**, 697
- Маклаков В.А. 6, 101, 135–137, 139, 140, 143–146, 149, 174, 178, 179, 191, 193, 394, 395, 436, 499, 504, 544, 556, 557, 580, 582, 583, 589, 606, 612, 662, 839, 840, 847
- Маклепов А.В. 127
- Маковский С.К. 210, 213, 372, 940
- Макса П. (Маха Р.) **835**
- Максвелл Д.Д. 435
- Максимович Е.Ф. 203
- Максимович М.А. 664, 665
- Малашкин С.И. 401
- Малмстад Дж. (Malmstad J.) 961
- Малянтович П.Н. 580, **582**
- Мамченко В.А. 419
- Мандельштам А.Н. 557
- Мандельштам О.Э. 443
- Мандельштам Ю.В. 165

- Манн Т. (Mann Th.) 980
Мануилов А.А.
Манухин И.И. 292, 317, **318**, 335, 339, 342, 548, 557, 616, 657, 711, 819, **893**
Манухины 346, 347, 352
Марагам Н.И. 460
Марат Ж.-П. (Marat J.-P.) 619
Марголин Д.С. 646, 647, **649**
Маргулиес М.С. 502, 557
Марлон П.Ж.А. (Marion P.J.A.) 102, 144, **145**
Маритен Ж. (Maritain J.) **200**, 201, 205
Марк Виниций (Marcus Vinicius) 692
Маркиш Ш. 445, 449, 547
Марков А.Ф. 679
Марков А.П. 111, 112, 187, 188, 222
Марков (2-й) Н.Е. 223, **224**, 231, 310, 328
Маркс А.Ф. 438
Маркс К. (Marx K.) 110, 117, 130, 131, 557, 687, 688, 701, 766, 768
*Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 833
Мартьянов А.В. 945
Мартьянов Н.Н. 775, 777
Маршак А.О. (И.И.) 56, **68**
Маршак Я.И. 102, 142, 143, 147, 156
Масарик Т.Г. (Masaryk T.G.) 149, 155, 157, 178, 179, 193, 668, **669**
Маслин М.А. 39, 97, 843
Маслов С.С. 333
Мать Мария — см.: Кузьмина-Караваева Е.Ю.
Маха К.Г. (Mácha K.H.) 203
Маяковский В.В. 230, 233, 236, 239, 240, 245, 268, 938
Медведев Ф.Н. 679
Меерович 506
Мейер Г.А. 40, **45**, 46
Мельгунов С.П. 335, **336**, 339, 340, 476, 724, 780
Мельникова-Папоушкова Н.Ф. 198, 203, 557, 736
Мендерс Ф. (Menders F.) 625, 626, **627**
Менегальдо Е. (Menegaldo H.) 51
Меньшиков М.О. **523**
Меньшиков Я.М. **523**, 529
Мервис 443
Мережковский Д.С. 14, 39, 42–44, 52, 101, 119, 120, 149, 150, 153, 155, 157, 178, 179, **207–429**, 440, 468, 470, 486, 487, 530, 556, 557, 615, 616, 659, 716, 718, 724, 753, 956, 959, 961
Мерзляков А.Ф. 622
Метальников С.И. 557
Метастазιο П. (Metastasio P.) 952
Метнер Э.К. 143, 962, **964**
Мец А.Г. 443, 477
Милашевский А.В. 777
Мильеран А. (Millerand A.) 242, **243**
Мильруд М.С. 448, **480**, 481, 534, 587, 658, 766
Милюков П.Н. 24, 79, 81, 82, 119, 120, 145, 146, 149, 151–154, 163, 164, 173, 174, 176, 177, 187, 188, 191, 193, 196, 198, 199, 205, 213, 214, 216, 228, 229, 232, 234, 238, 240, 242, 244, 246, 247, 251, 257, 307, 309, 321, 325, 326, 328, 340, 341, 344, 345, 361, 362, 364, 366, 367, 369, 371, 374, 394–401, 408, 418, 423, 438, 446, 448, 455, 456, 458, 463, 478, 481, 482, 487, 493, 526, 531, 542, 543, 545, 547, 556–558, 565, 568, 571, 572, 576–578, 580, 581, 583, 584, 587–589, 591, 592, 598, 600, 602, 614, 616, 617, 628–632, 635, 647–649, 662–664, 666, 667, 672, 673, 675, 681, 682, 703, 705, 708, 710, 711, 777, 786, 788–790, 829, 831, 845, 922, 923, 927, 979, 980
Милюкова А.С. 630, **632**
Минов О.С. 765, 771, 772, 777
*Минский (Виленкин) Н.М. 222
Минц П.М. 451, 453, 454, **475**, 476, 481, 490, 513, 514, 614, 624
Минцлов С.Р. 230, 291, 292
Миркин-Гецевич Б.С. (*Мирский Б.) 118, **120**, 283, 557, **560**, 618, 710, **711**
Миролобов В.С. 374, **375**
Миронов М.П. **550**
Миронов П.Г. 434
Михайлов О.Н. 765
Михайловский Н.К. 715
Михальченко С.И. 274, 722
Михельсон А.М. 557, 710, **711**
Мнухин Л.А. 7, 8, 729
Могилевский В.А. 839
Могиланский Н.М. 843
Можаева Л.А. 340, 365
Моиссенко Е.И. 281, **282**
Моле В. (Molè V.) 102, 183, **185**
Мопассан Г. де (Maupassant G. de) 52
Мордухович А.С. 438
Морковин В.В. 206
Морозов К.Н. 240, 632

- Морозов Н.А. 438
 Морозов С.В. 238, **239**
 Мосолов А.А. 635, **637**
 Мотт Дж.Р. (Mott J.R.) 853
 Моцарт В.А. (Mozart W.A.) 639
 Моцкин Л.Е. 452
 Мочульский К.В. 22, 39, 239, **240**, 362, 421, 720, 753, 834, 835, 839, 856, 862, 898
 Муравьев М.Н. 487, 489
 Муравьев Н.К. 580, **582**, 629, **631**, 635
 Муравьева-Логинова Т.Д. 880
 Муратов П.П. (Muratov P.P.) 14, 219, 220, 339, 715, 716, 939, 947, 949
 Муратова К.Д. 6
 Мусоргский М.П. 955
 Муссолини Б. (Mussolini B.) 139, 178, 223, **224**, 231, 236, 499, 504, 921
 Мутэ М. (Moutet M.) 839, **840**
 Муханов А.А. 586, **588**
 Мысляков В.А. 97
 Мыш М.И. 645, **647**
 Мягкова (Савинкова) В.В. **797**
 Мякотин В.А. 135, 149, 341, 438, 476–479, 557, 586, 666
 Мясоедов С.Н. 439, 459, 461, 615

 Набоков В.В. (*Сирин В.) 23, 54, 57, 59, 101, 102, 130, 131, 149, 155, 157, 163, 164, 171, 177–179, 186, 188, 193, 196–198, 392, 393, 526, 527, 563, 573–575, 605, 630, 633, 679, 686, 689, 690, 698, 718, 719, 882, 912, 915, 916, 918, 919, 923–926, 931
 Набоков В.Д. 177, 438, 442, 448, 457, 490, 520, 522, 529, 530, 605, 610
 Набоков К.Д. **605**, 609
 Набокова Е.И. **177**
 Нагловский А.Д. (*N.N.) 197, 198, 203
 Надсон С.Я. 247, 434
 Назаров М.В. 872
 Найдич В.И. **446**
 Найдич И.А. 433, 445, **446**, 447–449, 454, 458, 547, 643, 644
 Нансен Ф. (Nansen F.) 511, 566, 711
 Наполеон (Napoléon Bonaparte) 321, 359, 360, 362, 363, 366, 367, 371–373, 376, 691
 Насатисин М.О. 451, 452
 Наумов О.В. 436

 Небольсин А.Р. 39
 Недзельский Е.Л. 911
 Недошвина Н.А. 70, 72, 122, 384, 386, 838, 905
 Некрасов А.И. 14
 Некрасов Н.А. 239, 355, 442, 487, 489, 492, 549, 552, 632, 666
 Нелли – см.: Кривицкая Н.Б.
 Неманов Л.М. **708**
 Немирович-Данченко Вас. И. **752**
 Немирович-Данченко Вл. И. 703, 752
 *Нео-Сильвестр (Гроссен Г.) 443, 481
 Нерон (Nero) 692
 Нечаев В.П. 911, 920, 930
 Нечаев С.Г. 131
 Нивьер А. (Nivière A.) 7, 39, 48, 843, 852, 871, 872
 Никаноров И. 368
 Никитин Н.Н. 268
 Никифоров Н.И. 135
 Николаев Д.Д. 765, 930
 Николаев С.Н. 795, 796
 Николаевский Б.И. 409, 449, 769, 797, 798, 832, 833, 835
 Николай I, имп. 253, 254, 663
 Николай II, имп. 279, 358, 439, 598, 601, 637, 648
 Николюкин А.Н. 211, 218, 436
 Никоненко С.С. 52
 Нитти Ф. (Nitti F.) 774, 775
 Ницше Ф. (Nietzsche F.) 955, 977
 Нобель Э. (Nobel E.) 445, 657, **660**, 895
 Нобли (чета Нобель?) 692
 *Новалис (*Novalis; Hardenberg G.Ph.F.) 943, 976–978
 Новгородцев П.И. 143, 144, 520, **521**
 Новиков В.Н. 498, 500, **501**, 502, 504, 506–509, 518, 606
 Новожилов Н.Ф. 146, **147**, 162, 165
 Новомейский М. 446
 Новоселов М.А. 375
 Новоселов Ю.Д. 165, 166, **167**, 857, 858
 Польде Б.Э. 557
 Носович В.П. 241, 609, **614**
 Нэлли – см.: Кривицкая Н.Б.
 Нюша – см.: Вишняк А.А.

 Обатнин Г.В. 941
 Обер Р. 953

- Оберучев К.М. 780, **781**, 783
Оболенский Валериан А. 872
Оболенский Владимир А. 153, 532
Обухова (Обухова-Зелинская) И.В. 680, 684, 696, 706, 708
Одинец Д.М. 18, 25, 143, 144, 456, 673, 830, **856**
Одинцов М. 369
Одоевский В.Ф. 268
*Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 54, 89, 210, 679, 689, 912
Озерецковский Г.Е. 552
Окунев Н.Л. 183–185
Олейников Г.П. 894, **895**
Ольдекоп Е.В. 501
Оречкин Б.С. 436, 438, 451, 482, 484
Орешин И.Е. **747**
Орлова О.М. 51, 53, 54, 57, 81, 83
Осипов Н.Е. 170
Осовский Е.Г. 98
*Осоргин (Ильин) М.А. 11, 52–54, 60, 63, 64, 88, 101, 102, 107, 108, 112, 119, 120, 130, 131, 149, 155, 157, 186, 188, **228**, 229, 232, 234, 244, 286, 287, 289, 317, 323, 325, 326, 329, 334, 336, 401, 423, 557, 580, 630, 632, 694, 715, 716, 722, 723, 725, **743**, 767, 837, 838, 886, 920, 921, 923, 927
Осоргин М.М. 47, **48**, 853
Осоргина Р.Г. 693, **694**, 695, 697, 705, **722**, 723
Осоргина Т.А. — см.: Бакунина-Осоргина Т.А.
Островский А.Н. 833
Осьминина Е.А. 215
Оцуп А.А. — см.: *Горный С.
Оцуп Н.А. 309, 310, 313, 339, 387, 391, 474, 940

Павел I, имп. 420
Павлов А.Т. 166, **167**
Павлова М.М. 225, 389
Павловский М.Н. **758**, 980
Паисий Величковский 848, 865
Панина С.В. 382, **383**
Папоушек Я.Ф. (Papošek J.) 24, 766
Парамонов Н.Е. 440, 499
*Парвус А.Л. (*Parvus; Гельфанд И.Л.) 487, **488**, 774, 775
Парфений, иеромонах (Агеев П.) 141, **142**
Пархомовский М.А. 444, 679, 680, 684
Парчевский К.К. 870, **871**
Паскаль Б. (Pascal B.) 114, 258
Пасманик Д.С. 332, **333**, 341
Пассовер А.Я. 501
Пастернак Б.Л. 12–14, 17, 285, 938
Пастухов В.Л. 302
Патуйе Ж. (Patouillet J.) **776**
Пахмусс Т.А. (Pachmuss T.) 209, 213, 217, 218, 230, 240, 250, 259, 311, 353, 401, 961
Пеллегрини А. (Pellegrini A.) 961, **963**
Переверзев П.Н. 656, **660**, 839
Переферкович Н.А. 453
Перешнева К.М. 851, **852**, 871
Перцов П.П. 212
Песталоцци И.Г. (Pestalozzi J.H.) **123**
Пестель П.И. 467
Пети (Пти) (Балаховская) С.Г. (Balakhowsky-Petit S.) 310, **311**, 776, 828
Пети (Пти) Э. (Е.Ю.) (Petit E.) 310, **311**, 828
Петкова Г. 8
Петлюра С.В. 452, 485
Петр I, имп. 420, 966
Петражицкий Л.И. (Petrażycki L.) 494, **495**, 496, 525, 531, 532, 534
Петрарка Ф. (Petrarca F.) 583
Петренко Е.Л. 98
Петрищев А.Б. 455, 456, **476**, 557, 662, 667, 790, **791**, 839
Петров А.А. 631, 632
Петровская К. 680, 681, 696
Петровская Н.И. 948
Петровский Ф.А. 977
Печерин В.С. 172, 429
Пешехонов А.В. **221**, 232, 245, 319, 320, 322, 323, 325, 326, 332, 333, 335, 438, 462, **463**, 464, 476, 531, 552, 563, 565, 566, 570–574, 578, 580, 581, 583, 634
Пешехонова А.Ф. 463
Пилсудский Ю. (Pilsudski J.) 179, 230
*Пильняк (Wogay) Б.А. 245, 253, 256, 268, 917
Пильский П.М. 14, **385**, 456, 654, 657, 658, 662, 912, 913, 915, 917, 918, 923, 924, 926, 942
Пиндар 965
Пирогов В. 439, 451, 459, 460, 462, 463, 531
Пирогов Н.И. 848, **850**
Питоев Ж. (П.И.) **758**

- Питоева Л.Я. **758**
 Пицкель Ф.Н. 439, 488, 644
 Платон 107, 204, 845, 865, 951
 Платонов С.Ф. 173, 174
 Плевако Н.Ф. 616
 Плеве В.К. 344, 581–583
 Плетнев Е. 502
 Плеханов Г.В. 438
 Плещеев А.Н. 260–265, 268
 Плотин 107
 По Э.А. (Рое Е.А.) 52
 Поволоцкий Я.Е. 53, 371, **372**, **493**, 770, 771
 Погосьян – см.: Тер-Погосьян М.М.
 Погосьян М. 839, **840**
 Подбельский В.Н. 548
 Позднякова Г.И. 681
 Познер В. 639
 Познер В.С. 702, **703**
 Познер С.В. 53, 438, 441, 456, 458, 547, 611, 615, 616, 657, 670
 Покровская М.И. 548
 Полевицкая Е.А. 477
 Полищук Е.С. 368
 Полнер Т.И. 138
 Полонские 725
 Полонский Я.Б. 458, 469
 Полонский Я.П. 260–263, 265, 268
 Полторацкий Н.П. 39
 Полторацкий П.Г. 118, 579
 Полунин А.П. 223
 Поль К.А. (Pohl К.А.) 24
 Поляков А.А. 549, **550**, 708
 Поляков А.В. 39
 Поляков (*Литовцев) С.Л. 616, **659**
 Поляковы 708, 710
 Помяловский Н.Г. 593, 595, 597, 612
 Пономарев Е.Р. 832
 Пономарева Е.В. 487, **488**
 Поплавский Б.Ю. 52, 53, 59, 61, **70**, 71, 165, 188, 408, 415–417
 Попов В.В. 829, **830**
 Попов И. 51, 758
 Попова Н. 51, 758
 Пороховщиков П.С. 457, **471**, 473, 486, 487, 629
 Португалов В.В. 548
 Португалов В.П. 333
 Португейс С.О. (*Иванович Ст., *Талин В.И.) 108, 109, 111, 119, 120, 145, 146, 149, 178, 179, 191–193, 198, 320, 333, 359, 387, 389, 464, 471, 721, 769
 Постников С.П. 99, 283, 766, 828, 911
 Потехин П.А. 435
 Потресов С.В. – см.: *Яблоновский С.
 Прат, врач 624, 628
 Прегель (Авксентьева) А.Н. **219**, 444, 822, 836, 838
 Прегель Б.Ю. **444**, **467**, 547, 822, 836
 Прегель С.О. – см.: Грузенберг (Прегель) С.О.
 Пресняков А.Е. 17, **18**
 Примочкина Н.Н. 440
 Присманова (Присман) А.С. 15, 58, **92**
 Пришвин М.М. 245, 255
 Прокопенко А.П.
 Прокопов Т.Ф. 209, 720, 722, 726
 Прокопович С.Н. 132, 167, 216, 236, 238–241, 312, 313, 463, 566, 650, **652**, 777
 *Прокофьев П. – см.: Чижевский Д.И.
 Прополянис Г.Э. 449
 Протасов Л.Г. 441, 443
 Протопопов В.Д. 488
 Протопопов Д.Д. 488
 Пруст М. (Proust М.) 390, 392
 Пти С.Г. – см.: Пети С.Г.
 Пти Э. – см.: Пети Э.
 Пуанкаре Р. (Poincaré R.) 223, **224**, 231
 Пугачев Е.И. 582
 Пуришкевич В.М. 546, 548, 597
 Пустет Ф. (Pustet F.) 960, **961**
 Пушкин А.С. 15, 29, 60, 230, 253, 254, 268, 276, 283, 322, 423, 429, 448, 454, 473, 485, 501, 518, 554, 555, 557, 582, 616, 639, 692, 740, 747, 812, 916, 919, 924, 930, 942, 943, 954, 966, 969–973, 975, 977, 978
 Пьянов Ф.Т. 868, 869, **870**
 Рабинович Б.Н. 795, 799, **800**, 801, 802, 823, 824
 Рабиновичи 794
 Равдин Б.А. 7, 514
 Раев М. (Raeff М.) 323, 463, 473, 572
 Раич С.Е. 622
 Райт-Ковалева Р.Я. 880
 Раkitин Ю.Л. 913
 Рапопорт (Рапопорт) Ю.К. 202, 203

- Рар Л.А. 872
*Раскольников (Ильин) Ф.Ф. **832**, 939
Раскольников М.В. **832**, 833–835
Раскольников М.Ф. **832**, 834
Распутин (Новых) Г.Е. 423
Ратьковский И.С. 466
Раупах Р.Р. фон 439
Рафаэль (Raffael Santi) 715
Рафальский С.М. 911–913, 920, 929, **930**, 931
Рахманинов С.В. 904
Рейлли С.Дж. (Reilly S.G.) 274, 275
Реймерс Н.А. 15, 31
Рейфман П.С. 913
Рейхль О. (Reichl O.) 960, **961**
*Ре-ми (Ремизов Н.В.) 681
Ремизов А.М. 12, 101, 119, 120, 196, 197, 219, 220, 222, 234, 244, 245, 270, 279, 306, 336, 472–474, 557, 559, 716, 717, 719, 722, 776, 794, 795, 839, 869, 915, 939, 956, 958, 980
Ремизова-Довгелло С.П. 776
Ренар Ж. (Renard P.-J.) 699
Ренн Л. 151
*Ренников (Селитренников) А.М. 360, **361**
Репин И.Е. 444
Решьева Е.И. 165, 166, **167**, 856–858
Рильке Р.-М. (Rilke R.-M.) 937, 940
Риттенберг С.А. 915, 942
Рихтер Ф.В. 786
Робеспьер М. (Robespierre M. de) 619
Рогачевский А.Б. 614
Роговский Е.Ф. **839**
Родичев Ф.И. 435, 563, **565**, 586
Рожков Н.А. 548
Розанов В.В. 52, 219–222, 258, 259, 421–424, 436
Розенберг А. (Rosenberg A.) **26**, 533
Розенберг И.С. 441
Розенберг К. (Rosenberg K.) 948, **956**
Розенфельд О.И. 699
Розов И.А. 441
Романенко А.Д. 717, 750
Романовский Н. 560, 561, 565
*Ропшин В. — см.: Савинков Б.В.
Россель Л.В. **806**
Ростова О.А. 713, 725, 749
Ростовцев М.И. 13, 14, 146, 149, 151, 165, 167, 191, 193, 599, **600**, 979, 980
Рубинштейн Я.Л. 500, **504**, 508, 509, 541, 557, 859
Рудин А.К. 525
Руднев В.В. *passim*
Руднев М.О. 189
Руднева В.И. 72–74, 76–78, 83–88, 90–92, 200, 202, 444, 693–695, 739, 744, 764, 784, 792, 798, 805, 807–809, 812, 822–825, 827–829, 835, 838, 890, 891, 894, 895, 900, 903, 907, 908
Руднева Т.М. 189
Рузвельт Ф.Д. (Roosevelt F.D.) 172, 187, 189, 194, 196
Румянцев А.Р. 442
Руоф Г. (Ruoff H.) 531
Русанов Н.С. 611, **616**
Русиц 520
Руссо Ж.-Ж. (Rousseau J.-J.) 60
Рутенберг П.М. 444, 598, 643, 658, 675, 798
Рыбаков М.А. 679
Рывкин М.Д. 442
Сабанеев Л.Л. 197, 198, 203, 970
Саблин М.П. **608**
*Савельев А. — см.: Шерман С.Г.
Савинков Б.В. (*Ропшин В.) 226, 229, 230, 235, 237, 244, 245, 249–252, 256, 273–275, 294, 396, 399, 400, 404, 838
Савинков Л.Б. 419, 837, 838
Савинкова Е.И. — см.: Ширинская-Шихматова Е.И.
Савицкий П.Н. 15, 30, 104, 118, 120, 156, 164, 957
Савич И.Я. **251**, 616
Савич Н.С. 490, 503, 508
Сазонов Д.П. 329
Сазонов Е.С. — см.: Созонов Е.С.
Сазонов С.Д. 364, 365
Сазонова (Слонимская) Ю.Л. 57, 329, 330
Салиас-де-Турнемир Е.А. 704
Салов И.А. 772, **773**
Салтыков-Щедрин М.Е. 442, 613, 616, 617
Салтыкова-Щедрина О.М. 617
Салтыковы 616
Сальери А. (Salieri A.) 639
Самков В.А. 441
Санина Л.С. **758**
Сапов В.В. 39, 97, 843, 964
Сарников Н.Г. 259
Сартр Ж.-П. (Sartre J.-P.) 980
Сафонова Е.И. 730
Сафра 452
Саханев В.В. 102, **125**, 126
Свердлов Я.М. 547
Сверчков Д.Ф. 500, 503

- Свет Г. 453
 Светозаров В.Н. 108
 Святицкий Н.В. 158, **159**
 Святополк-Мирский Д.П. (Mirsky D.S.) 105, 328, 336, 340, 344, **345**, 389, 682, 939, 957, 958
 *Северянин И. (Лотарев И.В.) 268
 Сегал Д.М. 953
 Сегал Н.М. 953
 Седова Е.Е. 98
 *Седых А. (Цвибак Я.М.) 210, 211, 457, 469, 551, 679, 682, 689
 Сеземан В.Э. 106, **107**
 Селин Л.-Ф. (Céline L.-F.) 52
 Семевский В.И. 466, **467**
 Семевский М.И. 466, **467**
 Семенов Г.М. 397, **398**
 Семенов Ю.Ф. 210, 583
 Семенов-Тянь-Шанский А.Д. 562
 Сенкевич Г. (Sienkiewicz H.) 692
 Сент-Экзюпери А. де (Saint-Exupéry A. de) 980
 Серафим Саровский (Мошнин П.И.) 296
 Сергеев-Ценский С.Н. 255
 Сергеева А. 798
 Сергей, митрополит (Страгородский И.Н.) 213, 368, 369, 863
 Сергей Радонежский 296, 312, 313, 954, 957
 Серебрянников И.И. 769
 Серков А.И. 7, 53, 54, 763, 839
 Серов В.А. 440, 441, 444
 Сидамон-Эристов Г.Д. 663, **664**
 Сизов А.С. **806**
 Симон Н. 832–835
 Симонович (Симанович) В.О. 454, 490
 Синайский В.И. 481, **482**, 495, 503, **865**
 Синклер Э. (Sinclair U.) **787**
 *Сирин В. — см.: Набоков В.В.
 Скобцова Е.Ю. — см.: Кузьмина-Караваева Е.Ю.
 Скоропадский П.П. 503, 508, 664, 669
 Скрябин А.Н. 967, 970, 971, 975
 Скуенек М. 482
 Слиозберг Г.Б. 434, 441, 452, 557, 645, **647**
 *Словцов Р. (Калишевич Н.В.) 80, 81, 251, 492, **493**, 532, 585, 615, 702, **703**
 Слоним М.Л. 52, 56, 76, 283, 388, **389**, 401, 777, 806
 Слонимская Ю.Л. — см.: Сазонова (Слонимская) Ю.Л.
 Слонимский Л.З. 436
 Слонимский М.Л. 245
 Смирнова А.А. 875
 Смоленский В.А. 165, 974, 975, 983
 Соболев А.Л. 355
 Соболев М.И. **850**
 Соболев *А. (Ю.М., И.М.) 437
 Созонов (Сазонов) Е.С. 343, 344, **345**, 346, 347
 Соколов А.Т. («Хлопуша») 581, **582**
 Соколов Б.Ф. 460
 Соколов Г. 336
 Соколов Н.Д. 464, 580, **582**
 Соколов П.А. 502
 Солженицын А.И. 437, 881, 882, 912
 Соллогуб А.В. 749
 Соллогуб (Зайцева) Н.Б. 725, 726, 749, 753
 Соллогуб (Зайцевы-Соллогуб) 747
 Соловейчик С.М. 557, 788, 790, 807, 830, 833, 834, 835, 839
 Соловьев А.К. 657, 660
 Соловьев В.С. 44, 129, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 142, 145, 149, 150, 153, 155, 158, 235, 273, 302, 305, 317, 318, 324, 330, 331, 333, 335, 337, 368, 370, 845, 856, 951, 952
 *Сологуб (Тетерников) Ф.К. 12, 255, 258, 259, 265, 291, 388, 389, 780
 Солоневич И.Л. 178, 179, 187, 188
 Сорель Ж. (Sorel G.) 817
 Сорокин П.А. 629, **631**, 779, 881
 Сосинский В.Б. 552
 *Софиев (Бек-Софиев) Ю.Б. 552, 880
 Спасовский М.М. 421, **422**
 Спасский Г.А. 616
 Спиридонова Л.А. 680, 684
 *Сталин (Джугашвили) И.В. 139, 178, 187, 188, 345, 437, 444, 507, 650, 651
 Сталинский Е.А. 278, 789, 790, 806, 831
 Старынкевич С.С. 506, **508**
 Стасов Д.В. 655, **659**
 Стасова Е.Д. 488, 655, **659**
 Стасюлевич М.М. 845
 Степун М.А. 824, 825, 827, 879
 Степун М.Ф. 947, **949**, 951
 Степун Н.Н. 47, 126, 204, 291, 406, 795, 797, 947, 951, 953, 956, 960, 962, 963, 973
 Степун Ф.А. 11, 13, 19, 43, 45–47, 54, 59, 60, 97, 101, 102, 106, 108, 119, 120, 123–126, 130–136, 138–141, 143, 144, 147,

- 149, 151, 156, 160, 165, 167, 171, 175, 176, 183, 191, 197, 202–204, 232–236, 244, 257, 270, 273, 286, 289, 291, 298, 305–308, 328–331, 334–336, 339–341, 344, 345, 353, 359, 362, 364, 366, 370, 371, 394, 395, 398, 402, 403, 406, 427, 429, 484, 528, 529, 534, 535, 551, 567, 568, 578, 580, 599, 605, 618, 665, 671, 674, 675, 716, 723, 795, 797, 824, 827, 844–847, 894, 898, 937, 939–942, 946–965, 973
- Столкинд А.Я. 433
 Стольпин П.А. 631, 747
 Столяров И.Я. **895**
 Стоюнина М.Н. 863
 Стравинский И.Ф. 340
 Стремоухов Д.Н. 942
 Стремоухова Н.П. 942
 Струве Г.П. 7, 19, 703, 719, 763, 913, 948
 Струве П.Б. 104, 210, 213, 221, 231, 232, 235, 241–243, 257, 309–312, 317, 328, 364, 365, 396, 518, 521, 576–579, 979, 980
 Струнская М.Е. (Strunsky M.G.) 782, 783, 787, 832
 Студницкий (Гизберт-Студницкий) В. (Gizbert-Studnicki W.) 494, **495**
 Ступницкий А.Ф. 508, 557
 Суворин А.С. 264
 Суворин Б.А. 439
 Суворин М.А. 293–295
 Сувчинский П.П. 104, 340, 364, **365**, 939, 957, 958
 Сульпассо Б. (Sulpasso B.) 969
 Сураг А. 440
 Сураг И.З. 518
 Сухарев Ю.Н. 7, 39, 97, 843, 852
 Сухомлин В.В. 777, 806
 Сухомлинов В.А. 439
- Таганцев Н.С. 597
 Тагер А.С. 436, 536
 Тагер П.С. 526, 527
 *Таиров (Корнблит) А.Я. 938
 *Талин В.И. — см.: Португейс С.О.
 Тан-Богораз В.Г. 792
 Танеев В.И. 582
 Тарасов-Родионов А.И. 924
 Тарле Е.В. 442
 Тартаковский А.Г. 7
 Тасин Н. 224
- Тасс[?] («Тассиха»), домовладелица 722
 Тассо Т. (Tasso T.) 622
 Татаринов В.Е. 683
 Таубер Е.Л. 911, 913, 916, 920, 927, 930, 931, **932**
 Таубер Л.Я. 932
 Тахо-Годи Е.А. 958
 Тейтель Я.Л. 448, 541, **542**, 543, 657
 Тейяр де Шарден П. (Teilhard de Chardin P.) 100
 *Темиряев Б. — см.: Анненков Ю.П.
 Тер-Погосян М.М. 839, **840**
 Терапиано Ю.К. 339, **340**, 353, 360, 368, 421, 758, 912, 913, 961, 983
 Терновский Е.С. 911
 Тесленко Н.В. 499, 502, 506, 557, **839**
 Тикстон П.А. **741**
 Тимашев Н.С. 102, 111, 112, 570, **571**, 612, 637
 Тимошина Е.В. 39
 Титаренко С.Д. 988
 Титов А.А. 557, 780, 796, 839
 Тихомиров Л.А. 396, **398**
 Тихоницкий Е.М. 496, **497**
 Тихонов А.Н. 460, 548
 Ткачев П.Н. 131
 Толпыго Б.Н. 139
 Толстая А.Л. 24, 101, 171–174, 191, 193, 202, 203, 584, **585**, 822
 Толстая С.А. 313
 Толстой А.Н. 340, 444, 681
 Толстой И.Л. 782, **783**
 Толстой Л.Н. 22, 46, 128, 135–138, 181, 193, 198, 206, 268, 358, 438, 442, 464, 516, 583–585, 612, 634, 647, 651, 653, 655, 656, 783, 901, 913, 919, 927, 930, 954, 963
 Тома А. (Thomas A.) 758
 Тома Г. (Thoma H.) 277, **278**
 Тонет М. (Thonet M.) 187, **188**
 Торрес А. (Torrès H.) 452, 453, 485
 Трахтерев О.С. 456, **501**, 502, 508
 Трегубов С.Н. 614
 Тренев К.А. 703
 Триббл К. (Tribble K.) 330
 Тривус И.А. 449
 Троицкий Н.А. 433, 435, 441, 442
 *Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 242, 439, 637, 655
 Трубецкая Е.И. 193, 198, 203
 Трубецкой Н.С. 104, 957, 958

- Трумпельдор И.В. 443
Трущенко Е.Ф. 766
Тузя — см.: Фондаминский И.И.
Тукалевский В.Н. 158, 159
Тумаркина А.С. **216**
Тумаркина М.С. — см.: Цетлин М.С.
Тургенев И.С. 46, 164, 285, 286, 401, 526, 527, 560, 567, 628, 629, 715, 718, 719, 736, 753, 924, 926, 968
Тухачевский М.Н. 892
Тэн И.А. (Taine H.A.) 636, **637**
*Тэффи (Бучинская) Н.А. 557, 683
Тюков Ф. 879
Тютюмов И.М. **495**, 496, 503
Тютчев Ф.И. 34, 35, 45–47, 230, 268, 605
- Уайз С. (Wise S.S.) 697, **698**
Ульманис К. (Ulmanis K.) 475, 624, **625**
Ульянкина Т.И. 318
Унгерн Р.А. 477
Уперов Ф.В. 748
Урысон И.С. 508
Урысон О.С. 508
Успенская (Мягкова) Л.А. **797**
Успенский Вас. В. 375
Успенский Вл. В. 375
Успенский Г.И. 787, 921
Успенский Л.А. 797
Устинов А.Б. 682, 941
Устрялов Н.В. 427, 428, **429**
Утевский Б.С. 439
Учитель А.Е. 875
- Федоров В.Г. 915
Федоров Н.Ф. 188
Федоров Ф.П. 930, 931
Федорова Л.В. 259
Федотов Г.П. 17, 24, 44–46, 139, 140, 145, 146, 149, 155, 157, 171, 173, 174, 178, 179, 191–193, 202, 348, 350, **351**, 364, 365, 402, 403, 406, 408, 429, 551, 552, 578, 580, 599, 798, 835, 843, 847, 861, 862, 898, 962, 970
Федотова Е.Н. 798, 835
Федякин С.Р. 915, 929
Фейгман Т.Д. 501
*Фельзен Ю. (Фрейдентштейн Н.Б.) 23, 56, 57, 76, 883, 896
Фербер Р.С. 451
Фет А.А. 46, 276
Филиппов А.И. 285, 294, **295**
- Философов Д.В. 211, 220, 234, 250, 255, 256, 274, 275, 279, 291, 292, 309, 310, 317, 318, 329, 332, 333, 335, 341, 404, 546, 548, 579, 961
Философова А.П. 546, **548**
Фихте И.Г. (Fichte J.G.) 845
Фишер И.А. 657
Флейшман Л.С. (Fleishman L.) 7, 311, 712
Флобер Г. (Flaubert G.) 60, 612
Флоровский А.В. 102, 134, **135**
Флоровский Г.В. 44, 139–141, 143, 144, 180, 187, 188, 197, 198, 366, **367**, 370, 847, 985
Фондаминская А.О. 171, 174, 175, 213, 217, 218, 224, 247, 248, 249, 252, 255, 258, 260, 269, 270, 272–274, 279, 281, 291, 297, 310, 318–320, 329, 332, 334, 337, 339, 346, 349, 352, 360, 364, 367, 378, 380–382, 390–392, 399, 401–403, 406, 413, 444, 540, 551, 564, 597–600, 622, 624, 638, 639, 641, 642, 763, 764, 768, 770, 771, 774–776, 778, 784, 787, 791, 792, 794–798, 803–805, 808–827, 872, 892–896, 949
Фондаминский И.И. (*Бунаков И., «Тузя») *passim*
Фондаминский М.И. 313, **314**
Форд Г. (Ford H.) 782
Формаков А.И. 906, **907**
Фостер Л.А. (Foster L.A.) 8
Фофанов К.М. **286**
Фофанова Л.К. **286**
Фохт В.Б. **340**
Фрагонар Ж.О. (Fragonard J.H.) 803, **804**
Фраже И. (Fraget J.) 187, **188**
Фраже Ю. 188
Франк С.Л. 31, 99, 104, 119–121, 145, 158, 164, 169–171, 179, 180, 257, 710, **712**, 843, 956, 981, 982
*Франс А. (*France A., Thibault F.A.) 247, 542, 597, 598, 636, 637
Франциск Ассизский (Francesco d'Assisi) 410–412, 420, 421
Фрейд З. (Freud S.) 955
Френкель И. 566
Фридман Н.М. 441
Фридрих И.Д. 883, 907
Фруг С.Я. 437
Фрумкин Я.Г. 441, 646, **649**
Фундаминский И.И. — см.: Фондаминский И.И.

- Хаджи А.С. 624, **625**
Хаджи И.С. **625**
Хазан В.И. 431, 444, 598, 639, 643, 658, 675, 783
Хаксли О. (Huxley A.) 100, 105
Хандерьян 611
Харитон, игумен (Дунаев Х.Н.) 739
Харитон Б.О. 219, **220**, 438, 502
Харламов В.А. 799, **800**
Хейфец И.М. 541, **543**
Херасков И.М. 176
Хирнова 382
Ходасевич В.Ф. 12, 14–16, 36, 44, 45, 57, 60, 70, 87, 101, 119, 120, 147, 149, 153, 178, 179, 213, 236, 294, 300, 309, 310, 312, 313, 318, 330, 334, 336, 339, 340, 344–347, 352, 353, 356, 357, 360, 361, 363, 371, 372, 375, 390, 392, 393, 417, 516–518, 521, 555, 557, 682, 697, 703, 718, 726, 730, 732, 733, 740, 912, 914, 915, 918, 919, 924, 928, 929, 937, 938, 941
*Хрусталеv (Носарь) Г.С. 439
Хуфен К. – см.: Hufen Ch.
Цветасва М.И. 5, 44, 52, 101, 163–165, 167, 173, 174, 191, 192, 196, 197, 290, 292, 309, 310, 334, 336, 389, 460, 682, 691, 939, 957, 966, 980
Цебрикова М.К. 645, 648
Цейтлин М.О. – см.: Цетлин М.О.
Церетели И.Г. 614, 798, 835
*Церковник 368
Цеткин К. (Zetkin C.) 626
Цетлин Е.Ш. (О.С.) 783
Цетлин М.О. 13, 16, 26, 35, 36, 101, 180, 187, 190, 217, 220, 221, 259, 260, 278, 281, 324, 330, 346, 347, 419, 421, 444, 468, 470, 557, 717, 719, 720, 724, 740, 741, 742, 764, 783, 815, 836–838, **924**, **938**, 940
Цетлин (Цетлина) М.С. 18, 216–219, 221, 237, 259, 260, 277, 278, 280–282, 324, 326, 444, 557, 783, 797, 810, 813–815, 818, 836–838, **938**
Цетлин-Доминик А.М. 216, 280, 281, 701, 702
Циглер Р. (Ziegler R.) 953
Цитрон И.Л. (Tsitron Sh. L.) 433, 439, 443, 445, 464
Цуриков В.А. 579
Цуриков Н.А. 578, **579**, 580, 589
Чаадаев П.Я. 174
Чайковский Н.В. 215, 217, 272, 779, **780**
Чайковский П.И. 955
Чаплин Г.Е. 460
Чекан А.И. 849, 870, **871**
Чеккини К. (Cecchini C.) 963
Чекунов И.С. **745**
Чельшев Е.П. 7
Чериковер И.М. 452
Чернавин В.В. 202, 203
Чернавина Т.В. 165, 167, 171, 172
Черная М.И. – см.: Гликберг-Черная М.И.
Чернов В.М. 108, 109, 115–118, 120, 133, 134, 151, 178, 179, **228**, 229, 231–235, 295, 604, **605**, 616, 629, 777
Чернова А.В. **552**
Чернояров Г.Д. **689**
*Черный С. (Гликберг А.М.) 679, 697, 712, 722
Чернышевский Н.Г. 924
Чертков В.Г. 584
Черток Л. 890, 891
Четвериков Серг. Ив. (промышленник) 377, **378**, 380, 382, 383, 402, 403
Четвериков Серг. Ив. (протоиерей Сергий) 848, 853, 855, **856**, 863, 865
Четверикова А.С. **853**
Чехов А.П. 171, 264, 268, 271–273, 318, 438, 546, 549, 583, 599, 600, 642, 683, 686, 694, 715, 736, 758, 759, 912, 913, 919, 927, 930
Чижевский Д.И. (Čyževskij D.) 40, 104, 105, 107, 120, 128, 129, 131–133, 136, 145, 147, 148, 155–157, 167, 168, 170, 171, 330, 712, 846–848, 956, 964
Чириков Е.Н. 191, 193, 231, **232**, 848
Чистякова Н.А. 98
Чуваков В.Н. 7
*Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 249, 250, 254, 438, 439, 444, 460, 488, 531
Чулков Г.И. 421, 925, 975, 976
Чулков М.С. 490
Чупров А.А. 102
Чупров А.И. 508
Шабанова А.Н. 548
Шабловский И.С. 433, 449, 451, 454, 490, 514, 595, 596, **597**
Шайкевич А.Е. 835
Шайкевич М.А. 835, **836**
Шалит И.С. 646, **648**

- Шаляпин Ф.И. 546, 547, 670
 Шапиловский В.П. 164, **165**, 166–168
 Шапиро Б.Е. (Б.И.?) 704–706, 710
 Шапиро И.С. **704**
 Шаршун С.И. 881
 Шаскольский В.П. **114**, 117
 Шаскольский П.Б. 114
 Шах Е.В. 710, **712**
 Шахматов А.А. 610, 614, **615**
 Шаховская З.А. 679, 686, 689, 690, 698, 740, 911, 931
 Шаховской Д.А. (архиепископ Иоанн) 327, **328**, 336, 345, 861, **862**
 Шац-Анин М.У. 451
 Шац-Анина Ф.С. 451
 Шац-Марьяш Р.М. 451
 Шацкий Б.Е. 342, 343, **429**
 Шварц Мих. Н. 197, 198, 693, 694, 721
 Шварц Морис 783
 Шварц С. 693, 694
 Шварцбард Ш. 452, 453, **485**
 Шварцман Я.И. **692**, 707
 Шварцманы 692, 708, 710
 Шевченко Е.С. 333
 Шевченко Т.Г. 663–667, 669, 672
 Шекспир У. (Shakespeare W.) 419, 471, 501, 702, 954
 Шелохаев В.В. 6, 7
 Шенье А. (Chénier A.) 501
 Шерман С.Г. (*Савельев А.) 53, 57, 88, 153, 154, 720, 758
 Шескин М. 446
 *Шестов (Шварцман) Л.И. 618
 Шефтель Я.М. **839**
 Шехтман И.Б. 443
 Шик А.А. **692**
 Шик Г.А. **692**
 Шик Е.М. 692, 707, 708, 710
 Шик С.Я. 692, 708, 710
 Шиловский М.В. 125
 Шингарев А.И. 523, 639
 Ширинская-Шихматова (Савинкова) Е.И. **812**, 837, **838**
 Ширинский-Шихматов Ю.А. 402, **812**, 838
 Шишкин А.Б. 935, 940, 943, 960, 963, 969, 977
 Шкловская М. 488
 Шкловский И.В. (*Дионео) 473, **474**, 782
 Шлецер Б.Ф. (Schloezer B. de) 40, 198, 301–303, 937, 946, 949
 Шмелев И.С. 130, 131, 147, 149, 153, 165, 167, 171, 173, 174, 219, 222, 234, 251, 282, 292, 294, 306, 318, 325, 326, 360, 370, 384–386, 472, 473, 474, 557, 615, 616, 716–719, 721–723, 728, 753, 768, 876, 913
 Шмидт П.П. 343, **344**, 345
 Шомракова И.А. 372, 890
 Шопен Ф. (Chopin F.) 551, 553
 Шор Е.Д. 939, 946, **948**, 951, 953, 956
 Шор О.А. 937–939, 942, 943, 952, 958, **960**, 963, 964, 980
 Шорникова Е. 631
 Шоу Дж.Б. (Shaw G.B.) 278, 280
 Шпенглер О. (Spengler O.) 198
 Шпис М. 905
 Шполянская Е.А. («Леночка») 697, 698, 701, 702, 704, 707–710
 Шполянская Н.М. **689**, 691, 693, 696, 697, 699, 702, 704–710
 Шполянский А.П. — см.: *Дон-Аминадо
 Шрейдер Г.И. **777**, 778
 Шруба М. (Schruba M.) 6, 37, 95, 106, 372, 761, 841, 980
 Штейн Р.И. 204, **205**
 Штейн С.И. **97**, 197, 198, 202–205
 Штерн С.Ф. 300, **301**
 Штернберг Л.Я. 441
 Штребель Г. (Ströbel H.) 774, **775**
 Шуб К. (Е.) 708
 Шуган О.В. 444
 Шульгин В.В. 229, 232–235, 243, 248, 285, 318, 598
 Шульман Э.А. 682, 684, 696
 Шульц А.Э. 468, **470**, 500
 Шумаков Ю.Д. **411**
 Шумихин С.В. 927, 949
 Шумкин Г.Н. 849, 871, **872**
 Шумкина А.Ф. 871, **872**
 Шумова В.П. 7
 Щегловитов И.Г. 542, 586, **588**, 589, 590, 597
 Щеголев П.Е. 631
 *Щедрин Н. — см.: Салтыков-Щедрин М.Е.
 Щепкина-Куперник Т.Л. 434, 442
 Щербаков М.В. 102, 329, 340
 Щупак (Штейнберг) Н.Е. 837
 Элиот Т.С. (Eliot T.S.) 980
 Элькин Б.И. 204, **205**

- Эльяшевич В.Б. — см.: Ельяшевич В.Б.
 Эльяшов (Эльяшев) М.Е. **450**, 451, 468
 Эммонс Т. (Emmons T.) 8
 Эрве Г. (Hervé G.) 236, **237**
 Эренбург И.Г. 268
 Эррио Э. (Herriot E.) 224, 626, **627**
 Эсхил 659, 943, 944, 950, 976–978, 982, 984
 Эфрон С.Я. 340, 911, 939, 957
 Эфрон-Литвин С.К.: 436, 437
- Юнг К. (Jung C.G.) 143, 144
 Юнгер Э. (Jünger E.) 151
 Юренев В.Н. 501
 *Юрьевский Е. — см.: Вольский Н.В.
 Юшкевич С.С. 231, **232**, 246, 249, 251, 344,
 517, **518**, 716
 Ющинский А.Ф. 436
- Яблоновская М.И. 502
 Яблоновский А.А. 225, 318, 499, **502**, 724,
 794, 795
 *Яблоновский (Потресов) С.В. **92**, 251,
 318
 Яворская (Барятинская) Л.Б. 444
 Якоби Н.Б. 501
 Якоби П.Н. 454, 490, 498, **501**, 503, 508,
 514, 528, 538, 539
 Якоби (Фрейденберг-Якоби) Р. 423
 Яковенко Б.В. 106, 169, 957
 Яковлев 510
 Яковлев А.Н. 436
 Яковлев И.И. 772
 Яковлева К.В. 311
 Якубович П.Ф. 442
 Якубович П.Я. 711
 Якушев И.А. 104, 124, **125**
 Янгиров Р.М. 679–681, 690
 Яновский В.С. 552, 642, 769, 907, 917, 927
 Янцен В.В. (Janzen W.) 712
 Ярблом М.Б. 565, **566**, 642, 644, 654
 Яффе Л.Б. 437
- Albaret A. 156
 Alpatov M. (Алпатов М.В.) 15, 21, 175
 Amfiteatrov A. — см.: Амфитеатров А.В.
 Ammende E. 192, 193
 Anagnine E. 969
 Anselme de Cantorbéry 107
- Archangelská L. — см.: Архангельская Л.В.
 Armando A. 98
 Armstrong H.F. 782, **783**
- Barbasso D. 98
 Baroni A. 98
 Barth 179
 Bellange P. 683
 Berdjajew (Berdiaev) N. — см.: Бердяев Н.А.
 Bernard T. 90, 683, 684
 Bernstein E. — см.: Бернштейн Э.
 Bezděková V. 99
 Billig B. 448
 Biolato Mioni A. 969
 Bird R. 579, 947
 Bobe M. (Бобе М.) 433, 450, 470, 476
 Bodmer M. 977
 Bonifacy, madame 258, 269, 291
 Bourgeois É. 156
 Broccolini G. 98
 Brom L. 882
 Brunov N. (Брунов Н.И.) 15, 21, 175
 Buber M. — см.: Бубер М.
 Bunyan J. 769
 Buxton D.R. 15, 21, 175
- Cajola M. 969
 Calo Giampuzzi R. 98
 Calusio M. 51
 Carabillère Ch. 683
 Caratozzolo M. — см.: Каратоццоло М.
 Caro L. **160**
 Carr E.H. 105
 Casimir E. 220
 Cerazova A. 138
 Ciurlionis M.K. 16
 Cole G.D.H. 105, 143, 144, **145**
 Corbin H. 200
 Čyževskij D. — см.: Чижевский Д.И.
- Damiani E. 969
 Daver, madame 258
 Davies R. — см.: Дэвис Р.
 Davis A. 786
 *Dekobra M. — см.: *Декобра М.
 De Man H. — см.: Де Ман Г.
 Denišenko N. 99
 Derichsweiler C. 775
 Dewey J.— см.: Дьюи Дж.

- Dienes L. (Диенеш Л.) 51, 53, 57, 58
 Dimitrov G. 192, 193
 Dolghin V. 99
 Dostoevskij (Dostojevskij) F.M. — см.: Достоевский Ф.М.
 Бурић О. — см.: Джурич О.
 Eckstein F. 104
 Fisher H.H. 176, 769
 Fleishman L. — см.: Флейшман Л.С.
 Folkierska A. 98
 Freiburger Sheikhholeslami E. 340
 Fuchs 448
 Fuchs F. 961, 962, **963**
 Fülöp-Miller R. 104
 Gally, врач 810
 Gaňčikov L. 97, 969
 Garçon M. 683
 Gasparini E. 969
 Gavricheff, madame 76
 Gentile G. 98, 99
 Gesemann G. **180**
 Giovanniello V. 98
 Giusti W. 969
 Göbler F. 294
 Gogol N. — см.: Гоголь Н.В.
 Goldshtein A. 444
 Gonč V. 98
 Gorfinkel C. 786
 Gorlin M.G. (Горлин М.Г.) 15
 Gorodetzky N. — см.: Городецкая Н.Д.
 Grabar A. 14, 15, 30, 31
 Gregory, Mr. 815
 Groeger W.E. 948
 Gurwitsch G. — см. Гурвич Г.Д.
 Hackel A.A. 15, 20, 31
 Hans N.A. (Ганц Н.А.) 97–99, 104, 143, 144, 164, 847, 851
 Harper S.N. 105, 143, 144
 Hartmann N. 107
 Hegel G.W.F. — см.: Гегель Г.В.Ф.
 Herpner B. 803
 Hessen S. — см.: Гессен С.И.
 Hoffman E.T.A. 15
 Hollmack F.A. 140
 Horák J. 137
 Hufen Ch. (Хуфен К.) 945, 948, 949, 952
 Hughes R.P. 311
 Huxley A. — см.: Хаксли О.
 Ignatiev P.N. 143
 Ishay M.R. 100, 206
 Jevakhoff A. 51
 Johannot H. 860, **861**
 Kerensky (Kerenski) A.F. — см.: Керенский А.Ф.
 Keyserling H. 816, 948
 Kierkegaard S. — см.: Кьеркогор С.
 Kojevnikov A. 200
 Kolchak A. — см.: Колчак А.В.
 Kondakov N.P. — см.: Кондаков Н.П.
 Kovalevsky P. — см.: Ковалевский П.Е.
 Kouřé A. — см.: Койре А.В.
 Kroner R. — см.: Кронер Р.
 Kula R. 97
 Lamblot-Moskova 686
 Lange U. 294
 *Lenin (Lénine) V. — см.: *Ленин В.И.
 Leskov N.S. — см.: Лесков Н.С.
 Lieb F. **147**
 Liegle L. 98
 Livak L. — см.: Ливак Л.
 Ljackij E. — см.: Ляцкий Е.А.
 Lombardo Radice G. 98, 206
 Longuet J. — см.: Лонге Ж.
 Lowtzky F. 15, 31
 Maritain J. — см.: Маритен Ж.
 Matveev L. 176
 Maver G. 969
 Maynard 30
 Mazzetti R. 98
 McFadden D. 786
 McLean H. 311
 Meisel 648
 Meyer-Bothling H. 98
 Mirsky D.S. — см.: Святополк-Мирский Д.П.
 Molè V. — см.: Моле В.
 Montessori M. 99, 206
 Morici G. 969
 Muratov P.P. — см.: Муратов П.П.
 Nawroczyński B. 97
 Neri R. 98

- Nikitin S. 786
Nitti F. 775
*N.N. — см.: Нагловский А.Д.
Novgorotsev P.J. — см.: Новгородцев П.И.
Nowacki T. 201
- Odinetz D. — см.: Одинец Д.М.
Ossorguine-Bakounine T. — см.: Бакунина-Осоргина Т.А.
- Pachmuss T. — см.: Пахмусс Т.А.
Pares B. 135, **137**
*Parvus — см.: *Парвус А.Л.
Patočka J. 99
Pavārs A. 482
Pellegrini A. — см.: Пеллегрини А.
Penty A.J. 104
Pierre A. 793, 803
Placidi 949
Platt A. 803
Platzer 144, 145
Poggioli R. 969
Pohorecká Ž. 99, 195
Poiret P. 683
Portiguel 706
- Rádl E. **121**
Raevsky-Hughes O. (Раевская-Хьюз О.) 311
Rageot T. 198
Rapschinsky B. 803
Raymond E.T. 474
Reichelt S.G. 948
Riggio P. 98
Romanowski N. 803
Rostand M. 683
Rudman 829
- Sack A.J. 771
Salvini L. 98
Schakhovskoy D. 728
- Schlesinger H. 122, **123**
Schloezer B.F. — см.: Шлецер Б.Ф.
Schlögel K. 8
Schubart W. 16, 34
Schwartz Sh. 436
Sénéchal Ch. 816
Shedd C.P. 861
Smith G.S. 939
Sosnovsky A. 84
Steiner H. 977
Stephens, Mrs. 33
Strunsky M.G. — см.: Струнская М.Е.
- Taube O. Frh. v. 948
Todisco N. 98
Tolstoi (Tolstoj) L.N. — см.: Толстой Л.Н.
Tommasini A. 963
Tsitron Sh. L. — см.: Цитрон И.Л.
- Urbain 709
- Varga E. — см.: Варга Е.С.
Varneck E. 769
Venclova T. 579
Vinaver R.G. (Винавер Р.Г.) 592
Volpicelli L. 98, 99
- Wachtel M. — см.: Вахтель М.
Walicki M. — см.: Валицкий М.
Watkin, Ms. 810, 811
Weidhaas H. 175
Weizsäcker V. v. 961
Whalley, Mrs. 30, 32
Wieczorek Z. 98
Worobiow N. 16
Wulf (Wulff) O. 15, 21, 175
- Zander L. — см.: Зандер Л.А.
Zeil W. 100
Zieleńczyk A. 99, 164

Содержание

Условные сокращения	5
«Не думайте, что я забыл “Современные записки”»: В.В. Вейdle / Публикация, вступительная статья и примечания <i>О.А. Коростелева</i>	9
«Теперь такие времена, что надо сказать что-то решительное и глубокое о диктатуре и демократии. “Современные записки” именно это ставят своей целью»: Б.П. Вышеславцев / Публикация, вступительная статья и примечания <i>М. Вендитти и М. Шрубы</i>	37
«Если в чем-нибудь я строго следую традициям русской литературы, то именно в вопросе об авансах»: Г.И. Газданов / Публикация, вступительная статья и примечания <i>М. Вендитти</i>	49
«Можете рассчитывать на мое сотрудничество»: С.И. Гессен / Публикация, вступительная статья и примечания <i>О.А. Коростелева и М. Шрубы</i>	95
«Не везет мне с “Современными записками”»: З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский и В.А. Злобин / Публикация, вступительная статья и примечания <i>Н.А. Богомолова</i>	207
«Мне всегда тяжело дышать там, где меня неласково принимают»: О.О. Грузенберг / Публикация, вступительная статья и примечания <i>В.И. Хазана</i>	431
«Был алкоголь. Была тоска. Безумно жаждал Вишняка»: Дон-Аминадо / Публикация, вступительная статья и примечания <i>М. Каратоццоло</i>	677

«Пусть уж пишут о нас критики и теоретики, вкривь и вкось, а мы свое дело будем делать»: Б.К. Зайцев / Публикация, вступительная статья и примечания Э. Гарэтто и О. Ростовской	713
«И мне близки интересы “Современных записок”!»: В.М. Зензинов / Публикация и примечания О.А. Коростелева и М. Шрубь; вступительная статья М. Шрубь	761
«“Современные записки” всегда живо отзывались на запросы духовной жизни»: В.В. Зеньковский / Публикация, вступительная статья и примечания М. Вендитти и М. Шрубь	841
«Напечатали за все время только 2 отрывка – и сколько в этих журналах за эти годы было напечатано ерунды»: Л.Ф. Зуров / Публикация, вступительная статья и примечания И.З. Белобровцевой	873
«С литературой общаюсь только по вечерам, да по воскресеньям»: М.Д. Иванников / Публикация, вступительная статья и примечания А.А. Данилевского	909
«О прозе для “Современных записок” обещаю серьезно подумать. А покамест все угощаю Вас стихами»: В.И. Иванов / Публикация, вступительная статья и примечания А.Б. Шишкина	935
Указатель имен	989

«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
(Париж, 1920—1940)
Из архива редакции

Том 3

Редакторы-составители *О. Коростелев, М. Шруба*
Художник *С. Тихонов*
Корректор *О. Семченко*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 63,5. Тираж 1000. Заказ №8321
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В настоящем издании публикуется
основная часть сохранившейся
редакционной переписки
«Современных записок», важнейшего
литературно-общественного журнала
русской эмиграции первой волны.
В числе корреспондентов журнала,
представленных в третьем томе, —
В.В. Вейдле, Б.П. Вышеславцев,
Г.И. Газданов, С.И. Гессен, З.Н. Гиппиус
и Д.С. Мережковский, О.О. Грузенберг,
Дон-Аминадо, Б.К. Зайцев, В.М. Зензинов,
В.В. Зеньковский, Л.Ф. Зуров,
М.Д. Иванников, В.И. Иванов.

ISBN 978-5-444-80041-6

9 785444 800416

3

«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ». ПАРИЖ, 1920—1940
ИЗ АРХИВА РЕДАКЦИИ